

Коллекция биографий
Сто замечательных финнов
вышла на русском языке.
Биографий могут быть прочитаны
также в Интернете (pdf).

Электронная версия Национальной биографии Финляндии на русском языке

Национальная биография представляет собой коллекцию биографий 6 000 граждан Финляндии, которая была создана в результате работы более 700 исследователей в рамках проекта Исторического Общества Финляндии в 1993–2001 гг. За редактирование статей отвечает Биографический центр Общества финской литературы. Биографии коллекции издаются в серии книг «Национальная биография» и в Интернете, в настоящее время на финском, английском и русском языках.

В русскоязычный сайт Национальной биографии Финляндии было избрано сто биографий видных деятелей страны. Печатная версия данных биографий была опубликована в марте 2004 г. под названием *Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий*. Издатель – Общество финской литературы.

Каталог страниц на сайте

Предисловие редактора

Ида Аалберг (1857–1915) актриса

Алвар Аалто (1898–1976) архитектор

Микаэль Агрикола (ок. 1510–1557) епископ Туркуской епархии

Аксель Айро (1898–1985) начальник Генерального штаба

Айно Акте (1876–1944) оперная певица

Сантери Алкио (1862–1930) депутат парламента

Антти Альстрём (1827–1896) промышленник

Адольф Арвидссон (1791–1858) вдохновитель национального движения

Густав Армфельт (1757–1814) председатель Комиссии финляндских дел

Юхани Ахо (1861–1921) писатель

Мартти Ахтисаари (1937 –) Президент Республики

Мика Валтари (1908–1979) писатель

Вильгельм Вальфорс (1891–1969) Генеральный директор Концерна «Вяртсиля»

Хенрик Ванберг (1630–1709) председатель крестьянского сословия

Вернер Векман (1882–1968) олимпийский чемпион

Эдвард Вестермарк (1862–1939) социальный антрополог

Арттури Виртанен (1895–1973) профессор химии

Юхан Гадолин (1760–1852) профессор химии

Аксели Галлен-Каллела (1865–1931) художник

Якоб Де ла Гарди (1583–1652) маршал

Арвид Горн (1664–1742) президент канцелярии

Рагнар Гранит (1900–1991), профессор физиологии

Эдвард Гюллинг (1881–1938) член Совета народных уполномоченных

Яакко Илкка (умер в 1597 г.) предводитель в Дубинной войне

Каарина Маунунтютар (1550–1612) королева Швеции

Эйно Калима (1882–1972) руководитель театра

Кюёсти Каллио (1873–1940) Президент Республики

Пер Кальм (1716–1779) профессор экономики

Минна Кант (1844–1897) писательница

Аврора Карамзина (1808–1902) общественный деятель

Маттиас Кастрен (1813–1852) профессор финского языка и литературы

Урхо Кекконен (1900–1986) Президент Республики

Илмари Кианто (1874–1970) писатель

Алексис Киви (1834–1872) писатель

Валентин Кипарский (1904–1983) профессор славянской филологии

Мауно Койвисто 256 (1923–) Президент Республики

Вихтори Косола (1884–1936) руководитель Лапуаского движения

Карл Улоф Крунстедт (1756–1820) вице-адмирал

Матти Куриikka (1863–1915) социалист-утопист

Отто Вилле Куусинен (1881–1964) премьер-министр Терийокского правительства по делам просвещения

Рубен Лагус (1896–1959) егерь

Лалли (умер ок. 1160) крестьянин, убийца святого Хенрика

Эйно Лейно (1878–1926) писатель

Элиас Лённрот (1802–1884) создатель «Калевалы»

Йоел Лехтонен (1881–1934)

Вяйнё Линна (1920–1992) писатель

Фанни Луукконен (1882–1947) руководитель организации «Лотта Свард»

Олаус Магни (ок. 1405–1460) епископ Турку

Густав Маннергейм (1867–1951) Президент Республики

Оскар Мериканто (1868–1924) композитор
Лео Мехелин (1839–1914) вице-председатель хозяйственного
департамента сената
Рольф Неванлинна (1895–1980) профессор математики
Вилхо Петтер Ненонен (1883–1960) генерал артиллерии
Адольф Эрик Норденшельд (1832–1901) путешественник-исследователь
Сантери Нуортева (1881–1929) журналист
Пааво Нурми (1897–1973) олимпийский чемпион
Паавали (Павел) (1914–1988) архиепископ православной церкви
Олави Пааволайнен (1903–1964) писатель
Юхо Кусту Паасикиви (1870–1956) Президент Республики
Альма Пиль (1888–1976) дизайнер ювелирных изделий
Хенрик Габриэль Портан (1739–1804) историк
Кнут Поссе (впервые упоминается в 1452 г., умер в 1500 г.) статский
советник
Калле Пяятало (1919–2000) писатель
Уолеви Рааде (1912–1998) исполнительный директор АО «Несте»
Эйно Рахья (1885–1936) революционер
Лаури Кристиан Реландер (1883–1942) Президент Республики
Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877) национальный поэт Финляндии
Пааво Руотсалайнен (1777–1852) руководитель pietистского движения
Юрьё Рууту (1887–1956) политик
Ристо Рюти (1889–1956) Президент Республики
Пер Эвинд Свинхувуд (1861–1944) Президент Республики
Эдит Сёдергран (1892–1923) поэтесса
Ян Сибелиус (1865–1957) композитор
Уно Сигнеус (1810–1888) главный инспектор народных школ
Мийна Силланпяя (1866–1952) министр социальной защиты
Франс Эмиль Силланпяя (1888–1964) писатель
Йохан Снельман (1806–1881) сенатор
Георг Спренгтпортен (1740–1819) финляндский генерал-губернатор
Каарло Юхо Стольберг (1865–1952) Президент Республики
Йоханнес Таканен (1849–1885) скульптор
Мартти Талвела (1935–1989) оперный певец
Пааво Талвела (1897–1973) пехотный генерал
Вяйнё Таннер (1881–1966) премьер-министр
Цахрис Топелиус (1818–1898) писатель
Эрик Аксельссон Тотт (приблизительно 1418–1481) регент Швеции
Клаус Флеминг (ок. 1535–1597) государственный советник
Тарья Халонен (1943–) Президент Республики
Текла Хултин (1864–1943) депутат парламента
Андерс Чудениус (1729–1803) писатель
Андерс Йохан Шёгрэн (1794–1855) историк
Хелене Шерфбек (1862–1946) художница
Альберт Эдельфельт (1854–1905) художник
Карл Людвиг Энгель (1778–1840) архитектор
Августин Эренсверд (1710–1772) фельдмаршал
Арвид Адольф Этолен (1798–1876) вице-адмирал
Арво Юльппё (1887–1992) профессор педиатрии
Георг Захариас Юрьё-Коскинен (1830–1903) сенатор
Даниэль Юслениус (1676–1752) епископ Скара
Туве Янссон (1914–2001) писательница
Арвид Ярнефельт (1861–1932) писатель

Предисловие редактора

Цель настоящей публикации – познакомить российских читателей с некоторыми персонажами из финской истории, рассказав их короткие биографии. Поскольку количество этих небольших биографических повествований ограничено сотней, а при этом они призваны отразить более чем тысячелетний период времени, становится ясно без лишних слов, что отбор возможных кандидатов из общей массы необходимо было делать твердой рукой. Одним из принципов, которым издатели руководствовались при отборе, стал наиболее широкий охват представителей различных областей жизни, сословных, социальных и других групп. Однако публикация отнюдь не ставит своей целью достичь статистического «равноправия», что было бы, наверное, бессмысленной задачей.

Эта публикация выходит в серии «Национальная биография», выпуски которой издаются на многих языках, поэтому было сочтено целесообразным подобрать для издания на каждом языке в какой-то степени специальный состав биографий. Так, в русскоязычном выпуске представлены деятели, которых нет в англоязычном, и наоборот. Таким образом отведено больше места людям, которые представляют интерес именно с точки зрения финско-русских отношений. К сожалению надо признать, что в силу различных обстоятельств места оказалось все равно недостаточно. Поэтому, например, из тысяч финских офицеров, сделавших карьеру в России, можно было взять только нескольких. Это же относится и к бежавшим или иным способом перебравшимся из Финляндии в Россию. Вообще можно констатировать, что в целом из России в Финляндию переехали очень немногие помимо вернувшихся домой финляндских жителей, которые проживали в России, ибо даже во времена Великого княжества в 1809–1917 годах многое зависело от законодательных препятствий. Эта группа представлена в публикации тоже также очень ограниченно.

Помимо этого было решено отбирать тех деятелей, которых к моменту написания биографии уже не было в живых. Исключение составляют Президенты Республики: биографии их всех включены в публикацию. Также критерием отбора было наличие с большей или меньшей вероятностью у описываемого персонажа финского идентитета. При отборе деятелей более раннего времени, идентичность которых далеко не всегда поддается однозначному толкованию, приходилось основываться более на предположениях и гипотезах. Есть основания считать, что в мировоззрении и политических стремлениях, например, рыцаря Эрика Тотта Финляндия занимала основное место. Тоже самое относится и к личностям наместника Финляндии Клауса Флеминга или епископа Томаса, жившего в 13 веке, а вот, например Карл Бонде, который был командиром крепости в Выборге и королем Швеции, наверное, все-таки относится к скандинавской части державы. Также видимо не вполне соответствует обозначенному нами принципу отбора такая

выдающаяся личность в истории Финляндии как Якоб де ля Гарди, который в смутное время воевал на территории России и продвинулся до Москвы. Зато к группе обладающих финской идентичностью можно, пожалуй, отнести несчастную королеву Каарин, супругу короля Эрика XIV, также как и адмирала Крунштета, жизненный путь которого включал в себя как блестящую победу, так и позорную капитуляцию, так как оба провели последние годы жизни в Финляндии. Важную роль в финской истории сыграл в эпоху Возрождения двор герцога Юхана в период его Финляндского герцогства в 16 веке, но так как позже герцог стал королем Швеции Юханом III, то более естественно считать его персонажем шведской истории. У известных людей зачастую повидимому «финский идентитет» относился только к части их жизни, а на какой-нибудь другой жизненной ступени его мог преодолеть английский, скандинавский, немецкий, русский или французский. Особенно часто в 18 и даже до конца 19 века меняла Родину воинская каста, имевшая влияние в верхах общества: языковые проблемы были редкостью в этом кругу.

Читатель может подумать, что «финскость» была до 1809 года безусловным анахронизмом, что речь может идти только о Швеции и что всех общественных деятелей, бывших влиятельными в Финляндии, надо считать шведами. Однако все не так просто. Хотя Финляндия и была собственно частью шведской державы (а не считалась примыкающей к ней провинцией как Ингерманландия или балтийские и немецкие провинции), она имела свой определенный идентитет, который проявился как в административном делении (Финляндское Великое княжество, Финляндское герцогство в 16 веке и т.п.), так и даже в интонациях шведского языка, на котором говорили на восточном берегу Ботнического залива. Что касается шведского языка, то он не был первичным определяющим идентитет фактором до 19 века, не является им и сейчас. Для русского читателя необходимо подчеркнуть в этой связи, что жизнь в Финляндии коренным образом отличалась от жизни в балтийских провинциях Швеции: в стране никогда не было крепостничества, и население не разделялось на сословия по языковым границам как в Балтии, где немецкий идентитет означал также и принадлежность к дворянству или буржуазии. К 17 веку в Финляндии дворянство и буржуазия стали преимущественно шведоязычными, тогда как большинство крестьянства говорило по-фински и только меньшинство – по-шведски. Чтобы попасть в ученое сословие, всем надо было учить латынь, а духовенству и судьям еще и знать финский. В 17 веке в шведском государстве важным административным языком был также немецкий. Надо также отдельно заметить, что в Финляндии у человека со шведоязычной фамилией родным языком совсем не обязательно является шведский. Существуют тысячи и тысячи родов со шведоязычными фамилиями, но для их представителей шведский язык никогда не был родным, а многие даже не знали его вообще. В начале 20 века сотни тысяч людей даже изменили свои шведские по звучанию

фамилии на финские. Начиная с 19 века в Финляндии господствовало представление, согласно которому национальную самобытность человека определяет не язык, на котором он говорит, а его «сознание», другими словами то, как он соотносит себя с широкими народными массами, стремится ли он отождествить себя с ними или отделиться от них («два языка – одно мышление»). Эта «финская идея» не осталась без критики, но со второй половины 19 века до настоящего времени ее можно считать доминирующей. Согласно этой идее в Финляндии было принято рассматривать период до 1809 года как часть своей истории, а не как историю завоевателя и угнетателя. Таким образом, история Финляндии – это общая со шведской державой судьба, ее религиозное и культурное наследие и политическая борьба против общих врагов, от притязаний католического германского императора до русского православного царя и датской и польской династии и ганзейского экономического давления. В отличие от шведского языка, который является вторым государственным языком, а в свое время имел статус первого языка страны, русский язык всегда использовался мало. Исключение составляли, пожалуй, два населенных пункта на Карельском перешейке: Кююреля (Красное село) и Райвола, куда русское население было переселено на службу в дворянские поместья в 18 веке. Русскоязычными были также несколько купеческих родов в Выборге и Хельсинки, многие из которых ассимилировались уже в 19 веке. Из-за широкой автономии Финляндского Великого княжества языками управления в нем почти все время в период 1809–1917 года были шведский и финский, русский язык применялся за редким исключением только в канцелярии генерал-губернатора. Хотя в Финляндии православие исповедовало примерно двухпроцентное меньшинство, которое проживало главным образом на территориях, присоединенных по Столбовскому мирному договору (1617), в конце 19 века русское население составляло всего лишь около шести тысяч человек или 0,2 процента от трёх миллионов. Принципиально измениться положение начало только с 90-ых годов 20 века.

Период Великого княжества (1809–1917 годы) был временем большого подъема финского государственного самосознания и развития национальной идеи. Хотя страна и не была независимой, она была отдельной от всей державы единицей, управление которой осуществлялось на основе собственных законов. Финны в такой степени ощущали свою близость с государем, что их назвали самими верными подданными царя. Но перспектива обрусения пугала финнов. В русском обществе для финнов были чужими как язык и религия, так и законы, и общественный порядок. В любом случае, пока перспективы обрусения не актуализировались, отношения между финнами и русскими все время оставались хорошими вплоть до 1899 года, когда их испортили начавшиеся попытки русифицирования. По разным причинам национальное противостояние сохранялось с тех пор и до окончания второй мировой войны, когда отношения постепенно стали улучшаться и со временем стали даже превосходными.

Хотя во времена Великого княжества в Финляндии проживало очень мало русских, из Финляндии в Россию переезжало относительно много народу. финнов служили в метрополии царскими офицерами или другими чиновниками. Часть из них сохранила финский идентитет, часть – нет. Зачастую невозможно выяснить, насколько тесной или существенной для них была связь тех или иных персонажей с Финляндией по этой причине в публикацию не включен, например, служивший военным министром с 1905 по 1909 гг. А.Ф. Редигер. По этой же причине в рассматриваемую группу тоже не входят такие личности как Александра Коллонтай или комендант Кронштадта адмирал Вирен, который был убит в 1917 году.

Не все персонажи, биографии которых вошли в публикацию, были так называемыми великими историческими деятелями. При отборе скорее старались охватить наиболее широкий круг людей, чем отыскать в нем интересные редкости. К сожалению, в контексте финско-русских отношений выдающимися являлись прежде всего различные военные герои, – от крестьянских вождей до генералов. Хотя эта группа довольно многочисленна, в публикации пришлось ее ограничить только парой примеров. Выбор личностей, представляющих интерес в свете финско-русских связей периода потепления отношений после второй мировой войны до настоящего времени с учетом указанных нами критериев отбора отчасти невозможен, а также, видимо, преждевременен, поэтому эту группу в публикации представляют прежде всего лишь президенты Паасикиви и Кекконен.

В области культуры так называемая популярная культура осталась в данном издании практически без внимания: ее рассмотрение, видимо, более естественно осуществить в какой-нибудь другой связи. Может показаться, что литературной среде отводится слишком много внимания, но это соответствует духу выбранного времени. То же относится и к малому числу приведенных женских биографий. В далеком прошлом, особенно период до 19 века, обстановка, в которой проходила жизнь женщины, была ограничена домом и будничными заботами, и поэтому женское влияние на общественную жизнь было редким.

Цель данной публикации – дать читателю некоторое представление о том, какие разнообразные люди внесли свой вклад в историю Финляндии. Хочется надеяться также, что эта публикация поможет понять, какое место занимает Финляндия в том сложном целостном организме, который мы называем Европой и в котором всегда ощущалось влияние как Швеции и России, так и государств Центральной Европы и более отдаленных европейских стран. Именно это влияние, осязаемое и в Финляндии, постоянно воздействовало на жизнь разных людей, из которых в конце концов и сформировались все народы и нации мира.

Тимо Вихавайнен

Ида Аалберг
(1857–1915)

актриса

Ида Аалберг была первой настоящей звездой финского театра. Неоспоримо ее значение как непосредственно для Финского Театра под руководством Каарло Бергбума, так и для пробуждающейся финской культуры в целом. Ида Аалберг достигла выдающегося успеха также и на зарубежных подмостках. Глубоко почитаемая актриса снискала в Финляндии статус едва ли не национального символа.

Впервые Ида Аалберг выступила на сцене в 1874 г. на вечере, организованном в усадьбе Сипиля в Леппякоски, Янаккала. Ее интерес к театру был настолько велик, что когда Финский Театр в том же году оказался неподалеку на гастролях, шестнадцатилетняя дочь дорожного мастера сбежала из дома и поехала в Хямеенлинна, чтобы присоединиться к труппе. Сказочная история о бедной девочке, которая оставила свою семью, чтобы осуществить мечту, стала одной из страниц легенды Иды Аалберг. Интерес к культуре появился все же не на пустом месте. Хотя Аалберг жила в весьма скромных условиях, с помощью друзей семьи она получила образование, которое не слишком сильно отличалось от воспитания девочек из привилегированных слоев того времени. Знание шведского и немецкого языков позднее сыграло большую роль в ее карьере.

В первые годы в Финском Театре (1874–1877) Ида Аалберг сыграла множество небольших ролей в разных спектаклях, а также работала ассистентом во время оперных выступлений. Но интерес публики к ее игре проявился лишь после успеха в роли Бориски в венгерской пьесе *«Деревенский негодяй»* в 1877 г. В 1878 и 1880 гг. Аалберг училась актерскому мастерству у известной немецкой актрисы Марии Ниман-Сеебах. Помимо обучения анализу роли, сценической речи и актерскому мастерству она изучала немецкий язык. Усвоенный в Германии величественный декламационный стиль, относящийся к так называемому звездному театру, никогда полностью не исчезал из ее творчества. Позднее она, правда, развивала свой стиль в направлении

чувственности ибсеновского реализма, а также заимствовала элементы стиля Сары Бернар и Элеоноры Дюзе.

Обучение вскоре стало приносить плоды. Уже в 1879 г. в Хельсинки Ида Аалберг исполнила две многообещающие роли: главную роль в сценической версии *«Джен Эйр»* Шарлоты Бронте, а также роль Луизы Миллер в пьесе Ф. Шиллера. Первый вкус международного успеха Аалберг ощутила летом 1880 г., во время гастролей по Европе, посетив Мюнхен, Вену и Будапешт. В Будапеште Аалберг выступала перед родственным финно-угорским народом, но особый успех имел финский вариант роли Бориски в *«Деревенском негодяе»*. Естественно, новость о триумфе в Венгрии докатилась вскоре до Финляндии и упрочила статус Аалберг не только как актрисы, но и как своеобразного национального достояния. Бесспорный прорыв в Финском Театре Аалберг совершила в том же году, сыграв Нору в *«Кукольном доме»* Генриха Ибсена. Выступление в Хельсинки вызвало подлинный ажиотаж вокруг персонажа Норы. Это стало также победой нового стиля игры в Финском Театре: актеры просто говорили на сцене, а не произносили речи. Игру Аалберг считали отличным примером этой новой «реалистичной» манеры, в которой основной акцент делался на естественности и живом характере речи вместо тяжеловесного пафоса.

Закрепление за Идой Аалберг статуса популярной исполнительницы главных ролей и ее растущий артистизм, как в комедийных, так и в трагических ролях для руководителя театра Каарло Бергбума означили очень многое. Благодаря хорошей ведущей актрисе репертуар Финского Театра можно было расширить за счет как классических произведений, так и отечественных пьес. С участием Аалберг прошло большое количество финноязычных премьер мировой классики. Следуя за профессиональным ростом Аалберг, Бергбум мог пытаться поднять уровень театра в целом. Гастрольные туры продолжались, но театр Бергбума, начиная с сезона 1879–1880 гг. стал значительно больше выступать в столице. Также стали утверждаться основные направления репертуарной политики Бергбума.

Именно по этой причине в исследованиях, посвященных Иде Аалберг, ее карьера рассматривается, прежде всего, в связи с театром Бергбума и национальными устремлениями. Однако следует заметить, что Аалберг ушла из Финского Театра уже в 1883 г., приобретя прочный статус актрисы. Хотя она выступала в Хельсинки почти каждый год, заметный успех был достигнут ею также и за его пределами, и она отдавала много энергии и сил для развития своей карьеры за границей. За длительной поездкой в Париж с учебными целями в 1883–1884 гг. последовали многочисленные зарубежные ангажементы, а в период с 1885 по 1887 гг. Аалберг выступала в основном за границей. В 1885 г. в Стокгольмском Королевском театре она сыграла на финском языке роль Офелии в *«Гамлете»* Вильяма Шекспира; главную роль исполнял Эрнесто Росси. В столице Норвегии Кристиании (Осло) ее Нора на шведском языке имела большой успеха. В Копенгагене в

1885 г. она была принята в театр «Казино», а с 1886 г. она выступала в театре «Дагмар», сыграв сначала на шведском, а затем на датском языке множество крупных ролей.

Выступления в Финском Театре были для публики на родине показателем ее постоянного профессионального роста. Эти визиты обычно длились несколько недель, и их репертуар состоял из нескольких пьес. Кроме того, театр охотно возобновлял прежние спектакли, на которые Ида Аалберг собирала полные залы восторженной публики. Свадьба Иды Аалберг с известным финноманом Лаури Кивекясом в 1887 г. в финнофильских кругах была встречена с большим воодушевлением. Высказывалась надежда, что благодаря браку актриса постоянно поселится в Хельсинки. Действительно, в Финском Театре в 1887-1889 гг. состоялись новые работы Аалберг, среди них *«Орлеанская дева»* Шиллера, *«Киприотка»* В. Сарду, *«Дездемона»* Шекспира, а также новые интерпретации Ибсена. Однако контракты на выступления надолго задерживали актрису за границей.

В Берлине Иде Аалберг посчастливилось познакомиться с Йозефом Кайнцем, известным актером из труппы герцога Майнингена. В 1890 г. Аалберг удалось с ним исполнить роль шекспировской Джульетты, а также Луизы Миллер. Прием у публики и критики был довольно хорошим, хотя знание Идой Аалберг немецкого языка было недостаточным для сцены. Поездку в Берлин к тому же омрачили некоторые проблемы со здоровьем и в семейной жизни.

Начало 1890-х гг. стало для Иды Аалберг сложным по многим причинам. Из-за своих поездок за границу она начала отдаляться от Финского Театра и его национально-патриотической атмосферы. Не удалось также достичь существенных успехов в иностранных языках. К ее новым успехам в Финском Театре можно отнести новые роли. Это, прежде всего, работы 1891 г.: главная роль в *«Гедде Габлер»* Ибсена, а также роль Кирсти в пьесе *«Смерть Элины»* Густава фон Нумерса. Однако оценки работы актрисы критиками понемногу менялись. Да и театр Бергбума стал меняться, главным образом в направлении ансамблевого подхода и реализма. И все же Ида Аалберг вплоть до своей смерти сохранила свое особое положение великой звезды в финского театра, несмотря на усиливавшиеся критические интонации.

Лаури Кивекяс умер в марте 1893 г. Осенью Ида Аалберг собрала вокруг себя группу актеров и предприняла гастрольную поездку. В репертуаре труппы, носившей имя Аалберг, была, в частности, новая пьеса Минны Кант *«Сюльви»*. Уже в следующем 1894 г. Аалберг вторично вышла замуж за петербургского аристократа барона Александра фон Иксуль-Гюлленбанда. Новость о замужестве была воспринята в Финляндии со смешанными чувствами. Вскоре после свадьбы Аалберг отправилась в гастрольное турне по Скандинавии, организованное Харальдом Моландером, в ходе которого особенно тепло было встречено ее выступление в главной роли в пьесе А. Дюма *«Дама с камелиями»*. Мечты о покорении немецкой сцены также еще

не ослабли. В 1896 г. Аалберг вела переговоры о переходе в труппу герцога Майнингена, но из этого ничего не вышло.

В конце десятилетия болезнь привела к почти трехлетнему перерыву в сценической карьере Аалберг. Последние длительные гастроли Аалберг совершила в начале 20 века. Немецкоязычное «*Турне Иды Аалберг*» в 1904–1905 гг. было тепло встречено в Риге, Петербурге и Москве. В 1907 г. Аалберг вновь посетила Венгрию. После смерти Каарло Бергбума в 1904 г. Аалберг все с большим интересом следит за театральной жизнью на родине. В этом ее поддерживал муж, знакомый с театром и новыми течениями в драматургии. Они даже одно время планировали создать собственный театр. Барон Александр фон Икскуль-Гюлленбанд был, прежде всего, философом, но он всячески поддерживал свою жену в ее работе, при этом совершенствуя свои режиссерские способности и становясь влиятельной фигурой в финской театральной жизни.

В 1902 г. после окончания строительства нового здания Финский Театр был переименован в Финский Национальный Театр. Очевидно, уже в 1907 г. Иду Аалберг заинтересовало руководство театром, однако лишь в 1909 г. она была назначена «играющим режиссером»; на практике – заместителем режиссера. В своей репертуарной политике она считала себя продолжателем традиций Каарло Бергбума. В программе первого года были «*Джон Габриэль Боркман*» Ибсена, «*Мария Стюарт*» Шиллера, «*Вечная борьба*» Йоханнеса Линнанкоски и «*Алкивиад*» Эйно Лейно. Как режиссер Аалберг не имела успеха, и на второй год в Национальном театре она выступала как актриса. Исполнение главной роли в пьесе Сарду «*Адриана Лекуврёр*» можно рассматривать как последний настоящий триумф Аалберг – критики разных поколений и взглядов были солидарны в своих положительных откликах. Разрыв контракта с Аалберг вызвал настоящий скандал в сфере культуры и на несколько лет прервал связи актрисы с Национальным театром. Однако в 1914 г. она дала согласие на грандиозное празднование 40-летнего юбилея своей творческой деятельности. Внезапная смерть в январе 1915 г. разрушила планы новых выступлений в Национальном театре.

Значение Иды Аалберг для финского сценического искусства было огромным, а она сама по понятным причинам превратилась едва ли не в национальный символ. Ей был воздвигнут памятник, и в ее честь была названа улица. Однако ее биограф писатель Илмари Рясянен сделал наблюдение, которое можно считать мудрым советом для последующих исследователей: «Я полагаю, что она больше чем любимое воспоминание, необъяснимое чудо или красивый портрет: для настоящей и будущей Финляндии она является в первую очередь проблемой культуры, ее значимость рано или поздно будет оценена только с помощью объективного и беспристрастного исследования».

Приложение:

Ида Эмилия Аалберг, с 1887 Кивекяс, с 1894 фон Икскюль-Гюлленбанд, род. 4.12.1857, Янаккала, умерла 17.1.1915, Петроград. Родители: Антти Альберг, дорожный мастер, и Агнета Шарлотта Линдроос. Первый муж: 1887–1893 Лаури Кивекяс, адвокат, политик, род. 1852, умер 1893, родители первого мужа: Карл Фридрих Стенбек, викарий, и Эмилия Оттилия Кристина фон Эссен; второй муж: 1894–1915 Александр Йоган фон Икскюль-Гюлленбанд, действительный статский советник, барон, род. 1864, умер 1923, родители второго мужа: Александр фон Икскюль-Гюлленбанд, тайный советник, барон, и Лина фон Адельсон.

Алвар Аалто (1898–1976)

архитектор,

член Академии Финляндии

Алвар Аалто является одним из самых важных представителей современной архитектуры и самым известным в мире финским архитектором. Он проектировал как отдельные здания, так и архитектурные комплексы. Дизайном мебели и интерьеров он занимался вместе со своей женой Айно Аалто. С точки зрения финской архитектуры и финского общества чрезвычайно важна была работа, проделанная Аалто в интересах развития стандартизированного современного строительства и социального архитектурного планирования.

Алвар Аалто относится к тем получившим международную известность архитекторам, имена которых упоминаются в ряду крупнейших представителей архитектурного модернизма. Аалто создал свое направление в архитектуре, эстетический эффект которого достигается за счет четкой привязки строений к окружающей среде, соразмерности человеку, чувства материала, отточенных деталей и искусного освещения. Заслугой Аалто считается то, что он предложил альтернативу безличной техничности международного стиля, повторяемости простой структуры и монотонности.

Говоря о творчестве Аалто, редко вспоминают, что оно появилось как результат сотрудничества двух архитекторов. В 1924 г. Алвар женился на Айно Марсио, которая также была архитектором. Она стала специализироваться на дизайне интерьеров, но при этом была самым близким профессиональным советником своего мужа и в вопросах проектирования зданий, хотя заботы о доме, о детях и собственном муже оставляли мало времени для работы в проектном бюро. Судя по всему, характеры супругов дополняли друг друга. Считается, что более уравновешенная и реалистически настроенная Айно Аалто сдерживала типичные для Алвара Аалто причуды и порывы. Влияние жены пошло на пользу многим проектам. Алвар Аалто был необыкновенно привязан к жене, как эмоционально, так и профессионально. Он сам признавал это, всегда заявляя, например, об участии Айно в осуществлении проектов и выставок. В социальной жизни Айно предпочитала оставаться в тени, тогда как Алвар, бывший человеком публичным, любил

светскую жизнь и умело пользовался этим, поддерживал имидж фирмы и завязывал важные контакты. Айно Аалто умерла в тот период, когда завершались первые грандиозные архитектурные проекты 1950-х гг., и положение Алвара Аалто как ведущего архитектора Финляндии было уже неоспоримым. Эта потеря стала для Алвара Аалто тяжелым испытанием. Спустя три года он заключил новый брак, со своей помощницей, архитектором Элиссой МякиниEMI.

В Высшей технической школе учителями Алвара Аалто были Армас Линдгрэн, Уско Нюстрем и Каролус Линдберг. На рубеже веков Линдгрэн стал проводником национально-романтического направления, для которого самым важным в архитектуре было художественное самовыражение и передача чувств. Для преподавателей история архитектуры и традиция были частью метода проектирования. Для Аалто история также была источником вдохновения и новых идей, но никак не методическим руководством. Он всегда был готов заменить здания, построенные предыдущими поколениями, своими собственными. В Аалто отчетливо проявлялся западный идеал архитектора: просвещенный самодержец, задача которого как проектировщика и доверенного лица заказчика заключается в том, что он руководит застройкой территории в самом широком смысле и во всех возможных аспектах, начиная с плана застройки и кончая деталями интерьера. Эта задача также подразумевала твердую уверенность в том, что его проекты функционально и эстетически превосходят проекты предшественников.

В студенческой среде живой и общительный Аалто пользовался популярностью. Общаясь с Каролусом Линдбергом, он познакомился и с кругом его друзей, среди которых были художники Генри Эриксон и Топи Викстедт, а также журналист Артур Шёблум. Аалто пробовал писать заметки для журнала *«Керберос»*, издававшегося Викстедтом и Шёблумом в 1918–1921 гг. В дальнейшем Аалто писал в основном на профессиональные темы. Все же литературная деятельность была для него случайным увлечением, он никогда не пытался сформулировать какую-то систематизированную теорию. Его деятельность в сфере изобразительного искусства, так или иначе, была связана с его архитектурой, однако его рисунки и эскизы сами по себе являются интересными художественными произведениями.

В Ювяскюля, где прошли годы учебы Аалто, начиналась также его профессиональная деятельность. «Бюро архитектуры и монументального искусства Алвара Аалто» – под таким названием стала известна местным кругам его фирма, во многом благодаря эффективной рекламной кампании. Офис был удачно расположен в стратегически выигрышном месте. Но, кроме того, бюро одновременно представляло собой холостяцкую квартиру Аалто и его первого помощника Теуво Такала, проработавшего у него в течение тридцати лет чертежником и создателем макетов. Первые заказы поступили от родственников и знакомых или при их посредничестве. Отец Аалто работал геодезистом

в провинциях Этеля-Похъянмаа и Центральной Финляндии, и этот регион стал для Аалто важнейшим полем деятельности. Вскоре после своего основания бюро получило столько заказов, что Аалто пришлось взять на работу стажером студента-архитектора Рагнара Юпоя. Аалто женился на своей самой главной помощнице Айно Марсио в 1924 г. В том же году выполнены проекты зданий, означавшие прорыв в карьере Аалто – здание Рабочего объединения Ювяскюля и здание шюцкора в Сейняяоки. Таким образом, в роли заказчиков выступали представители оппозиционных по отношению друг другу политических сил. Аалто участвовал в гражданской войне 1918 г. на стороне белых, ведомый господствовавшим в студенческой среде энтузиазмом, и нет никаких причин сомневаться в том, что он делал это искренне. Но как у архитектора у него были свои цели и принципы, стоявшие вне, или скорее, выше политической суетности.

Первой победой, одержанной на конкурсе, стало здание шюцкора в Ювяскюля, построенное в 1926–1929 гг. В 1927 г. он выиграл конкурс на проектирование Дома крестьян Юго-восточной Финляндии, построенного в Турку в 1928 г., и городской библиотеки Выборга, проект которого переделывался несколько раз и был осуществлен в 1935 г. На начальном этапе эти проекты еще были в своей основе классическими, но в процессе доработки Аалто придал им функциональную направленность. Дом крестьян был самым крупным из проектов того времени, и, работая над ним, Аалто перевел свое бюро в Турку.

Будучи студентом, Аалто помогал Каролюсу Линдбергу проектировать первый в Финляндии выставочно-ярмарочный комплекс. Его роль была довольно незначительной. Тем не менее, как полагает биограф Аалто Ёран Шильдт, этот опыт был весьма важным, поскольку он позволил Аалто прикоснуться к фантастическому миру выставочной архитектуры, такой созвучной его собственному полету мысли. Выставки действительно интересовали Аалто, он использовал их в качестве экспериментальных площадок. Праздничная выставка 1929 г., посвященная 700-летию Турку, которую он спроектировал вместе с Эриком Брюгманом, дала возможность воплотить принципы функционализма в гармонии с окружающей средой. Архитекторы вовсе не поощряли традиционное для выставочного мышления стремление к фантазийности и эффектности во имя привлечения публики. Наоборот, они предусмотрели для участников строгое и единообразное пространство. Выставка в Турку позволила широкой финской публике впервые познакомиться со средой, спроектированной в стиле функционализма.

Павильон Финляндии на Всемирной выставке 1939 г. в Нью-Йорке с его волнообразной стеной, равно как и волнообразный деревянный потолок читального зала Выборгской библиотеки являются одними из самых известных мотивов в творчестве Аалто (Аалто – по-фински «волна»). Павильон Финляндии на Всемирной выставке 1937 г. в Париже относится к тем зданиям, в которых, начиная с середины 1930-х

годов, Аалто стал соединять свободные пространственные объемы в духе модернизма, с формами, заимствованными у природы (свободная волнистая линия) и качественными характеристиками органического строительного материала древесины. Шильдт особенно обращает внимание на береговые линии озерного пейзажа. Использование в архитектуре тем, навешенных береговой линией или профилем местности, едва ли могло стать возможным, если бы не было самолета. И действительно, Аалто интересовался авиацией, как и вообще новой техникой. Чета Аалто даже отправилась в свадебное путешествие в Европу на частном самолете.

Ведущие архитекторы нового направления Аалто и Брюгман работали в Турку, городе с благоприятной для модернизма атмосферой. В архитектурном бюро супругов Аалто, кроме временных стажеров, работали также два норвежских архитектора, Харальд Вилдхаген и Эрланд Бьертнес. В Турку были заказчики, которые хотели строить именно в функционалистском стиле. Аалто получил возможность воплотить идею несущей конструкции, гибкой планировки и модульного принципа при работе над жилым домом по заказу промышленника Юхо Тапани. Дом был построен в 1927–1929 гг. по адресу Лянтинен Питкякату, 20, и при его строительстве были использованы разработанные Тапани готовые стандартные бетонные блоки. Владелец газеты «*Турун Саномат*» Арво Кетонен, модернизируя свою газету, заказал проект здания издательства, выполненный в стиле функционализма и построенный в 1928–1930 гг. Вместе с инженером-конструктором Эмилем Хенриксеном, Аалто спроектировал для здания газеты новаторскую конструкцию несущих колонн. Кроме того, в проекте содержались различные модернистские тонкости, особенно пропагандировавшиеся швейцарским архитектором Ле Корбюзье. По словам Шильдта, Аалто усвоил основы новой архитектуры и начал применять их на практике прежде, чем увидел воочию хотя бы одно завершенное здание.

Шведский друг и коллега супругов Аалто Свен Маркелиус предложил кандидатуру Аалто в члены международного объединения архитекторов-модернистов (*Les Congrès Internationaux d'Architecture Moderne*, СИАМ), в деятельности которого Аалто участвовал с 1929 г. Через СИАМ Аалто познакомился с социальной программой модернистов в сфере жилищной и городской архитектуры. Знакомства, завязанные на заседаниях СИАМ, переросли в тесные и длительные связи Аалто с Вальтером Гропиусом и швейцарским архитектурным критиком Зигфридом Гидионом. Аалто никогда не был в Баухаузе – Гропиусу пришлось уехать оттуда еще до того, как архитекторы познакомились – и Аалто не чувствовал тяги к сменившим его Ханнесу Мейеру и Людвигу Мис ван дер Роэ. Шильдт, однако, считает, что многие из принципов Гропиуса передались Аалто через его друга по СИАМ Ласло Мохоли-Надя, преподававшего в Баухаузе. Другими Аалто были также скульптор Александер Калдер и художник Фернан Леже. Многие наиболее видные деятели модернизма стали друзьями семьи

Аалто, и они часто бывали в гостях друг у друга. Круг зарубежных друзей Аалто был левым по своим убеждениям – многие были членами коммунистических партий – и имел контакты с авангардизмом в Советской России. Аалто, без сомнения, был наслышан о русских конструктивистах, но, похоже, не был с ними лично знаком.

Аалто знал всех наиболее значительных модернистов Швеции: тех, кто проектировал выставку 1930 г. в Стокгольме, и тех, кто стоял за ними. В круг его друзей входили искусствовед Грегор Паулсон, название лекции которого «*Больше красоты в повседневность*» стало лозунгом «функционализма всеобщего благоденствия». Знакомство с Гуннаром Асплундом несколько позднее переросло в дружбу. Еще студентом Аалто хотел попасть на стажировку в его бюро, но получил отказ. Причиной медленного потепления отношений был все же не этот пустяковый эпизод, а сдержанное отношение четы Асплунд к богемной жизни супругов Аалто и Маркелиус, для которой были характерны неумеренное употребление алкоголя, а также легкомысленные эротические отношения Аалто и тогдашней жены Маркелиуса Виолы, о которых она сама рассказала Шильдту.

Отношения Аалто с самым известным из представителей модернизма в архитектуре, Ле Корбюзье, скорее всего, были не более чем простым знакомством. Больше, чем Ле Корбюзье, он симпатизировал французу Андре Люрса, с которым он познакомился в свою первую поездку во Францию в 1928 г. и о творчестве которого он сделал доклад в Союзе архитекторов Финляндии.

Для борьбы с туберкулезом, в то время широко распространенной болезнью, в Финляндии был начат проект по строительству санаториев в каждой провинции. Аалто участвовал в конкурсах на их проектирование. Он выиграл конкурс на проектирование туберкулезного санатория в Паймио в провинции Варсиняйс-Суоми. В здании санатория, построенного в 1929–1933 гг., прослеживается та же навеянная Ле Корбюзье архитектурная линия, что и в здании газеты «*Турун Саномат*». В то же время, санаторий в Паймио – это «комплексное социальное произведение искусства», сразу же снискавшее международное признание. Такого детального и учитывающего нужды потребителя расположения зданий и проработки интерьеров не было ранее ни на одном из объектов, предназначенных для так называемых простых людей.

Еще во время работы над проектом санатория в Паймио у четы Аалто уже был опыт работы в сфере дизайна мебели, как стандартной, так и уникальной. С работы над интерьерами Дома крестьян Юго-западной Финляндии началось сотрудничество с Отто Корхоненом, техническим директором фабрики мебели и строительных материалов в Турку. Он был специалистом в области технологии фанеры и гнутого дерева. Вместе с Корхоненом Аалто разработал модели стульев для серийного производства. Интерьеры санатория в Паймио и Выборгской библиотеки стали существенным шагом вперед в проектировании

стандартных моделей. Некоторые из спроектированных тогда моделей мебели остаются в серийном производстве по сей день. Это стало возможным благодаря мебельной фирме Артек. Фирма была основана в 1935 г. по инициативе архитектора Нильса-Густава Халя для производства, продажи на внутреннем рынке и экспорта мебели. Халь, будучи первым исполнительным директором фирмы, по примеру шведов хотел разработать для широких кругов населения разумные и недорогие предметы интерьера. Однако, по свидетельству Шильдта, под давлением Аалто фирма стала производить, с точки зрения среднего финского уровня, эксклюзивные предметы, прежде всего те, что проектировали супруги Аалто, что привело к разногласиям с идеалистически настроенным Халем. Спор закончился драматически: Халь ушел на войну санитаром-добровольцем и погиб на фронте. Поведение Халя подчеркивает относительное равнодушие Аалто к социальным идеалам, особенно если сопоставить негромкий героизм Халя с почти панической заботой Аалто о собственной безопасности и его боязнью попасть на фронт.

Строительная индустрия, а вместе с ними и Аалто столкнулись с финансовыми трудностями с началом экономической депрессии 1929 г. После завершения строительства санатория в Паймио Аалто переехали в Хельсинки, где было больше возможностей для работы, чем в Турку. Архитектурное бюро Аалто с тех пор постоянно размещалось в Хельсинки и работало там вплоть до 1950-х гг. в особняке, построенном в городском районе Мунккинеми в 1935 г. В начале 1930-х гг. среди архитекторов все еще велись споры о традиционализме и функционализме. По мнению многих, Аалто и представляемый им стиль был «большевицкой архитектурой», но за десятилетие функционализм стал ведущим направлением в архитектуре Финляндии. Верным признаком перемены курса было избрание Аалто в 1935 г. в правление Союза архитекторов Финляндии.

Аалто смог приступить к осуществлению социальной программы СИАМа в сотрудничестве с концерном Альстрём. В середине 1930-х гг. Аалто познакомился с исполнительным директором концерна Харри Гуллихсеном и его женой Майре Гуллихсен, в девичестве Альстрём, которые работали над созданием прогрессивной, социально ответственной культуры предпринимательства. Майре Гуллихсен была знакома с модернистскими направлениями в искусстве и поддерживала их развитие, участвуя в финансировании Артека. По мнению Гуллихсен, концерн Алстрём нуждался в современном дизайне, и бюро Аалто было в состоянии всесторонне соответствовать нуждам концерна.

Для населенных пунктов, в которых были расположены предприятия концерна, таких как Варкаус и Кауттуа, Аалто разработал генеральные планы и проекты застройки, а также проектировал жилье для рабочих и различные здания. Харри Гуллихсен использовал свое влияние для того, чтобы Аалто получил заказ на проектирование

совместно финансируемого несколькими предприятиями лесной промышленности целлюлозного завода в Сунила, недалеко от Котки. Аалто сделал проектные чертежи всех зданий Сунила, включая само промышленное предприятие. В архитектуре жилых зданий присутствовало стремление к «внеклассовой» архитектуре, которая отличалась бы от прежних принципов проектирования заводских населенных пунктов, и в ней не просматривалась социальная иерархия поселения. В Сунила, построенном в 1936–1954 гг., здания вписаны в окружающий лесной пейзаж и адаптированы к ландшафту. Этот поселок послужил в Финляндии образцом для дальнейшего строительства жилых пригородов.

Для Гуллихсенов Аалто спроектировали в Нормаркку дом, получивший название Вилла Майреа, в котором они сознательно искали альтернативу тогдашнему церемониальному представительскому дому. Построенная в 1938–1940 гг. вилла совершила переворот в представлениях высшего среднего класса Финляндии об идеальном жилье. Даже в своей модернистской простоте Вилла Майреа была роскошной, если судить по меркам жилищного строительства концерна Альстрём. На другом конце шкалы расположились изготовленные на заводах Варкауса серийные деревянные дома. Для них Аалто создал систему, получившую название «система АА», по промышленному производству строительных конструкций и смог тем самым применить функционалистскую идею стандартизации к материалам и продукции, еще не известным модернистской Центральной Европе, но уже производимым в США. Аалто подошел к задаче создания «минимальной квартиры» с точки зрения живущего в ней человека, то есть с точки зрения ее функциональности. В архитектурном мышлении Аалто главенствовал идеал единого «многофункционального пространства», проявившийся также в проекте Виллы Майреа. Швейцарский архитектор Лисбет Закс, участвовавшая в создании чертежей для Виллы Майреа, рассказывала Шильдту, как Аалто удалял с макета межкомнатные перегородки, повторяя, что «людям не надо столько комнат».

В сферу интересов концерна входила также экономическая зона реки Кокемянейоки, нуждавшаяся, по мнению Харри Гуллихсена, в скоординированной застройке. По его инициативе началось совместное проектирование с участием расположенных в долине реки сельских коммун и города Пори. По рекомендации Гуллихсена этот первый в Финляндии региональный проект застройки был заказан в 1940 г. Алвару Аалто. Моделью послужил знаменитый проект эры «нового курса» 1930-х гг. в США в долине Теннесси. Начиная с 1920-х гг. Аалто создал большое количество различных проектов и генеральных планов застройки, в которых, по словам Шильдта, он всегда придерживался своих взглядов на удобное жилище и его окружение. Обычно они оставались невостребованными, так как отсутствовала политическая воля. Эта участь постигла и региональный проект застройки Лапландии, разработанный в 1950-е гг.

Сотрудничество с концерном Альстрём закончилось в 1946 г., но созданные для него проекты вызвали интерес со стороны промышленных кругов. В начале 1930-х гг. началось проектирование заводского поселка Инкеройнен для концерна Тампелла, продолжавшееся и во время Второй мировой войны. В 1940-е гг. были подготовлены проекты для заводов Стрёмберга в Вааса и АО Юхтейс-Сису в Ваная. Одним из важнейших клиентов Аалто была государственная лесоперерабатывающая компания Энсо-Гутцайт. Для нее он выполнял проекты в Сяунатсало (1942–1952), Иматре (1947–1961), Сумме (1954–1960), а в 1959–1962 гг. создал проект головного офиса в Хельсинки. Для другого государственного акционерного общества, АО Тьюппи, он выполнил в 1950-е гг. проект промышленного предприятия в Оулу. Промышленные проекты создавали для бюро Аалто прочную финансовую базу, благодаря которой становились возможными художественные эксперименты и участие в конкурсах, успех в которых отнюдь не был гарантирован.

В 1930-е гг. Аалто установил профессиональные связи с англо-американским миром. Нью-йоркский музей современного искусства организовал в 1938 г. выставку четы Аалто. В том же году они отправились в свою первую поездку в Америку. Там они оказались в среде близкого к музею богатого светского общества, имевшего прямые связи с Фондом Рокфеллера. В ходе той же поездки Аалто, который в молодые годы относился к числу критиков архитектора Элиеля Сааринена, съездил в Кренбрук, чтобы завязать более приемлемые отношения с этой финляндской знаменитостью в области архитектуры.

Вторая поездка супругов Аалто в Америку в 1940 г. стала настоящим бегством из страны в последний период Зимней войны. Аалто читал лекции в различных учебных заведениях и, видимо, пытался оправдать свое присутствие в США придуманной им самой идеей получить для Финляндии помощь от Фонда Рокфеллера. Мысль построить для эвакуированных с отошедших к СССР территорий экспериментальный город, в котором расположился бы исследовательский институт жилищного строительства, вызвала интерес и представлялась выгодной как для Финляндии, так и для самого Аалто. Технологический институт Массачусетса (ТИМ) пригласил Аалто на работу в качестве исследователя, так как институт и потенциальные деньги фонда связывались персонально с фигурой Аалто. К этому времени в Финляндию можно было вернуться только морским путем через Петсамо, так что предстояло сделать выбор, ехать на родину или оставаться в США. Супруги Аалто решили вернуться и разделить с остальными финнами опасности новой войны. То обстоятельство, что страна связала себя с Германией союзническими узами, положило конец планам строительства экспериментального города, финского *Америкэн Тауна*, тем не менее, после войны Аалто получил в ТИМе должность профессора, весьма нерегулярно исполняя связанные с нею обязанности до 1948 г. Кроме того, он работал над проектами,

которые вело его бюро в Хельсинки, и на самом деле никогда не пытался развивать свою практику в США. В Америке он познакомился с Франком Ллойдом Райтом, оказавшим влияние на его творчество. Однако на этом этапе Аалто был уже самостоятельным мастером, критически осмысливавшим и воспринимавшим новые веяния. Льюис Мамфорд, критик урбанизма и автор книги *«Городская культура»* также был в числе американских друзей Аалто.

Во время войны Аалто больше не пугали опасными командировками, и он смог сосредоточиться на своей профессиональной деятельности. Послевоенное восстановление стало общенациональной задачей, и Аалто продолжил на родине начатую в США дискуссию на эту тему. По рекомендации Союза архитекторов в 1942 г. было основано бюро по восстановлению, в деятельности которого Аалто участвовал, прежде всего, руководя разработкой строительных стандартов. Этой работой занимались два его помощника: Аарне Эрви и Вильо Ревель.

Во время и после войны типовые чертежи, проектирование стандартизованного серийного производства и проекты застройки были важны с точки зрения занятости архитекторов и их общественного влияния. Для опытного модерниста Аалто это было само собой разумеющимися профессиональными обязанностями. В этой ситуации естественным решением стало его избрание председателем Союза архитекторов в 1943 г. Без сомнения, на этот выбор повлияло и предчувствие результатов войны: у Аалто были профессиональные контакты в США, а этой стране предстояло занять ведущее положение в западном блоке. Союз архитекторов пытался позже сделать своего председателя генеральным директором Управления по строительству, однако на эту должность был назначен архитектор Юсси Лаппи-Сеппяля. Таким образом, Аалто возглавил оппозицию, критиковавшую политику государства в области строительства. В знак протеста против отклонения кандидатуры Аалто Союз объявил бойкот всем проектам Управления по строительству, и члены Союза следовали ему вплоть до 1957 г. На следующий год Аалто отказался от должности председателя. Это означало, что теперь он мог братья за проектирование новых государственных строительных объектов.

Профессиональная карьера Аалто достигла своего зенита в 1950-е гг. В последние годы предыдущего десятилетия было проведено несколько конкурсов на разработку проектов строительства общественных зданий. Во многих из них Аалто оказался победителем. Эти здания представляют собой высшие достижения финской строительной индустрии, уникальность и качество которых можно сравнить только с лучшими достижениями периода национального романтизма. Они являют собой праздник победы над периодом послевоенного кризиса, в них продумана каждая деталь, при этом используются самые лучшие материалы. Мебель для этих зданий поставлял Артек, а из самых известных текстильных дизайнеров Аалто, как представляется, предпочитал Кирси Илвессало.

Заказ на проектирование здания муниципалитета в небольшом промышленном населенном пункте Сяунатсало (построено в 1949–1952 г.) Аалто получил по рекомендации регионального директора концерна Энсо-Гутцайт Хилмера Бруммельса. Контракт на проект Педагогического института в Ювяскюля (1951–1956) позволил Аалто совершить своеобразное эlegantное возвращение в родной город, хотя договоры, заключенные в рамках этого проекта, стали впоследствии предметом судебного разбирательства. Тем не менее, Аалто присоединился к числу местных дачников и построил себе в 1952–1953 г. виллу в Муратсало, так называемый экспериментальный дом. Технологический институт в Хельсинки (1949–1966) и здание Пенсионного фонда (1953–1957) свидетельствуют о том, что Аалто занимал положение ведущего архитектора страны. Это, однако, не мешало ему браться и за такие проекты, как Дом культуры для вышедшей из подполья Коммунистической партии Финляндии (1952–1958).

Первым зданием, спроектированным и построенным Аалто за границей, не считая выставочных павильонов Финляндии, стало общежитие ТИМа, построенное в 1946–1949 гг. в Кембридже, Массачусетс. Несмотря на изначальный энтузиазм заказчиков, многие из зарубежных проектов остались неосуществленными. Видимо, идеи Аалто не всегда вписывались в зарубежную архитектурную среду. За пределами Финляндии большего всего спроектированных им зданий в Германии, откуда заказы начали поступать уже в 1950-е гг. Единичные здания, спроектированные в архитектурном бюро Аалто, есть в Эстонии, Франции, Швейцарии, Дании, Бангладеш, Италии и Швеции. В 1940-е гг. казалось, что Аалто, посредством партнерских отношений с его шведским коллегой Албином Старком, удалось проникнуть на шведский рынок, участвуя в осуществлении строительных проектов шведского промышленника и судовладельца Акселя Йонсона. Однако ни один из проектов Аалто этого периода не был осуществлен. Аалто с удовольствием проектировал городские административные и культурные центры, видя в них своеобразные монументы гражданского общества. Подобные заказы поступали как из Финляндии, так и из-за границы, но осуществлены они были только в Сейняйоки (1951–1987), Алаярви (1965–1970) и Рованиеми (1961–1987).

Творчество Аалто начального периода было выдержано в классическом стиле 1920-х гг. В нем делался акцент на живописном способе использования исторических или классических мотивов. Пример шведских и датских архитекторов, прежде всего Гуннара Асплунда, а также Рагнара Эстберга и Мартина Нюрупа, раскрыл перед Аалто возможности романтической экспрессии, скрытые в классицизме.

Переход Аалто к функционализму в конце 1920-х гг. произошел в связи с работой над довольно крупными проектами, и обращение к новым архитектурным концепциям стало довольно резким поворотом в его творчестве. Речь шла одновременно об углублении архитектурных воззрений: для Аалто важно было понять принципы нового течения

и установить четкую границу между ним и поверхностным формализмом. У него, тем не менее, сохранился романтический настрой, ставший противовесом рационализму модернистского движения. Он нашел в природе те новые черты, которые можно было использовать в архитектуре, и основной его целью при проектировании становится достижение единства пейзажа, ландшафта, растительности и самого здания. Пространственная и визуальная сложность зданий, спроектированных Аалто, рассчитана, прежде всего, на чувственное восприятие, но она может также нести в себе аллюзии, связанные с местами великих исторических событий, например, с античными развалинами, или с «примитивной» экзотикой.

В представлении Аалто архитектура была явлением прежде всего социальным. Здание воплощает эмпатическое отношение архитектора к потребителю. Или за исходную точку можно было взять воображаемое идеальное сообщество, при этом здание олицетворяет идею хорошего демократического правления, или же заботу государства всеобщего благосостояния о своих гражданах. Здание, кроме того, должно было предлагать эстетически привлекательные возможности для свободной и спонтанной культурной активности. Итальянский архитектор Леонардо Моссо, работавший помощником Аалто, видимо, имел в виду как чувственность его архитектуры, так и ее идеалистические аспекты, когда называл его «поэтом среди архитекторов». С другой стороны, антирационалистические черты архитектуры Аалто вызвали сомнения у таких апологетов модернистского рационализма и антиисторической этики, как Николаус Певзнер, английский историк искусства немецкого происхождения. В своей лекции в Королевском институте британской архитектуры в 1961 г. он с тревогой говорил о пробуждении духа историзма и опасностях, кроющихся в наследии экспрессионизма, и демонстрировал при этом фотографию Дома культуры, спроектированного Аалто.

Наибольший интерес в мире вызвал период творчества Аалто, начавшийся в 1930-е гг. и продолжившийся после войны. В особенности после войны Аалто делал проекты по заказам из-за рубежа, однако, его карьера была все же в большей степени связана с Финляндией. Он почти все время работал у себя на родине, и большинство его работ находится в Финляндии.

Статус Аалто на родине несколько отличается от того, как его оценивают в мире. С точки зрения Финляндии, особенно важно то, что он одним из первых финских архитекторов настолько основательно усвоил архитектурные принципы модернизма, что довольно быстро стал ведущим архитектором этого нового направления в Северных странах. С точки зрения финской архитектуры и общества, большое значение имел тот вклад, который Аалто внес в дело стандартизированного строительства и социально ориентированного архитектурного планирования, присущего модернистскому движению.

Начиная с конца 1950-х гг. Алвар Аалто был уже известным и в стране и в мире мастером. Как пишет Шильдт, ему многократно предлагали должности профессора в университетах и колледжах по всему миру, от чего он последовательно отказывался, ссылаясь на свою занятость. Его финские поклонники считали его великим человеком, стоявшим в одном ряду с Яном Сибелиусом и Пааво Нурми, снискавшими себе мировую известность. Аалто, всегда понимавший значение театра и мифов в человеческой жизни, и сам участвовал в создании собственного культа.

– ЭВА МАЙЯ ВИЛЬО

Приложение:

Хуго Алвар Хенрик Аалто, род. 3.2.1898 Куортане, умер 11.5.1976 Хельсинки. Родители: Юхан Хенрик Аалто, инженер-геодезист, и Сельма (Селли) Матильда Хакстедт. Первая жена: 1924–1949 Айно Мария Марсио, архитектор, род. 1894, умерла 1949, родители первой жены: Юхо Марсио, старший кондуктор, и Йоханна Несман; вторая жена: 1952–1976 Эльса (Элисса) Кайса Мякиниemi, архитектор, род. 1922, умерла 1994, родители второй жены: Юхан Аугуст Мякиниemi, полковник, и Айно Мария Кемппайнен. Дети: Йоханна, род. 1925, Хамилкар, род. 1928.

Микаэль Агрикола

(ок. 1510–1557)

епископ Туркуской епархии,

реформатор,

переводчик Библии

на финский язык

Финляндия принадлежит к тем странам, в которых письменный литературный язык и литература появились благодаря Реформации. Эта работа была проделана финскими учеными под руководством талантливого лингвиста, богослова и гуманиста Микаэля Агриколы.

Согласно Епископским хроникам Паавали Юстена, Микаэль Агрикола родился «в деревне Торсбю прихода Перная, в нижней Уусимаа». Семейная усадьба, помеченная под номером один в поземельной книге Торсбю, позже получила имя Зигфрид, по имени умершего в 1634 г. племянника Агриколы Зигфрида Монсинпойка. Усадьба в один мантал (*единица поземельного налогообложения*) была настолько зажиточной, что в доме можно было проводить заседания окружного суда.

Дата рождения Агриколы неизвестна, но по некоторым данным, относящимся к более поздним этапам его жизни, это примерно 1510 г. Отца звали Олави, или по-шведски Улоф, имя матери неизвестно. Отец, по всей видимости, умер приблизительно в начале 1540-х гг., оставив вдову с четырьмя уже взрослыми детьми: Микаэлем и тремя дочерьми, имена которых в документах не упоминаются. Мать Агриколы умерла приблизительно в 1550 г. После этого фогт Савонлинны Клементти Хенрикинпойка Кроок, женатый на старшей дочери, продал свою долю наследства Микаэлю. За усадьбой смотрел сначала муж средней сестры Томас Ларсинпойка, а после его смерти в 1572 г. – муж младшей сестры Монс Ёнсинпойка, сын которого Зигфрид и унаследовал усадьбу в 1592 г.

На финском или шведском языке говорили в доме Микаэля? Источники не могут дать точного ответа, поэтому по данному вопросу много споров. Когда национально-романтическое феннофильское движение в 19 в. превратило Агриколу в своего предшественника и выдающегося деятеля (наряду с Й.Л. Рунебергом, Элиасом Лённротом

и Й.В. Снельманом), считалось само собой разумеющимся, что родным языком для отца финского литературного языка должен был быть финский. Аргументом в пользу этого было его превосходное владение языком, на что постоянно указывают языковеды. Некоторые историки, правда, выдвигают доказательства в пользу того, что родным языком Агриколы был шведский. Историки знают, что местность, где жил Агрикола, была шведоязычной, и, как они полагают, довольно сложно представить там финноязычную, или хотя бы двуязычную семью. Однако с учетом лингвистических способностей Агриколы, вопрос о родном языке имеет второстепенное значение. Он владел финским языком, и неважно, выучил он его дома, или позднее.

По всей видимости, настоятель прихода Перная заметил редкий талант мальчика, потому что примерно в 1520 г. Микаэля отправили учиться. Согласно Юстену, он «выучился основам письменности в школе Выборга, ректором которой был господин Йоханнес Эрасмуксенпойка, твердый и преданный воспитатель школьной молодежи». В Выборге Микаэль впервые соприкоснулся как с гуманизмом, так и с движением за Реформацию. Остзейские провинции принадлежали к сфере влияния германской культуры, и новые течения распространялись там быстро. Произведения Эразма Роттердамского читались в кругу образованных людей уже во второе десятилетие 16 в., и гуманизм готовил почву для Реформации. Новое учение проповедовалось в Риге в 1521 г., а три года спустя – в Таллине (Ревеле). Осенью 1524 г. в Риге поднялась волна иконоборцев, распространившаяся и на другие города, включая Тарту и Таллин. Движение быстро пошло на спад, но новости о нем успели дойти до Выборга.

Выборгской крепостью с 1525 г. правил Юхан, граф Хойя и Брукхаузуна, немецкий кондотьер на службе короля Густава Вазы, получивший в награду за службу руку сестры короля Маргареты, а также губернии Выборг и Савонлинна (Нейшлот). Граф был сторонником Реформации, так что в крепостной часовне можно было проводить лютеранские богослужения уже во время учебы Агриколы. Фамилию Агрикола, означавшую «земледелец» и впервые встречающуюся в источниках в 1531 г., Микаэль Олавинпойка получил в выборгской школе. Фамилия была весьма популярна в кругу гуманистов Германии.

Когда Йоханнес Эрасмуксенпойка в 1528 г. стал канцлером туркуского епископа Мартти Скютте, он взял с собой своего талантливого ученика. Агрикола стал секретарем у епископа, а в следующем году, после смерти Йоханнеса, занял пост канцлера. Мартти Скютте, шестидесятилетний доминиканец, много путешествовал и преподавал в школе ордена доминиканцев в Неаполе. Он был праведным католиком, хотя и согласился принять пост епископа из рук короля. Он был посвящен в сан на Крещение в 1528 г. в соответствии с обычной католической церемонией, однако предполагавшегося каноническим законом папского благословения получено не было.

Епископ не был сторонником Реформации, но и не выступал активно против. Петрус Сяркилахти, первый финский ученик Мартина Лютера, в 1522 г. вернулся из-за границы после учебы. Он стал проповедовать новое учение, как в школе, так и в кафедральном соборе, однако уже в 1529 г. он умер. Согласно Епископским хроникам, Агрикола «принял основы праведного апостольского учения из наставлений и проповедей Петруса Сяркилахти. Он был рукоположен в священники и усердно проповедовал как в кафедральном соборе Турку, так и во время епископских поездок». В 1531 г. Агрикола использовал для подготовки своих проповедей приобретенный им сборник проповедей Лютера на латинском языке. Это солидное издание, напечатанное в 1530 г. в Страсбурге, сохранилось. Многочисленные подчеркивания и пометки на полях говорят о том, что читатель глубоко вник в высказывания Лютера и давал им оценку с точки зрения Библии. Помимо этого Агрикола с помощью двух словарей давал пояснения встречающимся в тексте Лютера греческим словам, что свидетельствует о его занятиях греческим языком. Он пытался разобраться в более важном источнике – оригинальном тексте Нового завета, впервые изданном Эразмом в 1516 г.

На протяжении всех 1520-х гг. дорога для обучения за рубежом для финнов была закрыта, поскольку в Турку опасались нового лютеранского лжеучения. Атмосфера изменилась в конце десятилетия, когда все студенты были отправлены в Виттенберг. Очередь Агриколы настала осенью 1536 г., когда он вместе с другим выходцем из Перная, Мартином Тейтом прибыл в академию на берегах Эльбы. Реформация зародилась в университете Лютера и Филиппа Меланхтона, и этот университет оставался путеводной звездой для финской культуры следующие сто лет. Агрикола слушал лекции обоих реформаторов, и оба они дали ему рекомендательные письма королю Густаве Вазе. Вместе с Тейтом и парой других финских студентов Агрикола принялся за перевод на финский язык Нового завета. Дважды он обращался к королю с нижайшей просьбой о назначении стипендии для продолжения работы, и оба раза безуспешно. Солидные книги, привезенные Агриколой из Виттенберга, правда, продемонстрировали, что кошелек у финского студента был не настолько пуст, как он давал понять.

Агрикола и Тейт получили степень магистра в феврале 1539 г. и следующим летом вернулись в Турку через Стокгольм. Агрикола получил должность каноника в духовном капитуле Турку и служил секретарем капитула. В качестве главной обязанности ему поручили руководство кафедральной школой в Турку. Кафедральная школа была высшим учебным заведением епархии и уже во времена Петруса Сяркилахти, в начале 1520-х гг., стала плацдармом для сторонников Реформации. Должность ректора была тяжелой. Агрикола жаловался, что погряз в учебной работе и называл своих учеников дикими животными. Ученики оставляли желать много лучшего. Государство начало ограничивать собственность и доходы церкви, и это пугало народ, который не

хотел отдавать своих детей в школу, потому что ходили слухи, что у священников отберут последние источники доходов.

Работа в школе не занимала всего времени. Епископские хроники рассказывают, что Агрикола издал молитвенник на финском языке, «который каждодневно должен находиться в руках каждого финна. Он перевел также Новый завет, к великому благу финской церкви». На эту деятельность накладывала тень церковная политика Густава Вазы: собственность и налоговые поступления церкви медленно, но верно переходили к короне. Агрикола, будучи секретарем духовного капитула, должен был представить в налоговую палату в Стокгольме подробный список владений и доходов кафедрального собора и духовного капитула Турку. Им угрожало изъятие, поскольку король не позволял занимать освобождавшиеся должности. Юстен рассказывает, что когда какой-нибудь из членов капитула умирал, «никто не занимал его места, а все угодья и доходы переходили короне». После смерти настоятеля собора в 1546 г. Агрикола с удовольствием бы сменил тяжелую работу в школе на главную должность в духовном капитуле, но это не удалось. В том же году пожар, разразившийся в Турку, уничтожил крышу кафедрального собора, дом епископа и многие здания, находившиеся в собственности духовного капитула. Государство оказало незначительную помощь в ремонте церкви; об остальном обедневший капитул должен был позаботиться сам.

Руки короля дошли и до школы Турку. Политика Густава Вазы в отношении культуры ограничивалась подготовкой квалифицированных писарей и казначеев. Осенью 1544 г. Агрикола получил королевский приказ отправить несколько одаренных учеников для службы в канцелярии и налоговой палате Стокгольма. Приказ не возымел действия, пока король не повторил его следующим летом в более строгом тоне. Конфликт с всемогущим монархом стал, как утверждает Юстен, по крайней мере, одной из причин того, что 22 февраля 1548 г. Агрикола ушел в отставку с поста ректора – не по собственной воле, а по приказу короля. Должность перешла к самому Юстену, который только что вернулся с учебы в Германии. Агрикола с помощью своих шведских друзей пытался убедить короля изменить его решение, но напрасно. Оказавшийся слишком независимым и влиятельным ректор школы был отстранен.

Агрикола не остался без работы. Финские переводы книг, предназначенных для богослужений и других церковных церемоний, появились в 1549 г., а в 1551–1552 гг. вышли Псалтырь и собрание «Книг пророков Ветхого завета». Помимо этого Агрикола сделал шведский перевод с нижненемецкого диалекта морского закона Висбю, а также составил сборник пословиц. Вероятно, тогда же он заключил брак в Биргиттой Олавинтютяр, поскольку их единственный сын Кристиан родился в конце 1550 г. Оставшись вдовой, Биргитта Олавинтютяр вышла замуж за ректора школы Турку Хенрика Якобинпойку.

Способности Агриколы пригодились и в делах епархиального управления. Согласно Юстену, «он работал после этого, как и раньше, советником епископа, а также помогал ему во время епископских поездок. Так как здоровье епископа по причине возраста ослабло, бремя таких поездок еще при жизни епископа легло на плечи Агриколы и магистра Кнута Йоханнексенпойки, настоятеля церкви в Турку». Действительно, зимой 1549 г. оба магистра посетили самую глушь провинции Саво, сетуя на слабое знание народом христианского учения и предлагая образовать новый приход в Куопионниemi.

У Агриколы не было статуса помощника епископа, как утверждалось в более ранних исследованиях. Что касается длительности нахождения на службе, то он был вторым в сократившемся до четырех человек духовном капитуле Турку. Епископ держал бразды правления в своих руках до самой смерти, однако духовное лидерство принадлежало Агриколе.

Марти Скуytte умер в конце 1550 г., но король Густав не спешил с новым назначением. Летом 1554 г. он вызвал в Стокгольм Агриколу, Юстена и третьего члена духовного капитула Турку Петруса Рагвалда, по обыкновению прочитал им нравоучение и напомнил об обязанностях перед властью. «Великий король также посчитал полезным», – рассказывает Юстен, – «чтобы Финляндия была разделена на две епархии, а именно Туркускую и Выборгскую епархии, подобно тому, как тогда же были разделены другие шведские епархии. Это деление не особенно понравилось магистру Микаэлю, которому была доверена Туркуская епархия». Епископ Стренгнеса Ботвид Суннесон торжественно рукоположил Агриколу и первого выборгского епископа Юстена, «так как архиепископ – Лаврентий Петри – был некоторым образом в немилости у короля».

Епископский посох оказался наконец в руках Агриколы, но епархия уже не была прежней. Планы по образованию отдельной Выборгской епархии существовали еще в 14 в., однако, они не были осуществлены. Цель короля, тем не менее, заключалась не в усовершенствовании церковного управления, а в ограничении власти туркуского епископа. Юстен не забыл упомянуть, что разделение епархии не нравилось магистру Микаэлю. Далее он повествует, что, вернувшись домой, 8 сентября 1554 г., Агрикола «совершил с митрой на голове так называемую епископскую мессу в честь рождения Пресвятой девы. Когда Его Королевское Величество узнало об этом, оно было не вполне довольно, усматривая в этом влияние папства».

Епископская месса, проведенная во время осенней ярмарки с соблюдением традиционных церемоний, а также пасторское собрание стали демонстрацией авторитета и независимости церкви и епископства. Но это мало чем помогло. Новый епископ уже во время своей первой епископской поездки весной 1554 г. получил предписание составить опись движимого имущества церквей в приходах архипелага Турку, вплоть до кастрюль, горшков, ложек и оловянных

блюд. Цель инвентаризации была ясна, хотя окончательно церковь лишилась своего имущества уже после смерти Агриколы. В ходе этой поездки епископ также выяснил отношения с последним бастионом католичества, монастырем Наантали. Согласно протоколу епископской поездки, «монахи и монахини обещали в своем учении и в жизни стать протестантами. Им было запрещено читать или петь публично в церкви откровения Св. Биргитты и было рекомендовано использовать вместо них Библию. Они согласились служить мессы на шведском и финском языках. Они обещали также отказаться от обращения к святым и от других подобных суеверных обрядов».

Нахождение Агриколы на посту епископа было непродолжительным. Его омрачила разразившаяся в 1555 г. война с Россией, которая, в конце концов, стоила ему жизни. После первых успехов финских войск король лично с большой свитой прибыл в сентябре в Выборг. Приграничная территория по обе стороны оказалась разоренной, и при этом ни одно из воюющих государств так и не добилось победы. В этих условиях, как Швеция, так и Россия были готовы заключить мир.

Агрикола был в составе шведской делегации на мирных переговорах, возглавляемой свояком Густава Вазы Стеном Лейонхвудом и архиепископом Лаврентием Петри и выехавшей из Выборга на Крещение 1557 г. Делегация, насчитывающая сотню человек, 24 февраля в Москве представила свои верительные грамоты. Пост прервал переговоры, поэтому соглашение было достигнуто только в конце марта. На обратном пути 2 апреля мир был скреплен целованием креста в Новгороде. Поездка была тяжелой, и когда делегация пересекла границу, «недомогание охватило магистра Микаэля; его здоровье и раньше не было слишком сильным. Неожиданная смерть застала его в пути, и он отошел к Господу в деревне Кюрённимие прихода Уусикиркко. Его похоронили в Выборге в первый понедельник после Вербного воскресенья в присутствии архиепископа и многих других».

Литературная деятельность

Ведущие деятели периода Реформации Эразм Роттердамский и Мартин Лютер очень скоро вступили в конфликт друг с другом. Великий гуманист оставался верным католической церкви, хотя многие из его учеников перешли в лагерь Лютера. Таким образом, у него были сторонники по обе стороны. Это было неудивительно, потому что в программах Эразма и Лютера было много общего. Оба делали акцент на изучении языка оригинала Библии и на том, чтобы слово Божье стало доступно народу. Эразм осуществил первое печатное издание оригинального текста Нового завета на греческом языке. Лютер позволил библейским героям впервые заговорить на немецком языке и своим переводом Библии заложил основы для современного литературного немецкого языка.

Агрикола был последователем как Эразма, так и Лютера. Своим переводом Библии он создал основу для литературного финского языка. Начало было скромным. Не сохранилось ни одной полной части букваря Агриколы (*Abckiria*) – первого произведения финской литературы. Сохранившиеся фрагменты являются частями трех разных изданий, а фрагмент, содержащий последние страницы, был обнаружен лишь в 1966 г. По всей вероятности, первое издание вышло в Стокгольме в 1543 г. в типографии Амунда Лаурентсона, второе – в 1551 г., а третье – в 1559 г., уже после смерти Агриколы.

Стихотворение на титульном листе букваря призывало «дорогого дитя» изучать азы – начальную часть книги. Кроме алфавита и чисел, этот раздел включал в себя основные фрагменты Катехизиса: Десять заповедей, Символ веры, молитву «Отче наш», «Аве Мария», а также слово о крещении, исповеди и причащении. Это составляло существенную часть христианского учения, которую средневековые священники уже проповедовали финнам на их родном языке. У священников эти тексты были записаны, так чтобы они читали их всегда одинаково. В средние века разделы Катехизиса записывались на листочках и в тетрадах, которые позднее утрачивались. Однако Агрикола, составляя свой букварь, располагал ими. Уже в начале 1530-х гг. они были отредактированы в духе Реформации. Шведский реформатор Олаус Петри поместил эти тексты на шведском языке в конце своего сборника проповедей, изданного в 1530 г. В Любеке в 1535 г. вышел Катехизис с текстом как на нижнегерманском диалекте, так и на эстонском языке.

Помимо рукописных текстов Агрикола использовал в качестве источника Краткий Катехизис Лютера, впервые вышедший в 1529 г. Он был знаком как с латинским, так и с немецким изданием. У Лютера были позаимствованы утренние и вечерние молитвы, а также молитвы «на прием пищи» или «на трапезу». Из многочисленных букварей и Катехизисов периода Реформации в распоряжении Агриколы были, по крайней мере, Катехизис на латинском языке Филиппа Меланхтона и букварь на немецком языке южно-германского реформатора Йоганна Бренца.

В октябре 1544 г. Амунд Лаурентсон напечатал последний лист Молитвенника Агриколы (*Rucouskirja*). Книга является наиболее оригинальным произведением Агриколы. Она, по обычаям Молитвенников того времени, была форматом в восьмую долю листа, но количество страниц было необычайно велико – чуть менее девятисот. Это самый полный лютеранский Молитвенник периода Реформации. Произошло так потому, что он предназначался в качестве требника для священников и содержал молитвы как для церковных служб, так и для частных молебнов. Помимо этого Агрикола старался приводить несколько молитв на одну тему. У него было около дюжины как утренних, так и вечерних молитв, тогда как другие Молитвенники того времени ограничивались двумя или тремя.

По обычаю, утвердившемуся со средних веков, Молитвенник начинается с календаря на латинском языке. Помимо этого, приводятся связанные с календарем астрономические, астрологические, психологические и медицинские сведения. Таким образом, Агрикола дает три таблицы, которые объясняют, на какой день влияет какая планета и под каким знаком зодиака что нужно делать. После этого он объясняет, в какой части тела под влиянием какого небесного тела делать кровопускание. К естественнонаучным сведениям относится разделение людей на четыре темперамента, расчеты возраста мироздания в соответствии с богословским учением, а также перечень величайших радостей рая и тяжелейших мук ада.

Собственно Молитвенник начинается четырьмя стихотворными вступлениями, в которых Агрикола рекомендует книгу священнослужителям. Он превозносит использование священником народного языка стихотворной фразой, которая позже будет использоваться для подчеркивания авторитета и статуса финского языка:

«Тот, кому постижимы помыслы всех, услышит финский язык».

Молитвенник делится на три части. Первая содержит 40 псалмов, а также 116 библейских молитв, главным образом из Ветхого завета и книг апокрифов. Агрикола выбирал их с помощью вышедшего в 1528 г. на латинском и немецком языке библейского Молитвенника Отто Брунфельса, позднее неоднократно переиздававшегося. При переводе молитв он использовал Библию на латинском языке или *Вульгату*, лютеровскую Библию на немецком языке, по всей видимости, 1539 г. издания, а также вышедшую в 1541 г. первую шведскую Библию Густава Вазы. Следуя примеру Брунфельса, он сократил некоторые молитвы и сохранил некоторые небиблейские дополнения. Привычка Агриколы тщательно сверяться с несколькими текстами источников заметна уже в этих его первых масштабных библейских переводах на финский язык.

Вторая часть Молитвенника, 236 молитв, обнаруживает методы, с помощью которых Агрикола трансформирует средневековую литургическую традицию в лютеранскую. Основой является серия из 65 коротких молитв (*collekta*), связанных с церковным годом, а также 45 коротких молитв к дням святых. Многие молитвы Агрикола переводил из средневекового требника *«Missale Aboense»* Туркуской епархии. Изменения он делал главным образом в молитвах к дням святых, из которых он тщательно удалял упоминания о заслугах святых и обращения к ним за заступничеством.

Последняя часть Молитвенника, предназначенная для частных молебнов и состоящая из 291 молитвы, берет за основу не только *«Missale»* и Молитвенники позднего средневековья, но и новую литературу периода Реформации, с которой Агрикола познакомился во время учебы. Основным источником служат три Молитвенника, которые он перевел почти полностью. Молитвенник на немецком

языке, созданный для домашнего пользования правителем Пруссии герцогом Альбрехтом, демонстрировал лютеранскую набожность светского лица. Произведение было напечатано анонимно и получило широкое распространение. Второй Молитвенник на немецком языке был издан также анонимно, и Агрикола не мог подозревать, что его автора позже клеймят как еретика и фанатика. Речь шла о сборнике, использовавшемся в кругу сторонников силезского дворянина Каспара Швенкфельда, тексты из которого, помимо Агриколы, заимствовали многие другие лютеране. Молитвенник на латинском языке Эразма Роттердамского 1535 г. не принадлежит к числу наиболее известных произведений великого гуманиста, но он был одним из самых читаемых. Его молитвы перешли как в католические, так и в протестантские молитвенники, – правда, без упоминания автора, впавшего в немилость по обе стороны церковного фронта. Хотя на Эразме лежало проклятие Лютера, Агрикола не собирался скрывать источника молитв. Не было проблемы и с отбором – он перевел все сорок молитв.

Работу над финским переводом Нового завета Агрикола начал еще будучи канцлером епископа Мартти Скютте и продолжил работу в Виттенберге, по всей видимости, вместе с товарищами по учебе Мартином Тейтом и Симоном Хенрикинпокой. Рукопись была готова к концу 1543 г., затем подверглась правке, а в 1548 г., наконец, была издана форматом в четверть листа, богато иллюстрированная, на 718 страницах. На последнем листе, над знаком книгоиздателя Амунда Лауренсона, сообщается что Новый завет *«переведен в Турку»*. Как официальная церковная книга, она не имеет указания об имени автора, но уже Епископские хроники Юстена признали ее трудом Агриколы.

Помимо святого писания произведение содержит два прозаических вступительных слова, в последнем из которых объясняется, почему этот Новый завет написан в основном на туркуском диалекте. Ссылаясь на хронику Олауса Петри, Агрикола рассказывает о приходе христианства в Финляндию, а также о провинциях и диалектах страны. Кроме того, в этом труде есть вступление ко всем книгам Нового завета за исключением последней. Вступления к Евангелию взяты у святого отца Иеронима; Агрикола перевел их с латинского из Нового завета Эразма. Другие предисловия взяты из Библии Лютера. Из немецкой и шведской Библии взято более 500 кратких комментариев, размещенных на полях или в конце глав. Хотя большая часть этих пояснений является переводом, Агрикола, согласно своей манере, выверил свои источники, сделал сокращения и дополнения.

Агрикола сообщает в своем вступительном слове, что Новый завет переведен «частично из греческих, частично из латинских, немецких и шведских книг, согласно тому, как Дух и Милость Господа Иисуса одарила нас своими Дарами». Нет причины в этом сомневаться, и исследовательница Марья Итконен-Кайла доказала, что Агрикола использовал оригинальный текст Эразма. Помимо этого, он располагал

новым изданием эразмовского латинского перевода (*Вульгата*), шведским Новым заветом 1526 г., а также Библией на шведском языке 1541 г. У него также было несколько изданий лютеровской Библии 1530–40-х гг. Исследования доказывают, что Агрикола в своих переводах на финский язык принимал во внимание все основные тексты, не отдавая предпочтения ни одному из них.

В 1549 г. Амунд Лауренсон издал три книги на финском языке: «Требник», «Месса» и «Страсти Господни». Обычно они рассматривались как единое целое, поскольку содержали порядок церковных церемоний и прочих служб. Тексты были переведены уже во время поездки Агриколы в Германию, но напечатаны только после редактирования.

«Требник» («Требник о Крещении и других Христианских Обрядах») содержит порядок крещения, благословения на брак, венчания, отпевания умершего, а также слова ободрения для больных, умирающих и скорбящих. Он переведен из соответствующего требника Олауса Петри, хотя разделы, относящиеся к крещению и венчанию, Агрикола перевел прямо из текста Лютера. Душеспасительные тексты Агрикола взял из немецкоязычной книги утешений Каспара Губеринуса, вышедшей в 1529 г., являвшейся лютеранским вариантом позднесредневековых наставлений по приготовлению к смерти.

«Месса» («Месса, или Тайная вечеря») содержит порядок богослужений. За его основу взята шведская месса Олауса Петри, а также более ранние рукописные финские порядки богослужений. Давая понять, что его конечной целью был перевод на финский язык всей Библии, Агрикола перевел также первые четыре главы первой книги Моисея и поместил их в конце Мессы.

Третья литургическая книга, «Страсти Господни», повествует о страданиях Христовых и основывается на четырех Евангелиях. Части (или акты) этой книги читались на богослужениях на страстной неделе. Примером для Агриколы был его учитель времен учебы в Виттенберге Йоганн Бугенхаген, чей «Пассион» 1524 г. стал очень популярным произведением и переиздавался семьдесят раз. Агрикола опирался на немецкое издание 1544 г., но использовал также появившуюся в том же году шведскую версию, от которой сохранились только фрагменты. Последняя основывается на более раннем и сокращенном издании «Пассиона» Бугенхагена. Перевод Агриколы следует весьма точно немецкому оригиналу, но иногда он ссылается и на шведское издание. Естественно, что он не упускает из внимания и собственный перевод Нового завета.

«Псалтырь» Агриколы был опубликован 28 августа 1551 г. в типографии Амунда Лаурентсона. Титульный лист напечатан частично красным цветом, а на обратной стороне помещен герб шведского государства как знак высочайшего утверждения Густава Вазы и его «одобрения этой книги». Власть, таким образом, разрешила использовать Псалтырь в церкви.

Книга начинается десятистраничным прозаическим вступлением, которое в основном взято из соответствующего вступительного слова Лютера, но содержит также пространные цитаты из Св. Августина и Св. Базилия Великого, а также из составленного, по всей видимости, самим Агриколой жизнеописания Давида. Во втором, стихотворном вступлении Агрикола рекомендует использовать произведение для утешения в разных страданиях и беде, а также, в стиле, знакомом по вступлению к Молитвеннику, упрекает священнослужителей в лености. В конце он добавляет список языческих богов карелов и жителей Хяме, которым те, «подстрекаемые Дьяволом и грехом», поклонялись. Всего их было двенадцать для каждой области, и на основании этого списка Агриколу называют отцом финской истории религии. До сих пор не разгаданы все загадки списка. Агриколой, без сомнения, руководил гуманистический интерес к народным поверьям, но одновременно он видел в этом все еще процветающее язычество. По примеру Лютера и других реформаторов, он проводил параллель между суеверием и католицизмом; бороться нужно против них обоих.

Спустя неполных двадцать лет после смерти Агриколы Юстен жаловался, что Агрикола приписал себе перевод «Псалтыря», хотя «он целиком был переведен на финский в Туркуской школе во время ректорства Паавали Юстена. Юстен приказывал ученикам для тренировки стиля иногда переводить псалмы, как это делал светлой памяти доктор Лютер. Юстен выслушивал и исправлял их финский перевод в часы, отведенные на проверку сочинений учащихся и, зачастую, также и после ужина, в своем кабинете». Досада Юстена была очевидной, но он вряд ли рассказывает всю правду. Молитвенник Агриколы уже содержал переводы 40 псалмов, но из этого нельзя сделать вывод, что Юстен с учениками перевели оставшиеся 110 псалмов.

Без сомнения, Агрикола нес главную ответственность за перевод Псалтыря. С одной стороны, понятно, что не он один принимал в этом участие. В письме Амунду Лаурентсону в апреле 1551 г. он говорит, что, начиная с прошлой осени «на финский язык переведены и переводятся Псалмы Давида». В стихотворном вступлении он просит читателей помолиться за переводчиков. Таким образом, их было несколько, но невозможно выяснить, кто были помощниками Агриколы, и каков был их вклад.

За основу Псалтыря были взяты *Вульгата*, Библия Лютера и шведская Библия 1541 г. Исследователям не удалось выяснить, использовал ли Агрикола оригинальные тексты на древнееврейском языке. Он, конечно, прибегал к помощи Библии, изданной Себастьяном Мюнстером на древнееврейском языке с параллельным переводом на латынь, которую также использовал Лютер в своей работе над Библией. Помимо этого Агрикола использовал латинские Псалтыри соратников Лютера Йоганна Бугенхагена и Георга Майора.

В начале каждого псалма дается короткое объяснение его содержания, так называемый *суммарий*. Суммарии Агриколы взяты из Псалтыри Георга Майора, а также из латинских суммариев другого ученика Лютера, Вайта Дитриха. Как в Новом завете, в Псалтыре есть примечания на полях (всего 238). Они, за небольшим исключением, взяты из немецкой и шведской Библии.

Спустя лишь немногим более двух месяцев после выхода Псалтыря, 5 ноября 1551 г. Амунд Лаурентсон напечатал последний лист следующего произведения на финском языке. Книга *«Песни и пророчества»* планировалась как более крупное произведение, но из-за распутицы текст заключительной части не удалось доставить в Стокгольм. Таким образом, книга *«Пророки»* вышла только в августе следующего года.

Подобно Молитвеннику и Псалтырю, оба произведения начинаются со стихотворного вступления. В пространным вступительном слове Агрикола, в знакомом по вступлениям к предыдущим книгам стиле, пишет о лености священников, сетует на плохой спрос на его книги, а также жалуется на критику, доставляющую ему страдания.

В выборе текстов для *«Песней и пророчеств»* Агрикола опирался на вышедший в 1544 г. латинский Псалтырь Йоганна Бугенхагена, к которой были добавлены избранные фрагменты Ветхого завета. Сборник Бугенхагена начинается шестью ветхозаветными псалмами, а затем переходит к Книгам пророков. Агрикола следовал оригиналу, за исключением «второстепенных» пророков, из которых Бугенхаген выбрал лишь несколько отрывков. Агрикола перевел их все, за исключением нескольких стихов.

В переведенных Агриколой книгах Ветхого завета содержится пятнадцать вступлений, написанных с опорой как на лютеровскую, так и на шведскую Библию. В трех вступительных словах он обращался к текстам святого отца Иеронима.

Агрикола продолжил традицию, начатую им в Псалтыре, и снабжал переведенные главы *суммариями* (в общей сложности 143). Две трети взяты из латинского Псалтыря Бугенхагена, чуть менее трети – из сборника суммариев немецкого Ветхого завета Вайта Дитриха, а несколько написаны самим Агриколой. Заметок на полях в общей сложности 354. Как и в случае с Новым заветом и Псалтырем, они по большей части являются переводами фрагментов Библии Лютера и шведской Библии. Этого, однако, было недостаточно для Агриколы, который, комментируя некоторые главы Исаии и Захарии, заполнил все поля. Он использовал три книги комментариев Лютера, а также раздел с комментариями к изданию Библии Мюнстера.

Мечта Агриколы перевести на финский язык всю Библию, высказанная во вступлении к *«Песням и пророчествам»*, не осуществилась. Работа остановилась из-за отсутствия средств. В условиях, когда духовный капитул, опустошенный конфискационной политикой короля, более не мог ничего финансировать, а из королевской казны не

выделялось ни эре, печатать можно было лишь по предварительным заказам. А поскольку заказы не предвиделись, работа по переводу была прервана – почти на сто лет.

Человек и его слава

Микаэль Агрикола обладал редким талантом лингвиста, был богословом и гуманистом с обширными познаниями, распространенным на естественные науки, юриспруденцию и медицину. Хотя, без сомнения, работа над рукописями была его любимым занятием, он не был кабинетным ученым. Он руководил финской церковью, сначала неофициально, на протяжении десяти трудных лет.

Агрикола вполне осознавал свою разностороннюю и исключительную одаренность. Укоренившееся во многих трудах упоминание о его «покладистом и терпеливом» характере не получает подтверждения в источниках. В частности, Епископские хроники Юстена дают понять, что магистр Микаэль не был приятным коллегой. Это же обнаруживается в стихотворных вступлениях Агриколы, в которых он не скупится на сарказм. В своих действиях он был решительным, и у него хватало смелости выступать против самодержавного короля.

Агрикола, подобно шведу Олаусу Петри, был консервативным реформатором, испытывавшим на себе влияние библейского гуманизма. Его можно в равной мере считать последователем как Эразма и Меланхтона, так и Лютера. К тому же, он был реформатором во втором поколении, и ему не нужно было, подобно Лютеру и Олаусу Петри, разрушать старое. Буря уже прошла, так что задачей Агриколы и его коллег было созидать новое.

Анонимный современник охарактеризовал Агриколу как «чрезвычайно образованного человека». Юстен оказался в тени своего предшественника, и поэтому рисуемый им в Епископских хрониках портрет Агриколы окрашен плохо скрываемой завистью.

Во время шведского господства создателя финского литературного языка не особенно почитали. Вышедшая в 1642 г. первая полная Библия содержала переведенные Агриколой части практически в неизменном виде, правда, с модернизированным правописанием. Комитет по переводу Библии оставил, однако, имя первопроходца без упоминания, хотя во вступлении и поблагодарил предшественников за их труд. Историографов того времени больше интересовали древние короли Финляндии, чем церковные деятели предшествующего столетия. Труд Агриколы привлек к себе более пристальное внимание лишь в конце 18 в., когда Хенрик Габриэль Портан в своем главном произведении прокомментировал Епископские хроники Юстена. Портан утверждает, что Агрикола своим трудом заслужил вечную благодарность своих соотечественников, потому что сделал на благо церкви больше, чем многие другие после него.

Национальный романтизм 19 в. вознес Агриколу до статуса великого деятеля, наряду с Элиасом Лённротом, Й.Л. Рунебергом и Й.В. Снельманом. Ц. Топелиус рассказывает в своей *«Хрестоматии для детей»* о сыне бедного рыбака, вставшем на путь учения, а Альберт Эдельфельт проиллюстрировал роскошное издание книги. Памятники Агриколе были установлены в зале заседаний духовного капитула Турку, в церкви Святого Николая в Хельсинки (позже кафедральный собор Хельсинки) и перед кафедральным собором в Выборге. Были начаты исследования языка Агриколы. В независимой Финляндии за Агриколой закрепилось место в числе великих национальных деятелей. Поскольку его произведения зафиксировали финский язык в наиболее ранней письменной форме, их изучение по-прежнему остается одной из главных задач языкознания в Финляндии.

– Симо Хейнинен

Приложение:

Микаэль Агрикола, сначала также Микаэль Олай, род. ок. 1510, Перная, умер 9.4.1557, Уусикиркко, Карельский перешеек, похоронен 12.4.1557 в Выборге. Родители: Улоф, крестьянин, имя матери неизвестно. Жена: предположительно в 1640-е гг. Биргитта Олавинтютяр, умерла ок. 1595. Сын: Кристиан Агрикола, род. 1550, умер 1586, епископ Таллина; жена сына: Элин Флеминг.

Аксель Фредрик Айро
(1898–1985)

*начальник Генерального штаба,
генерал-лейтенант,
депутат парламента*

А.Ф. Айро был ведущим офицером, отвечающим за военное планирование, как во время Зимней войны, так и во время Войны-продолжения. В Главной ставке он был самым близким человеком к главнокомандующему, маршалу Маннергейму. Новейшие исследования указывают также на важную роль Айро в оперативном планировании на случай войны в 1930-е гг.

Аксель Фредрик Айро перед второй мировой войной сыграл решающую роль в создании системы воинских частей, гарантировавших быструю мобилизацию. Из всех офицеров Главной ставки у Айро была, возможно, самая лучшая теоретическая и профессиональная подготовка, которую он получил в начале 1920-х гг. во Франции, одной из ведущих военных держав. Уже в 1930-е гг., будучи секретарем Совета обороны, он завоевал полное доверие Густава Маннергейма. Наиболее значимыми этапами карьеры Айро стали начало Зимней войны в 1939 г., наступление 1941 г. и победы в оборонительных боях на Карельском перешейке летом 1944 г. После войны Айро был арестован по подозрению в участии в организации тайных складов оружия на территории Финляндии. В послевоенные десятилетия Айро получил за свою неразговорчивость прозвище «молчаливый генерал». В конце своей активной общественной карьеры в 1958–1966 гг. он дважды избирался депутатом парламента.

Сын рабочего становится офицером

Аксель Фредрик Айро происходит из довольно скромной семьи из Турку. В школьном реестре в качестве профессии его отца записано «рабочий», хотя позднее встречается и вариант «домовладелец». В семье царил дух просвещения и феннофильства. В 1906 г. отец изменил фамилию семьи с Йохансон на Айро, а на стене в доме висел портрет Й.В. Снельмана. На прогрессивность и сознание важности образования указывает и то, что оба ребенка, Аксели и Артурури, были отданы в школу.

Школьные годы Аксели приходятся на второй период угнетения. В реальном лицее Турку Айро впитал национальный, патриотический дух, к которому естественным образом прибавилось сопротивление всему русскому и феннофильство в языковом вопросе. Важную роль в развитии юноши сыграли летние каникулы, которые он проводил в Тарвасйоки в доме своего троюродного брата Эрки Юрьяня. Ребята из дома пастора в Тарвасйоки стали для Аксели товарищами, которые сыграли роль в его последующей жизни.

Молодые люди с воодушевлением восприняли начало первой мировой войны, желая победы Германии. До них дошла информация, что кое-кто из более старших юношей отправился из Турку в Германию «бойскаутами», но на самом деле получать военную подготовку. Однако Айро чувствовал свой долг перед родителями – сдать экзамен на аттестат зрелости. В школе он не был каким-то особенным учеником, хотя и вполне справлялся с программой. Впервые его способность сосредотачиваться проявилась во время сдачи выпускных экзаменов, когда ему удалось заметно улучшить свои отметки в аттестате и сдать экзамен довольно хорошо. Весной 1917 г. стал ощущаться свежий ветер революции. Айро со своими друзьями оптимистично относился к будущему. Осень, однако, внесла коррективы, и учеба юного студента так и не началась ни в Хельсинкском университете, ни в высшем техническом училище. Осенью Айро часто встречался с друзьями, и они обсуждали свои будущие действия в духе движения активизма.

В январе 1918 г., с началом гражданской войны, Айро удалось перебраться на территорию, контролируемую белыми. Он завербовался в батальон города Пори Туркуского полка. Но на фронт он попал не сразу, так как сначала проходил курсы в артиллерийской школе Пиетарсаари. Боевое крещение Айро прошел в Ахвола на Карельском перешейке. Бои при Ахвола стали самым кровавым и изматывающим сражением в позиционной войне, его называли даже «финским Верденом». После этих боев он участвовал в захвате Выборга в конце апреля.

По окончании войны Айро был фельдфебелем. Война оказала на него сильное воздействие, и он решил вместо учебы в техническом вузе выбрать карьеру офицера. Летом и осенью 1918 г. он продолжил воинскую службу, став затем неплохим командиром батареи в Лаппеенранта, куда был переведен. Учеба продолжалась в Финской артиллерийской школе и на специальных курсах. Несмотря на свой успех, Айро ничем не отличался от других молодых офицеров, прошедших гражданскую войну. Отъезд во Францию изменил все как по мановению волшебной палочки. Бесспорный талант Айро предопределил выбор, но присутствовала и доля удачи. Айро и позже считали «удачливым генералом», как называл его маршал Маннергейм.

«Французский офицер»

Три года напряженной учебы во Франции (1920–1923) стали толчком паразитально стремительной офицерской карьеры. Быстрый карьерный

рост был в то время тем более сложным, что Айро не участвовал в егерском движении периода Первой мировой войны. Почти все высшие и средние посты были заняты бывшими егерями. За три года он в совершенстве выучил французский язык и хорошо познакомился с французской культурой и образом жизни. Трехгодичное обучения проходило без перерывов сначала в специальной кадетской школе в Сен-Сири, а затем, в течение двух лет в высшем военном училище в Париже. В последнем, известном и престижном учебном заведении, в то же время, но на более младшем курсе обучался Шарль де Голь.

Можно сказать, что Айро в те годы по своему мировоззрению стал «французским офицером», который привык видеть значение обороны и оборонительного боя, а также связанную с этим роль укреплений. Франция при помощи крепкой обороны вышла из первой мировой войны победительницей. Айро демонстрировал отличный от многих офицеров-егерей взгляд на эти вопросы. Во время учебы во Франции Айро случайно познакомился с французским переводом книги китайского стратега Сунн-Цзуна «Искусство ведения войны». Айро настолько высоко ценил эту книгу, позднее ставшую предметом восхищения, в частности, Мао Дзедуна, что во время Второй мировой войны посоветовал прочитать ее маршалу Маннергейму. Маршал действительно прочитал произведение и посчитал его интересным. Другим объектом интереса Айро был прусский военный теоретик генерал Карл фон Клаузевиц.

Айро крупно повезло в том смысле, что на родине ему сразу же удалось применить свои знания и умения. Уже после кратковременной службы в двух воинских частях в 1920–30-е гг. он сосредоточился на работе в Генеральном штабе. Будучи начальником оперативного отделения Генерального штаба, а затем возглавляя отдел, он существенно повлиял на планы обороны Финляндии. В 1930-е гг. от егерского наступательного оптимизма 1920-х гг. был осуществлен переход к оборонительному реализму Айро.

Будущий главнокомандующий, маршал Маннергейм и молодой начальник оперативного отдела познакомились, когда в 1933 г. Айро был назначен секретарем Совета обороны. Маннергейм был явно доволен своим помощником. В знак доверия Айро был назначен военным экспертом и советником на переговорах со Швецией по вопросам совместной обороны Аландских островов. Выбор был неожиданным, потому что Айро как «подлинный финн» не соглашался говорить на шведском языке. Он использовал на переговорах французский, вызвав этим раздражение шведской стороны.

Творец чуда Зимней войны

Традиционно в историографии Айро подчеркнуто рассматривается как «человек Маннергейма». Это действительно имеет место, так как их совместная работа непрерывно продолжалась более десяти лет – со

времен работы в Совете обороны, во время Зимней войны и Войны-продолжения и вплоть до 1945 г. Однако по многим важным вопросам их мнения не совпадали. Это проявилось уже осенью 1939 г. во время переговоров в Москве, когда начальник оперативного отдела, в отличие от маршала, стоял на абсолютно непреклонной позиции по отношению к требованиям Советского Союза. Такого же мнения был министр обороны Юхо Ниукканен, выходец с Карельского перешейка и член Аграрного союза. Оба они находились в тесном взаимодействии.

Вскоре после начала войны главнокомандующий назначил Айро главным квартирмейстером, на должность, которой не существовало в мирное время. Таким образом, полковник Айро приобрел статус, позволявший ему осуществлять руководство всей оперативной деятельностью Главной ставки. Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант К.Л. Эш был отстранен от рассмотрения оперативных вопросов. После неудачного наступления IV Армейского корпуса в Ладужской Карелии маршал Маннергейм больше не принимал решений, расходившихся с предложениями Айро.

В обстановке войны Айро смог полностью проявить себя. В несколько хаотичной ситуации начала Зимней войны он оставался холоден и спокоен, вселяя тем самым в свое окружение и в главнокомандующего уверенность в эффективности оборонительной тактики. Размышляя над ведением операций, он проявлял блестящий талант быстро и в комплексе представлять картину событий и делать соответствующие выводы. Огромная трудоспособность и умение долго обходиться без сна имели большое преимущество в тяжелой обстановке войны.

На небольшой территории Карельского перешейка Айро проводил оборонительную тактику, не всегда совпадавшую со взглядами главнокомандующего. В этом он был больше на стороне командующего соединениями на перешейке генерал-лейтенанта Х.В. Остермана, чем на стороне главнокомандующего. В Ладужской Карелии и на северном фронте он, наоборот, действовал в духе активного наступления. После отражения финнами первого развернутого наступления советских частей на перешейке в декабре, наступление началось на севере. С точки зрения боевого духа, первая значительная победа была достигнута в Толваярви. После этого, умело изменив направление главного удара, удалось разбить врага на всех направлениях: в Петсамо, Салла, Суомуссалми и Кухмо. В Ладужской Карелии IV Армейскому корпусу удалось окружить значительную часть наступавшей Красной армии.

Победы над превосходящим по силе врагом в оборонительных боях в Северном Приладожье с полным основанием можно считать выдающимся достижением даже в масштабе мировой военной истории. Роль Айро в этих успехах была центральной. Победы на северном и восточном фронтах в январе 1940 г. внушили оперативному руководству чрезмерный оптимизм. На этих фронтах на какое-то время удалось закрепить успех, тогда как на Карельском перешейке приходилось

удовлетворяться активной обороной, изматывающими боями. Вполне возможно, что чрезмерная уверенность в прочности линии Маннергейма и честолюбие повлияли на то, что главнокомандующий по совету главного квартирмейстера большую часть новых соединений сосредоточил на северном берегу Ладоги. Судьба Финляндии решалась на Карельском перешейке.

Впоследствии, сразу после войны, в интервью и статье, опубликованной в 1951 г. в воспоминаниях Юхо Ниукканена, приводилось мнение Айро, что на линии Маннергейма в районе Сумма не могло произойти настоящего прорыва. В этой же связи он говорил, что в марте в Выборгском заливе не было никакой катастрофы. По мнению Айро, войну следовало продолжать, и ее можно было бы с успехом вести с помощью союзников вплоть до весны 1940 г. Сторонники продолжения войны, которые были как в армейском руководстве, так и в правительстве, остались в меньшинстве. Уставший и больной главнокомандующий, а также премьер-министр Ристо Рюти и министр иностранных дел Вяйнё Таннер выступили за заключение мира. По мнению Айро, политическое руководство запаниковало. Более спокойными действиями Финляндия, сохранив нервы, могла бы прийти к более выгодному миру.

Ситуацию в Главной ставке времен Зимней войны и Войны-продолжения Айро описывал позднее как «неразбериху», которая не могла служить примером ни для какой другой организации. В основе всего лежали личные связи Маннергейма и принципы организации работы мирного времени. Статус начальника генерального штаба имел свои особенности. Ни начальник Генштаба во время Зимней войны К.Л. Эш, ни его преемники периода перемирия и Войны-продолжения Эдвард Ханель и Эрик Хейнрикс не могли вмешиваться в планирование операций, не говоря уже о том, чтобы осуществлять командование. Эта деятельность и представление докладов полностью находились в руках главного квартирмейстера.

Айро и курс на Германию

На последнем этапе Зимней войны Айро еще надеялся на помощь западных союзников. Крах Франции в мае–июне 1940 г. в результате молниеносной войны Германии означал полную смену декораций. От Франции и даже от Англии не следовало ожидать поддержки. На эффективную помощь Швеции Айро не надеялся даже в 1930-е гг. Ситуация после Зимней войны, по его мнению, отнюдь не улучшилась. Поворот в сторону Германии был для Айро неприятен. В молодости, в возрасте, открытом любому влиянию, он три года жил и учился во Франции и по некоторым причинам всегда чувствовал антипатию к Германии. Такая позиция не осталась незамеченной немцами. Во время Войны-продолжения в докладе, подготовленном немецкой тайной полицией Гестапо, Айро был подвергнут жесткой критике. В докладе

отмечались симпатии Айро к Франции и его связи, и описывалось его отрицательное отношение к офицерам-егерям. Особенно немцы боялись его опасного влияния на Маннергейма, которого и так считали англофилом. У Айро с самого начала было реальное представление о подготовленности немецких войск к ведению операций в Лапландии и Восточной Карелии. Совершив в конце зимы 1941 г. по приказу главнокомандующего двухнедельную рекогносцировочную поездку в район между Петсамо и Салла, больше всего интересовавший немцев, Айро лаконично и с сарказмом рапортовал: «Не пройдет ни русский, ни немец, господин Маршал!»

Айро не был так называемым «пламенным активистом» и не участвовал, как многие его товарищи, в военных походах в Восточную Карелию в начале 1920-х гг. Однако в силу своего служебного положения ему все же пришлось стать одним из главных архитекторов военной кампании, направленной на Восточную Карелию. В мае 1941 г. он составил для главнокомандующего памятную записку, в которой изложил варианты проведения будущих границ. План был весьма умеренным. В ноябре 1941 г., после продвижения финских войск вглубь Восточной Карелии, планы Айро стали значительно более далеко идущими. Он планировал даже присоединение к Финляндии Кольского полуострова. В отношении Ленинграда Айро стоял на той же позиции, что и Маннергейм: на него не следовало наступать. Однако позже он критиковал главнокомандующего за то, что тот заявил немцам, что финские войска не будут двигаться дальше линии стратегической обороны.

Когда немцы стали оказывать на финнов давление, побуждая их перерезать стратегически важную Мурманскую железную дорогу в районе станции Сорока, Айро получил задание подготовить эту операцию. Он попросил в помощники двух генерал-майоров, Эрки Раапана и Рубена Лагуса. Из-за отрицательного отношения к операции главнокомандующего и президента республики она не была осуществлена. Айро до самой своей смерти был убежден, что дорогу можно было бы перерезать. То, что эта мера, вероятно, привела бы к объявлению Соединенными Штатами войны Финляндии, по мнению Айро, в той ситуации не имело большого значения. Айро был, прежде всего, профессиональным военным, который мало задумывался над политическими вопросами. Он, по собственному выражению, никогда не разговаривал с главнокомандующим о политике.

«Ворота» Карельского перешейка

9 июня 1944 г. Советский Союз развернул успешное наступление на Финляндию. С этого времени в публичных дискуссиях, мемуарах и исследованиях по военной истории не прекращается обсуждение того, как стал возможен прорыв и кто несет ответственность за катастрофическое развитие событий.

Командующий войсками на перешейке, генерал-лейтенант К.Л. Эш обвинял, прежде всего, разведывательную службу Главной ставки, то есть полковника Аладара Паасонена, за приукрашивание разведывательных данных. Паасонен винил оперативное руководство, прежде всего, Айро и начальника оперативного отдела, полковника Вало Нихтиля. Нихтиля обвинял Айро, так же как и тогдашний премьер-министр Эдвин Линкомиес. Начальник Генерального штаба, пехотный генерал Эрик Хейнрикс свалил вину на плечи стареющего главнокомандующего, который «из-за деревьев леса не видел». Айро отвергал обвинения и критиковал командира Олонецкой группировки генерал-лейтенанта Пааво Талвела за отказ от сопротивления. В многочисленной литературе, касающейся этого вопроса, также выдвигаются обвинения в адрес командующего IV Армейским корпусом генерал-лейтенанта Тааветти Лаатикайнена, начальника 1 Дивизии, командира полка или просто финского солдата, рядового, который не окапывался, а с большим удовольствием загорал.

Документ за документом перечисляются те приказы, которыми Главная ставка наращивала численность войск на Карельском перешейке. Зимой и весной 1944 г. главнокомандующий подчеркнул необходимость готовности на случай ожидаемого развернутого наступления советских войск. Однако никакого решительного усиления боеготовности не произошло. «Для этого нужна была жестокая действительность», – как отметил в своих воспоминаниях Эш.

О хладнокровии Айро во время войны ходили почти легенды. Вполне возможно, что именно это «чрезмерное спокойствие» повлияло на то, что даже накануне развернутого наступления на фронте не происходило тщательной подготовки к обороне. С другой стороны, спокойствие Айро было необычайно важной чертой во время оборонительных боев. Он не терял самообладания. С холодным спокойствием начались мероприятия для оказания сопротивления, сосредоточение пехотных взводов и полевой артиллерии на пути продвижения противника, в районе Тали-Иханталя, в Выборгском заливе и в Вуосалми. Успешные сдерживающие бои в Восточной и Ладожской Карелии и эффективное сосредоточение войск к северо-западу от Выборга, наряду с улучшившейся с точки зрения Финляндии общей ситуацией, привели к хорошему результату. Советские войска не достигли даже своей промежуточной цели, реки Кюмийоки.

Когда в августе 1944 г. Маннергейм стал президентом республики, положение Айро стало еще более высоким. Во время Лапландской войны против немцев Айро нес главную ответственность за планирование и осуществление операций. Главнокомандующий назначил его в начале декабря начальником Главного штаба. Главнокомандующий был удовлетворен действиями Айро. Об этом свидетельствует то, что 18 октября ему был вручен Крест Маннергейма (Крест Свободы 2 степени), а в январе 1945 г. – Крест Свободы 1 степени с нагрудной

звездой, мечами и дубовой ветвью. Военная карьера Айро до самого конца шла по восходящей.

Из тюрьмы в политику

В интервью, данном в 1968 г., Айро рассказал о подготовке к партизанской войне против советских войск. По его мнению, первые планы подготовки были составлены в конце 1944 г., сразу после подписания договора Рюти-Риббентропа. Айро незадолго до своей смерти признался, что он был осведомлен о подготовке и осуществлении той же осенью планов устройства тайных складов оружия. Начальник генерального штаба был арестован в июне 1945 г. по подозрению в измене родине, и в сентябре того же года его поместили в «изолятор» как обвиняемого в участии в незаконной подготовке вооруженных действий.

О силе духа и воли Айро свидетельствует то, что почти 33 месяца тюрьмы не сломили его, хотя представители коммунистов из государственной полиции (так называемая «красная Валпо») оказывали на него всяческое давление. Айро удалось тайно передать из тюрьмы рукопись своей книги *«Мобилизационный заговор»*. Книга молниеносно распространялась из рук в руки, и Валпо удалось конфисковать только несколько сотен экземпляров из пятидесяти тысяч тиража.

После освобождения Айро весной 1948 г. президент республики распорядился об увольнении его с действующей службы – «ради общего блага». Генерал, которому только что исполнилось 50 лет, переехал к семье в усадьбу Ристинтайпале, расположенную в сельской коммуне Хейнола. Приняв сначала участие в муниципальной политике в качестве представителя Национальной коалиционной партии, в 1956 г. он выставил свою кандидатуру в выборщики президента республики. Успех вдохновил его в 1958 г. выдвинуть свою кандидатуру в депутаты парламента. В 1962 г. он вновь был выборщиком президента и стал на второй срок депутатом. Айро пользовался в парламенте большим уважением, но в практической работе парламента он проявил себя весьма пассивно. Айро не был политиком.

Как следует из новейших исследований, в 1950-е гг. существовали предварительные планы, согласно которым с наступлением возможной войны Айро был бы назначен либо главнокомандующим, либо, по крайней мере, на один из руководящих постов в армии. Айро не стал полным генералом, но в знак признания президент Мауно Койвисто 6 декабря 1982 г. вручил ему большой крест Ордена Белой Розы с мечами.

Приложение:

Аксель Фредрик Йохансон, с 1906 Айро, род. 14.2.1898 Турку, умер 9.5.1985 Хейнола. Родители: Отто Фредрик Йохансон, домовладелец, и Аманда Вильгельмина Грэнлунд. Жена: 1924 – Айно Вильгельмина Вуори, родители жены: Йохан Хенрик Вуори, земледелец, и Вильгельмина Лехтинен. Дети: Айла Айно (Айро-Пауль), род. 1926; Анья Айно (Айро-Пелтола), род. 1928.

Айно Акте (1876–1944)

оперная певица

Айно Акте была наиболее известной финской певицей рубежа 19 и 20 вв. Дебютировав в качестве лирического сопрано Парижской *Гранд Опера*, она стала европейской драматической оперной звездой. Подлинным триумфом в международном масштабе стала роль Саломеи, в которой она воплотила модернизм своего времени. Позднее Айно Акте все свои музыкальные способности, активность и работоспособность направила на развитие оперы у себя на родине. Она стала выдающимся деятелем культуры начала 20 в.

Выступив в 17 лет в 1893 г. на концерте своей матери Эмми Акте, Айно сразу же привлекла внимание своим голосом, талантом и внешностью. Она вышла на авансцену непосредственно из семейного круга, где получила основы музыкального образования. Ее мать была амбициозной и энергичной фигурой в музыкальной жизни Хельсинки. Помимо собственного большого оперного репертуара она обладала также педагогическими и организаторскими способностями. Отец, Лоренц Акте был разносторонним музыкантом, композитором, оперным певцом и дирижером. Без энергии матери Айно вряд ли сделала бы такую стремительную карьеру, хотя с самого начала она имела поддержку в лице выдающихся личностей, таких как Оскар Мериканто, позднее ставшего верным аккомпаниатором. Помимо Стокгольма и Дрездена, Эмми Акте училась в парижской консерватории. Париж был выбран также местом учебы для Айно, как благодаря педагогическому уровню, так и тем возможностям, которые открывались для студентов консерватории.

Парижская консерватория представляла элиту музыкальной культуры Франции. Хорошая базовая подготовка, северная чистота голоса, как воспринимали его французы, и серьезный подход молодой женщины, возможно, удивили членов приемной комиссии на вступительном экзамене 1894 г. Их единодушное решение зачислить ее первой из 197 претендентов в класс по вокалу Анри Дювернуа и в оперный класс Альфреда Жироде стало признанием рано раскрывшегося таланта Акте. Французская вокальная школа определила

направление карьеры, хотя позднее Акте принимала важные решения, которые не обязательно опирались на образование.

Три года учебы в консерватории не всегда были окрашены положительными тонами. Акте соприкоснулась с атмосферой соревнования, царившей среди певцов. Дювернуа был талантливым и жестким педагогом, который ревниво защищал своих любимых учеников и диктаторски командовал ими. Временами и мать проявляла излишнюю опеку. Акте изменила букву «h» в своей фамилии на «k», поскольку ее звучание во французском произношении вызывало насмешку (*achetée* – «купленная»). Вскоре проявились ее честолюбие, целеустремленность и усердие. Решающие академические концерты порой приносили разочарования, но по окончании третьего года обучения она получила первую премию по оперному классу, исполнив арии из *«Риголетто»* Д. Верди и *«Фауста»* Ш. Гуно. Это гарантировало принятие в парижскую Гранд Опера, тогда называвшуюся Национальным театром оперы, где на нее обратили внимание еще раньше.

Гранд Опера была национальным бастионом французской музыки, особенно после того, как в 1875 г., после окончания франко-прусской войны стало возможным торжественно открыть ее великолепное здание. Директор театра был по своему положению одной из влиятельных фигур страны. Уже в 1884 г. заместителем директора стал Пьер Гайар (1848–1918), известный баритон, остававшийся на руководящих постах с несколькими перерывами вплоть до 1908 г. Гайар обычно поддерживал Акте, которая позднее вспоминала о руководителе как о «монументальной» фигуре. Однако он требовал также ответных услуг. К примеру, в 1899 г. он увязал друг с другом заключение своего контракта и контракта Акте и использовал ее в этом деле как посредника в контактах с соответствующим министром. В Париже Акте усвоила стиль “гранд-опера”, объединявший высокий уровень вокала и впечатляющую сценографию. В этой школе лирическое сопрано стало преображаться в драматическое.

В 1897 г. Гранд Опера заключила с Акте контракт на два года. Ее дебют в роли Маргариты в *«Фаусте»* стал сенсацией, и в репертуаре следующей недели оставили место для трех вечерних выступлений Акте; всего в неделю было четыре оперных спектакля. Еще во время учебы в консерватории голос Акте сравнивали с чистым голосом шведской исполнительницы Кристины Нильссон (1843–1921); термины «ясность» и «чистота» часто использовались при описании голоса Акте. Нильссон, которая завершила свою карьеру еще до появления Акте, достигла большой известности в Соединенных Штатах, и то, что Акте позднее сравнивали там с Нильссон, было не всегда делом положительным. Пример Нильссон мог повлиять на решение Акте закончить выступления, когда ее голос еще вполне был в силе.

Дебют Акте в Париже был хорошо встречен за некоторым исключением, за которым стояла «политика отношения к певице».

На родине, куда Акте приезжала каждый год на отдых и с выступлениями, ее главным критиком был Карл Флодин. Иногда он был непоследователен, то восхваляя певицу в газете «*Нюа Прессен*», то ругая ее в издаваемом им журнале «*Этерн*». Молодое поколение «*Этерн*», представлявшее действительно культурную группировку, поддерживало и восхищалось Акте, что и привело к конфликту с Флодином. Как считала сама Акте, позиция Флодина объяснялась тем, что в свое время финляндская государственная стипендия для учебы в Париже была предоставлена Акте, а не будущей жене Флодина. Успех Акте вызывал и другую реакцию со стороны завистников на родине. К примеру, замалчивались положительные отклики на ее выступления во Франции. Но в целом беспристрастные рецензии были доброжелательными. Оскар Мериканто не скрывал своего восхищения и выступал с опровержениями публикаций Флодина и других. Позднее тональность рецензий в Швеции и Соединенных Штатах была более сдержанной, чем в Германии и Англии.

Помимо партии Маргариты, к успешным ролям начального периода в старых оперных произведениях можно отнести исполнение заглавной партии «*Альцеста*» В. Глюка и роль Бенжамина в опере «*Иосиф*» Э.Н. Мегюля. Последняя, исполненная в 1899 г., стала довольно редкой для Акте ролью мальчика. Главная женская партия в опере «*Ромео и Джульетта*» Гуно хорошо подходила Акте; это была также любимая партия Нелли Мельба (1861–1931). Когда Гайар в 1900 г. вновь был назначен директором, он заключил с Мельба краткосрочный контракт. Репертуар Акте и Мельба имел много общего: В.А. Моцарт и Г. Доницетти остались в стороне. Акте продолжала считать себя примадонной. Ее соперницей была Люсьен Бреваль (1869–1935), которую можно считать ведущим сопрано, если судить по длительности контрактов. В очень осторожном репертуаре Гайара было мало новинок, даже французских. Говорили, что в опере исполняются известные произведения, пригодные для гала-представлений в честь королевских визитов. Так, несколько позже Акте придется исполнять партию Микаэлы в «*Кармен*» Ж. Бизе, роль, которую она считала «написанной для старых дев». Наиболее заметной новой ролью стала Недда в «*Паяцах*» Р. Леонкавалло. Это был знак, свидетельствовавший о стремлении певицы к самообновлению.

В 1900 г. певица много потрудилась на Всемирной выставке в Париже. Наравне с Альбертом Эдельфельтом ее считали неофициальным послом культуры Финляндии, чье знание Парижа и дипломатические навыки, несмотря на возраст (24 года), способствовали успеху финского павильона и выступлению Финляндии как автономной и цивилизованной страны. Эдельфельт с самого начала следил за карьерой Акте, и в числе объединявших их факторов была единомышленная позиция в защиту Альфреда Дрейфуса. Нежное преклонение, встречавшее взаимность, заметно в портретах Акте, которые

написал Эдельфельт: большой портрет певицы в полный рост (1901) демонстрирует целеустремленность и личную ауру его героини.

Личная жизнь Акте не давала поводов для сплетен, что в Гранд Опера было большой редкостью. Первоначально театр выступал против ее замужества. (Еще со времен учебы она была тайно обручена с юристом Хейкки Ренвалем). Однако во время нового контракта на рубеже веков замужество рассматривалось как вполне приемлемое. Свадьба состоялась в Хельсинки весной 1901 г. В следующем году, когда примадонна первый раз сделала граммофонную запись, она объявила себя как «Мадам Акте из Оперы», как и было записано на пластинке.

Несовершенная техника звукозаписи на заре граммофонной эры не помешала услышать великолепие и уверенность ее голоса, проявившиеся в великолепно исполненной «арии с жемчугом» из оперы «Фауст». Грамзаписи свидетельствуют также о безупречной колоратурной технике исполнительницы. Однако французский язык, на котором она исполняла также немецкие и норвежские песни, устанавливал известные ограничения. Некоторые записи вскоре оказались несовершенными с точки зрения интерпретации. Пожар в компании «Эдисон» накануне Первой мировой войны уничтожил три десятка фонограмм Акте, готовых к тиражированию. Граммофонные пластинки не обрели для Акте такое же значение, какое они имели для Энрике Карузо (1873–1921).

Вместе с Энрике Карузо Акте выступила на пароходе по пути в США. Нью-йоркская Метрополитэн Опера уже какое-то время пыталась привлечь Акте, и это давало ей возможность вырваться из рутины Гранд Опера. Метрополитэн заключил с ней контракт в общей сложности на два сезона (1903–1905). Она вошла в труппу одновременно с Карузо, но не достигла такого же успеха. У публики были свои любимцы, которые часто представляли итальянскую школу, а не французскую. Акте не могла привыкнуть к манерам критиков из музыкальных изданий, которых она считала продажными. Из репертуара знаменитого континентального гастрольного турне Метрополитэн Опера видно, что Акте была на вторых позициях после американки Эммы Имс (1865–1952), вернувшейся в 1891 г. из Парижа. Американка шведского происхождения Оливия Фремстад (1871–1951), также как и хорватка Милка Тернина (1863–1941), чьим голосом восхищалась Акте, были ведущими звездами. Акте обнаружила, что прекрасная американка Жеральдин Фарра (1882–1967) поет ее лучшие партии в Париже, и увидела, что то же самое происходит в Метрополитэн. Возвращение в Европу принесло облегчение. Положительными сторонами пребывания в Нью-Йорке можно считать более близкое знакомство с операми Р. Вагнера.

Акте продолжала выступать в качестве приглашенной солистки в Гранд Опера в Париже, но все чаще исполняла партии сопрано в «Нюрнбергских мейстерзингерах», «Лоэнгрине», «Тангейзере», «Летучем голландце» и «Зигфриде» Р. Вагнера на ведущих оперных сценах

Англии и Германии. В ее репертуар также вошли темпераментные партии в операх «Тоска» Д. Пуччини и «Таис» Ж. Массне. Сольные турне в Германии сделали ее знаменитой по всей империи, в то время как во Франции она была знаменита лишь в Париже. Сезон немецкой оперы в Ковент Гарден в 1907 г., когда Акте с успехом исполнила Вагнера, привлек к ней внимание лондонской публики. Но уже летом 1906 г., выступая в Кёльне, Акте услышала о том, что Рихард Штраус (1864–1949) репетирует оперу, увлекшую Акте. С исполнением партии Саломеи она решительно перешла к современному для того времени, если не к радикально авангардному оперному искусству.

Акте обратилась к Штраусу за руководством и усердно работала над трудной ролью. Штраус также убедил ее станцевать «*Танец семи покрывал*», что открыло новые возможности ее сценических талантов. Она создала драматический образ, который больше акцентировал страстность, нежели «порочную» природу персонажа. Одновременно отмечалось влияние на ее Саломею драматического образа, созданного Сарой Бернар. Неотъемлемой частью образа стал и костюм Саломеи, выдержанный в ориенталистском стиле и заказанный певицей в ведущем парижском Доме моды Ворта.

На премьере «Саломеи» в апреле 1907 г. в Лейпциге Акте осознала физическую сложность роли, чувствуя, что неправильно рассчитала свои силы. Однако в Дрездене, где состоялась всемирная премьера оперы, она довела партию до триумфальной финальной сцены, которая стала своеобразной визитной карточкой Акте. Эту роль она считала вершиной своей карьеры. В летопись лондонской оперы Акте вошла именно как первая исполнительница Саломеи в Англии в 1910 г. Там, наконец, было получено разрешение на постановку оперы Штрауса, хотя, по мнению как Акте, так и Томаса Бичема (1879–1961), дирижировавшего в Ковент Гардене в тот сезон, цензура, которой было подвергнуто либретто, доходила до абсурда. Премьера стала выдающимся событием в мире оперы и для высшего общества. Главный критик и исследователь Штрауса Эрнест Ньюмэн (1868–1959) писал, что Акте исполняла роль с неослабным вдохновением и метко расставляла акценты.

Акте впервые исполнила песни Яна Сибелиуса «*Осенний вечер*», которую автор специально посвятил ей, и «*Лебедь*» и надеялась убедить композитора сопровождать ее на гастролях в Германии в весной 1911 г., где предполагалось исполнение новой песни в сопровождении оркестра, написанной им для Акте. Триумф Акте в Лондоне омрачило то, что Сибелиус телеграфировал об отказе от гастролей и написания песни, для которой уже были сделаны наброски. Певица справедливо обиделась, хотя и обещала в дальнейшем исполнять песни Сибелиуса. В 1913 г. Сибелиус послал ей «*Нимфу*», которую Акте считала гениальной и безумно сложной, но, тем не менее, с успехом представила ее в Англии. Сибелиус еще

раньше высказался, что считает Акте самой выдающейся исполнительницей Саломеи, которую он слышал. В 1913 г. Юхани Ахо показал Сибелиусу сценическую обработку вышедшего в 1911 г. романа «Юха», выполненную Акте. Певица надеялась, что это заинтересует Сибелиуса, однако тот так и не написал музыки для «Юхи». Позднее это сделали Аарре Мериканто и Лееви Мадетойя.

В Хельсинки, где Акте продюсировала, ставила, пела и танцевала «Саломею» в 1911 г., она публично поставила вопрос о необходимости оперного театра. В том же году она вместе с Эдвардом Фацером (1861–1943) создала Финскую национальную оперу, в премьерном выступлении которой исполнила роль Аниты в «Наварре» Ж. Массне. Она перевела на финский язык либретто и руководила постановкой оперы. Позже продюсируемые дочерью оперы ставила Эмми Акте, чей опыт времен золотого века финской оперы 1870-х гг. служил стимулом для всего предприятия. Активность Акте достигла города Савонлинна, где она руководила летними оперными фестивалями в 1912–1916 и в 1930 гг. В Савонлинне также исполнялись произведения финских авторов, такие как «Айно» (1912) Эрки Мелартина (1875–1937) и водевиль Илмари Ханникайнена (1892–1955) «Танцы по случаю окончания помочи». Акте побудила Ханникайнена, ставшего после Мериканто ее аккомпаниатором, написать это произведение. В 1938–1939 гг. ее попросили возглавить Финскую Оперу. Она провела блестящий осенний сезон: успех имела даже опера «Нерон и Актея» Х. де Манена, в дальнейшем редко исполнявшаяся. Однако затраты Акте на приглашенных исполнителей, декорации и костюмы привели к разногласиям с руководством, и она подала в отставку.

Оперная карьера певицы была близка к финалу еще накануне Первой мировой войны, когда она выступала в Ковент Гарден и на некоторых других сценах. Во время войны, не позволившей выступать на материке и облегчившей ее уход со сцены, Акте выступала на концертах и в некоторых оперных спектаклях в Швеции («Таус», 1915) и на родине. В 1920-е гг. Акте в течение одного года преподавала в консерватории в Париже. На родине многочисленные певцы, с которыми она работала в опере, могли считать ее своим учителем.

В первое десятилетие 20 в. Акте отдалась от Хейкки Ренваля, брак с которым закончился официальным разводом в 1917 г. В 1919 г. она повторно вышла замуж за генерала, губернатора Бруно Яландера. Она помогала ему в написании мемуаров о Кавказе и о времени больших перемен в Финляндии (1932), а также участвовала в деятельности в поддержку финских добровольцев, участвовавших в гражданской войне в Испании.

Еще в юности Акте перевела на французский язык сборник рассказов полюбившегося ей Юхани Ахо «Стружки» и некоторые из них опубликовала в парижских журналах. В маленьком сборнике «Воспоминания и фантазии» (1916) обнаруживается ее восхищение

творчеством Альберта Эдельфельта. Собственно воспоминания Акте (1925, 1935) оцениваются как субъективные, но они составляют наиболее полную основу для описания карьеры Акте и ее оперного окружения, как на сцене, так и за кулисами. Они отражают целеустремленность, но в то же время и неуверенность, с которой сталкивается молодая певица в спорных ситуациях. Акте в своем искусстве была серьезной и бескомпромиссной, но ее «парижская» манера изображения отношений с людьми обнаруживает некоторые комические ситуации в ее жизни. Она не была аналитиком, но ее взгляд, например, на роль Саломеи можно считать вполне современным. Говорят, что однажды в связи с выступлением в Лондоне она сказала: «Разве в каждой женщине нет немного Саломеи?»

Айно Акте сделала себе славу как сопрано во французской опере в Париже, а затем пошла дальше, через партии Вагнера к драматическим ролям в новых операх «Тоска» и «Саломея» – существенный шаг в развитии, которое, однако, не дошло до поздних произведений Пуччини и Штрауса. Наибольшего международного успеха она достигла благодаря роли Саломеи. Эта роль позволила ей приобщиться к модернизму того времени. Пик ее успеха на оперной сцене (1897–1913) дополнила деятельность, направленная на развитие оперного искусства в Финляндии.

– ПЕККА СУХОНЕН

Приложение:

Айно Акте, с 1901 Акте-Ренваль, с 1919 Акте-Яландер, род. 24.4.1876 Хельсинки, умерла 8.8.1944 Нуммела. Родители: Лоренц Акте, композитор, оперный певец и дирижер, и Эмми Шарлотта Стрёмер, певица, преподаватель музыки. Первый муж: 1901–1917 Хейкки Ренваль, доктор юриспруденции, род. 1872, умер 1955, родители первого мужа: Торстен Туре Ренваль, архиепископ, и Аманда София Лимнель; второй муж: 1919–1944 Бруно Яландер, генерал, губернатор, род. 1872, умер 1966, родители второго мужа: Фредрик Вильгельм Яландер, надворный советник, и Текла Форсель. Дети: Глория (Леппянен), род. 1901, умерла 1976, руководитель театра; Миес (Реенкола), род. 1908, умер 1988, врач.

Сантери Алкио

(1862–1930)

депутат парламента,

председатель Аграрного союза,

писатель

Сантери Алкио в начале политической карьеры принимал участие в молодежном движении, придавая особое значение прогрессивности, христианской жизни и самовоспитанию молодежи. Алкио имел возможность высказывать свои политические взгляды в основанной им газете «Илкка». Он вскоре стал известным идеологом так называемого аграрного движения («аграрианизма»). Популярность среди сельского населения привела его к посту председателя новой партии, Аграрного союза. Сторонники Алкио делают акцент на добродетелях сельского образа жизни, представляя его как альтернативу индустриальному и материалистическому городскому стилю, а также разрушительному социализму.

Сын сельского торговца Сантери Алкио стал влиятельной фигурой своего времени, настоящим общественным борцом. Идеалистическая натура сначала привела его в мир молодежных организаций и на писательское поприще. В дальнейшем зрелые годы он проводил в основном среди запаха типографской краски газетных издательств, в залах парламента и на собраниях различных объединений. Алкио, прежде всего, был журналистом, руководителем аграрной партии и общественным деятелем. В глазах современников он был великой личностью. От облика Алкио и его поведения веяло преданностью идее и верой в силу прогресса. У пророка из Лайхиа была харизма, талант намечать великие пути и пробуждать энтузиазм.

По линии отца Сантери Алкио принадлежит к крестьянскому роду Лююски из Лайхиа. В 18 в. из этого рода вышло много значимых для прихода лиц, в том числе четыре церковных старосты, что повторилось и в следующее столетие. Дом, в котором Сантери провел детство, был весьма скромным. Отец Юхо Лейкас работал сначала плотником, пока не повредил себе ногу и не начал работать портным у себя на дому. В этот период фамилия была изменена на Филандер (*filus* – «нить»), теперь она соответствовала новой профессии. Но поскольку игла и нить не очень-то добавили хлеба в доме, Юхо принялся за земледелие

на земле, принадлежавшей его жене. Кроме того, он содержал небольшую бакалейную лавку. Таким образом, Сантери уже с детства соприкоснулся с двумя областями жизни: сельскохозяйственными работами и торговлей.

Третья область жизни, школа, стала менее продолжительной, чем того хотели отец и сын. В 1870 г. в Лайхиа была открыта народная школа Исокуля, в которую Сантери попал в числе первых. Читать он умел уже до этого. О школе Кахра остались приятные воспоминания. Окончив народную школу, Сантери попытался поступить в среднюю школу в Вааса, но попытка оказалась неудачной из-за незнания шведского языка. Для талантливого мальчика это было горьким разочарованием, но учеба в широком смысле слова на этом не закончилась. Оставалось вечное самообразование и самовоспитание, которые сделали Алкио образованным и культурным человеком, а не просто обученным. Эту необходимость самостоятельного образования он внушал и другим. Его желание учиться было ненасытным и распространялось на любое печатное финское слово: от текстов философов и общественных мыслителей до художественной литературы, газет и информации из будничной жизни. Алкио был по своему складу литературно-общественным человеком, который очень увлекался чтением и часто попутно начинал записывать новые мысли, вызванные прочтенным.

Личная связь Алкио с крестьянской жизнью оборвалась драматически. Сельское хозяйство оказалось для семьи убыточным, и отец вынужден был ограничиться магазином. Потеря родной усадьбы была жестоким ударом для впечатлительного мальчика, которому было чуть больше десяти лет, и без сомнения создала эмоциональную основу для поэтизации крестьянской жизни в дальнейшем.

Неудача не убавила смелости у отца, наоборот, он решительно расширял свою торговлю. Когда в 1882 г. этот суровый, любивший крепкие напитки мужчина умер, 19-летний Сантери вынужден был взять на свои плечи ответственность за роскошный, обремененный большими долгами торговый дом и за существование семьи. Мать Мария, не умевшая читать и писать, лишь в какой-то мере могла участвовать в ведении торговли. Кроме того, двум братьям Сантери было тогда 3 и 5 лет. На годы юности Алкио наложили отпечаток заботы о поиске средств существования, большая ответственность и попытки, хотя и вынужденные, стать сельским торговцем. В сложившихся обстоятельствах значительным достижением стало то, что наследство отца, торговый дом, стоявший на перекрестке трех дорог, в конце концов, избавился от долгов и мог гарантировать семье средства к существованию на многие годы. Однако торговля не была призванием Алкио, и в конце 1904 г. он осуществил давно вынашиваемую идею о продаже магазина.

Вынужденно раннее взросление оставило след в душе Алкио. Впоследствии, в 1885–1894 гг., ему пришлось пережить смерть жены

и четырех детей. Отношение Алкио к жизни иногда находилось под властью мрачного настроения. Еще до своего взросления он пережил два социально-экономических краха и жил, остро ощущая давление со стороны отца. Он хорошо знал, что такое жестокие удары судьбы, «бедность» и «пьяные ругательства». У Алкио была чуткая совесть и требовательная мораль.

Однако за пределами исполненных обязанностей и заботами будней существовал совершенно иной мир – мир свободы, духовного развития и отдыха, к которому талантливый молодой человек все больше стремился. Его влекли культура, народное просвещение и общественная жизнь. Поначалу в главной роли выступали желание писать и деятельность в молодежном движении и движении за трезвость.

Молодежное движение зародилось в 19 в. в Южной Похъянмаа, откуда потом распространилось по всей стране. На начальном этапе в движении доминировали студенты-фенноманы из крестьян. От них Алкио усвоил феннофильские взгляды, идеалистические по своей природе. Он полностью принимал великую идею Й.В. Снельмана о финском цивилизованном государстве и обществе и оставался верным этой миссии до конца своей жизни. Цель казалась грандиозной и вдохновляющей. Молодежное движение в своем секторе и своими методами стало частью этого феннофильского национального проекта. Правда, официально движение придерживалось нейтральной линии в политических дебатах того времени, но это было скорее лишь программным фасадом. На самом деле, под руководством фенноманов и при преобладании финской сельской молодежи, оно было одним из бастионов феннофильства.

Для Алкио, в большей степени, чем для какого-либо другого руководителя молодежного движения, было очень важно, чтобы оно стало чем-то совершенно новым: культурно-просветительским и «охранительным» движением. Ставилась задача искоренять «испорченность нравов и невежество» и укреплять веру в здоровые ценности сельской жизни. Их нужно было оберегать от урбанизации и создавать защитный панцирь от соблазнов нового индустриального образа жизни. Эти отправные точки аграрного движения стали непосредственным направлением развития Аграрного союза.

Способности начинающего писателя из Лайхиа были быстро признаны в молодежном движении. В 1887 г. его избрали секретарем молодежного общества Южной Похъянмаа, а в 1888–1889 – его руководителем. Именно в это время начинает становиться известным имя писателя Сантери Алкио. Вскоре он нашел удачную сферу применения писательского таланта, став главным редактором газеты общества «*Пюркия*». На ее страницах он стал занимать центральное место идейного руководителя движения.

Из всех идей молодежного движения Алкио выделял провинциальную духовность, прогрессивность, христианство и самовоспитание молодежи. Движение должно было быть, прежде

всего, сообществом молодых людей, самостоятельно получивших образование. В этом идея Алкио сильно отличалась от взглядов феннофилов на народное просвещение, которое должно было управляться сверху. Эта же основная мысль подходила, по его мнению, и для христианской жизни. Каждый должен был сам искать свою веру без давления со стороны авторитетов. Только таким способом христианство могло стать действительно личностным и живым. Первые трудности молодежных обществ в Лайхиа научили его отдавать должное общественному просвещению и развитию людей без принуждения. «Мельницу» не следует запускать раньше, чем «в ней будут установлены жернова», полагал он.

Желание стать писателем было сильно. Оно держало Алкио в своих тисках даже тогда, когда времени для любимого занятия среди скопления других дел не хватало. Серьезные формы это стремление обрело в начале века. К этому времени он успел написать главные свои произведения. Алкио с радостью присоединился к числу сторонников финского реализма, когда тот ворвался в середине 1880-х гг. с произведениями Юхани Ахо и Минны Кант. Социальная направленность этого литературного направления, его прогрессивность и близкий к народу реализм очень привлекали его. Это обнаружилось в произведении *«Семья Тёёреля»* (1887), в которой изображался народный быт Южной Похъянмаа. Уже начиная с этой книги, обнаруживаются основные черты и та напряженность, которые и в более поздний период будут характерны для его творчества: с одной стороны, реалистичное изображение народа и крестьянский колорит Южной Похъянмаа, с другой стороны, этический пафос и вера в прогресс. Читатель ни при каких обстоятельствах не должен был оставаться без надежды и отказываться от веры в побеждающую силу просвещения.

Признаки романа о реальных людях под вымышленными именами свойственны произведению *«Ушедший»* (1892), которое изображает трудности и гибель просвещенного учителя в ограниченном окружении. Это же следует сказать и о вышедшей к рождеству 1896 г. книге *«Разрушающие силы»*, темой которой был неурожайный 1867 год. Алкио не ограничивается описанием бедственного положения, хотя размах беды действительно велик. Катастрофа была для него в большей степени тестом на человечность, который лучше всего проходили те добросердечные крестьяне, которые оказались способны нести ответственность за своих близких. Наиболее скверную славу снискали себе спекулянты, бессовестные торговцы и бездарные чиновники.

Главным произведением Алкио стал вышедший в 1894 г. роман *«Поножовщики»*. Только оно принесло писателю настоящую народную популярность. Своевольная жизнь злодеев из Южной Похъянмаа в его изображении была одновременно и сложной социальной проблемой недалекого прошлого и своеобразным сказанием о героях. Чего было

больше, это Алкио оставил решить самому читателю. Как писатель он вынужден был приспособляться к еще не оформившейся и противоречивой народной истории. Притягательная сила книги основывается также на ее суровом народном языке, динамизме и живости диалогов. *«Поножовщики»* – эпос Южной Похъянмаа. В нем обнаруживаются присущие эпосу элементы: знаменательная история провинции, доходчивое повествование, народный язык и черты, рисующие самобытность.

Существенное значение имело литературное окружение. В 1889 г. Алкио присоединился к группировке, объединившейся вокруг газеты *«Пяйвялехти»*. Здесь, среди молодых финноманов, пользовались влиянием и другие писатели, в их числе Юхани Ахо, Сантери Ивало, Казимир Лейно и Й.Х. Эрко. В 1890-е гг. сторонники *«Пяйвялехти»* стали ядром собственной либеральной группировки в финнофильском движении, когда младофинны в 1894 г. отделились от старофиннов в собственную партию. В 1890-е гг. Алкио еще избегал полной политизации печати, что было связано с его руководящим положением в молодежном движении. В любом случае, связь с младофиннами означала для Алкио среди прочего ступень к политическому совершеннолетию. Движение не было лишь политической партией, оно было еще и прогрессивным культурным движением.

Вера младофиннов в прогрессивный характер просвещения превосходно подходила Алкио. Он твердо верил в возможность духовного роста человека, в силу самовоспитания и образования и в миссионерскую задачу образованных людей. Он впитывал в себя европейскую культуру, свободомыслие и широту идей. Он экспериментировал со смелыми литературными течениями, новыми «измами», в том числе феминизмом, погрузился в теософию и свободно-церковное движение, и серьезно размышлял над социалистическим учением. В этом направлении Алкио полностью принял реформизм вригтовского рабочего движения, а в 1905 г. создал в Лайхиа рабочий союз в духе вригтовского молодежного общества, при этом он отвергал современные марксистские взгляды на классовую борьбу и революцию. Рабочее движение он считал необходимым и положительным явлением – оно было для него важным проявлением демократического роста народных масс. Но под социалистическими лозунгами, по его мнению, оно бы сбилось с пути. Алкио оставался националистом.

Вышедшему из народа Алкио было свойственно не ограничивать свое видение преобразований национальным искусством и литературой. Он исходил из значимости социальных реформ. Особенно в сельской жизни он видел много недостатков, которые нужно было исправлять. Здесь он почувствовал, что руководство младофиннов в Хельсинки было слабо знакомо с ними и плохо их осознавало. Алкио активно поддерживал парламентскую реформу и выступал за более радикальное расширение права голоса, чем многие его

товарищи по партии. В представлении Алкио Финляндия должна была быть демократической, говорящей по-фински, свободной в вероисповедании и гибкой по своей культуре. Ее сила скрывалась не в ее верхушке, а в духовном росте народа и в общественном развитии.

Когда в 1899 г. Финляндия оказалась в тисках унификаторской политики России, Алкио, будучи младофинном, занял жесткую конституционную позицию. Он не доверял варианту вооруженного сопротивления активистов. Одновременно этот период означал его политическую активизацию, отход от младофиннов. Он принимал участие в деятельности движения сопротивления, собирая подписи под адресами протеста, распространяя издания Кагала, руководящего органа конституционалистов, и призывая молодежь участвовать в забастовках против воинской повинности. Он не был, однако, полностью удовлетворен деятельностью Кагала. Там было слишком много «пены» и слишком мало увлеченности социальными реформами, в которых больше всего нуждался народ. Помимо этого, действенность пассивного сопротивления ослабевала. Алкио начал разочаровываться и в сторонниках *«Пяйвялехти»*.

В конце осени 1905 г. пессимизм во всей стране сменился оптимизмом. Начавшиеся в России революционные брожения заставили императора отступить и в финляндском вопросе. Автономия была восстановлена, и сенат получил предписание подготовить проекты сеймового устава, основывающегося на всеобщем и равном избирательном праве, и законодательства, гарантирующего гражданские свободы. Эти требования были выдвинуты в Финляндии в связи с ноябрьской всеобщей забастовкой. Алкио принимал участие в работе комитета, разрабатывавшего сеймовую реформу, и представлял в нем радикально-демократическое направление. Хотя он не имел там решающего влияния, именно по предложению Алкио комитет пришел к решению создать однопалатный парламент. Он искренне поддерживал избирательное право женщин. В таком решении, вероятно, он утвердился благодаря собственной жене Анне, учительнице по профессии.

В условиях аграрной страны предоставление всеобщего и равного избирательного права финским гражданам, достигшим 24 лет, делало намного более значимыми голоса сельских избирателей. С приближением парламентских выборов 1907 г. старые партии соревновались в привлечении на свою сторону сельских жителей и даже зачастую выглядели более близкими к земле, чем сами крестьяне. Но произошло политическое пробуждение собственно крестьянства. Весной 1906 г. идеи аграрной партии стали настойчиво распространяться на разных уровнях в провинции, отчасти по инициативе старо- и младофиннов; с опорой на их энтузиазм ставилась цель создания Аграрного союза. В этой ситуации Алкио, неудовлетворенный линией младофиннов, в апреле 1906 г. начал выпускать газету *«Илкка»*, предназначенную для сельского населения Южной

Похъянмаа. За созданием этого органа печати в Похъянмаа стоял ряд провинциальных оппозиционных младофиннов. Газета точно передавала дух деревни, но размежевание с младофиннами и создание независимой аграрной партии она не проповедовала. Главным стремлением Алкио, по всей видимости, было оказать давление на руководство своей партии с целью изменения курса. Даже в 1906 г. он не верил в возможности создания самостоятельной аграрной партии.

Когда в сентябре 1906 г. крестьяне губернии Оулу под руководством Отто Кархи основали полностью независимую и созданную как общегосударственную сельскую партию Союз сельского населения Финляндии (СМЛ), из которого в дальнейшем вырос Аграрный союз, Алкио, как и Кюёсти Каллио, поначалу считал инициативу слишком смелой и надеялся, что союз объединится с младофиннами. Вместе с небольшой группой оппозиционных младофиннов, в это же время, в сентябре, Алкио создает Младофинский аграрный союз Южной Похъянмаа (ЭПНМ). Этот аграрный союз входил в партию младофиннов, правда, составляя внутри нее отдельную политическую группировку, фракцию. Тем не менее, на первых парламентских выборах 1907 г. Алкио согласился стать депутатом от младофиннов, и был избран по их спискам. Связь Алкио с младофиннами была намного крепче, чем он признал позднее.

В новом парламенте Алкио за несколько месяцев насытился городскими замашками младофиннов и перешел в Аграрный союз. Аграрный союз младофиннов Южной Похъянмаа последовал за своим руководителем. В маленьком Аграрном союзе Алкио быстро поднялся до руководства партии уровня Каллио. Это было особенно заметно в формировании партийной идеологии, но он имел большое влияние также и на многие близкие к практике решения.

Основные годы нахождения Алкио у руководства выпали на переломный период 1917–1919 гг., когда Финляндия стала независимой. Уже весной 1917 г. он примкнул к политическому фронту, который выступал за самостоятельную Финляндию и ее отсоединение от России. Во время сложного внутривнутриполитического кризиса осени 1917 г. Алкио пытался примирить разногласия левых и буржуазных партий, но это не предотвратило обострение ситуации. Страна оказалась втянутой в гражданскую войну. Во время месяцев войны Алкио скрывался в Хельсинки. Боль за происходящее нашла отражение в его дневниках. Восстание социалистов глубоко потрясло его, но к жаждающим мести он не относился. По мнению Алкио, ответственность за восстание ложилась на революционно настроенных предводителей рабочих, но осуждать все рабочее движение за это было нельзя. Причиной восстания он видел, прежде всего, «штормовые волны» революции, агитацию руководителей-социалистов и задержку проведения социальных преобразований. Весной 1918 г., во время мрачной развязки войны, он принадлежал к тем редким политикам победившей стороны, которые публично

стали призывать к гражданскому согласию. Помимо этого, он считал необходимым отстаивать демократию и республику, а также проведение социальных реформ.

В борьбе за форму правления Алкио занял весьма солидное место в лагере конституционалистов. Это подтвердилось осенью 1918 г., когда в рядах младофиннов под давлением монархистов начался раскол и когда даже К.Ю. Стольберг отошел от политики и стал председателем Высшего административного суда. В этот период Алкио также начал сомневаться в своей позиции относительно республики. Крестьяне, опасавшиеся господской власти, на внеочередном партийном собрании Аграрного союза не оставили своим представителям возможности для каких-либо компромиссов. В создании республиканской формы правления Алкио занял в парламенте в какой-то степени более решительную позицию, чем Стольберг.

На первых парламентских выборах независимой Финляндии в 1919 г. Алкио привел свою партию к крупной победе и в 1919–1922 гг. проводил центристскую политику. В 1919 г. он находился на посту министра социального обеспечения в правительстве К. Кастрена. Для Алкио было характерно, что он не стремился к правительственным креслам, а с большим желанием оставался руководителем парламентской фракции. Он покинул парламент в 1922 г. Его поприщем оставались, прежде всего, «Илкка», борьба за сухой закон, литературное творчество и статус патриарха партии.

Алкио очень много писал и выступал на тему политики, общества, по вопросам идеологии. Больше всего текстов можно обнаружить в газете «Илкка», на страницах которой в 1906–1930 гг. почти ежедневно появлялись его статьи. Кроме того, он высказывал свои мысли в книгах, памфлетах, в предвыборных изданиях и программных листовках. Статьи Алкио по идеологическим вопросам оказывали сильное влияние на членов Аграрного союза и на политику в целом. Интерес вызывает также то, что в его текстах излагаются политические воззрения, присутствует более глубокий человеческий и мировоззренческий пласт. Алкио увлекали проблемы добропорядочной жизни, религии и самовоспитания. Его читателем был пробудившийся к общественной жизни, культурный человек со всеми человеческими возможностями, а не только лишь избиратель и сторонник Аграрного союза. Все это становилось своеобразным идейно-политическим указателем пути и сохраняло свою злободневность. Прежде всего, его наследие является сокровищницей размышлений о демократии, законности и добропорядочном обществе.

Алкио как политический идеолог не был сухим теоретиком. Напротив, он талантливо формулировал мысли, был и человеком, выступавшим за преобразование сельской жизни, за идеалы крестьян и политическую идею аграриев. Он не был последовательным создателем системы идей, а был очевидцем жизни общества, экспериментатором и ее участником – политический «пророк в своем отечестве». На

взгляд Алкио, индустриальный и урбанизированный стиль жизни выглядел суровым, суетным и крайне материалистичным. В нем, с одной стороны, проявлялась капиталистическая эксплуатация, с другой, – раздирающая душу социалистическая классовая борьба. Первая, по его мнению, не считалась с улучшением условий жизни широких народных масс, последняя – с согласием в обществе. Прочитав Маркса, Алкио по-своему истолковал проблему, придав ей общечеловеческое звучание. Капиталистическая индустриализация ведет человека к отвыканию от труда и к оторванности от своего окружения. А это становится мощным источником общественного недовольства и сеет моральное разложение.

В размышлениях Алкио взаимоотношения человека и окружающей среды носят культурно-экологический характер – от человека и самого лучшего, что в нем есть, к природе. Алкио был гуманистом, чьи взгляды на человечество имели в том числе и экологическое измерение. Его утопией был просвещенный и этически возвышенный мелкий земледелец, который живет в согласии с природой и Богом.

Политические идеи сторонников Алкио были изложены в 1921 г. во вступительной главе к партийной программе Аграрного союза. В своих основах идеология носила аграрно-демократический характер. Главным стремлением Алкио было защищать сельское хозяйство, деревню и крестьян, но программа также демонстрировала более общий взгляд на демократию, феннофильство, централизованную экономическую систему и мирное общественное развитие. В этом проявлялась ее демократическая, прогрессивная идеология, основой которой является доверие к демократии и возможностям развития широких народных масс.

Силой Алкио была его способность воспринимать общество как лицом к лицу, так и на расстоянии, в виде тенденций, законов развития, видения будущего, классовых антагонизмов – вообще в абстрактной форме. Последняя особенность определяла его как идеолога, но только две вместе они сделали его как идеологом, так и руководителем политического движения. Действительность корректировала идею, идея превращалась в действие. Сочетание реализма и идеализма и философия общественной деятельности были силой Алкио как руководителя Аграрного союза и молодежного движения, главного редактора газеты *«Илкка»*. Массы шли за человеком, который был способен понять мечты и нужды крестьянина, поднять их дух и энтузиазм, указать направление. Это было победой мысли над правдой будней, победой будущего над настоящим и прошлым. Одной лишь политической харизмы для этого не хватило бы. В текстах и речах Алкио будничные труд «хлебороба» облагораживался и превращался в основу народного хозяйства, самостоятельное мелкое земельное хозяйство становится гарантией общественной законности и свободы, а незамысловатый образ жизни крестьянина преподносится как пример человечности и согласия с природой и Богом. Это было

больше чем утешение и добродетель по необходимости: это было обетом и финской утопией счастливой жизни.

– ЮХАНИ МЮЛЛЮ

Приложение:

Алексантери Филандер, с 1898 Сантери Алкио, род. 17.6.1862 Лайхиа, умер 24.7.1930 Лайхиа. Родители: Юхо Исразлинпойка Филандер, ранее Лейкас, торговец, и Мария Юхонтютяр Якку. Первая жена: 1884 – Сюзанна Серафия Манила, род. 1867, умерла 1894, родители первой жены: Яякко Яяконпойка Сварт, крестьянин-землевладелец, и Грета Кустантютяр Антила; вторая жена: 1896 – Анна Августа Фалениус, учительница народной школы, род. 1869, умерла 1944. Дети: Люли, род. 1885, умерла 1885; Вилхо Йоханнес, род. 1886, умер 1892; Урхо, род. 1888, умер 1891; Алли, род. 1892; Лаури, род. 1894, умер 1894; Анни Кертту, род. 1897; Иста Пааво, род. 1902, умер 1983, председатель надворного суда в Вааса.

Антти Альстрём (1827–1896)

*промышленник,
коммерции советник*

Карьера Антти Альстрёма была блестящей. Благодаря своему браку Альстрём из крестьян превратился в лесоторговца и стал самым крупным судовладельцем Пори. В 1870 г. на аукционе он купил металлургический завод Ноормаркку, а позднее стал владельцем пятнадцати лесопильных и четырех металлургических заводов. В конце своей жизни Альстрём был одним из самых богатых людей Финляндии. Альстрём был самоучкой, если не брать во внимание несколько лет учебы в начальной школе города Пори.

Родителями деда Антти Альстрёма были пастух Матти Юхонпойка и безземельная крестьянка Кайса Юрьянянтютяр из деревни Наистенматка к югу от Тампере. У них было два сына, из которых старший нанялся в начале 1860-х гг. в работники в усадьбу, находящуюся в Северной Мерикарвиа. Пять лет спустя туда же переехали мать и младший сын Юсси, который ушел в море и взял себе фамилию Альстрём. Юсси также был работником в Мерикарвиа, где женился на дочери крестьянина, получившей в приданное торпу. В начале 19 в. Юсси Альстрём взялся за ведение хозяйства в родной усадьбе жены, так он стал крестьянином. Почти десять лет спустя старший сын Эррки, отец Антти, получил это хозяйство в свои руки. Эррки женился на дочери крестьянина Анне Норргорд. У этой пары родилось девять детей, из которых Антти был шестым по счету. Как и все население на побережье Сатакунта в то время, семья Альстрёмов была двуязычной.

Дед Антти Альстрёма и отец в иерархии крестьянского сообщества поднялись из бедного моряка и батрака (Юсси) до высшей ступеньки (Эррки). Сам Антти из крестьянского сословия перешел в более высокую социальную группу, превратившись в финансового магната. Этому помогла, как и в случае с дедом и отцом, удачная женитьба.

Оставшись на второй год в начальной школе Пори осенью 1847 г., Антти Альстрём забрал аттестат и отправился домой в Мерикарвиа, где он спустя несколько лет познакомился с Гретой Лильеблад, богатой

вдовой, живущей в усадьбе Исотало деревни Ланкоски в Восточной Мерикарвиа. Грета Лильеблад, будучи на пятнадцать лет старше Антти Альстрёма, влюбилась в «проворного юношу». Грета и Антти обвенчались в декабре 1850 г., а пять месяцев спустя Грета родила мальчика. Альстрём стал теперь отчимом пяти несовершеннолетних детей, а вскоре также отцом собственных троих детей. Он был главой большого и преуспевающего хозяйства, где помимо сельского хозяйства было также небольшое производство: водяная мельница и хлопкопрядильня в самой усадьбе, а также доля в лесопильном производстве в Ланкоски.

Женитьба на Грете Лильеблад ускорила возвышение Альстрёма. Он возделывал поля в Исотало, увеличивая наследство Лильеблад, и управлял небольшими перерабатывающими предприятиями, но стремился при этом найти и другие источники дохода. Он помогал своему отцу на его не вполне законной лесопилке. Он по семейной традиции принялся закупать и продавать древесину. В 1857 г. он вложил средства в строительство в своем родном приходе шхуны, а позднее вместе с братом участвовал в строительстве самого большого в уезде корабля тоннажем около 250 тонн, получившего название «*Братья*». Альстрём укреплял свое финансовое положение, купив на средства от наследства Лильеблад лесную усадьбу в 2500 гектар и выкупив доли наследства у детей Греты от первого брака. После этого, в конце 1860-х гг., он вложил средства в пароходство, построив два корабля тоннажем в целых 1200 тонн, пригодные к круглогодичному плаванию по всему миру. Судходство было важным источником доходов Альстрёма в течение десяти лет. До середины 1870-х гг. суда принесли чистой прибыли почти 200 000 марок, что было больше, чем Альстрём заплатил за металлургический завод Ноормаркку, расположенный к западу от Пори.

Важным моментом в карьере Альстрёма стала покупка осенью 1870 г. металлургического завода Ноормаркку (имел казенную привилегию с 1806 г.) на аукционе по распродаже имущества вице-судьи К.Й. Лёнегрена. С середины 19 в. К.Й. Лёнегрэн построил в Сатакунта мощную промышленную и сельскохозяйственную империю, которая обеспечивала средствами к существованию более трех тысяч рабочих, а также их семьи. В промышленный и сельскохозяйственный комплекс Лёнегрена входили также заводы Лейнепери и Фредриксберг, а также доля в машиностроительном заводе и в баварской пивоварне Пори. Благодаря сделке с Ноормаркку Альстрём превратился в промышленника. Позже он завладеет большей частью наследства обанкротившегося Лёнегрена.

Первая жена Альстрёма умерла вскоре после покупки Ноормаркку, и почти год спустя Альстрём вновь женился на дочери торговца из Уусикаупунки Эве Холмстрём, с которой познакомился в Нярпиё, гостя у своего пасынка Йохана Лильеблада. Поскольку покупка

Ноормаркку вступала в законную силу только в 1873 г., Альстрём приглядывался и к другой подходящей недвижимости, и в марте 1873 г. он приобрел металлургический завод из наследства Оскара Фалька, находящийся в Кауттуа в Южной Сатакунта (привилегия 1689 г.). Цена была 380 000 марок, но уже в следующем году имущество завода было оценено по документам в 600 000 марок. Соответствующие цена и бухгалтерская стоимость завода Ноормаркку были 182 200 и 400 000 марок. Согласно документам, Альстрём в этот период был уже миллионером. Единственный случай, когда финансовое положение Альстрёма подверглось испытанию, наступил спустя несколько лет после покупки завода Кауттуа, когда конъюнктура в области судоходства также подверглась колебаниям. В дальнейшем его финансовое положение было исключительно стабильным.

В 1877 г. Альстрём уступил завод в Кауттуа своему сыну от первого брака, 25-летнему Вильгельму, одновременно купив за 1,1 миллион марок другой металлургический завод – Лейнепери (привилегия 1771 г.), принадлежавший шведской многопрофильной промышленной фирме Фредриксфорс АБ, а прежде также находившийся в собственности обанкротившегося Лёнегрена. После смерти Вильгельма Альстрёма в 1888 г. Антти Альстрём выкупил завод в Кауттуа у вдовы и у ее несовершеннолетней дочери за 400 000 марок.

Самой главной промышленной инновацией Альстрёма было то, что он приобретал металлургические заводы вместе с обширными лесными угодьями и преобразовывал их деятельность. Государство веками давало заводам возможность выгодно выкупать леса и угодья вокруг заводов, чтобы обеспечить их древесным углем. Альстрём стал использовать лес по-новому – для производства пиломатериалов, а не для получения угля. Воспользовавшись возможностями паровой лесопильной технологии, разрешенной властями в 1858 г., он построил или приобрел новые лесопильни: паровой лесопильный завод Исосанна в Пори, паровой лесопильный завод Кауниссаари в устье реки Эурайоки (для распиловки лесоматериалов из лесов Кауттуа) и паровой лесопильный завод Хаминахолма в районе Северный Ахлайнен.

О результативности предпринимательства Альстрёма сохранились сведения от 1875–1886 гг. В эти годы размеры его собственности выросли с 2,5 миллионов до 4,2 миллионов марок. Если не принимать во внимание покупку Лейнепери, в эти годы он не делал больших инвестиций. Несмотря на это, структура промышленности Альстрёма заметно изменилась. В начале своей карьеры Альстрём был в одинаковой степени производителем железа и пиломатериалов, теперь, в середине 1880-х гг. доля металлургических заводов составляла лишь четвертую часть от всего промышленного оборота. В это же время Альстрём начал расширять свою деятельность в географическом плане. Тридцать лет он держался за родные места в Сатакунта, однако теперь он стал размещать свои производства и в более отдаленных местах: на берегах Финского залива (Стрёмфорс), в Хяме («Лесопильные заводы

Тампере»), а также в Южной Карелии (Суурсаари). Изначально его самым серьезным конкурентом в Центральной Сатакунта и в долине реки Кокемяккойоки была фирма Рузенлев.

Альстрём купил завод Стрёмфорс, расположенный к северо-востоку от Ловиисы, (привилегия 1696 г.) из имущества обанкротившегося собственника в 1886 г. Завод состоял из металлургического и водяного лесопильного заводов. В это же время он закрепляется в Западной Финляндии, купив три паровых лесопильных завода, один из которых, Пихлава, был одним из самых крупных и рентабельных за пределами Пори.

Губерния Хяме в 1880-е гг. становится значимой для лесопильной промышленности территорией благодаря железным дорогам Тампере-Хельсинки и Тампере-Турку. Они позволили осваивать обширные лесные запасы губернии Хяме совершенно по-новому. Альстрём, построивший два и купивший один паровой лесопильный завод, стал крупнейшим предпринимателем в лесопильной промышленности Хяме. Перевозки на побережье стали проще с открытием в 1895 г. ветки Тампере-Пори, за которую так горячо выступал Альстрём на сессии сейма. Последний построенный Альстрёмом лесопильный завод Суурсаари находился в приходе Антреа на Карельском перешейке на берегу Вуоксы. Когда в 1896 г. Альстрём умер, большой лесопильный завод был построен лишь наполовину. В собственности Альстрёма в конце его жизни, помимо нескольких лесопильных и железоделательных заводов, было 60 000 гектаров леса, из которых 4/5 находились в Сатакунта.

К концу жизни Альстрём почти полностью сосредоточился на лесопильной промышленности. Свои суда он продал в начале 1870-х гг., и хотя доля принадлежавших ему металлургических заводов в абсолютных цифрах не менялась, их удельный вес в промышленном производстве Альстрёма сокращался по мере расширения лесопильной промышленности. При общем расчете прибыли за 1896 г. 5 % пришлось на железоделательные заводы, а 95 % – на лесопильные.

После смерти Антти Альстрёма, последовавшей от пневмонии 10 мая 1896 г., по описи наследства его собственность оценивалась в 4,6 миллиона марок золотом. С учетом промышленных предприятий, она было еще больше: согласно гроссбуху компании А. Альстрём за 1896 г., а также сведениям о частной собственности в описи наследства, его имущество оценивалось в 11,4 миллиона. Единственным человеком в Финляндии, который был способен соревноваться с Альстрёмом в состоятельности, был судовладелец из Пиетарсаари Отто А. Мальм, в описи наследства которого двумя годами позже было заявлено состояние в 10,8 миллиона.

Чем можно объяснить такой огромный экономический успех? Антти Альстрём как предприниматель был новатором в использовании леса, но подобные новации в структуре производства сотнями встречались в Финляндии, Швеции и Норвегии. Одним из объяснений

успеха может быть то, что Альстрём был знаком с лесопереработкой «от самых корней» вплоть до разгрузки и продажи в порту, через который товар идет на экспорт. Его предки как со стороны отца, так и со стороны матери работали с лесоматериалами, и у него самого был практический опыт в лесном хозяйстве – в покупке леса и лесоматериалов, лесозаготовке, трелевке и сплаве леса, а также в перевозке через океан. У руководителей фирм-конкурентов редко присутствовал, если вообще был, такой большой личный опыт; чаще всего они владели лишь какой-то частью процесса. Другим объяснением, помимо покупки лесов вокруг заводов, может быть то, что Альстрём сосредотачивал свои усилия на заготовке леса на таких территориях, где конкуренция была небольшой: за границами долины реки Кокемякйоки в Сатакунта, в «девственной» Хяме и на Карельском перешейке, который также был слабо освоен. Другими словами, он искал выгодное сырье.

В конечном итоге, личные качества были главной особенностью Альстрёма, как и других преуспевающих предпринимателей. Он соответствовал критериям, которые должны были, по мнению А. Шумпетера, присутствовать в таких людях: неиссякаемая энергия, желание создавать новое, стремление к победе в соперничестве, а также желание строить «собственное королевство».

– Пер Щюбергсон

Приложение:

Андерс Альстрём, Антти род. 7.11.1827 Мерикарвия, умер 10.5.1896 Хельсинки. Родители: землевладелец Эрки Альстрём и Анна Норргорд. Первая жена: 1850–1870 Анна Маргарета (Грета) Лильеблад (ранее Лонгфорс), род. 1812, умерла 1870; вторая жена: 1871 – Эва Хелена Холмстрём, род. 1848, умерла 1920, родители второй жены: Эрик Каспер Холмстрём, ратман Кристиинанкаупунки, и Амалия Мария Шёберг. Дети: Антон, род. 1851, умер 1853; Эмилия, род. 1852, умерла 1863; Вильгельм, род. 1855, умер 1888, владелец металлургического завода; Тюра (Борг), родилась 1872, умерла 1948; Вальтер, род. 1875, умер 1931, коммерции советник; Рафаэль, род. 1877, умер 1918, владелец усадьбы; Вертель, род. 1878, умер 1928, доктор философии; Биргер, род. 1880, умер 1935, агроном, владелец усадьбы; Ингрид (Любекен), род. 1882, умерла 1933; Хьёрдис (Далберг, Калониус), родилась 1884, умерла 1929.

Адольф Ивар Арвидссон (1791–1858)

*вдохновитель
национального движения,
директор библиотеки*

Адольф Ивар Арвидссон известен как один из первых вдохновителей национального движения, который из-за своих политических статей, содержавших размышления о судьбах и будущем Финляндии, вынужден был переехать в Швецию. Будучи политическим эмигрантом, Арвидссон остро критиковал положение «русской» Финляндии. Традиционно Арвидссона рассматривают с позиции движения за независимость Финляндии. В исследованиях последнего времени отмечается, что Арвидссон предлагал для Финляндии различные пути развития – от национального государства вплоть до возможного его разрушения.

Адольф Ивар Арвидссон родился в 1791 г. в Падасъёки в семье помощника пастора. Дед его был сапожником. Позднее семья переехала в Лаукаа, когда отец стал настоятелем в церкви. Ивар учился в гимназии города Порвоо, где, будучи гимназистом, в 1809 г. стал свидетелем сейма в Порвоо. Финская война 1808–1809 гг. заложила основу для русофобии Арвидссона, так как волость Лаукаа более всего пострадала от войны и ее последствий. Юноша мечтал о карьере офицера, но учился позднее в Турку и в 1814 г. стал кандидатом философии. Арвидссон не согласился по примеру отца учиться на священника, он изучал в первую очередь математику, а затем всеобщую историю. В 1817 г. он написал диссертацию «*Историческое представление о духе романтизма, зародившемся в средневековье*», став после этого доцентом.

Выбор темы диссертации был связан с чертами характера Арвидссона. Он был романтиком, чье увлечение историей носило избирательный характер: он искал в прошлом воодушевляющие героические подвиги и чистых, искренних героев. Особенно Арвидссон восхищался Карлом XII. «Никогда не мог изучать историю Швеции или судьбы людей Швеции после Карла XII», – заявил он, высказываясь о развале Шведской державы и испытывая от этого «сильное огорчение».

По примеру немецких идеалистов Арвидссон искал сведения о средневековье в народной поэзии. Еще до написания диссертации

молодой Арвидссон стал пробовать себя в качестве лирика. Его первое стихотворение «*Тяготы жизни*» (1813), близкое по духу творчеству Франца Михаела Францена, провозглашает беззаботное наслаждение жизнью. Однако вскоре тон меняется на более острый, и стихотворения Арвидссона можно уже назвать ярко выраженной патриотической лирикой. В исследовании Юкки Аммондта содержится ссылка на работу немца А.Х.Л. Херена «*О путях сохранения побежденных народов*», напечатанную в шведском переводе в журнале «*Журнал фёр литератур ок театер*» в 1812 г. Согласно этому исследованию, Арвидссон стремился пробудить воспоминания, утраченные побежденным народом, и взывал ко всем «сынам Ауры». Так в стихотворении «*Песня*» он напоминает, что тоска души по дому приводит к борьбе и разрушениям. В этом стихотворении Арвидссон, в духе немецкого романтика Новалиса, также говорит о жертвенных венках и о синем цвете героической смерти. В стихотворении «*У маленькой домны*» (1815) говорится о том, как гномы с загадочным шумом добывают из-под земли драгоценный металл. Арвидссону удалось напечатать это стихотворение в журнале шведских романтиков «*Поэтиск календер*», выпускавшемся П.Д.А. Аттербумом, и стать, таким образом, известным в литературных кругах бывшего отечества. В стихотворении «*Отвага*» (1817) вновь говорится о смелых мужчинах, по духу викингах, которые получили от природы силу для подвигов. Арвидссон в большой степени получил вдохновение от философа Ф.В.Й. Шеллинга, под влиянием которого он сменил свою мечту о карьере офицера на стремление к славе «героического поэта». Все его стихотворения в художественном смысле – подражания, но они являются важным проявлением взволнованного, стремящегося ввысь душевного состояния своего создателя.

Арвидссон по своим духовному настрою был близок к шведскому романтизму, с главными представителями которого он познакомился уже в 1816 г. Он познакомился с поэтом П.Д.А. Аттербумом и подружился с работавшим в Королевской библиотеке Лоренцо Хаммаршельдом, который доставлял ему новейшую литературу. После написания диссертации, осенью 1817 г. Арвидссон на целый год отправился в Швецию. Там он, в частности, изучал исландский язык с помощью Расмуса Раска, поддерживал связи с финнами в Стокгольме и Упсале, а также завязал отношения с П.А. Вальмарком, который был доверенным лицом наследного принца Карла Юхана, а в дальнейшем сыграл важную роль в судьбе Арвидссона. В Упсале Арвидссон слушал лекции Эрика Густава Гейера и на протяжении семестра был куратором Финского Землячества. С этим периодом связано также знакомство с Карлом Акселем Готлундом, на которого Арвидссон произвел неизгладимое впечатление.

Благодаря полученным стимулам Арвидссон превратился, по выражению Матти Клинге, в отзвук европейской революции в Финляндии.

Поскольку Арвидссон приблизительно в 1820 г. почувствовал, что его поэтический талант иссякает, и поскольку он стремился стать студенческим руководителем, он перешел к написанию политических статей, тон которых был острым и радикальным. Дебютом Арвидссона в жанре памфлета были изданные в Швеции в газете «*Экстра Постен*» в сентябре 1820 г. «*Письма путешествующего финского шведа*». После этого он начал писать статьи как в финские, так и в шведские газеты, а с начала 1821 г. стал выпускать собственную газету «*Або Моргонبلاد*» («*Абоский утренний листок*»), в которой выступал за развитие финского языка, народного творчества и становление гражданского сознания. Арвидссон говорил о финском государстве, народе и гражданах, считал, что будущее нации находится под угрозой, и призывал воспользоваться предпосылками, заложенными на сейме в Порвоо. Он утверждал, что свобода печати является обязательным условием гражданской активности, и призывал к дискуссии и гласности. Он отмечал, что хотя у народа Финляндии не было зримой истории, его корни уходят в мифы и народную поэзию, которые нужно сохранить для новой национальной культуры. Итогом стала статья «*Размышления*» в журнале «*Мнемозина*» (февраль 1822), за которой последовало увольнение из Або Академии (Туркусский университет).

Политическая активность Арвидссона в Финляндии продлилась только полтора года, но поднятый им шум дошел от чиновников Турку до Петербурга. На отставке Арвидссона особенно настаивал вице-канцлер Або Академии Юхан Фредрик Аминофф и министр статс-секретарь Роберт Хенрик Ребиндер; их собственные взгляды заметно совпадали с позицией Арвидссона, но этим высоким чиновникам не нравилась революционная манера демонстрации идей и их направленность против княжества. Они стремились искоренить из страны этот «рабулизм», шумное политиканство. Отстранение от должности было слишком сильной мерой, поскольку широкая публика совсем не загорелась от статей Арвидссона – его, напротив, считали безобидным идеалистом и называли «*мечтателем-бомбой*». Хотя отец Арвидссона и родственники невесты Йоханны Каролины Армфельт пытались добиться пересмотра решения, власти не отменили отставку. Выбор Арвидссоном будущей супруги был для того времени необычным, брак был неравным и вызвал противоречивые чувства среди чиновников-аристократов.

Для Арвидссона практически не оставалось другой возможности, как переехать в Швецию, что он и сделал в 1823 г. с характерной для романтиков сильной внутренней борьбой. Он писал с огорчением, что вынужден был оставить «родину, семью, друзей и богов предков». Слава об Арвидссоне как опасном революционере дошла до Стокгольма раньше него, и осторожная внешняя политика короля Карла XIV Юхана привела к тому, что российскому гражданину Арвидссону не хотели предоставлять должность или работу. Только

1825 г. принес Арвидссону гражданские права Швеции и должность младшего библиотекаря в Королевской библиотеке. Арвидссон и после этого во многом жил за счет разного рода литературного творчества, которое, с одной стороны, распыляло его силы, с другой, означало соприкосновение с формированием общественного мнения Швеции.

В 1827 г. Арвидссон поехал в Финляндию в научную поездку, связанную с антиквариатом, но власти выслали его обратно в Швецию. Мера была скорее неразумной: теперь Арвидссон был политическим эмигрантом, который не упускал случая, чтобы опорочить систему России и русской Финляндии. Арвидссон присоединился к либеральным писателям и публицистам Швеции, которые критиковали внешнюю политику Карла XIV Юхана. Потеря Финляндии для этих кругов была не только трагическим переживанием, но и важной темой для дискуссий начиная с 1820-х гг. и вплоть до Крымской войны. Она использовалась в качестве внутривнутриполитического оружия либералов: с ее помощью было легко нападать на правительство. Взгляд многих шведов на финнов был отрицательным: финны на сессии сейма в Порвоо согласились на власть России и предали, таким образом, бывшую родину.

Арвидссон, как и многие другие шведские финны, был довольно амбивалентным в отношении своей родины. В то время было сложно относиться лояльно как к Финляндии, так и к Швеции. Перевод на шведский язык произведения Фридриха Рюса «*Финляндия и ее жители*» (1809), сделанный Арвидссоном в 1810-е гг., способствовал распространению положительного образа Финляндии, однако теперь ситуация изменилась на противоположную. Высказывания Арвидссона о жизни в Финляндии, всегда представляемые под псевдонимом, становятся понятными только на фоне общественного мнения в Швеции. Полный успех, к примеру, имело изданное им в ироничном тоне распоряжение о командировках в Выборгскую губернию, подписанное императором Николаем – демонстрация бюрократической мелочности и тщательности, вызвавшее смех даже в палате Рыцарского ордена Швеции. Но подтрунивания над русской бюрократией было для Арвидссона недостаточно. В 1830-е гг. он стал серьезно задумываться над финским вопросом. Дебаты разгорелись в 1838–1841 гг., и разногласия касались, прежде всего, вопроса о началах существования финской автономии и о том, как преобразовалась финская государственность после сессии сейма в Порвоо. Была ли Финляндия лишь творением России, или же великое княжество отвечало также подлинным интересам финнов?

Началом для дискуссии послужила полемическая брошюра профессора медицины сначала Або Академии, затем Упсальского университета Израэля Вассера «*О союзном трактате 1812 г. между Швецией и Россией*» (1838), защищавшая официальную восточную политику Швеции и утверждавшая, что Финляндия хорошо себя

ощущала как часть империи. В ответ на нее в ноябре 1838 г. появился памфлет под псевдонимом Пекка Куохаринен «*Финляндия и ее будущее*», в котором говорилось, что жизнь в Финляндии, наоборот, была плохой, и что новая система, установившаяся в стране, была в некотором смысле тяжелее, чем в самой России. Профессор истории Эрик Густав Гейер написал после этого серию статей в «*Литтературбладет*», содержащих идею некоего компромисса: конечно, финнов сначала заставили подчиниться новой системе, но теперь они принимали ее все больше как свою. Вассер продолжал дискуссии статьями, которые в 1839 г. были собраны в брошюру «*О Боргоском сейме и положении Финляндии в 1812 г.*», главной мыслью которой было то, что финнов вполне устраивала господствовавшая в стране лояльность и что никто в Финляндии не желал воссоединения со Швецией. Куохаринен ответил на это еще более пессимистичным памфлетом «*По поводу статьи о Боргоском сейме и положении Финляндии в 1812 г.*» (1840).

Когда в дебатах наметились два фронта, в 1841 г. вышла полемическая брошюра под псевдонимом Олли Кекаяйнен «*Нынешнее государственное положение Финляндии*». Речь идет о пространном, претендующем на объективность рассуждении о государстве, о статусе Финляндии, в котором содержатся как положительные акценты, так и предупреждения о возможных опасностях в будущем. Исследователь Олави Юннила путем источниковедческого анализа пришел к предположению, что за обоими псевдонимами – Пекка Куохаринен и Олли Кекаяйнен – мог стоять один человек, Адольф Ивар Арвидссон. Это получает подтверждение в переписке Арвидссона с Энгелбректом Ранкеном и в пометках на страницах книг из библиотеки Арвидссона. Арвидссон пишет, что памфлет Вассера привел его в бешенство теми несправедливостями, которые он сам испытал в 1820-е гг., и поэтому он хотел резким ответом как бы выхолостить оптимизм о ситуации в Финляндии. Но затем он изменил свое мнение и желал высказать более конструктивный взгляд; с этой целью он выбрал псевдоним Олли Кекаяйнен, чтобы показать вдохновляющую зажигаемость и распространенность (*kekäle* по-фински «головешка»). Выбор псевдонимов был очевидным для Арвидссона – обе фамилии, Куохаринен и Кекаяйнен, встречались ему во время фольклорной экспедиции в Саво в 1819 г. Это объяснение, данное Арвидссоном позднее, сделано «задним умом» – никто заранее не может запланировать, по какому пути пойдет начатая полемика на самом деле.

В исследовательской литературе также присутствует мнение Матти Клинге, опирающееся на методы внутренней критики источников, о близости Кекаяйнена с Юханом Якобом Нурдстрёмом. Логика рассуждений Кекаяйнена близка к мировоззрению Нурдстрёма, на что также указывает Осмо Юссила. Принимая во внимание тогдашние условия и дух времени, нельзя исключить, что публикация действительно имела целью при помощи Арвидссона выпустить на

рынок общественного мнения Швеции (и Финляндии) полемическую статью, написанную еще живущим в Финляндии и осторожным из-за своего положения Нурдстрёмом. Даже позднее, будучи уже высоким государственным деятелем, Нурдстрём не хотел признавать себя автором написанной под псевдонимом полемической брошюры на сомнительную, с позиции официальной внешней политики Швеции, тему. Мысль, что Кекаяйненом был Нурдстрём, позднее высказал хорошо знакомый с дебатами в Швеции Й.В. Снельман.

Арвидссон, таким образом, вероятно, не высказывал единого мнения о будущем Финляндии; во всяком случае, он способствовал появлению двух совершенно разных реплик по этому поводу. Общим для обеих было лишь то, что в них очень скрытно высказывалась идея о возможной в будущем независимости Финляндии; она была одной в числе многих набросков будущего. Одной из целей Арвидссона, вероятно, было вызвать в Финляндии догадки о личностях авторов, прячущихся под псевдонимами, и таким образом разжечь дискуссию по затрагиваемому вопросу. Дискуссия в Финляндии пришлась главным образом на 1840-е гг. Ситуация в Швеции была совершенно другой: Кекаяйнен настроил против себя целый либеральный фронт и почти совсем умолк. Соотечественник Арвидссона Карл Фредрик фон Буркхаузен под псевдонимом Пааво Суомалайнен выпустил памфлет *«Кое-что о Финляндии»* (1842), ставший последним словом в дискуссии: это была реваншистская реплика в резко антирусском духе. Арвидссон вновь вдохновился финским вопросом во время Крымской войны 1854–1856 гг., многочисленными статьями участвуя в шведской полемике.

Вершины в своей карьере Арвидссон достиг в 1843 г., когда его назначили директором Королевской библиотеки. Тогда же его вычеркнули из черного списка российского посольства в Стокгольме, и он вновь смог ездить в Финляндию. Назначение на пост директора библиотеки произошло главным образом благодаря его заслугам как исследователя. Арвидссон, в частности, выпустил новое издание работы Фридриха Рюса *«Финляндия и ее жители»* (1827) и написал учебник по истории и географии Финляндии (1832), который вышел в Турку без имени автора, и которым пользовались в школах обеих стран. После этого он занялся публикацией исторических источников, касающихся Финляндии. Этот проект был представлен Финскому литературному обществу еще в 1833 г. Осуществление проекта началось лишь в 1840-е гг., и в 1846–1858 гг. была издана десятитомная серия *«Документы к освещению прошлого Финляндии»*. Серия включала в себя в общей сложности 1686 документов, большая часть которых датировалась 16 в. Арвидссон разными способами уделял внимание также древней истории Швеции и Скандинавии. Он выпустил трехтомный сборник *«Шведские древности»* (1834–1842), писал биографические очерки о королях Швеции, особенно о Карле XIV Юхане (1850) и участвовал в широком политическом обсуждении вопросов культуры в Швеции.

В 1858 г. Арвидссон совершил поездку в Финляндию, его приветствовали во многих местах как продолжателя дела Хенрика Габриэля Портана. Посреди своего путешествия он неожиданно умер и был похоронен в Лаукаа, в месте, где он провел свою молодость. Жители Лаукаа каждый год посылали Арвидссону венки из березовых веток из родной для него усадьбы священника, и последний из таких венков был положен на его гроб. Позднее на надгробном камне Арвидссона были высечены строки Элиаса Леннрота:

«Любовь к родной стране заставила его покинуть страну
и вернула его обратно.
Теперь его хранит бывшая всегда его земля».

Труд Адольфа Ивара Арвидссона оценивается по-разному. В его уста вкладывают лозунг «Мы не шведы, русскими мы не хотим становиться, будем же финнами», который не является исторически достоверным и основывается на высказывании 1861 г. Й.В. Снельмана о сути политического мышления Арвидссона. В этом ключе Арвидссона рассматривали, начиная с 1860-х гг. и до периода после второй мировой войны, когда представление о вдохновителе национального движения приобрело новые черты. Если раньше Арвидссона считали пионером идеи независимости, смелым проповедником и строителем национальной самобытности, то новые взгляды в большей степени отмечают его связь со временем и характерные для него противоречивые искания. Так, по мнению Осмо Юсилы, Арвидссон рассматривал финское государство как некие рамки или фундамент, на котором можно при удобном случае построить национальное государство, но который при отрицательных условиях может остаться лишь как оболочка или разрушиться полностью. В этом свете становятся понятными многие рассуждения, предложенные Арвидссоном.

В социальном понимании Арвидссон также был неоднозначным. В отличие от других участников идеологических дискуссий в Финляндии, он, благодаря своему браку, состоял в близких отношениях, причем не только позитивных, с аристократией. Безусловно, его окружение в Швеции также оказывало свое влияние: шведские финны ждали от него других статей, чем финны на родине. Арвидссон отредактировал все изданные в Швеции очерки о Финской войне (авторы Холм, Монтгомери, Бьёрншерна) по одной схеме: поражение произошло из-за короля и ошибок, совершенных офицерами, но не из-за финского солдата, который был преданным и отважным. Этот взгляд затем трансформировался и вылился в героическую драму Й.Л. Рунеберга, оторванную от действительности.

Приложение:

Адольф Юхан Арвидссон, Адольф Ивар, род. 7.8.1791 Падасъёки, умер 21.6.1858 Выборг. Родители: Арвид Адольф Арвидссон, настоятель прихода в Лаукаа, род. 1762, умер 1832, и Анна Катарина Молин, дочь помощника пастора, род. 1768, умерла 1843. Жена: 1824 – Йоханна Каролина Армфельт, род. 1795, умерла 1878, родители жены: Фредрик Армфельт, майор, барон, род. 1759, умер 1821, и Ульрика Вальман, род. 1768, умерла 1842. Дети: Хуго Ивар, род. 1825, умер 1886; Торстен Адольф, род. 1827; Альфильд Йоханна, род. 1829, умерла 1887; Сигрид Аура, род. 1833.

Густав Мориц Армфельт
(1757–1814)

*председатель Комиссии
финляндских дел,
генерал,
канцлер Або Академии
граф*

Личная жизнь Густава Морица Армфельта и драматические этапы жизненного пути в политическом смысле связаны со Швецией Густава III, Французской революцией и наполеоновской Европой, а также с Финляндией и Россией под управлением Александра I. Значение Армфельта для истории Финляндии и Швеции связано, прежде всего, с двумя существенными, но непродолжительными периодами. В течение нескольких лет, предшествовавших смерти Густава III, он был, возможно, самой влиятельной после короля личностью в шведском государстве. В 1811–1814 гг. в качестве особого доверенного лица Александра I он принимал участие в создании фундамента отношений между новым Великим княжеством Финляндским, российским императором и высшими государственными органами – системы, которая сохранялась в течение всего времени существования княжества.

Густав Мориц Армфельт, пользовавшийся особым расположением Густава III, был придворным советником, а также преуспевающим офицером. После смерти короля в 1792 г. Армфельт присоединился к противникам нового регентства под руководством Густава Адольфа Ройтерхольма, за что был приговорен в Швеции в 1794 г. к смертной казни по обвинению в заговоре и измене родине. В конце концов, Армфельт бежал за границу, в Россию под защиту Екатерины II. Перемены в шведской внутренней и внешней политике вновь привели его в 1802 г. на службу в Швецию, но только после того, как маршал Жан Батист Бернадот был избран наследником шведского престола, Армфельт в 1811 г. окончательно решил перебраться в Финляндию и поступить на службу к императору Александру I. Свои последние годы он провел главным образом в Петербурге, занимая пост председателя только что созданной Комиссии финляндских дел (позднее – Комитет по делам Финляндии).

Воспитание Густава Морица Армфельта с самого начала было ориентировано на военную карьеру. В 1770–1771 гг. он проучился

пару лет в Або Академии (Турку), но затем перевелся оттуда в школу кадетов адмиралтейства Карлскруна. Он сдал офицерский экзамен в мае 1773 г., был произведен в прапорщики лейб-гвардии в 1774 г., а в 1777 г. в лейтенанты. Приняв участие в дуэли, запрещенной у офицеров, Армфельт в 1778 г. попросил разрешения перевестись на службу за границу. В обществе Георга Магнуса Спренгтпортена он отправился в Берлин через Петербург и Варшаву, имея целью присоединиться к войскам Пруссии. Из Берлина Армфельт, однако, переезжает в Страсбург и Париж; желая на этот раз принять участие в войне за независимость Соединенных Штатов Америки. Однако такой возможности не представилось. Вместо этого осенью 1780 г. в Бельгии в курортном городе Спа молодому Армфельту удалось встретиться с Густавом III. Здесь и началась его успешная придворная карьера. Король обратил внимание на молодого офицера – представительного, талантливого и веселого собеседника. Начался феноменальный взлет карьеры Армфельта. Уже в следующем году его назначили кавалером молодого наследника престола Густава Адольфа, на придворную должность в звании полковника. В 1783 г. Армфельт был назначен камер-юнкером, что соответствовало званию генерал-лейтенанта. Собственно в военной карьере Армфельт в 1787 г. стал командиром пехотного полка в Уусимаа.

Во время переговоров Густава III и Екатерины II в Хамина летом 1783 г. Армфельт входил в число высокопоставленных лиц королевской свиты. В том же году осенью Армфельт отправился сопровождать короля в продлившейся почти год поездке по Германии, итальянским государствам и Франции (1783–1784 гг.). Увлечение Армфельта театром, проявившееся в этой поездке, в 1786 г. было вознаграждено должностью директора Королевских театров, в том же году он был назначен членом учрежденной королем Шведской Академии.

В начале войны между Швецией и Россией (так называемая густавианская война 1788–90 гг.), в 1788 г. Армфельт руководил вместе с королем наступлением на Восточную Финляндию, принадлежавшую России. Он никогда не присоединился к оппозиционному движению против короля, так называемой Аньяльской конфедерации, и его преданность была щедро вознаграждена в дальнейшем. Он стал близким советником короля во всех политических, военных и даже личных вопросах. От имени короля он занимался организацией добровольческих отрядов из крестьян провинции Дасланд в поддержку Густава III во время проведения решающей с точки зрения статуса короля сессии Сейма 1789 г., а осенью 1789 – летом 1790 гг. вновь принял участие в войне в Финляндии. В апреле 1790 г. Армфельт командовал войсками шведов в победных сражениях в Партакоски и Кярнякоски, а также в Савитайпале (3 июня), где получил серьезное ранение. В период выздоровления в конце лета он получил задание руководить мирными переговорами в качестве главного уполномоченного со стороны Швеции. 14 августа 1790 г. переговоры

увенчались подписанием Верельского мира. Заслуги Армфельта в годы войны и во время мирных переговоров были высоко оценены: он получил большой крест финского ордена меченосцев и шведский орден Серафима.

После Верельского мира политический вес Армфельта как правой руки короля достиг апогея – он занимался и военными, и гражданскими вопросами, а также внешней политикой. В отношениях с Россией политика Швеции закрепляла условия мира так называемым Дротнингхольмским трактатом, подписанным осенью 1791 г. при личном участии Армфельта. Кроме того, в 1791 г. король назначил его канцлером университета в Турку – Королевской Або Академии. Во время проводившейся в Евле в 1792 г. сессии риксдага, последней для Густава III, по критическому замечанию наблюдателей, Армфельт выступал уже как своего рода вице-король, оказывая влияние на принятие благоприятных для короля решений риксдага в качестве командира размещенных на окраине города войск.

Смерть Густава III в марте 1792 г. стала для Армфельта поворотным пунктом. Он был членом временного правительства, назначенного королем, а затем и членом регентского совета, а также протектором Стокгольма. Противники правления Густава III под руководством Густава Адольфа Ройтерхольма, однако, вскоре полностью захватили власть в регентском совете, а сторонников прежнего короля, «густавианцев», постепенно отодвинули на задний план. Осенью того же года Армфельт получил отставку с поста протектора и был назначен министром (посланником) Швеции при дворах итальянских государств. Он поселился в Неаполе, и оттуда, опираясь на широкий и высокопоставленный круг знакомых, добивался свержения «якобинского» правления Ройтерхольма. Он строил многочисленные, отчасти даже фантастические, планы и проекты в этом направлении; в одном из них он предлагал Екатерине II вмешаться в дела Швеции с помощью флотилии и политического давления. Он не получил высочайшего ответа на свои предложения, напротив, агенты Ройтерхольма перехватили в Италии часть его писем, предназначенных для пересылки в Швецию. Так были добыты доказательства для официального обвинения в государственной измене. Из Швеции в Неаполь был отправлен военный корабль, команде которого было поручено арестовать Армфельта для судебного разбирательства. Доброжелателям при неаполитанском дворе в последний момент все же удалось спасти Армфельта, однако в феврале 1794 г. ему пришлось бежать из Италии в Россию. Императрица Екатерина II никоим образом не хотела оказывать ему поддержки, по крайней мере, в столице, и определила для Армфельта и его семьи место проживания в далеком городе Калуге.

Тем временем 22 июля 1794 г. в надворном суде Свеаланда Армфельт за государственную измену и за подготовку вооруженного захвата власти был заочно приговорен к смертной казни, а также

к лишению чести и собственности; его имя было прикреплено к позорному столбу в столице.

Армфельт жил в изгнании в Калуге под именем аптекаря Брандта до сентября 1797 г., когда достигший совершеннолетия новый король Швеции Густав IV Адольф отменил приказ о розыске. После этого Армфельт с семьей вел кочевой образ жизни, главным образом в Германии, где он жил, в частности, в Берлине и Дрездене. Близкое знакомство с эрцгерцогиней Курляндии и любовная связь с ее молодой дочерью, принцессой Вильгельминой привели к тому, что Армфельт долгое время провел в семейных замках в Силезии и Богемии.

В Стокгольме старые друзья Армфельта и его супруга добивались отмены решения суда. В конце концов, 16 ноября 1799 г. король помиловал его, отменив смертный приговор; в сентябре 1800 г. было получено разрешение вернуться в Швецию. Армфельт вновь начал карьеру дипломата, и в 1802 г. его назначили послом Швеции в Вене. Армфельт, так же как и король Густав IV Адольф, был резким противником Наполеона, и в конце 1804 г. король приказал Армфельту отправиться в Шведскую Померанию в качестве главнокомандующего войск, размещенных там для защиты территорий и городов, находившихся во владении шведов. Здесь он участвовал в изгнании войск Наполеона, но были также и военные неудачи. Армфельта критиковали за чрезмерную смелость и потери в живой силе.

В Финской войне (шведско-русская война 1808–1809 гг.) Армфельт не участвовал. В это время он был главнокомандующим западной армии Швеции на норвежском направлении, где потерпел неудачу в наступлении летом 1808 г. Армфельт оставил этот пост в августе 1808 г. и не принимал активного участия в государственном перевороте в Швеции в марте 1809 г., однако новый король Карл XIII вновь назначил его на высокий военный пост, назначив президентом военной коллегии. Споры о выборах будущего наследника престола и поражение группы «густавианцев», когда выбор пал на французского генерала Жана Батиста Бернадота, находившегося на службе у Наполеона, привели к тому, что Армфельт вновь оказался в оппозиции и даже немилости. На этом этапе он рассматривал возможность переезда в Финляндию и поселения в усадьбе Йоенсуу в Халикко, на которую он на основании мирного договора 1809 г. в Хамина имел полное право. В октябре 1810 г. Армфельт отказался от всех своих постов в Швеции, а 30 марта 1811 г. присягнул на верность российскому императору и уже на следующий день отправился в Финляндию.

В мае 1811 г. Армфельт впервые встретился с Александром I в новом статусе подданного императора и высказал императору свои взгляды на дела в Финляндии и на управление княжеством. С этого началась совместная деятельность Армфельта и Александра I. В ноябре того же года в Петербурге была создана Комиссия финляндских дел, стать первым председателем которой неоспоримое право имел Армфельт.

С помощью записок, докладов и представлений на уровне принятия практических решений оттачивались отношения между Финляндией, Россией и императором. Возможно, крупнейшей личной инициативой Армфельта стало присоединение к Финляндии («Новой Финляндии») с 1812 г. так называемой Старой Финляндии – Выборгской губернии, отошедшей к России по условиям мирных договоров в Усуикаупунки (Ништадский мир 1721 г.) и в Турку (Абоский мир 1743 г.). За счет этого территория Великого княжества Финляндского заметно увеличилась: от Кюмийоки до Райййоки на Карельском перешейке и на востоке до Ладожского озера. В финляндское управление перешли также города и крепости Выборг, Хамина, Лаппеенранта, Савонлинна и Какисалми. Армфельт очень интересовало будущее крестьян в Выборгской губернии, а также касающиеся их реформы в законодательстве.

В своих начинаниях Армфельт обращался к кругу старых друзей, переехавших в Финляндию во времена Густава III. Вместе с Юханом Альбрехтом Эренстрёмом и при поддержке барона Густава Фредерика Шернвала он по распоряжению императора в 1812 г. превратил Хельсинки в новую столицу Финляндии. Императорский рескрипт был дополнен подготовленным Эренстрёмом грандиозным планом застройки города, с многочисленными общественными зданиями. Самую большую поддержку Армфельту в политической переориентации, касающейся священнослужителей, крестьян и академических кругов, оказывал епископ Турку Якоб Тенгстрём, который призывал своих подчиненных относиться положительно к новой русской власти. В 1812 г. Армфельт был назначен канцлером Императорской Або Академии (Туркуский университет). На этом посту он выступал за укрепление связей с Россией и воспитание в университете нового финского, лояльного императору и знающего языка чиновничества. В том же году университет был заметно расширен. Помимо этого, он участвовал во многих других начинаниях. Среди них завершение строительства нового здания Академии и облагораживание территории вокруг него, что должно было соответствовать вкусам и требованиям императора и Петербурга.

В качестве генерала русской армии Армфельт участвовал также в военных действиях против Наполеона летом 1812 г., в том же году он был произведен в генерал-адъютанты императора и получил титул графа. В августе того же года Армфельт принимал участие в переговорах в Турку, на котором наследный принц Швеции Карл Юхан (Жан Батист Бернадот) и Александр I окончательно договорились о проведении политики, за которую последовательно выступал и Армфельт: Швеция отказывалась от всех своих реваншистских замыслов в отношении Финляндии, а Россия гарантировала Швеции передачу Норвегии из рук Дании.

Армфельт с семьей жил в Петербурге, у него была также дача в Царском Селе. В последние годы жизни летом он обычно приезжал в Финляндию, в усадьбу в Йоенсуу, а также в Турку для контроля за

действиями административных властей и работой университета. Из Петербурга он вел большую переписку, руководя как проектами по строительству новых зданий в усадьбе Йоенсуу, так и вопросами управления в университете, строительства, а также приобретения произведений искусства. Находившийся на вершине славы Александр I, победитель Наполеона и завоеватель Парижа, летом 1814 г. успел приехать в Петербург и побывать в Царском Селе. Армфельт к этому времени был тяжело болен. Измученный многими болезнями, но крепкий духом Густав Мориц Армфельт умер 19 августа 1814 г.

Помимо военной и политической карьеры Армфельт внес свой вклад в «политику в области искусства» времен Густава III. Как руководитель Императорских театров в 1786–1792 гг., он заложил основы регулярных оперных представлений в Швеции, а с 1788 г. был еще и директором Императорского драматического театра. Армфельт активно участвовал в королевской академической жизни, испытывавшей на себе французское влияние, как член Шведской Академии с момента ее основания в 1786 г., а также в качестве члена Музыкальной Академии с 1788 г. Самой близкой областью для самого Армфельта была придворная театральная жизнь и «спектакли», он писал тексты к постановкам и был популярным актером. Самая известная комедия, которую он написал вместе с Израэлем Хальманом, называлась «Случайный вор» (1783). Помимо этого, он написал ряд стихотворений, посвященных какому-либо торжественному событию.

Во время долгого заграничного путешествия в 1783–1784 гг. Армфельт смог познакомиться с ведущими артистами оперы, театра и балета, а также с различными театрами. В этой же поездке Армфельт со знанием дела высказывался по вопросам искусства, архитектуры и антиквариата. После путешествия он стал самой главной опорой Густава III в укоренении архитектурного неоклассического стиля, с его чистыми линиями, при строительстве общественных и частных зданий Швеции. Результатом поездки в Италию стал приезд в Швецию Луи Жана Депреза, ведущего представителя этого стиля в международном масштабе. Он, в частности, спроектировал в итальянском стиле загородный дом Армфельта неподалеку от Стокгольма. Этот дом, получивший название вилла Фрескати досталась в пользование другим, так как из-за изгнания и смертного приговора Армфельт не смог там жить.

Главным объектом собственного увлечения архитектурой для Армфельта стала позднее усадьба Йоенсуу в Халикко. Здесь в последние годы его жизни началась масштабная работа по обновлению и строительству, в которой проектировщиками были стокгольмский архитектор Карл Кристофер Ёрвель, а также проживавший в Турку первый профессиональный архитектор Финляндии Шарль Басси. Вокруг реконструированного в стиле неоклассицизма главного здания был разбит большой парк в английском стиле. Библиотека Армфельта в усадьбе в Йоенсуу в память о Густаве III была украшена портретами

короля. Правда, сам Армфельт никогда не увидел этого, возможно, самого великолепного образца интерьеров неоклассицизма. Еще при жизни он построил для себя в церкви усыпальницу.

Говоря об искусстве, следует еще упомянуть Армфельта как заказчика портретов. Его странствующий образ жизни не очень благоприятствовал приобретению больших коллекций произведений искусства и литературы, но он придавал большое значение заказам символически важных, высокохудожественных портретов самого себя, членов своей семьи и других родственников. Для создания портретов он отдавал предпочтение самым лучшим художникам своего времени: А.У. Вертмюллеру, Луи Гофье, Антону Граффу и Йозефу Грасси. Их кисти принадлежат великолепные портреты Армфельта. В портретах передается подтверждаемая современниками блистательная красота, природный талант и умышленная театральность, соединенные в образе «Алкивиада Севера». Оценки черт характера и нравственности Армфельта, однако, были всегда противоречивыми.

Его любовные связи – самые известные и продолжительные из них с принцессой Саган и фрейлиной Магдаленой Руденшельд – не были преградой для семейного счастья. Его отношение к супруге Хедвиг Ульрике оставалось открытым и доверительным на всех этапах. В то же время Армфельт демонстрирует, во всяком случае, в своих письмах, равную искренность по отношению как к императорам и королям, так и к собственным детям. Забота о детях и их воспитании была постоянной и отеческой. В этой области Армфельт проявил себя как человек, хорошо разбирающийся в современных течениях, литературе, философии и естествознании. В политическом смысле Армфельт был классическим человеком «уходящей эпохи», естественный реализм которого испытал жестокие удары после Французской революции и в условиях, когда Европа оказалась захваченной «корсиканцем» Наполеоном. Александр I по-своему демонстрировал мир ценностей традиционной просвещенной монархии в России, так что переход Армфельта на службу к новому правителю не был очень противоречивым. Репутация и честь дворянина и военного, по мнению современников Армфельта, тогда еще не были обязательно связаны лишь с данным конкретным государством или королевством.

Историография, касающаяся Армфельта, и оставленная им после себя слава почти весь 19 в. несли печать процесса о государственной измене; в Швеции он был «изменником родины», который к тому же перешел на службу России. Господствовавшие в 19 в. представления негативно оценивали весьма распространенную в 18 в. систему властных отношений – фаворитизм, равно как и буржуазный мир не принимал Армфельта, со свойственным ему образом жизни и «безнравственностью». Авантюрист, общительный человек и покоритель женских сердец, политический оппортунист и преданный приспешник Густава III – таковы обычные определения. Обширная биография Элофа Тегнера, вышедшая в 1880-х гг. – первое

историческое произведение, опирающееся на большой личный архив Армфельта, положившее начало его реабилитации как исторически значимой для Швеции личности. В Финляндии к Армфельту традиционно относятся, возможно, более положительно – как к соотечественнику и выдающемуся деятелю периода создания нового Великого княжества. Этот взгляд публично высказал во многих своих произведениях, начиная с 1890-х гг., Й.Р. Даниельсон-Кальмари. Присоединение Старой Финляндии было самой большой заслугой «финна» Армфельта. В вышедшей в 1930–1932 гг. многотомной биографии Карл фон Бонсдорфф уделяет большое внимание, прежде всего, последним десятилетиям жизни Армфельта и его деятельности на благо Финляндии на широком политическом и международном фронте. Следующая биография вышла на шведском языке только в 1997 г.; в биографии Стига Рамеля оценивается общественная и политическая карьера Армфельта как дальновидного государственного деятеля в свете идеалов собственного времени. Произведение стало своего рода новой реабилитацией Армфельта, прежде всего, в Швеции.

– РАЙНЕР КНАПАС

Приложение:

Густав Мориц Армфельт, род. 31.3.1757 Юва, Марттила (согласно метрическим книгам, крещен 1.4., что часто упоминается как день рождения), умер 19.8.1814 Царское Село, Россия, похоронен в церкви Халикко. Родители: Магнус Вильгельм Армфельт, барон, род. 25.7.1725, умер 24.5.1795, и Мария Катарина Веннерастедт, род. 6.7.1728 Борруд, волость Бек, губерния Скараборг, Швеция, умерла 19.1.1803 Йоенсуу, Халикко. Жена: 7.8.1785 – Хедвиг Ульрика Де ла Гарди, фрейлина род. 29.11.1761 Стокгольм, умерла 7.2.1832 Стокгольм. Родители жены: Карл Юлиус Де ла Гарди, камергер, граф, и Магдалена Кристина Стенбокк, графиня. Дети: Магделена Мария Катарина Августа, род. 13.6.1786 Стокгольм, умерла 18.2.1845 Стокгольм, муж 1806 – Аксель Адольф Пипер, камергер, граф, род. 20.4.1778 Стокгольм, умер 8.3.1827 Турку; Густав Фредерик, род. 2.1.1788 Стокгольм, умер 14.3.1789 Стокгольм; Карл, род., умер 1788 (близнец); Магнус, род., умер 1788 (близнец); Густав Магнус, род. 2.4.1792 Стокгольм, умер 8.7.1856 Халикко, генерал-лейтенант, губернатор Уусимаа, член хозяйственного департамента сената, жена 1819 – Луиза Кутберт-Брук род. 7.6.1801 Лондон, умерла 13.2.1865 Хельсинки; Александр, род. 18.4.1794 Рига, умер 8.1.1876 Петербург, министр статс-секретарь, первая жена 1820 – Сигрид Оксеншерна, баронесса, род. 6.6.1801 Копенгаген, умерла 6.2.1841 Петербург, вторая жена 1843 – Алина Демидова, род. 27.1.1814, умерла 17.6.1898 Петербург; Константин, род. 17.3.1796 Калуга, Россия, умер 1797; Карл Магнус Вильгельм, род. 20.3.1797 Петербург, умер 17.12.1878 Хельсинки, генерал-майор, первая жена 1822 – Аделаида София Вильгельмина Каролина фон Стединг, род. 28.1.1802 Турку, умерла 25.2.1863

Хельсинки, вторая жена 1855 – Ульрика Кристина Вильгельмина Боман, род. 26.5.1814 Стокгольм, умерла 26.5.1892 Турку. Внебрачные: от актрисы мадмуазель Леклер – Морис Леклер, род. 12.12.1780 Париж, умер 19.3.1841 Лунд, в Швеции возведен в дворянство под именем Мориц Клаирфелт в 1816; от Катарины Фредерики Вильгельмины Бенигне принцессы Саган – Аделаида Густава Аспасиа (Вава), род. 13.1.1801 Гамбург, умерла 19.5.1881 Турку, удочерена своим отцом с правом графского титула 1812, муж 1825 – капитан Магнус Рейнхолд Армфельт род. 18.3.1801 Халикко, умер 29.4.1845 Страсбург, усыновлен своим дядей Густавом Морицом Армфельтом с правом графского титула 1812.

Юхани Ахо
(1861–1921)

писатель

Юхани Ахо – первый профессиональный финский писатель. Его считают национальным писателем и деятелем, способствовавшим развитию современного литературного финского языка. Одновременно он был представителем европейского модернизма конца 19 в., и в этой роли он добился международного признания. Помимо писательства Ахо занимался издательской деятельностью, а также переводом литературных произведений на финский язык.

В истории финской литературы творчество Ахо во многих занимает промежуточное положение. Ахо считают национальным писателем. Тем не менее, в его творчестве можно заметить много точек соприкосновения с другими культурами. Ахо известен как художник пейзажа и природы провинции Саво, но его отношение к среде, из которой он вышел, носило во многом критический характер. В своих текстах Ахо часто тепло изображает исчезающую культуру и ее носителей. Однако он, вероятно, больше, чем другие финские писатели проявлял интерес к большому городу. Ахо, будучи первым модернистом в финской литературе, искал темы в изменяющемся мире. Он использовал многие возможности развивающейся техники и коммуникации. Произведения писателя получили естественный резонанс среди сторонников набиравшего силу политического течения 19 в., так называемой «Молодой Финляндии» (младофинны).

Ахо был первым профессиональным финским писателем, и он относительно хорошо зарабатывал своим творчеством. Уже в начале карьеры он получал от издателей настоящие авторские гонорары, а позднее – поддержку со стороны общества в виде пособий и премий. Одновременно с этим Ахо, одним из первых знаменитых финских писателей, завоевал расположение международной публики. Наряду с Йоханнесом Линнанкоски, благодаря оживившейся на рубеже 19–20 вв. переводческой деятельности, он приобрел огромное число читателей по всей Европе, особенно в Швеции. На самом деле, только

стечение случайных обстоятельств воспрепятствовали тому, чтобы Шведская Академия вручила ему как первому финскому писателю Нобелевскую премию. Ахо был в числе претендентов на получение премии, задолго до своей относительно ранней смерти, настигшей его в возрасте без малого 60 лет.

Юхани Ахо, или Йоханнес Бруфельдт, родился в доме священника в Вяярни, Лапинлахти и провел большую часть детства в краю Иисалми. Местом для игр в детстве были окрестности Кольонвирта и усадьба Мансикканиеми. В 1870-е гг., годы юности Ахо, семья жила в Виеремя, о природе и людях которой он писал с нежным юмором еще в письмах школьных лет. В 1872–1880 гг. Ахо учился в лицее Куопио, который становился бастионом финской культуры в традиционном окружении шведоязычной цивилизации. Свой псевдоним Юхани Ахо стал использовать уже в литературных этюдах школьного времени. Он, вероятно, взят из пейзажей «*Калевалы*» и «*Кантелетар*», в которых слово «аһо» (поляна), согласно финско-шведскому словарю Элиаса Лённрота, означает «заросший травой или молодым лесом пожег» и часто имеет романтический оттенок.

Ахо как писатель соединил в себе гены от предков по линии отца из провинции Саво с влиянием Похъянмаа, родины его матери. Объединив географически далеких друг от друга роды Теодора Бруфельдта и Эммы Снельман, Юхани Ахо и два его брата, Калле и Пекка Ахо, приобрели творческую энергию, противоречивую по своим источникам. Вся ее сила была направлена на обновление традиций финской литературы.

Отец Юхани Ахо был легендарным проповедником. Его выступления были изданы зятем Йоосеппи Лескелиусом в 1917 г. («*Проповеди пробста Х.Г.Т. Бруфельдта*»). Его популярности способствовала природная непритязательность, которая проявлялась, в частности, в отказе от высоких церковных постов и светских должностей. В 1883 г. он все же согласился стать настоятелем прихода в Иисалми. В это время Ахо уже начинал свою писательскую карьеру. Йоханнес Бруфельдт родился в семье пиетистов: его отец, пастор Нурмеса Петер Юхан Фредрик Бруфельдт, и дед, настоятель в церкви Нильсия Андерс Юхан Бруфельдт, оба благосклонно относились к пиетизму. По линии матери также прослеживается связь с пиетистским движением в провинции Похъянмаа. Суровый к мирским соблазнам дух пиетизма писатель позднее изображал во многих своих произведениях. Склонность к литературной деятельности на самом деле больше обнаруживается в роду матери Ахо, чем у Бруфельдтов. Дед матери, настоятель церкви в Хюрюнсальми Йохан Снельман писал стихи по торжественным случаям и был волостным бытописателем. Генетические связи по линии матери обнаруживаются также и с депутатом риксдага памфлетистом Андерсом Чюдениусом.

«Все прибаутки Саво были на слуху у Юхани Ахо с того времени, когда он начал различать человеческую речь», – отмечал Эрнст

Лампен, школьный товарищ Ахо, позднее своего рода панегирист провинции Саво, в своей торжественной статье в честь 50-летнего юбилея писателя в журнале *«Валвоя»* в 1911 г. Отец Ахо, священник, был известен своей изобретательностью, хотя и произносил вполне корректные проповеди. Начав свое творчество небольшими рассказами в начале 1880-х гг., Ахо мог черпать тонкие нюансы из богатых запасников народного языка. Он оттачивал свою прозу, обрабатывая и взвешивая каждый оттенок. Влияние творчества Ахо на развитие языка художественной литературы Финляндии еще недостаточно исследовано. Без сомнения, он строил фразы со знанием дела и создавал фундамент для современного литературного финского языка в период, когда предложенные Алексисом Киви и калевальской традицией словесные и стилистические конструкции уже начали казаться устаревшими.

Когда Ахо, закончив лицей, поступил учиться в Хельсинкский университет, у него, как и у многих студентов 1880-х гг., было много времени для увлечений, в частности, для участия в студенческой политической жизни. Из сохранившихся писем Ахо можно сделать вывод, что он довольно долго находился в плену национального и социального радикализма. Ахо был одним из тех, кто увлекся идеей «национальной демократии», пытаясь осуществить ее на практике. В одержимости Ахо политикой присутствует почти такая же решительность, что и в пиетизме провинции Похъянмаа. Ахо 1880-х гг. можно охарактеризовать как представителя молодого крыла Финской партии, защитника новых идей.

Помимо общественного радикализма в 1880-е гг. деятельность Ахо была связана с программой эстетических преобразований. Как писатель он участвовал в формировании нового стиля, сложившегося за десять лет в так называемом кружке Ярнефельта. В общении и литературном сотрудничестве принимали участие супруга генерала Александра Ярнефельта Элисабет Ярнефельт и ее сыновья-художники Каспер, Арвид, Ээро и Армас, братья Ахо, а также Кауппис-Хейкки – знакомый Ахо с детства писатель из народа. У группы в какой-то степени были связи также с салоном Минны Кант, особенно после того, как Ярнефельты переехали в 1884 г. в Куопио, когда отец семейства получил пост губернатора.

Группа стремилась воплотить в жизнь реалистическую эстетику, зародившуюся в то время в Европе. Литературную программу можно проследить, анализируя творчество Ахо. Начинаящий писатель пытался соединить общепринятые образы («типы») с наблюдениями и анализом подлинных, естественных и сиюминутных человеческих настроений. Программа осуществилась в основных чертах уже в первом шедевре Ахо *«Железная дорога»* (1884). Особенно большие трудности в применении этой эстетики он испытывал в двух романах *«Дочь пастора»* (1885) и *«Жена пастора»* (1893). Во время написания ранних произведений молодой писатель часто получал критические

замечания со стороны семьи Ярнефельтов. Общение Ахо с Элисабет Ярнефельт в начале 1880-х гг. из обычного знакомства переросло в нечто большее: несмотря на большую разницу в возрасте молодой человек влюбился в боготворимую «Тетушку».

Типичным для Ахо было то, что он апробировал свои тексты не только отдавая их для прочтения Ярнефельту или Кант, но и публикуя первые версии в газетах и журналах. Писатель и сам работал журналистом. В начале 1880-х гг. он сотрудничал с газетой *«Ууси Суометар»*, был корреспондентом *«Кайку»* в 1885 г., издавал провинциальные газеты (*«Кески-Суоми»* в 1886 г., *«Саво»* в 1887–1889 гг.), а на рубеже 1880–90-х гг. стоял у истоков создания органа печати *«Молодой Финляндии»* газеты *«Пяйвялехти»*. Писатель продолжал сотрудничество с этой газетой, а также с пришедшей ей на смену *«Хельсингин Саномат»* вплоть до своей смерти. Вместе со своими братьями в 1892–1903 гг. он выпускал популярный журнал *«Ууси Кувалехти»*. В калейдоскопичной работе редактора Ахо находил пищу для своих произведений малых форм, характерных для его литературного творчества. От малой формы писатель отошел только на одном из этапов своего творчества. Приблизившись на рубеже веков к среднему возрасту, Ахо после большой предварительной подготовки взялся за создание исторических романов. Крупные произведения, однако, не лучшим образом выдержали испытание временем. Самое существенное Ахо написал именно как результат непосредственного вдохновения в своих коротких рассказах и небольших повестях.

Жизнь и творчество Ахо можно разделить на периоды по многим критериям. Для него были характерны постоянные перемены. Как отмечает журналист и друг Ахо Матти Кивекяс (*Нуори Суоми*, 1911), в первое десятилетие 20 в. у писателя была неизменная потребность «опрокидывать ожидания». Радикальный политический период в жизни Ахо завершила поездка в Париж в 1889–1890 гг., осуществленная на средства государства. Реалистичная эстетика молодого, социально активного Ахо сменилась в мировоззрении тридцатилетнего писателя провозглашением всеобщей относительности. В своей статье *«Придя из театра»* (*«Пяйвялехти»* 1.10.1890), вошедшей позднее в сборник *«Стружки»* (1891), писатель признал свою принадлежность к романтизму. Аналитичность реализма на новом этапе сменил синтетический прием, желание подчеркнуть «крупные, обыденные черты жизни». В жизни и творчестве 1890-х гг. Ахо признал необходимость остепениться. Женитьба на художнице Венни Солдан в 1891 г. приходится на тот же период, что и интерес писателя к *«Калевале»* и пиетизму. Помимо исторического романа *«Пану»* (1897), описывающего столкновение старого и нового времени в жизни карелов, в этот период Ахо издал шесть новелл о кэртах (пиетисты на севере Финляндии) (*«Пробудившиеся»*, 1894), и даже написал вместе с женой детскую книжку (*«Финская иллюстрированная книжка для детей и молодежи»*, 1894).

На середину литературной карьеры Ахо пришлось годы странствий. Кроме того, он искал свое место в обществе. Арендовав весной 1897 г. дом Ворбака в Ярвенпяя, он одновременно основал поселение для художников на берегу Туусуланярви. Один за другим туда переехали Пекка Халонен, Ю.Х. Эркко, Ээро Ярнефельт и Ян Сибелиус. За 14 лет, проведенные в *«Ахола»*, Ахо превратился в общенародно признанного писателя. На рубеже веков он вновь оказался втянут в политику. Вместе с тем, из рядов молодого поколения в это же время раздавалась также острая критика в адрес Ахо. Например, Эйно Лейно обвинял писателя в том, что тот «почивал в литературе» и публично выдвигал себя в качестве «столпа общества». Поводом для обвинения послужило, в частности, то, что Ахо писал некоторые произведения на заказ. Ради хлеба насущного Ахо согласился, например, написать биографию промышленника Антти Альстрёма. Писатель упражнялся в биографическом жанре, описав жизнь и деятельность своего тестя А.Ф. Солдана в произведении *«Человек идей»* (1901).

Ахо имел четкую позицию, когда создавал изданные в двух томах новеллы, описывающие национальные настроения в период угнетения (*«Мой выносливый народ»*, 1899–1900). Из-за своей рискованной деятельности писатель добровольно уехал за границу. 1903–1904 гг. он вместе с семьей провел в Италии и Австрии. Результатом этого периода стали не только большое количество эпических произведений об историческом переломе середины 19 в. и о времени Й.В. Снельмана, Элиаса Леннрота и Пааво Руотсалайнена (*«Весна и заморозки»*, 1906), но и напечатанные в газетах того времени путевые очерки. Позднее Ахо собрал их в две книги о путешествиях (*«Кое-что об Италии»*, 1906, *«Кое-что о Тироле»*, 1908).

После возвращения в Финляндию и улучшения положения в стране Ахо занял ведущее положение в культурной жизни страны. Из-за увеличения объема работы писатель вынужден был переехать в столицу, где и прожил до конца своих дней. Он был приглашен участвовать в руководстве Финским Национальным Театром (1906–1916), а также в комитет по переводу Библии на финский язык (с 1906 г. и до смерти). В качестве первого финского писателя Ахо, вместе с Пааво Каяндером, в 1907 г. получил степень почетного доктора Хельсинкского университета. В числе первых, с 1906 г., ему была назначена государственная писательская пенсия. У Ахо были также различные ответственные поручения в Союзе писателей Финляндии, Финском литературном обществе, а также в государственной литературной комиссии, созданной после обретения Финляндией независимости. Из его многочисленных инициатив наиболее значимой было предложение об оказании поддержки переводам на финский язык произведений классиков мировой литературы. Ахо лично перевел многих писателей со скандинавских языков и с французского. В его переводе, в частности, вышли *«Рассказы фельдшера»* Ц. Топелиуса (1896–1898), проза Й.Л. Рунеберга (как часть *«Произведений»* 1902–

1909), а также «Путешествие Нильса с дикими гусями» Сельмы Лагерлёф (1906–1907).

Пятидесятилетняя годовщина Юхани Ахо в 1911 г. отмечалась как национальный праздник. Писателю были оказаны знаки внимания, даже несмотря на то, что праздничный день он предпочел провести на лососевых порогах в Хуопана на Виитасаари, а не в столице. С 1905 г. и до своего последнего лета 1920 г. Ахо ездил на Хуопананкоски половить рыбу на мушку. Увлечение нашло отражение и в литературе, правда, с небольшим опозданием. Последнее, вышедшее уже после смерти, произведение Ахо было посвящено рассказам и зарисовкам на тему рыбалки («*Рассказы про лосося и анекдоты про рыбу*», 1921). Как рыболов, писатель был ближе всего к представителям англосаксонских традиций спортивного рыболовства. В последние годы Ахо планировал даже написание справочника по рыболовству и участвовал в работе Союза рыболовов-спортсменов Финляндии. Во многих статьях он затрагивал проблему ухода за лососевыми порогами, предвосхищая устремления современных защитников природы.

Для последнего периода творчества Ахо характерно повышенное внимание к стилю. Позднее крупное произведение, повесть «*Юха*» (1911), по своему тиражу не могло сравниться с мастерским произведением молодости – «*Железной дорогой*». Однако по своему драматическому накалу и отточенному языку его, пожалуй, можно назвать в творчестве Ахо наиболее выдающимся. Сюжет и язык произведения обнаруживают сильное влияние калевальской поэтики. В самой теме – драматический любовный треугольник, когда молодая женщина бросает мужа и бежит с сильным и здоровым коробейником – писатель использовал знакомый ему кризис в семейных отношениях. В толковании Антти Ю. Ахо, в повести «*Юха*» описаны непростые отношения писателя со свояченицей Тилли Солдан. Погруженный в историко-мифологическую атмосферу, писатель создает в своем произведении современный портрет человека. Роман получил также и международное признание. Этому отчасти помогли экранизации произведения. Первую версию «*Юхи*» создал швед Мориц Стиллер в начале 1920-х гг. В 1930-е гг. фильм по этой книге сняли сыновья Юхани Ахо (фирма *Aho&Soldan*) и режиссер Нюрки Тапиоваара. Третьей экранизацией стала цветная картина конца 1950-х гг. Черно-белый немой фильм, снятый по мотивам повести «*Юха*» режиссером Аки Каурисмяки в конце 1990-х гг., является своеобразной стилизацией, самостоятельным произведением искусства. По повести созданы также две оперы (композиторы Леви Мадетойя и Аарре Мериканто), несколько драматических постановок, наиболее поздние из них появились в 1990-е гг. Возросший в последнее время интерес к этому произведению выдвигает его на первое место среди работ писателя.

Увлечение последних пятнадцати лет идейными и нравственными проблемами наложило отпечаток на творчество Юхани Ахо. Пьеса

«Приговор» (1907), написанная под влиянием настроений так называемого «второго периода угнетения», содержит животрепещущий современный материал, спор о правомочности пассивного сопротивления и соглашательской политики. Власти запретили премьеру спектакля по политическим причинам. В романе «Совесть» (1914) писатель рассматривает проблему этического выбора в небольшом рыбацком коллективе. В романе «Раздавленный миром» (1916), написанном под влиянием мировой войны, Ахо попытался встать на позиции пацифизма, изображая знакомые по поездкам пейзажи австрийских Альп. Это пацифистское выступление не получило отклика в чрезвычайных условиях войны. Несмотря на желание Ахо, произведение не было переведено на другие языки. К проблеме мира писатель вынужден был вернуться в связи с гражданской войной 1918 г. в Финляндии. Ахо, оказавшийся в изоляции, вне основных событий, оставил записи в дневнике под названием «Отрывочные размышления за недели восстания» (1918–1919). В этом внушительном документальном произведении отражено личное отношение писателя к событиям: пожилой художник переживает трагедию гражданской войны как тяжелую личную катастрофу. Ахо и народ больше не понимали друг друга. Поэтому успех книги оказался скромным. Ахо хотел найти убежище от депрессии, вызванной гражданской войной, и связанных с ней разногласий в семье в ностальгическом прошлом. Свое последнее масштабное произведение писатель создавал, живя отдельно от жены. В почти автобиографической повести «Ты помнишь?» (1920) автор бежит от суровых будней в идиллию детства и юности. Этот роман быстро стал бестселлером – он отражал чувства и чаяния читателя того времени.

Обширная малая проза писателя, сборники «Стружки» (всего за 1891–1921 гг. вышло 8 томов) дает возможность проследить основные линии творческого развития Ахо. Новеллы стали своего рода автобиографией автора. Их можно считать, с учетом определенной символики, тайным дневником писателя. В ранних новеллах он часто обращается к детским воспоминаниям и делает меткие сатирические наброски. В короткой прозе периода притеснения Ахо писал аллегории, изображая политическое давление со стороны России. В новеллах 1910–20-х гг. Ахо все чаще описывает состояние души: настроения меняются от уныния и тоски до эйфорического желания снискать симпатии широкой публики. Стремясь дать отчет самому себе, Ахо осенью 1920 г. написал новеллу «Потухающий вулкан» (напечатан в рождественском выпуске газеты «Кулкусет»). Исследователи рассматривают его как художественное завещание. В духе меланхолического рассказа писатель обращается к грядущему поколению. В предчувствии близкой смерти, оставший мастер слова высказывает надежду на то, что люди не забудут его. Он представляет, как «Потухающий вулкан», «будет сверкать в их маяках», как «зажжется под крышей даже самой маленькой хижины». Смысл

новеллы сконцентрирован в символе веры писателя: «Хоть я сейчас и умру, я все же не исчезну навсегда».

Юхани Ахо умер зимой 1921 г. из-за распространившейся эпидемии дифтерии. Смерть ускорила обнаруженная ранее болезнь сердца. Панихида состоялась в часовне Дома сестер милосердия в Хельсинки 12 августа 1921 г. В панихиде и похоронах на кладбище в Иисалми участвовало как высшее руководство страны и деятели культуры, так и простые граждане. Ахо был похоронен вместе с любимыми рыболовными снастями неподалеку от места, где он провел детство. Писатель до своей смерти частично успел подготовить к печати *«Избранные произведения»* (в десяти томах, 1918–1922). Их дополненное издание вышло к 100-летию юбилею Ахо (в трех томах, 1961). Неизданными остались многочисленные газетные статьи, в частности, литературные «краткие очерки» и рецензии. Письма Ахо, из которых становится ясной его многогранность как гражданина и политической фигуры, напечатаны двумя изданиями в связи с юбилейными датами (1961, 1986).

Начиная с 1920-х гг. стали появляться многочисленные биографии Ахо. Особое место среди них занимает биография, написанная сыном писателя Антти Ю. Ахо, в которой он в хронологической последовательности описывает жизнь отца, не останавливаясь ни перед какими табу. В биографиях основные акценты смещаются от роли писателя в национальных масштабах к оценке творчества Ахо как части мировой литературы. Юхани Ахо, наряду с Алексисом Киви и Ф.Э. Силланпя, считается выдающимся финским художником слова, писавшим о жизни народа. В последнее время его творчество причисляют к европейскому модернизму, развивавшемуся в конце 19 в. Произведения Ахо, в особенности *«Железная дорога»* и *«Юха»*, а также некоторые новеллы являются основным материалом в преподавании родного языка и по сей день. Популярность завоевали произведения, изображающие духовный перелом в интеллектуальной среде в 20 в.: *«Дочь пастора»* и *«Жена пастора»*, и, особенно, *«Одинокий»* (1890). Вызывавшие в свое время осуждение сцены напоминают импрессионистское изображение человека во французской прозе конца 19 в. Эти произведения можно также рассматривать как один из ранних примеров современного субъективизма.

После смерти писателя новые переводы его книг изредка выходили в скандинавских странах и на основных европейских языках – французском и немецком. В то же время в англосаксонских странах спрос на него был меньшим. Ахо, также как и его современник Арвид Ярнефельт, вызвал интерес у так называемого «поколения факельщиков» 1920-х гг. Деятельность Мики Валтари и других факельщиков 1920-х гг. в каком-то смысле продолжала намеченную Юхани Ахо линию. Опросы читателей, сделанные между мировыми войнами, подтвердили прочное положение писателя в финской литературе. Модернисты после второй мировой войны относились к Ахо

привередливо, но среди читателей молодого поколения его оценка вновь возросла. Ахо как писатель-рыбак и художник, описывающий последние глухие места, стал своего рода гуру экологического движения.

Личность Юхани Ахо стала с конца 1990-х гг. объектом еще более пристального внимания. Причиной этого были некоторые исследования и публикации, в которых более открыто изображалась личная жизнь писателя. Документальное произведение, собранное из писем Элисабет Ярнефельт, открывает занавес любовных отношений молодого писателя. Портрет Ахо в пожилом возрасте дополняют биография Венни Солдан-Бруфельдт, написанная Рииттой Конттинен, и роман Туулы Лево, посвященный Тилли Солдан. Новое обобщающее видение творчества Ахо предлагает в диссертационном исследовании Тарьи-Лиисы Хюпен.

Для увековечения памяти классика в 1948 г. было создано Общество Юхани Ахо. По его инициативе в Иисалми и Ярвенпяя были открыты дома-музеи. О возрождении увлечения творчеством Ахо в последнее время свидетельствует и то, что в Иисалми, начиная с 1980-х гг. раз в два года проводятся дни писателя.

– ЮХАНИ НИЭМИ

Приложение:

Йоханнес Бруфельдт, с 1907 Юхани Ахо, род. 11.9.1861 Лапинлахти, умер 8.8.1921 Хельсинки. Родители: Хенрик Густав Теодор Бруфельдт, настоятель церкви, род. 1837, умер 1914, и Каролина Фредерика Эмилия (Эмма) Снельман, род. 1836, умерла 1899. Жена: 1891–1921 Вендла Ирене (Венни) Солдан, художница, род. 1863, умерла 1945, родители жены: Август Фредрик Солдан, начальник монетного двора, и Мария Мюллер. Дети: Хейкки Тааветти, род. 1895, умер 1961, режиссер, продюсер; Антти Юхани, род. 1900, умер 1961, рекламный менеджер. Дети от Тилли Солдан: Бьерн Матиас (Солдан), род. 1902, умер 1953, кинооператор.

Мартти Ахтисаари

(1937 –)

Президент Республики

Мартти Ахтисаари, сделавший примечательную карьеру на службе в ООН, в 1994 г. был избран президентом республики на первых прямых выборах, минуя партийные механизмы. Его внешнеполитическими приоритетами были европейская система коллективной безопасности, скандинавское сотрудничество и политика безопасности без вступления в НАТО. Возможно, наиболее наглядной частью президентского срока Ахтисаари были его многочисленные поездки по стране и за границу. Ахтисаари не выставил своей кандидатуры на президентских выборах 2000 г. и продолжил деятельность в качестве независимого международного посредника.

До вступления на пост президента Мартти Ахтисаари работал экспертом по вопросам сотрудничества в области развития министерства иностранных дел, послом Финляндии в Дар-эс-Саламе, заместителем генерального секретаря ООН по вопросам управления и экономики, уполномоченным по делам Намибии, а также специальным представителем генерального секретаря ООН в ходе процесса, приведшего к обретению Намибией независимости. После периода президентства Мауно Койвисто Ахтисаари, будучи статс-секретарем министерства иностранных дел, стал кандидатом в президенты, минуя процедуру выдвижения от партий. Ахтисаари стал десятым президентом страны и первым, избранным по прямой двухступенной системе выборов.

Отец Мартти Ахтисаари Ойва к моменту рождению сына служил унтер-офицером в тыловых войсках в Выборге. Отец, род которого происходил из южной Норвегии, принял финляндское гражданство в 1929 г., а в 1935 г. сменил фамилию с Адольфсен на Ахтисаари. Годы войны привели военного техника Ойву Ахтисаари на фронт, а его жена Тююне Ахтисаари переехала с сыном Мартти в Куопио. В Куопио прошли детские и школьные годы Мартти вплоть до первых классов лицея, затем в 1952 г. семья, в связи со сменой места работы отца, переехала в Оулу. Оулуский лицей и местное Христианское

Объединение молодежи (NMKY) сыграли решающую роль в формировании его мировоззрения.

После службы в армии выбор трудового пути привел Ахтисаари в Высшую школу учителей Оулу, где ему удалось, живя дома, пройти двухгодичный курс и получить в 1959 г. диплом учителя народной школы. Однако работа преподавателя, к которой он приступил в качестве учителя VI b класса школы Оулунсуу, не оказалась достаточно увлекательной.

В апреле 1960 г. в газете «*Huori mies*», органе NMKY, было напечатано объявление о том, что в училище физической культуры в Карачи (Пакистан) требуется заведующий студенческим общежитием. Заведением в основном руководили шведы, однако в Швеции не нашлось подходящей для этой должности кандидатуры. Ахтисаари откликнулся на объявление, съездил на собеседование в Швецию и в 1960 г. подписал трудовой договор. Помимо обязанностей по руководству общежитием ему предстояла дополнительная педагогическая подготовка, что само по себе его очень устраивало. Необходимо было также на практическом уровне вникнуть в проблемы работы в развивающихся странах, а также адаптироваться к международной среде.

По возвращении в Финляндию в 1963 г. Ахтисаари приступил к учебе в Хельсинкской высшей школе экономики. Но практическая работа увлекла его, и в 1964 г. он стал исполнительным секретарем Хельсинкского международного студенческого клуба и организации «*Международная студенческая помощь*». Растущий в студенческой среде интерес к помощи развивающимся странам заставил Ахтисаари разрабатывать соответствующие формы деятельности, например, группы помощи, а также создавать условия для жизни иностранных студентов, приезжающих в Финляндию. В тот период также зарождались дружеские связи, пригодившиеся в последующие годы, например, знакомство со студентом Ники Иямбо, в дальнейшем несколько раз занимавшим министерские посты в Намибии.

В Финляндии было решено сконцентрировать организацию работы по оказанию помощи развивающимся странам в министерстве иностранных дел, в котором был образован отдел по оказанию помощи, позднее – департамент сотрудничества с развивающимися странами. Секретарь, начальник отдела, помощник начальника департамента – ступени послужного списка Ахтисаари на протяжении 1965–1973 гг. В качестве второго лица в департаменте он участвовал в осуществлении проектов по оказанию помощи, важнейшими из которых были проекты в Южной Африке. Одним из самых важных был совместный скандинавский проект по строительству неподалеку от столицы Танзании Дар-эс-Салама комплекса в деревне Кибаха, состоявшего из сельскохозяйственного учебного центра, школы с предуниверситетской подготовкой и медицинского центра.

В 1968 г. Мартти Ахтисаари вступил в брак с Ээвой Хювяринен. Они встречались еще в школьные годы в Куопио, но затем их пути

разошлись. Работавшая в Эспоо Ээва Ахтисаари делила время между работой и семьей – сын Марко родился в 1969 г.

В семейной жизни наступили перемены, когда Мартти Ахтисаари получил назначение послом Финляндии в Дар-эс-Саламе (Танзания) и по совместительству в Замбии, Сомали и Мозамбике. В Дар-эс-Саламе и Лусаке и прежде действовали финские представительства, в то время как в Могадишу и Мапуту Ахтисаари стал первым послом Финляндии. Столь быстрое продвижение по службе в департаменте по оказанию помощи развивающимся странам учителя, пришедшего извне дипломатической среды, вызывало среди сотрудников МИДа зависть, поскольку традиционно высшие должности в департаменте замещались кадровыми дипломатами в процессе ротации. Это не помешало президенту Урхо Кекконену назначить Ахтисаари, которому только что исполнилось 36 лет, чрезвычайным и полномочным послом. Как полагали, значительное влияние на это решение оказало социал-демократическое происхождение Ахтисаари. С другой стороны, он без сомнения обладал достаточной компетенцией в вопросах отношений этого региона и Финляндии.

Во время работы в Танзании в 1973–1977 гг. Ахтисаари глубоко вник в проблемы Южной Африки. С этим было тесно связано наблюдение за процессом получения Намибией независимости, поскольку Дар-эс-Салам был одним из плацдармов деятельности Политической организации Юго-Восточной Африки СВАПО (South West African Political Organization), главного органа освободительного движения намибийцев, а в дальнейшем влиятельной партии. Авторитет среди африканцев привел к тому, что когда возвращение в Финляндию по окончании срока посольских полномочий казалось уже весьма вероятным, как борцы за независимость, так и влиятельные фигуры континента выдвинули Ахтисаари кандидатом на пост уполномоченного ООН по Намибии. Речь шла о должности, освобождавшейся в связи с выходом на пенсию ирландца Шона МакБрайдена. Этот пост должен был гарантировать учет намибийских интересов при принятии в Нью-Йорке решений ООН по вопросам, связанным с процессом предоставления независимости Намибии.

На посту уполномоченного по Намибии Ахтисаари участвовал в мероприятиях, призванных подготовить намибийцев к будущей независимости. По инициативе Финляндии был основан Институт Намибии, в котором намибийцы проходили обучение в области государственного управления, школьного дела и других первоочередных сфер. Одновременно Мартти Ахтисаари включился в намибийский процесс и иным образом. Роль генерального секретаря ООН в этом процессе в условиях холодной войны и конфликта интересов в Африке была весьма существенной. Ахтисаари стал спецпредставителем генерального секретаря ООН в Намибии – сначала Курта Вальдхайма, а затем сменившего его Хавьера Переса де Куэллара. Поскольку стало ясно, что на практике невозможно совмещать роли уполномоченного

по Намибии и спецпредставителя генерального секретаря, Ахтисаари стал осуществлять функции спецпредставителя.

В 1978 г. семья Ахтисаари переехала в Нью-Йорк, где началась карьера Мартти Ахтисаари во всемирной организации. Он готовил почву для независимости намибийцев, при этом в качестве первоочередной задачи поддерживал постоянные контакты между СВАПО, Организацией африканского единства (ОАЕ), ведущими государствами мира и высшим руководством ООН. Однако к началу 1980-х гг. политические предпосылки для независимости Намибии все еще отсутствовали, и в этих условиях появилась возможность для возвращения Ахтисаари в Финляндию.

Возвращение в Финляндию совпало с оживленной дискуссией об эффективности помощи развивающимся странам и вероятных злоупотреблениях средствами, направляемыми на эти цели. Ахтисаари участвовал в этой дискуссии, находясь на посту начальника департамента помощи развивающимся странам и помощника статс-секретаря по этим вопросам. Организация деятельности в этой сфере была улучшена, что позволило дать ответы на поставленные в ходе дискуссии вопросы и ликвидировать основания для критики.

Ахтисаари в должности помощника статс-секретаря по вопросам помощи развивающимся странам участвовал в наблюдении за намибийским процессом и имел возможность влиять на его ход исходя из позиции Финляндии. В 1987 г. Ахтисаари, хорошо разбиравшийся в вопросах административного управления, был назначен на пост заместителя генерального секретаря ООН по хозяйственным и административным вопросам. Всемирная организация в силу расширения сферы своей деятельности вынуждена была идти на все новые расходы, одновременно приходилось увеличивать и управленческий аппарат. В обязанности Ахтисаари входила подготовка процесса, с помощью которого можно было бы одновременно как экономить средства, так и гарантировать обязательства стран-участниц, прежде всего США, по оплате своей доли расходов. Для сотрудников ООН Ахтисаари также создал реальные возможности влиять на организацию деятельности с целью устранения выявившихся недостатков.

Решение намибийского вопроса приблизилось после прорыва линии фронта холодной войны в конце 1980-х гг. Великие державы исходили теперь из необходимости согласия африканских участников на предоставление независимости. После многоэтапных переговоров Ахтисаари, назначенный спецпредставителем генерального секретаря ООН, в марте 1989 г. отправился в Намибию для руководства восьмитысячным военным и гражданским контингентом ООН. Однако в марте-апреле, еще до прибытия войск ООН, ситуация осложнилась, когда бойцы СВАПО проникли в Намибию с территории Анголы с тем, чтобы закрепить свое положение накануне выборов. Поставив в известность генерального секретаря ООН, Ахтисаари уполномочил южноафриканские войска от имени ООН принять меры

к восстановлению мира. Санкционированные действия бывших угнетателей многих раздражали, но Ахтисаари удалось путем переговоров в течение апреля стабилизировать ситуацию и довести дело до выборов в ноябре. В Виндхуке был поднят флаг независимой Намибии. Правительство Намибии высоко оценило труд Ахтисаари. В 1992 г. Эва и Мартти Ахтисаари были провозглашены почетными гражданами Намибии.

После решения Намибийского вопроса Ахтисаари вернулся в Нью-Йорк, где вновь занялся хозяйственными и административными вопросами в ООН. Тогда же в МИДе Финляндии освобождалась вакансия высокого ранга – должность статс-секретаря. Руководство министерством, начавшееся в 1991 г., было для Ахтисаари желанным делом, в особенности потому, что предыдущие годы в департаменте помощи развивающимся странам, а также хозяйственно-административный опыт, полученный в ООН, создавали хорошие предпосылки для работы.

Помимо сугубо административных обязанностей вскоре появились и другие заботы. После войны, начатой Ираком, Ахтисаари возглавил группу, которая должна была подготовить доклад для ООН об изменении ситуации. Главная идея заключалась в том, что с глобальной точки зрения наиболее разумным было бы позволить стране вернуться к нормальной жизни как можно скорее. В США же ожидали высказываний, которые бы дали основания для жестких мер по отношению к Ираку. Доклад не соответствовал таким ожиданиям, что, как полагают, привело к тому, что американцы не поддержали кандидатуру Ахтисаари на пост генерального секретаря ООН. Решение о высшем poste во всемирной организации было найдено, когда африканские страны выдвинули единого кандидата Бутроса Бутроса-Гали. В 1992 г. Ахтисаари пригласили стать председателем рабочей группы по Боснии и Герцеговине на конференции ООН по Югославии в Женеве. Однако эту работу пришлось прервать из-за президентской кампании в Финляндии.

Дискуссии о преемнике президента Мауно Койвисто развернулись в начале 1990-х гг. несмотря на то, что Койвисто к тому времени еще не высказал своей позиции по вопросу о своем возможном третьем сроке. Президентские выборы 1994 г. проходили в обстановке глубокого экономического кризиса. Доверие к традиционным институтам государственной власти пошатнулось, политики оказались неспособными вывести страну из кризиса. Менялась и процедура выборов, поскольку впервые речь шла о прямых всеобщих выборах в два тура взамен системы выборщиков. В публичной дискуссии в качестве возможных кандидатов назывался целый ряд фигур, слабо связанных с партиями и политически полностью независимых. К этой группе принадлежал и Ахтисаари, давший согласие на свое выдвижение в первой половине 1993 г. Многие партии проводили свои внутренние предварительные выборы; социал-демократическая партия предоставила право голоса

также и не состоящим в партии. Когда Койвисто объявил о том, что он не будет выдвигаться на третий срок, Калеви Сорса начал свою выборную кампанию. На предварительных выборах 16 мая 1993 г. Ахтисаари одержал победу над Сорсой и еще тремя претендентами. Одним из преимуществ Ахтисаари было то, что ему удалось привлечь на свою сторону голоса не состоящих в партии.

После предварительных выборов Ахтисаари вернулся к своей работе в Женеве и начал свою президентскую кампанию лишь в конце октября. Тем не менее, до дня выборов 16 января 1994 г. он успел объехать всю страну и принять участие примерно в 300 мероприятиях. В первом туре прямых всеобщих выборов Ахтисаари получил около 26 процентов голосов, что соответствовало данным проводившихся до этого многочисленных опросов общественного мнения. На втором месте была набравшая 22 процента Элизабет Рен, которой, несмотря на то, что она была министром обороны в правительстве Эско Ахо, удалось в ходе своей кампании избавиться от негативного образа человека, связанного с определенной партией. «Финляндия выиграла, проиграла партии», – таков был один из комментариев по поводу появления Ахтисаари и Рен как людей, не принадлежащих к партийным аппаратам.

Накануне второго тура большая часть голосов сторонников Раймо Иласкиви и Пааво Вяюрюнена по идеологическим причинам отошла к Элизабет Рен. Согласно опросам общественного мнения, поддержка Мартти Ахтисаари составляла менее 50 процентов. Однако к моменту решающего голосования 6 февраля 1994 г. Ахтисаари удалось ликвидировать отставание и опередить Рен. Немногим более 53 процентов проголосовавших в конце концов высказались за избрание Ахтисаари десятым президентом республики. За Ахтисаари отдали голоса сторонники левых сил и большая часть не связанных с партиями. Как полагают, к Ахтисаари отошло свыше 80 процентов голосов тех, кто голосовал в первом туре за Ээву Куускоски и свыше 70 процентов – голосовавших за «Велтто» Виртанена. Также считается, что за Ахтисаари голосовало свыше 60 процентов сторонников Кейо Корхонена, выступавшего против Европейского Союза, несмотря на то, что «стартовым выстрелом» президентского срока Ахтисаари, начавшегося 1 марта 1994 г., стало обсуждение поддерживаемого Ахтисаари договора о членстве в ЕС.

Президентство Ахтисаари началось с замешательства, связанного с тем, что представитель партии центра Эско Ахо не посчитал нужным заявить об отставке правительства, как это обычно делается при вступлении в должность нового президента. Принципиальные разногласия между президентом и правительством возникли, в частности, по вопросу о внешнеполитическом представительстве страны. По мнению Ахтисаари, президенту, руководящему внешней политикой и политикой по вопросам безопасности, следовало участвовать в важнейших мероприятиях. Правительство Ахо полагало, что в ЕС

внутренняя и внешняя политика переплетаются между собой так, что роль премьер-министра и министра иностранных дел становится ведущей. Ахтисаари настоял на своем, и когда после президентских выборов 1995 г. было сформировано коалиционное правительство Пааво Липпонена, распределение ролей стало более четким, а разногласия по вопросу о представительстве отошли на второй план.

На состоявшемся в октябре 1994 г. референдуме 57 процентов проголосовавших поддержали вступление страны в Европейский Союз, что позволило осуществить вступление с начала 1995 г. Содействие системе европейской коллективной безопасности и сотрудничеству северных стран, а также политика безопасности без членства в НАТО – вот основные направления внешней политики Ахтисаари. Наиболее заметным событием стал саммит в Хельсинки 20–21 марта 1997 г., на котором президенты Борис Ельцин и Билл Клинтон договорились о принципах расширения НАТО, продолжении разоружения, а также о некоторых экономических вопросах. Ахтисаари довольно часто бывал за границей, в частности, устанавливая важные с точки зрения внешней торговли контакты. В поездках по стране он выполнил обещание поддерживать диалог с «обычными» финнами, данное во время предвыборной кампании.

Кульминацией президентского срока Ахтисаари стала деятельность в качестве мирного посредника во время войны в Косово совместно с бывшим российским премьер-министром Виктором Черномырдиным. Война, продолжавшаяся около двух с половиной месяцев, закончилась, когда президент Югославии Слободан Милошевич 3 июня 1999 г. согласился с предложенными Ахтисаари и Черномырдиным условиями мира, выработанными совместно НАТО и Россией. В результате успешных переговоров в адрес Ахтисаари, а вместе с ним и Финляндии звучало много положительных отзывов.

По окончании президентского срока в феврале 2000 г. Ахтисаари участвовал во многих международных посреднических миссиях. Правительство Великобритании объявило 6 мая 2000 г., что Мартти Ахтисаари и Сирил Рамафоса назначены руководить инспекцией арсеналов Ирландской Республиканской армии (ИРА) в Северной Ирландии. За день до этого ИРА объявила об окончательном разоружении, чтобы дать коалиционному правительству унионистов и республиканцев возможность содействовать самоуправлению Северной Ирландии. До лета 2001 г. было осуществлено три инспекции, из которых последняя была перенесена с начала 2001 г. на конец апреля того же года из-за запретов на передвижение в связи с эпидемией ящура. Несмотря на инспекции и обеспечение безопасного хранения оружия в соответствии с договоренностями, политическое положение продолжало оставаться нестабильным, а окончательный мир в регионе так и не наступил.

В июле 2000 г. Ахтисаари был приглашен в группу «трех мудрецов», куда кроме него входили Джоен Фроуайн и Марчелино Ореха.

Перед группой была поставлена задача подготовить доклад о приверженности правительства Австрии общеевропейским ценностям и о положении в австрийской Партии свободы. 8 сентября 2000 г. доклад был представлен президенту Франции Жаку Шираку, поскольку Франция как страна-председатель ЕС координировала бойкот Австрии. Во многом в соответствии с основными положениями доклада Австрии удалось вернуть свое положение в ЕС.

Президент Ахтисаари активно участвовал в работе многих международных организаций. Совместно с американцем Джорджем Ф. Расселом он был председателем правления института *EastWest*. Он также является председателем международной брюссельской кризисной группы *International Crisis Group* и организации *War-Torn Societies Project International*. Требуется времени и председательство в Международном молодежном фонде (*International Youth Foundation*) и Фонде детей и юношества Балкан. Ахтисаари состоит также во многих других организациях, как например в «*Институте Открытое Общество*», в группе советников фондов Сороса и в организации «*Международная демократия и помощь при выборах*» (*International Democracy and Electoral Assistance (IDEA)*).

В Финляндии Ахтисаари входит в правление АО *Elcoteq Network* и *UPM-Kymmene*. Он также избран почетным председателем форума *Pro Baltica*, председателем Международного почетного комитета друзей Выборгской библиотеки, членом правления международной ассоциации *Inter Press Service International Association*, членом комитета по проведению музыкальных праздников в Наантали и совета Северного исследовательского форума.

Предпосылкой для исполнения перечисленных выше обязанностей стало открытие самостоятельного агенства, за которым стоит объединение «*Инициатива по преодолению кризисов*» (*Crisis Management Initiative ry*). Объединение организует и финансирует деятельность агенства Ахтисаари. Финансирование поступает главным образом от вышеупомянутых организаций и международных фондов.

– ХАННУ ХЕЙККИЛЯ

Приложение:

Мартти Ойва Калеви Ахтисаари, род. 23.6.1937 Выборг. Родители: Ойва Алвар Адолфсен, с 1936 Ахтисаари, военный техник, и Тююне Каронен. Жена: 1968 – Ээва Ирмели Хювяринен, род. 1936, родители жены: Аарне Тааветти Хювяринен, строительный подрядчик и фермер, и Айни Лилья, домохозяйка. Ребенок: Марко Ойва Илари, род. 1969.

Мика Валтари (1908–1979)

писатель,

член Финляндской Академии

Необычайно большое по своему объему творческое наследие Мики Валтари включает в себя значительное количество книг, долгое время остававшихся бестселлерами. Его эротически окрашенные романы, иногда вызывающие упреки в развлекательности, сначала покорили финскую публику, а с конца 1940-х гг. и международную читательскую аудиторию. Писательский талант Валтари позволял писать как увесистые тома, так и повести, детективы, пьесы, сценарии к фильмам и тексты к комиксам, черпая материал как из великих сюжетов мировой истории, так и из жизни современников-горожан. В его произведениях присутствует настойчивый поиск духовности, но также терпимость к мирским радостям.

В истории литературы независимой Финляндии Мика Валтари занимает особое место, во-первых, как романист, во-вторых, как драматург. Его активная творческая деятельность длилась более пяти десятилетий и была феноменально продуктивной, столь же необычно велико число его непреходящих работ. Он предпочитал истории с четким сюжетом, эротический настрой которых находил отклик у публики, что вызывало обвинения в развлекательности. Сначала он завоевал симпатии финской, а затем, с конца 1940-х гг. мировой читательской аудитории.

По линии обоих родителей Валтари происходил из рода, имеющего сельские корни, но ставшего городским начиная с поколения его бабушки и дедушки. Отцовский род происходил из Катинала в районе Хаттула, материнский – из Лауккоски недалеко от Порнайнена. Дед по отцу Густав Хелениус, отправившийся в Хельсинки каменщиком, взял фамилию Валтари, по названию семейного хутора. Отец Валтари Тойми и дядя Тойво получили духовное образование; Валтари говорил о своей богословской наследственной предрасположенности. Он был представителем интеллигенции во втором поколении, а также писателем во втором колене. Смерть отца в 1914 г., когда мальчику

было пять лет, существенно повлияла на жизнь Валтари. Мать растила и обучала его и двоих его братьев, и для главных героев его произведений характерны близкие отношения с матерью и отсутствие отца. Фигурой отца для него в какой-то степени служили дядя, доктор теологии и кандидат гуманитарных наук Тойво Валтари, друг отца, дипломированный инженер и коллекционер произведений искусства Яло Сихтола, а также друг матери, дорожный мастер Калле Ууситало. Тойво Валтари после смерти брата взял на себя роль главы семейства. Сихтола направлял Валтари в работе писателя и привил ему любовь к изобразительному искусству. В летнее время, проведенное у Ууситало, Валтари познакомился с Хювинкяя, городом, который изображается в его произведениях и который стал местом написания некоторых из них.

Валтари учился на классическом отделении Финского нормального лицея в Хельсинки и в 1926 г. сдал экзамены на аттестат зрелости. Обучение в университете он начал на теологическом факультете, после серьезного духовного кризиса, произошедшего в следующем учебном году, занялся историей и языками. Он стал кандидатом философии, сдав курс *«лаудатур»* по практической философии, эстетике и современной литературе. Среди его преподавателей были Рафаэль Карстен, Рольф Лагерборг, Ханс Руин и Юрьё Хирн. Его научные работы были посвящены проблеме связи религии и эротики, а также модному писателю того времени Полю Морану.

Биографии Мики Валтари не существует. Свою семью и собственный жизненный путь он описал в так называемой хельсинкской трилогии. Она была опубликована в 1933–1935 гг. и вышла также в сокращенном однотомном издании под названием *«От отца к сыну»*. С небольшими литературными вольностями в этой серии романов он описал историю своего рода. Прототипами для главных героев послужили Густав, Тойми и сам Мика Валтари, а последняя часть стала ранними художественными мемуарами.

Тойво, дядя Мики, подтолкнул мальчика к литературной карьере, заказав ему рассказ для серии публикаций, издаваемой финской миссией для моряков. *«Бегство от бога»* стало первым произведением 17-летнего писателя. Этот рассказ на религиозную тему был быстро забыт, его переиздали лишь в 1995 г. Не по летам развитой лицеист, он часто посещал встречи группы *«факельщиков»* и познакомился с финскими писателями того времени. Он всерьез заявил о себе своим первым романом *«Большой иллюзион»* (1928). Это была его пятая работа, до этого он публиковал религиозные стихотворения, новеллы-ужасы и, вместе с Олави Лаури (=Пааволайненом), поэтический сборник в духе *«факельщиков»* *«Магистрالی»*. *«Большой иллюзион»* хорошо передавал атмосферу того времени, и молодежная читательская аудитория чувствовала в нем созвучие своему жизнеощущению. Произведение имело успех среди критиков, хорошо продавалось и переводилось, и его сравнивали с известными работами Э. Хемингуэя

и Ф. Скотта Фицджеральда 1920-х гг. Для романа характерно раннее, кажущееся при современном прочтении незрелым представление о романтизме того времени. Темами романа стали большой город и бесцельный, лихорадочный гедонизм его молодежи.

Вскоре Валтари усвоил профессиональную этику писателя. Он стремился, и ему удавалось обеспечивать писательским трудом себя и свою семью, а также материально поддерживать родственников. Значение написанного им пособия *«Ты собираешься стать писателем?»* (1935), работы весьма практичной и приземленной, продолжало расти, поскольку ни один последующий финский писатель не написал ничего подобного. Олави Пааволайнен высмеял его усердие в памфлете *«Генеральная уборка»* (1931). Среди произведений, написанных на рубеже десятилетий – сборников сказок, стихов и военных репортажей – выделяется книга *«Поезд одинокого мужчины»* (1929), ставшая классикой в жанре путевых заметок. Благодаря своему свежему стилю она по-прежнему воспринимается современной. Второй роман *«Апельсиновое семечко»* (1931) стал более зрелым и богатым по сравнению с первым: и как картина эпохи, и в изображении характеров персонажей. В основе его сюжета лежит любовный роман писателя, приведший к браку.

С своей хельсинкской трилогией Валтари отдал дань моде на семейный роман. Теперь он был готов к окончательному и наиболее удачному осуществлению амбиций молодого романиста. *«Город горя и радости»* (1936) – роман, в котором действие разворачивается в течение одного дня. Калейдоскопичный по стилю, он, помимо изображения характеров, нацелен на создание образа города как единой целостности. Композиционное построение было позаимствовано из романа Ф.Э. Силланпяя *«Люди в летнюю ночь»* (1934). Автор предлагает новый баланс между идеологиями и изображением личностей и необычным способом использует модное понятие юнанизма. Наряду с детективами о комиссаре Палму, роман является классическим изображением Хельсинки и его атмосферы.

Творческие амбиции Валтари сосредоточились на романе. В жизни он считал самым важным развитие, а его отображение – задачей романа. Главными формами для него стали современный роман, повесть и исторический роман. И хотя они в чем-то пересекаются друг с другом, каждая форма сыграла, в указанной последовательности, решающую роль в его развитии. Валтари творил также во множестве других жанров: стихотворения, новеллы, детективные романы, развлекательная литература, драмы, комедии, фарсы, радиопостановки, сценарии для фильмов, сказки, путевые дневники, политические памфлеты, летописи предприятий, литературная и театральная критика, переводы, эссе, в особенности об изобразительном искусстве, а также тексты к комиксам *«Киеку и Кайку»* художника Асмо Алхо, которые хорошо знает не одно поколение детей.

Говорить о Валтари языком цифр – большое искушение: он написал не менее 20 пьес, а если считать радиопостановки, то еще больше. По его сценариям или на основе его произведений поставлено 33 фильма. Его лучшими пьесами являются исторические драмы *«Ахнатон, рожденный Солнцем»* и *«Парацельс в Базеле»*. Их можно также рассматривать как подготовительную работу к *«Синухе»* и *«Микаэлю Карваялке»*, но он имел также и подлинный талант комедиографа. Его плутовские комедии восхищали публику как с театральной сцены, так и с экрана. Из фильмов, снятых по его сценариям, наибольший кассовый успех имел *«Вальс бродяги»*. Чтобы скрыть свою слишком большую продуктивность, Валтари пользовался псевдонимами, особенно для произведений развлекательного характера, некоторые из которых написаны в соавторстве с Армасом Й. Пуллой.

В 1931 г. Валтари женился на Марьятте Луукконен. Их дочь Сату Валтари позднее стала известной писательницей. Мика Валтари с энтузиазмом вращался в литературных, театральных и художественных кругах, пока понемногу работа не стала требовать уединения. Свои главные произведения он писал весной в сельской местности, где можно было обеспечить покой для работы. Частью его писательской судьбы стали проблемы с алкоголем, вылившиеся в алкоголизм и тяжелые приступы бессонницы и депрессии, из-за чего он неоднократно вынужден был лечиться в больницу. В 1970-е гг. он признал эту сторону своей жизни пороком, со смелостью, лишенной какой-либо бравады или же покаяния.

Лаури Вильянен выступал на страницах газеты *«Хельсингин саномат»* с жесткой критикой произведений Валтари. Валтари считал, что причинами столь нелестной критики были его высокие темпы работы, частота публикаций и популярность у читателя. Стремясь получить моральную компенсацию и, возможно, чтобы посрамить своих критиков, он принимал участие в литературных конкурсах, в которых произведения оценивались анонимно. В 1936 г. на конкурсе Финского литературного общества по драме он получил третью премию. Полное удовлетворение было достигнуто на конкурсе повестей, объявленном в 1937 г. «Издательством Вернер Сёдерстрём» (WSOY). Рукописи Валтари *«Чужой мужчина зашел в дом»* и *«Никогда не будет завтра»* выиграли первую и вторую премии. После оглашения результатов последнее произведение было снято с конкурса и было опубликовано лишь во время Войны-продолжения. За этим в 1939 г. последовал конкурс скандинавского детективного романа. Валтари победил в группе финских писателей с произведением *«Кто убил госпожу Скроф?»* и, по мнению многих, выиграл бы конкурс в целом, если бы победитель выбирался из всех писателей стран Северной Европы. Валтари дал волю своей детективной фантазии, повествуя об убийстве вымогательницы и хозяйки салона Минны Краучер. Валтари извлек урок из своей ошибки, когда он в 1936 г. ввязался в полемику со

своими критиками, и научился говорить своими книгами. Вильянена он наказал в своем следующем детективе *«Ошибка комиссара Палму»* (1940), включив в него в мягкой форме ироническую карикатуру на своего критика.

В военные годы, помимо официальных обязанностей, он писал пропагандистские произведения о советском шпионаже в Финляндии и о советской оккупации Прибалтики. Работа над художественными произведениями также не прекращалась, хотя в ней наблюдались некоторые признаки сиюминутности. Валтари выпустил довольно поспешно написанный роман о Зимней войне *«Антеро больше не вернется»*, реалии для которого он почерпнул в поездке на фронт в районе Колла. Он также написал очерк о периоде между Зимней войной и Войной-продолжением *«Любовь во время войны»*, а также два исторических романа: *«Каарина Маунунтютяр»* и *«Танец над могилами»*. Главными героями последних произведений были шведский король Эрик XIV и российский император Александр I, и их возлюбленные, так или иначе связанные с Финляндией. Первые версии были заказаны как киносценарии, но писатель захотел использовать их для романов. Фильм был снят лишь по последнему произведению. Ретроспективно эти книги можно рассматривать как подготовительную работу к историческому роману *«Синухе»*.

Когда наконец наступила свобода, из-под пера Валтари, подобно потоку лавы, появился давно задуманный роман о египтянине. *«Египтянин Синухе»* (1945) – его главное произведение, положившее начало его международной известности и поддерживавшее ее. Персонажи фараона Эхнатона, военачальника Хоремхеба и Каптаха, слуги Синухе в общем построении романа являются довольно стереотипизированными, тогда как врач Синухе – фигура развивающаяся, многомерная, несущая в себе внутренние противоречия. Повествование блестяще архаизировано и вызывает сопереживание. В романе мастерски использованы два временных пласта: Египет периода 18-ой династии и его отношения с соседними государствами является одновременно скрытым изображением истории Второй мировой войны. Повествование строится на хорошем знании истории Египта, но в то же время оно показывает главное сходство древней и современной жизни. В представленном Эхнатом учении об Атоне есть очевидное сходство с христианством. Книга наполнена напряжением между идеализмом и реализмом, которое не находит однозначного разрешения: в развязке присутствует как пессимизм, так и семена надежды. Произведение является одновременно идейным, нравственно-психологическим, историческим, плутовским и приключенческим романом. Английский перевод книги в США попал в число бестселлеров, успех был закреплен фильмом, снятым в Голливуде.

«Синухе» подготовил почву для всемирной славы последующих исторических романов Валтари. В ретроспективе этот путь выглядит

вполне логичным, а исторический роман – наиболее естественным для Валтари жанром. На самом деле, Валтари после «*Синухе*» вновь посвятил себя повести, спустя десять лет после первых экспериментов в этой форме. Отказ издателя публиковать их отчасти стал причиной возврата к историческому роману. Повести, написанные в оба периода, были опубликованы лишь спустя годы ожиданий. Валтари включил в полное издание своих повестей (1966) тринадцать произведений. В дополнение к двум первым сборникам – «*Лунный пейзаж*» (1953) и «*Калина*» (1961) – он поместил два произведения из раннего творчества. Повести, которые Валтари считал новеллами в немецком значении слова «*Novelle*», являются экзистенциалистскими нравственно-психологическими изысканиями темной стороны человеческой души. Они получали уважительные отзывы знатоков, но их использовали также и как ударное орудие против исторических романов. В них Валтари, в других случаях обнаруживавший склонность к многословию, упражнялся в краткости и использовании композиции как выразительного средства. Обычная аудитория Валтари начинала относиться к ним с теплом значительно медленнее, чем к остальному его творчеству.

Валтари написал восемь фундаментальных исторических романов, повествующих о пяти эпохах. Их основное решение одинаково: рассказчик и главный герой – фигура выдуманная, а второстепенными героями в основном являются исторические личности, хотя иногда повествование принимает форму воспоминаний, дневника или письма. Степень иронии, а также отражающий ее конфликт естественного и сверхъестественного достигли пика в романах о Микаэле и почти полностью исчезли в романах об Иоанне и Турмсе с их доминирующим настроением мистицизма. Исторические романы были написаны для мирового читателя, единственным финским героем был Микаэль, соответственно, «*Микаэль Карваялка*» (1948) стал единственным романом, затрагивавшим историю Финляндии. Этот роман, вместе со своим продолжением «*Микаэль Хаким*» (1949) составляет наиболее длинное, хаотичное и мизантропическое произведение. Диалектика достоинства и низости выходит на первый план лишь во второй части, изображающей ислам и Турцию.

В романе «*Иоанн Ангел*» (1952) в форме дневника главного героя повествуется об осаде и взятии Константинополя в 1453 г. Произведение является единственным, которое претендует на уровень «*Синухе*», а в некоторых отношениях и превосходит его. Роман имеет четкую пространственно-временную локализацию, компактный и современный стиль, отточенную композицию, хотя угол зрения, для которого характерен мистицизм, более узок, чем неразрешенный идейный конфликт в «*Синухе*». Не звучит никаких голосов, которые, апеллируя к релятивизму или иронии, могли бы служить противовесом вере Иоанна в астральное тело и реинкарнацию. Вместо православной

формы христианства, как это можно было ожидать, судя по теме романа, акцент делается на гностицизме.

Одной из причин успеха *«Иоанна Ангела»* стала история появления произведения: автор отказался от первой версии, которая была опубликована посмертно в 1981 г. под названием *«Молодой Иоанн»*. Эта первая версия составила бы честь репутации любого писателя, но как часть наследия Валтари она оказывается в сложном положении. Само по себе это готовое и солидное произведение, оно даже вносит в версию, изданную автором, некоторые оригинальные дополнения, например, богословские и политические диспуты на церковных советах и эротические похождения молодого Иоанна. Валтари убедился в композиционной слабости книги, когда, написав 450 страниц, так и не привел своего героя в Константинополь, осаду которого собирался показать. Он отложил рукопись и начал сначала, используя форму дневника, в котором похождения молодого человека представлены в виде сжатых воспоминаний прошлого.

Этрусский роман *«Турмс бессмертный»* (1955) был смелым с точки зрения выбора темы. Скучность сведений об этрусках дала свободу фантазии Валтари в отношении мистицизма, веры в реинкарнацию, разностороннего отображения автобиографических моментов. Результат получился неровным: среди подлинно блестящих фрагментов встречается вялое повествование с анахроничным стилем и повторяющимися стандартными приемами.

Проблемы христианства начинают и заканчивают писательский путь Валтари. В 1958 г. он публикует вызвавший удивление роман *«Счастливы Феликс»*, который называют лучшим религиозным романом финской литературы. В нем описываются взгляды и жизненный опыт трех главных героев в контрасте с проблемами религиозной веры в современном мире. После этого уже не было такой неожиданностью, что последние два исторических романа касались зарождения и ранней истории христианства. *«Тайна державы»* (1959) и *«Враги человечества»* (1964), рассказанные от лица отца и сына Манилианусов, вызвали противоречивые оценки. Первая книга – роман об Иисусе, «исполненный фимиамом». Изобилие чуда в нем немедленно вызвало скептические отклики. Но в защиту романа высказывалась мысль о том, что он стал смелой рефлексией религиозно-мистического мира переживаний Валтари, того, что называлось священным пробуждением. Рассказчик, римский вельможа, воспитанный в стоическом духе и живущий в Палестине, глубоко потрясен страданиями, воскресением и вознесением Иисуса. *«Враги человечества»* – рассказ его сына о Риме времен распространения христианства и гонений на его последователей. В этом своем последнем историческом романе Валтари по-прежнему демонстрирует свой талант в ведении сюжетной линии и построении романа. Слабым местом книги стала избыточная компетентность автора: сеть героев,

интриг, событий и связей столь сложна, что читателю зачастую за ней непросто уследить.

Этот роман стал последним крупным произведением Валтари. Впереди было еще 15 лет жизни, которые были отмечены избранием в состав Финляндской академии в 1957 г., работой с молодым поколением писателей, усталостью, болезнями, попытками написать роман о мальтийском рыцарском ордене, редактированием и публикацией в соавторстве с Ритвой Хаавикко текстов и произведений, написанных в его активный период, а также интервью, собранными в книгу мемуаров, к которой он подошел очень серьезно. После его смерти осталось обширное наследие забытых или написанных под псевдонимами произведений, публикация которых, наряду с повторными изданиями работ-фаворитов, несомненно, будет продолжаться и дальше.

Книги Мики Валтари стабильно хорошо продаются как в Финляндии, так и за рубежом. Нет никаких признаков того, что его популярность падает. Наоборот, наблюдаются новые вспышки интереса к его творчеству, например, во Франции. Творческая энергия Валтари привела, в конце концов, к такому успеху, о каком любой писатель может только мечтать. Обвинения в развлекательности стихают, а его статус как писателя-классика становится все прочнее. Слава Валтари за рубежом ослабляет позиции его противников в Финляндии, а накапливающиеся исследования показывают, что за легкостью стиля скрывается глубина как литературной композиции, так и исторических познаний. Его отличительные ценности – гуманность, терпимость и хорошее тщеславие – стали гарантией жизнестойкости его лучших произведений, хотя он сам и принимал смерть книг как части всего тленного. Заслуженная признательность поколений читателей разных стран и разных культур может основываться только на органичной связи творчества Валтари с глубинными первоосновами гуманности.

– МАРККУ ЭНВАЛЬ

Приложение:

Мика Тойми Валтари, род. 19.9.1908 Хельсинки, умер 26.8.1979 Хельсинки. Родители: Тойми Армас Валтари, преподаватель, кандидат философии и теологии, и Ольга Мария Йоханссон, служащая Межевого управления. Жена: 1931–1978 Марьятта Луукконен, род. 1909, умерла 1978, родители жены: Андерс Эмиль Луукконен, генерал-майор медицинской службы, и Берта Вильхелмина Карлсон. Дочь: Сату (Элстеля) род. 1932.

Вильгельм Вальфорс (1891–1969)

*Генеральный директор
Концерна «Вяртсиля»,
горный советник*

В 1936 г. небольшой железоделательный завод в провинции Северная Карелия АО «Вяртсиля» приобрел машиностроительный завод и судовой верфи АО «Коне я Силта», которые по объемам превосходили его в несколько раз. «Вяртсиля» сразу стал самым большим промышленным предприятием страны. Исполнительным директором предприятия был дипломированный инженер Вильгельм Вальфорс, которого можно считать символом роста металлообрабатывающей промышленности Финляндии как в чрезвычайной обстановке военных лет и в период репарационных платежей, так и в 1950–60-е гг., во время начала коммерческого экспорта.

Эмиль Вильгельм Вальфорс родился в 1891 г. в Хельсинки. Его отец, доктор философии Хенрик Альфред Вальфорс, преподавал химию в Политехническом училище. Их род происходил из Суупохья, изначально Исойоки, позднее Кристиинанкаупунки, где еще в середине 19 в. дед Вильгельма Вальфорса был торговцем. Отец был талантливым ученым и превосходным преподавателем. Его научные изыскания были довольно значительны, но остались без международного внимания, поскольку были опубликованы лишь на шведском языке. У отца были проблемы с алкоголем, что мешало получению денежных дотаций и исследовательской работе. Он умер в 1899 г., когда Вильгельм только пошел в школу.

В 1911 г. Вильгельм Вальфорс окончил шведский нормальный лицей в Хельсинки. Он решил пойти учиться туда, где раньше работал его отец. Теперь это была Высшая техническая школа. В 1916 г. Вальфорс получил диплом инженера по специальности машиностроение. Во время учебы он проходил практику сначала в текстильной промышленности, но практика последних лет учебы и дипломная работа касались металлообрабатывающей промышленности. Все должности, занимаемые В. Вальфорсом, не считая кратковременной работы в сфере торговли, были связаны с тяжелой металлообрабатывающей промышленностью.

Первое место работы Вальфорс получил в Петрограде, где в 1916–1917 гг. он работал чертежником на оружейном заводе Нобеля. После этого Вальфорс работал инженером машиностроительного производства в АО «*Турун Раутатеоллисуус*», возглавляемом его тестем Каролюсом Вреде, и техническим директором АО «*Фискарс*». Время работы в АО «*Фискарс*» совпало с периодом обретения Финляндией независимости и последовавшими за этим военными действиями, в которых Вальфорс принимал участие в качестве руководителя местного шюцкора. Вальфорс был активным сторонником идеи егерского движения, но его вклад в события освободительной войны остается не вполне ясным. Отряды под его руководством участвовали в «зачистках» в Восточной Уусимаа и, по крайней мере, в Нумми, по всей видимости, участвовали в расстрелах десятков красногвардейцев.

Из АО «*Фискарс*» в 1919 г. Вальфорс вернулся в АО «*Турун раутатеоллисуус*», на этот раз в качестве технического директора. Собственно карьера руководителя предприятия началась только в 1921 г., когда его назначили исполнительным директором АО «*Лехтониemi*». «*Лехтониemi*» – объединение, в состав которого входили судовой верфь и машиностроительный завод, находившееся в частичной собственности Каролюса Вреде. Производственные мощности предприятия располагались недалеко от Варкауса в Лехтониemi и в Тайпале. В «*Лехтониemi*» Вальфорс проявил свои предпринимательские способности. Продукция предприятия всегда большей частью направлялась в Россию. После закрытия этого рынка сбыта необходимо было найти новые пути реализации продукции. Они и были найдены в результате упорной работы на родине. Вальфорс ездил по стране, как коммивояжер, рассказывая о своем предприятии и его продукции. Портфель заказов предприятия на протяжении всего времени работы Вальфорса был не слишком велик, но экономические результаты постепенно росли. Вальфорс продолжал руководить этим предприятием до 1925 г. Предприятие проработало до 1929 г., когда АО «*А. Альстрём*» выкупило его акции, закрыло производство и перевезло станки на свои заводы в Варкаусе.

После «*Лехтониemi*» Вальфорс ненадолго занялся оптовой торговлей, возглавляя и санируя оптовую торговую компанию АО «*София Цвейгберг*». Однако уже в апреле 1926 г. Вальфорс вновь перешел на новую работу, на этот раз на свое «окончательное» рабочее место в АО «*Вяртсиля*».

За сравнительно короткий срок Вальфорс заработал репутацию специалиста по санации предприятий. Железодельный завод АО «*Вяртсиля*» в одноименном приходе в Северной Карелии нуждался в санации. Его производство долгое время оставалось убыточным, у завода было много долгов. Вальфорс и на этот раз приступил к новой работе, разъезжая, подобно коммивояжеру, по стране и продавая продукцию завода. Он быстро понял, что традиционным ассортиментом, в основном состоявшим из прутковой стали, нельзя достичь

рентабельности производства. Необходимо было сосредоточиться на дальнейшей переработке: производстве гвоздей, стальной ленты и упаковочной проволоки. «Вяртсиля» производило даже листовые обогревательные батареи.

Под руководством Вальфорса прибыль АО «Вяртсиля» в 1927–1931 г. выросла и несколько превысила уровень рентабельности. Однако произвести списания и сократить долги не удалось. В 1931 г., в период глубочайшего кризиса, предприятие было на грани банкротства, и на Хельсинкской бирже уже прекратили котировку его акций. Предприятие спасло производство оцинкованной проволоки, выпуск которой был начат незадолго до начала кризиса. В Германии уже раньше в основном перешли к электролитической оцинковке проволоки, но Вяртсильский завод стал первым в странах Северной Европы. В 1931 г. производство было расширено. Другим способом повышения рентабельности было снижение расходов на заработную плату. Работники соглашались на существенное снижение оплаты ради сохранения рабочего места. Уже в 1932 г. «Вяртсиля» принесло прибыль и смогло выплатить дивиденды по своим акциям. Эта же тенденция сохранилась и в последующие годы. Производство стабильно росло, наблюдался экономический рост, удалось уменьшить долги и обновить производственные мощности.

В 1920–1930-е гг. в АО «Вяртсиля» работало 600–700 человек. Поэтому планы Вальфорса о покупке крупнейшего металлообрабатывающего предприятия Финляндии АО «Коне я Силта» в 1935 г. привлекли большое внимание. АО «Коне я Силта» было во много раз больше АО «Вяртсиля». Это было крупное машиностроительное предприятие в хельсинкском районе Хаканиеми, но кроме этого оно владело двумя крупнейшими судостроительными верфями страны: «Лайвателакка» в Хиеталахти и «Кричтон-Вулкан» в Турку. Речь шла о приобретении акций АО «Коне я Силта», входивших в состав наследства торгового советника Роберта Маттссона и образовавших контрольный пакет акций капитала АО «Коне я Силта». Акции были заложены в обеспечение долгов в Объединенном банке Северных стран. Директор банка Райнер фон Фиандт сыграл решающую роль в этой сделке, поскольку он был не только директором Объединенного банка, но и одновременно членом правления как АО «Коне я Силта», так и «Вяртсиля». Покупка состоялась при его содействии, поскольку акции целиком покупались в счет кредита, предоставленного Объединенным банком.

Специалисты в области экономики отнеслись к этому слиянию довольно скептически. Вызывало сомнения, как четыре относительно успешных металлообрабатывающих предприятия могут образовать единое рентабельное целое. Однако именно таким стал концерн «Вяртсиля» под руководством Вальфорса. Объединение предприятий и связанная с ним санация были непростыми и затянулись на несколько лет. Но в конце 1930-х гг. ситуация стала проясняться. АО

«Концерн Вяртсиля» стал одним из крупнейших промышленных предприятий Финляндии. В 1938 г. на нем работало около 6000, а после войны, в конце 1940-х гг., уже более 11000 человек. Достижению роста и успеха, естественно, способствовало изменение значения металлообрабатывающей промышленности в годы войны и репарационных выплат. Вклад «Вяртсиля» как производителя репарационной продукции был поистине велик, так как подразделения концерна в разных частях страны произвели более 40 процентов продукции для репарационных поставок, приходившихся на металлообрабатывающую промышленность.

Благодаря слиянию Вальфорс стал неоспоримой ведущей фигурой не только металлообрабатывающей промышленности Финляндии, но и отечественной промышленности в целом. В 1937–1942 гг. он был председателем Ассоциации металлообрабатывающей промышленности Финляндии, а в 1942–1946 гг. – председателем Промышленного Союза Финляндии. В годы войны он, как представитель правительства, ездил в США для закупок оружия, в 1944–1945 гг. участвовал в переговорах с СССР по репарациям, а затем был членом комиссии по репарационной промышленности. В 1947 г. он принимал участие в качестве эксперта в парижских мирных переговорах. Возможно, самой ответственной миссией, по крайней мере, с точки зрения возглавляемого им предприятия, было участие Вальфорса в качестве постоянного члена финской делегации на торговых переговорах с СССР (до 1954 г.) Самые значительные вехи его карьеры пришлось на 1940-е – первую половину 1950-х гг. Можно полагать, что она завершилась со всеобщей забастовкой начала 1956 г., хотя разносторонняя деятельность Вальфорса продолжалась еще долго после этого. Будучи членом рабочей комиссии правления Центрального союза работодателей Финляндии, Вальфорс был одним из разработчиков жесткой линии работодателей и выступал против принятия процедуры посредничества в трудовых спорах, позволившей прекратить забастовку.

Вальфорс выполнял доверительные миссии на протяжении относительно непродолжительных отрезков времени. Он стремился решить вопросы за нескольких лет, и если дело затягивалось или он сталкивался с противодействием, Вальфорс отказывался от задачи. Он был довольно импульсивен и энергичен, вел свои дела «громко» и поэтому имел много противников. Кроме громкого голоса его внешним отличием была также манера быстро ходить, за что, видимо, он и получил прозвище «Шустрый Вилле».

Руководство концерном осуществлялось в полном соответствии с волей Вальфорса. Но в других делах он иногда встречал отпор. В конце 1940-х гг. он был председателем совета правления Хельсинкского Акционерного банка и энергично выступал за его объединение с Объединенным банком Северных стран. Тщательно разработанный

план все же провалился из-за сопротивления коллег в собственном банке. Вальфорс сразу же ушел в отставку и даже начал распродавать свой пакет акций. Подобная ситуация повторилась примерно через десять лет, во время основания металлургического завода «*Раутаруукки*». Частная промышленность во главе с «*Вяртсиля*» подключилась к осуществлению проекта, руководимого государством, и даже имела своего представителя в руководстве – Хельге Хаависто. Когда события стали развиваться вразрез с идеями Вальфорса, он, и «*Вяртсиля*» вместе с ним, ушел из правления «*Раутаруукки*», хлопнув дверью.

«*Концерн Вяртсиля*» оставался для Вальфорса основной работой, несмотря на многочисленные общественные функции и участие в руководстве других предприятий. Он стоял во главе концерна с 1926 по 1961 гг., когда в возрасте 70 лет ушел на пенсию с поста генерального директора. Под руководством Вальфорса маленький железообрабатывающий завод на востоке Финляндии, погибавший от экономических проблем, превратился в крупнейшее предприятие страны. В последние годы его правления концерн получал кредиты международных финансовых учреждений без гарантийного обеспечения. Производственные предприятия «*Вяртсиля*» находились в десятках мест, и практически любой конечный продукт, производимый концерном, мог быть изготовлен от начала и до конца из собственного сырья концерна. Основной упор производства в период правления Вальфорса все больше переносился на судоверфи в Хельсинки и Турку. Принципиально новым направлением стало изготовление бумагоделательных машин на заводе «*Коне я Силта*» в Хельсинки.

Поистине легендарный Вальфорс участвовал в переговорах с СССР по заказам в области судостроения. Говорят, что он знал всего несколько слов по-русски и не был особым специалистом в судостроении. Но, прежде всего, он был коммерсантом, и АО «*Вяртсиля*» получало заказы. Поначалу упор делался на строительстве сухогрузов и барж для перевозки навалочных грузов, но, начиная с 1950-х гг., все больше стали строить технологически сложные ледокольные суда.

В конце 1950-х гг. Вальфорс пытался заняться политикой. Он резко выступал против избрания президента Урхо Кекконена на второй срок и решительно поддерживал сторонников Хонка. Отношения между Вальфорсом и Кекконеном в целом были довольно специфическими. «*Вяртсиля*» во главе с Вальфорсом был самым крупным участником восточной торговли, Кекконен, со своей стороны, был инициатором развития восточной торговли и во многих отношениях выступал в качестве блюстителя интересов финских экспортеров. Несмотря на это, отношения между ними оставались прохладными, а под конец даже холодными. В 1960 г. на коммунальных выборах Вальфорс был выдвинут кандидатом от Шведской народной партии и был избран с большим отрывом в своей родной коммуне Эспоо. Коммунальная политика, однако, не удовлетворяла Вальфорса, привыкшего к

быстрому принятию решений. Его познаниям в области экономики не придавалось никакого значения, и, со своей стороны, он не мог понять значения компромиссов, основанных на соображениях целесообразности коммунальной политики. Вальфорс вышел из Совета уполномоченных Эспоо через полтора года работы, не дожидаясь очередных выборов.

Вальфорс успел пробыть пенсионером около десяти лет, но и в эти годы он трудился, в частности, на посту председателя правления «*Концерн Вяртсиля*». Он умер летом 1969 г. в своем загородном доме Науво в Хёгсари. Вальфорс был женат на Сири Вреде. Ее отец Каролюс Вреде был известным промышленником, а брат Густав Вреде был генеральным директором АО «*Валмет*», самого серьезного отечественного конкурента «*Вяртсиля*». Вильгельм Вальфорс в 1941 г. получил титул горного советника, а в 1949 г. стал почетным доктором технических наук в Высшей технической школе.

– Кай Хоффман

Приложение:

Вильгельм Вальфорс, род. 25.6.1891 Хельсинки, умер 20.6.1969 Науво. Родители: Хенрик Альфред Вальфорс, доктор философии, профессор, род. 8.4.1839 Кристиинанкаупунки, умер 28.3.1899 Хельсинки, и Эмилия Элизабет Лонгъельм, род. 1863 Хельсинки, умерла 1.5.1837 Хельсинки. Жена: 1917 – Сири Йоханна Вреде, род. 10.8.1894, умерла 26.12.1983, родители жены: Каролюс Вреде, барон, и Сири Сёдеръельм. Дети: Кристел (Рузенлев), род. 1918; Сусанна (Барнер-Расмуссен), род. 1921.

Хенрик Хенрикинпойка Ванберг (1630–1709)

*председатель крестьянского сословия,
рустгалтер*

Хенрик Хенрикинпойка Ванберг относился к тем богатым крестьянам 17 в., которым удалось сосредоточить в своих руках довольно большую земельную собственность и подняться до постов в местном управлении, некоторые стали депутатами риксдага от крестьянского сословия. Хенрик Хенрикинпойка Ванберг пошел дальше всех, так как в истории риксдага королевства Швеция-Финляндия он был единственным финном, избранным председателем крестьянского сословия.

В финской историографии Хенрик Хенрикинпойка (Хенрикссон, используется также финская форма имени Хейкки Хейкинпойка), известный позднее депутат риксдага, родился в рустгалте Ваанила в Лохья, в семье церковного старосты и судебного заседателя. «Хитростью» он присоединил к своей собственности второй рустгалт, а во время организации поселенной системы была присоединена еще одна усадьба деревни. Он умел писать, что было редкостью для крестьян того времени и, вероятно, говорил также на шведском языке, хотя деревня Ваанила находится по финскую сторону языковой границы. Стремясь приобщиться к манерам представителей привилегированных сословий, он в старости взял себе фамилию Ванберг, произошедшую от названия Ваанила. В конце столетия Хенрика Хенрикинпойку можно было встретить почти на каждой сессии уездного суда или в качестве истца, или в качестве ответчика. Помимо того, что он имел склонность к ссорам, его изображают также как вспыльчивого, своевольного, злоупотребляющего спиртным и высокомерного по отношению к подчиненным. Однажды в суде его даже заподозрили в клятвopреступлении. По мнению профессора Хейкки Юликангаса, казалось, что от него «действительно исходило всяческое зло и хитрость, присущее тем беспокойным временам».

Вероятно, эти черты оказали влияние на то, что жители Лохья посчитали его подходящим человеком для защиты их интересов.

На сессии уездного суда Хенрика Хенрикинпойку избрали егерем-фогтом, а губернатор назначил его ленсманом. Правда, в 1701 и 1708 гг. его уволили с этих должностей из-за злоупотреблений и самоуправства. Неоднократное избрание депутатом от крестьянского сословия было самым убедительным свидетельством доверия к нему. Хенрик Хенрикинпойка представлял провинцию Раасепори на сессиях риксдага в Стокгольме в 1664, 1676, 1678, 1680 и 1682 гг., а также в финляндском ландтаге в Турку в 1676 г. и в провинциальном ландтаге в Хельсинки в 1677 г. Одновременно он представлял уезд Хаттула на сессиях риксдага в 1664, 1676, 1678, 1680 и 1682 гг. и провинцию Порвоо на сессии 1678 г. В ландтаге Турку 1676 г. он был председателем крестьянского сословия, и его назначили членом комиссии, которая на сессии 1680 г. должна была изучить деятельность администрации периода предыдущего регентства.

На той же сессии 1680 г. Хенрик Хенрикинпойка на части заседаний был председателем крестьянского сословия. Его восхождению на этот пост, возможно, способствовал брат ландмаршала, барон Герман Флеминг, который владел поместьем Киркниemi в Лохья и поэтому, вероятно, был знаком с ним. Возможно, не обошлось и без участия короля – Хенрика Хенрикинпойку считали его приспешником в крестьянском сословии. Накануне следующей сессии риксдага Карл XI побуждал губернатора губернии Уусимаа и Хяме позаботиться о том, чтобы депутатом от уезда Раасепори был избран Хенрик Хенрикинпойка, а не кто-нибудь другой. Крестьяне были вполне довольны им, покуда речь шла о поддержке короля против власти аристократов. Но на этой последней для него сессии риксдага Хенрик Хенрикинпойка, вероятно, перешел границу приемлемой степени роялизма. В сословии его упрекали за то, что он «бегал к королю и соглашался то на одно, то на другое без их ведома, а также пересказывал королю все, о чем они говорили между собой». Его вытащили с заседания сословия за волосы и чуть было не выбросили из окна, но на помощь пришли другие финские депутаты. Карл XI вынужден был дать ему и его семье охранную грамоту для защиты от тех, «у кого он оказался в немилости на этой и предыдущей сессиях риксдага, а также при исполнении иных обязанностей» на службе королю.

Даже благосклонность монарха не помогла Хенрику Хенрикинпойке попасть на следующую сессию риксдага 1686 г. Крестьяне уезда Раасепори, вероятно, разочаровались в нем, когда ему не удалось добиться налоговых льгот после неурожая 1683 г. Возможно, и король посчитал неуместным постоянно поддерживать человека, подвергшегося столь серьезной критике в своем родном крае. А может быть, король просто отбросил его в сторону после того, как – частично с помощью крестьян – достиг статуса абсолютного монарха.

По мнению Пентти Ренваля, карьера Хенрика Хенрикинпойки демонстрирует, «как из рядов финских крестьян выходили в риксдаге

способные политики, которые вели за собой крестьян и знали, как использовать себе на благо все возможности».

– Эйно ЮТИККАЛА

Приложение:

Хенрик Хенрикиной Ванберг, в источниках также Хиндрих Хиндеринпойка, род. 1630 Лохья, умер 19.4.1709 Лохья. Родители: Хейкки Паавонпойка, рустгалтер и Лиса Антинтютяр. Первая жена: ок. 1655 Каарина Ниилонтютяр, родители первой Жены: Ниило Хейкинпойка и Кертту Эркинтютяр; вторая жена: 1691 – Карин Юханинтютяр, родители второй жены: Юхан Леллиус, лейтенант, и Катарина Коблитс.

Вернер Векман (1882–1968)

*олимпийский чемпион,
борец,
горный советник*

Первый финский олимпийский чемпион Вернер Векман полностью отвечал кубертеновскому идеалу спортсмена-любителя: для Векмана борьба стала увлечением только во время учебы, что и привело к высшим результатам. Позднее Векман стал известным промышленником.

По-настоящему Вернер Векман начал заниматься борьбой, лишь став студентом в 1902 г. Благодаря упорным и разносторонним тренировкам он быстро развивался и в 1904 г. с большим преимуществом выиграл чемпионат Финляндии в тяжелом весе. В том же году Векман переехал в Германию для продолжения учебы в техническом училище Карлсруе и для того, чтобы избежать призыва в армию, который считал незаконным. Помимо учебы он продолжал активно тренироваться и на Троицу 1905 г. на соревнованиях в Дуйсбурге стал чемпионом мира в тяжелом весе.

В связи с десятилетним юбилеем первых Олимпийских игр современности было решено провести в их честь соревнования. Они состоялись в Афинах весной 1906 г., однако, Международный олимпийский комитет так и не признал их официальный статус, несмотря на то, что эти афинские «промежуточные» Игры спасли олимпийское движение после неудачи Игр на Всемирной выставке в Париже и Сент-Луисе. От Финляндии на эти соревнования на частные средства был отправлен Вернер Векман и три легкоатлета. В программу соревнований по борьбе в Афинах была включена только французская или греко-римская борьба. Векман из трех весовых категорий был заявлен в среднюю, до 85 килограмм. На взвешивании финн вынужден был сначала поменять трико на более легкое, а затем снять обувь. В конце концов, вес уменьшился, но Векману пришлось вести схватки босиком.

Но и в таком виде финн имел превосходство и положил на лопатки всех своих противников. В заключительной схватке Векман дважды

уложил на спину австрийца Рудольфа Линдмайера, так как судьи из-за протеста австрийцев не засчитали первую попытку. Из всех финских олимпийских команд эту можно считать самой удачливой: худшим результатом было пятое место. На этих играх Финляндия была представлена только неофициально, и в честь побед Векмана и Ярвинена поднимался российский флаг.

В Лондоне двумя годами позже на официальной Олимпиаде финны вновь вынуждены были примириться с тем, что поднимался флаг метрополии, хотя в Великом княжестве еще годом раньше был создан национальный олимпийский комитет. В Лондон от Финляндии были отправлены на игры 79 спортсменов. Во французской борьбе в четырех весовых категориях участвовало четыре финна. В среднем тяжелом весе до 93 килограмм Вернер Векман и Юрьё Саарела дошли до финала. Для олимпийского золота нужно было две победы в финальных схватках, финны вынуждены были встречаться трижды. В первом поединке Саарела был лучшим, но Векман выиграл две следующие и получил золотую медаль.

Вернер Векман закончил свою спортивную карьеру победой на Олимпиаде в Лондоне, но еще в течение нескольких десятилетий работал на благо борьбы и своего общества – *«Атлетического клуба»* в Хельсинки.

Помимо спортивной, Векман сделал успешную карьеру и как знаменитый промышленник. В 1909 г. по совету своего друга он решил отправиться на Урал изучать технологические вопросы асбестовых разработок и находился там до 1921 г., когда вернулся в Финляндию и стал работать на кабельном заводе *«Каапелитехдас»*. Вернер проработал на этом заводе, принадлежавшем к числу самых больших предприятий Финляндии, 35 лет, сначала в качестве технического директора, а затем исполнительного директора. Векман был известен на заводе как *«Маленький Наполеон»*, что было связано с тем, что по сравнению с осторожным и скромным создателем компании Арвидом Викстрёмом борец-чемпион Векман был внушительной фигурой.

Во время Второй мировой войны *«Каапелитехдас»* активно вел поиск нового местного сырья взамен импортного. На территории Петсамо в Пеуранвуоно был найден свинец, который *«Каапелитехдас»* начал самостоятельно добывать в тяжелых арктических условиях в 1943–1944 гг. На начало сентября 1944 г. из карьера было поднято около 200 тонн руды, содержащей свинец. Однако из Петсамо пришлось эвакуироваться с такой спешностью, что вывезти успели лишь два грузовика заготовленной руды. На свинцовый карьер, по оценкам Вернера Векмана, было практически безвозвратно затрачено 15 миллионов марок. Двум машинам, приехавшим в Хельсинки с карьера, позднее нашлось применение при эвакуации из Порккала.

По репарациям, которые Финляндия должна была выплачивать после войны, 5,7 процента приходилось на кабельную продукцию. Она

составляла основу на первом этапе репарационных выплат в 1944–1948 гг. В первую очередь в Советский Союз поставлялся медный трос, а также силовой кабель, всего на сумму около 13 миллионов долларов по ценам 1938 г. Хорошие общественные связи Векмана и глубокое знание поведения, языка и культуры русских обеспечили то, что *«Каапелитехдас»* закрепил свой статус в регулируемых государством репарационных поставках и в восточной торговле. В этом деле он передал большой опыт Бьёрну Вестерлунду, который стал преемником Векмана на кабельном заводе в должности исполнительного директора в 1956 г., а позднее и исполнительным директором АО *«Нокиа»*, когда в начале 1967 г., за год до смерти Векмана, *«Каапелитехдас»*, *«Кумитехдас»* и АО *«Нокиа»* слились в АО *«Нокиа»*.

Самым заметным достижением Векмана является огромное здание кабельного завода на Салмисаари в Хельсинки, построенное под его руководством во время войны. Оно прослужило в качестве самого большого промышленного сооружения города вплоть до 1960-х гг., когда начался перевод производства в Пиккала, Киркконумми. Здание кабельного завода стало заметным культурным центром города, а его зал *Мерикаапелихалли* – сценой для многих значимых событий.

Как человек Векман был не только спортивным, но и обладал чувством юмора. Будучи исполнительным директором *«Каапелитехдас»*, он летом 1938 г. позабавил своих друзей тем, что забрался по якорной цепи на корабль, когда была начата прокладка нового морского кабеля между Финляндией и Швецией.

– Тимо Соукола и Мартти Хяйкиё

Приложение:

Йохан Вернер Векман, род. 26.7.1882 Ловииса, умер 22.2.1968 Хельсинки. Родители: Андерс Векман, землевладелец, и Фредрика Иогансон. Первая жена: 1910 – Ингрид Суома Регина Свелберг, умерла 1947; вторая жена: 1948 – Дагмар Мария Фалин. Дети: Гуннел Ингрид Эмилия, род. 1914; Пер Вернер Андерс, род. 1916.

Эдвард Вестермарк (1862–1939)

*социальный антрополог,
профессор философии,
профессор социологии*

Эдвард Вестермарк известен в международных кругах как пионер социальной антропологии. Он был профессором Хельсинкского университета, Або Академии и Лондонской школы экономики. Вестермарк специализировался на исследовании истории институтов семьи, морали и религии. Своей работой он оказал существенное влияние на появление и развитие сравнительного метода в полевых исследованиях.

В 1880-е гг., когда Вестермарк учился в Хельсинкском университете, реализм, эволюционная теория и критика институтов христианства были основными темами общественных дебатов. Они стали существенным элементом всей его дальнейшей деятельности. Уже в своей лицензиатской работе *«Происхождение брака»* (1889), написанной на английском языке, он высказал мысль о том, что институт брака является итогом длительного процесса эволюции и выступает в качестве социального продолжения или проявления биологической эволюции. Критическое рассмотрение основ брака было естественным для холостяка, который так и не обзавелся семьей и не имел детей. Вестермарк был одним из первых представителей академических кругов, выступавших за терпимое отношение к гомосексуализму и к сексуальным отклонениям вообще. Лицензиатское исследование вылилось в изданную двумя годами позже монографию *«История брака»*, которая в 1921 г. была им существенно расширена и переиздана в виде трехтомной монографии.

Эволюционная теория легла в основу главной работы Вестермарка, классического труда по социальной антропологии *«Происхождение и развитие моральных идей»* (1906, 1908), изданного на английском языке в двух томах. В этой монографии он подробно излагает свою теорию относительности морали или этического релятивизма. Моральные оценки являются лишь относительно истинными, иными словами, они имеют силу лишь в пределах правил, выработанных определенной социальной группой. Индивид приучается воспринимать те или иные поступки как добро или зло в соответствии с

тем, какое последует за этим наказание или поощрение, осуждение или одобрение со стороны ему подобных. В свою очередь, правила сообщества в результате длительной эволюции приобретают формы, наиболее соответствующие задаче поддержания его существования.

Учение Вестермарка в свое время считалось довольно радикальным, ведь в Финляндии по-прежнему были сильны традиции лютеранской общности. Не удивительно, что свободомыслие начала 20 в. ассоциировалось во многом с его именем. Вестермарк был избран председателем общества свободомыслящих «*Прометей*», основанного в 1905 г.; свободомыслящие и в дальнейшем высоко ценили его. Последняя его большая книга была посвящена рассмотрению отношений между христианством и моралью. Книга «*Христианство и мораль*» вышла на английском языке в 1939 г., однако ее финское издание увидело свет лишь почти полвека спустя.

Многие представления Вестермарка уже опровергнуты, либо признаны частично ошибочными. В частности, он преувеличивал главенствующую роль мужчины на ранних стадиях развития института брака. Юхани Иханус, посвятивший свою диссертацию анализу методологии Вестермарка, пришел к мнению, что последний привнес в эту область исследований метод эмпирического наблюдения, хотя и серьезно заблуждался в своих теоретических выводах. Талант Вестермарка проявился в наилучшей форме именно в сборе полевого материала, но не в его анализе. В этом смысле он представлял английскую школу, тогда как академические круги Финляндии ориентировались на материковую Европу и, прежде всего, на Германию.

Вестермарк прочно вошел в историю социологии и социальной антропологии, в частности, благодаря тому, что он одним из первых стал проводить масштабные полевые исследования. Еще в 1898 г. он совершил свою первую поездку в Марокко и подолгу бывал там позднее. Например, в 1900–1902 гг. он пробыл там непрерывно два года. В своих трудах и преподавательской деятельности Вестермарк четко разделял исследование морали и изложение моральных ценностей. В Финляндии его деятельность привела к созданию научной школы, доминировавшей в этой области знаний вплоть до Второй мировой войны. Ее крупнейшими представителями были Рафаэл Карстен, Гуннар Ландтман и Хилма Гранквист. Эстетик Юрьё Хирн на начальном этапе своей научной деятельности также был подвержен идеям Вестермарка. Его сторонником также был представитель культурного радикализма Рольф Лагерборг, хотя, в отличие от Карстена и Ландтмана, никогда не занимался полевыми исследованиями.

Вестермарк был во многих отношениях космополитом. Он подолгу жил в Марокко, Финляндии и Англии, одновременно имел профессуры как на родине, так в Англии. Он вообще был одним из немногих людей того времени, кто являлся полноправным членом международного научного сообщества. Он не тратил свою энергию на партийную или

языковую политику, хотя, как утверждает Матти Клинге, в конце 1880-х гг. его считали «полуфенноманом». При этом патриотизм, стоящий над политиканством, не был для него пустым звуком. В период попыток русификации Великого княжества Вестермарк выступал в защиту Финляндии за рубежом и активно участвовал в сборе подписей деятелей европейской культуры под адресом протеста к российскому императору.

– Йоуко Ахо

Приложение:

Эдвард Александер Вестермарк, род. 20.11.1862 Хельсинки, умер 3.9.1939 Тенхола. Родители: Нильс Кристиан Вестермарк, начальник университетской бухгалтерии, и Констанс Густава Мария Блумквист.

Арттури Илмари Виртанен (1895–1973)

профессор химии,

лауреат Нобелевской премии,

президент Финляндской Академии

Исследователь в области биохимии А.И. Виртанен – самый известный финский химик 20 в. Для улучшения сохранности сливочного масла и повышения качества корма для скота Виртанен разработал АИВ-метод консервирования зеленых кормов и АИВ-соль для масла; метод, названный по инициалам изобретателя, основывался на регулировании кислотности продукта. Присуждение Виртанену Нобелевской премии в 1945 г. сделало финскую науку известной в мире и подбодрило людей в тяжелое послевоенное время.

А.И. Виртанен защитил докторскую диссертацию в 1919 г., после этого он работал химиком, затем руководителем лаборатории фирмы *Валио*, а также профессором биохимии сначала в Высшей технической школе, а затем профессором химии в Хельсинкском университете. Предметом исследований Виртанена стали, в частности, процессы брожения, питания, способы связывания биологического азота и влияния кислотности на биологические явления. Практическим результатом последних из вышеперечисленных исследований явились два важных изобретения: соль АИВ для масла и консервированный корм АИВ, явившиеся весомой причиной присуждения Виртанену Нобелевской премии в 1945 г. Виртанен – самый известный финский химик 20 в. Он стал первым председателем основанной в 1948 г. Финляндской Академии. А.И. Виртанен оставил заметный след в истории науки и научной политики Финляндии.

В Финляндии 15 ноября 1945 г. был исключительно сильный снегопад, и день этот был угрожающим и зловещим. В Доме сословий начался судебный процесс над виновниками войны. На следующий день главный заголовок первой страницы газеты *«Ууси Суоми»* сообщал о предъявленном обвинении и требуемых наказаниях. Там же была напечатана фотография, на которой Ристо Рюти, Й.В. Рангель, Эдвин Линкомиес и другие обвиняемые выходят из зала заседания. Ниже была напечатана другая главная новость – о присуждении А.И. Виртанену Нобелевской премии. В редакционной статье говорилось: «Даже

малейшее признание со стороны внешнего мира является в данных условиях чрезвычайно ободряющим, тем более премия, которая одним ударом делает науку Финляндии известной во всем мире».

Около полуночи Виртанен получил телеграмму следующего содержания: «Шведская Королевская академия наук решила присудить Вам Нобелевскую премию 1945 г. в области химии за Ваши изобретения в области сельского хозяйства и химии питательных веществ и, прежде всего, за изобретение новых методов консервирования зеленых кормов. Академия приветствует Вас и желает Вам счастья». Виртанен заранее знал, что его кандидатура была предложена Шведской Королевской Академии наук для присуждения Нобелевской премии. Тем не менее, он со смешанным чувством ждал день 15 ноября, когда должно было быть принято решение. Конкуренция была острой, но Виртанен довольно быстро вышел победителем. Об уровне претендентов на премию говорит тот факт, что шестеро из них стали позже лауреатами Нобелевской премии. Заключение по кандидатуре Виртанена комитету по Нобелевским премиям дали профессора Ханс фон Ойлер и Рагнар Нильссон. Фон Ойлер отметил, что Виртанен создал совершенную систему, охватывающую самодостаточное питание скота, начиная со связывания биологического азота и консервирования корма и кончая производством насыщенных витаминами продуктов питания для населения. В заключение он отметил: «Можно признать, что присуждение Нобелевской премии Виртанену в высшей степени послужит на благо научных исследований».

Арттури Илмари Виртанен родился в Хельсинки в 1895 г. Его отец Каарло Виртанен в свое время бедным юношей, выросшим без отца, в пятнадцатилетнем возрасте перебрался в столицу и поступил учеником на железную дорогу. Мать Арттури была дочерью крупного крестьянина из Холлола. Когда она познакомилась с Каарло, она работала в Хельсинки прислугой в богатой семье. У Каарло и Серафиины Виртанен родилось семеро сыновей, четверо из них умерли в младенческом возрасте. Сам А.И. Виртанен позже считал, что это произошло из-за недостатка витамина А. В бедной семье ради экономии средств покупали только обезжиренное молоко, из которого витамин А был удален в процессе сепарации.

Вскоре после рождения А.И. Виртанена семья переехала в Выборг. Необычайной, даже болезненно сильной была связь Виртанена с этим городом, и она продолжалась всю его жизнь. Он учился в классическом Выборгском лицее, в котором царил сильный патриотический дух. В школьные годы он также увлекся природой и собрал огромный гербарий из примерно семисот растений. Второй его страстью было чтение, он был самым усердным читателем городской библиотеки. Эти увлечения и пробудили в нем желание стать исследователем.

Осенью 1913 г. Виртанен начал учебу в Императорском Александровском университете в Хельсинки. Он изучал все предметы,

преподававшие на физико-математическом факультете, кроме астрономии. Но больше всего Виртанена привлекала химия, она и стала его основным предметом. «Каким-то образом химия притягивала меня, и у меня было такое чувство, что это та самая наука, которая совершенно необходима, а все (остальные) естественные науки получают верный нюанс только тогда, когда будут соединены с химией», – отмечал тогда Виртанен. После того как Виртанен стал кандидатом философии, профессор химии Оссиан Ашан пригласил его к себе в ассистенты. Одновременно началась работа над диссертацией, которая продвигалась очень быстро и заняла лишь год с небольшим. Диссертация была посвящена строению пинабиетиновой кислоты. Работа получила высокую оценку, но сам автор был настроен критически: «Это была моя диссертация, и она не давала повода для восторгов».

Путь, приведший Виртанена к славе и почестям, начался, когда его в 1919 г. пригласили работать химиком в лаборатории *Валио*. Уже через два года в возрасте 26 лет он стал руководителем этой лаборатории. Молодой руководитель отлично понимал важность развития международных связей в науке. Поскольку в те времена качество молочных продуктов оставляло желать лучшего, Виртанен понял необходимость расширить познания в области бактериологии. Он уехал на полгода в Швецию, в бактериологическую лабораторию научно-исследовательского института сельского хозяйства. Когда они с женой вернулись домой, у них уже был трехмесячный сын Каарло. Виртанен и Лилия Мойсио обвенчались в начале предыдущего года и после этого провели пять месяцев в Швейцарии, где Виртанен работал в Цюрихской высшей технической школе под руководством известного профессора Георга Вигнера. В начале своей карьеры Виртанен успел совершить еще одну полугодовую поездку в Швецию, на этот раз в Стокгольмскую высшую школу. Там он работал под руководством профессора Ханса фон Ойлера, который позднее давал заключение по кандидатуре Виртанена в связи с выдвижением на Нобелевскую премию.

Эти поездки за границу, бывшие в те времена редкостью, помогли молодому руководителю привнести в свою маленькую лабораторию интернациональную атмосферу. Видимо, это оказалось одной из причин того большого энтузиазма и усердия, с которым тогда велась работа. Исследования Виртанена вначале касались различных процессов брожения, которые сильно влияли на качество продуктов питания. Виртанен серьезно исследовал кислотность и понятие рН, которые позже помогли ему совершить два его важнейших открытия. Первым была соль АИВ для сливочного масла. В первые годы после обретения независимости производство молока в Финляндии значительно выросло, что привело к существенному увеличению экспорта сливочного масла. Но часто случалось, что по прибытии на место качество сливочного масла было настолько плохим, что его нельзя было употреблять в пищу. Виртанен энергично взялся за решение

проблемы качества масла. Он заметил, что финское масло, по своему типу довольно кислое, легко теряло вкус. Когда с помощью солевого буфера значение рН масла поднимали до уровня 6,5–7, вкусовые потери прекращались. Соль АИВ была запатентована в Финляндии, и ее состав долгое время оставался загадкой для конкурентов. Финское экспортное масло вскоре стало очень популярным на рынке Англии. В Швеции, например, загадку соли АИВ разгадали только лет через десять после открытия Виртанена.

Виртанен заинтересовался также биологическим связыванием азота растениями. Его удивляло, почему не используется более эффективно способность бобовых растений естественным образом связывать азот. Одновременно у Виртанена проявился интерес к производству консервированных кормов, чем в Финляндии занимались уже в течение довольно продолжительного времени. Большой проблемой при производстве так называемого прессованного силоса была ферментация масляной кислоты и другие типы порчи, что ухудшало качество как кормов, так и молока. Виртанен изобрел метод, при котором быстрое, контролируемое снижение кислотности кормов с помощью подходящих кислот предотвращало порчу силоса. Когда уровень рН удавалось доводить до 3–4, проблемы не возникало. Но применение этого метода на практике оказалось сложной задачей. Раствор АИВ, применявшийся для окисления кормов, был смесью соляной и серной кислот, обладавшей сильным коррозионным действием. И хотя раствор употреблялся в сильно разбавленном виде, было опасение, что его практическое применение вызовет сложности. Поэтому во многих населенных пунктах на курсах началось обучение крестьян производству кормов с использованием АИВ-метода. В исследовательских целях корма производились даже в центре Хельсинки, на улице Калеванкату в силосной башне, построенной во дворе новой исследовательской лаборатории Виртанена. Принцип производства кормов АИВ стал постепенно известен в мире, и он был запатентован во многих странах.

Вскоре Виртанен расширил свои исследования и занялся процессами ферментации при производстве эмментальского сыра и биологическим связыванием азота растениями. В результате длительной работы, через несколько десятилетий, проблемы качества эмментальского сыра были решены, и финский «эмменталь» приобрел всемирную известность. По поводу темы связывания азота разгорелся длительный научный спор с некоторыми ведущими американскими учеными. Разработанная Виртаненом гидроксиламиновая теория, объясняющая механизм биологического связывания азота растениями, оказалась в противоречии с американской аммиачной теорией аммония. В этом случае Виртанен пошел по ошибочному пути. Но он был настолько увлечен этой идеей, что приобрел в 1933 г. в Сипоо участок земли, чтобы доказать на деле правоту своей идеи самодостаточного азотного

хозяйства. И действительно, там Виртанену удалось с отличными результатами осуществить концепцию замкнутого и экологически чистого азотного хозяйства. Так городской житель стал передовым земледельцем. Усадьба стала для Виртанена важным местом, где он проводил все свободное время. Там находились важные с точки зрения исследований опытные поля концерна *Валио* и экспериментальная ферма, построенная позднее.

Достижения Виртанена заставили концерн *Валио* осознать большие возможности химии. При поддержке кооперативной системы и банков фирма основала Фонд химических исследований. Было построено великолепное лабораторное здание, получившее название Научно-исследовательский институт биохимии. Виртанен стал естественной кандидатурой на пост его директора. На торжественном открытии учреждения в 1931 г. Виртанен заявил президенту страны и всем присутствующим: «В нашем столетии биохимия произведет переворот в экономике и медицинской науке». Виртанен был прав, особенно если понимать биохимию в широком смысле и включать в нее биотехнологии, бурно развивающиеся с 1990-х гг. В 1931 г. Виртанена пригласили в Высшую техническую школу на должность профессора биохимии. Через восемь лет он перешел по приглашению на новую должность профессора химии в Хельсинкский университет. Несмотря на это, Виртанен всегда считал своим основным местом работы Научно-исследовательский институт биохимии, где он также читал свои лекции.

С началом войны Виртанен обратил весь свой научный потенциал на службу родине. Он разрабатывал, в частности, бутылки с зажигательной смесью для противотанковой обороны, различные взрывчатые вещества, производство кормовых дрожжей и древесного спирта, ядохимикаты для борьбы с насекомыми и консервирующие пищевые добавки. В голодную зиму 1942 г. он изучал возможность использования суррогатной сеной муки для выпечки хлеба. Этот хлеб пробовали даже министры, но он оказался непригоден для употребления, так как быстро черствел. В начале Войны-продолжения немцы представили Виртанена в своей пропагандистской статье «*Северный азотный промышленник*». В ней не забыли упомянуть о расистской теории: «Внешне профессор Виртанен – чистокровный скандинав, с синими глазами, выше среднего роста, подтянутый хозяин».

Уже в 1930-е гг. Виртанена интересовали вопросы питания населения. Его удручала судьба братьев, умерших в детском возрасте, поскольку нормальное питание могло бы их спасти. В первые годы независимости Финляндии часть населения страдала от болезней, связанных с недостатком определенных веществ. Например, одной из медицинских проблем был недостаток витамина А. Земледельцам рекомендовалось увеличить производство кормов по методу АИВ, с тем, чтобы и в зимнее время в молоке было достаточно витамина А. Одной

из распространенных болезней, особенно в Восточной Финляндии, был эндемический зоб. На основе проведенных Виртаненом исследований и по его предложению Комитет по питанию населения в 1938 г. предложил Государственному совету ввести обязательное добавление йода в пищевую соль. Однако это предложение было осуществлено только в 1950-е гг., когда это заболевание начало в Финляндии исчезать.

Авторитет Нобелевской премии принес Виртанену многочисленные приглашения, звания почетного доктора и членство в иностранных академиях наук. Его лаборатория в течение долгого времени занимала ведущее положение в Финляндии в области радиохимии, масс-спектрометрии, хроматографических методов, питания и структуры естественных материалов. Однако собственная исследовательская работа Виртанена уже не была такой результативной, как раньше. Он начал заниматься общим развитием науки, научной политикой и, более широко, национальными вопросами.

Уже в конце 1930-х гг. делались предложения о создании Финляндской Академии. Идея осуществилась только через десять лет, в 1948 г. Президент республики Ю.К. Паасикиви назначил десять членов Академии. На своем первом заседании Академия избрала своим первым президентом А.И. Виртанена. Он стал самой видной фигурой Академии на начальном периоде ее деятельности. В своей речи на торжественном заседании, посвященном основанию Академии, Виртанен затронул вопросы предпосылок научных исследований и свободы: «В тех странах, общественное устройство которых основывается на свободе мысли и деятельности личности, научная деятельность не подвергается опеке, во всяком случае, слишком сильной».

В Академии Виртанен сделал множество предложений, направленных на развитие науки в Финляндии. Уже в начале 1949 г. по его инициативе был подготовлен проект по созданию государственных комитетов по естественным и гуманитарным наукам. Они должны были содействовать развитию научной деятельности, служить связующим звеном между исследователями и государственной властью и развивать сотрудничество различных отраслей науки. Вместе эти комитеты должны были образовать государственный комитет по науке. Созданная таким образом система послужила через двадцать лет основой для реформированной Академии. Для самого Виртанена все же стало горьким разочарованием то обстоятельство, что он не стал, как ему того хотелось, первым председателем комитета по естественным наукам.

В 1954 г. Академия Финляндии выступила с двумя важными предложениями. На заседании коллегии Академии Виртанен выступил с планом создания комитета по энергетике, который должен был, в частности, изучить возможности использования атомной энергии. Так была создана совещательная комиссия по атомной энергии. Вторая

важная инициатива была связана с питанием населения. В феврале того же года Виртанен представил министерству сельского хозяйства составленный им детальный план создания государственного комитета по питанию. Виртанен стал его первым председателем. Виртанен настойчиво пытался оказать давление на государственную власть и добиться увеличения объемов научно-исследовательских работ, что, по его мнению, было необходимо для экономического развития страны. Однако эти попытки не увенчались успехом, и он вынужден был с разочарованием констатировать: «К сожалению, наш Государственный совет не заинтересовался этими вопросами, как бы часто они не поднимались. Нашему руководству обычно присуща самоуверенная властность, их, прежде всего, интересует, как остаться у власти».

Вышеупомянутое высказывание отражает довольно острые взгляды Виртанена на внутреннюю и внешнюю политику, из-за которых ему подчас было трудно продвигать свои инициативы в области научной политики. Виртанен был в высшей степени патриотом и обладал высокими идеалами. Его патриотизм зародился еще в годы юности, проведенной в Выборге, и он никогда не смог смириться с передачей своего родного города Советскому Союзу. Он вообще не выносил СССР и тех финских политиков, которые сотрудничали с ним. Виртанен всем своим сердцем переживал за судьбу Карелии, Восточной Европы и стран Балтии.

Виртанен был по характеру человеком прямолинейным. Его мнения отличались безусловностью, и иногда он мог заявить такое, что приводило почти в ужас политиков послевоенного времени. На приеме для прессы накануне вручения Нобелевской премии Виртанен высказался за возвращение Карелии Финляндии. Конечно, на следующий день это высказывание красовалось во всех заголовках.

В 1947 г. Виртанен оказался на том же корабле, на котором министр иностранных дел Карл Энкель и министр Вихтори Вестеринен плыли в Париж для подписания мирного договора. Виртанен предложил министрам вернуться домой, не подписывая договора. Президент Ю.К. Паасикиви в крайнем раздражении записал в своем дневнике: «Это ужасное ребячество. Виртанен ничего не смыслит в политике». Столь же живо Виртанен критиковал восточную политику Урхо Кекконена: «По-моему, новое политическое течение было бы правильно назвать политикой наклонной плоскости, которая очень опасна для нашей страны, особенно потому, что она ведет к постоянному скатыванию вниз». Так Виртанен разяснял свои взгляды в газете «*Ууси Суоми*». Взгляды Виртанена внушали озабоченность руководству страны на протяжении всех 1950–1960-х гг. Национальная коалиционная партия, тем не менее, пыталась получить его согласие на выдвижение кандидатом на президентских выборах 1956 г., но Виртанен отказался. Возможно, высказывания Виртанена отчасти повлияли на то, что президент Кекконен не жаловал старую Академию и, в конце концов, распустил ее.

Для друзей и коллег Виртанен был жизнерадостным и задорным человеком, по-отечески опекавшим своих подчиненных. Он обладал сильной харизмой, и это признавали все. Он всегда был готов оказать поддержку и помочь своим коллегам и подчиненным. Он также чувствовал ответственность за своих студентов. Однажды весной 1947 г. он заметил в лаборатории опечаленную молодую сотрудницу. Выяснилось, что брат девушки, абитуриент, в больнице умирает от перитонита. Виртанен немедленно позвонил главврачу больницы, и в результате из скудных больничных запасов больному выделили пенициллин. Таким образом, брат этой женщины, Микко Лааксонен, был спасен, а заодно был спасен для Финляндии депутат парламента, министр юстиции и директор налогового ведомства.

По сути своей Виртанен был веселым, жизнерадостным, раскрепощенным в поведении карелом. Он любил юмор и шутку, если только они не были направлены на него самого и его образ мыслей. У Виртанена, как и у многих других ученых, работа и частная жизнь сплелись настолько, что между ними не было границ. Бывший ученик Виртанена, будущий профессор Фриц П. Нииниваара рассказывал, как они с Виртаненом ходили однажды в кино. Они пришли в последний момент, поэтому им достались билеты на галерку. Очень скоро там нечем было дышать. Несмотря на захватывающий фильм, мысли Виртанена начали крутиться вокруг проблемы газового анализа. Он размышлял вслух: «Интересно, здесь еще остался кислород? Здесь определенно не меньше 10 процентов углекислого газа. Как бы нам взять с собой пробу воздуха, чтобы сделать газовый анализ в лаборатории».

А.И. Виртанен без сомнения является одним из самых видных и значительных ученых Финляндии всех времен. Он единственный из финских ученых получил Нобелевскую премию, если не считать родившегося в Финляндии шведа Рагнера Гранита, получившего Нобелевскую премию в области медицины в 1967 г. Виртанен довольно молодым получил известность как ученый. Первый раз его выдвинули на Нобелевскую премию еще в 1933 г., а к моменту вручения премии в 1945 г. это было уже двенадцатое выдвижение. Виртанен был очень трудолюбивым и плодовитым ученым. У него более 1300 научных публикаций. Согласно историческим трудам, справочникам и индексу научного цитирования, он является самым известным финским химиком 20 в. 44 ученика Виртанена защитили докторскую диссертацию. Почти все профессора следующего поколения в области биохимии, учения о питании, медицинской химии, радиохимии и смежных наук были его учениками.

Еще в 1920-е гг. Виртанен понял значение международных связей для развития науки. Также он рано понял ценность работы в составе группы. Один из его многолетних коллег доцент Хеннинг Карстрём принимал деятельное участие в разработке АИВ-метода, хотя само изобретение принадлежит Виртанену. Научная деятельность Виртанена

была примечательна тем, что она влекла за собой многочисленные новаторские практические применения. Собственно говоря, на протяжении всей своей активной научной деятельности Виртанен работал на промышленном предприятии, занимая одновременно профессию. Такая комбинация, характерная для многих прикладных наук, была, безусловно, полезна с точки зрения его работы. Виртанен был также захватывающим лектором, умевшим простым языком рассказать слушателям о сложных вопросах. Об этом вспоминали многие из его учеников. У Виртанена также были важные заслуги в качестве руководителя Финляндской Академии, в этом качестве он выступал борцом за создание условий для развития финской науки.

– РИСТО ИХАМУОТИЛА

Приложение:

Арттури Илмари Виртанен, род. 15.1.1895 Хельсинки, умер 11.11.1973 Хельсинки. Родители: Каарло Виртанен, машинист, и Серафиина Исотало. Жена: 1920 – 1972 Лилия Матильда Мойсио (ранее Линд), магистр философии, род. 1894, умерла 1972. Родители жены: Хейкки М. Мойсио (ранее Линд), техник, и Лийна Стаде. Дети: Каарло, род. 1921, профессор математики, Олави, род. 1935, агроном.

Юхан Гадолин

(1760–1852)

профессор химии

Считающийся отцом химии в Финляндии Юхан Гадолин был профессором химии Академии Або (Туркуский университет). Он добился весомых результатов в области аналитической химии. Самым известным достижением Гадолина было открытие нового элемента иттрия. Он был новатором в деле использования лабораторного метода в преподавании. Гадолин также интересовался вопросами экономики и промышленности и сыграл заметную роль в создании Финляндского Экономического Общества.

Юхан Гадолин родился в семье одного из самых выдающихся ученых и священников 18 в. В отличие от своего отца Якоба Гадолина, он смог начать свою карьеру во вполне обеспеченных условиях. Благодаря отцу, он уже ребенком проявил незаурядный математический талант, но изучение химии в Академии Або под руководством Пера Адриана Гадда и особенно химические опыты более увлекали молодого Гадолина.

Проучившись четыре года в Турку, по достижении девятнадцати лет Гадолин отправился летом в Упсалу, чтобы продолжить обучение химии у ведущего химика Европы того времени Турберна Бергмана (1735–1784). По окончании учебы Гадолин в 1781 г. подготовил довольно обширную диссертацию «*De analysi ferri*», посвященную аналитическому изучению железа, а годом позже, для получения степени магистра философии – математическую работу «*De problemate catenario*». Когда Бергман в довольно молодом возрасте умер от туберкулеза, был объявлен конкурс на замещение его должности. Молодой Гадолин – по мнению современников, лучший ученик Бергмана – оказался лишь вторым в списке претендентов. То же самое произошло и с должностью адъюнкт-профессора в Академии Або. Утешением вскоре стало то, что его уже летом 1785 г. назначили внештатным адъюнктом в Академии Або, а несколько месяцев спустя – экстраординарным профессором.

Весной 1786 г. Гадолин с рекомендательным письмом короля отправился в научную поездку на два года, которую он начал со стажировки

у ведущих химиков Германии Лоренца фон Креля (1744–1816) и Иоганна Фридриха Гмелина (1748–1804). В Лондоне он познакомился с Эдаиром Кроуфордом (1748–1795) и ирландцем Ричардом Кирваном (1733–1822), которого Бергман высоко ценил. Здесь он также ставил опыты по исследованию удельной теплоемкости и закончил новую большую работу по изучению железа. По более поздним работам Гадолина и его переписке мы можем судить, что эта научная поездка и завязанные во время нее контакты имели очень большое значение для его будущей карьеры. Хотя Париж, ведущий центр химической науки, остался за рамками поездки, Гадолин с помощью переписки завязал хорошие отношения и с парижскими учеными, особенно с переводчиком трудов Бергмана Л.Б. Гитоном де Морво (1737–1816). Обычно результаты исследований Гадолин печатал в изданиях Академии Або, а также оформлял в виде диссертаций на латинском языке. Кроме того, он посылал в форме писем отчеты о своей работе Крелю и Морво, которые публиковали их в Германии и Франции. Так работы Гадолина, с небольшим опозданием, распространились среди европейских ученых.

После возвращения в Турку Гадолин был назначен штатным адъюнкт-профессором и исполняющим обязанности профессора химии, однако должности ординарного профессора, освободившейся после смерти Гадда в 1797 г., ему пришлось ждать еще десять лет. Первой своей задачей Гадолин считал обновление преподавания химии, для чего попросил средств у консистории (ученого совета) на новое здание для лаборатории. Эта затея осуществилась только в 1815 г., до этого времени Гадолин частично отдал в распоряжение студентов собственную лабораторию, находившуюся на Вартиовуори, возле нынешней улицы Каскенкату. В лабораторном деле Гадолин, также как его предшественник Гадд, был новатором в Европе. Как продолжатель традиций Бергмана и Кирвана, Гадолин стал специалистом в области аналитической химии. Именно в этой области химии он достиг, вероятно, наиболее значимых успехов в международном масштабе. Уже в работах по анализу железа в 1780-е гг. Гадолин выступает как исследователь-новатор, используя метод объемного анализа (титрование).

Открытие нового элемента, иттрия, в 1794 г. стало самым известным экспериментальным достижением Гадолина. Вблизи Стокгольма, в карьере, расположенном в деревне Иттербю, геолог-любитель лейтенант К.А. Аррениус (1757–1824) нашел в 1787 г. черный тяжелый минерал. О химическом составе этого минерала из Иттербю не было ничего известно, пока образец не оказался в руках Гадолина. Тщательный анализ и связанное с ним фундаментальное исследование химических свойств показали, что был обнаружен новый элемент, напоминающий алюминий и кальций, который получил название иттрий. Так началась история открытий редкоземельных металлов,

которая длилась 150 лет, и в течение которой три других новых элемента получили название по месту Иттербю, а в 1880 г. один металл был назван гадолинием. Еще при жизни Гадолина черный минерал из Иттербю называли гадолинитом. Из других работ Гадолина, получивших международное признание, следует отметить исследование 1788 г., касающееся степени окисления олова, а также подробные работы по удельной теплоемкости, первые из которых были сделаны еще в Упсале в 1783 г.

В области теоретической химии Гадолин занял позицию, приносящую старую гипотезу флогистона и новую теорию горения Антуана Лорана Лавуазье (1743–1794). Несмотря на это, Гадолина следует считать новатором в химической науке в Северной Европе, так как его учебник химии *«Введение в химию»*, вышедший в 1798 г., стала первой работой на шведском языке, отвергающей гипотезу флогистона.

Вершина научной карьеры Гадолина пришлась на последние десятилетия 18 в. После этого он все больше стал интересоваться вопросами экономики и промышленности, сохранив, однако, интерес к минералогии, а также постоянно пополняя коллекцию минералов Академии, насчитывавшую уже свыше 10 000 образцов. В 1822 г. он подал в отставку с должности профессора в знак протеста против обращения с его душевнобольным сыном в суде, что в свое время вызвало большой шум в Академии Або. Гадолин все же продолжал руководство написанием диссертаций, а в 1825 г. опубликовал в Берлине масштабный труд на латинском языке, посвященный классификации минералов. После пожара в Турку в 1827 г. он перестал публиковать работы и проводил лето в своем имении в Вихти, а затем переехал на постоянное место жительства в Мюньямки в усадьбу Сунила, где умер в возрасте 92 лет.

Увлечения Гадолина экономикой никоим образом нельзя недооценивать, так как они имели государственное значение. Он оказал существенное влияние на создание Финляндского Экономического Общества в 1797 г., а позднее был его председателем, активно участвуя в изданиях общества. Инициатива, выдвинутая Гадолином в Финляндском Экономическом Обществе в 1802 г. относительно создания ремесленных и мануфактурных школ в Финляндии, была первым шагом в организации профессионального технического обучения, которая осуществилась только благодаря постановлению 1835 г. и созданию Технического реального училища в Хельсинки в 1849 г.

Юхан Гадолин за короткое время поднял исследования в области химии в Финляндии на международный уровень. Об этом свидетельствуют многие новаторские публикации результатов опытов, имеющие большое значение, а также тот факт, что Гёттингенский университет в 1804 г. пригласил его возглавить кафедру химии после знаменитого Гмелина, от чего Гадолин, к счастью для Академии Або,

отказался. Химия и в целом естественные науки в те времена, как в Финляндии, так и в других странах, имели слабую базу и развивались стараниями отдельных личностей. Гадолину не удалось создать собственную школу, но его традиции в аналитической химии и минералогии продолжил его ученик Пер Адольф фон Бонсдорф, который стал его преемником и возглавил кафедру химии.

– Лаури Нийнисте

Приложение:

Юхан Гадолин, (изначально Йоханнес Якоби, Гадолин), род. 5.6.1760 Турку, умер 15.8.1852 Мюньяки. Родители: Якоб Гадолин, профессор физики, позднее теологии, и Элизабет Броваллиус. Первая жена: 1794 – Хедвиг Магдалена Тилеман, род. 1776, умерла 1817, родители первой жены: Эммануэль Тилеман, торговец, и Хедвиг Ульрика Пиппинг; вторая жена: 1820 – Эбба Катарина Паландер, род. 1789, умерла 1857, родители второй жены: Габриель Паландер, настоятель церковного прихода Хямеенлинна, и Катарина Элизабет Прокопеус. Дети: Хедвиг Элизабет, род. 1795, умерла 1864; Якоб Алгот, род. 1797, умер 1848, профессор теологии; Юхан Ульрика, род. 1799, умерла 1880; Юхан Эммануэль, род. 1801, умер 1871; София Магдалена, род. 1802, умерла 1867; Густава Шарлотта Вильгельмина, род. 1805, умерла 1813; Нильс Андерс, род. 1807, умер 1897; Ловиса Августа, род. 1808, умерла 1809; Эмилия Каролина, род. 1813, умерла 1868.

Аксели Галлен-Каллела (1865–1931)

художник

При жизни художник Аксели Галлен-Каллела вызывал особое восхищение в финских националистических кругах. Визуальный стиль, известный как национально-романтический, был, прежде всего, творением Галлен-Каллелы. Широкой публике он стал известен как иллюстратор выдающихся произведений финской литературы – «Калевалы» и «Семеро братьев». Представители нового, «современного» искусства 1920-х гг. уже не ценили творчество Галлен-Каллелы, однако, позднее его разносторонность вновь стала вызывать восхищение.

Аксели Галлен-Каллела, наряду с Альбертом Эдельфельтом, был одним из выдающихся художников Финляндии. Прежде всего, он заложил основы формирования финского национального стиля в искусстве и был центральной фигурой в его развитии. Он также был первопроходцем в области графического и прикладного искусства, а также стал источником вдохновения для архитекторов.

Этапы жизненного пути Галлен-Каллелы и его личность довольно хорошо исследованы. Масштабное произведение Онни Окконена (1949) вместе с биографией, написанной Кирсти Галлен-Каллела, основывающейся на письмах отца, дают о нем весьма достоверное представление. О творчестве художника Окконен высказывается более субъективно. Новые исследования все же лучше раскрывают нам искусство мастера и создают еще более точную картину.

Род Галлен берет начало в усадьбе Каллела, расположенной в небольшой коммуне Лему близ Турку. Разговоры об аристократическом происхождении, которыми увлекался и сам художник, были очевидным проявлением художественного романтизма. Младший сын семьи при поддержке старшего брата также покинул Лему, отправившись учиться на чиновника. Петер Вильгельм Галлен (1817–1879) уже в 1840 г. вслед за своим братом был назначен ленсманом в Тюрвяя. В 1841 г. он женился на приемной дочери своего брата Софии Антуанетте, чью

долю наследства рустгалта в Вянни он позднее выкупил на свое имя. София Антуанетта умерла в 1855 г., оставив пятеро детей.

В 1858 г. Петер Галлен заключил новый брак с Матильдой, дочерью морского капитана и судовладельца Брура Матиаса Вальроса. В 1862–1867 гг. Петер Галлен служил в конторе Финляндского Банка в Пори. В Пори в 1865 г. в семье родился третий ребенок, Аксель Вальдемар Галлен. После него родилось еще четверо детей, так что в этой большой семье было двенадцать детей. Оставив должность в банке, Петер Галлен стал работать частным адвокатом в Тюрвья.

Мать художника Матильда Галлен была женщиной одухотворенной и с сильной волей, мировоззрение которой в 1870–80-е гг. переживало переломный период, что проявилось в отходе от официальной церкви и религиозных догм. Позднее она увлеклась спиритизмом и теософией. Матильда Галлен была увлеченным художником-любителем, и, подобно Александре Эдельфельт, проявляла заинтересованность в художественной карьере сына.

В 1867 г. семья переехала из Пори обратно в Тюрвья, где Петер Галлен купил усадьбу Ятси и построил там новый просторный дом. Первые свои уроки Аксели получил от домашних учителей, а затем в 1876 г. его вместе с двумя братьями отправили в Хельсинки в Шведский нормальный лицей. Там он пробыл до 1881 г., закончив три класса. Он загорелся желанием заняться искусством. В 1878–1881 гг. он посещал вечерние курсы художественной школы Художественного общества. В 1880–1881 гг. Галлен также занимался в Центральном училище прикладного искусства. Прервав учебу в нормальном лицее осенью 1881 г., он перешел на дневное отделение художественной школы. В 1883 г. он перешел в класс по рисованию с натуры, к преподавателю Фридриху Альстеду. В 1881–1882 гг. он брал частные уроки у С.А. Кейнянена, а в 1883–1884 гг. – у Альберта Эдельфельта. В 1882–1884 гг. он также учился в частной академии Адольфа фон Беккера и делал рисунки в анатомическом зале университета.

Галлен принадлежал к тому поколению, которое уже могло получить очень хорошее образование, не выезжая за границу. Адольф фон Беккер был для него самым авторитетным преподавателем в области французского реализма, а влияние пленэрной живописи Эдельфельта заметно, например, в работе *«Мальчик и ворон»* (1884). Уже летом 1884 г. юноша познакомился с натуралистическим кредо Августа Стриндберга, сформулированным в одном из сборников его стихов. Влияние натурализма проявляется в картине года *«Гниющий судак»* (1884).

Осенью 1884 г. Галлен поехал в Париж и учился в *Академии Жюльен*. Не меньшую роль, чем тогдашние преподаватели, сыграли и знакомства; в частности он познакомился со Стриндбергом. Благодаря выставке, организованной весной 1885 г. в память о Жюле Бастьене-Лепаже, он сблизился с этим мастером натуралистической пленэрной живописи.

Летом 1885 г. Галлен вернулся на родину и осенью, находясь в Сало, приступил к картине «*Старуха и кошка*». Натурщицей послужила местная женщина, жившая с овцами. Картина была написана только наполовину. Кошку он добавил в Хельсинки, а фон дописал по своим этюдам, сделанным в Тюрвяя. Он продолжал эту работу в Париже, куда картина в начале 1886 г. была отправлена вслед за ним. Картина следовала натурализму Стриндберга, согласно которому правда была ценнее, чем красота. Также сильно сказывалось влияние Бастьена-Лепажя. Осенью на выставке Финского художественного общества картина вызвала противоречивые мнения. Настроенные консервативно не одобряли неприглядность изображенного, а либералы восприняли произведение с энтузиазмом.

Поездка в Париж в 1885–1886 гг., осуществленная на государственную стипендию и средства, посылаемые матерью, была столь же успешной, как и предыдущая. Наиболее значительным произведением стал портрет, заказанный врачом Г.Ф. Антелем. Летом 1886 г., вернувшись на родину, Галлен обосновался в Корпилахти, где написал, в частности, небольшие картины, посвященные простому народу: «*Женщина с ручными жерновками*», «*Женщина, жарящая ряпушку*» и «*Нищий мальчик*». После Парижа он тосковал по финским сюжетам и в декабре переехал в Кеуруу, где поселился на торпе Экола. Крупнейшими работами этой зимы стали: «*Крестьянская жизнь*» (позднее исчезла) и «*Первый урок*». Летом 1887 г. Галлен написал интерьерный портрет, заказанный покровителем художника промышленником Г.А. Серлакиусом. Этим же годом датируется «*Портрет Мэри Слэёр*», будущей жены Галлена. Галлен уже давно был вхож в семью феннофила Каарле Слэёра и был влюблен в его дочь.

В Париже Галлен находился с осени 1887 до лета 1889 г. Он продолжил учебу в *Академи Жюльен*, и, помимо этого, в 1887–1888 гг. работал в Ателье Кормони. Парижские картины были отмечены страстью; на небольших работах городские пейзажи были запечатлены в стиле, напоминающем импрессионизм. По заказу Антеля он в конце 1888 г. написал картину «*Démasquée*», предвосхищавшую символизм. В этот период Галлен приступает к изображению сцен из эпоса «*Калевала*». Уже многие годы эпос занимал его ум. Он начал с триптиха «*Айно*», завершеного в 1889 г. На Всемирной парижской выставке в том же году она получила медаль второй степени.

В июне 1889 г. Галлен вернулся в Финляндию вместе со шведским художником графом Луи Спарре, с которым он познакомился в Париже. Друзья поехали сначала в Висувеси, а оттуда в Экола в Кеуруу, так как Галлен хотел познакомить своего друга с тем миром, который он там для себя открыл. Главным произведением, написанным во время очередного пребывания в Кеуруу, можно считать картину «*В саунае*».

В мае 1890 г. Галлен женился на Мэри Слэёр. Молодожены совершили свадебное путешествие в Кухмо, где к ним присоединился

Спарре. Мужчины съездили на пару недель в Беломорскую Карелию. Галлен готовился к написанию новой версии триптиха *«Айно»* по заказу государства и надеялся найти новые образы и сюжеты для работы. В его планы также входило участие в новом конкурсе на создание иллюстраций к *«Калевале»*, объявленном студенческим землячеством Карелия Саво, работы на который принимались до марта 1891 г. За месяц до этого закончился конкурс по настенной росписи актового зала университета, в котором его пригласили участвовать.

Поездка Галлена и Спарре послужила первоначальным толчком к художественному течению, ориентированному на Карелию, позднее получившему название карелианизм. Осенью 1890 г. в газете *«Пяйвялехти»* появилась программная статья о значении Карелии для искусства и литературы. Надежды на финский ренессанс связывались с Карелией. В 1894 г. Галлен писал: «В маленькой Финляндии сейчас должен начаться новый ренессанс, то есть новая сила и жизнь, новый мир. Это необходимо сейчас, когда кругом царит убогость, слабость и унылый декаданс». Фенноманское движение наконец-то добилось политической и экономической власти, что нашло отражение и в культурной жизни.

Новый триптих *«Айно»* был завершен в 1891 г. По композиции картина существенно не изменилась, но конечный результат стал более совершенным благодаря финским натурщикам. В следующем году произведение выиграло государственный конкурс портретной живописи. С большим перевесом Галлен выиграл конкурс по иллюстрированию *«Калевалы»*, однако в конкурсе настенной росписи актового зала университета стал лишь вторым. Эдельфелту была заказана главная часть росписи, изображающая торжественное открытие Або академии, а денежная премия была разделена между двумя другими участниками, приглашенными на конкурс, Галленом и Ээро Ярнефельтом, с тем, чтобы они создали второстепенные части росписи. Однако Галлена это не заинтересовало.

В середине марта 1892 г. Галлены поехали на два месяца в Париж, а в июле отправились в Куусамо. В результате этой поездки появился *«Пастух из Паанаярви»*. В этой работе уже заметен отход от реализма, равно как и очевидный контраст между великолепным пейзажем и бедным мальчиком. Беря элементы из реальности, художник вскоре начал с помощью воображения создавать образы, более подходящие для его целей. В этот период проявляются и эксперименты с новыми стилями. В работе 1893 г. *«Черный дятел»*, выполненной гуашью, он создает новый, идеализированный национально-романтический пейзаж, в котором важную роль играют синтетическая декоративность и мотивы японской живописи. Тем не менее, *«Создание Сампо»*, законченное в том же году, было еще реалистически выполненным полотном переходного периода.

Зимой 1893–1894 гг. Галлен увлекается идеями Ницше, и его начинают занимать спиритизм и теософия. Работы 1894 г. можно уже считать символическими. Главной является картина «Проблема». Тогда же были закончены «Мянтюкоски» и «Путешествие в Туонела». К этому периоду также относятся «Ad astra», «Сибелиус – композитор «Сказки»» и частично уничтоженная позже самим автором «Conseptio artis».

В начале 1895 г. Галлен по рекомендации Адольфа Пауля отправился в Берлин. Совместно с Эдвардом Мунком он организовал там выставку, а также делал рисунки для нового журнала «Пан». Эта поездка повлияла в первую очередь на стиль Галлена. Знакомство с немецкими увлечениями побудило его заняться графикой; навыки он получил у Йозефа Сатлера. Помимо этого, он заинтересовался течением *арт нуво* и в Берлине создал свои первые темперные работы. Поездку прервала смерть маленькой дочери художника Марьятты в Руовеси, где он оставил свою семью в недостроенном доме «Калела».

В мае 1895 г. Галлен вместе с женой отправился в новое путешествие, на этот раз в Лондон. Они собирались купить графический станок и познакомиться с техникой живописи по стеклу. Очевидно, что поездка в Англию оказала влияние на декоративные аспекты его искусства. В течение 1895 г. строительство дома «Калела» было в основном завершено. Здание из продольно тесаных бревен стало одним из самых известных образцов национально-романтической архитектуры.

В «Калеле» художник начал работать над графикой. Первой стала ксилография «Цветок смерти». В 1895 г. он создал энергичную гравюру «Спасение Сампо», а году спустя написал темперу на ту же тему. В 1896 г. был также завершен «Портрет матери». «Мать Лемминкяйнена», «Месть Йоукахайнена» и «Братоубийство» были написаны в 1897 г. «Проклятие Куллерво» было завершено в 1899 г. Это были самые главные достижения Галлена в этот период. Тогда же он начал подписывать свои основные произведения псевдонимом Галлен-Каллела.

В конце 1897 г. Галлены отправились в Италию. Основным пунктом была Флоренция, однако, они побывали и в Помпее, где художник изучал древнюю фресковую технику. К другим увлечениям этих лет относилось течение *арт нуво* с его дизайном интерьеров и мебели. Он также создавал декоративную живопись по стеклу, а количество гравюр постоянно росло.

Работа над финским павильоном для Парижской всемирной выставки началась в 1899 г. Галлену предстояло написать купольные фрески для на темы картин «Создание Сампо», «Спасение Сампо», «Отъезд Вяйнямёйнена» и «Илмаринен пашет змеиное поле». Помимо этого, он проектировал салон Ирис для объединения «Друзей финского ремесла». Это стало крупнейшим международным достижением Галлена к тому времени. Галлену принадлежит существенная заслуга

в той популярности, которую имел финский павильон. На всемирной выставке он был награжден двумя золотыми и двумя серебряными медалями. После этой интенсивной работы Галлен на средства частного спонсора начал в 1901 г. создавать фреску «Уход Куллерво на войну» в музыкальном зале Старого студенческого дома в Хельсинки.

Выдающимся событием этого, «монументального» периода Галлена стала работа над мавзолеем Сигрида Юселиуса в Пори в 1901–1903 гг., спроектированного Йозефом Стенбеком. Темой стала победа смерти над материей. Главными сюжетами основной темы были «Весна, Здание, Осень, Разрушение, Зима» и сюжет «По реке Туонела». Над дверями был изображен «Рай» и «Космос». Сводчатый потолок и балки были расписаны видами финской флоры. Некоторые исследователи рассматривали эти фрески как кульминацию в творчестве художника. К сожалению, с годами они начали разрушаться, а в 1931 г. были уничтожены пожаром. Сын художника Йорма Галлен-Каллела воссоздал эти фрески по эскизам отца. Кроме того, сохранились большие темперные эскизы этого произведения.

Работа над гравюрами продолжалась и в период написания фресок. Самыми известными были гравюры «По реке Туонела» (1903) и «Mezzotinto» (1905). Галлен работал не жалея себя. В последующие годы он постоянно менял места отдыха и много путешествовал. Уровень творчества также менялся. В 1906 г. появились великолепные «Портреты Максима Горького». Он написал также новые картины по «Калевале». В 1905 г. было завершено «Похищение Сампо», а на следующий год – начатый десять лет назад «Отъезд Вяйнямёйнена», важный с мировоззренческой точки зрения. «Жалоба лодки» была готова в 1907 г.

Иллюстрации к повести Алексиса Киви «Семеро братьев» появились в 1908 г. Эта работа потребовала много сил и в значительной степени повлияла на восприятие финнами книги Алексиса Киви. Работа и сейчас является ценным образцом оформительского искусства, несмотря на то, что иллюстрации имеют мало общего с писательским видением мира.

Получая в 1907 г. паспорт, художник записал в нем фамилию Галлен-Каллела, которую он иногда использовал как псевдоним. Он часто употреблял также имя Аксели. Первая поездка в Венгрию состоялась в 1907 г., когда художнику была вручена большая золотая медаль на международной выставке. В следующем году он организовал в Будапеште выставку своих произведений.

Поездка с семьей в Париж в 1908 г. была связана с духовным преображением художника. Однако теперь он чувствовал себя в Париже неуютно, и новое искусство было ему непонятно. «Путешествие Вяйнямёйнена на лодке» было старым сюжетом, получившим новое прочтение в 1909 г. В мае 1909 г. семья направилась из Парижа в Африку. Они остановились в Найроби, Кения и вернулись на родину

только в феврале 1911 г. Африканские работы очень неровные в художественном плане, но иногда их колорит и соединение цвета неожиданно успешны.

После пребывания в тропиках привыкание к условиям жизни на родине было еще более сложным, чем прежде. Проектирование и строительство виллы-студии в Тарваспя занимало все время художника в 1911–1913 гг. Галлен-Каллелу пригласили принять участие в Венецианском Биеналле, а итальянское правительство заказало его автопортрет для галереи Уффици во Флоренции. Во время войны картины художника оставались в Италии, пока в 1915 г. их не попросили переслать для выставки Панама-Пасифик в Сан-Франциско. Они получили первую премию и золотую медаль.

Галлен-Каллела был председателем Общества художников Финляндии с 1911 по 1915 гг. Это было беспокойное время, когда перед публикой появлялись молодые художники. Из-за своего статуса Галлен-Каллела стал предметом их ненависти, и не в его характере было отступать. В целом, произведения мастера, в особенности пейзажи, на этом этапе были уже довольно посредственными.

Весной 1918 г. по распоряжению генерала Густава Маннергейма Галлен-Каллела работал в ставке главнокомандующего, создавая эскизы флагов, знаков отличия и униформы. В марте 1919 г. Маннергейм, теперь уже регент, пригласил его стать своим первым адъютантом. Общественное признание проявилось в присвоении ему звания почетного профессора в 1919 г., а Хельсинкский университет в 1923 г. присвоил ему степень почетного доктора.

В независимой Финляндии Галлен-Каллела по-прежнему мечтал о создании иллюстраций к «*Калевале*». Работу поддерживало созданное в 1919 г. «Общество Калевалы». Общество считало одной из своих основных задач содействие иллюстрированию эпоса. Галлен-Каллела был заместителем председателя общества вплоть до своей смерти. В 1920 г. была достигнута договоренность с издательством Вернер Сёдерстрём, что сначала будет издана «*Декоративная Калевала*» (*Koru-Kalevala*), которая должна будет стать предварительной работой и популярным изданием для последующего издания «*Большой Калевалы*» (*Suur-Kalevala*). В 1921 г. семья Галлен-Каллела переехала в Порвоо, а в 1922 г. вышла «*Декоративная Калевала*». В финском оформительском искусстве это издание имеет прочную славу.

Галлен-Каллела был также одним из основателей Финской художественной академии, под этим названием подразумевался руководящий совет Финского художественного общества. Он был его председателем с 1922 г. Однако художник плохо себя чувствовал в Финляндии. В декабре 1923 г. он отправился в Соединенные Штаты, а осенью 1924 г. за ним последовали жена и дочь. Они долгое время провели в Таосе в штате Нью-Мексико, где художник изучал искусство индейцев. В Чикаго он также работал над иллюстрациями к «*Большой Калевале*». В мае 1926 г. семья вернулась на родину.

Свое последнее крупное произведение, фреску «*Калевала*» на куполе вестибюля Национального музея, воспроизводящую фреску, написанную для Парижской всемирной выставки 1900 г., художник создал в 1928 г. Изменен был только один сюжет. В 1930 г. был заключен контракт с Национальным Банком на создание гигантской фрески, изображающей ярмарку в Хяме. Однако, возвращаясь после чтения лекций в Копенгагене, художник заболел пневмонией и умер в Стокгольме 7 марта 1931 г.

В 1935 г. в экспоцентре Хельсинки была устроена большая выставка в память о Галлен-Каллеле. В тот момент его творчество вызывало противоречивые оценки. Финские национальные круги видели в нем величайшего финского художника, а либералы, отдававшие предпочтение модернизму, придерживались другого мнения. Тем не менее, статус Галлен-Каллелы сначала как реалиста, а затем как символиста, постепенно повышался. Отмечаются его многосторонность, а также его вклад в создание нового стиля. Весь тот визуальный стиль, который мы привыкли называть национально-романтическим, был творением прежде всего Галлен-Каллелы.

– Аймо Рейтала

Приложение:

Аксель Вальдемар Галлен (с 1907 Аксели Галлен-Каллела), род. 26.4.1865 Пори, умер 7.3.1931 Стокгольм. Родители: Петер Вильгельм Галлен, банковский служащий, адвокат, и Анна Матильда Валроос. Жена: 1890–1931 Мэри Хелена Слёёр, род. 1868, умерла 1947, родители жены: Каарло Александр (Карл Александр) Слёёр, надворный советник, и Айна Эмилия Эрстрём. Дети: Марьятта, род. 1891, умерла 1895; Кирсти, 1896, умерла 1980; Йорма, род. 1898, умер 1939.

Якоб Де ла Гарди (1583–1652)

*маршал,
государственный советник,
граф*

Сын французского наемного солдата и внебрачной дочери короля, Якоб Де ла Гарди был произведен в маршалы и стал государственным советником. Он длительное время командовал войсками во время войны с Россией, затем вел переговоры о ее завершении, в результате чего Швеция получила выгодную для себя восточную границу. Якоб Де ла Гарди за время своей карьеры нажил значительное состояние. Помимо владений в Остзейских провинциях и Швеции у него были ленные поместья и в Финляндии.

В первой половине периода нового времени во время военных действий широко использовались наемные войска с весьма пестрым национальным составом. Наемники были в большинстве своем авантюристами, и их мораль и преданность обычно были невысоки, даже по самым скромным меркам. Некоторые из них, однако, были талантливыми военными и делали хорошую карьеру. Один из таких наемников-авантюристов, по случайности оказавшийся на службе в Швеции, француз Понтус Де ла Гарди отличился как военачальник в такой степени, что ему позволили жениться на внебрачной дочери короля Юхана III Софии Юлленъельм. В этом браке родился мальчик Якоб, который, таким образом, по своему происхождению принадлежал к высшему сословию. Молодой аристократ рано потерял обоих родителей. Мать умерла вскоре после его рождения, а отец утонул в 1585 г. в Нарве, где находился на переговорах с русскими. Якоб Де ла Гарди провел раннее детство в Финляндии под попечением своей бабушки по матери Каарины Ханнунтютяр. Он состоял при шведском дворе во время правления своего дедушки по матери Юхана III, а после его смерти переехал в Таллин. Еще не достигнув восемнадцати лет, Якоб был произведен в полковники и получил назначение в полк, собранный в провинции Норланд, с которым и участвовал в боях за Остзейские провинции.

Подготовка солдат и офицеров в то время проходила на практике, на поле боя и в военных походах. Знатное происхождение и связи в высших

кругах гарантировали хорошее начало карьеры, но в достижении успеха нужно было рассчитывать на свои силы. Начало не выглядело многообещающим. Шведы терпели поражения, и Карл IX сам покинул театр военных действий. Де ла Гарди вместе со своим двоюродным братом, внебрачным сыном Карла IX Карлом Юлленгельмом остался защищать город Вольмар, чьи укрепления были разрушены, а гарнизон был малочисленным по сравнению с силами осаждавших поляков. После двухмесячной осады город был вынужден сдаться, и Де ла Гарди оказался в плену у поляков. Он освободился лишь спустя четыре года. Во время пленения, согласно обычаям того времени, он сам должен был покрывать расходы на жилье и пропитание.

Молодой аристократ теперь решил всерьез взяться за военное искусство. Самым выдающимся военачальником протестантской Европы того времени был Мориц фон Нассау-Оранский из Нидерландов, к нему в ученики и отправился Де ла Гарди. Такое решение само по себе не было чем-то необычным, служба в чужих армиях была весьма обычным делом, как среди шведских аристократов, так и для знати других государств Европы. Те два года, которые Де ла Гарди провел, обучаясь у Морица фон Нассау Оранского, действительно пошли на пользу его будущей карьере. Во многом благодаря Де ла Гарди шведская армия взяла на вооружение принципы дислокации и новый порядок ведения боя, типичные для военного искусства Морица фон Нассау Оранского.

Когда Швеция готовила военный поход на Россию, чтобы вмешаться в происходившую там борьбу за престол, Де ла Гарди в конце 1608 г. был назначен командующим войсками. На это, без сомнения, повлияла его учеба в Голландии, но можно также предположить, что возложение подобной ответственности на плечи 25-летнего молодого человека объяснялось в большей степени его происхождением, чем талантом.

В марте 1609 г. шведская армия под командованием Де ла Гарди выступила против России. Поначалу успех сопутствовал Де ла Гарди. Однако проблемой оказалось то, что служившие в шведской армии финны не хотели идти вглубь России, в то время как их близкие в Финляндии страдали от военного бремени. Финские войска отказались подчиняться своим командирам и строем под знаменами отправились обратно на родину. Лишь вблизи Новгорода Де ла Гарди удалось их остановить, согласно рассказам, с мечом в руках, приказывая и угрожая им. Часть войск продолжила мятеж, а большая часть послушалась своего командования, и Де ла Гарди смог продолжить поход. Самым значительным успехом, вероятно, можно считать поход на Москву. В марте 1610 г. шведская армия вошла в столицу России, где царь Василий Шуйский принял ее как армию-союзницу. В том же году армия Де ла Гарди потерпела тяжелое поражение от польско-русской армии в битве под Клушино. Войска вынуждены были отступить, и Де ла Гарди пообещал, что больше не будет вмешиваться в дела России на стороне царя Василия Шуйского. Битва под Клушино была довольно

типичной для того времени: не получив жалования, иностранные наемники в составе шведской армии разграбили собственный лагерь и военную кассу и в разгар боевых действий перешли на другую сторону. Русские войска царя Василия Шуйского на поле битвы пассивно наблюдали за столкновениями между шведами и их противниками и всем происходившим в шведских войсках.

Военный поход в Россию не закончился на этом. Окружив Кякисалми (Кексгольм) и захватив город, который Василий Шуйский пообещал Швеции в качестве компенсации за помощь, но который, однако, не отдал, Де ла Гарди захватил в 1611 г. Новгород и уговорил – или заставил – город выбрать своим царем сына короля Швеции Карла IX Густава Адольфа. После смерти Карла IX в 1612 г. выбор был изменен и пал на младшего брата Густава Адольфа Карла Филиппа. Швеция хотела с помощью династических связей заполучить в лице России надежного союзника. К этому же стремился и польский король Сигизмунд – в Москве его сын Владислав был провозглашен царем всея Руси.

Смутное время в России и бесчинства иностранных войск вызвали народное движение. Польские войска были изгнаны из Москвы, кандидатура шведского царя более не обсуждалась. Новым царем был выбран Михаил Романов, который по линии матери происходил из древнего рода Рюриков.

Де ла Гарди упорно держался за Новгород. Его подчиненные одержали множество побед над русскими войсками. В 1614 г. Густав II Адольф лично прибыл на театр военных действий. После капитуляции города король вернулся в Швецию вместе с Де ла Гарди. В следующем году оба вернулись обратно, но попытка захвата Пскова не удалась. В 1617 г. после переговоров, наконец, удалось подписать Столбовский мир, который отодвинул границы Швеции на восток. Шведской делегацией на переговорах руководил Де ла Гарди. Итог переговоров мог бы быть еще более благоприятным для Швеции, если бы Густав II Адольф не был столь сильно заинтересован Остзейскими провинциями и германскими делами и не стремился бы поэтому к скорейшему подписанию договора.

Во время продолжительной осады Новгорода Де ла Гарди получил от финских солдат прозвище, под которым он позднее был известен в истории Финляндии. Уставшие от осады и соскучившиеся по дому солдаты поговаривали: «Пройдет лето, пройдет зима, но не уйдет Ленивый Яякко».

После войны с Россией Де ла Гарди получил от короны право откупа в Кексгольмском лене и крепости Орешек (Пяхкиялинна, Петрокрепость). В 1619 г. его назначили наместником в Таллине, а в 1622 г. – генерал-губернатором Лифляндии, его резиденцией стала Рига. Одновременно с этим его назначили главнокомандующим расквартированными в Остзейских провинциях войсками. В 1620 г. он был произведен в маршалы.

Военное противостояние Швеции и Польши продолжалось. Польский король Сигизмунд считал своего племянника Густава II Адольфа узурпатором и мятежником. Интересы обеих держав столкнулись в Лифляндии. Рига оказалась в руках шведов в 1621 г., а в следующем году удалось добиться перемирия на три года. Война разразилась вновь в 1625 г. и продолжалась вплоть до 1629 г., когда в Альтмарке было подписано перемирие на шесть лет. Самой большой преградой на любых переговорах с поляками было то, что польский король Сигизмунд считал себя законным правителем Швеции и требовал на переговорах употребления этого титула. Для шведов это было неприемлемо, поэтому, чтобы выйти из положения, использовались всевозможные ухищрения.

Де ла Гарди на посту генерал-губернатора Лифляндии оказался более миролюбивым, чем король Густав II Адольф. Ему удалось, при соблюдении указаний короля, договориться о продлении перемирия на год. Но король был не вполне доволен, поскольку, уладив отношения с Данией, он был готов возобновить военные действия в Лифляндии. Маршалу трудно предъявлять претензии – он выполнял приказы. Он сделал все возможное, чтобы добиться продления перемирия, но Густав II Адольф решил начать войну, и перемирие было нарушено в начале июля 1625 г. Война продолжалась с переменным успехом, прерываясь на короткие периоды перемирия. Де ла Гарди в 1628 г. попросил отставки с поста главнокомандующего, посчитав, что ему не удалось добиться успехов на поле битвы. Она была принята не столько из-за неудач, сколько потому, что проводимая им политика расходилась с тем, что от него ждал король.

Вернувшись в Швецию, Де ла Гарди в 1630 г. возглавил военную коллегия (этот пост соответствовал должности военного министра). Чин государственного советника он получил еще в 1613 г., но это не имело практического значения, поскольку Государственный совет заседал в Стокгольме, а Де ла Гарди находился в восточных владениях. Когда в 1632 г. Густав II Адольф погиб в Люцене, государственные советники приобрели больший политический вес, чем прежде. Политические позиции Де ла Гарди укрепило и то, что он входил в число опекунов королевы Кристины. В Государственном совете он придерживался той же мирной политики по отношению к Польше, что и в период своего пребывания в Лифляндии. После окончания Альтмаркского перемирия в 1635 г. он, в отличие от большинства государственных советников, выступал за продолжение переговоров. Он активно влиял на ход переговоров, и в большой степени благодаря ему было достигнуто перемирие на 26 лет. Такая политическая линия привела к конфликту с канцлером Акселем Оксеншерной, но позднее отношения улучшились, когда Де ла Гарди поддержал канцлера в его политике по отношению к Германии. Когда Аксель Оксеншерна вернулся в Швецию и принял руководство Государственным советом,

значение Де ла Гарди уменьшилось. Однако он оставался выдающимся политическим деятелем вплоть до своей смерти.

Якобу Де ла Гарди удалось нажить большое состояние. Помимо Остзейских провинций и Швеции, у него были ленные поместья в Финляндии: Пиетарсаари и Круунупюю. К тому же, он успешно занимался предпринимательской деятельностью, и построенные им дома до сих пор можно увидеть как в Стокгольме, так и в Таллине. Его принадлежность к высшей знати Швеции еще более укрепились, когда он в 1618 г. женился на дочери дротса Магнуса Брахе. Союз любимицы Густава II Адольфа Эббы Брахе и Якоба Де ла Гарди был плодотворным и, несомненно, удачным. У супругов было 14 детей. Когда Эбба Брахе после смерти своего мужа основала на месте своего ленного поместья город, она в память о муже назвала его Якобстад (Пиетарсаари).

С точки зрения истории Финляндии, Якоб Де ла Гарди сыграл существенную роль по большей части в ранний период своей карьеры, находясь во главе шведских войск во время войны с Россией. Он был одним из наиболее выдающихся военачальников периода шведского великодержавия. Как политик и государственный деятель он, безусловно, также принадлежит к выдающимся личностям.

– Вели-Матти Сюрё

Приложение:

Якоб Де ла Гарди, род. 20.6.1583 Таллин, умер 12.8.1652 Стокгольм. Родители: Понтус Де ла Гарди, военачальник, государственный советник, барон, и София Юлленъелм. Жена: 1618 – Эбба Брахе, фрейлина, графиня, род. 1596, умерла 1674. Родители жены: Магнус Брахе, государственный дротс, граф, и Брита Леййонхувуд, графиня. Дети: Понтус, род. 1619, умер 1632; Кристина, род. 1620, умерла 1622; София, род. 1621, умерла во младенчестве; Магнус Габриэль, род. 1622, умер 1686, дротс, государственный канцлер; Брита, род. 1624, умерла в молодости; Гутсав Адольф, род. 1626, умер 1630; Мария София, род. 1627, умерла 1694, муж – Густав Оксеншерна, государственный советник, барон; Якоб Казимир, род. 1629, умер 1658, генерал, государственный советник; Понтус Фредерик, род. 1630, умер 1692, президент надворного суда в Тарту, генерал, государственный советник; Кристина Катарина, род. 1632, умерла 1704, первый муж – Густав Адольф Левенгаупт, государственный советник, фельдмаршал, граф, второй муж – Густав Отто Стенбок, государственный советник, фельдмаршал, граф; Юхан Карл, род. и умер 1634; Бригитта Хелена, род. 1636, умерла в младенчестве; Аксель Юлиус, род. 1637, умер 1710, государственный советник, генерал; Эбба Маргарета, род. 1638, умерла 1696, муж – Педер Спарре начальник арсенала, посол, барон.

Арвид Горн

(1664–1742)

президент канцелярии,

генерал-лейтенант,

граф

Финн по происхождению Арвид Горн, следуя по пути военной карьеры, благодаря браку оказался при дворе и подружился с молодым Карлом XII. В награду за свои заслуги на дипломатическом поприще получил титул графа. Во время войн Карла XII в разных частях Европы Горн играл активную роль сначала в качестве члена Королевского совета, а затем как президент канцелярии, чей статус соответствовал посту премьер-министра. После смерти Карла XII Горн выступал за ограничение королевского абсолютизма.

Финн по происхождению, Арвид Горн был одним из известнейших и значимых государственных деятелей Швеции, чей авторитет и достижения сравниваются с Акселем Оксеншерной и чья политика хорошо изучена. Его знали и как одного из главных героев популярных «Рассказов фельдшера» Ц. Топелиуса.

Арвид Горн родился в дворянской семье, из которой вышли многие заслуженные военачальники и высокие чиновники. Его дом детства, сетерея Вуорентака в Халикко, начиная со средних веков, принадлежал роду Горнов. Его отец, полковник Густав Горн, был типичным для периода абсолютизма офицером-помещиком. Он умер, когда Арвид был еще ребенком. Точных сведений о том, что юноша учился в Академии Або (Туркуский университет), не имеется. Он знал латынь, а также немецкий и французский языки, но их он мог изучить во время службы за границей. Согласно дворянскому обычаю того времени, он в восемнадцатилетнем возрасте добровольно записался в армию, в подразделение лейб-гвардии. Военный опыт он получил на службе в Австрии и Голландии в 1687–1696 гг. Вернувшись на родину и женившись на Анне Беате, дочери королевского советника Эдварда Эренстеена, он, благодаря браку, открыл для себя возможности завязать связи при дворе, к чему сильно стремился. В чине капитан-лейтенанта Горн получил назначение в конную лейб-гвардию. Он принимал участие в необузданных увеселениях короля Карла XII,

который был много младшего него, и это помогло ему стать в 1700 г. генерал-майором и бароном.

После начала Великой Северной войны Горн сопровождал короля к театру военных действий. Несмотря на свой высокий офицерский чин, Горн не командовал крупными подразделениями, однако, участвовал в составе конной гвардии в боях и был несколько раз ранен. В 1704 г. Карл XII поручил ему вести переговоры с поляками о низложении Августа II и избрании Станислава Лещинского. Этот приказ вызвал удивление, так как Горн не был искушен в дипломатии. Он, однако, оказался талантливым парламентаром и справился с поручением. Уже на этом этапе Горна характеризуют как, с одной стороны, бесцеремонного и хитрого, но, одновременно, обаятельного собеседника. Сразу после этого войска Августа пленили его, но в результате обмена пленными ему удалось освободиться. Об авторитете, приобретенном Горном, свидетельствует то, что как шведский, так и польский короли были гостями на его второй свадьбе.

Таким образом, Горн успешно сдал экзамен по искусству вести переговоры. После этого Карл XII отослал его на родину и назначил королевским советником – этот титул в эпоху абсолютизма соответствовал рангу государственного советника, – а также возвел его в графы. С 1710 г. он был президентом канцелярии Государственного совета и начальником Военного совета.

После оглушительного поражения под Полтавой Горн осторожно начинает вести самостоятельную политику, что ухудшило его отношения с королем, оставшимся в Турции. Когда Дания возобновила войну и попыталась в 1710 г. высадиться в Сконе, Горн по собственной инициативе созвал так называемую сессию урезанного риксдага и, таким образом, предпринял первый шаг к разрушению абсолютизма. Он искал помощи у Англии, но Карл XII свел эту затею к нулю, в своей упорной прямолинейности пытаясь предотвратить прибытие английских кораблей в захваченные русскими порты Балтийского моря и отказываясь подписать договор, заключенный некоторыми странами по установлению мира вокруг Балтийского моря, что Горн считал для Швеции полезным. В качестве наказания Карл XII лишил совет всех внешнеполитических полномочий. Горн был потрясен и намеревался попросить отставки с поста президента канцелярии. Во время завоевания Россией Финляндии Горн, несмотря на запрет короля, созвал сессию риксдага 1713–1714 гг., но резко отверг возникшую на ней идею сделать временным правителем сестру короля Ульрику Элеонору. Принцесса была сторонницей абсолютизма, и Горн видел в ней нового противника.

После возвращения Карла XII в 1715 г. на родину из Турции самым влиятельным человеком в Швеции был Георг Генрих фон Герц, сторонник так называемой голштинской партии. Оставшийся не у дел Горн внешне сохранял связь с фон Герцем, но затевал интриги

против него. После гибели короля совет поздравил Ульрику Элеонору с вступлением на престол. Однако ее права на корону не были бесспорными, и Горн предостерег советников и потребовал отложить принятие решения до созыва представителей сословий. Ульрика Элеонора обнаружила, что Горн был препятствием на ее пути к единовластию. Риксдаг выступил в поддержку Горна. Принцессе не помогло и то, что сословия и Горн были едины в своем отношении к судебному процессу против фон Герца, который позже был приговорен к смерти. Сословия не признали права Ульрики Элеоноры на наследование короны, однако провозгласили ее выбранной королевой, условием чего стало принятие Формы правления, существенно ограничивавшей королевскую власть. Когда в следующем году Ульрика Элеонора отреклась от короны в пользу своего мужа принца гессенского, избранного на престол под именем Фредрика I, права короля были вновь ограничены принятием Формы правления 1720 г. Горн не очень активно участвовал в подготовке обеих Форм правления, соответствовавших его позициям. Кроме того, он выступал за придание Государственному совету больших полномочий за счет риксдага.

В это же время проходили мирные переговоры с Россией, в которых Горн с помощью Англии пытался заставить Россию умерить свои жесткие условия мира. Зимой 1719 г. Горн поссорился с королевой и ушел в отставку, но вскоре вновь стал центральной политической фигурой. На сессии риксдага 1720 г. его избрали ландмаршалом (председателем дворянского сословия) несмотря на то, что он одновременно фактически руководил правительством, будучи президентом канцелярии. Это повторялось дважды, пока оппозиция против Горна не добилась принятия решения, по которому один и тот же человек, начиная с сессии риксдага 1734 г., не мог одновременно возглавлять самое влиятельное сословие и руководить правительством. Основное условие современного парламентаризма, таким образом, не было заложено в Форме правления так называемой «эры свобод», оно только зарождалось в этот период.

Хотя Горн систематически противостоял королевскому абсолютизму, он стремился к сосредоточению в своих руках такой власти, что фактически в отдельные периоды сам становился почти самодержцем. Его «могущество», однако, основывалось не на силе основных законов или каких-либо установлений, а утвердилось благодаря тому феноменальному таланту, с помощью которого он управлял как сословиями, так и советом. В Государственном совете он умело играл на противоречиях сторонников зятя Петра I герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского и Фридриха Гессенского, будущего короля Фредрика I.

Особую известность Арвид Горн получил благодаря своей уравновешенной внешней политике. Новая граница Финляндии оставалась практически неукрепленной, однако, цепь укреплений строилась на

Стокгольмском архипелаге. В 1724 г. был заключен союзный договор с Россией на 12 лет, но Горн добился, чтобы его формулировки не были слишком обязывающими. Не считаясь с этим договором, Горн вел Швецию к так называемому Ганноверскому союзу, появившемуся в 1726 г. по инициативе Англии и Франции, который был частично направлен против России. В 1734 г. Франция отказалась от ратификации обновленного договора потому, что Горн согласился на продление срока подписанного с Россией соглашения. У Горна в риксдаге появилась набиравшая силу оппозиция, сотрудничавшая с послом Франции. Горна оклеветали как друга «заклятого врага». Оппозиция получила дополнительный аргумент, когда буржуазное сословие потребовало проведения более решительной экономической политики протекционизма. Противники Горна начали называть себя «шляпами». Так в риксдаге произошло разделение на партии, хотя ни о каких организованных партиях в современном понимании этого слова речи не шло.

Во время сессии риксдага 1738 г. Горн вел себя пассивно, что частично было связано с его возрастом и ослабевшим здоровьем. Когда «шляпы» предложили, чтобы он добровольно отказался от должности президента канцелярии, (процедура вотума недоверия была тогда еще неизвестна), к удивлению и разочарованию коллег по совету Горн уступил. Ему было разрешено сохранить чин и жалование государственного советника. Вероятно, что он планировал еще вернуться в политику, продолжая контактировать с послом России. Политика по отношению к России, ставшая наступательной, привела к так называемой войне «шляп» (шведско-русская война 1741–1743 гг.), и Горн успел стать свидетелем краха своих надежд, хотя и избежал того, чтобы лицемерить, как противник вновь завоевал Финляндию.

Горн, вступивший на жизненный путь почти нищим, умер очень богатым. Собственность в виде сетерей, земельных владений и городской недвижимости, по большей части была получена в качестве приданого его богатых жен.

Есть основание полагать, что финское происхождение оказывало влияние на осторожность Горна в политике по отношению к России: свежие болезненные воспоминания о великом лихолетье не должны были допустить начала новой войны и связанной с ней новой оккупации. В период нахождения у власти Горн привел в Государственный совет несколько финнов, тогда как после его свержения Финляндия какое-то время вовсе не была представлена в правительстве государства. Когда в Швеции стали высказываться сомнения в лояльности финнов, Горн заявил, что эта лояльность не менее искренняя, чем у шведов. Горн был канцлером Академии Або в 1723–1735 г. Впрочем, он не проявлял особой активности, направленной на благо Финляндии. Так, он не был слишком инициативным тогда, когда в Финляндии после мира в Усуикаупунки (Ништадский мир 1721 г.) специальные комиссии

предложили предоставить налоговые освобождения, что было призвано существенно облегчить послевоенное восстановление. Горн был исключительно влиятельной фигурой в государственной истории Швеции, но, в отличие, например, от Клауса Флеминга и Пера Брахе, сыграл незначительную роль в истории собственно Финляндии.

Арвид Горн не пытался создать того нового парламентского государственного устройства, который развился в период «эры свобод», но стремился скорее к такой системе во главе с Государственным советом, которая в определенные периоды господствовала над абсолютизмом, когда власть короля ослабевала. В области внешней политики у него не было тех созидательных идей, которыми были отмечены некоторые государственные деятели периода великодержавия, чья ориентация была экспансионистской, без реальных к тому предпосылок. Осложнившееся положение Швеции, имевшей в соседях все более усиливавшуюся Россию, требовало расчетливой реальной политики, и в этом Горн был мастером. Искусство тактики требовалось и тогда, когда в Швеции ему приходилось склонять органы власти к принятию намеченной Горном линии. В экономической политике Горн был консерватором, в вопросах религии твердо стоял на традиционных позициях, выступая против пиетизма. Никто не отрицает значения Горна в политической истории Швеции, хотя его личность оценивается по-разному.

– Эйно Ютиккала

Приложение:

Арвид Бернадт Горн, род. 6.4.1664 Халикко, умер 17.4.1742 Экебюхольм, Швеция. Родители: Густав Горн, полковник, и Анна Хелена фон Герттен. Первая жена: 1696–1703 Анна Беата Эренстеен, род. ок. 1669, умерла 1703 году, родители первой жены: Эдвард Эренстеен, королевский советник, и Катарина Валленстедт; вторая жена: 1705–1708 Инга Тёрнфлюхт, умерла 1708, родители второй жены: Улоф Тёрнфлюхт, коммерции советник, и Маргарета Андерсен; третья жена: 1710–1740 Маргарета Юллешерна, графиня, умерла 1740, родители третьей жены: Нильс Юлленшерна, королевский советник, фельдмаршал, граф, и Анна Кристина Юлленшерна, графиня. Дети: Карл, род. и умер 1699; Карл Фридрих, род. 1700, умер 1707; Нильс Густав, род. 1712, умер 1714; Ульрика Анна, род. 1713, умерла 1714; Эва, род. 1716, умерла 1790, муж: Аксель Лёвен, государственный советник, генерал, граф; Адам, род. 1717, умер 1778, государственный советник, маршал; Фредрика Элеонора, род. 1721, умерла 1750, муж: Густав Леонард Стенбок, камергер, лагман, граф.

Рагнар Гранит
(1900–1991),

профессор физиологии,

лауреат Нобелевской премии

Рагнар Гранит – один из самых известных финских деятелей медицины всех времен, один из самых значительных в мире исследователей нервной системы и органов чувств в 20 в. Гранит, получивший в 1967 г. Нобелевскую премию за исследования в области физиологии зрения, остается единственным Нобелевским лауреатом в области медицины, родившимся в Финляндии.

Профессор физиологии Хельсинкского университета, позднее руководитель кафедры нейрофизиологии Стокгольмского Каролинского института, Рагнар Гранит является одним из самых известных финских деятелей медицины всех времен и одним из самых значительных в мире исследователей нервной системы и органов чувств в 20 в. В исследованиях, проводившихся в основном в Финляндии, он выяснял принципы деятельности сетчатки глаза и физиологическую основу распознавания цвета. За эти исследования Гранит получил в 1967 г. Нобелевскую премию, и он остается единственным Нобелевским лауреатом в области медицины, родившимся в Финляндии. Переехав в Швецию, он сконцентрировался на исследованиях того, как головной мозг через посредство спинного мозга регулирует функции мышц и, таким образом, управляет движениями человека. И в этой области его научная работа оказала решающее влияние на современные знания о регуляционных механизмах нервной системы. Эти наблюдения с научной точки зрения сделаны на столь же высоком «Нобелевском уровне», что и работы, связанные с физиологией зрения. Помимо научно-исследовательской деятельности высокого уровня у Гранита хватало времени и на общественную и культурную деятельность.

Рагнар Гранит родился в семье, члены которой с незапамятных времен жили в местечке Корппо. С самого раннего детства и до последнего времени точкой притяжения был для него дом под названием Викминне Корпострема, дом, в котором жил в свое время его дед, морской капитан Йеремиас Гранит. Отец Рагнара Гранита Артур Гранит был лесничим и до переезда в Хельсинки работал в разных

частях Финляндии, в том числе в Лапландии и затем в Риихимяки, где и родился Рагнар, первенец семьи. Рагнар провел свои детские годы в Оулункюля, а школьные годы прошли в Шведском нормальном лицее Хельсинки. В детские и юношеские годы лето он проводил в Корппо, где близкими друзьями, с которыми он ходил на рыбалку и плавал под парусом, были двоюродные братья Ларс-Ивар Рингбум, будущий историк искусства и профессор Або Академии, и Андерс Рингбум, будущий профессор аналитической химии, а также Нильс-Эрик Рингбум, будущий композитор и многолетний руководитель городского оркестра Хельсинки.

Духовное окружение Рагнара Гранита, по его собственным воспоминаниям, в школьные годы имело мало общего с естественными науками, а было более ориентировано на литературу и живопись. Среди друзей и одноклассников были, например, будущий художник Тургер Энкель и его братья Улоф и Раббе. Первый из них стал впоследствии профессором литературы, а последний – поэтом и художником. Участь в лицее, Гранит входил в литературный кружок, которым руководил писатель Гуннар Бьёрлинг. Об увлечении литературой говорит и то, что Гранит в 1923–1926 гг. был редактором студенческой газеты «*Студентбладет*». Он также сотрудничал с журналом «*Куосэго*», основанным Элмером Диктониусом в 1928 г. и участвовал в подготовке первых номеров журнала. В 1930-е гг. Гранит был редактором журнала «*Финландс Рёда Корс*», органа Финляндского Красного креста на шведском языке. Кроме того, он опубликовал ряд статей и произведений, которые можно отнести к художественной литературе. Он был членом различных обществ, участвовал в деятельности общества здравоохранения «*Фолькхельсан*» и Союза защиты детей Маннергейма.

То, что Гранит стал, в конце концов, ученым-медиком и нейрофизиологом, не было, таким образом, само собой разумеющимся. Первоначально в его планах было изучение юриспруденции, и он даже учился философии в Або Академии. Курс философии включал также психологию, и позже Гранит рассказывал, как сильно он был увлечен этим предметом. Именно интерес к психологии и поддержка родственников больше, чем желание стать практикующим врачом заставили его выбрать медицинский факультет, учеба на котором предоставляла наилучшую возможность получить более глубокие познания биологии, что помогло бы в дальнейшем при изучении психологии. В те времена к числу обязательных предметов, предварявших занятия собственно медициной, относилась философия. Для сдачи экзамена на получение степени кандидата философии он выбрал теоретическую философию, практическую философию, эстетику и химию. Выбор предметов отражает ярко выраженную гуманитарную направленность Гранита, которая сохранилась у него на всю жизнь. Но, прежде всего, это отражало присущую многим крупным ученым многосторонность

интересов, тягу к знаниям и поиск истины. Во многом сходный выбор базовых предметов сделал в свое время и другой выдающийся финский физиолог Роберт Тигерстедт.

Хотя во время учебы Гранит интересовался и клиническими предметами, в частности неврологией, уже в период сдачи кандидатских экзаменов он сделал выбор в пользу научно-исследовательской деятельности. В начале объектом изучения стала психофизиология. По словам Гранита, на его выбор особенно сильно повлиял психолог и философ Эйно Кайла, который в 1920-е гг. проводил свои экспериментальные исследования на кафедре физиологии Хельсинкского университета. Помимо научно-исследовательской деятельности Гранит работал вначале исполняющим обязанности, а затем штатным ассистентом кафедры физиологии. В своей диссертации *«Цветовая трансформация и контраст»*, написанной на немецком языке, он описывал восприятие формы и цвета с помощью психофизиологических исследований. Исследование содержит множество ссылок на произведения Эйно Кайла, посвященные психологии восприятия. Кайла был, вероятно, самой значительной фигурой, повлиявшей на написание диссертации. Гранит защитил докторскую диссертацию осенью 1926 г., будучи еще кандидатом медицины; лицензиатский экзамен он сдал в 1927 г. и в тот же день получил степень доктора медицины и хирургии.

По окончании университета Гранит отправился за границу продолжать учебу в лучших научно-исследовательских центрах. В отличие от господствовавшей в те годы ориентации на Германию, он предпочел англоязычные страны, отчасти под влиянием деда-капитана, известного своим англофильством. Гранит еще в девятнадцатилетнем возрасте ездил в Лондон изучать английский язык. Решающей причиной того, что он отправился в Англию, стал все же работавший в Оксфорде сэр Чарльз Шеррингтон, крупнейший исследователь центральной нервной системы того времени. Гранит надеялся, что в исследовательской лаборатории Шеррингтона он найдет те знания, которых не хватало в прежних учебных заведениях. Шеррингтон, получивший в 1932 г. Нобелевскую премию за исследования в области нейрофизиологии, оказал на Гранита, по его собственному признанию, самое важное научное влияние. В случае с Гранитом оправдывается часто повторяемое утверждение, что единственным объединяющим лауреатов Нобелевской премии фактором является то, что их учителем был ученый, сам получивший ранее Нобелевскую премию.

Свои исследования сетчатки глаза Гранит начал в Филадельфии в исследовательском центре Фонда Джонсона, который был в 1930-е гг. ведущим в мире центром исследований физиологии зрения. Одновременно с Гранитом там работал Халдан Хартлайн, один из тех двух ученых, которые в 1967 г. получили совместно с Гранитом Нобелевскую премию. В Филадельфии и Оксфорде вышли в свет

первые значительные публикации Гранита, в том числе посвященные различным компонентам электроретинограммы и их связи с определением активности зрительного нерва.

Получив в 1929 г. должность доцента физиологии Хельсинкского университета и вернувшись из-за границы, Гранит собрал вокруг себя группу молодых увлеченных исследователей, с которыми он продолжил изучение деятельности сетчатки и особенно механизмов цветного зрения. Оборудование они часто конструировали сами. Первое важное наблюдение было сделано совместно с Пером-Улофом Терманом (1910–1972). Удалось установить, что под действием раздражителя клетки сетчатки глаза могут выступать в качестве ингибитора, т. е. тормозить действие раздражителя, что ранее было доказано Шеррингтоном в отношении других нервных клеток. К другим значительным работам хельсинкского периода можно отнести совместные с Мозесом Циви (род. 1909) исследования действия зрительного пурпура или родопсина и, в первую очередь, проведенные вместе с Гуннаром Светичем (род. 1915) исследования, показавшие, что восприимчивость сетчатки глаза к биоэлектрическим импульсам подразделяется на три отдельных группы, соответствующих синему, зеленому и красному цвету. Эта работа явилась первым доказательством предложенной еще в 19 в. так называемой теории Юнга-Гельмгольца о нейрофизиологической основе теории цветовосприятия. Для этой работы в Хельсинки была создана техника нового типа, позволявшая регистрировать нервные импульсы отдельных нервных клеток. Эти приборы в дальнейшем использовались при проведении многих исследований.

С 1935 г. Гранит был исполняющим обязанности профессора, а с 1937 г. – профессором физиологии Хельсинкского университета. Уже в 1930-е гг. он получил широкую международную известность. Его приглашали в разные страны, например, в 1932 г. пришло приглашение на должность профессора в Тартуский университет, а в 1940 г. – в Гарвардский университет в США. От этих приглашений он отказался. Но когда его в 1940 г. пригласили возглавить отделение нейрофизиологии в Стокгольмском Каролинском институте, он решил переехать в Швецию, чтобы там продолжать свои исследования. На это решение повлияло, прежде всего, наличие на новом месте работы более богатых, по сравнению с Хельсинки, исследовательских ресурсов. Другим фактором, по-видимому, стала чуждая космополитически настроенному Граниту кампания по финнизации Хельсинкского университета, осуществленная в 1930-е гг. В результате нее на медицинском факультете в конце 1930-х гг., помимо Гранита, остался только один профессор, читавший лекции на шведском языке. После переезда в Стокгольм он быстро получил шведское гражданство. Он был назначен директором только что созданного Нобелевского института физиологии, а в следующем году получил персональную профессиуру по нейрофизиологии. Эти

должности он занимал до выхода на пенсию в 1967 г., но и после этого он продолжал активно заниматься исследовательской работой почти до самой смерти.

Переехав в Стокгольм, Гранит в течение нескольких лет продолжал исследования в области физиологии зрения. Часть ученых, работавших вместе с ним в Хельсинки, также переехала в Стокгольм. Работы, проводившиеся в Стокгольме, скорее расширяли и дополняли то, что было сделано ранее. Итоговый труд на английском языке по результатам исследований в области зрения, начатых еще в 1921 г. – «*Сенсорные механизмы клетчатки*» – был в основном закончен к 1943 г., хотя война задержала ее выход в свет до 1947 г.

С середины 1940-х гг. Гранит занялся изучением нейрофизиологии регуляции движений, и на этом поприще также добился мировой славы. Он изучал деятельность мышц и различные части рефлекторной дуги, регулирующей степень их напряжения. Его работы открыли новое направление исследований, которые продолжались затем во всем мире. Тем не менее, Нобелевскую премию 1967 г. Гранит, совместно с Халданом Хартлайном и Джорджем Уолдом, получил за «открытия в области исследования первичных нейрофизиологических и нейрохимических процессов зрения».

Позднее иногда возникали дискуссии по поводу того, в какой степени открытия, удостоившиеся Нобелевской премии, были сделаны в Швеции и был ли Гранит «финским или шведским Нобелевским лауреатом». Гранит комментировал это вполне дипломатично: «*Фифти-фифти*». На момент получения премии Гранит был гражданином Швеции, но большая часть экспериментов проводилась в Оксфорде и Хельсинки, и даже в Стокгольме большинство его коллег были финнами. Таким образом, есть достаточно оснований считать Гранита первым родившимся в Финляндии лауреатом Нобелевской премии, вручаемой в области медицины и физиологии. А его исследовательская группа, работавшая в Хельсинки, стала первой в стране, достигшей Нобелевского уровня. Группа ученых под руководством Гранита достигла в 1930-е гг. исключительно высокого уровня и всемирной известности. Об этом свидетельствует большой объем внешнего финансирования (например, в 1938 г. они получили примерно 1 миллион тогдашних марок в виде совместного финансирования Фонда Рокфеллера и министерства образования). Большинство учеников Гранита в процессе «утечки мозгов» оказались в качестве профессоров и руководителей исследовательских институтов в разных концах мира. В Финляндии исследовательские традиции Гранита были продолжены, прежде всего, специалистами в области физиологии животных.

Сам Гранит называл себя «*одновременно собственно шведским и финско-шведским патриотом*» и до конца жизни был прочно связан со своей родиной. Примечательно, что в качестве места проживания он указывал «*Стокгольм и Корнто*». Несмотря на то, что он жил в

Швеции несколько десятков лет, он сохранил финско-шведский акцент. Он увлеченно занимался парусным спортом и на лето приезжал из Стокгольма на яхте в местечко Викминне. В Корппо он отдавался и другому любимому увлечению – садоводству, которым он занимался вместе с женой Дейси. Особенно он любил деревья и скальные растения.

Гранит был очень жизнелюбивым, увлекающимся человеком и, особенно в кругу друзей и родственников, общительным и приятным собеседником. В то же время, он обладал довольно большой самоуверенностью, и среди коллег ученых время от времени возникали бурные дискуссии. Его научные труды написаны очень ясным языком и стилистически выдержаны на высоком уровне, что свидетельствует о литературной одаренности автора. Но когда он читал лекции, его не всегда было легко понять. Отличительной чертой его научной карьеры была сохранившаяся на многие десятилетия неизменная приверженность одной определенной группе проблем. В то же время ему было присуще стремление рассматривать проблемы в более широкой перспективе общих закономерностей деятельности органов чувств и всей нервной системы. В отличие от многих других крупных нейрофизиологов мир его понятий не был целиком сориентирован на математический язык, скорее в нем преобладали лингвистический подход и интуитивность. В своем сборнике эссе *«Дорога юноши к Минерве»*, опубликованном на шведском языке, Гранит писал об *«ацедии»*, усталости мысли, которая часто настигает ученых. Сам он никогда этим не страдал, возможно, именно благодаря широким гуманистическим основам своего мировоззрения.

– ЯАККО ИГНАТИУС

Приложение:

Рагнар Артур Гранит, род. 30.10.1900 Риихимяки, умер 8.3.1991 Стокгольм. Родители: Артур Гранит, лесничий, и Берти Малмберг. Жена: Маргерит (Дейси) Бруун, баронесса, род. 1902, умерла 1991; родители жены: Теодор Бруун, действительный статский советник, и Мэри Хенли. Сын: Михаел, род. 1930, архитектор.

Эдвард Гюллинг

(1881–1938)

член Совета

народных уполномоченных,

председатель Совета народных

комиссаров Советской Карелии,

депутат парламента,

специалист по статистике

Многообещающий ученый Эдвард Гюллинг входил в небольшую когорту интеллигентов, которые увлеклись в начале 20 века революционными социалистическими идеями бедноты, а в 1918 г. вошел в Совет народных уполномоченных, возглавивший восстание в Финляндии. После разгрома восстания Гюллинг, не лишенный стремления к власти, становится центральной руководящей фигурой Советской Карелии, до тех пор, пока в его судьбу не вмешались сталинские репрессии.

Интерес талантливого молодого ученого Эдварда Гюллинга в начале 20 в. был направлен на актуальный для того времени торпарский вопрос. Его диссертация была посвящена изучению торпарского вопроса в Финляндии в период шведского правления. Кроме прочего, будучи куратором студенческого землячества Саво-Карелии, он выступал на стороне рабочего движения. Так и непонятно, привела ли тема исследовательской работы этого выходца из буржуазной семьи к социализму, или же политические убеждения увлекли его торпарским вопросом. В любом случае, молодой магистр уже в самом начале века выступает на мероприятиях социал-демократической партии и, благодаря своим исследованиям в области торпарского вопроса, становится ведущим партийным специалистом в области аграрной политики. Вскоре он становится главным редактором журнала марксистского направления «*Социалистинен айкаккусলেখти*» («*Социалистический журнал*»), издававшегося с 1905 г. В редколлегию также входили Отто Вилле Куусинен, Суло Вуолийоки и Юрьё Сирола. На выборах 1908 г. Гюллинг впервые избирается в парламент от социал-демократической партии, позже он избирался повторно на выборах 1911 и 1917 гг.

В 1911 г. Гюллинг, известный не только как знаток аграрных проблем, но и как специалист по статистике, был назначен статистиком статистической конторы города Хельсинки. Однако он не оставил политическую деятельность. В годы Первой мировой войны Гюллинг был одной из наиболее влиятельных фигур, определявших политику

социал-демократов в отношении России. Поэтому неудивительно, что в революционный 1917 г. политика вновь призвала его в свои ряды, когда Гюллинг как представитель социал-демократов несколько раз участвовал в переговорах с русскими относительно дальнейшей судьбы Финляндии. Он был избран вторым председателем СДПФ, и в этом статусе осенью 1917 г. ему пришлось делать выбор в условиях усиливавшейся радикализации политической линии партии. В ноябре 1917 г. года совместно с Отто Вилле Куусиненом он участвовал в составлении социал-демократического парламентского манифеста *«Мы требуем»*. После некоторых сомнений Гюллинг, принадлежавший к парламентскому крылу партии, в январе 1918 г. в качестве одного из партийных руководителей встает на путь революции. Правда, сомнения не оставляли его и на этой стадии.

В первые дни февраля Гюллинг становится уполномоченным по финансовым вопросам правительства восставших, так называемого Совета народных уполномоченных. Кроме того, он назначается в руководство Финляндского Банка. Гюллинг играл одну из центральных ролей при заключении договора между Советом народных уполномоченных и правительством Советской России. С ухудшением военной ситуации Гюллинг перебрался в Выборг, где был назначен начальником канцелярии штаба Куллерво Маннера, получившего диктаторские полномочия. Гюллинг, неоднократно общавшийся в В.И. Лениным, к апрелю 1918 г. утратил веру в победу революции в Финляндии. Он попытался вести переговоры о перемирии с окружившими Выборг правительственными войсками, однако безрезультатно, в силу выставленного последними требования о безоговорочной капитуляции. Таким образом, Гюллинг занялся выработкой планов относительно новой жизни для терпящих поражение восставших. Осуществить эти планы предполагалось в Восточной Карелии, переходившей к советской системе.

В отличие от большинства других членов Совета народных уполномоченных, Гюллинг не сбежал в Россию в момент окончательного разгрома, а продолжал какое-то время скрываться в Выборге, после чего бежал в Швецию. Там он возглавил шведское бюро основанной в Москве Коммунистической партии Финляндии. Занимая эту должность, он разрабатывал военные мероприятия против правительства Финляндии, так и оставшиеся нереализованными. Его конечной целью было создание Скандинавской Советской Республики, в которую входили бы также Финляндия и Восточная Карелия. Гюллинг пробыл в Швеции более года, а весной 1920 г. по приглашению Ленина он прибыл в Москву. Советское правительство отводило ему центральную роль в руководстве Карельской Трудовой Коммуной (КТК), образуемой в Восточной Карелии. Подобная административная структура первоначально задумывалась как закулисный контраргумент на мирных переговорах в Тарту: на претензии Финляндии о предоставлении

восточным карелам само-управления можно было ответить тем, что образование КТК как раз и является реализацией автономного статуса восточных карелов. В 1923 г. КТК была преобразована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (КАССР), призванную стать плацдармом для вовлечения Финляндии в социалистическую революцию.

Для осуществления этих целей Ленин предоставил Гюллингу полномочия для финнизации Восточной Карелии, несмотря на то, что финны и родственные им народы составляли там меньшинство. В интересах финнизации советской Карелии Гюллинг привлекал финских иммигрантов, главным образом из Северной Америки, но также и собственно из Финляндии, откуда многие убежденные финские коммунисты бежали в государство своей мечты. Однако судьба перебежчиков зачастую была незавидной, поскольку советские власти считали их неблагонадежными – даже тех, кто бежал в СССР по идейным соображениям. Это привело к тому, что республика Гюллинга стала одним из островков Гулага, где тысячи людей содержались в трудовых и концентрационных лагерях, а премьер-министр ничего не предпринимал для исправления сложившейся ситуации.

Занимая пост председателя Совета народных комиссаров советской Карелии, то есть премьер-министра, перед Гюллингом встала сложнейшая задача развития этой отсталой административной единицы. При нем основные руководящие посты занимали бежавшие из Финляндии бывшие красногвардейцы. Результаты их деятельности в сложившейся обстановке не были обнадеживающими. К примеру, американские финны, эмигрировавшие в советскую Карелию по идейным соображениям, зачастую считали себя жестоко обманутыми.

Ситуация в подвергшейся финнизации Восточной Карелии кардинально изменилась после того, как Сталин окончательно укрепил свои позиции в руководстве Советским государством. Он отвергал начатую Лениным национальную политику, а Гюллинг по-прежнему считал, что действует согласно некогда выданному Лениным мандату. Критика в адрес финского руководства Восточной Карелии начала раздаваться в начале 1930-х гг., когда подозрительность Сталина по отношению к национальным меньшинствам стала приобретать формы беспощадных чисток. Гюллинга как представителя высшего руководства республики также начали обвинять в «буржуазном национализме». Гюллинг пытался в подобающей делу форме самокритики оградить себя от обвинений, но безрезультатно. Отто Вилле Куусинен также отвернулся от своего старого товарища. В январе 1935 г. деятельность Гюллинга и возглавляемой им «контрреволюционной» группировки была осуждена на пленуме областного комитета партии. В октябре того же года он был смещен со своего поста. К этому времени с поста секретаря Карельского обкома партии был смещен его ближайший сподвижник Густав Ровио.

Гюллинг был переведен на исследовательскую работу, а Ровио – на преподавательскую должность в Москву. Столичный период продлился менее двух лет, поскольку в июле 1937 г. Гюллинг был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, направленной на отделение Карелии от СССР и присоединение ее к Финляндии. В конце концов, в июле 1938 г. на типичном для сталинских времен судебном процессе Гюллингу был вынесен смертный приговор. Формальной причиной вынесения смертного приговора стало неправомерное использование производственных и продовольственных ресурсов в одном из леспромхозов в 1930 г. Сведения о дате смерти этого ученого-революционера долгое время оставались противоречивыми. Утверждалось, что он умер в ссылке в 1940-е гг., однако в действительности смертный приговор был немедленно приведен в исполнение 14 июля 1938 г. Многие работавшие в Восточной Карелии финские товарищи Гюллинга, включая Ровио, разделили участь своего руководителя, поскольку они были обвинены в причастности к банде Гюллинга.

Эдвард Гюллинг как политик для историков оставался довольно загадочной фигурой. В отличие от многих своих идейных собратьев, он не выступал в непосредственной роли вождя народных масс. Под личиной политика скрывался в известной степени беспристрастный ученый. Революционные настроения увлекли его за собой настолько, что он после некоторого промедления присоединился к красному восстанию в Финляндии по убеждениям. Его представления относительно превращения Восточной Карелии в плацдарм для осуществления революции в Финляндии также были откровенно идеалистическими. Образ Гюллинга-политика в некоторой степени был искажен после выхода в 1970-е гг. в Финляндии его биографии, носившей апологетический характер, а трагическая судьба придала его фигуре ореол героя-мученика социалистической идеи.

– Микко Уола

Приложение:

Эдвард Отто Вильгельм Гюллинг, род. 30.11.1881 Куопио, умер 14.6.1938 СССР. Родители: Уно Александер Гюллинг, инженер, и Эугения Викторина Клотильда Хенриетта Хельсингиус. Жена: 1906 – Фанни Элизабет Акрен, родители жены: Карл Ансельм Аларин Акрен, врач, и Инес Элизабет Бергрут. Дети: Майя Элизабет (Рантала), род. 1907; Фанни Хелена, род. 1910; Вальтер Эдвард, род. 1912.

Яакко Илкка
(умер в 1597 г.)
предводитель
в Дубинной войне

Яакко Илкка был зажиточным крестьянином из Похъянмаа, который по неизвестной для исследователей причине стал руководителем народного восстания, так называемой Дубинной войны. После кровавого поражения в Нокиа в 1596 г. руководители восстания с Яакко Илккой во главе были пойманы и казнены. В память о Яакко Илкке написаны стихотворения, пьесы, оперы, воздвигнуты памятники.

Отец Яакко Илкки Пентти Яаконпойка в 1553–1566 гг. был владельцем земельного надела Рахнасто в деревне Кокколанкюля в Илмайоки, пока не завладел находившимся в той же деревне двором Теннеялки, принадлежавшим крестьянину Сипи Лауринпойке. Объединенные наделы получили название Илккала. Имя Илкка, по всей видимости, пришло в Похъянмаа еще во времена миграции жителей Сатакунта, происходившей в раннее средневековье. В деревне Канкаантаанкюля в Пирккала находится старый дом Илкки, уже в 16 в. имя встречается в Вяхякюрё и Лапуа. Согласно преданию, Пентти Яаконпойка Илкка по линии жены был родственником первого ленсманна Илмайоки Матти Пентинпойки Пелтониemi. Очевидно, благодаря родственным связям, Яакко Пентинпойка Илкка три года был ленсманом, прежде чем Пааво Матинпойка, очевидно, его двоюродный брат, достигнув совершеннолетия, смог занять эту должность.

Илккала было вторым по размерам, после владений Пелтониemi, хозяйством волости. В нем уже во времена Пентти Яаконпойки было более 5 га пашни, 3 лошади и 20 голов рогатого скота. По примеру Пелтониemi, Яакко Илкка увеличивал свое состояние за счет активной торговой деятельности. Он был сельским торговцем, а также перевозил к месту назначения товары, предназначавшиеся казне в качестве налогов. Так, летом 1586 г. он совершил поездку в Эстонию в качестве перевозчика грузов и, не исключено, одновременно по личным торговым делам, где оставил на складах в Таллине 110 бочек

с зерном и 38 бочек с соленой рыбой. Известно, что Илкка продавал в Стокгольм масло и деготь. Когда годом позже была проведена опись его движимого имущества, в амбарах дома были те же самые товары для продажи: масло и деготь, а также целых 44 бочки зерна. На скотном дворе было 4 лошади, 30 голов рогатого скота и 32 овцы.

Таким образом, Яакко Илкка был богатым крестьянином, равных которому в Похъянмаа было сравнительно немного. После возвращения должности ленсмана Пелтониemi он смог использовать приобретенную собственность в свою пользу другим способом. По примеру нескольких других сельских торговцев Южной Похъянмаа, Илкка закупил кавалерийское снаряжение и сам стал конником, получив за это – также как раньше за исполнение обязанностей ленсмана – освобождение от налогов. Возможно, у него в голове и мелькала мысль о достижении постоянного фрельзового освобождения, к которому, как опасались, действительно стремились ведущие рустгалтеры провинции. Осенью 1592 г. Илкка получил от писаря-смотрителя Андерса Ларсинпойки свидетельство, согласно которому он принял участие в трех военных походах, держа одну лошадь от своего хозяйства, а другую – в счет повинности по содержанию войска в мирное время (так называемый «крепостной налог»). Речь шла о российских походах Клауса Флеминга в 1591–1592 гг., когда он доходил до стен Новгорода. Помимо своего старого двора Илкка получил освобождение от налогов для второго, меньшего хозяйства, по описям числившегося запущенным, то есть не способным платить налоги; он приобрел его на свое имя у переселенца по имени Матти Саволайнен.

Как стало возможным, что зажиточный рустгалтер стал предводителем участников Дубинной войны, это вопрос, на который из-за скудности источников сложно дать исчерпывающий ответ. Народное восстание началось именно из-за недовольства произволом и злоупотреблениями, связанными с «крепостным налогом». Предполагается, что для Илкки было бы невыгодно действовать в качестве сельского торговца постоянно против своих покупателей. Но это же обстоятельство влияло и на других ратников, живших за счет местного населения и имевших полномочия по сбору налогов, однако они не изменили свою позицию даже после заключения Тывзинского мира, по-прежнему взимая «крепостной налог». Также высказывается мысль, что крутой поворот в поведении Илкки произошел из-за соперничества между родами Илкки и Пелтониemi. В этом случае стоит только удивляться, почему участники Дубинной войны не сожгли дворы братьев Туомаса и Мауну Пелтониemi, хотя подожгли или разграбили дома других ратников, которых были обязаны содержать местные крестьяне.

Есть основания полагать, что крестьяне предложили Илкке что-то выгодное, но неизвестно что именно. Возможно, на него повлияли заверения, полученные жителями Южной Похъянмаа от герцога

Карла в 1595 г., то есть именно в год заключения мира, что впредь больше не придется платить «крепостной налог», хотя доверенное лицо проживавшего в Польше короля, его наместник в Финляндии Клаус Флеминг был другого мнения. В любом случае, Илкка вступил в контакт с наиболее авторитетным представителем герцога в Похъянмаа, ленсманом Пиетарсаари Хансом Хансинпойкой Форделем. Он осведомлялся у того в конце 1595 г., не следует ли забрать у конников собранное ими у крестьян зерно. Однако попытка, предпринятая в первые дни января 1595 г., не удалась. Илкка был арестован и посажен в крепость Турку. После побега, осуществленного при помощи свитой из одежды веревки, у него уже не было свободы выбора.

Восставшим крестьянам был нужен военный предводитель. Была выработана единая стратегия: двигаться из разных провинций против войск Флеминга в направлении Турку. Жители Похъянмаа должны были повести за собой жителей Хяме и Саво. Известно, что возглавить участников Дубинной войны предлагалось профессиональным военным, например прапорщику Пекке Пиетаринпойке, проживавшему в Сулве. После того, как он и некоторые другие отказались, эта роль досталась Илкке. Он был единственным из народных руководителей Южной Похъянмаа, который имел хоть какой-то военный опыт. Он также получил необычайно широкие полномочия, например, право освобождать от походов непригодных. Согласно решению крестьян, все пригодные к службе мужчины должны были отправиться в поход. Конечно, там поневоле оказались и оппозиционные элементы, вследствие чего возникли разногласия. Первый серьезный инцидент произошел уже 19 декабря во время марша на Яласярви. Часть хотела изгнать ратников, находящихся на содержании местных крестьян, только из своих провинций и не выходить за ее пределы. Очевидным руководителем недовольных был рустгалтер Мауну Матинпойка Пелтониemi, чей дом, вероятно, не был сожжен из-за того, что он пришел вместе с другими. По всей видимости, он раскаялся, но слово было за руководителями похода. Мауну Матинпойка был приговорен к смерти полевым судом и, согласно жестокому обычаю того времени, был опущен в прорубь под лед. Яакко Илкка и Юрьё Контсас подписали только двум искалеченным крестьянам свидетельства об освобождении от похода.

Вряд ли оппозиционные настроения в Яласярви полностью исчезли, они скрывались в душе многих. Дойдя к рождеству до Нокиа, участники Дубинной войны еще могли противостоять небольшим частям армии, но когда Клаус Флеминг в последний день года подоспел туда со своими главными подразделениями, ситуация сразу же переменялась. Маршал хотел избежать кровопролития и предложил крестьянам мир на условии, что они на следующий день выдадут Илкку и других предводителей. Когда рядовым было обещано свободное возвращение домой, поддержка предводителей Дубинной войны начала таять на глазах. Илкка заметил это и вместе со своими помощниками тайно

пустился в бегство. Это, в свою очередь, повлияло на развал всего состава участников Дубинной войны, и поскольку данное Флемингу обещание о выдаче выполнить было нельзя, началось бесконтрольное бегство. Кавалерия, посланная маршалом в погоню, забила до смерти многие сотни крестьян.

После кровавой бойни в Нокиа фохту Абрахаму Мелкиоринпойке, посланному королем Сигизмундом в Похьянмаа, было довольно легко поймать Яакко Илкку, Юрьё Контсаса, Пентти Пири и некоторых других предводителей крестьян. Позднее сам фохт рассказывал, что часть крестьян помогала ему в выполнении этого задания. Вопреки запоздавшему запрету Флеминга, Абрахам Мелкиоринпойка казнил их в конце января 1597 г. возле старой каменной церкви Исокюрё в Контсаансаари на Кюрёниоки. Фохт не решился доставить Яакко Илкку к Флемингу в Пирккала, опасаясь, что крестьяне освободят его по дороге. Четвертованное тело Илкки доставили в Илмайоки, где крестьяне сняли его и устроили скромные похороны.

Первый этап Дубинной войны по имени своего предводителя называется Войной Илкки.

– АРМАС ЛУУККО

Приложение:

Яакко Пентинпойка Илкка, род. припл. в 1550-е гг., умер – конец января 1597 Исокюрё. Родители: Пентти Яаконпойка, судебный заседатель, крестьянин-земледелец, умер ок. 1585. Дети: Йоосеф Яаконпойка, род. ок. 1580, умер 1668, бургомистр.

Каарина Маунунтютар
(Карин Монсдоттер)
(1550–1612)

королева Швеции

Каарина Маунунтютар воспринимается по обе стороны Ботнического залива как одна из интереснейших фигур шведской истории. Восхождение на престол Каарины, имевшей низкое происхождение, стало одной из многих причин, приведших к лишению Эрика XIV и его наследников прав на престол. Потеряв корону, молодая королева была отправлена в Финляндию в усадьбу Лиуксиала поблизости от Кангасала, где она и провела остаток жизни. Каарина похоронена в кафедральном соборе Турку.

Каарина Маунунтютар воспринимается по обе стороны Ботнического залива как одна из интереснейших фигур истории Швеции. Она – Золушка в истории коронованных особ, единственный выходец из финского народа, на голову которого была возложена королевская корона. И хотя она стала женой короля Эрика XIV и обрела официальный статус подле своего супруга, чета не смогла прожить счастливо остаток своей жизни. Каарина Маунунтютар пробыла королевой Швеции лишь 87 суток – совсем небольшой отрезок времени из ее жизненного пути длиной в 62 года.

Интерес, проявлявшийся к королеве из крестьян со стороны шведов и финнов, различен. С точки зрения первых, наиболее интересным является ее происхождение, то, что она стала сначала возлюбленной короля, а затем была коронована, а также то, какую роль она сыграла в судьбе Эрика XIV. В соответствии с общим мнением, Каарина благотворно влияла на неуравновешенный характер супруга. Финны же ценили и любили ее как свою королеву, несколько десятилетий прожившую в Лиуксиала и похороненную в алтаре Тоттов кафедрального собора Турку. Еще в 1850 г. была написана биография Каарины, Ц. Топелиус своей книгой «*Отчизна*» сделал ее известной, а Мика Валтари в 1942 г. написал о ней получивший широкую известность художественный роман, основанный на фундаментальных архивных изысканиях.

В происхождении Каарины Маунунтютяр есть целый ряд неясностей. Увлекавшийся астрологией Эрик XIV утверждал, что она родилась в Стокгольме 6 ноября 1550 г. Ее отцом был простой воин Монс, происхождение которого неизвестно, а мать Ингрид, которая приехала в столицу из провинции Уппланд, происходила из крестьянского сословия. Это известно из описаний свадьбы и коронации, на которых присутствовали ее дядя по линии матери. Каарина рано лишилась родителей, не сохранилось также и упоминаний о ее сестрах или братьях.

Король Эрик XIV и Каарина Маунунтютяр, предположительно, познакомились в январе 1565 г. Как сообщается в хронике Юхана Мессениуса, молодой король обратил внимание на девушку, торговавшую на рынке орехами, и пригласил ее в свиту своей сестры Элизабет. Впоследствии историки высказывали версии о том, что Каарина была певицей и прислуживала у трактирщика Герта Кантора. Писатель Мика Валтари не увидел никакого противоречия между торговлей орехами и жизнью в доме трактирщика. Возможно, что орехами торговала мать Каарины.

Что заставило Эрика XIV обратить внимание на девушку младше его на 17 лет? На этот вопрос нет окончательного ответа. По описаниям современников, Каарина была красива и обладала целеустремленным и сильным характером. Король увлекался красавицами, у него были многочисленные любовницы. Эрик XIV унаследовал шведскую корону, будучи старшим сыном Густава Вазы, а по линии матери Катарины Саксен-Лауенбург принадлежал к наиболее могущественным европейским семьям принцев крови. Король был одаренной личностью в духе эпохи Ренессанса, получил отличное образование, говорил на четырех языках. Он сочинял музыку, играл на лютне, рисовал и интересовался науками. Он увлекался математикой и астрономией, преуспел он также и в военной стратегии. Король Эрик расширил и украсил Стокгольмский замок, заведя там птичник с павлинами и прочими чудесами.

Однако характер Эрика XIV имел и теневые стороны, сочетая дружелюбие и непредсказуемость, игривость и неуравновешенность. Его детство не было светлым из-за тяжелого характера матери Маргареты Лейонсхувуд. Свою меланхолию король лечил разнообразными лекарствами и даже опиумом. Его многочисленные попытки заключить выгодный брак с какой-нибудь иностранной принцессой терпели неудачу, а посылаемые им сваты всякий раз возвращались в Швецию с пустыми руками. Пока послы ездили по Европе, король заводил наложниц и имел внебрачных детей.

У Эрика XIV были четкие политические цели. Его отец оставил младшим сыновьям герцогства, тем самым, разделив власть, однако, Эрик намеревался подчинить себе как братьев, так и высшую знать. Его правой рукой был Ёран Перссон, чье небогатое происхождение и

нахальные манеры вызвали ненависть в высших кругах государства. Внешняя политика Эрика XIV была агрессивной, он начал завоевательные войны в Прибалтике, а в 1563 г. оказался вовлеченным в войну с Данией. Северная Семилетняя война с ее опустошительными походами легла тяжелым бременем на крестьянство, одновременно с этим накалив отношения между королем и дворянством, поскольку Эрик XIV требовал от фрельзового дворянства исполнения воинской повинности.

Оказавшись летом 1565 г. при дворе, молодая Каарина Маунунтютяр быстро превратилась из солдатской дочери в придворную даму, поскольку у нее была возможность научиться писать и читать, что было довольно редким явлением для девочек в 16 в. Король одаривал свою любовницу дорогими тканями, у нее появились два личных слуг. Ей ежедневно приносили кувшин вина; очевидно, что Каарина принимала гостей, поскольку трудно представить, что она одна выпивала четыре литра. Ее первая дочка, получившая при крещении имя Сигрид, родилась в середине октября 1566 г. в замке Свартшё. Король с гордостью сделал об этом запись в своем дневнике и устроил пышные крестины. Король, твердо веривший в астрологию, заказал гороскоп и для Каарины, и в нем предсказывалось большое количество врагов, тяжелая судьба детям и забота о близких. Все это сбылось.

В мае 1567 г. противостояние между королем и верхушкой аристократии накалилось до предела. Король приказал арестовать Сванте Стенссона Стуре и Стена Эрикссона Лейонхувуда с целью, как ему это представлялось, положить конец интригам знати. Он также созвал риксдаг в Упсале и поехал туда вместе с Каариной. Опасаясь за свою судьбу, большая часть дворян на риксдаг не явилась. Взвинченный король потерял нить своей речи и прервал собрание. Ситуацию усугубило то, что вернувшийся из поездки с целью сватовства Нильс Стуре в очередной раз привез отказ. Из своих гороскопов Эрик XIV знал, что его будет преследовать мужчина с золотыми волосами, поэтому он решил убить всех Стуре. Их семья взывала как к королю, так и к Каарине, но все было напрасно. 24 мая 1567 г. король и его помощники убили всех узников. После содеянного король исчез и был найден лишь через три дня в состоянии умственного помешательства: он считал себя крестьянином и утверждал, что власть захватил герцог Юхан. Лишь Каарине удалось успокоить короля.

Убийства потрясли Швецию, несмотря на то, что пришедший в себя король попросил прощения у рода Стуре. Вскоре всеобщее внимание было обращено на войну, но затем разнеслась неожиданная весть о том, что архиепископ Лаврентий Петри обвенчал короля и Каарину Маунунтютяр. Молодая пара вместе отправилась на войну, и 28 февраля 1568 г. у них родился сын, крещеный Густавом, в честь деда Густава Вазы. Поскольку Эрик XIV и Каарина находились в законном браке, их сын являлся законным наследником шведской короны. Это стало еще

более очевидным 4 июля 1568 г., когда в Стокгольмском кафедральном соборе состоялось официальное венчание. Король нес сына на руках, а Сигрид шла позади родителей. Братья короля не присутствовали, но зато были трое дядьев Каарины, костюмы для которых были пошиты на королевские деньги.

На следующий день в том же соборе Каарина была коронована королевой Швеции. Празднество было пышным: Эрик позволил использовать собственные символы власти, а к балдахину трона были прикреплены части гербов Дании и Норвегии. Датский король, узнав об этом оскорблении, немедленно возобновил войну. В честь молодой 17-летней королевы были построены две триумфальные арки, а после свадьбы она получила свой собственный герб и печать с именем Монешельд. Вероятно, данное имя связано либо с лунной темой (måns по-шведски «луна») гороскопа, либо с именем отца. Королева тут же поспешила сделать дорогие подарки своим бедным родственникам. Одновременно с этим вернувшийся к власти секретарь короля Ёран Перссон получил дворянский титул и фамилию Тегель.

Поскольку братья короля не прибыли на свадьбу и на коронование Каарины, король заключил их под домашний арест в Эскильстуне. Это стало последней каплей, из-за которой начался дворянский бунт. Он начался в Вадстена, где собравшаяся аристократия провозгласила Юхана регентом. Растущие по мере приближения к Стокгольму войска восставших подошли к столице в сентябре 1568 г. Эрику XIV пришлось сдать, и его с семьей заключили в помещении казначейской палаты Стокгольмского замка. Несмотря на то, что условия содержания были вполне королевскими, король, окончательно лишенный власти на риксдаге 24 января 1569 г., совершенно утратил душевное равновесие, срываясь, в частности, на Каарине. Вдовствующая королева Катарина Стенбок взяла детей на свое попечение, отпуская их к родителям лишь на короткое время. Трудности преследовали семью, однако в январе 1570 г. у них родился третий мальчик, Хенрик.

Планы Эрика XIV о побеге, а также прибавление в его семье пугали короля Юхана III, и он решил отправить своего пленника в Финляндию. Свита Эрика, насчитывавшая порядка двадцати человек, прибыла в Турку 15 июля 1570 г. Им было выделены помещения на территории крепости, изолированные от остальных ее частей. Однако условия содержания нельзя считать тяжелыми. У семьи были собственные повара, парикмахер и охотник, так что, несмотря на монотонность, супруги провели в Турку самое счастливое время своей совместной жизни. Однако затем условия изменились, поскольку до Стокгольма докатились слухи о намерениях русского царя освободить бывшего короля. Согласно народному преданию, Эрик был заключен в башню, а Каарина с детьми жила на противоположном берегу реки на торпе Туупиккала.

В августе 1571 г. бывшая королевская чета, за исключением сына Хенрика, была отправлена в Кастельхольм. Младенец умер в 1572 г.

и был похоронен в соборе под пушечные выстрелы королевского салюта. Из Кастельхольма семья была перевезена через Стокгольм в Грипсхольм, где прожила полтора года. Крепость входила в лен герцога Карла. Здесь Каарина родила своего последнего ребенка, мальчика по имени Арнольд, умершего в детстве. Это место заточения не стало постоянным: на изменение условий содержания семьи повлияло как обострение отношений между королем Юханом III и герцогом Карлом, так и плодовитость Каарины. Юхан III не чувствовал себя в безопасности, пока росла семья его старшего брата, да и сам он был жив. В июне 1573 г. супруги были разлучены. Бывший король стал узником тюрьмы в Вестеросе, а Каарину и оставшихся в живых детей отвезли в Турку. Эрик XIV ничего не знал о своей семье. Тоскуя по жене, он рисовал ее портреты и писал ей письма. Можно заметить, что на этих рисунках образ Каарины становится все более эротичным, и всегда с короной на голове. Мучения Эрика закончились в феврале 1577 г. в Эрбюхусе. Вскрытие, произведенное в 20 в., показало, что причиной смерти стало отравление мышьяком.

О жизни Каарины в Турку в 1573–1577 гг. известно немного. Документы скупы на сообщения о ней. Сын Густав был забран у матери и отправлен в 1575 г. в Польшу, поскольку Юхан III, опасавшийся заговора, хотел раз и навсегда избавиться от своего племянника. Писатель Мика Валтари дает волю своей фантазии, несколько раз «отправляя» бывшую королеву в Стокгольм под видом жены рыбака, чтобы попытаться разузнать о судьбе мужа. В конце концов, по версии Валтари, она видит выставленное на всеобщее обозрение тело Эрика.

Бывшей королеве Швеции было всего 26 лет, когда она, лишившись мужа и троих детей, была освобождена вместе с дочерью Сигрид. Юхан III обеспечил ее средствами к существованию, пожаловав 20 марта 1577 г. «дорогой госпоже Каарине Маунунтютяр, вдове нашего покойного брата Эрика» поместье Лиуксиала в провинции Юли-Сатакунта с приписанными к нему 26 податными хозяйствами. Король хорошо знал эти места на берегу озера Ройне. В 1556 г., еще будучи герцогом Финляндии, он как минимум бывал в имении Вяксю, которое позднее подарил своей любовнице Каарине Ханнунтютяр (Карин Хансдоттер). Одновременно король обязал финляндского наместника Клауса Окенссона Тотта и фохта Туркуского замка проследить за тем, чтобы Каарина получила имение и была там хорошо обустроена. Через десять дней Юхан даровал дворянский титул и фамилию Юлленъельм детям своей бывшей любовницы Каарины Ханнунтютяр.

Первого июня 1577 г. Каарина и ее дочь в сопровождении двух десятков человек, трех священников, четырех пажей и четырех вооруженных охранников отправились из Турку в Лиуксиала. По сравнению со свадебными подарками или пенсионными пожалованиями, которые получали бывшие королевы Швеции, поместье было крайне неприятным. Однако, памятуя о происхождении Каарины, стоит

сказать, что хозяйство с 31 дойной коровой, таким же количеством волов, 3 быками, 90 овцами, 49 свиньями, 12 телятами и 60 курицами означало существенный рост уровня жизни. В усадьбе было 28 комнат. Через четыре года поместье отошло в ее пожизненное владение.

Каарина прожила в Лиуксиала 33 года. Она настолько хорошо вела хозяйство, что поместье стало одним из самых преуспевающих в Финляндии. Известно, что в 1582 г. она вместе с дочерью Сигрид посещала Швецию. Вначале в Стокгольме она встретилась с Юханом III, Катариной Ягеллоникой и Сигизмундом, а через два дня в Свартшё повидалась с двумя королевами – Катариной Стенбок и Катариной Ягеллоникой. Благодаря этой поездке Сигрид получила возможность поехать на два года в Польшу в составе свиты Анны, дочери Юхана III, вместе с двоюродным братом Сигизмундом. Юхан III обещал Сигрид приданое в 6000 талеров. После того, как Сигизмунд получил польскую корону, Юхан III даровал поместье Лиуксиала Сигрид и ее потомкам. Потомки появятся, правда, несколько позднее; за свою жизнь Сигрид дважды выходила замуж.

Свое второе известное путешествие Каарина совершила в 1596 г. в Таллин, где она повидалась со своим единственным оставшимся в живых сыном Густавом. Сигрид встретилась с братом в Польше на коронации Сигизмунда. Воспитанный орденом иезуитов, учившийся в Италии и живший в Праге Густав забыл родной язык, но все же хотел приехать в Швецию. Однако дядя не позволили Густаву вернуться. Каарина узнала сына, отобранного у нее 21 год назад, по родимым пятнам. Она хотела, чтобы он приехал к ней в Лиуксиала, но и это было невозможно. Мать и сын более никогда не встречались. Густав получил от матери тюремные дневники отца, которые позже были возвращены в Швецию.

Вскоре после возвращения из Таллина Каарина оказалась в самом эпицентре «Дубинной войны». Восставшие не тронули ее поместье, в отличие от многих других дворянских владений. Они уничтожали лишь построенные дворянами усадьбы, но не трогали собственность короны. Быть может, они уважали бывшую королеву. Не исключено, определенное влияние оказало и то, что Каарина была на их стороне. Во всяком случае, она могла хранить обиду на Клауса Флеминга, забравшего у нее рыбные угодья в 1589 г.

Дочь Сигрид стала для Каарины, как при жизни, так и после смерти, своеобразной компенсацией за испытанные унижения. В 1597 г. Сигрид вышла замуж за Хенрика Клауссона Тотта, однако ей пришлось бежать в Ригу после того, как герцог Карл захватил Финляндию. Уже в 1602 г. Сигрид овдовела и вернулась с детьми в Финляндию. В 1598 г. у нее родился сын Оке Тотт, ставший при Густаве II Адольфе известным военачальником, получившим прозвище «Снежный плуг». Известность Каарины начала расти в Швеции в 1630-е гг., причиной чему является гибель ее внука Эрика и Густава II Адольфа, произошедшая во время боя в день ее рождения 6 ноября.

Сигрид Монешельд вступила в повторный брак в 1609 г. с богатым представителем высшего слоя аристократии Нильсом Нильссоном Натт ок Даг. Свадьба праздновалась в Стокгольмском замке, но Каарина отсутствовала, поскольку подобное путешествие было уже ей не по силам. Ее жизненный путь закончился 13 августа 1612 г. в Лиуксиала, а 21 марта 1613 г. Каарина была захоронена в кафедральном соборе Турку. На похоронах были зачитаны скорбное стихотворение «*Эпигедион*», написанное неким Йоханнесом Петри Паргинсуланусом, а также «*Графтскифт*» (эпитафия).

Могилы Эрика XIV и Каарины находятся в разных странах, на расстоянии сотен километров. Эрик XIV в 16 в. был скромно захоронен под полом церкви в Вестеросе, однако Густав III изготовил для него великолепный саркофаг, украсив могилу регалиями с могилы Юхана III. Могилу Каарины начали преобразовывать в 1860-е гг. Ее гроб был поднят из-под пола часовни Тоттов; гроб было еще можно распознать. Специальный комитет при помощи газетной статьи Ц. Топелиуса собрал более 10.000 марок, на эти деньги был заказан саркофаг из черного мрамора. 27 августа 1867 г. бранные останки Каарины были изъяты из гроба и подвергнуты изучению. Было установлено, что она была хорошо сложена, по крайней мере, что касается ее ног. Остальные же части тела сильно пострадали от времени. Тело было помещено в специальную часовню, за исключением одного зуба, который отделился от останков и впоследствии стал популярной музейной реликвией. В 1870 г. саркофаг архитектора Теодора Деккера был украшен витражами, на которых художник Владимир Сверчков изобразил бывшую королеву, прибывающую в Финляндию в сопровождении двух пажей. Один принимает у нее корону, другой ведет ее на новую родину. Самый маленький из пажей несет на руках башню для пленников.

Не сохранилось ни одного прижизненного портрета Каарины Маунунтютяр. В 17 в. из песчаника был сделан бюст, который, по видимому, являлся частью уничтоженного могильного памятника. Однако существуют ее исторические портреты. Наиболее известным в Финляндии является портрет Эрика XIV и Каарины, написанный в 1864 г. Э.Й. Лёфгреном. Картина имела большой успех на Парижском салоне, и автор рассылал ее фотографии своим друзьям. Фредрика Рунеберг не считала эту картину шедевром, хотя и пожелала успеха ее автору. Быть может, у нее было свое представление о королеве: Фредрика углубленно интересовалась историей Финляндии 16 в., а заключение Эрика XIV затрагивается ею в романе «*Сигрид Лильехольм*».

Приложение:

Карин Монсдоттер, Каарина Маунунтютя, королева Швеции 1568–1569, род. 6.11.1550 Стокгольм, умерла 13.9.1612 усадьба Лиуксиала, Кангасала. Родители: Монс, ратник, и Ингрид. Муж: 1568–1577 Эрик XIV, король Швеции, род. 1533, умер 1577; родители мужа: Густав Ваза, король Швеции, и Катарина, дочь герцога Саксен-Лауэнбург-Ратцебургского. Дети: Сигрид, род. 1566, умерла 1633, первый муж Хенрик Клауссон Тотт, второй муж Нильс Нильссон Натт ок Даг; Густав, род. 1568, умер 1607; Хенрик, род. 1570, умер 1572; Арнольд, род. и умер 1572.

Эйно Калима (1882–1972)

*руководитель театра,
режиссер*

Эйно Калима на протяжении долгого времени являлся руководителем Национального театра Финляндии, при нем театр превратился в главную сценическую площадку страны. Калима увлекался французским и русским модернизмом, как режиссер особую известность приобрел благодаря своим трактовкам произведений Чехова.

Эйно Калима руководил Национальным театром Финляндии более трех десятилетий, с осени 1917 по лето 1950 гг. Впоследствии его преемник Арви Кивимаа напишет, что «он руководил Национальным театром и делал это не громко и не смело, но интеллигентно и заботливо».

Калима родился в местечке Сяяминки в семье управляющего именем и депутата сейма, провел школьные годы в Савонлинне. Когда отец получил назначение в столицу, семья переехала вслед за ним в Хельсинки. Эйно продолжил учебу в Финском Реальном лицее и закончил его в 1900 г. В университете он занялся русским языком и русской литературой, а также эстетикой и современной литературой. Через два года примеру старшего брата последовал и Яло Калима. Учеба открывала возможность стать руководителем театра, хотя это решение далось непросто. Изучение литературы открывало возможность для знакомства с драматургией, а знание русского языка и русской культуры позволило овладеть новой реалистической театральной школой, центром развития которой был Московский Художественный театр под руководством Станиславского. Вообще же, наличие академического образования у директора Национального театра значило многое.

Изначально поддерживая идеи младофиннов, Калима в студенческие годы через своего учителя Й.Й. Микколу оказался в кружке старофиннов Майлы Талвио, жены Микколы (общество В.А. Коскенниemi). Одновременно Калима оказался в центре бурных

дебатов деятелей культуры, предметом разногласий в которых зачастую выступал Национальный театр, переживавший период смены поколений. Осторожный и компромиссный характер Калима плохо подходил для участия в жестоких баталиях, поэтому он, подобно своему другу Кюёсти Вилкуна, уже на рубеже 1910-х гг. вышел из-под влияния Талвио. Одной из причин этого отдаления стали представления В.А. Коскенниemi о славянской литературе, столь близкой Калима. Но все же дружба сохранилась, доставляя проблемы в критических ситуациях. Диссертация, над которой он постоянно работал, так никогда и не была закончена.

Подобно многим другим руководителям театров Калима подходил к театральному искусству через критику. Свои первые рецензии он опубликовал в издававшейся в Оулу газете «*Kaiku*», главным редактором которой был его отец. Впоследствии Калима был литературным, а затем и театральным критиком в журнале «*Aika*». Представления Калима о театре были довольно идеалистическими. Он делал акцент на правдивости и естественности и критически относился к сменявшим друг друга руководителям Национального театра. Калима также называл художественные принципы театра устаревшими, скептически относился к соединению искусства и политики, критиковал излишнюю легкость репертуара, а также то, что внешней стороне постановок уделялось значительно больше внимания, чем внутреннему содержанию. Надо сказать, что в начале режиссерской карьеры критика Калима обратилась против него самого. Чтобы оправдать ожидания публики и сделать театр рентабельным, ему пришлось поступиться собственными представлениями о художественности и включить в репертуар кассовые пьесы. Статью Калима «*Размышления о сценическом искусстве*», опубликованную в 1915 г. в журнале «*Aika*», можно расценивать как его художественную программу. В ней упор делался на внутреннюю достоверность, значение для художника жизни и природы, гуманизм. Все это отчетливо указывало на великого русского театрального деятеля Станиславского, ставшего для Калима образцом.

Калима интересовался театром еще в школьные годы, однако толчком послужило знакомство со сценическими интерпретациями Иды Аалберг и с ней лично, а также спектакли Московского Художественного театра, на которых он побывал в годы своей учебы в России. Калима учился в Москве в 1904–1907 гг. и в Петербурге в 1907–1908 гг. В 1910-е гг. он планировал обучение режиссерскому мастерству в студии Станиславского в Москве, но революция и гражданская война помешали осуществлению этих замыслов. Еще в 1904 г. Калима перевел на финский пьесу Островского «*Лес*», однако тогдашний руководитель Национального театра Каарло Бергбум отнесся к ней критично; в его позиции прослеживался известный общий настрой по отношению к России. Позже Калима переводил

повести, пьесы и романы, он влюбился в дух русского искусства и даже встречался с Львом Толстым в Ясной Поляне. Он и сам писал пьесы и новеллы. Произведение Калима «Хилма» было поставлено в Национальном театре. Именно тогда участие в репетициях позволило будущему режиссеру погрузиться в театральную повседневность. И хотя Калима проявил себя во многих областях, сценическое искусство всегда было на первом месте.

В середине 1910-х гг. Калима был избран в правление Национального театра, как он сам считал, чтобы загасить критичность его газетных рецензий. В 1914 г. Калима стал заместителем главного режиссера, отвечающим за драматургию и постановку, наряду с главным режиссером Ялмари Лахденсуо и вторым заместителем Матильдой фон Тройль. В последующие годы у театра было несколько очень удачных постановок, но руководство театра так и не смогло сработаться, что привело к возобновлению околотеатральной шумихи весной 1917 г. Рассматривались разные варианты и раздавались самые неожиданные предложения, например, кандидатура писателя Волтера Килпи в качестве руководителя, или отправка трех режиссеров на стажировку в театр Станиславского на средства и по выбору барона Александра фон Икскуль-Гюлленбанда. Однако новым руководителем был избран Эйно Калима, уже зарекомендовавший себя как режиссер. На этом посту он оставался до самой пенсии. Имя Калима, кстати, мало упоминалось в ходе предварительных обсуждений, некоторые из проголосовавших, возможно, относились к его назначению как к эксперименту. Тем не менее, Калима смог быстро укрепить свое положение. Доверие к нему проверялось на выборах, проводившихся сначала каждый год, потом раз в три года.

Первое время Национальный театр приходил в себя от последствий долгой эпохи Каарло Бергбума, от манерности труппы возникла необходимость художественного обновления. В течение десяти лет после этого режиссеры менялись один за другим, но так и не смогли создать приемлемой для всех линии. Интимный режиссерский стиль Калима и его выбор репертуара нашли отклик среди молодых актеров, а затем к ним стали присоединяться и остальные. У театра появились постоянные художники-декораторы, повысились требования к единству сценографии со ставящимся спектаклем. Эпоха обычных кулис оставалась позади. Вместо звезд подчеркивалась значимость ансамбля. Калима не приветствовал радикальных новых направлений, например, к крайним проявлениям экспрессионизма он относился с осторожностью. Однако его представления о театре были вполне модернистскими, переключаясь, с одной стороны, со школой Станиславского, с другой стороны, со стилем нового поколения французских постановщиков, наиболее значимой фигурой среди которых был Жак Копо. Немецкий режиссер Макс Рейнгардт, объект особого интереса финнов, привлекал Калима лишь отчасти.

Московский Художественный театр, режиссер Станиславский и творчество Чехова стали для молодого Калима образцом и источником вдохновения. Во время учебы в Москве среди постановок Станиславского он видел чеховскую пьесу *«Дядя Ваня»*, которую сам поставил в 1914 г. В 1916 г. Калима поставил чеховский *«Вишневый сад»*. В постановках присутствовало явное влияние школы Станиславского, однако, тогдашняя критика не всегда обращала на это внимание. В частности, декорации для спектакля *«Дядя Ваня»* были скопированы с московской версии. Публика не допускалась в зал во время спектакля. Обращалось особое внимание на ритм спектакля, от актеров требовалась ансамблевая игра. Ко времени постановки *«Вишневого сада»* Станиславский был уже более известен, соответственно его имя стало упоминаться значительно чаще. Критика заговорила о новых формах и иностранных образцах. Работа Калима над деталями оценивалась положительно. На восприятии сказывалась также политическая атмосфера. Русское влияние воспринималось как чужеродное; одновременно стало уделяться внимание аутентичности художественного изображения. Для самого Калима «внутренняя правда» была более важна, чем точная передача славянского духа.

Успех к Калима приходил постепенно и закрепился лишь в период, когда он стал главным режиссером. Предпосылки, определявшие режиссерскую деятельность Калима в начале этого периода, изменились с обретением независимости и появлением восточной границы. Возросла роль национальных учреждений культуры, одновременно усилились ожидания и контроль над искусством, представляемым этими учреждениями. Поскольку после революции отношение ко всему русскому стало в Финляндии еще более негативным, Калима забыл на три года русские драмы и переориентировался на Францию, а в репертуарном отношении также и на Польшу. Влияние Станиславского никуда не делось, хотя об этом в первые десятилетия независимости не говорилось открыто. С другой стороны, в то время вполне заметным было влияние русской эмиграции.

Многие работы Калима носят интимный и камерный характер, но он умело использовал также и все возможности театра, например, вращающуюся сцену и массовые сцены, о чем свидетельствует его постановка грандиозной антивоенной пьесы *«Чудо Вердена»* Клумберга. Калима ставил и экспрессионистские произведения, например, *«РУР»* Чапека, хотя и делал акцент на образах в большей степени, чем на идее. Интерпретация ибсеновской *«Дикой утки»* особенно хорошо отражала творческую природу Калима: когда режиссер увлекся символикой пьесы, от реалистической трагедии осталось лишь немного. Драматургия Шекспира и другие пышные, многоуровневые драмы плохо подходили Калима-режиссеру, за них брались опытный Пекка Алпо, а затем Вилхо Илмари.

Условием успешности постановки служили четко выстроенные драматургические тексты. Однако Калима недоставало драматургических наклонностей и заинтересованности, необходимых для продвижения финской драмы. Отсюда становится понятным, почему Калима критиковали за его отношение к отечественной драме. С позиции сегодняшнего дня критика со стороны драматургов выглядит вполне обоснованной, особенно в сравнении с подвижнической деятельностью Каарло Бергбума, или с интересом, проявляемым в дальнейшем к работам новых отечественных драматургов со стороны режиссера Арви Кивимаа. Калима недоставало организаторских навыков, необходимых, в частности, для профессиональной подготовки актеров. Его режиссерский стиль, диалогичный и пробуждавший чувства, привел к появлению целого ряда блестящих сценических интерпретаций. Однако молодые и неопытные актеры зачастую оставались без должной и целенаправленной поддержки.

За долгий период руководства Калима столкнулся со многими проблемами, хотя его позиция как руководителя всерьез ничего не угрожало. В принятии решений обычно главную роль играло правление, что свидетельствует об осторожности Калима и его нежелании вступать в открытую конфронтацию. Он не умел отказывать, что порождало излишние ожидания и последующие разочарования. Наиболее серьезные конфликты пришлось на начало его деятельности в качестве руководителя Национального театра. Калима почти полностью устранился от шумихи вокруг пьесы Марии Йотуни «*Супруга подкаблучника*», не ограничившейся газетными страницами – обсуждение проводилось даже на уровне парламента. В середине 1930-х гг., когда Союз драматургов подверг театр критике за его отношение к отечественным пьесам, для помощи и контроля над деятельностью руководителя правление приняло решение о прикреплении к нему заведующего литературной частью, а позднее исполнительного директора. Полемика вокруг государственного статуса театра, шедшая после войны, также велась на уровне правления. Успех Калима как руководителя основывался не столько на его активной организаторской работе, сколько на добровольных уступках со стороны его подчиненных. В общественной жизни он выступал как один из ведущих деятелей культуры.

После войны в театре появился новый репертуар. В то время, когда Кивимаа ставил на сцене Народного театра Хельсинки англосаксонскую и скандинавскую драму, Калима склонялся в сторону французов, ставя произведения таких авторов как Жан Ануй, Поль Сартр, Федерико Гарсиа Лорка и Франц Верфель. Оставаясь верным себе, Калима в своих постановках избегал политических акцентов, но подчеркивал проблемы индивидуума, хотя анализ недалекого прошлого зачастую доминировал в трактовке текстов. Объектом особого внимания после войны стало давнее пристрастие Калима – пьесы Чехова. В новой политической ситуации русская драма стала безопасным

выбором. Можно сказать, что эти постановки демонстрировали вклад Национального театра в прекращение противостояния, хотя они и несли на себе печать дореволюционного периода.

Значение Калима как постановщика чеховских пьес было велико: в Финляндии к 1962 г. он один поставил чеховских пьес больше, чем все остальные вместе взятые. В это число не входят его работы в Норвегии и Швеции. Трактовки Национального театра вызывали широкий отклик, труппа не раз выезжала за рубеж. Калима ставил «Три сестры», «Чайку», «Вишневый сад», «Дядю Ваню» дважды с промежутком в десять лет; актеры с годами переходили из роли в роль. К примеру, Пиа Хаттара, Рауха Рентола и Эва-Каарина Воланен из второго состава «Трех сестер» сыграли как роли сестер, так и многие другие роли в чеховских пьесах. После паузы в несколько десятилетий основы трактовки по-прежнему оставались убедительными, но при этом усилился лирический подтекст. Калима по-своему трактовал мысли Станиславского, стилистическая легкость постановок была связана с влиянием французского театра. Кроме того, Калима не отказался от толстовского видения человека. О его работах говорили как о музыкальных и интеллектуальных, а предоставленная актерам творческая свобода была особенно заметна в легкости ритма.

Калима не обзавелся семьей, но поддерживал теплые и близкие отношения с родителями и сестрой. Его большой любовью был театр, но при этом оставался работой. Калима ответственно исполнял присущие руководителю Национального театра представительские обязанности и поддерживал международные контакты, но делал это без энтузиазма.

Карьера Эйно Калима на посту руководителя Национального театра была долгой. Выбор, павший на него, был поначалу неожиданным: специалист в области славянской культуры был избран в руководство национального учреждения культуры в годы так называемого «второго периода угнетения». Это стало возможным благодаря присущим его характеру осторожности и обходительности. Он был подчеркнуто аполитичным, хотя и принимал в расчет политические реалии. Это проявилось в сокращении русского репертуара в первые десятилетия независимости и обращении к французскому театру и польской драматургии. Фундамент творчества Калима закладывался ранними спектаклями Московского Художественного театра, а в дальнейшем освоением метода Станиславского, который, однако, был адаптирован и приобрел поэтические и лирические черты.

– Пиркко Коски

Приложение:

Эйно Ландгрэн, с 1906 Калима, род. 19.4.1882 Сяминки, умер 14.2.1972 Хельсинки. Родители: Хууго Калима и Матильда Оман.

Кюёсти Каллио

(1873–1940)

Президент Республики

Кюёсти Каллио был политиком, видевшим свою главную задачу в укреплении независимости при помощи объединения общества посредством экономического и социального равенства. Значение деятельности Каллио было особенно заметно в периоды мирного развития, когда в наибольшей степени проявлялись его настойчивость и способность идти на компромисс. Будучи президентом во время Зимней войны, Каллио много сделал для поддержания духа нации. От решения политических вопросов он часто оставался в стороне из-за расшатанного здоровья.

Избрание Кюёсти Каллио в 1937 г. четвертым Президентом Республики голосами несоциалистической Аграрной партии (центр) и социал-демократов стало вершиной его политической карьеры и символизировало достижение сплоченности финляндского общества после достижения независимости. Этот консенсус был решающим фактором для будущего страны в условиях мировой войны. Главной идеей всей долгой карьеры Каллио как политика было укрепление независимости через объединение общества посредством экономического и социального равенства. Основными средствами достижения этой цели он считал аграрную реформу и политику в области землеустройства, а также укрепление финноязычной культуры и образования.

Путь политика-крестьянина

Каллио стал политиком естественным образом. Отец был одним из муниципальных руководителей в Юливиеска, и сын познакомился с местным самоуправлением на практике уже с детства. С 1895 года, на новом месте жительства в Нивала, высокий уровень образования и статус крупного землевладельца привели к тому, что Каллио стал исполнять важные обязанности в коммуне. Он делал это охотно и умело и вскоре стал занимать наиболее высокие ответственные должности в местном самоуправлении. Он имел вес почти во всех делах сельской коммуны: в хозяйственной жизни, прежде всего в

кооперативной, в управлении общины и прихода, а также в культурной жизни, основное значение в которой имело молодежное общество.

Уже в лицейские годы в Оулу Каллио принял взгляды конституционалистов-фенноманов, закрепившиеся в процессе деятельности в молодежном движении и в кооперации. Главным человеком, оказавшим на него влияние в школьные годы, был ректор финского лицея в Оулу, руководитель пиетистов конституционалист Мауно Розендаль (1848–1917). Во время работы в молодежном обществе Каллио познакомился с писателем Сантери Алкио (1862–1930), который в дальнейшем станет его главным политическим соратником. «Первый период угнетения» превратил Каллио в активного политика-младофинна. Он был избран представителем судебного округа Пийппола в крестьянскую курию на два последних созыва сословного сейма 1904–1906 гг.

Каллио был земледельцем, крестьянином. Родившись в довольно большом крестьянском хозяйстве, он познакомился со всеми видами крестьянского труда и до самой старости охотно занимался физическим трудом. Попытка богатой приемной матери Анттууны Кангас (1842–1919) сделать из него торговца или служащего разбилась о слабые успехи в школе и нежелание. Но с тем большим воодушевлением и успехом он взял бразды правления большим хозяйством, когда представилась такая возможность. Хейккиля-Мехтяля было самым большим крестьянским хозяйством в Северной Финляндии. Когда в 1939 г. Каллио расстался с ним, хозяйство насчитывало 250 га пашни, большая часть которого была отвоевана у болота. Идея подъема уровня жизни крестьян и сельских жителей стала фундаментом политической карьеры Каллио, будучи одновременно и самодостаточной целью, и инструментом политической деятельности.

Крестьянское происхождение заставило Каллио сменить партию. Предоставленное парламентской реформой всеобщее избирательное право перевернуло жизнь партий в Финляндии. Когда осенью 1906 г. была создана Аграрная партия (позднее Аграрный союз), Каллио был избран в руководящие органы партии. На парламентских выборах 1907 г. он выдвигался одновременно от аграриев и от Младофинской партии. Он вошел в аграрную фракцию, посчитав, что младофинны равнодушны к сельским проблемам.

Наряду с Сантери Алкио, Каллио стал одним из главных лидеров молодой партии. Он был председателем партии в 1908–1916, стал первым министром от партии в 1917, премьер-министром в 1922 г. Во время председательства и позднее Каллио оказывал большое влияние на формирование платформы Аграрного союза и ее практическую политику. Он предпочитал реалистичный и умеренный подход и избегал как «ненависти к господам» и «враждебности в культуре», свойственных для молодой партии, так и одностороннего классового аграрианизма.

Каллио в истории борьбы за независимость Финляндии

Каллио сыграл одну из ключевых ролей в ходе обретения Финляндией независимости. Он возглавлял сельскохозяйственную комиссию (т.е. был министром сельского хозяйства) сначала в сенате под председательством Оскари Токоя, а затем П.Э. Свинхувуда и Ю.К. Паасикиви. Для его деятельности были характерны самообладание и миролюбивость как до, так и после освободительной (гражданской) войны 1918 г. Улаживая весной 1917 г. ситуацию с сельскохозяйственными забастовками Южной Финляндии и возглавляя ведомство по нормированию распределения во время обострения продовольственного кризиса, он учился смотреть на вопросы с обеих сторон.

Хотя Каллио жестко осудил насильственные методы красных и, опасаясь за свою жизнь, вынужден был скрываться во время восстания, в контролируемом красными Хельсинки он сохранил самообладание и сразу после окончания войны призывал воздержаться от массовых репрессивных мер возмездия. Его речь в церкви в Нивала 5 мая 1918 г. привлекла к себе большое внимание. Он стал первым известным белым политиком, потребовавшим немедленно приступить к строительству Финляндии, в которой «нет ни красных, ни белых, а есть только любящие свою страну финны, граждане Финляндской Республики, которые ощущают себя членами общества и чувствуют себя здесь хорошо».

Восстановление законной власти вернуло Каллио к правительственным делам, в которых доминировала борьба за форму правления. Будучи членом Аграрного союза, Каллио был республиканцем, но сдержанным и готовым к компромиссам. Посчитав сенат Паасикиви монархически ориентированным, Каллио 17 августа 1918 г. вышел из него. Осенью он много выступал по всей стране на митингах как сторонник республики.

Ведущий центристский политик

На выборах 1919 г., на которых главным был вопрос о форме правления, Аграрный союз стал самой большой несоциалистической партией. Каллио был наиболее опытным ее политиком; его положение укрепилось после отставки Алкио в 1922 г. Отчасти благодаря этому Аграрный союз входил в состав правительств. Каллио стал одним из самых значимых руководителей «первой республики», он четырежды возглавлял правительство, а также длительное время председательствовал в парламенте.

Каллио сосредоточился в основном на аграрной политике, решении торпарской проблемы и вопросе о создании новых наделов. Еще до того, как стать министром, работая в комиссиях своей партии, он познакомился с проблемами арендаторов; в парламенте он постоянно выступал с инициативами, направленными на преобразование арен-

двух земельных участков в самостоятельные хозяйства. Свое согласие войти в сенат Токоя Каллио дал при условии решения вопроса об аренде земли. Проект закона по торпарскому вопросу был подготовлен лишь накануне гражданской войны. Сенатор Каллио представил его в парламенте 21 января 1918 г. Окончательно закон о выкупе арендуемых участков был принят 15 октября 1918 г. После этого Каллио сосредоточился на преобразованиях в других сферах сельской жизни. Закон о землеустройстве, получивший название «*Lex Kallio*» и вступивший в силу в 1922 г. после продолжительной и жаркой борьбы с правыми, является одним из самых известных законов в истории независимой Финляндии.

Земельная политика Каллио была направлена как на увеличение производства, так и на укрепление стабильности в обществе. С той же целью он напряженно работал в области упрочения финского идентитета, укрепления обороны страны, развития инфраструктуры сельского хозяйства (шоссейные и железные дороги, электрификация).

Каллио был политиком-центристом, ориентированным на компромиссы. Он сторонился набиравшего в 1920-е годы в Аграрном союзе силу лобби аграриев-производителей. Руководитель этого направления Юхо Сунила (1875–1936) был его непримиримым и временами успешным конкурентом, особенно когда отношения Каллио с президентом-аграрием Реландером были плохими. Собственную ориентацию в партии Каллио охарактеризовал как «социальную». В конце 1920-х годов Каллио подумывал об уходе из политики и карьере губернатора, и президент охотно предоставил ему эту возможность.

Между коммунизмом и фашизмом

Каллио всегда активно выступал против коммунизма, считая его опасным и преступным. Его первое правительство уничтожило организацию Коммунистической партии Финляндии (КПФ) путем так называемой «хирургической операции Каллио» в 1923 г. В дальнейшем Каллио также поддерживал меры по законодательному подавлению коммунизма. С началом Великой депрессии в 1929 г., коммунисты, направляемые из Москвы, активизировались и организовали широкомасштабное забастовочное движение. Третье правительство Каллио разрабатывало проекты антикоммунистического законодательства, но поднявшаяся справа гражданская реакция застигла его врасплох. Началось Лапуаское движение, к которому Каллио поначалу относился с пониманием, однако затем стал вместе с правительством объектом усиливающихся нападок после того, как осудил насильственные действия движения.

К Каллио неоднократно обращались с предложением возглавить Лапуаское движение и даже стать диктатором, но, будучи убежденным демократом, он от этих предложений отказался. Лапуаское движение имело в лице Каллио наиболее ненавистного противника, и

ему угрожали как физической расправой, так и похищением и насильственным выдворением в СССР. Давление правых, поддерживаемое президентом Реландером, заставило правительство Каллио подать в отставку 2 июля 1930 г. Новое правительство было сформировано П.Э. Свинхувудом.

Правда, Каллио был вновь избран в парламент после его роспуска, а в 1931 г. даже стал кандидатом в президенты от Аграрного союза, но под нажимом усиливающегося правого радикализма и так называемых «кризисных движений» его политическое будущее оказалось под угрозой. Особенно его позиции пострадали от «кризисных движений», имевших влияние на его родине в долине реки Калайоки, приведших к беспорядкам («Нивальский лошадиный бунт» 1932) и расколу Аграрного союза. Сильное давление оказывалось и лично на Каллио. Его едва не провалили на парламентских выборах 1933 г.

Тяжелым ударом для Каллио в 1932 г. стала отмена сухого закона. Он в течение всей жизни был убежденным трезвенником и сторонником сухого закона, а после Алкио был председателем Союза за сухой закон. Теперь, будучи председателем парламента, он вынужден был ударить молотком по столу в ознаменование принятия решения об отмене сухого закона.

Позиции Каллио как руководителя Аграрного союза вновь упрочились в середине 1930-х гг. после отхода Сунила от политики и в условиях неучастия в выборной кампании влиятельного среди карелов Юхо Ниукканена (1888–1954).

Борьба против правого радикализма сблизила центр и социал-демократов, что Каллио считал положительным. Приближавшиеся президентские выборы также подталкивали к дискуссиям о сотрудничестве. После парламентских выборов 1936 г. Аграрный союз и Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ) договорились о формировании совместного правительства, следуя примеру Швеции. Президент Свинхувуд, однако, отказался назначить «красно-зеленое правительство», и Каллио вновь сформировал центристский кабинет. Он занимал пост премьер-министра, когда его избрали президентом.

Парламентарный президент единения

Еще в 1925 г. Каллио весьма сдержанно оценивал свои возможности на президентских выборах. Став кандидатом в 1931 г., он потерпел поражение. На новое выдвижение в кандидаты Каллио согласился с сомнениями, и результат голосования выборщиков был не слишком хорош (56 выборщиков, 16,6%). Этого, однако, хватило, поскольку СДПФ не пожелала повторного избрания Свинхувуда. Во втором туре Каллио был избран 177 голосами; Свинхувуд получил 104 голоса, а Стольберг – 19. Решающими можно считать голоса выборщиков от Шведской народной партии; «сливки общества» отказались голосовать за Стольберга в первом туре, хотя знали, что в этом случае

пройдет Каллио. Считалось, что позиция Каллио как «настоящего финна» стала более мягкой.

Будучи президентом, Каллио смог претворять в жизнь свои давние политические цели, прежде всего социальное примирение и сплочение общества. Его избрание произошло на фоне достижения двух больших общенациональных компромиссов – т.н. «красно-зеленого» и терпимости в области языковой политики. Каллио назначил правительство большинства с участием аграриев и социал-демократов под председательством А.К. Каяндера (Прогрессивная партия), которое он целенаправленно, но без излишнего афиширования поддерживал. Правительство разрешило далеко зашедший конфликт по языковому вопросу в Хельсинкском университете (*«lex Hannula»*) и нашло пути для ликвидации противоречий, оставшихся в наследство от красного восстания (*«lex Tokoi»*). Каллио также использовал концепцию примирения, оправдывая им свое согласие на инициативу, направленную на ограничение деятельности Патриотического Народного движения (ИКЛ), с которой выступил его протеже, министр внутренних дел Урхо Кекконен.

Каллио усвоил роль парламентарного президента и воздерживался от применения личной власти, из-за чего его несправедливо называют слабым президентом. Дело, однако, было не в слабости, а в том, как Каллио, понимал президентские обязанности. Под руководством Каллио Финляндия, по точному замечанию Яакко Ноусиайнена, вернулась к «будничному парламентаризму».

С идеей единения были связаны и многочисленные поездки по стране, встречи с народом. Его супруга Кайса Каллио принимала активное участие в этих поездках, и Каллио вскоре стали очень популярной и почитаемой президентской парой. Известная антипатия со стороны правых, которая поначалу проявлялась даже в виде небольших демонстраций, прошла. Популярности среди народа способствовали религиозность, трезвенничество и безукоризненный образ жизни президента.

В меньшей степени президент был расположен к заграничным поездкам, что было отчасти связано с недостаточным знанием языков. Единственные свои визиты за рубеж Каллио совершил в Швецию в 1938 и 1939 гг. Единственный официальным визит в Финляндию в период президентства Каллио совершил в 1937 г. президент Эстонии Константин Пятс.

Президентство Каллио омрачалось проблемами со здоровьем. Весной и летом 1938 г. он проболел два с половиной месяца, а в феврале 1939 г. у него случился инфаркт, от которого он оправился лишь к началу осени. Болезнь не позволила ему участвовать в переговорах, начатых весной 1938 г. по инициативе Советского Союза. Финскую сторону представляли министры иностранных дел Рудольф Холсти и Элиас Эркко. Когда в сентябре 1939 г. президент вернулся к исполнению своих обязанностей, уже ощущалось приближение войны.

Зимняя война президента

Внешнеполитическая ориентация Каллио также была довольно умеренной. В 1919 г. он выступил против планируемого регентом Густавом Маннергеймом похода на Петроград и весьма сдержанно относился к так называемым племенным войнам в Восточной (Русской) Карелии. Его отношение к гитлеровской Германии было довольно неприязненным, равно как и к Советскому Союзу. От угрозы с востока, по его мнению, следовало искать защиту в первую очередь в Лиге наций. Будучи президентом, Каллио поддерживал свое доверенное лицо министра иностранных дел Рудольфа Холсти (1881–1945) и был сторонником более тесных связей с Северными странами как гарантии от угрозы со стороны Советского Союза.

В этом он, однако, не преуспел. Ситуация все более обострялась, возникла угроза войны. Уже во время переговоров в Москве Каллио безрезультатно искал поддержки у Швеции и других Северных стран. Последняя такая попытка была сделана на встрече глав Северных государств 18–19 октября 1939 г. В то же время, он поддерживал более активные военные приготовления. Когда возникли разногласия между Маннергеймом и правительством – в первую очередь по финансовым вопросам с премьер-министром Каяндером и министром финансов Вейнё Таннером, а также с министром обороны Ниукканеном о пределах полномочий – и летом 1939 г. дело дошло до угрозы Маннергейма уйти с поста Совета обороны, Каллио своим личным вмешательством и авторитетом воспрепятствовал этому. Каллио и Маннергейм отдавали должное друг другу.

На проходивших накануне Зимней войны переговорах Каллио занимал более бескомпромиссную позицию, чем, например, Паасикиви и Маннергейм. Президент опасался, что с трудом достигнутое внутреннее единство будет разрушено, если Финляндия согласится на передачу Советскому Союзу требуемых территорий. Он также не верил в то, что Сталин ограничится требуемым. Каллио считал, что разобщенная страна, став объектом для нападения в дальнейшем, подвергнется куда большему риску, чем единая страна сейчас, хотя и осознавал, что военной помощи ожидать не приходится.

Во время Зимней войны Каллио делал все, чтобы морально воодушевить народ. Как в Финляндии, так и за границей президент стал олицетворением сплоченности и воли к защите малой нации, ставшей объектом несправедливой агрессии. В условиях, когда весь мир следил за событиями вокруг Финляндии, «Президент-крестьянин» стал известным и почитаемым лицом в прессе; о нем были изданы книги на многих языках. Многочисленные публичные выступления президента оказали сильное влияние на сплоченную решимость защитить родину. «Единство нашего народа, ради которого я так много работал, очень сильно», – писал Каллио своему другу-писательнице Майле Талвио в заключительный период войны. Он отмечал, что своей

основной задачей в ходе оборонительной войны считает достижение и сохранение такого единства. Зять Каллио Пааво Пихлаямаа погиб в Зимней войне.

В политическом руководстве во время Зимней войны Каллио играл незначительную роль и делал это довольно нерешительно. Отчасти это объяснялось тем, что «внутренний круг» (Ристо Рюти, Таннер, Паасикиви) пытался поначалу держать президента в неведении о зондировании возможностей для заключения мира. Каллио более симпатизировал сторонникам бескомпромиссной линии, однако, ему пришлось смириться с неизбежным. В конце концов, Каллио согласился на заключение мира, убедившись, что альтернативой стало бы развертывание широкомасштабной войны на территории Финляндии, в случае если немецкие войска попытаются воспрепятствовать вводу войск западных держав.

Подписывая документ, уполномочивавший финскую делегацию на переговорах в Москве принять условия мира, удрученный президент произнес известную фразу: «Пусть отсохнет моя рука, которую заставили подписать эту бумагу». Полгода спустя руку парализовало.

Последнее начинание

После Зимней войны Каллио считал главным поднятие духа нации, подавленного военными жертвами и тяжелыми условиями мира. Сразу после заключения мира он выступил с речью по радио, в которой подчеркнул тот факт, что удалось сохранить нацию, ее самосознание и ее достоинство, ставшие теперь еще более устремленными к будущим целям. Народ должен был сплотить силы для восстановления разрушенного. Особенно президент сделал акцент на достижении приемлемого решения проблемы переселенцев. Его поддержка во многом способствовала скорости и эффективности решений, касавшихся размещения эвакуированных и компенсаций. Он подал личный пример, передав свою землю под земельные участки для беженцев.

Роль Каллио в осуществлении внешнеполитических решений была довольно ограниченной, он главным образом утверждал решения правительства. Речь в частности шла об уступках требованиям русских об обеспечении транзита на базу Ханко и об отставке Вяйнё Таннера из Государственного Совета. Значительный поворот во внешней политике Финляндии в августе 1940 г. (соглашение о транзите с Германией) произошел без активного участия Каллио. 28 августа его здоровье было окончательно подорвано инсультом, от которого он оправился лишь настолько, чтобы достойно уйти с поста.

Каллио подал в отставку 27 ноября 1940 г. После того как парламент единогласно избрал Ристо Рюти его преемником, Каллио стал собираться в Нивала для выздоровления и отдыха. Сердце, однако, оказалось слабым и не выдержало трогательных торжественных проводов. Смерть «Президента-крестьянина» стала самой незабываемой

в истории Финляндии: перед почетным караулом на руках у маршала Маннергейма под «Марш Бьернеборгского полка». Не будет преувеличением сказать, что он стал самым выдающимся героем, павшим на Зимней войне.

Значение Каллио

Потомки оценивали Каллио по-разному. Его одновременно считали и исключительно уважаемым «президентом-крестьянином», «сторонним наблюдателем», «слабым» президентом, чья неспособность к пониманию внешней политики отчасти способствовала втягиванию Финляндии в Зимнюю войну. В новейших исследованиях (в частности Яякко Ноусиайнена, Лаури Хаатая и Кари Хокканена) дается более справедливая оценка позиции Каллио как президента – подчеркивается его приверженность парламентаризму и твердость накануне Зимней войны.

Каллио без сомнения является одним из наиболее значимых финских политиков первых десятилетий после обретения независимости. Есть даже основания называть его «первым гражданином первой республики», потому что его карьера была самой длительной и привела его на самый верх. Его действия были в меньшей степени заметны в драматические поворотные моменты (1917–1918, начало 1930-х, 1939–1940 гг.), однако его упорство и целенаправленная политика примирения в полной мере проявились в периоды мирного развития.

– КАРИ ХОККАНЕН

Приложение:

Кюёсти (Густав, также Кусту, Кустаа) Каллиокангас, позднее Каллио, род. 10.4.1873 Юливиеска, умер 19.12.1940 Хельсинки. Родители: Микко Каллио (Каллиокангас), крестьянин, и Пиета Кнуутила. Жена: 1902–1940 Катарина (Кайса) Нивала, род. 1878, умерла 1956, родители жены: Матти Нивала, крестьянин старший присяжный заседатель, и Мария Райтала. Дети: Виено, род. 1903, умерла 1938, магистр искусств; Вейкко Каллис, род. 1906, умер 1980, крестьянин; Кертту (Сааласти), род. 1907, умерла 1995, агроном, депутат парламента; Ниило Каллерво, род. 1909, умер 1969, скульптор; Кайно-Антоона (Пихляямаа), род. 1911, домохозяйка; Катри Инкери (Каарлонен), род. 1915, преподаватель садоводства, депутат парламента.

Пер Кальм (1716–1779)

профессор экономики,

путешественник-естествоиспытатель

Естествоиспытатель Пер Кальм получил международную известность после выхода в свет книги, посвященной экспедиции в Северную Америку. Став профессором экономики в Або Академии (Туркуский университет), Кальм стремился к поиску новых путей развития национальной экономики. Он экспериментировал с выращиванием экзотических культур, к примеру, шелковицы, необходимой для производства шелка, но большей частью эта затея не принесла ожидаемых результатов.

«Профессор экономики может внести неоценимый вклад в осуществление мер, предлагаемых представителями сословий и направленных на увеличение богатства Финляндии». Так писал Пер Кальм, претендуя на первую профессуру по экономике в Або Академии (Туркуский университет), учрежденную в 1747 г. Он получил эту должность и занимал ее до самой своей кончины. За эти годы Кальм, отличавшийся большой работоспособностью, в духе «эры прагматизма» стремился содействовать подъему национальной экономики. Помимо этого, ему удавалось одновременно работать пастором. К самым известным заслугам Кальма относятся его экспедиции, наиболее знаменательную из которых он предпринял в 1747–1751 гг. в Северную Америку. Описание этой экспедиции было переведено на немецкий, английский и голландский языки.

Пер Кальм родился в 1716 г. в Онгерманланде (Швеция), где его семья находилась в эвакуации, вдали от Северной войны. Его отец Габриэль Кальм, служивший в своем родном приходе помощником приходского священника, умер во время эвакуации, а его мать, Катарина Росс, родом из купеческой семьи из Ваасы, вернулась с сыном после окончания войны в Похьянмаа в Вёюри. Молодого Кальма в апреле 1730 г. отправили в школу города Вааса, а в 1735 г. он поступил в Або Академию, где под руководством профессора медицины Н.Д. Спёринга изучал минералогию и посещал лекции по естествоведению Юхана

Броваллиуса и К.Ф. Меннандера. Спёринг, Броваллиус и Меннандер уже были знакомы с новыми направлениями в эмпирических исследованиях и передавали свои знания студентам.

По рекомендации Броваллиуса 5 декабря 1740 г. Кальм поступил в Упсальский университет. Его учеба стала возможной благодаря поддержке советника надворного суда Турку барона Стена Карла Бильке, который счел кандидатуру Кальма подходящей для присмотра за его владениями в Лёвста, неподалеку от Упсалы. Бильке был тесно связан с деятельностью Шведской Королевской Академии наук, основанной в 1739 г. и имевшей большое значение в дальнейшей карьере Кальма.

Кальм увлекся эмпирическими исследованиями в области естественных наук довольно рано. Еще в 1737–1738 гг., когда он работал домашним учителем в Лиексе и Китее, он делал метеорологические наблюдения. Его явная одаренность и страсть к путешествиям привлекали Бильке: благодаря экспедициям в разные части королевства можно было получить полезные сведения о природных условиях и экономике, кроме того, появилась бы возможность пополнить ботаническую коллекцию Упсальского университета. Бильке лично финансирует экспедицию Кальма в Саво и Карелию, куда он направляется летом 1740 г. Спустя два года он собирает материал в провинциях Западный Готланд и Бохус по «естественной истории, физике, медицине, экономике и древним памятникам», как было написано на обложке изданных после поездки наблюдений. Последнюю из своих экспедиций на родине Кальм совершил в 1745 г., побывав в южных районах Западного Готланда.

Академия наук планировала отправить Кальма в дальние экспедиции для поиска новых растений, пригодных для культивации. Речь шла в первую очередь о Гренландии и мысе Доброй Надежды, хотя Бильке считал, что Сибирь была бы в этом отношении более полезной. Интерес Бильке к Сибири зародился во время поездки в Россию, которую он совершил вместе с Кальмом в 1744 г. Тогда они через Прибалтику и Санкт-Петербург посетили Москву, а также путешествовали по Украине. Тем не менее, следуя настойчивым пожеланиям Карла Линнея, Академия наук решила отправить Кальма в Северную Америку.

Кальм тщательно готовился к своим экспедициям. В частности, зимой 1741–1742 гг., когда начали говорить о большом проекте Академии наук, он начал читать публикации своих предшественников и составлять список предполагаемых объектов наблюдения. Под руководством Линнея Кальм прилежно занимался ботаникой, а на лекциях профессора астрономии Андерса Цельсия учился определять свое местонахождение по широте и долготе. Несмотря на обширный круг прослушанных курсов, Кальм так и не получил магистерскую степень. Это обстоятельство, однако, не помешало Або Академии в 1746 г. назначить его адъюнктом по курсу естественной

истории и экономики. В духе эпохи, экономика вводилась в качестве университетской дисциплины, и учреждение должности «магистрандоцента» (*magister docens*) стало первым шагом в этом направлении. Собственно профессуру по «естественной истории и экономике» финансировали за счет упразднения кафедры поэзии. 31 августа 1747 г. Кальм, при поддержке Броваллиуса и Линнея, был назначен на эту новую должность.

Назначение Кальма профессором экономики было связано с запланированной экспедицией в Северную Америку, которая должна была частично финансироваться за счет его жалования. В начале октября 1747 г. Кальм вместе со своим помощником Юнгстрёмом отправился в путь на корабле из Гетеборга в Лондон. В Англии Кальм провел полгода, ожидая подходящей попутной оказии. Он использовал это время с пользой, изучая язык, встречаясь с людьми, побывавшими в Америке и знакомясь с земледелием Англии. Лишь 5 августа 1748 г. Кальм отправился в Филадельфию на борту корабля «*Мэри Гэлли*». Дорога заняла неполных шесть недель, и 15 сентября корабль пришел в порт назначения.

Прибыв в Новый Свет, Кальм вначале находился в Филадельфии, где было много потомков шведских колонистов, приехавших туда в 1638 г. Однако позднее Кальм рассказал, что первым человеком, с которым он познакомился, был Бенджамин Франклин, который в то время служил почтмейстером в Филадельфии. По рекомендации своих знакомых Кальм отложил поездку на север в связи с приближающейся зимой. Эта новость не обрадовала Линнея и других членов Академии наук, поскольку они хотели, чтобы Кальм ознакомился с областями, чей климат был сходным со шведским. Большую часть зимы 1748–1749 гг. Кальм провел в Раккуне. Кроме того, он познакомился с растительным миром Нью-Джерси и посетил Нью-Йорк.

Основная фаза экспедиции Кальма началась в мае 1749 г. Он отправился вверх по реке Гудзон в Элбани, а затем во Французскую Канаду, добравшись до Монреаля и Квебека. К северу от Квебека путешественники повернули обратно, поскольку из-за индейцев местность была не вполне безопасной. Французы обращались с Кальмом просто по-королевски, так как экспедиция была тщательно подготовлена по дипломатическим каналам. На зиму Кальм вернулся в Раккун, а летом 1750 г. ему представилась новая возможность отправиться в Элбани через район Больших Озер. Кальм также посетил Ниагарский водопад. Его превосходные описания водопада сразу же были опубликованы в «*Пенсильванской Газете*», редактором которой был Франклин, а позднее перепечатывались в европейских изданиях.

Перед поездкой на Ниагару Кальм провел зиму 1749–1750 гг. в Раккуне, систематизируя собранный материал. Кроме того, в его личной жизни произошли важные изменения, он женился. В Раккуне жила Анна Маргарета Шёман, вдова пастора тамошней шведской колонии Юхана Сандина. Сандин умер предыдущей зимой, и в первый

день нового 1750 г. Кальм обвенчался с молодой вдовой. От брака с пастором у Анны была двухлетняя дочь, а через два года в новой семье появился мальчик. Возвращение Кальма с семьей на родину затянулось еще на несколько месяцев после его возвращения с Ниагары. В феврале 1751 г. началось путешествие в Лондон через бушующий океан. Кальм прибыл в Стокгольм только к концу мая. Впереди был еще переезд в Турку в качестве профессора экономики.

Кальм энергично занялся обработкой материалов по результатам поездки в Северную Америку, для этого он был временно освобожден от исполнения основных обязанностей. Собранные в Америке семена были распределены для культивации в разных районах Швеции, а сам Кальм занялся исследованием возможностей выращивания полезных растений в Похьянмаа. На собственном участке земли в Турку он создал экспериментальный сад, а в 1752 г. дополнительно получил в пользование надел в Хирвенсало. Лишь в 1757 г. в Турку был разбит настоящий университетский сад на территории, относящейся к резиденции епископа, и это также было заслугой Кальма.

Вскоре эксперименты показали, что большинство растений не приживается. Особенно много ожиданий связывалось с культивацией шелковицы, что позволило бы Швеции начать производство шелка. Финских крестьян не заинтересовала американская берестяная лодка, продемонстрированная Кальмом, даже несмотря на то, что король Адольф Фредерик предпринял увеселительную прогулку на подобной лодке во время своего визита в Турку в 1752 г. Тогда же началась публикация материалов экспедиции, выходявших с 1753 по 1761 гг. на шведском языке в трех томах под названием *«Путешествие в Северную Америку»*. Издание шло очень медленно, и Кальм так и не смог закончить последний, четвертый том. Преемник Кальма профессор экономики Саломон Креандер редактировал рукопись довольно медленно, кроме того, не удалось найти издателя. Только в 1920 г. увидели свет те части четвертого тома, которые уцелели во время пожара в Турку.

Кальм был весьма деятелен в должности профессора. Под его руководством было опубликовано 146 академических диссертаций, некоторые из которых, как тогда было принято, он написал сам. Одной из отличительных черт этих работ было описание городов и провинций Финляндии. Среди других тем были обоснование необходимости улучшения лесного хозяйства, создание ботанического сада, отечественный заменитель кофе, заболевания животных и утилизация сорной травы. В целом, темы диссертаций были в высшей степени близкими к практике. Лишь одна работа была посвящена возможностям использования математики в экономической науке. Также в работах были представлены ясные политические взгляды. Так, к примеру, можно найти рассуждения о том, что может в большей степени способствовать подъему национальной экономики – война или экономическая наука, а также утверждение о том, что система

сословного представительства предпочтительней абсолютной монархии. В 1740-х гг. было разрешено представлять диссертации на шведском языке, а не на латыни, в случае, если рассматриваемые темы могли способствовать экономическому развитию. Так, примерно две трети из всех диссертаций были написаны на шведском языке.

Кальм также обратился к теологии, и в декабре 1757 г. получил приход в Пииккиё. Помимо сугубо религиозных, для этого, несомненно, были и экономические причины. Тем самым Кальм получал источник дополнительного дохода. Возглавив приход, Кальм также был активным членом Туркуского соборного капитула. Из Пииккиё Кальм переехал в 1763 г. в общину Маариа, где и был позднее похоронен. Следуя примеру своих учителей Броваллиуса и Меннандера, в 1775 г. он попытался стать епископом, но на выборах стал лишь четвертым. Кальм умер в 1779 г., согласно церковным записям, от водянки.

Еще при жизни Кальму выказывались различные почести. В 1764 г. Императорская Академия Наук предложила ему хорошо оплачиваемую должность профессора ботаники в Санкт-Петербурге, от которой он отказался. Вместе с тем, он наталкивался и на неприятие: «Профессор Кальм не так давно получил должность пастора, оплачиваемую за счет прихода; он неплохой садовник, на что указывают, среди прочего, его всегда черные руки. Его эрудиция невелика. Своими диссертациями по экономике, написанными по-шведски, он принес сюда дурной вкус, и трудно без отвращения видеть, как он тащит на кафедру сваренный крыжовник и прочее».

Благодаря своим описаниям путешествий, Кальм получил некоторую известность за рубежом. В его наблюдениях была отражена как природа, так и обычаи людей, их одежда. Интерес к этим острым наблюдениям не пропадает. В 20 в. на французском языке были предприняты новые издания его описаний Канады. Имя Кальма запечатлено в названии американского растения «Калмия», которое было дано в его честь Линнеем, хотя, возможно, редкий американец знает о происхождении названия этого национального цветка Пенсильвании.

– Майя КАЛЛИНЕН

Приложение:

Пер Кальм, род. март 1716 Онгерманланд, Швеция, умер 16.11.1779 Маариа. Родители: Габриэль Кальм, помощник священника, умер 1716, и Катарина Росс, умерла 2.6.1765 Няпиё. Жена: 1750–1779 Анна Маргарета Шёман, вдова Юхана Сандина, пастора, род. 1722 Гестрикланд, умерла 6.1.1787 Турку, отец жены: Юхан Шёман, поставщик стокгольмского арсенала. Ребенок: Йоханна Маргарета Сандин-Кальм, род. 14.5.1748 Раккун.

Минна Кант

(1844–1897)

писательница,

защитница женского равноправия

Минна Кант была первой известной женщиной-писателем в Финляндии. Она писала рассказы и повести, пьесы для Финского Театра (в соавторстве с Каарло Бергбумом), а также на шведском языке пьесы для Шведского театра в Хельсинки. На взгляд людей, выступавших за финское национальное развитие, Кант была разрушителем, так как демонстрировала социальные пороки и распространяла новые идеи, расшатывающие традиционное мировоззрение.

В истории финноязычной литературы Минна Кант является вторым, после Алексиса Киви, великим финским драматургом и прозаиком и первой женщиной-писательницей. Она писала рассказы, повести и пьесы, последние в тесном сотрудничестве с Каарло Бергбумом и Финским Театром. Как автор статей для газет и журналов, она бесстрашно высказывала радикальные социальные идеи.

Кант собирала вокруг себя, поддерживала и направляла молодых писателей и журналистов. Побывав в роли противоречивой ведущей фигуры реализма в литературе Финляндии, она в 1890-е гг. взяла на вооружение темы и стилистические приемы, которые принято считать характерными для идейных течений конца столетия. Писательский талант Минны Кант развивался и прогрессировал до самой ее смерти.

Жена, мать, писательница, предпринимательница

Первые планы относительно жизненной карьеры Минны Кант, тогда еще Ульрики Вильгельмины Йонсон, разрушились, когда она, будучи студенткой только что открытой в Ювяскюля учительской семинарии, в 1865 г. приняла предложение своего преподавателя, лектора Юхана Фердинанда Канта и вышла за него замуж. Учебу пришлось оставить. В семье родилось семеро детей, младший из которых появился на свет уже после смерти Фердинанда Канта. Со смертью мужа разрушилась вторая жизненная карьера Минны Кант. Но в роли жены преподавателя

она уже успела найти способ выражения своих смелых идей и сильной потребности в общении и воздействии на своих современников. Когда в 1879 г. Фердинанд Кант умер, Минна Кант уже писала для местной газеты в Ювяскюля, ее первое произведение «*Новеллы и рассказы*» вышло в 1878 г., а первая пьеса «*Кража со взломом*» уже существовала в виде рукописи.

Следующим решением Кант – неординарным для вдовы преподавателя семинарии – был переезд зимой 1880 г. в Куопио, где она начала предпринимательскую деятельность. Успешно управляя магазином по продаже ниток в Тампере, ранее принадлежавшим ее отцу, она не только добывала для семьи средства к существованию, но и создала экономические условия для своей литературной и общественной деятельности.

Дом Минны Кант в Куопио стал для многих важным местом встреч и дискуссий. Для молодых интеллектуалов и нарождавшихся художественных талантов Куопио, особенно для молодежи из семей Бруфельдт, Ярнефельт, Эрко, Асп и их друзей этот дом был местом для почти ежедневных встреч, школой дебатов и писательского мастерства. Кант наняла помощником в свой магазин молодого Хейкки Кауппинена («Кауппис-Хейкки»), чтобы иметь возможность направлять его как писателя. Многие известные писатели и художники того времени бывали у Минны Кант, среди них К.А. Тавастшерна, Каарло и Эмилия Бергбум, Ян Сибелиус, Аксели Галлен-Каллела, члены творческой семьи Халонен, Эрнст Лампен, Матти Куриikka. Минна Кант собрала вокруг себя также женщин Куопио, активно участвовавших в обсуждении социальных проблем, среди них Элисабет Стениус-Аарнеенкаллио, Сельма Баклунд, Бетти Ингман, Лидия Херкман, а какое-то время и Элисабет Ярнефельт.

Минна Кант была блестящей собеседницей, другом, любительницей повеселиться, она охотно воспринимала идеи и с удовольствием дарила их другим. Личность Кант и слава ее писательского дома стали сюжетом для многих пьес.

Беллетрист

Уже после первой пробы пера романтические тона произведений Кант быстро сменились реалистическими. В пьесах «*Жена рабочего*» (1885) и «*Дети горькой судьбы*» (1888), так же как и во многих новеллах и повестях писательница откровенно критикует общественные недостатки. Публикация «*Жены рабочего*» положила начало продолжавшимся до конца века ожесточенным «книжным войнам» и травле, развязанной против книг Кант консервативными фенноманскими и церковными кругами.

Но наложить на реалистические произведения Кант клеймо тенденциозной литературы, как это поначалу произошло в результате «книжных войн», значит оставить без внимания четкую структуру и точные характеристики, свойственные многим ее работам. К примеру,

новелла *«Кауппа-Лопо»* (1889), которую часто называют высшим достижением Кант реалистического периода, по своему стилю безусловно соответствует реалистической традиции в изображении неприглядных сторон жизни. На уровне тенденции, она повествует о социальном неравенстве и о жестокосердии богатых. Но в то же время новелла рисует грубую привязанность и доброту, что само по себе является изображением души, а не только общества. Через образ оборванного, неуживчивого героя Кауппа-Лопо новелла повествует о безраздельной человечности.

Соответствующий перенос акцента с социального на психологическое хорошо заметен в творчестве Кант 1880-х гг., особенно в новеллах *«Ханна»* (1886), *«Подводный камень»* (1887) и *«По закону»* (1889). Революционные и анархические идеи пьесы *«Дети горькой судьбы»* (1888) вызвали бурю осуждения. Одновременно осталось незамеченным, какое важное место в этом произведении, также как и вообще в творчестве Кант, занимает тема вины. В пьесах *«Агнес»* (1892) и *«Сюльви»* (1893) акцент как самих произведений, так и в портретных характеристиках делается целиком на те иррациональные области души, откуда в человеке происходят слепая страсть и необъяснимое зло.

Самые известные пьесы Кант *«Семья пастора»* (1891) и *«Анна-Лийса»* (1895) посвящены теме примирения. В первой политические споры и борьба за власть отступают перед главной линией пьесы, согласно которой любовь является высшей жизненной ценностью. В пьесе *«Анна-Лийса»* главная героиня, молодая женщина, убившая своего ребенка и скрывающая свое преступление, в конце концов, делает признание и готова искупить свою вину.

Журналистка

Минна Кант начала свою литературную карьеру в газете, издаваемой ее мужем, а позднее стала первой финноязычной женщиной, работавшей самостоятельно в качестве журналистки. На протяжении своей жизни она сотрудничала не только с газетами той местности, где проживала – Ювяскюля и Куопио, – но и со многими другими газетами и журналами, в том числе общенациональными изданиями *«Ууси Суомеатар»*, *«Пяйвялехти»* и *«Валвоя»*. Всего было напечатано около 70 статей. Кант принимала самое активное участие в создании газеты младофиннов и собственного печатного органа для женщин.

В 1889–1890 гг. Кант, совместно с А.Б. Мякеля, издавала журнал *«Ванайта ааттейта»* (*«Свободные идеи»*), ориентированный на международные дискуссии по мировоззренческим вопросам. Издание, однако, вскоре натолкнулось на непреодолимые преграды, связанные с цензурой и нехваткой средств. Кант отбирала и переводила для журнала статьи из зарубежных изданий. Тем самым она знакомила финского читателя с актуальными европейскими идеями и дискуссиями.

В 1870-е гг. Кант избрала в качестве отправного пункта вопросы народного просвещения и, в первую очередь, идею трезвенничества и образования для девочек. Социальная действительность и новые европейские идеи превратили ее в поборницу прав женщин, идеологии рабочего класса, антиклерикального религиозного либерализма и пацифизма. В одном из писем Кант говорила о себе как об «абсолютном, страстном социалисте». Женский вопрос был той социальной проблемой, которой она придавала самое большое значение. Этому была посвящена ее первая статья *«Воспитание наших дочерей»*, напечатанная в газете *«Кески-Суоми»* в 1874 г. В 1896 г., уже ослабленная повторяющимися сердечными приступами, Кант в последней серии своих публичных выступлений на страницах газеты *«Пяйвяলেখти»* разразилась полемическими и темпераментными выпадами против взглядов Эллен Кей по женскому вопросу.

Для статей Кант характерна яркая риторика: восклицания, вопросы, обращение к читателю, живой юмор и острая ирония, а также пафос и агрессивность. Ее статьи часто появлялись как реакция на какие-то более ранние выступления, и они прежде всего характеризуются тесной взаимосвязью с социальным окружением.

Писательский имидж

Памятник Минне Кант, созданный Эмилем Халоненом в Куопио – матрона средних лет, восседающая на высоком постаменте, – соответствует образу писательницы, долгое время преобладавшему в литературных кругах Финляндии: крупная, невеселая, неэстетичная.

Ее имидж как писательницы формировался на самом деле двумя путями. Можно даже говорить о двух традициях толкования, которые, как представляется, на протяжении десятилетий на удивление мало влияли друг на друга.

С одной стороны, существует традиция, сложившаяся в биографической литературе. Кант стала одним из немногих финских писателей, ставших предметом массы биографических исследований. Три биографии появилось в 20 в., вторая из них была переиздана в 1994 г. Выходили также небольшие биографические очерки и воспоминания. Эти работы, написанные с сопереживающих, сестринских позиций, принадлежат женщинам, понимающим сторонникам.

С другой стороны, существует имидж Минны Кант, сложившийся в трудах по истории литературы. Эти работы были написаны мужчинами. Авторитеты в области финской литературы, профессора Вильо Таркиайнен и Рафаэль Коскимиес, на долгое время определили официальное отношение литературных кругов к Минне Кант. Согласно этой традиции, было принято отмечать значение различных литературных влияний и воздействия руководителя Финского Театра Каарло Бергбума и, прежде всего, подчеркивать очевидную тенденциозность творчества Кант. Историки литературы формировали именно такое представление о Кант, даже когда превозносили ее. *«Семья пастора»* и *«Анна-Лийса»*, по

мнению Коскимиеса, являются выдающимися произведениями финской драматургии, хотя и не дотягивающимися до ее вершин. Таркиайнен, оценивая Кант, отметил, что она была на редкость здравомыслящей и энергичной для женщины.

Во многих трудах Кант характеризовалась как представительница женской литературы и, как и в случае с писательницами вообще, исключительное явление, не имевшее серьезного отношения к настоящей литературе.

Что касается реакции на творчество Минны Кант, имеет смысл более внимательно рассмотреть его идеологическую подоплеку. В представлении культурной элиты Финляндии, Кант должна была быть отвергнута не только из-за тех идей, за которые она выступала, (то есть, главным образом, феминизм), но и, возможно, в еще большей степени из-за тех идей, за которые она, как представлялось, не выступала.

Национальное самосознание было идеологией времени, национальное единство и будущее нации были основными целями, в том числе и для искусства. Что касается задачи единения, Кант не поддерживала «национальный проект». Такое утверждение, конечно, чрезмерно упрощает представление об идеологических позициях Кант. Национальная идея в Финляндии поначалу подразумевала именно задачу народного просвещения. Кант активно придерживалась этой цели, выступая в поддержку движения за трезвость и, в особенности, за организацию образования для девочек. Кант и в других вопросах, в частности, как движущая сила в деле создания младофинской газеты, содействовала фенноманскому движению.

Но реализм Кант был своего рода европейским реализмом, который, следуя призыву Брандеса, выносил на обсуждение социальные проблемы. В изображении маргинализации и разрушения личности он приобретал еще и пессимистический оттенок. И чем глубже Кант как писательница углублялась в создание психологических портретов, тем более отчетливо в ее искусстве проступала неприглядная действительность, неконтролируемые, хаотичные силы, подрезавшие крылья национальным иллюзиям.

Как женщина, Кант отчетливо видела обратную сторону национального единения – то, на чем не принято было фиксировать внимание, когда речь шла о единении. Обратной стороной были маргинализация и культурная нетерпимость.

Можно сказать, что взгляд Минны Кант «на народ» отличался от взглядов, преобладавших среди ведущих финнов ее времени. Для них «народ» определялся с позиций национального романтизма и снельмановских идей, ставивших знак равенства между языком и нацией. При посредстве европейского либерализма Кант усвоила идеи Французской революции. Согласно такому представлению, «народ» это сообщество людей, имеющих общую нравственную цель. Однако, чтобы прояснить основы идеологии Минны Кант, нужно пойти еще дальше Французской революции и обратиться к ее

мировоззренческим устоям, к христианскому учению любви. Это, а также толстовская интерпретация, свойственная последним годам творчества писательницы, делают ее поборницей свободы, равенства и справедливости.

Изображая социальные пороки и распространяя новые идеи, расшатывавшие традиционное мировоззрение, Кант, с точки зрения тех, кто выступал за национальное единение и будущее Финляндии как нации, представала как разрушитель, вносящий раскол. Своим либеральным отношением к языковой политике она задевала чувства сторонников феннофильства. После того, как руководство Финского театра запретило постановку пьесы *«Дети горькой судьбы»*, она сменила средства выражения с финского на шведский язык и написала пьесу *«Сюльви»* для Шведского театра в Хельсинки. Ее пацифизм поздних лет – в период зарождения идеи активного сопротивления нарастающему давлению со стороны России – сторонникам национальной идеологии должен был казаться опасным безрассудством.

Имидж Минны Кант в трудах по истории литературы сложился исходя из понятия о национальных устремлениях. Ее значимость ставится под вопрос не потому, что она была женщиной, но потому, что она, будучи женщиной, не смогла воспринять сформированное мужчинами представление о национальном единстве. Тенденциозность как таковая не была запретным аспектом литературы, но Кант придерживалась неправильной тенденции.

Художник

Художественное творчество Минны Кант пока еще изучено довольно слабо. Современный анализ текста лишь совсем недавно обнаружил несколько интересных деталей. Возможно, по этой причине вопрос о месте Минны Кант в финской литературе до сих пор является предметом дискуссий.

В любом случае, читатель найдет в пьесах и прозе Минны Кант что-то очень сильное с художественной точки зрения. В образах Ханны с ее страданиями и пробуждающейся сексуальностью молодой женщины, в образах Альмы Карелл, Лийси, Сюльви, Анны-Лийсы присутствует беспокойная, запертая в клетку птица, стремление к свободе и любви, страдания от чувства вины.

Художница, создавшая эти образы и темы, скрывалась под ярлыком тенденциозной писательницы. Если ее тенденциозность, ее идеология, все еще вызывают раздражение, можно задать вопрос, не происходит ли это из-за того, что ее радикальные идеи, приверженность неотчуждаемым правам человека, свободе и справедливости всегда остаются актуальными.

Приложение:

Ульрика Вильгельмина (Минна) Йонсон (с 1865 Кант), род. 19.3.1844 Тампере, умерла 12.5.1897 Куопио. Родители: Густав Вильгельм Йонсон, торговец, и Ульрика Антинтютяр Арлелин. Муж: 1865–1879 Йохан Фердинанд Кант, преподаватель, род. 1836, умер 1879, родители мужа: Карл Фредрик Кант, помощник священника, и Анна Форселиус. Дети: Анни (Левандер), род. 1866, умерла 1911; Элли Вильгельмина, род. 1868, умерла 1944; Ханна Ульрика, род. 1870, умерла 1889; Хелка Мария (Майю, Вуорисало), род. 1872, умерла 1943; Каарло Юхо (Юсси), род. 1874, умер 1929; Петтер Хенрик (Пекка), род. 1876, умер 1959; Лююли Августа (Андерсин), род. 1880, умерла 1969.

Аврора Карамзина
(1808–1902)

*общественный деятель,
фрейлина при
императорском дворе*

На протяжении своей долгой жизни Аврора Карамзина неоднократно оказывалась в центре общественного внимания Великого княжества Финляндского. Молодая красавица из светских и чиновничьих кругов небольшого Хельсинки упоминается во многих мемуарах. Знатные происхождение и расположение императорской семьи, брак с «русским Крезом» Павлом Демидовым, а также щедрое участие семьи Авроры Карамзиной в благотворительности снискали ей широкую известность. Помимо того, что Аврора Карамзина была фрейлиной императрицы, она также являлась общественным деятелем и внесла свой вклад в дело женского образования в Финляндии. В частности, ее помнят как основателя Института сестер милосердия в Хельсинки.

Аврора Шернваль родилась в разгар Финской войны 1808 г. (русско-шведская война 1808–1809 гг.) Ее отец Карл Юхан Шернваль был подполковником, а мать Ева Густава фон Виллебранд – дочь губернатора Турку и Пори, владельца большой поместья Йокиойнен Эрнеста Густава фон Виллебранда. Оба принадлежали к дворянским родам, переехавшими в Финляндию из Швеции. Шернваль служил при дворе Густава III пажем, а позднее во французском шведском королевском полку. Приобретенный опыт пошел ему на пользу, когда в декабре 1809 г. он вместе с депутацией офицеров Финляндии отправился в Петербург. Император Александр I оказал им внимание и доброжелательно отнесся к их просьбам. Офицерам были сохранены казенные квартиры и прежнее жалование; рутовые солдаты, правда, должны были обеспечивать себя сами.

Когда Выборгская губерния в 1812 г. была вновь присоединена к Финляндии, Карл Юхан Шернваль был назначен ее первым губернатором. Должность была трудной и ответственной, так как за 100 лет, прошедшие с периода Северной войны и мира в Усикаупунки (Ништадский мир 1721 г.), условия жизни в так называемой Старой Финляндии изменились и отличались от жизни в других областях

Финляндии, приобретая чуждые для страны черты. Когда на эту территорию вновь вернулись шведские законы и порядки, на землях, подаренных щедрой рукой императора, постоянно возникали конфликты. Семья Шернваль переехала в Выборг, но лето Ева Шернваль проводила у матери в Таммеле, в имении Йокойнен. Там двоюродные братья и сестры из родов Виллебранд и Маннергейм завязывали близкие отношения друг с другом. Всего детей было двенадцать, правда, до взрослого возраста дожили лишь три девочки и один мальчик.

Карл Юхан Шернваль умер в 1815 г. Его преемник, губернатор, член Комиссии финляндских дел, статский советник Карл Юхан Валлен в следующем году стал супругом Евы Шернваль и хорошим отчимом для ее детей. Во втором браке родилось еще шестеро детей, из которых до взрослого возраста дожили три мальчика. После свадьбы тетя восьмилетней Авроры Минетте фон Виллебранд на несколько лет взяла девочку в свой дом в Петербург, где ее муж работал в Комиссии финляндских дел. Так Аврора смогла в раннем возрасте познакомиться с великолепной столицей государства и одновременно приобрести необходимые для молодой девушки из аристократического общества знания. Самым важным был французский язык, который стал для нее вторым родным языком наряду со шведским. Насколько известно, она говорила также на русском и немецком, но не знала их в совершенстве. Свои письма, в зависимости от адресата, она писала либо на французском, либо на шведском языках. Петербургский двор естественным образом стал играть центральную роль в жизни Авроры Шернваль. Она как должное усваивала манеры поведения и нормы придворной жизни.

В 1820 г. Карл Юхан Валлен стал членом Финляндского сената, а через год был назначен прокурором. Семья переехала в Хельсинки, и двенадцатилетняя Аврора Шернваль вернулась на родину. Для дочерей была нанята гувернантка – способный педагог, немка по происхождению Аннете Харринг, чья сестра Шарлотта была домашней учительницей в семье К.Э. Маннергейма. Настоящим домом для семьи Шернваль-Валлен стала усадьба Тресканда в Эспоо, которую Валлен приобрел на деньги своей жены. Он вложил много средств в облагораживание и обустройство поместья, прежде всего в планировку и разбивку парка. Это стало его любимым, хотя и дорогим увлечением. Когда он, спустя два десятка лет, начал строительство городского дома виллы Хакасальми («*Вилла Хагасунд*»), известной также как «*Вилла Валлен*», расположенной на берегу залива Тёёлёнлахти, Аврора, тогда уже Демидова, выкупила у отчима имение Тресканда.

Традиционная жизнь в усадьбе с ее походами за ягодами, кофе на природе, зимними катаниями на санях, импровизированными танцами и выступлениями домашнего театра, стала привычной для многочисленного молодого поколения семьи. Вполне обычными для того времени были также контакты с местным приходом и благо-

творительность, оказываемая семьям безземельных крестьян. Сестра Эмилия, в 1828 г. вышедшая замуж за сосланного в Финляндию декабриста графа Владимира Мусина-Пушкина, распространила эти традиции вплоть до далеких деревень, расположенных за Ярославлем.

Среди красивых дочерей Шернваль Аврору считали самой очаровательной и изысканной по своим манерам. У нее было много поклонников как среди молодых дворян на родине, так и среди русских офицеров. Семья пророчила ей блестящее будущее. Казалось, оно было близко, когда она была представлена императорской семье во время визита Николая I в Хельсинки в 1830 г., и когда вскоре после этого ее назначили фрейлиной императрицы Александры, пока только номинально. Будучи в гостях у Мусиных-Пушкиных, ей представилась возможность познакомиться с салонами Петербурга, где члены высшего света и культурные круги встречались и общались в более свободной, чем при дворе, манере. Знаменитые поэты, такие как Баратынский, Вяземский, Лермонтов и Пушкин, вхожие в эти круги, в своих стихах воздавали должное красоте сестер Шернваль.

В этих салонах бывал и полковник Александр Муханов, который ранее служил в Хельсинки и уже тогда восхищался Авророй Шернваль. Он участвовал в Кавказской войне и заболел там холерой и брюшным тифом. Обоюдная симпатия быстро привела к обручению. Был уже назначен день свадьбы, в Тресканде готовили приданое, и весь Хельсинки ожидал прибытия жениха. День свадьбы уже прошел, когда была получена печальная весть. Муханов умер от старой болезни. Возможно хоть каким-то утешением для невесты, во всяком случае, для честолюбия ее семьи, на следующий год стало сообщение о том, что императрица приглашает Аврору Шернваль ко двору.

Фрейлины имели в Зимнем дворце собственные апартаменты. В их распоряжении были карета и пара лошадей, кучер и слуга, и они могли свободно передвигаться по всему дворцу. Их главной обязанностью было постоянное нахождение возле императрицы, функции секретаря, чтение вслух, прием и развлечение посетителей, а также забота об императорских детях. Фрейлина сопровождала императрицу в поездках и визитах, в посещениях театра и благотворительных организаций, а также помогала в устройстве концертов и домашних театральных выступлений. Между императрицей Александрой Федоровной и Авророй Шернваль, по всей видимости, завязались подлинные дружеские отношения. То же можно сказать и о дружбе со старшими детьми императорской пары, наследником престола Александром и великой княгиней Марией, позднее герцогиней Лихтенбергской, хозяйки так называемого Мариинского дворца.

Пробыв в роли фрейлины неполный год, Аврора Шернваль была вновь обручена. Женихом был егермейстер Павел Демидов, 38 лет, человек с уже ослабленным здоровьем и пресытившийся жизнью. По свидетельству знавших его людей, по своему характеру он был

капризным и требовательным как избалованный ребенок. Основатель рода Демидовых, оружейник из Тулы по имени Демид, завоевал расположение Петра I своими пистолетами, и ему были пожалованы права на рудники и плавильни на восточных склонах Урала вместе с работавшими там тысячами крепостных. В рудниках добывали железо, медь, золото и платину, а также ценные породы, малахит и самоцветы. Богатство семьи росло баснословными темпами. Во времена Екатерины II у Демидовых была своя армия, и они чеканили собственные монеты.

Однако отец и дядя Павла Демидова поселились за границей. В своих дворцах во Франции и Италии они собирали произведения искусства, также открывали дома престарелых и больницы. В России подобный вывоз собственности в другие страны осуждался. Существовало распространенное пожелание, что Аврора Шернваль могла бы попытаться убедить своего мужа вернуть собственность в Россию и использовать ее более разумно на благо своей страны и императора. Самый младший из братьев, Анатолий Демидов, был уже безнадежным случаем. В Париже и во дворце Сан Донато близ Флоренции он вел роскошную жизнь, своими капризами и грубостью заставил уйти жену, принцессу Матильду Бонапарт, и безответственно разбрасывался деньгами налево и направо. Приданое для фрейлины императрицы в 12 000 рублей, возможно, и не было слишком большой ценой за то, чего теперь государь ожидал от Авроры.

Свадьбу отпраздновали в Хельсинки в марте 1836 г., сначала в православной гарнизонной часовне, затем, по евангелическо-лютеранскому обряду, в Старой церкви. Жених был настолько болен, что его пришлось вести к алтарю под руки. Свадебные подарки молодой жене и пожертвования ее родному городу были поистине царскими. Школа рукоделия для девочек-сирот в Хельсинки и так называемая Ланкастерская школа для мальчиков получили 30 000 рублей, также был создан фонд для хорошо успевающих девочек размером в 50 000 рублей. Невеста получила золотую шкатулку со знаменитым бриллиантом Санси на платиновой цепочке, седьмым по величине в мире. В той же шкатулке были уникальные «Демидовские жемчуга», четырехрядное ожерелье из жемчужин размером с лесной орех.

Трудности начались сразу вскоре после свадьбы. Демидов был болен и отказывался ехать в Петербург. Придворная жизнь была ему неприятна настолько же, насколько и ведение финансовых дел. Супружеская пара провела всю свою совместную жизнь, примерно три с половиной года, на разных лечебных курортах Германии. Аврора Демидова одна приезжала в Петербург, чтобы согласно этикету выразить императорской паре свое уважение и преданность. Единственный ребенок Павел родился в октябре 1839 г. Демидов, в конце концов, согласился на переезд в Петербург, где на Большой Морской улице начали приводить в порядок его дворец. Однако в

следующем году его здоровье окончательно ослабло. Весной 1840 г. он умер в Майнце.

1840-е гг. можно считать водоразделом в жизни Авроры Демидовой. Помимо мужа она потеряла свою мать и любимую сестру графиню Эмилию Мусину-Пушкину. Младшая сестра Алина вышла замуж и переехала за границу вместе со своим мужем, португальским дипломатом. Аврора Демидова была по-прежнему молода и красива, душевно и физически здорова и энергична. Она была счастливой матерью, зрелой и опытной женщиной. Кроме того, она была экономически независима, что было редкостью для женщин того времени. У нее было хорошее положение как в Петербурге, так и в Финляндии. Как опекунша своего сына, она имела право голоса в управлении Демидовскими заводами, хотя после смерти мужа ей досталось, помимо пожизненной ренты, только право пользования дворцом и другой собственностью.

Выкупив усадьбу Тресканда у своего отчима, Аврора Демидова превратила ее в свой настоящий дом. Демидовский дворец был официальной резиденцией, прекрасным местом проведения празднеств и приемов. Теперь она могла самостоятельно участвовать в той жизни, в которой прежде, несмотря на всеобщее восхищение и поклонение перед ней, была зависима от расположения других, будь то родственники, или монархи. У нее был собственный салон, и она сама могла выбирать как гостей, так и предлагаемую им программу, а также весь остальной антураж. В ее доме всегда был неиссякаемый поток родственников, знакомых, студентов, приезжавших в Петербург с рекомендательными письмами, художников и дипломатов. С ее помощью завязывались многие важные знакомства.

Но все же домом оставалось имение Тресканда. Парк подвергся полной перепланировке. Французский стиль с геометрическими формами сменился английским – с его естественными тропинками, травяными лужайками и лесопосадками. Как видно из сохранившихся многочисленных писем, хозяйка и в Петербурге, и за границей не забывала о своем имении с его конюшнями, хлевами с породистым скотом, лесопильнями, мельницами и сыродельнями. Обширные цветники и теплицы она требовала содержать в порядке, даже когда сама отсутствовала. Находясь в имении, она до самой старости ухаживала за садом, хотя бы просто указывая своим помощникам палкой на оставленные между цветами сорняки.

В Хельсинки российская элита и деятели культуры, привлекаемые курортной жизнью в городе, часто гостили у Авроры Демидовой. Когда университет праздновал свое двухсотлетие, она также приняла участие в этом, демонстрируя свое гостеприимство *à la Demidov*, хотя из-за траура не могла участвовать собственно в праздничных церемониях. Хельсинки начал осознавать, насколько значимой для города она была в экономическом и культурном отношении.

Признаком обретения свободы стало также новое замужество в 1846 г. Отцом капитана Андрея Карамзина был историк Николай Карамзин, а матерью – княгиня Екатерина Вяземская, в салоне которой сестры Шернваль еще в 1830-е гг. познакомились с высшим светом Петербурга. Андрей был видным, образованным, интересующимся политикой и много путешествовавшим, слегка апатичным и очень уживчивым человеком, младше Авроры на пять лет. У него было развито чувство офицерского долга, но без чрезмерного честолюбия. Аврора была сильно в него влюблена.

Поначалу семья Валленов препятствовала браку. Существовали опасения, что Карамзин стремится к экономическим выгодам, пользуясь чувствами молодой вдовы. Невеста привлекла на свою сторону императорскую семью, и брак был заключен в июле 1846 г. в часовне Шереметьева в Петергофе. Оттуда молодожены отправились прямо в Тресканду. В своем письме сестре Аврора Карамзина писала, что она безмерно счастлива. Карамзин ушел в отставку в чине полковника в 1849 г.

В конце 1840-х гг. семья совершила две большие поездки, которые, несомненно, имели большое значение для последующей жизни Авроры Карамзиной. В 1847–1848 гг. они длительное время пробыли в Париже. Помимо посещений театра и оперы и надлежащих приемов, они посещали заседания французского парламента. В тот «безумный для Европы год» они с интересом слушали речи партийных лидеров Гизо и Тьера. Затем, в разгар революций и восстаний они вернулись в надежное лоно России. Очевидно, что в Авроре Карамзиной проснулся интерес к общественной жизни, отчасти, благодаря супругу. В дальнейшем для нее стало обычаем посещать во время поездок местные благотворительные заведения и больницы. Ей были знакомы как сиротские дома и дома престарелых, опекаемые католическими монахинями, так и заведения протестантских pietistских движений.

В следующем году Карамзины с большой группой сопровождающих совершили нелегкую поездку в Нижний Тагил, шахтерский и промышленный город Демидовых, расположенный на востоке Уральских гор. Все богатство семьи происходило оттуда, но после основателей никто из владельцев не показывался там, за исключением коротких визитов. Карамзины пробыли там несколько месяцев. Аврора Карамзина посещала рудники и плавильни и требовала встречи не только с руководством и инженерами, но и с рабочими и их семьями, а также с местными священниками. Она была крестной матерью для детей крепостных и дарила приданое для их дочерей. Она познакомилась с сиротскими домами и домами престарелых, открытыми еще во времена предыдущих поколений, и по ее инициативе началась работа по устройству роддома и детского дома, при котором создавались школы для мальчиков и девочек. За их работой она позже следила через управляющих заводами Демидова. В ее

переписке найдены указания на то, что она поддерживала личную связь с некоторыми людьми, которым помогала, прежде всего, с молодыми студентами.

Десятилетний Павел Демидов вместе с учителями сопровождал мать в поездке на Урал, так же как и в других поездках. Она стремилась пробудить в нем интерес к делам большого предприятия. Его дядя Анатолий Демидов остался бездетным, и, усыновив Павла, он оставил тому княжеский титул и несметные богатства. Воспитание Павла вызывало большую тревогу у матери в течение многих лет, а то и десятилетий. Казалось, Павел не вырос, хотя в некоторых вопросах он демонстрировал раннее развитие, что также немало заботило мать. Павел был мягкосердечным, но эгоцентричным, умным, однако неспособным на долгое время сосредоточиться на каком-нибудь предмете или занятии. Домашние учителя часто менялись. По мнению матери, один был слишком строгим, другой же слабым. Ни отчиму Карамзину, ни дяде Эмилию Шернваль-Валлену не удавалось пробудить в мальчике интерес к общественным или экономическим делам. Деньги означали для наследника Демидовых само собой разумеющееся право получать удовольствия, не работая и не неся никакой ответственности. По мнению родственников, мать избаловала единственного ребенка.

Брак, продлившийся восемь лет, закончился в 1854 г. Андрей Карамзин вернулся в армию добровольцем и был убит в сражении возле реки Дунай. В 46 лет Аврора Карамзина второй раз осталась вдовой.

Ей еще долгое время не удавалось устроить для себя спокойную жизнь в Тресканде, о чем она мечтала. Летом ее дом был полон гостей. Сестры и братья покойного супруга, дети Мусина-Пушкина с прислугой и гувернантками, даже сестры умершего Муханова регулярно бывали у нее. То же продолжалось и в Петербурге. Сохранившаяся переписка повествует, как из года в год у нее гостили родственники, главным молодые девушки из Финляндии, которые следовали за ней из Хельсинки в Петербург и далее в Париж, Италию и на курорты Германии. Алина и Мария Мусина-Пушкина, София Маннергейм, Лили и Алинетте Корреа, а также следующее поколение в лице Эмилии и Марии Линдер и многих других прошли в салоне Авроры Карамзиной своего рода строгую и разностороннюю школу фрейлин. Аврора, практически потерявшая собственную семью, смотрела на них как на своих дочерей, надеясь привить им собственные взгляды, интересы и манеры и следя за их судьбами на протяжении лет.

Будучи опекуной Павла, Аврора Карамзина принимала участие в руководстве Демидовскими заводами и присутствовала в качестве хозяйки на становившихся все более пышными празднествах сына в Петербурге. Не следовало пропускать и визиты к членам императорской семьи. Императоры сменялись, Аврора оставалась неизменной. Когда старший сын Александра II Николай Александрович умер в Ницце, Аврора без промедления отправилась из Парижа разделить скорбь

родителей. Когда Павел достиг совершеннолетия, Аврора Карамзина переехала жить в Тресканду, но зимой проводила время на вилле своего отчима в Хакасальми, которую выкупила после его смерти. Когда Эмиль Шернваль-Валлен ушел на пенсию с должности министра статс-секретаря, сестра с братом жили вместе в доме, известном теперь как «Дача Карамзиной».

Салон Авроры Карамзиной в Хельсинки отличался от петербургского, но был одинаково почитаем, как дворец на Большой Морской. Карл Юхан Валлен был основателем Финского художественного общества. Ц. Топелиус многие годы был для Авроры Карамзиной опорой и связующим звеном с общественными кругами Хельсинки, в том числе с Женским союзом. На вилле в Хакасальми устраивались концерты, выступления любительского театра и лотереи, там собирались швейные кружки, организовывались сборы благотворительных пожертвований. Естественно, когда императорская семья прибыла с визитом в Хельсинки, они не могли не посетить Аврору Карамзину.

Визит императора в 1863 г. был знаменательным событием как для Хельсинки и всей Финляндии, так и для Авроры Карамзиной. Когда состоялся ожидавшийся десятилетиями созыв сейма, Эмиль Шернваль-Валлен написал своей сестре: «Начинай планировать программу на день для императора в Тресканде. Его Величество обещал осенью приехать к тебе». Аврора Карамзина энергично взялась за дело. В усадьбе был построен новый флигель с актовым залом, были сделаны новые насаждения в парке. Из охотничьих угодий Остзейских провинций были доставлены животные, а парижский повар привез своих помощников, великолепные вина и особые лакомства. Императорский стол был накрыт золотыми демидовскими тарелками, а залы украшены привезенными из Ниццы цветами. Император подстрелил оленя, и на этом месте в память о событии посадили дуб. На обеде и балу император милостиво общался со «сливками» общества Великого княжества, собравшимися в Хельсинки на сессию сейма. Вечер завершил праздничный фейерверк в парке и вдоль всей дороги от Эспоо до Хельсинки. По выражению Топелиуса, «у жителей Хельсинки есть своя добрая фея».

Спустя несколько лет у «доброй феи Хельсинки» появились новые заботы, когда на страну обрушились невиданные доселе голодные годы и эпидемии. Значительное количество голодных и больных устремилось в Южную Финляндию. Часть из них пришла в Тресканду, где для них были устроены размещение и госпиталь для нуждающихся. Женский союз в Хельсинки на средства Авроры Карамзиной содержал так называемые «суповые кухни», рабочие мастерские, а также детские ясли и сиротские приюты со школами.

Религиозные убеждения Авроры Карамзиной основывались на вере, укоренившейся с раннего детства, на том чувстве безопасности, которые не смогли в дальнейшем пошатнуть потери и разочарования.

Способность к эмоциональному восприятию сочетались в ней с сильной потребностью в конкретных действиях. Она прочно стояла на земле и воспринимала как личный вызов беды и лишения, которые она видела вокруг себя. В ее письмах встречаются свидетельства типичной для нее непосредственной реакции на происходящее вокруг. После разрушительного пожара в рабочих кварталах Петербурга она пишет: «Завтра пойду посмотреть, что можно сделать». По письмам можно судить, что ее совершенно очевидно интересовала конкретная помощь больным.

На проявление таких качеств сильно повлияло то, что она увидела в петербургском евангелическом госпитале, а также в первом институте сестер милосердия, созданном пастором Теодором Флиднером в Рейнской области. Именно такую деятельность она считала необходимой для Финляндии. Она должна была дать молодым женщинам, а также всем образованным и сознательным людям возможность получить необходимое образование для практической работы с больными и обездоленными.

Институт сестер милосердия в Хельсинки был открыт в декабре 1867 г., в самый разгар голодных лет. Его первым директором стала вдова Аманда Каяндер, которая ухаживала за Авророй Карамзиной, когда та заразилась оспой. Поначалу институт действовал на арендуемой площади в доме Линдеров на улице Унионинкату, а в 1875 г. Аврора купила для него специальное здание на Катаянokka. Когда стало ясно, что помещений не хватает, на ссуды и пожертвования было начато строительство комплекса зданий, действующих и поныне, расположенных в районе Зоопарка. Строительство закончилось в 1897 г. Аврору Карамзину особенно радовало то, что институт находится недалеко от виллы в Хакасальми.

Долгие пешие прогулки до последних лет жизни доставляли удовольствие Авроре Карамзиной. Находилась ли она в Эспоо или Хельсинки, Париже или Петербурге, утром она всегда совершала пешую прогулку. Ее обычный маршрут пролегал из Хакасальми через Мейлахти, по мосту Сеурасаари или вокруг залива Эляйнархалахти. Пара лошадей с каретой всегда следовала за ней, но обычно она не поднималась в нее без надобности.

Путешествия никогда не пугали Аврору Карамзину. Когда ее племянник Алексей Мусин-Пушкин был ранен на дуэли, семидесятилетняя тетя не раздумывая отправилась в Венецию, чтобы присмотреть за детьми. Образ жизни Павла Демидова менялся от скандалов и дуэлей до религиозного фанатизма, и руководство Демидовскими заводами, а также сам император неоднократно зывали к здравому смыслу Авроры Карамзиной и тому влиянию, которое она еще имела на «блудного сына». Дела предприятия испытывали большие трудности. Существовали опасения, что рудники истощаются. При этом возросли расходы, так как после отмены крепостного права рабочим нужно было

платить зарплату в денежной форме. По все видимости, на заводах имели место обман, хищения и злоупотребления. Павел Демидов вынужден был продать свой парижский дворец с коллекциями произведений искусства, а также роскошную виллу в Довиле. Петербургский дворец сначала был сдан в аренду, а затем продан итальянскому послу. В какой-то момент ожерелье Авроры Карамзиной было отдано в банк под залог за миллионный долг Демидовских заводов. В конце жизни ее рента составляла «всего лишь» 50 000 рублей, из которых на содержание Тресканды ежегодно тратилось 12 800 рублей.

Аврора Карамзина сосредоточилась на благотворительности. Поначалу она лично, а позднее с помощью кого-нибудь из слушательниц института сестер милосердия принимала в назначенные дни нуждающихся в помощи. Своих помощников она посылала познакомиться с условиями жизни просителей и подготовить предложения, чем им можно помочь. Рассказывают, что она помогала многим студентам. Ближе всего ее сердцу были женщины, стремившиеся получить образование. Для девочек из сельской местности, приезжавших в Хельсинки на работу, она организовала дом прислуги, а в своем имении построила конюшню и постоялый двор для сельских жителей, приезжавших на рынок. До самой старости она посещала по праздникам народную школу в Тресканде и раздавала лучшим ученикам стипендии и награды.

Павел Демидов умер в Сан Донато в возрасте 45 лет. Сопровождая его тело на Урал, в усыпальницу предка Никиты Демидова, Аврора Демидова увидела совершенно новое поколение рабочих. Крепостных больше не было, а права на рудники возвращались государству. Эмиль Шернваль-Валлен умер в 1890 г., и в последнее десятилетие жизни самыми близкими людьми Авроры Карамзиной были пожилые сестры милосердия, с которыми она еженедельно виделась, неизменно проходя путь вдоль залива Тёёлёнлахти.

Главное здание в Тресканде сгорело в 1888 г. Аврора Карамзина не захотела строить новое, а продала усадьбу дочери племянницы Марии Линдер и ее супругу доктору Адольфу Тёрнгрёну. Тем самым она смогла оказать значительную помощь масштабной реконструкции Института сестер милосердия.

Когда император Александр III и императрица Мария Федоровна посетили Финляндию в 1885 г., Аврора Карамзина имела удовольствие показать им свой институт. Рассказывают, что император весело играл с маленькими детьми из детского дома. Так встретились два основных течения в жизни Авроры Карамзиной.

Атмосфера, изменившаяся в «годы лихолетья» доставляла огорчения Авроре Карамзиной. В 1901 г., во времена генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова, она обратилась с письмом к вдовствующей императрице Марии Федоровне, ссылаясь на права Финляндии, всегда соблюдавшиеся российскими императорами. Императрица передала

обращение сыну, однако положительной реакции не последовало. Отношения Авроры Карамзиной с Николаем II были совсем не те, что с другими императорами. И все же, когда в мае 1902 г. ее провожали на старое кладбище Хельсинки, среди огромного количества цветов был и венок от Николая II.

Аврора Карамзина продала усадьбу Хакасальми городу Хельсинки. Сейчас там размещен музей города Хельсинки. По прошествии лет слава Авроры Карамзиной как доброй феи несколько увяла. Однако все более наглядным стал ее вклад в общественную работу и в женское образование в Финляндии.

– КАТРИ ЛЕХТО

Приложение:

Ева Аврора Шарлотта Шернваль, с 1836 Демидова, с 1846 Карамзина, род. 3.8.1808 Пори, умерла 13.5.1902 Хельсинки. Родители: Карл Юхан Шернваль, губернатор, и Ева Густава фон Виллебранд. Первый муж: 1836–1840 Павел Демидов, егермейстер, род. 1798, умер 1840, родители первого мужа: Николай Демидов, полковник, и Елизавета Строганова, баронесса; второй муж 1846–1854 Андрей Карамзин, полковник, род. 1813, умер 1854, родители второго мужа: Николай Карамзин, историк, и Екатерина Вяземская, княгиня. Сын: Павел Демидов, род. 1839, умер 1886, первая жена: Мария Мещерская, вторая жена: Елена Трубецкая.

Маттиас Александр Кастрен (1813–1852)

*профессор финского языка
и литературы*

Маттиаса Александра Кастрена, без сомнения, можно причислить к самым выдающимся деятелям Финляндии XIX в. Поскольку его слава основывается только на научной деятельности, он не так известен, как Элиас Лённрот или Й.В. Снельман, которых помнят больше за заслуги в литературе и политике, чем в науке. Роль Кастрена как ученого наиболее существенна, результаты его научных исследований по-прежнему убедительны и интересны. Кастрен был исследователем и путешественником, он собирал материалы, касающиеся языков и народов Северной Евразии. Кроме того, он развивал новые методы и подходы в языкознании и этнографии, основывающиеся на полевой работе. Богатые событиями путешествия Кастрена были объектом большого интереса просвещенной публики, а его ранняя смерть еще больше закрепила его исключительное положение как основоположника в науке. Вплоть до своей смерти Кастрен длительное время был профессором финского языка и литературы, став первым ученым, занимавшим эту должность.

Маттиас Александр Кастрен родился в Терволе 2 декабря 1813 г. И его отец, Кристиан Кастрен, в то время помощник пастора, позднее настоятель церковного прихода в Рованиеми, и мать Сусанна София Фельман происходили из семей потомственных священников и высоко ценили ученость. Его дядя по матери, настоятель прихода в Утсйоки и Инари Якоб Фельман, был ведущим исследователем Лапландии своего времени, а дядя по отцу, настоятель прихода в Кеми Маттиас Кастрен, увлекался науками. Его отец умер в 1825 г., и школьные годы молодого Александра в тривиальной школе Оулу прошли в нужде.

Кастрен поступил в Хельсинкский университет в 1830 г. и вступил в остроботнийское землячество. В 1836 г. он получил степень кандидата философии, для чего изучал восточные языки и философию, по всей видимости, имея целью пойти по традиционному для его семьи пути священника. Обстоятельством, заставившим Кастрена заинтересоваться языкознанием и этнографией Северной Евразии и, прежде

всего, исследованием финского фольклора, стал выход в свет в 1835 г. «Калевалы» Элиаса Лённрота. Подъем феннофильского движения и национально-романтические настроения не могли не оказать влияния на выбор его жизненного пути. Значительную роль в его формировании сыграл круг друзей Кастрена, в который входили, в частности, Элиас Лённрот, Ц. Топелиус, Й.Л. Рунеберг и Й.В. Снельман.

На характер исследовательской работы Кастрена, в свою очередь, решающим образом влияли те импульсы, которые он получал из международного научного мира. Сравнительное языкознание в первые десятилетия 19 в. развивалось быстрыми темпами. Одним из его основоположников был датчанин Расмус Раск, который помимо индоевропейских языков интересовался финским и родственными ему языками, и от него Кастрен перенял основы принципов исследования истории языка. Наставник Кастрена, который планировал его поездки по Сибири, академик А.Й. Шёгрэн был также хорошо знаком с новыми течениями в языкознании. Научная заслуга Кастрена заключалась в том, что он смог творчески применить и развить теоретические знания в ходе сбора и анализа колоссального полевого материала.

Первую свою научную поездку Кастрен совершил летом 1838 г. в Финскую Лапландию, где он изучал саамский язык и саамский фольклор и мифологию. На основе собранного материала в 1839 г. он подготовил диссертацию о склонении имен в финском, эстонском и саамском языках «*De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Laponica*», после чего в 1840 г. стал доцентом финского языка и языка древних северных племен. В книге для анализа чередований согласных он использовал методики Раска и других пионеров индоевропеистики, таких как Франц Бопп и Якоб Гримм. Принцип чередования согласных анализируется также в его статье на шведском языке «*Замечания относительно некоторых звуков в финском языке*» (1841).

Летом 1839 г. на средства, выделенные Финским литературным обществом, Кастрен отправился в Восточную Карелию для сбора лингвистического и фольклорного материала. Во время поездки он познакомился с поэтическим языком северных карелов, что позволило ему начать шведский перевод «Калевалы». Переведенный им на шведский язык эпос вышел в 1841 г. Это был первый полный перевод «Калевалы», и позднее его оценивали как работу высокого уровня. Во время весеннего семестра 1841 г. он в качестве доцента читал лекции по «Калевале».

Свою первую большую исследовательскую экспедицию Кастрен предпринял вместе с Элиасом Лённротом в 1841 г., отправившись в Лапландию. В их планы входило посещение русской Лапландии, но они вынуждены были остаться на территории Финляндии и Норвегии. В январе 1842 г. Кастрен узнал из письма Шёгрена, что Петербургская Академия Наук приняла решение направить большую научную экспедицию в Сибирь, на территорию проживания коренных

народов. Шёгрэн посоветовал Кастрену продолжить свое путешествие в Архангельск, где у него была возможность изучать ненецкий (юрако-самоедский) язык. В Архангельске он получил известие о том, что из средств финляндской казны ему выделены деньги на изучение самоедских языков. Таким образом, летом 1842 г. он, после того как Лённрот поехал в Карелию и еще раз безуспешно попытался попасть на Кольский полуостров, начал работу в Архангельской губернии, собирая материалы у проживавших там ненцев. В ноябре он из Архангельска продолжил свое путешествие по территориям проживания ненцев на европейском Севере и в Сибири. Он преодолел тяжелый путь вдоль арктического побережья и через тундру, в феврале 1843 г. прибыв в Пустозерск, расположенный на берегах Печоры. В апреле он продолжил экспедицию на юг вдоль Печоры к староверам в Усть-Цыльму и в центр северных коми Ижму, жители которых отнеслись к нему с недоверием. В конце июня – начале июля он побывал в деревне Колва, где изучал как ненецкий язык, так и северные диалекты коми (зырянского) языка. В сентябре он закончил рукопись по грамматике коми языка, которую, по совету Шёгрена и в связи с замыслами совершить исследовательскую экспедицию в Сибирь, послал в Петербургскую Академию Наук в доказательство своих научных талантов. Вскоре после этого он продолжил поездку на восток вдоль реки Уса в место, где предстояло дожидаться начала зимы, прежде чем можно будет перейти Урал. На этом этапе он первый раз почувствовал, что его здоровье серьезно пошатнулось. В Обдорск он прибыл в ноябре 1843 г. Там Кастрен продолжил изучение ненецкого языка, сделав важные наблюдения о родстве ненецкого и финского языков. Состояние его здоровья, однако, вызывало опасения, и, немного подлечившись, он в феврале 1844 г. отправился по Оби на юг в Березово. Там Кастрену был поставлен диагноз «туберкулез», и, таким образом, ему пришлось отправиться обратно на родину, хотя Академия Наук Петербурга уже выделила ему средства на продолжение исследовательской экспедиции. Услышав диагноз, Кастрен поначалу был готов отказаться от своих исследований, но когда болезнь немного отпустила, он начал планировать продолжение полевых работ на следующий год, на что согласилась и Академия Наук.

Кастрен вернулся в Хельсинки в мае 1844 г. Там он быстро доработал и напечатал грамматику коми языка «*Elementa grammatices Syrjaenae*» (1844), за которую Академия Наук наградила его почетной Демидовской премией. Раздел книги, касающийся именного склонения «*De nominum declinatione in lingua Syrjaena*» был в том же году засчитан за докторскую диссертацию. Выдающейся следует считать его статью по исторической фонетике, вышедшую на шведском языке («*О значении ударения в саамском языке*», 1845). В осенний семестр 1844 г. он читал лекции по финской грамматике. Помимо всего прочего, в Хельсинки он изучал марийский (черемисский) язык с помощью служившего там солдата-мари.

В феврале 1845 г. Кастрен отправился в новую поездку по Сибири, взяв с собой только что получившего степень магистра Юхана Рейнгольда Бергстади. В Петербурге Кастрен обсудил цели поездки с академиком Шёгреном. В апреле путешественники прибыли в Казань. Там Кастрен закончил написание грамматики марийского языка «*Elementa grammatices Tscheremissae*» (1845), которой, правда, сам автор позднее был недоволен, потому что после редактирования книги там оказалось большое количество опечаток.

В мае их путь пролегал через Урал и Екатеринбург в Тюмень и дальше в Тобольск. Языковедческая работа началась сначала с ханты (остяками), проживавшими вдоль Иртыша и Оби. В небольшой деревне Торопково Кастрен встретил несколько лесных ненцев, (пользуясь терминами Кастрена, кондинских самоедов), язык которых заметно отличался от ранее исследованного им языка тундровых ненцев. Следует упомянуть, что язык лесных ненцев – единственный язык, который до Кастрена был совершенно не известен науке. Что касается других языков, то уже существовали как минимум небольшие словари. Сравнительный анализ языка тундровых и лесных ненцев открыл Кастрену новое видение истории лексики и фонетики, и результатом работы стала статья на шведском языке «*Замечания о родстве самоедского и финского языков*» (1846), которая сильно продвинула вперед этимологическое исследование уральских языков.

Конец лета 1845 г. Кастрен провел в Сургуте, работая над рукописью грамматики хантыйского языка, которую Бергстади перевел на латынь. В сентябре исследователи отправились на лодке вверх по Оби и в октябре прибыли в небольшой городок Нарым. Проживавшие вокруг него селькупы (остяко-самоеды) стали следующим объектом исследований Кастрена. Хотя селькупы по языку сильно отличались от ханты (или истинных остяков), их также называли остяками, пока Кастрен не внес ясность. Путешествие по местам поселения селькупов продолжалось на нарте, пока в марте 1846 г. Кастрен и Бергстади не прибыли в Томск, откуда продолжили путь на восток к Енисею через Красноярск в Енисейск. Оттуда они в начале апреля направились в разные стороны: Кастрен сосредоточился на исследовании диалектов местных селькупов, поручив Бергстади изучение языка кетов (енисейских остяков). Кетский язык, который раньше называли только остяцким, по своей структуре принципиально отличался от других языков Западной Сибири, и как объект исследования был весьма сложным, из-за чего Бергстади не сильно преуспел в своей работе.

В конце мая Кастрен и Бергстади вернулись в Енисейск и вместе продолжили путь по реке на север через поселения кетов и эвенки (тунгусов). В нижнем течении Енисея они в июне достигли Туруханска, где обнаружили проживавших вокруг него северных селькупов. Помимо языковедческой работы, Кастрен собирал традиционные предметы обихода эвенки, кетов и селькупов, такие как одежду и

орудия охоты, и отправлял их в этнографический музей Академии Наук. Экспедиция продлилась до конца июля и достигла Северного Ледовитого океана, территории проживания ранее не известных Кастрену жителей, говорящих на самодийских языках – энцев (енисейских самоедов) и нганасанов (тавгийцев). В начале сентября ученые дошли до села Дудинка, находившегося в нижнем течении Енисея. Бергстади заболел и не последовал за Кастреном, когда тот в конце ноября отправился к самому северному пункту экспедиции, к Толстому Носу, расположенному на восточном берегу Енисейского залива. В жутком холоде Кастрен в течение двух недель выявлял отличительные черты самодийских языков этой территории и собирал этнографический материал.

На обратном пути на юг Кастрен забрал больного Бергстади из Дудинки, и в январе 1847 г. они снова прибыли в Туруханск. Кастрен теперь сосредоточился на изучении кетов, однако, Бергстади не был способен больше работать и вернулся через Енисейск и Казань в Финляндию. В конце марта Кастрен вернулся в Енисейск, где продолжил работу по изучению кетского языка. У него иногда проявлялись симптомы болезни, но с приближением лета он почувствовал прилив сил и направился на юг.

Через Красноярск и Минусинск Кастрен пересек гористые и степные районы Южной Сибири и достиг Саянских гор, а затем тайно пересек границу и проехал по территории Китая. Осенью он повстречал народность камасинцев, насчитывавшую 150 человек, чей язык относится к группе самодийских языков. Помимо камасинского языка он изучал два тюркских языка, именуемые теперь хакасским языком, и особенно его койбальский диалект, а также близкий к тувинскому (сойотскому) тофский (карагасский) язык. Большая часть предков этих жителей говорила на самоедских языках, либо на камасинском, либо на маторском языке, последние носители которого умерли только несколько лет до того. Вместо этого Кастрен повстречал в тех краях стариков, которые знали еще коттский язык, язык более южных регионов, родственный кетскому языку. В марте 1848 г. он, весьма ослабленный, прибыл в Иркутск, откуда, помимо записей по языкознанию, отправил в Петербург также обширную археолого-этнографическую коллекцию. Правда, часть самых интересных находок, сделанных, в частности, в районе Минусинска, вероятно, пропала. Затем он поехал через Байкал на территорию бурят, говорящих на монгольском языке и исповедующих буддизм. Из города Кяхта он во второй раз побывал в Китае, а в мае достиг самой восточной точки своего путешествия, Нерчинска. В его окрестностях он изучал эвенкийский язык, а также древние захоронения и наскальные надписи этого края. В июне 1848 г. Кастрен поехал в обратный путь, который из-за туберкулеза и других болезней, таких как дизентерия и цинга, продлился больше полугода, так что он прибыл в Петербург только

25 января 1849 г. В феврале, после экспедиции, продлившейся без малого четыре года, он отправился в Хельсинки.

На родине здоровье Кастрена улучшилось, и он принялся энергично готовить результаты своих исследований к публикации. Первой была готова к печати грамматика хантыйского языка с прилагающимся словарем (опубликована на немецком языке в 1849 г.). В том же году 9 ноября он выступил с привлекшей большое внимание лекцией «Где находится колыбель финского народа?», в которой он с помощью спонтанных лексических сравнений пытался доказать, что финский язык, а, следовательно, и финский народ является родственным не только народам, говорящим на самодийских, но также тюркских и монгольских языках, и что их общая прародина находится на Алтае. На современный взгляд, лекция была выдержана в романтических тонах, что не было характерно для Кастрена. С другой стороны, речь с самого начала не шла о научном докладе.

Диссертация Кастрена «*De affixis personalibus linguarum Altaicarum*» (1850), представленная для получения должности профессора, демонстрирует высокий уровень сравнительного языкознания своего времени. В ней он предлагает схемы личных окончаний уральских, тюркских, монгольских и тунгусских языков. То, что современные исследователи не согласны с позицией Кастрена по поводу изначального родства упомянутых языковых семей, не умаляет достоинства этого труда. 14 марта 1851 г. Кастрен был назначен первым профессором финского языка и литературы. Назначение он получил лично от канцлера университета, наследника престола, ставшего позднее императором Александром II. В должности профессора он читал лекции по этнологии изучаемых им народов, финской и финно-угорской мифологии, а также по «*Калевале*». Одновременно он писал очерк о своих экспедициях до 1844 г. и постоянно работал над своим главным произведением, грамматикой самоедских языков. В январе 1852 г. симптомы туберкулеза вновь усилились, на этот раз распространившись на диафрагму и кишечник. Хотя в таком состоянии он еще мог время от времени работать, 7 мая 1852 г. он умер, так и не закончив написание книги. Однако накануне кончины ему удалось дописать рукопись, касающуюся мифологии финского народа.

Смерть Кастрена глубоко потрясла современников, о чем, в частности, свидетельствует речь Снельмана, произнесенная в его память. Большую озабоченность вызвал вопрос о судьбе его обширных научных собраний. К счастью для потомков, Петербургская Академия Наук поручила доработку рукописей Кастрена авторитетному лингвисту и другу Кастрена Антону Шифнеру. Под его руководством Петербургская Академия в течение десяти лет издала серию из 12 томов на немецком языке под названием «*Северные экспедиции и исследования доктора М.А. Кастрена*». Собрание включало в себя очерк, написанный Кастреном по результатам первых научных экспедиций 1838–1844 гг.

(1853), упоминавшееся ранее исследование на тему мифологии (1853), главный труд Кастрена – грамматику самодийских языков (1854), которую Шифнер блестяще отредактировал, хотя и слишком упростил многие суждения. Был также издан отредактированный Шифнером сравнительный словарь самодийских языков (1855), собрание очерков и писем из второй большой экспедиции Кастрена 1845–1849 (1856), грамматика и словарь эвенкийского языка (1856), заметки Кастрена по этнографии и фольклору (1857), грамматика и словарь бурятского языка (1857), грамматика койбальского диалекта хакасского языка и грамматика тофского языка (1857), переработанное издание грамматики и словаря хантыйского языка (1858), грамматика и словарь кетского и коттского языков (1858), а также немецкие переводы наиболее известных статей Кастрена (1862). На шведском языке в шести томах было опубликовано собрание *«Северные экспедиции и исследования»* (1852–1870), пять томов которого соответствуют упомянутому изданию на немецком языке, а шестой том включает в себя, в частности, переводы на шведский язык диссертаций Кастрена.

Та как в труд *«Северные экспедиции и исследования»* были включены только избранные рукописи Кастрена, их издание продолжалось и позднее, хотя и не систематично. Наиболее важными публикациями являются собрание устного народного творчества самодийцев (1940) под редакцией Т. Лехтисало и материалы к изучению языков селькупов и лесных ненцев, изданные тем же редактором (1960). В числе рукописей Кастрена есть много неизданного материала, и работа Шифнера как редактора во всех отношениях не была безупречной. В настоящий момент есть все предпосылки для осуществления наиболее полного комментированного издания рукописей, однако, время покажет, примет ли Финляндия такое мудрое решение в преддверии празднования 200-летнего юбилея Кастрена.

Маттиас Александр Кастрен – самый удивительный языковед в масштабах всего мира. На основе материалов, собранных им по большей части в крайне тяжелых условиях, вышло в свет в общей сложности четырнадцать грамматик различных языков. Эти языки относятся к пяти языковым семьям: уральской (марийский, коми, хантыйский, а также пять самодийских языков – ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский и камасинский), тюркской (хакасский и тофский), монгольской (бурятский), тунгусской (эвенкийский) и енисейской (кетский и коттский язык). В разных своих произведениях он рассматривал множество других языков. Кастрен был основоположником сравнительной уралоистики и исследования языков Сибири, и благодаря тому, что он начал настоящие полевые работы по языкознанию, его следует считать основателем этнолингвистики или антропологического языкознания. Однако в англоязычной литературе создание этого направления обычно связывается с американскими учеными, определявшими ситуацию в этой области

значительно позднее. Авторитет Кастрена был наиболее прочным главным образом среди ученых Центральной и Восточной Европы, и его публикации по-прежнему активно цитируются. Кастрен как лингвист был разносторонним первопроходцем. Он также достиг достойных результатов как этнограф, собиратель фольклора, знаток религий и археолог. В частности он первым ввел понятия экзогамии и анимизма, рассматривал взаимоотношения магии и религии, а также предложил публикацию оригинальных фольклорных записей, ставших материалом для *«Калевалы»*.

— ТАПАНИ САЛМИНЕН

Приложение:

Маттиас Александр Кастрен, род. 2.12.1813 Тервола, умер 7.5.1852 Хельсинки. Родители: Кристиан Кастрен, настоятель церкви в Рованиеми, умер 1825, и Сусанна София Фельман, умерла 1848. Жена: 1850 – Ловиса Наталья Тенгстрём, род. 1830, умерла 1881, родители жены: Юхан Якоб Тенгстрём, профессор философии, и София Магдалена аф Тенгстрём. Дети: Роберт, род. 1851, умер 1883, главный редактор газеты «Гельсингфорс Дагблад», депутат сейма, историк.

Урхо Кекконен
(1900–1986)

Президент Республики

Пять президентских сроков превратили Урхо Кекконена в одного из наиболее выдающихся деятелей в политической истории Финляндии. То, как он использовал свою власть, ставит его на первое место. Используя свой тактический талант, он демонстрировал полное владение всем политическим полем – от внешней политики до управления академическими организациями, от проблем развития Лапландии до правовой и кадровой политики. Во время четвертьвекового президентства Кекконена Финляндии удалось остаться частью Западной Европы, несмотря на давление со стороны Советского Союза.

Пять президентских сроков, а до этого пятикратное пребывание на посту премьер-министра превратили доктора юридических наук Урхо Кекконена в одного из наиболее выдающихся деятелей в политической истории независимой Финляндии. То, как он использовал свою власть, ставит его на первое место. Используя свой тактический талант, он демонстрировал полное владение всем политическим полем – от внешней политики до управления академическими организациями, от проблем развития Лапландии до правовой и кадровой политики.

С карьерой Урхо Кекконена, как это бывает с великими людьми, связаны легенды, которые в свое время служили насущным интересам, но которые при ближайшем рассмотрении оказываются неправдой. Что касается происхождения Кекконена, то такие легенды были, прежде всего, связаны с его сельскими корнями, социальным статусом его семьи и периодом, предшествовавшим его приходу в политику.

Урхо Кекконен родился в провинции Саво. Его род корнями уходит далеко в историю Саво, но сам он вырос в Кайнуу. Будучи депутатом парламента, Кекконен представлял Аграрный союз: сначала он был избран от западного округа Выборгской губернии, а затем, после передачи Карелии Советскому Союзу, – от губернии Оулу. В обоих избирательных округах он приобрел имена и выступал от лица этих

районов и их сельского населения. Но все же скорее его следовало бы считать городским интеллектуалом.

Хотя дом в Пиелавеси, в котором родился Кекконен, носит название «Торпа Лепикко», с торпарями его ничто не связывает. Дом был куплен поблизости от места работы отца семейства. Кекконен не был представителем самостоятельного крестьянства, скорее он относился к малоимущему сельскому населению Восточной Финляндии, которое нельзя причислить ни к крестьянам-собственникам, ни к торпарям. Его отец, Юхо Кекконен, был поначалу батраком и лесорубом, а затем стал распорядителем на лесозаготовках и агентом по снабжению. Мать Кекконена, Эмилия Пюльвяняйнен, была дочерью крестьянина-землевладельца. У них было достаточно средств, чтобы дать сыну среднее образование. Лишь в 1949 г., когда Кекконена готовили к президентской карьере, с фотографии «Торпы Лепикко» стерли дымовую трубу – такая картина более подходила к образу Кекконена как человека, вышедшего из глубин народных масс.

Уже во время учебы в средней школе совместного обучения в Каяни проявилась его энергичность, иногда выходящая за границы приемлемого. Согласно записи в протоколе педагогического совета, 15-летний Кекконен «изменил поставленные учителем оценки в тетради по русскому языку и внес исправления, а также продемонстрировал непослушание и надменность по отношению к другим учителям». Кекконену была снижена оценка за поведение на 2 балла, и он получил 6 часов карцера. За 2 месяца до получения аттестата в 1919 г. он получил наказание за «дерзость» и «оскорбление одноклассников».

Будучи лицеистом, Кекконен вступил в отряд шюцкора в Каяни, которым руководил Элья Рихтиниemi, и принимал участие в освободительной войне на стороне законного правительства Финляндии в составе Партизанского полка Каяни. Он, в частности, участвовал в боях в Куопио, Варкаусе, Моуху, в районе Выборга, а также весной 1918 г. командовал караульным взводом в Хамина, приведшим в исполнение смертные приговоры.

Полицейский, организатор и журналист

В молодости, в годы становления, Кекконен работал полицейским, а попутно занимался организаторской работой и журналистикой. Военскую службу он проходил в автомобильном батальоне в Хельсинки. После переезда в 1921 г. в Хельсинки жизнь Кекконена можно четко разделить на две части. С одной стороны, он быстро закончил свое обучение, получив магистерскую степень в 1926 г. С другой стороны, в течение всей учебы в Каяни и в Хельсинки он уже выполнял различные обязанности в Центральной Сыскной полиции. Он хорошо познакомился с самыми жесткими приемами антикоммунистической деятельности. В Центральной Сыскной полиции Кекконен повстречал свою будущую жену, машинистку Сюльви Уйно, которая была дочерью пастора с Карельского перешейка.

Кекконен планировал написание диссертации о деятельности тайной полиции (*agent provocateur*), но после того, как публично выступил с предложением о ликвидации Центральной Сысской полиции путем ее слияния с Криминальной полицией, вынужден был уйти в отставку. В 1927 г. Кекконен становится юристом в Союзе сельских коммун, но его раздражающая манера выражать свою точку зрения привела к отставке в 1932 г. Он выпустил комментарии к закону о коммунальном самоуправлении, а его докторская диссертация, законченная в 1936 г., была посвящена коммунальному избирательному праву в законодательстве Финляндии.

В отличие от провинциальных политиков, Кекконен поднялся к вершинам власти не через практическую работу в органах самоуправления. Он занимался политикой в студенческой и спортивной организациях, а также постоянно печатаясь в различных газетах и журналах. В Хельсинкском университете он принимал активное участие в работе студенческого землячества Северной Похьянмаа и был замечен среди студентов-юристов в этом землячестве, возглавляя бесшабашную студенческую жизнь. В 1927–1928 гг. Кекконен был главным редактором студенческой газеты «*Юлиоппиласলেখти*».

Идейные корни Кекконена уходят в националистическую студенческую политику недавно обретшей независимость Финляндии. С 1924 г. он принадлежал к группе, объединившейся вокруг Ниило Кярки и входившей в Академическое Карельское Общество (*Akateeminen Karjala-Seura, AKS*), а также поддерживал государственно-социалистические идеи Юрьё Рууту. Для него также были важны национальное единение, ненависть к русским, борьба за финский язык и восточно-карельский вопрос. Кекконен вел колонку в газете «*Суомен Хеймо*», органе Академического Карельского Общества. В 1930 г. он стал председателем Феннофильского Союза (*Suomalaisuuden Liitto*), вошедшего тремя годами ранее в Академическое Карельское Общество. Дистанцируясь от Академического Карельского Общества, радикализовавшегося с подъемом правого Лапуаского движения, он продолжал писать статьи в орган Феннофильского Союза «*Суомалайнен Суоми*», сосредоточившись главным образом на идее феннизации университета.

Еще в спортивном клубе «*Каяанин Кипиня*» Кекконен проявил себя и как спортсмен, и как организатор. Лучшее его спортивное достижение – титул чемпиона Финляндии по прыжкам в высоту в 1924 г. с результатом 185 см. Прыжки с места были его лучшей спортивной дисциплиной. Высшим достижением Кекконена как организатора стало его избрание в 1932 г. первым председателем «*Суомен Урхейлулийтто*» (Спортивный союз Финляндии), а также председательство в Олимпийском комитете Финляндии.

Талант Кекконена проявлялся больше в функциональном, прежде всего тактическом плане, чем в идеологическом. Его нельзя назвать

человеком, сформулировавшим идеологические установки своего поколения. Скорее он был деятелем, эффективно осуществлявшим главные идеи каждого периода.

На пути в «узкий круг» политики

Кекконен не был партийным политиком до 1933 г., когда он вступил в Аграрный союз, получил должность в министерстве сельского хозяйства и впервые попытался попасть в парламент. Кекконен принадлежал к сельской интеллигенции в первом поколении, так же как и его друзья-юристы Карло Хиллиля и Пааво Сяйппя, которые тоже поступили на государственную службу. Кекконен поддерживал тесные связи с Хиллиля, который стал губернатором Лапландии; Сяйппя он назначил начальником Центральной Сыскной полиции после Эско Риекки.

В 1932 и 1933 гг. Кекконен для подготовки диссертации побывал в Германии, где стал свидетелем прихода Гитлера к власти. Деятельность коммунистов в Финляндии была уже запрещена, поэтому в памфлете *«Самооборона демократии»* Кекконен обращает внимание на угрозу, исходящую от правого радикализма.

В парламент Кекконен попал со второй попытки в 1936 г. Очень быстро он стал вторым министром внутренних дел в правительстве Кюёсти Каллио. Самой заметной акцией Кекконена на посту министра юстиции в «красно-зеленом» правительстве А.К. Каяндера стала неудачная попытка запрета крайне правого Патриотического народного движения в 1938 г.

Кекконен не вошел в состав правительства периода Зимней войны. В марте 1940 г. в парламенте он выступал против заключения мира с Москвой. В годы Второй мировой войны он работал руководителем Центра помощи переселенцам (1940–1943), а в 1943–1945 гг. занимал учрежденную по инициативе министра финансов Вяйнё Таннера должность уполномоченного министерства финансов, в чьи обязанности входила рационализация государственного управления.

Эти служебные обязанности и депутатство в «долгом парламенте» не удовлетворяли энергичного Кекконена. В 1942 г. под псевдонимом Пекка Пейтси он начинает писать для еженедельника *«Суомен Кувалехти»* обзоры по внешнеполитическим и наиболее злободневным внутриполитическим проблемам, после того как майор Вольф Х. Халсти был вынужден прекратить их писать по настоянию Ставки главнокомандующего. Поворотным моментом в сознании Кекконена послужила поздняя осень 1942 г., когда он начал сближаться с так называемой «мирной оппозицией».

Окончательно внешнеполитическое мышление Кекконена сформировалось в 1944 г. По мнению его биографа Юхани Суоми, реализм Кекконена основывался на положительном отношении к СССР. С точки зрения свободы и независимости Финляндии это означало, что

самым важным было исключить подозрения со стороны Советского Союза и тем самым создать предпосылки для взаимного доверия.

На съезде Аграрного союза в 1945 г. Кекконен заявил, что «Аграрный союз должен и далее придерживаться курса, учитывающего новый мировой порядок». Он призывал к тому, чтобы «вся наша общественная жизнь должна отвечать преобразованиям, направленным на достижение хорошего взаимопонимания». Это направление в политике позднее стало известно как так называемая линия Кекконена, которая вплоть до окончания его карьеры разделяла сначала Аграрный союз, а затем и всю финскую политическую жизнь по критерию внешнеполитической благонадежности.

На пути к «автократизму»

Окончательный прорыв для того, чтобы попасть в «узкий круг», Кекконен совершил, став министром юстиции в правительстве Паасикиви в ноябре 1944 г. В его обязанности входил вопрос о судебном процессе над виновниками войны, проведения которого требовала Союзная контрольная комиссия. Когда Паасикиви стал президентом в 1946 г., Аграрный союз выдвинул Кекконена на пост премьер-министра, но против этого возражал Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ). Кекконен стал членом правления Финляндского Банка. Значительным политическим влиянием он обладал и в парламенте, сначала в роли заместителя председателя, а затем председателя.

Кекконен с подозрением относился к намерениям коммунистов. Изменения стали происходить после того, как летом 1948 г. было сформировано социал-демократическое правительство меньшинства под руководством К.-А. Фагерхольма. Это, по всей видимости, свидетельствовало о начале сближения оставшихся в оппозиции Кекконена и Аграрного союза с коммунистами.

На президентских выборах 1950 г. Кекконен стал кандидатом от Аграрного союза, развернув энергичную кампанию против действовавшего президента Юхо Куusti Паасикиви. Кекконен получил 62 голоса выборщиков, Мауно Пеккала от Демократического союза народа Финляндии – 67, а победил на выборах Паасикиви со 171 голосом. После выборов Паасикиви назначил Кекконена премьер-министром. За этим последовали еще четыре правительства Кекконена.

Уже при формировании своего первого правительства в 1950 г. Кекконен связывал свою руководящую роль и состав правительства в первую очередь с финляндско-советскими отношениями. Во второй половине правления своего первого правительства Кекконен начал все больше делать акцент на подписанном в 1948 г. Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, который стал «основой всего». Вскоре Кекконен превратил свои отношения с Востоком в самый эффективный из своих политических инструментов, с помощью кото-

рого ему раз за разом удавалось давать отпор попыткам как свергнуть возглавляемые им кабинеты, так и отстранить его лично с поста премьер-министра.

По мнению Юхани Суоми, для образа действий Кекконена было характерно то, что его не удовлетворяло достижение большинства посредством компромиссов: он стремился к полному политическому уничтожению своих противников. Казалось, что Кекконен наслаждался борьбой. Он провоцировал конфликты и предпринимал рискованные шаги.

Когда в 1953 г. Кекконен был, в конце концов, смещен с поста премьер-министра, он угрожал, что Советский Союз откажет Финляндии в кредитах, если он вновь не станет премьер-министром. По мнению Паасикиви, такая постановка вопроса была «политически опасным делом, поскольку вопрос о правительстве увязывался с экономическими проблемами». Это, однако, стало основной тактической моделью, на которой Кекконен позднее строил свою власть.

Внутренняя политика первой половины 1950-х гг. характеризовалась регулируемой экономикой, направленной на целостный контроль экономического развития посредством сложных механизмов политики в области доходов, системы индексации государственного заказа. Тактические навыки премьер-министра Кекконена оказались как нельзя кстати в условиях, когда государство брало на себя ответственность за поддержание равновесия в области межпартийных отношений, а также в сфере политики доходов на поле битвы организаций рынка труда. В 1952 г. свои размышления в области экономической политики Кекконен изложил в книге, озаглавленной *«Есть ли у нашей страны самообладание, чтобы разбогатеть»*.

Кекконен стал президентом в 1956 г., победив с перевесом в два голоса своего противника социал-демократа К.-А. Фагерхольма. На выборах он получил 88 голосов выборщиков. Решающее влияние на решение выборщиков оказало то, что в третьем туре Кекконена поддержал ДСНФ – организация, служившая прикрытием для коммунистов. Трудно описать полностью целостную картину ярких тактических ходов, как, например, возможные обещания о составе будущих правительств.

В начале своего президентства Кекконен стремился играть умеренную роль, главным образом во внутренней политике. Начатая еще при Паасикиви в конце 1940-х гг. линия на ориентацию на запад во внешней торговле была продолжена с отменой импортных ограничений в 1957 г.

Советский Союз выразил свое отрицательное отношение к правительству широкого большинства, сформированному Фагерхольмом в конце августа 1958 г. Президент Кекконен присоединился к такой оценке и способствовал падению правительства в декабре. Историки не пришли к единой точке зрения относительно мотивов Кекконена.

Существует мнение, что за действиями президента стояло опасение либо самого Кекконена, либо Советского Союза, что на следующих президентских выборах широкая коалиция оттеснит Кекконена. Вероятно, что Советский Союз был также озабочен про-западными тенденциями во внешней политике Финляндии.

В любом случае, в результате внутренняя политика Финляндии зашла в тупик, исключавший возможность формирования правительства большинства. Приходилось прибегать к практике временных кабинетов, опиравшихся главным образом на Аграрный союз.

Внутренний раскол в Социал-демократической партии дополнил и без того осложнившуюся внутривластную ситуацию. Тем не менее, Кекконен настойчиво продолжал попытки соединить свое переизбрание с формированием правительства большинства и осуществлением своих внешнеполитических целей. Он отправлял советскому руководству меморандумы по этим вопросам, при этом в Финляндии о них никто не знал.

Ахти Карьялайнен, сделавший карьеру от секретаря Кекконена до министра внешней торговли, при поддержке Кекконена в 1961 г. вел переговоры, направленные на осуществление стремления Финляндии стать полноправным членом Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) при одновременных гарантиях соблюдения торговых привилегий, на которых настаивал Советский Союз. Результат упрочил экспортные позиции Финляндии на западных рынках и позволил не отставать от западноевропейских интеграционных процессов.

В апреле 1961 г. Кекконен уже планировал распустить парламент, чтобы оказать давление на коалицию, стоявшую за спиной бывшего канцлера юстиции Олави Хонка, выдвинутого в качестве альтернативного кандидата на президентские выборы. Кроме того, СССР направил в конце октября ноту, ссылаясь на угрозу войны, отмеченную во второй статье Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Исторические исследования также не пришли к единому мнению относительно всех скрытых факторов так называемого «нотного кризиса». Наиболее распространена точка зрения, согласно которой Советским Союзом двигало желание обеспечить переизбрание Кекконена. После отказа Хонка от участия в выборах Кекконен получил голоса 111 выборщиков и был переизбран с ошеломляющим перевесом (199 голосов из 300).

В результате «нотного кризиса» реальная оппозиция Кекконену исчезла, и он как политический лидер Финляндии обрел очень сильный статус, позднее ставший авторитарным.

На президентском посту

При финской системе президент не может осуществлять власть без поддержки большинства партий. Для обеспечения такой поддержки Кекконен использовал довольно сложную концепцию

внешнеполитической «благонадежности», что означало поддержку Кекконена и его внешнеполитического курса, как условие вхождения в правительство. Например, консервативная Национальная коалиционная партия была допущена в правительство центриста Йоханнеса Виролайнена после «нотного кризиса», поскольку поддержала Кекконена.

Другим инструментом, который Кекконен использовал для упрочения своей власти, была его исключительно широкая сеть личных связей: он поддерживал тесные отношения со своими товарищами по учебе, охоте, рыбалке, лыжным прогулкам. Он устраивал для подрастающего поколения интеллектуалов так называемые «детские вечера» в своей резиденции Тамминиеми, продвигал своих доверенных людей по служебной лестнице в различных сферах государственного управления, бизнеса и во всех основных партиях. У него был талант и энергия общаться с самыми разными людьми и общественными кругами. Кекконена можно сравнить с дирижером симфонического оркестра, контролирующего каждого музыканта во время исполнения его собственного произведения.

После Аграрного союза Кекконену удалось получить открытую и мощную поддержку со стороны левых организаций левых социал-демократов, ДСНФ и Социал-демократического союза рабочих и мелких землевладельцев. На этой основе в 1966 г. было сформировано правительство народного фронта. Когда чрезвычайный законопроект, внесенный этими и другими партиями в составе правительства народного фронта во главе с председателем СДП Рафаэлем Паасио, не получил необходимого большинства, эти партии выдвинули своим кандидатом Кекконена. Он был избран в первом туре выборов 1968 г., получив 201 голос выборщиков.

Во внешней политике президент, напротив, мог действовать и действовал единолично, прибегая к помощи выбранных им же самим помощников, которые чаще всего были из министерства иностранных дел.

В 1960-е гг. Кекконен выступил с рядом внешнеполитических инициатив: о безъядерной зоне на Севере Европы, о пограничном договоре с Норвегией и о Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, 1969). Целью этих инициатив было избежать применения военных статей Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, то есть военного сотрудничества между Финляндией и СССР, и тем самым укрепить стремление Финляндии проводить политику нейтралитета. После вторжения в Чехословакию (1968) акцент на нейтралитет усилился. В 1970 г. Кекконен сообщил русским, что он уйдет с поста президента и не продлит Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, если СССР не будет признавать нейтралитет Финляндии.

И напротив, идея экономического союза Северных стран «*Нордек*» в Финляндии продвигалась главным образом социал-демократическим премьер-министром Мауно Койвисто. Кекконен использовал искусную тактику, чтобы затормозить этот проект, после того как стало известно, что Советский Союз возражает против этого начинания. Публично Кекконен заявил, что проблема заключается в том, что «*Нордек*» стал бы первой ступенью к экономическому союзу с Западной Европой.

Парламентские выборы 1970 г. нарушили совместную деятельность народного фронта. Кекконен сам занял более активную позицию во внутренней политике, все чаще выполняя *de facto* функции премьер-министра и участвуя, к примеру, в переговорах о политике в отношении доходов (соглашение УКК – по инициалам президента). Когда Кекконен отказался допустить в правительство победителей на выборах – Национальную коалиционную партию и Сельскую партию Финляндии, в результате после двух «технических» кабинетов во главе с Теуво Аура появился так называемый «буржуазный народный фронт». В него входили те же партии, что и до 1970 г., однако положение Партии центра (так с 1965 г. стал называться Аграрный союз) упрочилось.

В Финляндии было лишь три случая, когда глава государства избирался без выборов или противников. Маннергейм был выбран регентом в декабре 1918 г., чтобы порвать с прогерманской ориентацией Финляндии. Он же был избран президентом в августе 1944 г., чтобы вывести страну из «войны-продолжения» и порвать связи с Германией. Третий случай – продление президентских полномочий Кекконена на четыре года с помощью чрезвычайного закона в январе 1973 г.

Относительно этого законодательного акта среди историков также нет единого мнения. Как показывают исследования автора этих строк, Кекконен вынудил Карьялайнена выступить с предложением о продлении президентского срока в январе 1972 г., в феврале утвердил социал-демократическое правительство меньшинства во главе с Рафаэлем Паасио, а в апреле потребовал чрезвычайного закона. Все это для того, чтобы не дать крупнейшим партиям страны – социал-демократам и центристам – выдвинуть собственных кандидатов на летних партийных съездах. Тем самым Кекконен оттеснил на второй план социал-демократа Мауно Койвисто, которого считали в то время главным претендентом в преемники Кекконена и который явно лидировал по результатам опросов общественного мнения, равно как и центриста, многолетнего министра иностранных дел и премьер-министра Ахти Карьялайнена и председателя Партии центра Йоханнеса Виротайнена. Обострение ситуации в мире после вторжения в Чехословакию в 1968 г. и ужесточение политики СССР по отношению к Финляндии вызывало озабоченность Кекконена, который считал себя единственным, кто способен отразить этот растущий натиск.

Второй проблемой было, однако, принятие чрезвычайного закона в парламенте – для этого требовалось большинство в 5/6 голосов. Для этого был сформулирован политический пакет. Помимо чрезвычайного закона в него входили соглашение о свободной торговле с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС), переговоры о котором прошли в июле 1972 г., однако Кекконен отложил его подписание, и полномочия, предусматривавшие усиление государственного регулирования экономики, на чем настаивали левые. Но когда правительство Калеви Сорса даже с помощью этого пакета не смогло заручиться необходимым квалифицированным большинством, в декабре Кекконен пригрозил уйти с поста. Публично обосновывая свою позицию, он указывал на просочившийся в прессу в ноябре так называемый «завидовский меморандум» – секретный документ о его переговорах с советским руководством в августе. Обеспокоенный произошедшим парламент в январе 1973 г. принял чрезвычайный закон 170 голосами против 28. Президентский срок Кекконена продлевался на четыре года.

Устранение существенной оппозиции и конкурентов означало фактическое установление политической автократии Кекконена. Zenитом власти Кекконена можно считать 1975 г. Он распустил парламент и принимал в Хельсинки Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе (БСЕ) при помощи технического кабинета. Тогда же он провозгласил себя кандидатом в президенты от социал-демократов и Партии центра на выборах 1978 г. Осенью во время прямой телевизионной передачи из президентского дворца он добился от присутствовавших руководителей партий народного фронта вхождения в «чрезвычайное правительство» Мартти Миеттунена. С точки зрения политической тактики этот маневр можно сравнить с государственным переворотом шведского короля Густава III в 1772 г.

С точки зрения политики власти президентские выборы 1978 г. больше напоминали спектакль. После того как НКП также выдвинула его своим кандидатом, Кекконен, предвыборную кампанию которого вело «Общество Паасикиви», созданное как дискуссионный форум по внешнеполитическим проблемам после так называемых «ночных заморозков», набрал 82 % голосов (260 выборщиков из 300). Примечательно, что один из них во время выборов перешел на сторону Райно Вестерхолма от Христианского союза, получившего 24 голоса.

Фактическим концом в карьере Кекконена-автократа стал апрель 1981 г., когда премьер-министр Мауно Койвисто отказался уйти в отставку, несмотря на раздававшиеся из Тамминиеми предложения сделать это. Койвисто разрушил стереотип эпохи Кекконена, замечая, что в Финляндии правительство в первую очередь должно пользоваться доверием парламента, а не президента.

Первый раз здоровье Кекконена явным образом подвело его в августе того же года во время поездки на рыбалку в Исландии. В

сентябре он вышел в отпуск по болезни, а в октябре подал прошение об отставке, после чего больше не появлялся на публике. О болезни Кекконена не было опубликовано никаких официальных медицинских сообщений. Речь шла, очевидно, о нарушении функции мозга. Однако нигде не было окончательного указания на то, что болезнь мешала ему выполнять официальные обязанности.

Кекконен находился на лечении в Тамминиеми вплоть до своей смерти в 1986 г. Государственная церемония похорон была впечатляющей. Она сопровождалась исполнением *«Нарвского марша»* и архиепископской службой в кафедральном соборе Хельсинки. Кекконен был похоронен на кладбище в Хиетаниеми. Тамминиеми стал домом-музеем Урхо Кекконена.

Семья Кекконена

Кроме получившей известность как писательницы супруги Сюльви в семье Урхо Кекконена было двое сыновей-близнецов, родившихся в 1928 году. Матти стал депутатом, государственным чиновником, помощником отца и хранителем традиций, а более далекий от публичной жизни Танели стал дипломатом. Танели женился на Бритте, дочери К.-А. Фагерхольма – политика, кандидата в президенты от социал-демократов и давнего соперника Урхо Кекконена.

Отец Сюльви Кекконен Кауно Уйно происходил из крестьянской семьи из Артъярви, служил викарием в Метсяпиртти на Карельском перешейке и пастором в Пуумала в губернии Миккели. Ее мать Саломе Стенберг была дочерью ювелира из Санкт-Петербурга. После получения среднего образования Сюльви Кекконен короткое время работала в объединении «Друзья ремесел Финляндии», а затем более продолжительное время в канцелярии Центральной Сысской полиции, где она и встретила Урхо Кекконена. После рождения детей она не работала. Сюльви Кекконен серьезно увлекалась литературой, устроила дома литературный салон, и сама проявила талант в малых литературных формах. Ее первым опубликованным произведением стал сборник афоризмов *«Кристаллы»* (1949). Спустя три года увидел свет сборник воспоминаний *«Уродного колодца»*. В небольшой повести *«Коридор»* (1955) описывается мир медсестры, а в повести *«Амалия»* (1958), которую считают ее главным произведением, изображается борьба женщины-неудачницы за чувство собственного достоинства путем отказа от человеческих желаний. Сборник воспоминаний детства *«За дощатым забором»* (1968) увенчал ее литературную карьеру. Профессор Кай Лайтинен, характеризуя литературное наследие Сюльви Кекконен, употребил эпитеты «вполголоса, сдержанно». «Она говорила с читателем без прикрас, доверительно и близко».

Сюльви Кекконен была интеллигентным, сосредоточившимся на своем внутреннем мире, сдержанным человеком. В качестве супруги президента она участвовала в представительской жизни по мере сил, болея ревматоидным артритом.

Любимыми развлечениями Урхо Кекконена были прежде всего рыбалка, лыжи и охота. И в этих занятиях он хотел быть непременно первым и лучшим. Никто не мог поймать больше по количеству или по размеру рыб, чем он. Поездка в Лапландию привела к появлению термина «лыжники, идущие позади».

Кекконен был прилежным читателем. До конца своей жизни писал в основном тексты, используемые в повседневной политической борьбе – очерки и письма. Книга мемуаров Кекконена «*Мой век*», однако, целиком написана писателем Пааво Хаавикко. На лингвистические способности Кекконена наложила отпечаток политика. В школе он долго учил русский язык, но получал плохие отметки. Как «настоящий финн», он не хотел изучать шведский, пока не стал премьер-министром в 1950-е гг. Судя по всему, лучше всего он владел немецким.

Переписку семьи Кекконен начали публиковать уже некоторое время тому назад, к публикации дневников приступили совсем недавно. Об активной светской жизни Кекконена известно довольно мало. Вскользь упоминается, что в 1950-е гг. у него была продолжительная и близкая дружба с женщиной-журналистом, с которой он, в частности, будучи премьер-министром, провел отпуск в Италии; после нее упоминается дружба с супругой некоего посла.

Образ Кекконена как государственного деятеля

Посмертное реноме Урхо Кекконена двояко. С одной стороны, признаются его заслуги во внешней и торговой политике, воздается должное его способностям в политической тактике. Во время его правления Финляндия смогла не допустить отставания от западноевропейских интеграционных процессов, сохраняя свою систему рыночной экономики даже в условиях соседства с СССР. Международное положение Финляндии постоянно укреплялось. Кекконена считают искусным поборником интересов Финляндии, строителем моста между Востоком и Западом, который был другом русских и мастерски использовал это.

С другой стороны, жесткость его методов, широта полномочий и продолжительность пребывания на посту президента, а также, прежде всего, дезинтеграция внутренней политики, действия с позиции «разделяй и властвуй» надолго наложили тень на финский парламентаризм. Только в период правления его преемника Мауно Койвисто удалось разорвать связь внешней, экономической и внутренней политики при формировании правительства и избавиться от атмосферы той «самоцензуры», которая начиная с 1970-х гг. сильно мешала работе, в частности, государственной теле- и радиовещательной компании «*Юлейсрадио*». В глазах своих критиков, Кекконен не чурался интриг, был властолюбивым и неразборчивым карьеристом, стремился обеспечить лишь собственные интересы.

Кекконена можно сравнить с тремя влиятельными фигурами в истории Финляндии. Подобно Густаву III, он был многогранной личностью, талантливым оратором и писателем, умевшим использовать театральные приемы в государственных делах, чтобы направлять сюжет к абсолютной выгоде для своего господствующего положения. Политическая линия Кекконена была близка соглашательскому направлению, начало которому положил родоначальник политического феннофильского движения Георг Сакари Юрьё-Коскинен. Подобно Юрьё-Коскинену, у Кекконена был характер бойца и готовность к непримиримым действиям. Основной идеей для обоих было сохранение финской самобытности, внутренней автономии, путем необходимые уступки России. Кекконена с его сверхразвитым чувством собственного достоинства, одержимостью быть всегда правым и стремлением к отмщению за посягательство на его собственное достоинство можно сравнить с К.Г.Э. Маннергеймом. Тамминиеми стало главной ставкой Кекконена, куда вели все нити и откуда он осуществлял год от года все более централизованное управление своим государством.

Изменения политической ситуации в мире, произошедшие после смерти Кекконена, оказывают существенное влияние на оценки его эры. После распада Варшавского пакта и Советского Союза основная линия политики Кекконена – укрепление национальной независимости и нейтралитета Финляндии в условиях, когда в Европе доминировал СССР – представляется чрезмерно соглашательской. С другой стороны, Финляндия во время правления Кекконена оставалась частью Западной Европы, и в дальнейшем у нее не возникло трудностей с присоединением к Европейскому Союзу. Связанный с долгим правлением Кекконена культ личности, а также исчезновение настоящей критики и оппозиции значительно ослабили финскую демократию.

– МАРТТИ ХЯЙКИЁ

Приложение:

Урхо Калева Кекконен. род. 3.9.1900 Пиелавеси, умер 31.8.1986 Хельсинки. Родители: Юхо Кекконен, распорядитель на лесозаготовках, и Эмилия Пюльвяняйнен. Жена: 1926–1974 Сьюльви Саломе Уйно, род. 1900, умерла 1974, родители жены: Кауно Эдвард Уйно, пастор, и Саломе Стенберг. Дети: Танели Калева, род. 1928, дипломат; Матти Калева, род. 1928, госслужащий.

Илмари Кианто (1874–1970)

писатель

Представления о творческом пути писателя Илмари Кианто во многом определяются тем писательским мифом, который он сам создавал на протяжении своей долгой и богатой событиями жизни. Свой образ как писателя он канонизировал в мемуарах, которые выходили с конца 1920-х до 1950-х гг. Жизнь Кианто уже сама по себе была романом. Для последующих поколений особенно памятливы яркие события в его личной жизни, образ писателя из глубинки, задавленного денежными проблемами, провокационная антихристианская позиция, его записка на русском языке, оставленная русским войскам во время Зимней войны, два его романа *«Красная черта»* (1909) и *«Йосеппи из Рюсюранта»* (1924), а также песня *«Песня голодной страны»*, ставшая гимном провинции Кайнуу.

Литературное творчество Илмари Кианто во многих отношениях является необычным. Для него характерна широта временных и тематических рамок. Переменчивая творческая жизнь писателя продолжалась более 60 лет. За это время он напечатал почти 60 произведений, написал солидное количество статей, писем, дневников и рукописей, оставшихся неизданными.

Социальная позиция Кианто как писателя была критической. В его произведениях можно обнаружить жесткую критику интеллигенции, открытое обсуждение сексуальных проблем, непримиримое осуждение искаженных и ложных представлений церкви, религии и политики. Главный герой произведения *«Оскорбивший лесничего»* (1912) Херкко Тапио стал, возможно, первым непримиримым защитником идеологии зеленых в финской литературе.

Илмари Кианто (до 1906 г. Каламниус) родился в семье пастора из местечка Пулккила Августа Бенджамина Каламниуса и Септимии Сесилии Катарины Лундаль. Упоминания о роде Каламниусов встречаются, начиная с 15 в. Его основателем был крестьянин из Лохтая в Центральной Похьянмаа. Мужская половина рода встала на путь

знаний в 16 в., и затем из поколения в поколение служила пасторами и чиновниками в Похъянмаа и на Крайнем Севере Финляндии. Род был большим, и по финскому обычаю имел множество связей с другими образованными фамилиями. Фамилия Каламниус берет начало в 17 в.

О предках Кианто по линии матери не столь много информации. Известно, что дед матери Кианто, бондарь Ларс Лундаль переехал в Куопио из Стокгольма в 1785 г. Сестры и братья матери Кианто были довольно одаренными. Двое из них обрели в свое время известность: актер Финского театра Каарло Бергбума Артур Лундаль и художница Амели Лундаль. Кианто унаследовал свои творческие наклонности в первую очередь от матери, которая играла на музыкальных инструментах, писала стихи по-шведски и мастерски делала силуэтные портреты.

Но и в роду отца можно найти авторов опубликованных беллетристических текстов. Литература Финляндии знает как минимум Йосефуса Каламниуса и его *«Песнь сладостной победы»* (1701), а также *«Скорбные финские песни»*, написанные Габриелем Каламниусом в 1720 г. Старший брат Кианто Эдвин в 1888–1890 гг. пробовал себя в писательстве под псевдонимом Эско Виртала. Публикуя свое первое стихотворение в альбоме *«Молодая Финляндия»* в 1894 г., Кианто использовал псевдоним Илмари Виртала.

Свое детство Кианто провел в Суомуссалми. Школьные годы прошли в Оулу, где Илмари учился в лицее, получив аттестат зрелости в 1892 г. В 1892–1893 гг. он добровольцем проходил воинскую службу в 4 финляндском стрелковом батальоне в Оулу. Время военной службы стало для Кианто разочарованием, и он отказался от своих планов стать офицером. Вместо этого приобретенный опыт пробудил в Кианто критически настроенного анархиста и привел к становлению писателя. Первое его произведение, очерк на армейскую тему в виде дневниковых записей *«На ложном поприще»*, появилось в 1896 г. В следующем году, когда Кианто опубликовал свой дебютный сборник *«Песни гребца»*, уже можно было говорить о появлении неоромантического лирика. Позже и в лирике появятся социальные тона.

Илмари Кианто учился в Александровском университете в Хельсинки по специальности русский и финский языки и закончил со степенью кандидата философии в 1898 г. В 1901–1903 гг., получив государственную стипендию, он изучал в Москве русский язык и литературу. Так он вошел в число тех так называемых «русских магистров», к которым относились довольно подозрительно из-за их слишком близких связей с Россией. В России Кианто много путешествовал. Его наиболее примечательной поездкой стало путешествие в Крым. Его книга в форме дневника *«От берегов Кианты до Каспия»* (1903) является интересной иллюстрацией того, каким русское общество представляется тогдашнему финну.

Годы, проведенные в России, были для Кианто писательской школой. Его русские литературные симпатии хорошо заметны по переводам. Он переводил на финский язык стихи Пушкина и Лермонтова, повести Немировича-Данченко, «Смерть» Льва Толстого (1905), произведение Гусева-Оренбургского «Россия молодая» (1906) и очень важный для его дальнейшего творчества роман Ивана Гончарова «Обломов» (1908).

Путешествие в Россию во многих отношениях способствовало радикализации взглядов Кианто. Особенно важной для него стала критика церкви и господствовавшей половой морали. Обе проблемы стали результатом глубоко личного опыта. Он чувствовал, что оказался в ловушке христианского воспитания, которое, в свою очередь, влекло за собой угнетенную сексуальную мораль. Идеал предельной плотской чистоты было сложно совместить с реалиями жизни молодого человека. После периода борьбы и рефлексии Кианто стал первым финским апостолом свободной любви, который открыто осуществлял свое учение. Свой личный опыт и чувства Кианто описал в романах, вышедших в начале 20 в., в частности, под псевдонимом Саланими (Salanimi по-фински "псевдоним") и Антеро Авомиели (Avomieli – откровенность).

Вернувшись из России, Кианто в 1904 г. женился на Хилдур Молнберг. Преодолев многие трудности, пара зарегистрировала гражданский брак в Хельсингборге в Швеции, потому что в Финляндии это было все еще невозможно. У них родилось восемь детей, самыми известными из которых стали настоятель церковного прихода Отсо Кианто (родился в 1911 г.) и журналист и писатель Улеви Кианто (родился в 1917 г.).

В 1917 г. Кианто заключил «свободный брак» с Сивией Карппи. Он окончательно отказался от идеала своей молодости, толстовского вечного брака, о чем также свидетельствует вышедшая в 1917 г. книга «Супружество». От брака с Сивией родилось трое детей. Заключив свободный брак с Карппи, Кианто заинтересовался многобрачием, о чем он выступал с докладами в сельской местности Финляндии.

Во втором официальном гражданском браке с Эльзой Марией Кокко, оставшемся бездетным, Кианто состоял с 1933 г., а от второго «свободного брака» с Ракель Нюман в 1934 г. родилась младшая из детей Кианто Райия-Лийса. Третий официальный брак с Эллой Мирьям Ляхтейнен Кианто заключил в возрасте 82 лет в 1956 г., и он продлился до смерти жены в 1961 г.

Всего у Кианто было 12 детей и 5 так называемых «открытых» и официальных браков, а также многочисленные связи с другими женщинами. О них он откровенно рассказывает в своих автобиографических произведениях. Кианто был одним из первых финских писателей, попавших в объятия появившейся в 1960-е гг. «желтой прессы», в которой бурная жизнь и прошлое 90-летнего писателя описывалась в форме, к которой финны еще не привыкли.

Чтобы прокормить молодую семью, Кианто в 1904 г. поступил на работу в среднюю школу Каяни учителем русского языка. Активное участие во всеобщей забастовке осенью 1905 г. вызвало проблемы в школе, поэтому он ушел с этой должности и поступил в газету *«Каянин Лехти»* исполняющим обязанности главного редактора. Уволившись в следующем году и оттуда, он стал свободным писателем и всю свою дальнейшую жизнь содержал все разрастающуюся семью на средства от литературного творчества и благодаря благосклонной поддержке его издателя.

Впервые анархическое «я» писателя проявилось в 1908 г., с выходом в свет его произведения *«Святая ненависть»*. Главный герой книги является горячим критиком как церкви, так и господствующего общественного устройства, стремящийся к ницшеанскому «ниспровержению всех авторитетов».

«Святая ненависть» предваряла собой вышедшую в следующем году *«Красную черту»*, которая сразу же была объявлена шедевром, изображавшим финскую народную жизнь. События *«Красной черты»* развиваются в период первых парламентских выборов 1907 г. Кианто тщательно и умело описывает политическую борьбу, в которой на место обещанного религией вечного блаженства приходит обещание счастья земной жизни. Он показывает, что и новая система использует в своих целях бедственное положение неимущих. Таким же методом Кианто воспользовался в другом своем прекрасном произведении, *«Йосеппи из Рюсюранта»* (1924), в котором объектом критики в конечном итоге становится интеллигенция, чуждаясь народа. Все попытки Йосеппи преодолеть нищету терпят неудачу. Только на пороге смерти Йосеппи осознает, что обретает чувство человеческого достоинства.

В 1918 г. Кианто занял четкую позицию на стороне белых – сборник стихов *«Руби!»* ошеломляет, если рассматривать его творчество с точки зрения толстовских идей. А когда в 1928 г. он опубликовал свой написанный десять лет назад военный дневник *«На поле жизни и смерти»*, можно было сказать, что виртуоз изображения народа отвергает своих бедняков. Кианто смотрит на борьбу с точки зрения белых, но самым главным в книге все же остается подавленность перед лицом жестокости войны.

В начале 1910-х гг. Кианто построил для своей семьи дом в Суомуссалми, среди пейзажей своего детства. Этот дом, получивший название *«Турьянлинна»*, финские солдаты сожгли во время отступления в ходе Зимней войны в декабре 1939 г., обнаружив в доме сигарницу, на крышке которой Кианто написал по-русски: «Внимание: остров пуст, а также дача с восточной стороны и другие здания. Я знаком с Москвой. Был там в 1901–03 годы. Русские товарищи. Уважьте этот дом, когда будете проходить мимо! Здесь живет бедный писатель».

Знание русского языка не принесло Кианто счастья. В апреле 1940 г. его приговорили за попытку измены к 6 месяцам исправительной

тюрьмы, а после отбывания наказания к лишению гражданского доверия на год. Следствием приговора стало также лишение звания почетного члена Союза писателей Финляндии, которым он стал в 1924 г. Честь писателя была, однако, восстановлена в 1957 г., когда Кианто была торжественно присуждена степень почетного доктора Хельсинкского университета. Кианто был похоронен на острове Ниеттусаари, неподалеку от Турьялинны.

– МАРИЯ-ЛИЙСА НЕВАЛА

Приложение:

Илмари Каламниус, с 1906 Кианто, писательские псевдонимы Антеро Авомиели, Сала-ними, Илмари Виртала, род. 7.5.1874 Пулккила, умер 28.4.1970 Хельсинки. Родители: Август Бенджамин Каламниус, настоятель церковного прихода, и Септимия Сесилия Катарина Лундаль. Первая жена: 1904–1932 Хилдур Мария Молнберг (развод); вторая жена: 1917 – Сивия Карппи (свободный брак); третья жена: 1933 – Эльза Мария Кокко-Карппинен, умерла 1954; четвертая жена: Ракель Нюман (свободный брак); пятая жена: 1956 – Элла Мирьям Ляхтейнен, умерла 1961. Дети: Калеви, род. 1906; Салми Талвикки, род. 1908; Орвокки Хелми Симпукка, род. 1909; Отсо Тяхтивало, род. 1911; Веййо Вирмо Иматро, род. 1912; Виена Карма Сиркка, род. 1913; Йормо Габриель Сотавалта, род. 1915; Сорьо Уолеви, род. 1917; Карин, род. 1920; Райда, род. 1920; Марьятта, род. 1921; Раййя-Лийса род. 1934.

Алексис Киви (1834–1872)

писатель

Алексис Киви был первым профессиональным финноязычным писателем. Наряду с Микаэлем Агриколой и Элиасом Лённротом, его считают создателем национальной финноязычной литературы. То, как Киви в своих пьесах, стихах и романе «Семеро братьев» изображает Финляндию, ее женщин и мужчин, по-прежнему служит основой финского национального идентитета.

Биография Алексиса Стенваля (Алексиса Киви), основывается на исследовании «Алексис Киви: жизнь и творчество», опубликованном В. Таркиайненом в 1915 г., на документах, собранных Й.В. Лехтоненом и Эйно Кауппиненом, а также на многочисленных материалах, изданных «Обществом Алексиса Киви». Последующие исследования не вводили в научный оборот принципиально новые источники. Все теории, трактовки и цепочки доказательств касательно личности Киви, его личных связей, последнего этапа жизни, обернувшегося трагедией, основываются на одной и той же источниковой базе. Взвешенное исследование Таркиайнена выдержало время, но его следует читать, делая скидку на задачи, стоявшие перед автором, стремившимся показать Киви в контексте создания национальной финноязычной литературы как преемника линии Й.Л. Рунеберга в правильном изображении финского народа. Лишь более поздняя традиция поставила в один ряд Элиаса Лённрота и Рунеберга и Алексиса Киви как создателей финской национальной литературы.

Вряд ли найдется другой такой финский писатель, применительно к которому выявляется совершенно четкая взаимосвязь как между биографическими и историческими аспектами, так и собственно произведениями.

Существует лишь одна теория, которая, хоть без указаний на источники, но имеющая косвенные подтверждения, могла бы предложить интерпретацию биографии Алексиса Стенваля, в некотором смысле отличающуюся от остальных. Если, как Яакко Пуокка утверждает

в своей книге *«Стенвали из Пало»* (1979), полагаясь на слухи, укоренившиеся в районе Нурмиярви и Раала, отец писателя был внебрачным сыном хозяина усадеб Раала и Сиунтио лагмана Карла Хенрика Адлеркрейца, то многие повороты судьбы Алексиса Стенваля и особенности его природы могут предстать в новом свете. Например, это объяснило бы такой факт, что когда к Киви обращались «господин», он отвечал, что никакой он не господин, а сын портного, или пояснило бы реплику Киви, что «все сапожники из волчьего рода, а портные – племянники медведя»; или то, что Алексиса, писавшего в своих школьных учебниках резкие финские лозунги, язвительно называли «финской зубрилкой». Одновременно можно было бы объяснить и то, что Киви набросился на Томаса Эрика Адлеркрейца, то есть на своего родственника, когда тот утверждал, что в нашей стране никогда не будет финноязычных школ. Известно, что писателя за это посадили в свинарник, чтобы успокоился.

Все это можно было бы объяснить с психологической или социально-психологической точки зрения: Алексис Стенваль отрёкся от «кровного родства», от всего того, что хоть немного, но было связано со шведоязычной культурой Финляндии и высшим классом общества. Если теория Пуокка верна, она лишь подтверждает представление о том, что в феннофильском движении Киви играл роль своего рода «Куллерво», некоего стороннего героя. В любом случае, можно ли считать Киви в каком-то смысле «выпавшим» из своей социальной ниши или нет, он целенаправленно выстраивал свою писательскую роль. По этой причине ему приходилось унижаться, возможно, лукавить и заискивать, но более всего смиряться, одалживаться, стыдиться, сознательно выходить из круга, в общем-то, хороших друзей, обеспеченных детей буржуа, школьных и университетских товарищей. Конечно, это задевало самолюбие, но, с другой стороны, если не интерпретировать Киви исходя из культа нищеты, остается удивляться тому, что ему удалось создать вокруг себя, довольно бесцеремонно, тот круг помощников, который у него был.

Фенноманам Киви подходил тем, что с ним связывали возможность давно ожидаемого литературного перелома. Киви приходилось считаться с ними в интересах своей карьеры. Киви во многих смыслах часто оказывался на пограничье – как с точки зрения биографии, будучи личностью в психически пограничном состоянии, так и в литературном смысле. С точки зрения жителей Палойоки, родины Киви, он был как минимум наполовину господином, который никогда не работал в традиционном понимании этого слова. Поэтому каждый гонорар и то, как его потратить, имело не только финансовое значение, но также было связано с престижем Киви как писателя.

В истории литературы Финляндии Киви стал первым финно-язычным профессиональным писателем, роль которого была огромна: он направил финскую прозу, драму и лирику совершенно в иное русло.

Именно поэтому его профессиональная честь, оскорбленная Аугустом Алквистом, стала причиной его преждевременной смерти.

Даже если предположить, что Киви был наполовину «голубых кровей», это не меняет восприятия его произведений, представляющих самостоятельную ценность, правда, это придает им пикантный биографический контекст и новые возможности трактовок. Составленное Таркиайненом генеалогическое дерево «солдат – моряк – строитель церковей – крестьянин-собственник – портной» приобрело бы особый лоск, если добавить к нему герб Адлеркрейца. Но почему до книги Пуокка не было не одного упоминания о связи Киви с родом Адлеркрейца? Почему сам Киви нигде о ней не упоминает? Были ли эти утверждения известны Таркиайнену и Лехтонену, пытались ли они, в стремлении сохранить исследовательскую объективность, проигнорировать такое предание? Представляется, что на этапе, когда создавался имидж Алексиса Киви как национального писателя, многие предания о Стенвалях и Киви не принимались исследователями в расчет.

Юрьё Бломстедт приводит без пояснений две даты рождения отца Киви Эрика Юхана Стенваля: 17 февраля 1798 г., а по метрическим и конфирмационным книгам Хельсинки и Нурмиярви – 20 декабря 1798 г. Первая датировка верна. Родителями были вступившие в брак в 1797 г. Мария Юханинтютяр и моряк Андерс Юхан Стенваль, который уже имел ребенка, родившегося в 1794 г. вне брака. Юрьё Бломстедт ведет род Стенваль от жившего в приходе Янаккала солдата по имени Сакариас Матинпойка Тингваль. Родившийся в Нурмиярви Андерс Юхан Стенваль (1769–1840) проводил долгое время в плавании, владел домом в Хельсинки, а в 1811 г. переехал в Нурмиярви, вслед за своей семьей, спасавшейся там от войны. Он возделывал торпу на землях хозяйства Пеккола, а потом батрачил.

В церковных книгах Нурмиярви его сын, крещенный как Эрик Юхан Стенваль, записан шведоязычным. Приходский портной Эрик Стенваль переехал в 1825 г. в Палойоки, где он также иногда оформлял для жителей различные бумаги. Стенваль женился в 1824 г. на Анне Стине Хамберг, родившейся в Нахкела, Туусула, расположенном в пяти километрах от Палойоки. Ее отец Антти Юханинпойка Хамберг (первоначально Ханнула, по названию имения) жил на землях брата и работал кузнецом. Отец братьев был мастером-строителем и, в частности, руководил ремонтом церкви в Туусула. В семье Стенвалей родилось четыре сына: Йоханнес, или Юхани (1825), Эмануэл, или Ману (1828), Альберт (1831) и Алексис (1834), а также дочь Агнес (1837), умершая в возрасте 14 лет.

Для молодоженов в Палойоки был построен дом с мансардой, больший по сравнению с другими, что, по мнению Пуокка, является доказательством практической заботы Адлеркрейцев о Стенвалях.

Вряд ли Нурмиярви сильно отличался от других сельских приходов того времени. Впрочем, по всей губернии были известны «разбойники

из Нурмиярви», в их число входил и Матти, дядя Эрика Юхана Стенвала. Истории деда-моряка и двоюродного деда, разбойника Матти, придавали почву и колорит писательскому воображению Киви. Отец Киви стал, по-видимому, неким прообразом персонажей ремесленников, встречающихся в книгах Алексиса. Скорее всего, от отца Киви унаследовал периодическую тягу к пьянкам, а также чувство юмора. В свою очередь, Анна Стиина Хамберг, энергичная женщина, мать целой оравы детей, повар на деревенских праздниках, стала прототипом образа расторопной женщины во многих произведениях Киви. Через свою мать Киви уже в раннем возрасте соприкоснулся с местными пиетистами, возглавляемыми пастором Й.Ф. Бергом. Уже в шестилетнем возрасте Киви получил начальное церковное образование, научился читать под присмотром Малакиаса Костиандера, прогрессивного и литературно одаренного местного учителя, ставшего прообразом кантора из «*Семерых братьев*».

Относительно солнечного детства Алексиса Киви сложены целые легенды, в которых он выступает в качестве предводителя местной детворы. Райскими представляются гора Таабор, прилегающие леса и скалы, поляны и луга, река Вантаанйоки с пышными зелеными берегами и местами для купанья. Округа Палойоки стала для будущих книг Киви своего рода основным пейзажем.

Детство кончилось, когда в 1846 г. Алексиса отправили учиться в Хельсинки. Авторы его биографий драматизируют этот этап. И действительно, в то время учеба была суровым испытанием, но в случае с Алексисом не более суровой, чем для других финских мальчиков, отправившихся на учебу в город. Первым местом учебы стала школа бывшего моряка К. Гранберга, в которой основной упор делался на изучение навыков шведского языка. Со временем Киви блестяще овладел шведским языком. Жилье для него снимали у тюремного охранника Кристиана Винблада.

В 1847 г., в то же время, когда молодое поколение студентов находилось под воздействием Снельмана, когда студент Аугуст Алквист вслед за многими отправился в фольклорную экспедицию по следам Элиаса Лённрота, когда начала выходить финноязычная газета «*Суометар*», Алексис Стенваль начал посещать начальную школу в Хельсинки. Поначалу все шло хорошо, но потом, в школе среднего звена, директором которой был доцент Фредрик Сигнеус, стали возникать трудности. Алексис пытался справляться с учебой вплоть до 1853 г., но неудачи продолжались. Совершенно ясно, что одной из проблем была постоянная нужда, и ситуация ничуть не улучшилась после того, как он начал заниматься частным образом. В это время Алексис жил у состоятельного портного Палмквиста и был влюблен в Альбину, сестру своего школьного товарища Эдмунда Палмквиста. Сватовство, о чем помышлял Стенваль, не состоялось, очевидно, отчасти из-за его необеспеченности, о чем ему и было сообщено. После этого Киви

больше никогда не ходил к Палмквистам, чья огромная библиотека была для него настоящей сокровищницей и окном в мировую литературу.

Интерес к драматургии проявился, еще когда Киви жил у Винблада. В тюремном зале была представлена написанная Алексисом «пьеса о разбойниках». Увлечение театром продолжилось у Палмквистов, а затем в имении Раала, где Киви дружил с сыновьями управляющего Линдфорса. Также увидели свет первые литературные пробы: сказка «Эрика», новелла «Дом и оковы», несколько стихотворений на шведском языке, а также шведоязычная пьеса «Свадебный танец в Льюнхеден». Эта рукопись каким-то образом попала в руки доценту Фредрику Сигнеусу, отметившему литературное дарование мальчика. Говорят, что Сигнеус, читая рукопись, смеялся так, что «живот трясся».

Уставший, но прошедший необходимое обучение, Алексис все же получил аттестат. В 1859 г. Алексис Киви частным порядком сдал Фредрику Сигнеусу экзамен и по выданному аттестату был зачислен в университет на историко-филологическое отделение. Это был последний раз, когда студент принимался частным образом. Матери Алексис сообщил, что не станет пастором, как она того желала, а будет поэтом, как Рунеберг.

Сообщество, с которым Алексис был связан личными узами, было весьма примечательно. Во-первых, Финская партия и ее младофинское крыло под руководством Юрьё Коскинена начала приобретать все больший вес. У нее появился свой печатный орган «*Кирьяллинен куукауслехти*» («*Литературный ежемесячник*»), в числе его «помощников» был молодой многообещающий писатель Алексис Стенваль. Большую, в том числе и экономическую, поддержку оказывали ему уже на начальном этапе Сигнеус и сам Й.В. Снельман. Но противники тоже были не робкого десятка – консервативное, «старое доброе» крыло партии в лице Августа Алквиста и Агатона Меурмана.

Круг друзей и соратников состоял из шведоязычных фенноманов, и включал «лучшего друга и брата» Роберта Сванстрёма, Эдмунда Палмквиста, Э.А. Форсселя, у которого Киви жил практически бесплатно на правах «компаньона». (Кстати женой Форсселя, ставшего в дальнейшем сенатором, была Бритта Кристина Альм, или «Керстин из Тёёлёнлахти», официантка, которой в свое время восхищался Алексис). В круг друзей входил ее брат Теодор, будущий агроном Ф.Ф. Хольмстрём, сын корабельщика, в квартире которого Киви жил практически за его счет и которого Киви побил в конце одной студенческой пирушки, Й.Э. Саломонссон-Каллио, Тиодольф Рейн (будущий профессор и ректор университета, улаживавший многие житейские дела Киви), К.Г. Сван, братья Линдфорс, Эмиль Нервандер (будущий журналист и основатель культа Киви). Алексис был старше их всех лет на пять, но в любом случае, эти люди долго поддерживали студента Стенваля, ссужая ему полученные от родителей деньги. В нем

видели исключительное дарование, хотя учеба в университете не была особо успешной. Личностные характеристики Киви – нервозность, стремление к уединению, замкнутость, бросающийся в глаза аскетизм, склонность к мучительному самоанализу – основываются именно на свидетельствах этих друзей.

Киви не принимал большого участия в деятельности студенческого землячества Уусимаа, переживавшего увлечение викингской романтикой и фрейдентализмом. Его считали «необузданным и неизлечимым человеком», который более охотно общался со студентами из землячества Похъянмаа, в котором тон задавали младо-финны, в частности, с Каарло Форсманом и Й.В. Каламниусом.

Литературное поле, на котором Алексис Стенваль начал выступать как писатель Киви («киви» по-фински означает «камень»), находилось во власти Рунеберга. Финноязычная поэзия укоренялась стараниями Аугуста Алквиста (под псевдонимом А. Оксанен) и Юлиуса Крона (Суонио). Из их предшественников заслуживает упоминания лишь современник Рунеберга, рано умерший Берг, писавший под псевдонимом Каллио (по-фински «скала») и расчистивший дорогу Алексису Стенвалю, превращавшемуся в Киви.

Киви впервые под этим своим писательским псевдонимом всерьез заявил о себе в финской литературе, когда его пьеса «*Куллерво*» в 1860 г. получила премию на конкурсе Финского литературного общества (СКС), премиальный фонд которого был предоставлен богатым купцом Киселевым. В период с 1861 по 1863 гг. Киви работал над пьесами «*Айно*», новой версией «*Куллерво*», а также пьесой «*Сапожники вересняка*». Тогда же, а по мнению К.Г. Свана, еще с 1859 г., Киви всерьез задумывается о написании большого романа. Киви жил попеременно то в Пурнусе в районе Сиунтио, то в Мюллюмаа в Нурмиярви, где его брат Юхани был крестьянином-арендатором. Юхани Стенваль постепенно скатывался по социальной лестнице, пока не оказался за бортом общества.

По его собственным воспоминаниям, в 1864 г. Киви писал «фельетоны» и «новеллы» для альбома «*Из-за моря*». Тогда он жил в Сиунтио в домике егеря Карелиуса, откуда перебрался на солдатскую торпу Фаньюнкарса, к Шарлотте Лёнквист. На основании предположений Яакко Пуокка в этом можно усмотреть все тот же патронаж со стороны семьи Адлеркрейцев, владевших имениями Раала и Сиунтио. Это же можно сказать и о том, что в 1855 г. в усадьбе Раала была сыграна двойная свадьба братьев Юхани и Эмануэля, причем роль свата исполнял Сванте Густав Энгельберт Адлеркрейц. Но Эмануэль (Ману) всю свою жизнь был всего лишь портным в усадьбе, а сын Ману Арвид – почтовым служащим. Был ли след Адлеркрейцев лишь причудой судьбы?

В любом случае, Шарлотта Лёнквист, пожертвовав многим, дала возможность Алексису Стенвалю стать национальным писателем

Алексисом Киви, поскольку он в свои лучшие творческие годы в экономическом смысле был полностью несостоятелен.

К 1865 г. писательское призвание Киви стало очевидным, когда он получил государственную премию за пьесу *«Сапожники»*, оставив позади уже миновавшего свой творческий пик Рунеберга с пьесой *«Короли Саламиса»*, Й.Й. Векселя с его *«Даниэлем Юртом»*, и А. Оксана с его *«Искрами»*. У Киви никогда не было никакого другого призвания, собственно, он, насколько известно, никогда ничем другим и не пытался заниматься, если не считать внезапно посетившей его в 1869 г. мысли стать управляющим именем.

Примерно к середине 1860-х гг. относится одна из романтических любовных историй Киви. Находясь в поездке в Вяскю на ярмарку в Аньямпелто, он познакомился с Авророй Хеммиля, дочкой трактирщика из Мянсяля. Согласно преданиям, они состояли в переписке, кроме того, он во время одной из встреч читал Авроре роман, над которым в то время работал.

В 1866 г., в период проживания в Сиунтио Киви опубликовал пьесы *«Беглецы»*, *«Помолвка»*, *«Пивной поход в Шлейзингене»*, а также изданный на собственные средства сборник стихов *«Канервала»*. В следующем году появились пьесы *«Лео и Лиина»*, *«Ночь и день»*, *«Геройский поступок»*, *«Леа»* и *«Канцио»*. Тогда Финляндия переживала голодные годы, и в Сиунтио появлялись нищие из самых отдаленных мест, вплоть до Северной Финляндии. Вместе с голодом распространялись болезни. Киви впервые заболел тифом, рецидивы которого случались в дальнейшем, подтачивая и без того не слишком сильное здоровье писателя.

На писательскую карьеру и имидж Киви постоянно бросали тень нападки со стороны Аугуста Алквиста. Впервые они были направлены на пьесу *«Куллерво»*. Алквист отказывался понимать трагизм Куллерво в интерпретации Киви. Как исследователь *«Калеваль»* он считал себя хранителем наследия Лённрота. Будучи профессором финского языка, он имел совершенно иные представления о формах и языке прозы, драматургии и поэзии, нежели Киви, за которым стояли авторитетные фигуры Фредрика Сигнеуса и Каарло Бергбума. Кроме того, существовали довольно большие расхождения во взглядах на поэзию между Киви и его меценатом Юлиусом Круном. Крун сделал ошибку, взявшись править тексты Киви, за что и был награжден прозвищем «германский тру-ля-ля».

По меньшей мере неврастеничная натура Киви мешала ему получать удовольствие от тех редких моментов триумфа, которые ему выпадали. Так, он сбежал в Нурмиярви и не присутствовал на премьере своей пьесы *«Леа»* в 1869 г. Этот триумф финского театрального искусства был поставлен в Новом театре. В главной роли выступила датская актриса, очаровательная Хедвиг Шарлотте Ро, выучившая свою роль на финском языке. Она была настоящая дива, а белая шаль, необходимая

ей по роли, воспринималась как символ тайной любви в лирической поэзии Киви.

К этому времени Киви успел израсходовать также и деньги своей благотворительницы Шарлотты Лёнквист. Была ли между ними эротическая связь или нет, но в любом случае, Шарлотта, которая была старше Киви на пятнадцать лет, более не могла содержать его. Пааво С. Эло в своем исследовании «*Фигура Алексиса Киви*», а также Вейо Мери в книге «*Жизнь Алексиса Стенваля*» и в написанной на ее основе пьесе рассматривали связь Киви и Шарлотты как в высшей степени эротическую. Об отношениях между молодым мужчиной и старшей его по возрасту незамужней женщины говорится и в пьесе Киви «*Лео и Лиина*», наводящей на мысли о паре с торпы Фаньюнкарс – о них перешептывались в округе. Яакко Пуокка, в свою очередь, подчеркивает социальную роль Шарлотты как часть системы опекунов, устроенной Адлеркрейцами.

В те сложные годы все усилия Киви были направлены на написание и издание романа «*Семеро братьев*». Можно предположить, что он работал над этим произведением на протяжении всех 1860-х гг. На задней обложке поэтического сборника «*Канервала*», вышедшей в 1866 г., было написано: «Уважаемой публике предлагается подписаться на следующее произведение: «*Семеро мужиков*», это веселое юмористическое повествование о жизни семерых братьев в лесах Хяме. Автор – А. Киви». В 1869 г., при поддержке Сигнеуса и Бергбума, Киви был уже готов представить рукопись для прочтения. Однако когда наступил назначенный день, писатель оказался настолько пьян, что из затеи ничего не вышло.

Случай этот легче всего объяснить тем давлением, которое испытывал писатель. Обсуждение рукописи, представленной в Финское литературное общество, задерживалась, так что Киви уже начал подозревать, что Бергбум и другие члены комиссии по поэзии ее отклонили. И все же уверенность не покидала его: «Я не брошу братьев, даже если вы посчитаете их полным ничтожеством». В конце года комиссия представила заключение, в котором перечислялись достоинства произведения в изображении финского характера и финской природы, при этом отмечалось, что «некоторые длинные драматические диалоги» излишне затянуты. Как бы то ни было, делалось заключение, что «для отечественной литературы будет большим несчастьем, если произведение не дойдет до читателя посредством публикации». Недовольство вызывало то, что из суммы гонорара в 700 марок пришлось заплатить целых 100 марок редактору А. Тёрнероосу, тому самому магистру, писавшему стихи под псевдонимом Туокко, которого Киви раздраженно называл «меньшим братом Аполлона». Вычитку выполнил Юлиус Крун, который, узнав о затруднительном материальном положении Киви, послал ему полученные 100 марок.

Финское литературное общество опубликовало роман «*Семеро братьев*» в 1870 г. в четырех брошюрах. Киви связывал с этой

книгой все свои надежды – и как художник, ожидающий признания, и как профессиональный писатель, остро нуждающийся в гонораре. Заключение комиссии по художественной литературе при Финском литературном обществе вселяли в него оптимизм. Тем более ошеломляющим был разгромный отзыв, опубликованный Аугустом Алквистом в газете «*Финландс Алменна Тиднинген*». Обвинения пали как на произведение, так и на его издателя. Рецензент резюмировал свое мнение относительно будущего народного романа так: «Произведение является нелепостью и пятном позора на финской литературе. Оно позорит финский простой люд, при этом автор утверждает, что его персонажи взяты из жизни. Наш народ совсем не такой, каковы герои этой книги. Спокойный и серьезный народ, возделавший поля Финляндии, не имеет ничего общего с ново-поселенцами Импиваара».

Несмотря на критику, Финское литературное общество решило выпустить произведение в одном томе. В 1871 г. Б.Ф. Годеньельм выступил в защиту романа на страницах «*Кирьяллинен куукаусলেখти*» («*Литературный ежемесячник*»), однако, вопреки надеждам Киви, даже Сигнеус не решился нанести Алквисту контрудар на страницах издания, опубликовавшего рецензию Алквиста. В ноябре Элиэль Аспелин выступил перед студенческим землячеством Похъянмаа с докладом о жизни и творчестве Киви. Однако конец писателя был уже близок. В действительности Финское литературное общество было настолько напугано критикой со стороны Алквиста, что роман «*Семеро братьев*» оказался отложенным на три года. Он вышел лишь тогда, когда уже никак не могло повлиять на судьбу автора, в феврале 1873 г., уже после смерти писателя. В издание вошли предисловие Сигнеуса, а также очерк, написанный самим Снельманом, пояснявший основные идеи романа. Очерк Снельмана был также опубликован в газете «*Моргонبلادет*», после чего Алквист выступил с нападками на Киви и его роман в газете «*Хельсингфорс Дагبلاد*» в статье с саркастическим названием «*Финский шедевр*». Эти же обвинения он повторил в своем журнале «*Киелетяр*» в 1874 г.

Здоровье Киви было окончательно подорвано в 1870 г. В результате обострения тифа и приступов горячки (очевидно, именно их сам писатель называл «великим кораблекрушением») в 1871 г. Киви был помещен в больницу «*Новая клиника*», а оттуда в психиатрическую больницу Лапинлахти. Главный врач заведения А.Т. Саелан поставил в качестве диагноза меланхолию, вызванную «оскорбленным достоинством писателя». Калле Акте на основании имеющихся документов пришел к заключению, что речь шла о классическом случае шизофрении, усилившейся в результате сильных нервных переживаний.

В то время методы лечения были жестокими. Они включали принудительную госпитализацию и гидротерапию. В 1872 г., когда коммуна Нурмиярви выделила брату Киви Альберту четыре бочки зерна в качестве компенсации за то, чтобы Алексиса, признанного

неизлечимым, перевезли из больницы домой в Сювялахти, Туусула, возможно, подразумевалось, что на берегах озера Туусуланярви изможденный писатель будет иметь возможность получать необходимую ему гидротерапию.

Киви провел последние месяцы своей жизни в доме, арендованном его братом Альбертом и его второй женой Вильгельминой. Летом его навестила Шарлотта Лёнквист, а позднее его друзья Эмиль Нервандер и Элиэль Аспелин-Хаапкюля. Последний рассказывал, что добрый и отзывчивый Альберт заботился о «душевнобольном» писателе, насколько мог. Другие источники утверждают, что с Киви обходились плохо. По иронии судьбы четыре десятилетия спустя пожилая пара была убита грабителем – он рассчитывал завладеть деньгами, оставленными Алексисом Киви в наследство.

О последних днях и словах Киви ходит множество легенд, которые, правда, появились спустя несколько десятилетий после того, как писатель сомкнул глаза под утро в канун Нового года.

Уже наутро Альберт отправился с печальной новостью в Хельсинки. Из столицы приехало восемнадцать человек. Прежде чем прибывшие в Туусула друзья писателя понесли гроб в церковь, была открыта крышка и Э.А. Форссель сделал рисунок лица Алексиса, позднее ставший основой портрета. В свою очередь, этот рисунок послужил основой для портрета Киви работы Альберта Эдельфельга, напечатанного в журнале *«Суомен Кувалехти»* в 1873 г.

Поминки, проводившиеся в кругу друзей в доме Сакса, запомнились своим изобилием. По словам брата писателя Ману, раньше ему никогда не приходилось видеть «таких торжественных похорон». Таким образом, в могилу «под сенью хмурых лип» был опущен не просто человек, находившийся под опекой коммуны. И хотя сама могила оказалась забытой на десятилетия, уже начала зарождаться посмертная литературная слава Киви. Вместе с ней появилась и масса биографических легенд, которым В. Таркиайнен придал форму и значение цельного повествования.

«Первооткрывателями» Киви стали провинциальные театры, включившие в свой репертуар его пьесы. Прежде всего, дорогу к сердцам театралов нашли пьесы *«Сапожники»* и *«Помолвка»*. Вскоре и *«Семеро братьев»* стали популярными по всему Великому княжеству. Молодые писатели Волтер Килпи и Эйно Лейно были, пожалуй, одними из первых, кто стал брать с Киви пример. Киви стал своеобразным эталоном финской литературы, с которым сверялась последующая литература, особенно эпическая проза. С судьбой Киви как писателя отождествляли свой творческий путь Эйно Лейно, а позже Вяйнё Линна и Вейо Мери. Таркиайнен написал обобщающее исследование о жизни и творчестве Киви, при этом лирика Киви стала объектом серьезного изучения довольно поздно, лишь в 1953 г., благодаря Лаури Вильянену. Исследования Аарне Киннунена, основывающиеся

на анализе текста, посвящены выявлению основных мотивов произведений Киви. Комплексный подход к интерпретации творчества писателя предприняли В.А. Коскенниemi и Рафаэль Коскимies. Загадочные противоречия в биографии Киви исследовали Пааво С. Эло, Калле Акте, Ойва Кетонен (его внимание особо привлекла роль Алквиста), Вейо Мери и Эско Рахикайнен. Они предложили новое прочтение, разрушая окружавший Алексиса Киви стереотип нищеты, гениальности, инфантильности и меланхолии, приступ которой внезапно превратил Киви в душевнобольного.

Памятники Киви установлены перед Национальным театром в Хельсинки, в Нурмиярви, Туусула и Тампере. В Хельсинки и Турку действуют общества его имени. Установлен День памяти Киви, ежегодно на горе Таабор в Нурмиярви проводятся любительские спектакли по пьесам Киви. Дом, где родился Киви реконструирован и превращен в музей, а домик в Туусула, где писатель умер, и его могила стали объектами паломничества. Именами героев *«Семерых братьев»* названы районы и улицы городов; проводится спортивная эстафета Юкола; существуют памятник Венле и *«Зал Каукамется»* в Каяни.

Творчество Киви долгое время было первоосновой Финского театра. Калле Холмберг, Пааво Лиски, Йоуко Туркка представили свое прочтение *«Семерых братьев»* в сценических и телевизионных версиях. Говоря о Финляндии, невозможно забыть слова Ээро об «образе родной стороны». Финских женщину и мужчину невозможно представить без образов, созданных Киви в пьесах, поэзии и эпосе Нурмиярви. Почти все созданные впоследствии эпические произведения, от Волтера Килпи до Вайне Линна, так или иначе, являются версиями *«Семерых братьев»*. Слова «Я буду жить», возможно, приписанные Киви позднее, тем не менее является очень уместным девизом.

– ХАННЕС СИХВО

Приложение:

Алексис Стенваль, Алексис Киви, род. 10.10.1834 Нурмиярви, умер 31.12.1872 Туусула. Родители: Эрик Юхан Стенваль, портной, и Анна Стина Хамберг.

Валентин Кипарский

(1904–1983)

*профессор славянской филологии,
академик*

Валентин Кипарский был известным языковедом, владевшим четырнадцатью языками и знавшим многие другие языки настолько хорошо, что мог на них читать. Библиография его трудов насчитывает свыше 400 наименований, в том числе 11 монографий и более 400 статей, написанных на 18 языках. В свое время он был самым сведущим исследователем славянских языков и культур. Его заслуги в изучении балтийских языков также существенны.

Валентин Кипарский родился в Петербурге. Его отец был профессором гинекологии. Его род ведет свое начало в Польше, откуда он в 18 в. частично перебрался сначала в страны Балтии, а затем в Россию. Мать Кипарского родилась в России в немецкой семье и до замужества преподавала немецкий язык в Смольном институте, знаменитом учебном заведении для девушек из дворянских семей. Семья была лютеранская. Дома говорили на немецком языке, кроме того, Кипарский выучил в детстве русский, а с пятилетнего возраста занимался с домашней учительницей французским языком. Таким образом, уже на уровне родного языка, каковыми он сам считал немецкий и русский, он владел тремя ведущими языками просвещения, к тому же принадлежавшими к разным языковым группам. Это создавало прекрасные предпосылки для его будущих лингвистических способностей и, безусловно, способствовало тому, что он стал языковедом. Чтобы поступить весной 1914 г. в петербургскую немецкую школу, в восьмилетнем возрасте ему пришлось к тому же взяться за латынь. Талантливый мальчик поступил сразу в третий класс. В школе начались занятия греческим языком, которые продолжались до 1918 г.

В 1918 г. в связи с революцией в России учеба Кипарского прервалась. Он вместе с матерью переехал на Карельский перешеек, где его семья в 1910 г. купила усадьбу Сяркярви в районе Перкярви. Из-за неожиданного закрытия границы в 1919 г. Кипарский оказался оторван от семьи, по преданию – один с лошадью. Так четырнадцатилетнему

мальчику пришлось самостоятельно вести хозяйство. Вместе с двумя батраками он ухаживал за посадками, продавал овощи на рынке, лес – владельцам соседских хозяйств, а дрова еще и в русскую школу, где сам учился. В 1924 г. Валентин сдал в школе выпускной экзамен и получил аттестат, но по этим документам он не мог поступить в Хельсинкский университет. К счастью, тогдашний ректор выборгской школы Юрьё Ора согласился принять Кипарского, уже достаточно владевшего финским языком, на частное обучение, и в 1926 г. он сдал лицейский экзамен на аттестат зрелости. Некоторые трудности поначалу были связаны со шведским языком. Кипарский овладел им в совершенстве уже на военной службе в 1931–1932 гг., которую он проходил в полку Уусинмаа, в то время состоявшем по большей части из шведоязычных военнослужащих.

В Хельсинском университете (1926–1929 гг.) основной специальностью Кипарский выбирает германскую филологию. Его учителями были Т.Е. Карстен и Пекка Катара. Также под руководством Й.Ю. Микколы Кипарский изучал славянскую филологию, под руководством Ю. Ройтера санскрит и компаративную лингвистику. Эдвин Линкомиес преподавал римскую литературу (латынь). В начале Кипарский хотел сдать также экзамен по романской филологии, но возникшие между ним и профессором А.Г. Валленшельдом разногласия привели к тому, что он отказался от этого предмета и стал учеником Микколы, в плену сильной и своеобразной личности которого оказался. За три с половиной года Кипарский стал кандидатом философии, после чего дважды ездил на стажировку в Чехословакию, где и познакомился с новым направлением исследований, фонологией пражской школы, которую затем привез в Финляндию. В Праге он изучал славистику у профессора Милоша Вайнгарта, занимался чешским языком у профессора Эмиля Сметанки, сравнительным языкознанием у профессоров Фридриха Слотти и Олдриха Гуера, а также фонетикой у профессора Йозефа Шлумски.

Собственно научную работу Кипарский начал с исследования заимствованных слов. В своей диссертации *«Германские заимствования в общеславянском языке»*, написанной на немецком языке, он сделал обзор германских заимствованных слов, начиная с праславянского языка. Выбор темы был довольно смелым, поскольку в то время этимологические исследования не были популярны, да и датчанин А. Стендер-Петерсен выпустил в 1927 г. фундаментальное исследование по той же теме. Методика и четкое распределение заимствований по хронологическим группам, убедительность изложения в работе Кипарского привели к тому, что это исследование стало авторитетным фундаментальным трудом, игнорировать который не мог ни один из этимологов. Оппонент Й.Ю. Миккола оценил успешную работу своего талантливого ученика высшую оценкой, присуждаемой на защите диссертаций – *«лаудатур»*.

Защитив диссертацию, Кипарский на стипендию, полученную от советника Хельсинкского университета Хермана Розенберга, отправился в трехгодичную учебную и исследовательскую поездку в страны Балтии и Восточную Пруссию, тогда принадлежавшую Германии. В основном его занятия проходили в Риге, где он посещал практические семинары известного балтолога Яниса Эндзелиньша, изучал латышский язык, историю Прибалтики (у профессора Леонида Арбузова), древнюю историю восточной Европы (у профессора Карла Энгеля). Осень 1935 г. и зиму 1937 г. он провел в Кенигсберге, где углубился в балтийскую филологию, занимаясь у профессора Георга Геруллеса, и славянское языкознание (у профессора Карла Х. Мейера). Весенний семестр он провел в Тарту, где занимался в Архиве эстонского языка и учился у профессора Альберта Сааресте. В Прибалтике Кипарский пополнил свой языковой багаж эстонским и латышским языками.

В 1938 г. по возвращении в Финляндию Кипарский был назначен доцентом славянско-балтийской филологии. После войны, в 1946 г. он стал исполняющим обязанности вновь учрежденной должности профессора русского языка и литературы, а на следующий год был избран на эту должность. Он проявил себя также в области исследования истории литературы, написав монографию о том, какой образ финнов создается в русской литературе разных периодов (*«Финляндия в русской литературе»*, 1945). Тщательно собранный материал (он пользовался помимо библиотеки Хельсинкского университета библиотеками Петрозаводска) позволил ему позже рассмотреть также образ скандинавов, англичан, американцев и итальянцев в русской литературе. Эта же книга была издана за два года до этого, при этом насчитывала на пять страниц больше, но в силу изменившихся политических обстоятельств тираж был уничтожен почти полностью. По некоторым данным, от первого тиража этой увлекательно и объективно написанной книги, который был отпечатан, но в продажу так и не поступил, сохранилось всего 10 экземпляров.

Это был не единственный пример влияния политической конъюнктуры тех лет на жизнь Кипарского. В одной статье, напечатанной в газете *«Хувудстадсбладет»* он затронул щекотливую тему – роль варягов в древней истории России. Можно сказать, что речь шла (да и по-прежнему идет) о том, кто основал российское государство. Из-за этой статьи он оказался в СССР в невыгодном свете. Академик Б. Д. Греков выступил с нападками на Кипарского, и тот в 1950 г. был вынужден уйти с поста директора Института Советского Союза, действовавшего при министерстве просвещения. Насколько известно, это произошло в результате телефонного звонка президента Ю. К. Паасикиви.

В исследованиях Кипарского по языкознанию все больше места стал занимать русский язык. Его важнейшим трудом в этой области стала *«Историческая грамматика русского языка»*, изданная на немецком

языке в трех частях. В первом томе он рассматривает историческую фонетику в духе традиций пражской школы фонологии (это было новым для Финляндии), во втором томе – морфологию, а в третьем – развитие словарного запаса. Что касается фонетики, то важно отметить, что Кипарскому удалось на материале слов, заимствованных в период 650–1050 гг. в финский язык из дописьменного древнерусского языка доказать, что в древнерусском языке были как краткие, так и длинные гласные. В более поздних письменных источниках эти различия в русском языке уже не прослеживаются. В этом заключается большое значение финского языка для славянского языкознания. Первый том, как весьма важный, был переведен на английский язык. Он изучал раннее взаимовлияние русского, прибалтийско-финских, а также балтийских языков, уделяя особое внимание проблеме датировки таких контактов. Кипарский опубликовал большое исследование, посвященное развитию подвижного ударения в русском языке «*Словарное ударение в письменном русском языке*» (на немецком языке).

Кипарский постоянно интересовался этимологией слов. Он искал для славянских слов так называемые семантические параллели в других языках, которые указывали бы на возможность определенных изменений значения в истории слов. В сферу исследовательских интересов Кипарского входили также русские фамилии, на которые он собрал картотеку, насчитывающую приблизительно 60 000 фамилий. Он собирался обработать этот материал для издания в виде этимологического словаря. Помимо краткого, но емкого обзора русской системы фамилий, Кипарский по этой теме успел опубликовать лишь три статьи о фамилиях, которые происходят от названий облагороженных видов голубей (в это число входит и фамилия Синебрюхофф).

Из крупных научных публикаций Кипарского следует отдельно отметить две книги, написанные в результате научных поездок в Прибалтику. Первая из них, «*Чужое в балтийско-немецком*» рассматривает многие балтийско-немецкие заимствованные слова, чье происхождение нельзя было бы прояснить без фундаментального знания славянских, балтийских и прибалтийско-финских языков. Прибалтийско-немецкий – это диалект, на котором еще в 1930-х гг. говорило больше 100 000 немцев в Эстонии и Латвии, но который перестал существовать после Второй мировой войны. Во втором исследовании, озаглавленном «*Куршский вопрос*», Кипарский рассматривает происхождение древних жителей Курляндии. Хотя специалисты и не соглашались с его выводами, благодаря обширному и тщательно собранному материалу исследование имеет определенную ценность. Кипарский считал, что курши были латышским племенем, хотя, очевидно, они первоначально составляли отдельный балтийский народ. До этого их относили даже к прибалтийско-финским ливам, что Кипарский, опровергал, хотя и не был в этом первым.

Кипарский продолжал традицию исследований балтийских языков в Финляндии, связываемую с именами профессоров Микколы и Ниеминена. В 1960-е гг. он читал в Хельсинкском университете курсы всех трех балтийских языков: литовского, латвийского и древнепрусского, а также проводил практические семинары по древнепрусскому языку. В Хельсинкском университете можно изучать как литовский, так и латвийский языки и культуру в рамках балтийской специализации. Это было бы невозможно без Кипарского как хранителя традиции, без его стимулирующей педагогической деятельности.

Свою академическую деятельность Кипарский закончил в 1974 г., будучи профессором славянской филологии Хельсинкского университета. На эту должность он был приглашен из Берлина осенью 1963 г. Дважды срок его работы продлевался, поскольку никто из его учеников не был еще готов стать его преемником. Но в соответствии с законодательством 70-летний возраст был предельным для профессуры. В 1977 г. Кипарский получил звание академика. Его сын, Пол Кипарский – известный в США лингвист.

– Кари Лиукконен

Приложение:

Валентин Юлиус Алексадр Кипарский, род. 4.7.1904 Санкт-Петербург, умер 18.5.1983 Хельсинки. Родители: Рене Карл Виктор фон Кипарский, профессор, и Хедвиг Мария Туснельда фон Штурцель. Первая жена: 1926–1932 Кира Коссович, род. 1907, родители первой жены: Лео Коссович, полковник, и Лидия Бари ди Монтевизиа; вторая жена: 1940 – Айна Дагмар Ятинен, род. 1902, умерла 1994, родители второй жены: Матти Ятинен, настоятель прихода, и Ольга Аугуста Леонина Юнгман. Сын: Пол, род. 1941, профессор.

Мауно Койвисто

(1923–)

Президент Республики

Находясь на постах министра финансов, директора Финляндского Банка и премьер-министра, Мауно Койвисто завоевал широкую популярность, выходящую за партийные границы. Благодаря этому он стал президентом республики после того, как в 1982 г. из-за болезни было прервано правление Урхо Кекконена. Койвисто оказался перед лицом проблем, накопившихся за долгий срок президентства Кекконена и доставшихся по наследству его преемнику. Во внешней политике Койвисто продолжал намеченную Кекконеном линию, сохраняя приверженность осторожной политике нейтралитета. Одной из составляющих внутренней политики Койвисто стало ограничение президентских полномочий.

Два президентских срока Мауно Койвисто, с 1982 по 1994 гг., были временем больших перемен. Необычайно долгое двадцатипятилетнее правление Урхо Кекконена становилось для его последователя своеобразным вызовом. Кекконен, исходя из осознания важности отношений с Советским Союзом и, одновременно, стремления участвовать в экономически необходимой западноевропейской интеграции, создал систему, в которой власть в значительной степени была сосредоточена в руках президента. Поначалу Койвисто подчеркивал преемственность своей политики линии Кекконена, однако, мощная поддержка, оказываемая ему, основывалась именно на том, что он отличался от Кекконена. Именно на эру Койвисто пришлось ослабление влияния Советского Союза как великой державы и его последующий крах. Осторожность, с которой Койвисто использовал возможности, открывавшиеся в связи с ослаблением влияния Советского Союза, вызывала критику, но такая позиция заслужила и признание.

Карьера Койвисто от студента до доктора философии и премьер-министра, а позже президента, была примером осуществления финской мечты в двух смыслах. Во-первых, преодолевая трудности, он получил образование, столь ценное финским обществом. Во-вторых, он достиг высокого поста, пройдя нелегкий путь по социальной

лестнице. Его восхождение к президентству можно объяснить той небывало высокой поддержкой в опросах общественного мнения, которая установилась еще в самом начале его пребывания на посту премьер-министра. Этот «феномен Койвисто» длился вплоть до его второго президентского срока.

Годы взросления

Мауно Койвисто родился в 1923 г. и был вторым сыном в семье корабельного столяра. Его сестра родилась три года спустя. Отец Койвисто ходил в плавания и испытал в море духовное пробуждение, отразившееся на жизни семьи. В частности, он считал субботу праздничным днем, хотя и не был адвентистом. Мать Мауно была дочерью регента хора.

Суровым испытанием стала смерть матери, когда мальчику было 10 лет. Возникли многочисленные трудности с ведением домашнего хозяйства отцом-одиночкой. После окончания народной школы Койвисто работал во многих местах, а когда началась Зимняя война он, будучи шестнадцатилетним подростком, записался в противопожарное подразделение, после чего сменил много рабочих мест. В межвоенный период летом 1940 г. Койвисто уже следил за развитием событий, и, по его словам, у него никогда не было «такого ужаса», как летом 1940 г. События, разворачивавшиеся в странах Балтии, а также демонстрации, организованные в Турку Финско-советским обществом мира и дружбы, вызывали страх.

С началом Войны-продолжения Койвисто записался добровольцем в полевые противопожарные войска. Он оказался в Восточной Карелии, где окунулся в боевые условия. В феврале 1942 г., достигнув призывного возраста, он сначала находился в учебной части, а затем продолжал службу на фронте в рядах 35 пехотного полка в Восточной Карелии вплоть до февраля 1944 г. Затем он служил в егерской роте первой дивизии под командованием легендарного Лаури Тёрни.

Опыт военных лет, как следует из его воспоминаний, проявил две черты Койвисто. Во-первых, он был рассудительным человеком даже в боевых условиях. Во-вторых, в особенности, на конечном этапе войны он был человеком, усердно читающим Библию и верящим в покровительство Бога. В письмах отцу он уповает на Бога, как в отношении себя, так и в отношении Финляндии. Койвисто еще до издания своих воспоминаний несколько раз указывал на влияние войны: «Когда участвуешь в игре, цена которой собственная жизнь, все остальные игры после этого кажутся ничтожными». Его соратник и соперник Калеви Сорса, характеризуя Койвисто, ссылался на его военный опыт и вытекавший из этого образ действий: «Я думаю о нем, прежде всего как о человеке из разведывательного отряда дальнего действия; он нацелен далеко, мало говорит о своих целях, бьет сильно, исчезает и замечает следы». Койвисто целенаправленно двигался к своим целям

– это не всегда легко было осознать. Он ощущал то же, что и многие другие, вернувшиеся с войны: «Если остался жив, то все дороги тебе открыты».

После войны Койвисто всерьез заинтересовался политикой и обретением политического веса. Он вступил в Социал-демократическую партию Финляндии (СДПФ) в 1947 г. – в условиях, когда для этого требовались твердость позиции и решимость. На собрании бастующих деревообработчиков в Турку Койвисто выступил с речью, содержащей критику в адрес методов забастовщиков, что привлекло внимание тамошних социал-демократов. После этого состоялась первая встреча Койвисто и главного редактора журнала *«Социалисти»* Рафаэля Паасио. После этой встречи Койвисто на протяжении десяти лет писал для этого издания статьи под псевдонимом Пуумиес (деревообработчик).

Койвисто вступил в социал-демократическое движение, чтобы бороться против коммунистов. То, что его отец входил в шюцкор, равно как и семейные традиции, делали такой выбор вполне естественным. Осенью 1948 г. Койвисто поступил на работу в порт Турку, а в декабре того же года стал управляющим портовой конторой. В конце лета 1949 г. подконтрольные коммунистам профсоюзы попытались свергнуть социал-демократическое правительство меньшинства К.-А. Фагерхольма, а социал-демократическое руководство Центрального объединения профсоюзов Финляндии (SAK) провозгласило порт Ханко «открытой зоной» и призвало организованных портовых рабочих, признающих законность, ехать в Ханко. Койвисто также направился туда, стал управляющим портовой конторой и начал нанимать туда рабочих в условиях, когда правительство 18 августа запретило забастовку. Коммунистическая газета *«Ууси пайвя»*, выходившая в Турку, заклеила Мауно Койвисто как штрейкбрехера №1. Койвисто находился в эпицентре борьбы за контроль над профсоюзным движением. В этот период публикации, выходившие за подписью «Пуумиес», содержали выражения «сила против силы», и обращения к «мужчинам, которые не боятся террора». В своих воспоминаниях Койвисто указывает, что в те дни Финляндию спасло гражданское сопротивление.

После забастовки целью социал-демократов было выкурить активных коммунистов из портов, и это стало одной из причин того, что Союз грузоперевозчиков Финляндии нанял Койвисто в качестве инспектора порта. Грузоперевозчики, однако, не стали осуществлять замысел, поскольку, по мнению Койвисто, они пытались извлечь выгоду из борьбы между социал-демократами и коммунистами. По мнению исследователя Тапио Бергхольма, разочарование в действиях грузоперевозчиков заставило Койвисто по-новому взглянуть на вещи. Солдат партии стал вдумчивым студентом.

Помимо участия в мероприятиях социал-демократов и работы Койвисто также учился: он сдал экзамен за неполную среднюю школу

в 1947 г., а два года спустя – экзамен на аттестат зрелости. Летом 1950 г. Койвисто оставил работу в порту. Он работал на сборе клубники в Англии, а в следующем году временно стал работать учителем народной школы. К этому же периоду относится его женитьба на Теллерво Канкаанранта в 1952 г.

Основной упор теперь делался на учебе, и в 1953 г. Койвисто сдал магистерский экзамен. Три года спустя он опубликовал докторскую диссертацию *«Социальные отношения в порту Турку»*. В ее теоретической части, а также при интерпретации ответов портовых рабочих автор отмечает относительность полученных результатов. Диссертация была не только научной работой, но и итогом собственного опыта. Повседневная реальность содержалась в рассуждениях автора о том, как во многих отраслях промышленности попытка работодателей повысить мотивацию к труду приносила хорошие плоды, но портовые условия делали эти усилия малоэффективными.

Учеба и написание диссертации способствовали установлению новых связей, как с преподавателями общественных наук, так и с молодыми исследователями. Койвисто входил в дискуссионный клуб, собравшийся вокруг Карла-Эрика Кноллингера, профессора экономики Або Академии. Он также попал под влияние другого кружка под руководством Юхани Паасивирты, в котором вопросы общественной жизни рассматривались с позиции социал-демократии. Он был также членом Академического социал-демократического объединения, созданного в 1946 г. студентами в Турку. Из-за своей научной работы он остался немного в стороне от споров, произошедших в 1950-е гг. и приведших к расколу в СДП. Правда, он принял участие в дискуссии, касающейся партии, но диссертация явно давала ему возможность рассматривать происходившее под более широким углом зрения.

К периоду пребывания в Турку относится также начавшееся разделение СДП. Для Койвисто было сложно выбрать сторону. После всеобщей забастовки 1956 г., которую он считал шокирующей, он все более склонялся в сторону группировки Лескинена и выступил с критикой усиливающегося влияния профсоюзного движения на партийные дела. По его мнению, цели профсоюзного движения были узкими, связанными лишь с уровнем жизни рабочих. В этом он был единодушен с другим жителем Турку Рафаэлем Паасио.

Искатель нового

Планы относительно университетской карьеры изменились, когда исполнительный директор Рабочего Сберегательного Банка Хельсинки Йоонас Лахерма предложил Койвисто место в банке. С переездом в Хельсинки в 1957 г. осталось позади привычное окружение в Турку и началась новая карьера: сначала на посту заместителя директора, а с начала октября 1959 г. – исполнительного директора. Новые обязанности познакомили Койвисто с повседневностью экономики и финансов Финляндии.

Переехав в Хельсинки, Койвисто начал активно заводить связи. Он вошел, в частности, в группу молодых ученых, известную как «О-группа», поскольку либо фамилия, либо имя, либо и то и другое у большинства ее членов заканчивались на букву «о». В группу входили, помимо уже знакомого по Турку Тимо Хелеля, также Йоуко Паунио, Олави Ниитамо и Юсси Линнамо. Будучи молодыми теоретиками-экономистами, они стремились модернизировать свою науку. Их объединяла вера в возможности, открывающиеся перед экономической политикой, в случае если они как ученые смогли бы указать верные пути. Они высказывали свои мысли в газете «*Суомен Социал-демократти*» под псевдонимом Кярккяс (Острый, колкий). Таких статей появилось всего 57, из них 13 принадлежали Койвисто.

В Хельсинки супруги Койвисто сначала входили в Академическое социал-демократическое объединение. Мауно Койвисто написал часть докладов, которые делались на заседаниях объединения. Затем он отредактировал их и опубликовал в книге «*К более широкой демократии*» (1960). Супруги Койвисто входили также в созданное в 1961 г. Общественно-политическое социал-демократическое объединение, в котором состояли также специалист в области методологии общественных наук Тоуко Маркканен и Пентти Виита, защитивший диссертацию по экономике. Объединение получило новый импульс, когда в мае 1964 г. в него вступил Пекка Кууси, автор «*Социальной политики 60-х годов*». В сформулированных Койвисто задачах отмечалась необходимость рассмотрения практических проблем исходя из традиций социал-демократов, но научным путем. Назывались три ключевых слова: традиция, наука и практика.

Койвисто был недоволен тем, что Фагерхольм, потерпев поражение на выборах председателя партии на чрезвычайном съезде партии в 1957 г., поддерживал вместе с т.н. министрами-скуговцами (по имени бывшего председателя СДПФ Эмиля Скуга) отставку правительства и, по мнению Койвисто, одновременно обнажил для президента Кекконена фланг партии. Пополнение правительства за счет так называемых скуговских «пасынков» вносило еще больший раскол в партию.

Установив разносторонние контакты, Койвисто начал поиски новой политической линии для социал-демократов и путей выхода из изоляции, в которой оказалась партия. В поисках путей разрешения внутривнутрипартийного конфликта он пришел к выводу о необходимости установления связей в трех направлениях: с Кекконеном, коммунистами и Советским Союзом. Подобные мысли вызревали и в других кругах, особенно после того как Кекконен упрочил свои позиции на президентских выборах 1962 г. В своих воспоминаниях Койвисто пишет, что изначально он обсуждал эти идеи с помощником заведующего отделом на радио Олави Вильяненом и сотрудником Федерации профсоюзов Финляндии Орво Лахтиненом.

Новая линия четко ощущалась в речах, с которыми Койвисто выступил в Тампере и Нокиа 1 мая 1965 г. Центральной мыслью речи

была возможность сотрудничества с коммунистами в правительстве, что позволило бы избежать изоляции, а также независимость от Кекконена в установлении связей с СССР. Этой речи предшествовали выступление Кекконена на собрании Общества Паасикиви в Рабочем доме в Хельсинки 25 сентября 1964 г., где президент призвал к сотрудничеству, а также напечатанная в феврале 1965 г. в газете «Правда» статья, в которой была высказана мысль о необходимости пересмотра оценки международной социал-демократии.

Койвисто предпринимал, поначалу втайне, попытки создать условия для сплочения профсоюзного движения. У него были связи с Арне Гейером, председателем Международного союза свободных профсоюзов (VAKL) и Центральной профессиональной организации Швеции (LO), а также с Вейкко Ахтолой председателем Союза бумажной промышленности Центрального объединения профсоюзов Финляндии и с Орво Лахтиненом от Федерации профсоюзов Финляндии. Некоторые влиятельные фигуры из социал-демократов знали о деятельности Койвисто; у него были беседы с председателем партии Рафаэлем Паасио и остававшимся в стороне от споров Фагерхольмом, а также с крупными деятелями группировки Вяйнё Лескинена, в том числе с Каарло Питсинки. Таким образом, у Лескинена были основания, когда он в 1968 г., поддерживая кандидатуру Койвисто на пост премьер-министра, ссылаясь на их обширные связи.

В новой ситуации, возникшей в 1966 г. вследствие победы на выборах социал-демократов и левых сил в целом, Койвисто оказался наравне и даже впереди Паасио, и вместе с Пеккой Кууси играл наиболее активную роль в поисках решения вопроса о составе правительства.

На посту министра финансов

Важным этапом на пути Мауно Койвисто к руководящим постам в государстве стало его вполне ожидаемое назначение на пост министра финансов в правительстве Рафаэля Паасио. Коммунисты вошли в правительство, хотя поначалу Паасио считал, что лучшим решением было бы сотрудничество с Партией центра. Так как Койвисто был партнером Паасио по дискуссиям, и Паасио избрал министрами социал-демократов, приход Койвисто в правительство был очевиден.

Статус Койвисто как партийного эксперта по экономической политике был признан еще до формирования правительства. В начале 1966 г. он представил план платформы партии в области экономической политики, среди прочего содержащий мысль о необходимости положительно относиться к частному капиталу. По его мнению, разговоры о социализме не интересуют людей. Он полагал, что необходимо было наладить эффективное управление государственными компаниями, при этом увеличение доли государственной собственности не было актуальным. Действительно важной целью было увеличение занятости.

Его отношение к другому важному вопросу – о региональном развитии – было в целом положительным, но Койвисто отмечал необходимость ее согласованности и подчинения общей политической программе. Таким образом, имидж Койвисто включал в себя разные черты. Его поддержка установления отношений с Кекконеном и с СССР, а особенно включения в правительство коммунистов, наложила на него печать радикала, в то время как его идеи относительно экономической политики указывали в противоположном направлении. О Койвисто сложилось представление как о человеке дела, поддерживающем новые идеи.

Экономическая политика правительства Паасио подверглась более жесткой, чем обычно, критике. Партия центра потеряла свой статус ведущей правительственной партии, а смена курса правительства вызвала критику у буржуазной оппозиции. В свою очередь, коммунисты, вернувшиеся в правительство после семнадцатилетнего перерыва, пытались усидеть на двух стульях – в правительстве и в оппозиции. Критика исходила и непосредственно из социал-демократической среды; после восьми лет оппозиции слишком велики были надежды. Главным объектом критики стал премьер-министр и председатель партии Паасио. Однако острие критики было направлено против так называемой «политики звонкой монеты», проводимой Койвисто.

На посту министра финансов Койвисто пришлось составить два бюджета и провести девальвацию, в целом составившую 31 %. Тем самым была воспроизведена схема стабилизационной политики в Финляндии: проблемы издержек экспортирующих отраслей промышленности решались с помощью девальвации.

В декабре 1967 г., оценивая правительство Паасио и собственную работу на посту министра финансов, Койвисто заявил, что хотя лекарства были «горькими», но, по его мнению, правительство добилось многого и смогло изменить общество. Он признал, что правительство столкнулось с двумя проблемами: структурной безработицей и изменением структуры общества.

Первый раз на посту премьер-министра

В конце 1967 г., при правительстве Паасио, на Койвисто был большой спрос. Сначала его избрали генеральным директором торговой сети Эланто, а затем управляющим Финляндским Банком. В своей традиционной манере, Койвисто охарактеризовал возможности своего преуспеяния в новой должности как «не очень хорошие», но обещал сделать все возможное и не забывать интересы нации. Он даже был готов уйти в отставку, если бы это пошло на пользу делу.

В начале 1968 г. начался процесс, приведший Койвисто в кресло премьер-министра. В партии наблюдалось недовольство стилем руководства Паасио, и поэтому совет партии пришел к формально

единодушному решению о нецелесообразности того, чтобы один человек был и председателем партии, и премьер-министром. Цель сторонников этой идеи – отстранить слишком медлительного в своих решениях, по мнению многих, Паасио с поста премьер-министра – была достигнута. Как отмечает Калеви Сорса, Паасио позже сторонился Койвисто, подозревая его в причастности к этой затее. Однако для такого утверждения нет никаких конкретных доказательств. В конце концов, Паасио поддержал кандидатуру Койвисто на пост премьер-министра, а затем министра финансов в последующем правительстве меньшинства.

Койвисто стал кандидатом в премьер-министры от СДП далеко не сразу. Его сторонники отмечали его компетентность в экономической и финансовой политике, знание языков и молодость. Сомнения вызывала «политика звонкой монеты» и отношения Койвисто с социал-демократической фракцией в парламенте. В начале марта Койвисто, однако, стал кандидатом в премьер-министры от партии. Как видно из протоколов СДП, процесс выдвижения был довольно случайным. Он поздно вышел вперед, но единодушие по его кандидатуре было достигнуто быстро. Решающей стала поддержка со стороны Кекконена и Паасио.

Койвисто не имел такой опоры в партийной организации, какая была у Паасио, но, отчасти из-за этого, у него было больше свободы действий. В новом правительстве Койвисто окружали действительно сильные представители других партий: бывшие премьер-министры из Партии центра Йохеннес Виролайнен, Ахти Карьялайнен и Мартти Миеттунен, а также Пааво Аитио из Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ) и Аарре Симонен из Социал-демократического союза рабочих и мелких землевладельцев (СдСРиМЗ). Койвисто в качестве премьер-министра среди опытных политиков выглядел молодым и зеленым. Манера Койвисто высказывать свои мысли и раздражала, и восхищала: одни считали его «нерешительным», другие – аналитиком, выявляющим для обсуждения все возможные варианты. Ни влиятельные центристские фигуры, ни кто-либо другой, не предпринимали согласованных действий против премьер-министра. Аарре Симонен, представлявший в Финляндском Банке своего рода персональную оппозицию генеральному директору Койвисто, высказывался в пользу того, чтобы правительство как можно дольше продолжало работу. Вхождение в правительство ДСНФ создавало новое пространство для маневра.

Правительство Койвисто было вынуждено и имело возможности принимать значимые решения. Вскоре после формирования правительства было подписано соглашение о политике в области доходов. Другими важными решениями в области социальной политики были закон о компенсациях фермерам за сокращение обрабатываемых площадей, окончательное рассмотрение в парламенте законопроектов об

алкоголе и о пиве средней крепости. За время правления Койвисто финское общество быстро превратилось из общества, построенного на традициях, в либерально-урбанистическое. Законодательство также пополнилось законом об абортах.

Чувство неуверенности и незащищенности, порожденное быстрыми социальными изменениями, вызывали недовольство, которое было направлено прежде всего на партии в правительстве. На выборах 1970 г. правящие партии, за исключением Шведской народной, понесли заметные потери. Наибольшую неудачу потерпела Партия центра. Победителями стали Сельская партия Финляндии (СПФ), которая получила 18 мест, а также консервативная Национальная коалиционная партия. Популярность премьер-министра находилась в явном противоречии с результатами выборов, так как, согласно опросу общественного мнения, проведенному в 1970 г., поддержка Койвисто составила 29 %, а президента Кекконена – лишь 12 %. Самый серьезный конкурент, центрист Ахти Карьялайнен набрал всего 7 %. Одним из факторов, способствовавших популярности премьер-министра, стало новое средство информации – телевидение. Премьер-министр, к примеру, был гостем популярной передачи «Дополнительное время», посвященной текущим событиям. Он предстал перед зрителями в открытой, мальчишеской и незатейливой манере, но одновременно производил впечатление политического руководителя нового типа – рассудительного, сдержанного, не лишенного тактических талантов политика.

Во время правительства Койвисто возникли серьезные проблемы в области внешней и торговой политики. Первая была связана с вторжением Советского Союза в Чехословакию 21 августа 1968 г. Койвисто рассматривал ситуацию под разными углами зрения. Произошедшее для него имело очень широкое значение: он отмечал, что в этом проявились нестабильность мира и даже его порочность. Он рассказал также, что несколько раз плакал, пока ехал со своей дачи в город. Также трудным решением, особенно для СДП, стал вопрос о том, заключать ли контракт на поставку электровозов из СССР, или же разместить этот заказ в Финляндии, поскольку занятость в металлообрабатывающей промышленности Тампере напрямую зависела от этого контракта. Премьер-министр рассматривал этот вопрос в общем контексте финско-советской торговли и отверг утверждение о том, что СССР осуществляет колониальную политику в торговле. Контракт на строительство атомной электростанции рассматривался аналогичным образом, хотя ситуация отличалась тем, что свои предложения помимо Советского Союза делали Англия и Швеция. Все эти страны также могли апеллировать к проблеме экономических отношений в целом.

Северная экономическая зона или «*Нордек*» стала для Койвисто проблемой, требующей принятия решений. Он считал интеграцию необходимой для экономического развития. Для него как для социал-демократа сотрудничество со странами Северной Европы значило

больше, чем для других ключевых фигур. Поскольку традиционно внешней политикой занимались в основном президент и министр иностранных дел, участие Койвисто в решении этого вопроса было больше обычного. Судя по написанной Кекконеном под псевдонимом Лииматайнен статье, это вызвало определенную ревность и, вероятно, навело на мысль использовать внешнюю политику, чтобы поставить Койвисто подножку. Фагерхольм саркастически сказал о положении Койвисто: «Человека заставляют сказать, что он думает, а это очень опасно». Койвисто полагал, что соглашение «Нордек» было нельзя подписывать, поскольку против этого резко возражал СССР. Во всяком случае, согласно более поздним высказываниям Кекконена, Койвисто хотел подписать соглашение, так что вину за провал всего плана можно было бы возложить на Данию, стремившуюся к членству в ЕЭС. Койвисто, однако, отрицал, что говорил что-либо похожее на то, о чем Кекконен пишет в своем дневнике. Кекконен после «ночных заморозков» 1958 г. был осторожным, старался наблюдать за ходом дела со стороны и оказывал поддержку лишь в том случае, если СССР не выступил резко против. Он использовал Койвисто в качестве щита, но не хотел предавать гласности степень влияния Советского Союза.

Первое правительство Койвисто закончило работу с выборами 1970 г. Быстрое изменение в структуре экономики не только открыло новые возможности, но и влекло за собой некие жертвы. Культурный молодежный радикализм, набиравший силу при этом правительстве, порождал новые оппозиционные силы.

Койвисто или Сорса?

После выборов 1972 г., последовавших за роспуском парламента в конце предшествовавшего года, Кекконен поручил формирование правительства Рафаэлю Паасио. Когда попытки сформировать правительство большинства провалились, Паасио сформировал социал-демократическое правительство меньшинства, в котором первым министром финансов стал Койвисто, а Калеви Сорса, который на выборах набрал впечатляющее количество голосов, свыше 22 тысяч, занял пост министра иностранных дел. Таким образом, в СДП было теперь два идущих в гору и пользующихся большой поддержкой политика. Койвисто в правительстве Паасио в какой-то степени занимал такое же положение, что и находясь на посту управляющего Финляндским Банком, он призван был охладить ситуацию. Несмотря на это, он по-прежнему лидировал в опросах общественного мнения, опережая самого Кекконена.

В состязании Сорсы и Койвисто первый, за исключением опросов общественного мнения, имел преимущество. 1970-е гг. можно с основанием назвать «десятилетием Сорсы», но одновременно это было и десятилетие власти Кекконена. Сорса «держался» за Кекконена, и его власть, как казалось, зависела от воли президента, несмотря

на то, что он дважды был премьер-министром и дважды министром иностранных дел, а, кроме того, с 1975 г. был председателем СДП. Койвисто же отдалился от Кекконена, считавшего его конкурентом и не любившего его вдумчивую манеру высказываться. Койвисто и Сорса естественным образом оказались оппонентами к середине 1970-х гг., когда после первого нефтяного кризиса в связи с ростом мировых цен начал быстро расти дефицит платежного баланса. Задачей Койвисто стало уравнивание платежного баланса с тем, чтобы Финляндский банк не финансировал рост дефицита. Было ясно, что между премьер-министром и управляющим Финляндским банком назревают различия во взглядах. Они вытекали из занимаемых ими постов, но здесь было и другое, и на это немедленно обратили внимание средства массовой информации.

Сорса позднее заявлял, что приблизительно к 1976 г. он уже был убежден в том, что партия не должна «промотать» популярность Койвисто в народе. По словам Сорсы, еще до выборов 1979 г. он договорился с Койвисто о выдвижении последнего кандидатом в президенты. По мнению некоторых, это произошло позже – лишь накануне собрания совета СДПФ в 1981 г., на котором Койвисто был назван кандидатом. Сорса был удовлетворен таким решением под воздействием результатов выборов коллегии выборщиков 1978 г.: Койвисто получил 19 570 голосов, а Сорса – 10 468. После назначения Койвисто премьер-министром в 1979 г. его рейтинг (36 %) значительно опережал рейтинги других потенциальных кандидатов в президенты (по 7 % у Сорсы, Карьялайнена и Виролайнена). Год спустя Койвисто получил 46 %, а президент Кекконен – лишь 13 %. Остальным ведущим политикам достались только крохи.

Второй раз на посту премьер-министра

В конце десятилетия и в особенности после выборов 1979 г. стало нарастать недовольство состарившимся президентом и отсутствием перемен. В этой ситуации Койвисто стал премьер-министром с все возрастающим авторитетом, подкрепленным его работой в Финляндском банке, явным лидерством в опросах общественного мнения, а также имиджем потенциального будущего президента. В опросе, проведенном накануне выборов, Койвисто был явным фаворитом на пост премьер-министра. Он заметно опережал всех своих несоциалистических соперников, в то время как среди сторонников СДПФ и ДСНФ он занимал второе место. Сам Койвисто так комментировал свое избрание: «Когда люди хотят изменить содержание политики, а это оказывается сложным, они ограничиваются сменой фигур».

Существует два почти противоположных мнения относительно назначения Койвисто на пост премьер-министра. Согласно одному из них, Кекконен остановился на нем как на возможном преемнике.

По мнению других, в частности соперников Койвисто Виरोлайнена и Карьалайнена, Кекконен хотел, чтобы Койвисто потерпел неудачу на трудном посту. Оба толкования могут быть верными. Позиция Кекконена менялась.

Будучи премьер-министром, Койвисто взял на вооружение новую линию, так называемую «политику низкого профиля», пытаясь с ее помощью сохранить состав правительства. По его собственным словам, он хотел сохранить сотрудничество на левом фланге и связи левых с профсоюзным движением. Попытки свалить правительство предпринимались как изнутри, так и извне. В первые месяцы 1981 г. Кекконен начал сожалеть о назначении Койвисто премьер-министром и стал склоняться на сторону тех, кто стремился добиться его отстранения. Койвисто, однако, получал разностороннюю поддержку своему правительству: Виरोлайнен, например, поддерживал Койвисто из тактических соображений. Весной 1981 г. представители Партии центра, по всей видимости, располагали сведениями об ухудшающемся состоянии здоровья Кекконена. С этим была связана попытка отстранить правительство, чтобы Койвисто не смог вести свою выборную кампанию, находясь на посту премьер-министра. Однако в критический момент Койвисто получил поддержку со стороны Калеви Кивистё и ДСНФ. Летом 1981 г. Ахти Карьалайнен сблизился с Кекконеном в расчете стать премьер-министром. И хотя президент относился к такому варианту благосклонно, когда Койвисто отказался добровольно уйти в отставку, сил президента было уже недостаточно для отстранения правительства. После того как Кекконен оставил свой пост из-за болезни, Койвисто мог начать свою предвыборную кампанию, исполняя обязанности президента.

Народ выбирает Койвисто

Во время предвыборной кампании Койвисто задавали в основном два вопроса: о природе его социалистических взглядов и об отношениях с Советским Союзом. На непростой вопрос журналиста об отношениях с Москвой Койвисто ответил, что их значение не следует преувеличивать. Такой ответ принес Койвисто дополнительную поддержку – он не хотел быть выбранным с помощью Москвы. На вопрос о характере его социалистических убеждений он ответил более развернуто, отметив, что созрело время для избрания президентом социал-демократа, но не привязанного к партии.

В выборах коллегии выборщиков 1982 г. уровень участия был исключительно высоким и достиг 87 %. Кандидаты, находившиеся в списке Койвисто, получили свыше 43 % голосов. Многие избиратели желали быть уверенными в том, что голоса их выборщиков будут отданы действительно Койвисто, и поэтому чрезвычайно большое количество голосов получили его жена Теллерво Койвисто, выдвигавшаяся в выборщики по хельсинкскому округу, и дочь Асси, выдвигавшаяся в Уусимаа.

О поддержке Койвисто за пределами партии свидетельствовало большое количество голосов, полученное теми кандидатами его списка, которые либо были беспартийными, либо не являлись известными политиками. Среди них были генерал-лейтенант Энсио Сийласуо, профессор Матти Клинге, профессор Кирсти Лагерспец, а также актеры Вейкко Синисало и Сюльви Салонен. Большое количество голосов получили известные политики социал-демократы, такие как Матти Ахде, Эрки Лииканен и Лассе Лехтинен. Койвисто был избран в первом туре, набрав 167 голосов выборщиков.

В выборах 1988 г. Койвисто увеличил свою прежнюю поддержку во всех избирательных округах. Тогда был применен новый порядок выборов: граждане голосовали как за кандидата, так и за выборщика. Койвисто был избран во втором туре 189 голосами.

Изменения и преемственность

Начало президентского правления Койвисто характеризовалось ожиданием, что Койвисто будет непохож на Кекконена, но одновременно оказывалось сильное давление в пользу сохранения преемственности. Сила Койвисто заключалась в том, что он, в отличие от других политиков, не был связан прочными партийными узами. У него складывались непростые отношения со средствами массовой информации: с одной стороны, он был фаворитом в опросах общественного мнения, однако, с другой стороны, он упрекал корреспондентов, называя их «леммингами», раздражаясь на средства массовой информации и пытаясь их избегать.

Став президентом, Койвисто начал изменять статус и прерогативы президента в направлении большего парламентаризма, пытаясь оказывать влияние со стороны, а не вмешиваться во многие вопросы, как это делал Кекконен. Однако, в своей книге *«Два срока»* Койвисто пишет, что он не пожелал, чтобы его ставили «перед свершившимся фактом». Он был очень возмущен секретным соглашением Пааво Вяюрюнена, Илкки Суоминена и Кристофера Такселя накануне выборов 1987 г., направленным на формирование несоциалистического правительства. Когда левые утратили свои позиции на выборах 1987 г., это соглашение получило поддержку в парламенте. Но Койвисто не согласился сыграть заранее predetermined роль. Койвисто, Калеви Сорса и Харри Холкери, представитель Национальной коалиционной партии (НКП), получивший пост премьер-министра, пришли к соглашению о формировании «сине-красного» правительства (СДП и НКП). Для коалиционеров было важно попасть в правительство, и президент активно действовал во имя осуществления своих политически взвешенных решений, попутно стремясь не допустить на пост премьер-министра Пааво Вяюрюнена.

Сильные вспышки гнева в целом были свойственны Койвисто. Он долго сдерживает себя, но когда случается взрыв, это подчас

происходит в неожиданном контексте. Хорошо известен пример, когда негодование Койвисто прорвалось наружу во время освящения построенного в Финляндии круизного лайнера «*Royal Princess*» в Англии в 1984 г. Его гнев, возможно, в большей степени объяснялся обидой за институт президентства, чем за себя лично. Публика интересовалась только приглашенной на церемонию принцессой Дианой, финны не были допущены даже близко к ней. Некоторые помещанные на принцессе финны оказывали ей почести, как будто находились при дворе, что еще больше увеличивало раздражение Койвисто.

Койвисто не всегда было легко добиться понимания своих идей и целей. Трудно забыть критику в адрес прокуроров и канцлера юстиции Кая Корте в связи с некоторыми предполагаемыми незначительными злоупотреблениями (история с так называемой «барской охотой»). Однако именно благодаря изменению атмосферы, вызванному избранием Койвисто, началось искоренение «обычаев страны» времен Кекконена. На первый план выходили формально-юридические моменты. Койвисто опасался возникновения атмосферы линчевания, но слово президента оказалось настолько весомым. До настоящего времени так и не прояснилось, вела ли практика старых «обычаев страны» и незначительных злоупотреблений властью к экономическим преступлениям периода сильного спада.

Койвисто и застой

Хотя Койвисто выступал за расширение парламентаризма, он, тем не менее, стремился влиять на внутреннюю политику, в особенности на экономическую. Он был особенно активен в период глубокого спада в конце второго президентского срока. Правда, многие ожидали от него открытого целенаправленного вмешательства, не вполне сознавая, как это должно происходить. У Койвисто как экономиста был большой опыт, указывавший, в частности, на необходимость применения экономических тормозов, равно как и на сложности их применения. Однако никто, даже Койвисто, не мог четко представить ситуацию, найти эффективные способы и применить их в условиях оказываемого политического давления, когда в конце 1980-х гг. экономика из состояния перегрева качнулась в сторону спада. Правда, была проведена ревальвация марки, однако впоследствии эта мера расценивалась как запоздалая и даже ошибочная мера.

Участвуя в проведении нескольких девальваций, Койвисто накопил опыт и осознавал связанные с ними недостатки. Он был твердо убежден в преимуществах твердого курса валюты. В 1986 г. он вступил в конфликт с Пааво Вяюрюненом, который настаивал на девальвации для преодоления возникших трудностей в восточной торговле. Койвисто и Сорса совместно выступили против этого, осознавая, что инициатива Вяюрюнена отчасти связана с его личными политическими интересами. Таким образом, и наследие Таннера, и собственный опыт утвердили его в понимании важности твердого курса валюты.

По мере сокращения экспорта и с ростом дефицита торгового баланса в начале 1991 г. в разных кругах стали раздаваться требования девальвации. Когда в новом буржуазном правительстве, сформированном под руководством молодого премьер-министра Эско Ахо, и в Финляндском Банке спорили о том, каков должен быть твердый курс марки по отношению к расчетной денежной единице европейского сообщества ЭКЮ, Койвисто не был упорным сторонником старого курса. Главным образом по настоянию Финляндского Банка курс остался прежним. Когда осенью 1991 г. сокращение валютных запасов привело к вынужденной девальвации, сторонники прежнего курса управляющий Финляндским банком Рольф Кульберг, директора банка Маркку Пунтила и Калеви Сорса, а также министр финансов Ииро Виинанен подали в отставку. Койвисто попросил их продолжать выполнять свои обязанности. Так и произошло, за исключением Пунтилы. Президент полагал, что по-прежнему были нужны защитники твердого курса, нельзя было допустить паники, и поэтому руководящим фигурам следовало оставаться на своих местах.

После вынужденной девальвации правительство и Финляндский Банк выступали за политику твердого курса на новом уровне, но рынок реагировал с недоверием. Тогда Койвисто, используя сильные выражения, выступил против сомневающихся, охарактеризовав как «скользких» тех, кто участвовал в валютных спекуляциях в ожидании девальвации, а те, кто требовал проведения более масштабной девальвации, также стали объектом для критики. Весной 1992 г., накануне введения плавающего курса марки, раздражение Койвисто вызвала также критика экономической политики со стороны группы финских профессоров, особенно когда приглашенный из Гарварда профессор Рудигер Дорнбуш в телевизионном выступлении предложил провести сорокапроцентную девальвацию. Койвисто резко возразил, сказав, что профессор забыл об издержках девальвации, и возложил на девальвацию ответственность за углубление кризиса.

На всех этапах кризиса президент, прежде всего, подчеркивал необходимость сохранения стабильности. Когда в 1992 г. был поставлен вопрос об отставке правительства, Койвисто выступил против. Он стремился не допустить, чтобы экономический кризис перешел бы в политический. Койвисто заявил, что «он защищает правительство от него самого». В разгар финансового кризиса в 1993 г. Койвисто всесторонне участвовал в обсуждении и разъяснении ситуации.

Когда из понесшей большие потери от кредитов группы сберегательных банков был образован Финляндский Сберегательный банк, и когда его кредитные потери продолжали расти, Койвисто принял участие в дискуссии, ужасаясь размерам банковских субсидий в июне 1993 г., и особенно доле, приходившейся на сберегательные банки. В июле 1993 г. Койвисто морально подготовил разделение Финляндского Сберегательного банка, отметив в интервью газете

«*Кескисуомалайнен*», что «группа сберегательных банков свободна». Так он своим авторитетом способствовал принятию решения, уменьшавшего активы банка. Было ясно, что его высказывания подвергались критике, а количество сторонников сокращалось. Когда возник конфликт между премьер-министром Ахо и управляющим Финляндским Банком Кульбергом, Койвисто поддержал премьер-министра, и Кульберг вынужден был уйти в отставку.

Президент Койвисто, принимая меры для преодоления спада, иногда действовал оставаясь в тени, а иногда выражал свою точку зрения публично. Критики считали его экономическое мышление слишком прямолинейным. Он видел свою задачу в сохранении и возвращении веры в простые экономические истины. С экономикой были связаны многие психологические моменты, и естественным образом ролью президента становилось укрепление веры в выбранный курс.

Внешняя политика президента

Период президентства Койвисто ознаменовался большими переменами, несмотря на то, что поначалу Койвисто придерживался внешней политики Кекконена, подчас даже несколько преувеличивая степень преемственности. Койвисто, как и Кекконен, стремился завязать плодотворные близкие отношения с руководством Советского Союза, даже когда он уже распадался. Как и во времена Кекконена, делалась попытка предугадать позицию русских, избегать конфликтов и не допустить возникновения ситуации, в которой был бы поставлен под вопрос авторитет великой державы.

Осторожность Койвисто вызвала особую критику, в частности, в связи с движением прибалтийских республик за независимость. Это действительно была осторожная позиция, так как Койвисто не верил в развал Советского Союза. По его мнению, разумной альтернативой была бы поддержка становившегося все более либеральным и демократическим Советского Союза и его лидера Михаила Горбачева. После Второй мировой войны осторожность превратилась в глубоко укоренившуюся черту финнов; им было что терять по сравнению с прибалтийскими республиками. Койвисто предостерегал против обещаний, которые могли бы прибавить народам Прибалтики смелости. По его мнению, в случае возникновения конфликта поощрявшей стороне придется встать с ними рядом.

Когда осенью 1991 г. Советский Союз развалился, под руководством Койвисто был осуществлен большой поворот во внешней политике. В сентябре 1991 г. Финляндия вышла из Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, освободилась от некоторых ограничений Парижского мирного договора, и встала на путь вступления в Европейский Союз и сотрудничества с НАТО. В 1991 г. Койвисто посчитал, что Финляндия имеет возможность присоединиться к ЕС. Так руководитель с репутацией человека расчетливого и осторожного стал во

главе радикальных перемен, когда, по его мнению, для этого созрело время.

По мнению министра иностранных дел Пертти Паасио, Койвисто как президент держал внешнюю политику под пристальным контролем. Тексты выступлений министра иностранных дел и других министров, если они касались внешней политики, просматривались президентом, и это не было пустой формальностью – в содержание вносились исправления. Койвисто, подобно Кекконену, иногда минуя министра, поддерживал прямые контакты с чиновниками.

Уникальная карьера Койвисто стала результатом сочетания обстоятельств и его личности. В начале 1980-х гг. было естественным, что страна получила в президенты прагматичного социал-демократа. Сверхдолгий срок Кекконена породил проблемы, с которыми, как полагали, должен справиться Койвисто. Рассудительный президент, прислушивавшийся к аудитории, должен был удовлетворить то недовольство, которое вызывал правивший долгое время с помощью приказов и гневных писем человек.

Мемуарист, полемист и исследователь России

Койвисто усердно работал над своими мемуарами еще находясь на посту президента. Две книги мемуаров относятся к президентскому периоду. В 1994 г. вышла книга, озаглавленная *«Два срока, часть I: воспоминания и заметки, 1982–1994»*. В нее вошла подборка документов, речей и записей бесед с авторскими комментариями, призванными сделать более понятными принципы внутренней политики президента. В следующем году появилась вторая часть *«Творцы истории»*, посвященная внешней политике. В ней Койвисто описал свои встречи как с советским лидером Михаилом Горбачевым, так и с президентом США Джорджем Бушем, демонстрируя тем самым свою причастность к событиям мирового масштаба.

В 1997 г. в книге *«Направление движения»* Койвисто изложил этапы своей политической карьеры вплоть до конца его первого периода нахождения на посту премьер-министра. Эта книга содержала известные противоречия с вышедшим годом раньше шестым томом (*«Борьба за нейтралитет»*, 1996) биографии Урхо Кекконена, написанной Юхани Суоми. Суоми обстоятельно излагал историю переговоров по *«Нордек»*, на что Койвисто отреагировал, заметив, что записи в дневниках Кекконена не соответствуют тому представлению, какое сложилось у Койвисто от заявлений и действий Кекконена. Койвисто также не согласился с интерпретацией Суоми начала 1970-х гг. как «годов опасности». В телевизионном интервью в День независимости 1999 г. Койвисто убедительно отверг эту мысль. Более того, Койвисто еще в книге *«Направление движения»* отмечал, что только по прошествии тридцати лет он понял, что Кекконен участвовал в качестве влиятельной закулисной фигуры в принятии

пакетного соглашения о политике доходов, известного как Лиина-маа II. По мнению Койвисто, Кекконен в обход премьер-министра вмешивался в вопросы, входящие в компетенцию правительства.

В 1998 г. Койвисто издал свои воспоминания о периоде детства и юности, помещая свой личный опыт в более широкий контекст. Эти воспоминания показали личность Койвисто в новом свете.

Койвисто время от времени с изложением своей позиции принимал участие в научных семинарах. Осенью 1995 г. он выступал с докладом о банковском кризисе на семинаре в *Studia monetaria*, а в конце зимы 1998 г. – на семинаре, посвященном Таннеру. В 2001 г. Койвисто опубликовал обширную, на 316 страницах, книгу-исследование «Русская идея». Выяснилось, что еще начиная с 1950-х гг. он интересовался русским языком и историей России. Произведение свидетельствует о глубоком знании русской истории, содержит авторские оценки России и русской идеи.

Осенью 1999 г. Койвисто занял редкую для Финляндии позицию, выступив с критикой натовских бомбардировок Югославии. За это он был награжден премией мира, учрежденной так называемым «Комитетом ста». С другой стороны, бывший президент стал объектом острой критики, что создало новую атмосферу для дискуссий. И раньше Койвисто жаловался на то, что «у президента в ящике для инструментов не было такого маленького молоточка, чтобы его удар не звучал бы так же, как удар молота». Раньше критику высказываний президента можно было рассматривать как критику института президентства и подрыв его статуса. Изменения в конституции сделали возможным критиковать даже высказывания президента, отражающие его точку зрения.

Осенью 1999 г. госпожа Теллерво Койвисто опубликовала отрывки из своих мемуаров, в которых она призналась, что страдала от депрессии. Эти мемуары содержали очень личный взгляд как на Мауно Койвисто, так и на то окружение, в котором жил президент.

– ХАННУ СОЙККАНЕН

Приложение:

Мауно Хенрик Койвисто, род. 25.11.1923 Турку. Родители: Юхо Койвисто, столяр, и Хюмни София Эскола. Жена: 1952 – Тайми Теллерво Канкаанранта, экономист, род. 1929, родители жены: Йоханнес Эйнари Канкаанранта, фермер, и Ольга Мария Сааринен. Ребенок: Асси (Аллонен), род. 1957, экономист.

Вихтори Косола (1884–1936)

руководитель Лапуаского движения

В начале 1930-х гг. руководитель Лапуаского движения Вихтори Косола превратился в общенационально известную политическую фигуру. Однако период, когда он обладал действительным влиянием, ограничивается очень коротким отрезком времени – начальным этапом Лапуаского движения. Собственно говоря, его роль в движении довольно сложно оценить, учитывая обилие фоновых факторов. После мятежа в Мянсяля была основана партия Народное патриотическое движение (ИКЛ), в котором он, несмотря на свой формальный статус, являлся скорее своеобразным символом, нежели действительным руководителем.

Дом Косола в Лапуа, представлявший собой трактир, в 1915–1916 гг. использовался в качестве тайного пункта по переправке участников егерского движения. Молодые люди, направлявшиеся в Германию, останавливались в доме Косола, а затем получали дальнейшие инструкции. В их числе был младший брат Вихтори Косола. В целом через дом Косола прошло порядка 250 егерей, прежде чем об этом стало известно русским жандармам. Вихтори Косола был арестован и отправлен сначала в Хельсинки, а позже в Петроград в тюрьму на Шпалерной. Странников егерского движения, сидевших в этой тюрьме, позже стали именовать «егерями-колодниками».

Судьбу Вихтори Косола вскоре разделила его жена Элин, которую заключили в тюрьму в Вааса. Для ее освобождения туда отправились ее двоюродный брат Яло Лахденсуо и Хилья Риипинен, говорившая по-русски. Вдвоем им удалось вызволить Элин Косола. Основная заслуга в этом принадлежит Хилье Риипинен, которая неустанно, на протяжении нескольких дней требовала начала допросов. Кроме того, она объясняла жандармам по-русски, что у мужчин в Похьянмаа не принято рассказывать женам о своих делах, так что не было причин удерживать Элин Косола под арестом. В результате Элин отпустили домой под поручительство родственников и под подписку о невыезде.

«Это предписание до сих пор не отменено», вспоминала Элин Косола спустя десятилетия.

Вихтори Косола находился в тюрьме с февраля 1916 г. вплоть до февральской революции 1917 г. После освобождения он вернулся домой в Лапуа к своему хозяйству, которое было полностью на его плечах с 15-летнего возраста, когда умер отец Вихтори. Со временем он освоился со всеми особенностями ведения сельского хозяйства, пополнив навыки в сельскохозяйственном училище Орисберга.

Осенью 1917 г. в Лапуа стали готовиться к самому худшему, в том числе и запасаясь оружием. Косола принимал активное участие в занятиях и деятельности «пожарной команды» Лапуа, предшественницы щюцкора. Когда в январе 1918 г. началась освободительная война, он принимал в ней участие с самого начала, командуя взводом в провинции Хяме.

В 1920-е гг. Косола вернулся к сельскому хозяйству, однако политическая ситуация в стране по-прежнему беспокоила его, как и многих других участников освободительной войны. Представители крайне левых сил, не оставлявшие надежды на новую революцию, организовывали, в особенности в портах, политические забастовки, целью которых было вызвать застой во внешней торговле страны и тем самым нанести урон всей экономической жизни. Для уменьшения ущерба от этих забастовок была основана организация «*Виентирауха*» («*Экспортный мир*»), и Косола стал председателем окружной организации Южной Похъянмаа. В своей родной местности он вербовал рабочих на бастующие предприятия, что позволило не нарушить основные экономические функции страны. При необходимости, он сам отправлялся на те объекты, где требовалась рабочая сила.

Этим ограничивалось участие Косола в политической жизни в 1920-е гг., хотя уже в следующее десятилетие его имя стало в политике Финляндии широко известным. На его родине с конца 1929 г. практически по воле случая началась цепочка событий, приведших к волнениям, потрясшим всю страну. В одно мгновение Косола обрел известность, выйдя на авансцену политической жизни.

В ноябре 1929 г. в Лапуа силами главным образом учеников общей школы было прервано собрание коммунистов. Несколько наиболее активных местных жителей стали обсуждать возможности дальнейших действий. Косола придерживался мнения, что этим надо ограничиться, поскольку возможный общественный резонанс может принести школьникам одни лишь неприятности. Эту же позицию занял губернатор Вааса Бруно Сарлин, заявивший, что коммунисты уже получили достаточное предупреждение. Противоположную позицию занимала магистр Хилья Риипинен, считавшая, что начало «большого дела» положено и останавливаться на этом не стоит. Промежуточную позицию занял крестьянин Густав Тииту, предложивший провести в Лапуа общее собрание граждан. Так и решено было сделать. На этом собрании Косола выступал с докладом о сложившемся положении.

На этом так называемом первом собрании в Лапуа была избрана делегация, которая должна была встретиться в Хельсинки с президентом, правительством и парламентскими группами. В состав этих, как и последующих делегаций, как правило, в качестве представителей Лапуа входили Вихтори Косола и Хилья Риипинен. Они также участвовали во всех сколько либо значимых собраниях, проводившихся в Лапуа. Поначалу Косола, наряду с Густавом Тииту и Арттури Лейноненом, входил в группу наиболее умеренных участников движения. Можно предположить, что Риипинен, представлявшая радикальное крыло движения, повлияла на то, что Косола с течением времени стал все более склоняться в сторону жесткой линии. Вскоре после разгрома типографии рабочей газеты «*Тюён яяни*» умеренные начали постепенно отходить от движения. Таким образом, разгром газеты стал своеобразным водоразделом внутри Лапуаского движения.

Однако демонстрация силы движения, равно как и своеобразная его кульминация, были еще впереди. Речь идет об организованном летом 1930 г. крестьянском марше, когда слава и авторитет Косола как неофициального лидера народного движения достигли своего пика. Высшему политическому руководству страны пришлось действовать с учетом требований движения, получившего широкую общественную поддержку: правительство ушло в отставку, пришедший на смену кабинет в значительно большей степени устраивал народное движение. Лапуасцы могли бы иметь своих представителей в правительстве, однако они отказались стать его «заложниками». Однако и новое правительство вскоре оказалось под известным давлением со стороны лапуасцев. Парламент принял к обсуждению так называемые законы о коммунистах, о чем требовало движение. С целью их быстрее принятия парламент был распущен, а новые выборы назначены на осень 1930 г. В целом же лето 1930 г. было временем наивысшей силы лапуасцев. В последующем реальная сила движения начинает сходить на нет. Кульминацией этого процесса и «предсмертными судорогами» движения, сопровождавшегося симптоматичными насильственными действиями и другими эксцессами, стал провалившийся мятеж в Мянтсяля в 1932 г.

Радикальное крыло Лапуаского движения, по крайней мере, начиная с лета 1930 г. всерьез хотело видеть Косола будущим главой государства. Настоятель церкви К.Р. Карес даже провозгласил его Богоизбранным вождем народа Финляндии. В этой связи появились слухи о возможной диктатуре, поводом для которых послужило то, что в кругах лапуасцев Косола частенько сравнивали с Бенито Муссолини, который в свое время тоже промаршировал во главе единомышленников в столицу. Активист егерского движения, писатель Суло-Вейкко Пеккола как-то заметил, что поднявший к небу кулак Косола был вылитый «северный Муссолини». Косола, финского Муссолини, начали в шутку называть Косолини. По этому поводу один из активистов написал летом 1930 г. такое стихотворение:

Слово молвил Косолини:
коммуняк давай-ка к ногтю,
если ж встанет кто пред нами,
землю есть он будет – точно;
напоследок же услышите:
слошим шею коммунизму!

(перевод Евгения Богданова)

Осенью 1930 г. парламент принял законы, запрещавшие деятельность коммунистов. Как только это основное требование Лапуаского движения было выполнено, в широких кругах интерес к нему начал падать. В новом парламенте безоговорочных сторонников движения были совсем немногие. В свою очередь, президент Л.К. Реландер в своем новогоднем выступлении (1931) призвал обратить внимание на беззакония и беспорядки, вызванные движением. Это же позднее сделал П.Э. Свинхувуд, который был избран президентом в конце зимы 1931 г., кстати, при поддержке лапуасцев. Эти выборы стали последней победой движения, да и она была довольно призрачной, поскольку на деле новый президент отнюдь не был настолько пролапуаским, насколько рассчитывало движение.

Мятеж в Мянтсяля в начале 1932 г. стал завершающей точкой Лапуаского движения. Роль самого Косола в нем не совсем ясна. В любом случае, он отправился в Мянтсяля, как утверждают некоторые современники, с целью уговорить мятежников сдаться, а по другим сведениям, чтобы побудить их продолжить мятеж. После окончания мятежа, в соответствии с требованием Свинхувуда, он был арестован вместе с другими лидерами движения и отправлен в Туркускую тюрьму. Освободившись, Косола вернулся домой, где ему была устроена массовая встреча. Хилья Риипинен, выступившая с приветственной речью, обратилась к нему: «Народ опять вокруг вас, и вы возвращаетесь победителем домой». Это был намек на поднимавшее голову народное движение. После запрета Лапуаского движения в разных частях страны началось обсуждение вопроса о возможности его продолжения в новых формах. В конце концов, это привело к образованию партии Народное патриотическое движение (ИКЛ), заявившей о своем намерении продолжать дело Лапуаского движения парламентскими методами.

Естественно, что Косола был избран лидером нового движения. Правда, раздавались и противоположные мнения, но они носили больше закулисный характер. Истинные руководители ИКЛ Вилхо Аннала и Бруно Салмиала с подозрением относились к Косоле, его прошлому и сложившемуся имиджу. Поэтому на деле Косола стал скорее не реальным руководителем ИКЛ, а своеобразным его символом. Да и характер нового движения в корне отличался от Лапуаского. Вместо крестьянского движения, ориентирующегося на внепарламентские методы и объединившегося ради достижения одной

цели, речь шла о партии с академической прослойкой, заявляющей о парламентской борьбе и имеющей программу. Правда, этот союз отрицал свой партийный характер, однако на практике действовал так же, как и остальные партии. Возглавляемое Косолай Лапуаское движение действовало от имени буржуазии, тогда как ее преемница отрицала свою буржуазную природу, пытаясь найти сторонников среди бывших противников и обвиняя лапуасцев в том, что они оказались неспособными «теоретически решить» проблему причин коммунистического движения.

Ничего удивительного в том, что позиции Косола в ИКЛ были в корне иными, чем в Лапуаском движении. Наиболее заметные роли в новом движении играли ее парламентская группа и руководители союза Аннала и Салмиала. В 1936 г. они решили взять в свои руки формальное руководство. На заседании совещательной комиссии было решено избрать председателем Вилхо Анналу, а заместителями Бруно Салмиалу и Вихтори Косола. Это стало последним и решающим ударом, нанесенным по политической карьере Косола. Оказавшись отстраненным с поста руководителя ИКЛ, он вернулся домой, как говорят, со словами: «Срок действия билета истек». Эти слова имели драматический подтекст. Через два месяца Вихтори Косола умер от воспаления легких. О его отставке не успели официально объявить до его смерти, так что участь руководства ИКЛ была существенно облегчена неожиданной кончиной Косола.

– КААРЛЕ СУЛАМАА

Приложение:

Иисакки Вихтори Косола, род. 10.7.1884 Юлихярмя, умер 14.12.1936 Лапуа. Родители: Иисакки Косола, землевладелец, и Мария Филппула. Жена: 1908 – Элин Ольга Катариина Лахденсуо, род. 23.7.1887 Лапуа, умерла 24.8.1977 Лапуа, родители жены: Виктор Вильгельми (Вилле) Лагерстедт, с 1906 Лахденсуо, и Кайса Вильгельмиина Анттила. Дети: Пентти Вихтори, род. 1.5.1909; Ниило Вилхо 17.2.1911, агроном; Ома Мария Каарина, род. 16.4.1914, умерла 6.3.1919; Вели Иисакки, род. 19.4.1916, умер 5.3.1919; Кирсти Илона, род. 15.11.1920, преподаватель гимнастики.

Карл Улоф Крунстедт (1756–1820)

вице-адмирал

Карл Улоф Крунстедт – человек, в карьере которого обнаруживаются черты, подходящие к портрету как героя, так и изменника. Бесспорно, стихотворение Рунеберга «Свеаборг» создало у потомков образ изменника, в то время как деятельность этого человека можно оценивать значительно более разносторонне.

Отец Карла Улофа Крунстедта был майором артиллерии, а мать принадлежала к старинному роду военных Егергорн аф Спурила. Поэтому неудивительно, что Крунстедта, старшего сына в семье, уже в возрасте девяти лет записали добровольцем в полк кронпринца Адольфа Фредрика. В 14 лет он был произведен в сержанты, в возрасте 17 лет – в прапорщики (фенрик), а уже в 21 год стал капитаном так называемой шхерной флотилии. Быстрое продвижение по службе говорит не только о возможных хороших связях, но и, скорее всего, о военном таланте.

Молодой Крунстедт хотел приобрести опыт и за пределами страны. Крунстедт, как и многие шведские и финские офицеры, отправился в Северную Америку, чтобы принять участие в войне за независимость североамериканских колонистов. Но в отличие от большинства, он изъявил желание служить в английском флоте. Там он в период с 1776 по 1779 гг., без сомнения, приобрел богатые познания, и не только в английском языке. Англия была ведущей мировой морской державой, и ее флот считался лучшим в мире.

Вернувшись из зарубежной поездки, Крунстедт вновь поступил во флот Швеции. После начала войны Густава III против России в 1788 г. Крунстедт был произведен в подполковники. Теперь он был направлен в Штральзунд для руководства оснащением и приведением в боевую готовность размещенной там флотилии. Вместе с этой флотилией он в 1790 г. прибыл на театр военных действий в Финском заливе.

Вершина военной карьеры Крунстедта пришлась на 9 июля 1790 г., когда он, будучи флаг-капитаном короля Густава III, фактически

руководил шхерной флотилией Швеции в морском сражении с российским флотом в Шведском проливе. Сражение закончилось блестящей победой шведского флота, хотя часть победы можно отнести на счет благоприятных для шведов погодных условий. В любом случае и король Густав III, и подполковник Крунстедт могли в полной мере вкусить сладость победы.

Король выразил свою благодарность Крунстедту, произведя его в полковники, назначив командующим размещенной в Свеаборге шхерной флотилией и генерал-адъютантом. Его также приглашали в Стокгольм как статс-секретаря для доклада королю по морским вопросам.

Счастливая звезда Крунстедта, похоже, начала заходить после убийства Густава III. Герцог Карл, осуществлявший полномочия регента, не особенно любил Крунстедта, считая, что тот излишне привлекает внимание к шхерной флотилии в ущерб морскому флоту, находящемуся под командованием самого герцога. Крунстедт был лишен поста статс-секретаря и отослан в Свеаборг для исполнения своих основных обязанностей в качестве командира шхерной флотилии. Правда, в 1793 г. его по распоряжению регента произвели в контр-адмиралы, но это главным образом объяснялось отнюдь не расположением правительства, а тем, что командующему флотом надлежало иметь звание адмирала.

Когда Густав IV Адольф достиг совершеннолетия, авторитет Крунстедта вновь вырос. Король в 1801 г. пригласил его в Стокгольм и произвел в вице-адмиралы. Его также назначили командующим военного порта Карлскруна, поскольку адмирал К.А. Вахтмейстер впал в немилость короля. Крунстедт активно содействовал отставке Вахтмейстера, за что и приобрел много недоброжелателей. На судебном процессе против Вахтмейстера Крунстедт обнаружил больше жажды мести, чем справедливости. Возможно, это повлияло на короля, или же сами враги Крунстедта убедили короля изменить свое к нему отношение. В любом случае, в декабре 1801 г. адмирал получил приказ вернуться в Свеаборг и занять там свой прежний пост. В обстоятельствах, связанных с возвращением Крунстедта в Свеаборг, позднее пытались найти причины его поведения на посту командующего в период Финской войны 1808–1809 гг. Без сомнения, это было не по душе Крунстедта, он бы с большим удовольствием служил командующим флотом.

Возглавляя гарнизон Свеаборга, Крунстедт уделял внимание живущему на территории крепости бедному гражданскому населению и старался изо всех сил улучшить условия его существования. Это проявление гуманности является приятной чертой в его карьере, становящейся все менее доблестной. Было незаметно, чтобы он сильно заботился о состоянии крепости. Он мог высказать подчиненным свое мнение о ее обороноспособности в выражениях, которые не совсем подходили для командующего крепости.

Когда в 1808 г. разразилась Финская война, Крунстедт все же озаботился обороноспособностью крепости. Эта задача облегчалась тем, что, хотя в целом правительство Швеции во многих отношениях и пренебрегало обороной Финляндии, крепости в Свеаборге уделялось существенно больше внимания. Крепость была построена с использованием лучших достижений фортификационной техники своей эпохи, частично на французские деньги, и укомплектована гарнизоном численностью почти в 7 000 человек. Шхерная флотилия зимовала в Свеаборге, что способствовало укреплению гарнизона как людской силой, так и вооружением. В распоряжении Крунстедта было в общей сложности свыше 2 000 орудий. Запасы продовольствия в крепости были рассчитаны на четыре месяца, хватало также и боеприпасов. План ведения войны предполагал, что армия будет отступать, стараясь не ввязываться в бои с противником, и таким образом Свеаборг может оказаться во вражеской осаде. Затем летом из Швеции в Свеаборг подоспеет подкрепление, после чего Финляндия будет отвоевана. Крунстедт был, естественно, полностью осведомлен об этом плане, в осуществлении которого он как командующий крепостью в Свеаборге играл решающую роль.

Русские быстро продвигались в сторону Хельсинки и захватили его, не испытав большого сопротивления со стороны Свеаборга, хотя численность гарнизона крепости превосходила численность наступавших захватчиков. На этом этапе Крунстедт продемонстрировал удивительную пассивность и нерешительность. Русской осадой командовал генерал Ян Петер ван Сухтелен. В разработке планов захвата Свеаборга также участвовал главнокомандующий русскими войсками граф Фридрих Вильгельм фон Буксгевден.

Из российских источников становится совершенно очевидным, что для захвата Свеаборга в обильно использовался подкуп. Самым приближенным к Крунстедту человеком в крепости был его троюродный брат, полковник Фредрик Адольф Егергорн, брат активного участника Аньяльской конфедерации майора Яна Андерса Егергорна, человек, выступавший за отделение Финляндии от Швеции. Полковник Егергорн добился, чтобы с русскими поддерживались как можно более плотные контакты, русским позволили спокойно укрепить свои позиции на побережье Хельсинки, а женам служивших в крепости офицеров было даже разрешено из Хельсинки приезжать к своим мужьям. Как минимум, подкуп осуществлялся по этому каналу, по нему же распространялась и другого рода информация, а также слухи, способствовавшие разжиганию пораженческих настроений.

Нет прямых доказательств того, что Крунстедт во время осады лично получал от русских деньги, но его поведение как командующего крепостью показывает, что он по тем или иным причинам не верил в обороноспособность крепости. Вероятно, троюродный брат смог убедить его в том, что Швеция больше не в состоянии удерживать

Финляндию. Как бы то ни было, 6 апреля Крунстедт согласился с предложением генерала ван Сухтелена, согласно которому крепость в Свеаборге должна капитулировать, если до 3 мая из Швеции не прибудет существенная помощь, или если к тому времени как минимум пять линейных кораблей из Швеции не придут в порт Свеаборга. В залог договоренности Крунстедт согласился немедленно передать русским три острова, нахождение которых в руках противника в любом случае значительно ослабляло обороноспособность крепости. Учитывая, что Крунстедт, будучи профессиональным военным моряком, не мог не знать об условиях ледовой обстановки в Финском и Ботническом заливах, это соглашение кажется невероятным. Крунстедт как никто другой знал, что вода в обычные годы к этому времени никак не могла освободиться ото льда, так что прибытие помощи в Свеаборг было более чем маловероятным. Ко всему в условиях капитуляции содержался пункт, по которому 3 мая гарнизон Свеаборга должен выйти на лед и там сдать оружие.

Крунстедту как командующему крепостью было предписано, что если возникнет необходимость сдать крепость врагу, до этого следует уничтожить зимующую в ее укрытии шхерную флотилию, чтобы та не досталась неприятелю.

День капитуляции приближался, а помощи, естественно, ниоткуда не последовало. Гарнизон крепости думал, что Крунстедт нарушит соглашение каким-либо образом, и предполагал, что вся эта договоренность была попыткой Крунстедта выиграть время. Поэтому сохранение шхерной флотилии выглядело естественным. К глубокому своему разочарованию гарнизон, однако, вынужден был убедиться в том, что договор был выполнен до последней запятой. Крепость Свеаборг сдалась 3 мая, ее вооружение и флот в полной сохранности перешли в руки русских.

Поступок адмирала Карла Улофа Крунстедта – сдача практически без боя самой укрепленной крепости на Севере Европы уступавшему по силе неприятелю (во время осады крепости из почти семитысячного гарнизона погибло 6 и было ранено 22 солдата) – как по мнению современников, так и в глазах потомков был непостижим. Как уже было сказано, нет данных о том, что во время осады адмирал был подкуплен. Но после капитуляции, во время еще продолжавшейся войны, он с почетным визитом приехал к императору в Петербург, где ему была пожалована пенсия в 4 500 риксдалеров в год, а также единовременная компенсация в 50 000 риксдалеров за потерянное имущество.

Военный суд в Торнио приговорил его и других членов военного совета Свеаборга к смертной казни, лишению дворянского звания и имущества. Дело было передано также в военный надворный суд, но после того, как император Александр сослался на статьи мирного договора в Хамина (Фридрихсгамский мир), дело было оставлено без рассмотрения. Сам Крунстедт послал в военный суд письмо, в

котором он оправдывал свое поведение плохим укреплением крепости, отсутствием опыта у рядового состава, малым количеством офицеров и нехваткой запасов пороха. Когда это письмо было опубликовано в Швеции, генерал Георг Карл фон Дёбелн написал на него ответ, в котором детально опроверг утверждения адмирала. Доводы Крунстедта не выглядят убедительными и по прошествии времени.

В чем же тогда кроется тайна Крунстедта? Почему человек, который в бою в Шведском проливе снискал себе славу героя, двадцать лет спустя оказался никуда не годным солдатом? На этот вопрос почти невозможно дать достоверный ответ. Даже если предположить, что в 1801 г. адмирал был обижен на своего короля и затаил на него злобу, это нельзя считать достаточной причиной для государственной измены. Остается непонятным, в какой степени Крунстедт воспринял взгляды членов Аньяльского союза на будущее Финляндии в составе России. В своем оправдательном письме он говорит о своей преданности Швеции, но это звучит совершенно неубедительно, так как его собственное поведение говорит об обратном. В целом выглядит очень сомнительным, что Крунстедт действительно верил в то, о чем он позднее утверждал – плохая обороноспособность Свеаборга и превосходящие силы противника. Хотя о его характере было сказано весьма много отрицательного, его профессиональные навыки не ставились под сомнение. Таким образом, остается полагать, что Крунстедт сознательно, по неизвестным нам причинам, сдал крепость врагу. Наиболее очевидной из этих причиной выглядит личная корысть.

Сдача Свеаборга все же не принесла Крунстедту счастья и успеха. Он провел остаток жизни в уединении, не занимая никакого общественного положения, в усадьбе Херттониemi, где построил нынешнее главное строение и парк. Он умер там в 1820 г., и как рассказывают, на смертном одре он уничтожил какие-то документы. Возможно, вместе с ними превратилась в дым возможность узнать, почему Свеаборг был сдан русским 3 мая 1808 г.

– ВЕЛИ-МАТТИ СЮРЬЁ

Приложение:

Карл Улоф Крунстедт, род. 3.10.1756 Хельсинки, умер 7.4.1820 Хельсинки. Родители: Юхан Габриель Крунстедт, майор, и Хедвиг Юлиана Егергорн аф Спурила. Жена: 1794 – Беата София Врангель аф Саусс, графиня, род. 1762, умерла 1840, родители жены: Антон Юхан Врангель аф Саусс, адмирал, граф, и Шарлотта Регина Спарре. Дети: Хедвиг Шарлотта, род. 1795, умерла 1868; Габриель Антон, род. 1798, умер 1893, губернатор губернии Турку и Пори, тайный советник; Карл Улоф, род. 1800, умер 1883, сенатор, губернатор губернии Вааса, барон.

Матти Курикка (1863–1915)

*социалист-утопист,
редактор,
писатель*

Матти Курикка, бесспорно, является одним из наиболее противоречивых финнов 20 в. Его активная деятельность, выступления и энтузиазм увлекали за собой массы людей, и в то же время его идеи и речи приводили к появлению различных мнений. Курикка имел горячих сторонников и горячих противников даже в своей среде, внутри рабочего движения. Необычность этого человека и проявляемый к нему интерес подтверждается и тем, что о нем и о его жизни, как, например, об утопических экспериментах, написано много популярных и научных книг и статей.

Матти Курикку относят к теософическим и социалистическим писателям и журналистам. Его деятельность и идеи отображают поиски путей общественного обновления и положения Финляндии как части Российской империи. Активная деятельность Курикки в защиту рабочих приходится на переломный период, когда организованное рабочее движение набрало силу и стало выступать с требованиями социальных изменений и когда социализм с его идеей классовой борьбы вытеснил в Финляндии так называемый вригтовский социализм. То время было сложным и с политической точки зрения, так как центральные российские власти пытались упрочить свое положение и контроль в Великом княжестве Финляндском. С другой стороны, в своих поступках и в жизни Курикка был человеком мечтательным, увлекающимся, очень непрактичным.

Матти Курикка родился в Туутери, в Ингерманландии, куда его предки переехали в конце 17 в. Матти посещал школу в Хельсинки, где в 1881 г. сдал экзамен на аттестат зрелости. После этого он учился в университете, входил в землячество Саво-Карелии и увлекся студенческим движением. В 1886 г. он женился на богатой невесте Анне Палмквист, и вскоре после этого ему представилась возможность отправиться вместе с родственниками жены в Данию, Германию и Австрию. Позднее сам Курикка рассказывал, что эта поездка сыграла

в его жизни в идейном плане большую роль. Он познакомился с либеральными и радикальными идеями того времени, в том числе и с социализмом.

Вернувшись в Финляндию в начале 1890-х гг., Куриikka вместе с Й.А. Люлю и А.Б. Мякеля выпускал орган печати младофиннов газету «*Вишпурин Саномат*», владельцем которой он стал позднее. В его статьях понемногу стали появляться социалистические идеи. Особенно горячо он выступал против духовенства, которое обвинял как сторонника существующей реакционной системы; Иисус же в его представлении был подлинным революционером.

Куриikka не смог эффективно управлять изданием «*Вишпурин Саномат*», что привело к банкротству. После этого он короткое время был редактором газеты «*Итя-Суомен Саномат*» в Лаппеенранта, а позднее страховым агентом. Вскоре его ожидала большая работа, когда ему в конце 1896 г. представилась возможность поступить в редакцию газеты «*Тюёмиес*» («*Рабочий*»), располагавшуюся в Хельсинки. В следующем году он стал главным редактором этой газеты.

В конце 19 в. Куриikka примкнул к набиравшему силу социалистическому движению. Он еще в Выборге был членом рабочего союза, и вскоре стал заметен его вклад в рабочее движение Хельсинки и всей страны. Как страстный оратор, активная и харизматическая личность он быстро нашел свое место в рядах социалистов. Однако вскоре у него появились разногласия по идейным и практическим вопросам движения. Наиболее проблематичным было то, что Куриikka публично критиковал идею сбора подписей под адресом протеста финляндского народа против февральского манифеста 1899 г. Критика основывалась на том, что в его составлении не принимали участия представители рабочих.

Благодаря своим резким высказываниям и активной деятельности Куриikka получил поддержку широких рабочих масс, но вместе с этим вызвал критику со стороны многих умеренных руководителей рабочего движения. Кроме того, Куриikka отрицательно относился к марксизму, завоевывавшему все более прочные позиции в рабочем движении. В связи с этим весной 1899 г. Куриikka был вынужден уйти с должности главного редактора «*Тюёмиес*». Его преемником стал бывший товарищ по издательству «*Вишпурин Саномат*» А.Б. Мякеля. Летом 1899 г. Куриikka находился в Турку, где проходило создание Рабочей партии Финляндии, но и там он занимал слишком резкую линию, требуя социализации средств производства и резкого осуждения церкви.

О мировоззрении Куриikki нелегко говорить. В 1930 г. Вяйнё Войонмаа отмечал, что проблемы Куриikki в рабочем движении происходили из-за того, что он не мог отделить свои идеи от действительности. Он считал, что его идеи, объединявшие теософию и социализм, нужно по возможности скорее осуществить. Он хотел, чтобы люди изменились под влиянием его собственных идей, и если так не происходило,

он отказывался иметь с ними дело. Идеи Курикки основывались на трех главных принципах. Во-первых, у него было свое теософско-религиозное мировоззрение. Во-вторых, он верил в нравственный социализм, в котором были черты, взятые из утопического социализма Анри де Сен-Симона и христианского социализма. В третьих, он стремился к кооперативной форме хозяйствования, идея которой происходит главным образом из Англии. По мнению Войонмаа, во взглядах Курикки было сложно обнаружить какую-либо единую концепцию.

После ухода из газеты *«Тюёмиес»* Курикка начал строить новые планы, потому что его не устраивало как развитие финского рабочего движения, так и, похоже, его собственное место в нем. Он основал общество *«Калеван Канса»*, с помощью которого хотел осуществить на практике свои идеи построения нового идеального общества, коммуны *«Сойнтула»* (*«Гармония»*). Он провел в Хельсинки множество собраний, на которых рассказывал о своих замыслах; одновременно с этим шли поиски возможного места воплощения идеи. Первая попытка произошла в Австралии, куда он поехал уже в августе 1899 г. Он был обычным рабочим на строительстве железной дороги, но заболел там. Строительство идеального общества в Квинсленде в Северной Австралии оказалось действительно сложным делом. Сказывалась и непрактичность Курикки – черта, которая на разных этапах его жизни доставляла неприятности во многих делах. Решение проблемы пришлось извне. Весной 1900 г. Курикка получил от Магги Халминена письмо с приглашением приехать на остров Малькольм в Британской Колумбии на западном побережье Канады и там создавать коммуну. Для Курикки были отправлены деньги на дорогу, и он смог выехать из Австралии. В компании с ним находились люди, создававшие в 1902 г. *«Эракко-сеура»* (*«Общество отшельников»*), объединявшее финнов в Австралии. Это общество, исходя из его деятельности и задач, вряд ли можно считать основанным на утопической идее.

Курикка прибыл на остров Малькольм, где было создано общество *«Калеван Канса Колонизейшин компани»*, получившее в конце 1911 г. остров в свое владение. Было начато издание газеты *«Айка»* (*«Время»*), первой в Канаде газеты на финском языке. Курикка и приехавший по его просьбе на помощь из Финляндии А.Б. Мякеля разъезжали по стране с рассказами об идее коммуны *«Сойнтула»*. В газете *«Айка»* писали об идее колонии, которая привлекала на свою сторону «разочаровавшихся в капитализме» финских переселенцев и их семьи. К концу 1902 г. на острове было уже почти 200 человек, а в течение 1903 г. их число увеличилось до 350. Это созданное финном общество, которое скорее можно охарактеризовать как кооператив, добывало себе пропитание ловлей рыбы и с помощью построенного лесопильного завода. На острове было также построено несколько хозяйственных и жилых зданий.

Помимо энтузиазма, Куриikka своим появлением прибавил и разногласий. Одним из его «социальных» требований, вызывавших наибольшее количество споров и сомнений, было обобществление жен. Сомнения вызывала как сама идея, так и вытекавшие из нее проблемы в плане хозяйственных и семейных отношений. По мнению Куриikka, брак заключал женщину в оковы, а она должна была принимать участие в трудовой жизни как свободный от семейных забот человек; дети должны были воспитываться в «детских домах».

Экономическая основа «*Сойнтула*» была относительно слабой, так как доставка на рынок товаров, произведенных в коммуне, была затруднительной, а профессиональные навыки ее членов оставляли желать лучшего. Помимо этого, во время пожара 1904 г. погибли люди, и была разрушена большая часть зданий. Начавшийся развал привел к тому, что Куриikka и большая часть членов «*Сойнтула*» вышли из общества в октябре 1904 г. Согласно некоторым источникам, он был практически изгнан с острова. «*Калеван Канса Колонизейшин Компани*» прекратила свое существование в мае 1905 г.

Разочарованный Куриikka отправился на материк, где на берегу реки Фрейзер была создана новая утопическая коммуна, «*Саммон Такойят*» («*Ковали Сампо*»). Общество добывало средства к существованию, работая в лесу, но Куриikka пробыл там недолго, и уже в сентябре 1905 г. вернулся в Финляндию. Здесь он успел принять участие в борьбе против русификации и был одним из видных руководителей всеобщей забастовки. Однако Куриikka вновь испытывал трудности с финским рабочим движением. Он упрямо следовал собственным идеям, основанным на теософии и утопическом социализме. Разногласия привели к тому, что на съезде партии в Оулу в 1906 г. он вынужден был выйти из Социал-демократической партии. Он опирался на узкую группу своих сторонников и начал сотрудничать с ведущим финским теософом Пеккой Эрвастом и издавать газету «*Элямя*» («*Жизнь*»), последние номера которой вышли летом 1908 г. Энергичный Куриikka основал Социалистическую реформаторскую партию, не имевшую успеха на парламентских выборах, а также планировал создание коммуны в Финляндии, и тоже безрезультатно.

В 1907 г. разочарованный Куриikka отправился в Соединенные Штаты с лекциями, затем вернулся в Финляндию, но в следующем году вновь поехал в Америку. Последние свои годы он жил в штате Род-Айленд в местечке под названием Вестерли в усадьбе Пенкер. Средства к существованию он добывал земледелием и журналистикой. В 1908 г. он стал обозревателем правой финноязычной газеты «*Нью-Йоркин Уутисет*», выступающей за независимость Финляндии, а позднее стал ее редактором. В 1912 г. Куриikka создавал также местное отделение общества «*Калеван Ритарит*» («*Рыцари Калевы*»). Общество, особенно в начале 20 в., было патриотической тайной организацией, объединяющей правых. Участие Куриikka в ее деятельности, с одной

стороны, доказывает его причастность к феннофильству и тоску по Финляндии, с другой стороны, – отдаление от рабочего движения в сторону национализма и романтических финских традиций. Смерть застала Матти Курикку в его усадьбе на поле, прервав его новые планы и заботы.

Из-под пера Матти Курикки в самые яркие его годы успело выйти очень большое количество литературных произведений. Сначала он приобрел славу как драматург. Среди написанных им пьес были, например, *«Последнее усилие»*, поставленная в Финском Театре Хельсинки в 1884 г., *«Чудо ли это»* (1885), *«Айли»* (1887). Первый том его сборника новелл *«Облачка»* (I-II, 1886) был конфискован как содержащий оскорбления в адрес императорской семьи. Помимо этого у него вышло много небольших брошюр о религии, трезвом образе жизни и по социальным вопросам, к примеру, о положении женщины, а также об идее *«Сойнтула»*.

Собственный опыт разрушительного воздействия алкоголя, вероятно, отчасти повлиял на то, что Курикка был против употребления алкоголя рабочими и считал его пагубным. Он часто писал об этом и считал, что трезвенническое движение было одним из способов улучшить положение рабочих. Он оказал влияние на то, что финское рабочее движение заняло позицию, поддерживающую трезвый образ жизни. Самое большое значение Курикки, вероятно, все же было в том, что он был писателем, оратором и человеком, пробудившим рабочее движение. Интерес к теософии, неспособность к сотрудничеству и непрактичность привели к тому, что он занял второстепенное положение по сравнению с другими ведущими финнами и влиятельными фигурами в рабочем движении американских финнов того времени.

– Ауво Костиайнен

Приложение:

Матти Курикка, род. 24.1.1863 Туутери, Ингерманландия, умер 1.10.1915 Вестерли, Род-Айленд, США. Родители: Адам (Аатами) Курикка, земледelec, и Анна Пёюхёнен. Первая жена: 1886–1898 (развод) Анна Палмквист, родители первой жены: Эдмунд Палмквист, начальник тюрьмы, и Доротея Рюхлинг; вторая жена: Ханна Ряйхя, дочь заводского мастера. Дети: две дочери.

Отто Вилле Куусинен (1881–1964)

премьер-министр

Терийокского правительства,

народный уполномоченный

по делам просвещения,

депутат парламента

Крайними географическими точками жизненного пути Отто Вилле Куусинена стали местечко Лаукаа в Центральной Финляндии и Москва в СССР. Между ними – жизнь, поделенная надвое. Первые четыре десятилетия включили в себя учебу, политику и семейную жизнь в Финляндии. Вторые – это многокрасочная судьба красного эмигранта в Советском Союзе, в период правления Ленина, Сталина и Хрущева, когда остаться в живых в 1920–30-е гг. скорее было делом удачи. Водоразделом в жизни Куусинена стали события 1918 г. Эти события, а также участие Куусинена в Терийокском правительстве для многих служили основанием рассматривать его как политикана-оппортуниста и профессионального коммуниста, готового предать своих товарищей, как на старой, так и на новой родине.

Отто Вилле Куусинен слыл всесторонним дарованием в лицее Ювяскюля. Главным образом по экономическим соображениям он пожертвовал научной карьерой ради деятельности на поприще журналистики, депутатства и партийного руководства. В период наступления царизма на финляндскую автономию он, как истинный финн, стоял на позициях конституционализма, но по своим взглядам и мышлению склонялся к социалистической идее. В атмосфере всеобщей политической нестабильности, последовавшей после Первой мировой войны, он стал нелегальным «наставником» финляндских коммунистов, профессионалом русского коммунизма и дотошным теоретиком, снискавшим международную известность.

Дом, школа и университет

Сын Вильгельма Куусинена, портного из Ювяскюля, лишился матери, когда ему еще не исполнилось и года. В десятилетнем возрасте в 1892 г. Отто Вилле пошел в школу. Получая восемь лет спустя школьный аттестат, он был уже круглым сиротой, и учиться ему позволили лишь собственная предприимчивость, понимание со стороны мачехи и помощь друзей. В школе его знали как успешного

ученика, много писавшего для школьной газеты «*Орас*», в которой то и дело появлялись его стихи и проза на любовную, религиозную и патриотическую тематику под псевдонимом Отто Няре. Все это укладывалось в его увлеченность «*Библией*», «*Калевалой*», творчеством Й.Л. Рунеберга и Ц. Топелиуса. Звезда Куусинена-поэта засияла особенно ярко, когда в год окончания школы в школьной газете появилось его стихотворение, посвященное Рунебергу и названное «*Что бы сказал поэзии мэтр*», где были такие слова:

О славный певец, никогда
Память твоя не исчезнет в ночи,
Она младое поколение ведет за собой,
к великим свершеньям влечет!

Так называемый период угнетения начался годом ранее с изданием февральского манифеста, и поэзия стала превращаться из национально-романтической и патриотической в неоромантическую поэзию борьбы, к которой примешивались элементы европейской поэзии свободы. Казалось, что Куусинену был уготован путь на поприще национальной поэзии.

Ближайшими друзьями Куусинена в школьные годы были Эдвард Гюллинг, будущий доцент статистики и депутат парламента, Мартти Коверо, будущий директор Главного управления статистики, Суло Вуолийоки, позже адвокат и депутат парламента, Йонас Хейска, ставший одним из известнейших художников Центральной Финляндии, который в 1900 г. написал портрет Куусинена, а также будущий юрист Эйнар Дальстрём (впоследствии Лааксовирта), в сестру которого Сайму Куусинен был влюблен еще с лицейских времен. Дальстрём, Гюллинг, Куусинен и Вуолийоки, кроме прочего, были объединены общим мировоззрением.

Осенью 1900 г. Куусинен поступил в университет и стал изучать философию, эстетику и историю искусства. Он примкнул к студенческому землячеству Хяме, известному своей политической умеренностью и ориентированностью на просветительские задачи. В начале следующего года он стал сотрудничать с газетой землячества «*Хяллятюёря*» и той же весной он был премирован стипендией как лучший поэт землячества Хяме. Деньги пришлось кстати, поскольку первый ребенок 19-летнего Куусинена и Саймы Дальстрём, которая была старше его на 8 лет, родился летом. Молодому отцу пришлось на год отойти от студенческой жизни, он проживал в это время в Центральной Финляндии, занимаясь журналистикой и работая приказчиком в магазине. Когда осенью 1902 г. он вернулся в столицу, чтобы продолжить обучение, он был уже молодым главой семьи, пытавшийся как можно скорее закончить обучение, будучи обремененным долгами и оставленной в местечке Луханка семьей. Выйдя замуж за необеспеченного Куусинена, Сайма Дальстрём, дочь зажиточного

хозяйина, нарушила правила своего сословия. В дальнейшем лишь доля наследства гарантировала ей и детям средства к существованию.

Летом 1903 г. Куусинен на полученную стипендию объехал Центральную Финляндию с выступлениями против притеснений со стороны властей. Параллельно он собирал деньги для открытия народных училищ. Куусинен посвятил свою выпускную работу творчеству И.В. Гёте и немецкого натурфилософа Эрнста Хакеля и получил степень кандидата философии накануне всеобщей забастовки 1905 г. Ему прочили успех на научном поприще, кто-то видел в нем даже будущего руководителя Национального театра. Куусинен избрал политику, которая, по его же собственным словам, была наукой, да к тому же сложнейшей из всех.

«...самый умный из всех их»

Социал-демократическая партия Финляндии (СДП) опубликовала после съезда партии в Форссе в 1903 г. свою подробную программу. Осенью того же года студенческое землячество Хяме, в которое входил Куусинен, стало приобретать в студенческой среде репутацию центра социалистических идей, которые заимствовались напрямую из Франции и Германии. Большую роль в этом сыграли подолгу учившиеся в Европе активисты землячества Лаури аф Хёрлин и Вьяйнё Вуолийоки, старший брат Суло Вуолийоки. Социалистическим идеям также сочувствовали куратор землячества Юлиус Айлио и инспектор Аллан Серлациус. Куусинен довольно быстро проникся этими идеями и вошел в руководство университетских социалистов. Тогда же он совместно с Юрьё Сирола и Суло Вуолийоки блестяще перевел на финский язык *«Интернационал»*. Хелла Вуолийоки пишет в воспоминаниях о маленьком, худеньком и незаметном Куусинене, которого товарищ по землячеству представил ей как «самого умного из всех нас». «У него в уголках глаз появлялась то улыбка, то ледяной блеск, а когда он говорил, то между предложениями постоянно вставлял многозначительные «ээ...», как бы это сказать...», во-от...».

Куусинен первым из членов землячества примкнул к социал-демократической партии в 1904 г. Вполне возможно, что решение основывалось на холодном расчете: молодая партия могла обеспечить молодому человеку быстрый карьерный взлет, особенно, поскольку он остро нуждался в деньгах, чтобы рассчитаться с долгами и содержать растущую семью. В отличие от основной массы членов партии, у него было образование и способности, чтобы без труда приобщиться к европейскому социализму. Возможно, что Куусинен оказался среди социалистов по воле случая: его друзья Гюллинг и Суло Вуолийоки сделали выбор в пользу социализма во многом под влиянием своих студенческих работ, написанных под руководством их учителя Ханнеса Гебхарда и посвященных исследованию торпарского вопроса. Куусинен познакомился с газетой *«Тюёмиес»* и с ее редактором Эдвардом Валпас-Хянниненом, широко известным теоретиком социализма. Источники

косвенно указывают и на другие моменты: Куусинен своим решением выказал уважение к своим родителям, торпарям в третьем поколении, умершим в возрасте 35 и 45 лет, для которых социал-демократическая партия была бы наиболее естественным выбором. Немаловажным было и желание быть в центре внимания, выступать с трибуны, обращаться к массам. Правда, многие из близких Куусинена указывали на его скромность и желание оставаться в стороне, однако это утверждение вряд может быть убедительным, учитывая особенности его карьеры.

В марте 1905 г. Куусинен совместно с Гюллингом, Сиролой и Суло Вуолийоки основывают Социал-демократическое объединение студентов, а в сентябре в газете *«Тюёмиес»* под псевдонимом О.В.К. появляется его первая статья *«Классовая борьба и классовая ненависть»*. Довольно скоро этот псевдоним, а также подпись *«Кирья-Вилле»*, появлявшаяся под рецензиями на книги, стали привычны читателям, поскольку в октябре свежеиспеченный магистр становится постоянным автором газеты. В начале ноября, в период всеобщей стачки Куусинен совместно с Суло Вуолийоки представляли свое землячество в студенческом стачечном комитете. Он обнаружил харизматичность, способность к лидерству в студенческой гвардии, а по воспоминаниям друзей был иногда в чем-то забавен. Когда после окончания стачки среди ее участников начались препирательства об образе действий и дележ славы, члены Социал-демократического объединения студентов вошли в состав социал-демократической партии в качестве так называемых «ноябрьских социалистов». Куусинен позже вспоминал, что для него, ставшего членом партии годом раньше, стачка и ее последствия означали еще более резкое отношение к «высшим реакционным слоям буржуазии». Это отразилось в статьях в газете *«Тюёмиес»*, исполненных призывами к революции.

Вполне понятно, что новые члены партии, имеющие университетское образование, вызывали подозрительность среди социалистов-самоучек. Ведь эти приемные сыновья новой идеи уселись за накрытый стол без приглашения и, чтобы застолбить себе место, основали ко всему еще и журнал *«Социалистинен айкакауслехти»* (*«Социалистический журнал»*). Журнал приобрел в лице Куусинена секретаря редколлегии, а для Куусинена журнал стал главной трибуной его политической деятельности. В своих статьях он излагал теорию и практику социализма с позиций жесткой классовой борьбы и с учетом особенностей ситуации в России и Финляндии. Все же наиболее существенную угрозу он усматривал в притеснениях со стороны центральной российской власти, а важнейшая задача финнов в этих условиях заключалась в сохранении безопасности Финляндии. Стиль был вполне «валпасовским», «собственный стиль финского рабочего», как его описывал Валпас в письме Хелле Вуолийоки. В теории Куусинен следовал охраняемому Валпасом каутскианству, хотя он сам понемногу уже начал превращаться в «маленького Каутского».

В течение трех лет журнал будоражил читателя своими материалами, помогая накапливать политический капитал его авторам. Как утверждали злые языки, журнал уже пора было закрывать: в 1908 г. Гюллинг, Куусинен, Сирола и Суло Вуолийоки уже были депутатами парламента.

На проходившем в Оулу в 1906 г. съезде СДП левое крыло социал-демократов встало у руководства организацией. Куусинен был активным участником и автором принятой съездом предвыборной программы партии. Он причислял себя к левому крылу, однако делал это довольно двусмысленно, что с тех пор было свойственно всей его деятельности в финском рабочем движении в качестве журналиста, депутата и партийного лидера. Куусинен выступил с осуждением красной гвардии, но участвовал в тайном совещании, на котором было принято решение о продолжении ее деятельности; он выступал за решительные революционные действия, но признавал, что проблемы невозможно решить силой оружия. Напрашивается мысль о том, что он хотел обеспечить себе место на верхушке или хотя бы, вслед за своим учителем Валпасом, иметь возможность критиковать тех, кто на этой верхушке находится. После оулуского съезда 24-летний магистр был первым кандидатом в члены комитета партии и признанным авторитетом по тактическим вопросам, будь то отношение к России, или к правому крылу собственной партии. Свой статус он закрепил яростной риторикой, вызывавшей восхищение у друзей и трепет у врагов. Так было и впредь. Куусинен не выдвигался кандидатом на выборах в первый однопалатный сейм в марте 1907 г., но последовательно готовился пройти в парламент, будучи постоянным сотрудником журнала *«Социалистинен айкаккусলেখти»* и газеты *«Тюёмиес»* и выступая в этих изданиях в роли парламентского журналиста.

Куусинен – депутат сейма

2 июня 1908 г. император утвердил новый порядок представления дел, что породило недовольство, переросшее в требование восстановления законности и определявшее отношения между Финляндией и Россией вплоть до 1917 г. На выборах в июле 1908 г. Куусинен был избран в депутаты, войдя от своей фракции в конституционную комиссию сейма, к компетенции которой относились вопросы, связанные с законностью статуса Финляндии.

Во время своих первых депутатских сроков (1908–1909 и 1911–1913) Куусинен столкнулся с проблемами, затруднявшими деятельность парламента, сразу на трех уровнях. Наиболее важными были отношения между Финляндией и Россией, то есть борьба за сохранение законности. К внутренним проблемам относились распри по принципиальным и тактическим вопросам, с одной стороны, между представителями буржуазии и социалистами, с другой, внутри лагеря

самых социалистов. Там конфликт шел между так называемыми силта-сааровцами, объединившимися вокруг газеты «*Тюёмиес*» и Валпаса, и ревизионистами, группировавшимися вокруг издававшейся в Тампере газеты «*Кансан Лехти*» и ее главного редактора Юрьё Мякелина. Конечно, все социалисты хотели бы вернуть стране ее законные права, разногласия касались способа действий. Правое крыло социал-демократов, имевшее в парламенте преимущество перед левыми, было готово выступить единым фронтом с буржуазией. Левые же сверяли свою линию с учением о классовой борьбе и отказывались от сотрудничества, подобного существовавшему во время так называемого «первого периода угнетения». Куусинен толковал Карла Каутского, не дававшего готового решения для этого конфликта, так: «Угнетает нас чужой или свой угнетатель, надо бороться в равной степени с тем и с другим». То есть если вступить с буржуазией в альянс в борьбе против «*рюсся*» (русских), то придется сотрудничать и в другим вопросах.

Был ли Куусинен в годы своего политического ученичества целиком зависим от Валпаса, или он был тактиком, лишь выжидавшим подходящий момент – на этот вопрос трудно ответить. Пожалуй, и то и другое. Необходимо помнить, что и другие «ноябрьские социалисты» также следовали в фарватере Валпаса, которого называли партийным папой римским, хотя и испытывали перед ним страх, как сообщает в своих воспоминаниях Хелла Вуолийоки, близкий друг Куусинена, жена редактора газеты «*Тюёмиес*» Суло Вуолийоки.

Раскол в лагере финляндских социалистов ослабил фронт противодействия России. Это подрывало веру и тормозило рабочее движение. Кроме того, представителей партии перестал удовлетворять образ действий партии. Как писала Хелла Вуолийоки, наблюдавшая за происходящим с близкого расстояния, «в ту пору классовая борьба была настолько молодой и жестокой, что ее считалось необходимым распространять на каждый параграф закона..., мой революционный дух начинал противиться интригам и препирательствам первых лет парламента». Возможно, Куусинен тоже ощущал нечто подобное. Как вспоминала его дочь Хертта Куусинен, малейший личный выпад в его адрес мог заставить его спрятаться в скорлупу, предоставляя другим принимать решения. И действительно, Куусинен без особых объяснений на рубеже 1909–1910 гг. отошел от парламентской деятельности и сосредоточился на работе в газете «*Тюёмиес*» и планах создания партийной школы. Кроме того, для него открылось новое поле деятельности: он был избран в международный секретариат рабочих партий и делегатом копенгагенской и базельской конференций социалистов. Его отношение как к буржуазии, и к правому крылу социалистов становилось все более жестким.

Куусинена по-прежнему тяготили финансовые проблемы, причем настолько, что Суло Вуолийоки недоумевал, почему тот не в состоянии одним махом разрубить этот узел, как это делают настоящие финны.

Сложностей прибавляла и семья, которая лишь в 1909 г. переехала из Луханки в столицу. Случилось, что вдруг в двухкомнатной квартире с кухней у него появилась жена и трое детей, а вскоре к ним добавилось еще двое. Старшая дочь Куусинена говорила, что отец любил поиграть с детьми, он прививал им любовь к музыке и литературе. Однако, если учесть загруженность Куусинена, то его возможности для каждодневного общения с детьми были ограничены.

Депутатство Куусинена в 1911–1913 гг. было примечательно тем, что в 1911 г. в ходе подготовки адреса о восстановлении законности ему удалось заручиться поддержкой большинства в своей фракции, то есть левые взяли верх над правыми в парламенте. В результате, Куусинен стал своего рода лидером в принятии решений по конституционным вопросам. Укрепление его позиций было особенно заметно на сентябрьском партийном съезде в Хельсинки, когда он с убедительным перевесом голосов был избран вторым председателем комитета партии. Кроме этого, несмотря на попытки перехватить инициативу, газета «*Tuomiес*» осталась под контролем Куусинена, Куллерво Маннера и Юрьё Сирола; Валпас уже отошел от практического руководства газетой. Это позволило продолжить критику правого крыла. В парламенте созыва 1912 г. в руководстве фракцией произошли перемены: Куусинен по-прежнему определял принятие решений, но при этом стали укрепляться позиции Маннера, а Валпас стал отходить на задний план.

В начале сессии 1913 г. каутскианская тактика Куусинена при выборах председателя парламента нанесла ему серьезный урон и, к тому же, породила длительные разногласия с Оскаром Токоем, избранным председателем. Куусинен вновь отошел на задний план и вернулся в парламент лишь в 1917 г., уже в совершенно иных условиях. Он продолжил быть председателем СДП, однако довольно трудно достоверно охарактеризовать его деятельность в период 1913–1917 гг., поскольку протоколы и отчеты руководства партии за эти годы были утрачены, и поскольку в военное время деятельность прессы была ограничена цензурой.

В годы Первой мировой войны Куусинен завязал не вполне обычное знакомство. Все началось в 1915 г., когда Куусинен стал учеником 19-летнего Эльмера Диктониуса (1896–1961), собиравшегося стать композитором, и сдал под его руководством двухгодичный курс музыкального училища за два месяца. До гражданской войны 1918 г. они встречались практически ежедневно. Иногда к ним присоединялся Гюллинг. Они совместно музицировали и постепенно стали ощущать духовное родство на почве искусства и идеи. В первые годы эмиграции Куусинен много переписывался с Диктониусом, возвращавшимся в международных кругах революционеров. Эти круги оказали сильное влияние на стихотворные сборники Диктониуса 1920-х гг. («*Мой стих*», «*Суровая песнь*»), в которых автор привнес в

поэзию финляндских шведов дух модернизма. Несмотря на разницу в возрасте в 15 лет, Диктониус, быть может, был для Куусинена неким «альтер эго» школьных и студенческих лет. Когда Улоф Энкелль в своем исследовании «Молодой Диктониус» (1946) указал на то, что Куусинен существенно повлиял на поэта, многим было сложно отказаться от своего представления о Куусинене-коммунисте в пользу образованного, утонченного Куусинена-эстета.

Трудные 1917–1918 годы

В январе 1916 г. стало известно о новых выборах. Важнейшим пунктом предвыборной борьбы социалистов стал торпарский вопрос, оставшийся от парламента предыдущего созыва. Очевидно, партия решила заполучить также голоса безземельного крестьянства. В результате победы на выборах, принесшей социал-демократам 103 депутатских мандата, руководители рабочего движения оказались в совершенно новой ситуации. Для Куусинена это означало переход из «Тюёмиес» на оплачиваемую партийную должность. В его обязанности входила разработка парламентской программы. Маннер, приобретший репутацию человека твердой линии, стал отвечать за политику газеты «Тюёмиес», будучи автором редакционных статей.

Февральская революция и мартовский манифест 1917 г. полностью изменили ситуацию в Финляндии. У социалистов, обладавших абсолютным большинством в парламенте, не было методов действий, соответствующих новой ситуации. Куусинен полагал, что «Финляндия в своем тысячелетнем развитии... взрастила предпосылки для самостоятельного существования», но что положение было «неюридическим, переходным», при этом трудно определить, «когда мы движемся законными путями, а когда совершенно необходимо сойти с уже единожды проторенной дороги». Варианты он пытался найти в литературе по государствоведению, а его шурин, секретарь конституционной комиссии Эйнар Лааксовирта оказывал ему юридическую помощь.

Куусинен считал нереалистичным создание социалистического сената, однако, в отличие от так называемого «министерского социализма», он находил возможным участие партии в сенате, если это не ограничит ее свободу действий. В марте социал-демократ Оскар Токой стал вице-председателем хозяйственного департамента сената, то есть премьер-министром, а в апреле Куллерво Маннер стал председателем парламента. На внеочередном съезде в июне социалисты потребовали полной независимости, а в июле они же провели в парламенте закон о власти. Российское Временное правительство распустило парламент, чему как утверждали социалисты, содействовала финская буржуазия. Маннер не принял предложение генерал-губернатора, председателя сената Михаила Александровича Стаховича сформировать новый сенат. Политическая атмосфера накалялась. Куусинен и Маннер оспа-

ривали законность новых выборов, но вместе с тем готовились к ним.

Социалисты получили на выборах 96 мест, утратив абсолютное большинство. Маннер был готов встать на путь революции. В октябре на заседании объединенного совместного стачечного комитета, в который входили представители партии и профсоюза, Куусинен занял выжидательную позицию: нужно дать возможность событиям развиваться своим ходом, однако следует готовиться к любому повороту, участие в работе парламента позволяет следить за действиями буржуазии.

В начале ноября внутривнутриполитическая атмосфера накалилась, большевистская революция в России лишь подлила масла в огонь революционных настроений. Радикальная группа социалистов составила план действий, который, скорее всего, в общих чертах соответствовал плану захвата власти, сохранившемуся в записках Куусинена. После нескольких ноябрьских дней твердая хватка Куусинена начала давать сбои. 10 ноября он заявил в парламенте, что революции не будет; 21 ноября он поддержал инициативу подготовительной комиссии о взятии власти и созыве парламента Маннера; на чрезвычайном партийном съезде 25–27 ноября, выступая с докладом по тактическим вопросам, он не присоединился к позиции ни одной из сторон. Он сформулировал резолюцию таким образом, что она, прямо не призывая к революции, оставляла для нее двери открытыми. Еще 15 ноября К.Х. Вийк указывал на то, что законопослушная политика Куусинена ведет в тупик. Быть может, неопределенность линии Куусинена объясняется тем, что его духовный наставник Каутский не мог подсказать ему никакого другого пути к власти, как следить за развитием событий и учитывать его. Возможно, Куусинен, благодаря своим аналитическим способностям и обширной информации, усмотрел в реакции со стороны бюрократии, русских и умеренного крыла собственной партии такие факторы риска, о которых и не помышляли наиболее прямолинейные партийные деятели. Позже, размышляя над процессами, приведшими к событиям 1918 г., Куусинен говорил о «логике бури». В 1921 г. он критиковал себя и партию за то, что она в ноябре 1917 г. не захватила власть, а в 1950-х гг. он утверждал, что красная гвардия в ноябре 1917 г. была недостаточно сильна для захвата власти.

В первой половине января 1918 г. Куусинен критиковал решение сената независимой Финляндии об усилении мер по обеспечению порядка, поскольку милитаризм представляет «опасность для свободы народа и служит опорой для всех угнетателей народа». В середине месяца на собранном в экстренном порядке совещании совета партии он входил в промежуточную группу, выступавшую против революции, но считавшую ее начало неизбежным. Правда, Юрьё Сирола считал, что революция уже началась. Спустя несколько дней Куусинен уже считал захват власти лишь делом техники, во что необходимо поверить, если стремишься к победе.

Несмотря на то, что Куллерво Маннер, занимая с 28 января пост председателя Совета народных уполномоченных, иными словами, правительства красной Финляндии, был наиболее видной фигурой, идейным отцом революции был Куусинен. Куусинен выполнял функции уполномоченного по вопросам просвещения, то есть был министром образования. Но поскольку в военное время его непосредственные функции в этой области были сведены к минимуму, Куусинен совместно с Сиролой готовил проекты законов и резолюций, а вместе с Лааксовиртой готовил проект как можно более демократической конституции. Впоследствии Сирола отмечал, что революции не хватало лидера. Им мог бы стать Куусинен, но он оказался завален мелкими делами.

Революция носила государственный характер. В некоторой степени она была социальной и совсем в незначительной степени социалистической. Людям, требовавшим проведения революционных экономических преобразований, Куусинен отвечал, что «необходимо провести подготовительную работу, иметь готовые планы, прежде чем деятельность будет обнародована». Так, в проекте новой конституции совершенно не говорилось о национализации крупных предприятий и банков. Куусинен отвергал все мирные инициативы и по крайней мере в своих официальных выступлениях высказывал уверенность в победе революции, делая это, по определению Токоя, «по-детски твердо», вплоть до самого немецкого десанта 3 апреля. Вечером того дня Куусинен дома, подыгрывая себе на рояле, пел мрачную балладу Карла Михаэля Беллмана *«Испей свой бокал, тебе ждет смерть»*. Утром 4 апреля он отправился по делам Совета народных уполномоченных в Петроград. Финляндия больше уже никогда не была его страной, а он на протяжении последующих 30 лет был в Финляндии наиболее проклинаемым человеком.

Летом 1918 г. в Москве Куусинен, опираясь на книгу В.И. Ленина *«Государство и революция»*, анализировал собственный опыт, по его же собственным словам, «менял кожу», превращаясь из социалиста в коммуниста. В августе он участвовал в создании Коммунистической Партии Финляндии (КПФ) и был избран в состав ее первого Центрального комитета. Несмотря на ее подпольный характер, партия начинает работу в Финляндии. Весной 1919 г. Куусинен участвует в создании Коминтерна. На Рождество он посылает своей жене карандашный автопортрет и стихотворение, в котором он говорит о «голубых водах памяти». На открытке он напишет, что «мир теперь будет хорошим, что бы с нами не случилось». Почерк выдает уже постаревшего человека.

В мае 1919 г. «магистр философии Отто Виллебранд» пересек границу Финляндии и прибыл в Хельсинки. Он руководит созданием Социалистической рабочей партии Финляндии и определяет направление деятельности левых сил в статьях, опубликованных, в частности, под псевдонимом Уско Сотамиес, в возрожденном журнале *«Сосиалистинен айкакауслехти»*. Свое будущее он представил в

стихотворении «*Торпед*» так: «...у меня есть путь и цель, / и дело жизни своей я исполню».

Центральная сыскная полиция, получив сведения о пребывании Куусинена в Финляндии, назначила значительное вознаграждение за его поимку, живым или мертвым. В феврале 1920 г. распространился слух о том, что Куусинен был застрелен на льду Ботнического залива, и прежде чем информация была опровергнута, «покойнику» довелось прочесть собственные некрологи и отчеты о мероприятиях в память о погибшем. В июне 1920 г. 38-летний Куусинен окончательно покинул Финляндию. Он переехал в Стокгольм, а после конфликта внутри КПФ в начале следующего года вернулся в Советскую Россию.

Куусинен нелегально пробыл в Финляндии год, получая помощь главным образом от Хеллы и Суло Вуолийоки. Его семья испытывала серьезные трудности и выжила лишь благодаря помощи друзей и упорству Саймы Куусинен. После гражданской войны принадлежать к семье Куусинена было непросто. Еще в 1923 г. Сайма вспоминала в своем письме Хелле «о том годе, когда оставалось только ждать и ждать». Скорее всего, Куусинен никого не видел из своей семьи, кроме мимолетной встречи со старшей дочерью незадолго до его отъезда в Швецию. Однако он познакомился с госпожой Айно Сарола, которая в Москве в 1922 г. стала его второй женой. Этот брак тоже закончился разводом. Последней женой Куусинена стала врач Марина Амирагова, с которой он заключил брак в 1936 г. Их единственная дочь Виолетта умерла в возрасте менее двух лет. Трое старших детей Саймы и Отто Вилле Куусинена в 1920-х гг. переехали в СССР к отцу, двое младших остались в Финляндии с матерью.

Коминтерновский коммунист

Вскоре после своего возвращения в Советскую Россию Куусинен, считавший, что капитализм смертельно ранен, имел возможность убедиться в ранимости коммунизма. Для разрешения раздоров внутри КПФ и для восстановления единства исполком Коминтерна устроил в июле–августе 1921 г. в Петрограде партконференцию, на которой предполагалось обсудить организационные вопросы, а также произошедшие в августе 1920 г. в Петрограде столкновения финских военных курсантов, приведшие к убийствам. Последний вопрос угрожал политическому положению и будущему Куусинена. Руководство КПФ даже запретило его книгу. Эйно Рахья, один из братьев которого погиб, а другой был ранен в ходе этих столкновений, обвинил Куусинена в участии в заговоре и назвал его агентом тайной полиции Финляндии. Айно, вторая жена Куусинена, писала в своих воспоминаниях, что ее муж пытался сгладить проблему, признавая, что с красными эмигрантами обращались бюрократически и диктаторски, что у них были основания для недовольства, так как к ним относились по-разному и что привилегированный Куусинен в этом не видел ничего странного.

Карьера Куусинена в Коминтерне началась в 1921 г. на III конгрессе, когда по инициативе Ленина и опираясь на свой финляндский опыт он подготовил тезисы по организационному устройству и деятельности коммунистических партий. В этой работе также проявилось стремление Куусинена к укреплению связи между теорией и практикой. Он был сразу избран одним из трех секретарей Коминтерна, а в следующем году стал кандидатом в члены президиума. Установка действовать «вместе с массами» требовала от Коминтерна и подчиненных ему компартий поддерживать единый фронт трудящихся, поскольку, как признал Л. Троцкий, мировая революция – это уже не дело ближайших месяцев, а скорее всего, лет. Причиной того, что в 1927 г. осторожный Куусинен несколько отошел в сторону и сосредоточился на работе регионального секретариата, занимавшегося странами Балтии, Польшей и Финляндией, а также на издании коминтерновского журнала, стали, по всей видимости, усиление внутренних разногласий и борьба за власть. Когда правая оппозиция во главе с давним другом Куусинена Николаем Бухариным была разгромлена, а сам он был выведен из президиума Коминтерна, Куусинен занял его место, занимаясь в тройке руководства Коминтерна политическими вопросами вплоть до начала Второй мировой войны. По словам Троцкого, Куусинен был львом в истории организации. Коминтерн официально прекратил свою деятельность в 1943 г. В Финляндии в 1951 г. вышла книга *«Международные вопросы»*, в которую вошли основные работы Куусинена коминтерновского периода.

В 1936 г. начались сталинские показательные судебные процессы. В течение следующих двух лет в ходе массовых репрессий по обвинению в контрреволюционной деятельности было уничтожено более 70 % членов ЦК и более 60 % делегатов семнадцатого съезда ВКП(б). Мало кто из финнов пережил этот террор. Куусинен выжил. Исследователь Тимо Вихавайнен объясняет это чистой случайностью. Однако этой случайности есть и другие взаимосвязанные объяснения: известный своей работоспособностью Куусинен большую часть своих работ писал в своем кабинете, и они скромно выходили без подписи, то есть он, по выражению Хеллы Вуолийоки, «съежился» на заднем плане, не представляя угрозы, по крайней мере, очевидной, положению и власти более сильных». Хертта Куусинен указывала на то, что у ее отца было очень мало близких друзей и совершенно отсутствовал интерес к светской жизни.

Подтверждением слов Саймы Куусинен о бесчувственности ее мужа является то, он не пытался защитить своих финских братьев и сестер по идее. Например, решение судьбы Куллерво Маннера и его второй жены Ханны Мальми он даже ускорил, хотя и сделал это руками Сиролы, который и сам был на грани психического и физического срыва. Он особенно не вступался за своих коллег по Коминтерну и даже за членов своей семьи. Дочь Риика потеряла своего первого мужа, а ее второй

муж, арестованный в 1937 г., вышел на свободу лишь после смерти Сталина. Сын Эса провел годы в лагерях и умер от полученного там туберкулеза. Единственный ребенок Хертты Куусинен и Тууре Лехена Юрка умер в 17-летнем возрасте от воспаления легких в Сибири. Невестка и шурин пропали. Бывшая жена Айно Куусинен пятнадцать лет скиталась по тюрьмам. Хертта Куусинен спаслась, но, скорее всего только потому, что в 1934–1939 и 1941–1944 гг. находилась в заключении в Финляндии. Свое доверенное лицо, первого секретаря КПФ Арво Пойку Туоминана Куусинену удалось переправить в Стокгольм, как отмечает исследователь Киммо Рентола в своей работе *«Дорогой товарищ Сталин! Коминтерн и Финляндия»* (2002), чтобы сохранить его для будущих надобностей.

Куусинен внимательно относился к своему физическому здоровью, он регулярно совершал прогулки, катался на коньках и занимался физической культурой. Он не испытывал потребности в продолжительном сне, а для отдыха не прибегал к алкоголю. Ему хватало табака, кофе и женщин – всего этого у него было вдоволь, как следует из свидетельств как его собственных, так и других людей. Говорят, что Куусинен выпивал 30–40 чашек кофе в день и что, якобы, он однажды заметил, что финских рабочих можно вполне удовлетворить, угостив их бесплатным кофе.

Русский бюрократ и теоретик-идеолог

Утром 30 ноября 1939 г. Советский Союз напал на Финляндию. 1 декабря советская радиопередача на финском языке сообщила, что Отто Вилле Куусинен сформировал в Терийоки «Народное правительство Финляндии», а днем позже он же в качестве председателя правительства и комиссара иностранных дел подписал с СССР Договор о дружбе и сотрудничестве. Ход войны, однако, не отвечал насаждаемому Сталиным образу Красной армии как освободительницы Финляндии. Лишь 1 февраля 1940 г. удалось прорвать главную финскую оборонительную линию на Карельском перешейке. За три дня до этого народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов сообщил шведским посредникам о желании СССР начать переговоры с законным правительством Финляндии, возглавляемым Ристо Рюти. Терийокское правительство, о котором его член и бывший зять Куусинена Тууре Лехен говорил как скорее о пропагандистском инструменте, а не о правительстве, исчезло со сцены. И хотя трехмесячный период деятельности этого правительства был не слишком примечателен, благодаря нему Куусинен до сих пор остается в истории Зимней войны.

Представления современников, поддержанные исследователями, да и самим Куусиненом, что вполне было ему свойственно, заключались в том, что Сталин при поддержке Молотова сам принял решение об образовании правительства и что Молотов собственноручно правил текст договора о дружбе и сотрудничестве.

Правительство Куусинена было марионеточным, его можно также назвать чиновничьим, поскольку все его министры были назначены Коминтерном и представляли собой то небольшое количество функционеров, которым можно было располагать после больших чисток. Правительство Куусинена было стратегическим звеном цепи событий, начавшейся с признания Лениным независимости Финляндии, и закончившейся подписанием и периодом действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. Оно было призвано воплотить ту схему, с помощью которой СССР с момента своего рождения стремился осуществить идею мировой революции. В своей программной декларации, совпадавшей по содержанию с заявлением ЦК КПФ, правительство заявляло, что его задачей является свержение «правительства финских белогвардейцев» вооруженным путем, заключение мира, а также обеспечение гарантий независимости и безопасности народа Финляндии и воссоединившегося с ним карельского народа путем построения прочных отношений с СССР. По мнению Сталина и Молотова, создание народного правительства обеспечивало безопасность Ленинграда, Куусинен полагал, что благодаря правительству война будет прекращена в самом ее начале. Позже в своих неудачах Куусинен обвинял пролетариат Финляндии, от которого его правительство не получило отклика. Историческим фактом, однако, является то обстоятельство, что к концу 1930-х гг. в коммунистическом движении Финляндии уже произошла смена поколений.

В июне 1940 г. Куусинен был избран председателем президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, по финским меркам президентом. Это назначение, которое сам Куусинен воспринимал как своего рода ссылку, давало ему, в соответствии с советской конституцией, возможность карьерного роста: он стал членом президиума Верховного Совета СССР. Кроме того, у него появилась возможность осуществлять международное представительство в рамках межпарламентского союза.

В конце марта 1945 г. Куусинен в письме своей дочери Хертте сообщил о желании приехать в Финляндию: «Старых боевых кляч тянет на запах пороховой гари». Куусинен не попал в Финляндию, советское руководство не захотело из-за него осложнять отношения с руководством Финляндии. Когда КПФ в 1958 г. отмечало свое 40-летие, Куусинена ожидали в качестве главного гостя. Но напрасно. Куусинену пришлось отозвать заявление о получении визы. В обострившейся международной обстановке Советский Союз высказывал недовольство правительством К.А. Фагерхольма, в которое были приглашены представители коалиционной партии, а Демократический Союз Народа Финляндии (ДСНФ), несмотря на свои успехи на выборах, – нет. Возмущение было, конечно, направлено и на президента Урхо Кекконена, назначавшего правительство.

Наряду с партийными и правительственными заданиями Куусинен по-прежнему писал под своим именем и под псевдонимом В. Балтинский. Хертта Куусинен считает, что журнал *«Война и рабочий класс»* (позже *«Новое Время»*) был его любимым детищем. Погружение в дела Карелии возродило давний интерес к *«Калевале»*. Под его патронажем в Петрозаводске в 1953 г. увидело свет большое цветное издание эпоса. В пространным предисловии он трактует руны эпоса как народную поэзию карелов, а мельницу Сампо понимает как мечту трудящихся об индустриализации, когда «еды, питья и веселья» вдоволь. На рубеже 1950–60-х гг. под его педантичной редакцией вышел труд *«Основы марксизма-ленинизма»*. Эта книга, ставшая итогом всей его многолетней работы в области теории, стоит в одном ряду с классическими трудами марксизма.

Влияние Куусинена на определение позиции КПФ ощущалось вплоть до начала 1960-х гг. По словам Вилле Песси, Куусинен сделал «более, чем кто-либо другой», чтобы КПФ в действительности стала коммунистической партией. Он руководил партией в духе международного коммунистического движения, так что в 1944 г. она стала существенной силой в политике и рабочем движении Финляндии. Поскольку Куусинен начиная с 1920-х гг. подчеркивал важность добрососедских отношений между Финляндией и СССР, было естественным, что он поддерживал деятельность и цели основанного в 1944 г. Общества Финляндия–СССР (в 1991–1995 гг. – Общество дружбы народов Финляндии и России, с 1995 г. – Общество Финляндия–Россия).

После смерти Сталина в 1953 г. Куусинен стал одним из ведущих идеологов Коммунистической Партии Советского Союза (КПСС). Когда в 1957 г. Никита Хрущев укрепил свою власть и начал собирать вокруг себя старую ленинскую гвардию, Куусинен, освобожденный от обязанностей в Карелии, был назначен членом президиума и секретариата КПСС. По его предложению в 1959–1961 гг. разрабатывалась новая программа партии. Когда она была принята на XXII съезде КПСС в 1961 г., заслуги Куусинена были отмечены. Помимо этого, Куусинен участвовал в формировании внешнеполитического курса во время кубинского ракетного кризиса и в период идеологических разногласий между СССР и Китаем.

Куусинен умер от рака в мае 1964 г. в Москве. Его прах был захоронен в Кремлевской стене в присутствии высшего руководства СССР. В середине своего жизненного пути он написал Эльмеру Диктону: «Художник не может быть революционером лишь на словах или только «идейно». Нужно быть им всей своей плотью и духом. Во всем. Всю жизнь».

Приложение:

Отто Вильгельм Куусинен, Вилле, в СССР – Отто Вильгельмович, род. 4.10.1881 Лаукаа, умер 17.5.1964 Москва, признан умершим Хельсинкским городским судом 10.1.1973, датой смерти определено 1.1.1972. Родители: Вильгельм Куусинен, портной, и София Эрика Путтонен. Первая жена: 1902 – Сайма Паулиина Дальстрём, родители первой жены: Якоб Фредерик Дальстрём, крестьянин-земледелец, и Ида Хелениус; вторая жена 1922 – Айно Сарола, родители второй жены: Антти Туртиайнен, кузнец, и Серафина Кайнулайнен; третья жена 1936 – Марина Амирагова, врач. Дети: Айно, род. 1901, умерла 1903; Хертта, род. 1904, умерла 1974, журналистка, депутат парламента, министр без портфеля; Эса, род. 1906, умер 1949, журналист; Риикка, род. 1908; Хейкки, род. 1911, магистр философии; Танели, род. 1913, умер 1962, доктор философии; Виолетта, род. 1937, умерла 1938.

Рубен Лагус

(1896–1959)

егерь,

генерал-майор,

кавалер ордена Крест Маннергейма

Рубен Лагус является разработчиком финского броневого вооружения. Он успешно командовал танковыми боями во время Войны-продолжения. Когда в начале Войны-продолжения 22 июля 1941 г. Рубен Лагус стал первым награжденным орденом Крест Маннергейма, главнокомандующий пояснил, что награждение является признанием личного мужества Лагуса и боевых действий, приведших к важным результатам, в ходе которых была освобождена значительная часть Ладожской Карелии.

В 1915 г. Рубен Лагус вслед за своим старшим братом Улофом принял участие в егерском движении и отправился в Германию. В годы освободительной войны он в чине лейтенанта командовал батальоном и был адъютантом полка. Но жизнь его была омрачена смертью брата Улофа, дослужившегося до майора и ставшего известным благодаря опубликованным дневникам, которые он вел в егерском училище. Олоф погиб в Хейнйоки в апреле 1918 г., и эта смерть так и осталась не расследованной. Возможно, эта драма была связана с ревностью.

На протяжении 1930-х гг. и во время Зимней войны Лагус служил офицером-интендантом. Его почти легендарная слава возникла лишь в ходе Войны-продолжения. В период между Зимней войной и Войной-продолжением ему было поручено командование вновь созданной 1 егерской бригадой – первым в Финляндии бронетанковым соединением. Эта обученная в наступательном духе боевая единица должна была исправить положение с боеспособностью бронетанковых войск Финляндии: во время Зимней войны, прежде всего из-за отсутствия техники, оно оказалась в жалком состоянии.

Лагус был известен своей жесткой дисциплиной и даже доходившей до крайности приверженностью к военному образу жизни – его называли «финляндским Роммелем». С началом новой войны он сразу же направил в наступление свою бронетанковую часть, укомплектованную трофейными танками периода Зимней войны и

пополненную новобранцами, переправившись через реку Тулос и совершив прорыв. Войска под командованием Лагуса первыми, уже в июле 1941 г. перешли старую государственную границу в Олонецком направлении. Ударная бронетанковая бригада Лагуса продвигалась вперед и в авангарде финских войск в начале сентября достигла Свирь. Она участвовала также в захвате Петрозаводска, Медвежьегорска и Повенца.

Благодаря этим успешным действиям значение бронетанковых войск было широко признано в условиях Финляндии. Бригада Лагуса в 1942 г. была преобразована в бронетанковую дивизию, личный состав которой проходил в те годы обучение в Петрозаводске. Дивизия воевала на западном участке Свирь, была в резерве во время сооружения укреплений на Карельском перешейке и участвовала в оборонительных боях в районе Тали-Иханталя и Vuosalmi. В отражении советского наступления 1944 г. успехи дивизии, оперативно командовать которой было сложнее, чем бригадой, не были столь значительны, каковыми были наступательные бои начала войны. В ходе Лапландской войны осенью 1944 г. Лагус действовал в районе дороги, ведущей к Северному ледовитому океану в направлении от Рованиemi на север, командуя так называемой Группой Лагуса.

Прослужив командующим дивизией еще два года после окончания войны, в 1947 г. Лагус вышел в отставку. Он руководил строительной фирмой, строившей социальное жилье в Лохья, а в свободное время увлекался выращиванием цветов.

– Микко Уола

Приложение:

Эрнст Рубен Лагус, род. 12.10.1896 Коски, губерния Хяме, умер 15.7.1959 Лохья, родители: Александер Габриэль Лагус, лесничий, магистр философии, и Эмма Матильда Бельман. Первая жена: 1921–1927 (развод) Ольга Йоханна (Яне) Рамсей, род. 1903, умерла 1981, родители первой жены: Эдвард Александер Рамсей, подполковник, барон, и Изабелла Элизабет Росински; вторая жена: 1935 – Кенни Кристина Эмилия Гадд, род. 1910, умерла 1992, родители второй жены: Хенрик Виктор Фредрик Гадд, директор банка, и Алина Эмилия аф Энеьелм. Дети: Маргарета Вивика Элизабет (Ууситало), род. 1924; Эдвард Улоф Вильхельм, род. 1925, исполнительный директор; Хенрик Вильхельм, род. 1936, вице-судья; Юхан Патрик Вильхельм, род. 1938, директор; Рубен Вильхельм Габриэль, род. 1942; Кенни Алина, род. 1946, мерконом.

Лалли

(умер ок. 1160)

крестьянин,

убийца святого Хенрика

Согласно церковным легендам и фольклорным источникам, крестьянин Лалли убил миссионера епископа Хенрика, признанного впоследствии святым. Как гласят церковные легенды, в наказание Лалли лишился волос и кожи на голове, народная же молва утверждает, что после совершения убийства Лалли скрывался, а впоследствии утонул.

Кристинфрид Ганандер сообщает, что в 18 в. финляндские няньки пели малышам такую песенку: «Где-то Лалли шапку справил, взял лихой шелом?» Лалли – это самый известный убийца в истории Финляндии. Фольклор так говорит о нем:

Лалли худший из язычников,
самый лютей из Иуд,
он убил святого человека,
епископа господина Хейнарики.

В «*Песни на гибель епископа Хенрика*» кровавое деяние Лалли описывается детально, но исторические сведения о нем незначительны. Сама песнь, видимо, написана в 13 в., однако к ней позже была добавлена история жизни Лалли.

Лалли, по всей видимости, был зажиточным крестьянином, поскольку о нем говорится как о человеке из высших слоев. В 1150-х гг. он жил в хозяйстве Лаллойла в Кёюлиё, которое позже, как предполагается, стало называться усадьбой Кёюлиё. Его жену звали Керту, а согласно некоторым вариантам песни, в доме Лалли проживали также Пентти и Олави. По-видимому, Лалли и его семья не были язычниками, поскольку все упомянутые имена христианские, например, Лалли – это видоизмененная версия имени Лаури. С другой стороны, высказывается предположение о том, что все имена в этой песне имеют более позднее происхождение, включая имя Лалли. Вариативное имя «Лаллола»,

встречающееся в песне, вполне можно считать языческим: «Лаллола из-за залива, совет добрый с края мыса».

Церковные легенды о Хенрике не упоминают имени Лалли, однако, в дополнение к известной песни об убийстве имеются средневековые источники, в которых упоминается «*вертен Лалли*». По легендам, убийцей епископа Хенрика был «некий лихой человек», которого Хенрик хотел призвать к порядку по церковному обычаю. Но этот «лихой» в результате лишился рассудка и набросился на епископа. А вот «*Песнь на гибель епископа Хенрика*» не упоминает о том, что у Лалли было преступное прошлое. В соответствии с песней, мотивом для совершения убийства стал приезд епископа Хенрика в Лаллоилу в отсутствие самого хозяина. Жена Лалли Кертту отказала Хенрику в пище и воде, тогда тот взял их своевольно, оставив все же плату. Когда Лалли вернулся домой, Кертту, однако, рассказала ему о воровстве, и тогда расвирепевший Лалли отправился вдогонку за епископом.

Фольклорный образ Кертту малопривлекателен. Хотя епископ приказал своему слуге заплатить за хлеб, пиво и сено,

Кертту негодная хозяйка,
баба вредная в платочке,
желчная старуха эта

кричала вслед угрозы. По возвращении Лалли домой

эта вредная хозяйка,
нашептала в ухо злобы,
шевельнула в груди ярость,

обманув хозяина. Когда Лалли вернулся домой, одетый в епископскую митру, Кертту сидела за прялкой и встретила его такими словами:

И откуда шапка, Лалли,
шелом добрый у злодея?
(Перевод Евгения Богданова)

Какая бы ни была причина, Лалли со своими товарищами, очевидно, напали на епископа Хенрика и его людей на льду озера Кёюлиёярви. Кажется маловероятным, чтобы епископ путешествовал в сопровождении одного лишь возчика, как утверждает в песне. Вспыхнула стычка, в ходе которой Лалли убил Хенрика. Это произошло, по всей вероятности, приблизительно 20 января в конце 1150-х гг. В качестве орудия убийства традиционно упоминается топор, что нашло свое отражение на саркофаге святого Хенрика в местечке Ноусиайнен. Возможно, что Хенрик погиб поблизости от Киркколото в районе Кёюлиё, поскольку там в 14 в. была выстроена часовня в память о нем.

Как легенды, так и варианты фольклорной песни сообщают о том, что Лалли забрал митру епископа Хенрика и надел ее себе на голову. Когда он пришел домой и снял митру с головы, то вместе с ней сошли волосы и кожа. Церковные легенды усматривали в этом достаточное наказание, народная же традиция считает, что Лалли скрывался некоторое время, а потом утонул в соседнем озере Хийриярви. Поскольку к этой легенде были примешаны некоторые сюжеты явно иностранного происхождения (легенда «*Мёузетурм*»), достоверность всего повествования довольно сложно оценить. Традиция также подчеркивает жадность Лалли и то, что он сознательно совершил содеянное: у епископа был дорогой перстень, и, чтобы забрать его, Лалли отрезал палец. Ганандер сообщает об одной детали, которая прочно зафиксировалась, начиная со средних веков и вплоть до 20 в.: Лалли уронил отсеченный палец Хенрика на лед, а весной его нашел один слепой, почувствовавший блеск золота. Подняв палец, он потерял им глаза и прозрел.

По этой причине чудодейственный перстень изображен на печати Туркусского соборного капитула. Усадьба Кёюлиё, очевидно, принадлежавшая Лалли, позже попала во владение туркусского епископа, однако это вряд ли было напрямую связано с кровавым деянием ее предполагаемого хозяина.

Насколько известно, в церковном искусстве Лалли впервые изображен на саркофаге святого Хенрика в местечке Ноусайнен, который был заказан в 1410-х гг. Во времена епископа Магнуса Олая (Таваст) в первой половине 15 в. укрепилась традиция изображения святого Хенрика, попирающего Лалли. Так имя Лалли превратилось в основную ассоциацию с именем святого Хенрика, символом его святости. В церковном искусстве также укрепилась традиция, связанная с епископской митрой.

— Ари-Пекка Палоло и Аннели Мякеля-Алитало

Эйно Лейно (1878–1926)

писатель

Эйно Лейно был прирожденным поэтом, первым писателем, свободно использовавшим финский язык для достижения различных художественных целей. От народной традиции и наследия «Калевалы» Лейно обратился к европейской литературе и в духовном плане стал гражданином мира. По своему характеру Лейно был борцом и художником, который до сих пор популярен среди финнов.

Первый свой сборник стихов Эйно Лейно выпустил в возрасте восемнадцати лет в 1896 г. Его поэзия до сих пор близка финнам. Строчки из произведений Лейно заимствуются для поздравлений, посвящений или выражений соболезнования значительно чаще, чем у других поэтов. Они настолько стали всеобщим достоянием, что зачастую источник даже не упоминается.

В свое время Лейно, однако, далеко не всегда хорошо принимали и почитали. Благодарность редко приходится на долю настоящего новатора. Лейно был новатором и нарушителем табу во многих областях культуры. Его сопровождала слава божественного поэта, окружая его историями, зачастую похожими на легенды. Спектакли и фильмы, посвященные Лейно, воспроизводят этот часто поверхностный портрет художника, при этом глубокая и жизненная суть его произведений остается порой непонятой.

Финский читатель настолько любит своего Лейно, что спустя почти 70 лет после его смерти, в 1995 г. роман «Мастер», написанный Ханну Мякеля и посвященный Лейно, разошелся рекордными тиражами.

На протяжении многих лет академический мир и коллеги-писатели относились к творчеству Лейно довольно противоречиво. Из-за сложности своей натуры и величия таланта он в течение жизни неотвратимо вызывал накал страстей. Но не было нехватки и в восторженном восприятии. В частности, за свою тридцатилетнюю карьеру писателя Лейно восемь раз получал Государственную литературную премию.

В 1918 г. в возрасте сорока лет ему была назначена государственная пенсия писателя.

Количество научных работ о Лейно на удивление невелико. Изучать его творчество было не модно. На общую атмосферу решающим образом повлияло то, что поколение писателей 1920-х гг. дистанцировалось от великого мастера. Раздавалась публичная критика лейновских «трелей»; однако опубликованные позднее дневники и письма показывают, что Лейно пользовался большой любовью у молодежи, а потому ему нужно было противостоять. К тому же модернисты, дебютировавшие после Второй мировой войны, видели в Лейно антипода своему творчеству. И поскольку многие исследователи также придерживались этих взглядов на литературу, то и на академическом уровне не находилось сторонников для изучения творчества Лейно.

До сих пор самым лучшим произведением о жизни Лейно является биография, написанная в 1930-е гг. его возлюбленной и современницей Л. Онерва. Сила этой книги заключается в сопереживании и близком знании поэта. В том же и ее слабость. Онерва одновременно пишет историю собственной жизни и беззастенчиво выкидывает из жизни Лейно тех персонажей, которых она считала своими соперниками. В результате появилось драматическое и далеко не полное повествование о гении, который блестяще воплощает идеал искусства и художника рубежа веков. Художники того времени были универсальными талантами, а не узкими специалистами.

Армас Эйнар Леопольд Лёнбум (так на самом деле звали Лейно) родился 6 июля 1878 г. в доме Хёвелё в Палтаниеми (волость Палтамо) в семье старшего землеустроителя Андерса Лёнбума и его жены Анны Эмилии. Он стал седьмым и самым младшим из сыновей. Всего в семье было 10 детей. Отец Лейно принадлежал к карельскому роду Мустоненов из Липери. Родителями матери были владелец усадьбы Туокслаhti, расположенной рядом с Сортавала, армейский капитан Карл Хенрик Кюрениус, в роду которого были и служители церкви, и военные. Бабушка Лейно по линии матери Эмилия Катарина Швиндт была дочерью коронного фохта, полковника из Кякисалми (Кексгольм).

Самый младший ребенок в многодетной семье был на особом положении. Его детство прошло в одиночестве и в окружении взрослых. С ранних лет самыми главными его спутниками были книги и мир собственных фантазий. Он довольно быстро развивался. Его брат Казимир Лейно уже успел к тому времени стать известным финским деятелем культуры. Казимира Лейно ожидало великое будущее, которое, однако, обернулось трагедией, с чем столкнулся и его младший брат Эйно в период своего расцвета.

На жизненные установки и творчество Лейно глубоко повлияло сильное чувство одиночества и сиротства, вызванное ранней смертью отца. Отец умер в 1890 г., а мать в 1895 г., когда Лейно поступил в

университет. Смерть матери нанесла эмоциональную травму, которую позднее не смогли залечить никакие любовные отношения.

Обособленность была одной из самых сильных жизненных установок Лейно. Бесконечные переезды с места на место, из одной квартиры в другую продолжались в течение всей его жизни, начиная с частой перемены интернатов и городов, в которых он учился. Свою учебу в школе он начал в Каяни, оттуда переехал в лицей в Оулу, а оттуда к своему брату Оскари Лёнбуму в Хямеенлинну, где он продолжил учебу в тамошнем лицее и где в возрасте шестнадцати лет сдал экзамен на аттестат зрелости.

Хотя Эйно Лейно был моложе одноклассников, он оказался бесспорным интеллектуальным лидером. Он был редактором школьной газеты «*Васама*» («*Стрела*») и проявил себя в литературе: будучи старшеклассником, он переводил на финский язык произведения Й.Л. Рунеберга. Его школьный товарищ Ю.Э. Зидбек так характеризует социальную позицию молодого Лейно: «Он удивительным образом умел ладить со своими товарищами и чувствовал себя вполне комфортно даже среди тех, кто на самом деле совершенно не был ему духовно близок». Такое же мнение о Лейно позже высказывали многие люди, стакивавшиеся с ним на протяжении его жизненного пути.

Студенческие годы Лейно начались в Хельсинкском Императорском Александровском университете, но литературный мир быстро завладел молодым многогранным талантом. Учеба была прервана, и уже в 1896 г. он выпустил два сборника стихов, «*Песни Марта*» и «*Баллада о большом дубе*». Лейно был жадным до работы, и этому качеству не было предела. Стихотворные произведения следовали одно за другим, и одновременно с этим он овладевал все новыми литературными жанрами.

Достигнув двадцати лет, он вместе со своим братом, поэтом, критиком и руководителем театра Казимиром Лейно, игравшим заметную роль в литературной жизни, основал журнал «*Нюкюайка*» («*Наше время*»). Журнал был уникальным явлением в культурной жизни Финляндии того времени. Он создавался не для обсуждения языкового и национального вопросов и не имел никакой литературной программы. Он был призван стать журналом с международным кругозором и публиковать материалы, содержащие информацию, анализ и комментарии о жизни культуры и искусства. Он сообщал самые свежие новости из-за границы. Цель была довольно амбициозной, да и результат оказался на высоком уровне. Но в Финляндии это никогда не могло гарантировать журналу долгого существования. Он был закрыт год спустя, и братья Лейно вынуждены были выплачивать долги.

В 1899 г. 21-летний Эйно Лейно начал публиковать статьи по проблемам культуры в газете «*Пяйвялехти*», а в 1904 г. стал постоянным театральным критиком в газете «*Хельсингин Саномат*», преемнице «*Пяйвялехти*». На этом посту он принимался за любое

дело с энтузиазмом реформатора. Финский театр, любимое детище финнов, оказался в центре беспрецедентной бури страстей. Молодой театральный критик был беспощаден к Каарло Бергбуму, основателю Финского театра и его руководителю с 1872 г. Рецензии иногда были преднамеренно излишне критичными, однако общий взгляд на то, как должен развиваться Финский театр, оказался вполне точным.

Имя Лейно окончательно вошло в сознание широкой публики в 1904 г., когда он стал постоянным автором колонки в *«Хельсингин Саномат»*. Этот этап означал дебют Лейно как критика в области культуры. Он без особого почтения обращался с авторитетами в области искусства и науки. Под его ударами оказываются писатели, политики, а также представители академического мира. Теперь к Лейно сложно было относиться нейтрально. Находилось много людей, которые видели в нем сильного противника. Лейно стал в высшей степени публичной фигурой.

Раннее творчество Лейно находило вдохновение в *«Калевале»* и финской мифической поэзии. В этом смысле он оказался связан с художественным течением того времени и стал первым и самым крупным создателем национального неоромантизма в литературе. Блестящим примером того, как его творческое воображение создавало современные мифы, стал вышедший в 1903 г. сборник *«Вознесенские песни»*. В нем автор добился нового, поразительного синтеза финского народного творчества и новейших европейских литературных новаций. В *«Вознесенских песнях»* чувства, ощущения и интеллектуальные искания современного человека соединяются с глубоким и вечным мифическим сознанием. В этих стихотворениях читателя особенно поражала новая образность, не содержащая в себе объяснений, но затрагивавшая наиболее уязвимые, чувствительные и опасные слои человеческой психики. Эта новизна была настолько поразительной, что она ослепила большинство критиков. Лишь немногие сразу осознали значение этого сборника.

«Вознесенские песни» во многих отношениях являются своеобразным ключом к творчеству Лейно. Борьба за свободу и проблемы поиска правды пронизывают каждое стихотворение. Вновь и вновь человек встает перед главными вопросами жизни. Как он относится к смерти, любви, другим людям? Как далеко человек может зайти в процессе самовыражения, не ущемляя интересы других?

«Вознесенские песни» являются началом так называемого буржуазного периода в жизни Лейно, самого бурного и одновременно самого короткого. В 1902 г. Лейно влюбился в дочь своей квартирной хозяйки Фрею Шульц, переводчицу и коммерческого делопроизводителя, женщину экзотической красоты и бурного темперамента. Эта любовь служила для него мощным творческим стимулом. 1905 год был временем бурной жизни и творчества. Лейно выпустил сборник стихов *«Зимняя ночь»*, принесший новый триумф и продемонстрировавший

его неисчерпаемые возможности обновления. Сборник *«Зимняя ночь»* был посвящен Фрее, на которой Лейно женился 10 сентября 1905 г. Свой первый дом он обустроил в буржуазном стиле в большой квартире на берегу моря, а в декабре следующего года в семье родилась дочь Эйя Хелка, которая была единственным ребенком Лейно.

Помимо брака и выхода в свет сборника *«Зимняя ночь»* в том же году Лейно написал прозаическое произведение *«День в Хельсинки»*, пьесы *«Сватовство Вяйнямёйнена»*, *«Меч лешего»*, *«Пентти Пяккёнен»*, *«Король Лидии»* и *«Мейрам»*. Помимо этого он напечатал 110 статей в прессе под псевдонимом «Теему». Политическая ситуация того времени с ее драматическими событиями давала богатый материал для творчества в этом жанре. Революционная деятельность в России набирала силу и осенью 1905 г. вылилась во всеобщую забастовку. Большая часть статей 1905 г. так или иначе касалась политической борьбы. Их объектами были главным образом русский деспотизм и соглашательская политика старофиннов, сторонников газеты *«Суометар»*. Лейно был явным младофинном и сторонником пассивного сопротивления.

Устоявшаяся жизнь, с одной стороны, сделала возможным, а с другой стороны, побудила поэта обратиться к прозе. В 1906 г. начала выходить трилогия, посвященная периоду русификаторских начинаний центральной власти и связанная с проблематикой статей, выходивших под псевдонимом «Теему»: *«Туомас Витikka»* (1906), *«Яна Рёнтю»* (1907) и *«Олли Суурпя»* (1908). За трилогией последовали три пьесы: *«Лалли»* (1907), *«Мауну Таваст»* (1908) и *«Епископ Туомас»* (1909). Это продуктивный творческий период венчал сборник стихов *«Заморозки»* (1908), перевод на финский язык избранных стихотворений *«Ветряное кантеле»*, а также перевод пьесы И.В. Гете *«Ифигения в Тавриде»*.

Семейная идиллия продлилась недолго. Лейно не мог привыкнуть к буржуазному образу жизни, и уже весной 1908 г. дороги супругов разошлись. Никогда больше Лейно не удалось создать постоянных отношений или прочного дома. Характерным для всей его жизни было то, что он постоянно «уходил», беря с собой только самое необходимое. В письме своему другу Отто Маннинену 1 июля 1908 г. он писал: «Я оставил все, кроме своей библиотеки и бумаг, и ушел с одним чемоданом в руке».

Скорбь и чувство вины за то, что он бросил свою дочь, преследовали Лейно всю жизнь. Он всеми силами старался заботиться о ней, так как его бывшая жена не всегда всерьез занималась дочерью. Встречи, однако, были редкими, да и финансовая поддержка не всегда была достаточной.

Многие братья и сестры Лейно страдали душевной слабостью. Да и сам Лейно временами переживал как тяжкий груз особенность строения своей психики. Наряду с общительным собеседником в нем

жил поэт, чувствовавший свое несходство с другими, оказывавшийся в пучине страха перед людьми, а временами даже отвращения к ним. Судьбу своей дочери он связывал с тяжелой наследственностью своей семьи и опасался, что она слишком рано погибнет. Однако Эйя Хелка Лейно умерла в 1987 г., когда ей было более 80 лет. У нее не было наследников.

Развод Лейно, без сомнения, был вызван тем, что еще состоя в браке, он познакомился с Л. Онерва. Между ними установились отношения, продлившиеся до самой смерти Лейно. Они начались бурно и страстно, в какой-то степени истощая их обоих, но затем утихли, постепенно перейдя в дружбу.

Год, проведенный Онерва и Лейно в Риме (1908–1909), вызвал бурный скандал, потому что влюбленные не скрывали своих отношений, хотя оба все еще состояли в браке. Но эта страсть так никогда и не переросла в брак. Они оба были слишком беспокойными и были не способны взять на себя ответственность друг за друга. Союз двух экстраординарных людей был невозможен. Оба искали абсолютного поклонения и обожания, которое могли дать друг другу лишь время от времени. Оба позднее заключили брак в 1913 г.: Лейно женился на дочери дирижера Роберта Каянуса арфистке Айно Каянус, а Л. Онерва вышла замуж за молодого композитора Лееви Мадетоя. Брак Онерва продлился до смерти Мадетоя. В 1921 г. Лейно вновь ненадолго вступил в брак, который с самого начала был обречен на неудачу и был не более чем мечтой двух отчаявшихся людей о возможном единении.

Отправляясь в 1908 г. в Европу, Лейно думал, что покидает Финляндию навсегда. Изгнание, однако, продлилось лишь до весны следующего года, когда он вновь занял свое видное место в культурной жизни Финляндии. Газетные полосы заполнились острыми стихами и статьями Лейно, бывшие друзья, ставшие теперь литературными врагами, были карикатурно изображены в пьесе *«Соль земли»* (1911), в которой нетрудно узнать сторонников *«Суометар»* писателей Майлу Талвио и В.А. Коскенниemi. Появилась и новая серия из четырех романов о современном капиталистическом мире, развенчивавшая искусство и духовные ценности: *«Раб труда»*, *«Раб денег»*, *«Раб женщины»* и *«Раб счастья»* (1911–1913).

Казалось, ничто не могло остановить Лейно. Чтобы стабилизировать свое финансовое положение, он в 1912 г. предпринял поездку по стране. Его выступления имели успех, но денег не прибавилось. Менее успешной была его амбициозная идея создания театра *«Хелка»* (1912). Публика не была готова к восприятию его сценической версии *«Калевалы»*, и состоялось лишь несколько спектаклей на сцене под открытым небом на острове Сеурасаари. Литературные турне закончились в 1915 г., когда поездка, предпринятая совместно с актером Аарне Орьятсало, прервалась самым неприятным образом. Как писала Л. Онерва, «Лейно возвращается в Хельсинки в третьем

классе, в хандре и поджав хвост, с пустым кошельком и пустым чемоданом, потеряв в этой поездке много новых фрачных жилетов, сорочек и тому подобного».

Лейно становился все более частым посетителем увеселительных заведений. Творческая работа требовала все большего стимулирования. Он беспечно растрчивал свои силы. Он работал над трудоемким переводом на финский язык *«Божественной комедии»* Данте. К тому же, он вновь занялся журналистикой. В конце 1915 г. Лейно основал журнал *«Суннунтай»* (*«Воскресенье»*), главным редактором которого он оставался вплоть до закрытия журнала в 1918 г. Журнал имел общегуманистическую направленность, и среди его сторонников были люди самых разных политических, религиозных и философских воззрений. Среди них были и представители теософии, которые позднее любили называть Лейно выразителем своих идей.

Редакция *«Суннунтай»* стала для Лейно домом. В журнале с большой скоростью появлялись его произведения. Он закончил вторую часть *«Вознесенских песен»* (1916) и написал прозаическое философско-эстетическое произведение *«Перед лицом Всемогущества»* (1917). Помимо этого, он написал несколько рассказов о животных: *«Мишка»* (1914), *«Мусты»* (1916), *«Окунь и золотые рыбки»* (1918).

Как и раньше, бурная продуктивность Лейно сопровождалась великой страстью. Любовь к супруге эстонского дипломата, писательнице Айно Каллас была такой же отчаянной, как и все остальные, и вызвала еще более грандиозный скандал, чем его отношения с Онерва. Эта связь продолжалась с 1916 по 1919 г. Литературными памятниками ей стали сборник стихов Лейно *«Песни герцога Юхана и Катарины Ягеллоники»* (1918), дневниковые записи Каллас, а также сохранившиеся письма Лейно к Айно Каллас. Лейно мог отдаваться своей страсти, однако он вновь влюбился не в ту женщину.

Еще в большей степени, чем любовь к Айно Каллас, на жизнь Лейно оказала влияние гражданская война. Как журналист-младофинн, Лейно многие годы вдохновлял финнов на проведение самостоятельной политики, так что гражданская война, начавшаяся после обретения независимости, стала для него ударом, от которого он так и не смог полностью оправиться. Во время войны Лейно находился в захваченном красными Хельсинки и лихорадочно пытался разобраться в ходе событий, читая газеты на разных языках и беря интервью у проживающих в городе русских. Ситуация осложнялась тем, что Лейно одновременно понимал и не понимал обе воюющие стороны. В белых он, в конце концов, стал видеть защитников европейской культуры. После войны в творчестве Лейно появились различные панегирические стихотворения – прежний критический наблюдатель отдавал теперь должное и правым и левым.

Жизнь становилась все сложнее как в душевном плане, так и физическом. Много времени он проводил в больницах, но когда здоровье

улучшалось, знакомые видели прежнего Лейно, исполненного идеями. В поэзии этого периода наблюдается возврат к старым темам. *«Иллюстрированная книга моей жизни»* (1925), задуманная как первая часть мемуаров, стала его последним крупным литературным произведением.

Хотя Эйно Лейно, умершему в Риитахухта в районе Ниппулинна 10 января 1926 г., было всего 47 лет, его жизнь можно считать состоявшейся. Он опубликовал свое первое стихотворение в газете *«Хямеен Саномат»* в возрасте двенадцати лет, и период его творчества продоллся 35 лет. За это время он напечатал свыше 80 оригинальных произведений, большое число критических статей, эссе, газетных публикаций. К этому можно прибавить огромную переводческую работу.

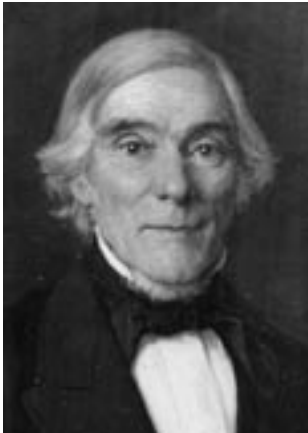
Хороший друг Лейно Бертель Грипенберг так охарактеризовал самого выдающегося поэта финской литературы: «Эйно Лейно был, возможно, единственным финским автором, которого действительно можно назвать гением, если под этим словом подразумевать постоянно переполнявшее его богатство духа, непрекращающийся полет мысли, его многогранность, способность работать без усилий над собой, или, иначе говоря, жажду деятельности».

Лейно похоронили за государственный счет. Его издатель приступил к публикации шестнадцатитомных *«Избранных произведений»*. Вечная подруга Л. Онерва взялась за написание его биографии, а вскоре возник проект создания памятника.

– Мария-Лийса Невала

Приложение:

Армас Эйнар Леопольд Лёнбум, литературный псевдоним Эйно Лейно, род. 6.7.1878 Палтамо, умер 10.1.1926 Туусула. Родители: Андерс (Антти) Лёнбум, землеустроитель, и Анна Эмилия Кюрениус. Первая жена: 1905–1910 Фрея Тюра Францина Шульц, переводчица, род. 1880, умерла 1951, родители первой жены: Фридрих Шульц, механик, фотограф, и София Вильгельмина Лундстрём; вторая жена: 1913–1920 Аино Каянус, арфистка, род. 1888, умерла 1951, родители второй жены: Роберт Каянус, дирижер, композитор, и Лили Курикка певица; третья жена: 1921 – Хана Лайтинен, умерла 1929, отец третьей жены: Аукусти Лайтинен. Дети: Эйя Хелка (Йокинен), род. 1906, умерла 1987, коммерческий делопроизводитель, преподаватель французского языка.

Элиас Лённрот (1802–1884)

*создатель «Калевалы»,
профессор финского языка,
врач*

Элиас Лённрот стал вторым отцом финского языка после Микаэля Агриколы, создателем национального эпоса «Калевала» и сборника «Кантелетар», реформатором языка и составителем словарей. Лённрот был также врачом, из-под пера которого вышел целый ряд просветительских изданий медицинского и научного характера. Он также обновил церковный песенник. Заслуга Элиаса Лённрота заключается в том, что он укрепил национальное самосознание и национальную культуру, его авторитет был выше языковых и партийных распрей.

Элиас Лённрот родился в Самматти в 1802 г. в семье портного. У Фредрика Юхана Лённрота и его жены Ульриики он был четвертым ребенком, остальные были девочками. В 19 в. получить образование было непросто, но Лённроту это удалось благодаря его исключительно сильной увлеченности и благоволению покровителей. При поддержке старшего брата Хенрика Юхана он учился в 1815–1816 гг. в школе в Таммисаари, а в 1816–1818 гг. в Туркусской кафедральной школе. Учебу пришлось прервать из-за отсутствия средств. Чтобы оплатить учебу, дети ходили побираться и зарабатывали еду, зерно и деньги, выступая с песнями. Лённрот портняжил по деревням, благодаря чему 20 марта 1820 г. поступил в лицей Порвоо, но уже в начале апреля он ушел из школы и отправился в Хямеенлинну, где его ожидало место ученика аптекаря.

Наставляемый частными лицами, Лённрот все же сдал экзамен на аттестат зрелости, позволявший поступить в университет. 11 октября 1822 г. он был зачислен в Туркусскую Академию (Або Академия). Его однокашниками были Й.Л. Рунеберг и Й.В. Снельман. После пятилетнего обучения в июне 1827 г. Лённрот сдал экзамен на кандидата философии. Темой его магистерской работы стал Вяйнямёйнен, почитавшийся древними финнами как божество. Тему ему предложил Рейнхольд фон Беккер, который приходился родственником профессору хирургии и родовспоможения Й.А. Тёрнгрёну. С 1824 г. в

летнее время Лённрот работал домашним учителем в принадлежащей Тёрнгрену усадьбе Лаукко в Весилахти. После пожара в Турку он провёл в усадьбе зиму 1828 г., готовясь к своей первой экспедиции. Там же Лённрот завершал работу над рукописью второго издания «*Калевалы*», вышедшего в 1849 г.

В доме Тёрнгрена собиралась элита научного сообщества того времени. Именно эти люди проявили дальновидность, избрав из числа студентов академии именно Лённрота с тем, чтобы он воплотил в жизнь идеи национального пробуждения, освободил бы Финляндию от многовековой духовной зависимости от шведской метрополии и нашел бы в древней поэзии финского народа его историю. Тогда была заложена основа для будущих изданий в области фольклора. Так знать Лаукко и, в особенности, его хозяйка Эва Агата Тёрнгрен стали для Лённрота научной и финансовой опорой.

Путешественник-собираТЕЛЬ

Публикации древних финских рун, осуществленные Ц. Топелиусом Старшим, товарищем по учебе Тёрнгрена, указали Элиасу Лённроту направление его экспедиций – в Беломорскую Карелию. В апреле 1828 г., ожидая возможности продолжения учебы после случившегося в Турку пожара, он отправляется в свою первую экспедицию в провинции Хяме и Саво. В тот раз Лённрот продвинулся до Северной Карелии и Валаама. Результатом стал путевой дневник «*Странник*», в котором автор подробно описывает обычаи финнов, свадебные обряды, а также рунопевца Юхана Кайнулайнена. По возвращении в конце сентября в Хельсинки, Лённрот обработал собранный материал. В период с 1829 по 1831 гг. вышло четыре тетради под названием «*Кантеле*», изданные им за свой счет. Пятая тетрадь осталась неизданной. Причиной стало появление мысли о создании целостного эпоса.

Основанное в феврале 1831 г. Общество Финской Литературы начало активно поддерживать Лённрота в его собирательской и издательской деятельности. Начавшаяся в мае 1831 г. вторая экспедиция была приостановлена в августе из-за разразившейся холеры: чиновники вызвали Лённрота, изучавшего медицину, в Хельсинки для борьбы с пришедшей из Азии эпидемии. Окончив курс медицины, Лённрот отправляется в третью экспедицию, продлившуюся с 13 июля по 17 сентября 1832 г. Он посетил деревню Аконлакша в Беломорской Карелии, где сделал записи от рунопевца С. Трохкимайни.

Будучи окружным врачом Каяни, Лённроту приходилось много ездить для проверки прививок. Записи, которые он собрал осенью 1833 г. во время служебной поездке, имели огромное значение для рождения «*Калевалы*». В деревне Войница он записывал Онтрея Малинена, а также встретился с Ваассилой Киелевийненем. На основании полученных от последнего сведений Лённрот начал объединять руны в циклы.

Во время пятой экспедиции (13–30 апреля 1834 г.) в деревне Ладвозеро Лённрот записывает руны от Архиппы Перттунена, и это стало пиком его собирательской деятельности. Кроме него, Леннрот записал ценные сведения от Мартиски Карьялайнена из деревни Лонкка, Юрки Кеттунена из деревни Чена и Лари Богданова из Ухты. Осенью 1834 г. во время вакцинационной поездки в направлении Ребол Лённрот закончил рукопись *«Калевалы»*. В шестую экспедицию он отправился в апреле–мае 1835 г., вскоре после того, как отдал рукопись в набор. За пять недель он преодолел 800 километров. Финский национальный эпос *«Калевала, или старые руны Карелии о древних временах финского народа»* вышел в двух томах в 1835–1836 гг. Дата, поставленная под предисловием, 28 февраля, позднее стала Днем *«Калевалы»* или Днем финской культуры.

Седьмая поездка, ставшая первой крупномасштабной экспедицией, проходила в два этапа с сентября 1836 по ноябрь 1837 гг. Она была полна трудностей и опасностей. Одиночество, мрачные мысли и малые доходы привели к духовному кризису: если ранее мировоззрение Лённрота был естественнонаучным, то теперь в нем начинают преобладать религиозные настроения. В результате Лённрот стал известным автором псалмов. Осенняя экспедиция 1838 г. заложила основу сборника *«Кантелетар»*, ведь именно тогда Лённрот в течение двух дней записывал песни от Матели Куйвалатар на берегу озера Койтере. *«Кантелетар, или Древние песни финского народа»* вышла в трех книгах в 1840 г. Девятая поездка была связана со служебными обязанностями.

Экспедиции Лённрота можно разделить на две части. Вначале его целью было по возможности точно записать древние руны в качестве исторического источника. Когда записывать руны было не у кого, Лённрот интересовался необычными словами, названиями растений, поговорками и загадками, имея в виду развивавшийся финский язык. Его последние экспедиции носили в большей степени лингвистический характер. Для сбора рун и составления словаря Лённрот в течение нескольких лет получал освобождение от своих основных обязанностей врача.

Десятая поездка, или вторая крупномасштабная экспедиция, началась в январе 1841 г., но была прервана в марте из-за паспортных формальностей. Экспедиция возобновилась 31 октября. Эта поездка стала значительно более протяженной: Лённрот направился из Кеми в Инари, Руйя, на Кольский полуостров и в Архангельск. В дороге его поначалу сопровождали норвежский лингвист Нильс Стокфлет и «первооткрыватель финского племени» Маттиас Александр Кастрен, направившийся в июле 1842 г. к местам проживания самоедов. Лённрот направился водным путем к истокам реки Оять, чтобы изучить проживавший там народ, говоривший на вепском языке, родственном финскому. Собранные у северных вепсов сведения о языке и народной

поэзии позже легли в основу диссертации, написанной для получения профессуры. Лённрот закончил свое участие в этой экспедиции в октябре 1842 г.

Последней экспедицией стала поездка в Эстонию, продлившаяся с июня 1844 по январь 1845 гг. За это время Лённрот исследовал в Тарту словарные коллекции Общества эстонских ученых, а также в течение семи недель ездил по деревням, записывая эстонские пословицы, загадки и былички.

За пятнадцать лет своих экспедиций Лённрот прошел пешком и на лыжах, либо проплыл на гребной лодке путь, соответствующий расстоянию от Хельсинки до Южного полюса. При этом он лишь изредка пользовался другими средствами передвижения. Крайними точками были Петсамо (Печенга), Архангельск, Беломорье, Эстония и Ингрия. Несмотря на то, что эпос *«Калевала»* получил европейскую известность, Лённрот в 1847 г. не принял приглашения поехать преподавать в Германию, хотя знал немецкий и не был обременен семьей. В экспедициях его подстерегали всевозможные лишения, голод, бессонные ночи, паразиты, а также прямое насилие. В своих письмах и дневниковых заметках Лённрот так объясняет свою тягу к экспедициям: с одной стороны, чувство долга велело ему оправдать связываемые с ним ожидания нации, с другой стороны – стремление к знаниям заставляло его идти и искать то, что могло бы помочь развитию истории, лингвистики и фольклористики. Практицизм, отличное чувство юмора и способность приспосабливаться помогли ему преодолеть все сложности экспедиционных будней. Дисциплинированность и четкий ритм работы позволили воплотить мечты в реальность. Финский народ получил свой национальный эпос *«Калевалу»*, а также *«Финско-шведский словарь»*, по-прежнему остающийся уникальным источником для исследований.

Одним из результатов экспедиций стали 65 тысяч записанных строк народной поэзии. Второе издание *«Калевалы»*, дополненное материалами других собирателей, вышло под редакцией Лённрота в 1849 г. Это издание стало своего рода канонической версией эпоса, используемой в школьном обучении, а также как основа для переводов на иностранные языки. По-прежнему интерес представляют заметки, содержащиеся в письмах и дневниках Лённрота и повествующие о народных обычаях, взаимовлиянии человека и окружающей среды, многообразии природы. Описания местности также имеют художественную ценность. Лённрот издал несколько статей по фольклористике, в том числе о празднике Троицы в Ритвала, песне об убийстве епископа Хенрика, о Сампо. Он издал *«Пословицы финского народа»* (1842), *«Загадки финского народа»* (1844) и, наконец, *«Заговоры финского народа»* (1880).

Врач

После перевода университета из Турку в Хельсинки Элиас Лённрот продолжил изучение медицины. Он стал лицензиатом медицины в 1832 г., написав диссертацию о приемах лечения у финнов, основывающихся на магии. Практический опыт он уже получил во время эпидемии холеры в 1831 г., когда он находился в Хельсинки. Учебная больница при университете появилась лишь в 1832 г. Лённрот не проходил стажировки за границей, подобно другим студентам, а отправился осенью 1832 г. в Оулу, куда был назначен помощником врача для борьбы с последствиями голода – дизентерией и тифом. В начале следующего года он стал окружным врачом в Каяни; эта должность стала постоянной в июле 1833 г. За исключением времени отпусков, он прослужил врачом в Каяни, насчитывавшим тогда около 400 жителей, вплоть до 1854 г., когда он переехал в Хельсинки и поступил в университет на должность профессора финского языка.

В служебных докладах и годовых отчетах Лённрот предлагал множество практических нововведений, в частности, он выдвинул идею организации медицинского учреждения, которое можно считать предшественником современных финских коммунальных поликлиник. На основании опыта первого года он предложил организовать в каждом приходе врачебный пункт, где, в связи с соответствующей реформой, было бы предусмотрено место для проведения прививок. Необходимых для каждого прихода акушерок можно было бы подготовить из числа женщин, приговоренных к пребыванию в исправительном доме и вставших на путь исправления; свобода стала бы для них компенсацией жалованья. Во время эпидемий в каждой области следовало также распространять информационные листовки, сделанные с учетом местных особенностей. Врач должен быть бережливым, выписывая лекарства. Лённрот описывал случай, когда в одном приходе все лекарства были смешаны в одну кучу, поскольку никто не знал о действии каждого из них в отдельности. Он также предлагал ввести должность инспектора по вопросам здоровья, своего рода «полиции здоровья», для борьбы с плохой гигиеной среди простого люда. Так, в Вокнаволоке, расположенном по восточную сторону границы и значительно более плотно заселенном, эпидемии не распространялись – там невесту уже в свадебной песне наставляли соблюдать чистоту. Для борьбы с венерическими заболеваниями Лённрот предлагал введение обязательной проверки всех путешествующих через две недели по возвращении из поездки, а коробейникам предлагал не разрешать отклоняться слишком далеко от дороги. За этими суровыми рекомендациями стояло глубокое и лишенное предрассудков знание Лённротом простого народа. Одной из его удачных идей было назначение половинной дозы лекарств детям и старикам. Он также советовал при уходе за больными во время эпидемий использовать пожилых женщин, а не молодых, так как у

последних еще не успел выработаться иммунитет. Хирургические операции Лённрот считал самой ответственной частью работы доктора, профессии, в которой он не всегда чувствовал себя счастливым, чего нельзя было сказать о лингвистических исследованиях.

Лённрот стремился к просвещению простого народа. Так, он издал необычайно популярную в свое время книгу *«Домашний доктор финского крестьянина»* (1839). По просьбе медицинских чиновников он составил пособие по воспитанию и кормлению маленьких детей, а также пособие по использованию в пищу ягеля в голодные годы. Свои врачебные познания Лённрот использовал и при составлении *«Калевалы»*. Например, мать Лемминкяйнена действует в абсолютно правильной последовательности, соединяя части тела своего рассеченного на куски сына. При составлении первого ботанического справочника Финляндии *«Флора Фенника»* (1860), после каждого ботанического описания Лённрот привел подробную инструкцию о пользе данного растения и о возможности его использования в самолечении. Эти наставления основывались как на его фармацевтическом опыте, так и на сведениях народной медицины. Лённрот занимался пропагандой трезвости, основав в Каяни соответствующее общество. Правда, устав общества был не слишком жестким, да и само оно распалось из-за малого количества членов. Уже в Хельсинки Лённрот продолжил эту деятельность, написав серию статей для издания *«Друзья трезвости»*.

Ученый-лингвист

В начале периода автономии литературный финский язык находился на той же стадии, что и при Микаэле Агриколе, и был далек от разговорных форм. Считается, что Агрикола использовал от 6 до 8 тысяч слов. Когда в 1880 г. Лённрот закончил работу над своим грандиозным трудом, *«Финско-шведским словарем»*, он включал в себя более 200 тысяч слов. *«Словарь современного финского языка»*, изданный в 1960-е годы, содержал 210 тысяч слов. Лённрот интересовался языковыми проблемами еще в период своего студенчества. Он считал, что язык народа является предпосылкой его культуры и условием выживания. Поэтому необходимо было сделать финский язык преподавания, ввести его в управление и ведение судопроизводства. Необходимо издавать газеты и солидную литературу.

Финский язык был для Лённрота родным. Однако школа и научная работа сделали в его семье то, чего он так опасался: финский язык стал отходить на задний план. Со своим сыном Лённрот разговаривал по-фински, при этом жена и дочери говорили с ним по-шведски. Переписку с использованием специальной терминологии и научную полемику приходилось вести на шведском или других языках. В поздний период Лённрот изредка и с осторожностью использовал финский, указывая,

что в литературном языке появились формы, которые были для его собственной языковой практики уже недостижимы. И это говорил человек, которого называют вторым отцом финского языка. В период «борьбы диалектов», связанной с укреплением базы литературного финского языка, Лённрот, в полном соответствии с его характером, занял примирительную позицию: взяв за основу западные диалекты, он обогащал их лексикой восточных диалектов. Лённрот закрепил статус буквы «d» в литературном языке, занимался подбором собственно финской лексики вместо заимствований, для чего обращался к пословицам, диалектным выражениям или же сам выдумывал новый вариант. След Лённрота присутствует в тысячах терминов юридической лексики, в трех четвертях ботанического лексикона, в терминологии лингвистики и математики. Лённрот ввел в финский такие слова, как национальность, литература, температура, вена, артерия, чернила, протокол, представление (мощия), независимый, сухой закон, мысль, множественное и единственное число, образование, договор, республика, вариант, право голоса. Будучи человеком практичным, он организовал широкую сеть помощников из своих друзей, живших в разных частях страны и работавших врачами, пасторами и учителями. Они присылали необычные слова, пословицы и загадки для редактируемых Лённротом изданий.

Осенью 1853 г. Элиас Лённрот был избран вторым профессором финского языка на место скончавшегося от чахотки Маттиаса Александра Кастрена. В своей актовой лекции в связи с вступлением в должность он изложил обзор взаимодействия и развития финского, эстонского и саамского языков. Лённрот пришел к заключению о роли повседневной жизни носителей языка, например, в процессе сокращения языковых элементов, определенного «изнашивания» языка. Лённрот читал лекции в университете вплоть до 1862 г. Он видел своей задачей поднять язык народа до статуса, когда он становится инструментом науки и бюрократического аппарата. Он стремился к формированию четкого и практичного литературного языка и собственно финской специальной терминологии. Влияние теоретических статей Лённрота, его ориентированных на практическую жизнь переводов, тысяч неологизмов до сих пор полностью не изучено.

«Финско-шведский словарь» был оставлен как занятие на пенсии. Кроме того, он редактировал и другие словари, к примеру, разговорник для иностранных туристов с примерами общеупотребительных фраз. В 1840–1842 гг. он был одним из основателей журнала «*Суоми*», старейшего научного издания Финляндии, который выходит и поныне.

Журналист

Элиас Лённрот выступал на страницах периодической печати на протяжении более 60 лет. Он писал для более чем десятка газет, являлся

ответственным редактором газет «*Мехиляйнен*», «*Литтературблад*», «*Оулун Виикко-Саномат*» и был активным журналистом в течение более чем 40 лет. Первой публикацией в периодике стал перевод на шведский одного из стихотворений Н.М. Карамзина, опубликованный в издании «*Або Ундереттелсер*» 14 февраля 1824 г. Он был одним из первых ученых, которые в равной степени могли использовать в устной и письменной речи как финский, так и шведский языки. Свои публикации и переводы просветительского характера Лённрот адресовал финноязычному крестьянству, а научные и полемические статьи – шведоязычной интеллигенции, для которой он также переводил образцы народной поэзии. Газета Лённрота «*Мехиляйнен*» (1836–1837, 1839–1840; исторические приложения) была первым финноязычным периодическим изданием и пятой газетой, выходившей на финском языке. О проблемах популярного характера он писал на страницах газеты «*Оулун Виикко-Саномат*» и издания «*Маамиехен Юстава*» («*Друг крестьянина*»), редактируемого Й.Л. Снельманом.

Лённрот сотрудничал с газетами «*Хельсингфорс Моргонблад*» и «*Борго Тиднинг*», редактором которых был Й.В. Рунеберг, а также с «*Саймой*», «*Литтературблад*» и «*Маамиехен Юстава*», издаваемых Й.В. Снельманом. Он смело выступил в защиту Снельмана, когда тот у того начались серьезные проблемы с цензурой из-за «*Саймы*», а в 1847–1849 гг. редактировал «*Литтературблад*». Несмотря на предупреждения друзей, Лённрот по-своему боролся с цензурой, публикуя материалы, предназначенные для простого народа. Популярная газета «*Оулун Виикко-Саномат*» в период, когда ее редактором был Лённрот (1852–1853), находилась под особо пристальным вниманием цензуры. Небольшие статьи, выходившие на ее страницах в алфавитном порядке, были прообразом энциклопедии.

Поэт

Вечной поэмой Элиаса Лённрота стала «*Калевала*», состоящая из 32 рун и 12.078 строк. Начиная с 1833 г. Лённрот планировал создание небольших связанных между собой эпосов о героях из рун. Но этот план претерпел изменения в связи с полученными в ходе экспедиций материалами. Стремясь выявить предполагаемый хронологический порядок рождения рун, а также для достижения композиционной логики, Лённрот следовал своему художественному вкусу, объединяя материалы, записанные от разных рунопевцев и добавляя строфы собственного сочинения. Первое издание, так называемая «*Старая Калевала*», являлось собственно эпосом Лённрота. Оно не было собранием или антологией рун, это было сознательное поэтическое творчество, вполне сопоставимое с трудами Гомера. Фрагменты рун он соединял при помощи стихотворений, сочиненных им с использованием различного материала, порой изменяя детали, относящиеся к персонажам и событиям. Лённрот верил в то, что события рун носили исторический характер, их содержание сохранилось с языческих

времен, хотя форма изменилась. Поэтому, в полном соответствии со своими религиозными и философскими представлениями, редактор-поэт мог довершить эпос победой христианства над язычеством. Эпос строился на противопоставлении двух народов – Калевалы и Похьелы, – что создавало драматический накал и формировало этический стержень повествования. Материала хватило бы на семь различных версий, о чем свидетельствуют почти три тысячи вариантов к изданным строфам. В своем предисловии Лённрот вполне открыто говорил о своей редакторской работе. Несмотря на это, публикация вызвала необычайный общенациональный интерес и была воспринята как заново открытый древний эпос, спасенный и собранный из отдельных фрагментов.

Второе издание, так называемая «Новая Калевала» (1849; 22.795 строф, разбитых на 50 рун), закрепившее статус национального эпоса, также являлось созданием Лённрота. В предисловии уверенный в себе редактор провозглашает: «Наконец, поскольку никто из рунопевцев уже не может сравниться со мной по количеству собранных рун, я посчитал, что у меня есть то право, которое, по моему представлению, многие считали своим правом – право выстроить руны в наиболее удобном для их сочетания порядке. Говоря словами руны: стань и сам ты рунопевцем, песнь свою начни сначала. Иными словами, я посчитал себя рунопевцем не худшим, чем они сами себя считали».

Особенно цикл рун о Куллерво (2196 строф), сотканный из самого разнообразного фольклорного материала, должен считаться высшим художественным достижением Лённрота. Это трагическое повествование продолжает служить источником вдохновения в самых разных видах искусства.

Собственно говоря, сборник «*Кантелетар*» тоже не может считаться собранием аутентичных народных песен, потому что Лённрот объединял различные варианты песен, добавив несколько калевальских рун собственного сочинения. Предисловие к книге является одним из наиболее серьезных эстетических манифестов того времени.

Элиас Лённрот известен также как автор нескольких стихотворений («*Песнь девы*» и др.), как переводчик и, прежде всего, как автор псалмов. Он переводил фольклор на шведский язык, а на финский – поэзию, от Гомера до Й.Л. Рунеберга. Лённрот отлично владел поэтическими размерами. Он развивал свои способности, в частности, во время пеших прогулок между службой и домом в Каяни, или же тренировал память переводами перед отходом ко сну.

Лённрот был приглашен в комитет по написанию псалмов в апреле 1863 г. Уйдя из университета, он хотел компенсировать обществу свою пенсию и принялся за обновление финских церковных песнопений. Это освежало сознание, отвлекая от однообразной словарной работы. Лённрот публиковал свои опыты в этой сфере каждый год в период 1864–1880 гг. Новое издание псалтыря вышло в 1883 г. Наброски

псалмов вызывали дискуссию в журнале «*Тяхти*», издававшемся туркуским другом Лённрота Й.Ф. Гранлундом; это же произошло и с теоретическими статьями Лённрота на тему создания псалмов. В сборнике 1886 г. было 17 псалмов, написанных Лённротом, 64 перевода на финский язык; отдельные строки были добавлены им в 25 псалмов, а в случае с 206 псалмами с его именем были связаны изменения и уточнения. В сборнике 1986 г. осталось 9 оригинальных псалмов Лённрота, 41 перевод и 20 псалмов, подвергшихся его изменениям и уточнениям.

Исполняя псалмы, Лённрот любил подыгрывать себе на кантеле. Он, вопреки сложившемуся культовому стереотипу, хорошо пел и разбирался в музыке, а для экспедиций он даже разработал свою собственную упрощенную систему нотной грамоты, основанную на цифрах. Лённрот перевел на финский язык музыкальную терминологию и, как утверждает Хейкки Лайтинен, совершил настоящий переворот, изобретя хроматическое кантеле. В экспедиции он брал с собой скрипку, потому как игрой на музыкальном инструменте можно было, подобно Орфею, привлечь к себе женскую половину публики.

Отец семейства

Элиас Лённрот женился довольно поздно, 13 июля 1849 г., на 26-летней дочке мастера-красильщика из Оулу Марии Пипониус, работавшей экономкой на лесопильном заводе в Каяни. Помолвка состоялась в августе 1848 г., но ее факт скрывали от публики, которая то и дело пыталась «связать» великого человека с какой-нибудь молодой девушкой. Жених пребывал с осени 1848 по май 1849 г. в усадьбе Лаукко, где дорабатывал второе издание «*Калеваль*», вышедшей в свет незадолго до нового уложения о цензуре. В Лаукко его также задержала тяжелая болезнь Эвы Агаты Тёрнгрен, приведшая к ее смерти в начале мая.

Обручальным кольцом послужило кольцо с бриллиантом, пожалованное императором за заслуги во время эпидемии холеры. Свадьба также прошла без огласки, о ней знали только ближайшие родственники невесты, что особенно задело Й.В. Снельмана: кроме всего прочего, Мария Пипониус приходилась ему кузиной. Первенец, названный Элиасом, родился в день ангела 17 апреля 1850 г., однако умер от менингита 16 сентября 1852 г. В семье родилось четыре дочери: Мария, Ида, Элина и Текла. Супруга Мария, дочери Мария и Текла умерли от туберкулеза, а Элина от дифтерии. Поначалу семья жила на лесозаводе в Каяни, пока не был построен собственный дом (снесен в 1960-х гг. при строительстве универмага). В январе 1854 г., в связи с получением Лённротом профессуры, семья переехала в Хельсинки, а в 1862 г., после его выхода на пенсию, перебралась в Самматти, где сначала жила в доме Нику из пятнадцати комнат, а позже в 1876 г. – в доме Ламми, последнем пристанище Лённрота.

После кончины отца единственная дочь Ида, выполняя его волю, продала дом Ламми со всем движимым имуществом и уехала из Самматти. Ида после получения домашнего образования поступила в учительскую семинарию в Ювяскюля, однако, появившиеся симптомы туберкулеза прервали ее обучение. Ида писала религиозные стихи, занималась небольшими переводами, изучала языки и мечтала отправиться сестрой милосердия на русско-турецкую войну. Полученное от отца наследство позволило Иде, так и не вышедшей замуж, отправиться в 1886 г. за границу. Через Петербург она направилась в Дрезден к Эве и Анне Ингман, которые воспитывались вместе с ней в семье Лённротов. Эва (1853–1914) и Анна (1851–1930), дочери профессора медицины Э.А. Ингмана, оставшись сиротами, с 1858 г. находились под опекой Лённрота. Эва стала художницей, Анна – учителем игры на фортепиано и музыкальным критиком. Из Дрездена Ида продолжила свое путешествие, посетив Женеву, Марсель, Дарданеллы, Неаполь, Флоренцию, Ниццу и Рим. В 1896 г. она окончательно обосновалась в Сиене. Переписка Иды свидетельствует о том, что она повсюду чувствовала себя неудобно, но за границей она могла чувствовать себя в покое от всевозможных просителей и славы отца. Ида Лённрот умерла 16 июня 1916 г., полностью ослепнув. Ее дом и могила находятся в Сиене, за ними присматривает вот уже третье поколение семьи Рикуччи.

Помимо своих собственных детей, Элиас Лённрот воспитывал оставшихся сиротами детей из семей родственников и друзей. Он брал на себя расходы на жилье и обучение детей из необеспеченных семей, а в Хельсинки содержал приют для учащихся из Каяни. В своем завещании он выделил деньги на открытие в Самматти школы домоводства, которая, позднее расширившись, действует до сих пор.

Слава

Элиас Лённрот получил признание научных кругов, прессы и Общества финской литературы еще в период собирания «*Калевалы*». Копенгагенское Королевское общество древних рукописей сделало его своим членом в августе 1833 г. Появление «*Калевалы*» и «*Кантелетар*» лишь упрочило складывавшийся вокруг него культ. Вполне целенаправленно формировался образ скромного и упорного труженика, в результате чего современники при жизни избегали комментировать и критиковать его деятельность как издателя «*Калевалы*» или профессора финского языка. На портретах того времени ретушировалась бородавка, а дочери стеснялись своего отца, который разгуливал по Самматти, одетый совершенно не соответствующе его статусу.

Однако далеко не все относились к нему не критически. Так, в 1846 г. его оппонент К.А. Готтлунд в своем журнале «*Суомалайнен*» писал: «Еще ни один финн при жизни своей не заслужил такой

всесторонней благодарности, хвалы и уважения, как этот Лённрот. Легко тому плыть, кого за голову держат». Готтлунд признавал, что Лённрот совершенно не возгордился от своей славы, но отказывался поклоняться ему как «владыке рун», кланяться до земли, как королю. Август Алквист, занявший пост профессора финского языка, писал в биографии, изданной после смерти Лённрота: «Жизнь Лённрота была внешне весьма простой и непритязательной: родился в бедной семье, отправили учиться, страдает от всяческих лишений, но делает успехи в учебе, поступает в университет, кормит себя домашними уроками, сдает экзамены, хоть и не блестяще, получает должность и безупречно на ней служит. Вот и все, пожалуй. Бедная событиями жизнь Лённрота была лишена потрясений, риска, душевных борений». Аарне Анттила, автор не менее компетентной биографии Лённрота (1931) писал, что спокойствие и возвышенность души Лённрота, его *просветленность*, напоминали безоблачный день начала лета, когда происходит возвращение чуда сотворения мира. Вильо Таркийнен в 1933 г. писал, что Лённрот был лишен способности понимать сложные явления – театр, высокую поэзию, философию. Он был прост и естественен, не обладал особенным полетом фантазии, ему был чужд трагизм конфликта. Лённрот был счастлив в своей ограниченности. Мартти Хаавио сравнил Лённрота с отдыхающим на солнце львом.

Однако из переписки Лённрота можно заключить, что он был уверенным в себе целеустремленным ученым, обладающим чувством юмора и знавшим себе цену. Вряд ли он делал шаг, не будучи уверенным в его необходимости. Сохранилась его переписка с эстонскими, венгерскими, русскими, шведскими, норвежскими, немецкими и французскими учеными. Он был членом многих зарубежных научных обществ. Он завещал все свои материалы последующим поколениям, но стремился избегать формальных почестей. Тем не менее, он получал награды, как от императора, так и от иностранных государств.

Элиас Лённрот был ученым-новатором, проявившим себя во многих отраслях знания. Многие его догадки часто приводили к блестящим научным результатам, будучи подкрепленными современными исследовательскими методами. Он был великим человеком своей эпохи, он объединил нацию, а его авторитет простирался выше партийных и языковых барьеров. За кулисами культа Лённрота можно обнаружить новые трактовки его общественной значимости. Посредством «*Калевалы*» он по-прежнему продолжает укреплять чувство национального достоинства, за ним закрепилась репутация «короля деревни», человека, способствовавшего развитию международной торговли и культурного обмена.

Приложение:

Элиас Лённрот, род. 9.4.1802 Самматти, умер 19.3.1884 Самматти. Родители: Фредрик Юхан Лённрот, портной, и Ульриика Вальберг. Жена: 1849–1868 Мария Пипониус, экономка, род. 1823, умерла 1868, родители жены: Элиас Пипониус, мастер-красильщик, и Анна Якобина Снельман. Дети: Элиас, род. 1850, умер 1852; Мария, род. 1852, умерла 1874; Ида, род. 1855, умерла 1915; Элина, род. 1858, умерла 1876; Текла, род. 1860, умерла 1879.

Йоел Лехтонен (1881–1934)

писатель

Йоел Лехтонен пришел в культуру из бедной народной среды. Познакомившись с трудами отечественных классиков и литературой романских стран, он развил прозаический стиль, называемый «поэтическим реализмом» и мастерски изобразил перелом в культуре в серии книг, получивших название по роману *«Путкинотко»*, которая рассказывает и о жизни бедного народа, обитающего в лесах, и о первом поколении интеллигенции начала 20 века. Он был также переводчиком, поэтом и сатириком, изображающим жизнь Хельсинки.

Подборка воспоминаний Йоела Лехтонена *«Сын счастья»* (1925) посвящена Августе Валлениус, вдове пастора из Сяминки, «той благородной сердцем, которая направила на путь истинный заброшенного в глухой лес и помогла ему стать сыном счастья». Осиротев, Лехтонен был отдан на попечение в приемную семью. Система социальной защиты того времени подразумевала, что семья получает минимальную компенсацию от волости, поэтому Йоэлу пришлось влачить жалкое существование за пропитание в самых неподходящих местах. Ситуация изменилась, когда госпожа Валлениус в 1885 г. взяла на себя обязательство содержать его до 15-летнего возраста за обычную плату, то есть за одну бочку и 15 капп зерна в год. Она дала сироте фамилию Лехтонен и взяла бойкого и смышленного мальчика к себе на воспитание. Из-за образа жизни матери достоверных сведений об отце нет. Есть мнение, что мальчик попал в аристократическую семью потому, что кто-то из сыновей Валлениус был его отцом. Однако в деревне Хаукиниemi, где родился Лехтонен, существуют различные взгляды на то, кто из крестьян-землевладельцев произвел его на свет.

Каролина Хейкарайнен приезжала в дом пастора проведать своего сына, но, по мнению юного Йоела, мать была «черной и чужой». Воспитанник Валлениусов больше не принадлежал простому народу, а становился образованным человеком. Обучение Лехтонена проходило в лицее Савонлинна, реальном лицее Хельсинки, где он

сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в университет. Большее значение для него имела не учеба, а студенческое землячество, в котором он редактировал рукописную газету вместе с литературно одаренной Марией Йотуни, а также дружба с будущими выдающимися личностями Рудольфом Холсти и Вильо Таркиайненом. Он стал «нищанцем», бунтарской личностью, стремящейся поколебать традиционные устои и воодушевленной учением модного философа Фридриха Ницше, пренебрежительно относившейся к представителям привилегированного сословия из своего окружения – этим «благодетельным, толстошеким пасторам, глупым обывателям, кротам, изнывающим за работой, бегающим по лестницам власти чиновникам». Он ездил из города в город, добывая средства к существованию журналистикой. В газете в 1906 г. он познакомился с женой известного местного деятеля Сильвией Авеллан, ставшей его возлюбленной в течение десяти лет.

Когда Лехтонен завязал отношения с высшим светом и вошел со своими тремя первыми произведениями в число ведущих писателей «неоромантизма», он почувствовал себя обязанным перед своим родом, находившимся в самом низу социальной лестницы. Летом 1905 г. он встретился в Сяминки со своей матерью и сводным братом Александром Мухоненом и его семьей. В этих людях он разглядел представителей того самого свободолюбивого народа, обитающего в лесу, который и стал источником его творческих талантов. Написанная в очень эмоциональном стиле «*Маталена*» (1905) делает из его матери праведницу, излучающую языческую энергию глухого леса, тогда как сводный брат изображен в романтическом духе как поднимающий целину пахарь поэтического змеиноного поля. Для того чтобы помочь своим родственникам начать более достойную жизнь, он купил небольшую усадьбу Инха, которая стала в его произведениях именоваться Путкинотко. Мать не любила это место и угрожала сжечь его, а брат поселился там.

«*Маталена*» и подобные ему произведения подняли Лехтонена, который «с юности был самым гордым, неукротимым разрушителем старого», на вершину общественных вихрей 1905 года. Когда позади остались и всеобщая забастовка, и жаркий период неоромантизма, Лехтонен вновь оказался неустроенным; в этот период он начинает серьезно обучаться писательскому мастерству, имея в наставниках старых собратьев писателей из Саво Юхани Ахо и Отто Маннинена. К творчеству переломного периода 1905–1917 гг. принадлежат переложения народных сказок и красочно описывающие жизнь Саво небольшие эпические произведения, как, например, «*С ярмарки*» (1912), чье буйное веселье разбивает идеалистическое представление о народе Й.Л. Рунеберга. В 1908–1911 гг. он занимался литературной критикой, находился под впечатлением от «*Будничной жизни*» Марией Йотуни и стал ориентироваться на реализм, который брал сюжеты из «самого достоверного источника, из осязаемой действительности».

В это же время Лехтонен знакомится с произведениями классиков мировой литературы. Во время своей первой поездки в Италию в 1908 г. у него появляется идея перевода Боккаччо: собрание новелл «Декамерон» вышло в 1914 г. в духе «финского ренессанса». Так Лехтонен присоединился к другим писателям, занимавшимся переводами – Эйно Лейно, переводившему Данте и Отто Маннинену, работавшему над Гомером. Собственным поэтическим произведениям он положил начало «*Миртой и азиями*» (1911), навеянными пейзажами и глубокими временными пластами художественных произведений Италии. Проведя в Париже 1911–1912 гг., Лехтонен написал «*Красную мельницу*» (1913), близкую в своей поэтике большого города к прозе Бодлера. В произведении присутствует неприветливый взгляд на ситуацию в мире: земля была «глупой матерью», которая не способна прокормить слишком много своих детей, народы и классы готовились к борьбе, первая мировая война стояла у дверей. Как раз перед войной Лехтонен осуществил свое экзотическое желание поехать из Италии в Тунис. Типичным для его поэзии (например, «*Под полумесяцем*», 1919) было то, что он приравнивал бедуинов к финнам из его родной провинции точно так же, как в свое время в произведении «*С ярмарки*» изображал народ в стиле итальянского эпоса.

За роман «*Путкинотко*», кульминацию серии романов, он принялся зимой 1915 г., когда находился в Центральной Финляндии вместе с художником Юхо Риссаненом. Сильвии Авеллан он написал, что его темой был «далекий от культуры род, который стремился к лучшему и погиб от этого в первой же попытке». Главный герой романа «*Однажды летом*» (1917) Лаури Фальк – неудавшийся романтический художник и «завсегдатай салонов», критический портрет Лехтонена в юности. Наряду с ним в этом произведении присутствует торговец книгами Аапели Муттинен, который внешне напоминает Юхо Риссанена; во внутреннем настрое героя прослеживается идея наслаждения жизнью Анатоля Франса. Муттинен гордится своим правом быть свободным, любознательным и недоверчивым, но вместе с тем этот персонаж комичен. Другой персонаж – предприниматель-авантюрист советник коммерции Кёнёлин, история чьего банкротства рассказывает о гибели народной предприимчивости в схватке с капитализмом. Серия новелл «*Погибшие яблони*» (1918) показывает окончательную трагедию таких людей в 1918 г., что Лехтонен трактует как месть народа Куллерво индустриализму. Комический сторонник карелианизма Бонгман погибает, пацифист Муттинен стреляет в пленного красного и бежит из страны, на братской могиле остается тупоголовый материалист Томмола.

«Национальный деревенский тип» из главного произведения Лехтонена «*Путкинотко*» (1919–1920) Юутас Кякрияйнен – лесной житель, которого новые времена делают бездомным. Он, обладавший древними ведовскими умениями, становится объектом насмешек

и лишается даже права на винокурение, издревле принадлежавшее жителям леса. Лехтонен использовал в романе многолетний опыт обживания дома Инха его сводным братом, фоном в произведении служит взгляд Эдварда Вестермарка на разложение первобытного народа в схватке с цивилизацией. Импрессионистское очарование в изображении знойного дня говорит об интересе Лехтонена к изобразительному искусству; совместная громкоголосая жизнь людей и зверей на груди у матушки-земли олицетворяет его стремление к «атмосфере ренессанса», желание «быть выше всех, свободным, божественным, радующимся». В основу положен конфликт между арендатором и владельцем возделываемой им земли, обостряющийся с приездом книготорговца Муттинена. У бедного Кякрийнена много детей, возлюбленная богатого, но бездетного Муттинена нежит самого младшего из детей в сауне, где люди нагишом и поэтому равноправны, без социальных знаков различия. С приближением сумерек летнего дня общественное разделение вновь вступает в силу; раздающиеся в Путкинтко выстрелы являются предвестниками гражданской войны.

В первое десятилетие 20 в. прерываются отношения Лехтонена с Сильвией Авеллан, которая умерла в 1920 г., по всей видимости, в результате самоубийства. В память о любовных отношениях осталось большое собрание писем Лехтонена 1907–1920 гг. (*«Господин из Путкинтко»*, 1919), с поразительной откровенностью призванное рассказать даме из привилегированного сословия о подлинной жизни, например, когда Лехтонен писал о временных сексуальных связях. Многие его любовные письма напоминают рабочий календарь или книгу счетов. Он прилежно копил заработанные деньги, потому что они были гарантией независимости художника, и в 1915 г. купил роскошный дом в Хаага, куда от центра Хельсинки можно было доехать на трамвае и где можно было провести остаток дней. В том же году он взял себе в машинистки и массажистки Лидию Томассон, которая в 1920 г. стала его женой. Он прекратил связи с Саво: после 1918 г. он обнаружил в Инха только «сумасшедших варваров» и «красных лесных разбойников» и в 1923 г. продал усадьбу.

Друзьями Лехтонена были Вяйнё Аалтонен, Калле Карлстедт, Ээро Нелимаркка и Микко Ойнонен, а также Ааро Хеллаакоски, который писал об искусстве Т.К. Саллинен. Он следил за изобразительным искусством, которое от «неоимпрессионизма» переходило к экспрессионизму, и в романе *«Влюбленный калека»* (1923) сконцентрировал изображение на уродливой гуманности, обнаруженной им в пригороде Хельсинки: представления Сакриса Куккелмана, «бедного большевика», о новом человеке и обществе находятся в гротесковом противоречии с действительностью. *«Влюбленного калеку»* можно читать и как исповедь перед самим собой. Ааро Хеллаакоски сравнивал жизнь Лехтонена с течением, которое после полноводной быстрины сходит на нет, причем рубежом был именно *«Влюбленный*

калека». Завершающие новеллы «*Погибших яблонь*» и роман «*Лес и сад*», финальная часть эпопеи «*Путкиотко*» (1923), демонстрируют, как пессимистично Лехтонен относился к началу жизни независимой Финляндии. В его собственной жизни все внешне было хорошо, но решение Сильвии Авеллан сохранить его письма и нелестное отношение ведущих критиков, как например Вильо Таркиайнена, к «*Путкиотко*» ранили его. Самой сильной причиной разочарования в жизни была, однако, проявившаяся в начале первого десятилетия 20 в. обостряющаяся, мучительная болезнь, вероятно, ревматизм позвоночника. Лехтонен еще принимал участие в жизни «беззаботной компании» и как приятный собеседник был всегда желанен в высших кругах Хельсинки, но все чаще он уединялся для размышлений в своем доме.

Лехтонен еще дважды вернулся к изображению общества. Роман «*Дети угнетения – Красный человек*» (1923–1925) – детальное изображение небольшого городка начала столетия, демонстрирует критический взгляд на путь Финляндии к независимости. Герой романа Рольф Идель является карикатурой на политика Рудольфа Холсти, прервавшего дружеские отношения. В изображении образа Юлии Ольемарк Лехтонен исповедуется в своем отношении к Сильвии Авеллан. Масштабный роман «*Борьба души*» (1933), с подзаголовком «*Рассказ об известных согражданах*», содержит ряд карикатурных портретов периода кризиса, лапуаского движения и времен сухого закона. В этих карикатурах можно узнать соперника Лехтонена, писателя Ф.Э. Силланпяя, или члена приютившей его семьи Валлениусов, генерал-майора К.М. Валлениуса. Общей сценой действий произведения служит популярный среди крайне правых салон Минны Краухер. Вершиной гротеска является эпизод с похищением крайне правыми и попыткой вывоза в СССР президента К.Ю. Стольберга. В произведении господствует типичная для сатириков манера, использование образов животных: имена героев – Армас (по-фински любимый), Тармо (энергия), Яло (благородный) – демонстрируют некий идеал, но фамилии – Минкки (норка), Иили (пиявка) – животную сущность. Невинный герой авантюрного романа получает в проводники беса, который переводит его с одного социального уровня на другой и идеалом которого является «непобедимый бунт, стремление пробудить ото сна, вселить хоть чуточку волнения, разбудить страдальцев». «*Борьба души*» демонстрирует связь с традицией Аристофана, Джонатана Свифта и Анатоля Франса и поднимает финскую литературу до уровня большой сатиры.

В интимной прозе Лехтонен исследует себя и отвергает социальную роль писателя. Он считал неправильным, что современная публичность делала из писателей «великолепных господ, первых людей после короля и архиепископа». В цирке мира он хотел защищать «неприкосновенность личности, ценность ее, святость человека».

Из исповедальных произведений наиболее известным является «Сказочная страна счастья» (1929), в котором рассказывается о купленном Лехтоненом в 1924 г. в Ванавеси острове, ставшем – в духе «Океанского острова» Юрьё Хирни – сценой действия для финского Робинзона. Бегство из мира было добровольным: «Спокойствие! Нет газет, сплетен, радио, выдумок, стихов, книг, – весь мир утонул, подобно Атлантиде!» Среди природы и перед лицом смерти Лехтонен честно исповедовался о прожитой жизни. Эту тему продолжил сборник стихов «Прощание со сказочной страной счастья», который вышел уже после смерти писателя в 1934 г. После счастливого и заполненного работой лета 1933 г. здоровье Лехтонена окончательно пошатнулось. От своих мучений он избавился добровольно, повесившись на верхнем этаже своей усадьбы в Хаага в ноябре 1934 г.

– ПЕККА ТАРККА

Приложение:

Йоел Лехтонен, род. 27.11.1881 Сяяминки, умер 20.11.1934 Хуопалахти. Мать: Каролина Хейкарайнен, безземельная крестьянка. Жена: 1920–1934 – Лидия Томассон, умерла 1965, родители жены: Матти Матилайнен, рабочий, и Мария Матинтютяр.

Вяйнё Линна (1920–1992)

писатель, академик

Вяйнё Линна своими романами *«Неизвестный солдат»* и *«Здесь под Полярной звездой»* вызвал жаркие дискуссии. Изображение в них отношения рядовых солдат к войне, а с другой стороны, противостояния участников гражданской войны до и после 1918 г. отличалось от традиции, принятой в 1950-е – 1960-е гг. Линна не был модернистом, он использовал в своем творчестве темы, типы и конструкции, принятые в национальной литературе Финляндии. Неприятие, с которым Линна столкнулся вначале, вскоре прошло, и в 1970-е гг. писатель стал одним из тех, кто наиболее существенно влиял на формирование общественного мнения страны.

Вяйнё Линна завоевал себе положение в литературе страны благодаря двум романам, изображающим финское общество: *«Неизвестный солдат»* и *«Здесь под Полярной звездой»*. Романы представляют собой своего рода критический комментарий финской традиции «национальной литературы» и, возможно, они стали последним продуктом этой традиции. Влияние этих произведений распространилось на все сферы послевоенного финского общества, они дали материал для переосмысления всей недавней истории. Сочный юмор и простонародная языковая культура романов обновили язык литературы; многие каламбуры и поговорки нашли свое место в сборниках крылатых выражений.

Вяйнё Линна родился в Урьяла. Он был седьмым ребенком в семье Майи и Вихтори Линна, а всего детей было десять. Вихтори Линна был крестьянином-торпарем наследной торпы в усадьбе Хонкола и одновременно был местным мясником. Семья неплохо сводила концы с концами до тех пор, пока отец не заболел. Он умер, обремененный долгами, в 1927 г. в возрасте 53 лет, и забота о семье легла на плечи матери. Майя Линна нанялась в усадьбу Хонкола батрачкой, получая в виде платы жилье и пропитание, так что и на долю детей рано выпала ответственность за обеспечение семьи.

Вяйнё Линна был не слишком увлечен учебной работой в школе, хотя учился он хорошо. Но зато уже в раннем возрасте он оказался страстным читателем. Интерес к писательству стал проявляться только в годы войны. После шести лет учебы в народной школе юный Вяйнё Линна решил пойти работать. В Урьяла можно было найти лишь случайные заработки в сельском хозяйстве, поэтому поиски пришлось вести в другом месте. После нескольких попыток покинуть родной дом Линна переехал в 1938 г. в Тампере. Там с помощью родственников он устроился на прядильную фабрику Финлейсон, на которую он вернулся и после войны.

Линна и его одноклассники достигли призывного возраста после окончания Зимней войны. С началом «Войны-продолжения» в 1941 г. он служил командиром пулеметного расчета в стрелковой роте первого батальона 8-го пехотного полка, участвовал в наступательных боях и позиционной войне на свирском рубеже. Весной 1943 г. его перевели в Миехиккяля, где он служил армейским инструктором и где демобилизовался по окончании войны. Там он встретил лотту Кертту Сеури, работавшую в солдатской столовой. Они поженились после войны в 1945 г. Во время передышек позиционной войны Линна впервые испытал свои литературные способности. Он быстро написал рассказ-репортаж о продвижении полка с боями от границы до Свири и, полный надежд, отправил рукопись в издательство Вернер Сёдерстём в Хельсинки. Отказ издателя не огорчил юношу, уже строившего планы относительно писательского будущего, а наоборот, лишь подстегнул его амбиции. Рукопись позже пропала, о чем писатель никогда не жалел.

После войны Линна взялся за целенаправленное и систематическое самообразование. Отказавшись от беспорядочного чтения, он сосредоточился на художественной литературе, философии и психологии. Линна не только читал, но и пытался писать: его честолюбивой целью было написать роман. Помимо прочего, он написал немало стихов, которые он объединил в сборник и, в надежде заработать, отправил издателю. Стихи были возвращены, и Линна раз и навсегда решил, что лирик из него не получится.

Цель – успех

Первое опубликованное произведение «Цель» было завершено уже в 1946 г. Линна все же переписал его заново и в 1947 г. отправил рукопись издателю, сделав это не без некоторой театральности – в День Рунеберга. Выдержанное в традициях психологического романа повествование о главном герое, честолюбивом, вышедшем из бедной семьи Валте Мякинене, во многом строилось на автобиографическом материале, на жизни рабочего люда Тампере. Роман, в котором внешних событий и действующих лиц совсем немного, изображает ищущего себя молодого героя, его мировую скорбь и мечты. Важным

мотивом произведения является то, что главный герой, мечтающий о карьере писателя и пишущий роман, отождествляет себя с Алексисом Киви: «Ведь я же Киви!» Стремление к цели не оставляет героя на его писательской стезе: первое произведение автора отражает его собственное стремление стать писателем и более того, достичь успеха на этом поприще.

Роман «*Цель*» получил неплохие отзывы. Начинающего писателя сочли подающим надежды. Это произведение не имело большого коммерческого успеха, но уже то, что был преодолен порог публикации, значило для Линны больше, чем писательский гонорар и недолговечное внимание в газетных рубриках литературных новостей. Благодаря этому произведению Линна вошел в контакт с молодыми непрофессиональными литераторами Тампере. Директор городской библиотеки Тампере Микко Мякеля сразу после войны организовал открытый для всех желающих литературный кружок, названный позже кружком Мякеля. На встречах обсуждались актуальные литературные темы и пробы пера участников кружка. Там выступали специалисты, которых приглашали, в том числе из Хельсинки. Когда членам кружка стало известно о выходе первого романа Линны, его буквально вытащили из дома и привели на заседания кружка. Вначале робко, а затем все смелее он высказывал свое мнение в кругу собратьев по перу и со временем стал искусным участником дискуссий.

Кружок привлекал любителей словесности главным образом из рабочей среды Тампере. Основной состав кружка, имевший обыкновение собираться дома у Мякеля для продолжения дискуссий, стал для Линны важным кругом его друзей-писателей, своего рода группой поддержки, которым он читал вслух рукописи своих произведений. Еще раньше в этот кружок вошел Лаури Виита, быстро превратившийся в его наиболее заметную фигуру. Позднее к группе присоединились, в частности, Яакко Сюръя и Миркка Рекола. Линна привел с собой молодого Харри Каасалайна. Общество молодых начинающих писателей дополнял бывший намного старше их переводчик и критик Алекс Матсон, выпустивший в 1947 г. обширное эссе, посвященное теории романа, «*Искусство романа*». В то время это было едва ли не единственное написанное на финском языке комплексное изложение теории романа, и оно, как и более поздний сборник эссе Матсона «*Два мастера*» (1955), посвященный Федору Достоевскому и Льву Толстому, оказали существенное влияние на художественные взгляды и литературный вкус Вяйнё Линны. Выполненный Матсоном анализ произведений «*Дон Кихот*» Мигеля Сервантеса, «*Улисс*» Джеймса Джойса, а также романов Алексиса Киви «*Семеро братьев*» и Ф. Силланпяя «*Почившая молодой*» раскрыли Линне основные принципы построения и формы романа.

«*Черная любовь*», второй роман Линны, был написан в 1948 г. при поддержке фонда Калеви Янтти. Как и в предыдущем романе,

его действие происходит в рабочем районе Тампере. Паули, студент и будущий инженер, страстно влюбляется в красавицу Марьятту. После обручения выясняется, что в прошлом у Марьятты была связь с неким Унто, играющем в этом треугольнике роль соблазнителя. Это полностью выводит героя из равновесия. События приводят к трагедии: Паули убивает Унто и кончает жизнь самоубийством. Сломленная этим Марьятта умирает от пневмонии. В этой драме ревности, написанной в духе Шекспира и Достоевского, автор переходит от многословных патетических излияний своего первого романа к более сдержанной литературной форме.

Первые пробы пера определили направление таланта писателя. С самого начала Линна проявил себя как мастер диалогов, и его мастерство в этом росло со временем. Мастерство повествования и формы созревали медленнее. В первых романах Линны уже просматривается его характерная черта: тонкое восприятие нюансов социальных отношений.

Прыжок в Неизвестное

Линна долго работал над рукописью под рабочим названием «*Мессия*», в основе которой лежала проблематика сверхчеловека. Работа продвигалась медленно, и к 1952 г. писатель оказался в литературном и духовном тупике. Линна оставил карьеру свободного писателя и вернулся на фабрику Финлейсона. Но одновременно у него стала вызревать идея, которую он довольно долго вынашивал: он решил написать о войне. В критический момент своей писательской карьеры Линна перешел от темы личности к общественной и исторической тематике и к более пространной форме романа.

Этот переход от описания человека к описанию общества был точно охарактеризован как переход от периода Достоевского к периоду Толстого. Объектом писательского интереса Линна стали значительные, драматические события истории Финляндии. Внутри этих событий он помещает маленькую, ограниченную во времени и пространстве группу людей, через которую раскрывает многоуровневые перемены, происходящие в обществе. Можно утверждать, что писатель вернулся на собственную территорию, которую он знал насквозь: образ жизни низших слоев общества, их культуру, которая стремительно и глубоко менялась в обновляющейся Финляндии. Впоследствии Линна назвал свой выбор основополагающим: «Я признал, что народность – это мое естественное состояние, моя отправная точка». Вплоть до 1980-х гг. значение великих романов Линны видели прежде всего в том, что с их помощью удалось снять историческую напряженность, в то время как эта, более мягкая, скрытая за описанием исторических событий тематика оставалась незамеченной: это была своя особая область будничной жизни, народного быта и обычаев, а также медленно меняющихся представлений о жизни и менталитета. Эта проблематика

была также важна с точки зрения успеха книг среди читателей: они изображали жизнь, были близки читателю.

Роман *«Неизвестный солдат»* был исключительно популярен с самого момента своего выхода в свет. Этому было много причин, и далеко не все они имеют отношение к литературе. В начале 1950-х гг. тема романа, «Война-продолжение», в политическом и идеологическом отношении оставалась больной темой и неисследованной областью. Чувство виновности в войне было еще слишком сильным и близким для исторического исследования. Книга вышла в канун рождества 1954 г., и рецензия Тойни Хаву, опубликованная в газете *«Хельсингин Саномат»*, положила начало публичной дискуссии по поводу трактовки войны 1941–1944 гг. и самосознания финского солдата. Бушевавшая на страницах газет «книжная война», тем не менее, обеспечила роману долговременный коммерческий успех и позже имела важное значение для упрочения положения самого Линны как публичного человека, писателя и гражданина. На основе романа уже через год был снят фильм, который посмотрело огромное количество зрителей. Фильм и спектакль, поставленный позднее в театре под открытым небом Пююкикки, сыграли свою роль в укреплении успеха книги. Особенно фильм, поставленный Эдвином Лайне и пользовавшийся стабильным успехом, стал своего рода пробой сил кинематографии Финляндии 1950-х гг. и прожил с романом долгую совместную жизнь. Экранизация оказалась важна для романа: герои обрели плоть и кровь и, через изображавших их актеров, стали знакомы многим. Фильм оставил на романе свой след точно так же, как и сам фильм воспринимался через роман.

«Неизвестный солдат», основываясь на традициях плутовского и приключенческого романа, рассказывает о группе собранных со всей Финляндии молодых людей, которые в составе одного пулеметного взвода проходят всю «Войну-продолжение», от наступательных боев начала войны до перемирия. В повествовании ритмично чередуются эпизоды боев и пребывания в резерве. В описаниях боя подчеркивается способность человека действовать в экстремальной ситуации; в минуты отдыха на первый план выходит всевозможные комические эпизоды, например, истории, связанные с поиском провизии, или приключения по части женского пола. Но, прежде всего, обращает на себя внимание колоритная и громогласная речь, будь то перебранки друг с другом или препирательства с начальством.

Хотя в романе нет выделяющегося на фоне других главного героя или главных героев, в нем есть несколько колоритных персонажей, которые с течением времени превратились в подлинные культурные иконы: находчивые остролисты, прирожденные руководители, смекалистые простолюдины, но также и бесчувственные убийцы, наивные энтузиасты и малоприятные командиры. Наиболее узнаваемые герои – Коскела, Хиетанен, Лахтинен, Рокка, Хонкайоки – имеют и

литературную подоплеку. Часть из них воспринимается как модернизированные варианты представителей типологии соплеменников, знакомых по «Сказаниям прапорщика Столя» Й.Л. Рунеберга или «Книге о нашей стране» Ц. Топелиуса; другие же воспринимаются как архетипы, или же финская адаптация типажей мировой литературы.

В сюжетном построении романа череда событий переплетается с центральной, присущей классическому реалистическому роману тематикой: единство поступков и высказываний, языка и действительности. Армия как социальная общность проявляет себя, прежде всего через языковой репертуар: в языке романа отражено все богатство, весь спектр финского языка – от патетического высокого стиля до самых просторечных и грубых регистров. Через языковую вариативность раскрывается социальная и культурная напряженность внутри финского общества, а также местные различия. В изображении крупного плана военной реальности присутствуют цели, далеко выходящие за чисто литературные рамки: разрушение и реконструкция финской идентичности, а также выявление скрытой социальной напряженности.

Динамичность действия и знакомые по приключенческим романам повороты сюжета и построение характеров героев позволили авторитетному критику того времени Туомасу Анхава назвать роман «Неизвестный солдат» «чтением для юношества». Начиная с Вальтера Скотта, приключенческие повествования и национализм были тесно связаны друг с другом и оказывали влияние на развитие национальных государств, еще с 19 в.: великие приключенческие истории отчасти создавали воображаемое сообщество, именуемое нацией. «Рассказы фельдшера», «Сказания прапорщика Столя», «Семеро братьев» и даже «Калевала» являются в этом смысле великими приключенческими историями, и эти истории играют важную роль в структуре и в галерее героев романа Линна.

Так, «Сказания прапорщика Столя» предлагают некие готовые тематические рамки (проигранная, доблестная война), а также подходящих для этих рамок людей, финскую галерею героев. Линна использует персонажи и события эпоса Рунеберга, модифицирует их и трактует по-новому: судьба капитана Каарна складывается по примеру Адлеркройтца; Лахтинен погибает в обстоятельствах, напоминающих судьбу Свена Туува; погибшие Вильгельм фон Шверин и Асуманими выглядят одинаково красиво. Галерея соплеменников Топелиуса также получает новое толкование: и хотя провинциальные типажи являются порой буквальными цитатами, изображенное Топелиусом единство языка и образа мыслей типичного финна в мире Линны оборачивается разногласиями, спорами и многообразием. «Семеро братьев» в течение всего времени военного похода напоминают о себе в групповой динамике громогласного взвода.

Мир в романе изображается как бы снизу вверх. Раскритикованный в рецензии Тойни Хаву «лягушачий угол зрения» является на самом деле основным художественным выбором. Такое повествовательное решение не только дало возможность раскрыть во многом скрытые структуры финского общества. С его помощью была драматизирована собственная культурная активность низших культурных слоев, их потребность в самовыражении, а также присущее роману особое, народное представление о мире.

Для народного мировоззрения в романе *«Неизвестный солдат»* характерны конкретность и уозость, мышление, связанное с непосредственным жизненным окружением. Мифический герой романа, многоликий Антеро Рокка постоянно подчеркивает свои собственные цели в этой войне: нужно выжить, нужно в самых тяжелых условиях держаться за жизненные ценности, в конце концов, нужно вернуться домой: «К черту Европу. Заберем назад Карелию, а потом – домой». Его позиция, в конце концов, одерживает верх, и здесь народность романа объединяется с более широким тематическим построением. Раненый Рокка возвращается домой к жене и детям; так повторяется вечная мифическая история: герой возвращается из разрушения и смерти, из ада войны в мир людей, к обычной жизни. Эта сюжетная канва просвечивает сквозь все живописное полотно изображенного в романе военного похода. Подобно многим другим послевоенным романам, *«Неизвестный солдат»* показывает, как горечь поражения оборачивается, в конце концов, победой: из смерти встает новая жизнь.

Литературный расклад 1950-х годов

Национальные ценности были актуальны после войны, и то обстоятельство, что они подвергались сомнению, ничуть не умаляло значения круга тем, поднятых в романе *«Неизвестный солдат»*. Возникшая вокруг романа полемика отражает перемены, произошедшие в общественной жизни Финляндии. Линна выступил на сцену со своим романом в тот период, когда традиционное единство общественного мнения начало рушиться. Вплоть до конца 1940-х гг., за исключением двух коротких периодов, общественная жизнь подчинялась жестким, отчасти официальным, отчасти неофициальным правилам цензуры. Требование национального единства было наиболее сильно в период между Зимней войной и «Войной-продолжением». Каждого, кто покушался на национальное единство, пытались лишить возможности высказываться публично. Разгромная критика Алексиса Киви и бойкот на издание произведений Пентти Хаанпяя в 1930-е гг. – самые известные проявления этой традиции, которую Линне удалось сломить. Еще в 1946 г. произведению Олави Пааволайнена *«Мрачный монолог»* пришлось многое претерпеть, но Линна умел и, прежде всего, получил возможность защищаться.

Нильс-Бёрье Стормбум в своей первой монографии, посвященной Линне (1964), утвердил представление, согласно которому Линна своим романом преодолел широкое и суровое публичное сопротивление. В этом, пожалуй, есть некоторое преувеличение. Консервативное крыло литературных кругов вначале отнеслось настороженно к *«Неизвестному солдату»*, но мнения быстро менялись. Центральная фигура консервативного крыла академик В.А. Коскениемид дал роману Линны вполне положительную оценку – именно как произведению художественной литературы, а не как репортажу или полемическому опусу. Ситуация в литературе того времени породила другую точку зрения. Линна вышел на сцену в тот период, когда литература находилась в состоянии поиска совершенно новых путей развития. В конце 1940-х гг. литературная оппозиция, состоявшая из молодых модернистов и выступавшая как литературный авангард, объявила войну довоенному литературному поколению. Благодаря стихам новых поэтов, модернизм сумел совершить прорыв в поэзии, того же ждали от прозы.

Когда Линна вышел на сцену со своим романом, неожиданно открылся новый фронт: аплодисменты выпали на долю произведения, черпающего материал из народной традиции, но в то же время критически ее осмысляющего. Консерваторы быстро определились, на чью сторону встать – на сторону Линны против модернистов. Выбор был прост, так как Линна отвечал представлениям старшего поколения о литературе. Романы Линны являли собой убедительный пример жизненной силы традиционной литературной формы, а к самому писателю, вышедшему из народной среды и отвечающему критериям народного писателя, относиться было проще, чем к столичным авторам с академическим образованием. На стороне Линны вскоре оказались все, кроме представителей модернистской литературы.

Вся картина родной страны

Успех *«Неизвестного солдата»* дал Линне возможность снова стать свободным писателем. Давно занимавшая его мысль написать о своем детстве переросла в идею написания более глубокого и широкого исторического эпоса, изображающего финское общество. Эта работа предполагала изучение большого объема материала, знакомства с художественной литературой, народной культурой, местной историей и архивными материалами. Процесс работы над книгой был тяжелым, и он серьезно сказался на здоровье писателя.

Трилогия *«Здесь под Полярной звездой»* охватывает 70 лет недавней истории Финляндии. Она также является описанием зарождения и развития нации, начиная с 1880-х гг. вплоть до послевоенных лет. События раскрываются через обыденную жизнь и непростые отношения между семьями маленькой деревни в провинции Хяме на протяжении жизни трех поколений. Центральная сюжетная линия

романа посвящена судьбам семьи Коскела, изначально арендующей торпу на землях местного пастора.

Первая часть трилогии вышла в 1959 г. Сверх ожиданий, его историческая глубина и подача событий не могли не поразить. Особенно то, как толковались причины, приведшие к гражданской войне, равно как и сами события 1918 г., породило на страницах газеты «*Huvudstadsbladet*» дискуссию об исторической достоверности романа и правомерности обобщений. Есть основания считать, что сам Линна был к этому готов: отвечая на критику со стороны ученых-историков, опирающихся на фактографическую историю, он подчеркивал ошибочность господствующих исторических представлений. Полемика вокруг романа «*Здесь род Полярной звездой*» показала, что его социально-политическая значимость определялась пробелом в исторической науке. Роман поднял из глубин памяти на поверхность то, что было однажды пережито и испытано. На рубеже 1950–1960-х гг. гражданская война еще была жива в памяти народа, но она не могла стать предметом публичной дискуссии. Линна ответил на этот вызов, создав воображаемую деревеньку Пентинкулма, через которую раскрылось болезненное и горькое прошлое.

Поскольку спор вокруг историчности трилогии сосредоточился главным образом на интерпретации исторических фактов, метаисторическая, затрагивающая сущность и характер истории плоскость романа осталась не оцененной. «Проецированное на историю представление о жизни», как сказал о романе сам Линна, основано на толстовской философии истории; движение истории состоит из неисчислимого количества деталей, взаимодействие и направление которых человек не в состоянии ни предвидеть, ни управлять ими. Подобный взгляд проявляется как в описании событий, так и в судьбах главных героев.

Жизнь деревеньки Пентинкулма проходит в тени великих исторических сил, это та часть жизненного пространства, которая обычно остается за пределами исторических исследований. Здесь ключевые исторические события блистают своим отсутствием; напротив, в центре романа постоянно находится обыденная жизнь, незначительная и не представляющая интереса с точки зрения великих исторических перемен. Основным героем трилогии, как и в «*Неизвестном солдате*», является сообщество, представляющее историческую силу, «народ». Преобладающий угол зрения при изображении мира Пентинкулма – сугубо местный: это узкий мирок, определяемый различием интересов и социального положения. Богатство диалога, заполняющего страницы романа, раскрывает центральную тему произведения: человек среди других людей – жизнь человека, когда его действия и поступки связаны с поступками и ожиданиями других людей. Национальный пейзаж произведения Линны подчеркнуто социален – сообщество, общество, нация. Взгляд на общество направлен снизу вверх. На первом плане

господствует простонародное представление о мире, которое для простого человека является его защитным футляром: маленький мирок, заполненный обычными занятиями, ритмом обыденной жизни, взаимоотношениями с членами семьи и другими людьми. События в этом мирке, в отличие от больших исторических потрясений, могут быть в какой-то мере подконтрольны человеку.

В своем романе Линна также соединяет прошлое с сознательно культивируемым литературным жанром исторического романа. В своей классической скоттовской форме исторический роман изображает эпоху, в который происходит конфликт двух культур – одна стоит на грани гибели и исчезновения, а другая, новая, только зарождается. В повествование включено множество придуманных персонажей, участвующих в исторических событиях и действующих в фарватере исторических деятелей. Вымышленные герои, находящиеся в центре романа, проходят через исторические события. Через их мысли, речи и действия выражается то влияние, которое оказали эти события на их собственную, личную жизнь. Таким образом, прошлое изображается как непосредственно и лично прожитое, как человеческий опыт, а не как структурные исторические перемены.

Деревенское сообщество Пентинкулма движется в фарватере истории Финляндии. *«Здесь под Полярной звездой»* является описанием исторически узнаваемого великого перелома, рассказом о том, как через противоречия и конфликты Финляндия перешла от сословного общества к гражданскому. Прежде всего, внимание привлекает символическое значение расстановки социальных сил. Объектом изображения становится расколовшаяся надвое нация, прочитанная как «изображение разъединения и последующего воссоединения двух слоев финского крестьянства, самостоятельных землевладельцев и арендаторов». Так охарактеризовал произведение Паули Маннинен.

Несмотря на то, что произведение в основном придерживается хронологического принципа, автор выстраивает эпизоды в многоплановые полотна, в которые вплетаются также мифологические и литературные обертона. Источником глубинных мифов, просматривающихся в историческом полотне, является Библия. Библейские мотивы есть и в композиции трилогии, и в тематике, и в персонажах. Центральную библейскую линию образует история воздвигания целины Юсси Коскелой. Уже в самом начале романа, с упоминанием болота, мотыги и Юсси, содержатся ссылки как на Библию, так и на *«Стружки»* Юхани Ахо. Судьбу найденного Юсси болота, подобно рассказу Юхани Ахо *«Мой можжевеловый народ»* (1891), можно оценить в контексте параллелей с Ветхим заветом: воздвигание финским крестьянином непаханой земли как подвиг избранного народа в его борьбе за землю обетованную. Жизненный путь Юсси Коскела повторяет извечную легенду о том, как человеку позволено пожить немного в раю, но дети его обречены на проклятие Господне. И хотя вся его жизнь направлена

на то, что однажды эта земля достанется его детям, им приходится защищать ее с оружием в руках и заплатить за наследство высокую цену. Затянутый Юсси проект осушения болота иносказательно вырастает в растянувшийся на 70 лет блуждания в поисках земли обетованной, в поиски родины, символом которой становится поле, отобранное пастором у семьи Коскела.

Трилогия также подвергает переоценке литературное прошлое. Роман вышел в переломный с точки зрения развития литературы момент. Этап, известный как этап национальной литературы, в начале 1960-х гг. подходил к концу. Крупные национальные темы были полностью исчерпаны. Трилогия дает окончательную оценку тому национальному пейзажу, который писали первые художники фенномании в литературе – Э. Лённрот, Й. Рунеберг, Ц. Топелиус и А. Киви.

В то время как унаследованное от предыдущего столетия идеалистическое представление о народе видело в сельском простолудине Благородного Бедняка, который никогда не подвергал сомнению свое положение, в романе эта традиция интерпретируется как подчеркнуто и осознанно традиционная и многоплановая. После 1918 г. литература в изображении народа уже не могла пользоваться теми же приемами, что и предшествовавшая литература. По словам Ристо Алапуру, после гражданской войны лишь художественная литература была в состоянии анализировать травму 1918 г., да и то в завуалированной форме. В произведениях Йоела Лехтонена *«Луткинотка»*, Ф. Силланпя *«Благочестивая бедность»* и Илмари Кианто *«Йосеппи из Рюсюранта»* народ изображается иначе – как литературный образ, через который рассматриваются те культурные и социальные иллюзии, которые рухнули в 1918 г. Линна опирается на эту обновленную традицию, но создает более многоликую и исторически более глубокую картину. Его романы окончательно разрушают созданную Топелиусом иллюзию национального самосознания: оказывается, что финская идентичность – это не гармоничное сосуществование, это еще и местничество, классовая агрессивность, неспособность к диалогу. Мысль, что эти черты характерны и для финнов, с трудом усваивалась еще и в послевоенной Финляндии.

Трилогия *«Здесь под Полярной звездой»* во многом вышла за пределы литературы. В представлении модернистских взглядов на литературу того времени многостраничный роман казался старомодным. По прошествии времени обнаружилось, что он обновил традицию изображения народа и наметил пути описания исчезающей сельской Финляндии 1960–1970-х гг. Несмотря на элемент трагизма, в представлении обычного читателя трилогия ассоциировалась с ностальгией в условиях обновляющейся Финляндии. Для читателей, вырванных из старых, аграрных условий жизни, произведение предлагало образ утраченного золотого времени, уют и тепло которого исчезли, и на их место пришел холодный и жесткий современный мир.

В юбилейном издании трилогии, вышедшем в свет к 60-летию Вяйнё Линны, историк Матти Клинге предложил присвоить ей неофициальное почетное звание национального романа. Обосновывая свое предложение, Клинге ссылается на особую историческую миссию романа. Финнам не доставало толкования того социального развития, которое началось в конце 19 в. и привело к ситуации наших дней. Своим романом Линна сделал понятной современность, или движение общественного развития от прошлого к настоящему. В последние годы историки подчеркивали, что трилогия создала предпосылки для понимания стороны, проигравшей войну 1918 г. Историческая наука 1950-х гг. оказалась не в состоянии интерпретировать общественные противоречия и, в особенности, гражданскую войну. Трилогия открыла дверь новой трактовке событий 1918 г., в особенности для интеллигенции. Книга показала общественности того времени, что вполне существуют основания для того, чтобы считать частью нации также и тех, кто поднялся на гражданскую войну.

Писатель и гражданин

Трилогия *«Здесь под Полярной звездой»* венчает творчество Линны в области беллетристики. Как свободный писатель он все же принимал участие в литературных и общественно-политических дискуссиях, выступал с речами, печатал статьи и даже участвовал в политике. Помимо романов Линна написал множество эссе. Вышедший в 1967 г. сборник избранных статей и обширный сборник эссе, опубликованный в 1991 г., указывают как на широту интересов писателя, так и на их тематическое единство. Литературные, национальные и общественные проблемы образуют для писателя единое тематическое пространство. Он выступает как защитник современного демократического общества, но одновременно и как его критик, причем с особой стороны: в национальный дискурс он привнес «взгляд снизу». В своем творчестве Линна предложил «альтернативное» объяснение рождению нации, на что указывают и заголовки его эссе: *«Родина бедного рабочего»* (1946), *«О рабочих писателях и их задачах»* (1949), *«В 1918 году и незадолго до него»* (1960), *«Демократическая культура»* (1967), *«Рабочие и отчизна»* (1977), *«Возможности развития и влияния рабочей культуры»* (1979).

Вяйнё Линна был востребован в политическом, культурном и литературном отношениях. Актуальное общественно-политическое звучание его великих романов напоминало о взаимозависимости национальной идеи и демократизации. Предложенная им интерпретация драматических событий недавней истории выступала также как впечатляющее изображение перемен, происходивших в финском обществе на рубеже 1950–1960-х гг. В романах появлялось новое действующее лицо политики – критически настроенный человек из народа, который не полезет в карман за словом и который требует

права слова и возможности влиять на ход событий. Появления именно такого героя ждал читатель в период выхода романа в свет. Через живые картины и новое самосознание романы легитимировали происходившие в финском обществе изменения: как экономическую, политическую и образовательную демократизацию, так и нивелирование культуры, стиля и образа жизни.

Линна напомнил своими романами, что финское национальное самосознание в значительной степени является литературным продуктом национальных классиков. В дополнение к уже сложившейся традиции высокой литературы Линна создал значительное количество произведений, относящихся к литературе более низких культурных слоев, народной культуре. Народный менталитет стал ключом к пониманию жизни, описанной в его романах. Его ядром является отчужденность по отношению ко всякому исходящему «сверху» воспитанию и противодействие моделям «высокой» культуры. И наоборот, он включает в себя представление обыденной жизни простого человека как некой ценности.

Как писатель Вяйнё Линна замечательно соответствовал традиционному представлению о художнике как об избранном представителе нации: вышедший из народных глубин писатель благодаря самообразованию занял место в первых рядах нации. Весь жизненный путь Линны, фабричного рабочего, вышедшего из неприветливых условий, закончившего народную школу и ставшего преуспевающим писателем и, наконец, академиком, полностью и без остатка отвечал традиционным критериям национального писателя. Однако Линна существенно раздвинул рамки этой роли: его влияние не ограничивалось литературой, оно распространялось на критическое осмысление всего финского общества.

– Юрки Нумми

Приложение:

Вяйнё Валттери Линна, род. 20.12.1920 Урьяла, умер 21.4.1992 Тампере. Родители: Вихтори Линна, мясник, и Мария (Майя) Йоханна Нюман. Жена: 1945–1992 Кертту Сеури, родители жены: Эйнар Сеури, крестьянин, и Хельми Лави. Дети: Синикка (Паломяки), род. 1947; Петтери, род. 1959.

Фанни Луукконен (1882–1947)

руководитель организации

«Лотта Свард»,

учительница

В течение 15 лет Фанни Луукконен, руководительница *«Лотта Свард»*, самой крупной женской организации Финляндии играла заметную роль в финляндском обществе. Эта деятельность была чем-то большим, нежели просто практическая работа во имя обороны страны. Фанни неустанно подчеркивала духовную и идейную важность деятельности своей организации, смыслом ее была любовь к родине.

В период с 1929 года по 1944 гг. Фанни Луукконен являлась постоянным руководителем добровольческой оборонной организации женщин *«Лотта Свард»*. Луукконен воспринималась как некий символ, причем не только в среде лотт. Ее считали фигурой, объединяющей людей вокруг себя, и не только участницы движения; спокойный и добрый характер вызывал уважение во всех кругах общества. Будучи руководительницей самой крупной женской организации страны, Фанни играла заметную роль в обществе вплоть до ее роспуска.

Луукконен родилась в Оулу в 1882 г. В семье механика первой городской электростанции Олли Луукконена и его жены Катарины Софии было трое детей, из которых Фанни была средней. Семья жила на острове Киикели на береговой линии города. Семья любила проводить время на море, и Фанни хорошо умела управлять лодкой. Рассказывают, что девочка была активной, увлеченной спортом, по натуре непритязательной и ответственной.

Фанни Луукконен была единственной девочкой в семье. После окончания народной школы ее определили в оулускую школу для девочек. Ее классной дамой была известная проповедница пиетизма Ангелика Венель, влияние которой чувствовалось в поведении и мышлении многих ее выпускниц долгое время после окончания школы. В своей учительнице Луукконен ценила ее спокойный и сдержанный характер, ставший впоследствии для нее, да и для многих одноклассниц неким образцом для подражания.

Луукконен уже в молодости хотела стать учительницей. Все указывало на то, что именно воспитательная работа должна стать ее жизненным призванием. После школы для девочек она продолжила учебу в Хельсинки в училище, которое закончила в 1902 г. Учебная практика студентки Фанни Луукконен была оценена на отлично, как и показательный зачетный урок, который она дала несколько позднее.

Как сама Луукконен рассказывала впоследствии, в период ее учебы произошли важные события, решительно повлиявшие на ее последующую жизнь. Когда у нее спрашивали, что заставило увлечься работой в организации лотт, Фанни ссылалась на события рубежа веков. Февральский манифест 1899 г. перевернул многое в представлениях тогдашней финской молодежи. После издания манифеста студентки проходили всю весну одетые в черное. «Этот первый патриотический импульс был усугублен дальнейшими событиями «периода угнетения», подтолкнувшими людей к участию в конституционной борьбе. Потом были события великой стачки, которые не забудет ни один патриот и которые готовили почву для чего-то большего».

Помимо патриотизма, молодую Луукконен вдохновляла глубокая религиозность, восходившая к детским годам. В дальнейшем эта религиозность проявлялась в ее многочисленных устных и письменных выступлениях. Разбуженный матерью интерес к размышлениям над вопросами веры, несомненно, усилился в школе. Закон божий, наряду с гимнастикой, был предметом, по которому Луукконен лучше всего успевала в школьные годы. Семья привила ей также идею трезвенничества, ставшую одной из основных сторон ее общественной деятельности. Еще в молодости она выступала с докладами на эту тему. Считая движение за трезвость важнейшей общенациональной задачей, она неустанно выступала в его поддержку и в дальнейшем.

Фанни Луукконен не отличалась особенной открытостью характера. И хотя многие считали ее, особенно в зрелом возрасте, по-матерински нежной, Фанни всегда была несколько отстраненной. Друзья считали ее верным и преданным товарищем. Она всегда была рада встречам с друзьями, и если сама не могла их навестить, то посылала письмо или открытку. Она много путешествовала с друзьями, но никогда не распространялась о своих личных делах и переживаниях, отдавая предпочтение работе или вопросам, связанным с общественной деятельностью. Так что беседы касались, как правило, воспитания и трезвости, а также религии и проблем нации.

Проработав несколько лет учительницей в своем родном Оулу, Луукконен в 1912 г. получила от школьного управления рекомендацию на открывшуюся вакансию старшего педагога в учебной школе для девочек при Сортавальской учительской семинарии. Фанни оказалась единственным претендентом, полностью соответствовавшим требованиям, так что Сортавала вскоре стала для нее и ее матери новым местом жительства на несколько следующих лет. Ее мать София

Луукконен жила с ней до самой своей смерти и вела хозяйство дочери. На кухне Фанни Луукконен не проявляла особого умения, да особенно и не интересовалась этим. Впрочем, это от нее и не требовалось: в соответствии с воззрениями времени самостоятельные женщины типа Луукконен не должны были тратить время на кухонные заботы, их задача заключалась в служении обществу. Так в жизни Фанни Луукконен и происходило, причем во все большей степени.

За время пребывания в Сортавала патриотизм Фанни Луукконен еще более укрепился, поскольку город больше чем какой-либо другой пострадал от «периода угнетения» в ходе патриотической борьбы. Несмотря на свои небольшие размеры, Сортавала уже в конце 19 в. стал духовным центром Ладожской Карелии. Понятно, что русские власти не могли спокойно смотреть на усиливавшееся кипение финского национального духа. Особенно сильно российский гнет ощущался в учительской семинарии. Преподавателям и студентам постоянно приходилось находиться в духовной обороне. В силу обстоятельств дух активизма был там наиболее энергичен.

После февральской революции Россия ослабила свою хватку в отношении Финляндии, однако, положение стало нестабильным. Ситуация усугублялась ослабившейся дисциплиной русских солдат. Вследствие этого решением городского совета осенью 1917 г. в Сортавале был основан щюцкор (отряд самообороны). В январе, неожиданно напав на русский гарнизон, щюцкоровцы завладели его оружием. С началом гражданской войны большая часть мужчин семинарии отправилась на фронт, а сама семинария была реквизирована силами обороны. Подобно другим женщинам, Фанни Луукконен была занята на вспомогательных работах и в течение трех лет жила на территории семинарии в окружении казарм, наблюдала армейские будни изнутри. Тогда же у нее сложилось представление о том, какого рода работу могут выполнять женщины в подобных условиях и как можно организовывать их деятельность.

После окончания освободительной войны Фанни Луукконен стала членом организации «*Лотта Свядд*», активно посвятив себя развитию ее деятельности. Ее знали как энергичного и талантливого организатора. Оценив работоспособность Фанни, сортавальские лотты назначили ее в 1921 г. на ответственную должность окружного секретаря организации. Как пишет автор ее биографии, она стала своего рода источником энергии для сортавальского движения лотт. Вскоре необычайная активность Фанни была замечена и в масштабах всей страны: она, как правило, присутствовала на всех общенациональных съездах лотт, смело высказывая на них свои мысли и идеи.

Уже в 1925 г. Фанни Луукконен была избрана в центральное правление организации вместо одного из выбывших членов. На этом посту ее активность по развитию деятельности организации, в том числе на общегосударственном уровне, еще более усилилась. Так что

неудивительно, что когда многолетняя председательница центрального правления «Лотта Свард» Хельми Арнеберг-Пентти в 1929 г. объявила о своем уходе с поста по семейным обстоятельствам, взгляды были тут же обращены на Луукконен. И хотя были и другие кандидаты, члены организации единодушно решили поддержать кандидатуру Луукконен.

Первый этап жизни Луукконен был связан с учительской деятельностью. Вторым этапом стала работа на посту руководителя организации лотт. Однако разница между этими двумя видами деятельности не была большой: даже будучи руководителем организации, она считала себя прежде всего учителем. «Лотта Свард», как говорила сама Фанни Луукконен, была не только оборонной организацией, но выполняла также этические воспитательные функции. Она продолжала преподавание, ездила с лекциями и подчеркивала важность педагогической деятельности низовых руководителей организации. Особо близкой ее сердцу была работа с «маленькими лоттами», существенной частью которой было воспитание.

Вступая в должность руководителя организации, Фанни Луукконен осознавала всю ответственность своей новой работы. У «Лотты Свард» были устоявшиеся традиции, организация быстро росла численно, расширялись и ее формы деятельности. На момент избрания Луукконен председателем численность организации, включая сочувствующих, составляла примерно 60 тысяч человек. В 1938 г. их было уже свыше 100 тысяч. В годы войны организация выросла еще больше, так что ко времени запрета ее деятельности она насчитывала в своих рядах свыше 200 тысяч членов. Еще в мирное время «Лотта Свард» превратилась в крупнейшую женскую добровольную организацию в истории Финляндии.

Работа в организации означала для Луукконен не просто механические действия на благо обороны Родины. В своих устных и письменных выступлениях Фанни Луукконен подчеркивала важность духовного и идейного начал в работе лотт. Выступая в 1936 г. в Выборге, она так охарактеризовала сущность деятельности лотт: «Что есть та основа, та скала, на которой строилась бы деятельность лотт, так же как и работа щюцкора? На это у нас есть простой ответ: ядром нашей работы является любовь к той стране, в которой мы живем, иными словами патриотизм. Холодность в отношении к родине, бездушие и, как следствие, действия, направленные против родины, не раз были сурово наказаны в истории народов. С отрицательного отношения к родине начинается путь к концу нации».

«Лотта Свард», способствуя своей работой поддержанию патриотизма, подтвердила свою необходимость во время войн, когда объем работы всех лотт, от рядового члена организации до руководителя, необычайно возрос. Во время Зимней войны и «Войны-продолжения» на обслуживании армии трудилось до 90 тысяч лотт. После Зимней

войны Луукконен отметила, что, несмотря на большую численность лотт, их ряды должны быть еще более плотными, еще больше требуется добрых рук. Существовала большая нехватка лотт в противовоздушной обороне и связи. Луукконен отметила, что во время войны лотты с честью сдержали данную ими клятву, даже когда их собственная жизнь была под угрозой. Во время обеих войн при выполнении своих обязанностей погибло около 300 лотт.

В период краткого межвоенного мира подготовка лотт была значительно улучшена, поскольку Зимняя война показала необходимость этого. Многочисленные курсы для лотт проводились в Туусула, где поблизости от школы по подготовке командования щюцкора еще до войны было основано училище лотт. Курсы, организованные после Зимней войны в июне 1940 г., стали особым праздником и данью уважения не только для лотт, но и в особенности для их руководительницы: на закрытии присутствовал маршал Густав Маннергейм, вручивший Фанни Луукконен орден Крест Свободы первой степени с мечами. Луукконен стала первой женщиной, удостоенной этой награды. По окончании «Войны-продолжения» в дополнение к этому ордену она получила также Большую нагрудную звезду.

Военное время не давало Фанни Луукконен передышки. Как и другие члены центрального правления организации, она совершала инспекционные поездки по всей стране – от Лапландии до Карельского перешейка. Была она и на территории по восточную сторону старой границы – в Беломорской и Олонецкой Карелии. Несколько раз она брала с собой иностранных гостей, интересовавшихся практической работой лотт, особенно во фронтовых условиях. Фанни выступала с докладами об истории и деятельности организации как в Финляндии, так и за рубежом. Особенно теплыми были ее отношения со Швецией и с руководительницей шведской организации лотт Майей Шмидт, которая считала деятельность финских лотт достойным образцом для лотт не только в Швеции, но в других скандинавских государствах и странах Балтии. В Германии финские лотты также пользовались большим уважением, свидетельством чему является, в частности, то, что в 1943 г. Фанни Луукконен получила в ставке Третьего рейха из рук Адольфа Гитлера одну из высших наград – Орден орла с крестом и нагрудной звездой. Луукконен стала единственной женщиной-иностранкой, получившей эту награду.

По окончании войны на основании соглашения о перемирии работа организации лотт была прекращена. Фанни Луукконен было тогда 62 года. Роспуск организации «*Лотта Свьярд*» был для нее, возможно, более болезненным ударом, чем для кого бы то ни было. После этого она проживала в Хельсинки на небольшую пенсию и занималась переводами и прочей литературной работой. Удручающим испытанием стали для нее также анонимные письма с угрозами, которые Фанни получала в послевоенные годы.

Но несмотря ни на что, она пыталась сохранить свой оптимизм. После войны вся деятельность патриотической направленности сосредотачивалась в «домашних» условиях, как и в годы наступления царизма. К этому периоду относится фраза Луукконен о том, что «тот народ выстоит, чьи дома устоят».

Психологическая атмосфера того времени ухудшила здоровье Луукконен, которое и без того уже было слабым. «Мне уж не до больших свершений», сказала она в 1945 г. Примерно через три года после роспуска организации «*Лотта Свард*», в октябре 1947 г. она умерла от инфаркта сердца. Фанни Луукконен была похоронена в родовой усыпальнице в Круунунсаари в районе Ии. На памятном камне было высечено изображение эмблемы лотт и фраза: «Отечество – мысль Божья».

– КААРЛЕ СУЛАМАА

Приложение:

Фанни Мария Луукконен, род. 13.3.1882 Оулу, умерла 27.10.1947 Хельсинки.
Родители: Олли Лукконен, механик, и Катарина София Пальмгрен.

Олаус Магни (ок. 1405–1460)

епископ Турку,

настоятель собора в Турку,

ректор Парижского университета

Олаус Магни в течение продолжительного времени обучался в Парижском университете, позже преподавал там и занимал должность ректора. В период своего обучения он был избран настоятелем собора в Турку. За время своего епископства Магни осуществил многочисленные строительные проекты, например, расширение кафедрального собора Турку.

Олаус Магни, или Олави Маунунпойка, получил лучшее образование из всех епископов средневековой Финляндии. Паавали Юстен в своей епископской хронике характеризует его как «*omni facultate doctissimus et agendis prudenterissimus*» («весьма ученого во всех науках и особо отличного в делах практических»). В соответствии с хроникой, Олаус Магни был «*перос*», то есть младший родственник своего предшественника Магнуса Олая (Таваста), что впоследствии породило массу теорий. Наиболее известным утверждением является то, что Магни был родным сыном Магнуса, что, в принципе, не является невозможным. Он не мог бы быть внебрачным сыном, поскольку в 15 в. нельзя было скрыть внебрачное происхождение ребенка. Впрочем, Магнус Олай мог состоять в браке до принятия церковного сана, что, однако, до сих пор не подтверждено документально.

Олаус Магни был родом из деревни Рунко прихода Пийкиё, там у его матери были наследные земли. На основе данных об его учебе можно сделать вывод, что Олаус родился приблизительно в 1405 г. Очевидно, его отец Мауну Дьекн из Рунко (Магнус Декн ав Рунго) являлся владельцем фрельза. Его не следует отождествлять с кастельгольмским фохтом Магнусом Торстенинпойкой Дьеком. Матерью Олауса Магни была, по всей видимости, двоюродная сестра Магнуса Олая, чье имя не упоминается в документах.

Магнус Олай взял своего юного родственника на воспитание после смерти его матери. Епископ Магнус оплатил обучение своего подопечного и способствовал его продвижению в церковной иерархии.

Олаус Магни начал свое обучение в Парижском университете около 1425 г. и стал магистром в 1428 г. Известно, что, во всяком случае в последний период учебы Магни, его наставником был финляндский магистр Якоб Петри Рёд.

Олаус Магни вернулся в Финляндию в 1428 г. и стал настоятелем церкви в Киркконумми. Очевидно, одновременно он стал членом духовного капитула Турку. В 1433 г. Магни отправился в Париж для продолжения обучения на теологическом факультете университета. Он стал членом Сорбонской коллегии, так как там было сосредоточено преподавание теологии. В 1437 г. он стал бакалавром теологии.

Наряду с продолжением обучения Олаус Магни исполнял обязанности преподавателя англосаксонского землячества на факультете искусств (т.е. на философском факультете). В период с 1433 по 1436 гг. он трижды был председателем (*прокуратором*) англосаксонского землячества и примерно год – его казначеем (*рецензором*). Как представитель землячества, Олаус Магни исполнял обязанности ректора Парижского университета с декабря 1435 по март 1436 гг. Однако приписываемое ему второе пребывание на посту ректора основывается на ошибочных сведениях источников. Его также неоднократно избирали представителем землячества в депутацию университета, например, на Базельский церковный собор 1437 г.

Несмотря на то, что Олаус Магни постоянно пребывал в Париже с 1433 по 1438 гг., на родине он также продвигался по иерархической лестнице. В 1436 г. он был избран архидьяконом Туркуского духовного капитула, а затем и настоятелем собора. Это не осталось незамеченным в Парижском университете: были отправлены благодарственные письма епископу Магнусу Олаю и Туркускому духовному капитулу.

Олаус Магни приступил к исполнению обязанностей настоятеля собора сразу по возвращении в Финляндию в 1438 г. В этот период он был помощником и доверенным лицом епископа Магнуса Олая, по поручению которого он не раз бывал за границей, в частности, в 1445 г. в Ватикане. Туркуский епископат самостоятельно наладил связи с Папой Римским, хотя Шведская епархия по-прежнему подерживала Базельский собор. Возможно, что на такое решение повлияли сведения, которыми располагал о соборе Олаус Магни. В 1441 г., уже будучи настоятелем собора, он, по всей видимости, какое-то время состоял на службе у короля Кристофера Баварского. Напротив, указание епископских хроник о том, что Олаус Магни был членом Государственного совета Швеции, скорее всего является безосновательным.

Туркуский духовный капитул избрал Олауса Магни епископом в 1449 г. после того, как Магнус Олай принял решение попросить отставки. Процедура избрания носила исключительный характер: епископ Магнус, очевидно, попросил у папы отставки с тем условием, что его преемником будет назначен Олаус Магни. Олаус сам отправился

в Рим с этим прошением. В феврале юбилейного 1450 г. папа Николай V принял прошение и назначил Олауса Магни Туркуским епископом. Последний произвел все полагающиеся выплаты в папскую канцелярию, после чего был возведен в сан в Риме. Авторитет папы, ослабившийся в Туркуском епископате предшественником Олауса Магни, был существенно усилен в период его епископства.

Олаус Магни продолжил многие строительные проекты, начатые еще Магнусом Олаем. В провинциях Варсинайс-Суоми и Уусимаа было продолжено широкомасштабное строительство каменных церквей. Также продолжилось строительство Туркуского собора: церковь обрела вид базилики. Олауса Магни особенно пленили культы святых, к которым он приобщился еще в годы учебы, например, культ Святой Урсулы. В кафедральном соборе в честь Святой Урсулы был воздвигнут алтарь и построена собственная часовня.

В период епископства Олауса Магни между ним и расположенным в Наантали монастырем Святой Биргитты возник конфликт, несмотря на то, что как настоятель собора Магни сам участвовал в основании обители. Возможно, причиной стало его негативное отношение к тому, что священники епископата перешли на службу в монастырь. Противостояние достигло апогея в 1453 г., приведя к тому, что епископ Олаус отменил право монастыря на доходы с прихода Маску.

В отличие от епископа Магнуса, Олаус не принимал активного участия в государственной политике Швеции. Правда, он поддержал шведского короля Карла Кнутссона Бунде в битве против датского короля. Однако, подобно другим лидерам тогдашней Финляндии, Олаус Магни в 1457 г. признал Кристиана Ольденбургского королем Швеции, когда тот овладел ею. По всей видимости, Олаус Магни председательствовал на проведенных в Турку выборных собраниях, хотя впоследствии в отношении к королю Кристиану вел себя сдержанно.

Очевидно, что на епископском посту Олаус Магни остался в тени своего предшественника Магнуса Олая, да ученость не принесла ему особенного авторитета. У Олауса Магни были сложности с ведением хозяйства: к концу жизни он оказался в больших долгах. Его похоронили в Туркуском кафедральном соборе в часовне Святых Мощей, т.е. в нынешнем Тавастском алтаре, рядом с его предшественником Магнусом Олаем. Сейчас над их могилами находится общий памятник.

– Ари-Пекка Палола

Приложение:

Олаус Магни, Олави Маунунпойка, род. ок. 1405 Пийкиё, умер 24.2.1460 Турку. Отец: Магнус Декн.

Густав Маннергейм (1867–1951)

*Президент Республики,
регент,
маршал Финляндии*

Густав Маннергейм был генералом российской императорской армии, путешественником-исследователем, а затем, в период независимости, главнокомандующим во время трех войн и дважды – главой государства. Наряду с Сибелиусом, он еще при жизни стал самым известным финном как у себя на родине, так и за границей.

Густав Маннергейм, чаще просто Маннергейм, был генералом российской императорской армии, путешественником-исследователем, а затем, в период независимости, главнокомандующим во время трех войн и дважды – главой государства. Наряду с Сибелиусом, он еще при жизни стал самым известным финном как у себя на родине, так и за границей. Уже в начале своей карьеры он стал предметом отчасти мифологизированного восхищения и уважения, что воплотилось в названиях улиц, памятниках и в пользующемся популярностью домемузее.

Восхищение и уважение претерпевали изменения с течением времени. Победившая сторона поначалу относилась к главнокомандующему в войне 1918 г. с восхищением, настолько легендарной была эта фигура. Проигравшая сторона испытывала ненависть. В период между 1939 и 1944 гг. неприятель пытался вновь подогреть эти уже поутихшие отрицательные настроения, добившись, правда, скорее обратного результата. В 1970-е гг., в период активизации левых сил, вновь звучала критика в адрес Маннергейма. Восхищение, соответственно, наиболее подчеркивалось в связи со смертью и похоронами маршала Финляндии, в связи с сооружением конного памятника в конце 1950-х гг., а также в 1980-е и 1990-е гг. Личность Маннергейма стал предметом активного научного изучения начиная с 1950-х гг.

Густав Маннергейм родился 4 июня 1867 г. в замке Лоухисаари в местечке Аскайнен к северу от Турку. Он был третьим ребенком и унаследовал титул барона. Род был графским, и графский титул переходил к старшему сыну. Его отец граф Карл Роберт Маннергейм, так же как и

близкие родственники его матери Хедвиг Шарлотты Хелены (Хелене) фон Юлин, были промышленниками и предпринимателями, а его дед, президент надворного суда граф Карл Густав Маннергейм, и прадед, сенатор граф Карл Эрик Маннергейм, были высокопоставленными чиновниками. Среди близких родственников примерами для подражания могли служить адмирал Иоганн Эберхард фон Шанц, сделавший блестящую карьеру на Дальнем Востоке и в Санкт-Петербурге, путешественник-исследователь, профессор барон Адольф Эрик Норденшёлд, достигший всемирной известности и переехавший в Швецию, равно как и кузины деда сестры Шернваль (среди них была и Аврора Карамзина), снискавшие успех в высшем свете Санкт-Петербурга. Начальный этап военной карьеры Маннергейма в Петербурге основывался как на родственных связях и рекомендациях по отцовской линии, так и на финансовой помощи родственников со стороны матери.

Банкротство отца, его похожий на бегство отъезд из Финляндии, распад семьи и ранняя смерть матери наложили печать на детство Густава Маннергейма и повлияли на его отправку в пятнадцатилетнем возрасте в 1882 г. в Финляндский Кадетский корпус в Хамина (Фридрихсгам). Типичная ранее для дворянства военная карьера теперь все чаще служила иным жизненным целям, примером чему был отец Маннергейма. Быстро ухудшавшееся экономическое положение семьи и честолюбивый и упорный характер Густава как нельзя подходили для военной карьеры, Маннергейм, однако, был отчислен из Кадетской школы за нарушение дисциплины в 1886 г. Он поступил в частную гимназию Бёка в Хельсинки и сдал экзамен на аттестат зрелости в 1887 г. Сразу же после этого он отправился в Петербург, где в сентябре 1887 г. смог поступить в Николаевское кавалерийское училище. В этом взыскательном военном заведении он успешно учился и был произведен в корнеты в 1889 г. Целью Маннергейма было попасть в одно из элитных подразделений императорской гвардии, но его поначалу откомандировали в провинциальный гарнизон в Польшу. Оттуда год спустя он попал в кавалерийский полк гвардии Ее Императорского Величества, входивший в состав лейб-гвардии Его Императорского Величества, воспользовавшись рекомендациями придворных дам, родственниц императрицы и при финансовой поддержке своего дяди. Маннергейм был произведен в гвардии лейтенанты в 1893 г., в гвардии младшие ротмистры – в 1899 г., в гвардии ротмистры – в 1902 г. Маннергейм сохранял преданность императрице (с 1894 г. вдовствующей императрице) Марии Федоровне, которая считалась командиром этого полка, наносил ей визиты вежливости в Дании в 1920-е гг. и держал ее фотографию на столе в своем салоне в Хельсинки рядом с фотографией Николая II.

Благодаря своей изящной наружности и хорошим манерам Маннергейм на коронации императора Николая II и императрицы Александры в Москве в 1896 г. выполнял видную роль. В 1892 г. он вступил в

брак с богатой генеральской дочкой Анастасией Араповой. Брак, устроенный родственниками, избавил Маннергейма от финансовых трудностей, прежде омрачавших его жизнь. Служба в гвардейском полку предполагала такие расходы на светскую жизнь, на которые офицерского жалования никак не хватало. С точки зрения Анастасии Араповой, пользующийся успехом в свете блистательный Маннергейм был удачным выбором. Супруги, у которых родились две дочери, София и Анастасия, в Петербурге, по всей видимости, говорили дома на французском языке; русский и немецкий использовались в имениях в Подмоскowie и в Курляндии. Однако в отношениях наступил кризис, и супруги разошлись, фактически в 1903 г., а официально несколько позже. Тем не менее, они восстановили свои отношения в 1930-е гг. В 1937 г. в Хельсинки Маннергейм участвовал в отпевании своей бывшей жены по православному обряду. По всей видимости, на представления Маннергейма о браке повлиял образ независимой и предприимчивой финской женщины и, прежде всего, пример очень близкой к нему старшей сестры Софии. Анастасия Маннергейм, в свою очередь, представляла собой тип женщины, воспитанной во всех отношениях для светской жизни высшего общества. В то же время, для нее была свойственна религиозная жертвенность, проявившаяся, когда она в 1901 г. отправилась с гуманитарной миссией Красного Креста на Дальний Восток. Позднее баронесса Маннергейм с дочерьями переехала во Францию. Маннергейм возобновил отношения с дочерьми, когда после Первой мировой войны переехал в Финляндию. София время от времени бывала в Финляндии и немного выучила шведский язык. Во время пребывания Маннергейма на посту регента в 1919 г. она выполняла представительские функции хозяйки, а на церемонии промоции на философском факультете ей отводилась почетная церемониальная роль.

Маннергейм не попал в Академию Генерального штаба, очевидно, главным образом из-за недостаточного знания русского языка. Вместо этого он стал специалистом по лошадям, как занимаясь закупками племенных и рабочих лошадей для армии, так и пытаясь самостоятельно содержать конезавод в своем поместье, отчасти следуя примеру своего брата Юхана Маннергейма, переехавшего в Швецию. С 1903 г. он командовал образцовым эскадромом и руководил обучением верховой езде в гвардейских кавалерийских полках, а также достиг известности в состязаниях по верховой езде. Маннергейм, тем не менее, искал пути дальнейшего продвижения по службе. Когда в феврале 1904 г. началась война с Японией, он записался добровольцем на фронт, и был направлен в звании подполковника в 52-ой Нежинский гусарский полк, находившийся на маньчжурском фронте.

В это же время его старший брат, директор банка граф Карл Маннергейм, был выслан в Швецию как один из руководителей антиправительственной политической оппозиции, а те круги, к которым

он принадлежал, искали контактов с Японией в целях разжигания восстания в Финляндии. Некоторые другие родственники также переехали в Швецию, и в их переписке можно найти аргументы обеих сторон. Маннергейм подчеркивал значимость участия в войне для своей карьеры. Этим он мог компенсировать неудачу с поступлением в Академию Генерального штаба и попутно облегчить психологические и социальные проблемы, связанные с разводом. На фронте Маннергейм действовал инициативно и стремился отличиться, но при этом ему пришлось столкнуться с неумелым ведением войны и раздорами в среде высшего командования. Руководство ценило его, и хотя ему не удалось получить самой желанной награды, Георгиевский крест, он был произведен в полковники за проявленное мужество в битве под Мукденом. Приказ датировался днем битвы.

Уже тогда Маннергейм планировал организовать длительную разведывательную экспедицию в малоизвестные районы Азии. Примером ему служили Норденшёльд, шведские и русские исследователи-путешественники (Свен Хедин, Николай Пржевальский), а также некоторые другие офицеры. В то же время он считал, что удачная экспедиция позволит ему отличиться, в чем он нуждался для продвижения в карьере. Очевидно, его целью, было командование гвардейским полком.

После возвращения с русско-японской войны Маннергейм в 1905–1906 гг. какое-то время провел в Финляндии и в Швеции. Как представитель баронской ветви своего рода, он впервые участвовал в сословном сейме, последнем в истории Финляндии. На сейме Маннергейм не принимал участия в публичных политических дискуссиях, но он завязал личные связи и стал известен как человек, о котором, в случае возможного изменения политической ситуации, можно было бы, согласно прежней традиции, думать как о кандидатуре в сенаторы или даже министры статс-секретари. Тщательно готовясь к экспедиции в Азию, в которую он уже был назначен, Маннергейм одновременно установил отношения с научными и фенноманскими кругами. Возможно, начальник генерального штаба генерал Палицын и его реформаторское окружение хотели специально держать Маннергейма подальше от политически беспокойного мира, чтобы сохранить его для будущих поручений как человека неангажированного. Однако во время азиатской экспедиции Маннергейма Палицын вынужден был уйти в отставку. Впрочем, позднее все же заговорили об идее назначения Маннергейма помощником министра статс-секретаря или министром статс-секретарем, но политическая обстановка не позволила принять такое решение, при котором бы кандидатура министра статс-секретаря устраивала бы и императора и финскую элиту.

Маннергейм начал свою длительную экспедицию из Кашгара (Туркменистан) в октябре 1906 г., его целью был Пекин. В сопровождении лишь нескольких человек он проехал верхом территорию, почти полностью принадлежащую Китаю. Его задачей было исследование

этих по большей части незаселенных горных и пустынных районов, представлявших интерес для России, Китая и Великобритании. Научные цели экспедиции были связаны с военными – получить как можно более полное описание территории. Маннергейм продемонстрировал известный научный талант и амбиции, исследуя обычаи, языки и этнические черты встречавшихся ему племен, археологию, собирая коллекцию предметов и делая фотографии. Коллекция поступила в Хельсинки в Финно-угорское общество, которое позже выпустило подробный путевой дневник Маннергейма и помогло ему в написании путевого очерка, предназначенного для широкой публики. Фотоматериалы были опубликованы в 1990-е гг., тогда же коллекции были представлены в новом Этнографическом музее Хельсинки.

Маннергейм вернулся в Петербург в сентябре 1908 г. Император с интересом выслушал его доклад о поездке. Теперь Маннергейм заслужил полк, однако, решение вопроса затянулось до января 1909 г., когда он, наконец, получил желанную должность командира гвардейского полка, правда, сначала в провинциальном Новоминском гарнизоне в Польше. Гвардейские части обычно расквартировывались в Петербурге, но несколько было и в Польше, а одна базировалась в Хельсинки вплоть до 1905 г. Польский фронт был жизненно важным в подготовке к возможной войне с Германией и Австро-Венгрией. Маннергейм зарекомендовал себя как успешный командир-наставник как в Новоминском, так и в Варшаве, куда он был переведен в 1911 г. командиром гвардейского уланского полка Его Императорского Величества. В 1911 г. он был произведен в генерал-майоры, а в 1912 г. вошел в свиту Его Императорского Величества, что соответствовало званию генерал-лейтенанта. С ликвидацией свиты в 1917 г. он был произведен в генерал-лейтенанты.

В Варшаве Маннергейм провел один из самых счастливых этапов своей жизни: он добился успеха в карьере, воспринимал свою работу как важную и приятную, завязывал близкие и плодотворные отношения с высшими кругами польской аристократии и имел возможность поддерживать связь со своими братьями и сестрами в Финляндии и Швеции. Он сильно привязался к княгине Марии Любомирской. Большинство адресованных ей писем Маннергейма сохранились и были опубликованы. Они дают будущим поколениям возможность узнать Маннергейма как утонченного, отзывчивого и чувственного человека.

Письма госпоже Любомирской в основном были отправлены с фронта начавшейся в августе 1914 г. мировой войны. Всю войну Маннергейм был в действующей армии, в основном на фронтах против Австро-Венгрии и в Румынии. Ему пришлось провести эти годы в физически и психологически тяжелых условиях и довелось испытать как успехи, так и неудачи. После первых неудач России удалось сохранить свои позиции, и война затянулась. 18 декабря

1914 г. за проявленную доблесть он был награжден давно желанным Георгиевским крестом.

Февральская революция 1917 г. незамедлительно сказалась на положении в армии и ходе войны. Маннергейм не пользовался расположением у нового правительства и в сентябре был освобожден от своих обязанностей. Он находился в резерве и пытался восстановить здоровье в Одессе. После того, как обстановка в России становилась все более запутанной, и после того, как потерпела неудачу масштабная наступательная операция Корнилова (т.н. Корниловский мятеж), Маннергейм стал задумываться о выходе в отставку и возвращении в Финляндию. Но и в Финляндии осенью 1917 г. ситуация становилась все более хаотичной, нарастала угроза гражданской войны, когда с крахом государственной машины стала создаваться как красная, так и белая гвардия. В январе 1918 г. буржуазный сенат под председательством П.Э. Свинхувуда и его военные специалисты остановились на кандидатуре Маннергейма на должность командующего проправительственных отрядов гражданской гвардии (шюцкор). Маннергейма посчитали наиболее подходящим из генералов, финнов по происхождению, служивших или служащих в российской армии. Без сомнения, эта оценка основывалась на его происхождении и социальных контактах, а также на политических связях, в том числе и с родственниками, находившимися в оппозиции. На выбор не повлияли антигерманские и антантофильские убеждения Маннергейма, что в дальнейшем привело к конфликту, так как Свинхувуд и в целом руководящие буржуазные круги Финляндии еще ранее осенью сделали ставку на Германию в расчете на военную поддержку отделения Финляндии от России.

Маннергейм был формально назначен на пост главнокомандующего 16 января 1918 г. и отправился в Сейняйоки, где и развернул свой штаб в районе, являвшемся оплотом белых и выгодно отличавшемся близостью основных транспортных магистралей. Сенат, правительство Финляндии, располагался в Вааса. Он сформировал штаб из финнов, служивших в российской армии, и укрепил его значительным количеством шведских добровольцев-офицеров, которые играли важную военную и политическую роль. Маннергейм не хотел, чтобы в штабе были немцы, да и Германия до заключения Брест-Литовского мира 3 марта 1918 г. не была готова послать в Финляндию своих солдат. Когда позже Германия решила принять участие в разрешении ситуации в Финляндии и направить для этого Балтийскую дивизию под командованием генерала графа Рюдигера фон дер Гольца, Маннергейм вынужден был по политическим причинам изменить свою стратегию.

Война началась в Похьянмаа как «освободительная война» с разоружения нескольких русских гарнизонов. Это имело существенное значение как с точки зрения приобретения оружия и формирования северного плацдарма, так и с точки зрения легитимации войны в

целом. Целью Маннергейма теперь было формирование войск (была введена воинская обязанность) и их подготовка, а также получение из Швеции и других мест оружие. С приближением германской интервенции он решил ускорить захват Тампере, опорного пункта красных, что и удалось сделать после ожесточенных боев и больших потерь с обеих сторон. Одновременно белая армия продвигалась в Саво и южном направлении, и ставка была перенесена в Миккели. Маннергейм, без сомнения, все это время исходил из возможности того, что русские белые с помощью западных стран Антанты рано или поздно попытаются свергнуть большевистское правительство, и что Финляндия будет участвовать в этой операции. Чтобы подчеркнуть финский («не-германский») характер освободительной войны, 16 мая 1918 г. в Хельсинки Маннергейм устроил грандиозный парад победы своей «крестьянской армии». Фон дер Гольц со своими войсками месяцем раньше разгромил красное правительство и его военные силы в Хельсинки, и в городе были сильны прогерманские настроения. Теперь Маннергейм встал в оппозицию по отношению к прогерманской военно-политической ориентации Сената, который, во имя обеспечения безопасности от России и от своих собственных красных, полностью помешал Финляндию в сферу влияния Германии. Когда Сенат не согласился с требованиями Маннергейма, 1 июня 1918 г. он покинул страну, убежденный в том, что в любом случае Антанта победит.

Таким образом, Маннергейма не было в стране на заключительном, судьбоносном этапе освободительной войны, отмеченном массовой смертностью от болезней и голода в огромных концентрационных лагерях и длительными судебными процессами. Он еще во время войны пытался остановить «белый террор» и возражал против массовых арестов красных, а также против практики индивидуальных судебных процессов по обвинению в измене родине.

Осенью 1918 г. Маннергейм вел переговоры в Лондоне и Париже, и когда в Финляндии после поражения кайзеровской Германии предстояло изменить форму правления, в соответствии с формами правления 1772 и 1789 гг. Маннергейм был приглашен на пост регента с полномочиями временного осуществления высшей государственной власти вплоть до окончательного разрешения вопроса о форме правления, ставшего злостным уже в 1917 г. Чтобы укрепить позиции Маннергейма и его ориентацию на Антанту, заинтересованные державы направили в Финляндию большие партии продовольствия, которые спасли страну от голода. Весной 1919 г. ему удалось добиться признания независимости Финляндии Великобританией и Соединенными Штатами, а также возобновления признания со стороны Франции, которая ранее дала согласие на признание, но затем отозвала его. Маннергейм использовал эти признания и свои официальные визиты в Стокгольм и Копенгаген, а также другие символически важные акты для существенного

укрепления нового суверенного статуса Финляндии, пытаясь закрепить ее ориентацию на страны-победители Францию и Англию, а также на Швецию. Вопрос о будущем России, однако, оставался открытым. Маннергейм надеялся, что власть коммунистов там, как и в Финляндии и в Венгрии, может быть свергнута.

Самым большим вопросом в период регенства Маннергейма было отношение к попытке белых русских войск захватить Петроград, что, вероятно, привело бы к свержению большевистского правительства. Маннергейм полагал, что Финляндия должна была участвовать в операции, но переговоры с русскими белыми оказались непростыми. Русские белые не могли принимать решения, являвшиеся прерогативой национального собрания, как и не могли гарантировать суверенитет Финляндии. Финляндия же, склонившись на сторону Германии, разгромив красных, выступавших за более прочные связи с Россией, и упрочив затем суверенитет с помощью западных государств, уже весьма определенно противопоставила себя России, вне зависимости от того, какой она может стать на предполагаемом национальном собрании.

Так как пограничные стычки на Карельском перешейке продолжались, особенности в июне 1919 г., активисты пытались склонить Маннергейма воспользоваться своей монархической властью и начать наступление. Но Маннергейм отказался от этих предложений, потому что не находил в Финляндии достаточной политической поддержки этой идеи. 17 июля 1919 г. он утвердил новую форму правления, выработанную в результате компромиссного решения в парламенте в июне. Маннергейм лично не вмешивался в дискуссию по форме правления, но в произнесенной им еще 16 мая 1918 г. речи, по причинам внутренне- и внешнеполитического характера, он выступил за сильную правительственную власть, и можно было небезосновательно предположить, что он не утвердит чисто парламентарную форму правления. Поскольку идея монархической формы правления, предложенная осенью, была тесно связана с потерпевшей поражение Германией, и поскольку выбором короля нельзя было заручиться поддержкой какой-либо великой державы в качестве гаранта безопасности Финляндии, единственным вариантом оставался компромисс между монархической и парламентской формами правления – президентская республика, которую иногда определяли как «выборную монархию». Такая форма правления закрепляла за президентом настолько широкие властные полномочия по изданию указов и некоторые другие права, что они полностью на практике никогда не применялись. Форма правления 1919 г. появилась в период гражданской войны в России и состояния войны между Финляндией и Россией, и она проявила свою действенность, особенно в трудные с точки зрения внешней политики времена.

О периоде пребывания Маннергейма на посту регента, по-мимо конституции и признания независимости зарубежными государствами,

напоминает учрежденный им орден Белой Розы Финляндии, вручаемый за военные и гражданские заслуги; за год до этого он как главнокомандующий учредил орден Креста Свободы, который был возрожден в качестве награды за боевые заслуги в 1939 г. Знаки отличия этих рыцарских орденов были выполнены известным художником Аксели Галлен-Каллелой. Галлен-Каллела, который был немного старше Маннергейма, в 1919 г. был одним из его адъютантов, позднее в том же году он получил титул почетного профессора. Им были разработаны и другие государственные символы Финляндии, но большая их часть была отвергнута после отставки Маннергейма.

Выборы президента республики в соответствии с новой конституцией прошли 25 июля 1919 г., но не выборщиками, а, в виде исключения, парламентом. Маннергейм получил 50 голосов депутатов от консервативной Национальной коалиционной и Шведской народной партий, однако победа досталась Каарло Юхо Стольбергу, председателю Высшего административного суда, набравшему 143 голосов, кандидатуру которого поддерживали Аграрный союз, Прогрессивная партия и социал-демократы. Между Маннергеймом и Стольбергом не установились доверительные отношения, и планы о назначении Маннергейма главнокомандующим армией, или же главнокомандующим отрядами шюцкора с очень самостоятельными полномочиями, не осуществились. После этого Маннергейм ушел в личную жизнь, и для него был собран довольно большой фонд («гражданский подарок»), на средства которого он мог существовать. Он арендовал в парке Кайвопуйсто виллу, принадлежавшую семье Фацер, и реконструировал ее так, чтобы она отвечала потребностям, человека, ведущего будничную, скромную солдатскую жизнь, но, с другой стороны, соответствовала бы статусу бессемейного аристократа, бывшего главы государства. В 1920-е гг. он посвятил много времени финскому Красному Кресту и созданному в 1920 г. Союзу защиты детей Генерала Маннергейма. В рамках последнего он боролся за единение нации и за сглаживание противоречий, порожденных гражданской войной. В этом ему помогала его сестра, а позднее известный педиатр, заслуженный врач Арво Юльппё, а также многие другие люди. Маннергейм также ездил за границу на охоту и в санатории и поддерживал связи с политическими и дипломатическими кругами. Очевидно, в какой-то степени он скучал по активной жизни, не будучи вполне удовлетворенным одной лишь гуманитарной работой, незначительным участием в бизнесе (председательство в правлении банка *Лииттопанкки*, летнего кафе рядом с его виллой в Ханко), чтения, посещения концертов и светской жизни.

Начавшийся в 1929 г. экономический и политический кризис вновь актуализировал статус Маннергейма, и некоторые праворадикальные группировки желали, чтобы Маннергейм стал военным диктатором. Он, однако, с настороженностью относился к Лапуаскому движению

и к различным группам его сторонников и не давал никаких обязательств; он внимательно следил за обстановкой, подготавливаясь, вероятно, к возможности захвата власти лапуасцами. В марте 1931 г. ставший в это беспокойное время президентом Пер Эвинд Свинхувуд вскоре после своего избрания назначил Маннергейма председателем Совета обороны и главнокомандующим на случай войны, тем самым формально вновь интегрировав его в государственную систему. В 1933 г. Маннергейм получил звание маршала.

Изменения в мире начиная с 1933 г. сместили акценты в оборонной политике Финляндии. Сохранявшийся до этого энтузиазм в отношении Восточной Карелии и Ингерманландии, равно как и идеология Великой Финляндии ослабевали по мере того, как Германия и Советский Союз быстро набирали силу. Одновременно с этим ослабевало относительное значение Лиги наций, считавшейся важным гарантом для Финляндии и других маленьких государств. Маннергейм участвовал в признании «скандинавской ориентации», политики, официально признанной в 1935 г., которая, однако, не давала Финляндии гарантий безопасности. Скандинавская ориентация, однако, имела большое политическое и психологическое значение, и когда в 1939 г. между Финляндией и СССР разразилась война, это привело к добровольческому движению и масштабной гуманитарной и военной помощи из Швеции, а также вызывало симпатию в отношении Финляндии в западных странах.

В 1933–1939 гг. Маннергейм, помимо Швеции, активно развивал отношения с Великобританией. Он представлял Финляндию на похоронах короля Георга V и имел контакты с Королевскими воздушными силами и авиационной промышленностью Великобритании. Отношения с Германией он поддерживал во время поездки на охоту с маршалом Германом Герингом. Однако во время своего семидесятилетия в 1937 г., а также во время празднования двадцатилетия гражданской войны в 1938 г. – обе эти даты превратились в общенациональные события – он подчеркивал значимость национального единения и более тесных связей с социал-демократами, впервые вошедшими в правительство в коалиции с Аграрным союзом, нежели связей с Германией.

Несмотря на постоянный нажим со стороны Маннергейма, основные части армии к осени 1939 г. все еще были плохо оснащены. Во время финско-советских переговоров по вопросу о границе и безопасности Маннергейм полагал, что у Финляндии не было возможностей придерживаться такого жесткого курса, который проводило правительство, и рекомендовал согласиться на территориальные уступки и обмен территориями, несколько раз угрожая уйти в отставку. Когда переговоры потерпели неудачу и 30 ноября 1939 г. началась война, Маннергейм принял на себя обязанности главнокомандующего и вновь создал ставку в Миккели. Он оставался главнокомандующим до 31 декабря 1944 г. и все это время по большей части находился в Миккели. Несмотря на свой

возраст и проблемы со здоровьем, он непрерывно работал всю войну, если не считать пару коротких отпусков, тем самым подавая ставку, всей армии и народу пример самоотдачи в критической ситуации.

Во время Зимней войны, последовавший за ней период, получивший название «перемирия», а также во время «Войны-продолжения», начавшейся 25 июня 1941 г., Маннергейм входил в группу, состоявшую из 4–5 человек, фактически осуществлявшую руководство страной. Помимо Маннергейма в этот круг входили ставший в 1940 г. президентом Ристо Рюти, премьер-министры Й.В. Рангель и Эдвин Линкомиес, министры иностранных дел Вяйнё Таннер, Рольф Виттинг и К.Х.В. Рамсай, а также генерал-лейтенант Рудольф Вальден, все время занимавший пост министра обороны.

Таким образом, уже в 1939–1940 гг. Маннергейм существенно повлиял на ход Зимней войны и попытки заключения мира. Он подчеркивал, что армия, несмотря на героизм, проявленный в обороне, была слабой и находилась на пределе своих возможностей, и что поэтому нужно было принять тяжелые условия мира, что и было сделано. После Зимней войны Финляндия испытала на себе постоянное давление со стороны Советского Союза, что было связано с обстановкой в мире в целом. Единственным противовесом этому давлению могла быть Германия, но и она находилась в союзе с СССР. Однако с сентября 1940 г. Германия начинает брать Финляндию под свою опеку в ее отношениях с СССР, и с начала 1941 г. военные контакты между ставками постепенно становятся более тесными. До самого последнего момента было неясно, начнет ли Германия (и когда) войну против Советского Союза. В этот период Финляндия, однако, смогла значительно улучшить уровень оснащенности своей армии. Вступление Финляндии летом 1941 г. в войну вызвало большой исследовательский интерес сразу после войны и в более поздние периоды; были предприняты попытки выяснить, когда Финляндия «окончательно» присоединилась к военным приготовлениям Германии против Советского Союза, и кто в Финляндии руководил этими приготовлениями или же знал о них.

Военное руководство маршала Маннергейма во время войны 1941–1944 гг. имело важное психологическое значение: своим авторитетом он держал в подчинении генералов в ставке и фронтовых командиров, а также членов правительства и сдерживал внутренние конфликты и соперничество, обычные для затягивающейся войны. Политическое значение его авторитета проявилось и в отношениях с Германией: Маннергейм, из всего руководства Финляндии, наиболее отчетливо требовал – и мог требовать – формального и реального соблюдения политической и военной независимости Финляндии. Интересным примером этому стал 75-летний юбилей Маннергейма 4 июня 1942 г., когда Адольф Гитлер, фюрер Германии, лично прибыл поздравить только что произведенного в маршалы Финляндии Маннергейма.

Поведение Маннергейма в этой ситуации считают образцовым сочетанием подчеркнутой вежливости и твердости в сохранении собственного авторитета. Это позволило отвергнуть притязания Германии на диктат в отношении Финляндии, или требование заключения формального союзного договора, тем самым становилось возможным выйти из положения с помощью данных президентом Рюти летом 1944 г. гарантий, которое оставались в силе лишь несколько недель.

Психологическая, объединяющая нацию роль Маннергейма подчеркивалась во время войны разными способами: например, в виде почтовых марок, а также тем, что ко дню его рождения почти во всех городах Финляндии появились улицы, носящие его имя. Орден Креста Свободы был дополнен Крестом Маннергейма с денежной премией, присваиваемым за особый героизм. Пожилой маршал несколько раз приезжал на фронт и присутствовал на различных патриотических мероприятиях, утешая сирот войны и родственников погибших.

Советское наступление в июне–июле 1944 г. заставило финскую армию уйти из Восточной Карелии и отступить к западу от Выборга на Карельском перешейке. В результате появилась готовность принять даже самые тяжелые условия мира. Для этого необходимо было сменить правительство и порвать отношения с Германией. Маннергейм согласился, и 4 августа 1944 г. парламент избрал его президентом республики. С этого момента начался мирный процесс, для которого Маннергейму, по-видимому, удалось найти оптимальное время. Германия, как полагали, достаточно ослабла для того, чтобы, несмотря на свои военные позиции и контроль воздушного пространства в Прибалтике, тратить силы на оккупацию Финляндии (как это произошло в Румынии), и слабые попытки Германии были отвергнуты с самого начала. Советский Союз, в свою очередь, более не был заинтересован в полной капитуляции или же военной оккупации Финляндии, так как он сосредотачивал свои силы на прибалтийском, польском и германском направлениях. Западные державы и Швеция были готовы политически и экономически поддерживать сепаратный мир Финляндии. Одновременно с этим финский народ после потери Восточной Карелии, Карельского перешейка и Выборга был готов принять тяжелые условия мира, принятие которых весной, когда армия еще не была разбита на Свири и Южном Перешейке, могли бы привести страну и армию к кризису лояльности.

Таким образом, в августе–сентябре 1944 г. Маннергейм при поддержке посла Финляндии в Стокгольме Г.А. Грипенберга руководил переговорами о мире, одновременно выступая в роли президента, главнокомандующего, а на практике и премьер-министра и министра иностранных дел (особенно после того, как премьер-министра Антти Хакцеля во время переговоров парализовало). Маннергейм на короткое время сосредоточил всю власть в своих руках; его авторитет был необычайно важен с точки зрения формирования общественных настроений и руководства армией. Армия должна была

быстро переориентироваться, поскольку отношения с Германией и немецкими войсками в Северной Финляндии были порваны, и, соответственно, предстояло установить взаимодействие с военными, а вскоре и с гражданскими представителями бывшего врага, Советского Союза. Авторитет Маннергейма сохранял свое значение, когда после заключения перемирия в Хельсинки начала действовать Союзная контрольная комиссия и когда новое, сформированное Ю.К. Паасикиви политическое правительство в ноябре 1944 г. пришло на смену краткосрочным президентским («техническим») кабинетам Хакцеля и Урхо Кастрена. На этом период сосредоточения власти в руках Маннергейма на время мирного процесса закончился, и, несмотря на большие сомнения, он был вынужден согласиться с назначением в правительство Паасикиви представителя коммунистов, министра внутренних дел Юрьё Лейно. Но даже после этого Маннергейм оставался опорой правительства Паасикиви, особенно в связи с подозрениями правых, хотя активно и не поддерживал правительство и его новую политическую ориентацию, вероятно, потому, что не был уверен в политике правительства, а также потому, что хотел сохранить возможность смены кабинета.

Степень участия Маннергейма в руководстве государством уменьшилась также вследствие ухудшения здоровья. Он поехал в Стокгольм на операцию, а затем в отпуск в Португалию. И хотя Маннергейм был избран президентом на чрезвычайный период, он, однако, не хотел уходить в отставку, к примеру, сразу после парламентских выборов весной 1945 г. Отчасти это объяснялось тем, что обстановка в мире оставалась неопределенной, так как война в Европе продолжалась до мая 1945 г., а отчасти тем, что Маннергейм опасался быть осужденным на судебном процессе над виновными в войне, который предусматривался условиями Соглашения о перемирии, и на скорейшем проведении которого настаивала Союзная контрольная комиссия. Однако как в интересах финнов, так и в интересах Советского Союза было уберечь Маннергейма от этого, и когда это обстоятельство прояснилось, он в марте 1946 г. ушел в отставку. Студенты выразили ему свое уважение факельным шествием, что в тех условиях было знаковым событием. Коммунисты также были готовы признать роль Маннергейма в достижении мира.

В дальнейшем Маннергейм, здоровье которого ухудшалось, находился в Стокгольме, но в основном в санатории «Вальмонт» в Монтре (Швейцарии). Там он вместе с помощниками, в число которых входили пехотный генерал Эрик Хейнрикс и полковник Аладар Паасонен, писал мемуары. Он рассказывал о своем жизненном пути помощникам, которые записывали их в виде глав будущей книги. После этого Маннергейм проверял рукопись, иногда внося существенные исправления. К моменту смерти Маннергейма 27 января 1951 г. (28 января по финскому времени) работа была почти завершена, и это позволило опубликовать первый том в этом же году.

Тело Маннергейма было привезено в Финляндию, гроб был установлен с почестями (*lit de parade*) в Главной церкви Хельсинки (нынешний Кафедральный собор), и десятки тысяч людей в молчании прошли мимо него. 4 февраля 1951 г. Маннергейм был похоронен с полными воинскими почестями на Кладбище героев в ХиетаниEMI. В этот морозный день почетный караул из солдат-резервистов, студентов и скаутов протянулся через весь город. По соображениям политической осторожности правительство решило не принимать участия в траурной церемонии. Несмотря на это, премьер-министр Урхо Кекконен и министр иностранных дел Оке Гарц участвовали в траурном шествии. Речь в Главной церкви произнес председатель Парламента К.-А. Фагерхольм. То, что он был социал-демократом, символическим образом указывало на зародившееся еще в 1930-е гг. и укрепившееся во время войны понимание идеи признания исторического национального консенсуса в Финляндии. Это признавали все общественные группы и пресса, за исключением коммунистов.

Похороны Маннергейма, внимание и уважение к его фигуре, проявившееся затем за границей и, в особенности, на родине, которые значительно усилились после издания его мемуаров и открытия музея Маннергейма в его доме в Кайвопуйсто, означали идеологический поворотный момент, переход от «послевоенного» этапа с его отрицанием предшествовавшей истории к новому идентитету, подразумевающему единство и преемственность различных этапов финской истории – от царских времен и межвоенного периода, включая войну и послевоенные годы.

Еще в 1937 г. с согласия Маннергейма был создан фонд для сооружения конного памятника в его честь – первый в Финляндии. Некоторые обвиняли Маннергейма в тщеславии, но более существенным было, конечно же, то, что он осознавал потребность в символах, объединяющих нацию. Маннергейм стал символической фигурой еще в 1918 г., эта роль еще более усилилась в 1930-е гг. и во время войны. В этой своей «роли» он мог способствовать развитию национального идентитета в том направлении, в каком он считал необходимым. Основными ценностями для него были европейская ориентация, т.е. близость к Швеции и западноевропейской культуре, поддержание боеготовности и, как необходимое условие для этого, – прочное национальное согласие, для чего требовалось преодолеть раскол, возникший в результате конфликта между красными и белыми, а также забота о здоровье и будущем детей и молодежи. Он выступал против социализма как доктрины и Советского Союза как его воплощения, равно как и против национализма, проявившегося в Германии в форме национал-социализма, а в Финляндии – в форме «ультра-финских» движений. В языковом вопросе в Финляндии он выступал за атмосферу согласия. Сам он, хорошо знавший языки и имевший большой международный опыт, считал важным поддержание международных контактов на разных

уровнях. Он подчеркивал большую значимость внешней политики и понимания соотношения сил в мире, по сравнению с внутривнутриполитическими разногласиями, мелким политиканством и юридическим буквоедством. Во время Первой мировой войны Маннергейм осознал необходимость сохранения и заботы о личном составе, а в период войн 1939–1944 (1945) гг. он особенно заботился о минимизации людских потерь, об уходе за ранеными и о почестях павшим.

Проект создания конного памятника был возобновлен во многом благодаря инициативе Студенческого союза Хельсинкского университета, и это привело к трем результатам: к росту известности Маннергейма благодаря сбору средств и выпущенному для этого специальному значку, к возведению самого памятника, который, после нескольких конкурсов, был выполнен скульптором Аймо Тукиайненом и торжественно открыт 4 июня 1960 г., и к тому, что на оставшиеся средства среди прочего в собственность государства был выкуплен памятник истории – родной дом Маннергейма усадьба Лоухисаари. Позднее памятники Маннергейму были установлены в нескольких городах Финляндии: Миккели, Лахти, близ Тампере и в Турку.

Еще в 1930-е гг. были опубликованы две биографии Маннергейма (авторы Кай Доннер и Анни Войпио-Ювас). После его смерти появился фильм, состоящий из документальных киноматериалов, в 1957–1959 гг. была издана первая масштабная и подробная биография Маннергейма, написанная его близким соратником пехотным генералом Эриком Хейнриком. В 1960-е гг. Фонд Маннергейма, созданный согласно его завещанию, главной задачей которого было посылать финских офицеров в зарубежные высшие военные училища, открыл архив писем, который достался фонду по завещанию, для родственника Маннергейма, шведского профессора Стига Ягершельда. Весьма значимые архивные изыскания в разных странах, обнаружение писем и интервьюирование, проведенные Ягершельдом, вылились в масштабное восьмитомное произведение. В то время, когда англичанин Д.Э.О. Скрин взялся за изучение российского периода жизни Маннергейма, стало уделяться внимание различным этапам культа Маннергейма. К его образу обращались в романах и пьесах (в частности, Пааво Ринтала, Илмари Турья). В 1970-е гг. левое движение выступило с критикой Маннергейма, скорее, направленной против его культа. Из новейших исследований о Маннергейме наиболее значительным является книга Веййо Мери, психологически точная биография Маннергейма (1988).

Приложение:

Карл Густав Эмиль Маннергейм, род. 4.6.1867, Аскайнен, умер 27.1.1951, Лозанна.
Родители: граф Карл Роберт Маннергейм и Шарлотта Хелена фон Юлин. Жена:
1892–1919 Анастасия Арапова, род. 1872. умерла 1936б родители жены: генерал-
майор Николай Арапов и Вера Казакова. Дети: Анастасия, род. 1893. умерла 1978;
София, род. 1895, умерла 1963.

Оскар Мериканто (1868–1924)

*композитор,
органист,
дирижер,
профессор*

Оскар Мериканто принадлежит к числу ведущих музыкальных деятелей конца 19 – начала 20 вв. Он был самым известным композитором в Финляндии, и его слава в какой-то момент даже затмила Яна Сибелиуса. Естественная мелодичность и свет его музыки сделали произведения Мериканто широко любимыми. Популярность им добавляло использование в первую очередь финской поэзии. Мериканто достиг известности своими большими концертными гастролями в качестве пианиста, органиста, талантливого аккомпаниатора и импровизатора. Он аккомпанировал ведущим артистам Финляндии и зарубежья, внушая своим позитивным настроением доверие исполнителям. Помимо этого он был талантливым и воодушевляющим музыкальным педагогом.

Оскар Мериканто посещал финское училище начального обучения в Хельсинки, но музыка так увлекла его, что он закончил всего лишь шесть классов. Отчасти это было связано с проблемами дома, так как семья была довольно бедной, а отец вел беспорядочный образ жизни. Органист Старой церкви в Хельсинки Лаури Хямляйнен взял под свое покровительство талантливого мальчика, обучал его бесплатно музыке и даже купил пианино на пожертвования. Первый свой фортепьянный и органнй концерт Мериканто сыграл в 1887 г. В его программе было произведение 17-летнего автора «*Grande valse*» и «*Летний вечер*». За концертами последовали гастроли, во время которых были собраны средства для поездки на учебу. Чтобы увеличить эту сумму, Мериканто вынужден был продать пианино и фисгармонию. Одновременно он получил стипендию от сената и частную помощь от Авроры Карамзиной и кондитера Ф.Э. Экберга.

В 1887–1889 гг. Мериканто учился в консерватории Лейпцига у преподавателей Роберта Папперица и Густава Шрека. Тогда появилась одна из популярнейших песен, посвященная Наеми Шрек, «*Баю-бай, малютка*» (слова Й. Мустакаллио). После неожиданной смерти Лаури Хямляйнена осенью 1888 г. Мериканто в 1891 г. стал его преемником

в качестве преподавателя в школе для канторов-органистов. Также Мериканто хотел занять освободившееся после Хямяляйна место органиста в Старой церкви, но по причине своей молодости получил отказ. Огорчения рассеяла учебная поездка в Берлин, где учителем Мериканто был Альберт Беккер. Деньги для поездки были получены с помощью займа и благотворительного концерта, организованного друзьями-музыкантами. Поэт Й.Х. Эрко послал свои тексты Мериканто, который сочинил прекрасные соло «*Весенним южным птицам*», «*Вспоминая*», «*Золотая крошка*» и «*В море*».

В 1892 г. Мериканто был назначен органистом в Новую церковь (позднее церковь Иоанна) в Хельсинки, и эти обязанности он выполнял до своей смерти. Другим претендентом был Илмари Крон. Вместе с Мериканто в Новой церкви работал кантором прославленный бас Абрахам Оянперя, с которым он выступал в многочисленных успешных концертах. Сменивший Оянперя Альфред Хильман (Хиилимиес), в свою очередь, сосредоточил свои усилия на повышении уровня церковного хора и его руководстве. Мериканто как признанный знаток органов совершал поездки по всей Финляндии для осмотра инструментов. В 1892–1895 гг. он руководил смешанным хором рабочих и сочинил известный «*Мари рабочих*» («*Иди вперед, сильный народ*»), слова Антти Тёрнооса).

Мериканто, принадлежавший к младофиннам, с конца 1880-х гг. долгое время был музыкальным критиком (под псевдонимами О. или О.М.) в газетах «*Ууси Суометар*», «*Пяйвялехти*», «*Хельсингин Саномат*», «*Сявелетяр*» и журнала «*Валвоя*». В середине 1890-х гг. он попытал счастья в качестве владельца магазина по продажам фортепиано, сначала вместе с Х.В. Шалином, а затем с Эмилем Сивором. Затея, однако, вскоре столкнулась с финансовыми трудностями. Аккомпанирование занимало все больше времени, но Мериканто успел все же закончить написание первой финской оперы «*Девушка Севера*» к объявленному Обществом финской литературы в 1898 г. музыкальному конкурсу. В это же время появляются сольные произведения «*Песня Валлинкорва*» (слова А.Б. Мякеля) и «*Когда светит солнце*» (слова Х. Хаахти), а также дуэт «*Счастливые*» (слова А. Киви) и произведение для фортепиано «*Valse lente*». Опера «*Девушка Севера*» первый раз была исполнена только в 1908 г. на певческом празднике в Выборге и в Хельсинки.

Певческие фестивали, усиливающие дух солидарности, но, с другой стороны, подчеркивающие противостояние в языковой политике, входили в регулярную программу Мериканто с конца 1880-х гг. Он входил в жюри праздников в качестве его руководителя и аккомпаниатора. Другими значимыми событиями на родине было аккомпанирование на концертах Айно Акте, Ирмы Тервани, Сигне Лильеквист, Альмы Фострём, Ханны Гранфелт, Абрахама Оянперя, Эйно Раутаваары, Хельге Линдберга и Вяйнё Сола. Сохранились многочисленные грамзаписи, на которых Мериканто аккомпанирует

различным артистам. Из зарубежных артистов Мериканто сопровождал, в частности, Пабло Касальсу, Фрицу Крайслеру, Альберту Спалдингу, Сесилии Хансен и Шарлю Кайе. Мериканто рано познакомился с широкими культурными и артистическими кругами. Помимо композиторов его друзьями были и Й.Х. Эркко и Эйно Лейно. В области оперной и церковной музыки наиболее близки ему были Эмми и Лоренц Ахте.

Помимо гастролей на родине, Мериканто выступал и за границей. В 1900 г. он по приглашению американских финнов побывал в США. Он побывал в двенадцати городах и дал девять концертов. Два года спустя он был с концертами в Петербурге, куда вновь вернулся в 1916 г. В Москве он побывал в 1914 г. Композиторская работа интенсивно продолжалась, прежде всего, во время летних отпусков. В 1902 г. Мериканто построил в Руовеси место для летнего отдыха, артистический дом Кантола, где появились на свет многие его произведения.

Мериканто расширил свою педагогическую деятельность, когда помимо преподавания в школе канторов-органистов в 1904 г. стал сначала ассистентом, а в 1906 г. педагогом по классу органа в музыкальном училище в Хельсинки. В его обязанности входило преподавание устройства органа и настройки регистров, а также какое-то время хоровое пение и история музыки. Мериканто издавал или переводил на финский язык материал, связанный с преподавательской работой. Он сделал перевод начального курса игры на фортепиано и уроков игры на органе, выпустил упражнения для фортепиано и написал раздел об искусстве владения регистрами для книги Мартти Туленхеймо «*Орган*». Кроме того, в 1920-е гг. появились пособия по основам музыкальных знаний, урокам модулирования и упражнениям для пальцев для пианистов. В виде рукописи осталась краткая история музыки. Чтобы познакомиться с системой обучения церковной музыке за границей, Мериканто в 1907 г. на деньги, выделенные сенатом, совершил поездку в Скандинавию, Германию, Италию, Францию и Англию. В программу поездки входили многочисленные посещения концертов и опер. В Италии Мериканто познакомился с органистом и композитором Энрико Босси, а во Франции – с органными мастерами Александром Жильманом, Шарлем-Мари Видором и Луи Верне.

В начале 20 в. все больший интерес стал проявляться к финской национальной опере. Армас Ярнефельт, Эдвард Фацер, Айно Акте и Роберт Каянус начали организовывать оперные выступления, и в ноябре 1910 г. они добились показа новой оперы Мериканто «*Смерть Элины*». В 1911 г. пришло время для создания Национальной (позднее Финской) оперы. Мериканто входил в число организаторов этого театра и стал первым его дирижером и композитором-преподавателем в 1911–1922 гг. Новая поездка в Италию в 1911 г. дала новые стимулы для создания оперы. Мериканто активно участвовал в оперных фестивалях в Савонлинна в 1912–1914 и в 1916 гг. На фестивале 1913 г. была представлена «*Смерть Элины*», а в 1914 г. – «*Девушка Севера*».

В 1910-е гг. Мериканто написал оперу «*Регина фон Эммериц*» (1919); в это же время он много внимания уделял музыкальному образованию и композиторской деятельности своего талантливого сына Аарре.

Осенью 1915 г. Мериканто был избран членом государственной комиссии по музыкальному искусству. В 1918 г. начало давить о себе знать заболевание сердца, и ему пришлось снизить прежний высокий темп работы. В следующем году он получил звание профессора, а в 1921 г. ему назначили государственную пенсию деятеля искусств. Зимой 1920–1921 гг. Мериканто отправился в Германию для знакомства с новыми музыкальными постановками. В последующие годы из-за ослабевшего здоровья он ездил главным образом в санатории. В ноябре 1922 г. в качестве прощального выступления была показана опера Мериканто «*Смерть Элины*», и композитор отправился на прощальные гастроли по провинциальным городам. Даже в самом конце жизни он не оставлял профессиональной деятельности, и в 1923 г. весьма критично оценил новую хоральную книгу Илмари Крона.

Всю свою жизнь Мериканто был предан музыкальному стилю в духе народной песни. Хотя его сочинения напоминают народную песню, часто они основываются на мелодичности итальянской оперы и стиле *bel canto*. Во многих песнях присутствуют очень сложные виртуозные музыкальные ходы. Мериканто был настоящим мелодистом. Своей музыкой он создавал как светлое, так и бушующее настроение. Он сочинял на народные тексты, близкие к природе и повседневному миру человека. Многочисленные сольные песни, входившие в постоянную программу Мериканто, такие как: «*Весенним южным птицам*», «*Я живу*», «*Зачем пою*», «*Когда светит солнце*» и «*Аннина*» – характеризуют его сентиментальность и жизнерадостность. Карельский дух передают «*Песня коробейника*», «*Песня Валлинкорва*» и «*Ладога*». В конце жизни Мериканто сочинил множество церковных песен. Самыми известными из них являются «*Помнишь ли ту песню*» (слова Э. Лейно) и «*Спасибо тебе, Господи*» (А.Л. Сорм).

– Сейя Лаппалайнен

Приложение:

Франс Оскар Маттсон, с 1882 Мериканто, род. 5.8.1868 Хельсинки, умер 17.2.1924 Ойтти. Родители: Франс Фердинанд Мериканто, главный кондуктор, род. 1845, умер 1891, и Анна Хелена Таммелин, род. 1843, умерла 1885 Хельсинки. Жена: 1892 – Лииса (Элиса) Хяюрюнен, род. 4.2.1869 Миккели, умерла 14.3.1949 Хельсинки, родители жены: Микаэль Адам Юхан Хяюрюнен, торговец, и Ева Аврора Аландер. Ребенок: Аарре, род. 29.6.1893 Хельсинки, умер 28.9.1958 Хельсинки, композитор.

Лео Мехелин (1839–1914)

*вице-председатель хозяйственного
департамента сената,
депутат сейма,
профессор камерального, полити-
ческого и государственного права,
произведен во дворянство*

Лео Мехелин был ведущим политиком Финляндии конца существования Великого княжества, способствовал развитию государственных институтов Финляндии, государственно-правового статуса Великого княжества, а позднее возглавил борьбу за законные права. Находясь на посту вице-председателя хозяйственного департамента сената и будучи депутатом сейма, Мехелин был также профессором камерального, политического и государственного права.

Лео Мехелин родился в городе Хамина в 1839 г. Его отец Густав Юхан Мехелин был преподавателем в кадетской школе. Дом не был зажиточным. Предки со стороны матери, Аманды Софии Сагулин, жили в Старой Финляндии. В доме Мехелина говорили на немецком и шведском языках. От матери он выучился еще и французскому, а от отца – русскому. Он без проблем использовал немецкий и французский языки как устно, так и письменно. Финский, как он сам считал, никогда не знал в достаточной мере. Позднее выучил английский. Он рос в среде кадетской школы, но не был ее учеником. Кадетская школа в Хамина, помимо Хельсинкского университета, была вторым местом подготовки финских чиновников и хозяйственных руководителей.

Фамилия Мехелин берет свое начало в Мяккюля в Эспоо. Во второй половине 17 в. Хенрик и Эрик, сыновья Якоба Ларссона, переехавшего из деревни Кархи в Янаккала (в районе нынешнего Хаусъярви) в Хельсинки и получившего там бюргерские права, отправившись учиться, взяли фамилию Мехелинус (Mechelinus, Mecchelinus, Mecchhelinus) по названию места, откуда родом была их мать Вальборг. Оба брата стали капелланами в Саво. Сын и внук Хенрика принадлежали к высшей прослойке простолюдинов губернии Саво. Хенрик Юхан Мехелин (1774–1840) вновь поднял род до уровня духовного сословия. Будучи студентом, он достроил начатую отцом

церковь в Иломанси (1798), был капелланом в Кесялахти, а затем настоятелем прихода и пробстом в Яаккима. Его сыновьями были Густав Юхан Мехелин (1807–1863), отец Лео Мехелина, и Хенрик Адольф Мехелин (1813–1899), который сделал блестящую карьеру на службе в российском министерстве иностранных дел, в частности как дипломат, и был позднее коллегой своего брата Лео в сенате Финляндии, возглавляя духовную экспедицию.

В 1856 г. Лео Мехелин стал студентом, в основном получив домашнее обучение от отца. В 1860 г. он получил степень кандидата философии, в 1864 г. – кандидата юриспруденции. Это был период зарождения государственной жизни в Финляндии. Александр II стал императором в 1855 г., а в 1863 г. финские сословия собрались на сейм впервые после более чем полувекового перерыва. Мехелин принимал в этом активное участие. Он входил в группу молодых либералов, которая в 1861 г. основала свой орган печати газету *«Гельсингфорс Дагблад»*. Он начал свою парламентскую карьеру в качестве секретаря комиссии по финансам и чрезвычайным налогам на сейме 1867 г. Он принимал участие в студенческой жизни; был хорошим актером, писателем и певцом, что не было редкостью для музыкального рода Мехелинов. В кадетской школе он выучился хорошим манерам поведения в обществе, и позднее его фигуру и выступления описывали как величественные. Он был высоким (уже в 16 лет достиг 180 сантиметров), красивым мужчиной и по характеру таким, что был всегда в центре внимания, где бы ни находился.

Осенью 1865 г. Мехелин женился на Александре, дочери самого богатого буржуа Хельсинки, советника коммерции Юхана Хенрика Линдрооса. С этого момента и до смерти он был состоятельным человеком, не зависящим от постов и службы. В наследство Линдрооса входил, в частности, крупнейший пакет акций банка *«Суомен Юхдюзпанкки»*, первого частного коммерческого банка Финляндии, основанного в 1862 г. В 1867 г. Мехелин стал директором и членом правления банка. В 1871 г. вместе с другом и товарищем по комнате во времена учебы Фредриком Идестамом он создал компанию *«Нокиа»*. В то время Мехелин был и.о. исполнительного директора *«Юхдюзпанкки»*. К созданной компании отошли два древесномассных завода Идестама и усадьба Нокиа Мехелина с принадлежащей ей частью водопада Нокиа, которые он приобрел в 1867 г. у обанкротившегося Адольфа Тёрнгрена. АО *«Нокиа»* стало ведущим предприятием быстро развивающейся бумажной промышленности Финляндии, с точки зрения как роста производства, так и повышения степени переработки. В него входил и первый в Финляндии, созданный в 1885 г. сульфитцеллюлозный завод. Идестам был исполнительным директором компании. Мехелин принимал активное участие в деятельности предприятия; главным образом он занимался финансами. Прибыль, полученная его компанией, была весьма существенной. Когда Идестам отошел от дел,

Мехелин в 1898 г. стал председателем правления компании «*Нокиа*», и оставался его членом до самой своей смерти.

Мехелин был также владельцем крупного сельскохозяйственного имения, специализирующегося на земледелии, одним из тех, кто после голодных лет, в 1870–1880-е гг. повернул сельское хозяйство Финляндии в сторону животноводства. Масло стало ведущим продуктом финляндского экспорта. Собственное имение Мехелина находилось в Лайтиала в районе Холлола. Помимо этого, он управлял двумя имениями родственников своей жены, а также составил сельскохозяйственный план для земель компании «*Нокиа*». В 1870–1875 гг. он был членом правления Общества земледельцев губернии Уусимаа и Хяме, а в 1890-е гг. – председателем Финляндского экономического общества.

Когда в 1872 г. умер исполнительный директор «*Юхдюспанкки*», это место было предложено Мехелину. Но он с большей охотой нацелился на занятие освободившейся должности профессора камерального, политического и государственного права в университете. За два года он написал две диссертации, стал доктором права и получил должность, на которой оставался на протяжении 1874–1882 гг. Помимо этого, в 1877–1882 гг. занимал профессию экономического права и политэкономии.

Когда в городах Финляндии впервые выбирались советы уполномоченных, Мехелин был избран в совет Хельсинки и стал его первым председателем. Он был городским уполномоченным в 1875–1878 и 1891–1899 гг., и большую часть времени председательствовал в совете. В 1876 г. в Хельсинки была проведена первая в Финляндии промышленная выставка, с которой император, императрица и наследник престола с супругой познакомились как гости города. Мехелин исполнил обязанности хозяина настолько блестяще, что император возвел его и его потомков во дворянство.

В 1872 г. Мехелин был выбран депутатом в сейм от города Хельсинки как представитель бюргерства. После этого он был депутатом всех сословных сеймов, а начиная с 1877 г. входил в рыцарское и дворянское сословие. В течение 1870-х годов он стал ведущим руководителем либерального направления, а в 1882 г. его, в качестве руководителя либеральной партии, пригласили в сенат заместителем начальника финансовой экспедиции. В это же время в сенат пришел руководитель финской партии Г.З. Форсман (с 1884 г. Юрьё-Коскинен). Возглавляемое Мехелином подразделение в 1888 г. было выделено в экспедицию торговли и промышленности, а сам он стал ее руководителем (что соответствует должности нынешнего министра торговли и промышленности).

Мехелин лучше, чем многие другие финны, видел происходивший в Западной Европе и Северной Америке процесс индустриализации. Это означало, по его мнению, экономический и общественный прогресс. Исторически и фактически Финляндия относилась к прогрессивному в

экономическом и социальном отношениях западному миру. Но, с другой стороны, Финляндия входила в состав Российской империи, остальные территории которой не относились к передовому европейскому миру. В своей диссертации 1873 г. и в более поздних работах Мехелин изложил свое учение об основных законах Финляндии и о государственных отношениях России и Финляндии. Подобные мысли высказывались и раньше, но не в виде законченной и теоретически обоснованной системы. В 1809 г. Финляндия была присоединена к России, но, по мнению Мехелина, как отдельное государство. Российский император был одновременно великим князем финляндским. В России император был абсолютным монархом, но в Финляндии великий князь был связан финляндскими основными законами. Император – великий князь ведал отношениями России и Финляндии с другими государствами. Другие государственные органы России, в отличие от императора – великого князя не имели власти в Финляндии, так же как финляндские органы в России. Под защитой своих основных законов Финляндия могла развивать свою правовую систему и свои институты в такую инфраструктуру, которую требовали интересы экономического и общественного развития. Финляндия была правовым государством. Стабильность законов и законопослушность граждан делали возможным экономический прогресс, поскольку они позволяли планировать будущее. Мехелин был строгим сторонником законности. В качестве девиза на своем дворянском гербе он выбрал слова *pro lege* (за закон). Своими статьями и с помощью обширных международных личных связей он распространял по миру мысль о том, что Финляндия является государством. Это его большая заслуга.

В своей политической деятельности Мехелин стремился разъяснить самостоятельный государственный статус Финляндии по отношению к России, стремился к сосредоточению власти в собственных органах Финляндии, особенно в сейме, и к развитию финских законов и институтов в либеральном, способствующем частному предпринимательству направлении. Он верил, что частное предпринимательство есть благо для экономики. Он, однако, не был фанатичным либералом, считая, что государство должно поддерживать частную инициативу, если таковая выгодна стране. Он участвовал в работе важнейших органов, при этом всегда был центральной фигурой, и его авторитет был очень высок. Он имел четкую программу, был инициативен, относился к числу лучших ораторов сейма и был талантливым и неутомимым автором проектов. К тому же он был руководителем либеральной группы. Газета «*Гельсингфорс Дагблад*» была органом печати либералов. В 1876 г. либералы основали под руководством Мехелина журнал «*Финск Тидскрифт*».

Мехелин был членом комитета по золотому стандарту, организованного сенатом, в результате деятельности которого Финляндия перешла к международному золотому стандарту, и финская марка

полностью стала независимой от рубля в 1877 г. Когда в Финляндии была создана собственная армия, он входил в комиссию сословий по воинской повинности, подготовившую закон 1878 г. Он был председателем комитета по закону о торговле и промыслах, подготовившего закон о промыслах 1879 г. По его инициативе начал составляться единый бюджет, а в 1877 г. он сам подготовил первые бюджетные расчеты. Реформы, проведенные в Финляндии во время правления Александра II, намного увеличили расходы государства, но, с другой стороны, экономика страны развивалась очень хорошо, и у государства было много возможностей для получения доходов. Была реформирована вся структура доходов государства. Эту работу в 1879–1880 гг. проводил так называемый большой комитет по налогам, председателем которого был Мехелин. Он всегда заботился о том, чтобы формулировки законов не противоречили бы независимому статусу Финляндии.

Будучи сенатором, Мехелин, в частности, занимался вопросами финляндско-русских торговых и таможенных отношений. В значительной степени благодаря ему стало развиваться регулярное зимнее мореходство. Быстро развивающееся производство Финляндии нуждалось в регулярных экспортных и импортных перевозках. Был построен порт в Ханко, а в 1890 г. был приобретен первый ледокол. Эти мероприятия ослабляли зависимость Финляндии от России.

В 1887 г. в Мадриде Мехелин как полномочный представитель императора вместе с русским послом в Мадриде проводил переговоры по торговому соглашению между Россией и Испанией. Значительная часть российско-испанской торговли приходилась на Финляндию. Поездка в Мадрид длилась полгода, и семья Мехелина была вместе с ним.

В декабре 1880 г. в *«Гельсингфорс Дагблад»* появилась программа либеральной партии, которую по большей части составлял Мехелин. В особых для Финляндии вопросах, в языковом вопросе и отношениях с Россией, позиция Мехелина заключалась в том, что родные языки, финский и шведский, должны занимать равноправное положение и что статус Финляндии как внутренне самостоятельного государства в составе России наилучшим образом обеспечивается закреплением отношений с помощью конкретных законов. Й.В. Снельман разнес эту программу в пух и прах, и это стало едва ли не последним его делом за несколько месяцев до смерти. В языковом вопросе Снельман был бескомпромиссен. Финская нация была самым важным делом, и формирующим ее фактором был финский язык. Построение отношений между Россией и Финляндией на законах было, по мнению Снельмана, теоретизированием, чуждым действительности. Опора Финляндии – национальное единство, финский язык и император – великий князь; когда по-настоящему прижмет, законы не помогут.

Как политик-практик Мехелин был предприимчивым и настойчивым. Его тактика строилась на широких личных связях, с помощью которых он всегда был хорошо информирован, в особенности о том, что происходило в политическом центре, Петербурге. Он беззастенчиво использовал свои связи ради достижения своих целей. Главная из них – расширить внутреннюю самостоятельность Финляндии, в частности, на основе толкования основных законов Финляндии, и сделать так, чтобы русские чиновники не вмешивались в дела Финляндии.

Однако в 1880-е гг. в России набрал силу национализм, панславизм. Император все внимательнее прислушивался к славянофилам, требовавшим великой, единой и великорусской империи. Внутренне самостоятельная Финляндия не отвечала их взглядам на Российское государство. Учение Мехелина о различиях российского императора и великого князя финляндского быстро утратило действенность. В сенате Мехелин был ведущей фигурой, защищающей Финляндию. В это время он опубликовал свои наиболее систематические работы, рассматривающие государственный статус Финляндии. В основном он подготавливал резолюции по проектам объединения финансового, таможенного и почтового ведомств княжества с соответствующими ведомствами империи. Почтовое ведомство было объединено, а таможня и финансы остались отдельными. В 1890 г. Мехелин вынужден был уйти из сената. Для русских он был главным финляндским сепаратистом, финны же почитали его как непреклонного защитника прав Финляндии.

Уйдя из сената, Мехелин стал весьма заметной и влиятельной частной фигурой. Он вновь занял пост директора «*Юхдюзпанкки*» (1893–1896), а в 1892–1899 гг. был председателем совета городских уполномоченных Хельсинки. Он был депутатом всех сессий сейма. Мехелин не присоединился ни к одной из двух партий в языковом вопросе, заняв примирительную позицию. Он стал еще больше писать, дискутировал с русскими и знакомил Запад с Финляндией как с отдельным государством. Написанное под его редакцией крупное произведение «*Финляндия в 19 веке*» вышло на многих языках.

Когда началось новое, более хорошо подготовленное наступление на автономию Финляндии, Н.И. Бобриков осенью 1898 г. стал генерал-губернатором, а в 1899 г. был издан февральский манифест, защитники финляндской автономии, шведы и младофинны, объединились вокруг Мехелина, образовав конституционный фронт. Финская партия распалась. Курс Мехелина и конституционалистов заключался в пассивном сопротивлении и широкой пропаганде финляндского вопроса за границей.

Весной 1903 г. генерал-губернатор Бобриков выслал из страны Мехелина и других лидеров оппозиции. В изгнании движение сопротивления разделилось. Активисты были готовы к сотрудничеству с революционными партиями России против общего врага. Мехелин

не одобрял даже тактического союза с партиями, выступавшими за социальную революцию, и основная часть движения сопротивления вместе с ним оставалась на позициях пассивного сопротивления. Мехелин стремился к сотрудничеству с русскими либералами, конституционными демократами (кадетами), которые в то время объединились в партию. Он хотел, чтобы либералы пришли к власти, превратили Россию в конституционную монархию и вернули Финляндии автономию. Он подготовил для кадетов проект российской конституции.

Мехелин был представителем буржуазии, резким противником социализма и социальной революции. Он верил, что если экономика сможет развиваться свободно и ею будут хорошо управлять, это принесет достаток всем финнам. Он признавал, что социальная несправедливость была большой, и что положение людей с малым достатком требовало улучшения, но он верил, что несправедливость можно исправить мирно. В этом, как и в языковом вопросе, он был оптимистом. Финны могли и должны были быть единодушными.

С изменением ситуации в России и Финляндии Мехелин вернулся на родину в декабре 1904 г. Его встречали в Хельсинки как героя: сограждане тащили его экипаж от железнодорожного вокзала до памятника Рунебергу, где он обратился к народу, и дальше в *Сеура-хуоне* (сейчас здание муниципалитета), где он поселился. Конституционалисты получили большинство в сейме 1904–1905 гг., контролируемом Мехелином, который председательствовал в трех наиболее важных комиссиях. После сессии сейма конституционалисты выбрали комиссию для контроля за развитием политической ситуации. Мехелин был ее председателем.

Во время всеобщей забастовки Мехелин и органы, в которых он участвовал, оказались наиболее искусными в политической игре. Он требовал восстановления финляндской автономии и возврата к законности, но, с другой стороны, противодействовал все более углублявшейся социальной революции. Ему удалось убедить новые российские власти в том, что сможет остановить социальную революцию в Финляндии. 1 декабря 1905 г. он стал вице-председателем хозяйственного департамента в новом сенате (что соответствует нынешнему посту премьер-министра). Триумфом конституционалистов стал конец 1905 – начало 1906 гг., когда Мехелин был «некоронованным королем Финляндии». Казалось, пассивное сопротивление одержало победу. Была восстановлена законность, существовала полная свобода печати. Чиновники, сопротивлявшиеся беззаконию, вернулись на свои посты, а назначенные на их места были уволены. На сеймовых выборах 1905 г. конституционалисты получили большинство во всех сословиях. Сразу же после назначения сената Мехелин представил большую программу государственно-правовых и социальных реформ. Он пытался объединить все группы, стоявшие во

время так называемого периода угнетения на конституционалистских позициях. Он произнес свою большую программную речь по-фински и утвердил статус финского языка как протокольного языка сената. Он включил в состав сената также одного социал-демократа.

Но конституционный период оказался в Финляндии недолгим, в России он был еще короче. Февральский манифест не был отменен, было лишь приостановлено его осуществление. Реформаторы в России были отстранены, и к власти вновь пришла реакция. Из масштабной программы Мехелина осуществилась лишь парламентская реформа. Проекты реформ были оставлены без последствий императором – великим князем. Первый однопалатный парламент был выбран весной 1907 г. на основе всеобщего и равного избирательного права. Результаты выборов стали большим разочарованием для Мехелина. Конституционалисты не имели большого успеха. Финский народ не собрал сил для защиты конституции и политической автономии, а разрушительные факторы, языковой и социальный вопрос, оказались сильнее. Конституционный фронт разделился на Шведскую Народную партию и Партию младофиннов, а социал-демократы стали главными победителями на выборах.

Начался новый период русификации, еще более удушающий, чем первый. Летом 1908 г. Мехелин был отстранен с поста сенатора. После этого он продолжил борьбу за законность и автономию Финляндии своими статьями и путем формирования зарубежного общественного мнения. Он еще дважды избирался депутатом по спискам Шведской Народной партии. В парламенте он, в частности, был председателем конституционной комиссии. Мехелин умер за несколько месяцев до начала первой мировой войны. От государственной автономии Финляндии к тому времени осталось немного, и будущее нации выглядело весьма неопределенным.

– ТАПИО ХЕЛЕН

Приложение:

Леопольд Хенрик Станислав Мехелин, Лео, род. 24.11.1839 Хамина, умер 26.1.1914 Хельсинки. Родители: Густав Юхан Мехелин, инспектор кадетских школ, доктор философии, статский советник, и Аманда Густава Костиандер (ранее Сагулин). Жена 1865–1909: Александра Элизабет Линдроос, род. 1844, умерла 1909, родители жены: Юхан Генрих Линдроос, советник коммерции, и Густава Сесилия Майер. Дети: Альма Сесилия (Сели), род. 1866, умерла 1950.

Рольф Неванлинна (1895–1980)

*профессор математики,
член Финляндской Академии*

Рольф Неванлинна оставил заметный след в истории математики, внося существенный вклад в развитие теории функций. Он стал одним из наиболее известных финских математиков. Авторитет Неванлинны как исследователя восходит к 1920-м гг., он активно работал на протяжении нескольких десятилетий и, помимо собственно научной деятельности, выполнял ответственные функции в международных организациях. В Финляндии Неванлинна был влиятельной фигурой в академической политике и культурной жизни страны. Его связи с Германией во время «Войны-продолжения» в послевоенные годы привели к известным осложнениям.

Как ученый Рольф Неванлинна прочно вошел в историю математики. Еще при жизни он занял исключительно важное место в мировом математическом сообществе. Этому во многом способствовало происхождение: Неванлинна родился в семье, чьим математическим талантам трудно найти аналогию, даже по мировым меркам. В Финляндии Неванлинна был влиятельной фигурой в академической политике и культурной жизни страны.

Дед Рольфа Неванлинны, дослужившийся до генерал-майора Эдвард Энгельберт Неовиус, был преподавателем математики и топографии в кадетской школе Хамина (Фридрихсгам). В школе его называли «Ньютоном». Кроме того, математика вошла в жизнь семейства благодаря женитьбе генерала. Его деверем стал профессор математики Лоренц Линделёф, сын которого Эрнст, основатель финского направления теории функций и учитель Рольфа Неванлинны, приходился, таким образом, отцу Рольфа двоюродным братом.

Отец Рольфа Отто слыл в семье фенноманом. В 1906 г. он переделал свою фамилию на финский манер – Неванлинна. Отто был физиком и математиком. Работая над диссертацией, он ездил в Санкт-Петербург в Пулковскую обсерваторию. Там он встретил свою будущую жену Маргарете, дочь ведущего немецкого астронома Германа Ромберга,

так что со стороны матери Рольф получил и немецкую кровь. У Отто Неванлинна были все предпосылки для академической деятельности, но вакансий в университете не хватало. Единственную профессию по математике занимал его старший брат Эдвард Рудольф Неовиус. Позже Отто стал старшим преподавателем лицея, одним из ведущих школьных учителей математики в Финляндии.

Молодой доктор Отто Неванлинна получил свою первую должность учителя математики и физики в лицее Йоэнсуу. Рольф родился и провел первые восемь лет своей жизни в Йоэнсуу. Осенью 1902 г. его, уже умеющего читать и писать, взяли сразу во второй класс начальной школы Ватанена. В его первом аттестате за прилежание стояла довольно низкая оценка «шесть», поскольку во время занятий он охотнее залезал под парту и играл в поезд или что-нибудь другое увлекательное. Это его так огорчило, что он наотрез отказался ходить в школу. Так его первые шаги на дороге знаний прервались на полтора года. В 1903 г. семья переехала в Хельсинки, где после года учебы в начальной школе Рольф поступил на классическое отделение лицея.

Несмотря на окружающую его математическую атмосферу, получив в 1913 г. аттестат зрелости, Рольф некоторое время колебался в выборе между классическими языками и математикой. Тем летом он прочитал учебник Эрнста Линделёфа *«Введение в высший анализ»* и утвердился в мысли, что математика это его призвание. Однако вскоре первая мировая война заставила Рольфа, погрузившегося в занятия математикой, задуматься совсем о другом. Следуя военной традиции семьи, а также примеру дяди и пятерых одноклассников, он решил присоединиться к прогерманскому егерскому движению. Однако эти планы остались неосуществленными: его отец полагал, что Рольф принесет своей стране больше пользы в науке, нежели на войне, к тому же северный маршрут переброски егерей в Германию был к тому времени пресечен русскими властями.

Весной 1919 года Рольф Неванлинна защитил диссертацию по теории функций. Работа, выполненная под руководством Линделёфа, привлекла внимание, однако большой прорыв в математике был еще впереди. Сразу же после получения докторской степени Рольф обвенчался со своей двоюродной сестрой Мери Селин. Этот брак закончился разводом, и в 1958 г. Рольф вступил в новый брак с писательницей Синиккой Каллио-Висапая.

Математические исследования в Финляндии первых лет независимости во многом были связаны с Парижем. В 1898–1899 гг. Линделёф провел там целый учебный, что имело чрезвычайно важные последствия для будущего развития математической науки Финляндии. Линделёф стал видным специалистом в области модной в то время «парижской школы» теории функций и передавал свои знания многочисленным ученикам в Финляндии. Хельсинки начал привлекать международное внимание как один из центров исследований в области теории функций.

В 1922 г. в жизни Рольфа Неванлинна начался период, благодаря которому он получает мировую известность и занимает прочное место в истории математики. За три года он разрабатывает обширную, глубокую и облеченную в стройные формы теорию распределения мероморфных функций. Сейчас она известна как теория Неванлинны. Исходные позиции для этого исследования были довольно хорошими: Линделёф, его учитель, родственник и друг семьи, был одним из лучших знатоков в избранной Рольфом сфере, ориентирующейся на парижскую школу. Возможно, еще большее значение имело сотрудничество со старшим братом Фритъёфом в начале этого периода. Фритъёф защитил диссертацию годом раньше Рольфа, и тоже по теории функций. В совместной публикации, выпущенной братьями в 1922 г., в теории функций был применен новый метод, который, несмотря на свою простоту, ранее систематически не использовался. В 1975 г. Ларс Альфорс не без драматизма заявил, что после этой публикации теория функций уже стала совсем иной. После этого сотрудничество братьев уже не было столь заметно, поскольку совместных публикаций больше не выходило. Однако очевидно, что Рольф продолжал извлекать пользу из научного общения с братом. Конкретные заслуги каждого из братьев в создании теории Неванлинны вряд ли когда-нибудь удастся точно определить: Рольф неоднократно подчеркивал ценный вклад Фритъёфа, а тот, в свою очередь, считал себя лишь незначительным соавтором своего великого брата.

Роль Линделёфа и брата Фритъёфа была существенна, однако и в других отношениях условия работы Неванлинны были довольно благоприятными. У Рольфа Неванлинны не было постоянной должности в университете, да и исследовательских стипендий в то время тоже еще не было. Двадцать часов в неделю он преподавал математику в лицее, а также работал математиком в страховом обществе «Салама». На этом фоне с трудом верится, что в период с 1922 по 1925 гг. он в быстром темпе готовит публикации, в которых шаг за шагом раскрывает тайны своей стройной и глубокой теории. Рольфу еще не исполнилось и тридцати лет, когда его теория приобрела законченный вид. В своих воспоминаниях Неванлинна отмечает, что школа и страховая компания отнимали большую часть его времени, но к счастью были вечера, выходные и отпуска. Предпосылкой создания теории стали колоссальная концентрация, почти полное отстранение от повседневности. Эти годы, когда исследовательская деятельность Неванлинны достигла своего апогея, как по качеству, так и по интенсивности, стали уникальным проявлением возможностей, основанных на энтузиазме и стимулируемых успехом.

Сжатое изложение своей теории Неванлинна представил в работе, вышедшей в 1925 г. в журнале «*Acta Mathematica*», отдельный оттиск которой хранится в музее Хельсинкского университета. В 1940-х гг. Германн Вейль написал, что теория Неванлинна является одним из

величайших достижений математики 20 в. Сейчас можно добавить, что, несмотря на бурный прогресс математики, теория Неванлинны по-прежнему сохраняет свое значение. Она дает новые темы для исследований, в том числе и за изначальными пределами классической теории функций.

В 1926 г. Неванлинна стал коллегой Линделёфа, заняв только что учрежденную вторую должность профессора математики. Причиной открытия новой кафедры стала не международная известность Неванлинны, а стремление укрепить позиции финского языка в Хельсинкском университете путем создания новых должностей. Вплоть до начала Зимней войны молодой профессор Неванлинна активно занимался как преподаванием, так и исследовательской работой. Особенно следует упомянуть Ларса Альфорса, первого докторанта Неванлинны, получившего в 1928 г. сенсационную известность в математическом мире. В Финляндии Неванлинна уже был к этому времени ученым, известным и за пределами своей отрасли знаний.

Во время Зимней войны Неванлинна был приглашен в баллистическое бюро для участия в уточнении боевых таблиц для артиллерии. Таблицы основывались на методике расчетов, разработанных генералом Вилхо Петтером Неноненом, однако теперь Неванлинна предложил новый метод, который заметно ускорял их составление. Признанием его вклада стало награждение Крестом Свободы второй степени. На протяжении всей своей жизни Неванлинна особенно дорожил этой наградой.

Во время «войны-продолжения» Рольф Неванлинна стал в подлинном смысле публичной фигурой. В 1941 г. в его жизни произошла серьезная перемена, не связанная, впрочем, с войной – он был избран на должность ректора Хельсинкского университета. Очевидным претендентом на этот пост был первый проректор Эдвин Линкомиес, однако, его позиции оказались подорванными вследствие «перетягивания каната» между представителями гуманитарных и естественных наук. Кроме того, у Линкомиеса, из-за его авторитарных наклонностей, были оппоненты среди профессуры. Несмотря на это, у Линкомиеса были настолько значительные заслуги, что противостоять ему мог лишь исключительно компетентный соперник. При голосовании за Неванлинну было подано 35 голосов, а за Линкомиеса – 29.

Исследования в области математики, определявшие прежде жизнь Неванлинны, теперь вынужденно отошли на многие годы на второй план. В чрезвычайных условиях военного времени Неванлинна оказывается в фокусе общественного внимания. В тот период прогерманская политика пользовалась общественной поддержкой. Неванлинна присоединился к этой линии по определению: с Германией его объединяло кровное родство. Во время межвоенного мира (между Зимней войной и «войной-продолжением») возникла мысль о вербовке добровольцев в вооруженные силы Германии. Однако

немцы настаивали на том, чтобы добровольцы направлялись не в *Вермахт*, а в войска СС. Правительство Финляндии отнеслось к этому положительно, но посчитало более предпочтительным, чтобы этим занимались в Финляндии частные лица, а не немецкие организации, как это было в других странах. В 1942 г. Неванлинна, по просьбе министра иностранных дел, согласился стать председателем добровольческого комитета СС, занимавшегося вербовкой финнов в войска СС. Эта деятельность Неванлинны подверглась особому осуждению по окончании войны.

В послевоенной Финляндии подули новые ветры, и на Рольфа Неванлинну начинает оказываться давление с тем, чтобы он подал в отставку с поста ректора университета. Поскольку в университетских кругах такие требования раздавались нечасто, он какое-то время не обращал на это внимания. Только когда премьер-министр Ю.К. Паасикиви, ссылаясь на национальные интересы, призвал его уйти с этой должности, Неванлинна согласился. На него не оказывалось давления, чтобы он отказался от профессуры, однако, Неванлинна считал, что вокруг него сложилась тяжелая атмосфера, и, как только представилась подходящая возможность, принял решение покинуть Финляндию. Он принял предложение из университета Цюриха: там образовалась вакансия после того, как ученик Неванлинны Ларс Альфорс переехал в США, став профессором Гарвардского университета.

Паасикиви, сменивший Густава Маннергейма на посту президента Финляндии, вскоре полностью компенсировал Неванлинне моральный ущерб. В 1948 г. была основана Финляндская Академия. Она состояла из десяти членов, назначаемых президентом и представляющих разные сферы науки и искусства. Неванлинна был назван в качестве одного из кандидатов, однако это вызвало серьезное противодействие, особенно со стороны левых. Назначению предшествовало обсуждение вопроса в Государственном совете, в ходе которого Паасикиви, председательствовавший на заседании, объяснил свою позицию по кандидатуре Неванлинны. Аргументы Паасикиви сводились к следующему: научные достижения Неванлинны абсолютно бесспорны; в соответствии с законом, политические аспекты не должны приниматься в расчет; деятельность Неванлинны в военное время соответствовала тогдашней официальной политике государства, которую поддерживали 99 процентов населения Финляндии; его нельзя обвинять в том, что он согласился на просьбу правительства.

Став членом Финляндской Академии, Неванлинна не оставил Цюрих, однако теперь на нем вновь лежала ответственность за развитие математической науки в Финляндии. После войны на протяжении долгих лет многие вновь защитившиеся доктора математики были его учениками. Преподавательская работа была неотъемлемой частью деятельности Неванлинны. Он был известен как лектор, умеющий увлечь аудиторию, показать ей красоту математики, научить видеть

целое за техническими деталями. Имея в виду семейные традиции, он говорил, что члены рода Неванлинна поражены манией преподавания.

В Цюрихе у Неванлинны была превосходная возможность наблюдать за развитием математики. Сам он занял самую высокую возможную позицию в своей профессии, став на четыре года (1959–1962) президентом всемирной математической организации – Международного математического союза (IMU). С этими обязанностями были связаны иные общественные функции Неванлинны: он был председателем Международного конгресса математиков в 1962 г. в Стокгольме, а на следующем конгрессе, проведенном в 1966 г. в Москве, был председателем комитета по подготовке научной программы. Особое признание пришло к Неванлинне уже после смерти. Начиная с 1982 г., Международный математический Союз (IMU) на конгрессах, проводимых раз в четыре года, присуждает премию, в каком-то смысле соответствующую Нобелевской, в области математических аспектов информационных технологий. Она получила название премии Рольфа Неванлинны. На это повлияло не только то, что он был первым председателем союза и что главным образом премия финансируется Хельсинкским университетом, но и то, что еще в начале 1950-х гг. Неванлинна был инициатором оснащения компьютерами университетов Финляндии.

Выйдя на пенсию в 1963 г. в Цюрихе, Неванлинна переехал в Финляндию. Он по-прежнему активно интересовался университетской политикой, а с 1965 по 1970 гг. был канцлером Туркуского университета. «*Пёрссиклуби*», один из частных клубов в Хельсинки, превратился в место, где по вечерам проходили неформальные встречи университетской публики. Порой в ходе дискуссий, затрагивавших академические проблемы, высказывались идеи, имевшие весомые последствия. Особый блеск этим вечерам придавало присутствие Рольфа Неванлинны или Эдвина Линкомиеса. После смерти последнего Неванлинна был бесспорным лидером этой группы.

В середине 1960-х гг. Рольф Неванлинна принял непосредственное участие в процессе принятия решений, определявших дальнейшее развитие университетов Финляндии. В декабре 1964 г. президент Урхо Кекконен сделал заявление, занесенное в протоколы Государственного Совета, в котором оценил деятельность Финляндской Академии как неудовлетворительную и предложил ее распустить. Неванлинна немедленно отреагировал на страницах газеты «*Хельсингин Саномат*», полагая, что президент нанес академикам тяжелое оскорбление. Кекконен ответил Неванлинне на удивление примирительно, заметив, что вовсе не собирался никого лично задеть, а лишь имел в виду реорганизацию, которая способствовала бы развитию научных исследований. Неванлинна был приглашен в президентскую резиденцию Тамминиеми, где имел возможность внести свои предложения по этому вопросу. В результате Кекконен и Неванлинна нашли общее

решение. Беседа, в ходе которой тема закрытия Академии вовсе не затрагивались, привела к принятию решения о создании так называемой рабочей группы при президенте. В скором времени рабочая группа подготовила заключение, на основе которого в 1966 г. был принят закон о развитии высших учебных заведений. Этот законодательный акт имел далеко идущие последствия: он способствовал существенному расширению университетской системы и улучшению условий для научных исследований.

Неванлинна не остался безучастным, когда на рубеже 1960–1970-х гг. в высших учебных заведениях Финляндии распространился радикализм. По его инициативе на совещание в Хельсинки были приглашены канцлеры или ректоры университетов. В результате этой встречи для защиты внутренней независимости университетов был создан совет ректоров высших учебных заведений Финляндии.

Можно было бы предположить, что человек вроде Рольфа Неванлинны, затрачивающий огромное количество интеллектуальной энергии на размышление над абстрактными математическими вопросами, должен был быть отрешенным от земной жизни. В какой-то степени это было правдой: когда на его дачу в Лохья приезжали гости, Неванлинна не обязательно выходил к ним, если не была закончена важная работа. Но истинная картина была иной: Неванлинна был общительным и активным в человеческих отношениях. В основе всего лежала его исключительно мощная сильная харизма. С годами его личность обрела такую силу, что он легко, без каких либо усилий, становился центром любого общества, в какой бы стране ни находился. Неванлинна был финским космополитом, с много-гранными и глубокими интересами в области культуры. Учитывая такой сложившийся образ «*гранд синьора*», тем более впечатляли его гостеприимство и готовность что-то посоветовать или помочь в частных ситуациях. Конечно, в своих публичных выступлениях Неванлинна мог быть критичным и даже бурным, если считал, что кто-то говорит ересь о науке или музыке.

Неванлинна охотно цитировал слова швейцарского историка и философа Жакоба Буркхарда о том, что у человека, помимо основной профессии, должен быть предмет интереса, который был бы чем-то большим, чем просто увлечение. Для Неванлинны это была музыка. Он играл на скрипке и особенно глубоко разбирался в творчестве Сибелиуса. В 1941–1945 и 1964–1972 гг. он избирался председателем правления Академии Сибелиуса, что свидетельствовало о том уважении, которым он пользовался в музыкальных кругах.

В международном сообществе математиков Рольф Неванлинна занял совершенно исключительное положение. На это повлияли многие факторы: репутация исследователя, складывавшаяся начиная с 1920-х гг., многие десятилетия активной работы, ответственные международные обязанности. Несомненно, сыграла роль и его личность. На Международном конгрессе математиков в 1974 г. в

Канаде один молодой американец воскликнул: «Рольф Неванлинна – наш король!».

– Олли Лехто

Приложение:

Рольф Герман Неовиус, с 1906 Неванлинна, род. 22.10.1895 Йоэнсуу, умер 28.5.1980 Хельсинки. Родители: Отто Неовиус, с 1906 Неванлинна, старший преподаватель, доктор философии, и Маргарете Ромберг. Первая жена: 1919–1958 (развод) Мери Элис Селин, род. 1895, умерла 1992, родители первой жены: Юхан Селин, лагман, и Элис Неовиус; вторая жена 1958–1980 Синикка Каллио-Висапая, род. 1917, родители второй жены: Кайку Каллио, губернский пробст, и Хильда Вейялайнен. Дети: Кай, род. 1920, умер 1950; Харри, род. 1922, умер 1994; Аарне, род. 1925; Сюльви (Аустерлиц), род. 1930, умерла 1981; Кристина (Хохти), род. 1946.

Вилхо Петтер Ненонен (1883–1960)

*генерал артиллерии,
министр обороны*

Инспектор артиллерии Вилхо Петтер Ненонен сыграл ведущую роль в деле формирования артиллерии в составе сил обороны независимой Финляндии и командовал ею в двух войнах. Он был специалистом во многих областях. Так, он стал в Финляндии первопроходцем в сфере топографической аэрофотосъемки.

Летом 1896 г. губернский ветеринар Петтер Ненонен отправил своего одиннадцатилетнего сына в кадетский корпус в Хамина (Фридрихсгам). Помимо военной подготовки, в кадетском корпусе велись обычные школьные дисциплины, так что кадеты получали неплохое базовое образование. Маленький Ненонен проявил особые способности к математике, и в 1901 г. его перевели в Санкт-Петербургское высшее артиллерийское училище. Артиллерия была родом войск, в котором особое значение имело знание математики. Ненонен-старший к тому времени уже умер, но сын доказал, что отец не зря возлагал на него свои надежды.

По окончании артиллерийского училища Вилхо Петтер Ненонен служил младшим лейтенантом в Каунасе. В 1905 г., во время русско-японской войны, его подразделение было направлено на Дальний Восток, однако вскоре был заключен мир, так что ему не удалось поучаствовать в боевых действиях. На следующий год Ненонен продолжил учебу, поступив в престижную Санкт-Петербургскую артиллерийскую академию. По окончании академии он возвращается во Владивосток, крупный укрепленный пункт на Дальнем Востоке, а в декабре 1910 г. переводится на центральный испытательный артиллерийский полигон в Санкт-Петербурге. Там проводились все пробные стрельбы царской артиллерии, так что Ненонен имел возможность основательно познакомиться с развитием технических данных различных видов орудий.

Затем на полтора года Ненонен снова возвращается служить во Владивосток. С началом первой мировой войны в августе 1914 г. его

перевели под Таллин, в форт Петра Великого. В системе обороны Финского залива это укрепление играло важную роль. До Таллина бои не дошли, но Ненонен с честью выполнял свои штабные обязанности и был произведен в подполковники. В феврале 1917 г. в России вспыхнула революция, и был свергнут император. Ненонен, недовольный недисциплинированностью таллинского гарнизона, подал прошение об отправке на передовую, и летом он был назначен командиром артиллерийского полка на северном фланге фронта.

В июле 1917 г. Ненонен участвовал в последнем и безнадежном наступлении русской армии. Основное направление наступления было на юге, а северный фронт оказывал поддержку. Первый боевой опыт не был для Ненонена удачным. Наступление закончилось провалом. В результате контрнаступления центральных держав южный фронт был прорван, и полк Ненонена был перебросен туда в качестве подкрепления. На юге Ненонен вскоре заболел желтой лихорадкой и был направлен в военный госпиталь в Санкт-Петербурге. Таким образом, его пребывание на фронте ограничилось несколькими месяцами.

Пойдя на поправку, Ненонен узнал, что интендантское управление ищет человека, знающего шведский язык, для работы представителем в нейтральной Норвегии. Ненонен подал прошение, его кандидатура была одобрена, и в ноябре 1917 г., совсем незадолго до новой революции, он отправился в Норвегию. Правда, там он вскоре оказался без работы: с приходом к власти большевиков бывшие царские офицеры оставались не у дел. Так что, когда 35-летний подполковник получил от своего старого друга приглашение незамедлительно прибыть в Финляндию, ему ничего не мешало в январе 1918 г. вернуться на родину, только что обретшую независимость.

Финляндия была на пороге гражданской войны и нуждалась в профессиональных офицерах. Прибыв 27 января 1918 г. в Оулу, Ненонен был немедленно назначен окружным командующим местного шюцкора, который готовился к столкновениям с городской красной гвардией и русским гарнизоном. Двумя днями позже поступил приказ прибыть в только что сформированный штаб правительственных войск в Сейняйоки. На Ненонена была возложена задача формирования артиллерии белых на основе конфискованного русского оружия и боеприпасов. Однако 3 февраля он все же успел принять участие в освобождении Оулу от красных. Во время этой операции под его командованием белыми была впервые применена артиллерия.

На этом активная боевая деятельность Ненонена закончилась. По прибытии в штаб верховного главнокомандующего генерала Густава Маннергейма он занимался разработкой принципов организации артиллерии, а затем отправился в Пиетарсаари для подготовки артиллеристов в недавно открытом там военном училище. Однако уже спустя несколько дней он возвращается в главную ставку и принимает на себя обязанности главного инспектора артиллерии. На его место

в Пиетарсаари прибыл шведский доброволец капитан граф Адольф Хамилтон. Хамилтон начал с того, что избавился от артиллерийских офицеров, прошедших подготовку в России, к которым в Похъянмаа относились очень враждебно, и заменил их главным образом добровольцами из Швеции. Наконец найдя себе место, Ненонен, произведенный в полковники, до конца гражданской войны выполнял непростую миссию по организации артиллерии. Он отвечал за размещение батарей, сформированных Хамилтоном, в частях белой армии, а также за их переброску на фронт. Высокопоставленный штабной офицер, он находился под покровительством Маннергейма, который сам сделал карьеру в России, и это защищало его от известной подозрительности по отношению к ветеранам императорской армии.

Ненонен не стал известен в широких кругах, несмотря на его вклад в дело формирования белой артиллерии, и после гражданской войны он почувствовал, что остается не у дел. Его должность сократили, когда Ненонен находился в месячном отпуске. Он был переведен в береговую артиллерию, не игравшую в то время большой роли. Теперь за организацию финской армии отвечали немцы, и они не нуждались в бывших российских офицерах. Положение изменилось с поражением немцев в конце первой мировой войны в ноябре 1918 г. Карьера Ненонена вновь пошла вверх. Должность инспектора артиллерии была восстановлена и предложена Ненонену. Получив отсрочку из-за своей преподавательской работы и личных дел, он приступил к выполнению обязанностей лишь 25 мая 1920 г. После этого он прослужил инспектором артиллерии почти двадцать лет, не считая краткосрочных перерывов.

Частые отпуска Ненонена в эти годы были связаны с судьбой сестер Скрябиных, женами русских офицеров, с которыми он подружился еще во Владивостоке. Война и революция оставили их без мужей, и сестры со своими дочерьями жили в довольно тяжелых условиях в западной части России. По-видимому, Ненонен, по крайней мере, дважды тайно ездил на их поиски в Россию, пребывавшую в состоянии хаоса. Весной 1921 г. он ездил по дипломатическому паспорту в Москву, чтобы вывезти их в Финляндию. Старшая из сестер к тому времени уже умерла. Чтобы вывезти из страны младшую, Пелагею, ее мать и дочерей обеих сестер из страны, он женился на Пеллаге. Позже в Финляндии он удочерил обеих дочерей.

После мировой войны Франция считалась ведущей военной державой, и Финляндия получала от нее помощь в деле организации сил обороны. Франция хотела создать мощный пояс вокруг России, где правили большевики. Французские военные специалисты участвовали в планировании обороны Финляндии, а в 1922 г. Ненонен отправился на длительную стажировку. Но ресурсов маленькой, пострадавшей от гражданской войны страны не хватало на нужды армии. Ненонен с огорчением видел, что развитию артиллерии не уделяется должного

внимания. Борьба за распределение ресурсов будет занимать важное место на протяжении всего периода его пребывания в должности инспектора.

Наряду с другими обязанностями Ненонен занимался также обучением офицеров-артиллеристов и несколько лет возглавлял артиллерийское училище. Преподавательская деятельность интересовала Ненонена, склонного к науке, и на основе его лекций был разработан первый устав полевой артиллерии. Интерес Ненонена к техническим характеристикам орудий также давал свои результаты. Уже в 1919 г. он создал новую систему управления огнем и разработал для нее так называемую «карту управления огнем», которая использовалась несколько десятилетий. Позже, в 1927–1929 гг., он участвовал в разработке фотоаппарата для аэрофотосъемки. Топографическая аэрофотосъемка относилась к сфере деятельности артиллерии вплоть до второй мировой войны, и Ненонен считается одним из ее ведущих первопроходцев в Финляндии.

Главной сферой деятельности Ненонена все же была артиллерия, время от времени он исполнял обязанности командующего вооруженными силами. Организационное строительство финской армии требовало больших усилий, и отлаживание ее деятельности продолжалось до 1928 г. Осенью 1923 г. Ненонен на какое-то время включился в процесс принятия политических решений, войдя в правительство меньшинства Кюёсти Каллио в качестве беспартийного министра обороны. По его инициативе президент учредил Военный Совет для рассмотрения вопросов обороны и организации вооруженных сил. Однако проблему снабжения артиллерии амуницией решить не удалось. Уже в следующем январе правительство ушло в отставку. Из-за своей неуступчивости и упорных попыток подчинить себе береговую артиллерию Ненонен нажил себе врагов. Отношение к бывшим российским офицерам по-прежнему оставалось негативным, и в феврале 1925 г. ему пришлось открыто выступить в их защиту.

Со временем недостатки устаревавшего русского вооружения полевой артиллерии становились все более очевидными, однако, считали, что для приобретения новых пушек нет средств. В апреле 1937 г. Ненонен, уставший от неопределенности круга своих полномочий, оставил пост инспектора артиллерии и перешел в министерство обороны на должность начальника комиссии по разработке вооружения. В его новые обязанности входили надзор за уровнем вооружения армии и приобретение нового оружия. Но на это оставалось мало времени, и к началу Зимней войны 30 ноября 1939 г. уровень оснащения артиллерии по-прежнему оставался недостаточным. Сразу после начала войны Ненонен вместе с горным советником Вильгельмом Вальфорсом отправился в США для приобретения армейского снаряжения, особенно пушек. Однако США оберегали свой нейтралитет, и результаты этой поездки не отвечали ожиданиям.

С трудом приобретенные пушки под руководством Ненонена были доставлены в Финляндию только после войны, летом 1940 г.

В декабре 1940 г. Ненонен был вновь назначен инспектором артиллерии, и в этой должности он прослужил всю «войну-продолжение». Находясь в непосредственном подчинении верховному главнокомандующему Маннергейму, он контролировал полевую, корабельную, береговую и противоздушную артиллерию, подготовку артиллеристов, а также отвечал за техническое обслуживание боевого снаряжения. Сфера его ответственности была столь обширна, что Ненонен постоянно перемещался между различными флангами фронта и штабом. Несмотря на то, что его деятельность по эффективному руководству артиллерией во время «войны-продолжения» не была особо заметна в самой Финляндии, его имя получило известность. Весной 1943 г. был основан Фонд полевой артиллерии Финляндии, на средства которого в хельсинкском районе Кулосаари был построен дом, чтобы 60-летний генерал мог там провести старость.

После окончания «войны-продолжения» Ненонен еще какое-то время отвечал за демобилизацию и реорганизацию артиллерии. Он также разработал еще один устав полевой артиллерии, третий по счету. На пенсию генерал Ненонен вышел в феврале 1947 г. Свои последние годы он провел в уединении в своем доме в Кулосаари. За научные заслуги Ненонен получил степень почетного доктора философии Хельсинкского университета. После смерти Ненонена его библиотека была подарена Центральной военной библиотеке. Фонд полевой артиллерии Финляндии поставил ему памятник на кладбище ХиетаниEMI в Хельсинки и выпустил к его 100-летию юбилейную памятную медаль.

– РИСТО МАРИОМАА

Приложение:

Вилхо Петтер Ненонен, род. 6.3.1883, Куопио, умер 17.2.1960, Хельсинки. Родители: Петтер Ненонен, губернский ветеринар, и Амалия Лампен. Жена: 1921–1945 Пелагея (Лина) Скрыбина, вдова офицера Перминова, род. 20.4.1895, умерла 25.2.1945, родители жены: Лев Скрыбин и Евгения Карпова. Приемные дети: Илья, род. 9.6.1912, умер 20.6.1971; Ирина, род. 19.7.1915, умерла 8.8.1934.

Адольф Эрик Норденшельд (1832–1901)

*путешественник-исследователь,
коллекционер,
писатель*

Адольф Эрик Норденшельд руководил несколькими арктическими экспедициями и первым прошел по Северному Морскому пути, от северного побережья Норвегии до Берингова пролива. Норденшельд – наиболее известный в мире ученый, родившийся в Финляндии. Собранная им коллекция карт и трудов по географии, которая хранится в библиотеке Хельсинкского университета, по оценкам ЮНЕСКО принадлежит к числу наиболее выдающихся собраний документов в мире.

Адольф Эрик Норденшельд стал всемирно известной и легендарной личностью после того, как в 1878–1879 гг. на корабле «*Vega*» прошел по северному пути из Европы в Азию, так называемому Северному Морскому пути. Уже до этого он был известен в мире как выдающийся исследователь Арктики, который руководил многими научными экспедициями, в частности на Шпицберген и Гренландию, и который пытался достичь Северного полюса. Норденшельд достиг выдающихся результатов в то время, когда во многих странах к изучению северных территорий проявлялся большой интерес. Большую часть своих исследований Норденшельд проводил в Швеции, хотя родился и получил образование в Финляндии, где и хранится собранная им обширная картографическая библиотека.

В Финляндии и Швеции Норденшельда уже при жизни почитали как национального героя и считали одним из выдающихся ученых обеих стран всех времен. Путешественники-исследователи следующего поколения, такие как Фритьёф Нансен, Свен Хедин и Густав Маннергейм, ставший позднее маршалом Финляндии, считали Норденшельда замечательным образцом для подражания и первопроходцем, и до сих пор он вызывает восхищение как смелый теоретик и опытный ученый.

Адольф Эрик Норденшельд родился в Хельсинки в 1832 г. третьим из семи детей в аристократической семье шведского происхождения.

Отец Нильс Густав Норденшельд был выдающимся ученым, которого называют отцом финской минералогии. Он был для сына самым главным учителем. С юного возраста Адольф Эрик следовал за отцом в его экспедициях по сбору минералов по всей Финляндии, и под руководством отца на удивление умело и быстро научился находить нужные образцы. Мать София Маргарета фон Гартман (Хаартман) была дочкой государственного советника Габриэля Эрика фон Гартмана и Фредерики Софии Фок, а ее брат действительный тайный советник Ларс Габриэль фон Гартман был вице-председателем хозяйственного департамента финляндского сената и получил титул барона. Свою практичность, пунктуальность и умение создавать и осуществлять проекты Адольф Эрик Норденшельд, вероятно, унаследовал от матери, которая во время постоянных поездок отца отвечала за воспитание детей и поощряла их серьезные увлечения. В родовой усадьбе Фругорд в Мянсяля хранились большие минералогические и естественнонаучные коллекции отца, а также тщательно оберегаемая библиотека. Когда Норденшельду было 13 лет, его вместе с братом отправили в гимназию Порвоо. Директором гимназии и учителем греческого языка был национальный поэт Й.Л. Рунеберг, в доме которого Норденшельд, будучи школьником, иногда проводил вечера.

Начав в 17 лет обучение в Хельсинкском университете, Норденшельд уже выбрал для себя научную карьеру и начал изучать математику, химию, минералогию и геологию. Его первая научная работа была посвящена моллюскам. Он написал несколько исследований, в том числе крупную обобщающую работу на шведском языке «*Описание минералов, встречающихся в Финляндии*», опубликованную в 1855 г. Он приучился писать лаконичным, но богатым содержанием и точным в деталях научным стилем. Все выглядело многообещающим, Норденшельд получил докторскую степень и, скорее всего, получил бы профессию в университете, если бы не вступил в конфликт с русскими властями в Финляндии.

Одновременно с промоцией 1857 г. праздновалось 700-летие крестового похода, совершенного в Финляндию Эриком Святым, и в торжествах принимали участие представители Лундского и Упсальского университетов. На промоции Норденшельд, имевший на церемонии статус *примус-магистра* и *ультимус-доктора*, держал речь, в которой, обращаясь к общей истории Швеции и Финляндии, выразил надежду на укрепление связей между двумя странами, и одновременно с этим высказал сомнения относительно будущих возможностей Финляндии под властью России. Многие из присутствовавших не разделяли это мнение. Генерал-губернатор граф Фридрих Вильгельм Ремберт Берг потребовал от Норденшельда извинений. Норденшельд выбрал другой путь и уехал в Швецию. В его цели, по всей видимости, не входило возглавить национальную оппозицию, он желал продолжить уже начатую научную карьеру. В этом ему способствовали контакты

с ведущими исследователями и научными кругами мира, установленные его отцом. Норденшельд на какое-то время потерял возможность получить должность. Правда, позднее ему предложили профессию в Хельсинки, однако в то время он уже более не хотел отказываться от своей успешной карьеры в Швеции.

Летом и зимой 1857 г. Норденшельд находился в Швеции и опубликовал несколько научных работ, основанных на результатах химических анализов, проведенных в Каролинском институте, и минералогических исследований в Музее естествознания. В лице директора минералогического отдела Музея профессора Карла Густава Мосандера и пионера в области полярных исследований в Швеции профессора Свена Ловена он приобрел покровителей и учителей. Получив от Ловена рекомендацию, Норденшельд в 1858 г. попал в экспедицию Отто Тореля, направившуюся во фьорды западного побережья Шпицбергена, в ходе которой проводились исследования в области зоологии, ботаники и геологии. Собранные Норденшельдом в Белсунде окаменелые остатки растений третичного периода положили начало масштабным коллекциям, постепенно собираемым шведскими исследователями-путешественниками. Во время второй экспедиции Тореля на Шпицберген Норденшельд отвечал за геологические исследования и за определение географических координат. Торель и Норденшельд составили карты северо-восточной части острова и пролива Хинлуп.

Норденшельд быстро нашел свое место в научном мире Стокгольма. В январе 1861 г. он был избран членом Королевской академии наук, а уже после первой экспедиции Тореля получил должность заведующего минералогическим отделом Национального Музея естествознания, что позволило ему продолжать участвовать в шведских полярных экспедициях. Норденшельду было 26 лет, когда он стал заведующим отделом и получил должность профессора, которую занимал 43 года вплоть до своей смерти. В первые годы пребывания в Национальном музее он совершал экспедиции по сбору материала в разные районы Скандинавии, часто вместе с отцом, и собрал самую большую в мире коллекцию скандинавских минералов. Минералогическая и геологическая коллекция северных территорий при жизни Норденшельда была самой исчерпывающей в мире. Экспедиции Норденшельда по полярным районам помогали в его работе в минералогическом отделе музея, коллекции которого постоянно пополнялись. Норденшельд собрал для музея также коллекцию метеоритов, и в своих более поздних исследованиях по минералогии пытался объяснить происхождение так называемых огненных шаров (болидов) и космической пыли. Он сотрудничал с известнейшими учеными мира, в частности с палеоботаником Освальдом Геером, который изучал собранные Норденшельдом окаменелости растений и опубликовал результаты своих исследований в серии работ «*Flora fossilis arctica*» (1868–1883).

Крепкие семейные и дружеские отношения связывали Норденшельда с его родной Финляндией, куда он смог вновь приехать после смены генерал-губернатора в начале 1860-х гг. В Финляндии Норденшельд познакомился с баронессой Анной Маннергейм, с которой заключил брак 1 июля 1863 г. в родовой усадьбе Маннергеймов Виллянен (Лоухисаари). Анна Норденшельд была дочерью президента надворного суда Выборга графа Карла Густава Маннергейма; будущий маршал Финляндии Густав Маннергейм приходился ему племянником. Анне Норденшельд вскоре пришлось привыкнуть к волнениям, связанным с полными опасностями полярными экспедициями. Трое детей из пяти родились во время пребывания отца в экспедициях. Старший сын Густав Эрик Адольф участвовал в путешествии на Шпицберген и в Северную Америку и публиковал исследования по минералогии, однако умер довольно рано (1895). Младший сын Нильс Эрланд Херберт принимал участие во многих экспедициях, в частности в Патагонию, Аргентину, Боливию, Перу и Бразилию и был профессором этнографии. Семья Адольфа Эрика Норденшельда жила в Стокгольме сначала в квартире Академии наук на улице Дроттнинггатан, а позднее на Тредгордсгатан. Семья также много времени проводила в собственном имении Дальбю, расположенном к югу от Стокгольма. Брак был счастливым, и, находясь в разлуке, супруги вели бурную переписку, в частности, о выращивании яблонь Анной Норденшельд.

В 1864 г. Норденшельд отправился в третью экспедицию, первую под его руководством. Целью был Шпицберген, где была продолжена начатая во время экспедиции 1861 г. работа по составлению карт южной части архипелага и сбору образцов растений и животных. Одновременно с этим проводилась подготовка по составлению градусной сетки южной части, как это было сделано в 1861 г. в северной части архипелага. Определение координат и картография всегда входили в программу экспедиций под руководством Норденшельда. В результате были подготовлены карты обширных территорий, прежде весьма плохо, или же совершенно не картографированных. Норденшельд издал как топографические, так и геологические карты Шпицбергена. Градусные измерения, так же как астрономические измерения и наблюдения издавались в виде подробных таблиц. Экспедиция 1864 г. прошла удачно, но Норденшельду все же пришлось столкнуться со сложными природными условиями Северного Ледовитого океана, когда участникам пришлось преодолевать дрейфующие льды. Первый отчет Норденшельда об экспедиции появился под названием «*Шведская экспедиция на Шпицберген в 1864 г.*». После этой экспедиции шведские исследователи Арктики вступили в новую эру пароходов.

Уже после второй экспедиции на Шпицберген Норденшельд стал разрабатывать теории о морских течениях и их влиянии на дрейфующие

льды. Он предположил, что летнее перемещение ледяной массы с севера на юг в течении между Гренландией и Шпицбергенем должно поздней осенью освободить ото льда самую северную часть моря. В научных дискуссиях в это время выдвигалось много противоположных теорий: по мнению одних, море на Северном полюсе свободно ото льдов, а по мнению других, полюс остается покрытым льдами. Полюс находился в 100 морских милях от северной точки Шпицбергена, и научный мир предполагал, что его можно достичь. Чтобы определить верность этих теорий, Норденшельд хотел проверить, насколько далеко можно продвинуться на север на корабле.

Норденшельд был не единственным в своем желании достичь Северного полюса. Особенно большой интерес вызвали экспедиции, связанные с человеческими жертвами и повышенной опасностью. Планируя собственные экспедиции, Норденшельд не стремился превзойти остальных в продвижении на максимально высокие широты, его целью были географические, естественнонаучные, археологические и этнографические исследования. Скрупулезной подготовкой и научным фундаментом своих экспедиций Норденшельд способствовал становлению полярных исследований как самостоятельного научного направления, преследующего как географические, так и естественнонаучные цели. Он создал традицию тщательно планировать экспедиции до мельчайших деталей, начиная с оснащения корабля и заканчивая отбором участников. Другой чертой его экспедиций была тщательная обработка результатов. Широта его научных трудов впечатляет. Он был членом или почетным членом научных обществ многих стран. Во время путешествий помимо естественнонаучного материала он собирал и этнографические коллекции. Возвращаясь из плавания по Северному Морскому пути, он заинтересовался культурой Японии и во время пребывания там собирал коллекцию образцов древней японской литературы.

Для финансирования своих научных экспедиций Норденшельд использовал современные способы. Шведский парламент одновременно выделил средства только на экспедицию 1864 г., так что для нового путешествия нужно было искать частные источники финансирования. Знакомые Норденшельда, особенно губернатор губернии Гетеборг и Бохус граф Альберт Эренсверд, обратились к помощи крупных бизнесменов. Когда для большей части расходов было найдено частное финансирование, государственные чиновники тоже проявили заинтересованность в экспедиции Норденшельда. Наиболее преданным из спонсоров был Оскар Диксон, на пожертвования которого Норденшельд раз за разом мог осуществлять свои планы. Экспедиции по Северному Морскому пути поддерживал также русский торговец Александр Сибиряков и король Швеции Оскар II. Для Швеции путешествия на Северный полюс были предметом национальной гордости. Особенно значимой в этом отношении

считалась экспедиция на норвежский Шпицберген, который в период унии Норвегии и Швеции (1814–1905) был частью объединенного государства. О сильных позициях Швеции на севере говорят многочисленные топонимы на Шпицбергене, связанные со шведским королевским домом, например, Земля короля Густава Адольфа и остров Виктория.

Когда в 1868 г. были получены деньги для новой экспедиции, Норденшельд отправился изучать влияние морских течений на дрейфующие льды в северной части Шпицбергена. Новый этап исследований начался с попытки достичь Северного полюса. Путешествие на пароходе «*София*» началось 7 июля 1868 г. и проходило через остров Медвежий к Шпицбергену, где исследовались северные части Исфьорда, ранее не картографированные второстепенные боковые фьорды. Экспедиция собирала окаменелые растения на Кингсби и исследовала северо-западный район Шпицбергена. В северных и западных водах Шпицбергена были изучены границы и состояние паковых льдов. Во время одной из северных экспедиций во время шторма глыба льда проломила корпус корабля. Капитану корабля барону Ф.М. фон Оттеру, тем не менее, удалось привести судно в порт, при этом во время перехода члены команды и ученые одиннадцать часов без перерыва и без еды стояли в воде, откачивая ее.

Экспедиция 1868 г. достигла 81°42' северной широты. Обнаружилось, что полярные льды простираются значительно южнее, чем предполагалось, так что мысль о чистой воде на Северном полюсе была окончательно отвергнута. Норденшельд убедился в том, что на Северный полюс невозможно попасть на корабле. Коллекции Национального музея пополнились новыми экспонатами, которые были собраны на обратном пути. По окончании экспедиции Британское Королевское географическое общество вручило Норденшельду свою главную награду – Медаль первооткрывателей.

Норденшельд хотел найти практическое применение своим открытиям. Запасы фосфатов на Шпицбергене были, однако, слишком малы, и созданная для их разработки компания вскоре прекратила существование как нерентабельная. Норденшельд потерпел неудачу и в других своих проектах по горным разработкам, которые он предпринимал не только в заполярье, но и в Финляндии.

Теперь было решено попытаться достичь Северного полюса посредством ледового похода. Чтобы набраться опыта для этой экспедиции, Норденшельд в 1870 г. отправился в Гренландию, имея целью пересечь льды острова от одного берега до другого. Специалисты по Гренландии считали этот план неосуществимым. К тому времени еще не было надежных доказательств того, что Гренландия покрыта вечными льдами, и Норденшельд, обычно готовый прислушиваться к различным самым смелым гипотезам, принадлежал к тем, кто считали возможным, что внутренние части острова могут быть покрыты

лесами. Норденшельду удалось продвинуться на 56 километров от Годтоба вглубь острова по леднику, покрытому глубокими трещинами. В ходе экспедиции проводились естественнонаучные наблюдения, а на острове Диско и мысе Нагусуа были собраны окаменелости растений. Особенно Норденшельда интересовали выходы базальтов, и он высказывал предположение об их метеоритном происхождении. Тринадцать лет спустя Норденшельд еще раз попытался преодолеть ледники Гренландии. Но и на этот раз ему не удалось обнаружить признаки лесов, и он был вынужден прервать путешествие, которое удалось совершить пятнадцать лет спустя Фритъёфу Нансену.

Осенью 1872 г. Норденшельд начал путешествие на санях к Северному полюсу. Зимний лагерь был разбит на Моселби на Шпицбергене. Первая сложность возникла, когда олени, которых было решено использовать в качестве тягловой силы вместо собак, сбежали из лагеря. Из-за того, что два корабля, везших все необходимое, застряли во льдах, пришлось сократить продовольственный паек, и многие участники экспедиции заболели цингой. Положение, правда, облегчило дополнительное продовольствие, доставленное в зимний лагерь Норденшельда с корабля англичанина Лея Смита. Однако шанс достичь Северный полюс был упущен. Когда в марте 1873 г. часть участников экспедиции попыталась на санях двинуться дальше по льду, один из путешественников отстал и погиб во время снежной бури, после чего предприятие пришлось прервать.

Экспедиция обустроила три наблюдательных станции, на которых велись наблюдения в области метеорологии, астрономии, магнетизма и атмосферного электричества. Под руководством Норденшельда делались попытки определить, насколько далеко на восток простирается северо-восточная часть архипелага, велось изучение геологии территории и свойств ледника, а также проводилось картографирование береговой линии и островов. На северном берегу и в море проводилось глубокое шурфование и зондирование. В результате экспедиции вновь удалось привезти домой большое количество образцов растений и животных. Цель, тем не менее, не была достигнута. Норденшельд обратил свой интерес на другой арктический проект, а попытки покорения Северного полюса еще долго продолжались другими учеными.

Норденшельд по-прежнему продолжал работать над теорией морских течений и заинтересовался большими реками Сибири, текущими на север. Норденшельд начал выяснять возможности судоходства между Северной Скандинавией и устьями рек Енисей и Обь. Он также стремился расширить шведские арктические исследования до Новой Земли и прилегающей к ней акватории. Норвежские охотники, с которыми встречался Норденшельд, совершали поездки далеко на восток от Новой Земли, что давало основание думать, что состояние ледяного покрова, по всей видимости, не мешало, как предполагалось

ранее, выходу из больших рек в Атлантику. Теперь Норденшельд занялся изучением трудов по географии и карт северного побережья России. Первые исследователи северных территорий искали торговые пути из Европы на Дальний Восток, и Норденшельда интересовали полученные ими сведения, в том числе материалы экспедиции голландца Виллема Баренца, пытавшегося в 16 в. преодолеть Северный Морской путь. В 1840-е гг. считалось очевидным, что северо-восточный морской путь не может быть пригоден для нужд торгового мореплавания. Тем не менее, было предпринято несколько попыток пройти по нему.

По мнению Норденшельда, то, что не удавалось сделать на небольших суденышках, можно было совершить на мощных паровых судах. В 1875 г. Норденшельд открыл путь из Норвегии в Енисей, используемый до сих пор. В следующем году во время новой экспедиции он заинтересовался теплыми течениями в районе устьев Енисея и Оби. Они делали возможным плавание по Карскому морю вдоль северного побережья Сибири. Норденшельд предположил, что на паровом судне можно по свободным ото льда береговым водам в течение одного лета достичь Берингова пролива, и хотел стать первым мореплавателем, сделавшим это. В ходе подготовки учитывалась вся доступная информация о побережье Северного Ледовитого океана, ледовой обстановке, морских течениях, пригодности к мореходству и погодных условиях. Не было достоверных сведений об отрезке пути от устья Енисея к мысу Челюскина, и Норденшельд приготовился к вероятности зимовки. Однако он предполагал, что вода будет свободна ото льда вплоть до конца августа и начала сентября, и что хорошо оснащенное паровое судно без труда достигнет мыса Челюскина и далее Берингова пролива.

Норденшельд хотел не просто пройти этот путь, а исследовать неизвестные до того огромные морские акватории, используя все доступные технические средства. Его интересовали водоросли, останки мамонтов, геология, палеонтология, а также метеорология региона и ее влияние на температуру, атмосферное давление и направление ветров всего мира. В программу экспедиции входили также исследования магнетизма, северного сияния, проблем, связанных с зоологией, ботаникой, этнографией и гидрологией.

В конце июля 1878 г. Норденшельд из Тромсё начал свое путешествие на пароходе «*Вега*» в сопровождении нескольких вспомогательных судов. «*Вега*», водоизмещением в 300 тонн, помимо парового двигателя была оснащена парусами и загружена припасами на два года. Капитаном «*Веги*» был лейтенант шведского флота Луис Паландер, который и раньше сопровождал Норденшельда в его экспедициях. Команда состояла из 21 члена и многочисленных ученых и офицеров, которые имели собственные исследовательские задачи. Экспедиция проходила согласно программе исследований, в частности собирался

этнографический материал в поселениях по берегу Чукотского моря. Во второй половине сентября прибрежный фарватер начал заполняться дрейфующими льдами, и у «*Веги*» возникли большие трудности в продвижении по малой воде вдоль самого берега. 28 сентября в заливе Колючин, в двух сутках пути от Берингова пролива, «*Вега*» оказалась затертой во льдах, при глубине всего 9,5 метров, в неполных 12 километрах от берега. Норденшельд потерял слишком много времени на начальном этапе пути, предполагая, что море останется открытым дольше. Зимовка продлилась 10 месяцев, во время которых «*Вега*» была открыта всем ветрам и могла в любой момент быть раздавлена льдами. На этот раз состояние членов экспедиции оставалось хорошим, и можно было вести научные исследования.

Норденшельду удалось доказать, что при удачном стечении обстоятельств и на хорошем корабле для преодоления Северного Морского пути требуется около двух месяцев. Переменчивые погодные условия, однако, делали его одним из самых трудных маршрутов в мире, и он на рубеже 19–20 вв. по-прежнему оставался непригодным для коммерческого судоходства. Судоходство по Северному Морскому пути началось лишь в середине 20 в., когда были построены ледоколы, новые порты и метеорологические станции и, прежде всего, после улучшения средств связи. Научное значение Северного Морского пути было признано сразу. Собранная коллекция доисторических растений положила начало первым дискуссиям об изменениях глобального климата, происходивших десятки тысяч лет назад.

Драматизм этой экспедиции придавало то, что мир не мог получить сведений о судьбе «*Веги*» ни по телеграфу, ни по телефону, и путешественников нельзя было обнаружить с воздуха. Пресса с самого начала уделяла внимание экспедиции по Северному Морскому пути. Возвращавшегося домой в Европу вокруг Азии Норденшельда приветствовали во всех промежуточных портах, и он был избран почетным членом многих научных обществ. В Швеции и Финляндии его считали национальным героем и одним из самых великих ученых. В Швеции ему был присвоен титул барона, а в Финляндии он был награжден большой золотой медалью Финляндского экономического общества и удостоен других знаков внимания. Ц. Топелиус и Карл Снуилский написали в его честь стихотворения.

Плавание вокруг северных континентов Старого света сравнивалось по своему значению с кругосветным арктическим путешествием Джеймса Кука. После экспедиции по Северному Морскому пути Норденшельд, считавшийся лучшим знатоком Арктики, вдохновил своим примером и других путешественников, в частности Фритъёфа Нансена, и надеялся, что тот доведет до конца незавершенную им попытку пересечь ледники Гренландии. Ранее публиковавший лишь научные труды, Норденшельд теперь загорелся идеей написать популярную книгу о плавании на «*Веге*». Книга пользовалась успехом, что,

наряду с многочисленными газетными статьями и знаками внимания, оказываемыми во время возвращения из экспедиции, сделали Норденшельда всемирно известным. Позднее полярная экспедиция рассматривалась и в ином, несколько критическом свете – она считалась одной из попыток поиска скандинавской индентичности. Норденшельд был самым знаменитым из героев-полярников своего времени, которых называли новыми викингами Скандинавии, а картина Георга фон Розена, на которой Норденшельд стоит посреди северных просторов (1886), как полагают, была преднамеренно написана в манере героического портрета.

Смелый путешественник был также и смелым ученым. Норденшельд высказывал гипотезы, противоречившие общепринятым теориям, и многие из них подтвердились. Он был одним из первых, кто выдвинул идею создания национальных парков для сохранения естественной природы на территориях, вызывающих особый интерес. Завершив свои экспедиции, Норденшельд серьезно занялся сбором и изучением древних географических произведений и карт, делом, которое он начал еще во время подготовки к путешествию по Северному Морскому пути. Широкую известность получила книга Норденшельда по истории картографии, содержащая факсимильное воспроизведение карт, напечатанных до 17 в. В 1893 г. за заслуги в области естествознания, полярных исследований и истории Норденшельд был избран членом Шведской академии.

Параллельно с исследовательской работой Норденшельд собрал множество великолепных коллекций в области естествознания, этнографии, японской литературы, географии и картографии. Самой важной считается его библиотека, насчитывающая 24 тысячи карт, в которой центральное место занимают старые европейские карты, выпущенные начиная с 15 в. Среди атласов особенно хорошо представлены карты, составленные на основе трудов античного картографа Клавдия Птолемея, найденные вновь в средние века. Во времена Норденшельда его картографическая коллекция сравнивалась с собраниями карт крупнейших национальных библиотек. После смерти Норденшельда (1901) его душеприказчики продали коллекцию Императорскому Александровскому университету. Хельсинкский университет оказался единственным из всех возможных покупателей, оказавшимся готовым исполнить волю Норденшельда и сохранить коллекцию в целостности. Средства на покупку выделил император Николай II. Был издан пятитомный каталог карт коллекции Норденшельда, включая редкий справочник исторических топонимов. Коллекция Норденшельда включена в программу ЮНЕСКО *«Память мира»* как уникальное сокровище культуры.

Приложение:

Нильс Адольф Эрик Норденшельд, род. 18.11.1832 Хельсинки, умер 12.8.1901 Дальбю, Швеция. Родители: Нильс Густав Норденшельд и Маргарета София фон Гартман. Жена: 1863–1901 Анна Мария Маннергейм, баронесса, род. 18.6.1840, умерла 1.5.1924, родители жены: Карл Густав Маннергейм, президент Выборгского надворного суда, граф, и Ева Вильгельмина фон Шанц. Дети: Ева Мария, род. 1864, умерла 1886; Густав Эрик Адольф, род. 1868, умер 1895, кандидат философии; Анна София, род. 1871, умерла 1941; мальчик, умер в младенчестве 1874; Нильс Эрланд Херберт, род. 1877, умер 5.7.1932, профессор всеобщей и сравнительной этнографии.

Сантери Нуортева (1881–1929)

журналист,

депутат,

руководитель Советской Карелии

Неспокойные первые десятилетия 20 в. вывели на авансцену людей, проявивших себя в политике и культуре и боровшихся за свои идеалы. Обстоятельства бросали их из одного места в другое – они пытались внести свой вклад в великие перемены. По примеру Сантери Нуортева многие другие выходцы из буржуазной среды встали на сторону борющихся за радикальные перемены. Нуортева начал свою деятельность в Финляндии как противник российской власти, затем, после событий переломного периода, переехал в Северную Америку и закончил карьеру «президентом» Советской Карелии.

Сантери Нуортева родился в 1881 г. в Выборге в семье телеграфиста Класа Фридрика Ньюберга и дочери российского полицейского еврейского происхождения Анны Александровны Сахаровой. Из рода Ньюбергов из Западной Уусимаа в течение нескольких веков выходили многие выдающиеся деятели культуры, представители власти и военные. Сантери Нуортева стал одной из знаменитых личностей своего рода, хотя скорее в качестве «черной овцы», благодаря своему радикализму.

Очевидно, из-за финансовых трудностей в семье Сантери Нуортева пришлось оставить учебу в школе. Он ушел из лицея совместного обучения осенью 1898 г. и следующие несколько лет выполнял всевозможные поручения в качестве продавца, пока не отправился в море. О последующем этапе его жизни имеются весьма скудные и противоречивые сведения. Вероятно, он служил продавцом в Германии в Берлине и Гамбурге, пока вновь не отправился в море и не вернулся в Финляндию в 1902 г., обосновавшись на Репосаари на побережье Пори. В декабре 1903 г. он частным образом сдал экзамен на аттестат зрелости в лицее Порвоо (при благосклонном участии семьи) и какое-то время числился в Александровском университете. Однако он, по всей видимости, не сдавал никакого экзамена на академическую степень, хотя его обычно называли магистром.

В августе 1905 г. Нуортева женился на учительнице Ирене Софии Густавсон, с которой познакомился на Репосаари. Супруги переехали в приход Таммела в Форсса, где Нуортева еще с осени 1904 г. был учителем средней школы. Нуортева заинтересовался народным просвещением, расширением демократии и в особенности деятельностью молодежных обществ. Приблизительно в начале 1905 г. он основал первую в этой местности газету «*Форссан Саномат*».

Нуортева активно критиковал российские власти и одновременно все больше увлекался социалистическими учениями. Его сильно вдохновила всеобщая забастовка осени 1905 г. и те возможности, которые она открывала. По всей видимости, этот переломный период имел решающее значение для развития идей Нуортева. Под его влиянием «*Форссан Саномат*» постепенно стала социалистической, что, в конце концов, привело к закрытию газеты и к появлению новой «*Юхденвертайсуус*» («*Равенство*») в октябре 1906 г. Активность Нуортева росла, он получал различные поручения в рабочем движении и участвовал в съезде Социал-демократической партии Финляндии в Оулу. На первых выборах в однопалатный парламент он набрал абсолютное большинство голосов в своем избирательном округе и стал депутатом. Он принимал участие в кампании феннофильства, следствием чего стала смена имени и фамилии – Александр Ньюберг на Сантери Нуортева. Жена Ирене изменила имя на Ирки Нуортева. Отец Клас Фридрик Ньюберг активно сопротивлялся этой смене имени.

Депутатство Нуортева продолжалось до апреля 1908 г., когда парламент был распущен. Во втором парламенте, который был распущен в начале 1909 г., Нуортева не участвовал. Переехав в Турку и став редактором «*Сосиалисти*» («*Социалист*»), Нуортева принял участие в выборах в третий парламент как кандидат от социал-демократов от южного избирательного округа Турку. Этот парламент был распущен осенью 1909 г. Финляндии переживала сложные времена, испытывая давление со стороны России. Как и у многих представителей прессы, у Нуортева появились сложности в отношениях с представителями власти. За некоторые газетные статьи, оскорблявшие Его Величество, он был осужден на шесть месяцев тюрьмы, которые провел в Какола в Турку с весны до осени 1909 г., то есть именно в то время, когда был депутатом.

Будучи редактором «*Кансан Лехти*» («*Народная газета*»), Нуортева участвовал в работе местных социалистов, но проблемы с законом продолжались, и ему вскоре вновь грозило тюремное заключение. Нуортева не стал этого дожидаться, и в декабре 1911 г. отправился вместе со своей гражданской женой Санни Туомисто и маленьким сыном, родившимся в Тампере, через Германию в Соединенные Штаты. Он действовал так же, как многие другие переселенцы в Америку. В их числе были многие журналисты и активные политики, которые в Финляндии испытывали притеснения. Первым рабочим местом Нуортева стала редакция «*Товери*» («*Товарищ*»), находившаяся в далеком

рыбацком городке Астория на западном побережье в штате Орегон. В следующем году он переехал на восточное побережье США. Многие годы Нуортева работал в Финской Социалистической Организации в Соединенных Штатах, был редактором газеты «*Райваайя*» («*Пахарь*») и периодического издания «*Сякения*» («*Искры*») в Фицбурге.

В Соединенных Штатах Нуортева стал также известен как талантливый оратор. Он активно участвовал в мероприятиях, проводимых как американцами, так и американскими финнами. Общегосударственной известности он достиг в 1918 г., с началом гражданской войны в Финляндии. В феврале 1918 г. он стал представлять интересы и защищать революционную «Красную Финляндию», а вскоре и Советскую Россию. В Нью-Йорке он создал представительство «Красной Финляндии», которое постепенно превратилось в представительство Советской России, после того как белые одержали победу в гражданской войне в Финляндии. Количество публичных выступлений «красного дипломата» росло, и вместе с ними осложнялись отношения с властями. В рапортах тайной полиции Соединенных Штатов Нуортева называли человеком, который принес в Соединенные Штаты коммунизм и пытался добиться революции. Хотя так далеко, возможно, его деятельность и не зашла, он стал известным поборником большевиков. В своем мировоззрении Нуортева сместился с позиций тогдашнего финляндского ревизионизма влево, в лагерь коммунистов. К этому его привел, прежде всего, энтузиазм, вызванный свержением самодержавия в России, воодушевление октябрьской революцией 1917 г. и, вероятно, также результат гражданской войны в Финляндии.

Находясь под угрозой высылки, Нуортева в июне 1920 г. вместе с женой и тремя детьми переехал через Канаду в Англию, где намеревался заняться дипломатическими и торговыми вопросами, связанными с Советской Карелией. Власти узнали о его приезде, и он был практически сразу же арестован. Последовала высылка из страны, но выехал он лишь в конце июля, когда на английском фрегате был доставлен в Таллин. Оттуда он отправился в Москву. Семья последовала за ним позднее.

В Советской России для Нуортева открывалось много возможностей. Он имел опыт в журналистике и политике, хорошо владел русским и многими другими языками, был известен благодаря тому, что представлял Советскую Россию и «Красную Финляндию» в Соединенных Штатах. Он сохранил связи с бежавшими в Россию представителями финского революционного правительства. Теперь Восточная Карелия развивалась под руководством Эдварда Гюллинга и некоторых других бывших руководителей революции Финляндии, и там не хватало образованных и способных людей.

Вскоре после прибытия в Советскую Россию Нуортева был арестован, причина чего так и осталась неясной. Возможно, его идейные противники из Соединенных Штатов сообщили о его финансовых злоупотреблениях. Дело, однако, уладилось спустя несколько месяцев.

В Москве Нуортева начал работать начальником отдела в наркомате иностранных дел, а затем стал журналистом в Советской Карелии. В 1922–1923 гг. он работал комиссаром народного просвещения в Советской Карелии. Затем вновь на очереди было назначение в дипломатическое ведомство сначала в Москву, а затем на короткое время в Стокгольм, после чего осенью 1924 г. он был вновь направлен в Советскую Карелию. В 1924–1927 гг. он стал председателем Исполнительного комитета, то есть, иными словами «президентом» Советской Карелии. На своем высоком посту он выступал за экономическое и культурное развитие республики. В весьма щекотливом языковом вопросе он стремился сохранить равноправие русского и финского языков.

Сантери Нуортева можно охарактеризовать как интернационалиста, который чувствовал себя как дома во многих странах и в разных культурных кругах. По воспоминаниям современников, он был непосредственным, легко увлекающимся, темпераментным человеком, который легко овладевал умами слушателей. Знание нескольких языков, открытость и хорошее для своего времени общее образование помогали ему приспособиться к новым условиям. Нуортева владел искусством слова и как оратор и как журналист. Он успел заявить о себе как автор очерков и составитель англо-финского словаря. Его жизнь была беспокойной и носила обрывочный характер. Политические волнения и меняющаяся обстановка отнимали много сил. Нуортева умер в ленинградской больнице от заболевания сосудов в возрасте 47 лет.

Хотя Нуортева умер еще до начала массовых сталинских преследований, в Советской Карелии они коснулись и его. Сначала он был похоронен в братской могиле в Петрозаводске. Позднее его заклеямили как финского националиста, и вычеркнули из списка погибших героев. Предприятия и улицы, которые успели назвать его именем, были переименованы. Когда позднее наследие сталинского периода было пересмотрено, жертвы преследований были реабилитированы. Это коснулось и Сантери Нуортева. С 1970-х гг. его стали признавать как одну из выдающихся фигур Советской Карелии.

Внутренняя и внешняя политика СССР определила дальнейшую судьбу семьи Нуортева. Его жена Санни Туомисто вынуждена была уехать из Советской Карелии в годы преследований. Предполагается, что она умерла в Алма-Ате после Второй мировой войны. Сыновья Матти и Пентти участвовали в войне против Финляндии. Финские солдаты схватили их поблизости от Петрозаводска. После короткого разбирательства полевой суд Группы Ойнонен приговорил их к смерти, и приговор был приведен в исполнение в апреле 1942 г. Родившаяся в Соединенных Штатах дочь Кертту получила партийное образование в Ленинграде и была заброшена в Финляндию во время Войны-продолжения. Она стала знаменитой подпольщицей «Ирьей Ниemi», которая, в частности, пыталась наладить сотрудничество с Хеллой

Вуолийоки. Не вполне ясным остается то, был ли ее настоящим заданием шпионаж или же продвижение мирных инициатив. Ее схватили после нескольких месяцев пребывания в Финляндии. После долгих допросов она была приговорена к смерти. Приговор не успели привести в исполнение, ее передали Советскому Союзу после заключения перемирия осенью 1944 г. Кертту Нуортева была сослана в Казахстан, в район Караганды, где умерла в 1963 г.

– Ауво Костиаинен

Приложение:

Александр Ньюберг, с 1906 Сантери Нуортева, род. 29.6.1881 Выборг, умер 31.1.1929 Ленинград. Родители: Клас Фридрих Ньюберг, телеграфист, и Анна Александровна Сахарова, дочь полицейского. Первая жена: 1905–1909 Ирене (Иркки) София Густавсон, умерла 1909; вторая жена: 1911–1929 Санни Туомисто, умерла припл. 1946. Дети: Кертту, род. и умерла 1909; Пентти, род. 1910, умер 1942; Кертту, род. 1912, умерла 1963; Матти, род. 1914, умер 1942.

Пааво Нурми (1897–1973)

*олимпийский чемпион,
бегун,
бизнесмен*

Знаменитый король беговых дорожек, многократный победитель Олимпийских игр Пааво Нурми является одним из самых известных финнов в мире. Его характеру были присущи упорство и настойчивость, но также и некоторая угловатость, накладывавшая отпечаток на его взаимоотношения с окружающими. Зная на собственном опыте, что такое нужда, Нурми хотел и имел возможность воспользоваться своими успехами в спорте, в том числе и в финансовом плане.

С именем Пааво Нурми у финнов ассоциируется образ человека, жившего в первой половине 20 в., которого с полным основанием называли королем беговых дорожек и которого наряду с композитором Яном Сибелиусом и маршалом Густавом Маннергеймом считают финном, достигшим наибольшей международной известности. Нурми со своими помощниками «нанес независимую Финляндию на карту мира». Для занимающейся спортом молодежи он был ни с кем не сравнимым примером и идиолом своего времени. В его характере и натуре присутствовала исконно финская суровость, упорство и настойчивость – качества, которым было просто подражать. Но вместе с тем, наличествовали и довольно своеобразные черты и оригинальность, выделявшие его из общей массы.

Рывок от нужды

Пааво Нурми родился в Турку в 1897 г. в семье столяра Юхана Фредрика Нурми вторым ребенком. Отец, происходивший из торпарской семьи из Лоймаа, был хорошим профессионалом. По характеру он был честным, но одновременно замкнутым и жестким. Эти же черты перешли к его сыну, хотя связь отца и сына была прервана ранней смертью Юхана от кровохарканья в 1910 г. Это еще более усугубило положение семьи, и без того испытывавшей нужду и лишения. Зарботков матери, работавшей уборщицей, не хватало, и поэтому Пааво, старший из оставшихся в живых детей, уже в 12-летнем

возрасте вынужден был добывать для семьи средства к существованию, сначала в качестве посыльного у пекаря, а затем слесарем. Трудности жизни воспитали в будущем бегуне силу воли и приучили его к аскетическому образу жизни. Семья была религиозной, и Пааво в детстве вынужден был часто ходить в церковь, что он не особенно любил.

Физические нагрузки на работе, толкание тележек с товаром вверх и вниз по крутой горке, а также бег по кварталам вместе с другими мальчишками в физическом плане создали основу для растущего талантливого бегуна. Учеба в школе проходила без проблем, средний балл по предметам был 9,38, но продолжить учебу в сложившихся обстоятельствах не представлялось возможным. Вероятно, условия жизни повлияли на психологическое развитие Нурми: проявилось стремление к отшельничеству и замкнутости. Тогда же проявились характерные угловатые черты, во всю заявившие о себе в дальнейшем. Вместе с тем, уже обнаруживался тот исключительный душевный настрой, который в самые лучшие годы карьеры бегуна вылился в удачное соединение силы воли, организованности и разума.

Нурми, все более серьезно занимавшийся бегом, в 1914 г. вступил в Спортивный союз Турку. В том же году он в возрасте 17 лет выиграл первые свои соревнования на дистанции 300 метров. Руководитель клуба Ээро Сорьонен уже связывал с молодым человеком большие надежды, который, по его словам, «бегал как Ханнес [Колехмайнен]». Тот факт, что Нурми, происходивший из рабочей среды, сделал выбор в пользу спортивного общества, в котором преобладали выходцы из буржуазии, указывал, что он уже задумывался о серьезном успехе в состязательных видах спорта, а не только о спорте ради здоровья. Те последствия, которые имела для спорта политическая трагедия 1918 г., заставили его засомневаться и задуматься, не следует ли сменить общество. Этого он, однако, не сделал, а все прочнее включался в буржуазную спортивную жизнь, в силу обстоятельств превращаясь в «капиталиста».

В годы первой мировой войны развитие Нурми как бегуна не было быстрым. Самым важным, пожалуй, было то, что желание бегать сохранилось, несмотря на тяжесть внешних условий и неуверенность в будущем. Годы военной службы (1919–1920) сыграли ключевую роль: Нурми стал ведущим бегуном, чего мало кто ожидал. Лаури Пихкала (по кличке «*Taikko*» («Точильный камень»)), ставший к тому времени одной из ведущих фигур в финском спорте, изначально относился к Нурми скептически. Грубое телосложение, развитая грудная клетка и широкий таз – все это более подходило борцу, чем бегуну на длинные дистанции.

Тренировки Нурми во время службы в армии изменились и стали более систематичными и разносторонними. Крайне аскетический, вегетарианский образ жизни юношеских лет принял более умеренные

формы. В армии Нурми привлек внимание тем, что во время марш-броска с винтовкой и вещмешком, наполненным песком, финишировал первым с таким отрывом, что некоторые даже думали, что он отклонился от маршрута. На самом деле, вместо того чтобы маршировать, Нурми всю дорогу бежал. У своенравного Нурми были, конечно, сложности в отношениях с младшим командным составом, однако высшие офицеры относились к нему благосклонно, и ему была предоставлена возможность самостоятельных тренировок. «Тахко» Пихкала, работавший секретарем по делам спорта в военном министерстве, добился для него перевода в армейскую школу оружейных мастеров, что подразумевало лучшие возможности для тренировок. Нурми постоянно улучшал собственные достижения на беговых дорожках, и вскоре для него стало реальностью принятие в команду, готовящуюся к Олимпийским играм. В олимпийский 1920 г. уже в отборочных соревнованиях он побил рекорды Финляндии, а его первая зарубежная поездка стала блестящим стартом – выступлением на Олимпийских играх в Антверпене в августе 1920 г.

На пути к вершине: от Антверпена до Парижа

На Играх в Антверпене Нурми в первом забеге на 5 000 метров завоевал серебро, что для олимпийского дебютанта было выдающимся достижением. Задним числом обычно говорили, что лишь неопытность Нурми стоила ему победы. Большую часть дистанции Нурми прошел в хорошем темпе, однако, в финишном рывке уступил французу Жозефу Жюллемо, который бежал на удивление хорошо для солдата, оправившегося от отравления ипритом. Нурми взял реванш на дистанции 10 000 метров, сменив по совету Ханнеса Колехмайнена тактику бега и обескуражив тем самым француза. Нурми также выиграл в кроссе на 8 км и получил еще одну золотую медаль за победу Финляндии в командном беге. Таким образом, домой Нурми привез целых четыре медали. Однако наибольшее восхищение финских болельщиков было по-прежнему адресовано герою Олимпийских игр 1912 г. в Стокгольме Ханнесу Колехмайнену, увенчавшему свою спортивную карьеру в Антверпене победой в марафоне. Нурми, который по-прежнему находился на военной службе, успех на Олимпиаде принес скорое производство в младшие сержанты, а к концу службы он получил повышение до сержанта. Спортивные меценаты выделили ему также стипендию, позволившую ему посещать трехгодичные курсы инженеров-механиков в индустриальном училище Хельсинки, которые он закончил с хорошими результатами и получил аттестат техника.

В период между Олимпийскими играми в Антверпене и в Париже Нурми сосредоточился на побитии рекордов на дистанциях от 1 500 до 10 000 метров. В 1921–1923 г. он установил восемь мировых рекордов на разных дистанциях. Таким образом, на Олимпийские игры 1924 г. в Париже он отправился в качестве отлично подготовленного

фаворита, чья карьера приближалась к зениту. Сначала он одержал ошеломляющую победу на дистанции 1 500 метров, а меньше чем через час после этого уже участвовал в забеге на 5 000 метров. Бег Нурми был хорошо построен тактически, он периодически посматривал на свои часы, ставшие к тому времени знаменитыми, и не позволял другим застичь себя врасплох, оставляя позади себя даже своего сильного соперника Вилле Ритолу. Результат был потрясающим, но все же не совсем неожиданным: накануне олимпиады Нурми опробовал эту жесткую схему дома, установив мировые рекорды на обеих дистанциях с промежутком в час между забегами.

Третья золотая медаль в Париже досталась в ходе драматического кросса, проходившего в безжалостную жару – 36 градусов в тени. Из 39 стартовавших спортсменов 24 человека потеряли сознание, среди них три финна. Нурми и Ритола вновь были первыми, однако, нужен был третий финалист. Наконец, в дальнем конце стадиона появился Хейкки Лииматайнен, последний из финнов. Муки финнов на этом не закончились. Лииматайнен ошибся с финишем, свернул слишком рано и направился в раздевалку, и лишь благодаря крикам и жестам догадался вернуться и, с трясущимися коленями, закончить дистанцию. На следующий день, когда часть спортсменов, накануне потерявших сознание, еще находилась в больнице, Нурми вновь одержал личную победу в командном состязании на 3 000 метров, в котором участвовали в основном новички. Он стал самым прочным звеном в команде Финляндии, превосходившей по силам команды других стран.

У Нурми были хорошие шансы на то, чтобы завоевать золотую медаль и в беге на 10 000 метров, но он вынужден был упустить его. Руководство команды приказало ему пожертвовать этой дистанцией в пользу Ритолы, действительно одержавшего победу. Утверждают, что этот случай всегда удручал Нурми. Как бы то ни было, вскоре после Игр он получил моральное удовлетворение, установив на этой дистанции мировой рекорд. В Финляндии в честь Нурми были устроены грандиозные торжества, и правительство стало инициатором увековечения героя спорта в бронзовой скульптуре.

Находясь в лучшей форме, Нурми после Парижской Олимпиады отправился в США, где в зимний сезон 1924–1925 гг. достиг легендарных результатов. За три месяца он принял участие в 55 забегах, проиграв лишь один и еще один прервав из-за острой боли. Были основательно обновлены рекорды для закрытых помещений. Это турне произвело в Новом свете настоящую сенсацию. Нурми принимали как знаменитость, он даже был принят президентом Кельвином Кулиджем. Истории о «летающем финне» или о «финне-призраке» заполнили полосы газет, смаковавших, среди прочего, манеры питания Нурми («он бежит в одной руке с часами, в другой – с салакой»). По оценкам финансистов, Нурми своим бегом добыл для Финляндии заем в 400

миллионов марок. Уже тогда в американских газетах встречались утверждения, что Нурми и сам заработал 25 000 долларов, однако никаких конкретных подтверждений тайного профессионального занятия спортом предоставлено не было. Несомненно, турне, ставшее грандиозным успехом Нурми, прибавило гордости американским финнам, особенно если учесть, что еще были свежи в памяти блестящие олимпийские успехи Вилле Ритолы, уже долго жившего в Америке.

«Карьера на мелководье»: успехи и проблемы

Поездка в Америку потребовала, однако, своего. Ее программа была настолько обширной, что утомленный Нурми уже был не в состоянии достичь той пиковой формы, в которой он был во время Игр в Париже. Медленно, но неуклонно его карьера поворачивала к закату. Правда, в 1926–1927 гг. ему удалось установить еще пару мировых рекордов, но он потерпел также несколько поражений. На его настрой также влияли симптомы физического утомления: ревматизм и боли в ахиллесовом сухожилии. Типичные для спортсмена страхи по поводу перетренированности все больше выходили на поверхность. Конечно, вполне вероятно, что он преувеличивал эти факторы, чтобы ввести в заблуждение своих соперников. К Олимпийским играм 1928 г. он подошел в прекрасной форме и выиграл в Амстердаме золотую медаль в беге на 10 000 метров, ненамного опередив Ритолу. Оба соперника получили травмы в беге с препятствиями в отборочных соревнованиях, но смогли занять высшие места на 5 000 метрах. Ритола победил, а Нурми с трудом взял серебро, опередив своего опасного соперника, Эдвина Виде, финна, переехавшего в Швецию. Болельщики могли увидеть необычное зрелище: после финиша Нурми в изнеможении сел на землю. В беге с препятствиями на 3 000 метров ему также досталось лишь серебро, а победил его земляк Тойво Лоукола, специализирующийся на этом виде. Бег с препятствиями не был для Нурми основным видом, и яма с водой особенно причиняла ему неприятности. Но жажду успеха приходилось утолять в новом виде, так как любимый Нурми бег по пересеченной местности был исключен из программы Олимпийских игр после драматических событий на Играх в Париже.

После Олимпиады в Амстердаме осенью 1928 г. Нурми установил рекорды на сверхдлинных дистанциях (15 000 – 20 000 метров и часовой забег). Он также участвовал в соревнованиях в США и даже всерьез обдумывал переход в профессионалы, но контракта не последовало. Лишь в 1940 г. он съездил в Соединенные Штаты, сопровождаемый Тайсто Мяки, новой звездой в беге. Их целью было завоевать симпатии к Финляндии, подвергшейся нападению со стороны СССР.

С наступлением 1930-х гг. Нурми стал реже участвовать в соревнованиях. Частично это было связано с тем, что он сосредоточился на сверхдлинных дистанциях, требующих более длительных перерывов для восстановления сил. Подобно Ханнесу Колахмайнену, он мечтал

закончить свою карьеру победой в олимпийском марафоне. С приближением Олимпиады 1932 г. Нурми вновь достиг наилучшей формы. В пробном забеге на короткую марафонскую дистанцию (40 200 метров) он победил с убедительным отрывом и установил неофициальный мировой рекорд. Забег проводился на шоссе между Выборгом и Хейнъяки. Опытные соперники попытались измотать Нурми быстрым темпом на старте, но сами попались в собственную ловушку. После того, как Нурми финишировал, Армас Тойвонен, ставший вторым, отстал от лидера почти на два километра, а большинство участников сошли с дистанции.

Нурми назвал этот забег «детской забавой», хотя прежде, даже на тренировках, не бегал дистанции длиннее десяти километров. Однако на Олимпиаду в Лос-Анджелесе ему довелось попасть лишь в качестве туриста, к тому же с больной ногой. Все более отчетлив был критицизм, исходивший главным образом из Швеции и связанный со скрытым профессионализмом Нурми. Было начато настоящее разбирательство в связи с вознаграждениями, выплаченными Нурми на соревнованиях в Германии. Международная любительская легкоатлетическая федерация (IAAF), возглавляемая шведом Ю.С. Эдстрёмом, 13 голосами против 12 запретила Нурми участвовать в Играх. Это стало горьким поражением также для Урхо Кекконена, будущего президента Финляндии, а в то время одного из ведущих официальных лиц финского спорта, выступавшего в качестве энергичного «адвоката» Нурми. Разгневанный этим, он на несколько лет заморозил отношения между Финляндией и Швецией в области спорта. Международная карьера 35-летнего Нурми была теперь закончена. Еще пару лет он выступал в соревнованиях в Финляндии, а в сентябре 1934 г. окончательно попрощался с беговой дорожкой.

Еще одно мгновение славы: олимпийский факел в Хельсинки в 1952 г.

Карьера бегуна уже закончилась, однако приближались Олимпийские игры 1936 г., и опыт и знания Нурми оказались востребованными. Его пригласили в тренерский комитет Спортивной федерации, и он тренировал финских бегунов на длинные дистанции для Игр в Берлине. «Он командовал как фельдфебель новобранцами», – такова была типичная характеристика подходов Нурми к тренерской работе. Нурми, побывавший на Играх 1936 г. лишь в качестве тренера, без сомнения был удовлетворен блестящим успехом молодого поколения. Широкая публика смогла увидеть самого Нурми последний раз в 1952 г. во время Олимпиады в Хельсинки, когда он в возрасте 55 лет внес олимпийский факел на стадион. Даже среди стоявших на поле спортсменов возник хаос, поскольку люди хотели как можно ближе увидеть красиво вышагивающего всемирно известного бегуна. Позже выяснилось, что потребовалось много усилий, чтобы уговорить

Нурми нести факел. Вся затея чуть было не потерпела фиаско, когда чрезмерно усердный полицейский попытался не пропустить машину с Нурми на стадион. Водитель проехал напролом, опасаясь, что разозлившийся Нурми осуществит свои угрозы отправиться домой.

Тотальные тренировки

В целом на Олимпийских играх Нурми выиграл девять золотых и три серебряных медали. В личном первенстве он побил 25 мировых рекорда на 15 различных дистанциях; еще один рекорд был установлен в эстафете в составе команды Спортивного союза Турку на дистанции 4 по 1500 метров в 1926 г. Большое количество рекордов отчасти объясняется тем, что в англосаксонских странах был распространен бег на мильевые дистанции, что было не вполне привычно для других стран. В целом, он двадцать раз становился чемпионом Финляндии на разных дистанциях и дважды на эстафетах. Кроме того, он дважды побеждал на чемпионатах в закрытых помещениях в Англии и один раз в США.

Секрет успеха Нурми кроется, прежде всего, в его в высшей степени профессиональном умении тренироваться как в физическом, так и в духовном плане. Он был подобен некоей машине, которая методично крушила соперников, часто уже заранее. Нурми, как никто другой не любивший проигрывать, умело использовал фактор психологического преимущества. В молодом возрасте он обескураживал соперников своим резким стартом. Правда, существует другое психологическое объяснение: это было скорее «паническим бегством» и проявлением боязни финишного рывка, чем умышленным действием. С возрастом, когда сил стало меньше, Нурми превратился в умного и опытного тактика, который вплоть до финишной прямой держался за лидерами, а затем менял темп и вырывался вперед.

У Нурми, без сомнения, были какие-то гены, подходящие для бегуна, но никаким исключительным природным талантом его не считали. Его превращению в великого бегуна способствовали стальная сила воли, прекрасный тактический ум, а также, прежде всего, всеохватывающая система тренировки и подготовки, разработанная и испытанная им самим, систему, которую называли прямо таки научной. Он с большим интересом читал всю литературу в этой области, познакомившись, в частности, с руководством по тренировкам, содержащимся в мемуарах великого бегуна начала 20 в. шотландца Альфреда Шрабба, и в первую очередь с таблицей интервалов его знаменитого бега в Глазго в 1904 г., приведшего к установлению мирового рекорда.

К ходьбе и длинным тренировочным пробежкам Нурми добавил тренировки с интервалами, основанные на американской системе. Тренировки достигли наибольшей интенсивности в 1924 г., в год проведения Парижской Олимпиады, когда с апреля по сентябрь он тренировался трижды в день. Сначала была утренняя ходьба на

десять километров с легкими пробежками, затем душ и физические упражнения. В течение дня он пробежал пять километров на время, а вечером – еще 4–7 километров. Ему особенно нравились кроссы, и он очень любил сложные трассы.

В ходе упорных тренировок Нурми выработал свой собственный стиль бега, так называемый «бедерный ритм», когда за счет выталкивания бедра вперед шаг становится длиннее и тело слегка раскачивается взад и вперед. Над удлинением шага он, в частности, работал, бегая по железнодорожным путям вслед за поездом и держась за буфер. Стиль длинного шага, подразумевавший также хорошую работу рук, делал бег красивым и легким, правда, с точки зрения бегущего сзади он был обманчивым и вызывал стресс. Высокий шаг, конечно, давался непросто, но благодаря упорным тренировкам Нурми держал себя в форме и выработал соответствующий ритм равномерного дыхания. Нурми, при его среднем росте, имел также средние физиологические показатели. У него были нормальные для спортсмена сердце и частота пульса, хотя в Америке это последнее обстоятельство обыгрывалось остроумным выражением: «Самый низкий пульс, самая высокая такса».

У Нурми можно обнаружить модели поведения, свойственные действительно великим спортсменам независимо от времени, страны и вида спорта. Он очень неохотно участвовал в соревнованиях, если не был в этот момент в высшей форме. Нурми постоянно просчитывал, где и когда нанести удар по своим основным соперникам и молодым конкурентам. Он относился с легкостью и пренебрежительно к незначительным, рутинным соревнованиям, а устанавливать рекорды предпочитал на небольших соревнованиях, устраиваемых специально для этого. Поговаривали, что он не всегда выкладывался до конца, чтобы оставить возможность для улучшения рекордов в дальнейшем. Такой подход был позднее доведен до крайности русским прыгуном с шестом Сергеем Бубкой, увеличивавшим мировой рекорд буквально по сантиметру – и ставшим миллионером. В случае с Нурми в дальнейшем появилось множество спекуляций, что он разбрасывал свои силы и что если бы он всерьез сосредоточился на какой-нибудь одной дистанции, это привело бы к потрясающим результатам.

Нурми, превративший свое увлечение в стиль жизни, без сомнения был самым осведомленным человеком своего времени в отношении всего того, что касалось подготовки к бегу на длинные дистанции, и это давало ему преимущество над соперниками. Следует также заметить, что уровень развития легкой атлетики после первой мировой войны, в 1920-е гг., вообще не был слишком высок, и бегунами на длинные дистанции высшего класса могли похвастаться лишь несколько европейских стран и США. Высокие позиции Финляндии подкреплялись медалями Нурми за победы в командных видах, которые позже были исключены из олимпийской программы. Оказалось

чрезвычайно непросто догнать Нурми по количеству олимпийских медалей. Лишь в 1980–1990-е гг. это удалось сделать американскому спринтеру и прыгуну в длину Карлу Льюису.

Из любителей в скрытые профессионалы

Нурми был вполне современным спортсменом также в том смысле, что, пожив в нужде, он хотел и был в состоянии извлечь экономическую выгоду из своих спортивных достижений. О «коричневых конвертах» шептались еще в 1920-е гг., но спортивному руководству Финляндии удавалось какое-то время замалчивать проблему скрытого профессионализма. Идеализация большого спорта и Олимпийских игр стала ключевой чертой спортивной политики Финляндии, способом быстрого и эффективного повышения международного престижа молодого государства. В соответствии с олимпийскими идеалами, под этим подразумевалась пропаганда «чистого», любительского спорта.

Предположения, что Нурми участвует в «забегах ради кошелька», появились, как уже было сказано, во время его знаменитого американского турне. Распространению этих слухов способствовало то, что его делами в Соединенных Штатах занимался американский финн Хуго Квист, известный посредник в профессиональном спорте, который наверняка сам зарабатывал неплохие проценты, хотя и умер в нищете. Вскоре после возвращения из Америки Нурми оставил наемную работу. Это указывает на то, что он верил в возможность зарабатывать на жизнь за счет бега и сопутствующей славы. Стало легче и с передвижением, так как он получил в подарок от импортера автомобиль Крайслер Сикс. Эта машина была довольно редкой в Финляндии, даже для семей городского среднего класса.

В одном из газетных интервью после поездки в Америку Нурми заметил, что существует противоречие между идеалами и «политической рекламой». По его мнению, Финляндии нужно было либо уйти от «призрачной боязни нарушения правил любительского спорта», либо вернуться к «спорту ради здоровья» и отказаться от целей, недостижимых идеалистическими методами.

В 1930-е гг. так называемая «проблема тайного профессионализма» начала обостряться и выходить из-под контроля спортивного руководства. Речь шла о сенсационных соревнованиях с участием немногочисленных звезд, во время которых, по слухам, из рук в руки переходили большие суммы, чтобы публика не оказалась разочарованной за потраченные деньги. Лапуаское движение, делавшее упор на национальный дух, находилось в полном согласии с процессом коммерциализации спорта. «Каждый финн смеялся, когда речь заходила о любительстве Нурми, Вилле Ритолы и Эйно Пурье». Эти разговоры подогревались интригами в спортивной политике, разжигавшими неприязнь и нуждавшимся в «козле отпущения». Фигура Нурми лучше других подходила для этих целей. С отказом включить его в

состав олимпийской команды Нурми, карьера которого уже шла к закату, лишился одной большой возможности для международного успеха, но, по большому счету, уважение, которым он пользовался, от этого вряд ли пострадало. Благодаря гибким решениям проблема соотношения профессионального и любительского спорта позднее потеряла свое значение. Ей на смену пришла проблема допинга, более болезненная с моральной и спортивной точек зрения, поскольку обман напрямую бил по «чистым», или, по крайней мере, предполагавшимся таковыми спортсменам.

Мы вряд ли когда-нибудь сможем точно узнать, сколько Нурми заработал своим бегом. Однако, ходило много анекдотов, наиболее распространенный строился на принципе «марка за метр». Хотя на практике зачастую это было довольно осторожной оценкой. В любом случае, Нурми смог заложить основу своему бизнесу на средства, полученные от бега, и он мог себе позволить при необходимости быть «щедрым». Говорят, что ни одно финское спортивное общество не понесло финансовых убытков от его забегов, вне зависимости от погоды.

От операций с акциями к строительным подрядам

Оставив службу по найму в 1926 г., Нурми в дальнейшем зарабатывал на жизнь спортом и предпринимательством. Не имея никакой подготовки в области бизнеса, он набирался опыта с той же педантичной решительностью и упорством, что и в беге. Бережливость и деньги, заработанные за счет бега, помогли ему начать бизнес, а операции с акциями увеличили его состояние. Нурми, следивший за финансовой газетой «*Финанссилехти*», сам позднее отмечал значение этих операций. Среди его консультантов был даже директор Финляндского Банка Ристо Рюти, интересовавшийся большим спортом.

В середине 1930-х гг. Нурми расширил сферу своей предпринимательской деятельности, став строительным подрядчиком и открыв в 1936 г. магазин мужской одежды в Хельсинки на улице Миконкату. В строительство его завлек старый товарищ по учебе Оскари Туоминен, участвовавший в строительстве здания парламента. В кафе «*Коломбиа*», в котором Нурми часто бывал, он также много слышал от других завсегдатаев о строительном бизнесе. Именно как строительный подрядчик он наиболее преуспел, построив в Хельсинки около сорока жилых домов, квартиры в которых он продавал или сдавал в аренду, правда, при этом он отказывал семьям с детьми. Делая упор на высокое качество, Нурми вел все свои коммерческие дела в задней комнате своего магазина одежды, держа, по его собственному выражению, «контору в своем бумажнике». Педантичная скрупулезность, недоверчивость и прямолинейная манера вести дела, часто казавшаяся грубой, временами порождала проблемы. Подчиненных угнетало то, что Нурми дважды в день приходил проверять, не использовался ли,

к примеру, плохой кирпич и нет ли перерасхода гвоздей. Со временем он научился больше доверять своим рабочим. Он также иногда платил рабочим больше, чем другие подрядчики, и избегал конфликтов с профсоюзами. Выделяется также эпизод, когда он в начале 1950-х гг. предпринял попытку преуспеть в области судовладения в качестве владельца грузового судна «*Samu*». Однако у Нурми вышла ссора с руководителем Союза моряков Финляндии Ниило Вяллярри. В конце концов, бурный спор двух упрямцев был улажен, но в результате Нурми охладел к судовладению.

В 1940–50-е гг. строительство в Хельсинки было очень прибыльным из-за большого спроса на жилье в связи с послевоенным восстановлением и массовым переселением людей из сельской местности. Нурми, заработавший миллионы, настолько преуспевал в роли бизнесмена и подрядчика, что в старости сетовал на несправедливую, по его мнению, расстановку акцентов в оценке его заслуг перед обществом. Его стало тяготить спортивное прошлое, и, в конце концов, он пришел к полному отрицанию значения спорта в своей биографии. Спортивная общественность тщетно ждала, что он пожертвует какие-нибудь деньги на нужды спорта.

Человек со слабыми нервами

Великие спортсмены, с их ненасытной жадой победы и эгоцентризмом, часто бывают «трудными» людьми. Нурми эти характерные признаки подходили очень хорошо. Изначально по характеру он был застенчивым, угрюмым и скрытным, но по мере роста карьеры и укрепления чувства уверенности в себе к этим чертам все больше присоединялся просчитанный акцент на загадочность, который на близких к нему людей производил сбивающий с толку эффект и, прежде всего, конечно, на соперников. Своенравный, недоверчивый и капризный чемпион много раз испытывал терпение как спортивных руководителей, так и других людей. Общение с ним было трудным делом, как признавал даже «*Tahto*» Пихкала. «Будет так, как я сказал», – было обычным для Нурми резким высказыванием, которое, без сомнения, лишало всякого желания с ним общаться. Находясь в хорошем настроении, Нурми мог в узком кругу знакомых превратиться даже в веселого собеседника с саркастическим юмором. В сущности, имидж «великого молчуна» был направлен на публику. Никакие характерные для современного спорта проявления бурных чувств с помахиванием руками и кругами почета не входили в репертуар Нурми. К средствам массовой информации он относился довольно недружелюбно, называя творчество журналистов «надуванием воздушных шариков», что, однако, не мешало ему самому быть автором газетных статей на тему спорта.

В частной жизни Нурми соблюдал чрезмерную бережливость и ежедневный распорядок дня, расписанный по минутам, в котором отступление даже на десять минут было очень большим. Душевное

спокойствие он обретал в классической музыке и сам играл на скрипке. Круг его чтения в основном состоял из научно-популярной литературы. Нурми никогда не интересовался политикой, но, в силу обстоятельств, по своему мировоззрению он стал капиталистом и патриотом. Он восхищался Соединенными Штатами как страной, в которой «каждый кузнец своего счастья», и говорят, что он произнес также фразу «лучше быть бедным на Западе, чем свободным на Востоке».

Насколько известно, у Нурми не было близких друзей, и из-за его характера ему было непросто достичь успеха у женщин. Правда, по совету Ханнеса Колехмайнена Нурми еще в 1920-е гг. посещал школу танцев и научился там хорошо танцевать. На практике же даже танцы были для него главным образом тренировкой для «разминки мышц ног», при этом женщины были больше «партнерами по разминке», чем собеседницами. Неожиданная женитьба считавшегося закоренелым холостяком Нурми в 1932 г. на светской красавице из деловых кругов Турку наделала много шумихи. Однако трех лет совместного проживания оказалось достаточно для этой жизнерадостной и терпимой женщины. При этом они продолжали общаться и после развода, поскольку она осталась работать предпринимателем в области одежды. Единственному ребенку этой пары Матти в детстве также досталось нелегко из-за строгости отца. В 1950-е гг. Матти Нурми был бегуном на средние дистанции на национальном уровне. Как «бегун-любитель» он достиг хороших результатов скорее вопреки отцу, чем благодаря ему. По мнению отца, у мальчика не было достаточно способностей.

Пааво Нурми признавал, что страдал от нервного истощения. Это, по его утверждению, было унаследовано от матери. Проблемы с нервной системой, которые он ему удавалось взять под контроль и преобразовывать в позитивную энергию, приводившую к большим успехам, тем не менее, брали свое и накладывали отпечаток на отношения с близкими. С возрастом плотная наружная оболочка все же становилась мягче, в чем сыграло свою роль серьезное заболевание. Тромбы в сердце и мозге постепенно ослабляли здоровье Нурми. Страдания от невозможности владеть своим телом и то, что он вынужден был прибегать к помощи других, были жестоким испытанием для такого человека, как Нурми. Это проявлялось также в изменениях в психике и выливалось в приступах ярости на спорт за то, что он отнял у него здоровье. В некотором смысле иронией судьбы стало то, что Эдвин Виде, самый сильный соперник Нурми, остававшийся, однако, в его тени, умер в 1996 г. в возрасте ста лет, оставаясь довольно активным почти до самого конца и даже избегав туберкулеза, которого он сильно боялся в молодости из-за тех больших потерь, которые эта болезнь нанесла его семье. Измученный болезнью Нурми основал фонд, носивший его имя, который распределял деньги на исследования в области сердечных заболеваний и подарил городу Хельсинки автомобиль скорой кардиологической помощи. Правда, по мере ухудшения состояния здоровья Нурми потерял веру во врачей.

В годы соперничества отношения между Нурми и Вилле Ритолой были больше недоверчивыми, чем дружественными, но в старости Нурми убедил Ритолу, прожившего несколько десятилетий в Америке, вернуться на родину и даже предоставил ему квартиру в одном из своих домов. По инициативе Нурми для Ритолы была назначена также дополнительная государственная пенсия.

Наследие Нурми

Когда сам Нурми уже прекратил участвовать в соревнованиях, его более молодые последователи еще многие годы продолжали серию блестящих успехов чемпиона. Война, однако, нанесла сильный трагический и парализующий удар по сохранению наследия Нурми, значительно ослабив его. После Второй мировой войны бег на длинные дистанции в Финляндии как спортивная дисциплина начал увядать и к началу 1960-х г. находился уже в состоянии глубокого кризиса. Тем не менее, не вызывает сомнения тот факт, что именно культ Нурми помог преодолеть этот кризис на рубеже 1960–70-х гг. Нурми лично вмешался в этот процесс, когда осенью 1966 г. публично и в жестких выражениях осудил спортсменов за леность и готовность довольствоваться малым. Как полагали, толчком к такому неожиданному для «великого молчуна» выступлению послужило то, что на чемпионате Европы летом 1966 г. Финляндия на ее традиционно коронной дистанции, беге на 10 000 метров, была представлена единственным спортсменом, да и тот сошел с дистанции.

Многие современники и поклонники Нурми на протяжении этого периода играли активную роль в финском обществе, находившемся в состоянии бурного развития, становясь современным обществом всеобщего благоденствия. Это общество нуждалось в международном признании, в том числе и в большом спорте. Многим нравилась мысль о том, что этот социальный заказ мог осуществить бег на длинную дистанцию, у которого было такое блестящее прошлое. Для нового подъема требовалась большая работа, особенно для того, чтобы встали на свои места многие ненадежные составляющие. Но эта работа была проделана, и не без успеха. Нашелся тренер с подходящими для финнов методами – новозеландец Артур Лидьярд. Нашлись талантливые бегуны, которые, поставив на карту все, смогли достичь высшего международного уровня: Юха Вянтэйнен, Лассе Вирен, Пекка Васала. Из них Вирен больше других напоминал Нурми на беговой дорожке. Даже Нурми заинтересовался им и публично похвалил за его работу бедер. Пекка Васала победил на Олимпийских игр в Мюнхене на дистанции 1 500 метров. За день до финального забега Нурми послал ему письмо, чтобы он «во время завтрашнего бега ни на каком этапе не отпускал дальше, чем на метр или два этого кенийца Кейно. Ни на каком этапе. Другие не имеют никакого значения». Большой и старый чемпион мог произнести горькие слова о значении спорта для

собственной карьеры, но этим своим посланием он подтвердил, что еще не лишился способности ощущать магию состязания и победы как «чего-то большего, чем жизнь».

Современный мир уже видит в Пааво Нурми только историческую фигуру и мифического героя спорта, подвиги и заслуги которого известны и признаны. С течением времени Нурми все более становится историей, далекой от наших современников. Точно так же, значительно изменились ситуация и подходы в области спорта и культуры. Нурми стал объектом более обезличенного и ритуального преклонения, имеющего самостоятельное значение с точки зрения национального идентитета. Столетие со дня рождения Нурми в 1997 г. стало поводом для торжеств, особенно в его родном городе, Турку. Но другой вопрос, по-прежнему ли сохранение наследия Нурми служит своему изначальному предназначению – стимулированию возрождения финского бега на длинные дистанции.

– Вели-Матти Аутио

Приложение:

Пааво Йоханнес Нурми, род. 13.6.1897 Турку, умер 2.10.1973 Хельсинки. Родители: Юхан Фредрик Нурми, столяр, и Матильда Вильгельмина Лайне. Жена: 1932–1935 (развод) Сюльви Лааксонен, родители жены: Юхан Вильгельм Лааксонен, доктор, и Вендла Огрен. Ребенок: Матти, род. 1932, бизнесмен.

Паавали (Павел) (1914–1988)

*архиепископ
православной церкви*

Самым значительным достижением архиепископа Паавали можно считать то, что ему удалось приблизить финскую православную духовность к первоосновам раннего христианства. Паавали отошел от славянских традиций православного богослужения и «национальных» элементов, возникших в начальный период независимости, и вернулся к традициям единого христианского мира. По мнению многих современников, он был серьезным духовным наставником. Паавали также был автором церковной музыки, а также внес вклад в развитие экуменических и международных связей. Своей публичной деятельностью он преобразил представления лютеранской Финляндии о православии.

Паавали (по рождению имел имя Георгий Гусев) родился в 1914 г. в Петербурге. Через пять лет его семья переехала в Выборг и сменила свою фамилию на Олмари. Таким же образом имя Георгий на финский лад было заменено на Юрьё. В начале он учился в классическом лицее Выборга, но в 1932 г. оставил учебу из-за смерти отца. В том же году он поступил в Сортавальскую семинарию и в 1936 г. получил степень кандидата. После этого он пошел на срочную службу в армию.

Во время учебы в семинарии Юрьё Олмари руководил ученическим хором и работал заместителем руководителя хора православного кафедрального собора Сортавалы. Он начал переводить на финский язык славянские церковные песнопения и произведения русских композиторов. По инициативе тогдашнего ректора семинарии Николая Валмо (1890–1943, в должности ректора 1931–1942 гг.) Олмари знакомится с Валаамским монастырем. По не вполне понятным причинам, Олмари решил после окончания семинарии в конце 1937 г. уйти в монастырь. Уже на следующий год, то есть на редкость быстро, он был рукоположен в монахи и иеромонахи. В этой связи он получил имя Паавали.

В монастыре в обязанности Паавали входило руководство финноязычным хором послушников. Также он подготовил к изданию на

финском языке брошюры о жизни монастыря, опубликованные под названием «*Подвижник*». В октябре 1939 г. Паавали был призван на военную службу в качестве пастора. Поначалу зоной его деятельности были острова Валаам и Мантсинсаари. Паавали также участвовал в эвакуации монастыря на рубеже 1939–40 гг. После этого он был духовным пастырем переселенцев в Йоэнсуу и Каухава.

В начале войны-продолжения Паавали был призван священником в Олонецкий район, подведомственный Военному управлению Восточной Карелии. Здесь он и некоторые другие православные военные священники решительно противодействовали изначальным попыткам лютеранской церкви обратить в лютеранство православное население, оставшееся на территории Восточной Карелии. Паавали также выступил с предложением включить православное население Восточной Карелии в сферу деятельности Финской православной церкви. Из-за своих воззрений Паавали был удален из Восточной Карелии. Отработав некоторое время священником в лагере для военнопленных и преподавателем закона божьего на учительских курсах в Ямса, организованных для слушателей из Восточной Карелии, осенью 1943 г. Паавали возвращается пастором на фронт. Он вновь высказал мысль о том, что Восточная Карелия является «естественной» сферой деятельности Финской православной церкви. В целях укрепления православной духовной жизни Паавали совместно с другими священниками, работавшими в Восточной Карелии, весной 1944 г. основал Православную Братию Валаамского монастыря в Хейнявеси. Основной задачей Братии было укрепление православного духа ее членов и популяризация монастырской жизни. Братия издает выходящий четыре раза в год журнал «*Хехкува Хийлос*» («*Пылающие угли*»).

С наступлением мира Паавали был направлен исполняющим обязанности кантора в приходе Йоэнсуу. Одновременно он был назначен главным редактором Совета по изданию православной литературы и ответственным редактором журнала «*Аамун Койтто*». В то время он, по-видимому, испытал духовный кризис, и в конце 1946 г. перешел на должность бухгалтера в акционерное общество «*Савитеоллисуус*» в Мюллюкоски, где, как следует из его послужного списка, также был духовным пастырем переселенцев. По некоторым сведениям, он подумывал об отказе от монашества и о женитьбе.

Кризис закончился в конце 1948 г., когда Паавали обратился к архиепископу Герману с просьбой о месте. Просьба была удовлетворена, и Паавали стал исполняющим обязанности кантора православного прихода Куопио. Кроме этого, Паавали редактировал обновленные и снабженные комментариями требники и нотные сборники церковных песнопений. В ходе дальнейших преобразований богослужение было освобождено от элементов славянского происхождения, при этом было еще более усилено значение причастия. В народе обновленную службу

стали называть «Литургией Паавали». Позже, уже будучи архиепископом, Паавали обработал песенник для эвхристии. Принятый в 1970 г., он был разработан специально для богослужения на финском языке. Ранее основой служил финский перевод русскоязычного текста.

В 1947–1954 гг. Паавали руководил праздничным хором на четырех православных песенных праздниках. Кроме этого, в летние месяцы 1949–1951 гг. по заданию руководства церкви он совершал внутренние миссионерские поездки в губернию Оулу и Лапландию.

На Церковном соборе 1955 г. Паавали был избран помощником епископа. В этой должности в его обязанности входило, среди прочего, поддержание отношений с Русской православной церковью, которая в 1945 г. предложила Финской православной церкви вернуться в состав Московской патриархии. Под руководством архиепископа Германа предложение было отклонено, и, в конце концов, Русская церковь «забыла» о нем. Окончательно вопрос был похоронен в 1957–1958 гг. Паавали был одним из трех членов делегации, которая в 1957 г. по приглашению Московской патриархии знакомилась с деятельностью Русской православной церкви. Кроме того, в мае 1958 г. он был одним из представителей Финской православной церкви на праздновании 40-летия основания Московской патриархии.

Второй его основной задачей на посту помощника епископа было духовное и религиозное возрождение Финской православной церкви. В частности, в 1955 г. Паавали был избран членом комиссии, в задачу которой входило повышение уровня канторов.

Духовная жизнь и связи с другими конфессиями находились в центре внимания Паавали и после того, как в 1960 г. он был избран архиепископом. При нем укрепились экуменические контакты Финской православной церкви в Финляндии и за ее пределами, а зарубежные связи были существенно расширены и стали охватывать все крупнейшие православные церкви мира.

Для нужд духовного воспитания в конце своей карьеры Паавали издал два произведения с наставлениями из области богослужебной деятельности: *«Как мы верим»* и *«Праздник веры»*. Первое было небольшим, но сжатым введением в раннехристианскую теологию. Позже оно было переведено на более чем десять языков. Второе, также не слишком объемное, давало развернутое представление о богослужении. В обоих исследованиях исходным моментом было раннехристианское наследие, то есть те ценности, которые православная церковь считает первоосновой своего учения.

Что касается традиций, то здесь Паавали вслед за хорошо ему известным крупнейшим теологом православной церкви Америки Александром Шмеманном (1921–1983) подчеркивал важность единого богослужения и индивидуальной молитвы. Первое, на его взгляд, приучает людей жить в угодной Богу социальной среде. Вторая необходима для самовоспитания.

Само по себе данное представление не было чем-то новым. Новым же было то, что Паавали более не подчеркивал национальный характер православия в той же степени, как это делал, например, архиепископ Герман, и возвращался к мысли о сообществе верующих, а не о конкретном народе. Одновременно он формировал для церкви идентитет, который был в первую очередь православным, а не финским. Новым было также стремление Паавали побуждать прихожан к более частому причастию. Для этого по его инициативе архиерейский съезд в 1970 г. отдал распоряжение, по которому человек имеет возможность по разрешению своего духовника причащаться без предварительной исповеди, как предполагала прежняя практика.

Деятельность Паавали в сане архиепископа началась в то время, когда финское общество начало по-новому оценивать собственное отношение к православию. Люди начали относиться с уважением к тому, что ранее называлось не иначе как «церковью *рюсся*». На государственном уровне это проявилось в признании православной церкви в качестве второй государственной. Закон о Финской православной церкви был принят в 1969 г. и вступил в силу на следующий год. С точки зрения культуры, признаками произошедших изменений стало то, что Ново-Валаамский монастырь и Паавали стали символами православия в Финляндии. Интерес к православию и количество прихожан существенно выросли. Некоторые ортодоксы относились к так называемым новообращенным настороженно, но Паавали в своей статье, опубликованной в «*Аамун Койтто*», отметил, что сам факт прихода в лоно церкви не является проблемой, – так в свое время поступил апостол Павел. Проблема заключается в том, как человек в своей жизни претворяет учение церкви. С этой точки зрения «прирожденные православные» и «новообращенные» равны.

В сфере межцерковных отношений сближение Паавали с католической церковью проявилось, в частности, в том, что в конце 1960-х гг. он позволил католикам использовать в Финляндии православные храмы для отправления богослужений. Вместе с тем, он столкнулся с некоторыми проблемами. Первая возникла в 1978 г., когда архиепископ решил пригласить на празднование 60-летия духовной семинарии предстоятеля православной церкви Америки митрополита Феодосия (1933-, в сане с 1977). Эта церковь ранее находилась в ведении Московской патриархии, но Константинопольский Вселенский собор не признал самостоятельность Американской церкви, предоставленную Москвой в 1970 г. Константинополь вынудил Паавали отменить визит Феодосия. Это вызвало в церковных кругах Финляндии определенное противодействие, а также мысли о полной независимости – автокефалии. В конце концов, процедура получения автокефалии не была начата, вместо этого было пересмотрено епархиальное деление путем образования в 1980 г. Оулуской епархии. Это было шагом к автокефалии, потому как в полностью независимой церкви должно

быть как минимум три епархии. После основания третьей епархии разговоры об автокефалии носили лишь спорадический характер.

Другой сложной проблемой стало признание лютеранской церковью Финляндии права женщин на пасторат. Немедленно после этого, 25 мая 1986 г., епископский собор Финской православной заявил: «До сих пор у нас [с лютеранской церковью] была возможность в духе братства вести диалог об учении, и даже о наших расхождениях во взглядах на роль пастыря, в надежде на сближении наших позиций... Осознанное допущение женщины-пастора нарушает... эти исходные позиции и, по меньшей мере в этом смысле, лишает почвы так называемый диалог об учении как фактор, способствующий достижению единства». В целом же, эта проблема в дальнейшем не стала препятствием для повседневного сотрудничества между церквями, в частности, при проведении экуменических мероприятий.

Тем не менее, отход церкви от национального статуса в направлении акцентирования православных ценностей означал определенное отдаление от гомогенной финской культуры. По определению Паавали, церковь не могла безоговорочно принять такие черты западного общества, которые не находились в гармонии с представлениями о неделимом христианстве. Одной из таких черт была демократия. Она, по мнению Паавали, сама по себе вовсе не была чем-то плохим, даже наоборот. Однако если демократия не признавала авторитета Бога, она не годилась для церкви.

Паавали не делал акцент на различиях между православием и тем же лютеранством. И все же различия существуют, что позволяет православной церкви обладать собственным, отличным от других христианских церквей идентитетом. Усиление последнего, применительно к Финской православной церкви, стало характерной чертой пребывания Паавали на посту архиепископа.

– Теуво Лайтила

Приложение:

Георгий Гусев, с 1919 Юрьё Олмари, с 1938 Паавали. Род. 28.8.1914 Санкт-Петербург, умер 2.12.1988 Куопио. Родители: Алви Олмари (ранее Гусев), род. 1871, умер 1932, и Анна Водоменская, род. 1874, умерла 1963.

Олави Пааволайнен (1903–1964)

*писатель,
руководитель театрального
отдела «Юлейсрадио»*

Олави Пааволайнен представляется довольно неординарной личностью на культурном поле Финляндии. Он изображал карельские пейзажи и старые традиции, с другой стороны, он описывал современность и странствовал по миру. В его имидже присутствовали исключительный лоск и элегантность, но и самолюбование Нарцисса. Мало кто из писателей и публичных фигур Финляндии имеет такое разнообразие определений, как Пааволайнен. Он и «блестящий Аполлон», и «импресарио модернизма», и «идущий в авангарде», и «мрачный монологист», и «последний карелианист», и «европеец», и «Малапарте войны-продолжения», и даже «новый Алкивиад».

Олави Пааволайнен родился в Кивеннапа в семье подушного переписчика. Его отец и некоторые из ближайших родственников были фенноманами, мать же происходила из остзейских немцев. Дом семьи в Виенола был выстроен в 1901 г., именно там собиралось основанное школьником Олави Пааволайненом «Общество художников Кивеннапа». Виенола была разрушена в самом начале Зимней войны. С детством в Кивеннапа были также связаны поездки в Петербург.

Пааволайнен начал ходить в школу в Выборге, но когда его отец был избран в сейм, семья переехала в Хельсинки. Там в 1921 г. в новой общей школе Хельсинки Олави и получил аттестат. Его школьными учителями были, в частности, Рольф Неванлинна и Мартти Рапола, в дальнейшем известные ученые. В университете Пааволайнен изучал эстетику, литературу и историю искусств, но учебу не закончил. Вместо этого у него завязалось масса знакомств в творческих кругах, и обнаружился особый интерес к городской культуре и ее проявлениям. Пааволайнен являлся центральной фигурой в молодежном модернистском течении так называемых «факельщиков» и в этой связи соприкоснулся с критикой, журналистикой и редакторской деятельностью. Его собственный писательский труд начался с поэзии. Напечатавшись в нескольких антологиях молодых поэтов под псевдонимом

Олави Лаури, он под тем же псевдонимом совместно с Микой Валтари издал сборник *«Магистрالی»* (1928). Его собственный сборник *«Впереди»* вышел в 1932 г. Первую заграничную поездку Пааволайнен предпринял в Париж, важный для «факельщиков» город.

В период воинской службы Пааволайнен редактировал сборник училища офицеров запаса (1929). Его опыт солдатской жизни был совершенно иной, чем у Пентти Хаанпя, написавшего про армию в произведении *«Плац и казарма»*. Одним из примечательных эпизодов раннего периода творчества Пааволайнена стала его критическая оценка книги Хаанпя. Эта критика отчасти повлияла на последующую писательскую деятельность Хаанпя и его трудности с поиском издателя. Ирония судьбы заключалась в том, что Пааволайнен и сам стал жертвой книжной войны, что также сказалось на его последующей карьере. С другой стороны, для Пааволайнена более чем критика собственно книги Хаанпя была важна предложенная последним картина финляндской действительности, своеобразная критика «босаяцкой культуры». Пааволайнен считал, что достижения современной техники и культуры были бы невозможны без глубоко укоренившегося в людях представления о дисциплине.

На протяжении 1920-х гг. Пааволайнен обращается ко многим проявлениям культурной жизни: кинематографу, итальянскому футуризму, власти машин, Эйфелевой башне, парижским паркам, но-вому типу женщины, Кики с Монпарнаса, джазовой музыке, культу обнаженного тела – всему тому «коктейлю современности», как он называл эти явления. Особенно важным в деятельности Пааволайнена было то, что он рано понял важность новых форм и каналов публикации. Среди них на первом месте были журналы, число и тираж которых резко вырос в 1920-е гг. Хотя Пааволайнен в своем памфлете *«Генеральная уборка»* (1932) посчитал, что уровень финских журналов ниже всякой критики, он, параллельно с работой над основными произведениями, и в дальнейшем сам много писал для журналов. И, что самое примечательное, в самые разные издания, начиная с *«Хопеанейли»* (*«Серебряное зеркало»*) и заканчивая *«Суомалайнен Суоми»* (*«Финская Финляндия»*), а также в газеты.

Результатом работы Пааволайнена на протяжении 1920-х гг. стал выход обширного сборника эссе *«В поисках современности»* (1929), в котором, как и в последующих его произведениях, воображение играло большую роль. К примеру, в данный сборник были включены 12 фотографий и рисунков Эйфелевой башни. Общее число иллюстраций в книге около 300. Образцом и источником материала для издания в первую очередь стал немецкий журнал *«Дер Кверинитт»*, который читали также в странах Северной Европы.

В 1930-е гг. Пааволайнен продолжил свою деятельность журналиста и эссеиста. Несколько лет он также работал редактором и руководителем рекламного отдела в Хельсинки и Турку. Одним из результатов этой его работы стали небольшая брошюра *«Строим завтрашний*

день», в которой рассматривалась важность страхования жизни, а также один из знаменитых рекламных лозунгов, украшавших Рыночную площадь в Турку вплоть до 1980-х гг. В 1932 г. Пааволайнен опубликовал памфлет *«Генеральная уборка»*, в котором он подверг критическому анализу состояние финской литературы. В журнале *«Аму»*, рекламировавшем себя как «культурный журнал для финской семьи», он писал обзоры танцевального и театрального искусства. Там же появилось его серьезное эссе об Аксели Галлен-Каллеле, одной из отправных точек которого стала поездка автора на озеро Паанаярви. Эссе предварило последующие произведения Пааволайнена о Карелии. Эти публикации могли бы составить обширный том, наряду со сборником *«В поисках современности»*.

В 1930-е гг. Пааволайнен много путешествует. При материальной поддержке издательства «Гуммерус» он совершил продолжительную поездку в Южную Америку. Результатом стала книга путевых заметок *«Отъезд и заклинание»*, в которой получило особое развитие описание пейзажей, которые у Пааволайнена зачастую приобретают характер стихотворений в прозе. В 1936 г. Пааволайнен был приглашен в Германию в Дом поэтов Травемюнде. Эта поездка позволила ему вблизи наблюдать за Третьим рейхом, Пааволайнен даже побывал на партийном съезде в Нюрнберге. Итогом стала книга *«В гостях в Третьем рейхе»*, положительно воспринятая ведущими критиками Финляндии того времени. Особенно благоприятной была рецензия Т. Вааскиви в журнале *«Валвоя-Айка»*.

Пааволайнен продолжил свои размышления на тему культуры и философии в произведении *«Крест и свастика»*. Буквально накануне Второй мировой войны в 1939 г. Пааволайнену представилась возможность совершить продолжительную поездку в Советский Союз. На обратном пути он заехал в Стамбул, интересовавшийся «факельщиками», и в Грецию. На одной из известных фотографий он запечатлен в афинском Акрополе. Впечатления от этой поездки вылились в очерк *«Европейская одиссея»*, ставший прологом к изданной после войны книге *«Мрачный монолог»*, а также в некоторые другие произведения, изданные позднее в сборнике *«Наш сосед Советский Союз»*.

Отчасти в результате поездок, предпринятых в 1930-е гг., у Пааволайнена появились амбиции философа культуры или предначертателя линий исторического развития, как можно заключить из его плана создания трилогии *«Черный бог»*. Еще в *«Мрачном монологе»* он походя спрашивает, начали ли сбываться его прогнозы из *«Креста и свастики»*. Но, пожалуй, к счастью для него самого, он не стал новым Освальдом Шпенглером или Арнольдом Тойнби.

Одной из отправных точек Пааволайнена была мысль о том, что в Финляндии не знают о происходящем в мире, будь то новые веяния в искусстве или новые мировоззренческие или политические тенденции. Поэтому Пааволайнена привлекало все значительное, впечатляющее, примечательное, эффектное. В его текстах фиксировалась визуально

впечатляющая действительность, то, что видно непосредственно и что несет в себе театральность, как, например, описание Нюрнбергского партийного съезда в произведении *«В гостях в Третьем рейхе»*. Речь шла о фиксации непосредственного впечатления от явлений, увлекших наблюдателя. Правда, в этом случае озадаченный читатель мог спросить, каково же личное отношение автора к описываемому явлению. В этом смысле Пааволайнена могли считать одновременно и поклонником и критиком нацизма.

Во время Зимней войны Пааволайнен служил в информационном агентстве «Финляндия», а после ранения был адъютантом престарелого генерала Мартина Ветцера, сопровождая его в поездках по военным госпиталям. По окончании Зимней войны Пааволайнен издал книгу *«Карелия – страна воспоминаний»*, в основу которой легли фотографии, присланные простыми людьми. В книгу также вошли его собственные, очень колоритные статьи о Карелии. В 1942 г. этот сборник получил продолжение в виде произведения *«Любимая бывшая Карелия»*. Обе эти книги были очень популярны, они сыграли свою роль в поддержании ностальгии по Карелии. Третья иллюстрированная книга, *«Битва за Олонец»*, также основывавшаяся на фронтовых очерках, была подготовлена совместно с Мартти Хаавио, но она так и не была издана.

Во время Войны-продолжения Пааволайнен служил военным корреспондентом в звании лейтенанта. В это время он написал несколько пейзажных очерков. Затем он был переведен в отдел информации Главной ставки в Миккели. В 1942 г. Пааволайнен редактировал антологию фронтовой поэзии *«Откуда-то отсюда»* и участвовал в редактировании некоторых других изданий. Служба при Ставке была для Пааволайнена весьма полезна. На тот момент в литературе Финляндии он был, пожалуй, одним из самых активных читателей как отечественных, так и иностранных изданий. Во время войны они стали для него важной отдушиной, поскольку уже в силу своих служебных обязанностей он имел возможность всесторонне следить за прессой. Его коллекция газетных и журнальных вырезок стала настоящей легендой. В литературном архиве Общества финской литературы находится большое количество принадлежавших Пааволайнену киноафиш, премьерных анонсов, театральных программ. Эти материалы свидетельствуют о том, насколько пристально Пааволайнен следил за событиями в мире искусства даже в военное время, не забывая и о самых увеселительных жанрах. Об этом также дает представление первое издание *«Мрачного монолога»*, военного дневника Пааволайнена.

Во время Войны-продолжения в 1943 г. Пааволайнен встретил свое 40-летие в кругу своих друзей из числа писателей и художников. Событие было названо «последним смотром факельщиков», хотя эти же люди были и на его 50-летнем юбилее.

После войны Пааволайнен на основе своего собрания газетных вырезок и собственных заметок подготовил большое произведение в двух частях *«Мрачный монолог»*, написанное в форме дневника. Эту книгу можно считать главным его произведением. Книга является яркой хроникой своего времени, вмещающейся между двух полюсов в виде пролога *«Европейская одиссея»* и эпилога *«Летний день в Кеуруу»*. Произведение распадается, с одной стороны, на воспоминания военного корреспондента, с другой – на эпизоды из его жизни периода службы в отделе информации Главной ставки. Пааволайнен прибегает к широкому спектру стилей – от живописания карельских пейзажей и олонецких просторов до жесткой сатиры. Сатирическими являются, например, описание так называемого свирского церковного съезда и совещания по вопросам политики в области культуры в Хельсинки. Никто не избежал критики Пааволайнена. В особенности ее объектом стали церковные круги и В.А. Коскенниemi, а также немцы.

«Мрачный монолог» был принят весьма положительно. Особо отмечали пейзажные зарисовки. Сокращенный вариант был издан по-шведски. Однако автора также упрекали за то, что «он умен задним числом». Произведение особенно критиковали некоторые «братья по оружию» Пааволайнена, например, Олави Сиппайнен, также служивший военным корреспондентом, или поэт и профессор В.А. Коскенниemi, писавший под псевдонимом Пентти Хилли. Через несколько лет профессор Рафаэл Коскимиес в последнем томе своего труда *«Живая национальная литература»* также вынес свой приговор. Отчасти подавленный критикой со стороны этих авторитетных фигур, Пааволайнен сблизился с левыми кругами, написав, к примеру, несколько статей для книги *«Наш сосед Советский Союз»*. В 1946 г. он также редактировал книгу Катри Вала *«Огненный столб»*. После этого Пааволайнен умолк как писатель и после 1946 г. практически ничего не издал. Однако он продолжал именовать себя писателем.

После войны деятельность Пааволайнена приобрела совершенно новый поворот. В 1947 г. он возглавил театральный отдел на радио и оставался на этой должности до самой смерти. Пааволайнена всегда интересовали драма и театр. На новой работе он внес особый вклад в развитие искусства радиопостановок, которые пользовались особой популярностью в 1950–60-е гг. Пааволайнен является редактором двух томов финских радиопостановок. Вместо уничтоженного войной дома в Виенола Пааволайнен приобрел домик в Кеуруу, где и проводил летнее время. Он путешествовал за границу, бывая, в частности, в санаториях, но путевых заметок более не писал. В 1960 г. он участвовал в открытии памятника Эдит Сёдергран в Терийоки.

Последние годы жизни Пааволайнена были омрачены чрезмерным потреблением алкоголя. Свообразной реабилитацией стало вручение ему премии Общества Эйно Лейно в 1960 г. Тогда же вышли его *«Избранные произведения»* в четырех томах. В *«Мрачный монолог»*

автор внес столько изменений, что можно говорить о двух разных версиях произведения. Пааволайнен изъяснял упоминания об увеселительных и связанных с искусством мероприятиях военного времени, а также некоторые личностные оценки. В конце своей жизни он, видимо, задумывал написать произведение в мемуарном жанре, посвященное «факельщикам», однако работа не пошла дальше разрозненных заметок.

Олави Пааволайнен уделял большое внимание своему публичному имиджу. Частью этого были фотографии, на которых видны все значимые детали вплоть до банта, сигареты в мундштуке, цепочки для часов, цветка в лацкане. Портрет Пааволайнена был написан еще в 1928 г., когда ему было всего 25 лет. На портрете работы Вяйнё Куннаса Пааволайнен изображен во фраке рядом с кактусом. Многие современники указывают на то, что Пааволайнен сохранил джентльменские манеры в одежде и поведении и в зрелом возрасте, несмотря на проблемы с алкоголем.

Судьба Олави Пааволайнена была тесно связана с несколькими женщинами – писательницами и художницами. С Катри Вала он находился в тесной переписке. С Минной Краухер он был связан с 1925 по 1930 гг. Несколько позже он познакомился с художницей из Турку Лийсой Таннер. Особую значимость для него имела писательница Хельви Хямляйнен, с которой у него была длительная связь, прервавшаяся во время войны. Хямляйнен изобразила Пааволайнена в образе склонного к нарциссизму декадента Артура в своих романах *«Благопристойная трагедия»* и *«Исчезнувший сад»*. Изданные впоследствии книга воспоминаний и дневники Хямляйнен проливают дополнительный свет на их отношения. Сиркка Селья увековечила свою встречу с Пааволайненом в сборнике *«Песни Тама»* (1945). В 1945 г. Пааволайнен женился на журналистке Сиркке-Лийсе Виртамо, но в 1952 г. брак распался. В дальнейшем близким другом Пааволайнена была Хертта Куусинен, политик, депутат парламента от Демократического Союза Народа Финляндии (ДСНФ) и дочь Отто Вилле Куусинена.

– Х.К. Рийконен

Приложение:

Олави Пааволайнен, литературный псевдоним Олави Лаури, род. 17.9.1903 Кивеннапа, умер 19.7.1964 Хельсинки. Родители: Пекка Пааволайнен, заместитель судьи, и Алиса Лаура Хелена Лёфгрэн. Жена: 1945–1952 (развод) Сиркка-Лийса Виртамо, журналистка, магистр философии; родители жены: Йоханнес Виртамо, учитель, и Эдла Мария Рутанен. Дети: Пекка, род. 1947.

Юхо Кусти Паасикиви (1870–1956)

Президент Республики

Ю.К. Паасикиви, занимая различные общественные и государственные посты, более пятидесяти лет участвовал в принятии главных политических и экономических решений. Высшей ступенью его карьеры стало президентство в 1946–1956 гг., во время которого он осуществлял разработанный им политический курс, получивший название линии Паасикиви.

Ю.К. Паасикиви помнят, прежде всего, как человека, наметившего и осуществлявшего принципы и цели внешней политики послевоенного периода. Его общественная карьера, однако, охватывала значительно более продолжительный отрезок времени – с рубежа веков и до окончания его президентства в 1956 г. Влияние Паасикиви на принятие основных политических и экономических решений исключительно заметно на протяжении более чем полувека.

Осиротевший школьник

Юхо Кусти Паасикиви рано потерял обоих родителей. Его мать умерла, когда мальчику было 4 года, а отца он потерял 10 лет спустя. Опекуним бедного мальчика из Лахти стала его пожилая тетя. В этих условиях Паасикиви вырос самостоятельным, иногда упрямым молодым человеком. С возрастом основными чертами его характера стали практичный реализм, осторожность и пессимизм, сочетавшиеся, тем не менее, с весьма бурным темпераментом.

Свое обучение Паасикиви начал в нормальном лицее в Хямеенлинне в 1882 г. Мальчик, с самого раннего детства обращавший на себя внимание своей безграничной любовью к чтению, вскоре стал первым учеником в классе, оставаясь таковым в течение почти всей учебы. Получив в 1890 г. аттестат зрелости с великолепными оценками, Паасикиви начал изучать историю и русский язык. Став кандидатом философских наук в 1892 г., он переключился на юриспруденцию, более перспективную в экономическом плане, и в 1897 г. получил степень

кандидата юридических наук. В том же году Паасикиви женился на студентке Анне Форсман. Наряду с выполнением многочисленных разовых работ Паасикиви продолжал свои занятия юриспруденцией и посетил в исследовательских целях Стокгольм и Лейпциг. Защитив в 1901 г. докторскую диссертацию, в следующем году он получил должность адъюнкт-профессора по административному праву в Императорском Александровском университете, но уже год спустя перешел в Финляндскую Государственную контору, ведавшую финансовыми вопросами Великого княжества, заняв пост главного директора, где проработал следующие десять лет.

Общественный деятель

Паасикиви еще в школьные и студенческие годы усвоил гегельянско-снелъмановский взгляд на ведущее значение языкового и национального фактора в истории. Поэтому на рубеже веков он вступил в Финскую партию, группировавшуюся вокруг газеты *«Ууси Суометар»*. На развитие политических взглядов молодого Паасикиви определяющее влияние оказал профессор всеобщей истории Й.Р. Даниельсон (с 1906 г. Даниельсон-Кальмари), представлявший социал-реформаторское соглашательское направление. От него Паасикиви усвоил идею, согласно которой, с усилением объединительных тенденций со стороны России, дело защиты финляндской автономии требует участия всех групп населения независимо от их языкового и социального статуса. Таким образом, языковой вопрос, в отличие от взглядов Юрьё-Коскинена, был лишь частью вопроса о социальной справедливости. Для сохранения особого политического статуса Великого княжества и социального мира необходимо было осуществить масштабную программу реформ в области социальной политики. Еще до всеобщей забастовки 1905 г. Паасикиви сыграл заметную роль в разработке этой программы. Он выполнял различные обязанности в кооперативном обществе *«Пеллерво»*, а в качестве автора газетных статей боролся за реформу государственного и муниципального избирательного права.

После всеобщей забастовки Паасикиви стал влиятельным политиком страны. Как член комитета по сеймовой реформе в 1905–1906 гг. он принимал участие в разработке тех принципов, на которых строился новый однопалатный парламент. В 1907 г. Паасикиви был избран депутатом по спискам Финской партии, и в парламенте он сразу же привлек к себе внимание как один из самых видных и талантливых деятелей своей фракции. Будучи депутатом, Паасикиви, в соответствии со своими социально-политическими взглядами, сосредоточился на торпарском вопросе и проблеме безземельного населения, а также на вопросах государственных финансов. В 1907 г. он занял весьма непростой пост председателя комиссии по сельскохозяйственным вопросам и отвечал за выработку основных принципов закона об аренде земли 1909 г. и за принятие этого положения.

У Паасикиви были также хорошие отношения с левым крылом либеральных младофиннов. После отставки «конституционалистского» сената Лео Мехелина в 1908 г. Паасикиви вместе с К.Ю. Стольбергом инициировал переговоры о создании коалиционного правительства, которое начало работать под руководством Эдварда Эльта. Паасикиви возглавил финансовую комиссию хозяйственного департамента сената (т.е. фактически был министром финансов княжества).

Политик-соглашатель

Карьера Паасикиви в сенате оказалась короткой. Коалиционный сенат распался весной 1909 г. из-за разногласий по вопросам политики по отношению к России, а оставшийся после него так называемый «урезанный сенат», в который входил Паасикиви, подал в отставку осенью того же года из-за расхождения во мнениях с российским правительством по процедурным вопросам. Паасикиви обозначил пределы соглашательской политики как для себя, так своей группировки, обосновывая свою отставку тем, что Финская партия не может исполнять любые требования России. После этого исполнительная власть перешла к значительно русифицированному так называемому «адмиральскому сенату».

Как политик-соглашатель Паасикиви, однако, считал, что возглавляемое им финансовое ведомство должно добросовестно выплачивать ежегодно так называемые «военные миллионы», назначенные русифицированным сенатом. Когда на сессии парламента 1913 г. было принято постановление о незаконности этих выплат, Паасикиви решил вообще оставить карьеру и политику. В 1914 г. он подал в отставку с должности главного директора Государственной конторы. Также он оставил парламент после окончания сессии 1913 г. и вышел из центрального совета Финской партии.

Так как двери Финляндского Банка оставались для Паасикиви закрытыми, он, в разрез с типичными для его поколения идеалами, оставил государственную службу и перешел в сферу частного предпринимательства. Следующие двадцать лет он работал генеральным директором Национального Акционерного Банка (*Kansallis-Osake-Pankki, КОП*).

После начала первой мировой войны Паасикиви поначалу разделял лояльность своей партии по отношению к Российской империи. Однако после «периода угнетения», связанного с унификационными мероприятиями центрального правительства в отношении Финляндии, для Паасикиви больше не стоял вопрос о моральной или юридической преданности. Теперь он полагал, что финнам следует сохранять как можно более широкую свободу действий. Особенно после того, как в ходе наступления весной 1915 г. Германия продемонстрировала свою мощь, Паасикиви всерьез стал принимать в расчет возможность того, что армия кайзера Вильгельма может полностью разбить Россию.

Монархист

Свержение императорской власти весной 1917 г. привело к значительному увеличению роли либералов в российском руководстве. В новой обстановке Паасикиви выступал в роли представителя Финской партии в конституционном комитете, возглавляемом К.Ю. Стольбергом. Комитет должен был подготовить новую форму правления и связанные с ней акты. Из-за незнания Стольбергом языков Паасикиви вел переговоры с Временным правительством по этому вопросу. Наряду с Даниельсоном-Кальмари и другими финскими лоялистами Паасикиви работал над упрочением автономного статуса Финляндии в составе России вплоть до начала Октябрьской революции.

Только приход большевиков к власти стряхнул с Паасикиви остатки лоялизма. В его понимании, достигнутая Финляндией независимость стала результатом внешних событий, происходивших в мире, «подарком небес». К роли финских активистов Паасикиви относился без уважения, а для осуждения социалистического восстания он не находил достаточно сильных слов. Поскольку Советская Россия признала мятежное правительство и не отказывалась от своего признания, Паасикиви считал, что достижения независимости само по себе недостаточно – ее нужно закрепить. Для него было самоочевидным, что Россия, правят там красные или белые, рано или поздно попытается вернуть обратно свои окраинные территории. После поездки в скандинавские страны зимой 1917–1918 г. Паасикиви понял, что надежду на интервенцию Швеции в поддержку независимости Финляндии нужно похоронить.

С геополитической и стратегической точки зрения западные державы были слишком далеко, чтобы решающим образом повлиять на ситуацию на удаленном побережье Балтики. Таким образом, только Германия, которая пока преуспевала в военном плане, могла, при желании, надежно обезопасить Финляндию от России. Этот план подразумевал также присоединение Восточной Карелии к Финляндии. Весной 1918 г. Паасикиви был в Финляндии одной из ведущих фигур направления, делавшего ставку на помощь со стороны Германии. Став в мае 1918 г. регентом, П.Э. Свинхувуд сделал Паасикиви своим преемником на посту председателя хозяйственного департамента сената (премьер-министра). Между Паасикиви и Свинхувудом в то время не было существенных разногласий. Они совместно разработали план, направленный на обеспечение поддержки со стороны кайзера Вильгельма посредством избрания немецкого принца монархом Финляндии. Помимо этого, предлагался военный союз. Монархия во главе с представителем династии Гогенцоллернов, по мнению Паасикиви, не обязательно приведет к зависимости от Германии в большей степени, чем существующая взаимозависимость народов в современном мире. Однако, программа Свинхувуда и Паасикиви как таковая не получила поддержки в Германии.

С конца лета 1918 г. Паасикиви начал сомневаться в успешном для Германии исходе войны, однако еще не считал возможным полный крах империи. Когда в ноябре 1918 г. это все же произошло, разрушились основы политики, которой придерживался Паасикиви при поддержке Свинхувуда, и его правительство вынуждено было уйти в отставку. До своей отставки сенат успел принять некоторые важные решения в области внутренней и экономической политики, самым значимым из которых был принятый в октябре 1918 г. «закон об освобождении» торпарей. Его содержание базировалось на тех основных принципах, которые под руководством Паасикиви были выработаны в комиссии по землеустройству в 1912–1914 гг.

Участник мирных переговоров в Тарту

По мнению Паасикиви, поражение Германии вновь сделало Россию «первой среди прочих». Для нейтрализации угрозы с востока он считал необходимым строить хорошие отношения с белыми в России, которые, как полагали, одержат победу в продолжавшейся гражданской войне. Так, он поддерживал идею Густава Маннергейма принять участие в захвате Петрограда, в награду за что Финляндия получила бы Восточную Карелию. Однако Паасикиви, наряду с Лаури Ингманом потребовал четких условий операции, которые не были выполнены, и весь план потерпел неудачу.

После того, как ход гражданской войны в России стал указывать на вероятную победу большевиков, в Хельсинки все большее распространение стала получать мысль о заключении мира с правительством Ленина. Большевики, однако, по-прежнему считали достаточно слабыми для того, чтобы финны в одиночку смогли бы добиться принятия их масштабных территориальных и экономических требований. Весной 1920 г. они были сформулированы в комитете по председательством Паасикиви, в который вошли представители всех парламентских партий.

На мирных переговорах в Тарту делегация, состоявшая из членов комитета, вынуждена была попытаться на практике осуществить намеченные в Хельсинки цели. В отличие от многих других буржуазных политиков, Паасикиви избегал жесткой приверженности заранее определенным целям, основывавшимся главным образом на идеологических соображениях. По его мнению, необходимо было тщательно следить за общей обстановкой и, исходя из этого переосмысливать реальную ситуацию. Паасикиви считал достигнутый с русскими компромисс более чем удовлетворительным. Тем не менее, по мнению Паасикиви и Лаури Ингмана, идея мировой революции, присущая большевистской России, представляла постоянную угрозу. С этой точки зрения, результаты, достигнутые в Тарту, были лишь выигрышем времени.

Когда в 1921 г. британский флот покинул Балтийское море, и Финляндия осталась без какой-либо надежной военной помощи с

чьей бы то ни было стороны, Паасикиви считал необходимым поддерживать, по меньшей мере, приемлемые отношения с Советской Россией. Хотя Лига наций со своими принципами была сама по себе хороша, но, по мнению Паасикиви, конкретную помощь со стороны этой организации, по крайней мере, на тот момент, не следовало рассматривать как вполне надежную. Таким образом, Паасикиви в 1920–30-е гг. постоянно подчеркивал значение оборонительных сил.

Банкир

Возглавляя Национальный Акционерный Банк (КОП), Паасикиви пришлось руководить этим финансовым учреждением в тяжелые годы Первой мировой войны и кризиса 1930-х гг. Во время правления Паасикиви оборот банка и количество филиалов сильно выросли, и КОП становился самым большим коммерческим банком страны. В своих действиях Паасикиви прагматично следовал установкам классического либерализма. Экономика должна была находиться в равновесии, и сбережения следовало направлять не только на дальнейшее развитие, но и на обеспечение благосостояния населения. Как представитель крупнейшего банка, Паасикиви был ключевой фигурой в различных комитетах по экономическим и государственным вопросам.

Из-за жестких приемов, используемых в управлении банком, Паасикиви оказался в конфликте с остальным руководством. Острая критика так называемых «кризисных движений» в адрес проводимой в стране экономической политики затронула также КОП и его руководителя. Давление, вызванное кризисом, наряду с заботами, связанными с болезнью жены и ее смертью в 1931 г., до предела обострили нервное напряжение Паасикиви и, в конце концов, привели к ухудшению его взаимоотношений с членами правления банка и отставке в 1934 г.

Скандинавист

В независимой Финляндии Паасикиви выступал за твердую власть и считал, что левых нельзя допускать в правительство. В отношении к социал-демократии Таннера его мнение изменилось только в конце 1930-х гг. По отношению к Лапуаскому движению Паасикиви изначально занял осторожно-позитивную позицию, но затем стал резким противником правого радикализма. Будучи председателем консервативной Национальной коалиционной партии в 1934–1936 гг., он четко отмежевался от праворадикального Народного Патриотического движения (ИКЛ) и гарантировал, что НКП с ее консервативными ценностями остается на позициях скандинавской демократии.

После того, как в 1935 г. Финляндия во внешней политике стала ориентироваться на Северные страны, место посла в Стокгольме

приобрело большое значение. Стратегический план заключался в создании оборонительного союза между Финляндией и Швецией. Этой же цели служил проект фортификации Аландских островов. Паасикиви, только что вышедшего на пенсию и заключившего новый брак с Алли Валве, уговорили занять пост посла в 1936 г.

В роли дипломата Паасикиви исходил из того, что у Швеции не должно возникать никакого сомнения в стабильности и искренности скандинавской ориентации Финляндии. Из этого в свою очередь вытекали четкие требования к внутренней политике Финляндии. Помимо участия социал-демократов требовалось также сотрудничество со стороны буржуазных партий, распространявшееся и на Шведскую народную партию (ШНП). Была необходима умеренность в языковом вопросе, в противном случае шведоязычных граждан Финляндии было бы невозможно привлечь к совместным действиям. По мнению Паасикиви, финскую идею следовало проводить в жизнь путем практической работы и достижений в области культуры, а не особыми законодательными мерами.

Участник переговоров о мире и посланник в Москве

После того, как Советский Союз предложил в начале октября 1939 г. начать обсуждение «конкретных политических вопросов», финское правительство для ведения переговоров остановилось на кандидатуре Паасикиви, считавшегося специалистом по отношениям с востоком. В октябре–ноябре он трижды ездил в Москву. В двух последних визитах его сопровождал Вяйнё Таннер. Изначально Паасикиви соглашался с довольно жесткими инструкциями, в разработке которых участвовал лично. Он выступал также за принятие иностранной помощи, независимо от того, с какой стороны она поступит. Однако по ходу переговоров Паасикиви убедился в решимости Сталина добиваться выполнения своих основных требований и что Финляндия во внешнеполитическом смысле остается одна. Исходя из этого, Паасикиви считал необходимым поиск компромисса, основывающегося на достаточно далеко идущих уступках, чтобы предотвратить войну, означавшую для Финляндии полную катастрофу. Это было необходимо, даже несмотря на то, что, в случае согласия на требования СССР, Финляндия будет вынуждена отойти от политики скандинавского нейтралитета и попадет в сферу влияния Советского Союза. В Хельсинки маршал Густав Маннергейм придерживался той же линии, что и Паасикиви, но правительство, направляемое в этих вопросах министром иностранных дел Элиасом Эркко, заняло противоположную позицию. Доводы Паасикиви и Маннергейма остались безрезультатными, и в середине ноября переговоры были прерваны.

После начала Зимней войны 30 ноября 1939 г. Паасикиви был приглашен в качестве министра без портфеля в правительстве Ристо Рюти. Предполагалось, что он станет советником Рюти и Таннера

по внешнеполитическим вопросам. Ядро правительства составил триумvirат: Рюти, Таннер и Паасикиви. В январе 1940 г. Паасикиви поддержал установление контакта с Москвой, налаженного при посредничестве Хеллы Вуолийоки и Александры Коллонтай. Уже тогда, в отличие от Рюти и Таннера, он считал, что во имя достижения мирного договора необходимо уступить Советскому Союзу базу на западе Финского залива. Тем не менее, во время переговоров о мире в Москве Паасикиви, входивший в финскую делегацию под руководством премьер-министра Рюти, вместе с коллегами все еще серьезно рассматривал вопрос о принятии помощи западных стран. Однако в конце концов он поддержал принятие условий, продиктованных Советским Союзом; мирный договор был подписан 13 марта 1940 г.

После заключения мира Паасикиви согласился взять на себя сложные и ответственные обязанности представителя Финляндии в Москве. Он исходил из того, что вопросы, непосредственно связанные с мирным договором, нужно как можно скорее снять с повестки дня. Между Советским Союзом и Финляндией необходимо было установить хорошие и дружественные отношения, избегая при этом излишней уступчивости. Поначалу переговоры Паасикиви с наркомом иностранных дел Молотовым касались главным образом интерпретации мирного договора, но после оккупации прибалтийских государств летом 1940 г. Советский Союз за короткий срок предъявил Финляндии четыре тяжелых политических требования. Они касались никеля в Петсамо (Печенга), вопроса об Аландских островах, транзита через Ханко, а также отставки Таннера из правительства. Политическая тактика Паасикиви заключалась в уступках ради выигрыша во времени.

Приехав в августе 1940 г. в Финляндию, Паасикиви с самого начала знал об изменениях во внешнеполитической ориентации Финляндии, вызванных визитом Йозефа Фельтьенса, представителя рейхсмаршала Германа Геринга. Более подробные сведения о «зонтике» Гитлера он получил, однако, лишь вернувшись в Финляндию в начале июня 1941 г. Правительство в Хельсинки, опасаясь утечки информации, держало Паасикиви, равно как и других дипломатических представителей Финляндии за рубежом, в неведении относительно сближения между Финляндией и Германией. Причиной отставки Паасикиви с должности посланника стали, таким образом, вызванные недостатком информации разногласия о целесообразности и рискованности жесткого курса правительства, прежде всего, в вопросе о Петсамо.

«Чужой» в «узком кругу»

Вернувшись в Финляндию и получив разъяснения относительно политической ситуации, Паасикиви согласился с прогерманским курсом правительства. Пожилой государственный деятель с лета 1941 г. официально находился на пенсии и главным образом занимался написанием мемуаров. Однако с интервалами в несколько недель он

регулярно беседовал с президентом Рюти, что позволяло ему быть своего рода «внешним» членом правительственного «узкого круга», хорошо ориентируясь в политических процессах и оценке ситуации руководством государства. С этими оценками он был согласен.

Осень 1942 г. означала резкий поворот в оценках Паасикиви итогов Второй мировой войны. В многочисленных дискуссиях, проходивших в августе–сентябре в ходе его поездки в Данию, он убедился в превосходстве военного потенциала союзников по сравнению с державами оси. Он полагал, что вскоре это станет очевидным по характеру оперативных боевых действий. В течение 1943 г. Паасикиви окончательно пришел к убеждению в неизбежности поражении Германии, если только Гитлер не заключит со Сталиным сепаратный мир, возможно за счет Финляндии. Паасикиви с такими мыслями стал своего рода фоновой фигурой так называемой «мирной оппозиции», хотя он не принимал активного участия в ее деятельности и всячески избегал появления на публике в обществе активистов «мирной оппозиции» до самого окончания войны.

В многоступенчатом переговорном процессе весной 1944 г., в которых Паасикиви принимал активное участие как в Стокгольме и Москве, так и на родине, он был уже готов открыто рекомендовать правительству вступить на мирный путь. После поездки в Москву из-за расхождений в оценках ситуации доверительные прежде отношения Паасикиви и Рюти стали прохладными. Летом 1944 г. Паасикиви из-за появившихся разногласий с президентом остался в стороне от процесса реорганизации правительства. Недовольный одним газетным интервью Паасикиви, новый президент Маннергейм исключил его из состава мирной делегации, отправившейся в Москву в начале сентября 1944 г.

На посту премьер-министра

Осенью 1944 г. стало ясно, что приемлемые отношения с СССР, сверхдержавой-победительницей, невозможно построить без участия Паасикиви. У него в Москве была хорошая репутация, и там он не нес на себе печать сторонника политики войны. Вопреки своему нежеланию, президент Маннергейм вынужден был в этих условиях поручить Паасикиви сформировать правительство в ноябре 1944 г. Впервые членом кабинета стал коммунист, Юрьё Лейно. Своего рода программой нового премьер-министра стала его речь, произнесенная в День независимости 1944 г. в Выставочном павильоне *Мессухалли*, в которой Паасикиви провозгласил первостепенной задачей правительства неукоснительное выполнение условий Соглашения о перемирии. Этого, однако, было еще недостаточно. Коренным интересам страны отвечало установление добрых и доверительных отношений с Советским Союзом на длительную перспективу.

Восточный сосед в отношении Финляндии имел интересы, связанные с безопасностью и признанные Паасикиви законными. В связи с этим

определяющим обстоятельством в политике Москвы в отношении Финляндии можно было считать то, что Финляндия не должна была позволять использовать свою территорию как путь для нападения на Советский Союз. Это и стало фундаментом курса Паасикиви. Внешняя политика всегда шла впереди внутренней. Согласно своей концепции, он в непростой послевоенной обстановке пошел на то, чтобы, не обращая внимания на угрызения совести, публично рекомендовать избрание «новых лиц» в парламент. По многим статьям Соглашения о перемирии Паасикиви со своим кабинетом вынужден был соглашаться с интерпретацией Союзной контрольной комиссии. Так обстояло дело по вопросу о репарации, а также в связи с судебным процессом над виновными в войне, в ходе которого приговоры, после вмешательства Паасикиви, выносились согласно требованиям Советского Союза.

Стабилизации обстановки способствовали одобренные странами-победителями результаты парламентских выборов марта 1945 г., на основании которых Паасикиви смог сформировать обновленное правительство на основе соглашения о сотрудничестве трех крупных партий: Социал-демократической партии Финляндии, Демократического союза народа Финляндии и Аграрного союза. Во время президентства Маннергейма в сферу ответственности премьер-министра зачастую входили вопросы, которые относились к полномочиям главы государства. Отчасти они были делегированы ему в период нахождения Маннергейма на родине, однако когда президент по причине болезни пребывал за границей, эти полномочия полностью ложились на плечи премьер-министра. После отставки маршала в марте 1946 г. парламент избрал преемником Маннергейма на посту президентом Паасикиви.

Президент периода восстановления

Первостепенной задачей в качестве главы государства Паасикиви считал реалистичную внешнюю политику, направленную на достижение окончательного мира и предоставляемой им большей свободы действий. Однако, при необходимости он твердой рукой вмешивался и во внутривнутриполитические и экономические вопросы, считая их связанными со стабилизацией внутренней обстановки. Это было заметно во время Парижской мирной конференции 1946 г. в связи со спровоцированным коммунистами так называемым «мирным кризисом», а также весной 1948 г., когда речь шла о возможности в случае необходимости применения военной силы для предотвращения беспорядков. Мирный договор со странами-победительницами, наконец, был подписан в Париже в феврале 1947 г. Для Финляндии это означало, что основные положения Соглашения о перемирии оставались в силе. По окончании процесса ратификации Союзная контрольная комиссия покинула страну в сентябре 1947 г. Когда Сталин в феврале 1948 г. предложил заключить Договор о дружбе,

сотрудничестве и взаимопомощи, Паасикиви одобрил эту идею, пытаясь, однако, добиться того, чтобы договор составлялся на основе проекта, подготовленного финнами. Пытаясь выиграть время для раздумий, Паасикиви лично не участвовал в проходивших в Москве переговорах, но держал бразды правления в своих руках в Хельсинки. Договор сроком на десять лет был подписан в Москве 6 апреля 1948 г. В результате статус Финляндии в разделенной Европе определялся не только условиями Парижского мира. Не менее важным становился Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1948 г. В своей совокупности они надолго, вплоть до окончания холодной войны, стабилизировали международное положение Финляндии.

В 1946 г. Паасикиви избрали президентом на срок, оставшийся до конца правления Маннергейма, то есть до 1950 г. Тогда он не желал проводить обычные выборы, но они все же состоялись, и 171 голосом он был избран главой государства. Главный акцент второго президентского срока Паасикиви стал все более отчетливо смещаться в сторону внутренней политики, на которой лежала печать борьбы за власть между социал-демократами и Аграрным союзом, в условиях, когда Урхо Кекконен уже строил планы на президентские выборы 1956 г.

«Оттепель», начавшаяся в Советском Союзе после смерти Сталина, давала Паасикиви в конце срока его правления больше свободы действий в области внешней политики. В 1955 г. Финляндия вступила в Северный Совет и в Организацию Объединенных Наций. Вершиной долгой карьеры Паасикиви стал его визит в Москву осенью 1955 г. и достигнутая там договоренность о возвращении Финляндии арендованной территории в Порккала. Паасикиви хотел внести уточнения в Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, срок действия которого вскорости истекал, но опасался, что это может осложнить возвращение Порккала. Поэтому договор был продлен без изменений, и так происходило затем много раз вплоть до развала СССР в 1991 г. К концу второго президентского срока Паасикиви Финляндия уже избавилась почти от всех вызванных войной ограничений и чрезвычайных мер; репарации были выплачены, переселенцев удалось обустроить, постепенно отменялось нормирование распределения.

На президентских выборах 1956 г. Паасикиви уже не выдвигал свою кандидатуру, однако во время выборной процедуры, с его согласия, его использовали в качестве «темной лошадки». Но в ходе решающего голосования он не получил достаточной поддержки выборщиков и 1 марта 1956 г. 85-летний Паасикиви ушел со своего поста. Он собирался продолжить работу над уже давно начатыми мемуарами, однако в декабре 1956 г. скончался.

Накануне заключения перемирия, в июле 1944 г. Паасикиви наблюдал за ходом событий из идиллического курортного городка Наантали. Он излил свое подавленное состояние на страницы

дневника: «Мы привыкли полагаться на силу закона и справедливости. История не дает для этого основания. Изучая историю, становишься пессимистом... Государства действуют согласно Staatsröson (государственному интересу – Т.П.). Это ужасно – blutrotig (кроваво-красно – Т.П.). Это за пределами добра и зла. Пока что не удастся найти какую-нибудь систему, которая бы ограничила Staatsröson и защитила бы от него другие страны... Ограничение Statsröson, его соотношение с моралью – вот вопрос, от решения которого в первую очередь зависит будущее малых государств, но, в конечном итоге, и благополучие больших государств и всего человечества».

Паасикиви раз за разом возвращался к этой проблеме. В мире, в котором правит политика силы, в котором международное право, как казалось, ограничено «скорее вопросами этикета», его мысли беспокойно кружились по заколдованному кругу в поисках спасительного выхода. Для маленькой страны, по всей видимости, не оставалось никакой другой возможности, как приспособливаться в данный конкретный момент к требованиям большой политики, игнорирующей факторы морали. Как изменить этот прискорбный и опасный, особенно для малых народов, «закон джунглей»? Вокруг этой проблемы мысли Паасикиви вращались до конца его дней.

– Туомо Полвинен

Приложение:

Юхан Густав Хеллстен, с 1887 г. Юхо Кусти Паасикиви, род. 27.11.1870, Коски, губ. Хяме, умер 14.12.1956, Хельсинки. Родители: Аугуст Хеллстен, торговец, и Каролина Вильгельмина Селин. Первая жена: 1897–1931 Анна Матильда Форсман, род. 1869, умерла 1931, родители первой жены: Исраэль Форсман, учитель народной школы, и Анна Тойвонен; вторая жена: 1934–1956 Аллина (Алли) Валве, род. 1879, умерла 1960, родители второй жены: Андреас Хилден, сапожник, и Мария Шарлотта Тегельман. Дети: Анникки Аарре, род. 1898, умерла 1952, архитектор; Велламо Анна (Ант-Вуоринен), род. 1900, умерла 1966, стоматолог; Юхани Вилхельм, род. 1901, умер 1942, офицер; Варма Юхо, род. 1903, умер 1941, кандидат медицинских наук.

Альма Пиль (1888–1976)

дизайнер ювелирных изделий

Альма Пиль, родившаяся в семье ювелиров, как со стороны матери, так и со стороны отца, в первое десятилетие 20 в. создавала украшения по заказу мастерской петербургского придворного ювелира Карла Фаберже. Самыми известными работами Пиль являются два императорских пасхальных яйца: *«Зимнее яйцо»* и *«Мозаичное яйцо»*.

В 1909 г. Альма Пиль начала работать в мастерской своего дяди Альберта Холмстрёма. Холмстрём был мастером-ювелиром у Фаберже, чья мастерская создавала большую часть драгоценных изделий фирмы. Сначала Альме Пиль было поручено рисовать украшения для архива. Когда у молодой художницы выдавался перерыв в работе, она делала наброски собственных идей на бумаге. Дядя увидел эскизы, показал их Карлу Фаберже и получил от того положительный отзыв. Так было положено начало карьере Альмы Пиль. Пиль была полностью самоучкой, она не посещала художественную школу, не получала никакого профессионального образования. Несмотря на это, она справлялась позднее с самыми сложными заданиями.

Первым большим поручением для Пиль было создание в 1911 г. серии украшений на тему зимы для клиента Фаберже доктора Эммануэля Нобеля. Коллекция получилась настолько удачной, что Нобель начал заказывать украшения для фирменных подарков. Нобель сотнями в течение многих лет покупал у Пиль зимние украшения и другие изделия. Для этого же клиента было создано знаменитое изделие *«Ледяное яйцо»* – скорлупа сделана из граненого горного хрусталя, внутри которой расположены часы из драгоценных камней. Это изделие было продано в 1996 г. на аукционе Сотби за 421 500 швейцарских франков.

К 300-летию династии Романовых в 1913 г. Альма Пиль создала официальную коллекцию подарочных украшений. Темой для нее были символы императорского дома, такие как Шапка Мономаха,

использовавшаяся при коронации первых русских царей. Созданное Пиль «*Зимнее яйцо*», пасхальный подарок императора Николая II своей матери в 1913 г., принесло ей всемирную известность в 1994 г. Продажа «*Зимнего яйца*» на аукционе Кристи побила рекорды всех времен: оно было продано за 5,6 миллионов долларов. Новый рекорд был побит в 2002 г., когда за украшение было заплачено 9,6 миллионов долларов. Подарок Николая II своей супруге на Пасху 1914 г., «*Мозаичное яйцо*», находится в коллекции королевы Великобритании.

Источником вдохновения для Альмы Пиль была северная природа. Она была одной из первых художниц, которой были близки зимние темы. В ее изделиях повторяются снег, тающие ледяные глыбы, ледяные узоры и кристаллы. Для ее художественного языка хорошо подходили такие поделочные материалы, как бесцветный халцедон и горный хрусталь. Она стала новатором в использовании этих «родных» природных материалов.

Стиль Альмы Пиль был очень индивидуальным. Стиль времени, неоклассицизм первого десятилетия 20 в., был не для нее. В своих работах она шла своим путем; в ее произведениях виден как русский модерн и отголоски натурализма, так и черты будущего *art deco*.

С 1927 г. Альма Пиль работала в Куусанкоски, где преподавала рисунок и каллиграфию в шведской школе, которую содержала компания «*Кюми*». Она проработала в этой должности до 1951 г. Лишь немногие из сотен ее учеников во время учебы знал о творчестве своего преподавателя.

Улла Тилландер-Годенъелм

Приложение:

Альма Терезия Пиль, род. 15.11.1888 Москва, умерла 15.7.1976 Хельсинки. Родители: Кнут Оскар Пиль, ювелир, род. 1860 приход Похья, умер 1897 Москва, и Фанни Флорентина Холмстрём, род. 1869 Санкт-Петербург, умерла 1949 Хельсинки. Муж: 1912–1960 Николай Клее, род. 1879 Петербург, умер 1960 Хельсинки.

Хенрик Габриэль Портан (1739–1804)

*историк,
профессор риторики,
советник канцелярии*

Во времена расцвета густавианской эпохи конца 18 в. Хенрик Габриэль Портан, работая в Туркуском университете (Академии), являл собой пример разносторонней исторической эрудиции и образованности. Благодаря его активной политике по формированию фондов университетская библиотека стала развиваться в современном направлении. Портан в своих обширных диссертационных работах также углубился в проблемы фольклора и древней письменной истории, за что заслужил имя отца финляндской историографии. Через него многие идеи той эпохи проникли в университетские круги, им восхищались как отличным педагогом и лектором.

По отцу корни Хенрика Габриэля Портана восходят к выборгскому бюргеру Густаву Пуртанену. Его сын Зигфрид Портанус стал полевым пастором, а позже настоятелем церкви в Виитасаари, где род проживал в течение трех столетий. Отец Хенрика Габриэля Портана, настоятель Зигфрид Портан был пастором в третьем поколении, а его мать Кристина Юсления принадлежала к известному западно-финляндскому роду, проявившему себя в образовательной и университетской областях. Дедом по матери был профессор теологии Туркуского университета Габриэль Юслениус, братом которого был известный феннофил, профессор священных языков, позже епископ Порвоо и Скара Даниэль Юслениус.

На годы взросления Хенрика Габриэля Портана оказала решающее влияние душевная болезнь, настигшая его отца в 1744 г. Болезнь преследовала весь род. Поэтому, начиная с пятилетнего возраста, мальчик воспитывался у своего дяди Густава Юслениуса, настоятеля церкви Круунунпюю в Похьянмаа. Его старший брат был отправлен в Турку к другому дяде, советнику надворного суда Перу Юслену. Больной отец, мать и две сестры, Мария Маргарета и Кристина Катарина остались в Виитасаари, где проживали в крайне стесненных условиях. Воспитание у родственников заложило психологическую основу для

упорного стремления талантливого и скрупулезного по характеру юноши к признанию, что вылилось в его тягу к учебе. Подобно многим блестящим выпускникам протестантских университетов Германии, Хенрик Габриэль Портан вследствие неблагоприятных личных обстоятельств не вписался в традиционную для финляндского духовенства карьерную систему.

В 15-летнем возрасте Портан поступил в Туркуский университет. Свой первый угол он снимал у магистра Кристиана Кавандера, впоследствии профессора, представителя теологии природы. Этой же отрасли науки были посвящены диссертации Портана *pro exercitio* и *pro gradu* «*Revelationi quid debeat philosophia nostra*» («*Чем наша философия обязана откровению*», в двух частях, 1758 и 1762) защищенные под руководством профессора Якоба Гартмана. Автор в духе Г.В. Лейбница отстаивал представление о том, что существование бога может быть доказано при помощи разума. Грех, преисподняя, воскрешение и другие догматы христианства являются вторичными по отношению к этому. Портана и позднее интересовала проблема столкновения теологии природы и атеизма эпохи Просвещения. Он до самой своей смерти не был уверен в том, считать ли *Библию* божественным откровением, как того требовала традиция, или же можно осмелиться, вслед за исследователями из континентальной Европы, рассматривать ее как исторический источник.

Многопрофильное знание было характерно для того времени, и Портан как никто другой соответствовал его требованиям. По не вполне понятным причинам он достаточно рано отказался от карьеры пастора. Получив степень магистра, он вскоре стал доцентом риторики, то есть латыни, и довольно скоро получает постоянную должность amanuensa университетской библиотеки. Должность университетского библиотекаря он занимал с 1772 по 1777 гг., пока не получил должность профессора риторики и поэзии.

Библиотечная работа идеально соответствовала характеру Портана – педантичному, аккуратному и жаждущему знаний. И хотя жалованье было настолько мизерным, что ему, как и многим другим молодым ученым того времени, приходилось зарабатывать на жизнь частными уроками, он взялся за работу с необычайным энтузиазмом. Портан обновил систему каталогов и сделал более эффективной систему комплектования. Помимо поступавших из шведских типографий обязательных экземпляров книг, он закупал для библиотеки все доступные финские издания прежних лет. Он создал систему обмена литературой, позволившую получать иностранные издания, и отправлял вторые экземпляры в библиотеку лица в Порвоо. Результатом такой деятельности стало то, что фонды библиотеки выросли в четыре раза, примерно до 28 000 томов. Из-за того, что преемники Портана не проявляли подобного рвения, он всю свою жизнь продолжал деятельность на благо библиотеки. Ее истории он посвятил обширную

серию диссертаций «*Historia bibliothecae regiae academiae Aboensis*» («*История академической библиотеки Турку*», 25 частей, 1772–1795). Портан также собрал отличную домашнюю библиотеку.

Сменив Хенрика Хасселя в должности профессора риторики, Портан получил большую преподавательскую нагрузку. Следуя по стопам почитаемого им Хасселя, Портан использовал классическую латынь, и в своем владении языком он достиг вершин совершенства. На практических занятиях Портан стремился научить студентов ораторскому искусству и знанию античной литературы. Однако практицизм эпохи все же способствовал тому, что Портан принял идею использования в университетском обучении и других языков кроме латыни. Свои собственные лекции он читал на шведском. Следуя теории неогуманизма и учению Джона Локка, Портан стремился воспитать из своих учеников гармоничных, думающих и всесторонне образованных чиновников и священников. По его мнению, хороший академический преподаватель – не «механический лектор», но источник вдохновения для молодежи. Большая часть его лекций сохранились либо в рукописях, либо в виде студенческих конспектов. Портан читал лекции по философии, педагогике, теологии, классической археологии, истории, языкознанию и эстетике, то есть практически по всем дисциплинам гуманитарного образования.

В 1783 г. Портан весьма четко определил цели и объем стоявших перед ним задач: «Здесь, как и везде, сегодня, как и ранее, одни пытаются облегчить себе работу, но от этого другим приходится делать больше. Однако всех меряют одной меркой, поэтому очень неприятно выслушивать упреки, особенно когда со всей ответственностью подходишь к своему делу. Помимо публичных лекций, я читаю 12 часов лекций в неделю; вдобавок я два часа в неделю готовлюсь к своим публичным лекциям; каждую среду провожу собрания землячества, в субботу еще три часа; в те же дни с семи утра до двенадцати принимаю и проверяю практические задания по латыни. Большого не успел бы и немецкий профессор. Ведь еще требуется время на подготовку, для собственного чтения (чтобы через десять лет не отстать от научной жизни), а также для написания всякого рода работ».

Будучи доцентом и профессором римской поэзии, Портан в целом уделял много внимания литературе. Иногда он и сам выступал в роли поэта. В духе традиций Юслениуса, он довольно рано начал заниматься исследованием финской поэзии. В этот период примитивная народная культура еще не вызывала у него восхищения, он лишь исследовал ее с научной точки зрения в ходе своих летних поездок в Виитасаари и другие места. Большую пользу Портану оказали материалы, собранные Кристфридом Ганандером. Главным трудом Портана в этой области стало исследование «*De poësi Fennica*» («*О финской поэзии*»), вышедшее в пяти частях в 1766–1768 и в 1778 гг. Первая часть была посвящена структуре, размеру и стилю народной поэзии. Вероятно,

образцом для начальных разделов труда послужила работа шведа Карла Ауривиллиуса «*De poësi Biblica*» («*О библейской поэзии*»). Поскольку в этот период Портан еще верил в господствовавшую тогда теорию о родстве финского языка и иврита, он обращал особенное внимание на восточные черты фольклора. Он также критиковал «некрасивые» особенности народной поэзии, например, недостаток гармонии.

Смена парадигм, произошедшая в науке и культуре за десять лет, привела к тому, что последние части работы «*О финской поэзии*» существенно отличались от первых частей в мировоззренческом отношении. Портан стал часто ссылаться на новейшие европейские исследования. В 1770-е гг. статус народной поэзии вырос вследствие распространения культа Гомера. Начавшись в Англии, стараниями Александра Поупа, Томаса Блэкуэлла и Роберта Вуда, он распространился на весь мир. На Портана наибольшее влияние оказали «*Песни Оссиана*» Джеймса Макферсона (1765), на что он с большим энтузиазмом указывает в своей переписке. Дух неогуманизма в той его форме, которая была представлена Йоханом Йохимом Винкельманом, способствовал интересу к древним мифам. Существенным было и то, что большинство ученых стали признавать взгляд, согласно которому финно-угорские народы представляют собой самостоятельную языковую семью. Такая точка зрения подчеркивала уникальность финнов, более не связывая их с иудеями или скифами.

В заключительных частях своего исследования Хенрик Габриэль Портан уже подчеркивает ценность народной поэзии. Теперь он открыто отдает должное значению вдохновения и художественности. Он классифицирует руны и народную поэзию по группам, сообщает о форме исполнения рун, восхваляет исключительную память народных авторов, их языковое чутье и природную даровитость. Он первым высказал мысль, позже получившую распространение, что в процессе исследования из множества вариантов рун можно воссоздать некую «нормальную версию» или тип. И хотя Портан отдавал должное народной поэзии, он по-прежнему не испытывал никакого руссоистского восхищения человеком природы или же примитивностью, что было свойственно последующим исследователям фольклора. Позже он написал две диссертации (1789, 1795), в которых анализировал значение языка в исторических исследованиях. В этих работах уровень цивилизованности народа он определял по его словарному запасу и общей языковой культуре. Из этих трудов видно, что Портан четко придерживался представления о том, что финский язык состоит из смеси западных и восточных заимствований. Портан приобрел существенное значение как языковед. Он планировал составление обширного словаря диалектов и этимологии финского языка.

Под руководством Хенрика Габриэля Портана в Туркуском университете в течение 40 лет было представлено к обсуждению более 200 диссертационных работ, из которых примерно половину написал

он сам. Одна из проблем научных исследований, посвященных Портану, заключалась именно в выявлении авторства Портана. Наиболее крупной работой в этой массе диссертаций являются комментарии к епископским хроникам Паавали Юстена; очевидно, что все 56 диссертаций по этой теме вышли из-под пера Портана. Остальные исследования зачастую являются результатом совместной работы учителя и ученика: Портан кое-где вносил правку в тексты и добавлял собственные мысли.

Одна из основных идей Портана в академическом образовании заключалась в том, чтобы научить студентов критически мыслить. Как просветитель, он боролся против предрассудков и обобщений. В этом смысле весьма примечательны диссертации «*De praejudiciis amovendis*» (1785), направленная против предрассудков, и «*De scepticismo historica*» (1792), посвященная проблеме «исторического скептицизма». Последняя может считаться первой в Финляндии работой по методологии истории. Портан считал критицизм основным фактором исторического исследования. Правда, при этом он подчеркивал, что исследование никогда не может привести к абсолютно надежным результатам. Таким образом, он, очевидно, считал определенным, к чему должно стремиться исследование.

К заслугам молодого Портана относится основание общества «*Аврора*» в 1770 г. Образцом в основном послужило тайное стокгольмское общество «*Utile Dulci*», однако «*Аврора*» отличалась от остальных подобного рода организаций тем, что, наряду с интересом к шведскому языку и культуре, она имела четко обозначенный интерес к финскому языку и древней истории Финляндии. Помимо самого Портана в общество входили Пер Юслен младший, Магнус Якоб Алопеус, ставший впоследствии мужем двоюродной сестры Портана Ульрики Юслени, а также Карл Фредрик Фреденхейм, сын Карла Фредрика Меннандера, впоследствии архиепископа. «*Аврора*» была типичным для той эпохи тайным обществом, в его деятельности особое место занимали ритуалы, символика и продвижение братьев вверх по иерархической лестнице. Известная картина Ээро Ярнефельта, погибшая во время бомбежки Хельсинкского университета в 1944 г., изображает деятельность общества в совершенно неправильном свете как милую компанию книголюбителей и любителей бесед.

Несмотря на то, что интерес высшего света Турку к собраниям, ритуалам и иерархии общества «*Аврора*» довольно быстро угас, газета общества под названием «*Газета, издаваемая обществом в Або*» (впоследствии «*Або Тиднингар*»), редактируемая Портаном и ставшая первой финляндской газетой, просуществовала свыше четверти века. Поначалу это было скорее ежемесячное издание, и на его страницах публиковались статьи и стихи многих заметных фигур того времени, например, Хенрика Чельгрена, Абрахама Никласа Клевберга (во дворянстве Эделькранц) и Якоба Тенгстрёма. Газета издавалась в духе

про светительских идей: печатались поучительные рассказы и анекдоты, а в дальнейшем она приобрела важное значение с точки зрения исторической науки, поскольку Портан опубликовал в ней большое количество документальных источников, позднее погибших во время пожара в Турку в 1827 г.

Единственная значительная заграничная поездка была предпринята Портаном в 1779 г. Он отправился через Любек в столицу университетской культуры Германии, относительно молодой Гёттингенский университет в Ганновере, где в условиях заключенной с Англией персональной унии сложилась весьма благоприятная политическая атмосфера. Портан описал поездку в письме своему ближайшему кругу, написанном 22 июля. В более ранних исследованиях подчеркивалось революционное значение этого путешествия для мировоззрения Портана. Однако путешественник, по всей видимости, был хорошо осведомлен об исследованиях в Геттингене еще до поездки. Доказано, что еще в 1777 г. Портан ознакомился с новаторской работой профессора Августа Людвиг (фон) Шлёцера «*Allgemeine nordische Geschichte*».

Осторожность Портана не позволила ему сделать окончательные выводы относительно прочитанного. Но в Геттингене он окончательно утвердился в этих идеях. Здесь, помимо встречи со Шлёцером, существенным оказалось посещение лекции профессора Йоганна Давида Михаэлиса, ориенталиста и исследователя экзегетики Ветхого завета. В глазах выходца из сельской местности, жителя маленького финского университетского городка и Шлёцер, и особенно Михаэлис казались утонченными людьми мира, а их латынь с произношением на немецкий лад поначалу было довольно трудно понимать. К сожалению, Портан посещал только бесплатные публичные лекции, так что его впечатления от устных выступлений Геттингена невозможно восстановить в деталях. Известно лишь, что он написал в шлёцеровский журнал «*Briefwechsel*» статью, посвященную общей характеристике Финляндии. Редакция озаглавила эту статью «*Новейшие известия из Финляндии, европейской Канады*».

По-видимому, наибольшее впечатление на Портана произвела шлёцеровская манера классифицировать языковые родственные связи народов Северной Европы и Азии с точностью, присущей естественным наукам. Теперь Портан окончательно отказался от попыток связать финнов с иудеями, скифами, греками и другими античными народами. Кроме того, его начала увлекать мысль о значимости языкознания для историй ранних поселений. Работа Шлёцера по публикации и комментированию летописи Нестора существенно углубила представления Портана о работе с древними источниками. Он начал по-настоящему интересоваться далекой древностью и происхождением финнов, проблемой, покрытой мраком неизвестности. В ходе своей поездки Портан наладил контакты по обмену литературой между

библиотеками университетов Турку и Гёттингена. Памятью об этом вплоть до наших дней служит значительное количество турецких изданий 18 в., хранящихся в Гёттингене. По пути на родину Портан, в частности, побывал в Берлине и Копенгагене.

По возвращении домой Портан посвятил себя главным образом историческим исследованиям. Он намеревался написать общий обзор всей истории Финляндии, но продвинуться ему удалось лишь до средневековья. Работая в 1782 г. в шведских архивах, Портан заинтересовался мыслью издать епископские хроники Паавали Юстена, снабдив ее комментариями. Этот труд, сохранившийся в нескольких рукописях, является одним из наиболее значимых источников по истории средневековой Финляндии. В ходе сбора и систематизации материала Портан привлек так называемую «Черную книгу» Туркуского кафедрального собора, которая хранилась в Стокгольме и с которой по инициативе Портана в 1782–1788 гг. была сделана копия. Затем объектом исследования стали папские послания, касавшиеся Финляндии. В 1796–1801 гг. они были опубликованы в 14 диссертациях в том виде, в каком Карл Фредрик Фреденхейм снял с них копии в Риме. Все эти материалы вылились в комментарии к епископским хроникам, озаглавленные «*M. Pauli Juusten, episc. Quondam Ab. Chronicon episcoporum Finlandensium annotationibus et sylloge monumentorum illustratum*» – самую пространную работу Портана (56 диссертаций, 1023 страниц).

Этот труд поистине причудлив: он состоит из комментариев, комментариев к комментариям, ссылок и дополнительных ссылок на ссылки. Портан сам называл эту работу «складским помещением» истории Финляндии. Он считал такой способ изложения, применительно к которому употребляют термин «ссылки без текста», единственно приемлемым в научном отношении. На самом деле речь идет о не вполне удобоваримом собрании специальных исследований, лишенных внутренней связи. Наибольший интерес представляют части, посвященные епископу Хенрику и присоединению Финляндии к христианскому миру, то есть десять первых диссертаций, в которых Портан излагает свои взгляды на древнюю историю Финляндии и точки ее соприкосновения с российской историей. Затем в собрании комментариев довольно механистически, епископ за епископом, рассматривается вся средневековая история Финляндии. Материалы были почерпнуты из «Черной книги» и других средневековых источников. Помимо комментариев Портан опубликовал несколько исследований по спорным научным проблемам, например, о квенах (1788) и биркменах (1786–1789).

Взгляд Портана на историю Финляндии, содержащийся в его главном труде, заключается в том, что родственные финнам народы поначалу имели общую территорию проживания, но позже они мигрировали в разных направлениях. Первыми гнездо покинули саамы (те

самые знаменитые «фенны», которые упоминаются у Тацита), ставшие первыми жителями Северной Европы. Финны постепенно отпочковались от эстонцев и переселившись в 3 в. н.э. через Финский залив на свою нынешнюю родину. Образ древних финнов, созданный Портаном, не был особо лестным: у них не было общественного устройства, военной науки, вождей, настоящей религии, и они угнетали женщин. Распространение христианства и шведского управления в стране произошло главным образом мирным путем. Благодаря просвещению Финляндия стала равноправной частью Швецией, и Портан считал этот процесс положительным. Общее государство финнов и шведов Портан называл «*patria*», «*отчизна*». Наряду с историей Портан увлекался географией. Это увлечение началось с внесения поправок в раздел, посвященный Финляндии, географического описания Швеции Эрика Тунельда. В результате Портан получил заказ на составление общего географического описания Финляндии. Оно вышло в 1795 г. в седьмом издании географии Тунельда и насчитывало свыше 300 страниц.

Хенрик Габриэль Портан имел возможность полностью посвятить себя университетской должности, поскольку остался холостяком, как и его брат, лектор лицея Порвоо Зигфрид Портан, а также обе его сестры. Холостячество не было чем-то необычным в ученых кругах, однако, такой образ жизни был совершенно неприемлем для священнослужителя. Согласно традиции, Хенрик Габриэль Портан был влюблен в свою двоюродную сестру Стину Грету, или Кристину Маргарету Юслен, дочь своего дяди, советника надворного суда Пера Юслена, в доме которого он часто бывал в молодости. Однако Стина Грета умерла от одышки в 1772 г., помогая своей младшей сестре Ульрике, только что вышедшей замуж, обустроиться в ее новом доме в Порвоо.

Внешность Портана не вполне соответствовала представлениям об образе ученого сухаря: он был среднего роста, довольно полный, имел волевой профиль, внимательные голубые глаза и мощный нос. По будням он носил простой серый домашний сюртук и старый парик, а на важные мероприятия надевал праздничный костюм и орден Полярной звезды, которым он был награжден. Хотя Портан на лекциях и среди своих книг представлял как сама деловитость, в хороших компаниях он раскрепощался, высказывая собственные представления о происходящем. Круг интересов Портана был довольно широк и простирался от мелких слухов, циркулировавших в его родном городе и академическом мире, до событий государственного масштаба и мировоззренческих проблем.

По своим политическим взглядам Портан был лояльным роялистом и верным подданным шведского короля. Его пугала растущая мощь России. Он предсказывал, что Россия еще присоединит Финляндию к себе, и надеялся, что не доживет до этого дня. Надежда сбылась: Портан простудился в своей любимой библиотеке и умер в 1804 г., за пять лет до того, как Финляндия была присоединена к восточной империи.

В поминальной речи епископ Якоб Тенгстрём сказал о своем учителе, что Портан не был гением, но обладал здравым смыслом, отличным вкусом и отменной памятью. Под гением Тенгстрём, видимо, подразумевал сметливого интеллектуала, блистающего светскими манерами. Поэт Яакко Ютейни, в свою очередь, воспел Портана на финском языке, назвав его «истинным отцом учености», подчеркивая утвердившееся представление последующих поколений о Портане как о примере для многих поколений студентов. Следует заметить, что разносторонняя деятельность Портана сделала его пионером во многих областях знаний в Финляндии. К нему восходят корнями фольклористика, история и археология, педагогика и география. Благодаря ему Туркуская Академия добилась расцвета в области гуманитарных наук.

Сам Портан считал своим призванием прежде всего развитие университета. Он отвергал все иные варианты карьеры, хотя одно время речь шла о возможном назначении его епископом Порвоо. Хотя, к примеру, Тенгстрём и Франц Михаэль Францен считали себя учениками Портана, у него не было прямых последователей, отчасти, конечно же, потому, что молодые исследователи не имели возможности развиваться, поскольку большую часть их научных работ профессор писал сам. Позднее, по мере того, как национализм в Финляндии приобретал все большее значение, Портана стали именовать «отцом истории Финляндии». В 1864 г. в Турку ему был открыт памятник работы Карла Энеаса Шёстранда, ставший первым в Финляндии настоящим памятником великому деятелю. Памятник был изготовлен на деньги, собранные на народном празднике, скульптура была выполнена в Риме, а отлита в бронзе в Мюнхене.

Портан успел оценить первую медаль, сделанную в его честь. Землячество «*Бореалис*» Туркуской академии заказало в 1799 г. медаль, на которой изображен венок и выбит текст на латыни «*Учителю наук и манер с благодарностью от землячества «Бореалис, 1799 год»*». Согласно легенде, изображение на медали выполнено по рисунку учителя рисования Йохана Эрика Хедберга, сделавшего набросок на одной из лекций. Возможно, что гравёр Карл Энхёрнинг использовал в качестве образца портрет Портана, написанный в 1788 г. Землячество заказало по меньшей мере 48 медалей, из которых сам Портан получил единственную медаль, отлитую в золоте, весом в 61 грамм. Он, однако, не был полностью удовлетворен и написал Маттиасу Калониусу, что медаль Экономического общества удалась больше. В любом случае, медаль землячества считается первой персональной медалью, сделанной в Финляндии.

Приложение:

Хенрик Габриэль Портан, род. 8.11.1739 Виитасаари, умер 16.3.1804 Турку.
Родители: Зигфрид Портан, настоятель церкви в Виитасаари, и Кристина Юсления.

Кнут Поссе

(впервые упоминается в 1452 г., умер в 1500 г.)

статский советник,

комендант Выборгской крепости,

комендант крепости Хяме,

комендант крепости Кастельхольм

Кнут Поссе является одним из известнейших комендантов крепостей Финляндии средневековья, потому что его имя связывают со знаменитым «Выборгским ударом». Он долго служил дому Стуре в Хяме и в Выборге, а также сражался в Остзейских провинциях против русских. В 1490-е гг. Поссе участвовал в принятии многих важных государственных решений.

Кнут Поссе по происхождению является датским шведом, его отец рыцарь Йёнс Лаге Поссе происходил из датского рода, но обосновался в Западном Ёталанде. Там он женился на дочери лагмана, и его старший сын Кнут получил имя от могущественного деда по матери Кнута Йёнссона. В своих политических взглядах рыцарь Йёнс был довольно осторожным. В 1460-е гг. он сблизился с другим аристократом, датчанином по происхождению Эриком Аксельссоном Тоттом. Так как Тотт пользовался большим авторитетом, Йёнс Поссе в 1466 г. попал в Государственный совет, а Кнут Поссе получил назначение в Финляндию.

Кнут Поссе, по всей видимости, был предприимчивым молодым человеком. Как следует из любекских хроник, он летом 1465 г. отправился в море с другим приближенным Тоттов и захватил два корабля, шедших из Таллина. Однако в ходе дележа добычи на архипелаге Турку возник спор. В действительности же Поссе был послан защищать судоходство на Балтийском море от кораблей-захватчиков, но, возможно, он иногда, как утверждают жители Любека, действовал в своих интересах и вопреки указаниям Эрика Аксельссона Тотта. Он, тем не менее, сохранил благосклонность своего господина, так как Тотт назначил Поссе фохтом в крепость Стокгольма сразу же после своего назначения регентом в октябре 1466 г.

В Финляндию Поссе вернулся не позднее сентября 1470 г. Тогда он присутствовал на уездном суде в Янаккала, возможно, как личный представитель управляющего губернией Хяме Эрика Аксельссона

Тотта. Когда летом 1471 г. политическая ситуация в унии осложнилась, Поссе находился в Стокгольме. В битве под Брункебергом 10 октября 1471 г. Поссе командовал войсками против датчан, но был ранен в ожесточенном бою, причем настолько тяжело, что лишь чудом остался жить. Совместная борьба Стуре и Тоттов, в конце концов, привела к победе над королем Кристианом Ольденбургским, и Поссе стал героем в стане победителей. Вылечившись, он еще теснее связал себя с Тоттами, женившись в 1472 г. на золовке Эрика Аксельссона Тотта Биргитте Густавдоттер. Его молодая жена была также двоюродной сестрой отца регента Стена Стуре. Свадьба Поссе стала наглядным свидетельством сотрудничества домов Стуре и Тоттов. Не стало неожиданностью, что в 1473 г. Поссе был избран членом Государственного совета.

С 1473 г. Финляндия стала для Поссе главным полем деятельности на всю его оставшуюся жизнь. Вероятно, начиная с осени 1473 г., он был фохтом Эрика Аксельссона Тотта в крепости Хяме, а в 1477 г. он получил ее в ленное владение. Так Хяме стала новой родиной для Поссе на многие годы. Большая часть приобретенной в провинции собственности находилась в Туулосе, усадьба Сайриала с прилегающими хозяйствами. Там он, вероятно, временами даже жил, о чем свидетельствует то, что он начал строить ризницу современной церкви прихода Туулос. На ее торцевой стене вделана известняковая табличка, на которой изображен его родовой герб. Он не забывал также и о других приходах своей губернии. На алтарных креслах в церкви Холлола красиво вылеплены гербы Поссе и его жены, происходившей из рода Стуре.

Крепости Тоттов, за исключением Раасепори, перешли к регенту Стену Стуре в 1483 г. после смерти Эрика Аксельссона и его брата Ларса. Поссе был лицом, ведающим распродажей наследственного имущества в Выборге в 1481 г. В 1483 г., в последний раз третий из Аксельссонов, Ивар, уполномочил его передать Стуре все военное снаряжение крепостей Выборга и Олавинлинна. В то же время Поссе перешел на службу к Стуре и получил от того в лен крепость Хяме за годовую оплату.

Поссе по-прежнему был там, где он был нужен как энергичный солдат. Осенью 1485 г. он перерезал пути коммуникации немецкого рыцарского ордена на берегах Эстляндии, когда Швеция поддержала враждебный ордену город Ригу. Стуре в 1487 г. приступил к окончательному выяснению отношений с Тоттами. Тогда Поссе окружил находившуюся под властью Ивара Аксельссона крепость Раасепори, а также Боргхольм в Эланде. Осенью того же года период перемирия с Новгородом уже подходил к концу, и в дальнейших переговорах нелишне было использовать военное давление. Поссе был комендантом Выборгской крепости, пока ситуация не улеглась.

Поссе, хорошо знакомого с делами в Остзейских провинциях, использовали в качестве парламентаря на переговорах. Он был членом

шведской делегации при заключении перемирия с немецким рыцарским орденом 9 октября 1487 г., а также, совместно с настоятелем Туркусского собора Магнусом Николаем (Сяркилахти), при подписании мира между Швецией и орденом в Таллине 17 ноября 1488 г. Так Поссе отступил от политики своего господина Стена Стуре и сблизился с мирной политикой Магнуса Николая, других аристократов из Финляндии, а также Государственного совета, главным образом церковных кругов, в отношении ордена и архиепископа Риги. В Финляндии были обеспокоены усилением Московского княжества и увеличивающейся активностью в направлении Балтийского моря, и желали бы иметь в союзниках рыцарский орден. Вероятно, в это время зародилась дружба Поссе и Магнуса Николая, которая прошла через испытания следующего десятилетия. Ее прочность отмечена в епископских хрониках Финляндии.

Осенью 1490 г. Поссе отказался от крепости Хяме и переехал на Аландские острова, став комендантом Кастельхольма. Уже с 1489 г. он активно участвовал в заседаниях Государственного совета Швеции. Поселение Поссе на территории между Стокгольмом и Турку следует считать доказательством желаяния самого Поссе и, возможно, регента, а также Магнуса Николая использовать его в принятии политических решений как специалиста по Финляндии, Остзейским провинциям и России. С сентября 1489 до октября 1494 гг. Поссе присутствовал практически на всех важных совещаниях, где определялся политический курс государства.

В Финляндии планировали заключить союз с Лифляндским рыцарским орденом из-за неустойчивой ситуации на восточной границе, и Поссе был горячим сторонником этой идеи. Зимой 1493 г. он обсуждал это с регентом, и тот стал относиться к вопросу благосклонно. Стен Стуре ратифицировал мирный договор после долгих раздумий следующим летом, но в 1493 г. рыцарский орден посчитал необходимым заключить перемирие с Новгородом, как только для этого представилась возможность. Летом этого же года посол короля Дании Ханса находился в Москве, чтобы уговорить великого князя заключить союз против Стена Стуре, и идея претворилась в жизнь в конце следующего года. Весной 1494 г. русские больше не хотели возобновлять мир со Швецией без уступок по приграничным вопросам, что обнаружилось осенью 1494 г. В октябре Поссе обсуждал в Швеции проблемы укрепления обороны Финляндии и до конца года поспешил прибыть в Выборг. Там он пробыл весь следующий, кризисный период, хотя и не являлся управляющим губернией. Как опытному военному ему было поручено высшее руководство обороной.

Наступление главных сил русских на Выборг началось в сентябре 1495 г. и закончилось в начале декабря. Численность осаждавших войск доходила до 10 тысяч человек, а оборонявшихся под командованием Поссе было около тысячи, к ним успели присоединиться 800 крестьян из

Уусимаа. Из солдат только маленькая часть была из Швеции, и если не брать в расчет нанятых регентом профессиональных немецких солдат, Выборг защищался в основном силами Финляндии. Подкрепление, собранное Стеном Стуре в Швеции, успело добраться морским путем только в конце года, когда окружение уже закончилось.

Поссе в роли руководителя обороны Выборга был активным, энергичным и настойчивым. После поражения у Ватикиви 12 декабря, и когда на следующий день с трудом удалось отразить атаку русских на стены города, Поссе и его ближайшие помощники 14 декабря в письме к Стену Стуре высказали сомнения относительно того, что они смогут выдержать новое такое наступление. Тем не менее, они обещали делать все от них зависящее, насколько хватит сил. Против них были одни из самых лучших солдат Европы, так что любые способы были приемлемы. Истории о волшебнике и чудотворце Поссе, получившие позднее хождение в народе, опирались, вероятно, частично на его славу как изобретательного защитника крепости.

30 ноября, в день Святого Андрея, покровителя православных на Руси, произошел решающий штурм. Осаждающие захватили одну из башен, позднее названную Андреевской, и начали прорываться через стены и спускаться в город. Защитники приготовились к последней битве в самом городе. Внутри городских стен горели бочки и лодки со смолой, и с них огонь перекинулся на деревянные постройки на стене и башне. Храбрость нападающих стала таять, особенно когда они увидели на небе яркий свет, и они стали отступать. О свете упоминают три разных человека: находившийся вместе со Стеном Стуре в Турку монах в своей хронике, сам епископ Магнус Николай в письме к архиепископу 6 января 1496 г., а также Эрик Биелке, ставший позднее комендантом Выборгской крепости, в своем прошении на имя папы в 1505 г. Епископ и Биелке истолковали его как крест Святого Андрея. Световое явление, возможно, и было в действительности, однако его природное происхождение прояснить невозможно. Знаменитый *«Выборгский удар»* был впервые упомянут в литературе в 1539 г. Олаусом Магнусом в его картографическом описании Северных стран. Там изображена взорванная башня, окруженная стенами. Никакой иной источник, относящийся к 1495 г., не содержит упоминания о взрыве или ударе. Наверное, Олаус Магнус слышал народные легенды, в которых со временем добавлялись новые детали.

Русские больше не предпринимали наступления. Позже, в декабре, их войска ушли из Финляндии. Причиной, возможно, была нехватка продовольствия, а также разразившаяся в 1495 г., в частности, в Западной Финляндии эпидемия чумы.

Современники считали спасение Выборга чудом, совершенным Богом и всеми святыми-покровителями Швеции, но они не забыли, тем не менее, поблагодарить и Поссе. 15 мая 1496 г. Государственный совет дал ему в лен в пожизненное пользование и его наследникам

на 30 лет весь уезд Осе в Западном Ёталанде. Летом того же года Поссе также принял участие во взятии Ивангорода, расположенного напротив Нарвы, а после этого находился в Выборге до наступления мира в марте 1497 г. и оставался там после этого до июля 1497 г. Он не присутствовал на коронации нового короля унии 26 ноября 1497 г., но был в Стокгольме уже в начале декабря, когда 5 декабря в составе Государственного совета поддержал избрание преемником Ханса его сына. На коронации были посвящены в рыцари несколько человек, но по какой-то причине Поссе, самый знаменитый воин государства, этого звания не был удостоен.

Во время правления короля унии Поссе по-прежнему принимал участие в заседаниях Государственного совета и приезжал в Финляндию. 27 июня 1499 г. Ханс дал ему в пожизненное ленное владение крепость Кагельхольм. Дата смерти Поссе – 25 марта 1500 г., место смерти неизвестно, но, возможно, Кагельхольм. В литературе часто утверждается, что Поссе был похоронен в Туркуском кафедральном соборе. Утверждение основано на упоминании в Епископских хрониках Финляндии о том, что Поссе умер в том же году, что и епископ Магнус Николай, и на дополнении хрониста: «И так они не расстались даже в своей смерти». В 1494 г. Поссе пожертвовал часовне Всех Святых кафедрального собора, где был похоронен Магнус Николай, для собственной и своих родителей заупокойной мессы поместье в Калвола.

Оба источника не подтверждают, что Поссе покоится в Турку, но на основании найденного надгробного камня можно считать, что его похоронили в том же склепе, что и епископа Магнуса Николая. В честь 500-летия «Выборгского удара» 30 ноября 1995 г. в Туркуском кафедральном соборе была открыта памятная доска, текст которой гласит: «Государственный советник Кнут Поссе † 25.3.1500 похоронен в часовне Всех Святых в Туркуском кафедральном соборе. В память о «Выборгском ударе», произошедшем пятьсот лет назад, благодарные жители бывшего Выборга установили эту доску в день Святого Андрея в 1995 году».

– СЕППО СУВАНТО

Приложение:

Кнут Поссе, впервые упоминается 1452, умер 25.3.1500. Родители: Йёнс Лаге Поссе, статский советник, рыцарь, и Мерта Кнутсдоттер, дочь лагмана Западного Ёталанда, статского советника, рыцаря Кнута Йёнссона (из рода Тре русур). Жена: 1472 – Биргитта Густавссон, вдова статского советника, рыцаря Давида Бенгтссона Оксеншерна, родители жены: Густав Алготссон из рода Стуре, статский советник, рыцарь, и Мерта Ульфсдоттер из рода Спарре.

Калле Пяятало (1919–2000)

*писатель,
профессор*

Калле Пяятало был последним крупным писателем финской национальной литературы, основной темой которого было изображение народа, он был микроисториком и пост-модернистским автобиографом. Его многотомный (26 томов) роман *«Корни на круче реки Ийюки»* – это самый длинный когда-либо написанный автобиографический роман. В Финляндии творчество Пяятало имело такое же значение, как роман Алекса Хейли *«Корни»* в мировом масштабе.

Темой романов Калле Пяятало являются жизнь людей и происходившие в ней изменения в глухой провинции Северо-восточной Похьянмаа, в период от 1920-х гг. до второй мировой войны и послевоенного восстановления и вплоть до 1960-х гг. Объектом изображения является практически тот же исторический период, что и в романах Вяйне Линна, однако его подход иной, так как Пяятало не стремился к социальному анализу. Но ушедший жизненный уклад он зафиксировал этнографически точно. Феномен Пяятало возник, когда массовый читатель воспринял как нечто близкое изображенную им жизнь. Роман *«Буря в Койллисмаа»* превратила писателя в одного из наиболее продаваемых в Финляндии, и его популярность выросла еще больше, когда он начал писать автобиографический роман *«Корни на круче реки Ийюки»*, разросшийся до 16 994 страниц. Каждый том разошелся тиражом свыше 100 000 экземпляров, но понадобилось время, прежде чем критики приняли роман.

Когда Калле Пяятало родился, его родители Херманни и Рииту Пяятало жили в Тайвалкоски арендаторами в хозяйстве Мякеля. Собственным домом в Каллиониemi в качестве мелких земледельцев семья обзавелась в 1922 г. Калле был старшим ребенком, поэтому ему пришлось рано начать зарабатывать: вместе с отцом он работал на сплаве и лесозаготовках. Когда отец заболел, Калле пришлось заботиться о том, как прокормить семью из восьми человек. Школу

пришлось оставить, закончив четыре класса народной школы Йюкиярви, хотя учеба давалась хорошо. Но у него осталось сильное желание читать и писать, поэтому муниципальная библиотека Тайвалкоски в двадцати километрах от дома стала важным для него местом.

В 1939 г. Пяятало пошел в армию добровольцем. Во время войны-продолжения он, будучи младшим сержантом противотанковой роты 53-го пехотного полка, был ранен, а в 1942–1944 гг. служил унтер-офицером хозяйственной службы в лагере для военных преступников на Карельском перешейке. После заключения мира Пяятало переехал в Тампере, где он работал и одновременно пытался учиться. Пяятало, превратившийся из лесоруба в плотника, поступил в техническое училище, закончил его и до 1963 г. работал мастером на стройке.

Еще в школе учитель разглядел в Калле Пяятало будущего писателя. Мать поддерживала сына, но отец был настроен решительно против, считая, что так пропадет хороший рабочий. Пятнадцатилетний лесоруб, уже известный своей силой и трудолюбием, приобрел в качестве своеобразного пособия произведение Мики Валтари «*Собираешься стать писателем?*». Примерами для будущего писателя служили Пентти Хаанпяя и Тойво Пекканен; на него оказали влияние также Илмари Кианто, Ф. Э. Силланпяя, Кнут Гамсун и Федор Достоевский. Позже большое влияние на него оказали автобиографическое произведение Джека Лондона «*Мартин Иден*», «*В людях*» Максима Горького, а также произведения Олави Сииппайнена.

Самообразование при поддержке отдела рецензирования Союза «*Нуори войма*» (Союз Молодых Сил) принесли первые плоды, когда в 1939 г. Пяятало получил третью премию на конкурсе молодых писателей журнала «*Нуори войма*» за очерк «*Мое самое сильное увлечение*». Писательской школой послужили также журналы «*Похьёлан Яткя*», «*Сирпале*», «*Нюрикки*», «*Перьянтай*», воскресные приложения к газетам «*Аамулахти*» и «*Хельсингин Саномат*», а также альманахи «*Сеура*» и «*Илмаринен*» и публиковавшие письма с фронта, различные истории и рассказы. Живя в Тампере, Пяятало в некоторое время участвовал в деятельности кружка рабочих писателей.

Дебютное произведение «*Люди на лесах*» в 1957 г. под названием «*Будни стройки*» было послано сначала в издательство «*Вернер Сёдерстрём*», затем в «*Отава*» и «*Тамми*». Все они вернули рукопись. И лишь редактор издательства «*Гуммерус*» Вилле Репо разглядел талант рассказчика и опубликовал роман. Произведение получило положительные отзывы как первая проба пера нового писателя из Тампере и первого реалистического романа о жизни строителей. Правда, авторитетный критик Алекс Матсон заметил, что излишняя основательность вредила достоверности. Пяятало сравнивали с Вяйне Линна и Лаури Виита, а членство в союзе писателей Пирккала приобщило его к писательскому сообществу.

Следующим произведением стал цикл романов «*Койллисмаа*», состоявший из пяти частей. В нем через главного героя Кауко Саммалсуо

показана борьба простого народа за существование. Помимо этого цикла Пяятало описал истории жизни бездомных лесорубов: Викке Нило в *«Последнем лесоповале»* и *«Охотнике»* и Микко Пуурро, Христоса из лесной избушки, в произведении *«Осень благостного человека»*. Одновременно был написан роман *«Голодный холм»* о службе унтер-офицера хозяйственной службы Матти Лиекко в лагере для военных преступников Сийранмяки. Внешние литературные достоинства произведений признавались, но их критиковали за схематичный реализм и развлекательность.

Поскольку круг тем в романах Пяятало смыкался с темами произведений Кианто и Хаанпяя, его самого стали называть *«кайнусцем»* (по названию провинции Кайнуу). Частота, с которой он публиковал свои новые произведения, принесла ему прозвище *«писатель трилогий»*, так как господствовавшая модернистская эстетика предполагала урбанистское содержание и сжатую форму. На помощь Пяятало в 1960-е гг. пришло новое течение, т. н. документаризм. Когда в конце 1970-х гг. он получил Государственную премию, среди его заслуг были отмечены знание ушедшего образа жизни и диалекта.

Пяятало не отказался от прежних тем, но он отказался от формы реалистического романа, бросив тем самым вызов требованиям программного социализма, сформулированным левыми критиками. Главным героем его произведений становится личность, Калле, который вспоминает свою жизнь. На самом деле временное пространство цикла романов *«Иийоки»* было заявлено уже в дебютном произведении, в истории Мауно Йоенсиву. И хотя в основу был положен рассказ от первого лица, Пяятало сумел через субъективное отразить всеобщее, т. к. читателю, недавно переселившемуся в город, не представляло труда отождествить себя с преодолевающим житейские трудности рассказчиком.

На пользу Пяятало пошел и постмодернизм 1990-х гг., уничтоживший барьеры между высокой и низкой культурой. Были отмечены особый характер изображения народа и личности и богатство языка писателя. В его понимании человека и жизни видели проявление финского упорства, оптимизма и юмора, которые помогают человеку справляться с трудностями и побеждать. Критика утратила свое высокое комерие, когда пришло осознание значения Пяятало в утверждении финского самосознания.

Пяятало стремился к достоверности, но она не включала в себя объяснения всего мироздания. Действительность состоит из драматических событий, происходящих с человеком в его обыденной жизни и человеческих отношениях. Борьба человека важнее идеологических воззрений. Пяятало был начитанным человеком, и его связь с литературной традицией и символикой очевидна. Сквозь его произведения просматриваются мир лесорубов Хаанпяя, *«Дорога мужчины»* и *«Прелесть и убожество человеческой жизни»* Силланпяя и разоблачительные романы Кианто.

Основными ценностями рассказчика – главного героя являются честность и упорный труд. Пятакало также перенял требование прилюдной исповеди, характерное для религиозного течения лестадианства, распространенного на севере Финляндии: собственные слабости следует признать, а несправедливость должна быть исправлена. В признаниях «собственного Я» писателя раскрываются боль и стыд человека. По словам писателя Яакко Сюръя, Пятакало воссоздал целостную картину памяти в сознании финского человека. Сюръя объясняет свойственную Пятакало манеру повествования тем, что его различные слои становятся видны только в процессе длительного и основательного повествования-воспоминания. Таким образом, прозвучавшие в свое время сравнения Пятакало с Волтером Килпи или Марселем Прустом уже не кажутся преувеличением, как это было ранее.

– ЛЕЕНА КИРСТИНЯ

Приложение:

Каарло Алвар Пятакало, Калле, род. 11.11.1919 Тайвалкоски, умер 21.11.2000 Тампере. Родители: Лаури Херман Пятакало, лесоруб, и Приитта Стиина (Рииту) Неуликко, наемная рабочая. Первая жена: 1944–1955 (развод) Хельви Мария Ояла, родители первой жены: Юхо Ояла, каменщик, и Санни Суоминен. Вторая жена: Элли Хелена (Леена) Янакка, родители второй жены: Мартти Йоханнес Янакка, смотритель, и Тююне Хелена Лампинен. Дети: Риитта, род. 1956; Элина, род. 1959.

Уолеви Рааде
(1912–1998)

*исполнительный
директор АО «Несте»,
горный советник*

Уолеви Рааде, основатель нефтеперерабатывающей отрасли в Финляндии, в 1970–80-е гг. превратил государственный концерн АО «Несте» в крупнейшее промышленное и транспортное предприятие Финляндии. В Наантали и Порвоо были построены нефтеперерабатывающие заводы для производства жидкого топлива. В Порвоо также было налажено производство поливинилхлорида – сырья для пластиковой промышленности. АО «Несте» и АО «ИВО» в 1998 г. были объединены в энергетический концерн «Фортум».

«Финляндия – маленькая, хрупкая страна. Ее легко купить. Нельзя представить, насколько она уязвима и почти не способна защищаться». Так в конце 1980-х гг. выразил свое беспокойство о будущем родной страны Уолеви Рааде, к тому времени уже вышедший на пенсию. По мнению старого промышленника, правительство республики и руководство экономикой в разгар так называемой «казино-экономики» на хельсинкской бирже показали, что ведут страну с закрытыми глазами к самому тяжелому кризису в истории.

Мысли и действия Уолеви Рааде пронизывал сильный дух национализма. «Мы каждый день боремся за независимость», – обычно говорил он. Создание «Несте» и деятельность концерна были для Рааде частью этой борьбы за независимость. В его представлении национальная нефтяная компания находилась на передовой линии политики Паасикиви в холодной войне за будущее Финляндии. «Для меня самого «Несте» – один из символов независимости», – поведал Рааде зимой 1974 г. президенту республики Урхо Кекконену. Об образе мыслей Рааде и его некоторой склонности к драматизации можно также судить по тому, что он хотел приурочить решение о заказе первых крупных танкеров к 50-летию независимости Финляндии в 1967 г.

Расширение собственного флота «Несте» было напрямую связано с проблемой защиты национальных интересов. «Нефть в нашем энергоснабжении составляет самую большую и в то же время наиболее

уязвимую часть, своего рода ахиллесову пяту», – объяснял в 1970-е гг. Рааде основы деятельности своей компании. «Недопустимо, чтобы кто-то посторонний отвечал за эту проблему независимой страны».

Хотя АО «*Несте*», созданное в 1948 г., было призвано обеспечить энергоснабжение Финляндии, Рааде с самого начала был увлечен и другими целями. Энергоснабжение, конечно, было важным вопросом, также как и так называемая восточная торговля, в основе которой лежала нефть. Молодой директор департамента промышленности министерства торговли и промышленности Уолеви Рааде видел в «*Несте*» и в нефтехимической отрасли, конечно же, прежде всего возможность усиления промышленного фундамента Финляндии. Периферийная, технологически отсталая, испытывающая нехватку капитала Финляндия жила главным образом за счет деревообрабатывающей отрасли, сильно подверженной рискам международной конъюнктуры. Чтобы избавиться от роли лесной резервации Западной Европы, Финляндия нуждалась в современной, совершенно новой крупной промышленности.

Из этой логики исходила государственная политика индустриализации, которую представлял Рааде (а также Урхо Кекконен). Роль государства в этом процессе не была для Рааде, националиста, делающего акцент на частном предпринимательстве и инновациях, «символом веры». Это было лишь прагматичной необходимостью, с помощью которой маленькая и бедная нация могла выжить в холодном и жестоком мире.

«*Несте*» приступила к созданию нефтехимической промышленности после строительства двух нефтеперерабатывающих заводов и большого нефтяного флота. В 1971 г. АО «*Пекема*» начало переработку нефти в сырье для пластмассы при нефтеперерабатывающем заводе «*Несте*» в Порвоо, а в 1978 г. владение им полностью перешло к «*Несте*». Идеи создания современной крупной промышленности питали предприимчивость Рааде с самого начала. Эти идеи имели точки соприкосновения с тем патриотизмом, который был присущ Рааде и который определил пути его карьеры частного руководителя. Укрепляя экономическую независимость, производственно-технологическую мощь и благополучие своего предприятия, их руководители тем самым наилучшим образом служат своему народу.

Выгода компаний, промышленности, частных руководителей и владельцев не были для Рааде целью, а лишь средством для создания самых главных ценностей. И патриотизм не мог быть пустой фразеологией. Он должен быть направлен на улучшение условий жизни всего народа и на защиту будущих поколений.

Уолеви Рааде ушел из министерства и стал исполнительным директором «*Несте*» в 1955 г., когда началось строительство первого нефтеперерабатывающего завода компании в Наантали. Правда, еще в министерстве активно участвовал в осуществлении проекта

по строительству перерабатывающего завода «Несте», так что дело было ему знакомо. К тому же кандидатура Рааде была подходящей для этого, и в не меньшей степени из-за его происхождения. Со стороны матери будущий горный советник унаследовал предприимчивость и готовность к нововведениям буржуазной династии Витфута, предпринимателя из Турку, известного еще с 18 в. Отец же, в свою очередь, был из рабочей семьи. Дед Уолеви Рааде был рабочим, который дал своему сыну образование юриста. Последний, будучи президентом надворного суда, входил в круг друзей лидера фенноманов Даниельсона-Кальмари.

Уолеви Рааде не был профессионалом в области нефтяной промышленности. Таковых в стране не было, за исключением профессора Альберта Сундгрена, чье значение для «Несте» как духовного отца и одного из основателей компании особенно подчеркивал Рааде. Служба в юности на авиационном заводе и в металлургическом отделе «Локомо» не сделала из Рааде опытного руководителя предприятия, и еще меньше на это повлияло образование дипломированного инженера и экономиста. Работая в министерстве торговли и промышленности, Рааде приобрел хороший опыт. Осенью 1944 г. по приказу Маннергейма (что он охотно в дальнейшем подчеркивал) он готовил план создания ремонтной промышленности, а позднее осуществлял проект строительства азотного завода, будучи председателем правления АО «Тюппи». Этот опыт он позднее называл генеральной репетицией идеи строительства нефтеперерабатывающего завода.

Рааде хотел и стремился создать и стать пионером крупной промышленности. Второе качество было настолько сильно, что некоторые доброжелательные критики считали масштабные замыслы Рааде по созданию промышленности и поднятию финской экономики на максимально возможные высоты лишь плохо замаскированными амбициями руководителя министерства, которому надоели ограниченные перспективы роли чиновника. Восхождению Рааде содействовали, прежде всего, его многолетние начальники в министерстве торговли и промышленности, министры социал-демократы Ууно Такки и Пенна Терво.

Действуя в русле политики руководства министерства, а также противоречивого лидера Аграрного союза Урхо Кекконена, направленной на создание крупной государственной промышленности, Уолеви Рааде не завоевал популярности в кругу тех, кто присягнул на верность частному капиталу. «Одной нежностью с этим не справиться», – комментировал сам Рааде позднее свои эмоции, вызванные спорами и частой критикой в свой адрес. Потрясения от борьбы тех лет надолго сохранились в его памяти. Особенно недружелюбно Рааде относился к авторитетным патронам лесной промышленности и к директорам коммерческих банков, которых считал своими главными противниками. Он одновременно презирал, и восхищался ими, но с удовольствием бы

возвысился над ними. В некотором смысле возможность для этого представилась в 1970-е гг., когда международный нефтяной кризис и рост восточной торговли, основанной на импорте нефти, превратили «Несте» в лидера экономики Финляндии, а ее руководителя – в известного человека и близкого помощника президента Кекконена.

За пару десятилетий Рааде сделал «Несте» самой большой промышленной компанией и судовладельцем Финляндии. В эти же годы в стране создавалась совершенно новая промышленность и отрасль технологических знаний, и лидером этого процесса был концерн «Несте». Конечно, Рааде не действовал в одиночку, на свой страх и риск. Возможно, его главными «братьями по оружию», на разных фронтах и в разные периоды времени, были уже упомянутые профессор Сундгрэн и министр Терво, а также бывший секретарь Аграрного союза Арво Корсимо, который, будучи начальником отдела информации «Несте», стал важным связующим звеном между компанией, резиденцией президента республики в Тамминиеми и советским посольством на Техтаанкату. Очень большую роль для Рааде играли руководители американского инженерного бюро «Ламмус» Аксель Крунбек и Джим Торнтон, отвечавшие на первоначальном этапе за основные технологические решения. Они стали верными друзьями и советчиками Рааде.

Большое значение имел также президент Урхо Кекконен, который считал «Несте» одним из важнейших инструментов восточной политики. Кекконен, помимо этого, принадлежал к числу тех немногих людей, которых Рааде, по его собственному признанию, немного побаивался. Рааде, не склонного к уступкам, остерегались как в Москве, так и в штабах нефтяных гигантов на западе. Впрочем, он не привык к спокойной и безопасной жизни. Ему противостояли и крупнейшие фигуры отечественной экономической элиты, и Кремль, обводивший Финляндию вокруг пальца, и представители самых крупных мировых компаний, стремившихся поставить «Несте» подножку.

Карьера исполнительного директора «Несте», продлившаяся четверть века, была для горного советника Рааде заполнена работой, беспокойным и одновременно захватывающе напряженным временем. Промышленнику, посвятившему себя компании, было, конечно же, непросто отказаться от нее, хотя уход на пенсию в конце 1979 г. давал возможность уделить больше времени семье. Внимание к роли семьи хорошо заметно и в политике в области трудовых отношений, и в социальной политике концерна «Несте». Наряду со многими другими обстоятельствами, именно это превратило горного советника в руководителя, пользующегося среди подчиненных уважением. Его знали как человека, заботящегося о своем народе.

«Мир нуждается в мечтах сумасшедших и в поступках мудрецов. Мудрость я оставляю для других». Это не завещание Уолеви Рааде, а отрывок из его письма 1960-х гг. одному из руководителей

«Луммус». В нем Рааде излагает свою мечту: давайте постараемся объединить современную нефтехимию и лесную промышленность, занимающуюся переработкой самого важного сырьевого богатства страны, таким образом, чтобы появились новые экспортные товары и чтобы периферийная, отстающая Финляндия была втянута в главный поток технологического развития. Тем самым мы будем способствовать экономическому развитию бедной страны.

– МАРККУ КУЙСМА

Приложение:

Тауно Уолеви Рааде, род. 5.7.1912 Турку, умер 13.5.1998. Родители: Каарле Рааде, вице-президент надворного суда, и Агнес Витфут. Жена: 1941 – Тойни Яямери (девичья фамилия Йернстрём), медсестра. Дети: Кристина, род. 1943; Маарит, род. 1945; Олли род. 1950.

Эйно Рахья (1885–1936)

революционер

Эйно Рахья был близким другом В. И. Ленина, но противником Отто Вилле Куусинена. Он родился в России, но принимал участие в боях гражданской войны Финляндии 1918 г. После войны до конца жизни Рахья остро критиковал руководство Коммунистической партии Финляндии.

Эйно Рахья родился в России (по некоторым сведениям в Калайоки, но там не нашлось упоминаний о его рождении), где он и его братья Юкка и Яакко вступили в 1903 г. в социал-демократическую партию. Он работал токарем, кочегаром на железной дороге и мастером на самолетостроительном заводе на станции Ланская в Петербурге. Говорили, что Эйно Рахья представлял собой устрашающее зрелище: он был горбуном с впалой грудью и осипшим в заводских цехах голосом. В 1917 г. Рахья помогал В. И. Ленину прятаться в Петрограде, а когда Ленин после февральской революции был вынужден бежать из России в Финляндию под видом машиниста паровоза, Рахья помогал ему вместе с Хуго Ялава. Когда в октябре 1917 г. Ленин вернулся в Россию в канун революции, Рахья снова ему помог: на этот раз Ленин был загримирован под финского пастора. Дружба с Лениным защищала Рахья в последующем.

Юкка (Юхана) Рахья, родившийся на два года позже своего старшего брата, был в течение всей своей жизни самой значительной фигурой среди братьев. Уже в ноябре 1917 г., во время всеобщей стачки в Финляндии, он выступал за начало революции. В 1910-е гг. Юкка Рахья активно работал в союзе молодежи. Вместе с братом Эйно Рахья он был делегатом конгресса III Интернационала, основанного в марте 1919 г. Юкка Рахья не поддерживал идею об особом положении малых народов и национальностей, по его мнению, перед лицом революции все они были едины. Поэтому у него были противники и среди финнов.

Накануне гражданской войны в конце 1917 – начале 1918 гг. Юкка и Эйно Рахья добывали для финских красных оружие, в котором они так

остро нуждались. Финские социалисты Али Аалтонен, Ээро Хаапалайнен и Онни Каллио прибыли в Петроград для закупки оружия, но они его не получили. Тогда Эйно Рахья воспользовался личными связями с Лениным, и ему удалось приобрести для финнов оружие, боеприпасы и бронепоезд. Эйно и Юкка Рахья приняли участие в собрании, на котором была назначена дата начала революции в Финляндии: 27 января. Согласно легенде, за день до начала войны в Финляндии Ленин спросил у Эйно Рахья, победят ли красные. Рахья верил в победу, но, по мнению Ленина, в Финляндии слишком сильна была власть социал-демократов.

В конце января 1918 г. братья Рахья приехали на бронепоезде в Финляндию. В начале Юкка Рахья командовал бронепоездом, но он был ранен в обе ноги, попав в засаду на станции Кямря 27 января 1918 г. Для Красной гвардии вместе с поездом доставили из Петрограда 15 000 винтовок, 30 пулеметов, три миллиона патронов, десять пушек и 3 000 снарядов к ним, а также два броневика. Эйно Рахья наблюдал за развитием ситуации, поначалу не принимая участия в боевых действиях. Он выступал в качестве переводчика в контактах расквартированных в Финляндии российских войск и Красной гвардии Финляндии. Тем не менее, 9 марта Ленин назначил его комиссаром финляндских железных дорог на территории России и станции Петроград. 20 марта его вместе с Адольфом Тайми и Эвертом Элоранта назначили главнокомандующим Красной гвардии. В этой должности Эйно Рахья пробыл всего три дня, так как 24 марта он возглавил красногвардейцев на фронте в Лемпяля. За день до отъезда на фронт он выступил в главном штабе с докладом о том, как гвардейцев можно удержать на фронте.

Микко Кокко, командовавший красногвардейскими отрядами в Люлю 18 марта 1918 г., разыскивал Рахья. Кокко нашел Рахья на станции Люлю, где тот пытался остановить красногвардейцев, хотевших отправиться домой. Рахья сказал, что Оливеси уже занят «лахтарями» и что его нужно очистить, и только после этого можно ехать в отпуск. Однако красногвардейцы ответили твердо: они хотели отдохнуть и предложили Рахья идти на фронт самому. Рахья был одним из самых известных красных командиров, и его присутствие в Люлю несколько охладило горячие головы. Красная гвардия отступила в боевом порядке в Коркеакоски, где было начато формирование линии обороны. Порядок удалось навести только в центре фронтовой линии, которым руководил Рахья. Поэтому фронт в Коркеакоски был прорван, и бронепоезд, который раздобыл Рахья, был использован для прикрытия отступавших частей.

В романе Вяйнё Линна *«Здесь под Полярной звездой»* есть эпизод, в котором над линией фронта летит самолет. Красногвардейцы знали, что это был Рахья, передававший привет белым. Действительно, в распоряжении у Рахья был самолет, на котором он летал на разведку – он даже сбросил с самолета несколько бомб, но, насколько известно,

это не вызвало серьезных разрушений. В те времена самолет был большим чудом, и само его появление в расположении собственных войск поднимало настроение.

Линия фронта отодвигалась в сторону Тампере: сам Рахья покинул город 24 марта. При этом он пообещал, что он «будет не Рахья, а старой развалиной (игра слов: *rähjä* – развалюха), если не приведет на помощь в город 15 тысяч человек». На следующий день на заседании Совета народных уполномоченных он предложил попросить из Петрограда войск и оружия и после этого прорваться через линию фронта белогвардейцев в Тампере. Рахья получил поддержку своему плану и сразу же отправился в Петроград. Однако вместо русских войск ему удалось раздобыть лишь две роты, состоявшие из петроградских финнов. Мобилизация проводилась и на юге Финляндии. Таким образом, через несколько дней Рахья смог привести на фронт в Лемпяля около 2 тысяч человек, два бронепоезда, около десяти пушек и самолет. Для Красной гвардии бои под Лемпяля должны были стать последней возможностью изменить ход войны.

Бои под Лемпяля происходили в конце марта – начале апреля 1918 г. Возглавляемые Рахья красногвардейцы сражались успешно и вынудили белых отступить, однако, прорвать фронт им не удалось. Заблокированные в Тампере красные слышали доносившуюся с юга канонаду: в городе были уверены, что фронт белых может быть в любой момент прорван. После двух дней жестоких боев усилия красных оказались напрасными: фронт белогвардейцев устоял, и блокаду Тампере прорвать не удалось.

Рахья бежал из Лемпяля в сторону Хельсинки, а оттуда в Лахти и Коувола. В начале апреля 1918 г. в Виала он предложил штабу Красной гвардии немедленно начать отвод частей. По мнению штаба, о полном отступлении не могло быть и речи, потому что в провинции Сатакунта еще не успели провести эвакуацию. В то же время Рахья издал приказ о расстреле пленных и тех, кто оказывал сопротивление при конфискации имущества. Сам Рахья во второй половине апреля был уже в России.

После войны Рахья был членом комитета по приему беженцев в Петрограде. Молодая Советская Россия еще боролась за собственное существование, и Рахья пытался побудить бывших финских красногвардейцев вступать в Красную армию и даже предложил Ленину создать отдельную финскую часть. Юкка Рахья предложил объявить среди петроградских финнов всеобщую воинскую повинность. 25 августа 1918 г. на собрании бежавших в Россию финских коммунистов Юкка Рахья заявил, что руководители коммунистов в Финляндии отстали от времени. В своем остром выступлении он сформулировал новые тезисы для рабочего движения. Одним из важнейших был тезис об отказе от всего национального и интернационализме коммунистического движения.

В связи с боями под Мурманском Эйно Рахья пытался заключить с англичанами соглашение об участии финских частей в войне. Известно, что в июне 1918 г. в Мурманске он выплатил зарплату солдатам финской Красной гвардии. Часть финнов после получения денег отправилась в один из вагонов поезда, из которого они вышли уже солдатами английской армии. После отступления английских войск из Мурманска в 1919 г. «Мурманский легион» распался.

В 1918–1922 гг. Рахья был комиссаром и инспектором офицерских курсов и финских частей. Юкка, Эйно и третий из братьев, Яакко, были поочередно, друг за другом, руководителями военной организации. Эйно и Юкка Рахья были курсантами первых курсов в конце 1918 – начале 1919 г. В начале 1919 г. Юкка Рахья высказал мнение, что правые смогут удержать власть в Финляндии только с помощью штыков. Он даже предположил, что в финляндской армии красных было 75 процентов.

В 1918–1919 гг. Эйно и Юкка Рахья занимались прибыльным делом, контрабандно доставляя из Финляндии в Россию предметы роскоши и продукты питания. Положение Эйно и Юкка Рахья в Коммунистической партии Финляндии (КПФ) было прочным благодаря из знанию языка и хорошим связям. Все же им не удалось избежать обвинений в хозяйственных злоупотреблениях. Курсанты военной школы даже назначили коллегию для расследования деятельности братьев.

Именно Юкка Рахья был основой оппозиции в КПФ, связываемой с его именем. Это течение начало развиваться с лета 1919 г. Юкка Рахья вышел тогда из центрального комитета партии, после того как Аура Кийскинен заявила, что Юкка приставил сыщиков следить за ней. Позже Кийскинен отказалась от своего обвинения, но Юкка Рахья свой выход из ЦК не аннулировал. Братья Рахья знали, как должны поступать «настоящие коммунисты». Ради революции следовало, например, жертвовать своими материальными интересами. Братья были людьми действия. Это видно, к примеру, по тому, как Эйно Рахья вел переговоры с железнодорожниками Финляндского вокзала в Петрограде о поставках продовольствия. Для Рахья оружие было аргументом переговоров. Юкка Рахья считал себя выше любого решения. Когда на II съезде КПФ было решено предложить финским частям объединиться, Юкка Рахья посчитал решение большинства обязательным для всех, кроме себя самого, потому что это решение противоречило принципам коммунизма. Видимо, Рахья имел в виду то, что это решение было национальным, а не интернациональным.

Юкка Рахья был убит вместе с семью другими руководителями КПФ на собрании партийного клуба в 1920 г. За действиями убийц стояли внутренние партийные разногласия, особенно обострившиеся в связи с вопросом о праве коллективного представительства на партийного съезда. Эйно Рахья хотел выяснить, кто убил его брата. Отто Вилле Куусинен воспользовался ситуацией и попытался избавиться от своего

оппонента: годом позже, в июле–августе 1921 г. на четвертом съезде КПФ он потребовал вывода Рахья из ЦК и заявил, что иначе он уйдет сам. Куллерво Маннер признал в своей речи «негативные стороны» Рахья (в том числе склонность к алкоголизму), а также то, что начало «рахьяизму» положил Юкка, а не Эйно Рахья. Тем не менее, Маннер высказался за оставление Рахья в составе ЦК. На этом этапе Рахья не был исключен из ЦК КПФ, с другой стороны, не ушел в отставку и Куусинен. Рахья невысоко ценил Маннера, защитившего его на съезде, так как считал Маннера слабым руководителем. Но особенно Рахья ненавидел Куусинена, которого считал одним из виновников смерти брата. Кроме того, оба они боролись за расположение Иосифа Сталина, ставшего во главе государства после смерти Ленина.

В 1923 г. с согласия ЦК КПФ Рахья взялся за изготовление фальшивых банкнот в тысячу финляндских марок. Центральный комитет все же запретил печатание фальшивых денег после того, как возникли опасения, что подобная деятельность может осложнить отношения Финляндии и Советской России. Рахья все же продолжил начатое и напечатал еще одну партию фальшивых тысячных банкнот. Достоверной информации об их дальнейшей судьбе не сохранилось. Сам Рахья жил в Петрограде в бывшей квартире банкира по адресу Каменноостровский проспект, 59.

До самой своей смерти Рахья входил в состав оппозиции внутри КПФ. По его мнению, было несправедливо, что те, кто бежал из Финляндии, завладели партией. Кроме того, он считал, что революция могла победить в Финляндии только с помощью штыков Красной армии, так как КПФ на это не способна. Он утверждал, что КПФ была не революционной массовой организацией, а «горсткой присланных из Москвы чиновников». И силой, и защитой Рахья были его тесные связи со службами безопасности. В августе 1935 г. Рахья планировал создание нового ЦК КПФ вместо руководимого Куусиненом. Новой причиной ненависти Рахья к Куусинену было то, что Куусинен ничего не сделал, чтобы помочь финским товарищам в Карелии или Ленинграде в 1930-е гг. Поэтому неудивительно, что Рахья поставлял разведывательной службе СССР информацию, могущую привести к гибели руководства КПФ и особенно Маннера. Масштабы деятельности Рахья обнаружили только после его смерти.

Несмотря на то, что в 1927 г. Рахья был выведен из состава ЦК КПФ, его похороны в апреле 1936 г. были проведены на уровне, достойном участника гражданской войны в Финляндии и России и друга Ленина. Эйно Рахья умер «естественной» смертью от туберкулеза и злоупотребления алкоголем. Он похоронен на кладбище Александровской лавры в Петербурге.

Приложение:

Эйно Рахья, род. 20.6.1885 Петербург, умер 26.4.1936 СССР. Жена: Лидия Парвиайнен, родители жены: Петр Парвиайнен и Анна Парвиайнен. Сын: Эйно.

Лаури Кристиан Реландер (1883–1942)

Президент Республики

Лаури Кристиан Реландер – наименее известный президент Финляндии. Часто его изображают как слабого и бесцветного президента, который в период внутривнутриполитической нестабильности позволял манипулировать собой и не имел собственной четкой линии. В сфере внешней политики при Реландере продолжалась изоляционистская политика, несмотря на то, что президент проделал существенную работу, представляя Финляндию за рубежом и устанавливая отношения с соседними странами на высшем уровне.

Избрание президентом республики в феврале 1925 г. малоизвестного во внутренней политике губернатора Выборгской губернии Лаури Кристиана Реландера, последовавшее после отказа К.Ю. Стольберга баллотироваться, стало большой неожиданностью. Президент, за которым закрепилось прозвище *Ласси-путешественник* (Reissu-Lassi), постоянно совершал государственные визиты и был желанным гостем на публичных мероприятиях в Финляндии. Президентство Реландера характеризовалось внутривнутриполитической нестабильностью. Во внешней политике сложившиеся условия вынуждали продолжать изоляционистскую линию. Конец президентства был окрашен усиливающейся антикоммунистической активностью и подъемом правого радикализма. Противоречия с одним из лидеров Аграрного союза Кюёсти Каллио и слишком позитивное отношение к Лапуаскому движению привели к тому, что на президентских выборах 1931 г. Аграрный союз не выдвинул кандидатуру Реландера.

Исследователь

Ларс Кристиан (в школьные годы имя было изменено на финское Лаури) родился в Куркиёки, в карельской волости на берегу Ладожского озера, расположенной на полпути между Сортавалой и Кякисалми (Приозерск). Его отец, агроном Эвальд Кристиан Реландер, был сыном помощника приходского священника в Киихтелюсваара, а мать Гертруд Мария Олсони была дочерью пробста. Сдав выпускные

экзамены в лицее с довольно средними результатами, Лаури Кристиан пошел по стопам отца, поступив на агронома.

Реландер получил степень кандидата философии, специализируясь в области агрохимии и экономики сельского хозяйства. Во время учебы Реландера университетское преподавание агрономии делало первые шаги. Для современного сельского хозяйства были недостаточны лишь знания и умения, передаваемые от отца к сыну. Сельское хозяйство все больше использовало новейшие достижения в растениеводстве и животноводстве. По этой причине сельскохозяйственное образование в это время быстро прогрессировало по всем направлениям; именно в этой сфере Реландер начал свою карьеру. После учебы он десять лет (1908–1917) был ассистентом на государственной опытной сельскохозяйственной станции. Диссертация, написанная на немецком языке и посвященная всхожести семян, сделала Реландера одним из ведущих исследователей в области экспериментальной и селекционной агрономии в Финляндии. Однако результаты и методы его исследований подверглись сильной критике, когда он предпринял безрезультатную попытку получить доцентуру в университете. Решающее негативное заключение дал профессор А.К. Каяндер, ставший позднее премьер-министром.

В Аграрном союзе

Реландер, уже несколько лет входивший в Аграрный союз, после неудачи в научной карьере стал чиновником и политиком. Вступление в малочисленную и бедную Аграрную партию в 1907 г. стало для магистра Реландера, добившегося академического признания, прежде всего результатом идейного самоопределения. Это не могло быть оппортунизмом, во всяком случае, после того, как партия на первых парламентских выборах получила лишь девять мест, что стало для ее членов большим разочарованием. Партия не стала той могущественной партией, представляющей большинство населения – партией крестьян и сельского населения в целом, каковой она должна была стать. В партии, враждебно настроенной к господам, Реландер, в силу своего происхождения, оставался в некоторой степени чужим. С другой стороны, именно его образованность способствовала активному политическому старту. Общительный и склонный к компромиссам Реландер был избран депутатом в первый раз в 1910 г. В руководство Аграрного союза он вошел примерно в 1917 г.

Обретение Финляндией независимости и итоги гражданской войны способствовали быстрому развитию политической карьеры Реландера. Рост Аграрного союза, усиление его позиций в парламенте от выборов к выборам (26 депутатов в 1917 г., 42 – в 1919 г.) ставили перед представителями партии все более значимые задачи, для которых образованный, знающий языки и представительный Реландер был подходящим выбором. Он был председателем парламента в

1919 г. и частично на сессии 1920 г. В этом же году он был назначен губернатором Выборгской губернии. Это назначение поддерживалось депутатами от губернии, представлявшими самые разные партии.

Метод, которым пользовался Реландер в своей политической деятельности на посту президента, обнаружился еще во время занятия им предшествовавших должностей. Ближе всего его сердцу было счастье и преуспевание сельского населения, и особенно сельскохозяйственных производителей. Как губернатор пограничной губернии, Реландер выступал за поддержание дисциплины и порядка на территории и активно участвовал в добровольной работе по обороне страны.

Хотя Реландер, как человек и политик, стремился к согласию, он не искал компромиссов на каких угодно условиях. По его мнению, национальное согласие требовало от левых принятие демократических правил игры, от правых – принятие республики, а от националистов – примирения в языковом вопросе. Свое мнение Реландер напрямую высказывал в речах и газетных статьях, иногда даже вызывая раздражение у руководства собственной партии.

В 1920-е гг. Реландер не стал ни министром, ни тем более премьер-министром, хотя на эту тему ходили всевозможные слухи. Но президент Стольберг ни разу не поручил ему формирование правительства. Пост министра оказался недостижим, поскольку в решающие моменты Реландер не получал необходимой поддержки в собственной партии. Лидеры Аграрного союза Сантери Алкио и Кюёсти Каллио, в свою очередь, были раздражены частными политическими инициативами Реландера.

Президентские выборы

Первый президент Финляндии К.Ю. Стольберг, был выбран парламентом. В 1925 г. впервые были избраны триста выборщиков для выборов президента республики. Плохие погодные условия во время выборов 15–16 января 1925 г. привели к тому, что процент проголосовавших был низким – 39,7 процентов. Особенно вяло проголосовали левые, поскольку было заранее известно, что президент будет избран из числа кандидатов от буржуазных партий.

Лаури Кристиан Реландер, которому исполнился всего 41 год, был выдвинут кандидатом от Аграрного союза только лишь после избрания выборщиков, за день до окончательного голосования. Неожиданная кандидатура была выдвинута карельским крылом партии, и это произошло в благоприятный момент, так как другие сильные представители партии, Сантери Алкио, Кюёсти Каллио и Э.Ю. Пехконен, отказались от выдвижения. Каллио, например, был вообще против выдвижения кандидатуры от партии и поддерживал избрание Ристо Рюти от Прогрессивной партии.

При голосовании выборщиков решающим в пользу избрания Реландера на пост президента стало то, что его кандидатура вызывала

меньше возражений, чем Ристо Рюти. В Аграрном союзе и, частично, в Прогрессивной партии Рюти считали политиком, отрицательно настроенным к сельскому хозяйству. С другой стороны, Прогрессивная партия крепко держалась за кандидатуру Рюти и не соглашалась на избрание Ю.Х. Веннола – более приемлемой для Аграрного союза кандидатуры от Прогрессивной партии. Как представитель правого крыла аграриев и сторонник идеи национальной обороны, Реландер устраивал Коалиционную партию. Благодаря своей умеренной линии в языковом вопросе, он также устраивал шведоязычных выборщиков, которые помнили, что его жена была шведоязычной. Георг Шауман подметил после выборов: «Мы голосовали не за Лаури Кристиана, а за госпожу Реландер». В третьем туре голосовании Реландер получил голоса Аграрного союза, Национальной коалиционной партии и Шведской народной партии, победив Рюти 172 голосами против 109. Коммунисты воздержались.

Президент, вызывающий противоречивые чувства

Во время своего президентства Реландер вызывал весьма противоречивые эмоции со стороны политической элиты Финляндии. С одной стороны, он по-прежнему часто принимал самостоятельные решения, раздражавшие его соратников в Аграрном союзе. С другой стороны, президент легко поддавался влиянию и прислушивался к сплетням, которые его часто обижали. Он легко верил людям, которым доверял, но вследствие невысокой самооценки президента отношения с этими доверенными лицами зачастую подвергались испытанию. О тонкости натуры Реландера можно судить по его посмертно опубликованным дневникам.

Во время президентства камнем преткновения для Реландера стала не только неопытность в государственных делах, но и его молодость, из-за чего политическая элита не могла воспринимать его серьезно. Энергичный и словоохотливый президент иногда действовал, не имея четкой линии, за что быстро ухватились его политические противники. С другой стороны, отсутствие четкой политической линии лишало Реландера поддержки людей, изначально относившихся к нему положительно.

В отличие от К.Ю. Стольберга, Реландер не воплощал в жизнь политическую программу, а решал вопросы и проблемы по мере их возникновения. Его линия, на вербальном уровне постоянно акцентировавшая справедливость и беспристрастность, могла показаться признаком слабости. Тень Стольберга мучительно преследовала Реландера повсюду: их постоянно сравнивали друг с другом.

Реландер особенно конфликтовал с лидером аграриев Кюёсти Каллио. Карельское крыло Аграрного союза и ранее, как в завуалированной, так и в открытой форме, критиковало группировку представителей Похъянмаа. Речь шла как о личных интригах, так и в дальнейшем

о формировании политической линии. Так, например, Реландер, в отличие от Каллио, более благосклонно и терпимо относился к набравшему силу правому радикализму. В борьбе за лидерство в Аграрном союзе, которая позднее вылилась в личное противостояние между Кюёсти Каллио и Ю.Э. Сунилой, симпатии Реландера были на стороне последнего. С Сунилой, который также был ученым-аграрием, Реландер был давно знаком. Об уязвимости личных связей президента, однако, свидетельствует то, что его отношения с волевым Сунилой, который, когда это было необходимо, быстро и без особого уважения мог убедить президента в чем-то, временами полностью прерывались.

Правительства во время правления Реландера, за исключением одного, были кабинетами меньшинства. Повторяющиеся неудачи в формировании правительства большинства, по существу, не были виной лично Реландера. Межпартийные отношения были натянутыми, а личностные конфликты довольно значительными.

Хотя Реландер на уровне эмоций относился к левым отрицательно, в конце 1926 г. он поручил Вяйно Таннеру, к которому питал большое уважение, сформировать социал-демократическое правительство меньшинства. Он стремился более прочно привязать социал-демократов к парламентарной системе и, одновременно, побудить склонную к раздорам белую Финляндию к сотрудничеству, продемонстрировав, что существуют и другие варианты формирования правительств.

Таннеру, помимо поста премьер-министра, в течение трех с половиной месяцев пришлось исполнять обязанности президента, когда весной 1927 г. Реландер, очевидно, после перенесенного гриппа, получил осложнение на суставы. Болезнь временами была настолько серьезной, что врачи сомневались в выздоровлении. Во время болезни президента социал-демократ Таннер принял на Сенатской площади военный парад по случаю Дня национального флага, что вызвало критику со стороны левых и замешательство среди правых.

Во внешнеполитических вопросах Реландер особенно полагался на Ялмара Прокопе – министра иностранных дел в конце президентства Реландера, с декабря 1927 по февраль 1931 г. В вопросах безопасности Финляндия, за неимением альтернатив, продолжала политику «блестящей изоляции», которая была направлена, прежде всего, на поддержание независимости от Советского Союза. Отношение Реландера к Советскому Союзу было таким же, что и у других представителей несоциалистических партий. Он бы охотно приветствовал крах большевистской системы в России. Корректное отношение к Советскому Союзу главным образом проявилось в том, что Реландер в феврале 1930 г. встретился с советским послом в Финляндии, что вызвало бурю протеста в правых кругах. Финляндия, по мнению Реландера, должна была сыграть роль моста между странами Скандинавии и Балтии. С точки зрения Финляндии, скандинавско-балтийский союз, который имел бы хорошие отношения с Англией

и Германией, обеспечил бы мир и на восточном направлении. И, напротив, к политике страны-лимитрофа в чистом виде Реландер относился отрицательно.

Несмотря на политику нейтралитета, Реландер завязал отношения с зарубежными странами, совершив официальные визиты в Эстонию, Швецию, Латвию, Данию и Норвегию. Поездки Реландера, с точки зрения выхода молодого государства на мировую арену, были очень важны. Вызывая в посещаемых странах большую публичную реакцию, эти визиты способствовали формированию образа Финляндии. Светский и вызывающий симпатию президент формировал положительное представление о Финляндии как о стране со стабильным и цивилизованным обществом. Реландер был непринужденным в общении, что делало его желанным почетным гостем на различных мероприятиях в Финляндии. Он с удовольствием принимал участие в подобных событиях.

Финская пресса зачастую относились к поездкам президента критически, а карикатуристы черпали из них для себя материал. Ходила шутка, что Финляндия после президента-юриста получила президента-туриста. Реландера называли *Ресандер* (от шведского *resa* – путешествовать) или *Ласси-путешественник*. Но среди сограждан поездки президента по Финляндии и за рубеж вызывали также и большой положительный интерес. Они были заметной темой для новостей в еженедельниках и газетах. Можно сказать, что благодаря Реландеру президент сошел к народу с пьедестала, воздвигнутого чопорным Стольбергом.

Конец президентства

Надежды Реландера на следующий президентский срок рухнули, когда в 1931 г. Аграрный союз выбрал своим кандидатом не его, а Кюёсти Каллио, который на этот раз не отказался.

Реландер поддерживал борьбу с коммунизмом, начавшуюся в форме Лапуаского движения. К примеру, на открытии сессии парламента в начале августа 1929 г. он заявил, что народ ждет от парламента и правительства решительных действий против преступной агитации коммунистов. В Лапуаском движении он видел здоровую реакцию народа на антиобщественную деятельность. Хотя президент был обеспокоен проявлениями незаконности, связанными с правым радикализмом, его отношение к движению в целом оценивается как нерешительное. К огорчению Реландера, в кругах, критически относившихся к Лапуаскому движению, его речи и действия интерпретировали как знак его благосклонности к правому радикализму. Сам он считал самой большой своей ошибкой рукопожатие с Вихтори Косола, лидером Лапуаского движения, в связи с крестьянским маршем в июле 1930 г. Это действие рассматривалось как символ президентской неосмотрительности.

В ходе президентских выборов в январе–феврале 1931 г. Реландер, убедившись в отсутствии шансов собственного избрания, способствовал, и даже решающим образом, тому, чтобы его соратник по партии Кюёсти Каллио потерпел поражение в третьем туре. Он был удовлетворен тем, что президентом стал П.Э. Свинхувуд, которого он в 1930 г. назначил премьер-министром, чтобы восстановить в стране законный порядок. Реландер сначала сделал Свинхувуда своего рода теневым премьер-министром еще при правительстве аграриев во главе с Кюёсти Каллио, не имевшем широкой опоры. Кроме того, летом 1930 г. Свинхувуд сформировал буржуазное коалиционное правительство, после того, как правительство Каллио ушло в отставку в результате оказанного давления, хотя и получило только что от парламента вотум доверия.

По окончании президентства Реландер работал исполнительным директором компании, обеспечивающей страхование сельских жителей от пожаров, вплоть до своей скоростной кончины, последовавшей в 1942 г. в результате инфаркта. В отличие от своего предшественника Стольберга, Реландер после окончания президентского срока не вернулся в политику, хотя и наблюдал за ней с интересом. Он по-прежнему принимал участие в официальных мероприятиях, в основном в качестве почетного гостя на праздничных торжествах.

У Реландера и его жены Сигне, дочери торговца из Хельсинки, было двое детей. Свободное время Реландер с удовольствием проводил в Карелии и в Выборге. С 1924 г. он владел солидным садовым имением *Памппусаари* в окрестностях Выборга, за которым он вместе со своим садовником старательно ухаживал. *Памппусаари* было тем местом, где Реландер отдыхал и переводил дух даже в наиболее занятые и бурные периоды своей политической карьеры. Даже в годы жизни в Хельсинки *Памппусаари* оставался его настоящим домом, куда он собирался переехать по выходе на пенсию. Но этого так и не произошло. После Второй мировой войны Памппусаари остался на территории, переданной Советскому Союзу.

После Второй мировой войны Лаури Кристиан Реландер был наименее известным из президентов, с ним не были связаны никакие политические страсти. Заслуги Реландера были недооценены и занижены. Реландер не был таким вождем народа, которого бы в 1930-е гг. стремились вернуть в политику. С другой стороны, не было нужды и критиковать Реландера, поскольку после своего президентства он ни для кого не представлял политической угрозы. Он был и остался в стороне.

Политический климат после Второй мировой войны лишь усилил то весьма негативное впечатление, которое осталось от президентства Реландера и симпатий к правому радикализму. В собственной партии Реландера – Аграрном союзе, переименованном затем в Партию центра – никто не считал нужным защищать политику, связанную

с именем Реландера. Обнародование дневников президента в 1967–1968 гг. позволило констатировать, что Лаури Кристиан Реландер был не таким уж слабым президентом, каким его изображали политические противники. В то же время дневники без прикрас рассказали, как доброжелательному и чувствительному Реландеру, став президентом, пришлось влезть в сапоги, оказавшиеся для него слишком великими.

– ЮККА-ПЕККА ПИЕТИЯЙНЕН

Приложение:

Ларс Кристиан, Лаури Кристиан Реландер, род. 31.5.1883, Куркиёки, умер 9.2.1942, Хельсинки. Родители: Эвальд Кристиан Реландер, агроном, и Гертруд Мария Олсони. Жена: 1906–1942 Сигне Мария Эстерман, род. 1886, умерла 1962, родители жены: Юхан Фредрик Эстерман и Йоханна Каролина Юссель. Дети: Майя-Лиса (Бекман), род. 1907, умерла 1990, регистратор; Рагнар Олави Кристиан, род. 1910, умер 1970, художник.

Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877)

*национальный поэт Финляндии,
преподаватель университета
и гимназии*

Поэт Й.Л. Рунеберг создал идеал народа и природы Финляндии. Своей лирикой, эпическими произведениями и поэмой «Сказание прапорщика Столя» он сформировал национальный идентитет Финляндии, основы национальной бытности страны.

Йохан Людвиг Рунеберг был заметным эпическим и лирическим поэтом. Его творчество приобрело особую значимость благодаря времени и окружению, в котором ему довелось творить. Своей поэзией Рунеберг, как и Элиас Лённрот, помог недавно образованному Великому княжеству Финляндскому обрести статус цивилизованной нации, как в своих собственных глазах, так и в представлениях иностранцев. Его идеология основывалась на неогуманистическом преклонении перед греческим наследием. В политическом смысле он придерживался консервативной линии эпохи Николая I. Уже при жизни, а особенно после смерти Рунеберг обрел статус культовой фигуры, отчасти как человек, способствовавший формированию чувства национального самосознания и автор стихотворения «*Наш край*», ставшего национальным гимном Финляндии.

Рунеберг родился в Пиетарсаари 5 февраля 1804 г. Его дед был главным землемером, а брат деда вошел в историю благодаря своим работам и проектам реформ в области экономики, статистики, землепользования. Одна из бабок будущего поэта происходила из рода Тенгстрёмов-Чудениусов, из которого вышло много священнослужителей, а мать была из купеческого рода Мальм. Отец Рунеберга не закончил свою учебу в университете и стал морским капитаном. Детство Рунеберга проходило в бедности, однако, среди родственников были весьма значительные фигуры, самой известной из которых был Якоб Тенгстрём, назначенный в 1803 г. епископом (позднее архиепископом) Турку. В восьмилетнем возрасте Рунеберг был отправлен на обучение в Оулу, где жил у своего дяди. После смерти последнего он учился три года в Ваасе, переходя из класса в класс с отличием.

В этот период Рунеберг увлекся Бельманом и другими современными шведскими поэтами.

Рунеберг поступил в Туркусский университет (Академия Або) осенью 1822 г. Университет только что пережил политический кризис в связи с тем, что два профессора и доцент были уволены из-за своей антиправительственной деятельности и предположительного сочувствия революционному движению в континентальной Европе. Рунеберг сразу присоединился к проправительственной «партии» архиепископа Тенгстрёма и профессора теологии А.Й. Лагуса, ставших его главными покровителями. Лето Рунеберг проводил в качестве домашнего учителя в семье Лагусов в местечке Лието, а затем у Тенгстрёмов в их имении в Парайнен.

В 1824–1825 гг. Рунеберг жил в качестве домашнего учителя в семье капитана Э.Г. аф Энзельма в местечке Саариярви, параллельно изучая труды классических авторов. Ему удалось скопить немного денег, что, наряду со стипендией, позволило ему в 1827 г. получить степень кандидата философии. Этим же летом он стал магистром. В период своего пребывания в Саариярви он имел возможность познакомиться с природой внутренней Финляндии, с финским крестьянством и воспоминаниями о войне 1808–1809 гг. Позже он написал очень интересный очерк о Саариярви, его жителях и обычаях. Этот очерк позволяет понять, каким образом у его автора в процессе собственных наблюдений, изучения греческой классики, знакомства с немецкими идеями, к которым он прикоснулся в туркуский период, в том числе и через журналы, проходил процесс формирования понятия «родина». Уже в 1830-х гг. очерк был издан также на русском языке, что, естественно, способствовало известности Рунеберга в России.

Когда осенью 1828 г. университет был переведен в Хельсинки, Рунеберг также переехал туда, намереваясь продолжить свою академическую карьеру. Высокий и симпатичный молодой человек был к тому времени уже помолвлен со своей двоюродной сестрой Фредрикой Тенгстрём. Несмотря на финансовые затруднения, он не занялся пасторской деятельностью, а зарабатывал на жизнь учительством и журналистикой. Кроме этого, Рунеберг работал в университетской консистории и давал частные уроки.

В 1830 г. Рунеберг получил доцентуру по риторике, написав трактат, посвященный сравнительному исследованию «*Медеи*» Еврипида и Сенеки. В его функции входило преподавание литературы и стилистики как древних, так и современных языков, в особенности шведского языка как языка культуры Финляндии, а также руководство написанием студенческих работ. Подобно своим учителям Тенгстрёму и Лагусу, Рунеберг специализировался на греческой литературе, которая в огромной степени повлияла на его собственное поэтическое творчество.

До своего назначения Рунеберг весной 1830 г. издал сборник «*Стихи*». Это был первый настоящий сборник стихов, опубликованный

в Финляндии; он также был хорошо встречен в Швеции. В том же году он опубликовал *«Сербские песни»* в переводе с немецкого на шведский язык. Эта книга существенно повлияла на укрепление интереса финнов к своей фольклорной традиции, а также на его друга Лённрота.

Совместно с другими молодыми преподавателями в 1831 г. Runeberg основал школу нового типа – Гельсингфорский лицей, а уже в следующем году начал редактировать газету *«Гельсингфорс Моргон-блад»*, выходящую два раза в неделю. Собственно, еще с 1827 г. Runeberg сотрудничал с различными турецкими и хельсинкскими газетами. Газета знакомила читателей с событиями в мире, для чего Runeberg вместе со своей супругой Фредрикой отбирал и переводил избранные статьи из целого ряда иностранных газет. Кроме того, он занимался поэтическими переводами с разных языков. Runebergи заключили брак в 1831 г., и в течение 19 лет у них родилось восемь детей, из которых шестеро остались живы. Супруги входили в кружок семей молодой университетской интеллигенции, образовавшийся вокруг их общего родственника Й.Й. Тенгстрёма. Это так называемое *«Субботнее общество»* сыграло важную роль в деятельности Финского литературного общества, основанного в 1831 г.

В последующие годы Runeberg опубликовал диссертацию, необходимую в связи с соисканием ассистентской должности в университете, в которой рассматривал функцию хора в классических греческих трагедиях, однако должности не получил. Тогда же появились две гекзаметрические поэмы на финском материале: *«Охотники на лосей»* (1832) и *«Ханна»* (1836), в которых описывался, соответственно, крестьянский и пасторский быт. Первая давала идеализированное представление о финском народе, вторая – летние картины сельской Финляндии. В *«Охотниках на лосей»* описывается сельский быт в Хяме. Произведение содержит размышления автора о браке и любви, в нем, в качестве изюминки, появляются карельские коробейники, есть вставные элементы и счастливый конец с помолвкой. Все герои, а также некоторые предметы снабжены эпитетами в гомеровском стиле и все они, вплоть до последнего бродяги, представлены в положительном свете. В целом поэма написана в драматическом ключе. О самой охоте на лосей в ней не говорится ни слова, действие происходит в избе, где присутствуют женщины и коробейники, пока мужчины находятся в лесу. Поэма *«Ханна»* является реминисценцией немецкой идиллической эпикки того времени. Главная героиня – дочка пастора, брат которой с друзьями приезжает из университетского города на каникулы в деревню. Молодежь отправляется в поход на гору, во время которого, в окружении летней ночи, между одним из гостей и Ханной вспыхивает любовь.

В 1834 г. Runeberg пробует свои силы в роли драматурга, написав комедию *«Сельский угодник»*. Годом ранее он издает второй том *«Стихов»*. Если первая книга содержала цикл из пяти частей (*«Ночи ревности»*), то во вторую была включена более объемная поэма

«Могилы в Перхо». Оба сборника содержат заключительный раздел «Идиллии и эпиграммы»: в первом их было 27 без названия, во втором 33, уже с названиями. Идиллии и эпиграммы были положены на музыку, особенно в виде вокальных произведений Сибелиуса, благодаря чему стали наиболее известными лирическими стихотворениями Рунеберга. После двух первых поэтических сборников к Рунебергу пришла устойчивая слава лирического поэта, который, с античной простотой и меткостью выражения, описывает любовные переживания, их робкое начало, всеохватность и ревность. Он проводит удачные параллели между природой и душевными состояниями, как, например, в знаменитом стихотворении «У колодца». Во многих его стихотворениях присутствует сильный моральный посыл, например, в безымянном стихотворении о Пааво из Саариярви. Все это имело в своей основе корни античной культуры.

Имидж Рунеберга-поэта формировался на протяжении 1830-х гг. Его основной составляющей стало глубокое усвоение принципов и моральных установок античной литературы. Последующая его деятельность в университете и гимназии еще более упрочила его связь с греческой и римской поэзией. В филологии Рунеберг придерживался классических представлений о превалирующем значении литературы. Впоследствии он отказался от предложенной ему должности профессора греческой литературы, так как не желал следовать за новыми тенденциями в академической филологии, доминировавшими в особенности в Германии, согласно которым все больше роли отводилось лингвистике и критике текста.

Его увлечение античной литературой было тесно связано с модным в 1820-е гг. интересом к балканской народной поэзии, которая воспринималась как преемница гомеровской традиции. Раннее творчество Рунеберга формировалось под влиянием его увлечения сербской поэзией, что особенно чувствуется в «Идиллиях и эпиграммах» из первого сборника и в поэме «Могилы в Перхо» из второго сборника. Кроме того, Рунеберг черпал вдохновение, как для своих комедий, так и для стихотворений третьего сборника стихов и поэмы «Ханна», в буржуазном романтизме того времени. Популярный тогда исторический романтизм наиболее отчетливо проявился в поэме «Надежда», события которой развиваются в мифическом прошлом России. Однако центральным элементом поэзии Рунеберга являлось известное из античности понятие *virtus*, мужское начало, проявлявшееся по-разному и в героизме солдата, и в верности Пааво из Саариярви, и в бескомпромиссности его обширной любовной лирики.

В 1837 г. Рунеберг получает постоянную должность в гимназии в Порвоо вначале в качестве лектора римской, а с 1842 г. и греческой литературы. В Финляндии в то время было лишь две шведоязычных и одна немецкоязычная гимназия. Должность предполагала также получение церковного сана, так в 1838 г. Рунеберг стал пастором. Свои религиозные представления он описал в «Письмах старого

садовника», в которых проявилась вся его антипатия по отношению к аскетизму пиетистов и отрицанию мирского начала вообще. Должность лектора гимназии открывала возможность продвижения по лестнице церковной иерархии, так что вполне возможно, что Рунеберг мечтал о назначении его епископом. С финансовой стороны такой карьеры он был знаком еще в период своего плотного общения с семейством Тенгстрёма, который и сам пришел к сану через поэзию и греческий язык. В гимназии же Рунеберг придерживался старого стиля обучения. В период политической нестабильности 1847–1850 гг. он занимал пост директора гимназии, а в 1857 г. в возрасте 53 лет вышел на пенсию с сохранением полного жалования.

С переездом в Порвоо Рунеберг отошел от *«Гельсингфорс Морган-блад»*, но уже в 1838 г. основал газету *«Борго Тиднинг»*, постоянным сотрудником которой и являлся вплоть до 1848 г. В порвоский период семья Рунебергов росла, и в 1852 г. они переехали в новый дом поблизости от гимназии, который позже был превращен в дом-музей. Еще ранее семья обзавелась летней виллой, где Рунеберг с сыновьями любили порыбачить. Ко всему он был еще и заядлым охотником. В Порвоо Рунеберг пережил несколько влюбленностей, из которых наиболее значимой была Эмилия Бьёркстен, но все они оказали сильное влияние на его внутренний мир и творчество.

Рунеберг довольно рано получил признание в Швеции, а в конце 1830-х гг. и в России, чему в значительной степени способствовал Я.К. Грот. В 1839 г. он получил награду Шведской Академии за свои достижения в области поэзии, и в этом же году император предоставил ему дополнительную ежегодную стипендию. Интерес к его творчеству в России привел Рунеберга к написанию в 1841 г. поэмы *«Надежда»*, основанной на русском материале, которая появилась одновременно с третьей гекзаметрической поэмой *«Рождественский вечер»*. Рунеберг был одной из центральных фигур на праздновании 200-летнего юбилея университета и участвовал в завязывании отношений между финляндскими и русскими писателями, вылившимися в совместное издание. Рунеберга называли в России «финским Пушкиным». Такое внимание в какой-то степени побудило его не только написать *«Надежду»*, но и задуматься о своей роли в национальном и международном масштабе. Тематика *«Рождественского вечера»* также связана с Россией – в произведении сыновья владельца усадьбы, майора и старого солдата воюют в составе русских войск против турок. Сына первого ранят, второй погибает. Как и ранее, в этой поэме центральной фигурой вновь является женский образ. На последних страницах произведения Рунеберг впервые формулирует свое видение Финляндии, исполненное как моральным, так и эмоциональным содержанием: страна предстает как родина, олицетворяемая образом старого солдата, удовлетворенного своей бедностью.

В третьем сборнике *«Стихов»* (1843) и в вышедшей в следующем году эпической поэме *«Король Фьялар»*, написанной в духе *«Песен*

Оссиана», видится меланхолический настрой Рунеберга, прослеживается влияние европейской литературы. Творчество автора получало все большее признание, доказательством чему служит полученное им в 40-летнем возрасте звание почетного профессора и членства в шведском рыцарском ордене Северной звезды.

Политическая нестабильность, приведшая к революциям 1848 г., подтолкнула Рунеберга к написанию в 1846 г. стихотворения *«Наши край»*, которое было представлено студентам Хельсинкского университета. Стихотворение изначально задумывалось как национальный гимн. А уже к рождеству 1848 г. вышла первая часть *«Сказаний прапорищика Столя»*, включавшая в себя стихотворения, в которых воспевались мораль и чувство ответственности. Общий тон книги был и консервативно-патриотическим, и она имела существенное значение для формирования национального идентитета и придания ему неогуманистической окраски. В стихотворении *«Наши край»* и включенном во вторую часть *«Сказаний»* стихотворении *«Пятое июня»* патриотизм переплетается с воспеванием пейзажа и эстетико-моральными обязательствами человека, о чем автор говорил ранее в поэме *«Ханна»*. Произведение подчеркивает бедность народа Финляндии, его способность довольствоваться малым и подчиняться судьбе, но при этом поднимает на щит его верность и храбрость. *«Наши край»* заканчивается провозглашением грядущего светлого будущего, причем приход этого будущего, вопреки господствующим европейским течениям, Рунеберг видит не через революцию или борьбу, но через развитие и «взросление» народа. В условиях революционной ситуации Рунебергу удалось направить беспокойное студенчество в направлении лояльности и самоконтроля. Как результат умелого руководства со стороны Фредрика Сигнеуса, на состоявшемся 13 мая 1848 г. весеннем празднике студенческих землячеств песня *«Наши край»* была впервые исполнена как национальный гимн. Фредрик Пациус положил стихотворение на музыку, а Рунеберг включил ноты в качестве приложения к *«Сказаниям прапорищика Столя»*.

Большую часть 1850-х гг. Рунеберг посвятил составлению церковных песенников. Он внес исправления во многие ранние сборники и сам написал 62 новых гимна, часть из которых до сих пор входит и в шведоязычный, и в финноязычный песенники. В конце десятилетия новый политический поворот в континентальной Европе и в Финляндии вновь обратил его внимание к событиям времени. В какой-то степени на него оказывали влияние его сыновья. В результате появилась вторая часть *«Сказаний прапорищика Столя»*, более воинственная по настрою в сравнении с первой. Примером такого рода воинственного патриотизма могут служить *«Марш Бьёрнеборгского полка»* и *«Сын солдата»*.

Между первой и второй частью *«Сказаний»* наблюдается существенная разница, особенно в том, что первая написана в явно прусском духе, вторая же – в прошведском, при этом она более

исторична. Общим же для обеих книг является их атмосфера, наполненная идеалами античности – мужества, верности, героизма, терпения, воинского братства. Впоследствии потомки хотели видеть в этих стихах изображение войны 1808–1809 гг. Однако, к примеру, в стихотворении «*Дёбельн в Ютас*» речь идет вовсе не о битве при Юутте, но о внутренних коллизиях самого Дёбельна. А темой «*Пятого июля*» являются не действия Дункера, но чувства ответственности перед родиной, вдохновленное красотой природы.

В 1854 г. Runeберг издал отдельной книгой свои ранние новеллы и наброски к романам, в 1862 г. он написал комедию «*Не могу*», за которой последовала трагедия «*Цари Саламиш*», написанная в греческом стиле и затрагивающая идею справедливости. Эти работы знаменовали, с одной стороны, возвращение к собственно творческому писательскому труду после периода работы над церковными песнопениями 1850-х гг., которые он рассматривал как тяжелую обязанность. С другой стороны, это говорило о его стремлении к обновлению и развитию собственного писательского дарования в условиях социально-политической ситуации нового десятилетия. На творчество Runeберга оказало влияние и то, как его принимали в Швеции, и как там продавались его труды, после его единственной зарубежной поездки в Стокгольм в 1851 г. и начала издания в Швеции его «*Избранных произведений*». В начале 1840-х гг. Runeберг был заинтересован в своей популярности в России и далее в Европе, однако этот интерес сошел на нет на фоне растущего спроса на его книги в Швеции, где он приобрел значение, сходное со статусом национального поэта. Его «*Наш край*» пели в Швеции подобно национальному гимну, а «*Охотники на лосей*» и «*Сказания прапорщика Столя*» входили в обязательную программу школьного обучения вплоть до 1950-х гг.

После 1854 г. работа над церковными гимнами стала тяготить Runeберга, и в 1857 г. он уходит в отставку. Семейство начало жить на его пенсию и гонорары от издания песенников. Поэт высказывал удовлетворение, что имеет возможность сосредоточиться на «охоте на лис и подготовке прапорщиков». В 1863 г., в год выхода в свет «*Царей Саламиш*», во время охоты Runeберг перенес апоплексический удар, от которого так никогда и не оправился, оставаясь прикованным к постели вплоть до самой смерти в 1877 г. Письма Фредерики Runeберг их сыну Вальтеру в Рим рисуют удручающую картину состояния глубочайшей депрессии, в которой поэт находился все эти годы. Многие годы Финляндия жила в ожидании его смерти. Вместе с тем, в эти годы он получил множество знаков внимания, включая членство в Стокгольмской Королевской Академии литературы и Санкт-Петербургской императорской Академии наук. Российский император прислал ему табакерку с бриллиантами, а в Швеции ему был присвоен титул кавалера Рыцарского ордена полярной звезды. Все это было свидетельством растущей славы Runeберга.

Начиная с 1861 г. стали выходить переиздания *«Избранных произведений»*, и Рунеберга начали переводить на многие языки. Его стихи Август Алквист (Оксанен) переводил на финский еще в 1844 г., а финский перевод *«Сказаний прапорщика Столя»*, подготовленный в 1867 г. специальным комитетом (так называемый «перевод Каяндера») приобрел впоследствии большую известность и был часто цитируем. Большую часть творчества Рунеберга перевел на финский Отто Маннинен, однако, эти переводы уже частично устарели. Стихи Рунеберга изначально привлекали композиторов. Песни Ф.А. Эрстрёма на стихи Рунеберга *«У колодца»* и *«Лебедь»*, приобрели известность финских народных песен. Помимо песни *«Наши край»*, Фредрик Пациус положил на музыку стихотворение *«Сын солдата»*. Музыка к большому количеству стихотворений Рунеберга написали Карл Коллан и Аксель Ингелиус. Международную известность приобрела музыка Сибелиуса на любовную лирику Рунеберга.

Еще при жизни Рунеберг стал «первым великим человеком Финляндии», почитание его памяти приобрело почти религиозные формы. День Рунеберга (5 февраля) отмечался как национальный праздник, с зажиганием свечей, а по инициативе Сейма был проведен сбор денег на большой памятник поэту в Хельсинки. Авторство этого первого крупного памятника в столице княжества принадлежит сыну поэта Вальтеру. Он был торжественно открыт при большом стечении публики в 1885 г. Дом Рунеберга был выкуплен государством у его семьи в 1880 г., отреставрирован и открыт для доступа в 1882 г. Основанное в 1885 г. Шведское литературное общество Финляндии взяло на себя обязательство сохранения памяти Рунеберга. Пик культа Рунеберга пришелся на период политических волнений, начавшийся в 1899 г. Тогда была предпринята попытка направить монархические настроения народа на поклонение национальным героям. Бесплатно, или же в недорогих изданиях, распространялись *«Сказания прапорщика Столя»*, затем это же повторилось во время Зимней войны. Многие места из книги стали живыми цитатниками как на шведском, так и на финском языках, поскольку практически все жители Финляндии знакомы с этим произведением в школе.

Все произведения поэта переводились на финский язык, начиная с 1840-х гг. С 1830-х гг. о Рунеберге знали и в России. Многие из его сочинений переводились на немецкий, датский, французский и английский языки (*«Ханна»*, *«Надежда»*, *«Король Фьялар»*, *«Сказания прапорщика Столя»*). *«Ханна»* и *«Надежда»* были переведены на итальянский. Празднование столетнего юбилея Рунеберга привлекло внимание и за пределами Финляндии. В Швеции поэт всегда входил в число наиболее выдающихся представителей шведоязычной литературы.

Приложение:

Йохан Людвиг Рунеберг, род. 5.2.1804 Пиетарсаари, умер 6.5.1877 Порвоо. Родители: Лоренц Ульрик Рунеберг, капитан торгового флота, и Анна Мария Мальм. Жена: 1831–1877 Фредрика Шарлотта Тенгстрём, род. 1807, умерла 1879; родители жены: Карл Фредрик Тенгстрём, казначей Сената, и Анна Маргарета Бергбум. Дети: Анна Каролина, род. 1832, умерла 1833; Людвиг Микаэл, род. 1835, умер 1902, лектор лицея; Лоренцо, род. 1836, умер 1919, доктор медицины и хирургии; Вальтер, род. 1838, умер 1920, скульптор; Йохан Вильгельм, род. 1843, умер 1918, профессор внутренних болезней, депутат, статский советник; Якоб Роберт, род. 1846, умер 1919, инженер, предприниматель в Санкт-Петербурге; Эдвард Мориц Адольф, род. 1848, умер 1851; Фредрик Карл, род. 1850, умер 1884, лицензиат медицины.

Пааво Руотсалайнен (1777–1852)

*руководитель
пиетистского движения,
крестьянин*

Пааво Руотсалайнен, происходивший из крестьянской семьи, в первой половине 19 в. стал выдающимся руководителем пиетистского движения и влиятельной фигурой. Авторитет Руотсалайнена опирался, прежде всего, на его знания как духовного учителя и наставника, а также на количество его последователей и его постоянное общение с людьми.

Й.В. Снельман, характеризуя жизненный путь крестьянина из местечка Нильсия, писал в выходившей в Куопио газете «*Сайма*», что Руотсалайнен был поистине удивительным явлением: то, что крестьянин выступает в роли руководителя и духовного наставника других крестьян, не является большой редкостью, но равного Руотсалайнену, по всей видимости, раньше не было. Положение Руотсалайнена как «первого среди равных» основывалось, прежде всего, на его познаниях как духовного учителя и наставника. К его сторонникам, помимо простого народа, принадлежали также представители привилегированных сословий, а также пасторы, что прибавляло ему авторитета как руководителя пиетистов. Огромное число поездок по всей Финляндии делало его еще более известным. Движение пиетистов встречало также и большое сопротивление, так как оно нарушало правила игры сословного общества.

Дом, где Пааво Руотсалайнен провел детство, находился в приходе Маанинка в деревне Онкивеси. Отец Пааво, Вилппу Руотсалайнен, был довольно преуспевающим крестьянином. Мать, Анна Хелена Сван, происходила из древнего церковного рода, но, как и многие другие дочери в семьях привилегированных сословий, оказалась в результате межсословных перемещений на более низком сословном уровне. По всей видимости, вследствие раздела наследной родовой усадьбы Руотсалайненов в 1786 г. Вилппу Руотсалайнен с семьей переехал в деревню Сутела, находившуюся в приходе Иисалми (ныне территория Варпайсярви). Отец передал Пааво – после женитьбы того

на крестьянской девушке Риитте Олликайнен – небольшое хозяйство, территория которого прилежала к его собственной усадьбе, наследником которой он не желал видеть Пааво. После смерти отца дом унаследовал младший брат Пааво.

В начале 19 в. мелкий земледелец из Северной Саво не мог похвастаться хорошими условиями жизни. Вместе с несколькими другими друзьями из ближайших деревень Пааво Руотсалайнен решил продать свою собственность и отправиться в Польшу в поисках более достойных средств к существованию. Идея переезда возникла в связи со слухом о том, что в Польше раздают бесплатно землю. Однако путешествие закончилось уже в Выборге, потому что для продолжения поездки его паспорт оказался недействительным. После этой неудавшейся попытки Руотсалайнен с 1817 г. поселился на постоянное место жительства в Нилсия, сначала на берегу Сювяринярви на склоне горы Тухкомьяки, а затем в Ахолансаари. Поначалу и здесь ведение хозяйства не имело особого успеха: постоянные поездки Руотсалайнена в пиетистские общества не шли на пользу земледелию.

О Руотсалайнене известно, что он был талантливым ребенком, рано научившимся читать. От своего дяди он получил в подарок Библию. Владение дорогой книгой было необычно для крестьянского мальчика. Эта первая Библия Руотсалайнена была 1776 г. издания. Во время экзамена по катехизису и священной истории способный мальчик получил отличные оценки. Несмотря на свой талант, Руотсалайнен вынужден был довольствоваться самообразованием, и учебником для него служила Библия. От мечты о школе пришлось отказаться довольно рано. Самоучка Руотсалайнен называл позднее свою школу жизни «Академией сосновой фабрики».

Детство и юность Руотсалайнена приходятся на конец 18 в., период распространения народных религиозных течений. В конце 1790-х гг. Северная Саво оказалась охваченной своеобразной волной народного пробуждения, окрашенного в тона пиетизма и гернгутерства. Во главе этого будительского движения в Саво изначально стояли светские лица. Поначалу его руководителем стал столяр Юхана Пуустиярви по прозвищу Лустиг. В дальнейшем Пуустиярви изображали, вероятно, без больших на то оснований, в дурном свете как «лицемерного» и «светского» человека, что, без сомнения, лишь способствовало росту влияния Руотсалайнена.

К руководству народным пробуждением приходили люди, которые, как правило, обладали умением воздействовать на людей, потерявших духовное равновесие. Молва о таких руководителях быстро распространялась среди пиетистов. Одним из духовных наставников, известных своим талантом, был кузнец Яакко Хёгман (1753–1806), слава о котором дошла и до Руотсалайнена. Поездка к Хёгману, вероятно в 1799 г., означала переворот в жизни Руотсалайнена, страдавшего от душевных терзаний. Духовные советы Хёгмана, а также

подаренный им молитвенник Томаса Уилкокса «*Дорогие капли меда*» оказали большое влияние на становление Руотсалайнена.

То, что в конце 18 – начале 19 вв. стало легче доставать духовную литературу, а также увеличивалось число грамотных людей, было важными факторами для распространения пиетистского движения. Руотсалайнен тоже получил возможность пользоваться духовной литературой, хотя в его родных краях владение литературой по-прежнему было весьма редким явлением. Низкий уровень грамотности и нехватка литературы в Восточной Финляндии делали Руотсалайнена исключением в его собственной среде, своего рода ученым человеком.

Руотсалайнен, нашедший себя, начиная с первого десятилетия 19 в., привлекал на свою сторону все большее число слушателей и сторонников. Пиетисты, ранее собиравшиеся под руководством Юханы Пуустиярви, теперь поддерживали Руотсалайнена. В лице крестьянина-собственника Лаури Юханы Нисканена (1794–1853) он приобрел духовного наставника и друга. По мере усиления руководящего положения Руотсалайнена пиетизм в Северной Саво приобретал специфический религиозный характер. Весьма существенной была идея «веры в тоске». Несмотря на свою ничтожность перед Богом, грешный человек должен стремиться к уверенности в том, что Бог ради Иисуса может принять и безбожника. Вопрос состоял не в том, что отпущение может получить и неправедный грешник, а в том, что человек получает отпущение именно как грешник и только как таковой. Руотсалайнен писал одному своему подавленному другу: «Если ты не умеешь молиться, то тоскуй, если не умеешь тосковать, то заболей во имя Господа». Следует любыми способами избегать веры ради веры, а также лицемерия.

Развитие пиетизма как народного движения, начиная с 1820-х гг., усилилось и стало распространяться территориально. Пиетисты Северной Саво, Карелии и Каяни образовали первую группу последователей Руотсалайнена. Пиетисты из Саво стали встречаться с другими своими единомышленниками, первый такой выход за границы своей территории был сделан в сторону Липери, где пиетистами руководил помощник настоятеля церкви Хенрик Ренквист. Все отчетливее была заметна борьба за первые роли между сторонниками Ренквиста и движением Руотсалайнена. Сторонники Ренквиста со своими молитвами с коленопреклонением и пониманием святости не любили Руотсалайнена. Ренквист, в свою очередь, не мог согласиться со свободным отношением Руотсалайнена к употреблению алкоголя.

В Южной Саво во главе пиетизма стояли светские влиятельные фигуры Маргаретта Хёгман (1786–1849) и Саломон Хяккянен (родился в 1784 г.). Первая была дочерью учителя Руотсалайнена Яакко Хёгмана. Несмотря на это, взаимопонимания с пиетистами из Южной Саво не было. Поскольку разногласия в южном и юго-восточном направлении лишь обострялись, Руотсалайнену приходилось искать другие пути

для распространения пиетизма. И в середине 1830-х гг. пиетистское движение Саво начало плодотворно сотрудничать с пиетистскими движениями в долине реки Калайоки. Примечательным было то, что соратниками Руотсалайнена стали представители духовенства. Капеллан из Юливиеска Йонас Лагус и помощник капеллана из Нивала Н.Г. Малмберг позднее образовали своеобразный треугольник, в котором Руотсалайнен быстро завоевал большой авторитет.

Взаимопонимание между пасторами-пиетистами Похьянмаа и Руотсалайненом усилилось в результате судебного процесса над пиетистами в конце 1830-х гг. Заседание уездного суда Калайоки, на котором Руотсалайнен получил штраф, сплотила ряды руководителей пиетистского движения Похьянмаа и Саво. Сближение пиетистов Саво и Похьянмаа было заметно и в их внешнем облике: пиетисты Похьянмаа стали носить особый кёртский (пиетистский) костюм. Взаимопонимание было необходимо, так как противников пиетизма было много. К движению, которое вышло за привычные границы, было привлечено внимание церковных и светских чиновников. С точки зрения общества и церкви, проблемой были не сами по себе пиетистские молебны, а то, что они проходили без официального контроля. Законное основание для запрета духовных собраний нашлось в так называемом *конвентикель-плакате* от 1726 г., акте, регулировавшем порядок внецерковных собраний и по-прежнему остававшемся в силе. Первые приговоры в связи с незаконным проведением духовных собраний выпали на долю крестьян-пиетистов Северной Саво и Карелии-Пиелинен. Самому Руотсалайненому обвинение вынесено не было, но после наложенных штрафов он активно выступал за отмену приговоров в отношении единоверцев. В обострившейся обстановке Руотсалайнен начал ограничивать проведение духовных собраний. Несмотря на это, в конце 1830-х – начале 1840-х гг. пиетистам неоднократно предъявлялись обвинения в нарушении *конвентикель-плаката*. Так, в частности, произошло в Калайоки, Уусикаарлепою и Вёюри.

Помимо пасторов, примкнувших к пиетистскому движению, в число сторонников Руотсалайнена входила небольшая группа других представителей образованного слоя, что вызывало беспокойство в кругах привилегированного сословия. Это проявилось в нападках на пиетистов в сфере культуры. Первым за перо взялся окружной врач Элиас Лённрот, столкнувшийся с влиянием Руотсалайнена в районе Каяни. В 1835 г. газета *«Гельсингфорс Моргонبلاد»* напечатала серию статей Лённрота о пиетистах, в которых передавался профессиональный взгляд врача: «Пиетиста можно узнать уже по внешнему виду. Глаза приобретают чуждый, отличающийся от здорового блеск, нос становится острее, а щеки вваливаются». Руотсалайнена, к которому совершали паломничество пиетисты, Лённрот сравнивал с папой. По мнению Лённрота, наиболее неприемлемым было отрицательное отношение пиетистов к древним традициям и обычаям народа.

Экспедиции Лённрота по сбору рун в районах распространения пиетизма не принесли результата, так как древние заговоры и сказания представлялись пиетистам языческими суевериями, от которых следовало избавляться через пиетизм.

От высказываний Лённрота не слишком сильно отличались и оценки Й.Л. Рунеберга, которые наиболее четко высказаны в знаменитых *«Письмах старого садовника»*. Рунеберг считал пиетизм вредным для культуры движением, самым большим недостатком которого был отказ от земных радостей. Без сомнения, это больше отвечало образу мыслей интеллигенции. Ответ поэта-пиетиста Ларса Якоба Стенбека на *«Письма старого садовника»* появился сразу же. Эта полемическая переписка, имеющая культурно-историческое значение, демонстрировала противостояние пиетизма и идеи национального развития. Религиозное пробуждение было препятствием для национального пробуждения.

Из национальных деятелей только Й.В. Снельман продемонстрировал хоть какое-то сочувствие пиетистам, хотя и находил неприемлемым, чтобы в рядах пиетистов были представители интеллигенции. Фигура Руотсалайнена, однако, по всей видимости, была интересна Снельману, так как спустя несколько лет после смерти Руотсалайнена он написал в *«Литтературбладет»*: «Возможно, будет более справедливо, если мы будем считать его весьма талантливым деятелем, который обладал пронзительным умом и талантом оказывать вдохновляющее влияние и который с религиозной точки зрения был умудренным, по-настоящему праведным человеком, хотя человеческие слабости иногда не были ему чужды».

Активность Руотсалайнена как руководителя пиетистского движения заметна, прежде всего, по очень большому количеству поездок. Он добрался и до юга Финляндии, побывал в Хельсинки. Его статус руководителя пиетистского движения был наиболее прочным в конце 1830-х – начале 1840-х гг., о чем говорит его шуточное прозвище «пастор двух епархий». В известном смысле решающий перелом произошел еще до середины 1840-х гг. Друг и сторонник Руотсалайнена Ф.Г. Хедберг вышел из пиетистского движения под руководством Руотсалайнена. Разногласия с Хедбергом продемонстрировали наличие в движении жесткого соперничества за руководящие позиции. Толкование учения, высказанное Хедбергом в книге *«Вероучение о блаженстве»*, Руотсалайнен поначалу одобрил, но по мере нарастания разногласий написал Хедбергу: «Только сейчас я заметил в твоём памфлете, что ты был таким же философом, как и Иуда Искариот ...». По мнению Руотсалайнена, уход Хедберга имел очень большое значение. Хедберг был, прежде всего, влиятельной личностью для многих пасторов-пиетистов Южной и Юго-Западной Финляндии, которые позднее следовали в евангелическом движении пути, указанному Хедбергом.

Уход Хедберга вызвал частичный раскол, но он имел также и обратное действие. Он заставил пиетистов еще больше сплотить свои ряды, и в результате пиетизм имел весьма прочные позиции вплоть до конца 1840-х гг. Раскол в пиетистском движении, однако, не ограничился лишь образованием евангелического движения. Хотя авторитет Руотсалайнена был по-прежнему крепок, к концу десятилетия в движении наступило заметное затишье. Руотсалайнен больше не имел такой возможности путешествовать, и связь с другими руководителям ограничилась перепиской и устными сообщениями. Спад пиетистского движения в Южной и Северной Похьянмаа в начале 1850-х гг. не изменил положения Руотсалайнена как руководителя, хотя из движения еще до смерти Руотсалайнена официально вышла часть священнослужителей. Этап расширения движения закончился с наступлением 1850-х гг.

С личностью руководителя пиетистов Пааво Руотсалайнена связано множество споров. С одной стороны, он, будучи талантливым духовным наставником, умел понять беды угнетенного человека. Его учение получало отклик благодаря простой и ясной манере излагать мысли, его речь содержала исполненные юмором и психологически точные выражения. Многие неудачи и трагедии в семейной жизни, как, например, убийство сына Пааво в 1830 г., без сомнения, отражались в его речах и придавали им личностный характер. С другой стороны, Руотсалайнен известен также своим поведением, несколько грубоватым и чуждым условностей, к чему добавлялось еще и неумеренное употребление алкоголя. Хотя это не было нетипично для крестьянской культуры, несомненно, что известному духовному наставнику предъявлялись иные требования, чем обычному крестьянину. В конце 1840-х гг. авторитет Руотсалайнена был также подорван обвинением в «пьянстве и сквернословии» в общественном месте. На это обвинение он не успел ответить, так как он было отозвано из-за болезни Руотсалайнена. Пааво Руотсалайнен умер в январе 1852 г.

Хотя Руотсалайнен был чрезвычайно влиятельным крестьянином уже в глазах современников, его следует оценивать также с точки зрения более поздних процессов. Следует отметить, например, изменения, произошедшие в плане взаимоотношения пиетизма и национального вопроса. Пиетизм, изначально заклеянный как консервативный и враждебный культуре, спустя десятилетия после смерти Руотсалайнена начал вновь привлекать к себе внимание. Начиная с 1890-х гг. в обстановке обострившихся политических отношений с Россией приобрел важность акцент на собственной истории финской нации (феннофильстве). Переоценка значения Руотсалайнена и пиетизма с национальной точки зрения произошла как в художественной литературе, так и в исторических исследованиях. В новой интерпретации Руотсалайнен и возглавляемое им пиетистское движение олицетворяли собой подлинно финскую религиозность.

Появилось понимание, что религиозное пробуждение создавало предпосылки для национального пробуждения. С начала 20 в. Пааво Руотсалайнена стали безоговорочно причислять к великим национальным деятелям.

– ИЛККА ХУХТА

Приложение:

Пааво Руотсалайнен, род. 9.7.1777 Иисалми, умер 27.1.1852 Нилсия. Родители: Вилппу Руотсалайнен, крестьянин-землевладелец, и Анна Хелена Сван. Первая жена: 1800 – Риитта Олликайнен, род. 1779, умерла 1833, родители первой жены: Пааво Олликайнен, крестьянин-землевладелец, и Маргареетта Мартикайнен; вторая жена: 1833 – Анна Ловииса Саволайнен. Дети: Анна, род. 1801; Юстиина, род. 1805, умерла 1862; Ева, род. 1807, умерла 1808; Юхана, род. 1809, умер 1830; Сохви, род. 1811; Элина, род. 1813; Лийса, род. 1813, умерла 1900; Ева, род. 1816, умерла 1867; Рийтта, род. 1822, умерла 1858.

Юрьё Рууту (1887–1956)

*политик,
профессор международной политики,
начальник школьного управления*

Юрьё Рууту был одним из последних представителей своего академического поколения, чья научная специализация совпадала с участием в практической политике. Такая двойственность была присуща также Й.В. Снельману, Г.З. Юрьё-Коскинену и Й.Р. Даниельсон-Калмари. Взаимовлияние теории и практики привело Рууту к новым постановкам проблемы и превратило его в национального и социального провидца. Активист, государственный социалист, человек, сформировавший идеологию финской идентичности, первый, кто обрисовал контуры Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и Советским Союзом, он прошел путь от элиты Национальной коалиционной партии до основателя Социалистической партии единства.

Юрьё Рууту, изучавший историю, международное и конституционное право и международную политику, заложил основы изучению международной политики в Финляндии и в целом был одним из тех немногих финнов, которые оказались в состоянии разработать собственную теорию государства и общества.

Рууту испытал на себе влияние шведского геополитика Рудольфа Челлена, который сформулировал новое и более реалистическое понятие государства, в противовес представлениям, основывавшимся на легализме. Челлен был представителем политики силы, но, в отличие от немецких теоретиков, включал в понятие «силы» и такие качественные аспекты, как уровень образования. В отличие от других теорий международной политики, челленовская геополитика, как казалось, давала возможности малой стране типа Финляндии, бывшей объектом угнетения.

Рууту объединил международную политику и национально-освободительные устремления. Когда началась первая мировая война, вокруг Рууту, бывшего в то время председателем правления студенческого союза, сложился «прогерманский» кружок. В октябре–ноябре 1914 г. Рууту участвовал в тайных собраниях, на которых была

заложена основа егерского движения. Именно Рууту предложил на так называемом собрании в кассовой комнате отправить молодых людей в Германию для подготовки их в качестве руководителей повстанческого движения. На его долю как бы сама собой выпала участь стать теоретиком маленького кружка, и именно из-под его пера в декабре 1914 г. вышли листовки для вербовки студентов. Возникновение егерского движения во многом основывалось на челленовской геополитике. Небольшая группа магистров-активистов математически «подсчитала», что Германия выиграет войну. Когда Германия все же потерпела поражение, активисты предпочли забыть эти свои расчеты, да и историография не стремилась обращать на них внимание.

В начале 1916 г. Рууту был арестован и отправлен в Петроград в пользовавшуюся дурной славой тюрьму на Шпалерной. Время заточения закончилось для егеря с февральской революцией 1917 г. Но и после этого ему приходилось скрываться, так как «германские агенты» не заслуживали пощады и в глазах новой власти. Рууту перебрался в Стокгольм, а оттуда в так называемое *Финляндское бюро*, неофициальное представительство активистов в Берлине. Там представилась возможность на месте познакомиться со «школой силы» и методами ведения войны великой державой.

Рууту, участвовавший в войне на стороне белых, стал называть войну 1918 г. «гражданской», в то время как его руководитель по *Финляндскому бюро* Самули Сарии впервые использовал и пропагандировал понятие «освободительная война».

После окончания гражданской войны Рууту входил в ядро движения активистов и увлеченно проводил политику, направленную на объединение соплеменников и создание Великой Финляндии. Крах Германии осенью 1918 г. ослабил влияние активистов, и Рууту пришлось оставить работу в министерстве иностранных дел. До отставки его заинтересовала информация о продвижении Красной армии на территорию Эстонии. Он попросил премьер-министра Лаури Ингмана предоставить ему полномочия на проведение вербовки добровольцев для оказания помощи Эстонии. Премьер-министр дал зеленый свет, и Рууту стал членом Комитета помощи Эстонии и председателем его военной комиссии. Будучи видным деятелем активистского движения, Рууту получил ясное представление о целях и противоречиях военного и политического руководства Финляндии. Из бесед с премьер-министром Эстонии Константином Пятсом он понял, что с оказанием помощи Эстонии, помимо ее независимости, связывались весьма далеко идущие цели. Он убедился в том, что Густав Маннергейм и некоторые министры стремились помочь белым прийти к власти в России.

Весной 1919 г. Рууту стал главным редактором печатного органа активистов газеты «Суунта» («Направление»). Положение осложнялось подготовкой активистов к Олонецкому походу и

планами регента относительно наступления на Петроград. От имени группы «*Суунта*» Рууту подготовил для Маннергейма меморандум о вариантах внешнеполитических решений, в котором предостерегал от сотрудничества с какой бы то ни было группировкой русских. В мае–июне 1919 г. в руководстве активистов произошел раскол. Кай Доннер и Элмо Кайла поддерживали захват Петрограда, в то время как Рууту выступал против. Он считал для Финляндии во многих отношениях более выгодным вариант, при котором у власти в России оставались бы большевики. Маленькие страны скорее нашли бы общий язык с социализмом, чем с империалистическим капитализмом. Рууту надолго утвердился в своем представлении о предпочтительности большевиков в сравнении с царской Россией и вере в возможность сотрудничества с большевиками. В начале лета 1919 г. Рууту дистанцировался от идеи активистов, согласно которой регент Маннергейм должен был распустить парламент, объявить военное положение и отправиться завоевывать Петроград.

Критическая позиция, занятая Рууту, породила среди активистов разногласия относительно сути движения. По мнению Доннера, активизм следовало считать внешнеполитической линией, использованием благоприятной международной обстановки в собственных целях, без какой-либо внутривнутриполитической (социально-политической) программы. По его мнению, белая Финляндия уже преодолела многие из своих внутренних проблем. Рууту считал, что перед активизмом стоят также внутри- и социально-политические задачи. Он стремился доказать, что деятельность современного государства должна распространяться на просвещение, экономику и социальную политику. Вместо территориальной экспансии следовало вначале расширить поле деятельности внутри страны. Важнейшей задачей он считал сплочение народа. Борьба вокруг активизма, происходившая в 1919–1920 гг., закончилась поражением Рууту. «Внутренняя политика активизма», которая включала бы в себя радикальные социальные преобразования и за которую выступал Рууту, не получила поддержки. События 1918 г. послужили для большинства активистов своеобразной прививкой против любых социальных реформ и экспериментов. Под руководством Доннера проводилась линия, которую можно назвать «белым активизмом». Немногочисленное меньшинство придерживалось, в духе Рууту, новых взглядов на государство. Применительно к нему можно употребить понятие «социальный активизм».

Осенью 1920 г. Рууту опубликовал свою работу «*Новое направление*». В нем он высказал мнение, что политика егерского движения под лозунгом «прочь от России» была уже недостаточна, для обеспечения независимости требовалось решение социальных вопросов. Требовалось объединить нацию, расколовшуюся надвое. По мнению Рууту, для этого были необходимы плановая экономика и государственный социализм. Социализм «*Нового направления*»

был национальным, так как его основой был народ, а не класс. В центре социальных проблем лежало противоречие между трудом и капиталом. Интересы тех немногих, в чьих руках сосредотачивался капитал, противоречили интересам более низких социальных слоев и интересам народа в целом. В *«Новом направлении»* слышался голос не только опытного активиста, видевшего за планами завоевания Петрограда интересы крупного капитала, но и того молодого начинающего активиста, который в 1914 г. столкнулся с равнодушием к егерскому движению и независимости страны со стороны крупных предпринимателей, заинтересованных в российских рынках.

«Новое направление» вручило ключи академической молодежи и интеллигенции. Работники духовного труда должны были осознать свою роль в борьбе труда и капитала, так как только они обладали достаточной смелостью и непредвзятостью для осуществления необходимых реформ. Академическая интеллигенция, положившая начало национальному пробуждению и егерскому движению, уже доказала свою готовность действовать. Теперь Рууту ожидал от нее третьей попытки – решения социального вопроса. Эта книга, содержащая энергичный призыв к политической борьбе, заставила заговорить целое поколение и оказала глубокое влияние, в частности, на Ниило Кярки, Юрьё Вуорентауса, Вилхо Хеланена, Ааро Пакаслаhti и Урхо Кекконена. Рууту потерпел неудачу, пытаясь повлиять на своих соратников по борьбе и активистскому движению. В какой-то степени компенсацией стал его успех среди более молодых деятелей, имевших влияние в академическом мире.

В 1922 г. Рууту первым в Финляндии защитил диссертацию по теории государства на тему *«Нация: политическое исследование»*. На материале недавнего прошлого он показывал, каким образом можно сохранять народ от раскола в условиях, когда различные социальные группы преследуют собственные интересы. Нация была тем социологическим и политическим единством, в рамках которого наиболее эффективно осуществлялось улучшение «энергетического» соотношения различных сил. Государство было инструментом, которым нация пользовалась для организации использования этой энергии. Война уничтожала энергетические ценности, и нации все менее хотели оказаться в ее власти. С другой стороны, в течение многовековой истории становления наций возникали ситуации, при которых не всегда было возможно найти мирное решение проблем. В этом случае исход определялся эффективностью конкурирующих между собой сил. Участник егерского движения еще не мог признать существования какого-либо авторитета, стоящего над национальным государством.

За дифференциацией труда следовала «персонификация» групп, пробуждение самосознания. Отрасли деятельности и профессиональные сообщества стремились сами определять условия своего труда, защищать свои интересы и оказывать влияние на энергетическую

целостность в своих интересах. В этом заключалась субъективная политика. Объективная политика, со своей стороны, была нацелена на учет общих интересов, всеобщее благо. В условиях здоровой государственной жизни обе эти политики были естественными и необходимыми. Рууту отчетливо отступал от доминировавших в то время представлений, подчеркивавших главенство целого, иногда в крайних формах.

Рууту не признавал объяснения возникновения нации на основе теории о расах или языках. Конечно, язык имел большое значение для возникновения энергетических связей. Национальность в языковом, а значит, и в культурном и духовном смысле является самостоятельной единицей, подгруппой нации. В Финляндии можно было выделить две отдельных национальных единицы – финнов и шведов. Энергетически они все же образовали единую целостность – нацию.

Осенью 1923 г., уйдя в отставку с поста председателя студенческого союза, Рууту дал интервью, в котором расширил постановку языкового вопроса в духе изложенных в диссертации тезисов. На закрытых мероприятиях он шел еще дальше, намечая «тактику изоляции», согласно которой следовало не только не давать шведоязычным организационную независимость, которой они добивались, но их следовало изолировать. Открыто Рууту говорил о «допущении сепаратизма» и «культурной автономии».

Идеи Рууту стали частью идеологии Академического Карельского общества (АКО), а их проводником стал выбранный в 1923 г. заместителем председателя общества Ниило Кярки, который на практике руководил его деятельностью. АКО заказало Рууту программу по проблемам, касавшимся финского национального самосознания. Программа включала три пункта: чисто финский государственный университет, принцип пропорциональности при распределении средств на нужды образования и изоляцию шведоязычных. Принятие программы привело к расколу и образованию Союза независимости в 1924 г. За этим стоял Кай Доннер, так что бывшие товарищи-активисты во второй раз оказались по разные стороны фронта.

Помимо программы по национальному вопросу, АКО во многом восприняло и социальные установки Рууту. Важнейшим исключением оказался государственный социализм. Хотя Ниило Кярки и Вилхо Хеланен входили в созданные Рууту государственно-социалистические объединения, эта идея так никогда и не стала частью идеологии АКО, так как она считалась слишком радикальной с точки зрения большинства членов общества. На ее место пришли социальные реформы, «желание уничтожить бедность и нищету». АКО под руководством Ниило Кярки считало себя той самой лишенной предрассудков интеллигенцией, которой «*Новое направление*» отводило функцию объединения народа. Эта цель определялась как «идея национального сплочения».

Весной 1925 г. Рууту основал государственно-общественное объединение «*Васама*» («*Стрела*»), в собраниях которого принимали

участие самые видные студенческие политики 1920-х гг. В «*Васама*» строили планы создания новой партии, объединяющей национальную идею и социализм. Для обозначения этих намерений было сформулировано понятие «национал-социализм», которое, несмотря на название, не имело ничего общего с Гитлером. Ограниченность поддержки не позволила осуществить план создания партии. Страна находилась в тисках экономического кризиса, и в 1932 г. сторонники Рууту основали Национал-социалистический союз Финляндии.

В начале 1930-х гг. Рууту положительно относился к немецкому национал-социализму, полагая, что, в конце концов, победит штрассеровское левое крыло. После того как в 1933 г. к власти пришел Адольф Гитлер, Рууту начал критиковать политику Германии и ужесточил свою критику, когда в 1934 г. Гитлер разгромил сторонников Штрассера и СА. Гитлер и Йозеф Геббельс теперь были для него предателями истинного национал-социализма, продавшими его крупному капиталу. Рууту изгнал из своего союза сторонников германского национал-социализма и ввел в оборот новый термин «финские социалисты». Однако деятельность союза после периода разногласий активизировать не удалось, и в 1937 г. финские социалисты во главе с Рууту вошли в социал-демократическую партию. Через несколько лет Юрьё Килпелайнен и Унто Варьонен стали крупнейшими представителями возникшего в партии течения «социализма братьев по оружию».

Наблюдения за международной политикой и ее теоретическое осмысление стали основным направлением размышлений Рууту. Он прочитал множество лекций по этой теме и выпустил в 1934 г. обширный труд «*Современная международная политика*». В конце 1930-х гг. он постоянно подчеркивал необходимость установления доверительных отношений с Советским Союзом. В период между Зимней войной и Войной-продолжением министр образования Антти Кукконен поручил Рууту организовать финляндско-российское культурное общество, чтобы предотвратить монополизацию отношений с СССР в руках основанного немногим ранее Общества дружбы Финляндия-СССР.

С началом Войны-продолжения Рууту был вызван в отдел военной истории при Главной ставке в Миккели. Его дневниковые записи свидетельствуют, что он уже ранней осенью 1941 г. понял, что блицкриг провалился, что Германии придется вести войну в зимних условиях и что она, скорее всего, потерпит поражение. Рууту вел беседы на эту тему с другим скептиком, Ю.К. Паасикиви. В конце 1941 – начале 1942 г. в дневнике появляется запись, что Финляндия, в целом удачно воюющая, связала себя с терпящей поражение стороной. Рууту почти с отчаянием обдумывал возможность сепаратного мира. Начиная с лета 1942 г. он активно участвует в деятельности так называемой мирной оппозиции, и ему принадлежит центральная роль в написании документа, известного как «письмо тридцати трех», ставшего наиболее заметным проявлением оппозиционности времен войны.

С конца 1943 г. активность Рууту в мирной оппозиции падает. Тем не менее, он обдумывал проблемы, связанные с заключением мира и послевоенными отношениями с Советским Союзом. В начале августа 1944 г. он представил министерству иностранных дел проект создания оборонительного союза между Финляндией и Советским Союзом. Предложение Рууту стало первым в ряду многочисленных подобных проектов, приведшем, в конце концов, к заключению Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Помимо планирования и заключения договора, целью Рууту был возврат территорий, потерянных в результате Зимней войны, в обмен на оборонительный союз. О военном договоре он беседовал в ноябре 1944 г. также с президентом Маннергеймом, который в то время был против этой идеи. Путь от инициатора егерского движения до человека, набросавшего контуры Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, был непонятен для многих современников, но сам Рууту считал его логичным. В первой мировой войне Финляндия могла выиграть все, и ей нечего было терять, а во второй мировой она могла потерять все, в то время как выигрыш был бы мизерным.

В послевоенный период, времена так называемой второй республики, Рууту готов был уступить название «*новое направление*» периоду 1944–1948 гг. Ему принадлежала важная роль в обретении нового национального самосознания. Помимо изменений во внешней политике теперь ставилась цель достижения социальной и экономической демократии, а также демократизации культуры и образования. Рууту действовал во всех трех направлениях: внешняя политика, проблема социализации и школьная реформа. Он был членом важнейших комитетов и различных органов, таких как комитет Хорнборга, комитет по социализации, а также в 1945–1950 гг. работал начальником школьного управления.

В противовес обширной и многогранной деятельности Рууту в предыдущие годы, по мере нарастания холодной войны в начале 1950-х гг. он остается почти в полном интеллектуальном одиночестве как в политике, и в науке. В научной сфере у него уже не хватало сил вести глубокие дискуссии по поводу победно шествовавшего англосаксонского эмпирического обществознания, основывавшегося на так и оставшихся для Рууту чуждыми бихевиористских научных концепциях. Рууту, изучавший в течение долгого времени международную политику и общественные противоречия, вернулся к своим корням и взялся писать исследование о древней независимости Финляндии. За этим в 1956 г. его и застигла смерть.

Образ мыслей Рууту нельзя считать тактическим маневрированием или признаком неустойчивости позиции уже потому, что часто он заставлял его идти против течения и заводил его в политический вакуум. Через весь жизненный путь Рууту красной нитью прошло стремление защитить независимость Финляндии и сплотить народ. В

социализме он видел путь к общественной справедливости, хотя ему и пришлось признать, что такой социализм нигде не был осуществлен на практике. Политическую историю Финляндии принято рассматривать через такие противоположности, как социалисты – буржуазия, красные – белые, активисты – соглашатели, гражданская война – освободительная война, монархисты – республиканцы, англофилы – германофилы. Политическая и научная деятельность Юрьё Рууту разрушила такого рода привычные противопоставления.

– Тимо Сойкканен

Приложение:

Юрьё Оскар Руут, с 1927 Рууту, род. 26.12.1887 Хельсинки, умер 27.8.1956 Хельсинки. Родители: Йохан Вильгельм Руут, архивариус государственного архива, профессор, и Хилья Сивия Толпо. Жена: 1918–1956 – Кирсти Антония Рёнхольм, магистр философии, род. 1892, умерла 1961, родители жены: Карл Антон Рёнхольм, профессор, и Элина Карстен. Дети: Калеви, род. 1919, умер 1941; Юрьё Олави род. 1921, умер 1992, ассессор; Каарле Юхани, род. 1922, генерал-майор; Ирья Элина (Юва), род. 1926, умерла 1990; Вирве Аннели (Хаапанен), род. 1933.

Ристо Рюти (1889–1956)

Президент Республики

Ристо Рюти в межвоенный период сделал карьеру политика-экономиста и был влиятельной фоновой фигурой в политике. У него были большие международные связи, как в банковском мире, так и Лиге наций. Государственная деятельность Ристо Рюти заключалась в том, что во время Зимней войны и в период до Войны-продолжения он являлся премьер-министром, а во время Войны-продолжения – президентом. Он стал главным обвиняемым на судебном процессе над виновниками войны, и на восстановление его репутации потребовались десятилетия.

Ристо Рюти был удивительно талантливой личностью в экономике и политике молодой республики. Первый раз он был выбран в парламент в тридцатилетнем возрасте, и три последующих года он был министром финансов в двух правительствах. В 33 года его назначили председателем (генеральным директором) правления Финляндского Банка. В межвоенный период Рюти сделал выдающуюся карьеру и в сфере экономики, и в качестве влиятельной политической фигуры. У него были большие международные связи, как в банковском мире, так и в Лиге наций. Государственная деятельность Ристо Рюти заключалась в том, что во время Зимней войны и в период до Войны-продолжения он являлся премьер-министром, а во время Войны-продолжения – президентом. Рюти был, прежде всего, человеком со стальными нервами, что проявилось в периоды кризисов. Кульминационными пунктами его карьеры стали начало Зимней войны, путь Финляндии к миру в марте 1940 г., бескомпромиссность перед лицом требований Советского Союза после Зимней войны и, наконец, подписание так называемого «договора Риббентропа», ставшее шагом самопожертвования в ситуации, сложившейся летом 1944 г.

Детские и юношеские таланты

Рюти – единственный ставший президентом выходец из провинции Сатакунта. Он происходил из деревни Лойма, расположенной в

общине Хуйттинен в долины реки Кокемяенйоки. На президентских выборах 1925 г. Прогрессивная партия называла его «сыном финского крестьянина». Несмотря на свое происхождение, у Ристо Рюти было очень мало черт, которые в Финляндии принято считать «крестьянскими». С детства он был хрупкого телосложения, бледным и интересовался больше чтением, чем сельскохозяйственным трудом. У него были большие глаза, высокий лоб и серьезное лицо, и он начал лысеть еще в молодости. Приезжая на каникулы домой из лицея в Пори или из Хельсинкского университета, он почти никогда не работал по хозяйству, а проводил время за книгами. Из семи сыновей он единственный стал студентом, остальные братья получили лишь среднее образование. Напротив, три его сестры закончили лицей.

На слегка малообщительный характер Ристо Рюти повлияло, возможно, отчасти воспитание, так как он ходил в народную школу лишь непродолжительное время. Для него был нанят в качестве домашнего учителя директор народного училища магистр М.А. Кнаапинен. На становление молодого Ристо, помимо очень близкой и любимой матери, в наибольшей степени повлиял магистр Кнаапинен. Отец, владелец большого хозяйства Эверт Рюти, был более далеким для него. Ристо стремился оправдать ожидания матери и магистра Кнаапинена. Он хотел быть не просто хорошим, а лучшим учеником. С другой стороны, его успехи в школе и самобытность иногда преувеличивались. Он, конечно же, не был лучшим учеником в истории лицея Пори. Средний балл его выпускного аттестата составлял 9,4. Не был он и отгородившимся от всех книголюбом, хотя и проводил много времени в библиотеке. Почти в течение всей учебы в школе у него было 10 баллов по гимнастике.

Студент и молодой юрист

Рюти очень быстро завершил свое образование. Он сдал экзамен на аттестат зрелости весной 1906 г. и в том же году поступил на юридический факультет Хельсинкского Александровского университета. В то время почти все обучение проходило на шведском языке, и учебники были на нем же. Выбор юридического факультета для Ристо Рюти был естественным решением. О том, что мальчик станет священником, никто никогда и не помышлял. На выбор жизненного пути без сомнения повлияла система ценностей его семьи, включавшая в себя практичность и уважение к сфере экономики. Рюти как юрист не стал ни ученым-правоведом, ни теоретиком. Он всегда сохранял связь с практической жизнью.

Учеба, начавшаяся в атмосфере свободы, завершилась спустя три года, осенью 1909 г., совсем с другим настроением. Финляндия вступила в самый тяжелый этап так называемого «второго периода угнетения». Но и в этой ситуации молодому юристу нужно было думать о будущем. Он решил вернуться обратно в Сатакунта и стал работать адвокатом в Раума, который в начале века все еще оставался

оживленным торговым и морским городом. В Раума жил и его бывший учитель, магистр Кнаапинен. Переезд в Раума означал избавление от гнетущей политической атмосферы столицы. Рюти часто навещал дом своего детства в Хуйттинене. Во время этих поездок он также вел судебные дела крестьян своей родной волости. Четыре года, проведенные в Раума, стали счастливым временем в жизни Рюти.

Однако главнейшим событием во время пребывания в Раума стало знакомство «с самым богатым человеком Финляндии» Альфредом Корделином. Деловые отношения с клиентом с течением времени переросли в товарищеские отношения и, в конце концов, в дружбу. Рюти летом 1910 г. был лишь 21-летним юристом, когда в его конторе, которой он владел совместно с Эсколой, появился этот *self-made-man* из Раума. У Рюти была одна замечательная черта, которая служила ему службу в молодости. Он выглядел намного старше своего возраста. Между миллионером и молодым юристом установились отношения, основанные на полном доверии.

Рюти совершенствовал свои знания и в 1912 г. получил степень кандидата юридических наук. Весной 1914 г. он со своим другом Эриком Серлакиусом отправился изучать морское право в Оксфорд. Учебу прервала начавшаяся мировая война, но результатом поездки стало то, что Рюти влюбился в сестру своего друга Эрика Герду Серлакиус. Дело закончилось венчанием и бракосочетанием в 1916 г. Герда была на несколько лет старше своего мужа и больше повидала в жизни. В частности, она успела поработать в Германии и в Англии.

Обретение Финляндией независимости и поворот в карьере Рюти

Обретение Финляндией независимости, со всеми драматическими моментами, самым решительным образом повлияло на развитие карьеры Рюти. Он поднимался на все более высокие позиции в сфере бизнеса Корделина и со временем, вероятно, стал бы исполнительным директором его компаний. Эта карьера, однако, оборвалась, когда русский большевик убил Корделина в Моммиле в ноябре 1917 г. на глазах у Ристо и Герды Рюти. Рюти должен был привести в исполнение завещание Корделина. В результате был образован Фонд Корделина, известный и в наши дни.

Рюти, по сути, не принимал участия в освободительной войне 1918 г., так как вынужден был скрываться с семьей в контролируемом красными Хельсинки. С наступлением мира его деятельность в частном секторе оказалась недолгой. Бывший младофинн, а теперь прогрессист и убежденный республиканец, Рюти в 1919 г. был избран в парламент, став вторым из самых молодых депутатов. Его политический наставник и образец для подражания К.Ю. Стольберг был избран первым президентом Финляндской Республики. Рюти был в лагере победителей и состоял в преуспевающей партии. Его талант был сразу

замечен, и он стал председателем законодательной комиссии. В период своего депутатства он пять раз был членом финансовой комиссии и дважды ее председателем. В апреле 1921 г. в возрасте 32 лет он был назначен министром финансов в правительстве Ю.Х. Веннолы. В это десятилетие он успел дважды побыть министром финансов. Трижды его избирали в парламент.

Самые значимые достижения Рюти как депутата и министра связаны с государственной экономикой. Будучи министром финансов, он смог привести в порядок бюджет страны. Хотя он и был сторонником Стольберга, в одном важном моменте он был против своего кумира: он не одобрял амнистии для красных заключенных. По мнению Рюти, красные были преступниками, и он не желал видеть в событиях 1918 г. их социальную подоплеку.

Молодой руководитель государственного банка

Рюти успел проработать в правительстве Кюёсти Каллио министром финансов лишь два с половиной месяца, когда президент Стольберг назначил его председателем правления (генеральным директором) Финляндского Банка. Он принял эту должность только после отставки правительства Каллио в январе 1924 г. Эдвин Линкомиес в статье, написанной в 1956 г., так охарактеризовал Рюти как министра финансов: «Когда он оставил свой пост (министра финансов), став генеральным директором Финляндского Банка, дела были в таком хорошем порядке, в каком они только могли быть в тех условиях. Уверенность в том, что государство в состоянии выполнять свои экономические задачи, была всеобщей... Точная экономическая интуиция и твердая рука Рюти восстановили равновесие и положили начало тому позитивному развитию, которое в дальнейшем, после преодоления трудностей кризисных лет, продолжалось вплоть до военных лет».

Еще на посту министра финансов, а позже генерального директора Финляндского Банка, целью Рюти было привязать марку к золотому стандарту. В период сильной инфляции в начале 1920-х гг. для многих жителей Финляндии оставался мечтой 1913 г., последний мирный год перед великой войной. В Финляндии стоимость марки упала по сравнению с этим годом до 1/11 доли. По мнению Рюти, золотой стандарт был самой лучшей денежной системой в мире, ничего лучшего человечество не изобрело. Рюти считали ортодоксальным сторонником классической либеральной экономической теории. В вопросе о золотом стандарте он, однако, проявил не жесткость, а гибкий реализм. В отличие от многих других стран Европы, Финляндия под руководством Рюти не избрала очень тяжелую дефляционную модель выхода из послевоенного кризиса. Он решительно отверг мысль о возвращении к старому золотому паритету финляндской марки.

В 1926 году Финляндия была готова перейти к золотой марке. Настоящего оборота золота в стране не было. Хотя золотые монеты

все же были отчеканены, но в обращении их практически не было. Вторая половина 1920-х гг. стала временем мощного экономического подъема. Строительство шло рекордными темпами, и в стране, учитывая тогдашнюю ситуацию, наблюдался настоящий бум. Начало спада в 1929 г. стало для рационального Рюти сильным ударом. Все пошло не так, как было рассчитано. В мировой экономике крылись иррациональные факторы, сыгравшие свою роль. Из-за Великой депрессии Финляндия вынуждена была после пяти лет отказаться от золотого стандарта, последовав примеру Великобритании.

Задатки президента уже в молодости

Ристо Рюти чуть было не стал президентом Финляндской Республики в возрасте 36 лет на выборах 1925 г. Во втором туре голосования он получил наибольшее количество голосов выборщиков – 102. Однако Шведская народная партия, позиция которой имела в итоге решающее значение, посчитала Рюти более опасным соперником, чем представителя Аграрного союза Лаури К. Реландера.

Действующий президент К.Ю. Стольберг еще осенью 1923 г. проявил отсутствие предрассудков, когда упомянул о 34-летнем Рюти как о своем возможном преемнике. В разговоре со своей супругой накануне выборов в январе 1925 г. Стольберг заметил: «Выбрали бы Рюти, он самостоятельный, и популярность не влияет на него. У него хороший и уверенный курс». В третьем туре Рюти, однако, проиграл Реландеру (109–172).

На следующих выборах 1931 г., омраченных Лапуаским движением, кандидатом от Прогрессивной партии снова был Стольберг. Перед следующими выборами газета *«Хельсингин саномат»* выступила в поддержку кандидатуры Рюти, но кандидатом вновь был назван Стольберг. Следует отметить, что еще на выборах 1925 г., а затем вновь двенадцать лет спустя, социал-демократы поддерживали Рюти. Несмотря на партийные разногласия, между Рюти и Вяйнё Таннером, занимавшим с начала 1920-х гг. пост председателя комитета банковых уполномоченных, с годами установилось доверие и даже дружба. Их сближало весьма практичное и прагматичное политическое мышление.

Добрые 30-е годы

Лекарства, которые Рюти предложил для выхода из Великой депрессии, были горькими. В своей политике оздоровления он был довольно беспощадным. В сельской местности из-за прокатившейся волны аукционов по продаже обанкротившихся хозяйств его имя стало почти ругательством. По способу мышления Рюти также не был социально ориентированным. В совете городских уполномоченных Хельсинки он регулярно выступал против организации общественных работ для безработных и увеличения расходов на помощь бедным.

Мышление Рюти было своего рода социал-дарвинизмом: если кто-то не преуспел или не может справиться с трудностями, это его собственная вина. Частным лицам не следует оказывать помощи искусственным образом больше, чем нерентабельным предприятиям. Народное хозяйство похоже на дерево, на котором некоторые ветки зеленеют и растут, а некоторые отсыхают, и это только хорошо.

Рюти считал, что Финляндия может выйти из кризиса только путем увеличения экспорта. Конкурентоспособность Финляндии, действительно, росла быстрее по сравнению с другими странами, так как здесь удалось снизить уровень заработной платы в большей степени, чем где бы то ни было. То есть успех достигался ценой «собственной шкуры». С другой стороны, Рюти считал, что поскольку Финляндия вышла из кризиса быстрее многих других европейских стран, доходы также следует делить поровну, поскольку именно на простых людей легло самое тяжелое бремя кризиса. Он не желал, чтобы успех и деньги доставались бы лишь избранным. Таким образом, Рюти, несмотря ни на что, сыграл важную роль в складывании экономического благополучия конца 1930-х гг.

В политической жизни 1930-х гг. Рюти был существенной по своему влиянию, хотя и не очень заметной фигурой. Его влияние в удельном смысле было значительно большим, чем политический вес Прогрессивной партии, игравшей роль партии заднего плана. Существенным стало сотрудничество с социал-демократами, осуществляемое через Вяйнё Таннера. В экономической политике роль главы Финляндского Банка была тогда более значимой, а степень влияния существенно большей, чем сейчас. Уже начиная с 1920-х гг. Рюти установил важные международные связи со скандинавским, особенно со шведским банковским миром, а также с Великобританией и США. После усовершенствования телефонной связи с Европой он иногда чуть ли не ежедневно был на связи с руководством Английского центрального банка. Рюти также много ездил по странам материковой Европы, Англии и Соединенным Штатам. Он принимал участие в деятельности Лиги наций в качестве члена нескольких комитетов по вопросам экономики и финансовой политики.

Рюти был против любого государственного вмешательства в экономику. Он полагал, что чем больше государственная власть будет влиять на экономику, тем больше будет появляться проблем. Уже только поэтому социалистическая экономика, а в особенности его советская форма, вызывали у него антипатию. После опыта «периода угнетения» и гражданской войны он стал бескомпромиссным противником всего советского. Он также не принимал немецкий национал-социализм, считая его, в силу своих теоретических экономических убеждений, нежизнеспособной моделью. Впрочем, и в целом немецкая культура не была ему близка. Рюти выступал против Лапуаского движения и правого радикализма во всех их проявлениях. Прежде всего, Рюти

был большим почитателем британской культуры и американского свободного предпринимательства.

Премьер-министр во время Зимней войны

Назначение Ристо Рюти премьер-министром во время Зимней войны не было таким неожиданным событием, как это часто думают. После окончания своей активной публичной политической карьеры, Рюти на всем протяжении 1930-х гг. находился в каком-то смысле в резерве, готовый, если потребуется, вступить за интересы нации. В ситуации конца осени 1939 г. особенно важную роль сыграли доверительные отношения, установившиеся с Вяйнё Таннером и Кюёсти Каллио, который до того, как стать президентом, был членом правления Финляндского Банка. Хотя сначала Рюти и пытался отказаться от предложенного ему поста премьер-министра, Каллио и Таннер, не сомневавшиеся в чувстве долга Рюти, могли быть уверены в его окончательном согласии.

Чем же таким особенным обладал Рюти в момент начала войны, что сделало очевидным выбор его кандидатуры на пост премьер-министра? Ответ прост – самообладание. Он не терял способности критически оценивать ситуацию даже в самые тяжелые моменты, ни под тяжестью начала или конца Зимней войны, ни во время Войны-продолжения, ни даже в чистилище лета 1944 г. или во время судебного процесса над виновниками войны. Этого нельзя сказать о других деятелях. Райнер фон Фиандт, министр финансов в предыдущем правительстве Каяндера, а также в новом правительстве Рюти, писал в своих мемуарах: «В начале войны настроение у меня было абсолютно пессимистичным. Мы оказались одни в войне против великой державы. Наши оборонительные силы были, как известно, в сильно запущенном состоянии. Результат неравной борьбы не мог быть иным, как поражение Финляндии. Вопрос был лишь в том, сколь долго мы сможем обороняться, и будет ли у нашего нового правительства возможность за это короткое время заключить мир». Позиция Рюти в вопросе о возможностях Финляндии в начале декабря 1939 г. была совершенно другой. Его линия строилась на четкой, рациональной оценке ситуации и на принятии решения, исходя из этой оценки: «Нам нужно сохранить хладнокровие, не полагаться на эмоции и надежды, опираться лишь на факты». Его программное выступление по радио в качестве премьер-министра в декабре излучало силу, решительность, а также готовность пойти на самые большие жертвы.

Большим преимуществом как Рюти, так и министра иностранных дел Таннера было то, что у них были близкие отношения с западными державами, особенно с Англией. Оба свободно говорили на английском языке. Несмотря на свои западные связи, оба исходили из той основной мысли, что войну нужно закончить как можно быстрее. Само по себе было удивительным, что правительство Финляндии не

искало поддержки непосредственно в Лиге наций, следуя практике, сложившейся в межвоенный период. Тем не менее, представитель Финляндии в Лиге наций, бывший министр иностранных дел Рудольф Холсти инициировал меры, направленные на получение помощи со стороны этой организации. Помощь со стороны Швеции не исключалась, однако поддержка западных держав стояла лишь на третьем месте. Решение советского правительства о непризнании «правительства Рюти-Таннера», однако, в самого начала войны исключало возможность поиска мира. Единственный вариант заключался в том, чтобы, полагаясь на боеспособность сил обороны страны, выиграть время и свободу дипломатического маневра.

Вооруженные силы выполняли свою задачу в оборонительных боях в декабре 1939 – январе 1940 г. Сталин вынужден был отказаться от так называемого «терийокского правительства» во главе с Отто Вилле Куусиненом, созданного с целью обеспечения захвата Финляндии. Рюти и Таннер сразу же ухватились за представившуюся возможность для переговоров. Контакт с Москвой был установлен через Стокгольм. В своем выступлении по радио после подписания Московского мирного договора Рюти отметил, что часто легче начать войну, чем закончить, и что лишь на короткий момент интересы воюющих сторон приходят к совпадению. В марте 1940 г. Рюти решил воспользоваться такой ситуацией, возникшей благодаря угрозе вмешательства союзных держав. Хотя правительство Рюти ни на каком этапе не обращалось к западным странам с официальной просьбой о помощи, сама такая возможность повлияла на решения, принимаемые советским правительством. Финляндия выдержала неравную борьбу в Зимней войне, искалеченная, но сохранившая жизнеспособность. Факт подписания Московского мира 13 марта 1940 г. можно рассматривать как гражданский поступок со стороны Рюти. Ему удалось склонить в пользу принятия мира большинство в правительстве, президента и, прежде всего, главнокомандующего силами обороны маршала Густава Маннергейма. Как человек, подписавший Московский мир, Рюти в глазах русских также стал «мирным премьер-министром», и, следовательно, приемлемой фигурой на посту президента Финляндии в декабре 1940 г., после отставки Кюёсти Каллио из-за болезни.

Из премьер-министра в президенты

В отличие от своего предшественника А.К. Каяндера, Рюти оказался сильным премьер-министром. Его положение как политического руководителя Финляндии усиливалось также из-за того, что президент Каллио был болен, да и вообще не был искушен во внешней политике. Ее осуществляли главным образом премьер-министр и министр иностранных дел Таннер. Министр Паасикиви также постепенно отходил в сторону, особенно после его назначения посланником Финляндии в Москве. Министр обороны, «диссидент»

Юхо Ниукканен был выведен из состава правительства, и его сменил генерал Рудольф Вальден, пользовавшийся доверием Маннергейма. В течение всей войны, вплоть до начала болезни осенью 1944 г., Вальден стал своего рода «рукой» главнокомандующего в правительстве.

С политической точки зрения, позиции премьер-министра и главнокомандующего во время перемирия были довольно близки. Поскольку прозападная ориентация оказалась невозможной, после того как Германия захватила Данию и Норвегию, взгляды все чаще стали обращаться к Швеции. Выдвигавшиеся весной, а затем осенью, планы создания оборонительного союза и даже персональной унии разбились о противодействие сначала Советского Союза, а затем и Германии. Лично Рюти претила опора на нацистскую Германию, так как та представляла совсем иное мировоззрение, чем то, которое он ценил. Из-за болезни Каллио внешняя политика, а затем и все политическое руководство страной переходило в руки Рюти. Хотя называлось много потенциальных преемников ушедшего в отставку президента, Рюти в итоге одержал решительную победу. В той ситуации он, безусловно, был лучшей кандидатурой. Каллио, скончавшийся в день своей отставки, успел высказать пожелание об избрании Рюти своим преемником. Маннергейм своим авторитетом также поддержал премьер-министра.

Генерал Эрик Хейнрикс в частной беседе вспоминал, что отношения между Маннергеймом и Рюти сначала были довольно хорошими, например, в 1940 г. они частенько вели доверительные беседы в кабинете ресторана «*Кёниг*». По мере того, как Война-продолжение затягивалась (а возможно, еще раньше, еще со времен знаменитого «приказа по Карелии», так называемого «*приказа о мече и ножнах*»), в их отношениях началась небольшая напряженность, углублявшаяся со временем, хотя, по сути, их отношения оставались абсолютно корректными. Первая стычка между президентом и главнокомандующим произошла в феврале 1941 г., когда Маннергейм, ссылаясь на напряженную обстановку и поддерживаемый Вальденом, потребовал проведения частичной мобилизации. После отказа Рюти, которого поддержал новый премьер-министр Юкка Рангель, Маннергейм принял решение подать в отставку с поста главнокомандующего. Министр обороны Вальден также подготовил подобное письмо об отставке. Рюти удалось уговорить Маннергейма отозвать прошение об отставке. Кризиса на этот раз удалось избежать.

Ристо Рюти – единственный из президентов Финляндской Республики, который никогда не обладал всеми властными полномочиями главы государства. Он ни дня не был главнокомандующим силами обороны. Согласно форме правления (конституции), Маннергейм после вступления в силу Московского мирного договора должен был передать командование президенту Каллио. Каллио, однако, хотел, чтобы Маннергейм оставался на посту, так как общая ситуация была сложной

и все еще свирепствовала мировая война. Насколько известно, Рюти не имел ничего против такого решения. Станным, напротив, является то, что когда Рюти 19 декабря 1940 г. был избран президентом, он не получил или не принял полномочий верховного главнокомандующего. Он мог бы в этом случае незамедлительно передать их маршалу Маннергейму. Теперь получалось так, что Маннергейм получил мандат главнокомандующего от бывшего президента. Это усиливало и подчеркивало полномочия и независимость главнокомандующего. Как слегка язвительно отметил в своих мемуарах Вяйнё Таннер, в Финляндии кроме правительства в Хельсинки действовало еще и «правительство в Миккели».

Первый и второй президентские сроки

Внешнеполитические решения Рюти, равно как и Маннергейма, весной и летом 1941 г. основывались на том глубоком убеждении, что Германия победит в возможной войне с Советским Союзом. Эта мысль нашла отражение в речи Рюти по радио после начала войны-продолжения, за что позднее ему пришлось отвечать на судебном процессе над виновниками в войне. Впоследствии Рюти отмечал, что уже в тот момент он не верил, что Германия выиграет всю мировую войну, но полагал, что она победит Россию.

Самостоятельность «правительства Миккели» хорошо иллюстрирует то обстоятельство, что наступление на Советскую Карелию, то есть переход границы, установленной по Тартускому миру, состоялось исключительно как военно-техническое решение, при этом ни правительство, ни президент не имели возможности влиять на принятие этого решения. Осенью 1941 г. Рюти и поддерживаемый им министр Вяйнё Таннер запланировали провести масштабную встречу на уровне высших должностных лиц для обсуждения вопросов ведения войны и военного руководства. Совместное совещание политического руководства, высших гражданских должностных лиц и главной ставки состоялось 28 ноября 1941 г. На совещании были приняты некоторые решения, но переговоры омрачились тем, что Маннергейм не соизволил обронить ни слова. В адрес совещания поступило сообщение от британского премьер-министра Уинстона Черчилля. Ответ Маннергейма на это письмо был значительно более жестким, чем того хотел Рюти. Ситуация крайне обострилась и привела к тому, что 6 декабря 1941 г. Британское содружество объявило Финляндии войну.

Рюти был избран президентом только на срок до конца полномочий Каллио, то есть до 1943 г. О новом избрании выборщиков в военной обстановке нельзя было и думать, и поэтому были созваны выборщики 1937 г. И на этот раз Рюти был избран подавляющим большинством голосов. Итоги голосования, однако, не отражали всей правды о его поддержке, так как имя Маннергейма также называлось в качестве возможного кандидата, несмотря на то, что он это публично

опровергал. Маннергейм, возможно, мог бы быть избран с перевесом в несколько голосов, но он не хотел, чтобы выборы закончились с близкими результатами. Это бы только разделило нацию. Кроме того, некоторые партии хотели приберечь Маннергейма на будущее.

Рюти хотел остаться на посту президента, так как ввязал страну в войну. Он не считал правильным с точки зрения морали уйти от ответственности перед лицом трудностей. На самом деле и Рюти, и Маннергейм начали сомневаться в военных успехах Германии уже в начале зимы 1942 г. Во всяком случае, тогда обоим стало ясно, что впереди значительно более долгая война, чем это виделось летом 1941 г.

Трудная дорога к миру

Рюти хотел, чтобы правительство премьер-министра Юкки Рангеля продолжало свою работу и после выборов. Однако политический климат для этого «военного правительства» сложился неблагоприятным, и поэтому после долгих переговоров было сформировано «мирное правительство» под руководством председателя Национальной коалиционной партии профессора Эдвина Линкомиеса. Линкомиес немедленно взялся за приготовления к достижению мира. Весной 1943 г. ситуацию, правда, осложнила серьезная болезнь Маннергейма и связанная с этим поездка на лечение в Швейцарию.

По инициативе Линкомиеса было начато выяснение юридических обстоятельств того, какими возможностями обладает президент по единоличному принятию решений, накладывающих обязательства на государство, и обязательны ли эти решения для его преемника. Таким образом, на самом деле была предусмотрена ситуация, возникшая спустя год с лишним, летом 1944 г., когда Рюти подписал так называемый «договор Риббентропа». Вырисовывался вариант, при котором Рюти мог бы быть принесен в жертву, а на его место пришел бы более чистый в политическом смысле Маннергейм. Под таким политическим давлением Рюти оказался вынужден нести тяжелую ношу.

После начала широкомасштабного советского наступления 9 июня 1944 г. сразу возникли спекуляции о смене правительства и президента. Маннергейм, однако, не хотел даже временно брать на себя обязанности премьер-министра, да и предварительные предложения о формировании правительства Рамсая натолкнулись на противодействие главнокомандующего. Рюти сохранял хладнокровие во время летнего кризиса даже лучше Маннергейма. После потери Выборга Финляндия накануне Иванова дня оказалась в состоянии настоящего политического кризиса. Правительство искало контактов с советским правительством через Стокгольм. Оттуда было получено известие, что советское правительство готово к переговорам, но только после того, как оно получит подписанное президентом и министром иностранных дел заверение о безоговорочной капитуляции Финляндии.

Мнения в правительстве разделились таким образом, что Рюти и Таннер были за ответ Советскому Союзу. Тем не менее, они остались в меньшинстве. Премьер-министр Линкомиес, полностью поддерживаемый Маннергеймом, решил не отвечать Советскому Союзу вообще. В это же время в Финляндию приехал с неожиданным визитом министр иностранных дел Германии фон Риббентроп, потребовавший от правительства продолжения войны. В качестве компенсации он пообещал Финляндии так необходимую ей военную помощь. После переговоров Рюти, под давлением Маннергейма, согласился дать личное обещание продолжить войну. Рюти хотел передать этот вопрос на рассмотрение парламента. Маннергейм предложил ограничиться «частным письмом». В конце концов, был достигнут компромисс, по которому «письмо» Рюти рассматривалось на заседании Государственного совета. Такое решение удовлетворило и немцев, что позволило продолжить оказание военной помощи.

Рюти знал, что подписав письмо, он приносит себя в жертву. После того, как к середине июля военная обстановка, благодаря победам в оборонительных боях, была стабилизирована, начались мероприятия по смене президента. Сначала планировалось, что Маннергейм станет регентом, но в последний момент, в соответствии с его пожеланиями, остановились на президентстве. Рюти подписал письмо об отставке, в котором он, против своей воли, сослался на проблемы со здоровьем. В начале августа 1944 г. парламент чрезвычайным законом назначил Маннергейма президентом.

Заключительные этапы карьеры

Часто считают, что Рюти «сгорел в чистилище» лета 1944 г. Это, однако, было не так. Он был вновь избран генеральным директором Финляндского Банка, после того, как Юкка Рангель добровольно отошел в сторону, чтобы уступить дорогу компетентности Рюти. Осенью 1944 г. Рюти крепко взялся за финансовую политику страны. И на этот раз его лекарства, как и в начале 1920-х гг., а также во время Великой депрессии десять лет спустя, были очень горькими. Его финансовая политика основывалась на борьбе с инфляцией и на улучшении ситуации с валютой за счет стимулирования экспорта. Послевоенное правительство «больших трех» хотело быстрых действий, что неизбежно вело к инфляционной политике.

Рюти не удалось достичь своих целей, потому что летом 1945 г. внешнеполитическое давление, а также требования коммунистов в Финляндии привели к его аресту, наряду с другими так называемыми виновниками войны. Рюти тщательно готовился к этому последнему испытанию в своей карьере вместе со своим защитником, бывшим министром иностранных дел Ялмаром Прокопе. Хотя Рюти и был приговорен к десяти годам исправительной тюрьмы, суд над виновниками войны означал моральную победу. Народ Финляндии, за

исключением коммунистов, считал осужденных не виновными, а людьми, искупающими чужую вину, «без вины виноватыми».

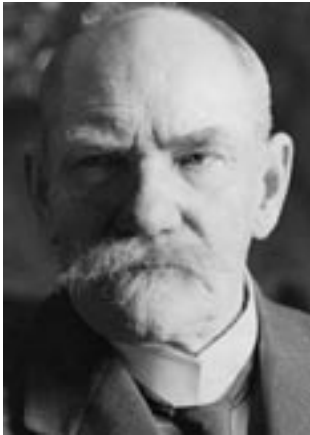
Здоровье Рюти пошатнулось в период пребывания в тюрьме, особенно после того, как остальные осужденные были освобождены, и он, как получивший самый длительный срок, остался последним заключенным. Однако он сохранил свою моральную стойкость. В этом ему помогали пришедшие с годами глубокие теософические религиозные убеждения. Эти взгляды разделяла и его супруга Герда, которая в самые тяжелые годы была для мужа надежной духовной опорой.

После освобождения по амнистии, подписанной президентом Паасикиви в мае 1949 г., Рюти был уставшим и больным человеком. В противоположность частым утверждениям, условия содержания в тюрьме были суровыми. Он больше никогда не вернулся к общественной жизни, хотя такие просьбы и предложения поступали. Но общество не забыло о нем. Студенты Хельсинкского университета и собственное землячество Рюти выказывали ему высокие знаки уважения. Государственный совет заказал его портрет, а весной 1956 г., за полгода до своей смерти, Рюти получил степень почетного доктора факультета политических наук Хельсинкского университета. Похороны Рюти в ноябре того же года превратились в поистине патриотическую траурную церемонию, на которой о его деятельности вспоминали с большим признанием.

– МАРТТИ ТУРТОЛА

Приложение:

Ристо Хейкки Рюти, род. 3.2.1889, Хуйттинен, умер 25.10.1956, Хельсинки. Родители: Каарле Эверт Рюти, крестьянин, и Ида Вивика Юнттила. Жена: 1916–1956 Герда Паула Серлакиус, род. 1886, умерла 1984, родители жены: профессор Юхан Юлиан Серлакиус и Паула Эмилия Сёдерхольм. Дети: Карл Юхан Хенрик, род. 1916, профессор; Ниило Эрик, род. 1919, умер 1997, профессор; Эва Паула Маргарета (Саксен), род. 1922, лицензиат медицины.

Пер Эвинд Свинхувуд (1861–1944)

*Президент Республики,
Регент*

П.Э. Свинхувуд был самой заметной фигурой в правовой борьбе, приведшей к отделению Финляндии от России. Свинхувуд руководил сенатом, провозгласившим независимость и подавившим революцию, с помощью Германии он укрепил оборону страны. Будучи премьер-министром и президентом, он в 1930-е гг. руководил принятием антикоммунистических законов и усмирил правый радикализм, приведший к мятежу в Мянтсяля, а также направил внешнюю политику Финляндии по пути сотрудничества с Северными странами. Из-за его позиции, направленной против левых, он не стал президентом всего народа, хотя и пользовался широким признанием, получив прозвище «*Старик Пекка*» (*Ukko-Pekka*).

Первый глава независимой Финляндии П.Э. Свинхувуд внес вклад в достижение и упрочение независимости на трех стадиях этого процесса. Он был самой заметной фигурой в правовой борьбе, приведшей к отделению Финляндии от России. Свинхувуд руководил сенатом, провозгласившим независимость и подавившим революцию, с помощью Германии он укрепил оборону страны. В начале 1930-х гг. сначала на посту премьер-министра, а затем президента, он руководил принятием антикоммунистических законов и усмирил правый радикализм, приведший к мятежу в Мянтсяля, а также направил внешнюю политику Финляндии по пути сотрудничества с Северными странами. Из-за его позиции, направленной против левых, он не стал президентом всего народа, хотя и пользовался широким признанием, получив прозвище «*Старик Пекка*» (*Ukko-Pekka*).

Без отца и деда

На детство Свинхувуда наложила отпечаток потеря отца и деда. В молодости и в годы учебы он не отличался от окружающих ничем, что бы могло привлечь внимание или предвещать его будущую карьеру. Его отец, морской капитан Пер Густав Свинхувуд утонул в районе Греческого архипелага в возрасте 27 лет, когда Перу Эвинду

было всего два года. Свое раннее детство Свинхувуд провел в доме деда по отцу, начальника губернской конторы (ландскамериера) Пера Густава Свинхувуда, в имении Рапола в Сяксмяки, провинция Хяме, где их род жил уже на протяжении пяти поколений. Лейтенант времен короля Карла XII Пер Густав Свинхувуд аф Квалстад после Великой северной войны переехал туда из Швеции, поселившись на правах зятя. Род получил дворянство в 1574 г.

Имение Рапола было принудительно выставлено на продажу с аукциона, когда дед застрелился. Свинхувуд, еще не достигший школьного возраста, с матерью и сестрой, которая была старше его на год, переехали в Хельсинки. Лето семья проводила в Кангасниemi. Мать сорок лет прослужила в конторе ипотечного общества, так и не выйдя вновь замуж.

Свинхувуд, родным языком которого был финский, окончил шведскую нормальную школу в Хельсинки, а в 1878 г. в возрасте 16 лет поступил в Императорский Александровский университет. Он окончил университет со степенью магистра философии по основной специальности история Финляндии, России и Скандинавии. Его учителем был профессор Г.З. Юрьё-Коскинен. После этого получил степень кандидата юриспруденции. Военская служба Свинхувуда ограничилась сборами резервистов (в общей сложности 12 недель за три лета).

Карьера Свинхувуда как юриста шла обычным путем: он ступенька за ступенькой продвигался в надворном суде Турку, работал адвокатом и заседал в уездном суде. Единственным исключением можно считать то, что его в довольно молодом возрасте (31 год), пригласили в законоподготовительную комиссию сената. Свинхувуд шесть лет участвовал в подготовке широкомасштабной налоговой реформы. Он считал, что теряет навыки на этой работе, и в 1902 г. поступил ассессором в надворный суд, поставив перед собой цель – спокойную жизнь сельского судьи. Женился Свинхувуд на своей троюродной кузине Эллен Тимгрэн, в роду у которой было много юристов.

Свинхувуд впервые участвовал в работе сейма в 1894 г., представляя в дворянской курии свой род, в год смерти императора Александра III и вступления на престол Николая II. Свинхувуд не был замечен в сословном сейме. На сейме он главным образом отстаивал права финского языка.

Конфликт по вопросу о законности создает политика

Удачную, но все же довольно обычную карьеру судьи Свинхувуда разрушил политический конфликт, возникший в результате попытки России еще прочнее интегрировать автономную Финляндию путем русификации финляндского законодательства и общества. События, последовавшие за Февральским манифестом 1899 г., поставили Свинхувуда перед трудным политическим выбором. Членам надворного

суда, по его мнению, следовало соблюдать конституцию, а не противозаконные распоряжения. Серьезной практической проблемой стало отношение к незаконным призывам в армию.

Несколько жителей Хельсинки пожаловались в надворный суд Турку на применение насилия русским губернатором губернии Уусимаа при разгоне демонстрации 1902 г. в связи с призывом на службу. Суд начал судебное расследование против губернатора. Генерал-губернатор Николай Бобриков потребовал прекратить дело, и когда этого не произошло, он, ссылаясь на узаконение, которое, по мнению финской стороны, было незаконным, уволил шестнадцать чиновников надворного суда Турку. Уволенные составляли большинство в ключевых органах надворного суда. Свинхувуда считали ключевой фигурой в деле организации сопротивления суда.

Поначалу умеренный член Финской партии («старофинны»), Свинхувуд превратился в твердого конституционалиста, полагавшего, что сопротивление судей и чиновников является вопросом из сферы юстиции и не верившим, что политическая целесообразность может привести к компромиссам. После своей отставки Свинхувуд переехал в Хельсинки и стал работать адвокатом, принимая участие как в работе сейма, так и в политической деятельности тайного общества «*Кагал*», возглавлявшего пассивное сопротивление. Его следующим шагом стало согласие на просьбу активистов защищать в суде Леннарта Гогенталья, убившего прокурора Элиэла Соисало-Сойнинена. Он считал, что сражающаяся за свое существование Финляндия имела «право использовать все те средства, которыми государство защищает свое бытие, а народ – свою нацию».

Свинхувуд как политик-младофинн сыграл ключевую роль в складывании новой парламентской системы и был избран в депутаты. Он пытался отойти в сторону от передовой линии политического фронта, когда в апреле 1906 г. был избран судьей округа Хейнола. Однако его выбрали председателем первого однопалатного парламента, потому что социал-демократы, превратившиеся в крупнейшую партию, считали его «самым известным противником беззакония». Во многом благодаря его многолетнему председательству на пленарных заседаниях парламента с тех пор утвердился весьма достойный стиль рассмотрения вопросов.

Выступления Свинхувуда при открытии сессии парламента, в которых он делал акцент на соблюдении законности, приводили к роспускам парламента. На открытии сессии 1909 г. он заявил: «Парламент Финляндии приступает к работе в такое время, когда разум народа Финляндии затмевает осознание того, что в представлении финляндских дел на рассмотрение Великому Государю по-прежнему соблюдается порядок, который несовместим с законами Финляндии и на практике разрушителен». Император немедленно распустил парламента. То же произошло и в следующем году.

Перед их оглашением Свинхувуд утверждал свои вступительные речи на закрытом заседании парламента. В своем отношении к законности он был бескомпромиссным, последовательным и неотступным и не соглашался на тактические уступки. Когда Свинхувуд в 1913 г. накануне открытия сессии парламента заявил, что и на этот раз не умолчит о беззаконии, если его изберут председателем, социал-демократы, опасаясь роспуска парламента, проголосовали за собственного представителя. Таким образом, Свинхувуд более не был избран председателем парламента.

Свинхувуда критиковали за то, что он своими резкими выступлениями на практике препятствовал нормальной реформаторской работе парламента. С другой стороны, его решительность стала одной из тех точек опоры, которые позволили движению сопротивления собрать силы и привести Финляндию к независимости. В европейской истории 20 в. встречаются и другие подобные случаи, когда людям приходилось выбирать, какую позицию занять по отношению к порядку, насильственно поддерживаемому иностранной властью, которую они считали захватчиком. Наиболее остро эта ситуация выбора ощущалась в оккупированных странах в годы Второй мировой войны, а также после ее окончания. С одной стороны, существует путь коллаборационизма, а с другой – путь пассивного или активного, часто подпольного сопротивления. В зависимости от ситуации, личности, и в особенности, от результата исторического развития история дает различные оценки решениям и действиям. Резкая позиция Свинхувуда как защитника законных прав Финляндии в период автономии высоко ценилась в 1920-е–1940-е гг., но не в послевоенные десятилетия. После распада Советского Союза и краха коммунизма в 1990-е гг. его авторитет стал вновь расти.

Став рядовым членом парламента, Свинхувуд сосредоточился на работе судьей в судебном округ Лаппее. Русские, наконец, добрались до Свинхувуда, ставшего олицетворением финского сопротивления, когда в Финляндии в связи с началом первой мировой войны было объявлено военное положение, и русских по так называемому «закону о равных правах» начали назначать на различные должности в Финляндии. Свинхувуд отказался подчиниться приказам русского прокурора К. Казанского, считая их незаконными, на основании чего его взяли под стражу прямо за судейским столом и сослали в Сибирь в Томск в ноябре 1914 г.

В сибирской ссылке Свинхувуд жил весьма свободно, занимаясь охотой, поддерживая переписку с родиной и следя за финской прессой. Его супруга Элен содержала пансионат в их доме в Котканиemi в Луумяки и несколько раз навещала мужа. В Сибири Свинхувуд научился чинить свою одежду и обувь. Он также поддерживал тайные связи с активистами, руководившими егерским движением. Еще уезжая из Финляндии, он обещал вернуться «с божьей помощью и помощью

Гинденбурга» (германского главнокомандующего). Когда известие о февральской революции в России достигло Кольвани, места ссылки Свинхувуда, он пошел в городской полицейский участок и прямо заявил: «Тот, кто меня сюда послал, арестован. Теперь я отправляюсь домой». На вокзалах в Выборге и Хельсинки возвращавшегося из ссылки Свинхувуда встречали как национального героя.

Независимость утверждается с помощью Германии

Сразу после возвращения в Финляндию Свинхувуд был назначен прокурором сената, этот пост соответствовал нынешней должности канцлера юстиции. В его обязанности входило рассмотрение противозаконных действий периода угнетения, что привело к значительным чисткам среди чиновников. На этом посту Свинхувуд единственный раз в своей жизни усомнился при решении принципиального вопроса. Парламент, большинство в котором имели левые, в соответствии с так называемым «законом о власти» от 18 июля 1917 г. принял на себя «высшую» (т.е. императорскую) власть во внутренней политике. Российское Временное правительство не утвердило этот закон и распорядилось о роспуске парламента. Сенату следовало принять решение об исполнении этого постановления, а прокурор должен был высказать свое мнение о законности решения. Свинхувуд не одобрял «закон о власти» и хотел роспуска парламента, но, с другой стороны, его собственные установки не позволяли ему согласиться с мотивировками, используемыми Временным правительством в манифесте о роспуске парламента. По его мнению, это распоряжение было незаконным. Однако он приводил также аргументы в пользу роспуска. Когда сенат семью голосами против шести решил опубликовать манифест, Свинхувуд не зафиксировал свое особое мнение в протоколе.

Когда большевики в ходе Октябрьской революции свергли российское Временное правительство, сенат Финляндии не признал их носителями верховной власти в отношении Финляндии и заявил о прекращении государственной унии России и Финляндии. В самый разгар революции левые в Финляндии организовали всеобщую забастовку. 15 ноября 1917 г. парламент провозгласил себя верховной властью Финляндии. После этого он избрал т.н. «сенат независимости», председатель которого (или премьер-министр) Свинхувуд внес в парламент декларацию независимости. Он также лично съездил в последний день года в Петроград к руководителю советского правительства В.И. Ленину, чтобы получить обещание признать независимость Финляндии. И действительно, Совет народных комиссаров Советской России официально признал независимость Финляндии.

У Финляндии не было своей армии. Свинхувудовский сенат приступил к созданию сил для поддержания порядка, уполномочил генерала Густава Маннергейма, вернувшегося в декабре 1917 г.

из России, руководить военными мероприятиями правительства, попросил Германию репатриировать финский егерский батальон, проходивший там подготовку и выполнявший боевые задания, а также оказать иную помощь.

После того, как в конце января 1918 г. социалисты провозгласили революцию в Финляндии, Свинхувуд сначала руководил сенатом из подполья в Хельсинки. Он направил в Германию и Швецию просьбу об интервенции. Во время восстания красные разграбили дом Свинхувуда в Луумяки в Котканиеми. В начале февраля Свинхувуд неудачно пытался улететь из контролируемого красными Хельсинки, но из-за неисправности в моторе самолет вынужден был вернуться. В начале марта Свинхувуд, в конце концов, бежал из Хельсинки в Таллин на ледоколе «Тармо», захваченном шюцкоровцами у русских, а затем направился в Берлин. За несколько дней до прибытия Свинхувуда посол Финляндии в Германии Эдвард Эльт заключил с Германией соглашения, связывавшие Финляндию с Германией, в военном политическом и экономическом отношениях. Роль Свинхувуда в заключении этих соглашений неясна, но вполне вероятно, что он был знаком и одобрял их суть. Завуалированные действия, очевидно, были направлены на то, чтобы избежать компрометации главы правительства тем, что Финляндия оказывалась связанной с Германией.

События осени 1917 г. и весны 1918 г. за полгода превратили Свинхувуда из республиканца, верящего в мирную борьбу за законные права, в монархиста, выступающего за активное применение силы. Освободительная война, начатая во имя изгнания русских войск, и революция, переросшая в вооруженный конфликт, вылились в кровавую гражданскую войну, в которой русские поддерживали красных, а участие немецких войск проявилось, в частности, в захвате Хельсинки. Война закончилась победой законного правительства во главе со Свинхувудом.

Революция и война также способствовали укреплению положения правительства в государственном управлении. В мае Свинхувуд был избран «носителем высшей власти» и стал, таким образом, первым главой государства. На этом посту он вел себя активно, назначив Ю.К. Паасикиви премьер-министром и, в качестве главы государства, взяв на себя функции руководства внешней политикой Финляндии. После революции Свинхувуд пытался ускорить работу судов по политическим преступлениям, а осенью амнистировал свыше 36 000 красных заключенных, одновременно смягчив большое число приговоров.

Свинхувуд полностью полагался на поддержку Германии в деле обеспечения независимости Финляндии. Он пытался заключить военный союз с Германией, но когда из этого ничего не вышло, он сделал ставку на превращение Финляндии в монархию. Он активно содействовал попыткам избрания немецкого короля, лично посетив Берлин с просьбой к кайзеру Германии Вильгельму II дать согласие

на избрание королем Финляндии его сына Оскара. История с королем надолго наложила отпечаток на последующую репутацию Свинхувуда. Он выступал за прогерманскую ориентацию в обычной для него энергичной манере. Монархизм был для него инструментом, обеспечивавшим поддержку Германии, а не наоборот. Свинхувуд никогда не был роялистом.

Поражение Германии в первой мировой войне привело к отказу от прогерманской ориентации Финляндии. Избранный королем Финляндии принц Фридрих Карл Гессенский, прислушавшись к советам, отказался от престола. Тогда регент Свинхувуд в декабре ушел с поста, и страна опять встала на республиканский путь. Условием своей отставки Свинхувуд поставил изменение внешнеполитического курса: его преемником должен был быть избран главнокомандующий периода освободительной войны генерал Маннергейм, поддерживавший тесные связи с державами-победительницами. Одновременно Свинхувуд ушел в отставку с должности прокурора, от которой он ранее был временно освобожден, и, таким образом, он опять стал частным лицом.

Укрепление идеи национальной обороны

Оказавшись в стороне от государственной жизни, Свинхувуд несколько лет проработал исполнительным директором созданного в Турку кредитного учреждения *Суомен Вакуус*, но это новаторское предприятие оказалось неудачным. После двух лет банковской карьеры Свинхувуд, воспользовавшись предоставленной государством пенсией, уехал в Котканиemi в Луумяки. Имение Котканиemi было хозяйством, принадлежавшим предшественнику Свинхувуда по судебному округу Лаппее, и земледелие в нем носило скорее любительский характер. Как-то еще до этого, когда Свинхувуда спросили, оправдывает ли себя земледелие в Котканиemi, он ответил: «Конечно, оправдывает – я оплачиваю расходы, а Эллен получает прибыль».

Еще в Турку Свинхувуд вступил в шюцкор. В Луумяки это стало его главным увлечением. За пять лет он прошел путь от рядового до фельдфебеля, добросовестно продвигаясь от звания к званию и участвуя в управлении организацией. Опытный охотник, он активно взялся за тренировки и стал удачливым стрелком-спортсменом. Свинхувуд стал олицетворением духа национальной обороны молодой республики: с винтовкой и в шюцкоровском костюме, близкий народу «Старик Пекка», личный пример которого оказал сильное влияние на расширение деятельности шюцкоров. Он считал, что обеспечение безопасности независимости Финляндии предполагало участие всей буржуазной части нации в деле укреплении обороны страны.

Свинхувуд был рядовым членом Национальной коалиционной партии. В ходе президентских выборов 1925 г. партия выдвинула его своим кандидатом, при этом он имел поддержку 68 выборщиков.

Но, когда в ходе переговоров выборщиков стало ясно, что у него нет достаточной для избрания поддержки, выборщики от партии уже в первом туре проголосовали за другого представителя коалиции Хуго Суолахти.

После того, как антикоммунистическая активность обрела форму Лапуаского движения, президент Лаури Кристиан Реландер в 1930 г. предложил Свинхувуду пост премьер-министра. На первом заседании правительства Свинхувуд выступил с речью, в которой разъяснил свой курс, опирающийся на двойную стратегию, и направленный как на искоренение коммунизма, так и на поддержание правопорядка. «Поскольку правительство осуществляет действия по подавлению изменнических сил, правительство считает необходимым, чтобы все действия и мероприятия, проводимые отдельными гражданами или группами граждан и выходящие за рамки законности, были бы немедленно прекращены». Требованиям Свинхувуда по соблюдению законности противостояли экстремистские элементы Лапуаского движения, действовавшие по принципу «делаем что хотим».

По приказу правительства все коммунисты депутаты парламента были арестованы. Когда парламент отложил рассмотрение этих вопросов до следующих выборов, президент Реландер по предложению премьер-министра распустил парламент и назначил новые выборы, на которых буржуазные группировки получили большинство в две трети, необходимое для принятия законов.

На президентских выборах 1931 г. Свинхувуд был кандидатурой от избирательного блока, опирающегося на Коалиционную партию, но не только на нее. Благодаря этому на выборах блок Свинхувуда получил 64 выборщика. В третьем туре Свинхувуда поддержал Аграрный союз, в результате он был избран 151 голосом. Бывший президент К.Ю. Стольберг набрал 149 голосов.

Сильный президент

Став президентом, Свинхувуд первым делом предложил Маннергейму, находившемуся с 1919 г. в стороне от государственной жизни, пост председателя реформированного Совета обороны. Маннергейму также были предоставлены большие полномочия по оперативной подготовке сил обороны на случай войны.

Президент Свинхувуд оказался перед лицом серьезнейшего вызова в феврале–марте 1932 г. В местечке Мянтсяля шюцкоровцы, собравшись, чтобы воспрепятствовать мероприятию социал-демократов, подняли восстание. Руководство Лапуаского движения воспользовалось этим и потребовало отставки правительства. Перед угрозой восстания президент Свинхувуд взял в свои руки оперативное руководство правительством, армией и шюцкором. Поворотным пунктом стала речь, произнесенная президентом по радио, в которой он призвал восставших сдаться и приказал всем шюцкоровцам, направлявшимся

в Мянтсяля, вернуться по своим домам: «Всю свою долгую жизнь я боролся за соблюдение закона и права, и я не могу допустить того, чтобы теперь закон попирался ногами, а граждане были бы вовлечены в вооруженную борьбу друг против друга». Он лично занял позицию против восставших: «Теперь, когда я на свой страх и риск, независимо ни от кого, взял на себя ответственность по восстановлению мира в стране, любое тайное действие с этого момента направлено не только против законного порядка, но и против меня лично, меня, который сам в шюцкоровских рядах маршировал как поборник общественного порядка». Он добавил: «Мир должен установиться в стране как можно скорее, и те недостатки, которые есть в нашей государственной жизни, должны быть после этого в законном порядке устранены».

Опасность восстания усугублялась тем, что его требования поддерживались многими генералами. Планы бывших активистов, направленные на превращение Маннергейма в диктатора Финляндии, зашли довольно далеко. Но радиобращение Свинхувуда сломило восстание. После него направлявшиеся со всех сторон в Мянтсяля шюцкоровцы повернули назад, а восставшие сдались.

Свинхувуду пришлось подавить восстание и в своей собственной семье: его сын Эйно заявил, что он отправляется в Мянтсяля на помощь восставшим. «Я сказал, ты никуда не поедешь. То, что происходит в Мянтсяля, можно сравнить с массовым безумием. Этой заразы не будет в нашей семье!» Спор был довольно громким, но постепенно сын отступил.

Тяжелые последствия мятежа в Мянтсяля и экономический кризис привели к отставке правительства во главе с представителем Аграрного союза Ю.Э. Сунилой. Его сменило правительство меньшинства под руководством прогрессиста Т.М. Кивимяки, которое с полным основанием можно считать президентским правительством. Свинхувуд активно участвовал в разрешении многих значимых внутривластных вопросов. Правительство продержалось почти четыре года, и это свидетельствовало о существенном укреплении парламентаризма – предыдущий рекорд составлял менее двух лет. Правительство Кивимяки предпринимало многочисленные попытки упрочить положение главы государства и правительства относительно парламента, однако безуспешно. Свинхувуд также потерпел личное поражение, попытавшись в свойственной ему властной манере разрешить языковой вопрос в Хельсинкском университете.

Внешняя политика в период президентства Свинхувуда с помощью Маннергейма и Паасикиви стала целенаправленно переориентироваться в направлении сотрудничества с Северными странами. Делались попытки развивать связи со Швецией во всех областях, в особенности в оборонной политике. Практическое руководство внешней политикой Свинхувуд оставлял своим министрам иностранных дел Аарно Юрьё-Коскинену и, в особенности, Антти

Хакцелю. Свинхувуд не совершил ни одного государственного визита, во время его президентства не было государственных визитов и в Финляндию. Вместе с тем, было довольно много неофициальных визитов, в особенности в Эстонию и Швецию.

После парламентских выборов 1936 г. Свинхувуд согласился включить в правительство социал-демократов, получивших в парламенте 83 места, но позднее отказался от своего обещания. Это стало поводом для критики за превышение президентских полномочий и политически недальновидное поведение. Свинхувуд объяснял свою позицию «марксистским» характером программы Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ). В еще большей степени на его позицию оказал влияние опыт весны 1918 г., а также непомерная программа правительства меньшинства Вяйнё Таннера 1926–1927 гг.

Исключение СДПФ из процесса формирования правительства предрешило исход президентских выборов 1937 г. СДПФ считала своей задачей отстранение Свинхувуда, пообещав поддержку кандидату от Аграрного союза, в случае если будет сформировано двухпартийное правительство. Аграрный союз согласился на это. В первом туре голосования Свинхувуд получил 94 голоса выборщиков, тогда как Стольберг – 150. Во втором туре СДПФ поддержала Кёюсти Каллио, который и был избран.

Свинхувуд был недоволен исходом выборов, потому что считал Каллио слишком слабым. «В качестве противовеса демократическая система требует, чтобы бразды правления находились в руках сильных личностей». Покидая пост президента, Свинхувуд кратко сформулировал свое политическое завещание: «Сначала нужно защитить границы, а затем хлеб раздавать».

И вновь Свинхувуд как частное лицо уехал в Котканиеми. Однако на заключительном этапе Зимней войны он отправился в Германию просить помощи для Финляндии. Гитлер отказался его принять, равно как и Муссолини в Риме, где Свинхувуд также побывал. Тем не менее, Свинхувуд встретился с папой Пием XII.

Во время Войны-продолжения осенью 1943 г. Свинхувуд написал книгу, озаглавленную «*Национальная программа*» и опубликованную небольшим тиражом. В основе книги лежала идея создания Великой Финляндии в ходе активных военных действий. На похоронах Свинхувуда в январе 1944 г. особенно отмечалась бескомпромиссность по отношению к Советскому Союзу. Присутствовавший на церемонии премьер-министр Эдвин Линкомиес посчитал это неуместной демонстрацией в момент, когда начался мирный зондаж.

Возвращение конституционализма

Посмертная репутация Свинхувуда имеет явно двойственный характер. С одной стороны, его твердая позиция в защиту законности, бесстрашная деятельность по защите правовой системы Финляндии

в годы угнетения, приведшая к личным жертвам и ссылке в Сибирь, а также решительное подавление мятежа в Мянтыся постоянно получали положительную оценку.

Но, с другой стороны, подвергалась критике его прямолинейность в политической деятельности и, в частности, то, что в 1918 г. он сделал ставку исключительно на Германию. В первые десятилетия после второй мировой войны ни жесткий конституционализм, ни дружба с Германией не были в моде. Отрицательное отношение к СДПФ в 1930-е гг. также расценивалось как ошибка, поскольку всего несколько лет спустя Зимняя война наглядно показала, насколько важным было единство, достигнутое посредством формирования левоцентристского правительства (т.н. «красно-зеленое»).

После распада Советского Союза и краха международного коммунизма деятельность Свинхувуда стала рассматриваться в новом свете. Его активный антикоммунизм и действия, направленные на укрепление обороны молодой республики, представляются правильными и даже на редкость дальновидными.

По своим общественным взглядам Свинхувуд был своего рода «старомодным судьей», чье чувство справедливости, способность критически мыслить и близость к народу стали историческим наследием сельских ленсманов и судей. За добродушным образом «Старика Пекки», укоренившимся в последний период его жизни, скрывался талантливый юрист с исключительно развитым чувством политической тактики. Обманчивость этой наружной оболочки была сродни роли «добротного дедушки», усвоенной под конец жизни писателем Францем Эмилем Силланпяя. Свинхувуда можно считать весьма опытным юристом-практиком. Имея широкое базовое образование, он к тому же на протяжении шести лет занимался разработкой законодательства, в том числе вел предварительную работу по налоговой реформе, крупнейшей для того времени. Хотя его эрудированность несколько сузилась, особенно в старшем возрасте, он как талантливый практик был способен быстро угадывать требования политической обстановки.

Под кажущейся внешней оболочкой аполитичности у Свинхувуда скрывалось очень рациональное и глубокое понимание того, как нужно управлять государством. Его представления о государстве во многих отношениях можно считать классически консервативными. Он не был сторонником концепции «государства – ночного сторожа», считая, что сильное государство необходимо для обеспечения обороны страны и поддержания правопорядка, равно как и для устранения недостатков в устройстве общества.

Политическое влияние Свинхувуда во многом основывалось на его твердом, настойчивом и бесстрашном характере, а также личном авторитете. Он при любых условиях не отступал от своих принципов и очень активно добивался достижения своих политических целей.

В этом смысле он напоминает одного из основателей Соединенных Штатов Америки Джорджа Вашингтона. Когда другие опускали голову, подчинялись и лавировали, Вашингтон и Свинхувуд оставались непреклонными, указывая согражданам путь в борьбе за независимость.

Как руководитель, Свинхувуд сформировал собственный штаб, членам которого предоставил большую свободу деятельности. Он осуществлял управление, формулируя позиции, определяя курс, выстраивая стратегию, не вмешиваясь при этом в частности. Его влияние основывалась не на обширной и постоянно поддерживаемой системе личных или властных связей, а на четко сформулированных принципах. При этом в кризисных ситуациях он твердой рукой брался за повседневное оперативное руководство.

Глубокий перелом в идеологии Свинхувуда произошел в период анархии и красной революции 1917–1918 гг. Он из республиканца и борца за законность превратился в сторонника сильного главы государства, активной оборонной деятельности и опоры на помощь зарубежных государств. Идеализм отступил перед реальностями политики с позиции силы.

– МАРТТИ ХЯЙКИЁ

Приложение:

Пер Эвинд Свинхувуд, род. 15.12.1861, Сяякмяки, умер 29.2.1944, Луумяки. Родители: Пер Густав Свинхувуд, морской капитан, и Ольга фон Беккер. Жена: 1989–1944 Альма Эллен Тимгрэн, род. 1869, умерла 1953, родители жены: Густав Вернер Тимгрэн, советник надворного суда, и Альма София Мальвина Свинхувуд. Дети: Пер Юнгве, род. 1890, умер 1991, помощник судьи; Илмо Гретель (Соммар), род. 1892, умер 1969; Айно Мари (Альфтан), род. 1893, умерла 1980, стоматолог; Эйно Густав, род. 1896, умер 1938, доктор философии; Арне Бертель, род. 1904, умер 1942; Вейкко Эйвинд, род. 1908, умер 1969, лесничий, депутат парламента.

Эдит Сёдергран (1892–1923)

поэтесса

Новатор в поэзии, одна из основоположниц скандинавского модернизма, Эдит Сёдергран является самой международно известной и изученной финской поэтессой, хотя при жизни ее не признавали, за исключением небольшого круга шведских модернистов в Финляндии. Идея переоценки всех ценностей и сильной творческой личности соединились в Сёдергран и проявились в эмансипированных чувствах «новой женщины» эпохи. Созерцательное и радикальное по способу выражения творчество Сёдергран привнесло в скандинавскую поэзию веяния современных европейских течений – символизма, экспрессионизма и русского авангарда.

Семья Эдит Сёдергран жила в шведских приходах на побережье Финляндии. Маттс Сёдергран, механик, работавший многие годы в разных уголках России, отец будущей поэтессы, был родом из Нярпиё, Похъянмаа. Мать, Хелена Хольмроос, была дочерью богатого владельца петербургской литейной из Перниё, получила хорошее образование в Петербурге и больше интересовалась литературой, чем домашним хозяйством. Родители Эдит поженились в 1890 г., будучи уже немолодыми, матери было 29 лет, отцу 43 года. У обоих за плечами была собственная жизнь с трудными периодами: первая жена и дети отца умерли, связи матери в молодости закончилась рождением внебрачного ребенка, который тоже умер. Новая семейная жизнь не обещала быть безоблачной. Семья поселилась на Карельском перешейке в Райвола (совр. Роцино), где отец работал управляющим лесопильным заводом. Единственная дочь зимой посещала в немецкую школу в Петербурге, где мать жила вместе с ней.

Райвола была живописным, привлекательным для дачников местом, где сосуществовали представители разных национальностей и социальных слоев, говорящие на разных языках. Сёдергран росла в обстановке взаимовлияния шведской, финской, русской и немецкой культур. По соседству с их домом находились православная церковь с кладбищем и русская школа. Большая немецкая школа Святого

Петра с 1600 учениками в Петербурге была известна хорошим и разносторонним языковым образованием и религиозным свободомыслием. Во время учебы в школе Сёдергран начала писать стихи по-немецки, взяв за образец свободный размер Генриха Гейне и Иоганна Вольфганга Гёте. Стихотворное наследие этого периода интересно с точки зрения взросления девочки и поэтессы и того, как на нее влияли немецкая среда и ранний русский символизм.

В 1908 г., в возрасте 16 лет Эдит Сёдергран заболела туберкулезом. Ее отец умер за год до этого от той же болезни. С этого момента начались поездки по санаториям, сначала в Финляндии в Нуммела, затем в 1911–1914 гг. вместе с матерью она едет в космополитичный швейцарский Давос. Оттуда в 1913 г. дочь и мать совершили на месяц поездку в Италию. Вернувшись в Райвола, Сёдергран отказалась от большей части санаторного лечения. Она хотела жить, насколько возможно, полной жизнью, отдавшись только своему призванию поэтессы. Мысли о преждевременной смерти оказывали трагическое влияние на жизнь своей фатальностью. Сёдергран жила и создавала свои произведения в обстановке нежной заботы матери и поощрения поэтического творчества.

Первые десятилетия 20 в. были окрашены атмосферой напряженности: российская революция, обретение Финляндией независимости, гражданская и мировая война. В этом же переломном периоде лежат истоки авангардизма и утопических идей о новом человеке и искусстве. Символистские представления о тайне бытия и о его женственном начале, экспрессионистские внутренняя страсть и видение, пылкий футуристический жест, бунтарское высказывание, жестокие неожиданности были также внутренней силой поэзии Сёдергран. В стихотворении *«Надежда»* говорится:

«Не хочу скромничать,
Поэтому мне нет дела до высокого стиля,
Закатаю свои рукава.
Поэтическое тесто поднимается...
О, беда – нельзя испечь кафедральные соборы...
Высота форм – предмет горячего желания.
Современный ребенок – разве твоя душа в правильной оболочке?
Прежде чем умру,
Я испеку кафедральный собор».

Сёдергран создала свои произведения в быстром темпе, за несколько лет. Идейные периоды и приводящие в восхищение «единомышленники» сменяли друг друга. Влияние русского и французского символизма, а также Артура Шопенгауэра заметно в меланхоличном сборнике *«Стихотворения»* (1916). Естественный ландшафт является объектом транспарентности в таинственное будущее и судьбу, в направлении которых лирическое «я» устремляет все свои силы

мысли и воображения: как перевести состояние покоя в движение и подъем. Немецкий экспрессионизм и прежде всего Фридрих Ницше играют главную роль, начиная со сборника *«Сентябрьская лира»* (1918). Сёдергран находится под влиянием Ницше, когда создает собственное женское и критическое понятие о поэзии и собственном «я». В поздних стихотворениях и письмах подруге, писательнице Хагар Олссон, проявляется интерес к Рудольфу Штайнеру и антропософии и, в конце концов, к евангельскому Иисусу. Но прочнее других удерживаются Ницше и его Дионис. Сёдергран написала Олссон в 1921 г.: «Я совершенно раздавлена, когда заставляю себя принять христианство, я подобна волку Диониса». Призыв и заклинание, также как и ощущения силы и облегчения происходили из философии воли и этических провидений. Искусство в уме Сёдергран-поэтессы заняло место и положение, сравнимое с верой. Искусство было трансцендентностью духа, к которому тянулись тело и материя.

Стихотворения не подчинялись никакой традиционной схеме. Свободный ритм, наводящий на какую-либо мысль, литургический повтор, обращенность вовнутрь, в мир великолепных фантазий, призыв, заклинание, жалоба, но и одновременно использование поэтических картин насилия, отрицание всего, шутливые выражения – все это составляет страстный, интеллектуальный стиль Сёдергран. Многие стихи строятся трехступенчато на переработанных сказочных и мифологических сюжетах или содержат обращения к таким понятиям, как счастье, смерть, боль, красота, мужчина, душа, зачастую парадоксально сочетаемым. В стилистике была ключом ницшеанская сила, выводящая трагическое из сумрачного, дионисовского, когда аполлоновское солнце превращается в дифирамбический праздник и красоту. Сумерки и солнце были повторяющимся мотивом в ее стихотворениях. Поэзия Сёдергран создавалась романтической, гениальной поэтессой – но этот творческий гений был женщиной, способной к метаморфозам, умевшей становиться «новой» и «другой». В *«Сентябрьской лире»* Орфей поет:

«Я превращу змей в ангелов. Поднимайте свои головы!
Вставайте на свои хвосты!
Лишь секунда... Ни одна теперь не зашипит.
Я – Орфей. Могу петь как захочу.
Мне все разрешено.
Тигр, пантера, пума идут по моим следам
В лес на мою каменную плиту».

В стихотворениях образ женщины многократно повторяется в разных вариациях. Рассматриваются различные роли женщины в жизни, и выстраивается картина совершенствующейся женщины, обладающей силой воли. Независимый женский идеал создается уже в первом сборнике *«Стихотворения»*. *«Vierge moderne»* провозглашает «я»,

в котором объединяются противоречивые качества и стремления. «Я» было за рамками половых различий, открытое для всех, в нем одновременно присутствовал и ребенок, и юноша, и мужчина, и женщина. Испытание «я», подкрепленное эротизмом, с самого начала были фундаментом поэзии Сёдергран. Женщина облакает свою эротичность в силу и мужество. Эротичность как творческая сила способно поднять высоко, к духовности. Искусство того времени рассматривало связь женственности и творчества и иначе, на этом фоне возникла обширная проблема новой женщины, ее чувства собственного достоинства и возможностей. В искусстве эта проблема часто находила выражение в идеализации и демонизации женщины.

Стихотворения были встречены публикой неожиданно. В целом, произведения были восприняты как сложные для понимания, а высокомерие поэтессы – как вызывающая надменность. Как личность Сёдергран зачастую производила такое же противоречивое впечатление, что и ее стихотворения. Писатель Ярл Хеммер познакомился с Сёдергран, когда она осенью 1917 г. приехала в Хельсинки с целью завязать отношения с передовыми художниками и писателями. Хеммер рассказывал: «Её речь не была похожа на нашу. В перерывах между приступами кашля она проталкивалась вперед, как будто играя в озорные прятки, с неожиданными выходками; если пыталась сказать что-то, что напоминало здравый смысл, она смеялась и переворачивала всю беседу с ног на голову».

Свою «*Сентябрьскую лиру*» Сёдергран снабдила чуждым условностей предисловием, описывающем ее поэтическое творчество: «Мои стихи нужно принимать как беспечные, нарисованные от руки рисунки. Что касается содержания, дайте моей интуиции достроить то, что видит открытый, ожидающий разум. Моя самоуверенность происходит из того, что я нашла пределы досягаемости. Мне не следует делать себя меньше, чем я есть». Преодоление границ и осознание своего «я» укрепились в следующих сборниках: «*Розовый алтарь*» (1919) и «*Тень будущего*» (1920) – вплоть до космических картин, солнца, звезд, космоса. На стихотворения наложил отпечаток восторг бытия и могущества. С другой стороны, за экстатическими картинами была пустота смерти. Тело – это тайна, с помощью которой сила Эроса рождает охваченного желанием и творческого человека и вместе с ним новый мир – на мгновение. Другого знания или уверенности не существует. Только мечтая и играя, творя, формируется человек и культура будущего, превосходящие и объединяющие противоречия. Женщина несет в себе, в своей женственности этот восторг и богатство преображения:

«Я знаю: в этой ослабевшей руке судьба мира.
Власть – это та, которая дрожит у меня в туфлях,
Власть – это та, которая шевелится в складках моего платья,
Власть, ничем непоколебимая власть перед вами».

Поэтесса излагает свои взгляды также в книге афоризмов *«Пестрые наблюдения»* (1919).

Во время бури всеобщего раздражения, вызванного *«Сентябрьской лирой»* и подогреваемого статьями в газете *«Дагенс пресс»*, Сёдергран нашла столь необходимого ей единомышленника в лице Хагар Олссон. Олссон также стала ее настоящей музой. Между Сёдергран и Олссон началась интенсивная переписка. Эти письма можно читать как интимный дневник, в котором отражены и взгляды и мотивировки, вплоть до перемен настроения и физического состояния. Хагар Олссон сформулировала свое экспрессионистское понимание искусства в эмоциональных эссе и пьесах. Она считала, что задачей искусства было показать человечеству единые, коллективные, главные цели и направить, таким образом, будущее в верном направлении. Обе писательницы пережили ощущение, что в искусстве жизнь получает благословение, и художник с его внутренними силами является проводником для других. Переписка была активной, и в ней шло прямое обсуждение современной литературы и идей, в частности мистики. Сёдергран написала в 1919 году:

«Ты не позволишь того, что есть
Твоему мозгу
Проникнуть
В твое сердце.
Мое сердце раскрывается и требует
Неизмеримого.
И я
Хочу
Того, о чем мы не знаем ничего».

Крепкая дружба продолжалась вплоть до смерти Сёдергран. Особенно в сборнике *«Розовый алтарь»* можно найти стихотворения, вдохновленные «сестринскими» чувствами. Олссон много раз приезжала к Сёдергран, и ей по-настоящему стало ясно, в каком стесненном мире жили дочь и мать с их кошкой и собаками. Олссон была посредником между Сёдергран и литературными кругами, пыталась организовать перевод произведений и вообще помогать. В связи с этим она обратилась к двуязычному изданию модернистов *«Ультра»* (1922), в котором работали, в частности, Элмер Диктониус, Раббе Энкель и Гуннар Бьёрлинг. Диктониус совершил визит в Райвола весной 1922 г. За встречей последовала дружба и переписка. Сёдергран стала объектом восхищения для кружка *«Ультра»*.

Сёдергран передала в *«Ультра»* неопубликованные стихотворения и афоризмы на тему природы. В них от благословения искусства и сверхчеловека она вернулась к природе как основе всего. Эрос, инстинкты, чувства, материя, тело и раньше в понимании Сёдергран приводили к этой первооснове, но через величие человеческого духа.

Теперь поэтесса писала: «Природа сама по себе есть здоровье, и она ощущает смерть так же здраво, как и жизнь». «Если мы не станем детьми природы, мы не попадем в небесное царство, так как духовные тайны являются тайнами природы». «Человеческому сердцу, ищущему бога, нужно бороться с субъективностью, потому что субъективность происходит из сердца. А природный путь является заповедным».

Изданный после смерти автора сборник *«Земля, которой нет»* (1925) был отредактирован Элмером Диктониусом и содержал вдохновенное предисловие, написанное Хагар Олссон. В сборник вошли стихотворения разных периодов. На произведения последнего периода наложило отпечаток спокойствие и исходящее от природы утешение. Лишь этот посмертный сборник способствовал более широкому пониманию лирики Сёдергран. Если кружок журнала *«Ультра»* и использовал Сёдергран в своих целях, как иногда считалось, то, вместе с тем, благодаря этим людям стало возможным знакомство публики с Сёдергран и её значением для литературы и культуры.

Хагар Олссон опубликовала письма Сёдергран, снабдив их своими комментариями, в форме воспоминаний *«Письма Эдит»* (1955), а Гуннар Тидестрём написал биографию *«Эдит Сёдергран»* (1949). Избранные произведения *«Беспокойные сны»*, переведенные на финский язык Ууно Кайлой, вышли в 1929 г. Сборник стихотворений Сёдергран *«Моя жизнь, смерть и судьба»* был опубликован на финском языке лишь в 1994 г., а письма Олссон в финском переводе Пентти Сааритса в 1990 г.

Эдит Сёдергран своим творчеством оказывала влияние на финский и скандинавский модернизм на протяжении всего 20 в. В финской женской поэзии Сёдергран десятилетиями служила тайной опорой женского сознания, образцом смелости и преодоления внутренних и внешних препятствий в творчестве. Среди поэтов-мужчин, пишущих на шведском языке, в отношении неё заметны как восторг, так и смешанное с ним отрицание.

Исследователей интересовали, помимо модернизма Сёдергран, её женская поэтика (Витт-Братстрём, 1997), сознательные поэтические цели и философия искусства (Хакман, 2000), а также сочетание традиций романтизма и модернизма (Лильквист, 2001).

– Туула Хёккя

Приложение:

Эдит Ирене Сёдергран, род. 4.4.1892 Петербург, умерла 24.6.1923 Райвола. Родители: Матиас (Маттс) Сёдергран, механик, управляющий лесопильным заводом, и Хелена Хольмроос.

Ян Сибелиус (1865–1957)

композитор

Ян Сибелиус, самый известный финский композитор, является одним из наиболее выдающихся авторов симфоний и симфонических поэм 20 в., да и всей истории музыки. Сибелиус имеет особое значение как национальный композитор, который привлек в своих произведениях финские мифы, историю, а также природу. Несмотря на уважаемое положение, Сибелиус во время своего творческого пути испытывал финансовые трудности.

Ян Сибелиус – самый известный и уважаемый финский композитор, один из наиболее выдающихся авторов симфоний и симфонических поэм 20 в., да и всей истории музыки. В некоторых странах Европы Сибелиуса считают только лишь финским композитором, композитором родного края, представителем национального романтизма. Действительно, редкому композитору удалось столь же удачно отобразить в своих произведениях мифы собственного народа, его историю и природу. Сибелиус является основоположником финской музыки, его музыка сыграла важную роль в процессе становления независимой Финляндии. Но после Второй мировой войны стала наблюдаться все более распространенная тенденция рассматривать Сибелиуса также как модерниста и новатора, чьи масштабные оркестровые произведения в своих композиционных и текстурных решениях могут служить ориентиром даже для композиторов конца 20 в.

Детство в Хямеенлинне, Ловиисе и Турку

Появление Сибелиуса на свет в 1865 г. произошло в самый удачный момент. Финляндия, чья вековая связь со Швецией была оборвана в 1809 г., теперь искала свою собственную национальную индивидуальность, будучи частью Российской империи. Началось развитие своего языка и культуры. В 1882 г. Мартин Вегелиус основал Хельсинкское музыкальное училище, в том же году под руководством Роберта Каянуса начало свою деятельность Хельсинкское оркестровое общество (позднее Хельсинкский филармонический оркестр). Таким образом,

зародились ключевые институты музыкальной жизни. Но место создателя финской музыки оставалось вакантным.

Юхан Кристиан Юлиус Сибелиус, в семейном кругу Янне, родился в Хямеенлинне, в маленьком гарнизонном городке, в котором его отец Кристиан Густав Сибелиус работал городским и военным врачом. Отец имел степень доктора медицины, но по характеру был представителем богемы. Таким образом, когда мать Сибелиуса Мария после короткого брака (1862–1868) осталась вдовой (Кристиан Сибелиус умер от брюшного тифа), оставленное наследство составляли главным образом неоплаченные счета. Мария переехала вместе с детьми обратно к своей матери. Янне, потерявший отца в трехлетнем возрасте, рос в женском окружении.

Маленький городок вряд ли смог предоставить хорошие возможности для получения образования, если бы благодаря феннофильскому движению в Хямеенлинне в 1876 г. не был открыт финский лицей, куда три года спустя Янне и был отдан на обучение. Он стал двуязычным и уже в раннем возрасте помимо произведений Й.Л. Рунеберга и Ц. Топелиуса, написанных на шведском языке, был знаком с «*Калевалой*» и произведениями Алексиса Киви. В основную программу входила также и античная литература, что решающим образом повлияло на его понимание искусства.

Музыка захватила Сибелиуса уже в раннем детстве. В отличие от И.С. Баха и В.А. Моцарта, он, конечно же, не принадлежал к музыкальному роду, хотя его отец любил петь популярные песни К.М. Беллмана и шведские студенческие песни Веннерберга под аккомпанемент лютни, а мать немного умела играть на клавире. По линии матери можно найти предка, жившего в 17 в., коронного фохта Якоба Гартмана, от которого происходят и некоторые другие выдающиеся деятели в финской музыкальной истории, в частности, А.Г. Ингелиус, автор первой финской симфонии, Мартин Вегелиус, Айно Акте, а также Хейкки Суолахти (1920–1936), талантливый юный композитор, умерший в 16 лет. Кроме этого, по линии отца также существовал дальний предок, живший в 17 в., – торговец Якоб Данненберг. От него происходят композиторы Эрнст Фабрициус (1842–1899) и Эрнст Милк (1877–1899), а также музыковед Илмари Крон (1867–1960).

Первые уроки игры на фортепиано Сибелиус начал брать в семилетнем возрасте у своей тетки Юлии. Уже тогда свободные импровизации брали верх над упражнениями для пальцев. На одном из семейных вечеров он представил свою импровизацию «*Жизнь тети Эвелины в нотах*». Первое собственное сочинение датируется приблизительно 1875 г., когда Янне сделал нотную запись «*Капель воды для скрипки и виолончели*». Оно не было ранним творением гениального ребенка, но все же доказывало, что у него уже были представления об основах классической композиции. Показательным является весьма колоритное использование инструментов (*пиццикато*) для достижения нужного настроения.

Уроки игры на скрипке под руководством местного военного дирижера начались, лишь когда Сибелиусу было около 16 лет, и с самого начала, как вспоминал сам композитор, скрипка всецело захватила его. «Десять последующих лет моим самым искренним желанием, моей самой честолюбивой целью было стать великим скрипачом-виртуозом». Фортепиано «не поет», как комментировал сам композитор, и этот инструмент был для Сибелиуса главным образом средством для сочинения. С помощью скрипки, помимо собственно скрипичного репертуара, он познакомился с классическим и романтическим камерным репертуаром. Музицирование в обществе друзей, а также с его сестрой Линдой, игравшей на фортепиано, и братом Кристианом, игравшим на виолончели, стало стимулом и для собственного творчества. Уже в годы, проведенные в Хямеенлинне (1880–1885), появилось около 15 фортепьянных и камерных произведений для двух или четырех исполнителей. Помимо венских классиков, образцами для Сибелиуса служили Феликс Мендельсон, Эдвард Григ и Петр Чайковский. До переезда в Хельсинки в 1885 г. Сибелиус закончил «*Струнный квартет ми бемоль мажор*», свидетельствующий о целенаправленном проникновении в тайны композиции. За этим стоял учебник Иоганна Кристиана Лобе по музыкальной композиции, который Сибелиус самостоятельно нашел в школьной библиотеке.

«Хямеенлинна был городом, где я ходил в школу, Ловииса означал свободу». В противовес школьной жизни Сибелиус часто проводил время в Сякскмяки, фамильном имении семьи фон Конов близ Хямеенлинна. Сибелиус стал отличным стрелком. Но не меньшее значение имела природа, которую Сибелиус воспринимал как поэтическую, таинственную силу: «В сумерках Янне развлекался, подкарауливая сказочные существа в лесной чаще». Таким образом, в близости с природой наметился путь будущего композитора. Столь же важными стали летние месяцы, которые Сибелиус проводил в Ловиисе у своей бабушки и тетки Эвелины. В Ловиисе Сибелиуса пленили море, свобода и тоска по дальним странам. Фантазии уводили его в дальние страны, вслед за дядей Юханом, моряком, погибшим во время кораблекрушения еще до рождения Янне. Когда в 1886 г. Сибелиус взял новый псевдоним, он воспользовался визитными карточками дяди, где имя Юхан было напечатано на французский манер – Жан. Другой дядя Сибелиуса, Пер, живший в Турку, был музыкантом-самоучкой, торговцем семенами, который наблюдал за звездами в телескоп, а по вечерам играл на скрипке. В жизни Янне он занял место отца, а на ранних этапах даже роль советчика в музыке. В Турку Сибелиус шире познакомился с музыкой с помощью коллекции партитур Пера Сибелиуса, а также, вероятно, впервые услышал настоящую оркестровую музыку.

Легко заметить, что семейное окружение и опыт юношеских лет уверенно говорили в пользу выбора карьеры, не относящейся к буржуазной среде. Среди близких родственников были непрактичные, мечтательные или даже бесшабашные личности. Тонкий, глубоко мистически-религиозный характер матери и характер отца, легко относившегося к деньгам, но также умевшего напряженно сосредотачиваться на работе, создали фундамент не только для экстравагантного стиля жизни будущего композитора, иногда повергавшего семью в руины, но и для его способности создавать великие произведения посреди хаоса будничных проблем.

Годы учебы в Хельсинки

Осенью 1885 г. Сибелиус поступил на юридический факультет Александровского университета в Хельсинки и одновременно начал учебу в Хельсинкском музыкальном училище. Последовал классический случай: университетские учебники покрывались пылью, и осенью следующего года уже и речи не шло о продолжении учебы в университете. Музыка поглотила молодого начинающего композитора. Под руководством широко образованного ректора музыкального училища Мартина Вегелиуса Сибелиус изучал предметы из области теории музыки, хотя поначалу игра на скрипке была на первом месте. На показательных концертах в училище Сибелиус выступал в качестве солиста с произведениями Дж. Б. Виотти, Ф. Мендельсона и П. Роде, а также исполнял небольшие произведения композиторов-романтиков. Он также играл в квартете училища и стал концертмейстером академического оркестра под руководством Рихарда Фалтина. Постепенно он стал понимать, что страх перед сценой и, прежде всего, довольно поздно начатое обучение игре на скрипке служат серьезным препятствием карьере виртуоза.

Сочинительство вышло на первое место. Основной акцент в преподавании Вегелиуса делался на упражнениях по композиции. Но Сибелиус все время в тайне от учителя сочинял произведения в своем собственном стиле, отличном от хроматических неогерманских идеалов, приверженцем которых был Вегелиус. В частности, он написал множество небольших пьес, посвященных друзьям, брату и сестре. В хельсинкский период было всего написано около сотни произведений: песни, сочинения для различных камерных составов, в частности, трио для фортепиано, скрипичная соната и струнный квартет. Сибелиус быстро продвигался в учебе, и довольно скоро его стали называть музыкальным гением. Когда на весеннем концерте училища в 1889 г. был исполнен «*Скрипичный квартет ля минор*», он получил высокую оценку ведущего музыкального критика Карла Флодина: «Господин Сибелиус одним махом оказался в первых рядах тех, на ком возлежит будущее музыкального искусства Финляндии».

Не менее значимыми, чем учеба, были дружеские отношения, завязанные в Хельсинки. Среди них было знакомство с композитором

и дирижером Робертом Каянусом (1856–1933), ставшим главнейшим приверженцем музыки Сибелиуса, с писателем Юхани Ахо (1861–1821), пианистом и сочинителем Адольфом Паулем (1863–1942), а также с влиятельной плеядой Ярнефельтов, среди которых был композитор и дирижер Армас Ярнефельт (1869–1958), художник Ээро Ярнефельт (1863–1937), писатель-толстовец Арвид Ярнефельт (1861–1932) и, конечно же, Айно, будущая жена Сибелиуса. Особое значение имело то, что Вегелиусу удалось привлечь к преподаванию в училище всемирно известного пианиста и композитора Ферруччо Бусони (1866–1924). Бусони, Сибелиус, Пауль и Армас Ярнефельт образовали тесный дружеский круг, который почти ежедневно собирался в кафе Эриксона или в ресторане «*Kэмт*» и обсуждал вопросы, касающиеся жизни и искусства.

Годы учебы в Берлине и Вене

За четыре года Сибелиус вобрал в себя все, что мог предложить Хельсинки. Настала очередь учебы за границей. Однако его путь лежал не в Петербург, где к его услугам был бы оркестровый гений Николай Римский-Корсаков. Вегелиус желал, чтобы его протеже получил строгое немецкое образование. Первым местом учебы за рубежом стал Берлин, где учителем Сибелиуса стал академический теоретик Альберт Беккер. Бесконечные контрапунктные упражнения, сами по себе, без сомнения, полезные, не приносили больших плодов, и наиболее важные стимулы Сибелиус получал от посещений концертов. Он побывал на концертах, на которых Ганс фон Бюлов выступал в качестве дирижера при исполнении симфоний Людвиг Ван Бетховена и играл его фортепьянные сонаты. Ему также довелось услышать редко звучащие поздние квартеты Бетховена в исполнении *Иоаким-квартета*. Большое значение имело прослушивание симфонической поэмы Рихарда Штрауса «*Дон-Жуан*», и когда Каянус приехал в Берлин дирижировать исполнением своей симфонии «*Айно*», для Сибелиуса это, возможно, послужило толчком в направлении создания симфонической поэмы. Следует также упомянуть Рихарда Вагнера. Его оперы «*Тангейзер*» и «*Нюрнбергские мейстерзингеры*» оказали на Сибелиуса неизгладимое впечатление и породили длительное увлечение Вагнером. Под влиянием Кристиана Зиндинга Сибелиус в 1890 г. написал «*Квинтет для фортепьяно соль минор*», который стал его первым сочинением в собственно сибелиусовском стиле. Вернувшись на родину на каникулы летом 1890 г., он завершает свой жизнерадостный «*Струнный квартет си бемоль мажор*» и обручается с Айно Ярнефельт.

Благодаря содействию Бусони, с осени 1890 г. Сибелиус продолжил учебу в Вене. В этом городе он чувствовал себя намного уютнее: «Вена – место, которое больше всего мне по вкусу». Открытая, интернациональная атмосфера Вены, общество, румынские и венгерские музыканты, с которыми он познакомился, доносившиеся отовсюду

вальсы Штрауса пленили его. Старейший Иоганн Брамс не принял Сибелиуса, несмотря на рекомендации Бусони, и его учителями стали популярные в те времена Карл Голдмарк (1830–1915), обучавший его технике дирижирования оркестром, а также Роберт Фукс (1874–1927), среди учеников которого были Гуго Вольф и Густав Малер. Некоторые полученные тогда музыкальные впечатления существенно повлияли на его дальнейшее становление. Третья симфония Антона Брукнера, при исполнении которой присутствовал сам композитор, заставила Сибелиуса признать: «Он, по-моему, является самым великим ныне живущим композитором». Будущий оркестровый композитор, Сибелиус прослезился во время исполнения Девятой симфонии Бетховена под управлением Ганса Рихтера: «Я чувствовал себя таким маленьким, таким маленьким».

Рождение оркестрового композитора

До этого момента Сибелиус был камерным композитором. В Вене он неожиданно обратился к оркестру. Под руководством Голдмарка Сибелиус сочинил *«Прелюдию ми мажор»*, в которой чувствуется влияние Брукнера, а также более свободную по колориту *«Сцен де бале»*. Вена также оказала еще одно важное влияние на Сибелиуса: в нем неожиданно проснулся интерес ко всему финскому и к финскому языку. Сибелиус заинтересовался *«Калевалой»* и открыл для себя ее таинственный мир: «Я думаю, что *«Калевала»* очень современна. По-моему, она – самая музыка: тема и вариации». Основная тема симфонической поэмы *«Куллерво»* родилась, когда композитор находился под влиянием пылкого, исконно финского настроения. Вернувшись летом 1891 г. из Вены в Финляндию, Сибелиус продолжил работу над *«Куллерво»*. Хотя позднее Сибелиус отрицал этот факт, осенью 1891 г. он встретился со сказительницей Ларин Параске, находившейся в то время в Порвоо. Аутентичное исполнение рун и причитаний решающим образом повлияли не только на темы и композиционные формы *«Куллерво»*, но и на формирование собственного музыкального языка Сибелиуса. Премьера *«Куллерво»* 28 апреля 1892 г. имела огромный успех. «Оглушительный весенний поток финских мелодий мощно устремился из пустыни», – так охарактеризовал Каянус этот ключевой момент в финской истории музыки. Финская музыка была создана, и Сибелиус оправдал возложенные надежды.

В июне того же года состоялась свадьба. Молодожены, в духе модного тогда карелианизма, отправились к местам рождения *«Калевалы»*, в частности, в Иломантси и Корписелкя, где Сибелиус записал несколько народных мелодий. Впечатления от этой поездки в какой-то степени можно обнаружить в симфонической поэме *«Сказка»* и, прежде всего, в *«Карельской сюите»* и легендах о Лемминкяйнене.

С течением лет в семье родилось шестеро дочерей, из которых одна умерла во младенчестве. Чтобы обеспечить семью, вплоть до рубежа веков Сибелиус вынужден был преподавать игру на скрипке и

теоретические дисциплины в музыкальном училище и в оркестровой школе, основанной Каянусом. Образ жизни композитора, однако, не сильно изменился. Сатирическая «Книга о человеке» Адольфа Пауля, вышедшая в 1891 г., поведала об атмосфере праздности и безудержном употреблении шампанского вымышленного персонажа Силена (за которым угадывался Сибелиус). Картина Галлен-Каллелы «Проблема» (позднее «Симпозиум»), выставленная в 1894 г., на которой изображены известные деятели искусств, дремлющие в изнеможении после безудержной пьянки, также не прибавила у публики благоприятного впечатления.

После «Сказки» и «Карельской сюиты» композиторство Сибелиуса получило новый импульс вдохновения только после поездки в Байрет и Мюнхен в 1894 г. Однако мощная музыка Вагнера разрушила планы Сибелиуса написать оперу. Работа над оперой на калевальскую тематику «Создание лодки» осталась незаконченной. Вагнер оставил неизгладимый след в творчестве Сибелиуса, но для него формой музыкальной драмы стала симфоническая поэма, а композиторским идеалом стал Ф. Лист. В 1895 г. Сибелиус использовал материал оперы для оркестровой сюиты «Лемминкяйнен», состоящей из четырех легенд (симфонических поэм).

В 1896 г. Сибелиус участвовал в конкурсе на должность преподавателя музыки в Хельсинкском университете. В связи с этим он прочитал свою знаменитую открытую лекцию на тему «Некоторые аспекты народной музыки и ее влияние на классическую музыку». Это было его единственное письменное изложение своих взглядов как композитора. По мнению Сибелиуса, народная музыка служит отправной точкой в работе композитора, даже если в конечном итоге он должен подняться над уровнем национального. После серии не вполне благовидных апелляций место досталось Каянусу, что, к счастью, не разрушило их дружеские отношения. В качестве компенсации Сибелиус, к своей радости, получил годовую стипендию, которая позднее стала его пожизненной пенсией.

Романтический период творчества Сибелиуса закончился в 1899 г. написанием *Первой симфонии*, выдержанной в духе Чайковского. Вместе с тем, обращение к симфонии привело Сибелиуса к идеалу абсолютной музыки. Примечательно, что в ней, как и во *Второй симфонии* (1902), кое-кто поспешил также подметить черты борьбы за национальную независимость. В так называемый «период угнетения» Сибелиус и его музыка естественным образом стали символом национального движения. Сибелиус ничего не имел против этого, и в 1899 г. он сочинил «Песню афинян» и произведение «Финляндия просыпается», финальную часть которой, ставшую программной, позднее окрестили «Финляндия». Однако подобный взгляд, который мог легко перейти в зашоренность, особенно в последующие годы, мог помешать пониманию его произведений. Сам он думал о них совершенно иначе, прежде всего, как о музыке как таковой.

Решающий поворот к более классическому стилю, отход от национального романтизма относится к началу века, когда в 1900–1901 гг. Сибелиус с семьей некоторое время провел в Рапалло (Италия). Четкий язык форм античного искусства Италии привнес в его музыку сконцентрированную гармоничность и античные идеалы. Римские архитектура и искусство, а также музыка Джованни Пьерлуиджи да Палестрина разбудили в его сознании «удивительные мысли о сущности музыки». *Вторая симфония* в какой-то степени является первым проявлением этого нового стиля. Другими примерами движения в этом направлении стала переработка «Сказки» в 1902 г. Произведение стало более ясным и обрело классическую архитектуру *Концерта для скрипки*, особенно в последней версии, появившегося между 1903 и 1905 гг.

Переезд в Айнолу и превращение в классики

Изменению стиля способствовали и перемены во внешней жизни. «В Хельсинки во мне умерла песня», – отметил сам композитор. Он стремился бежать от ресторанных вечеринок, часто надолго затягивавшихся, и получить возможность спокойно работать. В 1904 г. Сибелиус вместе с семьей переехал в спроектированный Ларсом Сонком дом в Туусула, в настоящее время Ярвенпяя. Свой вклад в строительство дома, получившего название Айнола, внес Аксель Карпелан (1858–1919), обедневший дворянин и любитель музыки, имевший к тому же свободное время. Он неоднократно приводил финансовые дела Сибелиуса в порядок, взывая к совести предпринимателей-патриотов, и был, возможно, самым глубоким ценителем искусства Сибелиуса. Начиная с концерта на Всемирной выставке 1900 г. в Париже, Сибелиус постоянно получал от Карпелана предложения относительно новых сочинений, а также дружескую критику. «Для кого же я теперь буду сочинять?» – спросил Сибелиус после смерти своего друга в 1919 г.

Третья симфония (1907) отражает совершенно новую ситуацию в жизни Сибелиуса: «Несмотря ни на что, в жизни много мажорного, III (симфония) написана в До-мажоре!» Сибелиус также одерживал победы за рубежом, и его музыка заняла прочное место в Англии, куда он приезжал в 1905 г. Приверженцами музыки Сибелиуса там стали Генри Вуд, Роза Ньюмарч и Эрнест Ньюмен. В 1906 г. Сибелиус побывал в Петербурге, дирижируя своей симфонической поэмой «*Дочь севера*». В течение всего своего творческого пути, вплоть до мировой премьеры *Седьмой симфонии* 24 марта 1924 г., Сибелиус дирижировал исполнением своих произведений повсюду в Европе и организовывал их премьеры.

В 1907 г. Сибелиус познакомился с Густавом Малером, когда тот с концертами приехал в Хельсинки. Между композиторами, представлявшими противоположные стилистические идеалы, не возникло

глубокого понимания. Малер, который был также одним из самых именитых дирижеров своего времени, ни разу не дирижировал сочинениями своего коллеги. Высказывания, сохранившиеся из беседы Малера и Сибелиуса, являются частью истории музыки 20 века. Если Сибелиус сказал, что главное, что восхищает его в симфонии, это «ее глубокая логика, которая требует внутреннего единства всех ее тем», то, по мнению Малера, «симфония должна быть как мир: в ней должно уместиться все».

Период экспрессионизма и война

Весной 1908 г. у Сибелиуса вырезали опухоль в горле, и на восемь лет он полностью отказался от сигар и алкоголя. Вероятно, не случайно, что к этому периоду относятся его наиболее содержательные и самые сложные для понимания публики произведения. Душевный кризис просматривается в темных красках музыки, в отказе от внешней эффектности, в сдержанности языка, в экспрессионизме. В это время появляется симфоническая поэма «*Ночная скачка и восход солнца*» (1908), струнный квартет «*Voces intimae*» («*Сокровенные голоса*», 1909), *Четвертая симфония* (1911), симфонические поэмы «*Бард*» (1913) и «*Богиня природы*» (1913). В частности, острый диссонанс и модернистская природа *Четвертой симфонии* воспринимался как пощечина публике. Такого Сибелиуса было непросто понять, и в глазах многих славе национального композитора был нанесен серьезный удар.

В начале 1910-х гг. Сибелиус много концертировал, посетив, в частности, Гетеборг, Ригу, Копенгаген и Берлин. Его международная известность начала закрепляться. В 1912 г. ему предложили профессию в Венской Музыкальной академии, от которой он, однако, отказался. То же произошло в 1921 г., когда Сибелиуса пригласили преподавать в Школу музыки Истмана в Рочестере, штат Нью-Йорк. Сибелиус в глубине души понимал, что не рожден быть педагогом. Самые приятные впечатления оставила о себе поездка Сибелиуса в Америку в 1914 г., когда ему была присуждена степень почетного доктора Йельского университета. Во время американского турне он давал концерты, на которых, в частности, прозвучала написанная по заказу импрессионистская симфоническая поэма «*Океаниды*», а также совершил поездки в Бостон и на Ниагарский водопад.

Мировая война 1914–1918 гг. была для Сибелиуса трудным временем, как в душевном, так и в материальном плане. Сложности с передвижением привели к изолированности, государственная пенсия уменьшилась из-за инфляции, не поступали авторские гонорары от его немецкого издателя *Breitkopf & Härtel*. Для Сибелиуса, с его образом жизни, и его семьи это означало бедность, настоящее жалкое существование. Чтобы хоть как-то поддержать семью, он вынужден был сочинять небольшие произведения: песни, сочинения для фортепьяно, а также произведения для скрипки и фортепьяно. Среди этих

сочинений, которые сам Сибелиус называл «бутербродными», тем не менее, встречаются превосходные жемчужины – композитор умел соединить общедоступность с высоким качеством.

В 1917 г. Финляндия обрела независимость, но за этим последовала жестокая гражданская война. Жизнь Сибелиуса не находилась под угрозой, даже несмотря на то, что в 1917 г. он написал *«Марш егерей»*. Тем не менее, красные совершали в Айноле обыски, и Сибелиус вместе с семьей на всякий случай с помощью друзей укрылся в Хельсинки, где его безопасность можно было гарантировать с большей вероятностью. Тяготы военного времени отразились и на болезненном процессе создания *Пятой симфонии*. Работа над ней длилась полдесятилетия: хотя симфония впервые была исполнена в 1915 г. на концерте в честь 50-летнего юбилея Сибелиуса, лишь в 1919 г. была готова та редакция, которую исполняют сейчас. Трудный процесс написания симфонии отражает также изменения, происходившие в творческом мышлении Сибелиуса: он стремился заменить «симфонию» и «симфоническую поэму» на более свободную форму симфонической фантазии, которая объединяла бы эти две формы.

Последние шедевры и «тишина Ярвенпяя»

Тяготы военного времени отступили лишь в 1919 г., когда Сибелиус с женой поехали в Копенгаген на Дни музыки северных стран. Наконец-то Сибелиус получил возможность вновь «дышать воздухом Европы». Он познакомился с Карлом Нилсенем, но близкие дружеские отношения между ними не установились, прежде всего, потому что пресса называла Сибелиуса «величайшим музыкальным деятелем Севера настоящего времени», что было неучтиво по отношению к его коллегам.

После творческого перерыва 1920–1922 гг. начался поздний симфонический период Сибелиуса. Он продолжал свои зарубежные выступления и написал *Шестую* (1923) и *Седьмую симфонию* (1924). Вместе с тем, он испытывал трудности стареющего композитора: «Работа теперь идет не с той скоростью, что прежде, а самокритика растет вне всяких пределов». И все же, в *Шестой симфонии* Сибелиус новаторски объединяет симфонизм и модальность, а *Седьмую симфонию*, благодаря ее одночастной композиции, можно охарактеризовать как своеобразную финальную точку в классическом и романтическом симфоническом репертуаре. Последние симфонии и симфоническая поэма *«Тапиола»* (1926) являются, возможно, самыми зрелыми произведениями Сибелиуса. Но вместе с тем, запасы его творческой энергии быстро истощались. В промежутках еще была работа над сценической музыкой *«Буря»* (1925) в Копенгагене; широкий стилистический диапазон и новые композиционные решения этой музыки указывают на то, что Сибелиус, несомненно, не утратил способности к обновлению.

Затем в 1929 г. появились *Опусы 114–116*, сочинения для фортепьяно, а также для скрипки и фортепьяно, но после этого из-под пера Сибелиуса уже практически ничего не вышло. Над созданием восьмой симфонии Сибелиус бился вплоть до 1943 г., но в конце 1940-х гг. композитор сжег целый ряд произведений, и это стало неоспоримым доказательством загадочной «тишины Ярвенпяя». И лишь «*Траурная музыка*», написанная на похороны многолетнего друга Сибелиуса, художника Аксели Галлен-Каллелы (1865–1931), указывает на то, что потерял мир с уничтожением *Восьмой симфонии*. Должно быть, много трагичного пришлось на эти последние годы, даже если они приносили почести и уважение.

В конце жизни Сибелиуса общепризнанно относили к числу величайших композиторов его времени. Его музыка исполнялась повсеместно, в его честь устраивались фестивали. Даже в старости Сибелиус сохранял интерес к новейшим течениям в музыке. Поток посетителей в Айнола не прекращался, а когда композитору исполнилось 90 лет, бывший премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль послал Сибелиусу коробку его любимых гаванских сигар. Два года спустя, 20 сентября 1957 г., Сибелиус скончался в результате мозгового кровоизлияния.

Международный статус Сибелиуса

Хотя Сибелиус и не создал свою школу, у него были последователи, как на родине, так и за рубежом. В ранний период в Финляндии ими стали Тойво Куула и Лееви Мадетоя. В дальнейшем под влиянием тематического, композиционного и оркестрового мышления Сибелиуса оказались многие финские композиторы, в том числе Йоонас Кокконен, Эйноухани Раутаваара, Аулис Саллинен и Эркки Салменхаара. Влияние Сибелиуса испытали на себе некоторые британские (в частности, Ральф Воган Вильямс), а также американские композиторы (Говард Хансон и Сэмьюэль Барбер).

Для многих исследователей и историков музыки было совсем не просто определить место Сибелиуса в истории музыки. Одной из причин было представление о необходимости прогресса, господствовавшее в 20 в. и понимаемое весьма ограниченно: атональность трактовалась как элемент современности, при этом тональность клеймилась как признак консерватизма. Таким образом, музыку Сибелиуса можно было считать реакционным продолжением позднего романтизма. На протяжении своего творчества Сибелиус использовал элементы музыкального языка романтизма, сочинял иногда даже салонные пьесы-пастиччо в стиле 19 в. Но, с другой стороны, он расширил традиционную тональность модальными элементами.

Более того, использование Сибелиусом оркестра, когда различные типы эпизодов совмещаются и перекрывают друг друга, было революционным для своего времени. В этом отношении Сибелиус

служит примером и для современных композиторов, таких как Магнус Линдберг, Тристан Мюррей, Дэвид Мэтьюз. Точно также и композиционное мышление Сибелиуса, в котором традиционные формы используются только как отправные точки для новых решений, является одним из наиболее современных в музыке 20 в. Его техника мотива и темы, основывающаяся на свободном развитии этих элементов, также является неподражаемой. В конечном счете, дальнейшее развитие симфонического жанра на новом этапе истории музыки стало уникальным достижением Сибелиуса.

– Вейо Муртомяки

Приложение:

Юхан Юлиус Кристиан Сибелиус, с 1886 Ян, род. 8.12.1865 Хямеенлинна, умер 20.9.1957 Ярвенпяя. Родители: Кристиан Густав Сибелиус, врач, и Мария Шарлотта Борг. Жена: 1892–1957 Айно Ярнефельт, род. 1871, умерла 1969, родители жены: Александр Ярнефельт, генерал, и Элизабет Клодт фон Юргенсбург. Дети: Эва (Палохеймо), род. 1893, умерла 1978; Рут (Снельман), род. 1894, умерла 1976, актриса; Кирсти, род. 1898, умерла 1900; Катарина (Илвес), род. 1903, умерла 1984; Маргарета (Ялас) род. 1908, магистр философии; Хейди (Блумстедт) род. 1911, умерла 1982, художник.

Уно Сигнеус (1810–1888)

*главный инспектор
народных школ,
пастор*

Взгляды Уно Сигнеуса, почерпнутые из зарубежной педагогической литературы, а также опыт, приобретенный за границей, решающим образом повлияли на форму и содержание финской народной школы и подготовки учителей. В последние годы своей жизни Сигнеус не был, однако, убежден, что идея народной школы в Финляндии была понята правильно.

Отец Уно Сигнеуса, казначей губернии Хяме, умер, когда Уно было восемь лет. Семья переехала из Хямеенлинны в собственную усадьбу Янаккала, где Сигнеус получил начальное образование в соседней усадьбе Рюттюля, принадлежавшей роду Гранфельтов. Сигнеуса и мальчиков из семьи Гранфельтов обучали домашние учителя, первый из которых, сын пастора из Похьяла Абрахам Меллениус, возможно, своеобразно пробудил в Сигнеусе интерес к педагогике. Методы преподавателя Меллениуса были жестокими и неприятными. Самым легким наказанием, говорят, было то, что совершивший проступок залезал под стол, а другим детям приказывалось пинать его. Позднее Сигнеус посещал тривиальную школу в Хямеенлинне и успел начать учебу в Турку в 1827 г. до пожара, случившегося в городе, и переезда университета в Хельсинки.

Сигнеус позже описывал свое время учебы как легкомысленный период в жизни: университет оказал на него неблагоприятное воздействие, и он забыл, что значит сочувствовать трудящимся и несчастным, к тому же он пренебрегал заботой о собственном здоровье. Будучи студентом, Сигнеус был жизнерадостным молодым человеком, которого хорошо принимали в обществе, и его буйную и нерегулярную учебу, несмотря на собственную оценку Сигнеуса впоследствии, нельзя было считать виной университета. Сначала он планировал для себя карьеру врача и во время эпидемии холеры 1831 г. в Хямеенлинне работал ассистентом доктора. От этой карьеры он отказался по финансовым причинам и учился на различных факультетах девять лет, давая частные

уроки, чтобы прокормить себя. Сигнеус получил степень кандидата философии в 1836 г., сдал экзамены по основной специальности зоология и история.

В осенний семестр 1836 г. и весенний семестр 1837 г. он изучал теологию, после чего сдал богословский выпускной экзамен и был посвящен в пасторы. В роду Сигнеусов было два епископа, из которых старшего, Захариаса Сигнеуса (1733–1809), деда Уно, помнят за его попытки поднять культурный и нравственный уровень народа. Уно Сигнеус позднее был такого мнения, что по окончании университета он не подходил для пастора, потому что не чувствовал глубоко и ревностно необходимости в искуплении своих грехов. Теологический факультет университета Хельсинки в начале своего существования и обучения на нем он оценивал жестко. Он был уверен, что оттуда вышло всего несколько настоящих пасторов.

Первой должностью Сигнеуса была работа помощником выборгского настоятеля церкви К.Г. Оттелина. Сигнеус считал, что у него не было призвания к этому, а также необходимых для этого богословских знаний после учебы, продолжавшейся всего два семестра. Преподавание в конфирмационной школе он считал тяжелым, потому что его идеальное представление о народном просвещении и конфирмационной школе не отвечали действительности. Он предполагал, что молодые люди уже обладают знаниями и умениями, которые им не преподавались в школе. Поэтому весной 1838 г. из 160 человек школы Сигнеус признал подлежащими конфирмации только 38. Посещение больных, входившее в обязанности пастора, Сигнеус также переносил тяжело. В выборгский период он работал еще и учителем в школе для мальчиков Аренберга, а в 1838–1839 гг. – проповедником в губернской тюрьме.

В 1839 г. Сигнеус прибыл на службу в русско-американскую торговую компанию. Морской офицер, выходец из Финляндии А.А. Этолен был назначен губернатором областей Аляски, которыми владела компания. Треть членов колонии были лютеранами, поэтому по инициативе Этолена для финнов, шведов и немцев, работавших в компании, было решено привезти лютеранского пастора. Этолен выбрал для этой должности Сигнеуса, принявшего предложение на пятилетний срок. В 1840–1845 гг. он работал первым пастором в небольшом лютеранском приходе колонии на Аляске, на острове Ситке, в Ново-Архангельске. О причинах согласия на эту работу ходил слух, настоящего подтверждения которому нет. Утверждалось, будто бы Сигнеус соблазнил какую-то девушку из Выборга, которая забеременела, и он бежал от позора.

Корабль «*Николай I*» отправился к берегам Аляски 10 августа 1839 г. с командой из двенадцати человек. Путешествие через Южную Америку на Ситку заняло девять месяцев. После четырех месяцев пути 11 декабря корабль прибыл в Рио-де-Жанейро, где Сигнеус увидел

чуждое финнам зрелище – рабов в цепях. Обогнув мыс Горн, корабль прибыл в середине февраля в Валпараисо, Чили, где Сигнеус обвенчал одну немецкую пару. В Ситку прибыли 12 мая 1840 г. Сигнеус, как и прибывший вместе с ним Рейнхольд Фердинанд Сальберг, с которым Сигнеус за время долгого путешествия на корабле успел поссориться, собирал зоологическую коллекцию. Сигнеус много ездил по колонии, чтобы встретиться с прихожанами, и, в частности, посетил Алеутские острова и Курилы. Говорят, что собранных тропических млекопитающих и птиц Сигнеус передал университету Хельсинки. Коллекцию насекомых он подарил графу К.Г. Маннергейму и семинарии в Ювяскюля.

Сигнеус чувствовал себя на Ситке неуютно и описывал свой первый год жизни там как самое тяжелое время. Однако служба в торговой компании означала значительное расширение перспектив. Жители колонии, местные индейцы, эскимосы и окружающая природа давала Сигнеусу новые темы для педагогических размышлений. Разнообразие жителей Аляски, «от живущих почти на уровне животных до личностей, которые обладают изысканной салонной культурой», произвело на Сигнеуса сильное впечатление. Сам он рассказывал, что работа пробудила в нем интерес к свободе, братству и равноправию. Он все же не стал социальным радикалом, а был реформистом, с идеалами которого не была связана критика религии. Религия стала основной составляющей его педагогической идеологии. Время, проведенное на Ситке, заставило Сигнеуса задуматься, как свободу, равенство и братство можно воплотить через образование.

Вверенный Сигнеусу приход насчитывал около ста человек. Миссионерство, распространение лютеранского учения и работа с другими лютеранами, не числившимися в колонии, были запрещены. Обращение коренного населения в христианство было разрешено только православной церкви. Сигнеус подружился с православным священником Иваном Вениаминовым и отдавал должное его деятельности как человека, прививавшего основы чтения и письма коренному населению. Сигнеус построил на Аляске в Ново-Архангельске первую протестантскую церковь, которая была открыта 24 августа 1843 г.

Обычный день Сигнеуса в Ново-Архангельске начинался рано, около четырех часов утра, с подготовки проповеди, которая продолжалась до десяти часов. После этого он шел на прогулку и два часа до обеда посвящал частным урокам, которые продолжались до тринадцати часов. После обеда следовало два часа преподавания, в пять–шесть часов вечера он принимал прихожан, а вечера часто проходили за музыкой и хоровым пением. Воскресную службу он проводил поочередно на финском и на шведском языках, а когда в месяце выпадало пятое воскресенье, то и на немецком языке. Помимо обычных обязанностей пастора, Сигнеус вел воскресную школу, руководил хором и проводил вечерние собрания, на которых он, в

частности, обсуждал распущенную половую нравственность в колонии в присутствии скромных молодых женщин, что естественно вызывало осуждение. Как и у многих других членов колонии, у Сигнеуса был на Ситке мальчик, отданный ему на воспитание, о последующей жизни которого ничего не известно.

Он также участвовал в жизни местного общества, например, в танцевальных вечерах и катаниях на коньках. Увлечение Сигнеуса танцами, которое многие считали не подходящим для пастора, берет начало в юности. В усадьбе Гранфельтов Рюттюля в конце 1820-х гг. из-за закрытия университета после пожара в Турку была открыта «танцевальная школа». Преподавателем там работал репетитор по танцам из Туркуского университета. В этой школе Сигнеуса, а также молодых людей из семей Нурденсванов и Гранфельтов обучали как танцам, так и светским манерам. Пересуды, связанные с увлечением молодыми девушками и женщинами, преследовали неженатого пастора на Аляске. Характерным примером этого является то, что Сигнеус вызвал сильнейший скандал, изготовив для молодой жены морского капитана Йохана Бартрама Маргареты смелый маскарадный костюм королевы амазонок с короткой юбкой и латами.

Путешествуя к месту своей службы на остров Ситка и обратно, Сигнеус совершил кругосветное путешествие. Он вернулся в Россию в 1845 г. через Сибирь, часть пути проделав на лошади, часть плывя под парусом по реке Лена. Говорят, чем больше он удалялся от Ситки, тем более приятными были его воспоминания об Аляске. Работа была прибыльной, и Сигнеус смог сократить свой долг по учебе. Хотя иногда пистолеты, находившиеся в чемодане, были нелишними, поездка в целом прошла благополучно. Он даже сумел подзаработать, торгуя шкурками соболя.

В 1846–1858 гг. Сигнеус работал в Петербурге пастором в шведском приходе Святой Катаринины, а также директором церковной школы при финском приходе Святой Марии. В Петербурге Сигнеус познакомился с немецкими преподавателями, интересующимися педагогикой. Большую роль сыграло знакомство с Иозефом Паулсоном, который, также как и Сигнеус, был увлечен педагогической идеологией Ф.В.А. Фрёбеля. В петербургский период Сигнеус познакомился с произведениями Генриха Песталоцци, Фрёбеля и Фридриха Дистервега. Сигнеус и Анна Шарлотта Аксианне Дидерихс, дочь банковского служащего из Хельсинки, заключили брак в 1854 г., в котором родилось четверо детей.

Хорошие отношения Сигнеуса с различными финскими университетскими деятелями опирались на знакомства юности и родственные связи. В петербургский период Сигнеус, вероятно, через работавших в ведомстве министра статс-секретаря Фабиана Лангеншельда и Рейнхольда Сигнеуса поспособствовал тому, чтобы университетская карьера А.Ф. Гранфельта не закончилась в 1848 г. в связи с обвинениями

в плагиате. Позже Гранфельт стал профессором догматики. Двоюродный брат Сигнеуса Фредрик Сигнеус был университетским деятелем и работал профессором эстетики и литературы. Большое собрание писем Уно Сигнеуса в Национальном архиве отображает его связь с преподавателями, а также его контакты с видными финскими деятелями того времени.

Одним из поручений, данных 24 марта 1856 г. Александром II сенату, была подготовка проекта развития школ в сельской местности. Сенат получил заключения по этому вопросу от духовных капитулов Турку, Порвоо и Куопио, в которых было высказано такое же мнение, что и в докладах школьного комитета 1851 г.: предлагался переход от народных школ к очагам просвещения в виде подготовительных классов для конфирмационных школ под руководством канторов. Эти материалы были напечатаны для получения комментариев. Осенью 1857 г. Сигнеус передал в сенат собственный доклад. Свои идеи он еще раньше в том же году изложил в статье *«Несколько слов о народной школе Финляндии»* в газете *«Выборг»*. По мнению Сигнеуса, народная школа должна была развивать детей как духовно, так и физически. Задачей школы было научить не только считать и читать, но и понимать прочитанное, думать и применять полученные знания. Помимо религиозного обучения, программа должна была содержать и общеобразовательные, направленные на практическую деятельность предметы. На взгляд Сигнеуса, тем самым народная школа могла бы стать самым мощным фактором, способствующим нравственному и экономическому развитию.

Мысли Сигнеуса согласовывались с идеями Песталоцци, который говорил, что задачей народной школы было обучать народ помогать самому себе как в духовном плане, так и в материальном. Сигнеус говорил, что воспитание должно равномерно развивать духовные и физические способности человека. *«Отрывочные размышления»* Сигнеуса составляли фундаментальную программу политики развития школы. В нее входили независимое школьное управление, семинарии для учителей с учебными заведениями для прохождения практики, проекты физического воспитания в школах и введения практических (прикладных) предметов. Особый акцент делался на необходимости подготовки женщин-учителей и на образовании девочек, потому что от женщины «в первую очередь зависит, насколько будущее поколение будет способно справляться со своими обязанностями». По мнению, Сигнеуса, девочек нужно было также учить уходу за детьми, заботе о духовном благополучии детей и общей гигиене.

В отличие от предложений духовных капитулов, взгляды Сигнеуса были связаны со многими считавшимися в то время важными темами. В университетских кругах уже раньше шли разговоры о развитии финской педагогики и педагогической подготовке учителей. Проект Сигнеуса дал конкретное содержание этой продолжавшейся уже

десятилетия дискуссии, следствием которой стало решение о создании в 1852 г. первой в странах Северной Европы профессуры по педагогике. Насущными были вопросы повышения уровня культуры среди народа, а также образование для девочек, начало которому было положено женскими объединениями еще в 1840-е гг. К тому же, феннофильское движение, литература, изображающая благородный финский народ и пиетизм, формировали общественное мнение в пользу повышения культуры народа. С развитием экономики аргумент об улучшении материального благосостояния при помощи просвещения народа, без сомнения, повлиял на то, что проект Сигнеуса был положительно воспринят. Например, Финляндское экономическое общество в своей резолюции по предложению духовного капитула как раз отмечало значение народных школ для развития промышленности и экономики.

Знаменитым Сигнеуса сделал Й.В. Снельман. В своей рецензии 1857 г. на учебник, предназначенный для развития понимания прочитанного *«Жизнь в городе и деревне, в поле и в лесу»* (1856), он отозвался о Сигнеусе, финансировавшем издание данной книги, весьма положительно. Снельман характеризовал его как педагога, который всей душой и сердцем отдавался своему делу. Однако Снельман предсказывал Сигнеусу мрачное будущее. По мнению Снельмана, «опыт всех времен» доказывает, что у подобных ему педагогов, отдавших свое призванию, дела шли плохо. В том же номере *«Литтературблад»* Снельман критиковал школьный проект духовных капитулов. Снельман своей статьей не только сделал известным Сигнеуса, но, говорят, что он порекомендовал генерал-губернатору Ф.В.Р. Бергу Сигнеуса в качестве директора управления народных школ. Помощь Снельмана, возглавившего в 1856 г. вновь созданную кафедру философии, на ранних этапах имела большое значение для Сигнеуса и отчасти сделала возможной последующую разработку школьного проекта.

Сигнеуса с полным правом называют отцом финской народной школы, но на осуществление идеи народной школы оказали влияние многие люди. Начальник духовной экспедиции, сенатор Х.В. Фуруельм и секретарь-референт Г.М. Венерберг поддерживали план Сигнеуса и продвигали его. Этому способствовали не только признанная компетентность Сигнеуса и содержание его доклада, но и дружба с ведущими чиновниками из духовной экспедиции. Сигнеусу было дано поручение изучить постановку школьного дела как на родине, так и за границей. Он совершил поездку по Финляндии в 1858 г. и пришел к выводу, что хотя грамотность была повсеместной, понимали прочитанное немногие. Помимо этого, духовному и физическому развитию детей уделялось очень мало внимания. В 1858–1859 гг. Сигнеус по поручению сената и на средства государственной стипендии совершил масштабную научную поездку в Швецию, Данию, Германию, Австрию, Швейцарию и Голландию. Путевой дневник, в котором Сигнеус рассказывает о

личной встрече в Берлине с Дистервегом, был опубликован в 1860 г. в снельмановском «*Литтературблад*», а в 1910 г. в книге «*Статьи Уно Сигнеуса о создании и организации народной школы в Финляндии*». Во время научной поездки Сигнеус заинтересовался детскими садами, организованными в соответствии с педагогической концепцией Фрёбеля, и в своем отчете о поездке дал им особую оценку, высказывая пожелание, чтобы произошли улучшения в раннем воспитании детей и в Финляндии. Сигнеуса привлекало обучение детей выражать себя и развивать свои таланты через игру.

Отличие во взглядах на раннее воспитание детей, в конце концов, привело к ссоре со Снельманом. В апреле 1860 г. Снельман напечатал в «*Литтературблад*» хвалебную рецензию на отчет о поездке Сигнеуса и его размышлениях о школе. Статья «*Обновление общества с помощью детских садов*», опубликованная в ноябрьском номере, по тону была уже другой. В ней он критиковал взгляды Фрёбеля на раннее воспитание детей, которое основывалось на потребностях и склонностях детей, а также деятелей, которые поддерживали идеи Фрёбеля. Основной причиной критики было гегельянское представление Снельмана о человеке и задачах семьи. Взгляды Снельмана принципиально отличались от позиции Фрёбеля и его сторонников. Сигнеус, вероятно, никогда не смог забыть и простить критику Снельмана. Снельман, например, лично сказал ему, что из школьного проекта ничего хорошего не выйдет, кроме как достойно оплачиваемой должности для самого Сигнеуса. С другой стороны, в идеях самого Сигнеуса позднее на первый план в школьном обучении выходила религия, с чем Снельману сложно было согласиться. По мнению Сигнеуса, конечной целью воспитания было усиление власти Бога. Позже, с увеличением числа школ и посещающих их детей Снельман, очевидно, раскаялся в своих критических замечаниях и согласился, что в некоторых оценках был неправ.

В 1861 г. Сигнеус был назначен главным инспектором народных школ, был опубликован его школьный проект и создан комитет для контроля над ходом реформы. В комитет входил З.Й. Клеве, а не Снельман. Председатель комитета сенатор С. Грипенберг был родственником жены Сигнеуса. По сравнению со старой школьной системой проект Сигнеуса был революционным. В нем говорилось, что народная школа должна быть государственной и давать детям всех общественных классов общее начальное образование. В школьную программу должны были входить как физическая культура, так и ручной труд, подготовка к практической деятельности, и в качестве задачи школы выдвигалось воспитание трудоспособности и предприимчивости граждан. Идеи Сигнеуса в Финляндии опережали время и вызывали много критики. Например, комитет по подготовке школьной реформы не поддерживал мысли о государственной школе, включении в программу обучения ручному труду и физкультуре, а

также необходимости обучения девочек. Различия в идейных и философских взглядах отразились, в свою очередь, в критике, высказанной Снельманом.

Постановление о народной школе, *«Высочайшее постановление Его Императорского Величества об организации работы народных школ в Великом княжестве Финляндском»*, последовало 11 мая 1866 г. В его основу был положен проект школьного комитета, но при этом в него были включены предложения Сигнеуса, касавшиеся физкультуры и прикладных предметов. Как известно, идеи Сигнеуса о равноправии всех общественных классов в начальной школе осуществлялись медленно. На первом этапе многие сельские общины не хотели нести расходы на создание школ, обязательным школьное обучение не было, и идея о необходимости посещения детьми школ распространялась в сельской местности и среди различных групп населения очень медленно.

Учительская семинария как для женщин, так и для мужчин начала свою работу в Ювяскюля в 1863 г., и Сигнеус стал ее ректором. Сигнеуса характеризовали как серьезного и жесткого, с другой стороны, как эмоционального человека, который легко обижался и которому сложно было в своих оценках сохранять деловой тон. Он не терпел мнения, отличное от его собственных, и поэтому часто ссорился со своими коллегами-преподавателями. С другой стороны, он был человеком, воодушевленным своими идеями, и в своих речах по случаю выпусков уверял, что любит своих учеников нежно и сердечно. По мнению Сигнеуса, работа учителя была его призванием, а не профессией, и она предполагала любовь к народу и патриотической деятельности, народному просвещению.

По словам Сигнеуса, с помощью всеобщего основного образования создается единая родина. «Народная школа – институт, в котором детям из народа дают убогие, скудные знания и навыки, чтобы превратить их в обученные орудия труда на услужении аристократов». Этот взгляд на народную школу был, по мнению Сигнеуса, несостоятельным. Его распространители совершенно не понимали общественной пользы того, что дети различных общественных классов, как знати, состоятельных, так и торпарей, ходят в одну школу. Совместное посещение школы в возрасте, когда дети готовы к восприятию, создавало, по мнению Сигнеуса, основу для обоюдного уважения людей различных сословий, рождало дружеские отношения, стирая границы между сословиями, и, как он добавлял, сокращало пропасть между частью народа, считающей себя высшей, и слоем, называемым низшим. Совместное основное обучение, по мнению Сигнеуса, создавало фундамент стабильности, безопасности.

Сигнеус руководил учительской семинарией до 1869 г., когда он полностью перешел на должность главного инспектора народных школ. Говорят, он оценивал учителей по своей интуиции, а не по их

заслугам. У него, с точки зрения учителей, была неприятная манера совершать проверку школы, не объявляя заранее о своем приезде. В 1869 г. Сигнеус стал также членом только что созданного школьного управления. Сигнеус работал до самой своей смерти на посту главного инспектора.

Как человек, Уно Сигнеус был противоречивым. Известное сочувствие к обездоленным, любовь и набожность соединялись в нем с патриархальностью, нетерпением по отношению к критике, а также с сильным чувством собственного достоинства. Категоричность Сигнеуса была связана с его чувством своего призвания. Он считал работу по развитию народной школы делом своей жизни. Подобно некоторым другим влиятельным личностям 19 в., Сигнеус был феннофилом, но говорил на шведском языке. Сигнеус считал это случайностью, отмечая, что четыре поколения назад его род был финноязычным.

Уно Сигнеус получал знаки признания уже при жизни, например, степень почетного доктора Упсальского университета (1877). Последующие поколения воздали ему должное, запечатлев имя отца финской народной школы в названиях улиц, площадей и скверов в Хельсинки, Хямеенлинне и Ювяскюля. Кроме того, ему установлены памятники в Янаккала, Ювяскюля и Хямеенлинне.

– ТАРЬЯ-ЛИЙСА ЛУУККАНЕН

Приложение:

Уно Сигнеус, род. 13.10.1810 Хямеенлинна, умер 2.1.1888 Хельсинки. Родители: Якоб Георг Сигнеус, губерний казначей, и Йоханна Фредерика Аймелеус. Жена: 1854 – Анна Шарлотта Аксианне Дидерихс, род. 1817, умерла 1912, родители жены: Йохан Петер Дидерихс, банковский служащий, род. 1786, умер 1832, и Элисабет Густава Грипенберг, род. 1796, умерла 1842. Дети: Эллен, род. 1856, умерла 1916 (близнец); Вальтер, род. 1856 (близнец); Йохан Якоб, род. 1858, умер 1914; Уно, род. 1862, умер 1865.

Мийна Силланпяя (1866–1952)

*министр социальной защиты,
депутат парламента,
экономический советник*

Бывшая домработница, Мийна Силланпяя стала первой женщиной-министром Финляндии и была одной из центральных женских фигур в руководстве социал-демократической партии Финляндии 1920–1930-х гг. Силланпяя была одной из первых женщин-депутатов, ее парламентская деятельность продолжалась на протяжении 38 созывов, с 1907 по 1947 гг. Силланпяя уделяла основное внимание социальной политике, в особенности улучшению положения женщин.

Сама Мийна Силланпяя говорила, что ее детство было настолько мрачным, что о нем не стоило даже вспоминать. Мийна родилась в голодные годы, и на ее раннее детство наложили отпечаток экономическая нестабильность и тяготы. Ее отец Юхо Риктиг был торпарем в поместье Йокиойнен, куда ее мать Леена Рут пришла в свое время кормилицей. В семье было девять детей, шесть старших мальчиков и трое младших девочек. Мийна была старшей из девочек. Детство в семье торпарей было не только безрадостным, но и коротким. С малолетства детей отправляли на заработки. В 12 лет Мийна начала свою трудовую деятельность в Форссе на хлопчатобумажной фабрике, которой управлял А.В. Варен.

Большинство малолетних девочек и мальчиков работали в хлопкопрядильне. Туда же отправили и Мийну. Первой ее обязанностью было подвязывание разорванных кусочков нити. Условия труда на фабрике были тяжелыми, рабочие дни долгими, а зарплата невысокой. Даже новички работали по 8 часов в ночную смену и по 15 часов – в дневную. Для детей бедняков приход на фабрику был все же чем-то новым и неизведанным. К тяжелой работе они привыкли еще с малолетства. Фабричные дети жили в предоставленных им общежитиях, мальчики и девочки отдельно. Жилье было тесным и холодным. Однако преимуществом фабричных детей была возможность учебы. А.В. Варен был ревностным поборником просвещения, и в

1867 г. при фабрике была открыта школа. Мийна Риктиг научилась читать и писать дома и в передвижной школе еще до поступления в фабричную школу, которую затем она посещала в течение шести лет наряду с работой.

Когда в 1884 г. работнице фабрики Вильгельмиине Риктиг исполнилось 18 лет, она стала Мийной Силланпя и пошла работать прислугой в семью в городе Порвоо. Через три года она переехала в Хельсинки и проработала прислугой в разных семьях еще 12 лет. Переезд Мийны Силланпя в Хельсинки, переживавший переломный период, не позволил ей остаться в стороне от набиравшего силу рабочего движения. Впервые Силланпя публично примкнула к рабочему движению в феврале 1898 г., когда ее выбрали в комиссию по подготовке создания Союза домработниц. Когда месяц спустя Союз был образован, ее, уже проявившую себя, избрали заместителем председателя. Союз домработниц был поначалу совместным начинанием хозяек и служанок. Первым его председателем была либерально настроенная госпожа Алли Трюгг-Хелениус.

Мийна Силланпя, как и многие другие профсоюзные активисты того времени, участвуя в организации первых объединений, еще не была знакома с социалистическими идеями и сторонилась их. Поэтому когда в Турку в 1899 г. была образована Рабочая партия Финляндии, Силланпя не участвовала в учредительном съезде. Однако в следующем году, когда состоялся учредительный съезд Союза женщин-рабочих (в 1906 г. переименован в Социал-демократический Союз женщин), она представляла на нем Хельсинкский Союз домработниц. И лишь в 1904 г. Мийна Силланпя вступила в Хельсинкское Социал-демократическое объединение женщин, а через него в Социал-демократическую партию Финляндии. До этого руководство партии рабочих не одобряло, что Союз Силланпя «дружит с госпожами». По словам Таави Тайнио, Союз Силланпя не имел ничего общего с рабочим движением. С Союзом Силланпя конкурировала секция домработниц Хельсинкского Союза рабочих, которая уже присоединилось к партии. Силланпя официально вступила в партию во времена ожесточенной борьбы за избирательные права и против русификации.

Мийна Силланпя не отказалась от работы домработницы, занявшись в 1899 г. «только» агитацией, сначала она заведовала «биржей труда» при Союзе домработниц. Этот отдел находился в помещении Финской коммерческой школы, и Силланпя работала там же вахтером. В одной из двух арендованных комнат размещалась «биржа», в другой комнате жила Силланпя. Позже она работала «руководителем» Дома прислуги, организованным этим же Союзом. Дом прислуги, состоявший из трех комнат, был устроен в центре Хельсинки в помещении бывшего кабака. Деятельность Дома была довольно успешной, так что в 1912 г. Союз смог приобрести собственное помещение. Мийна Силланпя заведовала Домом до 1915 г.

До всеобщей забастовки 1905 г. росла слава Силланпяя как «подстрекательницы» прислуги, а работая в Союзе женщин, она показала себя также борцом за интересы женщин в более широком смысле. Противники с издевкой называли ее генералом прислуги и разрушительницей домов. Благодаря приобретенной известности, Силланпяя стала символом всего движения женщин-рабочих и знаменитостью своего времени. И нет ничего удивительного в том, что она была избрана на первых парламентских выборах. Конечно же, для этого потребовалась также и личные усилия. В ходе предвыборных поездок она побывала даже в Петербурге. Первые парламентские выборы стали большим успехом для социал-демократической партии, в числе ее 80 депутатов было 9 женщин. Сорокалетняя Силланпяя была среди них старшей.

Наряду с многочисленными публичными выступлениями, политическому росту Силланпяя способствовали ее частые публикации на страницах прессы женщин-рабочих. С самого момента своего создания Социал-демократический Союз женщин пытался выпускать собственное периодическое издание («*Юхтейстюё*» в 1902 г., «*Кевят-эсикко*» в 1904 г. и «*Кансан найнен*» в 1906 г.). Однако вследствие жесткой политики русификации все они были запрещены. Вместе с тем, по мнению цензоров, газета «*Палвелиятар*», основанная в 1906 г. была более умеренной, поэтому она получила разрешение на издание. Мийна Силланпяя редактировала это издание, а также «*Тюёлайснайнен*», ставшую ее преемницей в 1907 г. В 1917–1920 гг. она выходила нерегулярно. Новая газета «*Товеритар*», основанная в 1922 г., издавалась под руководством Силланпяя регулярно вплоть до 1944 г.

Мийна Силланпяя работала в Социал-демократическом Союзе женщин с самого его основания. Однако в начале века руководительницей союза была все же Ида Аалле-Тельо (Альстедт), которая пользовалась полным доверием мужского руководства партии. Карьера Силланпяя начала расти только после переезда Иды Аалле-Тельо в Котку. В 1913 г. Силланпяя была избрана председателем союза. Правда, она отказалась от этой ответственной должности, временно покинув парламент и будучи избранной в 1916 г. ревизором столовых кооперативного предприятия «*Эланто*». Силланпяя активно проявила себя в кооперативной деятельности, так что это назначение не стало неожиданностью. На этом посту, означавшем для нее социальный рост, Силланпяя находилась до 1932 г.

Во время гражданской войны Мийна Силланпяя была в числе тех, кто по мере усиления волнений отошел в тень. Осенью 1917 г. Силланпяя вышла из правления Социал-демократического Союза женщин, ссылаясь на беспокойные времена. Силланпяя также не выставила свою кандидатуру на парламентских выборах 1917 г. В этом отношении она действовала так же, как и Вяйнё Таннер. Решения,

которые Силланпяя принимала в критические моменты, не всегда были понятны ее окружению. Члены Союза женщин придерживались пацифистских взглядов, но многие из руководительниц, например, Ида Аалле-Тельо, присоединялись к красным, чтобы разрядить обстановку. И все же Силланпяя не была бездеятельной во время войны. Она состояла в городском продовольственном комитете Хельсинки и тайно помогала красным беженцам.

После войны, окончившейся поражением красных, началось восхождение Мийны Силланпяя в большую политику. В это время другие руководительницы социал-демократического женского движения либо погибли или находились в заключении, либо эмигрировали. В 1919 г. Силланпяя вернулась в руководство Социал-демократического Союза женщин, где оставалась до своего отстранения в 1932 г. На рубеже 1920–1930 гг. в союзе возросло влияние представительниц нового поколения, в число которых входили Сьюльви-Кюллики Килпи, Мартта Салмела-Ярвинен и Тюуне Лейво-Ларссон. По их мнению, Силланпяя уводила линию союза в сторону просвещения в домашнем хозяйстве и прочей социальной работы. Молодые женщины требовали возвращения к идейной работе и, кроме того, считали, что Силланпяя слишком стара для руководства союзом. Однако линия Силланпяя имела надежную поддержку в организациях, входивших в союз. Союз отказался от просветительской деятельности в домашнем хозяйстве лишь в 1950-х гг., когда это направление было выделено в самостоятельную организацию, Союз потребителей. Аналогичным образом была организационно оформлена деятельность по оказанию помощи матерям-одиночкам, организации летнего отдыха, забота о престарелых.

Доверенным лицом социал-демократической партии Силланпяя стала в 1918 г., когда ее впервые избрали в правление партии. Тем не менее, в следующем году ей пришлось уступить место другому лидеру женского движения, секретарю союза женщин Хильде Сеппяля. И лишь преждевременная кончина Сеппяля в 1932 г. вновь открыла для Силланпяя дорогу в руководство партии, где она и оставалась вплоть до 1940 г.

Парламентская деятельность Мийны Силланпяя до гражданской войны была относительно бесцветной. Вследствие русификаторской политики центральных властей парламент распускался почти ежегодно, существенные реформы проводить не удавалось, что разочаровывало как избирателей, так и самих депутатов. Социал-демократической «леди номер один» в парламенте была в то время учительница народной школы Хилья Пярссинен, блиставшая своей начитанностью, знанием языков и международными связями. На парламентских выборах, проведенных после окончания гражданской войны, Силланпяя вновь оказалась в числе кандидатов и была избрана по северному избирательному округу губернии Турку и Пори. Социал-

демократы получили на выборах примерно столько же мест, сколько в 1907 г. В этот раз было избрано десять женщин.

Мийна Силланпя работала в парламенте с 1919 по 1932 гг., когда она неожиданно не прошла на выборах. Ее поражение объясняли переходом к одномандатной системе выборов, что и решило судьбу Силланпя. Можно было предположить, что 66-летняя активистка женского движения выйдет из игры, но этого не произошло. На следующих выборах группа поддержки Силланпя собралась с силами, и Силланпя оставалась депутатом с 1936 по 1947 гг., когда ей исполнился 81 год. В последние годы М. Силланпя выступала в качестве старейшины парламента, что увенчало ее длинную депутатскую карьеру.

Депутатские инициативы и предложения Силланпя касались большей частью повышения статуса женщины в обществе и прочих социальных вопросов. Показательно, что Силланпя входила и в комиссию по проблеме аборт, и в комиссию по делам домработниц, образованную в 1939 г. по ее инициативе. Война замедлила деятельность комиссии, и проект постановления по этому вопросу был подготовлен только в 1944 г. Закон о домработницах, в котором оговаривались режим и другие условия труда домработниц, т.е. прежней прислуги, был, в конце концов, принят в 1948 г. в период, когда министром социальной защиты была Тююне Лейво-Ларссон.

Силланпя вела также широкую и активную деятельность в муниципальной политике, концентрируясь на социальных вопросах. На первых муниципальных выборах в 1919 г. Силланпя была избрана в городское представительство Хельсинки. На протяжении нескольких лет она была председателем комиссии по защите детей, председателем правления детского дома Хювёнен, членом и председателем комиссии по домашнему хозяйству, а также членом Государственного комитета по домашнему хозяйству. Коллеги по работе характеризовали Силланпя как делового и человеческого политика.

Взлет политической карьеры Силланпя, бесспорно, пришелся на ее участие в правительстве меньшинства Вяйнё Таннера, в котором она занимала пост второго министра социальной защиты в 1926–1927 гг. Назначение Силланпя министром исходило от Линды Таннер, жены Вяйнё Таннера. Формирование правительства меньшинства Таннера было смелым шагом со стороны президента Лаури Кр. Реландера. У социал-демократов в парламенте было «лишь» 60 депутатов, а за плечами – по-прежнему угрожавшая общественному миру проигранная гражданская война. Путь правительства был тернист, даже не все активисты в самой партии одобряли вхождение в правительство. Само правительство проработало лишь год.

Силланпя энергично принялась за министерские обязанности. Она предприняла обширные поездки по провинциям, на местах знакомясь с социальными проблемами в детских домах, психиатрических

больницах, школах и коммунальных домах престарелых. Она увидела, что старики живут в холодных и продуваемых сквозняками коммунальных домах, пища в заведениях плохого качества, дети в детских домах страдают от излишне жесткого режима и их заставляют много работать. Помимо этого, персонал этих заведений плохо обучен, а его труд низко оплачивается.

Хотя правительство Таннера просуществовало недолго, с точки зрения положения женщин оно имело определенное значение. Оно вновь подняло вопрос о повышении статуса замужней женщины, поставленный женщинами-депутатами еще в начале века. Семейные женщины, согласно старым, но остававшимся в силе законам о браке, были зависимы от своих мужей и, таким образом, не были полноправными гражданами. Рассмотрение этого вопроса привело к тому, что в 1929 г. был принят новый закон о браке, по которому замужние женщины могли самостоятельно выступать в юридических вопросах. Другим важным законодательным результатом работы правительства Таннера стал проект закона о медицинском страховании, который вступил в силу позднее. Вяйнё Таннер так охарактеризовал появление этого закона: «Йохан Хело проделал большую часть работы. Конечно, много помогала также Силланпяя».

Какова бы ни была роль Силланпяя в правительстве, это было огромным достижением в ее карьере. Можно сказать, что после этого она вошла в политическую элиту государства. Она активно выступала в социал-демократической прессе, а также все чаще на страницах буржуазных женских изданий. Ее социальный взлет от фабричной рабочей, затем прислуги, до депутата парламента представлялся как поучительный пример: экономический и социальный рост возможен, если очень постараться.

Силланпяя почти всю свою политическую карьеру пользовалась доверием буржуазных кругов. Еще в начале века у нее появились надежные друзья среди правых. Одна из них – представительница Финской партии Хедвиг Гебхард, ставшая в 1907 г. одной из первых женщин-депутатов. Эта приятная и влиятельная женщина выросла в богатой семье коммерсантов и окончила школу в Стокгольме и, как и Силланпяя, была активистом кооперативного движения, где они и познакомились. Несмотря на различия в происхождении и политических взглядах, женщины подружились и в дальнейшем сотрудничали в парламенте. Популярность Силланпяя среди правых выросла вследствие ее неучастия в событиях гражданской войны, и особенно благодаря ее деятельности в составе правительства Таннера. Ее отстранение в начале 1930-х гг. от руководства Социал-демократическим союзом женщин укрепило образ Силланпяя как человека вне политики.

Будучи на пенсии, Силланпяя посвятила себя деятельности Домов матери и ребенка, которые были организованы Социал-

демократическим союзом женщин. Улучшение положения матерей-одиночек и их детей было одним из пунктов программы союза с начала века. Форма работы была предложена секретарем союза Хильдой Сеппяля в 1929 г., и благодаря ее самоотверженной работе членам союза сначала удалось организовать фонд, затем отдельные Дома матери и ребенка, а в 1945 г. – Союз Домов матери и ребенка.

В июне 1946 г. экономическому советнику Мийне Силланпя исполнилось 80 лет, и это стало главной новостью в масштабах всей страны. Празднование продолжалось неделю, и их почтила своим присутствием супруга президента Алли Паасикиви. В 1949 г. президент Финляндии Ю.К. Паасикиви вручил Силланпя от Финского фонда Культуры премию в размере 500 000 марок в знак признания ее заслуг в деле развития общества и, в особенности, улучшения положения женщины. Получение этой премии настолько тронуло Силланпя, что, по ее словам, она плакала второй раз в жизни.

Последние годы своей жизни Силланпя провела в окружении друзей и почитателей, получая знаки внимания от своей партии и других организаций. В конце 1940-х гг. в нестабильной политической атмосфере Силланпя как представитель правой социал-демократии стала орудием пропаганды в совместной борьбе социал-демократов и правых сил против коммунистической угрозы. Вознесение на пьедестал уже престарелой Силланпя приобрело мифические очертания. Неудивительно, что она сказала: «Нет никого, кто бы смог продолжить мою работу».

– МАРИЯ ЛЯХТЕЕНМЯКИ

Приложение:

Вильгельмиина Риктиг, с 1884 Мийна Силланпя, род. 4.6.1866 Йокиойнен, умерла 3.4.1952 Хельсинки. Родители: Юхо Риктиг, торпарь, род. 1828, умер 1901, и Леена Рут, род. 1829, умерла 1915.

Франс Эмиль Силланпяя (1888–1964)

писатель,

лауреат Нобелевской премии

Ф.Э. Силланпяя – единственный лауреат Нобелевской премии в области литературы в Финляндии. Он был мастером изображения природы, великолепно чувствовал стиль и умел фиксировать самые тонкие движение души человека. Изображая сельскую жизнь Западной Финляндии, он сочетал импрессионистическую и реалистическую манеры, но в создании человеческих персонажей использовал также свои познания в области учения об эволюции и наследственности. Наряду с почитанием, в Финляндии было также противоречивое отношение к Силланпяя, поскольку в межвоенный период, когда культурный мир страны оказался расколотым надвое, он не встал ни на ту, ни на другую сторону.

Ф.Э. Силланпяя привнес в финскую литературу новое видение связей между человеком и природой. Он воспринимал человека как часть мироздания, нечто равное со всеми остальными его составляющими. В семи романах и десяти сборниках новелл Силланпяя изображал сельскую жизнь Западной Финляндии в духе импрессионистов и реалистов, однако, в основе повествования лежали знания новейших достижений теории эволюции и наследственности. Представление о взаимосвязи всех явлений было свойственно натурфилософскому учению монистов начала 20 в. Силланпяя оказался в плену этого учения, когда изучал медицину в университете. Современные взгляды немедленно нашли бурный выход в его дебютном романе *«Жизнь и солнце»* (1916). По силе изображения природы, стилистическому мастерству и умению передать тончайшие движения человеческой души Силланпяя стоит в одном ряду с писателями мирового уровня.

Творческий путь Силланпяя охватывает отрезок времени с 1916 г., когда Финляндия еще входила в состав Российской империи, до Зимней войны и вручения Нобелевской премии в 1939 г. В период между мировыми войнами он был ведущим писателем независимой Финляндии, нащупывавшей свое место в Европе. Изображая общество, Силланпяя в романе *«Праведная бедность»* (1919) одним

из первых взялся за оценку событий гражданской войны. Он заставил победившую белую Финляндию увидеть чувства красных, разглядеть то, что побудило тихого торпаря, обитателя маленькой избушки встать с оружием в руках. Работа во имя национального примирения продолжалась на протяжении 1920-х гг. в сборниках новелл и в великих романах 1930-х гг., повествовавших о крестьянской жизни: «Рано усопшая» (1931), «Путь мужчины» (1932) и «Люди в летней ночи» (1934). Силланпяя придерживался примирительных взглядов, свойственных культурному либерализму. Пытаясь своими публичными выступлениями содействовать национальному согласию, в условиях усилившегося в 1930-е гг. противостояния между правым и левым фронтами он занял позицию между двумя противоборствующими сторонами. На пороге Зимней войны он скрепил этот процесс написанием слов к «Маршу» и отправился в Стокгольм на вручение Нобелевской премии.

Учеба

Франс Эмиль Силланпяя родился в Мюллюколу, хозяйстве мелкого арендатора в деревне Киериккала поблизости от Хямеенкюрё в 1888 г. Оба его родителя происходили из крестьянских семей: отец Франс Хенрик Коскинен был родом из прихода Кауватса в западной Сатакунта, а мать Ловииса Вильхелмиина Мякеля была из Хямеенкюрё. Обширные родственные связи оказались важны, когда в самом начале 20 в. Франса Эмиля отправили учиться, что не было обычным для мальчика из бедной крестьянской семьи.

То, что после народной школы в 1900 г. его приняли в лицей Тампере, было удачным стечением обстоятельств. Однако это также было следствием реализации идеи народного просвещения и целенаправленного подъема общественного сознания. Годы учебы Франса Эмиля совпали со временем плодотворного перелома в жизни индустриального города Тампере. Всеобщая забастовка 1905 г. воодушевила как рабочих, так и буржуазию, и мальчики-лицейсты активно участвовали в демонстрациях против царской власти. Силланпяя-лицейст имел счастливую возможность наблюдать за событиями в бурлящем обществе одновременно глазами пролетариата и состоятельной буржуазии: сначала он снимал угол в рабочем квартале Амури, а затем в качестве домашнего учителя жил в семье фабриканта Хенрика Лильерооса. В школьные годы его крестьянское мировоззрение существенно расширилось, что имело существенное значение с точки зрения его последующей писательской карьеры.

Его патрон Лильероос посоветовал одаренному лицеисту продолжить учебу в университете на врача. В экономическом отношении это был бы абсолютно надежный путь, но он не слишком заинтересовал эстетически ориентированного Франса Эмиля. Он проучился в Хельсинки пять лет, с 1908 по 1913 гг., живя на ссуды и получая поддержку знакомых и поручителей, однако учеба продвигалась медленно.

И напротив, студенческие годы имели большую важность для литературного и мировоззренческого развития Силланпяя. Его особенно увлекали вопросы, связанные с естественнонаучными исследованиями и свободной философией науки. Тогда в Европе широко обсуждалась монистическая натурфилософия, исследующая природу основ мироздания. В 1909 г. ведущий представитель этого направления Вильгельм Оствальд получил Нобелевскую премию в области химии. Для монизма была характерна вера в прогресс, мир во всем мире, всеобщую связь между всем сущим. Делалась попытка создать некий синтез старого религиозного и нового, материалистического мировосприятия. На основе этих построений Силланпяя начал развивать собственное, ориентированное на природу мировоззрение.

За годы учебы Силланпяя, помимо долгов, обрел современный естественнонаучный взгляд на жизнь, в основе которого лежало стремление к широкому синтетическому восприятию. Его в гораздо большей степени интересовали точки соприкосновения науки и искусства, лекции доцента А.Й. Силталы по морфологии и профессора Юрьё Хирна о литературе современных народов, чем собственно получение ученой степени. Молодой философ Эйно Кайла выступал о революционных воззрениях Анри Бергсона об относительности времени. Наряду с научными статьями, Силланпяя зачитывался книгами Юхани Ахо, Кнута Гамсуна, Августа Стриндберга и русской прозой. Монистический взгляд на мир увлекал его своими тезисами о всеединстве, о сохранении энергии, верой в победу разума над оружием.

Наряду с научными и философскими увлечениями годы учебы Силланпяя оживились знакомствами в колонии деятелей искусств Туусула, и, прежде всего, с семьей художника Ээро Ярнефельта в Сувиранта. Хейкки Ярнефельт учился вместе с Силланпяя, что позволило последнему лично познакомиться с величайшими представителями национальной культуры того времени, такими как Ян Сибелиус, Юхани Ахо и Пекка Халонен. Свободная атмосфера семейства Ярнефельтов, в которой ощущалось влияние как аристократизма, так и радикального толстовства, имела большое значение для духовного развития молодого сельского студента. И в этой среде он оказался на перекрестке самых различных веяний.

Когда Силланпяя все же пришлось на Рождество 1913 г. вернуться из Хельсинки в родную деревню, у него не было ни денег, ни возможностей продолжить учебу, зато было четкое представление о том, куда следует идти. «Жизнь неприкаянного доктора» в Тёллинмяки на родительский счет была не слишком приятна, однако в его комнатке начали рождаться рассказы, в которых выплеснулись окружающее социальное напряжение и личные переживания того мирка, в котором ему пришлось находиться.

Волшебство лета и трагедия

Осенью 1916 г. Ф.Э. Силланпяя, подобно ракете, ворвался на литературный небосвод со своим романом *«Жизнь и солнце»*. В царившей атмосфере застоя в романе били ключом летние настроения, смело обрисованная любовь между молодыми людьми, опьянение природой. Роман полностью овладевал своим читателем, он стал сенсационным прорывом писателя-дебютанта. Критика встретила нового автора как отрицательными, так и восторженными рецензиями.

В *«Жизни и солнце»* описывается летняя сельская идиллия финской глубинки в условиях, когда в Европе бушует мировая война. Молодые люди проживают лето, не ведая о происходящем в мире. Кажется, что цель их собственной жизни утрачена, и они переживают мгновение за мгновением, ища наслаждения в окружающей природе и эротических переживаниях. Автор взглянул на человека новым взглядом, разглядывая его подчас как бы глазами насекомого. Подобный взгляд был дарвинистским, революционным и шокирующим. Несмотря на опьянение жизнью и полуденное летнее марево, над романом витает меланхолическое предчувствие конца эпохи.

Сборник ранних новелл Силланпяя *«Дети человеческие в потоке жизни»* (1917) описывал похождения студента, выходца из сельской бедноты, который оказывается в заколдованном круге разных сословий, среди помогающих ему людей, кредиторов и светских красавиц. Студенческую жизнь начала 20 в. Силланпяя описывал в духе легкого направления шведоязычной финской литературы, однако к социальным проблемам он обращается на основе собственного опыта, а также сведений, почерпнутых из новелл о студенчестве Л. Онерва и Сантери Ивало. Силланпяя утвердился как мастер импрессионистского пейзажа.

Его взгляды, искавшие синтеза, подверглись испытанию с началом революции в России и гражданской войны 1918 г. в Финляндии. Писатель жил со своей семьей на хуторе Ала-Вакеи в Хямеенкюрё, оставаясь в стороне от событий войны. Еще во время выхода в свет своего дебютного произведения он женился на Сигрид Саломяки, работавшей служанкой у чиновника. В марте 1917 г., как раз когда император Николай II отрекся от престола, у молодых родился первенец – дочь Саара.

В разгар революции Силланпяя перевел на финский язык *«Сокровища нищих»*, произведение бельгийского символиста Мориса Метерлинка, Нобелевского лауреата 1911 г. Философия бедности, граничившая с мистицизмом, умиротворяла писателя в то время, когда в его родном приходе всю лилась кровь. Он пытался разглядеть глубинные причины трагедии. Светлыми летними ночами 1918 г. карандашом он написал свой самый бессмертный роман *«Праведная бедность»*, опубликованный в 1919 г. В нем повествуется о жизни «наивного красного старика» по имени Юха Тойвола, начиная с

великого голода 1860-х гг. и заканчивая братской могилой в 1918 г. Этот роман, с подзаголовком «*Законченная финская биография*», был первым произведением, которое стремилось к объективному объяснению того, почему тихий народ-трудяга поднялся с оружием в руках на бунт, который, по мнению автора, был подавлен с необоснованной жестокостью. Силланпяя подверг острой критике акты возмездия со стороны белых, однако, по настоянию издателя, эти фразы были изъяты из пролога романа.

Когда в 1920 г. книга вышла в Швеции в переводе Хагар Ульссон, Силланпяя осознал, что его имя зазвучало в Северных странах. В Швеции роман был встречен лучше, чем в Финляндии. Посол Финляндии в Швеции министр Вернер Сёдергельм, бывший профессор романо-германской филологии и истории финской и зарубежной литературы, в 1920 г. опубликовал о новом писателе заметную статью в журнале «*Vor tid*», тем самым представив его шведской публике. Уже тогда новичок упоминался как будущий кандидат на Нобелевскую премию.

Долгое ожидание

В 1924 г. Силланпяя принял участие в Стокгольмском конгрессе писателей, где завязал важные контакты со скандинавскими коллегами. Он продолжал переписку с Вернером Сёдергельмом, Альбертом Энгстрёмом и поэтом Эриком Акселем Карлфельдтом, ставшим для него настоящим открытием. В 1921 г. умер Юхани Ахо, неизменный кандидат от Финляндии на Нобелевскую премию. В кругах Шведской Академии зрела мысль о том, что Финляндия, сумевшая пережить кризис обретения независимости, заслужила признания в области культуры. От Силланпяя ждали нового крупного романа.

Ожидание растянулось более чем на десять лет. 1920-е гг. принесли Силланпяя разочарования. Вилла *Саавутус* («Достижение») в Хямеенкюрё, с постройкой которой связывались большие надежды, ввергла писателя в пучину долгов. Казалось, что творчества писателя начало распадаться на мелкие осколки и новеллы с сильным субъективным началом. Он написал повесть «*Хилту и Рагнар*» (1923), дополнявшую семейную историю и темы «*Праведной бедности*». Рискованно сексуальная тема вызвала возмущение публики. Неразвитый господский мальчик пытается соблазнить робкую служанку, которая бросается в озеро, раздавленная случившимся. В дальнейшем автор считал эту книгу своим лучшим произведением.

В 1920-х гг. Силланпяя издал шесть сборников новелл, которые сразу же переводились на шведский язык. Писатель также начал пользоваться популярностью во Франции и Эстонии. Отечественная же публика с нетерпением ждала нового романа, и это помешало ей увидеть, что в течение трудного десятилетия Силланпяя написал множество новелл, относящихся к числу лучших произведений этого жанра в Финляндии.

Мрачные рассказы о сельской жизни, натуралистические описания времен, последовавших вслед за событиями 1918 г., блестящие детские образы стали неотъемлемой частью творчества Силланпяя. Куда большей популярностью у публики пользовались его признания, выдержанные в стриндберговском духе, которые он публиковал в виде листков из дневника в перерывах между рассказами. Семья Силланпяя, в которой было уже шестеро детей, вела кочевую жизнь, отягощенную долгами и финансовыми трудностями, переезжая из Хямеенкюрё в Порвоо, где Силланпяя работал редактором журнала «*Пану*», оттуда обратно в Тампере и снова в Хямеенкюрё. Все это давало колоритный материал, который писатель без стеснения использовал.

Великие романы

Силланпяя справился со своим тяжелым кризисом конца 1920-х гг., продав свои авторские права издательству «*Отава*» и переехав с семьей в Хельсинки. Работа над романами, уже давно зреющими в его сознании, начали стремительно продвигаться.

Силланпяя издал романы «*Рано усопшая*» (1931), «*Путь мужчины*» (1932) и «*Люди в летней ночи*» (1934). Первый из них, повествующий о судьбе служанки Сильи, немедленно стал событием года в Скандинавских странах. Шведский перевод Рагнара Экелунда был опубликован одновременно с оригиналом, и шведская пресса вновь присоединилась к финской в своих восторженных комментариях. Образ Сильи Салмелус сделал Силланпяя подлинным наследником идеалистической традиции Й.Л. Рунеберга. С другой стороны, в романе обращала на себя внимание двойная экспозиция: главы с описанием гражданской войны приносили в роман столь суровый реализм, что это вызвало удивление части читательской аудитории. Да и в целом было непросто понять веру автора в то, что ранняя смерть главной героини от туберкулеза означала особое счастье и духовное просветление.

Роман «*Рано усопшая*» вызвал восхищение и шок во всех Северных странах, а вскоре и в Германии, Англии, Голландии, Италии и США. Как историю исчезающего семейного рода, произведение сравнивали с романом Т. Манна «*Будденброки*». Как картину крушения мира – с эпическими романами Джона Голсуорси. Роман «*Рано усопшая*» был переведен на английский язык в 1933, «*Праведная бедность*» в 1938, «*Люди в летней ночи*» в 1966 гг. Благодаря истории Сильи Силланпяя стал писателем европейского масштаба. Теперь он стал фаворитом в ежегодной схватке за Нобелевскую премию.

Роман «*Путь мужчины*» сделал Силланпяя признанным портретистом крепкого крестьянина. После изысканного исчезновения рода Салмелусов автор хотел поведать о крепком земном счастье. В результате на поверхность вышла двойственность представлений Силланпяя, соединявших мистический фатализм с биологическим детерминизмом, романтизм с реализмом. Знак судьбы видится в тяге

Пааво Ахролы к возлюбленной своей молодости Алме Вормисто. Однако приключения вдовца Пааво в лесной избушке в компании веселых женщин из Туссала или в сумеречных кварталах Амури в Тампере вызывали также неприятие: его образ крестьянина не был достаточно цельным и типичным. В Германии цензура изъяла из перевода романа эпизод о попойке Пааво как несоответствующий идеалу арийского крестьянина. И все же этот роман о любви взрослых людей получил массу положительных откликов.

В 1933 г. Силланпяя не получил Нобелевской премии, несмотря на предсказания, особенно в шведской прессе. С точки зрения Стокгольма, позиции автора, пишущего на финском, ослабляли продолжавшиеся в Хельсинки студенческие столкновения по языковому вопросу, которые достигли своего апогея как раз осенью 1933 г. В деле финнизации Хельсинкского университета средств не выбирали, и выступления «истинно финских» студентов против шведоязычных приобретали бурные формы. В кулуарах Шведской Академии было выработано компромиссное предложение: поделить премию между Силланпяя и каким-нибудь автором из числа финляндских шведов, например, Ярлом Хеммером, Арвидом Мёрне или Эмилом Циллиакусом. Однако при голосовании это предложение не получило необходимой поддержки.

Эпическое произведение *«Люди в летней ночи»* венчает серию творений Силланпяя, посвященных лирическому изображению сельской жизни. Стиль, все более черпавший вдохновение в музыке, обрел в этом небольшой книге наиболее прекрасное воплощение. Внешние события умещаются в одну летнюю ночь: сплавщик зарезал своего товарища, поблизости в избушке рождает женщина, молодые люди на хуторе Телинранта переживают первые волнения любви, где-то в глухих лесах продолжается грубая жизнь жены убитого. Главный герой здесь – финская белая ночь.

Своей мозаичной структурой это произведение, асимметричное и лишённое хронологической последовательности, стало предвестником послевоенного модернистского нарратива. Романы Силланпяя были быстро переведены более чем на десять языков. Реакция на эти произведения была различной – от снисходительного интереса до подлинного восхищения. Однако Шведская Академия по-прежнему была непреклонна: в 1935 г. Нобелевская премия в области литературы не вручалась вовсе.

Нобелевский лауреат

Примерно с середины 1930-х гг., так блестяще начинавшихся, дела Силланпяя пошли под гору. Уже при жизни он получил больше международного признания, чем кто-либо из финских писателей до него, и на родине он был без сомнения ведущим автором. В продуктивный период 1930-х гг. он задумал два новых романа, но

работа над ними не пошла. В условиях усиливавшейся политической напряженности Силланпя начал заниматься общественной деятельностью, он становился публичной фигурой, примирителем нации, столпом культурного либерализма. Его многочисленные статьи и выступления делали акцент на идее национального единения и значимости контактов со Скандинавскими странами. Из-за своих проскандинавских настроений Силланпя то и дело получал уколы со стороны правых активистов, да и левые деятели культуры его не слишком жаловали. Лишь некоторые писатели левого лагеря, например, Эльмер Диктониус и Катри Вала, отдавали должное его заслугам и смелости суждений.

В академических кругах Силланпя поддерживал активные контакты с молодыми этнологами и фольклористами, такими как Мартти Хаавио, Сакари Пялси, Кустаа Вилкуна. Одной из его целей была этнографическая точность повествования. В полном соответствии с атмосферой 1930-х гг. Силланпя также увлекся лингвистическими и краеведческими исследованиями. Он поддерживал тесные контакты со Швецией. Его приезжали интервьюировать журналисты из дальних уголков Европы. В их публикациях богемный образ Силланпя, массивный, брызжущий энергией, но при этом ребячливый, с одинаковым успехом символизировал одновременно и финскую первозданную скалу, и нежный первоцвет.

В условиях усиливавшейся мировой напряженности позиция Силланпя по отношению к событиям в Европе была смелой и определенной. В 1938 г. в газете Социал-демократической партии Финляндии он опубликовал *«Рождественское письмо диктаторам»*, напрямую обращенное к Гитлеру, Сталину и Муссолини. Это письмо привело, в частности, к изъятию немецких переводов Силланпя и к большим проблемам с продажами. В 1939 г. он все с большей озабоченностью вглядывался в горизонт. Весной от воспаления легких в возрасте 41 года умерла его жена Сигрид. Родив восьмерых детей, она как могла заботилась о нестабильном семейном бюджете и шатком здоровье супруга. Смерть его верной Сиикри, как он ее называл, стала ударом, от которого писатель уже не оправился.

Осенью 1939 г. имя Силланпя вновь появилось в списках претендентов на Нобелевскую премию. Сборник рассказов *«Дорога в Мюллюколу»* в 1936 г. заставил секретаря Нобелевского комитета Пера Халлстрёма по-новому взглянуть на Силланпя как на добро-сердечного рассказчика. Как ранее казалось, в его книгах не хватало сильных образов и интеллектуальной мощи. Теперь же в этих коротких новеллах Халлстрём увидел рассказчика-гуманиста, с которым читатель с удовольствием обменялся бы мнениями. Начался новый подъем Силланпя.

События осени 1939 г. сыграли свою роль в том, что Силланпя вновь стал одним из первых претендентов на Нобелевскую премию, хотя при

принятии решения Академия не обсуждала финляндско-советские переговоры. Народ Финляндии был един перед лицом опасности, и языковой вопрос не был больше препятствием для присуждения премии. При голосовании Силланпя опередил сначала Германа Гессе, жившего в Швейцарии, а затем и голландца Йохана Хойзингу. Жюри посчитало, что Силланпя в большей степени, чем его конкуренты, отвечает требованиям идеала в искусстве, определенным в завещании Альфреда Нобеля. Долгожданное сообщение о присуждении премии пришло из Стокгольма в Хельсинки 9 ноября 1939 г. В решении отмечались лиризм в описании природы, непревзойденное мастерство в изображении деталей, психоаналитические портреты героев.

Вскоре началась Зимняя война. Во время внеочередных военных сборов Силланпя написал слова к «*Маршу*». Аймо Мустонен выиграл конкурс на музыку к этому маршу, и накануне войны песня обрела необычайную популярность. Она поднимала дух в войсках на протяжении Зимней войны и Войны-продолжения. Один генерал как-то сказал, что «*Марш*» Силланпя стоил по меньшей мере дивизии сил обороны Финляндии.

Силланпя заключил новый брак со своей секретаршей Анной фон Герцен и в начале декабря 1939 г. отправился с ней и тремя своими детьми в Стокгольм на церемонию вручения премии. На Финляндию, погруженную в затемнение, падали бомбы. Швеция казалась им раем, исполненным света. Триумфальное шествие Силланпя сопровождалось фотовспышками, речами и торжественными ужинами. Правда, из-за войны церемония вручения премии не сопровождалась обычными праздничными мероприятиями. Уставший писатель, здоровье которого оставляло желать лучшего, остался в Швеции на отдых. Кроме того, он устраивал выступления, собирая деньги для своей воюющей родины. В Финляндию он вернулся за неделю до окончания Зимней войны.

Позже Силланпя скажет: «Тридцатые годы принесли мне разочарование». Несмотря на то, что цель была достигнута и полученное высочайшее международное признание, Силланпя чувствовал, что его время прошло. Романы, над которыми он работал, были изданы без окончательной авторской правки: «*Август*» (1941) и «*Прелесть и нищета человеческого бытия*» (1945). Оба произведения несли на себе печать усталости, алкоголизма и разочарования в жизни. В обоих романах главным героем является художник, неординарная личность, утратившая иллюзии, смирившаяся с удушающей рутинной семейной жизни, но пытающаяся вырваться из нее и не встречающая понимания со стороны близких. В обоих книгах делается попытка бегства в прошлое, в золотые годы молодости в попытке оживить юношескую любовь, принесшую разочарование. И хотя в финале обоих романов присутствуют картины смерти и разрушения, в образах молодых людей видится биологическая вера в будущее.

Старость и посмертная слава

В период между Зимней войной и Войной-продолжением, а также с разводом в 1941 г. здоровье Силланпяя окончательно пошатнулось. Вследствие алкоголизма и нервного истощения в 1941–1943 гг. он был принудительно помещен в больницу Каммио. Из лечебницы вернулся совсем другой Силланпяя – бородатый Дедушка в круглой шапочке-калотте, патриарх литературы, дед большого семейства. Его выступления по радио, воспоминания и, прежде всего, рождественские проповеди, ставшие неизменной традицией кануна Рождества в 1945–1963 гг., сделали «Дедушку Силланпяя» еще более популярным в народе. Парадоксально, но публичные выступления принесли ему куда большую аудиторию, чем его главные литературные произведения. Его воспоминания были собраны в книгу *«Мальчик прожил жизнь»* (1953), а его старые статьи были изданы в виде сборников *«Рассказываю и описываю»* (1954) и *«Полдень»* (1956).

Радиопостановки Урпо Лаури сделали литературное наследие Силланпяя еще более популярным. Его произведения активно экранизировались в 1930–50-е гг. Первым фильмом стала первая версия истории про Силью, снятая режиссером Теуво Тулио в 1937 г. Кинофильмы *«Путь мужчины»* (режиссер Нюрки Тапиоваара, 1939), *«Люди в летней ночи»* (режиссер Валентин Ваала, 1948) и *«Август»* (режиссер Матти Кассила, 1956) стали событиями в истории финского кинематографа. По мотивам дебютного романа Силланпяя режиссер Роланд аф Хэллстрём снял фильм *«Мальчик прожил лето»* (1955), а Джек Витikka – новую версию *«Сильи»* (1956). Матти Кассила в 1988 г. снял цветной фильм по последнему роману Силланпяя *«Прелесть и нищета человеческого бытия»*, получивший приз на Руанском кинофестивале во Франции. Произведения Силланпяя переведены почти на 30 языков, даже несмотря на то, что его нобелевский триумф потонул в грохоте орудий.

Ф.Э. Силланпяя умер в возрасте 75 лет на пороге лета 1964 г. Его прижизненный статус почтенного литературного старца, как казалось, несколько затормозил оценку его произведений. Его великолепный талант стилиста, непревзойденные пейзажные зарисовки, психоаналитические исследования бессознательного вскоре вызвали волну научного интереса. Еще при жизни вышло две биографии Силланпяя, написанные Т. Вааскиви (1937) и Аарне Лаурилой (1958), а также ряд других исследований. Лаурила продолжил исследование творчества Силланпяя как романиста в своей докторской диссертации (1979). Пану Раяла защитил диссертацию о Силланпяя в 1988 г. и издал новую трехтомную биографию писателя в 1983–1993 гг. В 1988 году Лассе Коскела издал свое психоаналитическое исследование. Избранные произведения Силланпяя издавались четыре раза, последнее восьмитомное издание (1988–1990) снабжено критическими комментариями. Лассе Коскинен в 1988 г. опубликовал психоаналитическое исследование о Силланпяя. В 1990-е гг. спектакли

по произведениям Силланпя ставились на сценах летних театров, дважды в театре Пююникки в Тампере, а также вот уже на протяжении 25 лет в Хямеенкюрё, где театр Мюллюколу с атмосферой родного дома писателя служит идеальным местом для сценических постановок по его произведениям.

Посмертная популярность Силланпя после его долгого и прославленного жизненного пути пошла на спад. В некрологах, появившихся в 1964 г., чувствовались нотки прощания с целой эпохой, в которой главенствовали ценности сельской жизни. Силланпя был частью этого уходящего мира. Иностранная пресса иногда упоминала его в числе сомнительных и неизвестных лауреатов Нобелевской премии. В 1930-е гг. имя Силланпя пользовалось довольно большой славой в Европе, но после войны его быстро забыли. В Финляндии на его посмертную популярность по-прежнему накладывает отпечаток образ «Дедушки», наиболее четко запечатлевшийся в памяти старшего поколения. Этот образ заслоняет собой образ бесстрашного, чувствительного и артистичного человека.

Произведения Силланпя не переиздаются и не переводятся большими тиражами, но у его писательского мастерства есть свои верные почитатели. Зачастую знакомство с творчеством Силланпя вызывает удивление и долго не проходящее восхищение, и новые потрясенные читатели обнаруживаются по всему миру. Неторопливое, мелодично лирическое и точно фиксирующее повествование Силланпя вызывает ностальгию и иногда напоминает произведения Марселя Пруста или более поздних французских авторов.

В 1974 г. повесть «*Хилту и Рагнар*» была переиздана во Франции и получила хорошие отклики. В Финляндии писатель неотъемлемо входит в число немногочисленных прозаиков-реформаторов. Значение Силланпя как летописца эмоциональной памяти нации, ее глубинных переживаний и красоты ее языка имеет непреходящую ценность.

– ПАНУ РАЯЛА

Приложение:

Франс Эмиль Силланпя, род. 16.9.1888 Хямеенкюрё, умер 3.6.1964 Хельсинки. Родители: Франс Хенрик Силланпя (ранее Куттила, Коскинен), безземельный крестьянин, и Ловииса Вильхелмиина Иисакинтютяр Мякеля. Первая жена: 1916–1939 Сигрид Мария Саломяки, род. 1896, умерла 1939, родители первой жены: Калле Саломяки, батрак, и Мария Хуусари, маслодел; вторая жена 1939–1941 (развод) Анна Армиа фон Герцен. Дети: Саара, род. 1917; Эско, род. 1919; Хельми, род. 1921; Паула, род. 1923; Ээро, род. 1924; Юхани, род. 1926; Хейкки, род. 1933, умер 1934; Кристиина, род. 1938.

Йохан Вильгельм Снельман (1806–1881)

сенатор,

профессор философии

Й.В. Снельман воспринимал традицию реальной политики в отношении Финляндии к России как соответствующую новому гражданскому и парламентскому типу общества и стремился к построению социального будущего Финляндии на основе гражданского общества. Эта цель предусматривала просвещение широких народных слоев, что, в свою очередь, требовало закрепления статуса финского языка как языка культуры и управления. Снельман не стремился к быстрым общественным переменам. Первоочередным он считал переход образованных слоев Финляндии со шведского языка на финский.

В 1840-е гг. Й.В. Снельман выступил инициатором современных дискуссий по национальным проблемам и социальной критике. Благодаря своему опыту пребывания в Швеции и Германии, постоянному и обширному знакомству с европейской литературой он привнес в Финляндию дух революционного десятилетия. В начале 1840-х гг. в своих крупных произведениях он обрел крепкий теоретический фундамент.

Революционный период 1848–1849 гг., когда Снельман из-за своей общественной активности не был назначен профессором философии, привел к тому, что он на многие годы отстранился от публичной деятельности. После вступления на престол Александра II Снельман в 1856 г. был назначен на должность профессора (без заявления с его стороны), и он стал активным сторонником правительственной политики реформ. В 1863 г. он был назначен сенатором и возглавил финансовую экспедицию. Однако окончание периода реформ, катастрофа голодных лет (1867–1868), а также конфликт с новым генерал-губернатором графом Николаем Адлербергом привел к отставке в 1868 г. Снельман, возведенный во дворянство в 1866 г., продолжил свою государственную деятельность в дворянском сословии сейма. Кроме того, он продолжал активно

заниматься журналистикой, главным образом выступая с обширными исследовательскими статьями, зачастую не лишенными полемичности.

Снельман воспринимал традицию реальной политики в отношении Финляндии к России как соответствующую новому гражданскому и парламентскому типу общества, особенно во время польского восстания 1863 г., и стремился к построению социального будущего Финляндии на основе гражданского общества. Эта цель предусматривала просвещение широких народных слоев, что, в свою очередь, требовало закрепления статуса финского языка как языка культуры и управления. Снельман не участвовал в партийной политике фенноманов как таковой и не стремился к быстрым общественным переменах. Первоочередным делом он считал переход образованных слоев Финляндии со шведского языка на финский.

Корни Снельмана уходят в провинцию Похьянмаа, где его предки зачастую становились священниками и чиновниками. Его дед по отцу Герхард Снельман был капелланом, а дед по матери Маттс Рёринг – землемером. Отец, Кристиан Хенрик Снельман в самом конце 18 в. учился в Упсале, но затем увлекся морем, учился навигационному делу и вплоть до 1834 г. успешно служил морским капитаном. В 1803 г. Кристиан Хенрик Снельман вступил в брак с Марией Магдаленой Рёринг, которая была также уроженкой Похьянмаа. Там у них родилось пять детей, и Йохан Вильгельм был вторым. В 1813 г. семья Снельманов возвращается в Похьянмаа, в Коккола. Мать умерла на следующий год, после рождения шестого ребенка, когда Йохану Вильгельму (Янне) было лишь 8 лет. Отец, глубоко увлекавшийся чтением и религиозной философией, после ухода с морской службы обосновался в купленном им имении Пало в Алахярмя, где и прожил до 1855 г. Среди родственников Снельмана было много людей, достигших высокого положения в обществе и, тем самым, служивших примером. Но было немало и таких, кто выпал из господского сословия. Да и самого Снельмана можно охарактеризовать как выходца из низшего пласта образованного слоя. Он был единственным из братьев, кого из Кокколы отправили в тривиальное училище в Оулу для подготовки к академическому поприщу. В Оулу он жил у своей тети и ее мужа, красильщика Пипониуса, характеризовавшегося серьезным нравом. Снельман, лишенный материнской ласки, сильно привязался к своей тете. Его двоюродная сестра Мария Пипониус в дальнейшем стала супругой Элиаса Лённрота.

Снельман выдержал экзамен на аттестат зрелости и 5 октября 1822 г., в 16-летнем возрасте, был зачислен в университет. Той же осенью в университет поступили Й.Л. Рунеберг и Элиас Лённрот, которые были старше Снельмана. Снельман собирался стать священником, и вскоре он получил теологическую стипендию. Несмотря на помощь отца, ему иногда приходилось прерывать учебу и работать домашним

учителем. Это, однако, способствовало его взрослению и повлияло на будущие взгляды Снельмана на семью и воспитание. Есть сведения, хотя и не вполне достоверные, что в какой-то период Снельман ходил в море, возможно с отцом. В любом случае, он был осведомлен в мореходстве и позднее работал диспашером, специалистом по морскому страхованию.

Весной 1828 г. Снельману исполнилось 22 года, и он мог бы сдавать экзамены на право служить пастором, но еще предыдущей весной он решил продолжить учебу для получения степени кандидата философии. Само по себе это не значило, что Снельман расстался с мыслью стать священником, он лишь поставил перед собой более высокие цели. Он и ранее глубоко изучал историю и литературу, а благодаря своему другу Й.Я. Нервандеру и инспектору студенческого землячества профессору К.Г. Хельстрёму приобрел некоторые познания в области физики и естественных наук. Он выучил лишь библейский греческий язык. Теперь он начал углубленные занятия философией и греческим языком и при сдаче кандидатских экзаменов получил по этим дисциплинам высшие оценки. Занятия греческим языком были важны во многих отношениях: он был основной изначальной специальностью куратора Снельмана, будущего профессора философии Й.Я. Тенгстрёма и многих других ведущих преподавателей университета, а также основной дисциплиной Рунеберга, ставшего новым близким другом Снельмана. Освободительная война в Греции вызывала энтузиазм, и Россия приняла в ней участие на стороне греков.

Когда осенью 1828 г. университет возобновил свою работу в Хельсинки, Снельман успешно сдал экзамен для получения стипендии. Благодаря этой стипендии и доходам от работы домашним учителем он теперь сосредоточился, в частности, на фундаментальном изучении философии Фридриха Гегеля. В то время Тенгстрём как раз начал преподавать в качестве профессора философии, опираясь именно на систему Гегеля. В этом отношении Хельсинкский университет отличался от шведских, в которых доминировал идеализм Шеллинга, что было напрямую связано с тамошней литературой. В Финляндии Тенгстрём, его ученики и друзья отличались от идейного мира Швеции как в отношении литературы, так и философии и политики. Философские течения имели связь с главной динамикой развития событий в Европе, определявшейся столкновением революционных устремлений и системой, заложенной на Венском конгрессе. В Финляндии в 1828 г. профессуры теоретической и практической философии были объединены в одну должность, на которую был назначен Тенгстрём, отчасти благодаря его политическим качествам.

В 1831 г. в 25-летнем возрасте Снельман защитил кандидатскую диссертацию, в 1832 г. получил степень магистра, а в 1835 г. стал доцентом философии. До 1836 г. Снельман преподавал латинский язык в Хельсинкском лицее, основанном членами «*Лауантайсеура*»

(«Субботное общество», известное также как «кружок Тенгстрёма»), и даже опубликовал небольшой учебник по латинскому языку. На этом этапе Снельман стал принимать активное участие в студенческой жизни. В 1834 г. он стал исполняющим обязанности куратора большого студенческого землячества Похъянмаа, а затем, после его разделения, в 1837–1839 гг. был куратором землячества Похьейспохъянмаа. Инспекторами землячеств был сначала Хельстрём, затем Тенгстрём.

После латиноязычных диссертаций, посвященных абсолютности системы Гегеля и идее Лейбница о силе истории, в 1837 г. Снельман издал учебник «Введение в логику» (137 стр.), который посвятил своему отцу. Книга содержала изложение концепций «бытия» и «сущности», выдержанное в строгом соответствии с теорией Гегеля. Планировавшаяся вторая часть учебника так и не появилась. Книга послужила своего рода рекламой: Снельману удалось заинтересовать стокгольмского книгоиздателя З. Хоггстрёма в публикации трехтомного учебника по учению Гегеля. В 1837 г. Снельман издал в Стокгольме «*Элементарный курс философии. Часть I, Психология*» (66 стр.). Правда, этот учебник появился на книжных прилавках лишь в августе 1838 г. Вторая и третья части – «*Логика*» и «*Теория права*» – вышли в 1840 г. В этих книгах Снельман строго следовал за более капитальными трудами Гегеля, и в их основе лежали доцентские лекции Снельмана.

Хотя Снельман активно участвовал в деятельности «Субботного общества», он не публиковался на страницах его печатного органа, рунеберговской газеты «*Гельсингфорс Моргонبلاد*». Однако он обладал существенным влиянием как куратор и неофициальный интеллектуальный лидер всего студенчества. Уже тогда Снельман активно выступал с позиции осознанной нравственности. В рамках миниатюрного гражданского общества университетского мира можно было осуществить принципы нравственного социального устройства. Снельман пытался переориентировать студенческую молодежь, повернув ее от увлечения алкоголем и шумными сборищами в направлении укрепления общей нравственности, чувства ответственности и товарищества. Очевидно, он делал это в том же духе, в каком было позднее выдержано его сочинение «*Студент Финляндии. Приветствие новичкам*», которое раздавалось многим поколениям студентов. Из-за приверженности идее университетской автономии в вопросах преподавания и своего принципиального упорства у Снельмана возникли сложности во взаимоотношениях с университетским руководством. Снельман также хотел читать дополнительные лекции на тему академической свободы как раз в то время, когда нагнетались страсти из-за «великого кураторского конфликта». Это было непозволительно, и вследствие судебного процесса он получил славу скандалиста. Правда, этот инцидент не имел негативных последствий для положения Снельмана. Позднее,

в 1840 г. он издал в Швеции брошюру «*Об университетской учебе*», основанную на этих его планировавшихся лекциях. Позже он возвращался к этой теме в многочисленных статьях, в лекциях, прочитанных в 1856 г., и в упомянутой брошюре, получившей хождение главным образом в финском варианте.

В 1836 г. Снельман опубликовал в Швеции объемную полемическую рецензию, а в 1837 г. смог издать там первую часть своего учебника. Теперь он стремился попасть за границу, главным образом в Швецию и Германию. В 1837 г. он ненадолго отправился в Стокгольм. Но перед этим он все же опубликовал, несмотря на задержку цензуры, первый том литературного обозрения «*Спанска Флюган*» («*Испанская муха*»). Издание изначально планировалось в трех частях, второй и третий номера вышли в Хельсинки в 1840–1841 гг., когда Снельман находился за рубежом.

Во второй половине 1830-х гг. Снельман как студенческий лидер, автор серьезных учебников, редактор и автор единственного издания в Финляндии, задуманного как литературное обозрение, становится известной публичной фигурой, главным образом в Хельсинки, но также и в Стокгольме. Снельман, наряду с Рунебергом, Нервандером, Ф. Сигнеусом и другими, принадлежал к формировавшейся финляндской интеллигенции. Став специалистом в области философии Гегеля, Снельман избрал для себя сферу, особо важную в интеллектуальном, да и в политическом отношении.

Амбиции и способности Снельмана нашли достойное применение, когда он, проведя около года в Похьянмаа, приехал в конце 1839 г. в Стокгольм, где сразу стал помощником редактора еженедельника «*Фрейя*» и оказался вхож в ведущие литературно-политические круги. Снельман быстро приобрел известность своими статьями в журнале «*Фрейя*», а также написанному на рубеже 1839–1840 гг. «продолжению» к роману Альмквиста «*Это возможно*», выступавшему в защиту свободной любви и вызвавшему большой интерес. Снельман защищал брак как необходимый общественный институт и использовал страницы «*Фрейи*» для противодействия радикальной линии газеты «*Афтонбладет*», не присоединяясь, однако, к правительственному фронту. Произведение Снельмана «*Это возможно. Картинка из жизни. Продолжение*» – это роман, в котором описывалась последующая история и распад пары любовников, героев романа Альмквиста. Снельман предлагает выводы, соответствующие его учебнику по психологии, написанному в это же время. Кроме того, он закладывает основы представлений об обществе, изложенных затем в труде «*Учение о государстве*» (1842). Позднее он вернулся к теме брака и любви в книге «*Четыре венчания. Картины в манере Тербурга. Часть I. Любовь и любовь*» (Стокгольм, 1843; немецкий перевод в 1844). Однако отпечатанный тираж второй части и начало третьей части были изъяты из продажи и пущены в макулатуру.

В своих статьях в журнале «Фрейя» Снельман рассматривал проблему сеймовой реформы, таможенные вопросы, в целом понятия государства, сословия, корпорации, народного хозяйства и т.д. (все это было подготовительной работой для будущего учения о государстве), а также школьный вопрос. Он уделил внимание национальному движению чехов и других наций, активно писал о критике Библии Д.Ф. Штрауса, привлекая большое внимание.

Побывав в Упсале, где, к его большому разочарованию, ему не разрешили преподавать, в 1840 г. Снельман отправился в длительное путешествие. Сначала он посетил Копенгаген, где, как и в дальнейшем в многочисленных городах Германии, он завязывал знакомства в местном ученом мире. Снельман с большим энтузиазмом знакомился с музеями, особенно с галереями живописи и скульптуры, о собраниях которых он делал подробные записи. В конце сентября 1840 г. он приехал в Тюбинген, откуда в конце мая 1841 г. отправился в поездку, посетив Мюнхен, Вену, Прагу, Дрезден, Лейпциг и Берлин. Вернувшись в сентябре в Стокгольм, Снельман немедленно принялся писать статьи в журнал «Фрейя».

Благодаря исключительному усердию и способности концентрироваться Снельман в Тюбингене написал книгу «*Versuch einer speculativen Entwicklung der Idee der Persöhnlichkeit*» (252 стр.). Этот труд был связан с тогдашними бурными дебатами по философии религии, в ходе которых книга Штрауса внесла раскол в ряды последователей Гегеля и которые в целом породили большие научные и общественные дискуссии. В Тюбингене Снельман познакомился со Штраусом и прочитал много для себя нового, включая труды Л. Фейербаха. Кроме того, он читал работы уже известных ему Спинозы и Гегеля; понимание гегелевской логики было слабым местом Штрауса. Взгляды Гегеля и Штрауса расходились, в частности, в понимании «общего» и «особенного» в индивидуе, и об этом Снельман написал свою книгу. Он не захотел применять уже вошедшие в обиход термины правого и левого гегельянства, вместо этого он разделил взгляды на категории теизма и деизма. Подобно Фейербаху, Снельман пришел к выводу, что надежды на вечную жизнь являются примером эгоизма и тщеславия. Книга делает акцент на морали как общественном состоянии, достигнутом волей и знанием человека.

В Стокгольме Снельман продолжил зарабатывать на жизнь литературной деятельностью: писал статьи и обширные рецензии, предложил свои услуги в качестве переводчика и автора комментариев к основному труду Штрауса, а также поделился своими последними путевыми впечатлениями в книге «*Германия. Описания и воспоминания о путешествии 1840–1841*». Пребывание в Стокгольме и Германии имело решающее значение для духовного развития Снельмана. Свои шведские встречи и впечатления он описал в цикле литературных портретов «*Шведские силуэты*», который, правда, увидел свет лишь

весной 1848 г. в виде серии из четырех больших статей в журнале *«Литтературбладет»*.

Важнейшими результатами зарубежных поездок Снельмана стали его пространные труды, посвященные проблеме личности, а также его главный труд в области социальной философии – *«Учение о государстве»* (448 стр.), изданный в конце 1842 г. в Стокгольме. Книга основывалась на части учебника по философии, посвященной праву, но поскольку учебник был еще выдержан в гегельянском духе, в *«Учении о государстве»* ощущается влияние младогегельянской критики, как раз появившейся в 1840 г. Снельман, в отличие от Гегеля, в своем труде не просто анализирует понятия, а исследует государство с позиций историзма и релятивизма и рассматривает уровень культуры и образования как важнейший социальный фактор и показатель развития нации. В этом обнаруживается интерес к природе и значимости малых народов, проявившийся еще в публикациях в журнале *«Фрейя»*. Помимо Гегеля, на Снельмана оказали влияние Монтескье, Макиавелли, Вольтер и другие авторы, с трудами которых он познакомился еще в Тюбингене, а также полемика о государственном статусе Финляндии, которую, опираясь на различные юридические и политологические аргументы, вели между собой И. Вассер и Й.Я. Нурдстрём, поддерживаемый А.И. Арвидссоном.

Пребывание за границей способствовало тому, что Снельман увидел более широкий горизонт и более развитые, чем в Финляндии, экономику, политику и журналистику, познакомился с начинавшейся эрой «буржуазной публичности». Он обрел ту дистанцию, которая была необходима для критики ситуации в Финляндии. Кроме того, развивался его характер, хотя его основные черты – самоуверенность, страсть к полемике и упрямство – сохранились, равно как и жизнерадостие и тяга к женскому обществу, но его прежняя наивность уменьшилась.

Вероятно, воодушевленный венгерскими и чешскими дискуссиями по национальным проблемам, Снельман уже летом 1840 г. в письме из Стокгольма своим друзьям критиковал финляндское общество и социальную пропасть, отделявшую привилегированные сословия и университет от простого народа, которую он интерпретировал в основном как языковой вопрос. Вернувшись в конце 1842 г. в Финляндию, Снельман вновь начал читать лекции в университете, но при этом искал случая изложить в журналистской форме свою социальную критику. Консул Г.О. Васениус, однако, не принял его в качестве второго редактора (наряду с Топелиусом) газеты *«Гельсингфорс Tidningar»*. Но вскоре Снельману удалось получить должность в школе в Куопио, где была типография, но не было местной газеты. Весной 1843 г. его назначили ректором средней школы Куопио, и в конце августа Снельман приступил к новым обязанностям.

Единственной публикацией, подписанной Снельманом в этот период, стала маленькая заметка 4 декабря 1843 г., извещавшая об издании газеты «*Сайма*». Газета начала выходить в январе 1844 г.

Еще в «*Спанска Флюган*», а затем в Швеции Снельман в резких выражениях критиковал другие периодические издания, и это также стало характерной чертой газеты «*Сайма*». В какой-то степени полемика с другими изданиями, прежде всего с газетой Топелиуса «*Гельсингфорс Тиднингар*», была искусственно организованной. Топелиус относился к Снельману с доброжелательной иронией, которая помогает рассмотреть программу «*Саймы*» с точки зрения ее современников. «*Сайма*» отражала требования нового, индустриализированного и современного общества и острую критику старого, существующего общества. Однако, по мнению Топелиуса и других современников, программа Снельмана, с точки зрения финских условий и возможностей, была утопична и преждевременна: Снельман писал так, как будто он был в Германии. Сам Снельман, вполне возможно, мог полагать, что лучше жить на периферии: там он мог проводить более бескомпромиссную линию, чем в Хельсинки, где его было бы легче склонить к уступкам. Программа «*Саймы*» представляет собой адаптацию идей «*Фрейи*» и «*Учения о государстве*» к финским условиям, хотя из политических, а также журналистских и коммерческих соображений эти идеи преднамеренно подавались в полемическом ключе. И в этом отношении «*Сайма*» преуспела.

Теперь Снельман применил к Финляндии дебаты, которые велись вокруг национальной идеи у чехов, ирландцев и венгров, дополнив идеи, навеянные ситуацией в провинции Саво. Еще раньше он усвоил взгляды на народное хозяйство и на активизацию народных масс, что теперь привело к созданию, параллельно с «*Саймой*», издания «*Маамиехен юстявя*» («*Друг крестьянина*»). В его первых номерах давались советы по строительству хлевов, присутствовали размышления о происхождении финнов, в то время как в первом номере «*Саймы*» большое внимание было уделено «*Истории рабочего класса*» А. Гранье де Кассаньяка и перспективам обновления историографии, открываемым этим трудом. Много места в «*Сайме*» отводилось обзорам зарубежной и шведской литературы. Центральное место в «*Сайме*» занимали статьи, одновременно критические и конструктивные, затрагивавшие вопросы воспитания, женского образования, школ и университета.

Уже начиная с лета 1845 г. генерал-губернатор князь А.С. Меншиков лично следил за газетой «*Сайма*», статьи из которой ему переводились. Он приказал написать Снельману, что было бы лучше обращаться с предложениями, касающимся улучшений в общественной жизни, непосредственно к властям, чем вызывать публичное недовольство «нынешним положением страны». Снельман также получал предостережения по личным каналам, а уже с весны

1846 г. цензура, до этого довольно мягкая, стала заметно ощутимей, поскольку к газете был приставлен более строгий цензор. Критика чиновников была во многом направлена на резкий и саркастический тон Снельмана, подрывавший престиж государства и чиновничества. Этот аспект стал еще более существенным с обострением европейской общеполитической ситуации весной и летом 1846 г. в связи с восстанием в Кракове, деятельностью так называемого «профессорского парламента» в Германии, а также из-за Шлезвиг-Гольштинского вопроса. Все это напрямую затрагивало интересы России и вопрос о лояльности Финляндии.

В конце 1846 г. Сенат отменил разрешение на издательство «*Саймы*». Тем не менее, Снельман с самого начала 1847 г. получил возможность распространять свои взгляды, причем в еще более обстоятельной форме, в ежемесячном журнале «*Литтературблад...*» («*Литературный листок для всеобщего гражданского просвещения*»). Журнал редактировал Снельман, хотя формально его издателем был Э. Лённрот, и его можно считать расширенным продолжением «*Калла-веси*», приложения к газете «*Сайма*». Попыток уволить Снельмана с преподавательской должности не предпринималось, и чиновники не препятствовали поездке Снельмана летом 1847 г. в Германию, Францию, Бельгию и Англию в обществе и за счет Э.Й. Ленгмана для ознакомления с лесной промышленностью.

Снельман работал на своей должности в школе в Куопио до конца 1849 г. Это время было для него бурным и радостным, благодаря работе в школе, журналистике, обширной и серьезной переписке, но прежде всего благодаря женитьбе и созданию семьи. 18 ноября 1845 г. он заключил брак с 17-летней Йоханной (Жанетт) Ловисой Веннберг. Родителями невесты были аптекарь из Куопио Андерс Веннберг и Аврора Олсон. Отношение Снельмана к жене было окрашено заботой и любовью, однако из-за разницы в возрасте и характера Снельмана в нем постоянно присутствовали также назидательность и покровительственность.

Снельман никогда не имел намерения оставаться в Куопио. Его целью было сменить Тенгстрема на посту профессора философии. К тому времени он был для этого самой достойной кандидатурой и после публичных выступлений претендентов в 1849 г. возглавил список соискателей этой должности. Однако в напряженной атмосфере «безумного года» кандидатура Снельмана была отклонена. Он подал заявление на должность профессора в Упсальском университете, но затем отозвал его и вернулся в Хельсинки, оказавшись в экономически нестабильном положении. Без сомнения, февральская революция и события «безумного года» оказали сильное влияние на Снельмана. Вероятно, он более не верил в то, что общественный прогресс может быть таким быстрым, как он думал ранее, и это лишь укрепило его убеждение в значимости просветительской деятельности.

Хотя правительство запретило издание «*Саймы*» и воспрепятствовало получению Снельманом профессуры (на практике, все профессуры философии вскоре были ликвидированы по всей России, а в 1852 г. также и в Финляндии), генерал-губернатор Меншиков и другие высокопоставленные чиновники, такие как сенатор фон Гартман, уважали Снельмана, что проявилось уже в случае с «*Litteraturblad*». Через пару месяцев после истории с профессурой Меншиков распорядился о необходимости сделать газету «*Финландс Аллменна Тиднинг*» более интересной и глубокой, и для выполнения этой задачи рассматривалась кандидатура Снельмана. Но как раз из-за истории с профессурой Снельман превратился в своего рода страдальца от правительственных преследований, и он отказался от этого предложения. Но вместе с тем, он полностью прекратил свою деятельность в области общественной критики и литературы, чтобы сосредоточиться на проблеме предпосылок экономического прогресса Финляндии.

На этот раз финансовым спасителем Снельмана стал коммерции советник Хенрик Боргстрём старший, в конторе которого Снельман работал помощником, отчасти формально. Ему также было поручено разработать план организации высшего коммерческого образования в Финляндии. Для этого на средства Боргстрёма он перевел на шведский язык довольно обширный труд американца Эдвина Фридли «*Практическое пособие по предпринимательству*», изданный в 1855 г. в Хельсинки, а на следующий год в Стокгольме.

С 1850 по 1854 гг. Снельман практически ничего не издавал, однако он основательно вник в вопросы экономики, железнодорожного и банковского дела, то есть в хозяйственное, а не политическое преобразование общества. Он не работал более доцентом, да и в других отношениях почти не участвовал в университетской и научной деятельности. Очевидно, он проводил много времени с семьей. Ему также приходилось совершать поездки по страховым делам, однако, об объемах этой деятельности сведений нет. В 1850 г. примерно на месяц Снельман съездил в Ригу для знакомства с морским правом и расчетом страховых выплат по убыткам при мореплавании.

В декабре 1854 г., то есть во время Крымской войны и правления Николая I, Снельман сообщил С.Г. Элмгрену, который в то время был редактором «*Litteraturblad*», что снова хотел бы возглавить издание. Как раз когда в марте–апреле 1855 г. вышел первый номер под редакцией Снельмана, скоропостижно скончался император Николай I, на престол взошел Александр II, а генерал-губернатора князя Меншикова сменил генерал Фредрик Вильгельм Ремберт Берг. В сентябре личное доверенное лицо Александра II генерал-лейтенант барон А.Ф. Мунк был назначен вице-канцлером университета. Первое, что он предпринял совместно с министром статс-секретарем, исполняющим обязанности канцлера графом Александром Армфельтом,

была попытка пригласить Снельмана в университет. Вначале речь шла об экстраординарной профессуре по «годегетике», науке о руководстве учебным процессом. Однако вскоре было решено предложить ему ординарную профессуру по «философии морали и системе наук», то есть практической и теоретической философии. Снельман был принят на должность по специальному приглашению 30 января 1856 г., хотя Г.Ф. Аминофф, с 1853 г. получавший жалование в связи с ликвидацией этой должности, все еще находился в добром здравии. Вскоре наименование должности было вновь восстановлено как профессор философии. По случаю вступления Снельмана в должность был устроен большой студенческий праздник, а речи, произнесенные на нем, были изданы отдельной брошюрой. Назначение Снельмана, обновление «*Litteraturblad*» и активность студенчества послужили началом развития гражданского сознания, или «буржуазного общества» эпохи Александра II.

Будучи профессором, Снельман начал с чтения лекций о системе наук и обучении в университете, а затем перешел к «абстрактному правоведению», теоретической и практической этике (морали), психологии и т.д. Он оставался в рамках манеры теоретизирования и стиля Гегеля. В 1896 г. началось издание рукописей лекций Снельмана (с VII тома его Собрания сочинений). В 1860–1861 гг. он также исполнял обязанности профессора педагогики. В 1859 г. Снельману был пожалован ранг канцелярии советника, который время от времени получали заслуженные профессора, а в 1860 г. ему присудили степень почетного доктора.

В своем журнале Снельман теперь выступал с масштабными планами в области сельскохозяйственной и банковской политики, а также по вопросам положения женщин, политики в области образования, школьного и университетского дела. Это стало объектом постоянного интереса журнала. Вновь стало уделяться внимание реферированию зарубежной научной литературы, и вскоре журнал достиг высокого уровня актуальности и интереса. Начиная с 1859 г. Снельман на страницах своего журнала вел обширную и серьезную полемику, направленную, прежде всего, против теоретиков зарождавшегося либерального направления в национальном вопросе. Таким образом, он постепенно все более отчетливо становился критиком и противовесом либеральной линии. Снельман и примкнувшие к нему *фенноманы* вполне определенно заняли позицию политического реализма в отношении императора, российскому и финляндскому правительствам. Это очень наглядно проявилось в 1861 г., когда ситуация была политизирована вследствие созыва так называемой февральской комиссии, и затем в 1863 г., в особенности в связи с польским восстанием и созывом финляндского сейма. Снельман еще ранее пришел к убеждению, что требования безопасности России подразумевали политику лояльности финнов по отношению к императору. Особое положение Финляндии

можно было гарантировать, лишь опираясь на самодержавие, а не на российскую аристократию. Под покровительством императора Финляндия могла сформировать собственную национальность, а для этого требовалось, чтобы большинство народа участвовало и пользовалось плодами просвещения, что, в свою очередь, было возможным лишь при условии быстрого укрепления положения финского языка. Уже в 1860 г. в письме к Ц. Топелиусу Снельман в более открытой форме, чем в произведениях, предназначенных для публикации, писал: «Мысль моя такова: Победит ли русский [язык], или финский [язык], знает лишь Бог. Я не смею надеяться ни на что. Но то, что шведский язык проигрывает, это я знаю точно».

С такими своими монархическими и фенноманскими идеями Снельман стал объектом все более острой критики со стороны либералов, которая уже в 1861 г. стала приобретать формы личных оскорблений. Уже тогда, в связи с созывом февральской комиссии, основным предметом разногласий стал вопрос о том, является ли достижение реформ более важным, чем строгое соблюдение законных форм. С гегельянских позиций Снельмана, форма и буква закона сами по себе не имели ключевого значения. Важным был тот грандиозный проект, под которым можно понимать формирование национальности и развитие образования и культуры.

Благодаря своим фундаментальным статьям Снельман завоевал славу специалиста по государственным и экономическим делам. Он писал памятные записки для правительства, а в 1862 г. был приглашен в комитет по подготовке созыва сейма. Когда начальник финансовой экспедиции барон Фабиан Лангеншельд заболел и вынужден был подать в отставку, он предложил в качестве своего преемника кандидатуру Снельмана. Позднее, когда это предложение сделал сам император, Снельман согласился, и 21 марта 1863 г. его назначили членом хозяйственного департамента Императорского сената, а с 1 июля 1863 г. – начальником первого отделения финансовой экспедиции. Еще до назначения сенатором велись разговоры о возведении Снельмана во дворянство, с тем чтобы он имел возможность действовать как депутат сейма, но из-за возражений Снельмана это было отложено до 21 ноября 1866 г. В 1865 г. Снельман был награжден орденом Святого Владимира третьей степени.

Во время польского восстания Снельман летом 1863 г. открыто стал во главе пророссийского общественного мнения, что особенно наглядно проявилось в его знаменитой статье «*Война или мир для Финляндии?*». Теперь ему представилась возможность выступить в качестве советника правительства, то есть императора и министра статс-секретаря. Он выступил с предложением, чтобы во время визита императора в Финляндию в 1863 г. тот в качестве награды финскому народу за его лояльность объявил о придании через определенное время финскому языку статуса официального языка делопроизводства

и о переводе финляндской валюты (марки и пенни), учрежденной в 1860 г., с рублевого на серебряный стандарт. Государь согласился с первым, но решение по второму предложению отложил, поскольку оно затрагивало российские интересы. Снельман сыграл существенную роль при подготовке тронной речи для первой сессии сейма в сентябре 1863 г. Став сенатором, Снельман оставил «*Litteraturblad*», а через некоторое время издание перестало выходить совсем.

Главным достижением Снельмана на посту сенатора стало проведение денежной реформы, перевода марки на серебряный стандарт. На деле это означало ревальвацию, и в тяжелое время череды неурожайных лет эта реформа оказалась очень тяжелой. Усложнение получения кредитов вело к банкротствам и усугубляло бедственное положение голодных лет, но со временем это доказало свою эффективность, укрепляя позиции экономики Финляндии в отношении внешней торговли. Для осуществления реформы Финляндский Банк мог независимо от России получать большие кредиты в Германии под гарантии сейма, и эта практика продолжалась и в дальнейшем. Во время катастрофического голода 1867 г. Снельман неустанно работал над получением помощи и рационализацией ее распределения, но дело затруднялось ограниченностью доступных ресурсов, неразвитостью транспортной системы и недостаточной предприимчивостью народа в предыдущие годы.

С экстренными мерами по оказанию помощи в связи с голодом и получением займов был связан вопрос о строительстве железнодорожной линии на Петербург. На этой почве Снельман и новый, весьма влиятельный генерал-губернатор князь Адлерберг, с которым поначалу сотрудничество шло отлично, начали конфликтовать. Адлерберг быстро пресытился характером и манерами Снельмана. 27 марта 1868 г. Снельману было предложено уйти в отпуск и подать в отставку. Отставка была принята 15 июля 1868 г., с предоставлением обычных пенсионных привилегий. С окончанием реформ 1861–1865 гг. период губернаторства Адлерберга более не нуждался в услугах Снельмана как посредника между правительством и общественным мнением. Несомненно, отставка также была результатом упрямства Снельмана, проявившегося, в частности, в осуществлении денежной реформы невзирая на трудности голодных лет. Финансовая политика Снельмана также подверглась суровой критике со стороны общественного мнения Финляндии.

С лета 1869 г. Снельман был председателем правления Финляндского ипотечного союза, на практике его директором-распорядителем. Ранее, в своих статьях, а также на посту сенатора Снельман проявил большой интерес к проблеме улучшения ситуации с землевладением и повышения доходности сельского хозяйства. Новый пост также был связан с множеством трудностей, прежде всего из-за последствий неурожайных лет, а также из-за того, что не всегда

удавалось правильно оценить стоимость земли. Снельман столкнулся с противодействием. В ходе реформы по переходу на золотой стандарт в 1878 г. раздавались призывы к его смещению, а на собрании объединения в 1881 г. он не был переизбран на новый срок.

С 1870 по 1874 гг. Снельман был председателем Финского Литературного общества. В своих выступлениях он подчеркивал, в частности, значение промышленности. Иными словами, дело развития финноязычной культуры не должно было связываться исключительно с интересами сельского хозяйства и сельской местности. Он принимал активное участие в работе сессий сейма 1872 и 1877–1878 гг. и снова взялся за журналистику, выступая в роли политически активной фигуры, особенно с 1876 г. в фенноманской газете *«Моргонبلادет»*. В эти годы Снельман не только не приглушил, но скорее усилил полемичность и сарказм своего стиля былых лет. Так, на сессии сейма 1872 г. он резко критиковал «подлинных аристократов нашей страны, крестьян, владеющих землей», за их жестокосердие по отношению к сельскому пролетариату. Снельман, однако, уже недотягивал до уровня своих лучших лет, как по сути, так, зачастую, и в отношении стиля. Напротив, его возросшая раздражительность проявлялась, в частности, в том, что предложения становились короче и обрывочней. Однако в своих речах перед студентами-фенноманами, неизменно приветствовавшими его в День ангела, а также в ходе других выступлений, Снельману часто удавалось увлечь слушателей и читателей. Большею частью Снельман повторял и разъяснял свою программу. В частности, он отстаивал свои взгляды на пути осуществления программы внедрения финского языка: ныне существующее правящее или образованное сословие (или их дети) должно сменить свой язык; но не должно случиться так, чтобы на основании отождествления языка и сословия произошел бы раскол, когда образованное сословие осталось бы шведоязычным, а продвижение финноязычной культуры осталось бы делом новых, развивающихся классов (как это было, например, в Прибалтике). Снельман вновь энергично изложил эти взгляды в декабре 1880 г. в пространной публикации, в которой критиковал представленный проект программы создаваемой тогда либеральной партии. Снельман довольно пренебрежительно отзывался о предложенной программе, называя ее собранием смешанных и оторванных от практики мыслей и «белибердой из фраз». Речь шла о борьбе за власть, и Снельман заимствовал французскую фразу, позднее часто употребляемую в финляндской политической полемике: *«ôtez-vous en que je m'y mette»* («отойдите, чтобы я смог занять ваше место»). Фенноманам необходимо было войти во власть, но это не означало социальной революции. Подобную опасность уже можно было разглядеть в России, и Снельман категорически отмежевался от нигилизма и терроризма.

Твердая позиция Снельмана, которую с энтузиазмом поддерживало фенноманское движение, процветавшее тогда в студенческой среде, получила неожиданный резонанс, когда 13 марта 1881 г. был убит

император Александр II. Либеральный период закончился, и в процессе формирования партий Финляндии либерализм и шведомания начали растворяться друг в друге.

Снельман умер вскоре после своего императора, 4 июля 1881 г. в своем летнем доме в Данскарбю недалеко от Киркконумми. Его жена Жанетт умерла много раньше, в 1857 г. Старшая из детей, жившая вместе с отцом Ханна, умерла сразу после отца, в возрасте 35 лет. Андерс Хенрик стал юристом, затем сенатором юридического департамента. Йохан Людвиг стал секретарем-докладчиком в Сенате, Вильгельм – окружным врачом и советником здравоохранения, Карл – начальником управления дорог и водных путей и действительным статским советником; два ребенка умерли во младенчестве.

Снельман довольно рано стал культовой фигурой. В своем известном стихотворении 1840 г., посвященном эпохе, Сигнеус назвал Снельмана важным мыслителем того времени. В период издания «*Саймы*» он стал объектом преклонения студентов, а затем, когда в 1849 г. он стал жертвой политической системы – объектом симпатий. Его назначение профессором в 1856 г. было отмечено большим студенческим праздником, а уже в 1850-е гг. для галереи великих людей будущего Студенческого дома был заказан его бюст. Затем, когда студенты-фенноманы набрали силу, в Студенческом доме появилось несколько бюстов Снельмана. Собственное студенческое землячество Снельмана – Похъянмаа – особенно ревностно поддерживало этот культ.

Празднования по случаю 75-летия Снельмана в мае 1881 г. превратились в общенациональную кампанию по распространению идеологии фенномании, устроенную радикально настроенными студентами-фенноманами. Главный праздник состоялся в великолепно украшенном по этому случаю Студенческом доме. Эта пропагандистская кампания способствовала усилению тенденции поправления в лагере либералов.

На похоронах Снельмана 7 июля 1881 г. с речью выступил Ц. Топелиус. В 1877 г. Снельман сам выступал на могиле Рунеберга. Топелиус говорил о Снельмане, о его поколении, Снельман был «гранитом, сильнейшим в действиях и самым волевым». Крестьянское сословие установило Снельману надмогильный памятник на кладбище Хиетаниemi в Хельсинки. В 1892 г. вышло в свет собрание сочинений Снельмана на шведском языке в 10 объемных томах. Издание было снабжено пространной, главным образом политической биографией, написанной Т. Рейном, учеником и преемником Снельмана на посту профессора; в дальнейшем эта биография неоднократно переиздавалась. Собрание сочинений, дополненное томами с письмами Снельмана, в 1928–1933 гг. вышло в переводе на финский язык.

Столетний юбилей Снельмана в 1906 г. проходил в обстановке накаленной политической активности и был использован как повод и мотив для гигантской политической манифестации – массовой смены фамилий со шведских на финские.

Важнейший из памятников Снельману – работы Эмиля Викстрёма, был открыт в 1924 г. перед Финляндским Банком. Проходящая рядом улица Николаинкату была переименована в Снельманинкату. В 1920-е и 1930-е гг. студенты-фенноманы, в особенности *Академическое Карельское общество*, ежегодно устраивали перед памятником большую манифестацию. В 1930-е гг. Снельмана вспоминали, в частности, как сподвижника идеи распространения финского языка. В 1940-е гг. левые интеллектуалы стали подчеркивать значимость радикального периода деятельности Снельмана. В 1981 г. мероприятия в связи со столетием смерти Снельмана проводились по плану, разработанному государственным юбилейным комитетом. Однако обнаружилось, что событие вызвало неожиданно широкий отклик, став предметом дискуссий и интереса самых разных слоев общества и представителей различных идейных течений. Мероприятия увенчались решением Государственного совета об издании ранее опубликованных и неопубликованных произведений Снельмана в виде научно-критического собрания сочинений. Издание вышло в свет в двенадцати томах в 1992–1999 гг.

Снельман стал первой исторической личностью Финляндии, чей портрет появился на банкнотах: на самой большой денежной купюре 1940 г. достоинством в 5 000 марок было помещено его изображение в старости. В 1945 г. году эта банкнота была модифицирована. Когда в 1955 г. были введены в оборот новые банкноты меньшего формата, изображение Снельмана по-прежнему размещалось на крупнейшей из них, достоинством в 10 000 марок, а после денежной реформы 1963 г. – на купюре в 100 марок. Портрет сохранился почти без изменений на серии банкнот 1975–1980 гг. На серии банкнот 1986 г. портреты Снельмана и других государственных деятелей были заменены изображениями деятелей культуры, в числе которых был современник Снельмана Лённрот.

– МАТТИ КЛИНГЕ

Приложение:

Йохан Вильгельм Снельман, род. 12.5.1806 Стокгольм, умер 4.7.1881 Данскарбю, Киркконумми. Родители: Кристиан Хенрик Снельман, морской капитан, и Мария Магдалена Рёринг. Жена: 1845–1856 Йоханна (Жаннетт) Ловиса Веннберг, род. 1828, умерла 4.6.1857, родители жены: Андерс Веннберг, аптекарь, и Аврора Олсон. Дети: Ханна, род. 1846, умерла 1882; Андерс Хенрик, род. 1848, умер 1911; Йохан Людвиг, род. 1850, умер 1909; Вильгельм, род. 1851, умер 1933; Карл, род. 1855, умер 1928; два ребенка умерли во младенчестве.

Георг Магнус Спренгтпортен (1740–1819)

*финляндский генерал-губернатор,
генерал инфантерии,
граф*

Георг Магнус Спренгтпортен был военным и чиновником. Его переход на сторону России, активные попытки добиться отделения Финляндии от Швеции, а также некоторые отрицательные личностные качества привели к тому, что его фигура в финляндской историографии получила весьма противоречивые оценки. Однако его деятельность мотивировалась идеей создания финляндского государства, и он сыграл важную роль в образовании Великого княжества Финляндского.

Представители рода Спренгтпортепов проявили себя на военном поприще уже в 17 в., играя заметную роль в восточных районах государства. В возрасте четырех лет Георг Магнус потерял отца. Во время поездки короля Адольфа Фредрика в Финляндию мать Спренгтпортена добилась королевской милости: ее сын был принят в королевскую кадетскую школу в Стокгольме. Однако вследствие разногласий между королем и риксдагом это учебное заведение было закрыто уже через четыре года. Тем не менее, юный кадет был направлен в чине младшего офицера (*кондуктора*) в фортификационные части крепости Свеаборг, где он служил под началом Аугуста Эренсверда. Судя по всему, в Свеаборге служба Георга Магнуса Спренгтпортена проходила успешно и была замечена начальством: когда в 1757 г. началась Померанская война, Эренсверд взял его с собой в поход. Поначалу Спренгтпортен служил при штабе шведских войск адъютантом графа Фредрика Акселя Ферсена. Позже он служил в элитной части под командованием своего сводного брата Якоба Магнуса Спренгтпортена и, как говорят, проявил в этой войне большую храбрость. Он был дважды ранен и в 1761 г. за заслуги был произведен в капитаны.

С наступлением мира молодой капитан в течение долгого времени оставался без постоянной должности. Они в основном закреплялись за офицерами регулярных войск, и постороннему было довольно сложно заполучить должность, по крайней мере, без больших денег. В 1766 г.

Спренгтпортен входил в комиссию по мероприятиям, необходимым для обороны Финляндии и выполнял разнообразные картографические и разведывательные задания. Одновременно он ознакомился с приграничными территориями Швеции, как на востоке, так и западе, что позволило ему составить мнение о ведении военных действий в особых условиях этих районов. Известно, что в это время он активно изучал труды по военным наукам. Лишь в 1770 г. Спренгтпортен был произведен в майоры и направлен в легкий драгунский полк под командованием своего сводного брата. В этом же году род получил баронский титул, по причине чего фамилия, которая до сих пор писалась «Спренгтпорт», была изменена на Спренгтпортен.

Георг Магнус Спренгтпортен участвовал в последнем риксдаге так называемой «эры свобод» и стал свидетелем его недееспособности. Поэтому он без больших колебаний присоединился к планам своего брата Якоба Магнуса Спренгтпортена, поддержавшего в 1772 г. государственный переворот Густава III. Он помог Якобу Магнусу взять под контроль Свеаборг и склонить его гарнизон на сторону короля. За эту помощь король произвел его в подполковники, но Спренгтпортен считал эту награду недостаточной. На следующий год он получил звание полковника и должность командира легких драгун, заняв место отошедшего от дел сводного брата. Через два года Спренгтпортен был назначен командующим расквартированных в Саво легких соединений. Ему в подчинение был придан Савоский полк и его егерская часть, драгуны Карелии и Кюменкартано, а также частично пехотные соединения Хяме и Уусимаа. Из этих частей была сформирована Савоская (Саволакская) бригада, командовать которой был назначен Спренгтпортен.

В тот период граница между Швецией и Россией проходила по долине реки Кюмийоки и Сайменской озерной системе, и провинция Саво представлялась наиболее уязвимой с точки зрения обороны провинцией королевства. Новый командир бригады с энтузиазмом взялся за свое непростое дело. Его официальная резиденция, поместье Брахелинна в Ристиина стало центром, в котором он разрабатывал новые формы военных действий. По инициативе Спренгтпортена для легких частей был составлен подробный устав, который с военной точки зрения следует считать вполне удачным и новаторским, в чем-то даже опережавшим свое время. Спренгтпортен уделял внимание мобильности войск в условиях лесной местности с обилием водоемов, огневой мощи и стрелковым навыкам, а также использованию особенностей ландшафта. По его инициативе в Савоской бригаде было взято на вооружение короткоствольное ружье, так называемый «штуцер Спренгтпортена», которое было введено для легких драгун еще его сводным братом и которое было гораздо легче в обращении, нежели привычное длинноствольное ружье, состоявшее на вооружении у регулярных войск. Спренгтпортен даже тратил на вооружение

своей бригады собственные средства, когда не хватало коронных ассигнований. Бригада регулярно участвовала в военных учениях, а офицеры должны были участвовать в разнообразных штабных и полевых учениях. В своем служебном имении Спренгтпортен устроил неофициальную кадетскую школу для мальчиков, избравших карьеру военного. На все это он расходовал не только свои средства, но и все свое время. Такой деятельностью он снискал уважение и почитание не только своих подчиненных, но и всего финляндского офицерства.

Отношения между королем и полковником вскоре расстроились. Хотя Густав III ценил энтузиазм Спренгтпортена, он испытывал подозрения по отношению к своему энергичному подчиненному. В 1778 г. Спренгтпортен не получил приглашения на сессию риксдага, которое обычно посылалось всем высшим военачальникам. Задетый этим, он попросил у короля разрешения на поездку за рубеж для знакомства с военным искусством и был отпущен. До своего отъезда Спренгтпортен обратился к королю с предложением об открытии кадетского корпуса в Саво, что, действительно, привело к открытию кадетского корпуса в Хаапаниеми.

В ходе своей заграничной поездки Спренгтпортена побывал в России, Польше, Пруссии и Франции. Его появление привлекло большое внимание в России, где знали о его деятельности в Савоской бригаде. Во время путешествия Спренгтпортен сильно повздорил с Густавом III по причине недостаточности командировочных средств. Находясь в затруднительном финансовом положении, в 1780 г. он из Парижа направил королю прошение об отставке, которое было также незамедлительно удовлетворено, правда, без запрошенных им финансовых привилегий: пенсии и единовременной компенсации. Спренгтпортен попытался отправиться в Америку, чтобы принять участие в Войне за независимость. Во Франции набирались для этого войска, однако, несмотря на усилия шведского посла, его попытки не увенчались успехом. В результате в крайне подавленном состоянии ему пришлось вернуться на родину. В 1782 г. он поселился в имении жены Сееста в Настола, где, не имея никакой официальной должности, вынужден был проводить время в бездействии, с чем никак не мог смириться.

В это время Спренгтпортен стал размышлять об отделении Финляндии от Швеции при помощи России. Толчком для появления таких мыслей, по-видимому, послужила обида на короля: Спренгтпортен считал себя жестоко преданным. С другой стороны, оставшийся без должности полковник во время своего путешествия увидел всю мощь России и понял, что Швеции вряд ли удастся долго удерживать Финляндию. В конце концов, Россия уже дважды на непродолжительное время оккупировала Финляндию. Во время своей заграничной поездки Спренгтпортен узнал о войне за независимость США и о попытках американцев создать свободную форму правления. Все это

породило мысль о независимом, или частично независимом финляндском государстве, которое находилось бы под защитой России и уже одним фактом своего существования способствовало бы преодолению извечной вражды между Россией и Швецией. Поскольку у Спренгтпортена было много почитателей среди финляндского офицерства, ему было легко распространять свои мысли в этой среде. Вскоре у него уже была группа единомышленников, во главе которых стояли Карл Хенрик Клик и Ян Андерс Егергорн.

Однако вне офицерской среды идея независимости вряд ли могла найти поддержку. Страх перед Россией и ненависть к русским были слишком распространены среди образованных кругов и народа. Кроме того, народ традиционно хранил верность своему государю.

С разрешения и при финансовой поддержке короля Спренгтпортен в 1785 г. отправился в Голландию, где он планировал принять участие в военных действиях между Нидерландами и Австрией, которая владела Бельгией. С войной на этот раз ничего не вышло, но, находясь в Голландии, Спренгтпортен продолжил развитие своей идеи независимости. В начале 1786 г. он передал российскому послу в Голландии памятную записку по этому вопросу. Об этом было доложено императрице Екатерине II, а также сообщено российскому послу в Швеции.

По возвращении на родину Спренгтпортен участвовал в сессии риксдага 1786 г., на которой он присоединился к антикоролевской оппозиции. В это же время он передал российскому послу написанный на французском языке проект, касавшийся независимости Финляндии и баланса сил между государствами на Севере. Об этом документе, а также о беседах Спренгтпортена с послом было доложено императрице, которая предложила ему перейти на российскую службу. После некоторых сомнений он принял предложение и в сентябре 1786 г. прибыл в Петербург. Императрица приняла его с большими почестями. Ему были пожалованы титул камергера императорского двора, звание генерал-майора русской армии и большое денежное вознаграждение, позволившее устроить жизнь. Спренгтпортен сделал решающий шаг и не считал себя более подданным Швеции.

Проект конституции Финляндии под покровительством России, подготовленный Спренгтпортеном, основывался на идее республиканского устройства. В соответствии с этим документом, Финляндия должна была бы стать федеративным государством, в которой провинции обладали бы широким самоуправлением. Проект предполагал наличие четырехсословного сейма, но при этом высшей государственной властью должен был обладать конгресс, в который провинции избирали бы представителей высших сословий. Предполагалось, что крестьяне будут иметь право голоса, но не могут быть избранными в конгресс. В качестве органа исполнительной власти предполагался государственный совет, во главе которого должен был стоять президент, избираемый пожизненно. Проект

конституции был выдержан в духе эпохи Просвещения, и на него со всей определенностью оказали влияние конституции Нидерландов и США. Но ее основы были все же местными.

Поначалу казалось, что в России Спренгтпортен вряд ли сможет сделать что-либо существенное на благо Финляндии. Правда, императрица включила его в свою свиту во время поездки по югу России, но ее больше волновал турецкий, а не финляндский вопрос. Но когда Густав III в 1788 г. начал войну против России, для Спренгтпортена наступила горячая пора. В начале войны он был направлен в Олонецкую Карелию с целью формирования отрядов для нападения на Финляндию, но когда Я.А. Егергорн прибыл в Петербург с так называемой Лиикальской нотой, Спренгтпортен был срочно вызван в столицу для участия в переговорах. Вскоре он отправился на границу с Финляндией, где пытался побудить своих бывших приверженцев к активной деятельности на благо независимости страны. К своему разочарованию, он не получил достаточного отклика. Несмотря на это, он составил план проведения сейма в Хямеенлинне, который должен был отделить Финляндию от Швеции. Кроме этого, он подготовил пропагандистскую брошюру, предназначенную для населения Финляндии и озаглавленную «*К Родине*». Когда армия в октябре разошлась на зимние квартиры, планы Спренгтпортена относительно восстания, возглавляемого офицерами, разрушились.

Зимой 1788–1789 гг. Спренгтпортен разработал план боевых действий русской армии на будущее лето. И действительно, русская армия в основном действовала в соответствии с этим планом. Спренгтпортен и сам участвовал в боевых действиях, в частности, в сражении при Поррассалми, где был ранен выстрелом из штуцера савоского егеря. Говорят, что когда его привезли для лечения в его бывшую усадьбу Брахелинна, он пробурчал: «Покусали свои же собаки». Война означала для Спренгтпортена окончательный разрыв со Швецией, поскольку в феврале 1790 г. надворный суд в Турку заочно приговорил его к смертной казни за предательство.

В последующие годы Спренгтпортен проводил много времени за границей. Вследствие серьезного ранения он проходил лечение на водах. И поскольку интересы России теперь сосредотачивались на иных направлениях, для Спренгтпортена не всегда находились подходящие обязанности. Когда в 1798 г. он вернулся в Россию, император Павел I произвел его в генералы от инфантерии. Через два года он, будучи посланником Павла в Голландии, занимался возвращением русских солдат, попавших в плен к Наполеону. В ходе этой поездки Спренгтпортен встретился с Наполеоном, который отнесся к нему весьма уважительно.

В начале правления Александра I Спренгтпортен, как представлялось, оказался в тени. Правда, к его услугам прибегали для выполнения различных миссий в отдаленных приграничных районах импе-

рии, но ему не удалось добиться близости к монарху. Тем не менее, в 1805 г. он представил императору пространную записку о положении Польши и о Финляндии. Он предложил воссоздание Королевства Польского и независимость Финляндии.

Когда в 1808 г. началась война со Швецией, Спренгтпортен вновь оказался вовлечен в составление военных планов, став одной из ключевых фигур. Именно в соответствии с составленным им талантливым и вполне современным планом боевых действий русская армия начала наступление и перешла границу. Одновременно он продолжал подчеркивать важность создания финляндского государства. Это проявилось, в частности, в манифесте, написанном Спренгтпортенем и распространенном главнокомандующим русскими войсками графом Фридрихом Вильгельмом фон Буксгевденом, в котором содержалось обещание созыва сейм в Турку.

Спренгтпортену было предложено участвовать в завоевании Финляндии в качестве военного, но он не принял это предложение. Вместо этого в начале войны он состоял дипломатическим советником при графе Буксгевдене. Однако их отношения вскоре расстроились, поскольку, если Спренгтпортен выступал за создание финляндского государства, то фон Буксгевден желал присоединения Финляндии к России в качестве обычной провинции. Спренгтпортен непременно желал созыва сейма и делал все возможное для осуществления этого. В этом вопросе его оппонентами, помимо главнокомандующего, выступили и некоторые его прежние сторонники, выступавшие за то, чтобы Финляндия стала неотъемлемой частью России.

В Петербург из Финляндии была приглашена большая депутация, которая должна была рассказать императору о нуждах новой территории. Спренгтпортену, который в марте 1808 г. был отстранен от функций советника Буксгевдена, удалось в Петербурге добиться того, что депутации было сообщено о намерениях императора созвать сейм. Осенью 1808 г. Спренгтпортен подготовил для Александра I предложения об организации временного управления Финляндией. Этот план был рассмотрен комитетом, в который, кроме самого Спренгтпортена, входили еще два генерала: военный министр Алексей Андреевич Аракчеев и новый главнокомандующий русскими войсками в Финляндии Богдан фон Кнорринг. 1 декабря 1808 г. император Александр I одобрил план. Однако, вопреки этому плану, император предписал, чтобы финляндские дела докладывались непосредственно ему, минуя российских министров. Одновременно он назначил Спренгтпортена финляндским генерал-губернатором, а статс-секретаря Михаила Сперанского – докладчиком по финляндским делам.

В соответствии с планом Спренгтпортена, одобренным императором, предстояло созвать сейм и учредить временный правительствующий комитет во главе с генерал-губернатором. Предполагалось, что члены комитета будут избраны сословиями,

половина от дворянства, половина от прочих сословий. Видимо, из-за вмешательства ведущих финляндских консерваторов идея правительства, избираемого сословиями, была низведена до предоставления сословиям права вносить предложения по составу правительствующего совета. Сам же Спренгтпортен еще до сейма в Порвоо (Боргоский сейм) был отстранен от дальнейшей разработки этого плана.

В начале февраля 1808 г. в Хямеенлинне Спренгтпортен с большим энтузиазмом приступил к исполнению обязанностей генерал-губернатора, но он столкнулся с большими сложностями. В стране издавна не было центрального бюрократического аппарата, и подготовка к сейму была трудной. Вдобавок он столкнулся с проявлением ненависти со стороны многих своих соотечественников, которые обычно считали его предателем. Несмотря ни на что, ему в целом удалось справиться с задачей и, по крайней мере поначалу, сохранить расположение императора. На сейме в Порвоо он, в частности, зачитывал монаршие заверения. Рассорившись с новым главнокомандующим генералом Богданом фон Кноррингом, он, однако, подал прошение об отставке с поста генерал-губернатора, которое было весьма милостиво удовлетворено в июне 1809 г. За свои заслуги Спренгтпортен получил графский титул.

Остаток жизни Спренгтпортен провел как частное лицо. Зимой он жил в Петербурге в своем доме на Васильевском острове, а летом – в своем имении Хиетала недалеко от Выборга. В 1812 г. он составил проект создания национальных вооруженных сил Финляндии, но в целом более не участвовал в процессе руководства развитием государства, на начальном этапе которого сыграл столь важную роль.

Георг Магнус Спренгтпортен – одна из наиболее примечательных фигур в истории Финляндии. В разные исторические эпохи его деятельность оценивалась по-разному. Переход на русскую службу и смертный приговор, вынесенный в Турку, наложили на него печать предателя, что не могло не сказаться на его посмертной репутации. Отчасти вследствие политической конъюнктуры, его бегство в Россию понималось когда лучше, когда хуже. Историография первых лет независимости судила о нем иначе, чем историография эпохи республики Кекконена. Стоит все-таки помнить, что во времена Спренгтпортена именно военное сословие было весьма интернационально ориентировано. Сам по себе переход на службу другого государства не был чем-то необычным или постыдным. Но участие в боевых действиях против своей родины и тогда считалось неприемлемым, однако, Спренгтпортен, надо полагать, мог бы сказать, что у него на то было достаточно причин. Можно предположить, что на представления потомков о нем более всего повлияло то, что по своему характеру он, судя по всему, не был ни особенно добродетельным, ни бескорыстным. Его обвиняли в неумеренном стяжательстве,

безудержной жажде власти, безмерном эгоизме и бесцеремонном использовании других людей в своих интересах. Кроме того, он был большим сердцеедом и в своих отношениях с противоположным полом далеко не всегда вел себя благородно.

Как военный, Спренгтпортен, без сомнения, был одним из наиболее передовых в истории Финляндии. Ему так и не удалось продемонстрировать свои умения в качестве военачальника в каком-либо большом и значительном сражении. Но то, чего он достиг, к примеру, на посту командира Савоской бригады, а также планы, которые он разработал для наступательных операций русской армии в Финляндии, указывают на то, что он обладал видным тактическим и стратегическим мышлением.

В качестве государственного деятеля Спренгтпортен также проявил себя как новатор. Его многочисленные проекты формы правления и административного устройства Финляндии свидетельствуют о том, что он хорошо ориентировался в современных направлениях учения о государстве и политического мышления, а также был способен выдвигать новые идеи. Свидетельством его творческого политического мышления является и то, что его представления о государстве порой развивались в совершенно противоположном направлении по сравнению с тем, что он говорил ранее. Единственной неизменной целью для него оставалась идея создания финляндского государства. Ему довелось увидеть осуществление этой великой идеи, и хотя в дальнейшем он практически не участвовал в первых шагах молодого государства, воплощение своих идей, должно быть, приносили ему удовлетворение. Независимо от того, насколько сурово осуждаются его известные слабости и ошибки, бесспорно, что его значение в создании автономной Финляндии было во многих отношениях решающим.

– Вели-Матти Сюрё

Приложение:

Георг Магнус Спренгтпорт, с 1770 Спренгтпортен, род. 16.8.1740 приход Порвоо, умер 13.10.1819 Санкт-Петербург. Родители: Магнус Вильгельм Спренгтпорт, майор, и Эльза Катарина Ульфспарре ав Бруксвик. Первая жена: 1764–Анна Элизабет Гласеншерна, род. 1740, умерла 1785, родители первой жены: Лоренс Гласеншерна, подполковник, и Вендела Элеонора Турвигге; вторая жена: 1789–1797 Анна Шарлотта Д'Омаль; третья жена 1798–Варвара Замыская, графиня, умерла 1850, родители третьей жены: Николай Замыский, статский советник, граф. Ребенок: Магнус Вильгельм, род. 1801.

Каарло Юхо Стольберг (1865–1952)

Президент Республики

К.Ю. Стольберг, первый президент Финляндской Республики, заложил фундамент для осуществления государственной власти в соответствии с *Формой правления 1919 г.* – конституцией Финляндии, своеобразно сочетавшей парламентаризм и суверенные президентские полномочия. Он утвердил на практике новую форму правления, подготовкой которой руководил лично. В частности, Стольберг разработал интерпретацию путей осуществления внешней политики в соответствии с этим документом.

К.Ю. Стольберг по образованию был одновременно гуманитарием, кандидатом философии, и юристом, доктором юриспруденции. До прихода на пост президента он прошел долгую и приведшую к высоким постам карьеру как в качестве правоведа и практикующего юриста, так и в качестве политика. Он, в частности, был чиновником в сенате, депутатом сейма от бюргерского сословия, сенатором, профессором административного права, депутатом и председателем парламента, а также президентом высшего административного суда.

По окончании своего периода президентского правления он не стал выдвигаться на новый срок, а стал старейшиной в законоподготовительной комиссии, проработав там двадцать лет. Позднее он выдвигался кандидатом на президентских выборах 1931 и 1937 гг., но в обоих случаях не был избран, не добрав буквально одного голоса. В период 1930–1932 гг. он был рядовым депутатом парламента.

К.Ю. Стольберг родился в 1865 г. в семье Юхана Габриэля (Йанне) Стольберга, помощника пастора в Суомуссалми, позднее служившего в Алавиеска, а затем Хаапаярви, и Аманды Густавы Кастрен. При крещении он получил имя Карл Юхан, которое во время учебы в школе было изменено на Каарло Юхана, а в студенческие годы – Каарло Юхо. Уже с 1880-х гг. он подписывался как К.Ю. Стольберг. Из используемых близкими людьми имен – Каарло, Калле, Юсси и Йон (John) – закрепилось только последнее из упомянутых. К.Ю. Стольберг родился средним из пяти детей. Первенец, девочка, умерла, не прожив года.

Предки К.Ю. Стольберга как со стороны отца, так и со стороны матери были в основном священниками и служащими в Северной Похьянмаа. Дед по отцу, Фредрик Август Стольберг был ленсманом, прапорщиком («старый прапорщик», как его называли). Во время Финской войны 1808–1809 гг. он был произведен в прапорщики, но оставил военную карьеру по окончании войны. Бабушка по линии отца – Анна Маргарета Снельман, которая вышла замуж за Фредрика Августа Стольберга, оставшись вдовой после первого брака с помощником пастора Якобом Кастреном. «Старый прапорщик» был угрюмым стариком, который, хоть и был сыном священника, ненавидел священников, но любил детей и лошадей. Дед по матери, Рейнольд Кастрен, был волостным писарем в Соткамо, а бабушка – Йоханна Элизабет Кайян.

Помощник пастора Йанне Стольберг умер в 1873 г., не дожив до 41 года. И хотя семья оказалась в трудном экономическом положении, детей отправили в школу в Оулу. В 1879 г. их мать Аманда Стольберг, чьи лучшие годы давно уже прошли, также переехала в Оулу, где она сначала работала сторожем в школе для девочек, а затем заведовала снабжением продовольствием в губернской больнице. Старшая сестра К.Ю. Стольберга Альма (1863–1929) работала в дальнейшем почтовой служащей, а младший брат, рано умерший Фредрик (1866–1895), сдал экзамен на юриста и работал начальником губернской конторы в губернском правлении Оулу. Младшая из сестер Анна (1868–1888) умерла в возрасте 19 лет.

В семье Стольбергов всегда выступали за распространение и использование финского языка, поэтому из трех школ Оулу естественным образом выбор остановился на финском частном лицее. Каарло Юхана все школьные годы был первым учеником в классе. В старших классах он был одним активистов школьного товарищества. Он также много писал – как стихи, так и тематические статьи – для газеты «*Toivon tähti*» («*Звезда надежды*»), рукописного органа товарищества, главным редактором которого был сам. Стольберг был «*spes nostratium et decus*» – нашей надеждой и украшением, так написал о нем ректор лицея А.О. Форсман в школы матрикуле.

В 1884 г. Стольберг сдал экзамен на аттестат зрелости с оценкой «*laudatur*» («отлично»), с исключительно высоким для того времени средним баллом аттестата – 9,20. В университете он сначала получил степень кандидата философии, которая была условием осуществления его основной цели – степени кандидата юриспруденции, которую он получил в 1889 г. Во время стажировки в судебном округе Коккола он приступил к написанию докторской диссертации, имея своей целью получение создаваемой в университете должности ассистента по административному праву и народному хозяйству. С подготовкой диссертации была связана полугодовая научная поездка в Германию. После защиты диссертации «*Бродяжничество в законодательстве*

Финляндии» и сдачи лицензиатского экзамена он получил степень доктора юриспруденции, а вскоре и назначение на должность ассистента в университете.

Во время учебы Стольберг активно участвовал в политической жизни студентов в качестве члена землячества провинции Похьянмаа. Политическим прибежищем для него стала группа «*Валвоя*» («*Наблюдатель*»), либеральная группировка младофиннов, в которую входил также его профессор истории Э.Г. Пальмен. Во время учебы Стольберг также работал, в частности, учителем шведского языка в гимназии в Хямеенлинна и главным редактором газеты «*Финланд*». Став юристом, он соприкасался с политикой, главным образом работая секретарем комиссии в сейме.

В период работы секретарем экономической комиссии сейма в 1891 г. Стольберг начал ухаживать за своей троюродной сестрой Хедвиг Вольберг и обручился с ней. Брак между доктором юриспруденции К.Ю. Стольбергом и учительницей Хедвиг Вольберг был заключен 17 декабря 1893 г. Благодаря женитьбе и постоянной должности в университете жизнь Стольберга вошла в устоявшуюся колею. В сентябре 1894 г. в семье родился первый из шести детей.

В 1894 г. Стольберг перешел из группы «*Валвоя*» в кружок, группировавшийся вокруг газеты «*Пяйвялехти*». В этой газете он опубликовал серию из трех статей «*Трудовые книжки и бродяжничество*», после чего инициалы «К. Ю. С.» довольно часто встречались на страницах газеты, особенно в следующие два года. Можно считать, что в том же году, приняв участие в разработке программы «молодой партии», Стольберг окончательно превратился в активного политика. В работе сейма он участвовал по-прежнему в качестве секретаря комиссии, а на сессии 1894 г. – секретаря экспедиционной комиссии.

В своей должности ассистента в университете Стольберг сосредоточился на преподавании, а также на добывании дополнительных заработков. За это время он написал шесть научных статей и перевел на финский язык две книги по юриспруденции. В 1898 г., очевидно, по экономическим соображениям, Стольберг подал документы на занятие должности протокольного секретаря (второй по рангу докладчик) гражданской экспедиции сената. Утверждение Стольберга на эту должность парадоксальным образом стало одним из первых официальных действий нового финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова. С появлением Бобрикова и обнародованным в 1899 г. Февральским манифестом в Финляндии началось так называемое «лихолетье». Отношение к русификаторским начинаниям разделило чиновников и политиков Финляндии на два лагеря: соглашателей и конституционалистов. На рубеже веков сенат превратился в так называемый «соглашательский» сенат. Но для Стольберга его конституционализм был естественным продолжением его прежней политической линии. Теперь получалось, что он занимает должность

«конституционного протокольного секретаря соглашательского сената». В это же время Стольбергу было оказано первое настоящее политическое доверие: в 1901 г. его избирают членом совета городских уполномоченных Хельсинки.

Несмотря на расхождения во взглядах, отношения между сенаторами и протокольным секретарем Стольбергом были хорошими. Хотя сенат и смотрел часто сквозь пальцы на твердую конституционалистскую линию Стольберга, в 1902 г. ему удалось в одном деле, касающемся закона о воинской повинности 1901 г., завести ситуацию в тупик. Он не только не удовлетворился тем, что, будучи докладчиком, предложил не отправлять, как противоречащее закону, одно официальное письмо, но и отказался составить и завизировать письмо, соответствовавшее решению сената. Сенат немедленно отстранил Стольберга от исполнения обязанностей, а по распоряжению Бобрикова от 14 января 1903 г. сенат 15 апреля 1903 г. уволил Стольберга. Увольнение произошло на основании так называемого положения об увольнениях от 1902 г., законность которого ставилась под сомнение. С другой стороны, по закону докладчик не имел (и по-прежнему не имеет) права отказываться от составления и визирования выписок из протоколов. Увольнения в порядке осуществления постановления 1902 г. оказались в сенате очень немногочисленными: кроме Стольберга был уволен один секретарь докладчика и один протокольный секретарь.

Увольнение из сената не оставило Стольберга без работы и без доходов. Он дорабатывал комментарий к закону об аренде земли, был председателем правления страхового общества «*Суоми*» и занимал предоставленную ему должность помощника в канцелярии счетной палаты Хельсинки, не требовавшую больших усилий. После поражения России в войне с Японией, после всеобщей стачки в России и Финляндии в 1905 г., правительственный курс изменился как в России, так и в Финляндии. «Соглашательский» сенат ушел в отставку, и ему на смену пришел сенат конституционный, вице-председателем хозяйственного департамента которого был Л. Мехелин, а вице-председателем юридического департамента – Р.А. Вреде. К.Ю. Стольберг был назначен сенатором хозяйственного департамента и начальником отдела по торговле и промышленности.

Одной из наиболее важных задач конституционного сената на начальном этапе было рассмотрение проекта парламентской реформы, подготовленного комитетом под председательством профессора Роберта Германсона. Согласно проекту, сословный сейм следовало заменить парламентом, выбираемым на основе всеобщего и равного избирательного права, с предоставлением женщинам права избирать и быть избранными. Стольберг не был сторонником однопалатного парламента. Он предлагал сформировать из дворянства и духовенства первую, а из бюргерства и крестьянства вторую палаты. На сейме 1904–1905 гг. он по тактическим соображениям выступал против избирательного права для женщин, считая, что это помешает одобрению

бюргерской и крестьянской коллегиями внесенного на рассмотрение всеобщего и равного избирательного права (для мужчин). В сенате он все же заявил, что пропорциональная избирательная система развеяла его сомнения, и что теперь он поддерживает как однопалатную систему, так и избирательное право для женщин. Проект комитета был принят в сенате с небольшими изменениями. Стольберг также участвовал в разработке сенатом Мехелина проекта формы правления, хотя, насколько известно, проект в свое время не пошел дальше канцелярии генерал-губернатора.

Хотя в самом начале века «соглашательский» сенат пытался уберечь служащих-конституционалистов, таких, как Стольберг, от жесткости Бобрикова, теперь в конституционном сенате больше не было места для согласия. Сенат Мехелина провел закон, изданный в порядке издания коренных узаконений, по которому служащие, назначенные в законном порядке на место уволенных в административном порядке судей и других служащих, освобождались от должности. Принцип добровольной отставки, поддержанный Стольбергом, не был одобрен.

В 1907 г. первые выборы, основывавшиеся на всеобщем и равном избирательном праве в соответствии с сеймовым уставом 1906 г., превратились для «правящих партий» в болезненное поражение. Младофинны получили 25, а шведская партия 24 места, так что сенат в парламенте поддерживало всего 49 депутатов. Даже одни только старофинны располагали большим количеством мест (59). Крупнейшей партией стали социал-демократы с 80 местами.

В сенате в связи с неудачей на выборах образовалось два направления: парламентское под руководством Стольберга и антипарламентское под руководством Вреде. По инициативе Стольберга хозяйственный департамент принял решение «в частном порядке» проинформировать парламентские фракции о готовности сената сложить свои полномочия, но Вреде и его юридический департамент занял совершенно противоположную позицию, и конституционный сенат не подал в отставку по результатам выборов. Стольберг, однако, осуществил принципы парламентаризма на практике, уйдя в отставку в декабре 1907 г. и мотивируя это тем, что парламент, вопреки отстаиваемой им позиции сената, принял сухой закон, основывающийся на полном запрете алкоголя.

Уйдя из сената, Стольберг во второй раз оказался без должности. Однако должность для него довольно скоро нашлась. Кафедра Роберта Германсона в 1906 г. была разделена на две. Германсон себе выбрал кафедру государственного и международного права, при этом оставалась вакантной профессура по административному праву. На эту должность был лишь один претендент, доктор юриспруденции Онни Талас. Между Стольбергом и Таласом было заключено джентльменское соглашение, согласно которому Талас отозвал свое заявление в пользу Стольберга, а Стольберг пообещал, что, как только представится

возможность, он откажется от места в пользу Таласа. По истечении срока подачи заявлений на должность был заявлен лишь один соискатель – Стольберг. Эксперты, дававшие заключение, бывший профессор Л. Мехелин и бывший ассистент по административному праву Ю.К. Паасикиви, посчитали Стольберга компетентным для этой должности, хотя и обратили внимание на его слабость в систематических и теоретических вопросах. Факультет также считал Стольберга компетентным и пояснял, что его «практическую служебную деятельность вполне можно рассматривать как весомую заслугу», что, вероятно, должно было указывать на то, что собственно научная деятельность Стольберга была сравнительно скромной.

Стольберг был назначен профессором административного права 26 августа 1908 г. Будучи профессором, он написал свой главный труд «*Административное право Финляндии I и II*» (1913–1915), объемную и основополагающую работу, которая долгое время служила учебником на юридическом факультете. Произведение по-прежнему имеет большое значение не только с точки зрения истории права и административного управления, но и с точки зрения исследований в области административного права.

Занимая должность профессора, Стольберг мог активно участвовать в политике. В 1908 г. он был избран в центральный комитет Младофинской партии. Он был депутатом парламента созывов 1908, 1909 и 1917 гг. В 1914 г. Стольберг был избран председателем парламента. Парламент был недоволен тем, что многократно избиравшийся председателем П.Э. Свинхувуд, помимо своего отсутствия в начале сессии по болезни, практически парализовал работу парламента, своими провокационными речами при открытии сессий вызывая роспуск парламента, обычно уже в начале сессии.

Свержение императорской власти в России в марте 1917 г. означало также отставку функционировавшего в качестве «правительства чиновников» и частично русифицированного так называемого «адмиральского сената». Так как парламент был распущен, решение о составе нового сената принималось представителями буржуазных партий совместно с партийными органами социал-демократов. Хотя Стольберг получил наибольшее количество голосов членов делегации буржуазных партий для занятия поста вице-председателя хозяйственного департамента, его кандидатура не получила поддержки социал-демократов, что сам Стольберг считал необходимым условием. Вице-председателем стал социал-демократ Оскар Токой, половина членов департамента была назначена из представителей буржуазных партий, а половина – от социал-демократов.

Оказавшийся вне сената, Стольберг стал председателем конституционного комитета, созданного еще весной 1917 г. Важнейшей задачей комитета было обсуждение новой формы правления. За ее подготовку отвечали главным образом собравшиеся летом 1917 г. в

местечке Вредебю недалеко от Аньяла К.Ю. Стольберг (младофинн), Р.А. Вреде (Шведская народная партия) и Антон Котонен (социал-демократ). За основу формы правления был взят проект конституционного сената Мехелина 1907 г., который, по сути, являлся кодификацией конституционных актов Густава III и основывался на принципе разделения власти. «Поверх» него комитет «надстроил» свою модель, основывающуюся на парламентаризме, так что проект стал уникальным сочетанием идеи разделения власти и парламентаризма. На парламентских выборах 1916 г. социалисты получили большинство. Их голосами летом 1917 г. парламент принял так называемый закон о власти. Когда вопрос рассматривался в хозяйственном департаменте сената Токоя, генерал-губернатор Николай Некрасов в первый и единственный раз принял участие в заседании и поддержал правых. Исходя из позиции сложившегося таким образом большинства, российское Временное правительство не утвердило закон о власти и назначило проведение новых выборов, в результате которых в парламенте вновь образовалось буржуазное большинство.

После принятия решения по закону о власти сенаторы социал-демократы ушли в отставку. После Октябрьской революции в России и всеобщей забастовки в Финляндии 27 ноября 1917 г. парламент после горячих и острых дискуссий принял буржуазный список правительства П.Э. Свинхувуда. 4 декабря 1917 г. сенат Свинхувуда представил парламенту декларацию независимости и проект формы правления Финляндии. Конституционный комитет Стольберга составил проект формы правления Финляндской Республики в составе России, теперь же он был спешно переделан в проект формы правления независимой Финляндской Республики.

После гражданской войны в так называемом «урезанном парламенте», в котором из депутатов социал-демократов остался только один, на сессии созыва 1917 г. и чрезвычайной сессии 1918 г. происходила горячая борьба по вопросу о форме правления, в которой сенат продвигал идею конституционной монархии, а возглавляемое Стольбергом меньшинство – идею парламентской республики. Сенат отказался от проекта республиканской конституции 1917 г. и представил в парламент проект монархической формы правления. В так называемом «протесте республиканцев» Стольберг вместе с Сантери Алкио из Аграрного союза подготовил новый проект конституции Финляндской Республики. Монархический проект был все же принят, но из-за отсутствия квалифицированного большинства был перенесен на повторное рассмотрение после парламентских выборов. То же произошло с проектом конституции, представленным на чрезвычайную сессию парламента 1918 г., созванную для выборов короля.

Стольберг был председателем конституционной комиссии на сессии парламента созыва 1917 г., но ему пришлось отказаться от обязанностей

депутата, когда в 1918 г. он был назначен первым президентом высшего административного суда. Он, таким образом, не участвовал в «сессии по выборам короля» 1918 г.

Поражение Германии в мировой войне изменило политическую ситуацию в Финляндии. Действующий как глава государства председатель сената Свинхувуд ушел в отставку, и 12 декабря 1918 г. регентом был назначен главнокомандующий финской белой армией генерал кавалерии Густав Маннергейм. Вскоре после этого избранный королем Финляндии принц Фридрих Карл Гессенский отрекся от престола. На парламентских выборах в марте 1919 г. парламент получил республиканское большинство. Сформированное в марте 1919 г. коалиционное правительство Каарло Кастрена, состоявшее из представителей Национальной прогрессивной партии, Аграрного союза и Шведской народной партии, летом 1919 г. представило парламенту второй проект республиканской формы правления. Этот проект также был отложен, но, в конце концов, парламент доработал проект, опираясь на поправки Хейкки Ритавуори и некоторых других членов парламента таким образом, что после нескольких компромиссных решений он получил необходимое большинство голосов в парламенте. Регент Маннергейм после некоторых сомнений 17 июля 1919 г. утвердил форму правления Финляндии.

Конституционный комитет Стольберга выступал за прямые выборы президента, но члены комитета бывшие руководители монархистов Ю.К. Паасикиви и Р.А. Вреде в своем особом мнении потребовали проведения выборов, совершаемых коллегией выборщиков. Это, по их мнению, отвечало требованиям демократии и создавало возможность для переговоров. Сторонники Алкио из Аграрного союза и социал-демократы, в свою очередь, выступали за выборы президента в парламенте. В «протесте республиканцев» Стольберг и Алкио пришли к «историческому компромиссу», по которому, как уступка монархистам, были одобрены непрямые выборы и широкие полномочия президента. Это решение было принято также в отношении конституции 1919 г., несмотря на то, что правительство Кастрена предлагало – как уступку социал-демократам – выборы президента парламентом. Тем не менее, первые выборы президента было решено провести в парламенте.

Первые выборы президента Финляндской Республики прошли в парламенте 25 июля 1919 г. Стольберг изначально упоминался как возможный кандидат, но сам он не хотел менять должность президента административного суда на пост главы государства. Стольберг считал, что будет избран Маннергейм, к нему приходили делегации как с просьбой выдвинуть свою кандидатуру, так и требующие отказаться в пользу Маннергейма. Сам Стольберг изначально был искренне против своего выдвижения, но в конце июня он, по всей видимости, пришел к заключению, что, по-прежнему оставаясь противником своего выдвижения, он не был вправе отказываться, тем более что по слухам в

кругу активистов планировалось проведение военной провокации или переворота.

На выборах 25 июля 1919 г. Стольберг получил 143 голоса, Маннергейм – 50 голосов, а Лаури К. Реландер и Вяйнё Таннер – каждый по одному голосу. Два социал-демократа не получили ни одного голоса. Председатель парламента Реландер, согласно парламентской традиции, не голосовал, а два депутата отсутствовали. За Стольберга проголосовали все депутаты от Прогрессивной партии (26), 39 из 40 депутатов от Аграрного союза (все кроме председателя Реландера), 76 депутатов от социал-демократов из 79, один депутат от Шведской народной партии и один из двух депутатов от Христианской рабочей партии.

На следующий день Стольберг выступил в парламенте с торжественным заявлением, во вступлении к которому он по обыкновению скромно заявил: «Я должен исполнить решение, принятое парламентом Финляндии в соответствии с конституцией. Я должен занять ответственный пост президента Финляндской Республики». Согласно укоренившемуся анекдоту, Стольбергу пришлось из парламента (дом Хеймола) идти домой пешком; на самом деле любивший ездить на автомобиле Стольберг мог отправиться домой на предоставленной военным министром Рудольфом Вальденом машине, поскольку посол Швеции увел из-под носа машину, заказанную для президента. Из присланных домой букетов цветов и телеграмм с поздравлениями Стольберга особенно порадовала телеграмма монархиста Ю.К. Паасикиви, в которой тот, ссылаясь на почти тридцатилетнее знакомство, высказывал от всего сердца самые лучшие пожелания счастья и успеха.

«Лихолетье» и так называемый «второй период русификации» разделили буржуазию Финляндии на два враждебных лагеря – соглашателей и конституционалистов, – которых в период гражданской войны на время объединил общий враг. Но после гражданской войны борьба за государственное устройство породила новый раскол между республиканцами и монархистами. В ходе этой борьбы мировая война «вывела из игры» потенциальных претендентов на престол, и истинные лидеры монархистов Вреде и Паасикиви после поражения не таили злобу, так что Стольберг мог в дальнейшем считать обоих своими старыми друзьями. Настоящими противниками Стольберга остались поддерживающие Маннергейма монархисты и активисты. Отношения Маннергейма и Стольберга оставались прохладными на протяжении всего срока президентского правления Стольберга. Известной параллелью между ситуацией, господствовавшей в период «лихолетья» и в первые годы существования республики можно считать политические убийства соглашателя, прокурора Элиэла Йогансона (Сойсало-Сойнинен) в 1905 г. и подопечного Стольберга, министра внутренних дел Хейкки Ритавуори в 1922 г.

Стольберга на посту президента сравнивали в первую очередь с Маннергеймом. Маннергейм был военным и владеющим ино-странными языками «политиком в области международных отношений»; Стольберг был юристом и «знатоком внутренней политики». Маннергейм был светским человеком и аристократом, знающим придворные порядки; в сравнении с ним Стольберг был чопорным чиновником-фенноманом. С другой стороны, по свидетельствам современников, он производил на окружающих величественное впечатление своим сугубо деловым поведением и выдерживаемой дистанцией. Это, правда, могло быть результатом застенчивости, скрываемой с помощью огромной силы воли и жесткой самодисциплины. Стольберг, в частности, избегал неподготовленных выступлений, потому что боялся своей склонности запинаться в подобных ситуациях. Во избежание этого он все свои речи, даже небольшие выступления и поздравления на семейных торжествах, заранее записывал на бумаге, что, с одной стороны, означало огромную дополнительную нагрузку. С другой стороны, это очень хорошо гармонировало с «протестантской этикой», характерной как для его служебной деятельности, так и для всех остальных сторон его жизни, несмотря на то, что в публичных выступлениях он тщательно избегал ссылок на религию и старался не произносить имени Бога. Стольберг также не любил официальные церемонии. Его отказ от государственного визита в Швецию или приглашения короля Швеции или кронпринца посетить Финляндию был связан не только с внешнеполитическими причинами.

Трагедией в личной жизни Стольберга в 1917 г. стала смерть его жены Хедвиг. Он был вдовцом, когда стал президентом, поэтому его дочерям пришлось взять на себя роль первой леди государства. Стольберг письменно попросил руки вдовы Элли Вегелиус (сестра Маисси Эркко, жена его друга Ээро Эркко), но получил отказ. Получив письмо от подруги юности, вдовы Эстер Хелстрём, Стольберг в своей неуклюжей манере стал за ней ухаживать. В результате 7 июня 1920 г. состоялось бракосочетание президента. Свадьбу сыграли в семейном кругу в доме Эстер Хелстрём в Хельсинки. Супружеская пара получила многочисленные поздравления. Союз с точки зрения непрактичного Стольберга был удачным и разумным решением, но Эстер Стольберг заплатила за свою любовь большую цену, так как дети Стольберга относились к ней враждебно. С другой стороны, брак помог Эстер Стольберг в ее карьере писательницы, так что оставшуюся часть своей жизни она провела не только как супруга бывшего президента, но и как признанная и любимая писательница. Для Стольберга было вполне типичным, что он занял беспристрастную и нейтральную позицию «политика» во взаимоотношениях между новой женой и детьми, несмотря на то, что возникавшие противоречия были по большей части порождены им самим.

Находясь на посту президента, Стольберг действовал в том же порядке, какой установился в сенате при Свинхувуде, а протокол

заимствовался из периода регенства Маннергейма. Его задачей становилось осуществление принципа разделения властей и парламентаризма в соответствии с конституцией 1919 г. и особенно формулирование «правильной» интерпретации статей формы правления, касающихся внешней политики.

На период президентства Стольберга, с одной стороны, наложили отпечаток трудности периода становления независимой Финляндии, с другой стороны, специфические политические проблемы данного времени. Враждебность со стороны представителей радикальных монархистов и сторонников Маннергейма переходила – не говоря уже об убийстве Ритавуори – все границы дозволенного. Вопрос о статусе Аландских островов привел к кризису в отношениях со Швецией; спор был передан для рассмотрения в Лигу наций. Президент, будучи главнокомандующим армии, постоянно конфликтовал с офицерским составом. Приказ, отданный генерал-майору Карлу Эмилю Бергу о наведении порядка в отрядах шюцкора, был выполнен, но привел к самоубийству Берга. Позже Стольберг оказался в затруднительном положении, столкнувшись с массовыми отставками офицеров. Беспокойства возникали и в связи с осуществлением Тартуского мирного договора 1920 г. и выводом финских войск из Восточной Карелии. Кровь пролилась и в этот момент: ребольский ленсман, студент Боби Сивен застрелился, услышав о подписании Тартуского мира.

В Финляндии, как и во многих других европейских странах, в нестабильной обстановке 1920-х гг. правительства были недолговременными. Обычно Стольберг опирался на центристские кабинеты. Когда «нормальный парламентаризм» не действовал, Стольберг сам брался за формирование «парламентских правительств чиновников». Он также распустил парламент, пойдя против позиции правительственного большинства, когда парламент стал неполным после ареста министра юстиции, и.о. министра внутренних дел Отто Окессона и тюремного приговора, вынесенного надворным судом Турку всем 27 депутатам от Социалистической рабочей партии. В этих случаях Стольберг не стеснялся прибегать к независимому положению главы государства и выступать в роли «нейтральной власти» (*pouvoir neutre*) в ситуациях, угрожавших парламентаризму и системе разделения властей.

После окончания срока президентства Стольберг более не выдвигал свою кандидатуру. С одной стороны, его президентство было в такой степени беспокойным, что он не хотел продолжения, с другой стороны, он как «отец конституции», возможно, хотел закрепить практику президентства на один срок. Стольберг лично внес в форму правления статью, по которой оклад президента в период его правления не мог быть ни увеличен, ни уменьшен. Но случилось так, что именно во время его президентства в Финляндии разразилась невиданная ранее инфляция, так что последние годы нахождения Стольберга на посту президента стали для него попросту убыточными.

После окончания президентского срока Стольберг сначала жил в квартире, купленной на средства Эстер Стольберг, а позже на вилле в Кулосаари, купленной на ссуду. После отставки Стольбергу был среди прочих предложен нетрудоемкий и хорошо оплачиваемый пост канцлера Хельсинкского университета, на что Стольберг заметил, что, освободившись от офицеров, он не хочет иметь неприятности от студентов и выбрал должность старейшины законоподготовительной комиссии, оставлявшую возможность для приработка. Стольберг пытался попасть в эту комиссию еще в 1900 г. Став членом законоподготовительной комиссии четверть века спустя, он на этом посту на протяжении 1926–1946 гг. успел проделать столько, что хватило бы на отдельную карьеру, а то и две.

Будучи членом законоподготовительной комиссии, Стольберг как старший государственный деятель мог бы почитать на лаврах, но политика по-прежнему была у него в крови. На президентских выборах 1931 г. он и во втором и в третьем туре получил 149 голосов из 300 и лишь с минимальным разрывом уступил П.Э. Свинхувуду. На выборах 1937 г. он набрал 150 голосов, но не был избран: социал-демократы во втором туре «на всякий случай» проголосовали за Кюёсти Каллио, чтобы не допустить повторного избрания Свинхувуда.

В период между парламентскими выборами 1930–1932 гг. Стольберг был рядовым депутатом парламента. В это время он, в частности, принимал активное участие в отклонении законопроектов, направленных на отказ от парламентаризма. Конфликт между правыми радикалами и Стольбергом с годами не утих, и в октябре 1930 г. сторонники Лапуаского движения попытались выдворить Стольберга с супругой в Советский Союз, но отказались от своего замысла в Йоенсуу. Этот инцидент ускориł, в свою очередь, спад Лапуаского движения.

Выйдя на пенсию в 1946 г., Стольберг проводил дни своей старости на вилле в Кулосаари и консультировал по сложным юридическим вопросам своего старого друга Ю.К. Паасикиви. Оставаясь почти всю свою жизнь спорным и противоречивым политиком, Стольберг умер в 1952 г., будучи единодушно почитаемым всей нацией государственным деятелем. Со временем уважение к нему росло, на что указывает, в частности то, что если ни одна, так другая политическая группировка незаслуженно пыталась спекулировать на его славе. Усердие, самодисциплина, личное бескорыстие и неприхотливость были теми качествами К.Ю. Стольберга, которые было трудно повторить более поздним политикам.

Приложение:

Каарло Юхо (Карл Юхан) Стольберг, род. 28.1.1865, Суомуссалми, умер 22.9.1952, Хельсинки. Родители: Юхан Габриэль Стольберг, помощник пастора, и Аманда Густафа Кастрен. Первая жена: 1893–1917 Хедвиг Ирене Вольберг, умерла 1917, родители первой жены: Густав Вильгельм Вольберг, губернский землеустроитель, и Эва Фредрика Стольберг. Вторая жена: 1920–1950 Эстер Хельстрем, род. 1870, умерла 1950, родители второй жены: Карл Оскар Эльвинг, бургомистр, и Енни Нюман. Дети: Каарло, род. 1894, профессор, дипломированный инженер, жена Керстин Мария Ельт; Аино, род. 1895, муж горный инженер Ханс Йозеф Черман; Элли, род. 1899, лицензиат медицины, муж главный врач Эрик Рафаэль Шауман; Ауне, род. 1901, инспектор по делам детей; Юхо, род. 1907, помощник судьи, жена Мари Аурора Равандер; Кюллики (Туоминен), род. 1908, старший учитель, муж Ойва Юхана Туоминен, магистр философии.

Йоханнес Таканен

(1849–1885)

скульптор

Выходец из бедной среды, Йоханнес Таканен благодаря своему таланту поднялся до вершин в истории искусства Финляндии 19 в., стал одним из великих мастеров. Притягательная сила его самых известных произведений, *«Венера и Амур»*, *«Ребекка у колодца»*, *«Андромеда, прикованная к скале»* и *«Айно, смотрящая на море»*, не уменьшается. Все свои главные работы Таканен создал приблизительно за 10 лет. Он умер в Риме в самом расцвете своих творческих сил в возрасте 35 лет.

Когда очень молодой студент Йоханнес Таканен, которому не было и 20 лет, впервые представил свои работы на совместных выставках художников в 1860-е гг. в Хельсинки, финское искусство и в особенности скульптура были еще молодыми и отчасти неразвитыми. Финское художественное общество, правда, с самого своего основания в 1846 г. энергично способствовало развитию изобразительного искусства, и такие великие таланты международного уровня, как Альберт Эдельфельт, Аксели Галлен-Каллела и Ээро Ярнефельт, а в области скульптуры Вальтер Рунеберг, уже смогли продемонстрировать свой блестящий талант.

Обычно художники были выходцами из высших социальных слоев финских шведов, но Йоханнес Таканен из Виролахти был исключением. Он происходил из очень бедной семьи. Продвижению Таканена помогла идея феннофильства (финская национальная идея), которую так лелеял просвещенный привилегированный класс и одной из форм проявления которой был поиск и поддержка молодых талантов из финского народа в их стремлении развиваться и получать образование в области искусства. Став известными художниками, они стали бы живым примером того, что финский народ имеет равные права на место в числе других европейских культурных народов.

Отец, батрак Эрки Таканен, в детстве остался сиротой, и родной дом отошел опекунам. Те вели хозяйство плохо. Мальчик-сирота

просил милостыню и был пастухом, пока не попал в работники в дом пастора в Элимяки, где познакомился со своей будущей женой. Осенью 1844 г. семья переехала со своим первым ребенком Марией в Юля-Урпала в Виролахти, где позже родились девочки Хелена и Анна-Лийса и мальчик Йоханнес. Когда в начале 1850-х гг. семья переехала в Ала-Урпала в работники в усадьбу Фредрика Альфтана, Йоханнесу было три года. У Йоханнеса Таканена не было бы никакой возможности развивать свои прирожденные способности, если бы внимательные и образованные работники усадьбы не поняли, о чем на самом деле идет речь.

Таканен, которого отправили на учебу в Выборг к Т.А. Спренгелю, ставшему его первым учителем рисования, благодаря убедительным проявлениям своего таланта приобрел немало поклонников, и городская интеллигенция организовала несколько сборов средств для его обучения. Таким образом, в 1865 г. Таканен наконец смог поехать в столицу в художественную школу Финского художественного общества, где его преподавателем стал переехавший из Швеции в Финляндию и работавший здесь К.Э. Шёстранд.

За пару лет Таканен так продвинулся в обучении, что в 1867 г. его отправили в Копенгаген к профессору Х.В. Биссену и его сыну-скульптору В. Биссену. После Бертеля Торвальдсена в Копенгагене активно действовала Художественная академия. В свое время там учился и Вальтер Рунеберг. Таканен обучался в Королевской академии художеств Копенгагена шесть лет. Он занялся как изображением живой природы, так и работой по мрамору. «Датская скульптура в то время начала отходить от неоклассицизма с его идеальной красотой, опирающегося на античность, которому Бертель Торвальдсен придал скандинавские черты. Стали приобретать цену естественность и реализм с акцентом на деталях, как в романтических, так и в обыденных сюжетах. Частью этого процесса стал и Йоханнес Таканен», – так Юха Илвас в 1985 г. написал в издании, выпущенном к выставке к 100-летию юбилею Йоханнеса Таканена в Виролахти.

В Копенгагене Таканен постепенно начал утверждаться как художник. Самые значительные заказы приходили из Финляндии. Для датских заказчиков Таканен делал главным образом портреты, самым примечательным из которых был гипсовый бюст, сделанный в 1871 г. с портрета Фридриха, маленького сына его друга Магдалуса Колда. Большая гипсовая скульптура «*Мальчик, играющий с собакой*» (1870) также привлекла в свое время внимание. Для Таканена работа была академически холодной, но очень хорошо демонстрировала его хорошо развитое чувство формы. Самой известной работой периода пребывания в Копенгагене является заказанная для парка «*Монрепо*» в Выборге цинковая скульптура «*Вяйнямейнен, играющий на кантеле*» (1872), которую жители города хотели установить вместо злодейски разрушенного гипсового Вяйнямейнена работы Готхилфа Борупа.

Скульптура пропала во время последней войны, и длительные поиски не дали результата.

Как и у многих скульпторов того времени, путь Таканена после Копенгагенской академии художеств лежал в Рим, куда скульпторов привлекали хорошие возможности для работы, дешевый мрамор и сильные традиции в этой области. В Риме также жил Вальтер Рунеберг с семьей. Таканен получил мастерскую вместе с другим молодым финским скульптором Робертом Стигелем.

Однако в Риме работа пошла неважно. Финляндия была далеко, письма порой шли несколько недель и даже месяц. Обстановка на родине была в то время очень плохой, что уменьшало шансы на получение государственных или частных заказов. Так как поклонники Таканена находились в Финляндии, а доходы зависели от заказов, ему часто приходилось ради заработка воплощать в камне планы других скульпторов. К тому же, со свойственной ему некоторой богемностью, Таканен не всегда мог сконцентрироваться и не всегда серьезно отдавался работе.

Но понемногу творческое влечение преодолело все преграды. Первой высеченной из мрамора скульптурой стала композиция *«Венера и Амур»* (1875), заказанная жителем Выборга Вильгельмом Хакманом. Она была необычайно хороша для первой работы в камне. Скульптура, выполненная в классическом стиле, хотя и с теплом и нежностью, свойственным Таканену, сейчас принадлежит Музею изобразительных искусств Лахти. Затем последовала великолепная серия женских скульптур – известный сердцеед умел ваять женщин.

Самым известным произведением Таканена является *«Ребекка у колодца»*, которая была изготовлена в гипсе в 1877 г. Капитан инженерных войск А.В. Лагерборг заказал мраморную версию Ребекки. В 1878 г. на выставке Финского художественного общества скульптура выиграла государственную премию. Таканен сам сделал на заказ в мраморе еще четыре скульптуры Ребекки, меньшие по размеру, чем первая. Две из них приобрели в Финляндии Юлиус аф Линдфорс и советник коммерции Антти Альстрём, одна ушла в Берген и одна в Петербург. Библейская тема была близка Таканену: позировала художнику его будущая жена итальянка Джачинта Бьяваско, которая в момент создания скульптуры была, как и Ребекка обрученной невестой. Единственная мраморная Ребекка, имеющаяся в публичных коллекциях Финляндии, принадлежит Музею изобразительных искусств Тампере, где она установлена на нижнем этаже в углублении главной лестницы. Скульптура *«Ребекка у колодца»* до сих пор не потеряла своего очарования. Нежный образ девушки, любующейся подаренным женихом золотым браслетом, пленяет и приковывает своей живостью.

Если Ребекка является символом человеческого счастья, то *«Айно, смотрящая на море»*, скульптура на тему *«Калевалы»*, воплощает

трагическую сторону жизни. Обнаженная длинноволосая красавица Айно, подняв ко лбу руку, опустошенным взглядом смотрит на море, в объятия которого готова броситься в следующий миг. Смерть для нее – лучший выбор, только бы не становиться женой старика Вийнямёйна. Над терракотовым эскизом Таканен начал работать уже в 1874 г. В нем Айно одета, тогда как в окончательном варианте скульптуры она предстает в своей великолепной наготе. Это вызвало скандал, когда, к ужасу финской публики, скульптура в 1876 г. была доставлена в Хельсинки на выставку Художественного общества. Зрителям была больше по нраву Айно, скромно одетая в древний наряд в терракотовом эскизе. Прообразом обнаженной Айно была итальянская жена скульптора, и ее округлые формы и чувственная эротичность выходили за пределы допустимого для добропорядочного светского общества. Но Таканен никогда не воплотил в жизнь свой терракотовый эскиз. Он также не выполнил и гипсовую Айно в мраморе, как намеревался сначала, настолько скандал расстроил его. «*Айно, смотрящая на море*» была воплощена в мраморе лишь десять лет спустя после смерти Таканена. Было также отлито несколько скульптур из бронзы. Первоначальная гипсовая «*Айно*» осталась в собственности наследников художника в Риме.

Третья знаменитая женская скульптура, «*Андромеда, прикованная к скале*» (1882), основывается на античном мифе. Прекрасная Андромеда была принесена в жертву чудовищу, но она спасается с помощью своего возлюбленного. Таканен выполнил Андромеду непосредственно в мраморе великолепного качества. Скульптура находится в музее Атенеум в Хельсинки на почетном месте, где ее великолепными пропорциями и совершенной красотой можно восхищаться со всех сторон. Знакомые художники Таканена в свое время приезжали посмотреть скульптуру в его мастерской в Рим. «*Андромеда, прикованная к скале*», возможно, самая драгоценная жемчужина в творчестве Таканена.

Популярность Таканена у публики сумел предвидеть Магнус фон Вригт, владелец фирмы по формовке изделий из гипса, находившейся в Хельсинки, который выкупил права на производство и продажу копий «*Ребекки*», «*Андромеды*», а позднее и «*Айно*». Вызывавшие восхищение скульптуры Таканена стали появляться как украшение в богатых домах, и они стали известными всем.

Последним женским образом стала «*La Nuova modella*» (1885), которую скульптор сначала создал в нескольких терракотовых эскизах, известных также под названием «*La Tutta Nuda*». Эти произведения, в отличие от предыдущих, не связаны ни с какими известными прообразами или легендами. Большая, патинированная в черный цвет гипсовая скульптура представляет молодую полуобнаженную красавицу, опущенная голова и плечи которой словно показывают покорность перед неизбежностью судьбы. Ее образ можно трактовать как аллегория или предвидение приближающейся смерти художника.

Перед «*La Nuova Modella*» был создан эскиз памятника Александру II, с которым Таканен участвовал в престижном государственном конкурсе на создание памятника императору на Сенатской площади. Победа в этом конкурсе обещала бы Таканену большое будущее как художника и положила бы конец постоянным финансовым проблемам. Судьба распорядилась по-другому. Таканен постоянно страдал от затяжного воспаления легких. Лихорадка отнимала много сил, и работать над эскизом он мог лишь несколько часов в день. Остальное время он лежал в постели. Однако ему удалось достать копию костюма, в который император был одет на некоторых фотографиях, и он надел его на человека, позировавшего ему. Лицо императора и фигуру он создавал по фотографиям. В сентябре 1885 г. Йоханнес Таканен умер. Его похоронили в ставшем для него родным Риме на кладбище для не католиков в Порта Сан Паоло.

В конкурсе на создание памятника императору принимали участие все ведущие скульпторы. Работа Таканена, по мнению жюри, была даже лучше, чем Вальтера Рунеберга, чей прекрасный проект постамента вызвал восторг. Хотя Таканен выиграл конкурс, окончательное решение жюри гласило, что Таканен создает фигуру самого императора, а Рунеберг делает постамент согласно эскизу. Так как Таканен умер, не завершив проект, Рунеберг сделал памятник целиком, однако таким образом, что образ императора точно соответствовал эскизу Таканена.

Таканен был одним из лучших портретистов своего времени. Особенно выразительно и нежно он воплощал женские и детские образы. В постоянной экспозиции Атенеума представлен мраморный «*Бюст молодой девушки*», который изображает баронессу Ханну Грипенберг в молодости. Находящаяся в частной коллекции «*Мариетта*», так же как и «*Бюст госпожи Томмасы-Крудель*», высечена в мраморе. Многие женские портреты исполнены в патинированном гипсе, например, бюст римской красавицы «*Пеппина*» и «*Бюст госпожи Ольги Людекен*».

В 1884 г. был создан «*Бюст Й.В. Снельмана*», установленный в парке при церкви в Куопио после смерти Таканена. Сделать эскизы Таканену удалось дома у Снельмана во время поездки в Финляндию в 1878–1879 гг. На этом выразительном портрете Снельман представлен скорее как скромный, обычный человек, чем как могущественный и известный государственный деятель и философ.

О популярности Таканена-портретиста говорит то, что портрет известного как ярого шведомана К.Г. Эстландера был заказан именно ему, сыну батрака, а не шведу и представителю привилегированного класса Вальтеру Рунебергу, который мог бы рассматриваться как несомненный претендент на эту работу.

Таканен был непритязательным и скромным человеком. Из-за недостаточного школьного образования ему не хватало знаний иностранных языков, что ограничивало его общение в международных

кругах художников. С его импульсивным характером и свойственной карелам живостью, он страдал от невозможности свободно изъясняться на других языках. В этом отношении его положение оставалось таким же, как и в юности: владея только родным языком, он оказался в кругу людей, разговаривающих по-шведски, сначала в Выборге, затем в Хельсинки. В Копенгагене шведский язык сменился на датский, который он выучил лучше, чем шведский, и на котором мог хоть как-то общаться. В «*Circolo Scandinavo*», кружке, объединившем скандинавских художников в Риме, Таканен чувствовал себя намного хуже, чем среди простого люда в маленьких ресторанчиках и питейных заведениях вечного города.

Брак и создание семьи умили привыкшего к непостоянному и легкомысленному образу жизни художника и сделали из него ответственного отца семейства. К великому горю молодой пары, их старший сын Куллерво умер в возрасте двух лет. Куллерво стал прообразом для скульптуры «*Амур мучает сердца*», которую отец создал в мраморе. Произведение сейчас находится в постоянной экспозиции Атенеума. У Таканенов родились еще дочь Мелина, которая стала пианисткой, а также второй сын Тойво, единственный продолжатель рода. Некоторую финансовую поддержку семье Йоханнеса Таканена составляла пенсия, получаемая из Финляндии.

Йоханнеса Таканена часто сравнивают с другим великим финским скульптором – Вальтером Рунебергом. Творчество Рунеберга, опирающееся на волшебный античный мир, является чистым классицизмом. В нем отсутствует то теплое, личное настроение и человеческая естественность, которая свойственна искусству Таканена. Таканен не очень-то углублялся в стили и всевозможные «-измы» своего времени, прежде всего неоклассицизм и реализм. Он больше полагался на свое видение и интуицию художника. Этим личностным моментом объясняются неограниченность во времени и свежесть его искусства.

– МАРЬЯТТА РЯСАНЕН

Приложение:

Юхо Эркинпойка Таканен, Йоханнес род. 8.12.1849 Виролахти, умер 30.9.1885 Рим. Родители: Эрки Юхонпойка Таканен, батрак, и Мария Аатаминтютяр, служанка в доме пастора в Элимяки. Жена: 1879–1885 – Джачинта Бъаваско, умерла 1926. Дети: Куллерво Ээриikki, род. 1880, умер 1882; Мелина, род. 1883, умерла ок. 1919, пианистка; Тойво Джованни Риккардо, род. 1885, художник по керамике.

Мартти Талвела (1935–1989)

оперный певец

Мартти Талвелу можно считать одним из наиболее значительных финских оперных певцов всех времен и лучшим басом своего поколения. Во многом благодаря его заслугам вокалиста, а также деятельности в качестве первого художественного руководителя оперного фестиваля в Савонлинне в 1972–1979 гг. финляндское музыкальное исполнительское искусство добилось мирового признания.

Благодаря своей большой одаренности и упорству Мартти Талвеле в 1960-е гг. удалось войти в международную элиту исполнителей-вокалистов. Его обычно считали лучшим басом своего поколения. Он производил неизгладимое впечатление не только на оперной сцене, но и очаровывал слушателей как пламенный исполнитель песен. Талвела хотел, чтобы вся музыкальная жизнь Финляндии, подобно ему самому, достигла бы мировой известности. Под его руководством оперный фестиваль в Савонлинна в 1970-е гг. стал явлением мировой музыкальной жизни. После своего назначения руководителем Финской национальной оперы в новом здании театра Мартти Талвела дал обещание превратить ее в ведущую оперу Европы, однако неожиданная смерть помешала осуществлению этих замыслов.

Мартти Талвела родился на Карельском перешейке в деревне Таусьярви прихода Хийтола. Его отец Тойво родился по соседству, а мать Йенни – родом из Керимяки, оба были из простых семей. В семье Мартти было десять детей. Оба родителя активно пели в хоре, отец играл на скрипке. В ходе Зимней войны и Войны-продолжения семье пришлось эвакуироваться. После долгих мытарств семья осела поблизости от Ориматтила, где отец купил на выплаченную государством компенсацию небольшой надел.

После окончания средней школы Талвела поступил в учительскую семинарию в Савонлинне, готовившую учителей для народных школ, где и встретил свою будущую супругу Аннуку Кяярйянен,

приехавшую из Иисалми. В дальнейшем у них родилось две дочери и сын. Семья была очень дорога для Талвелы, и частые приступы подавленности в начале его международной карьеры объяснялись исключительно тем, что он тосковал по оставленной в Финляндии семье. Находясь рядом, Аннукка умела взбодрить, поддержать и организовать супруга на его тернистом пути артиста.

Интерес к пению появился у Талвелы довольно рано, хотя систематические музыкальные знания он начал получать лишь в семинарии. В период летних каникул он посещал летние курсы вокала под руководством Тауно Кайволы в музыкальном училище Лахти. Помимо увлечения вокалом двухметровый Талвела увлекся боксом, в чем также добился значительного успеха.

После службы в армии Талвела начал учиться пению более систематически. Впервые страна узнала его имя после того, как Талвела победил на конкурсе певцов в Ваасе, организованном в январе 1960 г. училищем Клеметти. По-видимому, тогда он еще не слишком верил в собственные силы, признавшись в одном из интервью: «Страх перед рампой был настолько велик, что я даже почувствовал слабость перед выступлением в Ваасе».

После окончания семинарии Талвела некоторое время работал учителем народной школы сначала в Анттола, затем в Порвоо. Однако увеличившееся количество предложений о выступлениях и растущая известность заставили его осенью 1960 г. принять окончательное решение полностью посвятить себя музыке.

Первый свой концерт Талвела провел в Хельсинки в марте 1960 г. Он также успешно выступил со своей первой оперной партией, исполнив роль Спарафуция в опере *«Риголетто»* Джузеппе Верди в Национальной опере. Критики в один голос называли его подлинным открытием и многообещающим талантом, однако, руководство Национальной оперы, видимо, считало иначе, отказавшись от услуг Талвелы. В ноябре 1960 г. Талвела вновь выступил в Хельсинки. В программе выступления были песни и арии из опер Роберта Шумана, Сеппо Нумми, Юрьё Килпинена. Зал Академии Сибелиуса был набит до отказа. Успех был ошеломляющим.

В числе слушателей был и критик газеты *«Хельсингин Саномат»* Эрик Тавастшерна, сумевший предугадать будущее молодого певца. Уже выделялись Филипп II из *«Дона Карлоса»* Верди и *«Борис Годунов»* Мусоргского. «Его вокальные данные указывают на *«Метрополитен Опера»*. Никогда еще не приходилось слышать столь звучный и сочный, с широким диапазоном финский бас», – писал Тавастшерна. По его мнению, голосовая подготовка была вполне хороша, хотя контроль над голосом еще нуждался в совершенствовании. Это давало критику основание сформулировать жесткие требования, которые, несомненно, нашли отклик в бескомпромиссной, стремящейся к совершенству натуре Талвелы: «Мартти Талвела, несомненно, должен поднять свою

вокальную технику на высочайший уровень. Таким дарованиям, как он, недостатки непростительны».

Пришедшийся в Национальной опере не ко двору, Талвела отправился в Стокгольм обучаться у Мартина Омана и осенью 1961 г. был принят в Стокгольмскую королевскую оперу. Довольно скоро у него появились свои почитатели, и критики становились все более благоприятными в своих оценках. За партиями второго плана следовали все более ответственные роли. Дорогу на сцены Германии открыло исполнение партии командора в опере *«Дон Жуан»* Моцарта.

Когда известный дирижер, внук Рихарда Вагнера Виланд Вагнер прослышал, что в Стокгольме рождается новое басовое дарование, он пригласил Талвелу в тогдашний Западный Берлин на прослушивание в *«Дойче Опер»*. Поначалу Талвела отказывался, ссылаясь на то, что еще ничего не умеет, но Вагнер пообещал научить. Предложения последовали уже летом 1962 г., когда Талвела исполнил партию Титуреля в опере Вагнера *«Парсифаль»* на летнем музыкальном фестивале в Байрейте. С осени 1962 г. Талвела стал солистом в берлинской *«Дойче Опер»*.

Вагнер сразу разглядел незаурядный талант Талвелы и нанял для него лучших педагогов. Но при этом он требовал полной отдачи, и Талвела полностью погрузился в работу. Программа обучения включала в себя языки: сначала немецкий, потом итальянский, затем английский и русский.

Первое время Талвеле приходилось в Германии трудно. Часто его охватывало чувство подавленности, и иногда он даже сомневался в своих способностях. «В Мартти уживаются мощь и ранимость, врожденное чувство достоинства и недооценка своих способностей, зачастую колкий ум и (к счастью) невинная детскость», – такую характеристику дал Эрвин Грипенберг, у которого Талвела жил в Стокгольме в начале 1960-х гг.

Талвела отправился покорять мир с фразой «я им еще покажу» на устах, памятуя об отказе руководства Национальной оперы и прохладной реакции Министерства образования на поданное прошение о стипендии. Теперь предложения одно лучше другого поступали все чаще. Настоящим прорывом стала партия философа Сенеки в опере Монтеверди *«Коронация Поппея»*, исполненная в Берлине в 1963 г. В том же году он с успехом исполнил партию великого инквизитора в опере *«Дон Карлос»* в миланском *«Ла Скала»*, при этом его партнером с партией Филиппа II был сам Николай Гяуров. За этим в 1964 г. последовали партии Зарастро в моцартовской *«Вошебной флейте»* в Берлине и короля Марке из *«Тристана и Изольды»* Вагнера.

В 1964 г. на сцене Дюссельдорфской Оперы Талвела исполнил помимо партии Великого инквизитора также партию короля Филиппа II в *«Доне Карлосе»*. Критик газеты *«Рейншише Пост»* писал: «Все самые редкостные превосходные степени уместны в оценке Мартти Талвелы

в роли Филиппа. Он продемонстрировал удивительное сценическое мастерство и невероятную вокальную разносторонность. Его голос полностью развит и излучает потрясающую красоту. Нет ничего удивительного в том, что этот исполнитель поднялся на мировой уровень». В следующем году в Венской государственной опере Талвела дебютировал с партией короля Генриха в вагнеровской *«Лозенгрин»*.

В 1966 г. в немецкой прессе вызвало небольшую шумиху заявление Талвелы о том, что он не собирается больше петь в Байрейте. Он хотел проводить лето в Финляндии на своей даче в Анттола. Дружба между Талвелой и Виландом Вагнером дала трещину, так как последний никак не мог понять, что кто-то может отказаться от Байрейта ради финского лета. «Для полного счастья не меньше, чем пение мне нужны мои озера, моя рыба и мои леса», – заявил настоящий финн, выходец из лесов.

Твердый и бескомпромиссный характер Талвелы был сопряжен с большой опасностью возникновения конфликтов. Он знал себе цену и ни перед кем не унижался. Его сотрудничество с Гербертом фон Караяном началось в середине 1960-х гг. с записи *«Бориса Годунова»*: Талвела исполнил партию Пимена. Оно успешно продолжилось в 1968 г. на пасхальном фестивале в Зальцбурге исполнением партий Фасольта и Хундинга из *«Кольца Нибелунгов»* Вагнера. Однако в следующем году Талвела разорвал отношения с Караяном. «Я по своему характеру никакой не холоп, а фон Караян хочет, чтобы в его свите были люди, для которых земной благодатью является одно прикосновение к его мантии. Поэтому решение на самом деле было совсем простым. Хотя и грустным. Караян действительно великолепный дирижер и делает музыку высшего класса. Утешает то, что в мире есть и другие отличные дирижеры и что возможности для работы на этом не заканчиваются», – так Талвела объяснил ситуацию в интервью *«Хельсингин Саномат»* от 30 марта 1969 г. Талвела великолепно ладил с лучшими дирижерами своего времени – Карлом Бёмом, Отто Клемперером, Георгом Зольти, Джорджем Сжелем, Леонародом Бернштайном, Лорином Маазелем.

В феврале 1968 г. Талвела впервые выступает в США. В Кливленде и Нью-Йорке он исполнил сольную партию в *«Реквиеме»* Верди. В Нью-Йорке состоялись его наиболее значительные выступления. А в октябре он дебютировал в *«Метрополитане Опера»* с партией Великого инквизитора в *«Доне Карлосе»*.

«Борис Годунов» был первой оперой, которую Талвела увидел в Финляндии. Русский певец Иван Петров произвел на него неизгладимое впечатление. В Дюссельдорфе в январе 1967 г. Талвела сам вышел на сцену в образе царя Бориса. Весной 1971 г. он исполнил эту роль в Берлине, а осенью того же года в Мюнхене. Рецензия в газете *«Зюддойче Цайтунг»* была выдержана в превосходных тонах: «Мощному естеству, силе голоса, его полноте и богатству нюансов финского баса полностью соответствует его способность воплотить все это в исполняемом образе». По мнению критика, в трактовке

образа царя Бориса сочетались монументальность царственной особы, мощная и импульсивная способность к сопереживанию, сжимающая грудь безнадежность и ужас. За свою жизнь Талвела более 200 раз исполнял эту партию, и в международных музыкальных кругах он в первую очередь запомнился именно в образе Бориса Годунова. Наряду с Николаем Гяуровым и Борисом Кристоффом, Талвела был одним из величайших исполнителей партии Бориса своего времени, а по мнению многих – лучшим из них.

В «*Метрополитен Опера*» Талвела впервые исполнил партию Бориса Годунова в декабре 1974 г. Авторитетный критик газеты «*Нью-Йорк Таймс*» Гарольд К. Шёнберг писал: «Талвела – великолепный артист, полностью владеющий ролью. Его нельзя упрекнуть в переигрывании. Его Борис – мученик и сложная личность. Он силен, склонен к суевериям, способен как к великой нежности, так и к беспредельной ярости. Талвела ничего не упустил, и сцена смерти еще станет легендарной. Публика затаила дыхание, когда эта мощная фигура катилась по ступенькам вниз, пока не упала, раскинувшись, замертво».

Один из пиков творческой карьеры пришелся на осень 1977 г., когда Талвела исполнил партию царя Бориса в Ленинграде и в Москве. Успех был неслыханным, даже несмотря на сильнейшую простуду во время выступления в Москве. Ленинградский критик-ветеран М. Бялик написал: «Это было землетрясение; гениальный исполнитель достиг вершин трагедии».

Талвела также выступал с партией Бориса Годунова на оперных фестивалях в Савонлинне в конце 1970-х гг. Однако в Финляндии его помнят прежде всего по роли Пааво Руотсалайнена в опере Йоонаса Кокконена «*Последние искушения*». Произведение было посвящено харизматическому основателю пиетистского движения, светскому пастору Пааво Руотсалайнену и было написано в значительной степени специально для Талвелы. Премьера состоялась в Финской национальной опере в сентябре 1975 г.

«Вслед за композитором Талвеле удастся вжиться в фигуру пророка-пустынника, к тому же на многих уровнях. Вначале на смертном одре его глаза источают смирение и прозрение. Но, Бог мой, что происходит, когда он вдруг вскакивает и выгоняет старух, веля им вынести даренные господами свечи! В этот момент он превращается в демона и в этот момент становится ясно, что в психологическом отношении роль Пааво не так уж далека от роли Бориса Годунова», – писал Эрик Тавастшерна. Опера «*Последние искушения*» имела неожиданно большой успех и способствовала расширению оперной аудитории, особенно за счет верующих. Успех был продолжен на фестивале в Савонлинне: в период своего руководства фестивалем Талвела включил ее в программу. Национальная Опера неоднократно включала «*Последние искушения*» в программу своих зарубежных гастролей, в том числе в Скандинавских странах, Германии, Великобритании, США (в последнем случае Талвела не исполнял партию Пааво).

Талвела запомнился как исполнитель трагических и сложных образов. Однако у него также были прекрасные задатки комика. В таких партиях, как Осмин в «*Похищение из Сераля*» Моцарта и Кекаль в «*Проданной невесте*» Сметаны он сумел трансформировать свою монументальность и внутреннюю энергию в искрометные юмористические и комичные характеры.

Помимо оперы, песенное исполнительство также стало существенным направлением творческой карьеры Талвелы. В апреле 1965 г. он мужественно выступил с песенным концертом в Вене, колыбели этого жанра. Правда, в программу были включены хорошо знакомые ему произведения Юрьё Килпинена, Яна Сибелиуса, Модеста Мусоргского и Сергея Рахманинова. Заголовки рецензий были вполне красноречивы: «Королевский песенный дебют», «Великий басовый капитал», «Блеск полночного солнца, изначальная сила баса». Однако весной 1966 г. критика не была столь же благосклонна, когда Талвела выступил с циклом песен Шуберта «*Зимний путь*»: в этом, действительно, был элемент риска. На протяжении своей карьеры Талвела имел небывалый успех как песенный исполнитель во всех крупных городах, где он также выступал с басовыми оперными партиями, причем не только в немецкоязычных городах, но и в Лондоне, Париже, Милане, Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско. Аккомпаниатором часто выступал Ральф Готони, обладавший удивительной способностью чувствовать нюансы исполнительского мастерства Талвелы.

У французских критиков собственный стиль, склонный к поэтичности, и, пожалуй, именно в Париже в 1974 г. о песенном исполнительстве Талвелы были произнесены самые яркие слова. Жан Котте поместил в газете «*Франс Суар*» рецензию, озаглавленную «Звуки грома», в которой говорилось: «Он приехал из Финляндии, этот огромный, бородатый Вотан снежных просторов с громоподобным голосом». Но Талвела стремился не только сотрясать землю, «его сила фантастична, но он умеет превращать ее в музыку».

Столь же витиевато писал в газете «*Фигаро*» критик Бернар Жавоти: «В полном соответствии с его обликом, голос его есть нечто мощное. Пропать, лицо, словно буря, голос угольный, но в верхних тонах алмазный, словом, он просто великолепен». В точку попал критик лондонской «*Файненшл Таймс*», оказавшийся на концерте Талвелы и Готони в июле 1974 г.: «Финский бас-великан, выглядящий точно пророк из Ветхого Завета, с голосом, как гранитная глыба, потрясает до самых глубин, выкликая молитвы и завораживая ошеломленную публику».

Талвела был хорошим руководителем и был человеком широкого кругозора. Ему было недостаточно сосредоточиться на своем голосе и искусстве, независимо от того, сколько славы и удачи приносили они ему в мировых центрах музыкального искусства. Он хотел использовать свой опыт и умение, приобретенные в международных

музыкальных сферах, для развития оперного и всего музыкального искусства Финляндии.

Талвела хотел, чтобы его родина потрясла мир своими талантами, как бы повторив его триумфальный путь. В 1972 г. новоиспеченный художественный руководитель Оперного фестиваля в Савонлинне заявил: «Я стремлюсь к тому, чтобы мир узнал о возможностях, самобытности и силе нашего маленького народа». Довольно скоро Талвела смог поднять этот фестиваль на международный уровень, доказав, что его вера в силу финской музыки небезосновательна. Его интерпретации «*Волшебной флейты*», «*Всадника*» Аулиса Саллинена, «*Бориса Годунова*» и «*Дона Карлоса*» были очень успешными и привлекли широкий международный интерес.

В 1979 г. легендарный период руководства Талвелой фестивалем в Савонлинна закончился. Казалось, что он с облегчением избавлялся от этих обязанностей, особенно от связанной с ними изнурительной борьбы с политиками и чиновниками. Он все чаще говорил о том, что настало время уйти. Он хотел сократить свои международные обязанности и сосредоточиться на земледелии, для чего он купил имение Инкилянхови в районе Ювы.

Пессимистические настроения Талвелы усугублялись многими его болезнями. В 1974 г. у него развились сахарный диабет и подагра. Постоянные простуды, бронхиты и гаймориты постоянно сопровождали Талвелу на протяжении его яркой международной карьеры. Риск заболеть лишь усугублялся его склонностью фанатично отдаваться всему, что он делал, будь то роль царя или выпас стада овец в Инкилянхови.

На протяжении 1980-х гг. Талвела, очевидно, все-таки тяготился от нереализованных способностей руководителя. Скорее всего, он втайне был удовлетворен своим назначением на должность директора Национальной Оперы. Назначение состоялось в начале 1989 г., и пятилетний срок должен был начаться в августе 1992 г. У Талвелы были грандиозные планы – он дал обещание превратить новое здание Национальной Оперы в ведущую оперную сцену Европы. Однако в воскресенье, 23 июля 1989 г. Финляндия была потрясена новостью о том, что Мартти Талвела скончался в субботу вечером у себя дома в разгар семейного праздника, свадьбы своей дочери.

– Ханну-Илари Лампила

Приложение:

Мартти Олави Талвела, род. 4.2.1935 Хийтола, умер 22.7.1989 Юва. Родители: Тойво Йоханнес Талвела, крестьянин, и Нелли Эстер Пеннанен, домохозяйка. Жена: 1957 – 1989 Анна Йоханна Кяярйянен, родители жены: Калле Кяярйянен, складской рабочий, и Вильгельмина Карьялайнен. Дети: Кирси, род. 1958; Туомо, род. 1960; Йоханна, род. 1962.

Пааво Талвела (1897–1973)

*пехотный генерал,
кавалер ордена
Крест Маннергейма*

Пааво Талвела считается одним из самых высокопоставленных офицеров запаса. В этом высказывании есть своя правда, Талвела четыре раза выходил в отставку для участия добровольцем в так называемых «племенных войнах», либо для работы в бизнесе. Однако во время Зимней войны и Войны-продолжения он занимал важные посты, будучи командующим войсковыми соединениями и представителем верховного главнокомандующего Финляндии при немецком генеральном штабе. Талвела занял свое место в истории Финляндии периода независимости: он был организатором Лапуаского движения, одним из руководителей государственного концерна по продаже спиртных напитков и организатором транспортного сообщения с Петсамо.

Талвела был последним из одиннадцати детей в семье земледельцев. Не закончив коммерческого училища, он отправился в Германию для прохождения егерской подготовки и участвовал в боях на восточном германском фронте, в том числе на реке Миссе и в Рижском заливе. Весной 1917 г. его отправили в Швецию и Финляндию с особым заданием в рамках егерского движения. Однако миссия не удалась, потому что он был задержан на шведско-финской границе и много месяцев провел под надзором шведских властей в Лулео и Упсале. Лишь в конце 1917 г. он через Аландские острова попал в Турку, где он некоторое время занимался организационной работой в шюэцкоре. В конце декабря он переехал в только что открытое военное училище в Вимпели, где работал преподавателем.

Во время Освободительной войны в Финляндии Талвела под псевдонимом Стрёмстен довольно самостоятельно действовал сначала в ходе захвата Кристиинанкаупунки, а затем на правом фланге фронта в Сатакунта. После войны ему было присвоено звание майора. Талвела служил в разных войсковых частях, но в 1919 г. вышел в отставку и

отправился добровольцем в Карелию, участвуя в боях за северную Олонию в качестве командира полка. Он стал командующим Олонецкого экспедиционного корпуса и входил в состав Олонецкой директории. Интервенция закончилась унижительным отступлением, и Талвела через шюцкор вновь вернулся в армию. Однако в 1921 г. он вновь вышел в отставку, чтобы принять участие в Беломорском походе в качестве командира батальона. И вновь он возглавил все добровольческие формирования в ходе боев, которые проходили, в частности, на ребольском направлении. Но и на этот раз в 1922 г. ему пришлось отступить после поражения. В третий раз началась его служба в армии, закончившаяся в 1930 г. третьей отставкой. К этому времени он уже был полковником и начальником оперативного отдела главного штаба. Причиной отставки стали в первую очередь сложные отношения с его непосредственным руководителем, начальником главного штаба К. М. Валлениусом.

С переходом в запас Талвела стал участником Лапуаского движения. Он входил в высшее руководство организации, и, прежде всего, стал известен как организатор крестьянского марша в июле 1930 г. После восстания в Мянстсяля и ликвидации Лапуаского движения Талвела стал придерживаться линии Национальной коалиционной партии и баллотировался ее кандидатом на парламентских выборах 1936 г., однако не прошел.

Некоторое время Талвела работал помощником директора кинокомпании «Суоми-Филми». В 1932 г. он стал помощником руководителя акционерного общества «Алкохолилишке», основанного после отмены сухого закона. «Даже бутылки маршируют в ногу с Талвелой», – так говорили тогда в концерне «Алко». Разочаровавшись в партийно-политической алкогольной монополии, Талвела стал в 1937 г. помощником руководителя компании по производству целлюлозы.

Осенью 1939 г., с нарастанием угрозы войны, Талвела вновь был призван на военную службу. Он был уже генерал-майором, и его назначили помощником начальника военно-финансового отдела и начальником штаба комитета по снабжению. В начале Зимней войны Талвела в первые дни декабря был назначен командующим группировки, получившей название «группы Талвелы», которая участвовала в боях в направлении Толварви, Иломанси, Айттойоки. Здесь войска под командованием Талвелы в боях в районе Толварви к середине декабря добились первых побед финских частей. К рождеству противник был отброшен к Айттойоки и получил отпор в Иломанси. Бои на направлении группы Талвелы приобрели характер партизанских и осадных действий, но финский фронт продержался до конца войны. В конце февраля Талвела был назначен командующим армейским корпусом в восточной части Карельского перешейка. Это назначение было связано с тем, что командующий армией на Карельском перешейке Хуго Остерман в связи с переутомлением был

освобожден от должности и на его место был назначен командующий III армейским корпусом Эрик Хейнрикс. Талвела, в свою очередь, в последние две недели войны сменил Хейнрикса на посту командующего армейским корпусом, занявшим оборонительные рубежи на линии Вуокса-Суванто.

Во время перемирия Талвела возглавлял акционерное общество «*Похьёлан лиикенне*», которая была создана для организации транспортно-сообщения в Петсамо. Одновременно летом и осенью 1940 г. он выполнял особые поручения Главной ставки на переговорах военного руководства Финляндии и Германии, в ходе которых, в частности, была достигнута договоренность о поставках оружия и транзите немецких войск. По предложению маршала Густава Маннергейма Талвела стал председателем Союза Братьев по оружию Финляндии, основанного летом 1940 г.

Перед началом Войны-продолжения Талвела был назначен командующим II второго армейского корпуса, но сразу после начала наступления он стал командующим VI армейского корпуса и руководил войсками, наступавшими через северное Приладожье и Янисъярви в направлении Петрозаводска и Свиря. Таким образом, Талвела, воодушевленный идеей племенного единения, оказался в тех же местах, что и 20 лет назад, во время так называемых племенных войн, закончившихся поражением. В его войне был вкус реванша. В сентябре 1941 г. части под его командованием достигли Свиря.

Уже в начале наступательных боев, 3 августа 1941 г. верховный главнокомандующий наградил Талвелу крестом Маннергейма, вторым после Рубена Лагуса. Награждение обосновывалось личной храбростью, проявленной во многих боях, а также исключительно умелым руководством операциями в Ладужской Карелии, приведшими к значительным результатам.

После того как цели наступательной операции в Восточной Карелии были достигнуты, Талвела в январе 1942 г. был назначен представителем финской армии при ставке германского вермахта. На этой должности, первоначально планировавшейся как временная, он проработал более двух лет, до февраля 1944 г. Он был лояльным представителем своего верховного главнокомандующего в стране-союзнице, и немцы относились к Талвеле с уважением, несмотря на то, что его происхождение, в частности, то обстоятельство, что он был известным масоном, не вполне согласовывалось с идеями национал-социализма. Лишь отношения с организацией СС и финским батальоном СС, воевавшим на германском фронте, остались прохладными.

После возвращения в Финляндию зимой 1944 г. Талвела был назначен командующим «группы Олонец». На этом посту с начала лета 1944 г. ему пришлось руководить отступательными боями в Восточной Карелии. Их омрачил конфликт между ним и его подчиненным

командующим VI армейского корпуса Аарне Бlichem, возникший из-за того, что последний, вопреки воле Талвела, отдал приказ к отступлению от Туулосьёки. В июле 1944 г. Талвела был неожиданно вновь командирован в Германию. Маннергейм полагал, что Талвела, знакомый с обстановкой в Германии и пользующийся уважением немцев, был способен выполнить в Германии задачи, вытекающие из подготовки Финляндии к выходу из войны.

После заключения перемирия между Финляндией и СССР в сентябре 1944 г. Талвела вернулся в Финляндию и приступил к гражданской службе в должности директора «*Похьёлан лиикенне*». В послевоенной обстановке генерал, длительное время прослуживший при германской главной ставке, не вписывался в новую политическую среду. Поэтому в 1946 г. Талвела посчитал за благо отправиться за рубеж. Он перебрался в Рио-де-Жанейро и три года работал в Бразилии и в Аргентине агентом по продаже финской целлюлозы. Он вернулся в Финляндию в 1949 г. и свыше десяти лет, вплоть до выхода на пенсию, проработал в сфере предпринимательства.

Неуживчивый по характеру и честолюбивый как военный, Пааво Талвела неоднократно вступал в конфликты со своими начальниками, коллегами и подчиненными. Однако его неуживчивость никак не влияла на отношения с маршалом Маннергеймом, которые всегда были безупречными. Талвела, которого изначально считали англофилом, обладал очевидной способностью ладить с немцами, хотя он и не разделял господствовавшие в Германии идеологические воззрения.

– Микко Уола

Приложение:

Пааво Юхо Торен, с 1906 Талвела, род. 19.2.1897 под Хельсинки, умер 30.9.1973 Хельсинки. Родители: Йохан Фредрик Торен, земледелец, и Хелена Уйно. Первая жена: 1919–1922 (развод) Мартта София Никоскелайнен; вторая жена: 1923 – Карин Йоханна Тенгман, род. 1903, умерла 1989, родители второй жены: Георг Фредрик Тенгман, советник коммерции, и Хельми Аугуста Мюрберг. Дети: Майя (Лоунаскеймо), род. 1919, фармацевт; Тулема Йоханна, род. 1923, воспитатель детского сада; Мартти Юхани, род. 1925, умер 1992, заместитель судьи; Сиркка Йоханна (Каллиола), род. 1926, экономист.

Вяйнё Таннер (1881–1966)

*премьер-министр,
председатель Социал-демократической
партии Финляндии,
исполнительный директор «Эланто»*

Вяйнё Таннер принадлежал к числу наиболее влиятельных фигур Финляндии на протяжении 40 лет. Он был премьер-министром первого левого правительства Финляндии и министром в семи правительствах. Во многом заслугой Таннера является то, что левые продолжали поддерживать линию правительства во время Зимней войны и Войны-продолжения. Таннер, осужденный как виновник войны и жестко критикуемый Советским Союзом, вернулся в политику в конце 1950-х гг., когда он был избран председателем Социал-демократической партии Финляндии, находившейся на грани раскола. Именно Таннер превратил кооператив «Эланто» в Хельсинки в процветающее предприятие.

Если попытаться найти в финском обществе 20 в. фигуры, пользовавшиеся влиянием на протяжении длительного времени, то одним из первых в этом списке можно назвать Вяйнё Таннера, как в силу глубины, так и по продолжительности его влияния. Формально говоря, Таннер вступил в большую политику еще в 1904 г., когда он вошел в Социал-демократическую партию Финляндии (СДПФ) в качестве кандидата в члены партийного руководства и не покидал «поле битвы» вплоть до 1963 г. Его влияние обнаруживалось в различных сферах общественной политики. Если принять во внимание социальное происхождение Таннера, сына тормозного кондуктора на железной дороге, его жизненный путь являет собой подлинную историю успеха. Хотя в истории государств, обретших национальную независимость, можно в большом количестве найти подобные примеры, история Таннера для Финляндии исключительна. На практике он оказался единственным, кто после гражданской войны смог возглавить социал-демократическую партию в белой Финляндии.

Был ли Таннер после 1918 г. ортодоксальным социал-демократом, является, конечно, вопросом интерпретации. Следует отметить, что он резко отмежевался лишь от крайне правых и крайне левых. Ему удавалось эффективно взаимодействовать со всеми секторами

общества, особенно в экономической сфере. Он был непоколебимым поборником демократии конституционализма.

Жизнь Таннера наполнена множеством звездных моментов, которые возвышают его над окружением. На самом деле, одним из таких взлетов стала уже его первая значимая должность – управляющего «*Кооперативного общества малоимущих Турку*». Это предприятие было тогда крупнейшим подобным кооперативом в Финляндии, а его управляющему было всего 22 года. Правда, Таннер в то время был студентом университета и учился в коммерческом училище, помимо этого он стажировался в самом сердце кооперативной деятельности Германии, «*Гроссайнкафгезельшафт*» (GEG) в Гамбурге. Это имело превосходные результаты: он вернулся из Гамбурга не только социалистом, но и в качестве протеже Генриха Кауфмана, одного из руководителей кооперативного движения.

Весной 1907 г. Таннер впечатляющим образом вошел в первый однопалатный парламент. Его опорой в ходе активной предвыборной кампании был сам Эту Салин, для которого Таннер стал одновременно учеником и «адъютантом». Однако избрание 29-летнего Таннера первым вице-председателем на первой настоящей сессии парламента в 1910 г. стало также предметом разногласий среди его сподвижников. Дружелюбно настроенный ревизионист не был слишком популярен в партии. Его избрание позволило зубоскалам и фельетонистам – среди них Эту Валпас (Эдвард Валпас-Хянинен) – вдоволь пошутить «над господином В. Таннером» и его черным сюртуком, пошитым в Американском ателье на улице Сиркускату, 3. Почти вся пресса страны ухватилась именно за эту деталь. Газета «*Ууси Суометар*» коротко отметила: «...они избрали на должность господина Таннера, который по этому случаю облачился в буржуазный сюртук, получив за эту демонстрацию презрения к социалистической мужиковатости порицание в газете «*Тюёмиес*»».

К 1917 г. многое произошло в обществе и в жизни Таннера. Теперь он был исполнительным директором кооператива «*Эланто*» в Хельсинки, руководителем Центрального союза потребительской кооперации (КК), был причастен к общественной ситуации, связанной с возникновением мировой войны. Поэтому было почти очевидно, что Таннер должен был войти в сенат (правительство) социалистического большинства, сформированный Оскари Токоем после Февральской революции в России. За 6 месяцев пребывания на посту министра финансов в сенате Токоя Таннер участвовал в многочисленных переговорах с русскими, фактически выполняя функции министра иностранных дел. Так что можно сказать, что он, помимо компетентности в министерских делах, приобрел опыт руководителя государственного уровня. Интересы Финляндии можно было отстаивать только через сотрудничество с русскими.

Как руководитель «Эланто» Таннер на протяжении военных месяцев 1918 г. вынужден был, насколько мог, ладить с руководством красной гвардии. К революции он с самого начала относился отрицательно, по примеру Ханнеса Рюёмя назвав ее преступлением против рабочего класса и демократии. Поэтому, в очередной раз, Таннер стал очевидной кандидатурой на роль лидера, когда в конце 1918 г. стало возможным создать новую социал-демократическую партию. С этого времени Таннер находился в центре финской политики на протяжении четырех десятилетий, иногда напрямую, иногда как фигура заднего плана. В частности, Таннер оказал значительное содействие процессу, отдалявшему общество от болезненной травмы войны 1918 года.

В ходе переговоров, приведших к подписанию Тартуского мира 1920 г., Таннер был одной из центральных фигур, наряду с руководителем финской делегации Ю.К. Паасикиви. Можно говорить о своеобразном тандеме Таннера и Паасикиви, которые довольно самостоятельно вели переговоры с русскими, в результате чего удалось прийти к решениям, удовлетворяющим обе стороны. Вследствие противоречивых целей правительству и общественному мнению Финляндии во время переговоров не доставало единства.

Политическая ситуация в Финляндии и во всей Европе в 1920-е гг. была запутанной. Внутри собственной партии Таннер был вынужден бороться против коммунистического влияния, а в обществе в целом – с течениями, выступавшими против «стольберговской демократии». Избрание в 1925 г. на пост президента Реландера означало поворот. Новый президент, стремящийся к внутреннему примирению, оказал мощную поддержку взглядам Таннера на внутреннюю политику и, в особенности, Таннеру как личности. Это позволило Таннеру в 1926–1927 гг. возглавить первое социал-демократическое правительство меньшинства, в состав которого вошла первая женщина-министр. Этот период, длившийся почти год, означал перелом в отношениях красных и белых. Одним из наиболее памятных событий при правительстве меньшинства Таннера стал парад вооруженных сил и шюцкора 16 мая 1927 г., который премьер-министр принимал в качестве исполняющего обязанности президента. Но не меньшее значение имели находчивые действия Таннера по прекращению забастовки на предприятии «Криттон-Вулкан», связанной, как известно, с зарубежными странами.

В 1920-е гг. «Эланто» выросло в крупномасштабное предприятие, главный офис и другие здания которого производили впечатление даже на зарубежных дипломатов, не говоря уже о деятелях кооперативного движения. В августе 1927 г. Таннер был избран президентом Международного союза кооперации (ИСА), то есть председателем его исполнительного комитета. В то время этот союз был империей, «над которой никогда не заходило солнце», несмотря на его очевидный евроцентризм. Избрание на этот пост было признанием как личных талантов Таннера, так и кооперативного движения Финляндии. Вряд

ли кто-либо из финнов прежде занимал столь высокий и ответственный международный пост.

Появление Лапуаского движения в 1929 г. и мятеж в Мянтсяля в 1932 г. привели страну в состояние чрезвычайного напряжения. Для Таннера эти действия правых тоже были большим вызовом, так как их антикоммунизм был в конечном итоге направлен также и на удушение социал-демократического рабочего движения. Помимо того, что Таннер вновь оказался в центре партийной жизни, от которой он несколько отошел после того, как оказался в правительстве, он стал главной опорой фронта противодействия правому экстремизму. В конце концов, его партия была самой большой и наиболее единой. Поскольку Лапуаское движение естественным образом внесло раскол также и в буржуазные круги, группа промышленников даже предприняла чрезвычайный шаг и предложила Таннеру роль диктатора.

Хотя движение правых не достигло поставленных целей, оно решающим образом изменило внутривнутриполитическую ситуацию, укрепив так называемую «таннеровскую социал-демократию» и временно поместив Таннера на ключевые позиции в обществе. Это в свою очередь означало частичное разрушение стены, разделявшей правых и левых – белых и красных, что получило конкретное выражение в 1937 г. в так называемом «красно-зеленом правительстве» Каяндера, когда буржуазный Аграрный союз и социал-демократы образовали ядро правительственной коалиции. Учитывая, что в 1930-е гг. социал-демократия была также очень сильна в скандинавских странах, и что скандинавское сотрудничество занимало особое место в политике безопасности маршала Густава Маннергейма, положение Таннера как влиятельной политической фигуры еще больше укрепилось.

Будучи президентом Международного союза кооперации, Таннер благодаря своим многочисленным поездкам был хорошо осведомлен об изменениях политического климата после того, как в 1933 г. к власти в Германии пришел Адольф Гитлер. Но механизм, приведший к началу Второй мировой войны, был для него, как и почти для всех, неожиданным. И это несмотря на то, что Таннер участвовал в 1938 г. в так называемых «переговорах с Ярцевым» – попытке Сталина обеспечить безопасность своей страны на финском направлении. Они были, однако, проведены тайно и не привели ни к какому результату. Осенью 1939 г. Таннер по просьбе Паасикиви вместе с ним участвовал в переговорах о территориальных требованиях Советского Союза в отношении Финляндии. Ему пришлось расстаться со своим оптимизмом. Правительство Финляндии предоставило своим представителям на переговорах столь малую свободу маневра, что война была неизбежна.

Таннер стал министром иностранных дел в правительстве, сформированном Ристо Рюти сразу после начала Зимней войны. Он был потрясен военным превосходством врага и понял, что никакое

международное давление не остановит Советский Союз. Уже с самого начала он стремился начать мирные переговоры, в частности при помощи Германии, найдя понимание у Рюти и Паасикиви, а также поощряемый маршалом Маннергеймом, однако, этому противилось правительственное большинство. Весьма значимой была деятельность Таннера в Стокгольме, где он вел переговоры о мире с Александрой Коллонтай, советским послом, пользовавшейся расположением Сталина. Непоколебимая позиция Таннера, считавшего необходимым принять выдвинутые Советским Союзом условия, стала, вероятно, решающим фактором в затянувшихся мирных переговорах. На позицию правительства заметно влияли предложения о помощи, поступающие со стороны западных союзников. На Таннера, как и на Рюти, вероятно, успел подействовать намек со стороны Германии на то, что мир следует принимать на любых условиях, поскольку потери могут быть куда большими. Заключение мира 13 марта 1940 г. было сложным испытанием для Таннера, как и для многих других.

Героизм финнов на фронте и появившиеся вскоре после окончания войны признаки надвигающегося краха союзнических отношений Германии и Советского Союза превратили Таннера в безоговорочного сторонника политических процессов периода межвоенного мира 1940–1941 гг. Он был активным, но мало заметным участником событий, которые вели к военному сотрудничеству с Германией, когда та начала войну против Советского Союза в июне 1941 г.

Во время Войны-продолжения 1941–1944 гг. влияние Таннера было намного большим, чем подразумевалось выполняемыми им обязанностями министра. Его относили к так называемому внутреннему кругу, который нес политическую ответственность за войну. Это нашло отражение и на международном уровне: советская военная пропаганда постоянно говорила о «клике Маннергейма-Таннера» в руководстве Финляндии, а после войны Таннера, наравне с Рюти, заклеили как главных виновников войны на судебном процессе, который проводился по требованию союзников в Хельсинки в 1946 г.

Роль Таннера в Войне-продолжении также нашла отражение в отношениях с Германией. На ранней стадии своего нападения на Советский Союз национал-социалистическая Германия относилась к социал-демократу Таннеру с осторожностью. Нельзя забывать, что Германия приложила руку к тому, чтобы не допустить избрание Таннера президентом Финляндии осенью 1940 г. Но в дальнейшем немцы стали относиться к нему с полным доверием. С другой стороны, Таннер в своих мемуарах дает понять, что Маннергейм, избранный президентом летом 1944 г., готов был назначить его премьер-министром, если бы Таннер проявил к этому интерес. В этом случае Таннер вынужден был бы нести ответственность за ситуацию, сложившуюся после поражения Германии.

Если рассматривать финское общество изнутри, то выяснится, что значимая роль Таннера в Войне-продолжении основывалась на том, что его позитивное, или, по крайней мере, абсолютно лояльное отношение к войне решительно предотвратило появление пораженческих настроений или даже активного сопротивления со стороны левых политиков по мере ухудшения общей военной обстановки, особенно после Сталинградской битвы в январе 1943 г. Так называемая «мирная оппозиция», сформировавшаяся летом 1943 г., не получила широкой поддержки.

Хотя непосредственное влияние Таннера на историю государства закончилось судебным процессом над виновниками войны, он продолжал играть роль во внутренней политике страны еще почти два десятилетия, причем временами весьма значительную. Серия его мемуаров, написанных в заключении, стала беспрецедентным в своем роде событием, непосредственное и длительное воздействие которого на наши исторические представления велико.

Освободившийся из заключения Таннер вскоре избрал собственную линию поведения в атмосфере «холодной войны», распространившейся после окончания Второй мировой войны. Теперь он принимал участие в общественной жизни как харизматическая фигура, к словам которой прислушивались вне зависимости от партийных границ. В целом, Таннер занимал примечательно резко оппозиционную линию в отношении восточной политики, господствовавшей в период правления Паасикиви и продолженной в период президентства Урхо Кекконена. Попытки Советского Союза после смерти Сталина наладить с ним отношения Таннер жестко отвергал. По мере приближения к окончанию первого президентского срока Кекконена Таннер выступил в качестве одной из главных движущих сил «гражданского фронта», пытавшегося с помощью кандидатуры Олави Хонки предотвратить повторное избрание Кекконена. Поддерживая Хонку, Таннер еще раз вписал свое имя в историю страны и появился на страницах прессы всего мира. «Нотный кризис» осени 1961 г. стал важным эпизодом «холодной войны», о первопричинах которого среди исследователей до сих пор нет единого мнения.

Как личность стареющий Таннер стал своеобразным водоразделом во всем левом движении послевоенной Финляндии. Для крайне левых – Коммунистической партии Финляндии и Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ) – он, естественно, был главным политическим противником, олицетворением реакции. В социал-демократическом движении фигура Таннера также в какой-то мере была разобщающей. Как и в 1920-е гг., Таннер, избранный в руководство СДПФ, вновь столкнулся с появлением существенной оппозиции. На этот раз это привело к созданию Социал-демократического союза рабочих и мелких земледельцев (СдСРиМЗ). Эта партия, однако, никогда не представляла серьезной угрозы для СДПФ, олицетворявшей

основное течение социал-демократии. Другим аспектом стало то, что позиция стареющего Таннера в отношении Советского Союза была столь непреклонной, что внутри СДПФ возникли оппозиционные настроения по отношению к наиболее жестким таннеровцам, так называемым «социалистам-соратникам». Это было заметно уже на съезде партии в 1960 г. Когда Таннер в 1963 г. окончательно расстался с председательским молотком, он был уже в том возрасте, когда случившееся уже не воспринимается как большая драма.

Вяйнё Таннер был мужчиной довольно невысокого роста, крепкого телосложения, сероглазым и русоволосым – довольно типичной для Финляндии внешности. Он обладал необычайной жизненной силой и работоспособностью. В юности он был спортивным, прирожденным вожаком среди мальчишек. Для него была характерна непреклонная сила воли. Он всю жизнь был трезвенником и вел пуританский образ жизни, если не считать пристрастия к сигарам. Он не принимал знаков отличия. В молодости он был против церкви. Когда он заключил официальный брак с Линдой Анттила, с которой жил в гражданском браке с 1909 г., отчасти это было сделано в интересах их восьми детьми. К церкви он, однако, так никогда и не принадлежал.

С точки зрения рабочих, Вяйнё Таннер уже в 1920-е гг. был, как многие европейские социал-демократы, по меньшей мере, представителем буржуазии, если не капиталистом. Уже в 1923 г. он купил большую усадьбу Соркки в Вихти. Открывавшиеся там возможности побыть в роли крестьянина и, особенно, в роли владельца леса составляли, очевидно, важную часть его жизни. Это также сослужило роль в его политике наведения мостов между противоположными силами гражданской войны 1918 г. Вероятно, не случаен и тот факт, что он установил близкие дружеские отношения с соратником по партии Вяйнё Вуолийоки, выходцем из зажиточной крестьянской семьи из провинции Хяме. С середины 1930-х гг. Вяйнё Таннер заинтересовался историей рода своего отца, происходившего из крестьян-землевладельцев провинции Уусимаа.

– ЯАККО ПААВОЛАЙНЕН

Приложение:

Вяйнё Альфред Томассон, с 1896 Таннер, род. 12.3.1881 Хельсинки, умер 19.4.1966 Хельсинки. Родители: Густав Альфред Томассон, тормозной кондуктор, и Мария София Рясянен. Жена: 1909–1966 – Линда Анттила, умерла 1978, родители жены: Каарле Анттила, крестьянин-собственник, и Эдла Эриика Бьёрн. Дети: Майя, род. 1912; Лийса род. 1913; Микко, род. 1916; Хейкки, род. 1918; Ээва, род. 1920; Айли, род. 1922; Анни, род. 1925; Олли, род. 1927.

Цахрис Топелиус (1818–1898)

*писатель,
журналист,
профессор истории*

Цахрис Топелиус как журналист и писатель высказывал свою точку зрения по общественным вопросам и влиял на формирование общественного мнения. В рамках старой системы школьного образования его моральное влияние как преподавателя университета было долговременным благодаря его известным сборникам сказок и исторических романов, особенно *«Рассказов фельдшера»*.

Цахрис Топелиус обладал необыкновенно многогранным и очень продуктивным талантом, педагогическое и нравственное влияние которого довольно рано приобрело существенное значение, достигнув своего пика в последние годы его жизни. Влияние Топелиуса было особенно сильным в сфере старой системы школьного образования, включавшей в себя народные и средние школы, а также благодаря получившим международную известность сборникам сказок и историческим романам, особенно *«Рассказам фельдшера»*. В конце 20 в. Топелиус стал своего рода ностальгическим писателем – тогда были переизданы его произведения *«Книга о нашей стране»* и *«Финляндия в рисунках»* и велась подготовка к проведению 1998 г. как года памяти писателя.

Цахариас Топелиус родился в поместье Кюднес неподалеку от Уусикарлепюю в 1818 г. и получил имя своего отца, окружного врача и известного собирателя народной поэзии. Сам он обычно, даже в официальных случаях, пользовался сокращенным вариантом написания своего имени: Ц. или Цахрис. Часто использовался также финский вариант его имени – Сакари. Уделяя большое внимание воспитанию сына, отец делал акцент на прилежании, правдивости, самодисциплине и готовности помочь, не забывая при этом о бойкости и значении пребывания на свежем воздухе. Считалось, что у его матери, дочери богатого купца Катарины Софии Каламниус были значительные педагогические способности, и некоторые

родственники даже отправляли ей своих детей на воспитание. В своей педагогической программе Топелиус позднее выделял те же цели. Сам он в своей жизни осуществлял идеалы прилежания и готовности помочь, однако, это едва ли можно сказать об идеалах бодрости и пребывания на свежем воздухе. Чертами его характера были и чувство юмора, и веселость, но присутствовали также ощущения слабости и апатии, а, кроме того, некоторая томность и даже женственность. К живому воображению Топелиуса и широкой эрудиции довольно рано добавился интерес к таинственному и мистическому, который понемногу принял форму фатализма и веры в провидение. Видимо, вначале это было связано с его бесхитростной и искренней верой в бога, на что повлияло увлечение его сестры, а затем и жены пиетизмом, обнаружившееся приблизительно в 1847 г. Это чувство углубилось после смерти детей и других личных неприятностей, произошедших в конце 1850-х – начале 1860-х гг., что нашло проявление в сказках и особенно в многочисленных псалмах.

Дед Топелиуса был художником, интересы отца были связаны с народной поэзией, поэтому и художественные наклонности молодого Цахриса получали в семье поддержку, а его фантазии поощрялись. Он учился наблюдательности и обрел привычку вести дневник. Экономическое положение семьи позволило ему учиться свободно и внешне беззаботно. На его учебу большое влияние имела литература. Когда ему исполнилось одиннадцать лет, его отправили в оулускую школу – закалять характер в условиях тогдашней школьной дисциплины и суровых отношений между одноклассниками, а также чтобы выучить финский язык. В школьные годы он перечитал почти все книги в библиотеке, которую содержала его тетка. Таким образом, он очень рано познакомился с новым литературным жанром того времени – романом, и с исторической литературой, ставшей актуальной под влиянием событий того времени. На шведском языке и того, и другого было уже опубликовано довольно много.

Топелиусу только что исполнилось тринадцать лет, когда умер его отец. В следующем году мать отправила его в Хельсинки готовиться частным образом к экзаменам на аттестат зрелости. Топелиус жил в доме своего наставника, молодого доцента Й.Л. Рунеберга и его увлеченной литературой жены Фредрики в городском районе Круунунхака. 5 июня 1833 г. он сдал экзамен и поступил в университет, записавшись в студенческое землячество Похъянмаа. Он собирался учиться на врача, для чего прежде требовалось получить степень кандидата философии. В духе романтического увлечения естествознанием, характерного для того времени, он интересовался ботаникой и химией, несмотря на то, что его университетские преподаватели не относились к этому направлению.

Социальные взгляды Топелиуса формировались под воздействием различных факторов. В молодые годы на них влияло окружение

бюргерской среды в Уусикарлепою, где он в течение долгого времени проводил отпуска уже после переезда в Хельсинки. В «*Субботнем обществе*» семьи Тенгстрёмов супруги Рунеберги и их окружение культивировали литературную культуру в германском духе. В чиновничьей семье баронессы Розенкампф, сводной сестры его матери, Топелиус познакомился с высшими социальными слоями столицы и смог пройти под руководством тетушки, принадлежавшей к состоятельному слою буржуа, «курс обучения» пребывания в «высших кругах» Хельсинки. Наконец, в-четвертых, в студенческом землячестве Похьянмаа, куратором которого в первые годы пребывания Топелиуса был Й.В. Снельман, уже в 1835 г. «заставивший» его публично выступить в качестве поэта. Все эти сообщества позволили Топелиусу развить в себе столь важную для будущего журналиста способность к социальной наблюдательности, а также дали ему материал для литературного творчества. В Уусикарлепою, а затем и в землячестве он отважился на первые литературные эксперименты и обрел первую публику.

Помимо этих кругов, академической учебы и усердного чтения существенным источником вдохновения для Топелиуса был театр, который развил в нем столь характерное для него чувство драматизма и искусство диалога. В те времена в Хельсинки приезжали на гастроли заграничные театральные труппы, в многообразный репертуар которых входили как классика, так и легкие комедии и музыкальные представления. Об этом позднее он написал краткие воспоминания «*Странники сцены в Финляндии*»(1890).

Важным источником вдохновения другого рода послужила для Топелиуса его страстная привязанность к Грете Кахра, красивой темноволосой дочери хозяина постоялого двора в Алабусе, с которой он время от времени встречался на протяжении многих лет по пути из Хельсинки в Уусикарлепою. Топелиус даже мечтал жениться на ней. Со временем он все же смирился с социальной невозможностью своего намерения, но, по-видимому, вспоминал о Грете всю жизнь, что послужило для него своеобразным связующим звеном с простым финноязычным человеком и стимулом для фенноманских увлечений в молодости. Нормальное в социальном отношении обручение в 1842 г. и брак в 1845 г. с Эмилией Линдквист, дочерью торговца из его родного города, основывались на ином роде, сдержанной любви.

Топелиус получил степень магистра летом 1840 г. во время грандиозных празднований по случаю 200-летия университета, которые произвели на него большое впечатление. Присутствие Франца Францена придало празднику шведский оттенок, но еще большее влияние оказали многие российские гости, принадлежавшие к кругу Александра Пушкина. Подобные чувства породило посещение университета в качестве его канцлера наследником престола великим князем Александром Николаевичем, ровесником Топелиуса. В те годы

Топелиус писал стихи, восхвалявшие императора Николая и Российскую империю. Отец Топелиуса был особенно озабочен тем, чтобы его сын учил русский язык. В длинном стихотворении, написанном в 1844 г. по случаю церемонии промоции, Топелиус объединяет русские, панфинские и общеевропейские темы довольно интересным, хотя еще незрелым образом. Уже тогда он успел разочароваться в Швеции после поездки туда в 1843 г., и в свой ранний фенноманский период он писал негативно обо всей германской культуре в целом.

Решающий поворот в жизни Топелиуса произошел в 1841 г., когда книготорговец консул Г.О. Васениус принял его редактором легкой газетки под названием *«Гельсингфорс Тиднингар»*. Топелиус быстро приобщился к новому, буржуазному пониманию гласности и той новой технике, которую в то время развивала пресса во Франции и других европейских странах. Задачей его газеты было главным образом пересказывать содержание иностранных газет, но Топелиусу часто удавалось делать это в легком стиле беседы или, напротив, придавать материалу драматизм, и вскоре тираж газеты начал расти. Особенно популярны были *«Письма лейтенанту Леопольду в Грузию»*, печатавшиеся с продолжением и изображавшие жизнь Хельсинки. Однако постепенно Топелиус начал все чаще затрагивать социальные вопросы, темы торговли, транспорта, воспитания, практиковал жанр «журналистского расследования» в сериях статей об экономическом положении студентов или условиях жизни бедняков. Он побуждал матерей учить своих детей финскому языку, и, что довольно примечательно, предсказал необходимость открытия в университете сельскохозяйственного, лесотехнического и экономического факультетов.

Очень важным было то, что Топелиус публиковал в газете свои стихи. Еще важнее было то, что он начал печатать фельетоны, рассказы с продолжением, как в то время делали Александр Дюма старший и многие другие знаменитости. Первыми из них стали *«Старый барон из Раутаюля»* и *«Герцогиня Финляндская»*, последний из которых вышел в 1851 г. отдельной книгой. В 1851 г. начали выходить *«Рассказы фельдшера»*, задумывавшиеся как намного более амбициозный и обширный цикл рассказов об истории Швеции (Финляндии) и борьбы общественных классов. В 1853–1867 гг. рассказы были изданы в виде серии книг. Одновременно с ними и после них, сначала в *«Гельсингфорс Тиднингар»*, а затем и в других газетах, в том числе в Швеции, были напечатаны многочисленные «фельетонные» романы, такие как *«Зеленая комната усадьбы Линнайнен»*, *«Тетушка Мирабо»*, *«Розы Верны»*, *«Золотое привидение»*, *«Выборы пастора Ауланко»*, *«Перчатка короля»*, *«Винсент-мореплаватель»* и др. Большинство из них Топелиус объединил в сборники под названием *«Истории, рассказанные зимними вечерами»*. Наконец, в 1886 г. вышел большой роман *«Подопечные звезды»*. В этих произведениях фантазия Топелиуса, его знание истории, драматическое развитие сюжета, остроумные

диалоги, зачаровывающая таинственность и многочисленные юмористические элементы образуют увлекательную и занимательную, но вместе с тем обращенную к нравственным чувствам читателя целостность в духе Александра Дюма, Виктора Гюго, Чарльза Диккенса и других великих писателей того времени.

Журналистика Топелиуса и его рассказы с продолжением были обращены, отчасти вполне сознательно, к растущей женской читательской аудитории. Также довольно рано он начал писать для детей. Первые сборники сказок вышли отдельными иллюстрированными изданиями в 1847, 1848, 1849 и 1852 гг. Затем появилась новая серия «*Детское чтение*» (1865, 1866, 1867, 1871, 1880, 1884, 1891 и 1896). В эти сборники вошли не все детские стихи и сказки, напечатанные ранее в детских и других журналах. В сказках Топелиуса дети энергичны и инициативны. Неогуманистическая педагогическая программа Топелиуса делала акцент на единстве воспитания и обучения через позитивное формирование характера. Он восставал против мертвого, отрывочного, беспорядочного знания, негативности и цинизма. В своих сказках, романах и стихах (например, в стихотворении «*Сердце Вольтера*») он, подобно многим современникам, резко критиковал поверхностную, эгоистическую и аристократическую культурную традицию эпохи Просвещения, дух Вольтера.

Лирическое творчество Топелиуса началось рано, но из юношеских стихов по понятным причинам только часть вошла в сборники, а затем в первые четыре тома собрания сочинений (1904). В 1845 г. он дебютировал с первым сборником «*Цветы вереска*», вторая часть которого вышла в 1850, а третья в 1854 гг. Но еще до этого Топелиус опубликовал свое стихотворение по случаю промоции и другие стихи в виде альбома под названием «*Сноп*». Для ранней лирики Топелиуса характерна свободная, непринужденная лиричность, темы любви и природы, зимы, весны и моря, но наряду с этим его все больше занимают сюжеты, связанные с историей. Возрастающий интерес к политике, свойственный тому времени, а также возвращение Топелиуса к университетской жизни в качестве исполняющего обязанности куратора своего землячества в 1843–1847 гг. нашли отражение в некоторых из его неопубликованных стихов, особенно в «*Марсельезе*» (1844), содержащей многочисленные клише на тему свободы.

Политические взгляды Топелиуса проявлялись в 1840-е гг. в различных формах. Все они свидетельствовали о его восприимчивости и скорости реакции, а также о его многогранности. Отчасти вполне осознанно, из журналистских соображений в своей газете он вел продолжительную полемику со снельмановской «*Саймой*». Будучи руководителем студенчества, он вдохновился российскими финно-угорскими перспективами, открытыми М.А. Кастреном, Элиасом Лённротом и Рунебергом, но одновременно он следил и за развитием левого движения в Западной Европе. Его образ мыслей, несомненно,

находился под влиянием Фридриха Гегеля. Что касается его взглядов на национальную проблему, то гегелевское влияние проявилось в докладе Топелиуса «*Есть ли у народа Финляндии история?*», сделанном на ежегодном празднике студенческого землячества в 1843 г. (опубликован в 1845 г.). Во многих своих стихах он предсказывал бурю, то есть революцию, и приветствовал ее, но затем, после начала Февральской революции 1848 г. он присоединился к позиции финских лоялистов под знаком весеннего праздника в мае 1848 г.

В 1845 г. Топелиус пытался получить место преподавателя истории в недавно открытой гимназии города Вааса и дал показательный урок перед Туркуским духовным капитулом, в «самом скучном города христианского мира», но безрезультатно. Два года спустя он получил степень доктора, защитив диссертацию, представленную в виде брошюры в 52 страницы на латыни и посвященную истории брака и положению женщины у древних финнов. В 1846–1850 гг. он был преподавателем истории и шведского языка в Хельсинкском лицее и одновременно работал неполный рабочий день в качестве временного амануэнса университетской библиотеки.

В 1852 г. Топелиус вновь попытался получить место преподавателя в Ваасе и на этот раз получил его. Из-за пожара в Ваасе лицей временно располагался в Пиетарсаари, куда Топелиус и собирался переехать. Однако 15 марта 1854 г. он был неожиданно назначен экстраординарным профессором истории Финляндии. Это произошло во время посещения императором Хельсинки и Свеаборга после начала Крымской войны. Только что назначенный профессором Фредрик Сигнеус, имевший тесные связи с высшими политическими кругами, подчеркивал, что Топелиус имеет сильное влияние на общественное мнение и поэтому его надо оставить в Хельсинки. Топелиус ранее говорил Сигнеусу, что мог бы послужить университету в качестве преподавателя шведского языка. Однако теперь он получил назначение без заявления, став первым экстраординарным персональным профессором. Он был доктором истории, в книжную версию «*Герцогини Финляндской*» было включено исследование, посвященное войне 1741–1743 гг., а «*Рассказы фельдшера*» и исторические пьесы свидетельствовали о его познаниях в области истории и философии истории. Самой пространной научной публикацией Топелиуса было историко-географическое предисловие к вышедшему в 1845–1852 гг. иллюстрированному изданию «*Финляндия в рисунках*». Это свое исследование Топелиус затем использовал и развил в лекциях по географии и опубликованных впоследствии произведениях для молодежи (например, в «*Книге о нашей стране*», 1875), а также в книгах, адресованных широкой публике и иностранному читателю (например, в масштабном труде «*Финляндия в 19 веке*», написанном в 1890-е гг.). Интерес Топелиуса к географии проявляется и в его многочисленных романах.

Назначение Топелиуса профессором вызвало положительный отклик, оно было созвучно многочисленным проявлениям финского

начала в общественной жизни того времени (например, учреждению новой профессуры финского языка и литературы). Но вскоре это назначение стали истолковывать как награду Топелиусу за его политическую позицию. В стихах, написанных после назначения, он определенно встает на сторону России против Турции и западных держав. Это было созвучно как его прежним взглядам (приверженность «реальной политике» и преданность царствующему дому), так и общественному мнению, воспаленному разрушительными рейдами британского флота против торговых судов и финского побережья, особенно в Похьянмаа. Кроме того, многие его родственники были офицерами императорской армии и флота. В этой войне Топелиус также видел религиозную войну против ислама. И все же политическая атмосфера военного времени и общественное мнение оказались для Топелиуса тягостными. Он занялся написанием сказок и за 1854–1856 гг. опубликовал почти 60 сказок и детских стихов в детском журнале «*Эос*». В 1856 г. он написал «*Книгу природы*», первый из двух своих учебников для начального обучения (вторым учебником стала «*Книга о нашей стране*»), выдержавших многочисленные издания. К этому периоду относятся стихи «*Сильвия*». В этот цикл входят ставшие известными и любимыми песнями стихотворения (номер 3 «*Летний день в Кангасала*», номер 9 «*Рождественский привет Сильвии из Сицилии*», номер 15 «*В тени рябины и сирени*»).

До своего назначения профессором Топелиус, благодаря своим пьесам «*Сорок лет спустя*» (поставлена в Хельсинки в 1851 г.), «*Охота короля Карла*» (1852), «*Регина фон Эммеритц*» (1853), успел стать виднейшим драматургом Финляндии. Вторая из них стала первой финской оперой (музыка Фредрика Пациуса). Впоследствии она выдержала многочисленные постановки на финском и на шведском языках, в том числе и в Швеции. В 1991 г. она была записана на компакт-диск. После этого он написал музыкальную комедию «*Принцесса Кипра*», также на музыку Пациуса. В отличие от романтически-патриотической «*Охоты короля Карла*» эта комедия, в которой в духе Оффенбаха смешивались калевальская и древнегреческая мифология, была нарочито легкой и веселой. Очень популярной стала ария из этого произведения «*Дитя Финляндии, не уезжай*».

В 1855 г. на престол вззошел новый император, а в 1856 г. был заключен мир. Это вдохновило Топелиуса, и в марте 1856 г. он опубликовал стихотворение «*Ледоход на Оулуйоки*». Стихотворение свидетельствует о переосмыслении старой тематики, оно символизирует наступление нового, переломного времени. В мае он отправился в первое дальнее путешествие (дальше Швеции), в течение десяти недель он проехал от Любека на новом транспортном средстве, поезде, через западную Германию и Бельгию в Париж, а оттуда назад через Лейпциг, Дрезден и Берлин, Копенгаген и Стокгольм в Похьянмаа. Особенно сильное восхищение Топелиуса вызвал Брюссель и Бельгия, тогда еще совсем молодое государство. В Париже ему посчастливилось увидеть

императорскую чету, он знакомился с достопримечательностями и «заводил знакомство» с рабочими, считая, что «их время еще однажды придет». В своей газете Топелиус напечатал большую серию под названием «*К югу от Балтики*». После этого он отправился в 1862 г. в следующую поездку – в Лондон – с западного побережья Швеции, где его жена поправляла здоровье. Кроме нескольких поездок в Швецию в 1874 г. Топелиус посетил Петербург. В Таллине он побывал уже в 1845 г. Он предпринял еще две длительных поездки в Европу: в 1875–1876 г. во Францию и Италию, включая Флоренцию, в Швейцарию и Германию – по следам Густава II Адольфа, а также в 1886 г. в Швейцарию и Скандинавию.

В 1860 г. Топелиус отказался от должности редактора газеты «*Гельсингфорс Тиднингсгар*» по ряду причин. Он отдался целиком своей преподавательской работе, его профессура в 1863 г. была преобразована в ординарную. В то же время смерть двоих детей и пошатнувшееся здоровье госпожи Топелиус омрачали его жизнь, а быстро развивавшаяся политическая жизнь требовала другого рода журналистики, какой не могла предложить газета Топелиуса, в которой он был единственным сотрудником. Тем не менее, Топелиус сохранил на всю жизнь свой журналистский склад ума, постоянно занимался наблюдениями, вел дневники, а также усердно писал в различные газеты. В политическом смысле он в целом оставался «бонапартистом», подчеркивая единство монарха и народа и критикуя эгоизм и материализм находившихся между ними правящих и имущих классов. Эта его позиция была близка к фенномании, и он верил, что культура Финляндии станет в основном финноязычной, но с другой стороны, он подчеркивал историческое и культурное значение шведского наследия и шведского языка в Финляндии. Топелиус выступал против языкового национализма и выступал за патриотизм, который был бы тесно связан с любовью к государю и почитанию Господа. Для Топелиуса особенно важно было подчеркивать историческое единство народа Финляндии, независимо от языковых и социальных различий.

Плутократия, расточительный образ жизни, излишний индивидуализм, а затем и натурализм и биологически ориентированное мировоззрение 1880-х гг. Топелиус критиковал как в сказках и в стихах, так и в статьях. В 1885–1887 гг. он принимал участие в основании и редактировании профинской шведоязычной газеты «*Finland*», ориентировавшейся на консервативные ценности. Топелиус предчувствовал наступление великой социальной революции и новой эпохи, это проявилось в стихотворениях «*Колыбель коммунизма*» (1884) и «*Риги Кулм*» (1885), а также в стихотворениях по случаю промоции в 1894 г. «*Правда вчера, сегодня и завтра*». Одновременно идеализм Топелиуса приобретал все более выраженные христианские черты. Эти настроения нашли отражение в произведении «*Листки из моей книги мыслей*», опубликованном уже после смерти Топелиуса.

Во времена своего кураторства Топелиус, который вначале собирался стать врачом, был одновременно секретарем «Общества финской флоры и фауны». Он ушел с этих постов в 1847 г., когда стал первым секретарем Художественного общества Финляндии (до 1869 г.). С 1853 по 1866 гг. он был также секретарем Дамского общества Хельсинки. Оба этих объединения выражали, по его мнению, новые и важные общественные идеи. Топелиуса очень интересовало положение женщин и проблема их образования. Дамское общество впервые давало женщинам (из высших слоев общества) возможность принимать участие в публичной общественной деятельности в форме организованной филантропии. В сказках, а также в романах Топелиуса девочки и женщины часто более инициативны и сообразительны, чем угловатые мальчики. В «Тетушке Мирабо» Топелиус даже заявляет устами господина Дамма, через сто лет женщин-врачей будет больше, чем мужчин. В 1860-е гг. Топелиус оказывал поддержку «первой феминистке Финляндии» Мари Линдер, а в 1870-е гг. – первой настоящей девушке-студентке Эмме Ирене Острём, а также помогал школам для девочек. Именно в этих школах для девочек и зародился настоящий культ Топелиуса.

В Художественном обществе, где Топелиус работал вместе с Ф. Сигнеусом и пользовался покровительством высших сфер, он оказал заметное влияние на начальную стадию развития изобразительного искусства и художественного воспитания Финляндии. Он также стал первым председателем (до 1889 г.) основанного в 1864 г. Общества художников, объединившего художников всех направлений. Он был первым председателем основанного в 1870 г. Общества памятников древности Финляндии, а позднее членом Археологической комиссии (позднее Музейное ведомство). Общественный интерес к искусству и деятелям искусства, к национальной истории и памятникам достиг своего апогея с воздвижением памятников Рунебергу и Александру II в 1880–1890-е гг. С этой тенденцией были связаны пространственные торжественные статьи и речи Топелиуса, особенно произнесенные в университете и посвященные памяти Александра I, Рунеберга, Лённрота, Александра II и Снельмана (на его похоронах), а также речи по случаю начала нового семестра, с которыми он выступал в университете в качестве ректора.

Топелиус был ректором в 1875–1878 гг., однако затем он не был назван в качестве первого кандидата. Считается, что причиной недовольства стала его слишком лояльная позиция по отношению к радикальному фенноманскому студенческому движению, а также высказанная им на вечере памяти Рунеберга мысль, что песня «*Наши край*» получит однажды «более высокий отклик», что она станет выражением «более единодушного и всеобщего национального самосознания» и что «в Финляндии будущего ее будут петь на финском языке». Когда вскоре после этого Топелиус ушел из университета, все студенческие землячества, кроме землячества Уусимаа, устроили в

Студенческом доме праздник в его честь. Среди студентов из Уусимаа, а также у шведоманских кругов в целом лояльность Топелиуса к императору и ранее вызывала недовольство, которое на этот раз было подогрето его положительным отношением к финскому языку.

Второй стороной общественной деятельности Топелиуса была идея защиты животных. Он связал эту идею с организационным объединением детей, основав в 1870 г. так называемые «*Майские общества*», в которых дети должны были научиться защищать маленьких птиц и ухаживать за ними. Тем самым воспитывались чувства сопереживания и солидарности, как к природе, так и к другим людям. Во многих его песнях и сказках маленькие птицы несут религиозную весть (например, в стихотворениях «*Береза и звезда*» и «*Сильвия*»). Это было связано с идеей простоты, близости к народу, детской веры, свойственным религиозному мироощущению Топелиуса. Эти аспекты проявились в псалмах, написанных Топелиусом. С 1867 г. он был членом комитета по изданию книги псалмов на шведском языке, а затем с 1876 г. стал председателем нового комитета. Комитет рассматривал 43 оригинальных псалма Топелиуса и 15 псалмов в его переводе. В окончательный вариант псалтыря, изданный в 1886 г., вошли 31 оригинальный псалом и 13 переводов. Часть псалмов, написанных Топелиусом, вошла в книгу псалмов на финском языке. Самыми известными являются рождественский псалом «*Не ищут ни власти, ни блеска*» и школьный псалом «*Дух истины*», которые вошли также в шведские и норвежские псалтыри. С теологической точки зрения псалмы Топелиуса подвергались критике за их излишнюю близость к народным песням и недостаток глубины и идейного содержания. В идейном мире Топелиуса патриотизм и вера в провидение все больше срастались настолько, так что в старости он считал финнов, наряду с евреями, вторым «*богоизбранным народом*».

Уйдя из университета в отставку, Топелиус получил титул статского советника, который обычно давался ректорам университета, прослужившим один срок. За год до этого он был награжден орденом Святой Анны второй степени, которым обычно награждались старшие профессора. Кроме нескольких почетных членств и двух премий Шведской Академии, он при жизни не получил никаких заметных публичных почестей. Ни Финское научное общество, ни Королевское научное Общество (Стокгольм) не избирали его своим членом. Он стал почетным членом Финского литературного общества, но в Шведское литературное общество Финляндии не входил. Топелиус определенно пользовался гораздо большим уважением в шведоязычном школьном мире и в народной среде, чем среди ведущей культурной элиты. Сам он считал, что современники его недооценили. Отчасти по этой причине, выйдя в отставку в не вполне простых условиях, он перебрался из Хельсинки в Сипоо, где купил усадьбу Бьёркудден. Собственно, только широкое празднование его 80-летнего юбилея и последовавшие вскоре

после этого грандиозные похороны стало свидетельством большого общественного уважения к Топелиусу. «Женщины Финляндии» воздвигли на его могиле на кладбище Хиетаниеми памятник.

Топелиуса еще в молодости стали считать преемником и оруженосцем старшего поколения его великих соотечественников – Рунеберга, Лённрота, Снельмана и Сигнеуса. Благодаря популярности его сказок, романов (которые вскоре стали восприниматься как литература для молодежи) и пьес с ним довольно рано стал ассоциироваться образ добродушного сказочника. В старости Топелиуса почитали прежде всего как мастера-сказочника, с произведениями которого успели познакомиться многие поколения в Финляндии, а также в значительной степени в Швеции и Норвегии. Сказки и сказочные спектакли оставались существенным элементом домашней и школьной культуры вплоть до 1950-х гг. К ним рисовали иллюстрации многие известные художники, в том числе А. Эдельфельт и С. Ларссон. Моральные и педагогические установки сказок воспринимались как самоочевидная данность. То, что Топелиуса в большей степени воспринимали как сказочника, чем как журналиста, профессора и общественного деятеля, получило наглядное подтверждение, когда в 1929–1932 гг. Г. Финне победил в конкурсе на создание памятника Топелиусу, и на бульваре Эспланада в Хельсинки была установлена его скульптура «Сказка и быль». По требованию публики в сквере на улице Ратакату появилась копия скульптуры Вилле Вальгрена «Топелиус среди детей» (оригинал находится в Ваасе).

Но в характере Топелиуса были черты, которые не всем нравились: его желание примирить всех, казалось, заходило иногда слишком далеко; он не смотрел в глаза собеседнику; его голос и манеры были слишком ровными, бесцветными и чопорными, и так далее. Веселым и раскрепощенным Топелиус был только в Обществе художников, где он частенько допоздна засиживался за бокалом вина.

В своем глубоком исследовании, посвященном оценкам Топелиуса, Э.Г. Пальмен подчеркивает, что заслуги Топелиуса как историка и его вклад в литературу принижались из-за их «ненаучности» и из-за молодости читательской аудитории, для которой предназначались его труды. Но значение морального и патриотического влияния Топелиуса выросло с годами настолько, что критики не могли его не признать. Историки более поздних поколений вынуждены были зачастую признавать, что тонкое чутье позволило Топелиусу абсолютно правильно понять явления и структуры прошлого, например, при описании редукции в «*Рассказах фельдшера*» или социального состава студенчества в «*Винсенте-Морепплавателе*».

Приложение:

Цахариас (Цахрис) Топелиус, род. 14.1.1818 Уусикарлепюю, умер 12.3.1898 Сипоо. Родители: Цахариас Топелиус, окружной врач, и Катарина София Каламниус. Жена: 1845–1885 Мария Эмилия Линдквист, умерла 1885. Родители жены: Исак Линдквист, торговец, и Йоханна София Кюнтцель. Дети: Айна (Нюберг), род. 1846; Микаэл, род. 1848, умер 1850; Тойни, род. 1854, писательница; Эва (Аке), род. 1855; Рафаэл, род. 1857, умер 1858; Роза, род. 1859, умерла 1862.

Эрик Аксельссон Тотт (приблизительно 1418–1481)

регент Швеции

Эрик Аксельссон Тотт помог королю Дании Кристиану Ольденбургскому прийти к власти в Швеции, и в награду за это король дал ему в лен Выборг и сделал его правителем, отвечавшим, в частности, за восточную политику. Позднее Эрик Аксельссон упрочил свои позиции в Финляндии и соревновался за власть с самим Кристианом. Обеспечение безопасности восточных границ было постоянным и самым значимым делом его жизни, с этим же связано начало строительства крепости Олавинлинна в 1470-е гг.

Богатый и могущественный отец Эрика Аксельссона Тотта определил для своего первенца духовную карьеру, и, возможно, он думал сделать то же самое и со вторым по старшинству Эриком. Эрик до своего совершеннолетия работал на различных должностях в духовных капитулах Лунда и Роскилда, а в 18 лет поступил в известный итальянский университет Падуя. Вернувшись домой, Эрик Аксельссон все же оставил мечты о епископской митре и переехал в Швецию в аристократическую усадьбу своего родственника Карла Кнутссона Бонде, став его оруженосцем. Так началась естественная для молодого дворянина служба, сначала под покровительством влиятельной особы, после чего можно было заняться самостоятельной деятельностью. Полученное в юности образование и довольно обширный жизненный опыт, вероятно, оказали влияние на то, что Эрик стал в большей степени политиком, чем военным.

Когда Карл Кнутссон в 1448 г. был избран королем, он пригласил Эрика Аксельссона Тотта в Государственный совет и дал ему в 1450 г. в лен главную крепость в Турку. Первое знакомство с Западной Финляндией оказалось все же коротким, так как уже в 1453 г. Эрик переехал в Нючёпинг. Разразившаяся после развала унии война против Дании была для Швеции неудачной и тяжелой. Главным образом в кругу церковных деятелей зародился дух оппозиции, и знаменательным для отдаления Эрика от Карла Кнутссона стала его

женитьба на племяннице Сигге, епископа епархии Стренгнес, которая одновременно приходилась сестрой жене брата архиепископа Йёнса Бенгтссона Оксеншерны. Оба духовных лица, ставшие благодаря браку родственниками, принадлежали к руководителям оппозиции.

Начавшееся зимой 1457 г. восстание имело скорый результат. Карл Кнутссон бежал в Данциг, а Эрик Аксельссон Тотт, находившийся у него в заключении, был освобожден и присутствовал на собрании Государственного совета, проходившего в середине марта. Архиепископ связался не только с королем Дании Кристианом Ольденбургским, но и с главой Готланда, братом Эрика Улофом Аксельссоном, и тот со своим флотом прибыл в Стокгольм. Возможно, именно под давлением своего брата Эрик стал регентом, наряду с архиепископом.

Целью архиепископа было не допустить безусловного избрания Кристиана королем Швеции. Главный политический вопрос весны и начала лета касался монаршей присяги, и окончательное решение зависело от реальной расстановки сил. Чтобы предотвратить возможные проволочки с избранием короля под предлогом того, что финляндское дворянство также должно успеть принять участие в выборах, Кристиан, прибыв со своим флотом к Стокгольмскому архипелагу в начале июня, послал Эрика Аксельссона Тотта взять под контроль Финляндию и организовать там отдельные выборы короля. Одновременно стояла задача подчинить крепости Финляндии власти короля в рамках унии, опередив людей архиепископа. Редкое для истории Финляндии избрание короля произошло в Турку 24 июня 1457 г. под руководством Эрика Аксельссона, и Кристиан был признан королем Швеции. Вскоре после этого крепость в Турку сдалась. Эрику удалось в конце лета завоевать и Выборг, а осенью после удачного похода по Финляндии он смог вернуться в Швецию. И там Кристиан достиг своих целей: он завладел Швецией, избежав существенного ограничения своей власти. В награду за оказанные Эриком услуги король дал ему в лен Выборг, а также чин и должность гофмейстера. Помощь Тоттов оказалась полезной для короля унии, одновременно она затрудняла политическую игру архиепископа.

Командующий Выборгской крепостью традиционно ведал восточными связями государства. Эрик Аксельссон Тотт оказался на этой должности в политически невыгодное время. В борьбе между великими литовскими и московскими князьями за господствующее положение в России верх одержали последние. Пользовавшийся расположением Москвы епископ в 1459 г. был объявлен митрополитом Киевским и всея Руси, а ставленник Литвы должен был уступить. Из Новгорода был также изгнан князь, ставленник Литвы. За восточной границей Финляндии все больше начали набирать силу православные русские национальные настроения, отрицательно относящиеся к западу. Это оказывало давление на политику Новгорода, который традиционно был спокойным торговым государством. Его отношения со Швецией стали

более напряженными, что осложнило возобновление мира в начале 1460-х гг. Начались волнения в районе Невы и в Северной Похьянмаа, а в 1464 г. также на Карельском перешейке. До конца своей жизни Эрик был вынужден заботиться об отношениях государства с Россией.

Новый кризис в унии разразился в 1463 г. Финансовый кризис, вызванный выкупом Шлезвиг-Гольштейна, заставил короля Кристиана потребовать от Швеции и Финляндии дополнительных налогов. Народное восстание в Упланде летом 1463 г. положило начало периоду волнений, который закончился лишь в 1471 г. поражением Кристиана, нанесенным ему Стеном Стуре на горе Брункеберг.

Эрик Аксельссон Тотт во время этого кризиса поначалу сохранял лояльность королю и унии. Осенью 1463 г. он одобрил заключение под стражу архиепископа Йёнса, а летом 1464 г. принимал участие в обороне Стокгольма против родов Вазы и Оксеншерны. После сдачи крепости он отправился на Готланд и после смерти брата Улофа 16 сентября 1464 г. участвовал в семейных переговорах, целью которых было сохранить стратегически важный остров как ленное владение Тоттов. После того, как преемник Улофа брат Филипп умер 4 ноября 1464 г., младший брат Эрика Ивар получил в свое владение остров, после чего Эрик поспешил укрепить свои позиции в Финляндии. Уже начиная с 1460 г. у него, помимо Выборгской крепости, была еще и крепость Хяме, а в 1465 г. он получил еще крепость и губернию Турку. В Швеции он по-прежнему владел Нючёпингом. Таким образом, Аксельссоны контролировали пути сообщения Висбю-Нючёпинг и Висбю-Турку, а также проход к Выборгу и Неве. В экономическом отношении они стали играть самую важную роль на Балтийском море.

В Швеции на тот момент существовало четыре влиятельных группировки: сторонники короля Кристиана, роды Ваза и Оксеншерна, родственники и сторонники бывшего короля Карла Кнутссона, и, наконец, партия Аксельссонов, представленная официальными епископскими и лагманскими постами в Финляндии. Карл имел заметную поддержку в Даларна и Северной Швеции, а также в кругах стокгольмского бюргерства. Вынужденные признать это «друзья архиепископа Йёнса» в июле 1464 г. пригласили находившегося в изгнании Карла вновь стать королем, но после того, как Йёнс Бенгтссон сам уладил спор с Кристианом и вернулся из заключения на родину, положение Карла осложнилось. В январе 1465 г. Эрик Аксельссон Тотт прибыл в Стокгольм со своими войсками, и ситуация для Карла обернулась поражением. Он вновь был вынужден отречься от короны, а Эрик получил задание препроводить его в Финляндию, в его новую губернию Раасепори.

Король Кристиан еще следующим летом продолжал считать Эрика Аксельссона Тотта преданным себе человеком, что следует из его переписки с Любеком. На самом деле заметный поворот произошел не позднее августа 1465 г. В то время была достигнута договоренность о

браке Ивара Аксельссона с дочерью Карла Магдалены. Переговоры, по всей видимости, происходили в Финляндии, и вполне вероятно, что член Туркусского духовного капитула Магнус Николай Сяркилахти во время своей поездки в Италию попросил для этого родственного союза благословение папы. Свадьба в Нючепинге состоялась 2 октября 1466 г., и Эрик на ней был распорядителем. С объединением сил сторонников Аксельссонов и Карла роду Ваза и Оксеншерна настал черед отступать. 14 октября 1466 г. Йёнс Бенгтссон ушел в отставку с поста регента (правителя), и его сменил Эрик Аксельссон. Одновременно он получил крепость в Стокгольме. Таким образом, сыграла свою роль своеобразная ось Финляндия-Нючепинг-Готланд. Вместе с тем, становился неизбежным разрыв с Кристианом.

Король Кристиан 17 марта 1467 г. объявил об экономической блокаде Швеции, которая распространялась также на лены Эрика Аксельссона Тотта, то есть Финляндию. В Дании было начато изъятие ленных владений Тоттов в пользу короны, из-за чего Ивар Аксельссон Тотт 22 мая 1467 г. отказал в преданности королю и стал угрожать ему войной. Не известно, поступил ли Эрик таким же образом. Встает вопрос и о его конечных целях. Вероятнее всего, он всю свою жизнь стоял на позициях сторонника унии. Столь же вероятно, что он и его брат пытались навязать унии свои условия, то есть использовать свою власть в Швеции, Финляндии и Готланде для ослабления власти Кристиана, в том числе и в Дании. Это позволило бы осуществлять королевскую власть в рамках унии более мирно и без сильной власти правителя. Возможно, они мечтали об аристократической Скандинавии, которой бы правили Аксельссоны.

Финские крестьяне поддержали планы Эрика Аксельссона, послушно выплачивая налоги его фохтам. Это вряд ли происходило бы безропотно без договоренности туркусского епископа и фрельзового сословия Финляндии о сотрудничестве с Тоттами. Иначе дело обстояло в Швеции. Там жители Даларна и северных провинций выступали как политическая сила. По их мнению, Швеция не должна была быть епископской епархией (подразумевался архиепископ Йёнс Бенгтссон), или же вотчиной регента или частной собственностью Эрика Аксельссона Тотта, а была старым королевством. По мнению простого народа, Эрик был чужаком, которому нельзя было доверять. Осенью 1467 г. ему пришлось уступить дорогу Карлу Кнутссону. Национальная королевская власть была восстановлена, но поначалу казалось, что Тотты смогут сохранить свои позиции на Балтийском море и в Финляндии. Брат Ивар в марте 1468 г. даже получил обещание от Карла Кнутссона, что станет его заместителем и, после его смерти, временным главой государства.

В 1469 г. удача все же отвернулась от Тоттов. Стало ясно, что в Дании государственный совет твердо стоял за Кристиана, а в Швеции аристократия, поддерживавшая Карла Кнутссона, понемногу начала

наступление на позиции Тоттов. По всей вероятности, весной 1469 г. Эрику пришлось оставить Туркускую крепость, и вскоре после этого Ивар лишился поста наместника. После смерти Карла 15 мая 1470 г. три крепости, находившиеся у него в подчинении – крепости Стокгольма, Эребру и Турку – были переданы племяннику короля Стену Стуре, которого Государственный совет в конце того же месяца избрал регентом. Эрик Аксельссон Тотт был в то время в Швеции и, по всей видимости, участвовал в выборах. Позже брат Ивар имел повод заметить том, что Аксельссоны помогали власти Стуре, и он, скорее всего, не грешил против истины. Тотты должны были поддерживать прежнюю группу сторонников Карла, так как куда худшим вариантом для них был бы союз с теми, кто, безусловно, вернул бы к власти Кристиана.

Таким образом, началось сотрудничество сторонников Стуре и Тоттов, и оно продолжалось до смерти Эрика Аксельссона. Сам Эрик был в Стокгольме 7 августа и 14 октября 1471 г., то есть тогда, когда Кристиан направлялся в Стокгольм, чтобы вернуться на шведский престол. Люди Эрика активно участвовали в битве при Брункеберге 10 октября 1471 г. То есть силы Финляндии были использованы для закрепления регентства в Швеции. Это, возможно, было неожиданностью для туркусского епископа и некоторых других руководителей страны, ведь еще несколько лет назад они вместе с Эриком Аксельсоном выступали за сохранение унии.

Эрик Аксельссон последние десять лет жизни посвятил решению вопросов, связанных с его ленными владениями в Финляндии и, прежде всего, укреплению восточных границ государства. Иван III, ставший в 1462 г. московским князем, в 1471 г. завладел Новгородом. Последствия произошедшего проявились быстро. Еще в 1468 г. Эрику удалось возобновить мир на 5 лет на выгодных для Финляндии условиях. Тогда он единственный раз был поименован «главой Выборга и Восточной страны». Но в 1473 г. перемирие было заключено только на год, и одновременно с этим пришлось пойти на установление спорной границы от Сиестарйоки (река Сестра) до Похья, что, насколько известно, прежде не устраивало шведских парламентаров. В отношениях с Россией начался, таким образом, период кризиса, который продлился еще год после смерти Эрика. В первой половине 1470-х гг. он построил вокруг Выборга оборонительную стену. Раатиторни, одна из пяти ее башен с юго-восточной, сухопутной стороны, сохранилась до сих пор. В укреплении фланговые части главной крепости были надстроены на один уровень, а боковые части дополнительной крепости, по-видимому, получили законченную форму. Вновь построенные сооружения были выдержаны в духе ренессанса в крепостной архитектуре Северной Европы. Аналогичные примеры можно найти в первую очередь в Остзейских провинциях, откуда и были родом мастера-строители.

Уже длительное время шел спор с ладожскими карелами за право пользования восточными землями Саво. Для защиты Саво Эрик Аксельссон Тотт решил построить укрепление в Кюрёнсалми между Пихлаявеси и Хаапавеси, которое он назвал Олавинлинна. В 1475 г. крепость была еще деревянной, но уже во времена Эрика началось строительство каменной крепости, и к 1483 г. оно продвинулось настолько, что первая очередь главной крепости – башни и соединяющие их крепостные стены, – вероятно, была готова. Постройка по-прежнему сохраняет печать средневековья, хотя уже заметны признаки ренессанса эпохи Вазы.

Укрепление восточных границ было для Эрика Аксельссона Тотта постоянным и главным делом жизни. Он не ограничился, однако, лишь оборонительными задачами. В 1480 г. он предпринял попытку контрудара в глубь России, в направлении Невы. Эта демонстрация силы, сделавшая ситуацию на восточной границе более спокойной, стала для Эрика последней, так как он умер в Выборге в марте 1481 г. Его похоронили в церкви Аспё в Сёдерманланде в Швеции. Возле него находилась усадьба Эрика Лагнё, название которой он часто употреблял, именуя себя.

– СЕППО СУВАНТО

Приложение:

Эрик Аксельссон Тотт, регент Швеции в 1457, 1466–1467, род. ок. 1418 Варберг, Швеция, умер 1481 Выборг. Родители: Аксель Педерссон Тотт, государственный советник Дании, рыцарь, и Ингеборг, дочь Ивара Нильссона, лагмана Восточного Ёталанда. Первая жена: до 1.8.1444 – Клара, родители первой жены: Матс Ёдгилссон из рода Лиллье, государственный советник, и Ингеборг Грегорсдоттер из рода Аспенес; вторая жена: до 12.6.1455 – Эллин, родители второй жены: Густав Алготссон из рода Стуре, государственный советник, рыцарь, и Мерта Ульфсдоттер из рода Спарре.

Клаус Флеминг

(ок. 1535–1597)

государственный советник,

наместник Финляндии и Эстляндии,

верховный адмирал,

барон

Клаус Флеминг – одна из самых противоречивых фигур в истории Финляндии. Его жизненный путь – от рано осиротевшего сына лагмана, принадлежавшего к самым состоятельным дворянским фамилиям Финляндии, по ступенькам военной и гражданской иерархии до чина верховного адмирала, маршала и верховного наместника Финляндии и Эстляндии – превратил его в военного диктатора восточной части государства. При нем Финляндия в период с 1591 по 1597 гг. практически была независима от центральных шведских властей. Считается, что этот этап стал кульминацией той тенденции 16 в., когда национальные интересы, прежде всего связанная с унией с Польшей политика безопасности восточных границ, имели большее значение, чем принадлежность к Швеции.

Анализ личности Клауса Флеминга показывает, что основной его чертой и одновременно ключом к его успеху была лояльность к королевской власти, значившая для него больше, чем сословные интересы. Эту лояльность короли Эрик XIV, Юхан III и Сигизмунд вознаграждали высокими постами и доходами. Как особо приближенному к королевской власти, Флемингу зачастую приходилось выполнять неприятные поручения. Особый статус Финляндии в начале 1590-х гг. в значительной степени являлся отражением необычайно широкого единовластия Флеминга на этой территории, опиравшегося, в свою очередь, на Сигизмунда, стоявшего у власти в Польше. Ситуация знакома по новейшей истории Финляндии, когда внутривосточное могущество опиралось на покровительство внешних сил. Это, очевидно, наиболее удачное объяснение возникшего кризиса. Хейкки Юликангас (журнал «Канав», 1997) сравнивает его с Урхо Кекконеном, поддержка которому, как принято считать, оказывалась из-за пределов государства. В пользу такого понимания говорит то обстоятельство, что взгляды герцога Карла и Сигизмунда на восточную политику совпадали: оба они были носителями обычной для Западной Европы ненависти к русским.

Клаус Флеминг был сыном лагмана Южной Финляндии и наместника Раасепори Эрика Флеминга и Хебблы Сиггендоттер Спарре, происходившей из аристократического рода и приехавшей из Швеции. Предположительно, он родился в 1535 г. в имении Куйтия прихода Парайнен неподалеку от Турку. Несмотря на высокое происхождение и положение отца, одного из важнейших доверенных лиц Густава Вазы в восточной половине государства, Клаус не получил достаточно высокого образования, не говоря уже о поездках на учебу за границу. Возможно, причиной этому послужила ранняя смерть отца в 1548 г., однако, сыграла роль также и очевидная склонность мальчика к военному делу. Так, Клаус Флеминг, благодаря своим талантам лыжника, уже в 20-летнем возрасте привлек внимание короля, и в феврале 1556 г., когда шла война с Россией, Густав Ваза назначил его командовать лыжным отрядом из 300 крестьян из провинции Саво.

Отсутствие университетского образования и манер, присущих эпохе Ренессанса, и даже презрение к ним, сильно отличали молодого Флеминга от собратьев по сословию. Солдатские манеры, суровая полевая жизнь наложили отпечаток на его грубую речь и простонародное поведение, о чем ходило много историй. Говорят, что однажды он рывкнул герцогу Карлу: «Я солдат, а не баба». Современники называли его «Жженный Клаус» или «Нос в саже». Одно из объяснений происхождения этих кличек кроется в названии поместья, где проживал Флеминг – Суйтия (по-шведски Свидья, от слова «*svedja*», пожога). Польские дворяне, увидав Флеминга в 1587 г. в Варшаве, были поражены его склонностью к обжорству. Изменив несколько букв в наименовании титула адмирала по-латыни, они наградили его кличкой, которую можно перевести как «Господин Необычность».

Однако образ Флеминга сделал его необычайно популярным среди солдат. Он интересовался самочувствием обычных рядовых раненых и инвалидов, что не было свойственно тому времени. Еще одна черта Флеминга-солдата: он стал безусловным роялистом. Он подчинялся вышестоящему приказу, и сам требовал покорности от подчиненных. Он не занимался рассуждениями о пользе или вреде того или иного решения. Конечно, за свою безусловную лояльность он ожидал хорошей награды. Флеминг считал, что данные ему королем привилегии – это награда более за лояльность, чем за заслуги. Он был даже готов преступить закон путем присвоения военных трофеев короны.

Относясь к старому дворянству восточной части государства, Флеминг входил в группировку, которая считала военную службу своей важнейшей задачей. Еще его отец Эрик Флеминг заявил Густаву Вазе, что проблемы восточной границы следует решать «острием копья», а не переговорами. В отличие от воинственных господ из Куйтия, вторая ветвь рода Флемингов, жившая в Лоухисаари, и, прежде всего могущественный род Горнов, были более склонны к гражданской

и придворной службе. В последние годы жизни Клаусу Флемингу пришлось опираться в большей степени на служилое и обедневшее дворянство, нежели на своих собратьев-аристократов, отношения с которыми у него складывались плохими.

Первое публичное появление Флеминга было связано с коронацией Эрика XIV летом 1561 г., когда он был посвящен в рыцари. Осенью того же года он был назначен фохтом монастыря в Падинен, с чего и началась его деятельность на лифляндском театре военных действий. Будучи одним из военачальников, он контролировал переброску войск из Финляндии в Таллин, весной 1562 г. в течение некоторого времени являлся наместником только что завоеванного Пярну, а в следующем году командовал крепостью Пайде. Тогда же, предугадывая настроения Эрика XIV, он серьезно оскорбил герцога Юхана, когда тот возвращался из Польши через Эстляндию вместе со своей молодой женой Катариной Ягеллоникой.

Отношения между Флемингом и герцогом Финляндским поначалу были довольно напряженными. Получив от Эрика XIV в 1562 г. назначение лагманом Южной Финляндии, Флеминг, будучи доверенным лицом короля, был вынужден участвовать в осаде Турку и доставке плененного герцога из Турку в крепость Грипсхольм. Выбор его в качестве конвоира, очевидно, объяснялся тем, что Флеминг успел зарекомендовать себя как бесцеремонный человек с крутым нравом. Однако служить Эрику XIV и не попасть в опалу было крайне сложно.

Затем началась семилетняя война против Дании и Любека, театр военных действий которой развернулся в западной Швеции и на Балтийском море. В ходе войны с Данией в 1564 г. Флемингу еще удалось кое-как справиться со своими обязанностями в качестве командующего артиллерией во время операции в Бохуслене. Однако когда король перевел его в совершенно чуждый ему род войск – на флот в должности капитана корабля *«Элефант»*, начались неудачи. После пленения адмирала в морском сражении с флотом Дании и Любека при северной оконечности Эланда, Флеминг приказал кораблям отойти под прикрытие стокгольмских шхер. В ходе следующей операции, теперь уже в ранге адмирала, Флемингу мало чего удалось сделать, он лишь захватил несколько шедших из Нарвы торговых судов. Верховным адмиралом был теперь назначен двоюродный брат Флеминга – Клаус Горн, впоследствии снискавший славу морского героя. Ему удалось за две недели достичь того, что предыдущие военачальники не могли добиться в течение месяцев – господства в северных водах Балтики. В декабре 1565 г. Флемингу вместе с другими военачальниками, обнаружившими свою несостоятельность, пришлось держать ответ перед королевской комиссией, обвинителем в которой выступил Йоран Перссон. Лишь выплата существенного выкупа и возвращение захваченного груза мехов из Нарвы позволили ему в июле 1566 г.

добиться от Эрика XIV помилования. Однако трещина в отношениях с королем была фактом. Высокая комиссия заявила, что Флеминг заслуживает смертного приговора как дезертир и подлый преступник.

Однако к этому времени власть Эрика XIV сильно пошатнулась. Предчувствуя близость конца, Флеминг не появился на риксдаге 1567 г., на котором были вынесены приговоры высшему дворянству, и помутившийся разумом король совершил так называемые убийства Стуре. Когда летом 1568 г. началось выступление герцогов Юхана и Карла, а также высшего дворянства, Флеминг поначалу следовал приказам Эрика XIV, но, заметив безнадежность ситуации, уже в числе последних перешел в лагерь герцогов. Он снискал расположение бунтовщиков, передав в их пользование свои военные корабли, что имело большое значение для падения Эрика. Юхан и Карл не забыли об услуге Флеминга.

Юхан III, ставший новым королем, ценил Флеминга, несмотря на их давнюю вражду. Флемингу было приказано принять присягу у собравшихся в Стокгольме войск. На своей коронации в июле 1569 г. король даровал ему титул барона, отдав ему территорию Вийкки, то есть четверть Сиунтио и четверть Йокиойнена. Позже к владениям были добавлены еще некоторые земли в Сиунтио и поместье Пиккала. Флеминг стал государственным советником и около 1571 г. верховным адмиралом.

Юхан III также помнил заслуги Флеминга как собственного конвоира. На этот раз верховному адмиралу было предписано охранять поверженного короля Эрика в Туркуской крепости, откуда он позже перевез своего пленника в Кастельхольм, а потом в Грипсхольм. В 1572 г. Флемингу было дано разрешение убить пленника в случае начала бунта или попытки освобождения. Обязанности старшего стражника тяготили Флеминга, поскольку Эрик постоянно доставлял большое беспокойство, и в 1572 г. ему удалось добиться отставки. Флеминг вместе с гофмаршалом Густавом Банером выступил посредником при разграничении королевской и герцогской власти между сыновьями Густава Вазы. В конце войны с Данией Флеминг руководил карательным походом в район Тронхейма. Будучи верховным адмиралом шведского флота, он добился немалого успеха в сражении при Борнхольме против датских кораблей.

Вспыхнувшая в 1570 г. война с Россией заставила Флеминга вернуться в Финляндию. К этому периоду относятся первые упоминания о его болезни, о характере которой точных сведений нет. В 1574 г. он был назначен наместником Выборгской крепости, имевшей исключительно важное военное значение, сохранив при этом посты верховного адмирала и государственного советника. Однако высшее руководство ведением войны на суше находилось в руках его родственника, Германа Флеминга (ветвь рода Флемингов из Лоухисаари). Находясь на пике своей карьеры, Флеминг заключил

брак с третьей королевой Густава Вазы, сестрой вдовствующей королевы Катарины баронессой Эббой Стенбок. Брак был выгодным во всех отношениях: Флеминг приобщился к царствующему дому и укрепил связи с высшей аристократией. Братья Эббы со временем стали такими же доверенными лицами короля в Швеции, каким был Флеминг в Финляндии. У супругов был лишь один сын, названный Юханом. Кроме того, у Флеминга был один незаконнорожденный, но признанный сын.

Вскоре, однако, колесо фортуны покатило для Флеминга вниз. В 1576 г. король прослышал про то, как финляндские господа умудряются присваивать причитающиеся короне налоги и выплаты. Комиссия по расследованию, составившая список налоговых злоупотреблений, посчитала, что Флеминг начислил себе около 5 000 талеров незаконных платежей. Это была самая большая сумма из выявленных. Даже в условиях, когда все стремились нажиться за счет государства, вороватость Флеминга превзошла саму себя. В результате он лишился должности лагмана Южной Финляндии, доходами с которой Флеминг особенно злоупотреблял, помимо того, что он нещадно обдирал крестьян в своих владениях. Ударом стало и то, что должность лагмана досталась его родственнику из ветви Лоухисаари Герману Флемингу.

Утратив доверие короля, Клаусу Флемингу с 1576 по 1589 гг. пришлось довольствоваться небольшими поручениями, и многие финляндские дворяне опередили его в политическом весе. Флеминг главным образом отвечал за оснащение флота и проживал большую часть времени в Стокгольме. В это время у него наладились отношения с герцогом Карлом, остальное же высшее дворянство, понемногу укреплявшее свое положение в руководстве государством, оставалось ему чуждым.

В 1587 г. Юхану III удалось добиться избрания на польский престол своего сына наследного принца Сигизмунда. При этом забрезжила перспектива создания в Восточной Европе могущественной шведско-польской державы-унии. Аристократию вдохновляла мысль о возврате к временам унии, к тем временам, когда шведское высшее дворянство имело множество привилегий, пока король подолгу находился за пределами страны. И хотя у Флеминга были близкие родственники среди сторонников унии, в том числе двоюродный брат Эрик Спарре, его расчеты расходились с планами аристократии. Он был единственным из государственных советников, кто открыто возражал против отправки Сигизмунда на польский престол, хотя ему как адмиралу пришлось сопровождать Сигизмунда в его новую страну. В принципе, Флеминг ожидал одного – удобной ситуации для того, чтобы вновь вернуть себе доверие короля.

Такая возможность появилась, когда Юхан III и Сигизмунд встретились в Таллине в 1589 г. В планы отца и сына входило вернуть Сигизмунда из Польши в Швецию, чтобы он оставался лишь шведским

наследным принцем. Однако поскольку это означало разрыв с поляками, многочисленное дворянство, находившееся в окружении короля, во главе с Государственным советом, воспротивилось этим планам и сумело их расстроить. Единственным исключением был верховный адмирал Флеминг. Поэтому разочарованный и раздосадованный Юхан III, которому приходилось все чаще опираться в государственных делах на герцога Карла, вспомнил о своем старом стороннике и вознаградил его несколькими ответственными поручениями. В 1590 г. в качестве компенсации за утраченную должность финского лагмана Флеминг получил должность лагмана Уппланда и Норланда, в 1591 г. – весьма доходную должность судьи Похъянмаа и звание маршала. Он также стал наместником Финляндии и Эстляндии и главнокомандующим в войне против России. Никогда ранее две важнейших военных должности государства, адмирала и маршала, не сосредотачивались в одних руках. Кроме того, Флеминг был назначен одновременно обвинителем и председателем судебного заседания на судебных процессах 1590–1591 гг. против Карла Горна и его братьев по обвинению в ведении оборонительной войны в Ингерманландии. Это навсегда испортило отношения между Флемингом и Горном и позже сказалось на формировании партий в Финляндии во время гражданской войны.

По мнению Пентти Ренваля, Флеминг в период кризиса 1590-х гг. отстаивал интересы Финляндии, то есть сохранение унии с Польшей, чтобы обезопаситься от угрозы с востока. Но если главным мотивом действий Флеминга была безопасность восточной границы, невозможно понять его позицию на встрече в Таллине в 1589 г. Видимо, это был сугубо тактический ход, чтобы добиться расположения короля. Деятельность Флеминга, как указывает Хейкки Юликангас, нельзя рассматривать лишь в одной системе координат. Он был карьеристом, который не гнушался, если того требовала ситуация, выполнять за короля грязную работу.

Финляндское дворянство в 1589 г. в Таллине поддержало своих шведских братьев по сословию в вопросе о сохранении унии с Польшей. Выступая почти единым фронтом, они потребовали форсирования военных действий, более равномерного распределения военных тягот между Швецией и Финляндией и компенсаций за понесенные жертвы в форме особых льгот. Справившись со своими оппонентами в Швеции, Юхан III обратил внимание на «взбунтовавшееся» финляндское дворянство. Под угрозой потери должностей оно было вынуждено попросить прощения. Это означало также подчинение дворянства руководству Флеминга.

Когда Юхан III умер в ноябре 1592 г., Флеминг был одним из наиболее могущественных людей государства. Власть, которую ему давали должности, дополнялась большими доходами. Одна лишь должность главнокомандующего приносила ему 500 талеров в месяц.

Дополнительные доходы приносили имения Пёютюя, Юлянне, Парайнен в Куйтия, а также Суйтия и Пиккала в Сиунтио. Флеминг собирал налоги с 146 пожалованных на вечные времена и 366 находившихся во временном ленном владении крестьянских дворов, находившихся главным образом в Варсинайс-Суоми, Хяме и Лянси-Уусимаа. Все это дополнялось доходами из Швеции и Эстляндии. Хейкки Юликангас считает, что Флеминг, в относительном исчислении, был самым богатым человеком, когда-либо проживавшим в Финляндии.

В качестве высшего военачальника Флеминг в 1591 г. возглавил широкомасштабную и потребовавшую больших подготовительных усилий операцию, в результате которой шведская армия продвинулись вглубь России, вплоть до самого Новгорода. Однако этот поход не привел к захвату территорий, а лишь к обширным опустошениям. Второй поход, запланированный на 1592 г., был свернут в связи со смертью короля и последовавшими разногласиями между герцогом Карлом и Флемингом. Стороны заключили в январе 1593 г. перемирие, и Флеминг распустил войска, разместив их в Финляндии и Эстляндии, что легло тяжелым бременем на местное население.

После того, как король католической Польши Сигизмунд сменил на шведском престоле своего отца, актуальным вопросом стала организация внутреннего управления. Руководящая позиция герцога Карла в Государственном совете мало сказывалась на Флеминге, выполнявшем приказы нового короля. В январе 1593 г. он отправил открытое письмо из военного лагеря в Сяккиярви в Швецию жителям своего лагманского округа с требованием верности Сигизмунду, подавил крестьянские волнения в Хяме и летом отправился со своим флотом в Данциг, чтобы доставить короля в Швецию. По прибытии короля в свою державу Флеминг попытался объявить так называемую упсальскую грамоту о протестантской вере незаконной, называя документ «какой-то телячьей кожей». Но поскольку признание этого документа было условием восхождения на трон, он смирился и в результате на коронации Сигизмунда в упсальском кафедральном соборе в 1594 г. нес державный меч. После этого Флеминг со своим флотом проводил короля в Польшу, а сам вернулся в Финляндию.

Очевидное доверие со стороны короля, подтвердившего все должности Флеминга, придало ему сил. В 1595 г. в Тявзино, неподалеку от Нарвы, Швеция заключила довольно выгодный мир с Россией. Граница, определенная новым договором, сильно отличалась от той, что была проведена в 1323 г. по Ореховецкому миру – она фиксировала систему расселения во внутренней Финляндии и включала в шведские владения Нарву. Захваченный Кексгольм удерживался в качестве залога вплоть до того момента, пока не будет проведена новая граница. Вследствие этого Флеминг не распустил свои войска, а, к большому неудобству для крестьян, держал их на постое, ссылаясь на неопределенность

восточного вопроса. Однако было очевидно, что войска поддерживались в боевой готовности также из-за внутривосточной ситуации и для поддержания собственной власти Флеминга.

Следующим шагом герцога Карла на пути к власти стал риксдаг в Сёдерчёпинге в октябре 1595 г. На риксдаг приехало мало финляндцев, поскольку Флеминг был против его проведения. Риксдаг провозгласил Карла регентом и постановил, что отныне указы находящегося в Польше Сигизмунда вступают в силу лишь после их утверждения Государственным советом. Риксдаг послал специальную делегацию во главе с Карлом Горном в Турку, куда в январе 1596 г. Флеминг созвал финляндское дворянство. Перепалки в Турку показали, что Финляндия во главе с Флемингом, своего рода военным диктатором, была готова не подчиняться решениям, принятым в Швеции, и следовать распоряжениям короля, находящегося в Польше. Однако было бы не вполне верным считать такое раскольничество проявлением особого статуса Финляндии, поскольку очаги противодействия герцогу Карлу существовали и в других частях Швеции, в частности, в Западном Ётланде.

Напряженность в отношениях Флеминга и Карла привела к опасности начала гражданской войны. Это крайне заботило ближайшее окружение маршала, в том числе его супругу Эббу Стенбок и ее сестру, вдовствующую королеву Катарину. Реальность была такова, что войска герцога были сильнее войск маршала. Ситуацию усугубляла болезнь Флеминга, в связи с чем Туре Бьелке писал в сентябре 1595 г. своему брату Хогеншильдту, что некоторые считают дни Флеминга сочтенными, «что могло бы быть для него благом». Несмотря на болезнь, Флеминг упорствовал в своей линии.

Незадолго до начала вооруженного столкновения крестьяне Похьянмаа и Саво в 1596 г. подняли восстание против Флеминга – в очень неподходящее для него время. Исследователи спорят о причинах так называемой «дубинной войны», но ее главный мотив очевиден: ужасающее положение крестьян. Нет сомнения, что крестьяне, отягощенные постоянной повинностью, верили обещаниям герцога Карла и ждали помощи из Швеции. Флемингу, с точки зрения быстрого подавления восстания, было на руку то, что он в преддверии гражданской войны держал войска в готовности. Узнав о начале восстания, он направил свои войска численностью около 3 тысяч солдат в Пирккала, неподалеку от которого в Нокиа стояла лагерем крестьянская армия Яакко Илкки. Накануне нового 1596 г. прошли безрезультатные стычки, однако, Флемингу удалось хитростью заставить крестьян обещать выдачу своего лидера, войско распалось и ударилось в бегство, после чего было обречено на гибель. Бунты в Саво и Хяме также были кроваво подавлены. Жители Похьянмаа вновь поднялись на восстание в феврале 1597 г., для подавления которого Флеминг направился к реке Илмайоки с отрядом в 1500 ратников.

И это народное восстание закончилось поражением «дубинников» в сражении при Сантавуори.

Однако для Флеминга «дубинная война» была лишь промежуточным эпизодом главного сражения против герцога Карла. Руководя снаряжением своего флота в Пиккала, маршал серьезно заболел и неожиданно умер в церкви прихода Похья. Тело было перевезено в часовню Туркуской крепости, а оттуда в Парайнен для захоронения в семейном склепе. Многие посчитали неожиданную смерть Флеминга карой господней, особенно эту мысль поддерживали его противники.

Месть герцога Карла настигла близких Клауса Флеминга после захвата Турку в 1597 г. Эбба Стенбок бесстрашно защищала память мужа. Ее отвезли под охраной в Стокгольм, но через пару лет выпустили на свободу, вернули ее собственные наследные земли, а в 1602 г. также половину наследных земель мужа. Хуже всего пришлось сыну Флеминга Юхану, последнему барону Вийкки, который в момент смерти отца находился в Польше. Приехав в Финляндию в 1598 г., он увидел разоренные поместья отца. После этого он присоединился к войскам наместника Сигизмунда Арвида Столарма и возглавил экспедицию на Аландские острова. После повторной сдачи Туркуской крепости герцогу в 1599 г. Юхан Флеминг в числе других подписал капитуляцию, в которой упоминалось право беспрепятственно покинуть крепость. Однако, нарушив договор, Карл взял всех защитников крепости в плен и казнил на площади в Турку, и Юхан был первым из них. Меч палача с соответствующей гравировкой хранится в Стокгольме в музее оружия. Тогда же в Турку был казнен внебрачный сын Флеминга Улоф.

– Кари Таркиайнен

Приложение:

Клаус Эрикинпойка (Эрикссон) Флеминг, в источниках также Клаес, Клас, род. предположительно 1535 Парайнен, умер 13.3.1597 Похья. Родители: Эрик Флеминг, адмирал, государственный советник, лагман Южной Финляндии, и Хеббла Спарре. Жена: 1573 – Эбба Стенбок, баронесса, род. 1614, родители жены: Густав Стенбок, барон, и Биргитта Лейонхувуд. Дети: Юхан, род. предположительно 1578, умер 1599; Улов (внебрачный), умер 1599.

Тарья Халонен
(1943–)

Президент Республики

Тарья Халонен стала первой женщиной, избранной в феврале 2000 г. президентом Финляндии. Кроме того, она первый президент, выбранный от столичного округа. До своего избрания Халонен, юрист по образованию, имела продолжительный опыт работы в депутатском корпусе, в должности министра. Тарья Халонен также чрезвычайно активно участвовала в деятельности различных общественных организаций.

Девочка из рабочей семьи

Тарья Халонен выросла в Каллио, рабочем районе Хельсинки. Ее родители, строитель Виено Халонен и Лююли Лоймола поженились во время Второй мировой войны. В канун Рождества 1943 г. появилась на свет дочка. Виено Халонен был в это время на фронте. Как и многие другие женщины из рабочих семей, Лююли Халонен вынуждена была работать: на мельнице, на обувной фабрике, позднее муниципальным социальным работником. Однако брак распался. В 1950 г. Лююли Халонен повторно вышла замуж за электрика Тууре Форсса.

Система ценностей матери, отличавшейся волевым характером, сыграла большую роль в формировании мировоззрения дочери. Тарья Халонен отзывалась о ней как об обладающей прирожденным талантом выживания, активной и постоянно устремленной вперед женщине. Лююли Форсс уважала хороших и непритязательных рабочих, ценила честность и справедливость, то есть все те качества, значимость которых впоследствии подчеркивала депутат и министр Тарья Халонен.

Тарья Халонен начала учебу в народной школе Каллио осенью 1950 г. Четыре года спустя она перевелась в общую школу, закончила класс гуманитарных и общественных дисциплин в 1962 г., сдав первой из своей рабочей семьи экзамен на аттестат зрелости и став, таким образом, обладателем полного среднего образования. В 1963 г., после

года обучения истории искусств, Халонен поступает на юридический факультет Хельсинкского университета. В 1968 г. она получила степень кандидата правоведения, написав работу по уголовному праву.

Трудовая карьера Тарьи Халонен началась годом раньше в качестве юриста АО «Луотонвалвонта». Через два года она стала секретарем по социальным и организационным вопросам Союза студенческих землячеств Финляндии (ССЗФ). Преимущество этой работы заключалось, в частности, в том, что она имела возможность жить в студенческом общежитии на улице Рауханкату. В 1970 г. Халонен стала первой женщиной-юристом Центральной Профсоюзной Организации Финляндии (ЦПОФ).

Политикой Тарья Халонен заинтересовалась, еще работая в ССЗФ, а в 1971 г. она вступила в Социал-демократическую партию Финляндии (СДПФ). Важным шагом политической карьеры стало ее назначение в 1974 г. парламентским секретарем премьер-министра Калеви Сорсы. Позже Сорса вспоминал, что ему был нужен человек, сведущий в законодательстве и имеющий хорошие связи с рынками рабочей силы. Тем самым Халонен стала связующим звеном между СДПФ, действующим кабинетом и профсоюзным движением. Сорса вскоре обратил внимание, что молодая женщина-юрист, «одолженная» у председателя ЦПОФ Ниило Хямяляйнена, – самостоятельно мыслящий, но при этом безусловно лояльный по отношению к правительству коллега. Интерес парламентского секретаря к политике продолжал расти, и в 1977 г., с избранием в городской совет Хельсинки, начался продлившийся почти 20 лет этап карьеры Халонен в качестве муниципального политика.

Политик-практик

По некоторым воспоминаниям, Тарья Халонен уже в 1970-е гг. была жестким политиком, который умеет добиваться поддержки в своей сфере деятельности. Ее также называли требовательным руководителем. Из посвященных ей публикаций складывается представление о деловом, целенаправленном и честолюбиво политике, обладающим при этом гуманностью, терпимостью и сердечностью. По точному замечанию, она является интересным соединением идеализма и реалистичности. Халонен характеризуют как человека, упорно и терпеливо добивающегося своих целей, но при этом она не занимается «окопной войной», отстаивая верность своих убеждений.

В социал-демократическом женском движении Тарью Халонен можно назвать второй Мийной Силланпяя или Тююне Лейво-Ларссон. Их объединяют твердость характера, честолюбие и социально ориентированный склад ума. Общим является также свойственный женщинам практичный характер проводимой политики. Каждодневная жизнь с ее заботами и радостями выводится в публикациях всех трех общественных деятельниц на первый план.

Собственно говоря, внимание к повседневности не является чем-то новым для социал-демократического женского движения. Наоборот, случалось, что активистки СДПФ настолько сосредотачивались на практических вопросах, что мужчинам-социалистам приходилось призывать их вернуться поближе к идеологии.

Представление о взглядах и целях Тарьи Халонен можно составить на основании опубликованных ею в 1990-х г. материалов. Эти публикации, помимо текущих актуальных проблем, затрагивают вопросы прав женщин, внешнеполитических связей, объединения Европы, интернационализации, изменения трудовых отношений, состояния культуры и вызовов, стоящих перед обществом всеобщего благосостояния. Эти публичные выступления Халонен стоят в одном ряду с ее гражданской активностью во имя солидарности и терпимости.

Халонен чрезвычайно активно участвовала в деятельности общественных организаций. Представляется, что это для нее скорее образ жизни, нежели увлечение. В частности, она принимала участие в движении солидарности, выступала за права человека и мир. Хотя Халонен не принадлежит к лютеранской церкви, она активно участвовала также в христианской деятельности, например, в работе организации «*Суомен Сетлменттилитто*». Свидетельством ее толерантности является то, что Халонен одно время выполняла ответственные задания в общественной организации «*Сексуалинен тасаарво*» («*Сексуальное равенство*»), Комитете против расизма, Совете по делам цыган. Кроме того, Халонен всегда были близки проблемы пожилых людей, о чем свидетельствует ее членство в правлении общественного Союза по уходу за пожилыми и близкими. Кроме того, она участвовала в работе ряда культурных и спортивных организаций.

Халонен как юриста, специализирующегося в области рынка труда, довольно быстро заметили в парламенте, где ей стали доверять различные ответственные поручения. Она была, в частности, председателем комиссии по социальным вопросам (1984–1987) и заместителем председателя комиссии по вопросам законодательства (1991–1995).

Министерская карьера Тарьи Халонен началась в 1987 г., когда она была назначена в правительство Харри Холкери в должности министра по социальным вопросам, отвечающего за вопросы социальной защиты, алкогольной политики и равноправия. В период 1989–1991 гг. она также исполняла обязанности министра по вопросам сотрудничества Северных стран, а в 1990 г. она стала первой женщиной министром юстиции, если не считать полугодовое пребывание в этой должности Инкери Антила в составе «технического кабинета» Кейо Лиinamaа в 1975 г. Карьера министра продолжилась в 1995 г. в первом правительстве Пааво Липпонена в качестве министра иностранных дел. И вновь случилось так, что она стала первой женщиной на этом посту. Халонен, чья компетентность была замечена, оставалась на

этом посту и во втором правительстве Липпонена, вплоть до самого избрания в президенты.

Первая женщина-президент

Избрание Тарьи Халонен в начале февраля 2000 г. одиннадцатым президентом Финляндии и одновременно первой женщиной-президентом во втором туре прямых всеобщих выборов для многих стало неожиданностью. Правда, на возможный исход указывали результаты первого тура: Халонен получила 40,0 % голосов, а ее основной соперник председатель Партии Финляндский центр Эско Ахо – 34,4 %. В напряженном решающем туре Халонен набрала 51,6 %, а Ахо 48,4 %, при общем числе проголосовавших 80,2 %. Результат голосования стал историческим еще и потому, что до Финляндии лишь в четырех странах президентом была женщина.

Напряженность выборам придавало также то, что Халонен не обязательно представляла так называемые традиционные ценности: у нее была известная репутация левого социал-демократа, она состояла в так называемом «открытом» (гражданском) браке и не принадлежала к церкви. Однако спокойный и раскрепощенный образ, компетентные комментарии, естественный стиль выступления сделали ее более привлекательной для избирателей, чем Ахо. Кроме того, доверие к ее речам в защиту общества всеобщего благосостояния пробуждало и то, что она в свое время была матерью-одиночкой, была трудящейся женщиной из рабочей семьи. Не случайно и то, что на выборах 2000 г., женщины были более активными: из всех проголосовавших женщины составили 83,0 %, а мужчины 77,2 %. Правда, и на предыдущих выборах женщины были активнее. В ходе предвыборной кампании оппоненты Халонен пытались упрекнуть ее в «красноте», что, однако, не имело существенного результата. Многие политики и общественные деятели самого широкого политического спектра публично выражали свою поддержку Халонен, подчеркивая, что речь идет о выборе конкретного человека. Избрание женщины главой государства в некотором смысле подытожило ситуацию предыдущих выборов, на которых представитель Шведской Народной партии Элизабет Рен с минимальным отрывом уступила представителю СДПФ Мартти Ахтисаари.

Тарья Халонен, вступившая в должность в начале марта 2000 г., начала свою работу довольно эффектно. Предстояло избрать новых членов правления Финляндского Банка вместо ушедшего на пенсию в мае того же года Эско Оллилы и покойного Матти Корхонена. 12 августа 2000 г. Совет уполномоченных Финляндского банка представил на рассмотрение кандидатуры Маури Пеккаринена (партия Центра) и Йонни Окерблума (Коалиционная партия). Однако в своем докладе министр Суви-Анне Сиимес (блок левых) предложила, чтобы были назначены «мужчина и женщина». Социал-демократы, в свою

очередь, поддерживали предложение Совет уполномоченных банка, к такому же решению пришло правительство. Однако президент Халонен воспользовалась широкими полномочиями, которыми она обладала и после принятия новой Конституции, и после нового представления Государственного совета 22 августа 2000 г. она назначила в правление Финского Банка лишь одного нового члена – доктора Синикку Сало, ранее работавшую в Европейском Центральном Банке.

Происхождение, ценности и взгляды президента Халонен проявились также во время первого приема по случаю Дня независимости, на котором она выступила в новой для нее роли хозяйки. Мероприятие в целом проходило по традиционной схеме – с рукопожатиями, угощениями и танцами, однако, среди приглашенных теперь было несколько больше молодых деятелей, представителей общественных организаций и деятелей культуры. Пока приглашенные гости праздновали в президентском дворце, прямо перед ним представители «альтернативных сил» устроили демонстрацию. Одновременно студенты устроили факельное шествие. По поводу этой демонстрации президент заметила: «Всем нужно уметь уместиться на одной улице». Прием был историческим еще и потому, что на нем впервые присутствовали три президента социал-демократа – Мауно Койвисто, Мартти Ахтисаари и Тарья Халонен.

По окончании первого года президентства 1 марта 2001 г. около 70 % граждан выразили свое удовлетворение деятельностью Тарьи Халонен. Хотя при ней уже действовала новая конституция, существенно ограничивавшая властные полномочия президента, Халонен твердо держала власть в руках и последовательно отстаивала свои конституционные права. В особенности это проявилось в вопросах управления внешней политикой и силами обороны. Подытоживая опыт первого года работы, президент Халонен отметила, что президент должен следовать закону, быть сильным и готовым к сотрудничеству. Пресса, со своей стороны, оценивая первый год работы Халонен, отмечала, что она исполняла свои обязанности в сфере военного и государственного управления столь же тщательно, сколь и ее предшественник, но при этом в большей степени подчеркивала значимость вопросов равноправия и была более понятна в своих высказываниях. Общее мнение было таково, что у президента в рамках новой конституции вполне достаточно власти.

По мере возможности президент Халонен увлекается театром, плаванием и изобразительным искусством. В августе 2000 г. она заключила брак со своим давним спутником жизни советником парламентской комиссии Пентти Араярви.

Приложение:

Тарья Каарина Халонен, род. 24.12.1943 Хельсинки. Родители: Виено Олави Халонен, рабочий-строитель, и Лююли Элина Лоймола (ранее Эверстрем, позднее Форсс). Муж: 2000 – советник Пентти Араярви, род. 1948. Ребенок: Анна Элина, род. 1978.

Текла Хултин

(1864–1943)

депутат парламента,

доктор философии,

журналистка

Текла Хултин была женщиной-первопроходцем в университете, в мире журналистики и в политике. Во время всеобщей забастовки 1905 г. и мартовской революции 1917 г. она ощутила в полной мере, что «жить прекрасно!», а когда Финляндия стала независимой, она считала, что ей посчастливилось жить в то время, «когда прогресс идет такими широкими шагами». В 1880-е гг. она, будучи студенткой, сожалела о настоящем и будущем времени, в которое ничего не происходит, не догадываясь, что в 1917–1918 гг. ей придется желать, чтобы колесо развития и в отношении Финляндии слегка замедлило скорость.

Пять сестер семьи Хултин росли среди карельских просторов в местечке Рантала волости Яяккима. Отец Юлиус Хултин был родом из Тохмаярви, из усадьбы Ховила, принудительно распроданной с аукциона, а мать Эдла Савандер была дочерью коронного фохта из Яяккима и по линии матери принадлежала к интернациональному выборгскому бюргерству, для которого образование детей, независимо от их пола, было делом само собой разумеющимся. Первенец, девочка-сорванец Текла пошла в школу, а за ней последовали и сестры, и родственники играли решающую роль в выборе школ.

Во время второго года учебы в финском училище в Хельсинки Текла Хултин вместе с однокурсницей Айно Перениус (позднее Малмберг) весной 1885 г. были вызваны к директору училища Оттилии Стенбек. Она предложила девочкам частным образом начать подготовку к сдаче экзамена на аттестат зрелости. Самой главной причиной такого предложения было то, что студентки аналогичного шведоязычного училища Каролина Эскелин и Ина Росквист только что весьма успешно сдали подобный экзамен.

Текла Хултин получила степень магистра философии 31 мая 1894 г. «Это был день, которого многие молодые люди с нетерпением ждали», – писал на следующий день редактор газеты «*Пяйвялехти*», не

упомянув, или не желая упоминать, что его собственная единственная коллега-женщина вместе с другими пятью женщинами входила в число получивших степень. По слухам, Текла Хултин с фужером в руке, стоя на столе, обращалась с речью к восхищенным мужчинам. Кто-то из слышавших эти разговоры вспомнил об этом случае при приближении следующей промоции, предрекая в отделе писем газеты *«Похьялайнен»*, как 75 оставшихся «девчат» весной (1896 г.), поступив в университет, присоединяться к «кабацкой партии», которая гарантированно придет к победе за счет все увеличивающегося числа женщин-студенток.

Спустя пять лет после кандидатского экзамена Хултин закончила написание диссертации, посвященной горному делу в Финляндии, хотя большую часть времени была постоянным сотрудником газеты *«Пяйвялехти»*. Газета *«Хувудстадсбладет»* написала о «примечательной защите». Примечательно было не то, что диссертантка стала первой женщиной, защитившейся на философском факультете, а то, что оппонент во время защиты публично посетовал на выбор языка: работа была написана на шведском языке, а не на языке народного большинства. 11 декабря 1896 г. Текла Хултин стала первой женщиной в Финляндии, получившей степень доктора философии.

Текла Хултин стала штатным журналистом *«Пяйвялехти»* в 1893 г. Такой неоднозначный выбор небесспорной журналистской профессии ставил под сомнение возможность заняться в дальнейшем преподавательской деятельностью. По мнению консерваторов, даже аттестат зрелости ставил под сомнение женственность. То, что, по мнению либералов, еще оставалось, исчезало, когда женщина становилась журналистом.

Имея за плечами шестилетний опыт работы, Текла Хултин в конце 1899 г. решила принять на себя обязанности главного редактора газеты *«Исянмаан Юстявя»* (*«Друг отечества»*), однако уже в следующем году газета по приказу генерал-губернатора Николая Бобрикова была закрыта «на вечные времена». Закрытие *«Исянмаан Юстявя»* сделало ее главного редактора еще более широко известной и принесло ей славу истинного друга отечества. С другой стороны, когда начались высылки, Хултин ожидала своей «очереди» и попросила проживающего в изгнании в Соединенных Штатах Ээро Эрко подыскать для нее «такую страну, которая бы напоминала Финляндию». Однако приказа о высылке не последовало.

Хултин начала поиски работы вне журналистики, и в феврале 1899 г. она получила возможность попытаться получить должность второго статистика в Центральном статистическом бюро. В июле 1901 г., не без осложнений, она получила эту должность. Привилегии были довольно существенными, так что ее свояк аптекарь Нестор Линдстрём посоветовал поскорей выйти замуж, поскольку финансовое положение позволяло содержать супруга. В начале 1912 г. Хултин попросила льготу на соискание должности первого статистика,

которую она занимала как временно исполняющая обязанности. Ответ был отрицательным, и его обосновали наличием для этой должности представительских обязанностей. Было очевидно, что депутату с многолетним стажем не решаются даже позволить претендовать на должность.

Текла Хултин, еще поступив в хельсинкское финское училище, была «признанным феноменом» и, если верить ее воспоминаниям, сторонником эволюционного учения, для которого Бог стал просто богом. Для нее не составляло проблем поставить под сомнение 1880-е гг. с их традиционными авторитетами. В следующем десятилетии такое отношение только закрепилось под влиянием многих обстоятельств: появилась «*Пяйвялехти*» и младофинны, рабочие организации и Женский союз, а также возможность учиться в Париже. Она, прежде всего, стала политическим воспитанником Лео Мехелина, «дорогого дядюшки Лео», преданным личным секретарем, который на удивление часто «оказывался в самом центре, творя историю Финляндии». «Не знаю, почему так было, но то, что это было так – самое большое счастье в моей жизни», – писала Текла Хултин.

Февральский манифест 1899 г. стал для 31-летней Теклы Хултин первым серьезным политическим испытанием. Она выбрала пассивное сопротивление; с этого момента она всегда выбирала по возможности антироссийскую линию, даже после получения независимости. Испытанием сил для пассивного сопротивления стал бойкот закона о воинской повинности. Для организации сопротивления осенью 1901 г. был образован тайный совет – *кагал*. В следующем году в доме Теклы Хултин появилась первая политическая организация, женский кагал, которая действовала в помощь мужскому кагалу, в частности, распространяя нелегальную прессу и знакомя мир с борьбой Финляндии за законные права. Мужской кагал был торжественно «похоронен» после всеобщей забастовки, но женский кагал продолжал деятельность вплоть до 1944 г. Многие деятели женского кагала позже описывали то время как самое счастливое в их жизни, и Текла Хултин не была исключением. Она написала в дневнике, что не могла представить блаженства небес без кагала.

«Во время всеобщей забастовки женщины были нашими лучшими мужчинами», – произнес после забастовки один мужчина-политик. Массовая демонстрация, известная как всеобщая забастовка, заставила круги, отрицательно относившиеся к занятию женщин политикой, принять их в свои ряды. Силы нужно было удвоить! Во всеобщей забастовке было еще много такого, что увлекало Теклу Хултин: драматизм, как и в дальнейшем в 1917 и в 1918 гг., активность в деятельности кагала и егерском движении, волнения (революция в русском понимании и всеобщая забастовка финском), расширение и углубление фронта в рабочем и женском движениях. Даже спустя десять лет после всеобщей забастовки она полагала, что тогда было больше солидарности, чем когда-либо до или после.

Ноябрьский манифест 1905 г. вернул Финляндии ее законные права. Глава конституционного правительства Лео Мехелин предложил императору и великому князю распространить в новом сеймовом уставе право голоса на женщин. Женский союз, в который входила Текла Хултин, а также Женский рабочий союз требовали для женщин также права быть избранными. В конце мая 1906 г. сословный сейм принял решение заменить сословное представительство всеобщим и равным избирательным правом. По мнению Теклы Хултин, решение было не менее важным, чем в свое время решение церковного собора о том, что у женщин есть душа. Когда Женский союз праздновал эту победу и приветствовал Лео Мехелина как ключевую фигуру в достижении этой цели, дочь Мехелина Сели Мехелин заявила, что именно политическая деятельность Теклы Хултин в большой степени повлияла на тех, от кого зависели политические права женщин. Позже, когда весь жизненный путь начал уже вырисовываться, Хултин считала это высказывание самым большим признанием, которое она когда-либо получала.

На выборах первого однопалатного парламента в 1907 г. Текла Хултин была кандидатом от партии младофиннов, но избрали ее только на следующих выборах 1908 г., после чего она являлась членом парламента вплоть до 1924 г. Ее выступления в парламенте были деловыми, прямо-таки хладнокровными. Представитель поколения 1880-х гг., она не взывала ни к Богу, ни к воле народа, самое большее – к законам природы. В 1908-1918 гг. прошло десять сессий парламента, на шести из которых она была самым часто выступающим депутатом-женщиной. Да и в целом, если не считать первой сессии, она принадлежала к числу 20–30 самых «словоохотливых» депутатов. Приблизительно в 1912 г. Хултин перешла в лагерь П.Е. Свинхувуда, но планка Лео Мехелина оставалась в ее системе ценностей наивысшей. По мнению Хултин, после Мехелина в Финляндии больше не было государственных деятелей с широкими взглядами, были только «упрямые юристы».

С обретенной 6 декабря 1917 г. независимостью в восприятии Теклы Хултин соединилось сильное противоречивое чувство. Ее темпераменту жителя Яаккима, разгоряченному Парижем, было не понять соглашательский стиль буржуазии в эти месяцы поисков пути. Как не могла она понять гражданской войны 1918 г., в которой она оказалась в Хельсинки, по ее словам, «не на той стороне». Что касается истоков войны, Текла Хултин не смогла взглянуть на вещи с социальной точки зрения, а под давлением обстоятельств она теряла всякую объективность. На фоне этого понятны ее прогерманские симпатии и монархическая ориентация.

Как общественный деятель, Текла Хултин становилась также объектом публичной критики. В 1931 г. Хейкки Ренваль писал в газете «*Ууси Суоми*»: «Какой бы мужественной Текла Хултин ни была, в ее душе бушевали по-женски сильные волны мучений, ожиданий и

разочарований». Знакомые по женскому союзу и женскому кагалу характеризуют ее как бойкую, изобретательную, активную, даже кокетливую, высказывающую обдуманное мнение, все знающую и всем интересующуюся, обладающую «мужским разумом». Айно Малмберг, самая многолетняя ее подруга, утверждала, подразумевая ее впечатлительность, что если в память о других членах женского союза подошел бы скульптурный памятник, то «для Теклы нужно возвести фонтан».

Идеалом Теклы Хултин была женщина, чья любовь сильна и решительна и для которой просвещение дает возможность выбрать либо брак, но не как единственный выход, а как жизненный выбор, либо карьеру, отвечающую ее склонностям. Она выбрала работу и политику, и для нее женский вопрос был вопросом справедливости и гуманности в масштабах всего человечества. Были у нее и увлечения: еще в школьные годы в Хамина, она насчитала больше десятка «воздыхателей». К увлечениям можно отнести и ее троюродного брата Карла Адольфа Оскара Реландера, известного по автобиографической повести «*Берта*» журналиста Й.А. Люлю, а также француза Люсьена Дантье, «твоего Дантье», как сказал Лео Мехелин. Увлечения остались все же лишь увлечениями; сестры были для Теклы Хултин самыми близкими людьми.

Текла Хултин умерла в разгар Войны-продолжения. Ей не пришлось вновь увидеть ее Карелию и родные места в Яккима, оставшиеся по восточную сторону границы Финляндии и Советского Союза.

– Венла Сайнио

Приложение:

Текла Йоханна Виргиния Хултин, род. 18.4.1864 Яккима, умерла 31.3.1943 Хельсинки.
Родители: Юлиус Хултин, писарь, и Эдла Катарина Савандер.

Андерс Чудениус (1729–1803)

*писатель,
депутат риксдага,
настоятель церкви в Коккола*

Настоятель церкви в Коккола, доктор теологии Андерс Чудениус был поборником социальной и политической демократии общенационального уровня. Стремясь к достижению большего равноправия граждан, он, вслед за первыми французскими и шведскими либералами, выступал против экономических монополий, отстаивая свободу предпринимательства. С другой стороны, Чудениус не смог не заметить угнетенное положение рабочих, причину чему он видел в отсутствии порядка и регулируемых государством прав.

Чудениус видел предпосылку социальных реформ в том, чтобы все заинтересованные в них имели бы возможность большего участия в государственном управлении. По этой причине, будучи депутатом риксдага 1765–1766 гг., он совместно с единомышленниками пытался добиться свободы печати, а также усилить роль сословий за счет ослабления позиций тайной комиссии, представлявшей высшую аристократию. Эти реформы были приняты, но в 1772 г. переворот, во главе которого стоял король Густав III, на десятилетия прервал тенденцию, направленную на формирование государственной демократии. Будучи политиком и мыслителем демократической ориентации, Чудениус являлся одной из наиболее значительных фигур своей эпохи в европейском масштабе, однако за рубежом его мысли не были известны.

От увлечения экономикой и техникой к политике

Андерс Чудениус родился в Соткамо и вырос в Куусамо. Их семья переехала в 1746 г. на новое место работы отца в приход Коккола, который и стал родным домом Андерса до конца жизни. С 1745 г. Чудениус учился в Туркуской академии (Або Академия), а в 1750–1751 гг. в Упсальском университете. В 1754 г. он стал магистром философии. Наряду с теологией Чудениус активно занимался физикой и химией. В 1753 г. он был назначен проповедником в часовню Алаветели, в 1760 г. он стал капелланом Алаветели, а в 1770 г. – настоятелем прихода Коккола.

В 1762–1763 гг. Чудениус участвовал в конкурсе работ о ведении лугового хозяйства и о модернизации рабочей тачки. За обе работы он получил серебряные медали. В этот период Чудениус начал интересоваться политической экономией и стал автором нескольких работ. По этой причине в 1763 г. для проводившегося в Коккола собрания лена ему было поручено написать памятную записку о судоходных правах городов Похьянмаа. Это стало началом политической карьеры Чудениуса, уже в 1765–1766 гг. приведшей его в риксдаг в качестве депутата от священников Похьянмаа.

35-летний капеллан, прибывший в Стокгольм на свой первый риксдаг, был совершенно неискушен в вопросах политики. Он был избран в духовную курию с совершенно конкретной целью – отстоять расширение торговых прав городов Похьянмаа. По этому поводу Чудениус издал памфлет, в котором он умело и в крепких выражениях опроверг все формальные и торгово-политические контраргументы, к которым Стокгольм прибег в попытке противостоять реформе. Еще на риксдагах 1760–1762 гг. представителям Похьянмаа удалось подготовить хорошую почву, так что оппонентам нечего было противопоставить аргументации Чудениуса. Оулу, Коккола, Вааса и Пори, а также ряд городов Норланды в 1765 г. получили стапельное право, то есть право вести заморскую торговлю своими судами.

Чтобы расширить свои познания в области торговой политики, Чудениус в Стокгольме начал изучать соответствующую литературу и исследовать историю законодательства по внешней торговле. Он довольно быстро углубился в эти сюжеты и издал два интересных памфлета. В апреле 1765 г. вышла работа под названием *«Источник слабости государства»*, направленный против так называемого продукт-плаката 1724 г., по которому иностранным судам разрешалось ввозить в Швецию только товары своей страны. Присоединяясь к своим предшественникам, Чудениус считал, что истинная цель этого документа заключалась в обогащении судовладельцев из стапельных городов за счет остального населения. Поскольку ввоз колониальных товаров был превращен в монополию крупных отечественных торговцев, они, как утверждалось, могли увеличивать цены по собственному усмотрению.

Правда, после того, как города Похьянмаа получили право на заморскую торговлю, Чудениус больше не выступал против продукт-плаката. Видимо, после того как жители Похьянмаа получили возможность иметь свою долю от иноземной торговли, его отношение к судовладельцам стало более терпимым. Надо сказать, что Чудениуса нельзя считать принципиальным поборником свободной международной торговли. При этом в 1777 г. он написал яркий памфлет в защиту освобождения торговли в сельской местности, отстаивая права сельских жителей по отношению к горожанам.

Защитник свободы предпринимательства

В своей брошюре *«Национальная прибыль»*, вышедшей в июле 1765 г., Чудениус рассматривает вопросы более широкого плана. Его интересует национальная политэкономия, и он высказывается за свободу предпринимательства, присоединяясь к ранним французским либералам, чьи работы издавались или реферировались по-шведски. Крупнейшим из них был маркиз Мирабо старший, выступавший за полную свободу предпринимательства. Первая часть его работы *«Друг людей»* была опубликована на шведском в 1759 г. Из шведских авторов Карл Лойхусен в 1761 г. занял столь же радикальные позиции.

Таким образом, не стоит преувеличивать самостоятельность Чудениуса как поборника свободы предпринимательства, хотя он и не был знаком со взглядами известного шотландского экономиста Адама Смита. Свою книгу *«Богатство народов»*, в основу которой легли его лекции, Смит опубликовал только в 1776 г. Сходство в мыслях Смита и Чудениуса объясняется общими французскими образцами, а также тем, что повсюду в Западной Европе свобода предпринимательства ограничивалась одинаковыми методами. Подобно Чудениусу, Смит также считал, что экономическая политика, именуемая меркантилизмом, была на руку прежде всего крупным столичным торговцам в ущерб остальной части нации и, прежде всего, сельским жителям.

Иными словами, Чудениус не изобретал экономический либерализм, но он мастерски и изысканно обосновывал и отстаивал его. Некоторые его рассуждения применимы и к другим эпохам. Так, он указывал на то, что планированием и предписаниями нельзя добиться гармоничной и эффективной экономической жизни, потому что чиновники не в состоянии прогнозировать будущие потребности и ресурсы. Тем более оптимистичной виделась Чудениусу свобода предпринимательства: свободная конкуренция должна привести в экономику здоровое равновесие. Общественная справедливость, к которой призывал Чудениус исходя из идеи естественного права, также подразумевала, что мелкие предприниматели, рабочие и крестьяне должны получить возможность свободно продавать свою рабочую силу или продукцию.

Мысли Чудениуса о том, что свободная экономическая жизнь должна вернуться в состояние равновесия подобно морской воде, в точности соответствует метафоре Адама Смита о все организующей «невидимой руке». Оба они применили к экономике идею Исаака Ньютона о равновесии, царящем в нетронутой природе. Поскольку практические познания Чудениуса в области экономики были довольно ограниченными, ему легче простить, чем Смиту, то, что они оба не заметили наличие иных, кроме законодательства, факторов, способных ограничивать экономическую свободу.

Не считая стапельного права для городов Похьянмаа, политэкономические воззрения Чудениуса при его жизни не привели к особым

результатам. Да и свобода морского судоходства для жителей Похьян-маа с 1774 г. оказалась под серьезной угрозой, поскольку Стокгольм добивался сохранения стапельного права лишь за городом Каскинен. По техническим причинам это привело бы к тому, что городам, расположенным севернее, пришлось бы прибегать к посредническим услугам Стокгольма.

Чудениус выступил против этой опасности, опубликовав в 1774 г. в газете «*Даглит Аллеханда*» анонимную статью, в которой он осуждал этот план, уже принятый правительством и призывал свободолюбивых подданных не допустить произвол. Имя автора было изначально известно, но правительство, да городское руководство Стокгольма не решились вступать в полемику с Чудениусом. Напротив, скорее всего, эта статья способствовала тому, что в 1777 г. правительство отклонило инициативу Стокгольма.

Защитник социальной и политической демократии

На риксдаге 1765–1766 гг. Чудениус неоднократно выступал в поддержку интересов крестьян, прежде всего, поддерживая предоставление крестьянам права торгового прибрежного судоходства. Это было осуществлено в 1766 г. Уже в своем раннем памфлете 1765 г., посвященном причинам эмиграции, Чудениус выступил в защиту рабочих. Рассматривая предполагаемые причины эмиграции, он описывал положение сельских рабочих так: «Работать, подобно рабу, на другого из последних сил, на старости оказаться на обочине и умереть в нищете – вот те лавры, которые должны заставить рабочего любить свою родину».

К этой теме Чудениус вернулся в 1778 г. в работе «*Некоторые мысли о естественных правах хозяев и наемных рабочих*». В ней автор выступал против предложения делить наемную рабочую силу путем жребия между теми, кто в ней нуждается. В своей критике Чудениус настолько глубоко анализирует положение рабочего, что в литературе 18 в. вряд ли найдется что-либо подобное. Не имея прав, обеспеченных государством, рабочие абсолютно беззащитны: «Это самая незащищенная группа населения нашей страны, она разбросана по стране, она лишена корпоративных правил, у нее нет руководителей,.. нет организации».

В газетной статье Чудениус добавил, что вряд ли кто-либо из рабочих знал о том, что на риксдаге обсуждаются предложения, представляющие для него непосредственную угрозу. «Кто из них в состоянии написать что-либо в защиту себя и своих братьев?», вопрошал Чудениус и резюмировал: «Поэтому права столь незащищенных людей следует отстаивать с удвоенной силой». В продолжение газетной полемики он в 1779 г. отмечал также: «...Я совершенно точно знаю, что если бы голосовали согласно общей численности населения, я бы получил подавляющее большинство». Мысль о всеобщем и равном

праве голоса была тогда еще революционной и довольно редкой. Чудениус осмеливается высказывать ее лишь мимоходом и в самом общем виде, и она не была его собственной. Она также происходила из материковой Европы.

Принято считать, что политическая жизнь так называемой «эры свобод» сводилась к противостоянию партий шляп и колпаков, под знаком которого и собрался риксдаг 1765 г. Однако расстановка сил изменилась, когда внутри партии колпаков возникла группа, выступавшая за социальные реформы и противостоявшая засилью дворянства. Очевидно, что этим крылом руководили радикалы из числа духовенства, но при этом оно имело естественный отклик в крестьянском сословии и широкую поддержку бюргерства. Из радикалов собственно Швеции наиболее активны были некоторые священнослужители из Сконе. Деятельность радикалов привела к тому, что консервативное руководство «колпаков», состоявшее из дворян и прелатов, стало стремиться к сближению со «шляпами».

Чудениус и другие радикалы довольно скоро убедились в невозможности проведения реформ, если не удастся ослабить влияние консерваторов. Необходимым инструментом для этого, по мнению Чудениуса, было повышение политической грамотности широких слоев народа. Эта идея была почерпнута им из книг Андерса Нурденкранца, выступавшего за свободу печати, хотя и поддерживавшего сохранение предварительной цензуры. Нурденкранц выступал против власти дворянства и ненавистных ему крупных стокгольмских торговцев, однако ему были чужды собственно демократические устремления.

Чудениус, в свою очередь, стремился к действительно широкому распространению политического просвещения, поэтому он так энергично воспринял мысль о свободе печати. Его памятную записку, подготовленную в 1765 г., подписал старейшина духовной курии риксдага, лектор из Порвоо Андерс Крафтман. Радикалы из числа духовенства также поддержали записку. Им удалось провести Чудениуса в комиссию по обсуждению вопроса о свободе печати, деятельностью которой зимой 1765–1766 гг. он практически руководил.

Консерваторы обладали большинством в комиссии, однако они довольно неохотно посещали заседания, так что сторонникам свободы печати на практике удалось контролировать предварительную стадию работы. Большую часть работы выполнил Чудениус, продемонстрировав редкостное упорство и знание дела. Впоследствии, при обсуждении заключения комиссии на так называемой большой депутации консерваторы также не смогли представить весомые аргументы против суждений Чудениуса. Весной 1766 г. комиссия представила сословиям свой окончательный проект, предусматривавший отмену цензуры, за исключением публикаций по вопросам веры. Последние должны были остаться в ведении духовного капитула.

Вдобавок комиссия высказалась за обнародование всех официальных документов, протоколов и записок риксадага.

Консерваторы пытались отклонить эти предложения, но потерпели неудачу. Осенью 1766 г. большинством в три сословия они были приняты, несмотря на то, что Чудениус в этот период был исключен из риксадага. Таким образом, в конце года закон о свободе печати и открытом доступе к государственным документам вступил в силу. Швеция получила самый прогрессивный в мире закон о свободе печати. Роль Чудениуса в этой реформе трудно переоценить, хотя за ним и стояло большинство трех сословий.

Еще одну важную реформу Чудениусу довелось провести в депутации по чрезвычайным налогам, членом которой он был избран летом 1765 г. Целью депутации было внесение предложений о сборе с разных сословий чрезвычайных налогов. Тайная комиссия, которая в «эру свобод» жестко контролировала бюджет государства, рассчитывала, что сословия подчинятся и на этот раз. Однако в глазах радикалов тайная комиссия была излишне аристократичной: дворянство имело 50 представителей, духовенство и буржуазия по 25, крестьяне же не имели ни одного, хотя они были основными плательщиками налогов.

В начале работы депутации по чрезвычайным налогам епископ Стренгнеса Якоб Серениус, политик старой закалки из числа «колпаков», выступил за то, чтобы до внесения предложений о чрезвычайных налогах потребовать от тайной комиссии подробного отчета о дефиците казны и возможностях экономии. Серениус имел в виду актуальную проблему, бедственное положение бюджета, однако предложение о передаче контроля за бюджетом в руки сословий широко обсуждался уже в течение долгого времени. Вскоре Серениус отошел от работы депутации, однако, другие продолжали осуществление его программы.

С начала 1766 г. Чудениус фактически руководит депутацией. О его работоспособности свидетельствует то, что параллельно он осуществлял руководство комиссией по выработке положений о свободе печати. Депутация по чрезвычайным налогам начала борьбу против тайной комиссии, продвигая идею передачи сословиям контроля за финансами. По понятным причинам, наиболее радикально были настроены представители крестьянства. Однако руководителем радикалов выступал Чудениус, смелость которого будто лишала консервативную часть депутации каких-либо сил противостоять реформе.

В качестве оружия против тайной комиссии была избрана забастовка: депутация отказалась выдавать предложения по чрезвычайным налогам до тех пор, пока сословиям не будет предоставлена подробная информация о дефиците бюджета и планах расходования налоговых сборов. Тайная комиссия обвинила депутацию в отсутствии доверия, но представители недворянских сословий поддержали депутацию. После

того, как ландмаршал Туре Густав Рудбек, ставший председателем риксдага, провел переговоры с каждым членом депутации, забастовка была прекращена. Однако одновременно депутации удалось прижать тайную комиссию к стенке еще более крепко. Позиция депутации и в этот раз была изложена Чудениусом, обращавшим к ландмаршалу весьма жестко.

Поскольку поддержка депутации со стороны недворянских сословий оказалась прочной, тайной комиссии в мае 1766 г. пришлось отступить. Форма правления и порядок проведения риксдага остались без изменений, однако установления, регулировавшие управление государственными финансами, решением трех сословий получили революционное толкование. Тайная комиссия была лишена полномочий по управлению государственными финансами, и суверенитет в этой сфере, чрезвычайно важной с точки зрения политики в целом, передавался общему заседанию сословий. Тем самым крестьяне получили равную с остальными сословиями возможность осуществления контроля за расходом государственных средств.

Критик финансовой политики изгоняется из риксдага

От внимания консервативных лидеров «колпаков» не ускользнул тот факт, что Чудениус решительным образом участвовал в проведении двух радикальных реформ. В конце июня 1766 г. им представилась возможность прервать его политическую карьеру. Предлогом послужил его памфлет *«Естественная финансовая система в помощь государству»*. В нем он резко критиковал решение, принятое риксдагом осенью 1765 г. и направленное на восстановление стоимости национальной валюты до уровня, на котором она находилась до того, как проводимая партией «шляп» политика привела к пятидесятипроцентной инфляции.

Чудениус поначалу одобрял финансовую политику «колпаков». Однако в конце 1765 г., ознакомившись с трудами упсальского теоретика-экономиста Пера Никласа Кристьернина, посвященными инфляции, воспринял его взгляды на финансовую политику. Кристьернин предположил, что политика, направленная на ревальвацию, ведет к хаосу на финансовых рынках, что сводит на нет попытку восстановить курс валюты и вызывает сильнейший спад. Этого тщательно обоснованного прогноза, однако, было недостаточно для лидеров «колпаков», поскольку им было крайне важно компенсировать потери пострадавших от инфляции. Прежде всего это касалось чиновников, чья покупательная способность уменьшилась вдвое.

Кристьернин не вмешивался в практическую политику, но Чудениус принялся за дело, вооружившись теорией ученого. После того, как его беседы с лидерами «колпаков» не привели к каким-либо результатам, он написал памфлет и получил разрешение на его публикацию от цензора и духовного сословия, во главе которого тогда

еще стояли радикалы. Тайная комиссия же утверждала, что Чудениус грубо нарушил государственные установления, выступив с критикой решения сословий. От духовного сословия потребовали наказать капеллана, удалив его из риксдага.

Многие депутаты от духовенства не были согласны с отставкой, однако, очевидно, лишь опасаясь угрозы более сильного наказания, большинство приняло решение согласиться с требованием тайной комиссии. Председательствовавший туркусский епископ Карл Фредрик Меннандер сформулировал решение об отставке довольно замысловато, оставляя возможность для его отмены. Однако тайная комиссия позаботилась о том, чтобы Чудениус был действительно изгнан из риксдага.

Критика финансовой политики, скорее всего, была лишь предлогом для удаления Чудениуса. Его изгнали как опасного радикала, в отместку за вмешательство в аристократическую политику руководителей «колпаков» в вопросе о свободе печати и надзоре за государственными финансами. По-видимому, предполагалось, что отставка Чудениуса сломит дух радикального крыла, что позволило бы как минимум отклонить закон о свободе печати. Но эти надежды не оправдались. Руководство «колпаков» не отказалось от дефляционной политики, и вскоре обнаружилась правота Чудениуса: последствия полностью совпадали с его предсказаниями. Не забывая о заслугах П.Н. Кристьернина, следует признать, что Чудениус правильно понял его теорию и, опираясь на нее, действовал как политик, сознающий свою ответственность.

Заслуги Чудениуса – свобода печати и передача контроля над казной от тайной комиссии к сословиям – открыли хорошие возможности для развития шведских «свобод», т.е. демократии. Подобные мысли высказывались и тогда, но политическую систему «эры свобод» было трудно сломать, не прибегнув к революции, до которой недворянские сословия еще не созрели. Им не хватало также смелого и мудрого лидера, поскольку «шляпы» не позволили Чудениусу участвовать в риксдаге 1769 г., и он не был избран на следующий риксдаг.

В смутных водах густавианской эпохи

Революция все же свершилась, но совершенно с другого конца и с совершенно иными целями. Молодой король Густав III в 1772 г. совершил переворот, опираясь на жителей Стокгольма и офицерство, недовольное своим жалованьем и состоянием армии. По новой форме правления к королю отходила значительная часть государственной власти. В последующие несколько лет он пытался представить государственное устройство и партии «эры свобод» в дурном свете настолько, насколько это только было возможным. У Чудениуса были неприятные воспоминания об обеих партиях, поэтому поначалу он отнесся к революции с оптимизмом. В своей речи по случаю

коронации в 1772 г. он все же не преминул порекомендовать Густаву III реформировать общество и избегать чрезмерной концентрации власти в своих руках.

Отношение Чудениуса к правлению Густава III всегда оставалось противоречивым. Он не мог принять того, что король существенно ограничил свободу печати, однако некоторые другие проводимые правителем реформы воспринимались настоятелем из Коккола положительно. Примерно в 1777 г. он решил вернуться в политику, объявив себя умеренным сторонником королевской политики. В итоге он был избран в риксдаг 1778–1779 гг. как представитель настоятелей церковью Похьянмаа. Написанная им брошюра о правах наемных рабочих указывает на то, что Чудениус стремился обрести политический статус, чтобы иметь возможность содействовать реформированию общества.

В Стокгольме Чудениус обнаружил, что дух оппозиции был неожиданно широко распространен. Да и сам он был неприятно удивлен властными притязаниями Густава. Настоятель из Коккола пытался добиться, чтобы духовенство выступило в открытой оппозиции. Когда это не удалось, Чудениус попытался сблизиться с королем, желая каким-то образом на него повлиять. В частности, он поддержал попытку Густава предоставить ограниченную свободу вероисповедания всем шведским подданным-иноверцам. Король осуществил свои планы, используя, в частности, памятную записку Чудениуса. В качестве награды последний, как и другие участвовавшие в этом деле представители духовенства, получил степень доктора теологии, которая, как утверждали злые языки, была обещана заранее. Получилось так, что для духовенства вопрос о свободе вероисповедания стал вопросом авторитета, и все поддерживавшие короля были заклеймены как предатели. Из-за этого Чудениусу в 1780-е гг. не удалось пройти в риксдаг.

С другой же стороны, Чудениус все больше разочаровывался в короле, политику которого он косвенно, но энергично критиковал в своих сборниках проповедей в начале 1780-х гг. Он не примкнул к открытой оппозиции, возможно потому, что ее возглавляло дворянство, чьи общественные воззрения совершенно не совпадали со взглядами Чудениуса. Под давлением роялистски настроенного чиновничества в 1792 г. духовенство Похьянмаа избрало Чудениуса своим депутатом в риксдаг. Однако там он проявил себя как осторожный оппозиционер, выступив с жесткой критикой финансовой политики Густава III.

К вопросам общественной политики Чудениус вновь вернулся в 1799 г., написав памфлет о факторах, отрицательно влияющих на сельское хозяйство Финляндии. Подчеркивая уязвимость положения сельских наемных рабочих и торпарей, в качестве решения проблемы он предлагал превратить торпарские и фрельсовые арендные хозяйства в самостоятельные и разрешить свободный раздел хозяйств, что сдерживало бы рост безземельного крестьянства. Чудениус верил в

теорию французских либералов, согласно которой многочисленность интенсивно возделываемых небольших земельных наделов было бы благотворно для народного хозяйства. На его воззрения также повлияла земельная реформа, начатая в Дании, ставшая затем важным образцом для реформ, осуществленных в первые годы независимости Финляндии.

При жизни Чудениуса упоминавшиеся им недостатки практически не замечались представителями привилегированного сословия и бюргерством, увлеченным демократией и заинтересованным лишь в ограничении дворянских привилегий. Попытки Чудениуса существенно улучшить социальное положение беднейшего крестьянства и рабочих получали весьма ограниченную поддержку.

Пастор, врач и музыкант

В 1755 г. Андерс Чудениус женился на дочери крупного торговца из Пиетарсаари Беате Магдалене (Малин) Мельберг. Их брак был бездетным, но супруги жили в согласии. В своих воспоминаниях *«Песнь пастора»* (1766) Андерс очень тепло пишет о своей Малин.

Мы мало знаем о частной жизни и внутреннем мире Чудениуса, поскольку о себе он писал мало и сдержанно, а написанные им письма практически не сохранились. Он вел умеренный образ жизни, а наибольшее удовольствие, по-видимому, получал от работы и музыки. Говорят, что у пробста была широкая душа, и в его доме в Коккола на протяжении десятилетий всегда жил какой-нибудь ребенок или юноша из семей малообеспеченных родственников, иногда даже два. Это является также хорошим свидетельством характера жены пробста: молодым было уютно под ее опекой.

Как пастор Чудениус был близок к пиетизму. В духе этого направления он проводил воскресные вечерние встречи прихожан в Алаветели, а затем в Коккола, что привело к возникновению местного движения пробуждения. Чудениус стремился противостоять влиянию шведского церковного движения гернгутеров, которые, по его мнению, в своей односторонней евангеличности проповедовали «мертвую веру». В вопросах церковной дисциплины Чудениус действовал в духе времени, хотя и не был особенно суров. Он также написал два сборника проповедей, изданных теологическим обществом под руководством архиепископа К.Ф. Менандера. Чудениус находился в сане пробста лена с 1781 г.

На протяжении всей своей карьеры пастора Чудениус увлекался лечебным делом; правительство активно поощряло подобные занятия пасторов. Вместе со своим отцом еще в 1760-е гг. он начал пропагандировать в приходе Коккола прививки от оспы, что было замечено государственной властью. Будучи настоятелем, Андерс Чудениус готовил лекарства для обращающихся к нему за помощью пациентов и выполнял небольшие операции, в особенности на глазах. Когда

во время войны распространилась дизентерия, Чудениус в 1790 г. организовал в Коккола временный городской лазарет и успешно им руководил.

Чудениус очень любил музыку. Став настоятелем прихода Коккола, он основал небольшой инструментальный ансамбль по типу камерного оркестра. Он собрал обширную нотную коллекцию и, очевидно, сам играл и руководил оркестром. Из-за увеличения объема пасторских обязанностей и прочих обстоятельств деятельность оркестра была свернута в 1780-е гг., однако до самой старости Чудениус не утратил своей увлеченности музыкой.

В начале 19 в. Андерс Чудениус был забыт в Финляндии практически полностью. Его мысли не вписывались в тогдашнюю застойную государственную жизнь страны. В Швеции же реформы, за которые он боролся в 1766 г., вновь вошли в силу в 1809 г. Тогда записки Чудениуса, в особенности касавшиеся свободы печати, имели огромное значение. В середине века Чудениуса вспомнили и на родине, когда либералы оценили его идеи о свободе печати и предпринимательства. Не преуменьшая значение этих целей, можно сказать, что для самого Чудениуса они были, прежде всего, средством на пути к достижению гораздо более долговременной цели – социальной и политической демократии.

– ПЕНТТИ ВИРРАНКОСКИ

Приложение:

Андерс Чудениус, род. 26.2.1729 Соткамо, умер 1.2.1803 приход Коккола. Родители: Якоб Чудениус, настоятель прихода Коккола, пробст, и Хедвиг Хорнеус. Жена: 1755–1803 Беата Магдалена Мельберг, род. 16.10.1735 Пиетарсаари, умерла 7.10.1819 Коккола, родители жены: Улоф Мельберг, торговец и Беата Маттсинтютяр.

Андерс Йохан Шёгрэн (1794–1855)

историк, языковед, этнограф,

академик Российской Академии наук,

статский советник

А.Й. Шёгрэн, академик, специалист в области лингвистики и этнографии родственных финскому и кавказских народов. Работая в Петербурге, он приобрел известность благодаря исследованиям в области языкознания. В России его помнят еще и как основателя Этнографического музея Академии наук и первого его директора. В Осетии Шёгрэна чтят за его вклад в качестве кодификатора осетинского языка.

Андерс Йохан Шёгрэн родился в Ситиккала в Иитти в семье финского ремесленника. Местные пасторы очень скоро обратили внимание на умственные способности юного Шёгрэна. Его стали обучать шведскому языку и организовали ему место домашнего учителя в Ловиисе и Порвоо, где у него одновременно была возможность посещать школу. Поступив в университет, Шёгрэн стал одним из активистов так называемого «туркуского романтизма». В его неопубликованных дневниках («*Эфемериды*») чувствуется мощное влияние, которое оказали на него Й.Г. Гердер и Хенрик Габриэль Портан. Финское народное творчество Шёгрэн начал собирать уже в 1814 г., когда совершил свою первую экспедицию. В поездках 1816 и 1817 гг. в Ингерманландию он услышал калевальские руны, исполняемые в виде песен, и осознал древность поэзии и ее национальное значение. Это событие повлияло на решение Шёгрэна изучать родственные финскому языки российского Севера, а также историю и традиции людей, говорящих на этих языках.

Российские власти также считали важным изучать эти народы, хотя и по иным причинам. Русские хотели знать об истории, географии, климате, хозяйственных ресурсах, языках и культуре своей территории. Они считали, что большая часть народов Севера России говорила на диалектах финского языка, и поэтому искали связи с финскими учеными. В начале 19 в. Портан отказался от приглашения Российской Академии наук совершить исследовательскую экспедицию в Россию. Когда в конце первого десятилетия 19 в. эта идея появилась вновь,

Шёгрэн захотел заняться этим вопросом. При содействии языковеда Густава Ренваля и историка Андерса Гиппинга он в 1819 г. переехал в Петербург и начал подготовку к экспедиции. Поддерживаемый министром статс-секретарем Робертом Хенриком Ребиндером, Шёгрэн получил от Александра I средства на поездку, распоряжение и полномочия проводить исследования среди народов Севера России.

Экспедиция продолжалась 5 лет, с 1824 по 1829 гг., за это время Шёгрэн преодолел 12 000 километров верхом, в карете, в санях и по воде. Он побывал в Олонецкой и в Северной Карелии, в северо-восточной части Финляндии и в Северной и Восточной Лапландии. Затем он отправился на восток, на Урал, добрался до Перми, изучая коми и удмуртский языки. В Петербург он вернулся южным путем через Казань и Вологду, привезя с собой большое количество материала об истории, языках, фольклоре и традициях, ономастике, этнографии и хозяйстве разных народов.

Возвратившись в Петербург и став ученым Академии наук, Шёгрэн опубликовал результаты своей поездки в 1830–1834 гг. В этих публикациях, а также в работах, вышедших еще во время экспедиции, Шёгрэн классифицировал родство финно-угорских народов, применив новый метод, основывающийся на лингвистических доказательствах. Он также отнес к финно-угорским народам вепсов, с которыми он познакомился в ходе экспедиции. Одновременно с этим Шёгрэн поновому посмотрел на саамские языки и их связь с финским и написал очерк об основных характеристиках языка коми. Во время путешествия Шёгрэн писал статьи для финляндских и российских газет, рассказывая о Карелии и ее народных традициях. Опубликованное им в Хельсинки в 1828 г. произведение «*Кеми-Лап-марк*» является превосходным образцом междисциплинарных очерков о российских территориях, публиковавшихся Академией наук.

Другие главные произведения Шёгрэна этого периода касаются истории, ономастики, этнографии и фольклора территории, которая простиралась от Финляндии на восток на территорию Архангельской губернии и Мезени, а также новой истории и условий жизни ингерманландцев, проживающих вокруг Петербурга. В исследованиях, опубликованных в 1832–1833 гг. в Петербурге и посвященных проблемам древней истории финно-угорских народов, Шёгрэн пытается воссоздать древнюю историю финнов, в особенности жителей Хяме и Карелии. По своим исследовательским подходам и некоторым деталям эти произведения напоминают труды Портана, а по используемым понятиям и по духу они типичны для националистических попыток начала 19 в. найти в прошлом золотое время. Разделы, касающиеся фольклора, а также исследования Ингерманландии в глазах современников становились своеобразным дополнением работы Элиаса Лённрота, которую он проделывал в это же время.

Работа Шёгрена имела огромное значение. Его классификация финно-угорских языков оставалась образцом, пока Отто Доннер не подверг ее пересмотру в 1878 г. Особенно важным был междисциплинарный метод исследования Шёгрена, в котором он применял новейшие научные методики из арсенала истории, ономастики и этнографии. С Шёгрена в Финляндии началось самостоятельное развитие этих дисциплин. Имя Шёгрена обычно не связывают с этим, потому что большая часть его работы начала носить всеобщий характер. Многие получивший от Шёгрена, например, описание древней истории во вступлении к «*Калевале*» 1835 г. и некоторые руны к «*Калевале*» 1849 г., Лённрот знал это и очень метко высказался в своей речи в память о Шёгрене: «Глядя на поток, мы редко вспоминаем его источник».

Последние 20 лет жизни Шёгрена в роли академика и активного сторонника финских национальных идей в Петербурге были трудными. С 1818 г. Академией наук руководил граф С.С. Уваров, который одновременно был министром народного просвещения. Академия наук была интеллектуальным органом политики «православия, самодержавия и официальной народности» Николая I. У Шёгрена в Академии была щекотливая роль в качестве специалиста по нерусским народам империи. Он должен был решать, можно ли публиковать произведения, докладывать властям о вопросах, связанных с просвещением нерусских народов и быть советником по национальным вопросам. Шёгрэн справлялся с этими обязанностями тактично, учитывая интересы национальных групп. Он всячески помогал эстонским националистам, например, Ф.Р. Кройцвальду (1803–1882) и Ф.И. Видеману (1805–1887), в частности, в опубликовании их работ. Лённрот и другие финны обращались к Шёгрёну, чтобы воспользоваться его архивными, библиотечными и экспедиционными материалами. Несмотря на сопротивление, Шёгрэн использовал свой авторитет в Академии для продвижения национальных интересов Финляндии. Например, без поддержки Шёгрена М.А. Кастрен не смог бы провести в Сибири свои лингвистические и этнографические исследования.

В своих более поздних исследованиях Шёгрэн вместо широкого междисциплинарного стал применять более узкие эмпирические подходы. В этом Шёгрэн был новатором. Не отбрасывая полностью историю, он сосредоточился на языкознании и этнографии. Как и раньше, его исследования опирались на полевые работы. Результатом поездки Шёгрена на Кавказ, предпринятой в 1835–1838 гг. по заданию Академии, стала грамматика и словарь осетинского языка (1844), за которые *Институт Франции (Institut de France)* в 1846 г. вручил Шёгрёну золотую медаль. Результатом полевых работ летом 1846 и 1852 гг. в Лифляндии и Курляндии стал сборник текстов и грамматика ливского языка. Произведения Шёгрена, касающиеся осетинского и ливского языков, до сих пор остаются вполне авторитетными источниками.

В последние годы жизни Шёгрэн испытывал определенное сопротивление и противодействие. В конце 1840-х гг. он был самым известным финским ученым за пределами Финляндии. Во многом стараниями Й.В. Снельмана его, однако, не очень то жаловали в Финляндии, потому что он жил за границей. Однако ясно, что Шёгрэн не смог бы работать на благо национального движения Финляндии, если бы отказался от своего положения в Академии наук. Другой парадокс заключается в том, что одновременно с публичными нападками со стороны Снельмана российские власти заподозрили Шёгрэна в неправильном использовании своего положения в отношении нерусских народов империи.

Неопубликованные дневники Шёгрэна «*Эфемериды*», насчитывающие около 8 000 страниц (1806–1855), его обширная переписка со многими ведущими учеными и другие личные бумаги являются уникальным источником для изучения национальных идей, формировавшихся на Севере в начале 19 в.

– Майкл Бранч

Приложение:

Андерс Йохан Шёгрэн, род. 8.5.1794 Иитти, умер 18.1.1855 Петербург. Родители: Микко Юхонпойка (позднее Шёгрэн), сапожник, и Кайса Ааронинтютяр. Жена: 1832–1855 Густава София Лаурель, род. 8.8.1805, умерла 12.5.1880, родители жены: Аксель Фредрик Лаурель, окружной врач, и София Густава Тигерстед. Дети: Берта София, род. 1832, умерла 1902; Йохан Теодор, род. 1834, умер 1835; Фани Густава, род. 1839, умерла 1920; Сара Йоханна, род. 1841, умерла 1910; Фредрика Юстина, род. 1843, умерла 1886; Вильгельмина София Матильда, род. 1849, умерла 1905.

Хелене Шерфбек (1862–1946)

художница

Творческий путь Хелене Шерфбек был долгим и продуктивным. Уже ранними своими работами Шерфбек оказала заметное влияние на искусство Финляндии, хотя современники не всегда понимали ее творческие опыты. В настоящее время ее считают одной из самых известных фигур в искусстве Финляндии. Творческий путь Хелене Шерфбек прошел через многие переломные моменты в искусстве: от влияния французского реализма до упрощенных, затрагивающих самую суть портретов и натюрмортов.

Карьера Хелене Шерфбек как художницы во многих отношениях является исключительной. Она начала свое обучение в 11 лет и уже в молодости достигла заметного мастерства в технике, которое вскоре превратилось в своеобразное художественное видение. Хотя проблемы с бедром ограничивали ее жизнь, она писала постоянно и создала большое количество работ, в числе которых, помимо картин маслом, есть также акварели, рисунки, литографии и работы по текстилю. Творческий путь Хелене Шерфбек прошел через многие переломные моменты в искусстве: от влияния французского реализма до упрощенных, затрагивающих самую суть портретов и натюрмортов. Хотя сейчас Шерфбек является одним из самых почитаемых художников Финляндии, современники относились к ней критически; ценители ее искусства стали появляться только после персональной выставки, организованной в 1917 г. Ёстой Стенманом.

На ранний период творчества Хелене Шерфбек наложила тень не только тяжелая травма бедра, ставшая следствием падения в детстве, но и ограниченное взгляды на женщину, бытовавшие в то время и не дававшие возможности для интенсивного творчества. Учитывая обстановку в мире искусства того периода, можно только удивляться ее ранним произведениям на историческую тему: *«Раненый солдат в снегу»* (1880), *«У ворот тюрьмы в Линчёпинге в 1600 году»* (1882), *«Смерть Вильгельма фон Шверина»* (1886). В своих масштабных,

амбициозных картинах она затрагивала темы, относящиеся к «мужской» проблематике, что считалось неприемлемым для женщины. Не приветствовался и «радикальный реализм», экспериментаторский, модернистский, идейный, к которому она приобщилась во Франции. В 1880-е гг. публика не получила от произведений Хелене Шерфбек того, что ждала, и прием был соответствующим. Несмотря на одаренность, ей пришлось ощутить свою чужеродность в творческом мире Финляндии.

Отец Хелене Шерфбек, начальник мастерской на железной дороге Сванте Шерфбек, умер в 1876 г. от туберкулеза, когда дети были подростками. Ее матери Ольге пришлось, преодолевая денежные затруднения, одной заботиться о Хелене и ее старшем брате Магнусе (1860–1933), впоследствии ставшем архитектором. Отношение Хелене Шерфбек к матери было противоречивым; мать не одобряла увлечения дочери искусством, но совместное проживание в течение десятилетий прочно привязало их друг к другу. Детские годы Хелене были тихими и тяжелыми. Ее художественный талант заметил человек со стороны, учительница Лина Ингман. Свое обучение искусству Хелене начала в художественной школе при Обществе любителей искусства в очень раннем возрасте, осенью 1873 г., и продолжила его после получения аттестата в 1877 г. в частной академии Адольфа фон Беккера. Она очень ценила Беккера и получила от него, по ее мнению, хорошую основу.

Осенью 1880 г. Хелене Шерфбек отправилась в Париж, получив от сената стипендию на поездку. Она обучалась в *Академии Трела* и *Академии Коларосси*, среди ее наставников были Леон Бонна и Густав Куртуа, последнего из которых она считала своим настоящим учителем. Она писала картины также в Медоне и Бретани и вернулась на родину лишь летом 1882 г. Во время второй поездки во Францию в 1884–1885 гг. Хелене Шерфбек впервые приняла участие в известном парижском Весеннем салоне (с картиной *«Праздник в беседке из зелени»*, 1883) и снова писала картины в Бретани. Там она познакомилась с английским художником, чья личность до сих пор неизвестна, и обвенчалась с ним. Однако в 1885 г. жених расторгнул помолвку, так как его родственники посчитали, что проблемы с бедром у Хелене – следствие туберкулеза. Хелене Шерфбек осталась незамужней. Эту сторону своей жизни она считала не вполне счастливой; особенно ее огорчало отсутствие детей. Позже она думала усыновить ребенка, но эта мысль натолкнулась на отрицательное отношение ее окружения.

Раннее творчество Хелене Шерфбек имело большое значение для искусства Финляндии. Это десятилетие было для нее периодом поисков, и в ее произведениях заметны многие противоборствующие друг с другом тенденции. Хотя она стремилась проявить себя в области так называемого «высокого искусства», создавая масштабные исторические произведения, иногда она обращалась к темам, воспринимавшимся

публикой как тривиальные. Иногда это были даже фрагменты предмета. В этих работах отчетливо заметно влияние французского искусства того времени с его стремлением к свободе художественного выражения. Картину *«Мальчик, кормящий младшую сестру»* (1881), написанную в Бретани, можно считать началом финского модернизма. Изображенных на картине детей посчитали «некрасивыми» и «грубыми», публике не была понятна техника широкого свободного мазка, и это произведение наложило на Хелене Шерфбек клеймо представителя крайнего натурализма. Хотя в ее раннем творчестве царило влияние французского пленэрного натурализма, между *«Мальчиком, кормящим младшую сестру»* и *«Выздоровливающим»* (1887) можно поместить картины, радикальность которых проявилась и в ином отношении. В *«Празднике в беседке из зелени»* соединяется блестящая техника живописи и большое пространство, и в кажущейся бессюжетности картины можно найти параллели с работами Эдуарда Мане. Некоторые работы, написанные в Бретани, для европейского искусства того времени являются чрезвычайно минималистскими: *«Дверь»* (1884) крайне минимизирована, а *«Тень на стене»* (1883) по синтетичности подхода напоминает искусство Поля Сезанна.

Самые близкие друзья-художники Хелене Шерфбек в 1880-е гг. все еще не понимали ее экспериментов, и она отказалась на какое-то время от этой манеры письма, хотя считала ее своей. Только на рубеже веков она вернулась к ней вновь. В конце 1880-х гг. Шерфбек находилась в Англии в Сент-Иве, и написанные там *«Выздоровливающий»* и *«Пекарня»* (1887) стали своего рода подведением итогов в натуралистической световой живописи. В произведениях конца столетия стал заметен переход к новому направлению. Сумеречный свет и сдержанные краски, привнесенные в скандинавское искусство символизмом, подходили манере письма художницы, и в ее работах 1890-х гг. произошел отчетливый поворот: линии стали более тонкими, цвета упрощенными, а темы более интимными. Речь шла о переходе к стилизованному модернизму 20 в.

В 1890-е гг. Хелене Шерфбек писала не так много, как раньше. Причиной отчасти было преподавание в художественной школе Общества любителей искусства, а отчасти состояние здоровья. Преподавание было в физическом плане по силам Хелене Шерфбек, но оно требовало также и ее душевных сил, и ей часто приходилось брать отпуск по болезни, пока в феврале 1902 г. она не попросила отставки. По совету врача следующим летом она переехала вместе с матерью в Хювинкяя. Тамшний сухой климат считался полезным.

В 1894 г. Хелене Шерфбек побывала в Вене и во Флоренции с целью написать копии для музея репродукций, создаваемого Обществом любителей искусства. В то время Италия была очень популярна у финских символистов, и искусство раннего ренессанса оказало сильное влияние на Шерфбек, хотя позднее она отошла от

этого. В своих работах она все более сознательно стала обращаться к внутреннему миру. Ее понимание цвета изменилось, и она стала все больше внимания уделять линиям и выражению лица. В противовес увеличивающейся интимности, Шерфбек создает свою единственную алтарную картину *«Воскресение Иисуса»*, написанную для церкви в Руотсинпюхтя в 1898 г. Другим масштабным произведением является картина *«Прихожане»* (1895–1900), изображающая три разных возраста женщины. Эту работу считают главным произведением Шерфбек 1890-х гг. После этого она больше не возвращалась к большому формату или к «большим» темам, все больше уходя в изображение внутренней жизни.

Переехав вместе с матерью в Хювинкя, Хелене Шерфбек вновь нашла радость в рисовании. Она нуждалась в спокойствии и тишине и в 1902–1917 гг. ни разу не съездила в столицу. Она отдалась от круга художников Хельсинки, но поддерживала отношения с «сестрами-художницами» со времен учебы, особенно с Хеленой Вестермарк, Марией Вийкки и Адой Тилен. За границу Шерфбек больше не ездила, а за искусством долго следила лишь по газетам и книгам. Она все же принимала участие в выставках, особенно в устраиваемых Обществом любителей искусства Турку. Хотя она много писала, по ее мнению, она не успела сделать сколько хотела. Препятствием была ненавистная работа по дому, которую она время от времени была вынуждена делать, потому что ее мать не выносила прислуги в доме.

Перемены в жизни Хелене Шерфбек произошли осенью 1913 г., когда торговец предметами искусства Ёста Стенман впервые приехал встретиться с ней. Стенман был убежден в ценности искусства Шерфбек, и благодаря нему работы уединившейся художницы можно было все чаще увидеть на выставках. Стенман также организовал ее первую персональную выставку осенью 1917 г., на которой было представлено 159 работ. Весной 1915 г. к Хелене Шерфбек в Хювинкя приехал почитатель ее искусства, лесничий Эйнар Ройтер (псевдоним Х. Ахтела), ставший ее близким другом и биографом. Они часто переписывались, и Ройтер стал для нее заботливым опекуном. Хелене Шерфбек, в свою очередь, сильно привязалась к нему. Известие о помолвке Ройтера со шведкой Тюррой Арп в 1919 г. стало для нее потрясением, потому что она боялась потерять эту дружбу. Однако, Ройтер и Шерфбек сохранили близкие дружеские отношения.

При посредничестве Стенмана Хелене Шерфбек вновь обрела контакт с современным искусством. Посетив после долгого перерыва Хельсинки, в музее Атениум она увидела произведения Сезанна и Поля Гогена и познакомилась с выставкой французского искусства, на которой ее особенно заинтересовали работы Анри Матисса и Отона Фриза. Своим знакомым художникам она писала также о Винсенте Ван Гоге, Оноре Домье, Константине Жюсе и шведском художнике Улофе Сагер-Нельсоне. Хотя часто она вынуждена была удовлетворяться

созерцанием репродукций, ее письма содержат глубокие размышления о сути искусства и способах выражения. Сама Шерфбек работала довольно неторопливо. Она писала и переписывала картины по много раз, чтобы добиться желаемого эффекта. Она была очень самокритична и никогда не чувствовала, что достигла того, к чему действительно стремилась. «Нужно рисовать щупальцами, а не кистью и пальцами», – сказала она однажды.

Для творчества Хелене Шерфбек первого десятилетия 20 в. характерно последовательное развитие в направлении все более концентрированной экспрессии. В начале столетия она создала серию аскетичных картин, написанных с использованием разных оттенков черного и серого, а также еще нескольких тщательно продуманных тонов. Среди них «Дома» (1903), «Девочка за вышивкой» (1904), «Портниха» (другое название – «Работница», 1905), «Читающие девочки» (1907), «Девочка из народной школы I» и «Девочка из народной школы II» (1908), «Костюм I» (1908–1909) и «Костюм II» (1909). Эти произведения в высшей степени новаторские: прежние фрагментарные вспышки вдохновения кристаллизовались в собственный стиль. Временами проявляется интерес к декоративности, особенно в работах по текстилю, которые Шерфбек в начале столетия выполнила для общества «Друзей финских ремесел». Представляется, что в своих работах она стремится к стилизованному эстетизму, характерному для японского искусства. В более поздних произведениях это стремление иногда выливалось в мощные, экспрессивные цвета и в скрытые страстные чувства. Это особенно отчетливо заметно в длинной серии автопортретов, позволяющей проследить как развитие стиля, так и перемены в самой художнице. Стилистические изменения, происходившие на протяжении десятилетий, обнаруживаются в новых произведениях, которые Хелене Шерфбек по предложению Стенмана начала писать в 1927 г., опираясь на свои старые картины.

Ольга Шерфбек умерла в феврале 1923 г., а летом 1925 г. Хелене Шерфбек поселилась в Таммисаари, считая, что обретет там покой, так необходимый ей для работы. Полного покоя, однако, не было, поскольку начала расти ее известность. В 1934 г. Стенман, переехавший в Стокгольм, организовал в своей галерее выставку финского искусства, на которой была представлена большая коллекция работ Шерфбек. Это было успехом для художницы, так же как и ее сенсационная персональная выставка осенью 1937 г., за которой последовала серия подобных выставок в разных уголках Швеции. Выставка в Америке, запланированная на 1939 г., была, однако, отменена из-за начала Второй мировой войны. Тем не менее, в 1942 г. в галерее Стенмана в Стокгольме была организована большая юбилейная выставка. В годы войны Хелене Шерфбек жила в эвакуации сначала в Тенхола, затем в окрестностях Ловииса, а с начала 1942 г. – в санатории Луонтола в Нуммела. В феврале 1944 г. Ёста Стенман устроил ее переезд в

Швецию, и последние свои годы Шерфбек провела в курортной гостинице в Салтшёбадене, где она умерла в январе 1946 г. Она активно писала до самого конца. В частности, в Салтшёбадене появилась ее последняя серия автопортретов.

Искусство Хелене Шерфбек было принято в Швеции со значительно большим энтузиазмом, чем в Финляндии, где отношение к ее творчеству было противоречивым. Некоторые считали стареющую художницу моложе иных молодых, другие же полагали, что ее переоценивают. Искусствоведы долго считали Шерфбек прежде всего представительницей 19 в. Интерес к ее более поздним произведениям пробуждался медленно. Сегодня ее признают как одну из «великих» представителей искусства Финляндии, а начиная с 1990-х гг. ее картины стали привлекать интерес и за пределами северных стран. Однако наши представления о ней как о художнике по-прежнему не вполне четкие. Во многом эти представления продолжают основываться на ее старых биографиях. На формирование образа Шерфбек сильно повлияла биография, написанная Х. Ахтелой (Эйнар Ройтер), изобразившего художницу как хрупкую и страдающую натуру. Это повлияло на интерпретацию ее картин. Хелене Шерфбек не была такой неземной и бестелесной, как часто думают, и ее искусство не является простой эстетизацией. Оно усиленно исследует глубины бытия, и в этом заключается многообразная связь ее творчества с эпохой и развитием искусства того времени.

– РИЙТА КОНТТИНЕН

Приложение:

Хелене (Хелена) София Шерфбек, род. 10.7.1862 Хельсинки, умерла 23.1.1946 Салтшёбаден, Швеция. Родители: Сванте Шерфбек, начальник конторы, род. 1833, умер 1876, и Ольга Йохана Принтц, род. 1839, умерла 1923.

Альберт Эдельфельт

(1854–1905)

художник

Альберт Эдельфельт, один из наиболее выдающихся художников Финляндии, получил широкую известность еще при жизни, причем не только у себя на родине. Во многом благодаря ему культура Финляндии получила международное признание. На Всемирной выставке 1900 г. в Париже он с помощью личных связей и усилий добился того, чтобы финны смогли выставляться отдельной группой и в собственном павильоне. Как художник, Эдельфельт не был ни новатором, ни бунтовщиком. Он придерживался середины, целенаправленно стремясь к успеху и достигая его.

Альберт Эдельфельт был одним из самых выдающихся финских художников всех времен. Прежде всего, он был живописцем, но известен также как график и иллюстратор. В свое время за пределами Финляндии он был самым авторитетным финским художником. Он был также и бесспорным лидером в искусстве Финляндии. Как портретист при дворах Европы, он имел намного большее общественное влияние, чем другие художники. Прежде всего, он способствовал созданию основ для международного признания культуры Финляндии.

Об Эдельфельте и его искусстве написано много. Его письма, адресованные матери, изданы в пяти томах. Бертель Хинтце, автор полной биографии художника, сетовал, однако, что эти письма, из-за цензуры со стороны родственников художника, не дают исчерпывающего представления о жизни Эдельфельта. По мнению биографа, закончить портрет Эдельфельта предстоит будущим исследователям. Проблема главным образом заключалась в отношениях художника с женщинами. Именно из-за этого коллекция писем была недоступна вплоть до 1985 г. В настоящее время основные моменты уже известны, и, в принципе, уже можно составить портрет художника.

По линии отца Эдельфельт имел шведское происхождение. Его отец Карл Альберт Эдельфельт (1818–1869) происходил из семьи военных

из шведской провинции Восточный Ётланд, получившей дворянство в 1688 г. После смерти отца Эдельфельт в четырнадцатилетнем возрасте переехал к своему дяде в Финляндию, где затем поступил учиться на архитектора. В 1855 г. он стал губернским архитектором, а в 1867 г. был назначен управляющим Главного управления по строительству общественных зданий. В 1852 г. он женился на Александре Брандт (1833–1901), дочери богатого торговца и судовладельца из Порвоо. Александра Брандт выросла в усадьбе Кийала в окрестностях Порвоо, которую ее мать получила в наследство от своей тети.

Альберт Эдельфельт родился в 1854 г. и был первенцем в семье. Хотя родители жили в тот момент в Хельсинки, Альберт появился на свет в усадьбе Кийала, где он в дальнейшем все детство проводил летнее время. От отца он перенял любовь к музыке и рисованию. Однако мать, пробовавшая себя в любительских стихах и входившая в окружение Й.Л. Рунеберга, была самым близким человеком для будущего художника. От нее сын впитал идеализм Рунеберга и восхищение национальным поэтом. Альберт Эдельфельт был во многом творением своей честолюбивой матери. Отношения с ней служили ему одновременно как опорой, так и ограничивающим фактором.

В детстве Эдельфельт проявил большой интерес к рисованию, который его родители всячески поддерживали. Наряду с учебой в нормальном лицее, он в 1869 г. начал посещать школу рисования при Финском художественном обществе, став учеником К.Э. Шёстранда. В следующем году он брал частные уроки живописи у немца Бернхарда Рейнхольда, портретиста, временно поселившегося в Финляндии.

К.А. Эдельфельт умер от кровохарканья весной 1869 г. Финансовые трудности, в которых он оказался из-за долгов и залоговых поручительств, еще больше ослабляли его расшатанное здоровье. Упорным трудом Александре Эдельфельт удалось, однако, привести дела семьи в порядок, и она сделала все, чтобы дать образование своему сыну и его трем сестрам, младшая из которых родилась уже после смерти отца.

Альберт Эдельфельт получил среднее образование весной 1871 г. Осенью он поступил в университет, его основными дисциплинами были латынь, греческий язык и история. Одновременно он ушел из художественной школы и начал обучение у Адольфа фон Беккера в художественной студии университета. В университете жизнь студенческого землячества была для него важнее, чем учеба. Летом 1871 г. Эдельфельта пригласили на работу в качестве художника в первую художественно-историческую исследовательскую экспедицию в Юго-Западную Финляндию и на Аландские острова.

Хотя Эдельфельт закончил свою учебу в университете после первого года обучения, он и после этого продолжал рисовать в художественной студии, а весной 1873 г. он также учился в частной академии Адольфа фон Беккера. Вести о его способностях быстро распространилась. В 1872 г. он принял участие в ежегодной выставке

Финского художественного общества. Ведущие деятели искусства возлагали на него большие надежды. Они надеялись, что Эдельфельт изобразит тот героический мир, который Рунеберг увековечил в своей поэзии. Поэтому ему посоветовали для начала отправиться в Академию художеств Антверпена, куда он поехал в октябре 1873 г., получив государственную стипендию.

Романтическая живопись на исторические темы уже не была столь популярна. На первый план вышел реализм с его вниманием к деталям. За те пять месяцев, которые Эдельфельт учился в Антверпене, его успели перевести в высший класс, и он как один из лучших учеников получил почетную премию. Он стремился в Париж, куда и попал в мае 1874 г. Эдельфельт начал учебу во Французской Академии изящных искусств в студии Жана Леона Жерома, художника, писавшего на исторические темы. Он завязал близкие дружеские отношения с молодыми художниками, из которых самую важную роль для него сыграл поборник реалистической пленэрной живописи Жюль Бастьен-Лепаж.

Первым крупным произведением, созданным в Париже, стала *«Женщина в стиле рококо»*, получившее премию *«Дукат»* Финского художественного общества. В 1875 г. он получил заказ одного финского издателя на иллюстрации к *«Рождественскому вечеру»* Рунеберга. По возвращении в Финляндию, в 1876 г. Эдельфельт написал портрет Хедвиг Шарлотты Ро-Винтеръельм. В феврале 1876 г. молодой торговец Виктор Ховинг пригласил Эдельфельта с собой в Рим, где они оба заболели брюшным тифом, при этом Ховинг умер. По возвращении художник успел написать портрет сестры Эллен Эдельфельт до того, как та умерла от туберкулеза. Этот портрет уже является свидетельством самобытности художника.

Эдельфельт продолжил свое обучение в Париже зимой 1876–1877 гг. Несмотря ни на что, он поначалу продолжал придерживаться исторической тематики, но при этом все больше стремился изобразить основные человеческие чувства, остающиеся неизменными независимо от времени. Его всегда интересовали театр и выражение чувств. Первым значительным произведением была написанная для Салона 1877 г. *«Королева Бланка»*, навеянная впечатлениями от детского рассказа Топелиуса и изображающая материнскую любовь и радость. В этой картине художник находится в своей стихии, в значительной степени раскрывая самого себя. Картина является также воплощением его собственного отношения к матери. Это произведение имело большой успех, как на Салоне, так и на всемирной выставке в следующем году. На родине картина была принята с огромным восторгом. В виде репродукций она стала одним из самых популярных произведений скандинавского искусства того времени.

Весной 1877 г. появились и другие исторические костюмные портреты и жанровые картины. Лето Эдельфельт провел в Финлян-

дии, создавая пейзажные этюды. Вместе с Адольфом фон Беккером он совершил поездку в Восточную Финляндию, где сделал портретные зарисовки типичных местных жителей Яски, создавая задел на будущее. Поздней осенью в своей парижской студии он начал работу над совершенно новым типом исторического произведения, получившего название *«Надругательство герцога Карла над телом Клауса Флеминга»*. Теперь Эдельфельт хотел драматически изобразить ненависть, демонстрируя тем самым, что он способен передавать чувства, противоположные тем, что преобладали в предыдущей работе. Свое вдохновение он получил от работ Жана Поля Лоренса, еще ранее привлечших его внимание.

Произведение было хорошо принято в Салоне и получило государственную премию в конкурсе картин, изображающих личности. Оно заложило основу международного признания Эдельфельта, и его можно считать высшим достижением финской реалистической исторической живописи. Однако время подобных произведений уже проходило. В кругу друзей Эдельфельта много критиковали за его театральность. Для Салона 1879 г. Эдельфельт все же написал еще одну историческую картину – *«Сгоревшая деревня»*, изображающую эпизод Дубинной войны (крестьянское восстание 1596–97 гг.). Эдельфельт намеревался создать пленэрную живопись, однако наброски снежных пейзажей, сделанные в конце 1878 г. в Хельсинки до отъезда в Париж, не удовлетворяли художника, поэтому и результатом он оказался недоволен. Новым в этой картине было изображение народа как главного персонажа и страха как главной эмоции. Несмотря на опасения художника, в Салоне картина вновь имела успех, а на родине интерес вызвала ее национальная тематика.

В этот период Эдельфельт утратил веру в будущее исторической живописи. Он не чувствовал в себе силы совершить окончательный прорыв в Салоне, опираясь на прежние методы. Чтобы произвести впечатление в Салоне, картину необходимо было написать полностью на пленэре, в соприкосновении с природой. Реалистическая пленэрная живопись Бастьена-Лепажэ влекла его к себе. Он принялся за работу летом 1879 г. в Хайкко, где его мать снимала на лето дачу. Темой он выбрал *«Похороны ребенка»*, так как прежде он еще не затрагивал тему скорби. Художник сосредоточился на изображении того, как разные люди испытывают и выражают горе. Здесь мы имеем дело с психологическим реализмом, хотя Эдельфельт написал произведение в манере пленэрной живописи. В Салоне 1880 г. картина получила медаль третьей степени – первая подобная награда, полученная финном. Расчет художника был верен. Теперь для него была открыта дорога к международной славе.

В 1880 г. Эдельфельт купил дом управляющего в Хайкко, а в 1883 г. построил там студию. Весной 1881 г. он побывал в Испании. Солнечный свет и влияние Веласкеса побудили его делать более свободные мазки

кистью. Летом 1881 г. в Хайкко художник написал пленэрную картину *«Богослужение на архипелаге Уусимаа»*, показавшую, что его взгляды на пленэрную живопись еще более утвердились. В Салоне он получил за нее медаль второй степени, и произведение было куплено для государственной коллекции Франции.

Успех открыл перед Эдельфельтом двери не только на международный рынок произведений искусства, но в русский императорский двор. Уже после работы о герцоге Карле Эдельфельт стал почетным членом Петербургской Академии художеств. *«Похороны ребенка»* принесли ему звание академика, и произведение было куплено в частную коллекцию в Москве. Осенью 1881 г. он поехал в Петербург, чтобы преподнести великому князю Владимиру картину. Другой причиной стала его любовь к русской красавице Софии Манзей, портрет которой он написал за год до этого. Из идеи с женитьбой ничего не вышло, так как художник не желал переезжать в Петербург. Однако в других отношениях эта поездка была чрезвычайно успешной. Император и императрица приобрели картину, написанную для английского торговца произведениями искусства, и сделали еще несколько заказов. Пару месяцев художник жил в Гатчине, работая над портретом младших детей императора. Личное знакомство Эдельфельта с Александром III и Марией Федоровной, возможно, имело значение и для Финляндии.

В Париже Эдельфельт вскоре усвоил манеру французских художников содержать любовниц. Он легко влюблялся в хорошеньких женщин, но отношения не всегда были долгими. Исключение в этот период составили лишь две его прекрасные французские натурщицы. Первой была Антония Боньян, натурщица в 1878–1879 гг. Больше влияние на него, однако, оказала молодая дочь преподавателя Виржин, позировавшая ему в 1880–1883 гг. Как полагают, от нее у Эдельфельта было двое детей, дочь и сын, и он всерьез подумывал о женитьбе. Однако визит его матери и сестры в Париж весной 1883 г. положили конец этим отношениям.

Главным произведением 1882 г. стал портрет матери. Летом 1883 г. была написана картина *«У моря»*, которая в Салоне 1884 г. была признана лучшим произведением искусства Северных стран. Она была приобретена шведским коллекционером Понтусом Фюрстенбергом. В том же году прошли персональные выставки Эдельфельта в Копенгагене и Гетеборге, и он стал членом Академии художеств Дании и Швеции.

Весной 1885 г. Эдельфельт написал знаменитый портрет Луи Пастера. Это был образец так называемого «портрета в интерьере», на котором герой изображен в характерном для него окружении. В Салоне 1886 г. было представлено целых два портрета Пастера, так как был выставлен также портрет работы французского художника Леона Бонна. Победа досталась молодому финну: критики предпочли

его портрет. После этого на художника обрушился поток заказов на портреты, а портрет Пастера положил начало настоящему буму на работы в этом стиле.

В 1886–1887 гг. была написана большая картина «*Люксембургский парк*». На выставках в галерее Жоржа Пети Эдельфельт начал сотрудничать с ведущими французскими экспрессионистами, и это заметно по его работам. Свет занимал все больше места, но одновременно автор не отступал от тщательного изображения деталей. В его эскизах и небольших произведениях 1880-х гг. есть много черт, напоминающих импрессионистов. Летом 1887 г. он предпринял осознанный эксперимент с натурализмом в картине «*Старухи на церковной горе в Руоколахти*».

В начале 1888 г. Эдельфельт женился на баронессе Анне Элиз (Эллан) де ла Шапель. Они были знакомы друг с другом с детства и стали видной парой, но брак не был счастливым. Их сын Эрик родился в конце того же года. Постепенно супруги отдалялись друг от друга. Однако Эдельфельт заботился о семье до конца своей жизни.

В то время как Эдельфельт, что касается изображения мимолетности и света, в своих небольших работах с видами Хельсинки все более сближался с импрессионистами, в его творчестве также начали появляться признаки неоромантизма. Летом 1889 г. в усадьбе Саари он написал картину «*Хребет Каукола во время заката*». Полотно, окрашенное формальным влиянием японской живописи, передает лирическое настроение северной летней ночи. В следующем году Эдельфельт написал картину «*Христос и Магдалена*», навеянную сборником народной поэзии «*Кантелетар*». Тему карелианизма он затронул в картинах, посвященных сказительнице Ларин Параске. Эдельфельт, однако, более не был тем бесспорным лидером, как прежде. Появилась группа заметных художников-фенноманов, определявших направление развития искусства Финляндии. Тем не менее, Эдельфельт постоянно делал все возможное, чтобы помогать молодым художникам.

На всемирной выставке 1889 г. в Париже «*Портрет Луи Пастера*» получил золотую медаль. Вскоре после этого Эдельфельт стал членом ордена Почетного легиона, а затем, в 1901 г. получил звание командора этого ордена. Его карьера как художника-портретиста была на пике. Умение передавать психологический образ было неоспоримым, он стремился запечатлеть самые лучшие стороны своих героев. Портреты в интерьере стали особым объектом увлечения. Одним из самых выдающихся произведений портретной живописи Эдельфельта стал масштабный портрет певицы Айно Акте, написанный во время репетиций в Парижской *Гранд Опера*. Другим значительным произведением стал портрет профессора Й.В. Рунеберга (1902).

Настенная роспись актового зала Хельсинкского университета стала заметной страницей творческой карьеры Эдельфельта. Конкурс был

проведен в 1891 г. В результате Эдельфельт получил заказ на главную картину «*Торжественное открытие Туркуской Академии в 1640 году*». Он изучал сюжет во время нескольких поездок за границу, но закончил картину лишь в 1904 г. Эта работа стала впечатляющим финалом в карьере Эдельфельта как художника, пишущего на исторические темы. К сожалению, произведение было утрачено во время бомбежки в 1944 г.

Создание иллюстраций к сборнику стихов Карла Сноильского было для Эдельфельта приятным занятием, позволявшим ему окунуться во времена рококо и Густава III. Работа была завершена в 1894 г. Другой крупной работой стали иллюстрации к «*Рассказам прапорщика Штоля*» Рунеберга (1894–1900). В них в наибольшей степени проявился патриотический пафос. До этого он написал известные картины гуашью «*Марш Бьернеборгского полка*» (1892) и «*Вильгельм фон Шверин*» (1893). К увлечениям последних лет относились линейный офорт и гравюра сухой иглой, которые он стал создавать под влиянием А.В. Финча в конце 1890-х гг.

Эдельфельт поддерживал постоянные связи с русским императорским двором. В начале 1896 г. он выставил свои главные произведения в Петербурге. Той же весной он написал официальный портрет Николая II для Финляндии. В виде исключения император согласился лично позировать и заказал также менее официальный портрет для подарка императрице. В мае 1896 г. Эдельфельт вместе с другими академиками находился в Москве в качестве официального художника, чтобы запечатлеть торжественную коронацию. В 1897 и 1898 гг. художнику официально было предложено место профессора в Петербургской академии художеств. Рассматривая предложение как большую честь, он, тем не менее, отказался. На Всемирной выставке 1900 г. в Париже он с помощью личных связей и усилий добился того, чтобы финны смогли выставляться отдельной группой и в собственном павильоне.

В произведениях последних лет Эдельфельт пытался следовать духу времени, но символизм и синтетизм не особенно его вдохновляли. В масштабной картине «*На архипелаге*», написанной летом 1898 г., идеализм Рунеберга проявился в смелой композиции в еще большей степени.

По всей видимости, брак удерживал Эдельфельта от любовных походов около десяти лет. Только в конце столетия он завязал новые отношения – с вдовой турецкого полковника. После этого последовал роман с русской натурщицей киевлянкой Ольгой, которую сменила французская красавица мадам Дюран. Чувственные и страстные отношения с женщинами играли большую роль в жизни Эдельфельта. Вилле Вальгрэн, наиболее подробно описавший их биографу Хинтце, считал, что ненасытность в этом отношении представляла прямую опасность для здоровья Эдельфельта. Темп, с которым он работал,

также был слишком жестким. В августе 1905 г. в Хайкко разрыв сердца прервал его жизнь.

В 1910 г. в память об Эдельфельте была организована большая выставка. За границей, однако, с распространением модерна художника стали довольно быстро забывать. Отношение к модернизму долгое время служило критерием оценки в истории искусства. Понемногу была осознана односторонность такой позиции, и исследователи вновь стали проявлять интерес к искусству, вызывавшему в свое время такое восхищение. Никто не отрицает, что Эдельфельт был художником, двигавшимся по накатанной колее, чей успех был тщательно просчитан. Он не был ни реформатором, ни бунтарем. Но он был блестящим художником, и, вероятно, его жизненный путь стал для Финляндии полезным в том виде, в каком он был. Он научил мир ценить финскую культуру в самое подходящее для этого время.

– Аймо РЕЙТАЛА

Приложение:

Альберт Густав Аристидес Эдельфельт, род. 21.7.1854 Порвоо, умер 18.8.1905 Хайкко, Порвоо. Родители: Карл Альберт Эдельфельт, архитектор, начальник управления по строительству, и Александра Августа Брандт. Жена: 1888–1905 Анна Элиз (Эллан) де ла Шапель, род. 1857, умерла 1921, родители жены: Карл Виктор де ла Шапель, статс-секретарь, государственный советник, барон, и Юлия Жозефина Элизабет Лепсен. Сын: Эрик, род. 1888, умер 1910.

Карл Людвиг Энгель

(1778–1840)

архитектор

Карл Людвиг Энгель – первый работавший в Финляндии архитектор, который получил международное признание. Под его руководством в начале 19 в. Хельсинки превратился в город, соответствующий статусу столицы молодого Великого княжества Финляндского. Наиболее важные здания, возведенные в стиле неоклассицизма, были размещены в центре столицы, вокруг Сенатской площади. Энгель возглавил Интендантскую контору, ведавшую строительными работами; при нем неоклассический стиль, которому он благоволил, получил в Финляндии широкое распространение.

Карл Людвиг Энгель родился в Берлине в 1778 г. Отец, каменщик Йоганн Филипп Энгель, возможно, оказывал влияние на то, что Карл Людвиг посвятил себя строительному делу. В 1800 г. он сдал экзамен в Берлинской Академии архитектуры на топографа, а диплом архитектора получил в 1804 г. Как следует из его выпускного аттестата, он выполнил проекты зданий школы, учреждения, мельниц и зернохранилищ. В свидетельстве также отмечался изысканный стиль рисования.

Учителями Энгеля были Давид Жилли, Филипп Б. Берсон и Роте. Особенно близкие отношения у него были с Берсоном и Роте, с которыми он позднее сотрудничал, а с последним вел переписку уже из Финляндии. По всей видимости, Энгель не был близко знаком с Фридрихом Жилли и Карлом Фридрихом Шинкемом, учившимися в это же время в академии.

Закончив академию, Энгель был принят в прусское управление по строительству, где он работал вместе с Берсоном и Роте. С первым он проектировал ратушу в Нойруппине, сохранившуюся до наших дней церковь Святой Марии (1801–1804) там же, а также ратушу в Циттау. Совместно с Роте он проектировал деловые здания. В сохранившемся послужном списке Энгеля от 1808 г. значатся Калиш и Кёнигсберг, а также мельницы, построенные в 1805–1806 гг. в Варшаве, Вроцлаве,

Наккеле, Познани, Серадзе и Столпе. Неизвестно, сохранились ли они. В то же время, сохранились планы хлебобеккарни, построенной в Берлине в 1806 г. Помимо этого, известны 60 чертежей для плотин, мельниц и водяных насосов, выполненные Энгелем. Таким образом, годы работы в Берлине были связаны в основном с промышленным строительством. Интерес к технологии строительства сохранился и позднее; Энгель опубликовал множество статей на эту тему.

В результате наполеоновских войн строительство в Пруссии пришло в упадок, и в 1808 г. Энгель подал документы на замещение должности городского архитектора Таллина. Он приступил к работе в 1809 г., однако относительно его деятельности там сохранились весьма скромные сведения. В одном из своих писем он перечисляет большое количество спроектированных им зданий, однако, локализовать можно лишь несколько из них, да и те, за небольшим исключением, были в дальнейшем снесены. С уверенностью работой Энгеля можно считать только дома на улице Вене, 15, Пюхавайму, 8 и пристройку к зданию на улице Уускату, 16с.

В 1813 г. Энгель жаловался на отсутствие работы, и в апреле 1814 г. он попросил у Таллинской думы разрешения поехать на три недели в Петербург. За два года до этого он уже успел побывать там. В том же месяце Энгель переехал в Турку, заключив двухгодичный контракт с петербургским промышленником К.Р. Ломаном. Жена и двое детей остались в Таллине.

Энгель приехал в Турку для проектирования расширения сахарного завода Ломана. Этот заказ стал поворотным пунктом в жизни Энгеля. Он познакомился с профессором физики Або академии (Туркуский университет) Г.Г. Хельстрёмом, от которого получил заказ на проект обсерватории в Турку. Но наиболее значимой с точки зрения будущего Энгеля была все же его связь с Юханом Альбрехтом Эренстрёмом.

В 1812 г. Хельсинки был объявлен столицей Великого княжества Финляндского, и в том же году был утвержден план застройки, по которому город должен был быть заново отстроен, чтобы соответствовать статусу столицы. Для проведения этих работ был образован Комитет по реконструкции Хельсинки, а его председателем был избран, – правда, против его желания – государственный советник Юхан Альбрехт Эренстрём.

Реконструкция города началась сразу же в 1812 г., но затронула лишь частные здания. Причина заключалась в неуверенности Эренстрёма в том, что специалисты по фортификационным сооружениям, работавшие в крепости Свеаборг (Суоменлинна), были способны спроектировать сложные общественные здания столицы. Поэтому он лихорадочно искал архитектора, способного справиться с этой задачей. Так или иначе, он узнал об Энгеле, и по предложению Эренстрёма они встретились в Хельсинки в октябре 1814 г. Во время визита Эренстрём настойчиво уговаривал Энгеля стать архитектором в Комитете по

реконструкции. В том же году Энгель выполнил проекты строившейся в Хельсинки биржи, а также здания театра и ресторана. Чертежи здания биржи сохранились, но проект не был осуществлен. Эренстрем с восторгом написал в Петербург члену Комиссии финляндских дел Карлу Валлену с предложением назначить Энгеля архитектором Комитета по реконструкции. Валлен отнесся к этому настороженно и предложил, чтобы этой задачей занимался также какой-нибудь студент Петербургской академии художеств, чтобы ведущий архитектор Петербурга Джакомо Кваренги смог контролировать проекты.

Работа Энгеля по расширению сахарного завода закончилась весной 1815 г., и он по предложению Ломана последовал за ним в Петербург. Теперь к нему присоединилась семья. Эренстрём дал Энгелю рекомендательное письмо, которое было представлено как Валлену, так и статс-секретарю Роберту Хенрику Ребиндеру. Пребывание в Петербурге привело к тому, что Энгель окончательно воспринял петербургский ампи́р и палладианство, проектируя здание театра в Петербурге и церковь в Москве. Он также изучал петербургскую технологию строительства, о чем опубликовал статьи в немецких журналах.

Переговоры о принятии Энгеля на должность архитектора Комитета по реконструкции продолжались, и в связи с этим планы строительства были представлены Александру I. В 1815 г. Энгель с семьей уже планировал возвращение в Берлин, где ему предлагали работу, но в начале 1816 г. было достигнуто соглашение, и весной того же года Энгель отправился в Финляндию.

Деятельность Энгеля в Финляндии можно разделить на два периода. В 1816–1824 гг. он работал архитектором Комитета по реконструкции и отвечал за проектирование общественных зданий, также выполняя проекты и для частных лиц. В 1824 г. Энгель был назначен начальником строительного управления, сменив Шарля Басси, и на этой должности он проработал до самой своей смерти в 1840 г. В целом архитектурная деятельность Энгеля в Финляндии была чрезвычайно обширной. Она, также как и его работа в Берлине и Таллине, свидетельствует об его исключительной трудоспособности и в то же время одаренности в составлении проектов. Кроме того, он был очень талантливым рисовальщиком.

На Сенатской площади в Хельсинки оттачивались многие особенности архитектуры Энгеля: он полностью владел теорией архитектуры классицизма, в его архитектуре соединялись многие европейские архитектурные традиции, и для нее характерно хорошее чувство масштаба и пропорции.

В генеральном плане Сенатской площади, выполненном в 1812 г., обнаруживается европейская традиция, в основе которой лежит образец площади Капитолия в Риме: прямоугольную площадь обрамляют два здания с симметричными фасадами – Сенатский дворец (начат в

1818 г.) и здание университета (начато в 1828 г.). Над ними доминирует и одновременно занимает задний план Николаевская церковь (нынешний Кафедральный собор, строительство начато в 1818 г.). Ниже церкви, там, где сейчас начинается лестница, первоначально располагалось караульное помещение, гауптвахта. Как единое целое Сенатская площадь демонстрирует воспринятый Энгелем стиль петербургского ампира, который в свою очередь является вариацией одного из основных европейских стилей – палладианства. Архитектурный стиль, созданный итальянцем Андреа Палладио, широко распространился по Европе, в частности, с помощью его известного учебника по архитектуре (1570). У Энгеля был этот учебник, и он использовал ее как источник для идей.

Энгель хорошо владел классической ордерной системой, и использовал ее в соответствии с традициями и согласно правилам, сложившимся в античные времена. С использованием архитектурной ордерной системы колоннад была также связана внутренняя ценностная иерархия мотивов. Например, колонна является «более ценным» элементом, чем пилястра, фронтоны храма ценнее, чем простой ризалит. Эту иерархию можно использовать для раскрытия взаимных иерархий пространств, находящихся позади фасада. Так, на фасаде Сената за фронтоном расположен императорский зал заседаний, и разное оформление оконных проемов на каждом этаже демонстрируют тот факт, что главные залы заседаний сената находятся на втором этаже. Гармония фасада, в свою очередь, создается тем, что Энгель разместил по краям фасада разделенные пилястрами ризалиты, которыми он разделил длинный фасад на легко обнаруживающееся ритмическое единство. К тому же, решение поверхности фасада является экспрессивным. Выраженная рустовка цокольного этажа подчеркивает, что этот этаж несет на себе вес всех верхних этажей.

Выбором определенной ордерной системы можно было также обозначить назначение здания. Главное караульное помещение представляло собой греческий портик. Его колонны были дорическими, что в традициях классицизма часто использовалось именно для зданий военного назначения. В фасаде Сената Энгель использовал коринфский ордер, олицетворявший собой власть. Ионические колонны, в свою очередь, соответствовали либо архитектуре жилища, либо архитектуре, связанной с наукой и искусством. Этот принцип был применен в доме генерал-губернатора, старой ратуше на южной стороне площади, а также в фасаде главного здания университета. Умение Энгеля применять различные ордерные системы обнаруживается также в фасаде Сенатского дворца со стороны улицы Александеринкату.

В античные времена родилась также другая традиция, согласно которой на разных этажах многоэтажных зданий следовало использовать различные системы, в соответствии с их «символическим» смыслом: в цокольном этаже дорический ордер, затем ионический, коринфский

и композитный ордер. Когда Энгель для уличного фасада Сенатского дворца использовал ионический ордер, соответствующий архитектуре жилища, науки и искусства, это объяснялось тем, что он представлял здание как скульптурное целое. Если посмотреть по диагонали с улицы Александеринкату, то можно одновременно увидеть и главный, и уличный фасады Сенатского дворца, а также «традиционную» последовательность: внизу ионический, а над ним коринфский ордер главного фасада.

Образное мышление классицизма, согласно которому архитектурные формы или мотивы были образами чего-либо, и с их помощью можно было сказать о предназначении здания, воплощается в большом куполе, венчающем фронтон Сената. Купол является исключительно фасадным элементом, он не виден из внутренних помещений. Вместе с коринфским ордером главного фасада он является подобием самого знаменитого храма древнего Рима – Пантеона. Вероятно, Энгель хотел показать, что речь шла именно об административном здании Сената. Подобно тому, как Римской империей правил император, а Пантеон был одним из символов императорской власти, точно также Великим княжеством Финляндским правил сенат, подвластный императору.

Главное здание университета также было примером подобного «образного» мышления. Ионический ордер в фасаде призван продемонстрировать связь с искусством и наукой, которая также подчеркивается некоторыми другими особенностями фасада. На верхушку фронтона первоначально планировалось поместить статую бога Аполлона – покровителя искусства и науки, мотивы фасада четко ориентированы на античную Грецию. В цокольном этаже университета арочные мотивы в древнеримском стиле сменяются основными элементами греческой архитектуры – колоннами и антаблементом. Вестибюль можно считать греческим: двухэтажный открытый перистиль, форма которого взята из учебника Палладио. В свою очередь, актовый зал университета можно сравнить с греческим театром. Акцент на греческие мотивы объясняется тем, что Древняя Греция считалась колыбелью науки и искусства.

Элементы античной архитектуры, портик и фасад Пантеона, обнаруживаются и в ионических капителях фасада главного здания университета, которые являются «копиями» капителей храма Эрехтейон на Акрополе в Афинах. Дорические колонны цокольного этажа вестибюля заимствованы из храмов Пастума в Южной Италии, тогда как колонны второго этажа повторяют пропорции храма Парфенона на Акрополе. Все это Энгель впитал в себя из современной ему литературы по архитектуре.

Другим хорошим примером связи сюжета и содержания является библиотека Хельсинкского университета (начата в 1836 г.). Оно отличается от зданий библиотек своего времени как по плану первого этажа здания, так и в отношении пространственной структуры, и ее можно

рассматривать как опыт использования различных римских мотивов. В соответствии с учебником Палладио, небольшой вестибюль при входе является примером римского крытого портика (атриума), а собственно библиотечные залы образуются из большого помещения с поперечным бочарным сводом, обрамленным галереями с колоннами, вдоль которого находятся такой же формы, но меньшие по размеру залы. Такой план первого этажа и пространственную структуру Энгель заимствовал у древнеримских купален Диоклетиана из опубликованных в 1770 г. чертежей Палладио. Тогда еще не было сведений об античных библиотеках, основывающихся на археологических материалах, но было известно, что в купальнях размещались коллекции произведений искусства и библиотеки. Таким образом, Энгель воссоздал представление об античной библиотеке через пространственную структуру купален. Использование коринфского ордера может быть объяснено тем, что речь шла об образце римского здания, а коринфский ордер как таковой ассоциировался главным образом с римской традицией.

Здания на Сенатской площади также отражают европейские традиции в основных структурных и функциональных решениях. Кафедральный собор, церковь крестообразной формы с доминирующей центральной купольной башней, воплощает архитектурную традицию, восходящую к Собору Св. Петра в Риме, хотя непосредственными прообразами для него стали церкви-близнецы на площади Жандарменплац, построенные в 1780-е гг. в Берлине – родном городе Энгеля. В свою очередь, основное решение Сенатского дворца восходит к архитектурной традиции, начало которой было положено в 1660-х гг. при расширении Лувра в Париже архитектором Клодом Перро. Таким образом, Сенатская площадь с ее строениями является исключительным синтезом самых разнообразных традиций, из которых Энгель создал крайне гармоничный и прекрасный ансамбль.

Рука Энгеля видна во многих других зданиях Хельсинки. Он действительно спроектировал новую столицу в ее целостности, и в своих письмах часто отмечал, что на его долю выпала великая честь.

Военная архитектура была существенной частью реконструкции Хельсинки, о чем свидетельствуют построенные в несколько этапов казармы Катаянокка (начаты в 1816 г.), нынешние Гвардейские казармы (1818 г.), дом военного инспектора, нынешнее помещение для торжеств Государственного совета (1820 г.) и главное здание Военного училища (1820 г.). Современное здание муниципалитета Хельсинки (начато в 1828 г.) сначала было построено как городское собрание. До сих пор сохранились спроектированные Энгелем частные жилые дома: дворец Хайденштрауха (нынешний президентский дворец, 1817 г.), дом Зундмана на набережной Этеля-Ранта, 10 (1817 г.) и дом Кавониуса на Северной Эспланаде, 21 (1819 г.).

Возглавляя строительное ведомство, Энгель столкнулся с самыми разными задачами. Он проектировал самые различные общественные

здания: губернские управления, городские ратуши, школы, больницы, тюрьмы, таможни, маяки и лоцманские станции, церкви, а также разрабатывал планы застройки городов. Особенно значительным был неосуществленный проект исправительно-трудового заведения (1823), который доказывает способность Энгеля погружаться в совершенно новые проблемы, а также умение воплощать сложные и масштабные заказы в реальные проекты. Он также проектировал усадьбы и часовни для кладбищ.

На строительное управление были возложены обязанности по надзору за гражданским строительством в Финляндии и, при необходимости, по подготовке проектов. Строительная деятельность в 1820-е гг. и последующие десятилетия была активной, и в управлении ежегодно составлялись, иногда десятками, чертежи общественных зданий самых разных типов. В свое время возникла полемика относительно того, в какой степени все эти проекты можно приписать Энгелю. Группа ученых, готовившая в 1990 г. большую выставку, посвященную Энгелю, пришла к выводу, что его вклад в качестве руководителя был настолько значительным, что можно вполне обоснованно считать проекты разработанными им, даже если другие члены коллектива различным образом участвовали в их появлении.

Основной вклад Энгеля заключался в том, что он для различных категорий общественных зданий искал разные архитектурные решения. Для общественных строений было характерно то, что при их строительстве часто брались за основу нормативные планы строительства жилых зданий. Уже во времена Шарля Басси, но главным образом именно во времена Энгеля, планы стали создаваться в соответствии с предназначением здания, так что их облик соотносился с функцией. Проектируя губернское управление в Хямеенлинне (1836), Энгель считал его своего рода прототипом подобного строения. Такое же стремление к нормативности заметно и в проектах губернских больниц (Хямеенлинна, 1839, Миккели, 1840).

Особенное стремление к нормативности обнаруживается в плане застройки Турку после пожара 1828 г. Здесь сводится воедино ряд принципов проектирования, направленных на недопущение крупных пожаров. К таким принципам относятся, в частности, определение ширины улиц, которая, как правило, была не менее 30 локтей (около 18 метров), разделение города на пожарные районы более широкими, чем остальные улицы, бульварами и проспектами, противопожарные внутриквартальные разрывы с зелеными насаждениями, а также запрет на строительство деревянных зданий выше одного этажа. Эти принципы в дальнейшем соблюдались во всех планах застройки, составляемых под руководством Энгеля: в Тампере (1830), Порвоо (1832), Ювяскюля (1833) и Миккели (1837).

Что касается архитектуры финских деревянных церквей, то стараниями строителей из простого народа была заложена мощная

традиция, и сложился ряд традиционных типов церквей. Многие из них сохранились как при Басси, так и при Энгеле, однако, в фасадах и в очертаниях внутреннего пространства ощущалось веяние стиля эпохи. При Энгеле были разработаны проекты 51 церкви, 33 чертежа колоколен, а также около десятка крупных проектов по реконструкции церквей. Получил большее распространение тип церкви крестообразной формы с центральным куполом и башней. Кроме того, при Энгеле появилось несколько новых решений. Церковь в Нокиа (1835) является круглой церковью, созданной под впечатлением от римского Пантеона, тогда как церковь в Хамина (1838) является подражанием греческому храму.

Карл Людвиг Энгель – первый работавший в Финляндии архитектор, который получил международное признание, и вполне естественно, что его творчество стало существенной частью архитектурной традиции страны.

– Хенрик Лилиус

Приложение:

Карл Людвиг Энгель, род. 3.7.1778 Берлин, умер 14.5.1840 Хельсинки. Родители: Йоганн Филипп Энгель, каменщик, и Хедвиг Гюнтерберг. Жена: 1816–1831 Шарлотта Барт, род. 1782, умерла 1831. Дети: Эмилия Шарлотта, род. 1812, умерла 1815; Карл Эдуард, род. 1813, умер 1815; Карл Александр, род. 1818, умер 1843, архитектор; Людвиг Альберт, род. 1820, умер 1897, офицер; Йоханн Вильгельм, род. 1812, умер 1849, доктор медицины.

Августин Эренсверд (1710–1772)

*фельдмаршал,
фортификактор,
граф*

Августин Эренсверд спроектировал морские крепости в Свеаборге и Ловиисе, предназначенные для защиты восточной части Швеции. Это главное дело своей жизни он выполнял с твердой уверенностью, что Финляндия является равноправной частью шведского королевства. По предложению Эренсверда для патрулирования берегов Финского залива была создана также отдельная шхерная флотилия, которая позднее сыграла решающую роль в морских сражениях в ходе войны Густава III с Россией 1788–1790 гг.

Имя Августина Эренсверда связано со строительством крепостей Свеаборг (Виापори, Суоменлинна) и Дегербю (Ловииса). Это главное дело своей жизни он выполнял с твердой уверенностью, что Финляндия является равноправной частью шведского королевства, и что ответственность за усиление обороноспособности Финляндии лежит на государстве в целом. Когда летом 1750 г. Свеаборг получил свое шведское название, по мнению Эренсверда, крепость должна была называться Свеаборг, «чтобы эта крепость на восточной границе государства соответствовала крепости Гётеборг на берегу Северного моря». Когда известие о смерти Эренсверда в октябре 1772 г. дошло до Густава III, король произнес: «Потеря этого достойного человека тем более мучительна для меня, что вряд ли кто-нибудь сможет занять его место». Какой-то неизвестный человек высек на скале Туллиниemi в Ханко выразительные слова: «Финляндия будет вечно помнить Августина Эренсверда».

Августин Эренсверд родился в шведской провинции Вестманланд, в усадьбе Фуллерё, которой в то время владел дядя его матери граф Якоб Крунстедт. Там он провел первые десять лет своей жизни, поскольку его отец Якоб Юхан Шеффер годами находился на полях сражений во время Великой Северной войны. Шеффер, известный своими заслугами в деле развития шведской артиллерии, в 1717 г. получил дворянство и фамилию Эренсверд. Только в 1719 г., будучи

произведенным в полковники и став командующим крепости Марстранд, ему удалось взять с собой семью. Десятилетний Августин в 1720 г. переехал из Фуллерё в Марстранд.

В 16 лет Августин Эренсверд начал свою военную карьеру в качестве добровольца в артиллерии. После первого повышения по службе он получил разрешение учиться в Упсальском университете с сохранением армейского жалования. Там он настолько увлекся математикой, что на каком-то этапе даже мечтал стать профессором. По собственной инициативе он также изучал механику под руководством Кристофера Полема в Шернзунде. Позднее Полем, наряду с Даниэлем Тунбергом, станет важнейшим техническим консультантом Эренсверда при строительстве Свеаборга.

В 1736 г. Эренсверд, произведенный в лейтенанты, получил двухгодичную стипендию Государственного совета для ознакомления с артиллерией, оружейными арсеналами и складами амуниции в разных странах Европы. Во время поездки он изучал крепости и вопросы, связанные с их обороной и захватом. Позднее ему придется выслушать со стороны критиков, получивших профессиональное образование, упрёки в том, что его опыт в этой области был недостаточным и основывался лишь на этой единственной зарубежной стажировке. По своему образованию он был офицером-артиллеристом, а не фортификатором. В ходе этой поездки он изучал также в Париже живопись, рисунок и гравюру.

Возвратившись в Стокгольм, Эренсверд занимался обучением офицеров-артиллеристов в качестве «капитана-механика». В это же время он начал свою политическую деятельность, представляя свой род на риксдаге 1738–1739 гг. Он присоединился к «партии шляп», и со временем, благодаря познаниям в военном деле, ему стали отводить центральную роль, хотя и не причисляли к политическим лидерам.

Когда в 1741 г. разразилась шведско-русская война, известная как «война шляп», Эренсверд был направлен в распоряжение главнокомандующего, и тогда он впервые оказался в Финляндии. Его первым заданием было приведение в боевую готовность артиллерии, после чего он руководил развертыванием обороны Хамины. Следующим летом началось катастрофическое отступление. В августе Эренсверд помог спасти армию, отступающую из Мальми в сторону Хельсинки, от еще более крупных поражений. Он командовал шведской батареей, дислоцированной на холме близ деревни Туомарикюля. Этой батарее удалось подавить огонь русской батареи, расположенной в деревне Тапанинкюля. Несколько повозок с боеприпасами взлетели на воздух в результате прямых попаданий. Вскоре после этого Эренсверду было приказано сопровождать главнокомандующего в Стокгольм, где предстояло доложить о ситуации в Финляндии.

Финская кампания произвела на Эренсверда сильное впечатление. В более поздних докладах и записках по вопросам обороны он часто

возвращался к опыту этой войны. Ясно, что уже во время «войны шляп» он составил для себя представление о том, как нужно организовать оборону Финляндии.

Прежде чем Эренсверд получил возможность высказать свои суждения о проблемах Финляндии, он приобрел еще один военный опыт. В 1745 г. он был отобран в свиту кронпринца Адольфа Фридриха, когда тот поехал с визитом к своему свояку, прусскому королю Фридриху II, который вел войну с Австрией на территории Богемии. Там Эренсверд присутствовал при Соорском сражении, в котором победу одержали прусские войска.

Оборона Финляндии стала одним из главных вопросов на сессии риксдага 1746–1747 гг. Финские депутаты страстно выступали за то, чтобы риксдаг взял на себя ответственность за оборону Финляндии, и они получили поддержку шведских депутатов. Мысль о создании большой крепости и военно-морской базы близ Хельсинки была высказана еще в 1723 г., затем вопрос вновь поднимался в 1738 г., однако безрезультатно. Теперь эти планы вновь привлекли к себе внимание, и понемногу возобладало мнение, что надежная система обороны со стороны моря, которую бы дополняли крепости, стала бы самой верной защитой от восточного врага. Дискуссии постепенно приводили к принятию конкретных планов, главным образом, благодаря Августину Эренсверду и Хансу Хенрику фон Ливену, принадлежавшим к «партии шляп».

Одновременно была достигнута договоренность о финансовой поддержке со стороны Франции: Франция гарантировала Швеции 200 000 риксдалеров в течение четырех лет. Эта сумма была достаточной для осуществления планов широкомасштабного фортификационного строительства в Финляндии.

До принятия окончательных решений власти, однако, хотели рассмотреть разные варианты, и поэтому в Финляндию была послана комиссия для выбора места строительства укреплений. В эту комиссию были включены подполковники Эренсверд и фон Ливен, а также специалист по фортификациям лейтенант Александр фон Струссенфельт. Все трое принимали участие в войне 1741–1743 гг. Поездка состоялась летом 1747 г. на двухмачтовом шлюпе «Диана».

В итоговом рапорте, который, судя по стилю, был написан Эренсвердом, комиссия предложила разместить пограничную крепость в Ловиисе (Дегербю), а главную крепость с арсеналом – в Хельсинки. Укрепление в Дегербю перекрывало бы главную дорогу, проходившую вдоль побережья прямо через город – единственную дорогу, ведущую к границе с Россией. Подступы с моря должна была защищать небольшая морская крепость Свартхольм. В Хельсинки предлагалось построить двойную систему укреплений: морскую крепость на островах Сусилуото за бухтой Круунувуори и несколько крепостей вокруг самого города, так что Круунувуори становилась

полностью заблокированной гаванью. Еще в 1720-е гг. некоторые специалисты по фортификациям, продолжая придерживаться традиций 17 в., предлагали построить орудийные башни разной высоты, и поэтому сейчас комиссия специально отметила, что крепости были спроектированы «согласно расположению и очертаниям возвышенности». Эренсверд с коллегами полагал, что строительство займет всего четыре года.

В течение октября вопрос активно обсуждался в Государственном совете. Споры были довольно горячими: Эренсверду было сказано, что он артиллерист, а не фортификатор. Тем не менее, 9 ноября 1747 г. король Фредерик I утвердил подготовленный Эренсвердом проект фортификации Хельсинки и Дегербю. Одновременно король назначил Эренсверда руководителем строительства, «потому что тот, кто подал идею, сможет наилучшим образом решить те трудности, которые могут встретиться». Письменные полномочия Эренсверд получил 26 ноября 1747 г.

Эренсверд не хотел тратить время зря, и уже 3 января 1747 г. он прибыл в Турку, где несколько дней совещался с генерал-губернатором Густавом Фридрихом фон Розеном. После этого он направился в Хельсинки. Среди сопровождавших был инженер-строитель Даниэль Тунберг, который, как и Эренсверд, был учеником Кристофера Полема. В Хельсинки их ждали почти непреодолимые препятствия. В маленьком городке с полуторатысячным населением не было строительных материалов, инструментов и рабочих. Также практически отсутствовали условия для размещения тех офицеров и рабочих, которые тысячами должны прибыть уже следующим летом. Все эти проблемы нужно было решить в течение зимы и весны. Эренсверд должен был заказывать кирпич, известь, бревна, дрова и древесный уголь в близлежащих общинах. Войска, укомплектованные в предыдущем году, приступили к работе в феврале.

Планы так никогда и не были полностью воплощены, они существовали лишь в виде общих набросков. Уже на начальном этапе обнаружилось обстоятельство, которое стало характерным для более чем двух десятилетий, проведенных Эренсвердом в Свеаборге: существенная часть проекта осуществлялась спонтанно, планировалась непосредственно на месте. Сохранившиеся рисунки по большей части являются пояснительными набросками: на них показано то, что было уже сделано.

Первоначально планирование исходило из того, что Хельсинки и его внешние острова образуют единую крепость с кольцом бастионов, ориентированных во всех направлениях. В феврале были начаты взрывные работы на Силтавуори около моста Питкясилта. В марте работы начались на Касавуори (нынешняя Тяхтигорнинмяки), где первый камень был торжественно заложен 16 июля. Холм получил тогда название Улланлинна (Крепость Уллы) по имени королевы

Ульрики-Элеоноры. В это же время были начаты работы на самом отдаленном острове Сусилуото.

С продолжением работ весной 1749 г. Эренсверд и его помощники начали осознавать, что замысел был слишком масштабным, а ресурсы недостаточными. Работы на Питкясилта были признаны менее важными и были остановлены. Годом позже рабочие были сконцентрированы в районе Улланлинна. Осенью того же года в Стокгольме по предложению Эренсверда было решено сосредоточить все силы на внешних островах, а остальные работы временно отложить. Эренсверд полагал, что это была лишь временная задержка, и никогда не отказывался от своих планов строительства укрепления в Хельсинки.

Из-за опасений новой войны с Россией особое значение придавалось ускорению работ на Сусилуото. Королевским указом от 27 октября 1749 г. крепость получила название Густавсверд (по-фински Кустаанмиекка, «Меч Густава»), по имени юного наследного принца Густава. Это название предложил Эренсверд. На следующий год работы продвинулись так далеко, что 28 июня 1750 г. Эренсверд смог под пушечные выстрелы поднять шведский флаг на бастионе Зандер.

Несмотря на все трудности, с которыми он сталкивался как на месте, так и во взаимоотношениях с центральным правительством, Эренсверд продолжал работы в морской крепости. В связи с тем, что планы были сокращены, крепость должна была состоять из четырех островных фортов. Важный этап наступил 17 июля 1750 г., когда король Фредерик I по предложению Эренсверда решил дать крепости название Свеаборг. В финском варианте это наименование постепенно трансформировалось в Виапори. Это должно было указывать на то, что Свеаборг строился для защиты всего королевства, а не только Хельсинки или же финляндской части государства.

За первый период пребывания Эренсверда в Свеаборге (1748–1756) был завершен форт Кустаанмиекка на Сусилуото, а на острове Сусисаари работы продвинулись настолько, что главную крепость можно было считать пригодной для эксплуатации. Однако на острове Большой Мустасаари, самом обширном из островов, было сделано довольно мало, так как работы на этом острове были запланированы на более поздние этапы. Вместе с тем, уже в начале 1750-х гг. довольно далеко продвинулись работы на трех небольших островах – Малом Мустасаари, Лянси-Мустасаари и Сярккя. К наиболее важным сооружениям Свеаборга относились две верфи, галерная верфь и эллинг, строительство которых началось в 1752 г. по проекту Даниэля Тунберга.

После смерти короля Фредерика I в 1751 г. Эренсверд стал объектом растущей критики со стороны Стокгольма. Раздавались упреки и в его окружении, так как затраты на Финляндию считались слишком большими. Да и четырехлетний срок подходил к концу, а завершение работ еще даже не предвиделось.

Уже вскоре после вступления на престол король Адольф Фредерик объявил, что он намеревается лично познакомиться с работами по строительству крепостей в Финляндии. Поездка была осуществлена в июне 1752 г. Эренсверд в начале лета находился на сессии риксдага в Стокгольме, но 14 июня, за пять дней до приезда короля, он вновь был в Свеаборге. На следующий день он даже успел проверить ход работ в Дегербю. В поездке короля сопровождало около десяти специалистов по фортификации, и все они принадлежали к числу критиков Эренсверда.

Король прибыл в Свеаборг 19 июня 1752 г. На месте, где он сошел на землю, в следующем году были построены Королевские ворота (Куникаанпортти). Почти неделю король инспектировал фортификационные работы, как на островах, так и на материке. После этого он отправился в Дегербю, которая сразу же по его прибытии в честь королевы получила название Ловииса. Эренсверд в третий раз встретился с королем 8 июля в Хямеенлинне, откуда королевская свита отправилась в Турку.

Инспекционная поездка, как казалось, прошла успешно. Тем более было недоумение Эренсверда, когда в октябре в Стокгольме король представил Совету свой отчет. Адольф Фредерик сожалел, что не съездил в Хельсинки раньше, и пожаловался, что одни лишь карты не давали ему истинной картины ситуации. Он заявил, что крепость Куस्ताанмиекка была ошибочно размещена на острове Сусилуото; ее нужно было построить на гораздо более высоком острове Валлисаари. Большой ошибкой, по его мнению, была остановка работ в Улланлинна и на Силтавуори; эти сооружения должны были действовать вместе со Свеаборгом. В Ловиисе следовало провести больше работ. Помимо этого, следовало бы укрепить полуостров Ханкониemi. К тому же затраты были слишком большими, «так как искусству было уделено слишком много внимания».

Эренсверд резко отреагировал на критику и указал на то, что его деятельность из года в год получала одобрение короля, Государственного совета и сословий. В конце концов, Эренсверд полностью одержал победу, преодолев критицизм и возражения. Когда он в январе 1753 г. получил разрешение вернуться в Финляндию, риксдаг ассигновал на продолжение работ в Свеаборге и Ловиисе 975 000 серебряных талеров. Теперь можно было воспользоваться четырьмя годами мира до начала Померанской войны в 1757 г.

На сессии риксдага 1755–1756 гг. Эренсверд одержал вторую победу: по его предложению было сформировано отдельное флотское подразделение, в которое входили галеры и другие легкие суда. Большая часть этой флотилии, подчинявшейся армии, а не адмиралтейству, должна была быть размещена в Финляндии, а Свеаборг становился ее базой. Командующим этим подразделением был назначен Эренсверд, одновременно произведенный в генерал-майоры и включенный в

состав Военной коллегии. Как и крепости Свеаборг и Ловииса, шхерная флотилия была сформирована вне рамок организации вооруженных сил и основывалась на особых полномочиях и ассигнованиях, данных Эренсверду.

Особым назначением шхерной флотилии Эренсверда было взаимодействие с сухопутными силами на побережье Финского залива. Россия обладала подобным флотом со времен Петра I. Вместе с самым известным кораблестроителем Швеции Фредриком Хенриком аф Чапманом Эренсверд проектировал корабли и вооружение для нового флота. В результате увлечения Эренсверда всем финским различные типы кораблей получили финские названия, соответствующие различным районам страны – «*Турунмаа*», «*Уусинмаа*», «*Хямеенмаа*» и «*Похъянмаа*». Строительство Свеаборга после этого велось, прежде всего, исходя из функции крепости как базы флота. Шхерная флотилия позже сыграла решающую роль в морских сражениях 1788–1790 гг. в ходе войны Густава III против России.

Однако до принятия решения о строительстве этого флота Эренсверд получил приказ отправиться в Померанию, где он в 1761 г. стал главнокомандующим шведскими войсками. В Свеаборг Эренсверд вернулся в 1762 г. Он в то время был офицером, наиболее длительное время прослужившим в Финляндии, и пользовался теперь доверием властей. В феврале 1764 г. его произвели в генералы, а в июне того же года вместе с братом он получил баронский титул. Однако ему все еще приходилось бороться за ассигнования, и в 1764 г. он произнес легендарные слова: «Что мне пользы от званий и красивых лент? Если король хочет оказать мне милость, пусть выделит деньги на строительство флота и крепости. Все остальное не имеет значения».

Второй период пребывания Эренсверда в Свеаборге оказался недолгим, что объяснялось сложной политической ситуацией в риксдаге. Когда «колпакам» в 1765 г. удалось захватить власть, возобновилась сильная критика в адрес Эренсверда, а в декабре 1765 г. он был отстранен со своего поста. Он уехал в официальную резиденцию Миетойнен в Саари, которую он получил согласно прошению в 1761 г.

«Шляпы» вновь вернулись к власти в 1769 г., и Эренсверд был опять приглашен в Свеаборг. Этот третий период также оказался коротким (1770–1772). Несмотря на плохое здоровье, он вернулся на свой пост в Свеаборге 20 апреля 1770 г. и, имея в распоряжении 800 человек, приступил к достройке наполовину готовых бастионов, верфей и казарм. В следующем году ухудшившееся здоровье вынудило его продолжать следить за ходом работ в Свеаборге лишь из своей резиденции в Миетойнене. В июле 1771 г. он подал прошение об отставке, которая была принята 29 июля, но лишь в отношении фортификационных работ. Он, однако, продолжал оставаться командующим армейским флотом. 15 октября 1771 г. он получил графский титул. Когда у него в дальнейшем спрашивали совета, он отвечал, что будущее от него не зависит и что он единственно желает тем, кто придет после

него, быть избавленными от тех страданий, которые ему довелось пережить. Эренсверд умер 4 октября 1772 г. в своей резиденции в Миетойнене. За три недели до этого король Густав III произвел его в фельдмаршалы.

Останки Эренсверда были доставлены в средневековую церковь Мюнямяки, где гроб хранился до следующего лета. Затем он был торжественно перевезен в Турку, откуда на корабле типа «*Турунмаа*» «*Лудбрук*» доставлен в Хельсинки. По прибытии был произведен королевский салют из пушек Свеаборга. Отпевание было совершено в городской церкви с почестями, подобающими фельдмаршалу и кавалеру рыцарского ордена Серафима. После этого медный гроб был помещен гробницу на кладбище, где находился десять лет, пока не был перенесен в Свеаборг.

По приказу Густава III место окончательного захоронения было подготовлено в Свеаборге, в центре Большого крепостного двора. Гроб был опущен в склеп в присутствии короля 5 июля 1783 г., и король лично замуровал склеп серебряным шпателем. В эту же поездку Густав III сделал собственноручный эскиз надгробного памятника. За основу была частично взята идея Эрика Рена, частично рисунок сына Эренсверда Карла Августа. Карл Август сделал чистовой проект, одобренный затем королем. Памятник был заказан скульптору Юхану Тобиасу Сергелю. Лишь пять лет спустя, в 1788 г., легендарный каменотес Нильс Стенстам сделал каменную плиту, а члены Королевской Академии наук, истории и древностей составили эпитафию. Когда работа была завершена, над крепостным двором вновь опустилась тишина. Только в 1800 г. король Густав IV Адольф решил, что памятник нужно закончить согласно первоначальным рисункам. Бронзовые детали были отлиты из пушек, захваченных у русских в 1790 г. в битве в проливе Свенскзунд (Шведский пролив, Руотсинсалми). Осенью 1807 г., спустя 35 лет после смерти Эренсверда, обещанный Густавом III монумент был завершен. А всего через полгода крепость сдалась русским.

Августин Эренсверд активно интересовался финским языком. В 1747 г. он предпослал своему путевому дневнику посвящение на финском языке: «*Затиски для нашего юного принца Ёсты*», в честь двухлетнего принца Густава. Когда он в 1769 г. был произведен в кавалеры рыцарского ордена Серафима, в качестве девиза он избрал финское слово, означающее «*серьезный, преданный*». Его супруга Катарина Элизабет Аросель, получившая дворянство под фамилией Адлерхейм, чувствовала себя в Финляндии, в особенности в Свеаборге, не так хорошо, как муж, поэтому детство их единственного сына, унаследовавшего талант отца, было непростым.

Приложение:

Августин Эренсверд, род. 25.9.1710 Фуллерё, Вестманланд, Швеция, умер 4.10.1772 Миетойнен. Родители: Якоб Юхан Эренсверд (раньше Шеффер), полковник, и Анна Маргарета Маннергейм. Жена: 1739 – Катарина (Катрин) Элизабет Адлерхейм (раньше Аросель), род. 1715, умерла 1784. Родители жены: Карл Адлерхейм, заместитель лагмана, и София Кристина Ерне. Дети: Маргарета София, род. 1740; Карл Август, род. 1745, умер 1800, адмирал, художник, жена София Спарре, графиня.

Арвид Адольф Этолен
(1798–1876)

*вице-адмирал,
губернатор Аляски,
путешественник-исследователь*

Финн по национальности, Арвид Адольф Этолен сделал карьеру на службе в Русско-американской торговой компании. Он пять лет был губернатором Аляски и решающим образом оказал влияние на участие финнов в развитии этой отдаленной колонии.

Расширением сферы влияния России через Берингов пролив на Американский континент в 19 в. ведала частная Русско-американская компания, которая на практике находилась под протекцией императора. Русские базы находились от Аляски до Калифорнии и получали прибыль за счет охоты и рыболовства на обширных территориях, включая нетронутые никем охотничьи угодья. В этой деятельности были задействованы корабли императорского флота, команды которых состояли из добровольцев. Среди них был сын жителя Хельсинки Арвид Адольф Этолен. Закончив в 1817 г. Императорскую военно-морскую академию, он сразу же поступил на службу в торговую компанию. Транспортные связи с Аляской были затруднительными. Отправившись из Кронштадта в августе 1817 г., Этолен прибыл в Ситку, главную базу компании, лишь почти год спустя. В течение следующих лет он командовал кораблями компании, курсировавшими с целью торговли и снабжения по северу Тихого океана. Он также принимал участие в двух научных экспедициях, исследовавших побережье Аляски вдоль Берингова пролива.

Пятилетний срок, на который был нанят Этолен, закончился осенью 1824 г., когда он отправился в обратный путь вокруг Южной Америки. Прибыв следующим летом к месту назначения, он поступил на службу в Балтийский флот. Он приезжал также в Финляндию и подарил Туркускому университету собранную им этнографическую коллекцию, которая, однако, сгорела во время городского пожара 1827 г.

Этолен вернулся на службу в торговую компанию уже в марте 1826 г. На этот раз он поехал на Аляску через Сибирь и оказался первым финном, который совершил кругосветное путешествие. Прибыв в

пункт назначения в сентябре 1826 г., он оставался на службе в компании непрерывно в течение десяти лет. Этолен совершал исследовательские и торговые путешествия по обширной территории от Сибири до Чили. В октябре 1832 г. он был назначен помощником исполняющего обязанности губернатора территорий, принадлежавших компании, а когда тот отсутствовал, исполнял обязанности губернатора.

Второй период пребывания Этолена на Аляске закончился в 1837 г., но возвращение в Европу вновь было непродолжительным, так как в ноябре 1838 г. компания назначила его на пост губернатора. Компания предпочитала, чтобы губернатор был семейным, поэтому Этолену нужно было найти жену. В июне 1839 г. он женился на 24-летней Маргарете Сундваль, которая согласилась последовать за своим мужем в отдаленное место поселения. Одновременно Этолен набрал и взял с собой группу финнов: капитана Юхана Бартрама, естествоиспытателя Рейнгольда Фердинанда Сальберга, а также пастора Уно Сигнеуса, позже ставшего основателем народной школы. Одиноких финнов и раньше было много на службе в компании, но только благодаря Этолену они стали занимать в ней ведущее положение. Этолен с командой, в которой было много женщин, отплыл из Хельсинки в августе 1839 г. и, обогнув Южную Америку, прибыл в Ситку в мае 1840 г.

Годы службы Этолена были для компании периодом подъема, но они же стали началом трудностей, связанных с опустошением охотничьих угодий. Этолен строил в Ситке общественные здания, создавал новые базы и снаряжал научные экспедиции для поиска новых источников доходов, в которых и сам принимал участие. С британской компанией «Хадсон бей» он договорился о сдаче в аренду в обмен на продовольствие спорного участка на побережье и продал американцам нерентабельную колонию Форт Росс в Калифорнии.

Этолен поддерживал также отношения с коренным населением территории, хотя и прибегал к помощи культурного империализма. Он пытался заставить алеутов острова Кодьяк отказаться от своего образа жизни, переселяя их в большие деревни и обращая в христианство. Для индейцев он организовал ежегодную ярмарку, построил для них школу и проводил кампанию по вакцинации. В свою очередь, пастор Сигнеус открыл первую на Аляске лютеранскую церковь, что принесло утешение испытывающей подавленное состояние религиозной жене Этолена. Этолены также служили примером для других, взяв к себе на воспитание двух детей-полукровок.

Губернаторство Этолена закончилось в мае 1845 г., и он с семьей, а также Бартрамом и Сигнеусом вернулся домой. В Петербурге его назначили в правление торговой компании, а в марте 1847 г. он официально ушел с флота в чине вице-адмирала. Он оставался в правлении компании вплоть до 1859 г.

Этолен занимался сбором этнографического материала в течение всей своей карьеры, и в 1847 г. он подарил коллекцию Императорскому

Александровскому университету. Ценное собрание насчитывает свыше 300 экспонатов, собранных на островах Тихого океана, в Северо-Западной Америке и на Алеутских островах, и в настоящее время находится в собрании Национального музея. За свои заслуги Этолен в 1856 г. получил в Финляндии дворянство. Его фамилия (в русском варианте Этолин) продолжает существовать в многочисленных местных названиях на Аляске.

– Ристо МарйОМАА

Приложение:

Арвид Адольф Этолен, род. 9.1.1798 Хельсинки, умер 29.3.1876 Хямеенкюля, Элимяки. Родители: Карл Густав Этолен, ратман, и Катарина Фредрика Нойкирх. Жена: 1839 – Маргарета Хедвиг Йоханна Сундваль, род. 1814, умерла 16.4.1894, родители жены: Исаак Сундваль, лагман, и Маргарета Ловиса Грипенберг. Дети: Адольф Эдвард, род. 23.4.1840, умер 25.10.1841; Александр, род. 19.5.1841, умер 20.8.1901, капитан; Карл Вильгельм, род. 15.12.1842, умер 2.8.1845; Карл Адольф, род. 9.9.1846, умер 27.3.1848; Катарина Маргарета, род. 6.6.1848, умерла 13.4.1929; Хедвиг Мария Ловиса (Луиза), род. 30.9.1850, умерла 25.3.1934; Эдвард, род. 1.10.1851, умер 9.5.1854.

Арво Юльппё
(1887–1992)

*профессор педиатрии,
заслуженный деятель
медицины Финляндии*

Арво Юльппё стал символом заботы о детях. Педиатр Арво Юльппё по примеру Германии с помощью сети консультационных центров организовал систему первичного медицинского ухода за детьми. Его достижением можно считать быстрое снижение детской смертности, превратившее Финляндию в мирового лидера с точки зрения этого ключевого показателя благосостояния. Международное признание получили исследования Юльппё, посвященные недоношенным детям.

Заслуженный деятель медицины Финляндии, профессор педиатрии Арво Юльппё организовал систему первичного медицинского ухода за детьми. Он начал свою деятельность в области детских консультационных центров, будучи руководителем Союза защиты детей Маннергейма (МЛЛ). Своими популярными публикациями и выступлениями он привлек большое общественное внимание к проблеме попечения и воспитания детей. Юльппё стал символом заботы о детях. Его деятельность привела к снижению детской смертности в Финляндии с примерно 10 процентов в начале 1920-х гг. до менее одного процента в 1960-е гг., что стало одним из самых низких показателей в мире.

Арво Юльппё родился в 1887 г. в крестьянской семье, насчитывавшей двенадцать детей. Живой и деятельный мальчик столкнулся с детскими болезнями и лечением, поскольку его мать постоянно ухаживала то за одним, то за другим заболевшим ребенком. После окончания школы Юльппё отправился изучать медицину в Хельсинки, он целенаправленно хотел стать педиатром. Во время учебы он участвовал в деятельности студенческой корпорации Хяме и усвоил политические взгляды ее инспектора Й.Р. Даниельсона-Кальмари. Ближайший студенческий друг Юльппё Вильё Рантасало стал в дальнейшем его пожизненным соратником в деле защиты детей и развития педиатрии.

Страсть к познанию и авантюрная жилка подтолкнули Юльппё отправиться за новым опытом за рубеж. В 1908 г. он изучал анатомию в Гёттингене, много путешествовал по России, Прибалтике и Центральной Европе. В 1912 г. он отправился продолжать обучение в Берлин, в исследовательский центр детских болезней при императорской больнице *«Августа Виктория Хаус»*. На это решение повлияло как желание ближе познакомиться с Германией, которая в то время была одной из передовых стран в медицине, так и некоторые трения в отношениях со шведоязычным профессором педиатрии Вильгельмом Пиппингом. Последний не позволил Юльппё взять тему для диссертации, так что ему пришлось воспользоваться дружескими связями, установленными в Гёттингене. Профессор Лео Лангштейн из вышеупомянутого исследовательского центра предложил молодому врачу место для работы и исследовательскую тему. Юльппё прилежно работал в Берлине и 6 декабря 1913 г. защитился в Хельсинки. Его исследование было посвящено метаболизму желчи у недоношенных детей.

Лишь после защиты диссертации в марте 1914 г. Юльппё получил степень лицензиата медицины. Это могло быть причиной сдержанности финских преподавателей в оценке результатов исследований Юльппё. Он считал, что с ним обошлись несправедливо, учитывая положительные отзывы, полученные в Германии. Когда появилась возможность продолжить исследования в Германии, он вернулся в Берлин. Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны. Всех финнов считали врагами, так как они были российскими подданными. Юльппё смог продолжить свою работу в больнице и, дав взятку чиновникам в виде коллекции финских почтовых марок, был освобожден от необходимости прохождения еженедельной регистрации. Однако ему пришлось ограничить свою исследовательскую деятельность и стать врачом-ординатором, поскольку немецкие врачи один за другим отправлялись на фронт и в военные госпитали. Поддерживать связь с родиной было трудно; переписка велась через Стокгольм. Юльппё навещали знакомые участники финского егерского движения, проходившие военную подготовку в Германии.

Тем не менее, в годы войны в Берлине удавалось также заниматься исследованиями. Юльппё завершил несколько исследовательских проектов, за которые в 1919 г. он получил премию Хойбнера. Это была награда, присуждаемая каждые четыре года за лучшую медицинскую научную публикацию на немецком языке. Юльппё работал почти круглыми сутками, поскольку хотел получить профессию после Пиппинга.

В Германии, в частности, в больнице *«Августа Виктория Хаус»* Юльппё познакомился с системой консультаций по уходу за детьми и кормлению. В Берлинских кинотеатрах даже демонстрировали фильмы, пропагандировавшие материнское кормление. Для матерей

при клинике проводились приемы по обучению уходу за детьми. Также появились учреждения социального ухода, кружки, начальное преподавание основ искусства. Все это заинтересовало Юльппё. Он написал свое первое популярное пособие по уходу за детьми «*Мать как кормилица своего дитя*», которое в 1919 г. было опубликовано в Финляндии издательством «*Отава*». После получения независимости в Финляндии, когда улучшилось почтовое сообщение, Юльппё вступает в переписку со старшей медсестрой детской больницы Тюттю фон Кунов и старшей медсестрой хирургической больницы Софией Маннергейм. С последней он познакомился еще в годы учебы. Жизнь вдали от родины настолько снизила владение финским языком, что и рукопись популярного пособия, и переписка Юльппё были немецкоязычными. За популярным пособием последовала серия статей, направленных на повышение уровня ухода за ребенком в семьях. Это было принципиально новым подходом, и Юльппё не был уверен, что этот предмет можно было бы без проблем обсуждать с профессором Пиппингом.

Летом 1918 г., приехав после четырехлетнего отсутствия в отпуск в Финляндию, Юльппё продолжал развивать свои идеи. Время отсутствия оставило о себе память чувством одиночества и неуверенности, беспокойством о судьбе близких и гибелю брата в марте 1918 г. Во время поездки в Финляндию он заручился поддержкой торговца из Тампере Николая Тиркконена, который профинансировал стажировку в Германии для одной медсестры; целью Юльппё было создание в Финляндии так называемого музея ухода за детьми. Это была выставка кукол, демонстрировавших наиболее распространенные детские болезни. Также Юльппё организовал в Берлине обучение и сдачу соответствующих экзаменов с получением диплома сестры по уходу за детьми для Фриды Винтер (Йокипии), Маргареты Лукандер и Тойни Лейкола. Позднее в 1920-х гг. они вместе с Юльппё развернули подготовку сестер по уходу за детьми и патронажных сестер. В 1918 г. Юльппё стал главным врачом отделения, рассматривая это как признание своей клинической практики.

Профессор и строитель больницы

В 1919 г. Юльппё стал доцентом педиатрии в Хельсинкском университете. Он получал предложения переехать в США, но на этот раз Финляндия оказалась заинтересована обрести исследователя, получившего международное признание. Юльппё был и сам заинтересован в возвращении на родину после долгой, связанной с одиночеством работы за рубежом. Он участвовал в конкурсе и получил должность ассистента на медицинском факультете. К этому же времени относится расширение преподавания в университете на финском языке, в частности, путем учреждения так называемых экстраординарных профессур. В 1921 г. Юльппё был назначен на

одну из таких профессур – по педиатрии. Подготовка лекций на финском языке требовала также разработки финской медицинской терминологии. В 1925 г. после выхода Пиппинга на пенсию Юльппё был назначен на действительную должность профессора педиатрии, которую он занимал вплоть до своего ухода на пенсию в 1957 г. Помимо преподавания и исследовательской работы в его обязанности входила работа главным врачом в детской больнице Хельсинки. Больница располагалась в тесных и старых помещениях на улице Техтаанкату. Одной из значительных областей деятельности Юльппё было строительство новой детской клиники. Он успешно использовал прессу и лоббировал принятие соответствующих решений через женщин из числа депутатов парламента. Строительство нового здания больницы шло в сложных условиях военного времени и кризиса. Новая больница была торжественно освящена в 1946 г.

Юльппё также входил в комиссию по защите детей города Хельсинки, представляя в ней Национальную коалиционную партию. Там он тесно, невзирая на партийные барьеры, сотрудничал с женщинами-политиками, в том числе с Мийной Силланпяя. Участие в политической жизни было для Юльппё средством для улучшения условий жизни детей. Юльппё содействовал развитию детского здравоохранения, также участвуя в становлении отечественной фармацевтической промышленности. Концерн «Орион», кроме всего прочего, заложил основу значительного семейного состояния.

Юльппё был талантливым педагогом. Он увлекал молодых врачей обширной социальной работой в области народного здравоохранения, так что в дальнейшем они, став муниципальными врачами, участвовали также в работе консультаций, хотя это не входило в их обязанности. Он приглашал в Финляндию лекторов из-за рубежа, в том числе своего немецкого «духовного наставника» Лео Лангштейна, а также помогал своим ученикам продолжать учебу за границей.

Деятельность по укреплению здоровья населения в Союзе защиты детей Маннергейма

Одной из главных задач системы здравоохранения в первые десятилетия 20 в. было приучение семей к гигиене, здоровому образу жизни и питания. Сюда входили медико-профилактическое воспитание и социальная работа. София Маннергейм вместе с небольшой группой помощников начала подготовку создания организации по защите детей еще в 1918 г. В руководство организации она пригласила своего брата, генерала Густава Маннергейма, который дал свое согласие, после того как Софии и советнику просвещения Эрику Манделю удалось привлечь к этому делу Арво Юльппё. Так осенью 1920 г. появился Союз защиты детей генерала Маннергейма (МЛЛ). Основной задачей Союза было повышение уровня ухода за детьми с тем, чтобы снизить уровень младенческой и детской смертности.

Юльппё объездил всю страну, демонстрируя привезенный в свое время из Германии «музей ухода за детьми» и пропагандируя правильные навыки детского попечительства. В ходе выступлений Юльппё и других представителей МЛЛ на местах создавались первичные организации Союза. За десять лет организация стала общенациональным лидером в области народного здравоохранения, работы с молодежью и защиты детей. Действовавший в Хельсинки приют для матерей-одиночек «*Ластенлинна*» («*Детский замок*»), принадлежавший возглавляемому Софией Маннергейм объединению «*Материнскую заботу – детям*», был преобразован в учебную больницу МЛЛ. София Маннергейм и Арво Юльппё имели по этому поводу разные мнения. Маннергейм хотела сохранить заведение как приют для матерей-одиночек, а Юльппё стремился к развитию ухода за всеми детьми. Во взглядах Юльппё присутствовал определенный социальный аспект. Он полагал, что каждый ребенок заслуживает хорошего ухода и достойных возможностей для дальнейшей жизни. В отличие от многих своих современников, он не верил в расовые теории и в наследуемость асоциального поведения. В этом вопросе Густав Маннергейм был солидарен с Юльппё, и таким образом состоялись необходимые изменения.

Программа Союза была обширной. Она предполагала пропаганду физического здоровья, но наряду с этим включала в себя иные виды деятельности, связанные с жизненными навыками детей. Основанные Союзом кружки по интересам и так называемая молодежная курьерская служба были призваны отвлечь молодежь от улицы. Также внимание уделялось устройству детских праздников и выступлений лунапарков. Юльппё считал, что у детей есть право на радость. По окончании войн пять детских благотворительных организаций учредили Фонд «*День детей*», задачей которого было устройство и содержание парка развлечений Линнанмяки. Для эстетического развития детей для детских домов приобретались художественные произведения. На спортивных соревнованиях и в школах плавания детей приучали к занятиям физкультурой и пребыванию на свежем воздухе. Спорт был одним из любимых увлечений молодого Арво Юльппё, а в годы одиночества в Германии – едва ли не единственным. Он считал, что гимнастика подходит и для души студента, и для его кошелька.

Консультационные центры и патронажные сестры

В императорской больнице «Августа Виктория Хаус» был консультационный центр, где матери получали советы по уходу за ребенком. Врачам там помогал медперсонал, прошедший специальную подготовку. Это, по мнению Юльппё, могло быть хорошим решением и для Финляндии, где не хватало врачей, но при этом уровень образования матерей был относительно высок. В центре «*Ластенлинна*» уже весной 1921 г. началась подготовка детских медицинских и патро-

нажных сестер. Последний термин закрепился в 1924 г., когда система подготовки была модифицирована под руководством Венни Снельман, которая училась на стипендию МЛЛ в Англии. Сестры, окончившие курсы, направлялись в коммуны и местные организации Союза для профилактической работы. Соратником Юльппё по подготовке детского медицинского персонала была старшая медсестра Агнес Синерво-Мантере.

В сельской местности патронажные сестры ходили по домам, а также вели прием у себя дома. В 1922 г. Юльппё открыл консультацию в отремонтированном помещении дровяного подвала в «*Ластенлинна*». Матери из рабочего района Каллио приводили своих детей для осмотра и одновременно получали консультации. Матери, да и некоторые отцы охотно посещали консультации. Младенческая смертность в этом районе быстро сокращалась, и это вдохновляло на расширение подобной деятельности. Консультационные центры открывались главным образом в городах и промышленных центрах, зачастую совместными усилиями с муниципальными властями и владельцами предприятий. В 1926 г. при поддержке местных властей в Выборге и Хельсинки были открыты женские консультации. В 1944 г. опыт подобной деятельности привел к разработке закона о консультационных центрах для материнства и детства. Одновременно коммунам было вменено в обязанность оплачивать работу патронажных сестер и акушерок. После этого Финляндии удалось снизить показатели младенческой и детской смертности до уровня соседних западных стран.

Союз защиты детей генерала Маннергейма внес значительный вклад в организацию профилактической работы. Подобная деятельность в межвоенный период находилась почти полностью в руках неправительственных организаций, так как государственные ресурсы были сосредоточены на обеспечении лечения больных и организации медицинских учреждений. После Второй мировой войны МЛЛ сосредоточился на развитии содержательной стороны деятельности консультаций и школьного здравоохранения, а также на строительстве центров здоровья. В 1948 г., в основном благодаря финансовой помощи Швеции, но также и при некотором финском финансировании, в Хельсинки был построен новый центр «*Ластенлинна*». Еще один такой центр через несколько лет появился в Куопио.

Уход за недоношенными детьми

Самое значительное научное исследование Арво Юльппё было посвящено недоношенным детям. Он разработал определение недоношенного ребенка, используемое, наряду с другими индикаторами, и в настоящее время. По этому определению, каждый ребенок, родившийся с весом менее 2500 граммов, нуждается в специальном уходе. Важнейший тезис Юльппё заключался в том, что причиной

смерти недоношенных детей является не их малый вес, а органическое заболевание, подлежавшее лечению. Это вывело исследования на новый уровень, поскольку в 1940-е гг. из всех умерших в раннем возрасте половина приходилась на недоношенных детей, хотя из всех рожденных последние составляли лишь 10 процентов.

Вне пределов Хельсинки организация особого специального ухода за недоношенными детьми была почти невозможна. Начиная с конца 1940-х гг. ММЛ выпустил многочисленные публикации и короткометражные фильмы об уходе за недоношенными детьми, предназначенные как для общественности, так и для специалистов. Для транспортировки недоношенных малышей в начале 1950-х гг. был разработан специальный деревянный контейнер, в котором тепло поддерживалось благодаря сменному слою песка на дне. С помощью патронажных сестер, местных врачей и добровольцев ММЛ недоношенных младенцев доставляли в «Ластенлинна» для интенсивного лечения. От этой системы удалось отказаться в начале 1960-х гг., когда услуги центральных больниц стали доступны и в сельской местности. После этого «Ластенлинна» стала все более специализироваться на детской неврологии. В «Ластенлинна» соратником и последователем Юльппё была его супруга Леа Юльппё.

Арво Юльппё стал символом заботы о детях. В 1952 г. он получил высшую награду, которую может получить врач – звание аркиатра, заслуженного деятеля медицины Финляндии. Некоторые его высказывания стали крылатыми, например «Дети приносят радость» и «Спасибо – лучшая награда». Позитивное отношение к детям приобрело масштабы почти всенародного движения, когда в 1987 г. ему исполнилось сто лет. Юльппё участвовал в многочисленных мероприятиях, а в детских консультациях по случаю его дня рождения подавался кофе. Юльппё черпал свои силы в общении с природой Сипоо, в рыболовстве и игре в вист.

– Аура Корппи-Томмола

Приложение:

Арво Хенрик Юльппё, род. 27.10.1887 Акаа, умер 28.1.1992 Хельсинки. Родители: Хейкки Юльппё, крестьянин, и Хенриика Майну. Первая жена: 1925–1942 Айно Марьятта Вегелиус, род. 1901, умерла 1942, родители первой жены: Биргер Кустаа Вегелиус, директор банка, и Эдит Вильгельмина Алопеус; вторая жена: 1950–1992 Леа Йокелайнен, лицензиат медицины, род. 1919, родители второй жены: Теодор Антти Йокелайнен, строительный подрядчик, и Айно Оравала. Дети: Хейкки, род. 1926, умер 1956, кандидат медицинских наук; Кайса (Сойни), род. 1927; Айли, род. 1951; Инто, род. 1952; Юкка, род. 1955, Сеппо, род. 1958.

Георг Захариас Юрьё-Коскинен (1830–1903)

сенатор,

профессор истории,

журналист,

барон

Жизненной целью Георга Захариаса Юрьё-Коскинена стало осуществление идей фенномании Снельмана. Это означало превращение финского языка в современный инструмент всех сфер деятельности. Эту идею он осуществлял как историк, журналист и политик, а также как сенатор, занимаясь, в частности, развитием финских школ. С помощью фенномании Юрьё-Коскинен пытался поднять Финляндию до уровня других цивилизованных народов и подготовить нацию к независимости. Он активно боролся за свои идеи и стал руководителем финского национального движения.

Для Георга Захариаса Форсмана, или после возведения во дворянство в 1884 г. Юрьё-Коскинена, снельмановская фенномания как национальное движение стала призванием, а ее осуществление – целью жизни. В соответствии с ее духом, хотя это и означало «опускание в ад», он выучил финский язык и требовал от других финских шведов сделать то же самое, так как, по его мнению, только финноязычная интеллигенция сможет превратить финский язык в современный инструмент для всех сфер деятельности. Он требовал от интеллигенции встать во главе социальной и экономической деятельности и таким образом разбить недоверие народа по отношению к господскому сословию. Только будучи полностью финской в своей самобытности, Финляндия сможет занять свое место среди других цивилизованных народов и быть готовой к государственной независимости, когда придет ее время.

Вполне понятно, что эти требования вызывали протест, а их проведение – сопротивление. К этому Юрьё-Коскинен был готов: «Я создан быть борцом, и борьба моя не закончится до конца дней». И действительно, он активно боролся, не идя на компромиссы, не уступая, боролся как учитель, ученый, журналист, партийный руководитель и сенатор, даже как отец и муж. Хотя мероприятия, предпринятые центральной властью на рубеже 19–20 вв. и направленные против автономного статуса Финляндии, вновь разделили партийные

группировки, борьба продолжалась еще более остро, чем раньше, приобретая порой оскорбительный характер, когда оппоненты переходили на личности. Юрьё-Коскинен, наряду со Снельманом, был самым заметным фенноманом 19 в., «человеком принципа», как он сам себя называл. Сторонники считали его легендарной фигурой, а противники – возмутителем народа, а с началом так называемого периода русификации – «русским фенноманом», который смиренно подчинился воле русских.

Жизнь Юрьё-Коскинена была словно запрограммирована на финское национальное движение. Его дед и тезка Георг Захариас Форсман был учеником Габриэля Портана и осознал с его помощью необходимость национальной идеи, его отец Георг Якоб Форсман уже с детства увлекся этой же идеей. Они принадлежали к древнему роду пасторов, с которым узами брака были связаны также и представители буржуазии из Похьянмаа Ваклины и Эстландеры, и из которого вышло большое число бесстрашных руководителей-пиетистов и радикальных общественных деятелей. Его мать Анна Ловиса Эбелинг была дочерью врача, и она внесла в семью будничность, практицизм и немецко-шведские традиции. Когда родился Юрьё-Коскинен, отец работал учителем в тривиальной школе в Вааса, но когда сын учился в гимназии, он стал настоятелем в церкви в Хямеенкюрё по соседству с Тампере. После смерти старшего ребенка в семье второй по старшинству Георг Захариас пять лет оставался единственным ребенком, и уже в это время в нем стал заметен быстро развивающийся, упорный и угловатый школяр, унаследованную от отца слабую нервную систему которого не могли укрепить однообразные увлечения и жесткая дисциплина. В 8 лет он начал учебу в тривиальной школе, которой руководил его дядя, в 14 лет – в гимназии, а в 16 лет, весной 1847 г. сдал экзамен на аттестат зрелости с самыми высокими отметками того года. Правда в аттестате отметка за поведение была удовлетворительной – в наказание за то, что он вместе с товарищами выступал против школьных порядков и поклялся, что, когда станет взрослым, изменит всю школьную систему. И позднее сделал это.

Семья Форсманов выписывала шведоязычную газету «*Сайма*», рассчитанную на образованные слои и издававшуюся в Куопио Снельманом. Вдохновленный ее программой финского национального движения, а также поддерживаемый домочадцами и знакомыми, он уже в школьные годы начал изучение финского языка и достиг неплохих результатов, а во время первого и второго семестров в университете он продолжил изучение народных обычаев, и прежде всего языка, занимаясь в усадьбе пастора в Хямеенкюрё. Дополнительным стимулом стало знакомство с дочерью пастора, к которой в собственной семье относились довольно жестко и которая, будучи ребенком родителей, вышедших из простого народа, для своего поклонника и друга своего брата стала воплощением финского народа. Обручение 18-летнего

Юрьё-Коскинена и Софии Франсиски Фриберг, которая была старше его на два года, для обоих оказалось связанным с сомнениями, подозрениями и долгими разлуками. И тем не менее, это не помешало учебе жениха. Несмотря на христианские взгляды своей невесты, он все более убеждался в своем решении пренебречь традициями рода пасторов и заняться изучением истории Финляндии. В конце 1850-х гг. он писал своей невесте:

«У меня две невесты.
Две бедняжки.
...Одна – прекрасная девушка,
Жемчужина Кюрёскоски,
...Другая – большая Финляндия
с ее островами, с ее заливами».

В марте 1853 г. Юрьё-Коскинен окончил университет по специальности история и нашел место заместителя директора в высшей ступени средней школы Турку. Не боясь маленького жалования учителя, молодые поженились в начале 1854 г. и создали, как они договорились во время помолвки, семью, в которой говорили на финском языке. До начала осеннего семестра Юрьё-Коскинены (Форсманы) переехали в Пиетарсаари, где глава семейства стал учителем в лицее, временно размещенном в Вааса. Первенец в семье родился в ноябре того же года и был назван Юрьё Коскинен, по литературному псевдониму отца. Это имя стало также и новой фамилией семьи в связи с возведением во дворянство в 1884 г.

Основатель национальной исторической науки

Юрьё-Коскинен был принят в члены землячества провинции Похъян-маа в феврале 1848 г., как раз тогда, когда Французская революция накалила политический климат в Европе и заразила радикализмом студентов Императорского Александровского университета. Со времен так называемой шведской «эры свобод» университет поручал студентам составление для властей очерков-описаний волостей, а поскольку объект исследования надлежало описывать как можно более разносторонне, автор должен был хорошо знать его историю, язык и статистические данные. Осенью 1850 г. Юрьё-Коскинен принял участие в литературном конкурсе своего землячества с «*Описанием волости Хямеенкюрё*», и как пишет в своей книге «*Молодой Юрьё-Коскинен*» Гуннар Суолахти, «вряд ли можно было представить что-то лучше этого для начинающего путь в национальной, общественной и научной жизни». Автор получил приз, а его работа под фамилией Юрьё-Коскинен была опубликована с особого разрешения из Петербурга по-фински, несмотря на цензурный устав, дискриминировавший финский язык. В жизнь автора начался новый виток: «Историческая наука является делом моей жизни... Хочу заниматься

историческим исследованием на финском языке и, особенно, изучать историю Финляндии».

Устремления Юрьё-Коскинена, связанные с историей, осуществились быстрее, чем он мог того ожидать. Вернувшемуся в город Вааса, где он жил и преподавал, молодому ученому представилась тема, которая естественным образом подходила для жителя провинции Похьянмаа – Дубинная война. Достоверный материал об этих событиях содержался в серии статей доцента Эдварда Грэнблада, опирающихся на источники по истории Финляндии рубежа 16–17 вв. Юрьё-Коскинен ухватился за эту возможность, применил методы, которые использовал при изучении Хямеенкюрё, и в 1857 и 1859 гг. опубликовал книгу в двух частях *«Дубинная война: ее причины и события»*. Речь шла о первом финноязычном исследовании, написанном на современном уровне и основанном на архивных материалах, предлагающем общий обзор событий войны. Работа заявила о себе с самого момента выхода. Глубоким убеждением исследователя было то, что история является не только наукой, но ключом, которым открывается вся человеческая жизнь.

Просвещенные высшие слои и крестьяне в 1850-е гг. задумались о создании финской средней школы. Юрьё-Коскинен из Вааса, принимая участие в обсуждении этой проблемы на страницах газеты *«Суометар»*, высказывался довольно резко. Он как чистую глупость отвергал утверждения, что эта идея ущемляла права шведов, и категорично подытожил: «Высшая ступень финской средней школы в Ювяскюля, или вообще никакой школы». Высшая ступень средней школы в Ювяскюля, позднее лицей, была создана в 1858 г., и Юрьё-Коскинен попытался стать ее директором, убежденный в том, что сможет на этом посту принести «для финского языка неопределимую пользу». Однако в Ювяскюля ему не удалось стать тем, кем в Куопио стал Снельман. Уже в том же году, раздосадованный этой неудачей, он издает первые главы исследования, посвященного Дубинной войне, в виде докторской диссертации *«Причины и начало Дубинной войны в Похьянмаа»*, а годом позже – диссертацию для занятия должности профессора истории *«Сведения о древности финского рода»*, материалы для которой он собирал, в частности, во время научных поездок в Париж и Лондон. Поскольку в 1862 г. профессура по истории была разделена на две части, и Ц. Топелиус стал профессором истории Финляндии, России и Скандинавии, Юрьё-Коскинен вынужден был удовлетвориться кафедрой всеобщей истории. Несмотря на наименование профессуры, история Финляндии была главным предметом его исследований, а его самый выдающийся труд *«Учебник по истории финского народа»* вышел в 1869–1873 гг. Когда в 1876 г. Топелиус стал ректором университета, Юрьё-Коскинен, вполне обоснованно, занял его место.

Для Юрьё-Коскинена в его трудах по истории Финляндии источником служило национальное самосознание, дух народа, во

многим так же, как и для его наставника Снельмана и, соответственно, для наставников последнего, немецких философов-историков. На протяжении столетий эти факторы делали возможным существование собственной истории финнов, и, подобно провидению, вели народ к все более сильному национальному самосознанию. В общем и целом, в развитии идеи национального развития, в осуществлении «гуманной идеи» он видел, в отличие от Снельмана, красную нить развития всего человечества. Литературная деятельность Юрьё-Коскинена затронула также и насущные социальные вопросы того времени, например, народное хозяйство, кооперацию, а также положение рабочих, в особенности сельскохозяйственных рабочих. Он выпустил также два учебника на шведском языке, стихотворения и повести. Ту же неиссякаемую трудоспособность он демонстрировал в научных и литературных обществах и в особенности в «*Обществе народного просвещения*».

Рождение «финского фанатизма»

В 1860-е гг. языковой вопрос стал предметом баталий, которые велись в сенате, в сейме, в прессе и даже в семьях. Феннофилы требовали немедленного воплощения программы Снельмана и создали Финскую партию. Шведофилы стремились сохранить шведский язык и свое господство и создали Шведскую партию. Между ними находились либералы, по выражению Юрьё-Коскинена, «бескровные», считавшие, что народ един, хоть и говорит на двух языках, и что эти языки имеют лишь инструментальную ценность.

Группировки, формировавшиеся по типу партий, нуждались в прессе, и превращение ее в объект общественного влияния ускорило. Юрьё-Коскинен начал свою полувековую карьеру журналиста как либеральный утопист-реформатор в 1850-е гг. в газете «*Або Тиднингар*» главным образом по финансовым причинам, но в 1860-е гг. все больше проявлялся интерес к проведению справедливой языковой, экономической и социальной фенноманской (национальной) политики как воли народа. Стимулом стал манифест по языковому вопросу 1863 г., говоря о котором, он писал своему брату Яакко Форсману, что «языковой вопрос, таким образом, решен». По замечанию Пиркко Ромми, Юрьё-Коскинен не предполагал, что борьба только начинается и что в ходе этой борьбы он сам будет способствовать политизации фенномании, а с ней и всего финского общества вплоть до войны 1918 г. «*Суометар*» в течение многих лет была рупором Юрьё-Коскинена, но когда он сблизился с либералами, в 1863 г. создал и стал выпускать вместе со своим братом Яакко и единомышленником Агатом Меурманом газету «*Хельсингин Уутисет*». В ней он сообщил о создании «партии финского фанатизма» (буквальный перевод на финский язык слова «*fennomania*») и провозгласил ее программу. Уже в следующем году эти смельчаки из «*Хельсингин Уутисет*», названные

молодыми фенноманами, завоевали «*Суометар*», но ее история закончилась крахом в 1866 г. В том же году Юрьё-Коскинен участвовал в создании журнала «*Кирьяллинен Куукаусилехти*» («*Литературный ежесемесичник*»), соответствовавшего ориентирам его зрелого возраста и по своему содержанию не отвечавшего своему названию. Он был главным редактором журнала почти весь срок его существования, 15 лет, а его помощниками были все ведущие фенноманы. В первый год издания с ними был даже Алексис Киви, который позднее занялся литературным творчеством в Фаньюнкарсе в Сиунтио. Борьба разгоралась, и требовались новые средства информации. В 1869 г. Юрьё-Коскинен планировал создание «*Ууси Суометар*» как преемницы «*Суометар*», которая и стала его газетой, а также газеты «*Моргонбладет*», рассчитанной на шведоязычных фенноманов, которая начала издаваться в 1872 г.

Юрьё-Коскинен писал много и на разные темы. Как исследователь, он анализировал проблемы и затем высказывал свое мнение, разжигая острую полемику. Самым важным вопросом было «развитие финской нации», как он объявил в пробном номере «*Хельсингин Уутисет*». Шведы и либералы, со своей стороны, писали в «*Гельсингфорс Дагблад*». Тексты рождались быстро, как никогда раньше в Финляндии.

В 1860-е гг. Юрьё-Коскинен наряду со Снельманом был самым заметным фенноманом в стране, а к 1870-м гг. он стал авторитетным руководителем, чья «юнгфенномания» была не менее сильна, чем все феннофильское движение. По его мнению, в Финляндии был один народ и поэтому один язык. Он не желал подачек, как Лазарь – крошек со стола богачей, необходимо было собственными силами добиваться улучшения образования, а с его помощью – социального и экономического подъема. Это могло способствовать разрыву прежних связей со Швецией, что вызывало неудовольствие. Но этим можно было создать доверительные отношения с новым русским государем, минуя старый служебный аппарат. Шведы не принимали первого, либералы – второго, и все вместе боялись за шведоязычных чиновников.

«Никогда нас не сделают русскими» (Юрьё-Коскинен Вольдемару фон Дену)

Расстановка политических сил в сейме вырисовалась к 1870-м гг. Духовенство и крестьяне были представлены финнами, дворянство и буржуазия – шведами. Учителя епархии Порвоо избирали Юрьё-Коскинена вторым своим депутатом в духовное сословие на сеймы 1872, 1877–1878 и 1882 гг. Самым главным вопросом второго сейма был закон о воинской повинности, и большой заслугой Юрьё-Коскинена было решение этого щекотливого вопроса в пользу Финляндии. С этого момента он был главной фигурой в своем сословии. С точки зрения финнов, положительным было также то, что Агатон Меурман руководил в это же время крестьянским сословием. Начиная с сейма

1885 г. Юрьё-Коскинен представлял дворянство, но теперь членство в сенате ограничивало его во времени, что сказывалось на его влиянии, как в сословии, так и в партии и за ее пределами.

В 1881 г. финляндским генерал-губернатором стал Федор Гейден. В начале своего правления он сближается с Финской партией, проявляя понимание к их феннофильским стремлениям. Подлинной причиной такого понимания была политика безопасности России на Балтийском море и предположение, что активность фенноманов будет направлена против шведофилов в большей степени, чем против русификации. Финская партия получила признание в 1882 г., когда Юрьё-Коскинена назначили начальником камерной экспедиции, а в 1885 г. – начальником влиятельной церковной экспедиции, которая, в частности, занималась школьными вопросами. Правда, одновременно с этим, в соответствии с принципом «разделяй и властвуй», был назначен сенатором руководитель либералов Лео Мехелин, а прокурором – его сторонник Роберт Монтгомери. Теперь Юрьё-Коскинен имел возможность развивать фундамент финского образования. В быстром темпе стали создаваться дополнительные народные школы, а также государственные лицеи и школы для девочек. В результате его 15-летнего пребывания на посту «министра образования» количество народных школ выросло с 667 до 1650, а число учащихся с 40 тысяч приблизительно до 100 тысяч; постановление 1898 г. об образовании школьных округов еще больше закрепило светлое будущее народных школ. В отношении средних школ рост был таким же: число финских лицеев увеличилось с 3 до 15, количество финских школ для девочек – с 0 до 7. Как и обещал, Юрьё-Коскинен совершил реформу в школе и сделал возможным, вне зависимости от пола, обучение на финском языке, начиная с народной школы и вплоть до университета. Правда, только в 1960-е гг. количество финских средних школ пришло в соответствие со структурой населения.

1890-е гг. стали для Юрьё-Коскинена последним десятилетием в политике. Оно было для него и его партии судьбоносным, став водоразделом для всего финского общества. В начале десятилетия с ним сотрудничал бывший сенатор и воспитанник усадьбы Сиппола Вольдемар фон Ден, который в 1891 г. стал министром статс-секретарем. У него были доверительные отношения с императором Александром III, и, прослужив долгое время офицером в России, он был хорошо знаком как с внешней политикой и политикой безопасности государства в условиях, когда уже просматривалась расстановка сил в будущей мировой войне, так и с угрозой национальных движений для Финляндии. Для того чтобы убедить императора в лояльности финнов, он был готов одобрить мероприятия, которые бы ясно указывали на изменившееся отношение России к статусу Финляндии. Юрьё-Коскинен также был готов к этой «Петербуржской дороге», «к политике быть невидимыми» и даже готов был пойти дальше, чем

фон Ден, поскольку эта политика не противоречила его пониманию истории, согласно которому нация могла существовать и в составе другого государства.

Но «Петербургская дорога» подходила не всем фенноманам, не говоря уже о шведоманах, для которых активизировавшаяся государственная политика давала передышку и желанный тайм-аут в борьбе за язык. На Юрьё-Коскинена оказывало давление новое, активное поколение 1880-х гг., частично получившее образование на финском языке, успевшее познакомиться с Европой, поддерживавшее европейский мир ценностей и идей. Это поколение, вопреки четвертой заповеди, жестко критиковало старшее поколение и заклеило его политику как непатриотичную. Новой общественной силой становились теперь женщины и рабочие со своими революционными требованиями.

В феврале 1899 г. Юрьё-Коскинен проголосовал в сенате за опубликование Февральского манифеста. Он и здесь соблюдал последовательную линию, направленную на поиск и поддержание «терпеливого согласия» с более сильным. Его собственная газета «*Ууси Суометар*» с почтительной осторожностью комментировала: «Решение барона Юрьё-Коскинена можно оценивать по-разному. Несмотря на временные перемены во взглядах, он всегда остается непоколебимым. Мы надеемся, что беспристрастное будущее найдет достаточно причин для объяснения сделанного им сейчас решающего шага». Это означало одновременно и конец публичной политической карьеры Юрьё-Коскинена, и окончательный развал Финской партии. Он попросил и получил отставку в сенате. Уход от дел проходил внешне спокойно, но, конечно же, в душе он был огорчен. В дальнейшем он решил действовать на страницах «*Ууси Суометар*».

В декабре 1900 г., на следующий день после своего 70-летнего юбилея Юрьё-Коскинен написал в опубликованном в «*Ууси Суометар*» «открытом письме», что теперь наступил черный день, предсказанный Снельманом: «Это искусственное единство, которое нам сейчас проповедуют для спасения господства шведского языка, не входило в программу покойного». Он еще раз повторил, насколько важным было разорвать связи со шведофилами и довести идею национального развития до конца, хотя и ценой уступок России. Следовательно, призыв в армию является законным, а диктаторские полномочия генерал-губернатора Николая Бобрикова правомерными, потому что с их помощью можно успокоить страну и изгнать подстрекателей к сопротивлению. Теперь даже не всем друзьям было легко понять Юрьё-Коскинена. Юрьё-Коскинен успел порадоваться результатам долгой борьбы за финский язык, когда он, признанный официальным языком во время его нахождения на посту сенатора рескриптами от 1886 и 1887 гг., приобрел на основании постановления 1902 г. равноправный со шведским языком статус языка делопроизводства.

Продлившийся более 40 лет брак Юрьё-Коскинена в 1895 г. закончился смертью Софии Юрьё-Коскинен. В своих письмах он благодарил жену за поддержку, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, как в городе, так и в их загородной усадьбе в Леппялахти. Но правдой, которую знали все в семье, а также близкие друзья, было то, что София Юрьё-Коскинен испытывала чувство неполноценности рядом со своим деловым, удачливым и последовательным мужем, и что их дом не стал тем центром светской жизни, каким мог бы быть. Склонность их единственной дочери к меланхолии отчасти осложняла отношения между членами семьи и объясняла желание семьи отгородиться от окружения. Юрьё-Коскинен женился вновь в 1896 г. Вторая жена, Теодолинда Хансон была подругой молодости и другом семьи, вдовой преподавателя и известной писательницей. Собственные дети с их семьями и дети второй жены, настоятель церкви Ханну Хааhti со своей семьей и писательница Хилья Хааhti со своим мужем профессором Илмари Кроном и их дети, образовали настоящую большую семью, которая принесла радость в дом Юрьё-Коскинена, получившего в 1897 г. звание барона.

Жизненный путь Юрьё Сакари Юрьё-Коскинена закончился после непродолжительной болезни в ноябре 1903 г., его похоронили на старом кладбище в Хельсинки.

– ВЕНЛА САЙНИО

Приложение:

Георг Захариас Форсман, с 1884 Юрьё-Коскинен, Юрьё Сакари Юрьё-Коскинен, род. 10.12.1830 Вааса, умер 13.11.1903 Хельсинки. Родители: Георг Якоб Форсман, пробст, и Анна Ловиса Эделинг. Первая жена: 1854 – София Франсиска Фриберг, умерла 1895, родители первой жены: Эрик Йохан Фриберг, пробст, и Маргирита Спооф; вторая жена: 1896 – София Теодолинда Хансон, умерла 1919, писательница, родители второй жены: Карл Магнус Лимон и Мария Кристина Моллин. Дети: Юрьё Коскинен, род. 1854, умер 1917, депутат, главный директор школьного управления, сенатор; Эйно (Эрки) Коскинен, род. 1856, умер 1857; Эйно Сакари, род. 1858, умер 1916, депутат, директор; Туови София, род. 1860, умерла 1861; Туови Маргарита, род. 1861, умерла 1933; Лаури Алмос (Армас) Коскинен, род. 1867, умер 1936, владелец усадьбы, депутат.

Даниэль Юслениус (1676–1752)

епископ Скара,

епископ Порвоо,

профессор священных языков

Даниэль Юслениус является центральной фигурой в ряду феннофилов, исследователей финской культуры, людей внесших вклад в пробуждение национального самосознания 18 в. Юслениус прославлял Финляндию и ее древние традиции уже в своей диссертации *«Старый и новый Турку»* (*«Aboa vetus et nova»*). Его основным трудом стал финско-латинско-шведский словарь.

В истории Финляндии Даниэль Юслениус занял прочное место, прежде всего как феннофил и будитель национального самосознания. Однако его многогранная деятельность этим не ограничивалась. Его диссертация *«Старый и новый Турку»* считается одним из краеугольных камней истории литературы Финляндии. Составленный Юслениусом словарь финского языка был первым в своем роде, он долгое время использовался. Своей деятельностью и своими работами Юслениус заставил финнов обратить большее внимание на свой язык и историю своей страны. Исследовательская традиция, берущая свое начало от него, ведет к отцу истории Финляндии Хенрику Габриэлю Портану и далее к подъему национальной науки.

Даниэль Хенрикинопойка родом из западной Финляндии. С 1665 г. он служил капелланом церкви Миетойнен в приходе Мюнямяки, а с 1680 г. – настоятелем главной церкви прихода. Он взял себе латинскую фамилию Юслениус – по названию имения Юусела. Из его пятерых детей старший Хенрик учился в Упсале, в 1693 г. он стал бургомистром города Уусикаупунки (Ништадт), а в 1697 г. – окружным судьей Пяхкинялинна (Нотеборг, Ореховец). Сын Абрахам служил полевым пастором в драгунском полку Туркуского лена, позже он стал настоятелем церкви в Сомеро, а затем в Лохья. Габриэль Юслениус в 1702 г. был назначен на должность профессора логики и метафизики Туркуской Академии (Або Академия), а в 1720 г. там же стал профессором теологии. Его дочь Кристина вышла замуж за настоятеля церкви в Виитасаари Зигфрида Портана, сыном которых стал Хенрик Габриэль Портан.

Даниэль Даниэлинпойка, младший ребенок Даниэля Хенрикинпойки Юслениуса и Барбары Гёёс, родился в местечке Миетойнен в 1676 г. Оставшийся без матери в возрасте трех лет мальчик получил образование сначала от отца, а затем от братьев Абрахама и Габриэля. Прочувшись четыре года в школе при Туркуском кафедральном соборе, Даниэль закончил ее с хорошими знаниями в возрасте 15 лет и в марте 1691 г. поступил в Туркускую Академию. Но уже через месяц умер отец, и семья оказалась в сложном материальном положении. Юному Юслениусу пришлось стать домашним учителем, чтобы обеспечивать себя и продолжить учиться. Конечно, это затягивало учебу, но была и польза. Молодой человек завязал знакомства со многими известными лицами своего времени, и эти знакомства впоследствии оказались полезны. Вернувшись в Финляндию из города Каприо (Копорье) в Ингерманландии, где он проработал год домашним учителем, Юслениус в голодное время 1696–1697 гг. зарабатывал на жизнь моряком на торговом судне своего старшего брата Хенрика, ходившем между Усуикаупунки и Ригой. В 1697 г. он, наконец, смог продолжить учебу в Академии.

Первым достижением Даниэля Юслениуса на научном поприще стала вышедшая 12 мая 1700 г. и мгновенно получившая блестящие отзывы пространная «пробная» диссертация «*Aboa vetus et nova*» («*Старый и новый Турку*»), которая была написана на латыни. Научным руководителем был профессор Юхан Мунстер, однако, он не имел никакого отношения к появлению труда. В начале диссертации автор благодарит своих братьев, которые отвечают ему пожеланиями счастья, прикрепленными к первым страницам: Хенрик по-шведски, Абрахам на латыни, Габриэль по-немецки. Кроме того, в исследовании есть поздравления от коллег по учебе на финском, французском, греческом языках и на иврите. Репутация Юслениуса как отца феннофильства во многом основывается на этой работе, главной задачей которой было, в соответствии с тогдашней академической традицией, продемонстрировать умение владеть латинской риторикой, прославляя историю родного края, его зажиточность и красоты природы. Хотя исследование имело характер локальной истории, оно выросло до восхваления всех финнов и их родины, при этом делалась попытка доказать, что Финляндия является старейшим очагом мировой цивилизации. Образцами для Юслениуса послужили, в частности, историко-географическое описание Финляндии Михаэля Вексониуса (1650), а также книга шведа Улофа Рудбека «*Атлантика*», привлекавшая к себе большое внимание.

В 1701 г. Юслениус выступил в качестве оппонента на защите диссертации профессора теологии Давида Лунда, рассматривавшей вопросы христианского спасения. Съездив в Швецию, в 1702 г. он вернулся в Турку, где вице-канцлер Академии епископ Йоханнес Гецелиус младший устроил для него место вице-секретаря консистории. Юслениус был взят в семью Гецелиуса домашним учителем,

а затем стал помощником Гецелиуса по подготовке комментариев к Библии. Епископ был во многих отношениях надежной опорой Юслениусу: они оба были яркими феннофилами, вдохновенными мыслями о национальном духе и стремлением поднять финский язык на один уровень с остальными языками.

Юслениус стал магистром в 1703 г., защитив диссертацию «*Апология финнов*» («*Vindiciae Fennorum*»), написанную под руководством брата Габриэля. Работа была написана в несколько более реалистическом духе, нежели изданное ранее описание Турку, и Даниэль получил высшую оценку, став «*примус-магистром*».

Преподавательская карьера Юслениуса в Академии началась в 1705 г., когда он был назначен ассистентом на философский факультет. В том же году увидела свет первая диссертация, написанная под его руководством. Тема была из области теологии и отстаивала представление о том, что Искупитель является посредником между Богом и человеком. Через два года Юслениус был назначен секретарем Академии, а в 1712 г. стал профессором священных языков, то есть иврита и греческого. В своей речи по случаю вступления в должность новый профессор попытался проследить связь между ивритом, греческим и финским языками. Юслениус утверждал, что около 500 финских слов происходят из иврита и что между финским и греческим языками существуют значительные лексические параллели. За время своего пребывания в должности, продлившегося до 1727 г. и прерывавшегося так называемым «великим лихолетьем» (годы Северной войны), Юслениус был руководителем в общей сложности десяти диссертаций, написанных на латыни.

Годы «великого лихолетья» Юслениус с семьей провел в основном в Швеции (1713–1722). В это время он занимал должность лектора риторики и поэзии в лицее Вестероса. Вначале он прочитал лекцию на латыни «*De miseris Fennorum*», в которой он описывал переживаемые Финляндией страдания. Он утверждал, что в нищете финнов во многом повинны шведы: их обращение с соседями было во многих отношениях крайне недружелюбным. В 1719 г. он был избран ректором Вестеросского лицея. В Швеции Юслениус все более увлекался теологией, и в 1720 г. он стал пастором Вестероса.

Вестеросский этап в жизни Юслениуса закончился с Ништадтским миром, и уже в 1722 г. он вернулся к своим обязанностям в Туркуской Академии. Надо признать, что к этому времени он уже несколько более трезво смотрел на свой патриотизм. Однако его феннофильские бойцовские качества оказались востребованы в еще большей степени, поскольку языковая политика внутри Академии неожиданно поменяла ориентиры, став агрессивной по отношению к финскому языку. После смерти Йоханнеса Гецелиуса в 1718 г. Туркуским епископом и одновременно вице-канцлером Академии стал Герман Витте, совершенно не говоривший по-фински, правда, знавший эстонский. Он

отрицательно относился к назначению на должности в Академии финнов по происхождению. Ясно, что Юслениусу пришлось непросто в его отношениях с епископом. Под давлением Витте третьим профессором теологического факультета был избран швед Нильс Нурбю, хотя консистория в качестве первой кандидатуры выставила Юслениуса. Отрицательное отношение духовного капитула ударило и по благосостоянию Юслениуса: переместившись с поста настоятеля церкви в Лието на пост настоятеля финского прихода Турку, ему пришлось отказаться от прихода Нумми, который ранее входил в этот приход, однако теперь его было решено присоединить к шведскому приходу.

В конце концов, Витте вынужден был уступить, и в 1727 г. Юслениус был назначен третьим профессором теологии Туркуской Академии, а в следующем году он был повышен еще на один ранг. Семь лет своего пребывания в должности не принесли каких-либо существенных научных результатов, хотя в 1732 г. в Упсальском университете ему была присуждена степень доктора теологии за научные достижения. Помимо университетских забот профессор, а в 1729 г. ректор Академии много времени тратил на политическую деятельность: с 1731 г. он избирался в риксдаг. Феннофильская политика Юслениуса привела к заметному результату: в 1734 г. при коллегии канцелярии была учреждена постоянная должность переводчика на финский язык.

В рамках церковной деятельности интерес Юслениуса был направлен, прежде всего, на защиту чистоты учения и развитие народного образования. Он получил отличную возможность для продвижения в этой области, поскольку в 1733 г. на выборах епископа он был выдвинут кандидатом одновременно в епархиях Турку и Порвоо. Юслениус выбрал Порвоо, казавшийся ему менее претенциозным. На своем пасторском поприще он проявил старание и усердие, посещая с проверками даже самые дальние уголки своей епархии. Епископ не гнушался использовать меры принуждения в деле обращения православного населения Карелии в лютеранство.

Когда в 1741 г. между Финляндией и Россией вспыхнула новая война, Юслениус следующим летом бежал с семьей в Швецию и уже больше оттуда не возвращался. В Швеции он продолжил свою политическую карьеру, начатую более десятилетия назад, и участвовал в риксдаге 1742 г., поддерживая, подобно многим другим финским депутатам, антивоенную политику партии «колпаков». Он был избран представителем от духовенства в комитет, расследовавший действия главнокомандующих Левенгаупта и Будденброка в войне против России. По церковной линии в Швеции для Юслениуса также открылись новые возможности: в 1744 г. он был назначен епископом Скара. Епископ был уже 68-летним стариком, но сил и здоровья еще хватало на литературную деятельность. В это время вышла его самая значительная научная работа, почти шестисотстраничный

финско-латинско-шведский словарь под названием «*Опыт финской словесности*». Исследование, изданное в 1745 г. в Стокгольме, стало результатом упорной собирательской работы. В него вошло 16 тысяч финских слов, и он стал первым настоящим словарем финского языка. В том же году вышла последняя работа Юслениуса, перевод на финский катехизиса шведа Улофа Свебилиуса, который активно использовался в Финляндии вплоть до конца 19 в.

В 1751 г. Юслениус участвовал в работе риксдага и 26 ноября 1751 г. присутствовал на коронации Адольфа Фредрика. Однако вскоре силы начали оставлять его, и следующим летом он умер в Бруннсбо, неподалеку от Скара.

Даниэль Юслениус заслуживает признания за свою смелую и многогранную деятельность, направленную на подъем национального самосознания финнов и продвижение национальной науки Финляндии. Величайшим феннофилом, правда, называют Хенрика Габриэля Портана, но, как отметил исследователь Юлиус Крон, «без Юслениуса не было бы и Портана». Связь между этими великими людьми в наше время олицетворяется в конкретном виде: здание гуманитарного факультета Туркуского университета названо «*Юсления*», в Хельсинкском университете соответствующий корпус называется «*Портания*».

– Рейо Питкьяранта

Приложение:

Даниэль Юслениус, род. 10.6.1676 Миетойнен, умер 17.7.1752 Бруннсбо, Швеция. Родители: Даниэль Хенрикинпойка Юслениус, настоятель Мунамяки, и Барбара Гёёс. Первая жена: 1707 – Хедвиг Лундберг, умерла 1729, родители первой жены: Магнус Педеринпойка Лундберг, пробст Туна, и Анна Мария Литцен; вторая жена 1730 – Катарина Шульц, род. 1706 Турку, умерла 15.9.1775 Инкоо, родители второй жены: Юст Шульц, ассессор Туркуского надворного суда, и Элизабет Вейдман. Дети: ребенок, род. и умер 1713; Даниэль (Юслеен), старший военный судья; Кристина, род 1717, умерла 1770, муж Йонас Карлстедт, казначей губернии Уусимаа и Хяме; Маргарета, муж Карл Викторин, пробст; Абрахам (Анкар), род. 1733, умер 8.1.1803 Выборг, ратман, юрист; Эрик, род. 1738, умер 1803, кандидат; Самуэль, род. 24.3.1734, умер 29.11.1809, лектор гимназии Скара.

Тове Янссон
(1914–2001)

*писательница,
иллюстратор,
художник*

Тове Янссон приобрела всемирную известность благодаря своим книгам о муми-троллях, которые переведены более чем на 30 языков. Муми-тролль со своей семьей и друзьями разошлись по всем уголкам мира в виде рассказов в картинках и в телевизионных мультсериалах. Подобно Дональду Даку и Микки Маус, знакомые образы из ее произведений используются как украшения для детской одежды и товаров. Разносторонняя Янссон участвовала в многочисленных художественных выставках, а также написала много книг для взрослых.

Тове Янссон традиционно почитают как автора сказок и, в особенности, как создателя своеобразного мира муми-троллей. Она является самой переводимой финской писательницей: книги про муми-троллей читают более чем на 30 языках мира, и они завоевали себе место в мировой сказочной литературе наряду с «Маленьким принцем», «Винни Пухом» и произведениями Астрид Линдгрен. Меньше внимания уделяется тому, что Янссон в своих литературных произведениях изображала мир своего времени и писала также и для взрослых читателей. Более того, Янссон разрушает традиционный образ художника необычайно сбалансированным сочетанием таланта иллюстратора и писателя. Финская шведка, Янссон принадлежала к языковому меньшинству. Она родилась в творческой семье. Проблемы, присущие этим сообществам, заметны в ее творчестве, равно как и темы женственности и гомосексуальности.

Последняя книга Янссон про муми-троллей вышла в 1970 г. К этому времени их набралось в прозе и в виде книг с иллюстрациями больше десяти, а в виде рассказов в картинках, опубликованных в газетах – 1500. По всей вероятности, это было как раз то количество, которое могло удовлетворить интерес детской публики к муми-троллям. Кроме этого, не лишённые воображения юные читатели склонны надеяться, что у любимых книг есть соответствующие по духу варианты и среди литературных произведений для взрослых. Янссон является, возможно,

одной из немногих писательниц в мире, которые оказались способны исполнить эту мечту.

Всегда в творческом окружении

Стала бы Туве Янссон иллюстратором и писательницей, если бы у нее было обычное детство финской шведки начала 20 в.? Рабочий или буржуазный дом – вряд ли это имело бы решающее значение. В обоих мир ценностей, воспитание и идеалы взрослой жизни в любом случае были бы совершенно другими, чем в доме-мастерской Виктора Янссона и Сигне Хаммарштен-Янссон. Туве даже никогда и не помышляла о чем-нибудь другом, кроме карьеры художника.

Театральный режиссер Вивика Бандлер пишет в своих воспоминаниях, что «Туве была воспитана относиться ко всем, кто не был художниками, с состраданием». Таким образом, она не тратила времени на обдумывание вариантов и на серьезную борьбу с миром ценностей родителей. В каком-то смысле Туве Янссон никогда не училась или не бралась за то, чтобы стать художником. Она была им с самого детства. И, наоборот: из-за тесной связи с родителями Янссон долго оставалась ребенком: родительский дом она покинула лишь в 28 лет.

Смешение роли ребенка и взрослого – одна из самых важных причин успеха книг про муми-троллей. Детская литература высокого класса, интересующая читателя, не появляется тогда, когда взрослый пишет для детей. Писатель должен в первую очередь обращаться к себе, то есть отождествлять себя с ребенком. Янссон говорила о процессе написания: «Если писатель берется за работу с единственной целью написать детскую книгу, результат наверняка окажется скверным. Что бы ты ни делал, это нужно делать потому, что ты так хочешь, потому что ты вынужден выражать себя именно таким образом». С другой стороны, она размышляла: «Возможно, я пишу больше для себя, возможно для того, чтобы вернуть назад что-нибудь из того свободного, полного приключений и безопасного лета детства. Но, может быть, иногда я пишу и для такого ребенка, который чувствует себя обойденным вниманием и боязливым».

Тесная связь с домом и родителями, возможно, воспрепятствовала бы развитию таланта, если бы это была не Янссон. Однако в данном случае эта связь стала фундаментом дела всей жизни. Возможно, Янссон писала бы и рисовала совершенно по-другому, если бы она прожила более бунтарскую жизнь. Намеки на это видны в ее творчестве, в котором вновь и вновь встречаются размышления о том, как возникает привязанность и как от нее освобождаются.

Отец Янссон был скульптором, мать – иллюстратором и художником. Оба ее младших брата также стали художниками. И Пер Улов (род. в 1920 г.) и Ларс (род. 1926 г.) дебютировали как писатели уже в 1940-е гг., позднее Ларс стал создавать рассказы в картинках, а Пер Улов стал фотографом.

Авторы, писавшие о Янссон, отмечали роль ее дома и родителей. «Дом» играет чрезвычайно важную роль и в творчестве Янссон. Жизнь в доме детства неизбежно была чередованием творческих затей и компромиссов будничной жизни – и это можно рассматривать как один из элементов философии Янссон, в которой, с одной стороны, подчеркивается фундаментальная защищенность, а с другой – творческая неуверенность и всеобщая относительность.

Сигне Хаммарштен происходила из почтенного шведского клерикального рода, ее мать была дочерью пастора, а отец – придворным проповедником. Туве Янссон рассказывала, что родители Сигне не разрешали дочери стать художником. Пер Улов Янссон утверждает, что мать мечтала в детстве о профессии хирурга. В любом случае, ей удалось начать работать учителем рисования в стокгольмской школе для девочек. Уже будучи взрослой, работающей женщиной, она отправилась на учебу в Париж. Там в 1910 г. она встретила с финским скульптором, который был моложе ее на четыре года.

Виктор Янссон был сыном галантерейного торговца из Хельсинки. Его отец рано умер. Мать продолжала держать магазин, но дела в нем шли плохо, и до женитьбы Виктор Янссон вынужден был помогать своей матери в управлении магазином. Одновременно с этим – благодаря вынужденному пребыванию в Финляндии – ему удалось занять место в первых рядах поколения финских скульпторов, получивших образование на родине.

Замужество летом 1913 г. означало для Сигне отъезд с родины. Без сомнений, оно поначалу означало также освобождение от привычных ролей дочери и учительницы: первый год новобрачные провели в Париже. Переехав в Финляндию в 1914 г., Янссоны поселились в квартире-мастерской на улице Луотсикату на Катаянокка, известной по книге воспоминаний Туве Янссон *«Дочь скульптора»*. Спустя несколько месяцев после переезда в семье родился первенец, Туве Марика.

В домашней обстановке Виктор Янссон в одинаковой мере был галантерейным торговцем и скульптором. И хотя он был способен на проявление чувств, и у него присутствовало воображение, он был склонен к автократичному патриархату, что было в целом свойственно для мужчин в семьях конца 19 в. После гражданской войны в характере Виктора Янссона было также много от солдата из рядов белой армии. Он принимал участие в войне в рядах белой армии и от рядового дослужился до сержанта. После войны он стал известным проектировщиком и скульптором памятников, связанных с войной: Янссон, в частности, спроектировал монументы свободы в Лахти и Тампере, а также памятник на военном кладбище в Сюсмя.

«Отец ненавидел всех женщин, кроме матери и меня», – рассказывала Туве Янссон. В книге *«Дочь скульптора»* говорится, что Виктор Янссон в женщинах видел «дам» – созданий, не умевших

позировать, говоривших слишком много и носивших большие шляпы в кинотеатрах. Таким образом, женщины не приветствовались в доме Янссонов. К примеру, на вечеринках художников в их мастерской никогда не было приглашенных женщин. Сигне Хаммарштен, конечно же, не была «дамой», а другие женщины могли лишь рассчитывать быть случайно увековеченными в скульптурах Виктора Янссона, пышущих эротической женственностью.

В доме все беспрекословно подчинялись отцу. Когда отец и его товарищи-художники праздновали в мастерской, иногда по несколько суток, мать дежурила в спальне Пера Улова, болевшего астмой, и припасала в шкафу для еды на утро селедку. Поскольку отец в свое время учился в весьма строгой школе совместного обучения Бруберга, то и дети должны были учиться там же. А когда посреди ночи интерес отца привлекал вид горящего здания, вся семья должна была тащиться по снегу, чтобы восхищаться этим зрелищем.

Сигне Хаммарштен-Янссон пришлось, естественно, взять на себя заботы о семье – от консервирования грибов и воспитания детей до добывания денег. Если она, в связи со своим захватывающим браком, помышляла о карьере художника, ее надежды не оправдались в полной мере. Творчество теперь приходилось ограничивать установленными рамками. Конечно, можно было заниматься искусством, если только у матери троих детей останется на это время, и если для этого найдется место на столе в углу мастерской скульптора. Собственная комната для работы появилась у Сигне Хаммарштен-Янссон лишь в 1933 г., когда Янссоны переехали в новую квартиру в Доме художников Лаллукка.

Часто семья Янссонов сталкивалась с совершенно реальными финансовыми затруднениями, хотя Туве Янссон, судя по ее рассказам, не чувствовала в детстве нужду. Стоило ей захотеть костюм балерины, мать тут же сшила его. Когда она пожелала гавайскую гитару, ее купили. Пер Улов Янссон, однако, вспоминает, как он удивился, куда это вдруг делось пианино, когда он только-только разучил *«Старика Ноя»*. Позже выяснилось, что оно было продано из-за отсутствия денег.

Сигне Хаммарштен-Янссон делала кое-какие иллюстрации еще до замужества. В Финляндии ее первыми работами были обложки для книг, и на них впервые появилась подпись «Хам». Постепенно она стала одним из наиболее талантливых книжных иллюстраторов Финляндии. Другим важным полем деятельности были шаржи и карикатуры, чем она занималась еще в Стокгольме. В Финляндии она начала рисовать для рождественского журнала *«Люцифер»*, выпускаемого союзом шведоязычных журналистов, а позднее стала постоянным художником либерального юмористического журнала *«Гарм»*. Сигне Хаммарштен-Янссон в 1920-е гг. была принята на неполный рабочий день на должность художника в типографию Финляндского Банка, печатавшую банкноты. За 28 лет работы она успела нарисовать 170 находившихся в употреблении почтовых марок.

Дочь скульптора или художницы?

Тове Янссон озаглавила свои детские воспоминания «*Дочь скульптора*». Это скорее жест любви, чем указание на основополагающее влияние отца, так как в жизни и творчестве Янссон была скорее дочерью художницы, чем скульптора. Симбиоз матери и дочери, если судить по ее воспоминаниям и дневниковым записям, был тесным, и он оставался таковым вплоть до смерти матери в 1970 г. Когда Тове повзрослела, они вместе путешествовали, а в последние годы Сигне часть времени жила у Тове. Летнее время они проводили, следуя семейным традициям, на даче в Пеллинки, на островах Финского залива.

В 1931 г., во время учебы в Стокгольмском промышленно-художественном училище 17-летняя Тове писала своей матери: «Я думаю, что ты понимаешь меня лучше, чем кто-либо другой». Дневниковая запись 1928 г., в свою очередь, говорит, что 14-летняя Тове уже беспокоилась о матери и о том, что бремя заботы о средствах к существованию семьи во многом лежит на ее плечах: «У мамы важная работа. (...) Я жду того времени, когда смогу помогать маме в работе над иллюстрациями. Мама делает так много работы одна». Отношение к матери не изменилось с течением времени. Уже в возрасте 78 лет Тове Янссон все еще говорила, «что всегда пыталась походить на маму, стремилась всегда рисовать как она».

Траур после смерти матери наложил видимый отпечаток на книги Тове Янссон. Об этом свидетельствует проблематика ее произведений «*В конце ноября*» и «*Книга лета*». Действительно, вторая книга повествует о последнем лете ее матери. Сама смерть описана в рассказе «*Дождь*», вошедшем в сборник «*Слушательница*». Несомненно, смерть матери повлияла на решение Янссон прекратить писать о мумитроллях. Последняя из книг, «*В конце ноября*», является своего рода учебником освобождения, превращения в самостоятельного, зрелого сироту, живущего в духовном одиночестве.

Талант Сигне Хаммарштен-Янссон справляться с трудностями и ее очевидная удовлетворенность основными сторонами жизни, несомненно, послужили для Тове Янссон отправными точками ее долгого, разностороннего и плодотворного творческого пути. Если бы мать не выдержала нагрузки, то, само собой, семья бы не сохранила свою целостность. Все же она выдержала, причем настолько хорошо, что в старости смогла написать себе эпитафию в духе антологии Эдгара Ли Мастерса «*Spoon River*»: «Я любила художника, переехала в его страну, пережила четыре войны, усердно трудилась над нашими ежедневными котлетами, родила троих замечательных, удивительных детей, так что, по сути дела, все это было совсем недурно».

Рисунки, над которыми смеялись в школе

Тове Янссон однажды сказала искусствоведу Эрику Крускопфу, что в их семье каждый мог рассчитывать на критику и уважение. Благодаря

поддержке родного дома Янссон избежала больших огорчений оттого, что никак не могла приспособиться к школьной жизни. «Школа была неприятным занятием, и я забыла почти все о ней, даже то, почему так сильно ее боялась», – однажды заметила Янссон.

Но что-то о школе Бруберга все-таки осталось в памяти Янссон. Ей нравились долгие поездки в школу через Южный порт, и она боялась опоздать. Она хорошо писала сочинения, но над ее рисунками смеялись. Она не была любимой ученицей. В 12 лет она нарисовала на доске карикатуру на учителя, за что ей была снижена оценка по поведению.

В творчестве Янссон школа всегда выступает как что-то неприятное и разрушительное. В парке из «*Опасного лета*» обнаруживается, например, ужасная школа, которую охраняют хемули. Туве Янссон оставила школу в 15-летнем возрасте в 1930 г. и переехала в Швецию, где жила в семье своего дяди по линии матери. Она начала учебу в Стокгольмском художественно-промышленном училище, где, помимо живописи, брала уроки рисования, каллиграфии и геральдики, декоративной росписи, керамики и художественного оформления книг.

Именно в Стокгольме Туве впервые познакомилась с муми-троллями: дядя Эйнар предупреждал ее, что придет муми-тролль, подышит ей холодом на шею, если она слишком часто будет по ночам лазить в шкаф с продуктами. Внешний облик муми-троллей также берет начало в 1930-х гг. Большеносое существо понемногу из дневников и акварелей Янссон перебирается в рисунки финско-шведского юмористического журнала 1940-х гг. «*Гарм*». Правда, тогда его звали Снорк, или, чуть позже в галерее муми-троллей – Нииску. Имя и образ окончательно соединились в первой книге о муми-троллях «*Маленькие тролли и большое наводнение*» (1945).

Уже в 1920-е гг. рисунки Янссон публиковались в журналах: сначала в детских, а затем и в журнале «*Гарм*». В 14 лет она написала и проиллюстрировала свою первую книжку. «*Сара и Пелле и осьминоги Водяного*» была опубликована, однако, лишь в 1933 г. Тогда Янссон уже училась в Хельсинкской художественной школе Общества любителей искусства при музее Атенеум, а на следующий год она была принята в класс живописи. В 1930-е гг. она побывала в Германии, Италии и Франции, где также немного училась. Репутация Янссон как молодой талантливой художницы постоянно укреплялась. Ее товарищами по учебе и сверстниками были Сам Ванни, Эва Седерстрём и Сакари Тохка.

В период с 1934 по 1940 гг. Янссон написала также ряд рассказов, которые были опубликованы в журналах и рождественских изданиях. Кроме того, в ежедневных газетах печатались ее непринужденные, импрессионистские очерки о поездках и о мире искусства. Она сама делала иллюстрации к своим рассказам и дневникам. Таким образом, соединение рисунка и слова для Янссон всегда было чем-то естественным.

Янссон начала работать как художница и иллюстратор еще во время учебы в Атенеуме. Она создала много книжных обложек, афиш, рекламных вывесок и почтовых открыток. Подобно матери, она рисовала для юмористического журнала «Гарм», рождественских изданий «Юлен» и «Люцифер», для газет и журналов. Наиболее значимым из изданий был «Гарм» – форум для финско-шведских писателей, журналистов, ученых и иллюстраторов. Во время войны журнал пытался выступать в роли рупора антифашистского общественного мнения и тем самым служить противовесом финским политическим движениям шовинистского направления. Благодаря сотрудничеству с журналом «Гарм» Янссон познакомилась с политическими, психологическими и философскими течениями того времени. В 1940-е гг. она также на какое-то время была обручена с журналистом и политиком левой ориентации Атосом Виртаненом, входившим в так называемую «мирную оппозицию».

Смерть цвета рождает писателя

Первое произведение Туве Янссон было результатом войны: молодая художница, замечая, как «умирают цвета», хотела посреди этой мрачности воссоздать то, что напоминало о ее счастливом и безопасном детстве. Первую версию книги «*Маленькие тролли и большое наводнение*» Янссон написала еще во время Зимней войны 1939–1940 гг. Его герой, большеносый Муми-тролль скорее комический образ, так как, по мнению Янссон, посреди войны нельзя рассказать красивую или романтическую сказку.

Действие всех книг про муми-троллей происходит в долине, посреди которой в синем доме, напоминающем кафельную печку, живет необычная семья муми-троллей. Центральным героем является Муми-тролль со своими родителями; их окружает большое количество приемных детей, родственников, прадедов, соседей, друзей и страшных чужеземцев, все они разнообразные сказочные существа. В этих книгах муми-тролли обычно сталкиваются с каким-либо приключением или катастрофой (наводнение, комета, угрожающая миру, ураган, колдовство, морское чудовище), с которым связано путешествие и возвращение домой. В финале жизнь муми-троллей всегда возвращается в свое безопасное русло, и все без исключения книги заканчиваются всеобщим празднеством.

Несмотря на свой богемный образ жизни, муми-тролли – это довольно материалистичные и обывательские персонажи. У них нет постоянной работы, они живут за счет невидимых материальных средств. Персонажи, у которых есть «настоящая» работа, зачастую изображаются иронически или критически. С другой стороны, богемность муми-троллей подразумевает также их терпимость и юмор. Кроме того, Янссон обладала моральной смелостью, чтобы решиться естественным образом затрагивать тему алкоголя и смерти, долго считавшимися табу в детской литературе.

Она не особенно верила в авторитеты – так же как и ее родители. Если судить по ее воспоминаниям, ядро семьи муми-троллей сильно напоминает собственную семью Янссон. Образ Виктора Янссона такой же, как Муми-Папы, который время от времени впадает в депрессию от зеленого спокойствия долины муми-троллей, усаживает свою семью в лодку и переезжает на скалистый островок с маяком далеко в море. Очень близки между собой Муми-Мама и Сигне Хаммарштен-Янссон, мечущиеся между творчеством и работой по дому.

В интервью Туве Янссон открыто говорила о том, что и за другими героями могут стоять конкретные прообразы. Проворная и рациональная Туутики (например, в *«Волшебной зиме»*) сильно напоминает близкую подругу Янссон, художника-графика Тууликки Пиетиля. Муми-тролля можно рассматривать в значительной степени как автопортрет: этот персонаж с его современной, чувствительной, непрочной и нелогичной терпимостью, является прототипом сегодняшнего, зачастую разрушительного человека. Другим образом, напоминающим автора, является, несомненно, маленькая Мю, рациональный до жестокости, беззащитный и бессовестный ребенок.

Долина, в которой муми-тролли возделывают сад вокруг своего дома, напоминает своей пышностью, с одной стороны, внутренние острова восточной части Финского залива, с другой стороны, острова возле Стокгольма. В прибрежном лесу и вокруг дома растут сирень и жасмин. Пейзаж с пышной растительностью был частью детских летних воспоминаний Янссон. Совсем маленькой она проводила летнее время на даче у бабушки и дедушки в Блиде на островах возле Стокгольма. Дача напоминала домик муми-троллей с его террасами и узкими башнями.

В 1920-е гг. Виктор Янссон стал снимать дачу в Пеллинки неподалеку от Порвоо, в 50 километрах от Хельсинки. Во время всей своей учебы в школе Янссон с семьей в конце мая переезжала на остров на пароходе *«Ловиса»* и возвращалась в город в начале сентября. С собой брали домработницу, которая заботилась о семье, когда Сигне, работавшая в Финляндском Банке, должна была оставаться в городе летом.

В *«Дочери скульптора»* говорится, что у этого острова было много общего с Долиной муми-троллей. Одним из типичных пейзажей был густой лес на острове, который Янссон сравнивала с лесами шведского художника Йона Бауэра. По мнению Туве Холлендер, изучавшей иллюстрации Янссон, в ее пышных и диких пейзажах можно найти общее с иллюстрациями Леона Бенетти к книгам Жюль Верна, а также с иллюстрациями к Библии Густава Доре. Оттуда взяты экзотические растения, пропасти и обрывы.

Другим типом пейзажа в книгах про муми-троллей является суровый и скалистый остров в Финском заливе. Он напоминает остров Клувару, на котором Янссон и Тууликки Пиетиля на протяжении многих лет бывали летом. Вместе эти два пейзажа составляют единое целое,

вселенную. Это является одной из основных черт фантастической литературы: классические сказочные миры – от «Нарнии» К.С. Льюиса и Трансильвании в «Дракуле» до города Тулавалл, созданного Ирмелин Сандман-Лилиус – все они представляют собой миры, тесно объединяющие в себе два мира.

О мировой литературе в двух словах

Популярность книг про муми-троллей объясняется, несомненно, их психологической точностью и тем дарованием, с которым писательница балансирует между миром детей и миром взрослых. Книги про муми-троллей являются одновременно литературой как для детей, так и для взрослых.

Янссон довольно четко следует традициям мировой литературы. Темы книг про муми-троллей – путешествие и возвращение, катастрофа и выход из нее, борьба добра и зла – вечны. Помимо ассоциаций с Библией, эти произведения имеют точки соприкосновения с англо-американской фантастической и приключенческой литературой. «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Тарзан» Эдгара Райса Берроуза и «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо стали для Янссон несомненным источником вдохновения. Сама она также упоминала о своих юношеских впечатлениях от «Книги джунглей» Редьярда Киплинга, а также произведений Сельмы Лагерлёф, Карела Чапека, Джеймса Карвуда, Джека Лондона, Джозефа Конрада и Эдгара Алана По.

По мнению шведского литературоведа Бёзла Вестина, Янссон использовала в своем творчестве множество различных литературных жанров. Она легко переходит от сказки к приключенческому рассказу и фантастике, присутствует даже опыт пародии на жанр воспоминаний в «Мемуарах папы Муми-тролля», а также эксперимент с шекспировским типом повествования – игривым, выдержанным в форме сценических диалогов («Опасное лето»).

По мнению Вестина, так называемая «обычная проза», то есть повести и рассказы для взрослых, является для Янссон лишь одним литературным жанром в числе многих, одним способом сочинительства. И в них она маневрирует между детскими воспоминаниями, путевыми заметками, короткими психологическими зарисовками, с одной стороны, и приключенческими и ужасными историями, с другой. Таким образом, Вестин, в отличие от многих исследователей, не считает произведения Янссон для взрослой аудитории шагом вперед по сравнению с книгами про муми-троллей. Скорее, по мнению Вестина, именно мир муми-троллей являет собой своеобразную аллегорическую целостность, которую следует сравнивать с мирами Франца Кафки, Габриэля Гарсиа Маркеса или Марселя Пруста.

Поскольку связь рисунка и слова в произведениях Янссон нерушима, развитие тем можно также проследить в изменяющихся иллюстрациях. Название исследования Туве Холлендер, посвященное иллюстрациям

Янссон, абсолютно точно: «*От идилии к фантому*». Как указывает Холлендер, первый, появившийся во время войны Муми-тролль был тощим, с пронзительными глазами. Наступивший мир сделал его более круглым и мягким. Его округление продолжалось в 1950-е гг.: самым толстым был тролль 1958 г. в «*Опасном лете*», самой счастливой и исполненной активными действиями книге. В первой более серьезной книге, «*Волшебной зиме*», тролль опять становится стройнее, и теперь больше внимания уделяется выражению его лица. То же происходит и с родителями тролля в повести «*Папа и море*», когда Янссон углубляется в их внутренние переживания. «*Дитя-невидимка*» почти целиком состоит из анализа психологического состояния личности; рисунки к этой книге имеют нечеткие линии и выполнены в более импрессионистской манере.

В своем чередовании внешних и внутренних событий книги про муми-троллей также сильно привязаны к циклическому круговороту в природе и к возрастам человека. Кажется, что по мере того, как серия книг про муми-троллей становится более серьезной, она движется к осени и зиме, к опустошению и прозрачной ясности. Настроение также влияет на стиль произведений. Первые, легкие и летние повести «*Шляпа волшебника*» и «*Опасное лето*» полны комедийных и романтических моментов. Время года в повестях «*Папа и море*» и «*В конце ноября*» – осень. Они являются наиболее серьезными из книг и рассматривают трагические, неизбежные аспекты человеческой жизни: одиночество, старость, отчуждение, неполноценность. В свою очередь, «*Волшебная зима*» изображает Муми-тролля, по обыкновению спящего зимой посреди заснеженного пейзажа. Янссон не вполне серьезно относится к процессу приспособления к новому окружению. Доля иронии и беззлобной насмешки нацелена на социальные и сексуальные условности, сковывающие человека.

Эта же тенденция заметна и в более поздних произведениях Янссон. В рассказах и повестях повторяются отмеченные еще в «*Волшебной зиме*» элементы андрогенности и некоторой потусторонности героев. Действительно, Янссон заявляла, что она прекратила писать про муми-троллей в 1970 г. потому, что Муми-тролль стал приближаться к возрасту половой зрелости: изображение переменчивой природы сексуальной идентичности, вероятно, было бы слишком проблематичным. После этого наступила очередь другой прозы: большая часть книг, предназначенных для взрослых, представляет собой сокровенные и жесткие повести и рассказы о человеческих взаимоотношениях.

В последних сборниках рассказов «*Честная игра*» и «*Письма Клары и другие рассказы*», Янссон вновь и вновь возвращается к глубоким и драматическим вариациям темы человеческих отношений, заостряя типы характеров и шлифуя выразительные средства. Большая часть героев – мужчины, или женщины, чей пол является второстепенным обстоятельством. Изображение женщины Янссон часто строит на

двух полярных крайностях: бабушка и маленькая внучка в «*Книге лета*», чувствительная пожилая художница и проворная экономка в «*Благородной обманщице*», Мари, мечущаяся между порядочностью и виной, и ее лаконичная и логичная подруга Йонна в «*Честной игре*». Таким образом, для создания целостной натуры требовалось две женщины, качеств одной для Янссон было недостаточно.

Выставки, рассказы в картинках и публичное искусство

Хотя свою мировую славу Туве Янссон, бесспорно, приобрела благодаря своим литературным произведениям, сама она считала писательское творчество хобби наряду с изобразительным искусством. Начиная с 1940-х гг. ее творчество как «собственно» художника начинает уступать место книжной иллюстрации и рассказам в картинках. Иногда она занималась также оформлением театральных постановок. По мнению Эрика Крускопфа, ее путь как художницы хорошо иллюстрирует развитие всего послевоенного искусства Финляндии: она следила за новыми международными течениями, но сама не желала следовать им и, как художник, демонстрировала приверженность традиции и основополагающим ценностям.

Первая персональная выставка Янссон состоялась в 1943 г. Несмотря на весьма положительные отзывы, ее работы маслом критиковались за отсутствие законченности: в композиции, как утверждалось, было слишком много деталей и смысла. Поездка во Францию и Италию в 1948 г. сделала более ясными художественные задачи Янссон, она перестала перегружать свои холсты и сделала более четкой композицию. Изменения в стиле и языке формы в сторону большей простоты, близкой к абстракции, заметны уже в ее персональной выставке 1955 г.

К созданию абстрактных работ она перешла только в 1960-е гг., во второй активный период ее карьеры художника, когда она за десять лет провела пять персональных выставок. Но и тогда она использовала ту же технику, что и раньше: отправным пунктом служила конкретная тема. По мнению искусствоведа Эрика Крускопфа, реальность всегда оставалась основой даже самых абстрактных работ Туве Янссон.

Крускопф видит два препятствия на пути подлинного развития и изменения в искусстве Янссон. Одним было чувство неуверенности, преследовавшее Янссон всю ее жизнь, даже когда она уже заслужила признание как художница и писательница. Его можно связать с личными качествами и с чувством своей отчужденности, однако, влияние семьи также не исключено. Другим фактором было ее чрезвычайно серьезное отношение к изобразительному искусству. Как художник и писатель она часто использовала прием пародии, о чем также говорила публично. О живописи она старалась не давать интервью.

Значительной частью произведений изобразительного искусства Янссон являются работы на заказ и оформление общественных

помещений. Первый такой заказ она выполнила в 1945 г. для столовой завода Стрёмберга в Питийянмяки в Хельсинки. Такого же рода, но более примечательные работы она сделала для детской больницы «*Аврора*», ресторана муниципалитета Хельсинки и для гостиницы «*Сеурахуоне*» в Хамина. Ее настенную роспись на сказочные темы можно встретить в школах и детских садах. В церкви в Теува она выполнила алтарную роспись на тему притчи об «умных и глупых девах» (1954). Последняя работа маслом в общественных местах была сделана в 1984 г. для детского сада в Пори.

В 1950-е гг. Янссон сотрудничала с театральным режиссером Вивикой Бандлер. Речь шла о детских спектаклях про муми-троллей, в оформлении декораций и костюмов которых она принимала участие. Финская национальная опера заказала ей в 1952 г. декорации и костюмы к детскому балету Ахти Соннинена «*Песси и Иллюзия*». В 1974 г. была поставлена «*Опера про муми-троллей*», костюмы к которой создавала Янссон.

Карьера Туве Янссон как создателя рассказов в картинках началась в 1947 г. в газете «*Ню Тид*». В 1953 г. она получила от британского концерна «*Ассошиэйтед Ньюзпейперз*» предложение создавать комиксы про муми-троллей для вечерней газеты «*Ивнинг Ньюз*». За три с половиной года она нарисовала 14 историй, состоявших из более чем тысячи картинок. В конце концов, Янссон почувствовала, что фантазия иссякла, и работу продолжил ее брат Ларс.

В 1980-е гг. начался новый ренессанс Муми, основывавшийся отчасти на рассказах в картинках, отчасти на иллюстрациях к книгам про муми-троллей, который был вызван европейско-японским анимационным телевизионным сериалом. Сейчас муми-троллей по всему миру можно купить в виде игрушек, одежды и сладостей. В Наантали существует парк муми-троллей, и подобный собираются построить на Гавайях. Этот ренессанс достиг своего пика в августе 1994 г., когда Янссон праздновала свой 80-летний юбилей. О творчестве, изобразительном искусстве и детстве писательницы тем летом было напечатано множество статей в различных изданиях. Повторялись радиопостановки и телевизионные передачи прошлых лет, была проведена ретроспективная художественная выставка и научный семинар, издан юбилейный альбом и диск.

Но и после этого Янссон не стала почивать на лаврах. В 1996 г. вышли «*Картинки с острова*», написанные в соавторстве с Тууликки Пиетиля и посвященные летним месяцам, на протяжении десятилетий проведенным художницами на острове Клувхару. Самые последние повести вошли в сборник «*Известие*» (1999).

Туве Янссон умерла в Хельсинки в возрасте 86 лет в июне 2001 г. Последние годы она провела уединенно, как и большую часть своей жизни. Хотя она, по мнению многих, заслужила при жизни Нобелевскую премию в области литературы, популярность у публики

никогда не была важна для Янссон. Куда большее значение для нее имели понимание и одобрение близких и равных ей людей. Благодаря им она создавала и оттачивала свое уникальное искусство. Сохранение индивидуальности, тем не менее, не означало пренебрежение к поклонникам. Наоборот, так долго, как могла, Туве Янссон отвечала на все письма своих читателей лично и от руки.

– Суви АХОЛА

Приложение:

Туве Марика Янссон, род. 9.8.1914 Хельсинки, умерла 27.6.2001 Хельсинки.
Родители: Виктор Бернад Янссон, скульптор, род. 1886, умер 1958, и Сигне Хаммарштен, художница, род. 1882 году, умерла 1970.

Арвид Ярнефельт (1861–1932)

писатель

Арвид Ярнефельт, самый знаменитый финский толстовец, стремился защищать мир и равноправие как своим литературным творчеством, так и практически действиями. Как писатель Ярнефельт принадлежал к поколению реалистов, но его можно также считать и символистом. Его роман *«Родина»*, появившийся в 1893 г., сразу же был признан шедевром. Также получили признание романы Ярнефельта, вышедшие в более поздний период, в 1920-е гг. Другие составляющие его творчества разделили читателей надвое. Ярнефельта либо жестко осуждали как «развращающего народ», либо превозносили как писателя, несущего новую духовность.

На рубеже веков Арвид Ярнефельт был писателем, вызывавшим шумиху. Его второе произведение *«Мое пробуждение»* (1894) стало большой сенсацией, одной из самых больших, какие знала финская литература. Очень многих оскорбил социальный критицизм этого произведения, а также интимные признания писателя о его сексуальной жизни. По еще более уязвимому месту, религиозным чувствам людей, Ярнефельт нанес удар своей новеллой *«Мария»* (1897), в которой изобразил мать Иисуса как «неудержимо чувственную женщину», а Иисуса – «ребенком блудницы». Много неприятностей доставляла Ярнефельту также манера использовать легко узнаваемых современников в качестве прообразов героев романов. Так, произведение *«Жители Венехоя»* (1909) стало для него мучением на долгие годы, так как Юхан Кок, прообраз главного героя Ханнеса, продолжал свои нападки на писателя до своей смерти.

Ярнефельт прожил яркую и драматичную жизнь, повороты которой можно объяснить «инстинктом крови», необычным происхождением. Блистательные вехи его предков по линии матери из рода Клодта фон Юргенсбурга, получившего баронский титул в 1721 г., можно с точностью проследить с 16 в. В Ярнефельте текла также кровь правивших в Англии Стюартов, кроме того, существуют неподтвержденные указания на родство с римскими патрициями

Клавдиями. Род со стороны отца получил дворянство в 1651 г, и история его «отчаянных» мужчин, как и в случае с материнской линией, была очень воинственной.

Бурная молодость Арвида Ярнефельта приходилась на 1880-е гг. Он должен был стать высокопоставленным чиновником. На это указывали и экзамены, сданные на получение степени кандидата философии (1885) и юриспруденции (1890), а также политическая деятельность. В 1881–1884 гг. Ярнефельт был одним из главных членов крайне радикальной так называемой «красной» группировки КПТ (финское сокращение КПТ переводилось либо как «Все Красные Товарищи», либо как «Всю Программу в Действие»). Группировка была нацелена на достижение гегемонии финского языка и характеризовалась левыми социальными целями. Ярнефельт был также одним из ведущих политиков движения «*Молодая Финляндия*», зародившегося внутри Финской партии, которое подчеркивало важность демократической и прогрессивной политики и выступало за социальные реформы. В 1889 г. Ярнефельт участвовал в создании органа печати младофиннов газеты «*Пяйвяলেখти*». Свои знания он пополнял во время учебы в Германии в 1884–1885 гг. и в России в 1886–1888 гг. Увлечение живописью, сохранившееся на всю жизнь, началось также в 1880-е гг. Ярнефельт, учившийся в 1870-е гг. в художественной школе Финского художественного общества, был неплохим пейзажистом. Продажа картин имела для него также и финансовое значение. Живописные работы Ярнефельта по-прежнему продаются на художественных аукционах.

В 1891 г. все внезапно изменилось в жизни Арвида Ярнефельта. Он пришел к вере окончательно и бесповоротно. Новое направление жизни Ярнефельта определило рациональное, опирающееся на нагорную проповедь «учение разума» Льва Толстого, отрицавшее Святую Троицу, первородный грех, божественность Христа, чудеса, воскресение мертвых, небеса, ад, крещение, причастие и другие таинства. Согласно этому учению, насилие в любой его форме не может быть оправдано, необходимо стремиться к половому воздержанию, обеспечивать себя своим, а не чужим трудом и одинаково любить всех людей. Бога следует искать в себе самом. Жизнь человека управляет голос совести, который является голосом Бога. Поэтому никому не следует делать того, что противоречит совести. Поскольку небо над землей, тайна и предназначение жизни кроются в данном конкретном мгновении: «Человеческая жизнь есть ничто иное, как постоянное настоящее. Прошлое уже прожито, будущее еще не наступило. Только в настоящем заключается сама жизнь» («*Мое пробуждение*»).

Ярнефельт полностью порвал с прошлым. Он покинул уездный суд посреди заседания, выучился на сапожника и кузнеца, а в 1896 г. переехал в Вирккала в Лохья, где стал мелким земледельцем. Из 8 гектаров усадьбы Ярнефельта под названием Рантала два гектара

занимали поля, а остальные – березовый лес. Отличительными признаками новой веры были также костюм из грубой шерсти и сапоги, от которых Ярнефельт отказался лишь в 1920-е гг. Ярнефельт был личным другом и доверенным лицом «второго русского императора» Льва Толстого. Они переписывались до самой смерти Толстого в 1910 г. и дважды встречались, в 1899 и в 1910 гг.

Новое мировоззрение Ярнефельта в принципе означало уход за пределы общества, анархизм, но так Ярнефельт поступал отчасти лишь хотя бы по той причине, что он был семейным человеком. Однако Ярнефельт пытался жить настолько просто и обходиться малым, насколько это было возможно. Ни у кого не оставалось сомнений, что он думал о церкви, юриспруденции, вооруженных силах и всей административной системе. Заключение, бедные и угнетенные получали в его лице помощника. Грандиозной попыткой помочь обездоленным стал проект решения торпарского вопроса, предложенный Ярнефельтом после знаменитых выселений торпарей в Лаукко (1907) и основывавшийся на идее земельной реформы Генри Джорджа.

Решение Ярнефельта не крестить своих детей и не платить налоги также носило явный характер личного протеста. Наиболее драматичный период религиозного подвижничества Ярнефельта пришелся на конец первого десятилетия 20 в. В 1917 г. он бросил вызов властям, проповедуя учение о любви, равенстве и братстве в церквях Хельсинки, за что получил в награду два месяца тюрьмы. По внутренним убеждениям он в 1919–1920 гг. дважды оставлял семью, чтобы осуществить самое важное требование своего учения: любить и помогать всем людям одинаково и не ставить на первое место даже самых близких.

Перемена в жизни ознаменовала также начало почти сорокалетней многосторонней и продуктивной писательской карьеры. Ярнефельт писал романы, повести, пьесы и документальную прозу, а также эссе на религиозные темы. Он также активно переводил на финский язык как художественную, так научную литературу со шведского, русского и английского языков. Наиболее заметными из его переводов стали «Воскресение» Льва Толстого (1899–1900) и «Прогресс и бедность» Генри Джорджа (1906). Ярнефельт также переводил на шведский язык собственные произведения.

Как писатель Ярнефельт начинал не на пустом месте. 1880-е гг. были для него в творческом плане временем активной учебы, подготовки к делу всей жизни. Он был центральной фигурой литературной школы Ярнефельтов и уже в начале 1880-х гг. всерьез задумывался о карьере писателя. В «школе» Ярнефельт делал литературные зарисовки, состязаясь с Юхани Ахо, исследовал и анализировал типы и характеры, участвовал в групповых критических разборах, и даже напечатал два рассказа под псевдонимом Арви Раута («Рассказ о старике Элиасе»,

1883, «Кандидат», 1884), а также делал наброски к «Родине». Первое четкое упоминание о «Родине» относится к 1885 г., когда Элисабет Ярнефельт высказала предположение, что на «Дочь пастора» Юхани Ахо оказал влияние Хейкки Вуорела из «Родины». С биографической и историко-литературной точек зрения интересна сложившаяся в 1880-е гг. ситуация состязания между Юхани Ахо и Арвидом Ярнефельтом, которая отчасти объясняет поздний дебют Ярнефельта как писателя. Превосходство Ахо на десятилетие затормозило развитие Ярнефельта как писателя, поскольку внимание и ожидания Элисабет Ярнефельт и других членов школы Ярнефельтов было сосредоточено главным образом на Ахо и его достижениях.

Первый и наиболее продуктивный творческий период Арвида Ярнефельта пришелся на 1893–1909 гг. В то время он написал также почти все свои религиозные произведения, что наложило на него как беллетриста печать апостола толстовства, тенденциозного писателя. Ситуация тяготила Ярнефельта, и в период затишья, пришедшийся на 1910-е гг., он сделал две попытки разрушить и заглушить эту репутацию, написав фарс «Гости Каллу» (1914) и напечатав под псевдонимом Хилья Кахила два романа: «Счастливые» (1916) и «Воспоминания моей юности» (1919). В 1919 г. Ярнефельт признался, что он как писатель выдохся.

В начале 1920-х гг. Ярнефельт изменил свой стиль жизни. Он снял с себя костюм из грубого сукна и сапоги, и в 1922–27 гг. жил в основном за границей: в Швеции, Германии, Англии, Франции, что отчасти объясняет возродившийся интерес шестидесятилетнего писателя к литературному творчеству. В 1920-е гг. Ярнефельт написал два крупных произведения: «Грета и ее Бог» (1925), «Роман моих родителей» (1928–1930), а также популярное произведение «Моя Марта» (1927). Он приобрел искренних поклонников и почитателей, особенно среди участников движения молодых факельщиков, которые видели в нем «европейского» писателя. Ярнефельту впервые удалось заработать своими книгами достаточно для жизни за границей.

Центральную и наиболее значимую роль в творчестве Ярнефельта играют его романы. «Родина» (1893) – роман, в котором, наряду с отражением культурного и идейного мира 1880-х гг., также анализируется перелом в финском аграрном обществе, начиная с 1860-х гг. Вместе с тем, роман является великолепным изображением переломного периода: идеализм под давлением старого и нового уступает жестким ценностям, борьбе и стремлению к победе, когда власть становится целью, а не средством. Большой роман «Братья» (1900) повествует о четырех сыновьях пастора: Йоханнесе, Хенрике, Габриэле и Ууно и их стремлении стать нужными людьми. Роман «Братья» начинается с того, на чем заканчивается «Родина». На последних страницах «Родины» говорится о том, в каком чувстве любви можно найти цель жизни. В свою очередь, в «Братях» изображается, как это происходит

на практике. В *«Братьях»* высказывается мысль о том, что развитие человека идет по восходящей: нужно показать некий идеал, а затем указать на ближайшую ступень на пути к нему. В произведении *«Хелена»* (1902) изображен такой герой, поднимающийся ступень за ступенью. Вместе с тем, это произведение является своего рода срезом уровня духовной истории Финляндии рубежа веков. В то же время *«Жители Венехоя»* (1909) рассказывает о конкретных событиях ближайшей истории. В первой части описывается Хельсинки 1870-х гг. с точки зрения Пунавуори и мальчиков-школьников, а во второй части рассказывается о бурных событиях всеобщей забастовки и восстания в Свеаборге.

Ярнефельт был одним из первых финских писателей, которые с близкого расстояния изображали интеллигенцию, сословие, от которого сам Ярнефельт хотел отмежеваться. В его произведениях периода творческой зрелости высший класс и интеллигенция играют центральную конструктивно-тематическую роль. Уже в *«Родине»* представители высшего класса выглядят как какая-то бесполезная группа на фоне сельского пейзажа Вуорела, а в *«Братьях»*, *«Хелене»*, *«Детях Земли-матушки»* (1905) и в *«Жителях Венехоя»* эта картина предстает еще более контрастной.

Главный герой *«Родины»* Хейкки Вуорела – типичный «бродяга» крупных романов периода творческой зрелости Ярнефельта. В этих произведениях автор через образ главного героя изображает внутренний раскол и отчуждение в манере, напоминающей экзистенциальный роман. В изображении человека Ярнефельт значительно опережал свое время. Главные герои его психологических романов (Хейкки Вуорела из *«Родины»*, Хенрик из *«Братьев»*, Хелена из *«Хелены»*, Эдвард из *«Детей Земли-матушки»*, Ханнес из *«Жителей Венехоя»*) – неутомимые искатели смысла жизни. Каждый из них идет по своему извилистому пути – Хенрик из *«Братьев»* назвал его «дорогой страдания» – прежде чем находят ответ на главный вопрос о смысле жизни и свое место в обществе.

Самой заметной чертой творчества Ярнефельта в начале 20 в. является социальная тематика. *«Хелена»* – наиболее яркое произведение с точки зрения социальной критики. Поочередно критика обращается на крупный капитал, церковь, институты права и армии. Зарождающийся социализм также отображен как идеология эгоистических интересов.

Уже в романе *«Хелена»* автор затрагивает аграрный вопрос. Романы *«Дети Земли-Матушки»* и *«Жители Венехоя»* целиком посвящены этой теме. В них просматривается мировоззренческая позиция Ярнефельта по вопросу взаимоотношения человека с природой: если человека против его желания отрывают от земли, ему становится плохо! Для благополучия человека превыше всего активное отношение к природе, пассивное, эстетизированное любование природой лишено

глубокого смысла. «Но наиболее глубокая, целостная, крепкая связь с природой у того, который в течение всей своей жизни собственными усилиями возделывал эту землю. Он словно растет вместе с природой». («*Земля принадлежит всем!*», 1907). Через активное отношение к природе человек получает уникальную возможность соприкоснуться с мгновением настоящего, а также осознание того, что он находится «в вечной связи с жизнью». В этой мысли выражено резко критическое отношение Ярнефельта к урбанизации. Многие социальные проблемы возникают из-за того, что люди по той или иной причине не по своей воле вынуждены переезжать из деревни в город. Эта мысль Ярнефельта совсем не обязательно высказывается возвышенно и патетично. В романе «*Жители Венехоя*» оторванные от земли потомки выходцев из Венехоя Франц Хенриксон и его сын Хинкки являются трагикомическими образами.

Во всех романах Ярнефельта, начиная с «*Родины*» и до «*Повести моих родителей*», и во многих новеллах тема любви играет ключевую роль в судьбе человека, направляя и даже определяя ее ход. В небольшой брошюре «*Идеал чистоты*» (1897) Ярнефельт резок: нужно стремиться к абсолютному половому воздержанию. Правда, применительно к его романам о такой резкости говорить нельзя. Наиболее четко это «стремление» показано в романах «*Братья*» и «*Хелена*». Главная героиня последнего говорит: «Не надо выходить замуж так долго, пока это возможно». Но уже в «*Хелене*» эрос и связанный с ним секс изображены как сила природы, которая может соединить двух иногда очень разных людей. Роман «*Счастливые*» (1916) целиком построен вокруг этой темы. Мысль книги вполне отчетлива: счастье брака кроется в товариществе и сексуальном состязании, которое, однако, всегда заканчивается совокуплением. В некоторых местах романа «*Счастливые*» присутствует эротический накал, совершенно исключительный для финской литературы того времени. Обычно Ярнефельт рассматривает тему очень «возвышенно», однако в его позднем шедевре «*Грета и ее Бог*» (1925), который во всех отношениях демонстрирует совершенно нового Ярнефельта, от этой торжественности нет и следа. Главная героиня романа Грета без прикрас называет эрос «огнем Господним».

Ярнефельт печатал также и малую прозу: большие новеллы, рассказы и тексты, которые можно охарактеризовать как воспоминания. Как новеллиста Ярнефельта можно отнести к символистам. Уже его книга-признание «*Мое пробуждение*» (1894) стала чем-то большим, чем традиционная литература реализма. Новелла «*Судьбы людские*» (1895) является масштабной аллегорией о лживой жизни, написанной в технике реализма. О манере Ярнефельта реагировать на идеи, носившиеся в воздухе того времени, говорит и его новелла «*Мария*» (1897), в которой положительно трактуется идея сверхчеловека Фридриха Ницше. Во многих своих новеллах («*Море жизни*», 1903,

«В тишине», 1913, «Хулиган», 1926) и особенно в пьесе «Смерть» Ярнефельт размышляет о сущности божественного, проблеме смерти и бессмертия, то есть о предметах, о которых в искусстве принято говорить только на языке символов.

Ярнефельт был плодовитым драматургом. Он написал девять пьес, задумывал многие другие. Кроме того, некоторые его прозаические произведения изначально планировались как драмы. В крупнейшие драматические произведения Ярнефельт заключил самые глубокие, важные и насыщенные смысловые послания: смерти нет («Смерть», 1903, 1911, 1927), зло не истребит злом («Самуэль Крёль», 1899), власть губит человека («Рабское учение», 1902, «Титус», 1910), истинная свобода достигается только изнутри, а не революционным путем («Манон Ролан», 1913). Пьесы не принесли Ярнефельту успеха, за исключением «Титуса», которая до сих пор остается одной из лучших финских трагедий. Пьесы Ярнефельта еще ждут беспристрастного переосмысления.

«Грета и ее Бог» (1925) наряду с «Родиной» были почти единственными произведениями Ярнефельта, к которым как читатели, так и критики относились доброжелательно. Речь действительно идет об одном из выдающихся произведений финской литературы. В «Грете...» Ярнефельт «преобразился». Короткая история о крестьянской семье шведских финнов Ньюолм и о тех разногласиях, которые внес в семью приход невестки, которая была чистокровной финкой, рассказана в «высоком стиле». Даже в самые драматичные моменты автор изображает всех своих героев с сочувствием, без преувеличений. Целостность формы и содержания романа также вполне естественна. Напротив, «Повесть моих родителей» до сих пор озадачивает и вызывает противоречивые чувства читателей. Произведение читается как документальное повествование, а не роман, что Ярнефельт подчеркнул уже в названии. «Повесть моих родителей» можно критиковать за отсутствие связности, односторонние акценты, неровность стиля, и даже за фактические ошибки. Несмотря на это, произведение является классикой финского документального романа, в котором Ярнефельт использовал также новую технику повествования, описывая события попеременно с позиции Элисабет, Александра, Арвида и автора.

Наиболее существенную часть творческого наследия Ярнефельта занимают его романы. Он был эпическим писателем, владевшим искусством крупной формы, на что указывают романы «Братья» и «Жители Венехоя». Образам произведений свойственна многоплановость, при этом сдержанная ироничность, а временами и комизм придают повествованию глубину. Как рассказчик Ярнефельт в своем творчестве опирался на традиции реализма, усвоенные им уже в 1880-е гг. Его язык и стиль лучше всего можно охарактеризовать, используя меткие выражения школы Ярнефельтов: «простой» и «естественный» («Дети Земли-матушки», «Грета и ее Бог»). Но все

же Ярнефельт был более многозначным и многоплановым писателем, чем вкладывается в понятие «реалист». Как отмечается в новейших исследованиях, с современной точки зрения его можно трактовать как мистика и символиста.

Арвид Ярнефельт писал о неизменно актуальном: война, насилие, идея мира, интернационализм, применение власти, общество, построенное на конкуренции, устоявшиеся ценности, неравноправие, вызванное богатством, труд и оценка труда, отношение человека к природе, окружающая среда, секс, смысл жизни. Ярнефельта с его откровенностью можно, по выражению Эрно Паасилинны, в полной мере назвать «бросающим вызов». Он побуждал систему поставить под сомнение саму себя, а каждого человека – вести внутренний диалог с самим собой. По мнению Ярнефельта, решение нужно принимать на уровне личности, а идея обретает смысл в практическом действии. Красивые слова, лозунги, массовые движения и принудительные меры не могут привести к устойчивым преобразованиям. Но как беллетрист Ярнефельт остается художником: он не проповедует, а лишь указывает. Читателю остается либо принять этот вызов, либо отвергнуть.

В 1920-е гг. Арвид Ярнефельт вошел в число ведущих финских писателей, а благодаря *«Истории финской литературы»* (1934) В. Таркийнена приобрел статус классика.

– ТАПИО КОППОНЕН

Приложение:

Арвид Ярнефельт, род. 16.11.1861 Петербург (Пулково), умер 27.12.1932 Хельсинки. Родители: Аугуст Александер Ярнефельт, генерал-лейтенант, и Элисабет Клодт фон Юргенсбург, баронесса. Жена: Эмилия (Эмми) Фредрика Парвайнен, род. 1865, умерла 1937, родители жены: Микко Парвайнен, торговец, и Шарлотта Катарина Пундани. Дети: Ээро, род. 1888, умер 1970; Лийса, род. 1893, умерла 1978; Анна Катарина, род. 1898, умерла 1899; Майя, род. 1900, умерла 1986; Эмми, род. 1902, умерла 1941.